
**М. Э. ЯСИНСКИ,
О. В. ОВСЯННИКОВ**

**ВЗГЛЯД НА
ЕВРОПЕЙСКУЮ АРКТИКУ**

**АРХАНГЕЛЬСКИЙ СЕВЕР:
ПРОБЛЕМЫ И ИСТОЧНИКИ**

ТОМ I

ARCHAEOLOGICA

PETROPOLITANA

**RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF MATERIAL CULTURE HISTORY
NORWEGIAN UNIVERSITY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY**

**MAREK E. JASINSKI
OLEG V. OVSYANNIKOV**

**THE EUROPEAN ARCTIC
ARCHANGEL REGION:
RESEARCH PROBLEMS AND SOURCES**

Vol. I

St. Petersburg
1998

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
НОРВЕЖСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК И ТЕХНОЛОГИИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ**

**М. Э. ЯСИНСКИ
О. В. ОВСЯННИКОВ**

**ВЗГЛЯД НА ЕВРОПЕЙСКУЮ АРКТИКУ
АРХАНГЕЛЬСКИЙ СЕВЕР:
ПРОБЛЕМЫ И ИСТОЧНИКИ**

Том I

Санкт-Петербург
1998

*Работа выполнена в рамках сотрудничества
Института истории материальной культуры Российской Академии наук
и Института археологии Норвежского Университета естественных наук и технологии, Тронхейм,
при финансовой поддержке Норвежского исследовательского совета*

*This project is the result of a collaborative venture
between the Institute of Material Culture History, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg,
and the Institute of Archaeology, Norwegian University of Sciences and Technology, Trondheim,
with the financial support of the Norwegian Research Council (NFR)*

Ясински М. Э., Овсянников О. В. Взгляд на Европейскую Арктику: Архангельский Север: проблемы и источники. Т. I. — СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1998. — 464 с. (Archaeologica Petropolitana, VI).

Jasinski M. E., Ovsyannikov O. V. The European Arctic: Archangel Region: Research Problems and Sources. Vol. I. — St. Petersburg Centre for Oriental Studies, 1998. — 464 p. (Archaeologica Petropolitana, VI).

Монография публикует материалы изысканий авторов по истории культуры Русского Поморья в VI—XVIII вв. Источниками настоящего исследования (т. I—II) послужили археологические работы О. В. Овсянникова в 1959—1996 гг. на территории Архангельской, Вологодской, Мурманской областей и археологические исследования М. Э. Ясинского в 1987—1997 гг. на архипелаге Шпицберген и на Атлантическом побережье Северной Европы. Результаты научных изысканий авторов в области археологических и архитектурных памятников сопровождаются анализом соответствующих исторических источников, касающихся средневековых городов Архангельского Поморья. В данном томе монографии затронуты также проблемы культурных контактов между Россией и Норвегией — в области судостроения, мореходства и морских промыслов. Характер публикации письменных документов, их репертуар, подобранный авторами, позволили выйти на уровень исторической генеалогии, которая в концепции авторов выступает как персонифицированный «механизм» передачи культурных и ремесленных традиций на протяжении более чем одного столетия. Уникальные исторические описания XVIII в. основных культурных, административных, ремесленных и торговых центров Северного Поморья — Архангельска и Холмогор, которые сами по себе являются памятниками истории и историографии, а также этнографии, архитектуры и «природоведения», представляют несомненный интерес для археологов, историков, этнографов, а также любознательных читателей, которым небезразлична история и судьбы культурного наследия Русского Севера.

На первой странице обложки: Костяной гребень с изображением медведя. Городецкое святилище (Пустозерск). VI—IX вв. Фото П. И. Иванова.

This two-volume monograph describes the continuing research by the authors on the cultural history of Russian Pomorye, "the sea shore", from the 6th—18th centuries. The diverse archaeological and architectural evidence is summarised in addition to the historical sources documenting the development of post-medieval towns in the region of Archangel. Aspects of maritime cultural development in the area including shipbuilding, navigation, seahunting, fishing and maritime contacts between northern Russia and Norway are also explored.

Part of the archaeological evidence, presented in the monograph, consists of research by Oleg V. Ovsyannikov in the regions of Archangel, Vologda and Murmansk from 1959—1996; the results of excavations undertaken by Marek E. Jasinski in the Spitsbergen Archipelago from 1987—1997 and also his maritime investigations off Norway's Atlantic coast.

The distinctive topographic and historical descriptions of the two administrative and cultural centres of Arctic Pomorye — Archangel and Kholmogory — in the second half of the 18th century contain extensive information on the history (including natural history), architecture and ethnography of the region and also the processes of urbanization that were experienced there. The character of the written sources and their comprehensive subject matter has enabled the authors to reach the level of historical genealogy in their research. This source material has facilitated the study of the highly personal mechanism whereby cultural traditions and handicrafts were transmitted from generation to generation.

Volume I of the monograph summarises information gained from two unique sources. Archaeological research in the regions of Archangel and Kholmogory has enabled the authors to reinterpret the early stages of development of the northern areas of taiga and tundra from the 6th—14th centuries while also providing new insights into the development of such urban coastal centres as the city of Archangel. The previously unpublished written sources of cadasters and census books of the 17th—18th centuries are outlined, documenting the history of the urban centres of Pomorye.

The book is addressed to archaeologists, historians, ethnologists, architects and also to other readers who have a special interest in the cultural heritage of northern Russia.

Front cover: Bone comb with a representation of a white bear. The Gorodets sanctuary (Pustozersk). The 6th—9th centuries A. D. Photo: P. I. Ivanov

Корректор и редактор — В. Д. Кен
Технические редакторы — М. В. Вякина, Г. В. Тихомирова. Выпускающий — Д. А. Ильин

Издательство «Петербургское Востоковедение»
191186, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18

ЛР № 065555 от 5.12.97

Подписано в печать 29.12.1998. Формат 60×90 1/8. Бумага офсетная. Гарнитура основного текста «Таймс»
Печать офсетная. Объем 58 п. л. Заказ № 1012

ОТПЕЧАТАНО В РОССИИ
Санкт-Петербургская типография «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9-я линия, 12

ISBN 5-85803-129-3

© М. Э. Ясински, О. В. Овсянников, 1998

Зарегистрированная торговая марка

ОГЛАВЛЕНИЕ

От авторов	7
Предисловие	10
Глава 1. Система расселения в Северном Поморье в XI—XVII вв.	21
Погребальные памятники XI—XIII вв. (побережье Белого моря, бассейны Онеги, Северной Двины, Пинеги, Ваги)	25
Ортинское городище (вторая половина I—начало II тысячелетия н. э.)	63
Укрепленные поселения Заволочья и Пинеги XIV—XV вв.	77
Система расселения в конце XV—XVII в.	120
Посад в Северном Поморье в XVI—XVII вв. (Происхождение. Структура. Топография)	128
Город-крепость на Русском Севере XVI—XVII вв.	137
Глава 2. Крепость Михаила Архангела. “Архангельское корабельное пристанище”	
Архангельский деревянный “город” XVI—XVII вв.	156
<i>Приложение 1.</i> Росписной список Архангельска и Холмогор. 1683 г.	173
<i>Приложение 2.</i> Двинской Росписной список. 1702 г.	175
Архангельский Каменный город и Гостиные двory (строительная история комплекса в XVII—XVIII вв.)	178
<i>Приложение 1.</i>	220
<i>Приложение 2.</i>	222
О микротопонимике и топографии старинного Архангельска (Новые материалы)	231
<i>Приложение 1.</i>	238
<i>Приложение 2.</i>	256
Немецкая слобода, Сальный берег и новый посад на Бору. XVII—XVIII вв.	261
Архитектурно-археологические работы 1989 г. на месте Архангельской Успенской Боровской церкви 1742—1755 гг.	270
<i>Приложение 1.</i> Документы о реставрации Успенской Боровской церкви	284
<i>Приложение 2.</i> Описание Сального берега	286
<i>Приложение 3.</i> Купчие русских людей	288
<i>Приложение 4.</i> Челобитные и купчие голландских “иноземцев”.	314
<i>Приложение 5.</i> Купчие и памяти на двory гамбургских “иноземцев”	325
Глава 3. Путь к океану	331
Эта долгая традиция “шитых” судов	334
Архангельский порт	363
<i>Приложение 1.</i>	372
<i>Приложение 2.</i> Об архангелогородских жожах и лоцманах. 1742 г.	375
<i>Приложение 3.</i>	377
<i>Приложение 4.</i> В. В. Брызгалов, О. В. Овсянников. Донесение стольника Г. А. Племянникова о постройке флейтов на Соломбальской верфи в 1701 г.	379
Опись стольника Г. А. Племянникова купеческих кораблей, построенных в Архангельске. 1701 г.	382
<i>Приложение 5.</i> В. В. Брызгалов, М. Э. Ясински. Якорные мастера города Архангельска	393
<i>Приложение 6.</i> Географическое описание города Архангельского с уездом. 1787 г.	398
<i>Приложение 7.</i> Краткое историческое известие о заведении, продолжении и запустении купеческих верфей на Двине в Архангелогородской губернии	401
<i>Приложение 8.</i>	404
В морской пучине	412
Summary	460
Список сокращений	463
Использованные иллюстрации	464

CONTENTS

Authors' Foreword	7
Introduction	10
Chapter 1. Settlement system in the Northern Pomorye in 11 th —17 th centuries	21
Burial sites of the 11 th —13 th centuries (the White Sea coast, basins of Onega, Northern Dvina, Pinega, Vaga)	25
Ortinsk townsite (the second half of the 1 st —early 2 nd millennium A. D.)	63
Fortified settlements of Zavolochye and Pinega in the 14 th —15 th centuries	77
Settlement system between the late 15 th and 17 th centuries	120
Posad in the Northern Pomorye of the 16 th —17 th centuries (Origin. Structure. Topography)	128
Fortified town in the Russian North of the 16 th —17 th centuries	137
Chapter 2. Fortress of Michael Archangel — “The Arkhangelsk ship-shelter”	
The Arkhangelsk wooden “gorod” (fortress) of the 16 th —17 th centuries	156
<i>Appendix 1.</i> The census list of Arkhangelsk and Kholmogory. 1683	173
<i>Appendix 2.</i> The Dvina census list. 1702	175
The Arkhangelsk Stone Fortress and Gostinyi Dvors (the 17 th —18 th centuries architectural history of the complex)	178
<i>Appendix 1.</i>	220
<i>Appendix 2.</i>	222
On the micro-toponymy and topography of the Old Arkhangelsk (New materials)	231
<i>Appendix 1.</i>	238
<i>Appendix 2.</i>	256
The Nemetskaya Sloboda, Salnyi Coast and the new Posad in the Bor. 17 th —18 th centuries	261
Architectural and archaeological works in 1989 on the site of the Arkhangelsk Assumption Bor church of 1742—1755.	270
<i>Appendix 1.</i> Papers on the restoration of the Assumption church in the Arkhangelsk Bor district.	284
<i>Appendix 2.</i> Description of the Salnyi Coast.	286
<i>Appendix 3.</i> Deeds of purchase of Russian citizens	288
<i>Appendix 4.</i> Petitions and deeds of purchase of Dutch “foreigners”.	314
<i>Appendix 5.</i> Deeds of purchase and memoranda on city estates of Hamburg “foreigners”	325
Chapter 3. The way to the Ocean	331
Such a long lasting tradition of the “sewn” ships.	334
The Arkhangelsk Harbour.	363
<i>Appendix 1.</i>	372
<i>Appendix 2.</i> On Arkhangelsk pilots. 1742.	375
<i>Appendix 3.</i>	377
<i>Appendix 4.</i> V. V. Bryzgalov, O. V. Ovsyannikov. Report by stolnik G. A. Plemyannikov on building fleys at the Solombalsk shipyard in 1701.	379
Merchants' ships built in Arkhangelsk — the list compiled by stolnik G. A. Plemyannikov. 1701	382
<i>Appendix 5.</i> V. V. Bryzgalov, M. E. Jasinski. The anchor craftsmen of the City of Arkhangelsk.	393
<i>Appendix 6.</i> A geographic description of the City of Arkhangelsk and the Arkhangelsk Uyezd (Region). 1787	398
<i>Appendix 7.</i> Briefhistorical communication on starting maintenance and decline of commercial fisheries on Dvina in the Arkhangelsk Province	401
<i>Appendix 8.</i>	404
In the abyss of the sea	412
Summary	460
Abbreviations	463
Illustrations	464

ОТ АВТОРОВ

Приступая к публикации серии научных исследований, подготовленных к печати, мы сочли необходимым предпослать этому начинанию небольшое предисловие почти что «неофициального» характера и сказать несколько слов об истории нашего научного сотрудничества, о тех целях, которые мы как авторы преследовали.

Наше личное знакомство произошло в июне 1989 г., но по научным публикациям мы знали друг о друге раньше. В то лето группа норвежских археологов университета города Тромсе — Пол Симонсон, Рейдар Бертельсен, Кнут Хельског, Марек Ясински и Роггер Ергенсен — посетила Архангельск, Москву и Ленинград. Речь тогда впервые шла о масштабной координации совместных археологических проектов, реализация которых могла бы внести существенный вклад в изучение археологических древностей широкого хронологического периода субарктических и арктических районов Северной и Восточной Европы. Перспектива таких совместных научно-исследовательских проектов была признана не только целесообразной, но и необходимой, а новые политические реалии в Европе способствовали этому. Прошедшие годы полностью подтвердили правильность принятых тогда в Институте археологии Академии наук в Москве и в Ленинградском отделении Института археологии (ныне — Институт истории материальной культуры Российской Академии наук) решений: их практическая реализация началась почти сразу же — в следующем, 1990 г. и большинство проектов продолжает осуществляться и по сей день. Это в полной мере относится к нашему совместному проекту, основная тема которого была определена так: «Хозяйственное освоение Европейской Арктики. Зверобойные и рыбные морские промыслы населения Русского Поморья. XI—XVIII вв.» Широкие хронологические рамки проекта давали возможность использования как археологических материалов, так и значительного круга письменных документов.

Готовы ли мы были к сотрудничеству по такой обширной программе? К этому времени каждый из нас провел значительный объем самостоятельных археологических исследований, имея за плечами большой опыт полевых работ в условиях Севера, а главное — мы составили уже свои представления об особенностях историко-культурных процессов, происходивших в северных регионах с эпохи средневековья и до конца XVIII столетия.

Марек Э. Ясински, начавший свою карьеру изучением средневековых памятников Польши (в том числе и подводными археологическими исследованиями), с 1987 г. начал работать в университете города Тромсе (Норвегия), реализуя программу раскопок русских становищ на архипелаге Шпицберген. За годы археологического иссле-

дования Шпицбергена проводились совместные работы с польскими коллегами (университет г. Кракова, доктор Ян Хохоровский) и с экспедицией Российской Академии наук (Москва, Институт археологии, доктор Вадим Стариков). После 1990 г. М. Ясински работает в г. Тронхейме (Институт археологии Норвежского Университета естественных наук и технологии), продолжая раскопки русских становищ на Шпицбергене, проводит подводные исследования затонувших кораблей в средней Норвегии и таких комплексных памятников, как святилище в проливе Мартнад у острова Няр (здесь изучались как культурные отложения на морском дне пролива, так и культурный ландшафт его берегов и окрестностей).

В задуманные нами параметры новой работы вполне закономерно вписывались археологические и архитектурно-археологические раскопки памятников XI—XVIII вв. и изучение письменных документов XVI—XVIII вв., которые проводились О. В. Овсянниковым с 1959 г. на территории Северного Поморья (Архангельская, Мурманская и Вологодская области). В качестве археолога (то есть имея Открытый лист на право раскопок) О. В. Овсянников в 1968—1969 гг. принимал участие в раскопках русского города XVII в. Мангазеи в Западносибирском Заполярье (комплексную историко-географическую экспедицию Института Арктики и Антарктики возглавлял профессор М. И. Белов), а в 1978—1980 гг. участвовал в работах археологической экспедиции Института археологии Российской Академии наук на архипелаге Шпицберген (начальник экспедиции — доктор исторических наук В. Ф. Стариков).

Теперь нам понятно, что именно пристрастие к северной археологии и вообще к Северу сблизило нас и помогло объединить наши научные интересы. Это относится как к тому материалу, который «добыл» каждый из нас во время предшествующих раскопок, так и к той научно-исследовательской стратегии, которая была выработана во время наших встреч, научных поисков и дискуссий в течение последних восьми лет.

В 1996—1997 гг. нами подготовлена монография по теме Российского гуманитарного фонда научных исследований и Норвежского Университета г. Тронхейма «Хозяйственное освоение Европейской Арктики. Зверобойные и рыбные морские промыслы населения Русского Поморья. XI—XVIII вв.» Однако оказалось, что многие положения этого исследования потребовали специальных экскурсов в археологию и историю культуры непосредственно Русского Поморья. То есть мы столкнулись с необходимостью объяснить некоторые историко-культурные процессы, происходившие на основной, материковой части этого региона, без понимания которых трудно выявить и понять особенности сложения и функционирования основных промысловых районов Европейской Арктики (Беломоро-Мурманский, Новоземельский, Шпицбергенский).

Это кажется нам важным, ибо в процессе исследования самих промысловых регионов (например, архипелага Шпицберген) у некоторых ученых появилась тенденция интерпретировать элементы поморской промысловой культуры в качестве адекватного аналога культуры Поморья вообще. Вопрос этот нам представляется деликатным, и однозначный ответ на него, если даже он и есть, вряд ли будет объективным. Мы считаем, что есть основания, позволяющие говорить об индивидуальности «культурного комплекса», связанного со специфическим характером производственной деятельности той или иной группы людей (рыбный и зверобойный морские промыслы, пушной, соляной, смолокурный и другие промыслы). Например, в промысловой артели, в которую объединялись группы людей из различных регионов Русского Поморья, доминирующим фактором являются не этнокультурные индикаторы этих микрорегионов, а факторы, связанные непосредственно со спецификой той производственной деятельности, для которой эти группы людей объединялись в артели.

Точно так же находки вырезанных на бытовых предметах надписей, конечно, в первую очередь свидетельствуют о наличии грамотных людей в составе той или иной промысловой артели. Так

же, как и в промысловых комплексах, находки, связанные с обработкой кости (даже фрагменты примитивных токарных станков), не всегда адекватно отражают характер этого ремесла на поморских посадах, где обработка кости представлена ремесленной специализацией, т. е. самостоятельной отраслью городской экономики и т. д.

Таким образом, в публикуемой работе мы хотели обратить внимание прежде всего на основные этапы становления культуры Северного Поморья, а поскольку основные культурные новации региона связаны с жизнью посадов и прилегавших к ним окрестностей, в монографии исследуются наиболее важные этапы развития поморских посадов-городов. Вот так появилась монография «Взгляд на Европейскую Арктику. Архангельский Север: проблемы и источники». Название монографии не означает, что предпринята радикальная ревизия сложившихся в исторической науке принципиальных представлений об основных этапах развития северных регионов Российского государства. Это не так, или — не совсем так. С одной стороны, мы сделали попытку «вырваться» из того, в общем-то замкнутого круга письменных источников, который уже многие годы традиционно используется при исследовании Русского Севера, и предприняли многолетний целенаправленный поиск новых источников (памятников археологии и письменных документов), который нами тесно увязывается с определенной историко-культурной проблематикой. Например, архитектурно-археологические раскопки всегда были обеспечены значительным объемом письменных документов, раскрывающих историю создания того или иного памятника архитектуры, имя зодчего, или другой пример — подводные археологические работы по поиску затонувших русских судов у берегов Норвегии сопровождалась розыском документов об этих судах и судьбах их экипажей и т. д. С другой стороны, введение в научный оборот весьма значительного по объему и преимущественно нового по своему репертуару пласта письменных документов уже само по себе представляет, несомненно, качественно новый этап в изучении тех или иных проблем культуры, истории региона, топографии поселений и т. д. Более того, формируя источниковедческую базу исследования, тщательно подбирая корпус письменных документов, мы старались уже этим определить многие проблемные направления нашего исследования.

Некоторые читатели могут возразить нам, что «Взгляд на Европейскую Арктику» рассматривает не только и не столько территории, которые можно назвать классической Арктикой, но и регионы Субарктики и зоны северной части тайги. Да, это так. Но читатель должен согласиться и с тем, что собственно заполярные земли наиболее интенсивно начали осваиваться все же в позднее время, а включение их в сферу активной и систематической хозяйственной деятельности северным населением происходило постепенно, главным образом с уже обжитых территорий, примыкающих к Полярному кругу с юга. Поэтому «Взгляд» — это не только наше видение территорий Крайнего Севера в их историческом поступательном движении, но также и ретроспективный взгляд на тех насельников Поморского Севера, которые на протяжении многих веков осваивали эти земли.

Подготовленная в двух томах работа — это первая часть нашего научного «багажа», но надеемся, что последующие подготовленные нами рукописи по истории культуры, судостроению и промыслам Северного Поморья также увидят свет и, что очень важно для нас, найдут своего читателя.

Марек Ясински (Тронхейм)

Олег Овсянников (Санкт-Петербург)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Наука главная есть, чтоб
человек мог себя познать.

*В. Н. Татищев. Разговор двух
приятелей о пользе науки и
училищах. 1733 г.*

Северная часть Русского Поморья — это огромная территория, ограниченная на западе р. Онегой, на крайнем северо-востоке р. Мезенью и прилегающими к ней пространствами Канинской и Большеземельской тундр, с юга — водоразделами рек Шексны и Сухоны, — как единое целое складывалась в довольно позднее время, в XVI—XVII вв. Этот самый северный регион Восточной Европы, наиболее отдаленный от древнего “ядра” и традиционных центров Древней Руси, имел своеобразие, которое было обусловлено и специфическими природными условиями, и всем ходом его первоначального освоения и заселения. Северное Поморье, широкой полосой суши как бы обрамляющее кромку морей Ледовитого океана, уже в глубокой древности (мезолит и неолит) являло собой гигантский мост, связывавший циркумполярные культуры Азии и Северной Европы. Разнообразие природных ландшафтов (тайга, лесотундра, тундра), пестрота этнической карты (карелы, саамы, коми, коми-пермяки, ненцы) и наряду с этим единство культурно-исторических процессов, проявившееся в ходе славянской и позднее русской колонизации огромной территории, на которой слились два мощных потока, принесших, кроме русского влияния, оттенки

и полутона иных заимствований, — это все отпечаталось в истории региона. Поэтому получилось так: он и един, он и многолик, поэтому не случайно даже определение этого региона вызывает дискуссию.

Принято считать, что север Европейской части Российской Федерации — это традиционная территория Русского Севера и что он совпадает с административными границами Поморья или поморских уездов, занимавших в XVI—XVII вв. земли по берегам Онежского озера, по течению рек Онега, Северная Двина, Мезень, Печора, Кама, Вятка и вплоть до Урала. Крупнейшие города Поморья — Архангельск, Холмогоры, Кола, Тотьма, Вологда, Соль Вычегодская, Великий Устюг, Пустозерск, Каргополь, Вятка и др. Хозяйственное освоение различных районов Поморья было связано со специфическими природными условиями региона (южные районы — земледелие, северные — животноводство, морские рыбные и зверобойные промыслы, оленеводство, добыча соли). Поморские земли внесли важный вклад в экономическое развитие Русского государства в конце XV—XVI в. В Поморье после ликвидации частновладельческих боярских вотчин были созданы условия для наиболее интенсивного развития сельского хозяйства и промы-

слов. Уникален вклад населения Поморья в культурное наследие Российского государства, сохранившего в течение веков памятники народного деревянного гражданского и культового зодчества, былины, обряды, навыки ремесленной обработки металлов, дерева, кости, ткачества.

Территория Поморья складывалась не одно столетие, поэтому, естественно, в разные периоды позднесредневековой истории именем "Поморье" называли большую или меньшую территорию, лежавшую по берегам Белого и Баренцева морей. Например, еще Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона так определял Поморье: "Поморье" — это страна по берегу моря (собственно "Поморский берег" — берег Белого моря от г. Кеми до г. Онеги)¹. Впоследствии слово "помор" стало собирательным для обозначения промышленников Архангельского, Мезенского, Онежского, Кемского, Кольского уездов, которые занимались морскими рыбными (преимущественно тресковыми) промыслами. Высказано мнение, что поморами жители Поморского берега стали называться потому, что промышляли на Мурмане, а затем все население побережья Белого и Баренцева морей, которое постепенно включалось в морские промыслы на Мурмане, стало называться поморами². В науке дискутируется правомерность идентификации таких определений, как "Северная Русь", "Русское Поморье" и "Русский Север": некоторые историки полагают, что это идентичные понятия³; на неправомочность такой идентификации решительно указывают археологи, справедливо считая, что основной массив северных земель в состав Русского государства официально вошел лишь в конце XV в., а Северная Русь — это часть территории Древнерусского государства, область староосвоенных земель, "ядро" государственной территории на Севере⁴.

Поскольку хронологические рамки нашего исследования включают наряду с XVI—XVII вв. и XVIII столетие, то мы будем пользоваться "широким" пониманием определения "Поморье", подразумевая под ним территорию между Онежским озером и Уралом. По административному делению XVI—XVII вв., Поморье состояло из уездов, объединенных в пять районов: *Сухонско-Двинской* (Важский, Великоустюжский, Вологодский, Двинской, Сольвычегодский, Тотемский уезды), *Западный* (Каргопольский, Кольский, Олонецкий уезды и Чарондская округа), *Северо-Восточный* (Кеврольский, Мезенский, Пустозерский, Яренский уезды), *Вятская земля* Хлыновский уезд), *Камско-Чердынский* район (Кайгородский, Кунгурский, Соликамский, Чердынский уезды с Пермью Великой)⁵. В 1707 г. была образована Архангелогородская губерния, а в 1720 г. начались планомерные съемки ее территории⁶. В 1727 г. в Архангельск и Российскую Лапландию был послан профессор де-ла Кроайре, который в Архангельске, Коле, Холмогорах и Каргополе производил обзорные работы⁷. В общегосударственном масштабе шла работа по составлению первой общерусской географической карты, определялись границы уездов, губерний, которые просуществовали без изменений практически до проведения административно-территориальных реформ 1775—1785 гг. В 1723 г. Сенат составил инструкцию-руководство геодезистам, в которой наряду с прочими пунктами был и такой: фиксировать "городища пустые или какие здания найдут-

ся в пустых местах запустелые"⁸. Следует отметить, что в 20—70-е годы XVIII в. был собран громадный графический материал, в основном неизданный и содержащий, особенно на картах геодезистов Петровского времени и Географического департамента, ценные сведения об археологических памятниках (населенных пунктах, мельницах, шлюзах, мостах, дворах, больших камнях, старых городищах, могильниках и т. д.).

На наш взгляд, границы первых российских губерний, как видно на примере Архангелогородской губернии, сохраняли не только древнюю преемственность территорий, но и отражали их историко-культурное единство. Следы этого единства мы находим, прежде всего, в обширном пласте письменных источников, преимущественно XVIII столетия (историко-топографические описания губернии, планы уездов, городов и селений). Ретроспективное рассмотрение этого огромного материала, а также его публикация, по существу, еще только начинаются. Изучение предпосылок зарождения и развития поморских городских центров, опорных этапов их истории, исследование основных компонентов городской культуры выступают как часть общей проблемы сложения русской национальной культуры. Северное культурное наследие — это монолитный сплав традиций первоначальных русских поселенцев на Севере (новгородская и ростово-суздальская колонизации), контакты с аборигенным населением, с теми культурно-хозяйственными достижениями, которыми отмечены последующие этапы освоения и развития данного региона. Основные хронологические рамки исследования — XIV—XVII вв. На XIV—XV вв. приходится всесторонний подъем культуры и экономики страны после татарского нашествия, с одной стороны, а с другой — ужесточение княжеских междоусобиц, небывалое бремя, в котором объединительная деятельность северо-восточных княжеств завершилась победой Москвы и созданием Московского государства. Последующее время, XVI—XVII вв., — период сложения единого всероссийского рынка, пора политической, экономической и культурной консолидации различных регионов. Особенности развития русского города в Северном Поморье, его оригинальная роль в экономической, социальной и культурной жизни Севера, сложение и формирование элементов городской культуры, значимость этого явления в истории страны (ремесло, промыслы, роль в иноземной торговле и в освоении Сибири) — все эти проблемы тесно переплетены между собой, и несомненно актуальность их комплексного исследования.

Развитие северных территорий — это сложный и во многом противоречивый историко-культурный процесс, лишь на определенном этапе экономического и политического развития которого появляется качественно новый тип поселения — поселение городского типа. Изучение русского средневекового города как особого социально-экономического и культурного явления, которое присуще обществу на определенном этапе его развития, — одна из фундаментальных проблем российской исторической науки.

Авторами формулируются следующие конкретные задачи исследования:

1. *Время появления первых русских поселений в Северном Поморье, их характер, типы и формы расселения, динамика развития; время появления поселений го-*

родского типа (посадов), планировка северного города, характер жилищно-хозяйственного комплекса.

2. Северное деревянное и каменное оборонное зодчество XIV—XVII вв., основные этапы крепостного строительства в регионе, вклад северных строителей в историю отечественной военной архитектуры, организация строительства и формирование местных кадров мастеров-строителей.

3. Основные направления развития северного ремесла (ремесленная специализация, профилирующие ремесла); традиционность семейного ремесла, его преемственность как определенная культурная традиция (обработка металла, кости, иконопись); судьба городского ремесла в начале XVIII в.

4. Одно из перспективных и важных научных направлений — археология моря и его окрестностей, позволяющая соединить археологические, архитектурные памятники и письменные источники "берега" и "моря".

В настоящей работе на археологических и письменных, преимущественно новых, материалах исследуются наиболее важные тенденции развития города в регионе почти сплошного черносошного землевладения — города, который имел ярко выраженную специфику, а его население находилось в тесной культурной, социальной и экономической связи как с черносошной деревней, так и с целой системой неземледельческих промыслов. Комплексное исследование этих проблем в рамках данного региона на значительном хронологическом отрезке впервые предпринято в российской исторической науке. Удалось обнаружить, исследовать и интерпретировать археологические памятники, содержавшие начальные элементы городской культуры, предшествовавшие появлению и формированию посадов. Изучение основных культурных тенденций периода начального освоения региона русским населением в XI—XV вв. принципиально важно для понимания исторических процессов, которые имели место в этой части Поморья как в период новгородской независимости, так и после XV в. К концу этого периода в той части региона, где занимались пашенным земледелием и морскими соляными промыслами (Двинская, Важская земли, земли по Онеге, Пинеги, Мезени), завершился процесс "исчезновения" оставшегося аборигенного населения, и основная масса постоянного населения была представлена русским черносошным крестьянством.

Территория Кольского полуострова, морского побережья Зимнего берега, Канина полуострова, Большеземельской тундры начала осваиваться позднее — в XV—XVII вв. русским населением — крестьянами, жившими в бассейне Северной Двины, Пинеги, Кулоя, Мезени. Таким образом, тундровые территории были необычайно обширным и емким "полигоном" для внутренней колонизации русского населения в этот период. Ситуация, сложившаяся в Северном Поморье на рубеже XV—XVI вв., явилась мощным ускорителем своеобразного хозяйственного развития всего региона (черносошное крестьянство Двинской земли получило возможность на условиях оброка эксплуатировать обширные рыбные, пушные и морские звериные промысловые угодья). Это привело к зарождению в недрах феодального общества своеобразных предбуржуазных отношений.

Ретроспективно, на основании материалов XVI—XVII вв., выявляются элементы своеобразной планировочной структуры городского центра Северно-

го Поморья (на примере холмогорских посадов) начальной поры его истории (рубеж XV—XVI вв.), характер жилищно-хозяйственной и административно-торговой застройки. Прослежено развитие жилищно-хозяйственной застройки посадского двора как комплекса построек. Исследованы основные профилирующие ремесла северного городского центра, особенности их организации и специализации, выявлена историческая генеалогия северных ремесленников, традиционность семейного ремесла, семейная преемственность как существенная культурная традиция, подготовлены материалы к "Словарю северных ремесленников XVI — начала XVIII в." Таким образом, в нашей совместной работе речь идет о комплексном исследовании истории культуры Севера (формирование и соотношение сельского и городского образа жизни, т. е. такой социально-экономической категории, которая выступает как связующая сущность между способом производства и надстроечной сферой жизни).

Далее, конкретизация личностного фактора (роль личности в истории культуры) — непосредственных носителей социально-культурной преемственности, которая выступает как важнейший механизм формирования и функционирования культуры. В ходе исследования определены общие тенденции развития культуры региона, основные этапы эволюции поселения городского типа и его историко-культурное место в структуре расселения в Северном Поморье, рассмотрен своеобразный вклад северного города и уезда в культурное наследие Русского государства.

Формулировка принципиально новой проблематики в изучении поморского города, участия его населения в промыслах и ремеслах потребовала широкой и комплексной источниковой базы исследования.

1. **Археологические источники.** Археологическое изучение Европейского Севера, в том числе Северного Поморья, насчитывает более ста лет⁹. Однако изучение средневековых древностей составляло крайне незначительную часть этих исследований. Правда, уже в XVIII в. были сделаны первые конкретные шаги по сбору сведений об археологических памятниках, а по сути — первая практическая попытка анкетирования древностей в масштабах всего Российского государства: по инициативе М. В. Ломоносова в 1759 г. академическая канцелярия запросила у Синода "список всем синодальным строениям во всем Российском государстве соборным и приходским церквям, так же и всем монастырям по всем городам и селам"¹⁰. Академическая канцелярия также просила Сенат оказать содействие в получении ответов на те вопросы, которые составил М. В. Ломоносов. Само содержание этих вопросов показывает, сколь серьезно подходил ученый к этой анкете: 1. "Город, чем огражден, каменной стеною или деревянною, или земляным валом, палисадником или рвами?" 2. "Много ли приходов внутри и за городом, и какие церкви, каменные или деревянные, есть ли каменные новые и старинные каменные строения и каких они времен от постройки, есть ли каменные дома тамошних обывателей и сколько?" 3. "Есть ли какие в городах чертежи оных городов самих и окрестных мест, то оные купно с географическими известиями присылать или точные с них копии". 4. "Назначить, где есть старых городов развалины или городища, в каких состоят остатках и признаках и как их называ-

ют?" 5. "В городах буде есть летописи, присылать с них верные копии при географических известиях для истории российской". Однако ни Синод, ни Сенат надлежащей поддержки ученому не оказали. Тем не менее на вопросы Академии наук приходили ответы и притом в таком количестве, что для их обработки был выделен студент Илья Андреев (к началу 1763 г. поступило около четырех тысяч ответов). Так была положена основа собиранию мощной источниковой базы археологической и этнографической карты России. К сожалению, эти документы не получили еще должной оценки в российской исторической науке.

Во второй половине XIX в. более локальные работы по сбору сведений о древностях предприняты в Императорской Академии художеств. В 1886 г. Академия обратилась к архангельскому губернатору с просьбой "собрать сведения о памятниках отечественного древнего искусства в Архангельской губернии"¹¹. В свою очередь из Архангельска были разосланы уездным исправникам "цыркулярные предложения о собирании сведений как личными трудами, так и посредством обращения к сведущим лицам, проживающим в уездах"¹². В анкетах были зафиксированы памятники археологии (городки, курганы, городища), этнографии (уборы и старинные одежды), искусства и архитектуры. По существу, это была первая "инвентаризация" древностей Северного Поморья, в нее попало большинство известных ныне городищ XIV—XVII вв. Со второй половины XIX в. Императорская Археологическая комиссия регулярно фиксировала случайные археологические находки, сделанные, как правило, во время земельных работ (монеты, наконечники стрел, бронзовые украшения и т. д.)¹³. В 1898 г. преподаватель Каргопольского духовного училища Д. Березкин обратился в Археологическую комиссию с предложением начать раскопки в Каргопольском уезде: "С полной уверенностью можно сказать, что эти раскопки и дадут ряд небезынересных в научном отношении коллекций древнего оружия, монет, орудий труда, украшений и пр."¹⁴ Но в субсидировании раскопок ему было отказано. Несомненное уважение вызывает подвижническая археологическая деятельность учителя Ненокского приходского училища К. П. Рева, много сделавшего для изучения памятников и каменного века, и эпохи средневековья. Последние представляют для нас особый интерес. В 1888 г. на средства, переведенные Императорской Археологической комиссией, К. П. Рева провел небольшие раскопки в Холмогорском и Архангельском уездах: осмотрел берега Курополки в Холмогорах, где собрал коллекцию красных печных изразцов, а также произвел небольшие раскопки на Емецком городке. Проведенные работы дали любопытные результаты: было вскрыто несколько углубленных жилищ (исследователь назвал их "врытыми избушками"), зафиксированы сохранившиеся части наземных построек, в которых обнаружили орудия труда. Раскопки были проведены на достаточно высоком научном уровне, о чем свидетельствует сохранившийся дневник раскопок¹⁵.

Еще в 1895 г. в числе прочих присланных в Музей антропологии и этнографии Императорской Академии наук чиновником по крестьянским делам Холмогорского уезда Н. П. Затворницким экспонатов находились три "красных" печных изразца, собранных на берегу Курополки на территории Холмогор¹⁶. Не-

большие раскопки были проведены в 1906 г. В. Н. Глазовым на одном из Важских городищ — на городище близ г. Вельска, на котором ранее при вспашке находили различные предметы, в том числе и "золотые" украшения¹⁷. Подробную фиксацию сведений об имеющихся памятниках эпохи средневековья и о случайных находках на Севере России систематически публиковал, а в ряде случаев и детально комментировал А. А. Спицын, и эти сведения и комментарии представляют немалую ценность по сей день¹⁸.

Нам хочется особо отметить небольшие по объему, но чрезвычайно важные археологические разведки и раскопки на территории Архангельской губернии А. М. Тальгрена. В 1905 г. Тальгрэн произвел раскопки на городище у д. Ваймуши на Пинеге, где исследовал остатки вала и культурный слой на городищной площадке, а также осмотрел место "чудского" кладбища, на месте древнего Шенкурска в небольшой траншее изучил, по всей вероятности, городской слой XVII в. Подробные отчеты об этих работах на русском языке хранятся в рукописном отделе ИИМК РАН, на финском — в архиве Музейного ведомства в Хельсинки¹⁹. Работы финского ученого и его публикации коллекций, принадлежащие в то время Архангельскому публичному музею, клад из Кемского уезда, бронзовые украшения с территории бассейна р. Ваги — весомый вклад в изучение средневековой истории Архангельского Севера²⁰. В статье 1931 г. А. М. Тальгрэн написал почти пророческие слова: "Когда дорога на восток снова будет открыта для западных исследователей, какой-нибудь студент-археолог будет послан в область между Кандалакшей и Архангельском, на южный берег Белого моря от устья реки Онеги к устьям Двины и реки Мезени. И будет найдено, конечно, много. И романтизм поиска будет дополнен его интересом"²¹. Кое-что из предсказанного А. М. Тальгреном действительно сбылось: в наши дни в исследовании северных древностей активное участие принимают финские и норвежские ученые, а главное, обнаружены и исследованы новые средневековые памятники. Что же было найдено и раскопано в 1959—1996 гг.?

Первая группа — средневековые памятники, связанные с изучением проблемы местного, "чудского" населения: двинской, важские и кольские могильники XI—XIII вв., святилища и поселения VI—XIII вв. на Нижней Печоре, а также могильники XI—XII вв., обнаруженные на трассе волоковых систем Заволочья²². Конкретные формы основных компонентов "чудских" культур постоянно находятся в тесной связи с усиливающимися с конца X в. контактами финноязычных аборигенов и древнерусского населения. Сложение по существу схожего для всей этой огромной территории культурного комплекса могло произойти лишь под влиянием какого-либо сильнодействующего фактора. Таким фактором стало проникновение на север и на крайний северо-восток древнерусского населения. Указанные материалы привлекаются в настоящем исследовании преимущественно для общей характеристики начального этапа освоения этих территорий русским населением, для установления времени и формы этих контактов.

Вторая группа — материалы раскопок русских укрепленных поселений XIV—XV вв., расположенных в бассейнах Северной Двины, Ваги, Пинеге. Северные городки, которые народная традиция, краеведы и

некоторые исследователи упорно зачисляли в течение продолжительного времени в памятники "чуждого" типа, оказались поселениями сельского типа — укрепленными центрами феодальных боярских вотчин²³.

Третья группа археологических источников — материалы раскопок позднесредневековых поселений XVI—XVIII вв. посадского типа (Архангельск, Холмогоры, Пустозерск)²⁴, гражданская и церковная каменная архитектура Нижнего Подвinya: Архангельск (каменные гостиные дворы, Боровская Успенская церковь), Холмогоры (храмы Бориса и Глеба в Нижних Матигорах, Петра и Павла в Вавчуге, постройки Спасо-Прилуцкого Козьмеручьевского монастыря, Троицкого собора на Ухт-острове, обмеры и расчистки Антониева-Сийского монастыря) и Онежская земля (гражданские постройки и три каменных храма в Каргополе)²⁵.

Напомним, что авторы продолжительное время исследовали памятники археологии высоких арктических широт и знакомы с материалами, раскрывающими влияние культурных традиций Поморья на формирование всего облика материальной культуры тех отдаленных регионов, в освоении и заселении которых северорусское население сыграло первенствующую роль, а также могут проследить это влияние на формирование особого промыслового уклада жизни больших групп северян, уходивших на морские звериные и рыбные промыслы на берега и острова Ледовитого океана²⁶.

2. Письменные источники. Вторая часть источниковедческой базы нашего исследования — это письменные документы: опубликованные (летописи, сотные, росписные списки, подрядные, купчие и др.) и неопубликованные архивные материалы из центральных и региональных архивных хранилищ страны, преимущественно XVII и XVIII вв. Прежде всего следует отметить такой важный и необычайно информативный тип письменных источников, как писцовые и переписные книги поморских уездов и городов XVI—XVIII вв., исследованию которых пристальное внимание уделяло не одно поколение российских историков²⁷. Наиболее важными для нас являются писцовые и переписные книги Двинского уезда, в первую очередь двинских посадков. К сожалению, до нас не дошли писцовые книги рубежа XV—XVI вв. писца Тимофея Михайлова сына Тимофеева (письмо 1502 г.), писцовые книги Ивана Петровича Заболотцкого (письмо 1552—1553 гг.) и Василия Гагина (письмо 1559 г.). Не дошли до нас и писцовые книги, относящиеся ко времени непосредственно после постройки, а скорее, ко времени продолжающегося строительства Архангельского города: в 1587—1589 гг. Двину "писали" князь Василий Андреевич Звенигородский и подьячий Рахман Воронов. От XVI столетия сохранились лишь фрагменты этих документов, зафиксированных в сотных на отдельные вотчины (подавляющая часть этих важных документов практически уже издана). Такая же судьба постигла и книги "письма" 1611 г. писца Алексея Федорова сына Загрязского и подьячего Меркурия Лобученкова. Последние писцовые книги Двинской земли были составлены в 130—132 (1622—1624) гг. Мироном Андреевичем Вельяминовым и подьячими Боженем Степановым и Антоном Подольским²⁸. Являясь основой системы поземельного обложения (сошного письма), при описании посадков писцовые книги включали

описания не только городских укреплений, улиц, дворов, лавок, кузниц, но фиксировали и количество тяглой земли.

В 1646—1648 гг. поземельное обложение заменяется подворным и вместо писцовых книг в Русском государстве начинают проводиться подворные переписи. Первая такая перепись Двинского уезда была проведена в 154—155 (1646—1647) гг. Иваном Ивановичем Философовым и подьячим Козьмой Патрикеевым, а последняя в XVII в. — в 186 (1678) г. стольником Афанасием Денисовичем Фонвизиним и подьячим Федором Замятиным²⁹. Переписные книги, как и писцовые, содержат описания дворов, имена и фамилии их владельцев, но о занятиях, о профессии владельца двора и других мужчин, живущих в доме, дают, по сравнению с писцовыми книгами, более скудные сведения. Весьма ценные сведения для регулирования посадского тягла на двинских посадах, в первую очередь Архангельского и Холмогорского, имеет так называемая "Строительная книга" — "Список строительной книги Архангельска и холмогорских посадков при окольном и воеводе при князе Василье Григорьевиче Ромадановском да при дьяке Григорее Углеве"³⁰, составленная в 1649—1650 гг. Несмотря на фрагментарный характер сведений, сообщаемых этим документом о занятиях жителей и о наборе ремесленных специальностей, "Строительная книга" является существенным дополнением к переписным книгам 1646—1647 гг. Кроме того, она демонстрирует очень четкую позицию государственной власти по наведению порядка в регулировании посадского и крестьянского тягла, что очень ценно и для исследования взаимоотношений в целом города и деревни. Все эти документы, к сожалению, еще не были предметом публикации. Даже в такой насыщенной письменными источниками работе, как книга М. М. Богословского "Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в."³¹, автор, по определению А. И. Андреева, "не затронул богатый материал "городских городских книг" — например, не учел переписные книги по Двинскому уезду 1646—1647 гг."³² Из писцовой книги Архангельска С. Ф. Огородниковым в свое время был издан лишь небольшой фрагмент, содержащий описание Архангельского деревянного "города" и построек внутри него³³.

Только переписным книгам Архангельска, Холмогор и Двинского уезда 1676—1678 гг. относительно "повезло" — из этих книг был опубликован значительный по объему экстракт³⁴. Сведения переписи 1678 г. были использованы в 1702 г. для составления суммарной выписки дворов, числившихся за патриархом, монастырями, в городах, "за помещиками"³⁵. Данные писцовой и переписных книг Архангельска и Холмогор послужили источниковедческой базой в настоящем исследовании для изучения ремесленной специализации этих северных посадков и выявления своеобразных "династий" ремесленников-мастеров (кузнецы, иконописцы, косторезы), работавших на посадах в течение XVII в. Основополагающими документами являются писцовая и переписные книги и для изучения истории военно-оборонительных сооружений Севера³⁶.

С начала XVIII столетия, когда для "государевых дел" понадобилось кроме денег еще и огромное количество мастеровых и работных людей, переписи

населения с целью максимального учета всех людских ресурсов заметно участились³⁷. Для нас особый интерес представляют переписные книги Архангельска и Холмогор 1702 г. стольника Селиверста Петровича Иевлева³⁸. В 1710 г. Архангельск и Холмогоры переписывал подполковник Елизар Михайлов сын Титов³⁹. Нам представляется, что публикация именно этих переписей начала XVIII в. особенно актуальна, т. к. перекидывает своеобразный “мостик” от XVII в. к новому столетию. К сожалению, в круг наших публикаций не включены сведения переписи Архангельска 1700 и 1711 гг. (в этом году Архангельск переписывал стольник Василий Кругликов)⁴⁰. Тем не менее публикуемый материал и сведения тех переписей, которые нами фрагментарно учтены, содержат обширные данные историко-географического характера и надежную базу для генеалогических исследований населения посадов в XVII в.

В Приложении публикуются:

1. Писцовые книги Архангельского и холмогорских посадов 1622—1624 гг.
2. Переписные книги Архангельска и холмогорских посадов 1646—1649 гг.
3. Переписные книги Архангельска и холмогорских посадов 1676—1678 гг.
4. Переписные книги Архангельска и холмогорских посадов 1702 г.
5. Переписная книга Архангельска 1710 г.

Из приходно-расходных книг отметим особое значение для истории Нижнего Подвинья прежде всего книг Антониева-Сийского монастыря и Холмогорского архиерейского дома (нами использованы документы из собрания Архива СПб. ФИРИ РАН)⁴¹. Все перечисленные группы письменных источников обладают большой хронологической и территориальной компактностью, они не только дополняют друг друга, но и дают возможность перепроверки целых серий сведений. Это увеличивает их ценность как объективного исторического источника, дающего целостную картину состояния посадского ремесла на протяжении значительного временного отрезка. Указанные документы содержат также сведения о составе городской семьи, элементах городской топографии, данные о постройках.

Нами публикуются также группы письменных документов, связанных с историей застройки и развитием топографии Архангельска, — это прежде всего купчие (русских и иностранцев), челобитные и другие документы, отражающие историю застройки северного города и характер застройки отдельных его частей.

XVIII столетие оставило историкам необычайно широкий пласт письменных источников, которые по своему характеру являются комплексными, т. е. содержат сведения по истории, архитектуре, а также этнографические сведения. Это прежде всего различного рода описания губерний и атласы губерний. Особенно богата такими источниками вторая половина XVIII в., когда с 1775 г. начались работы по составлению описаний губерний и наместничеств⁴². В конце января 1797 г. по указу императора Павла I было начато, а к концу года завершено составление “Атласа Архангельской губернии с топографическим, историческим, экономическим и камеральными описаниями. Составлен по высочайшему повелению в 1797 году”⁴³. Впервые к Атласу Архангельской губернии

обратился В. В. Косточкин, опубликовавший изобразительные материалы по крепости города Колы⁴⁴. Атлас как источник по истории северного городского и крестьянского жилища использовала В. Т. Шмакова⁴⁵, а позднее и другие исследователи⁴⁶. Фрагменты Атласа с описаниями отдельных городов и округ были опубликованы в последние годы: “Описание рыбных и звериных морских промыслов”, “Топографическое и историческое описание города Колы” и “Камеральное описание Кольской округи”⁴⁷, “Описание самоедов”, “Топографическое и историческое описание губернского города Архангельска”⁴⁸.

Атлас Архангельской губернии является для истории Северного Поморья ценным письменным и изобразительным источником, он содержит материалы как по городским центрам Архангельской губернии, так и экономические сводки по всем волостям, с подробными описаниями выгонных земель и т. д. Кроме того, Атлас — ценный этнографический источник: сведения о жилищах, занятиях, мужской и женской одежде, пище населения всех регионов губернии XVIII в. уникальны. Имеется информация и экологического порядка — описаны леса, почвы, реки, озера, рыбы, птицы, звери, ягоды, грибы и т. д. Безусловно, написанию Атласа 1797 г. предшествовала большая подготовительная работа по собиранию и систематизации всех имевшихся сведений, что предполагает использование более ранних, чем Атлас, материалов⁴⁹.

Предлагая публикацию некоторых текстовых и иллюстративных фрагментов Атласа Архангельской губернии, мы исходим из историко-культурной ценности документа и из того интереса к источникам XVIII столетия по истории Архангельского Севера, который отчетливо заметен в последнее время. Мы уверены, что предлагаемые фрагменты Атласа, не являясь полной публикацией документа, не закрывают ни его дальнейшее изучение, ни исчерпывающую публикацию, если таковая будет осуществлена в будущем.

3. Археология моря и его окрестностей. Мы сочли целесообразным высказать мнение об источниковедческой базе данной проблемы в небольшом самостоятельном разделе. “Морская” сторона жизни нашла отражение в целом ряде особенностей социально-экономической и культурной жизни населения всего региона (и города, и уезда). Поэтому авторы затронули в данной монографии некоторые аспекты этой проблематики, рассматривая их в тесном контакте со всем комплексом исследуемых вопросов.

Важность исследования “морского” аспекта истории Поморья очевидна, поэтому представляется не менее важным обсудить некоторые и теоретические, и практические аспекты такой молодой субдисциплины, как археология моря и его окрестностей. *Maritime archaeology*, действительно, заняла и практически, и теоретически одну из ведущих позиций в изучении арктических регионов. Безусловно, понятие “культурный ландшафт моря и его окрестностей” является одним из наиболее фундаментальных в современных исследованиях. Сугубо утилитарный функциональный подход к взаимоотношениям “человека и моря” часто ведет к игнорированию или непониманию роли, которую играло и играет море в развитии культуры⁵⁰. Необходимо более точно определить понятие “археология моря и его окрестностей”, отдав

предпочтение термину “археология моря и его окрестностей” (*marine archaeology*) вместо традиционного термина, применяемого в Скандинавии, — “морская (*marine*) археология”. Большинство теоретических подходов к вопросам археологии моря и его окрестностей в общем соответствует подходам на эпистемологическом уровне в изучении культурного ландшафта моря и его окрестностей. Море представляет, без сомнения, особый случай, когда имеет место “физическое” свидетельство человеческой деятельности. Сохранение и изучение этого подводного культурного наследия очень важно, хотя само определение понятия подводного культурного наследия пока еще не уточнено⁵¹. Бесчисленные события имели место на поверхности океана, не оставляя следов. Когда рассеивается килевой след от корабля и волны успокаиваются, следы судоходства также исчезают, в том числе следы крупнейших сражений и катастроф. События могут оставаться живыми только в памяти очевидцев, возможны письменные источники и вещественные свидетельства, которые откладывались на морском дне. Но если во время плавания не было никаких осложнений? Судно приходит в порт, груз разгружен, и оно продолжает свой курс.

К. Маклрой был первым, кто в 1978 г. поднял этот вопрос. Он пришел к заключению, что археология моря и его окрестностей могла собрать сведения только о тех несчастных судах, которые по той или иной причине не могли успешно завершить свои плавания и потерпели крушение. Когда же все шло, как запланировано, это был “конец” для археологов, т. к. никаких материальных следов в море не оставалось. Можно не согласиться с Маклроем. Как археологи мы все имеем возможность проследить события, но эта задача сложнее и требует упорной работы. Следы “спрятаны” в археологических источниках, которые при начальном рассмотрении не кажутся связанными с событиями. Где и как мы найдем ключи к разгадке? В течение своей короткой истории археология моря и его окрестностей сфокусировалась на исследованиях кораблекрушений до такой степени, что она стала почти синонимом археологии остатков кораблекрушений. Концентрация на мореходных аспектах привела к искусственному разделению между археологией моря и его окрестностей и “наземной” археологией. Подходы археологии моря и его окрестностей едва ли равнозначны по отношению к тем исследовательским задачам, которые ставит перед собой “земная” археология, и наоборот⁵². В последнее время среди заинтересованных коллег имела место дискуссия, касающаяся целей, разграничений и методолого-теоретической базы археологии моря и его окрестностей. К сожалению, дискуссия имела больше устную, чем письменную форму, и, насколько нам известно, есть только две публикации, содержащие попытки проникнуть в суть проблемы. Обе попытки — не совсем удачные. Мы имеем в виду книгу К. Маклроя “Археология моря и его окрестностей” и статью С. Макгрэйла “Археология моря и его окрестностей — настоящее и будущее”⁵³. Несколько интересных и важных мыслей было высказано и в других опубликованных работах (например, Р. А. Гоулд, Ч. Вестердал, публикации материалов конференции “Water Front” и О. Круmlin-Педерсен)⁵⁴. Маклрой определяет археологию моря и его окрестностей как “научное изучение материальных остатков человека и

его деятельности на море”⁵⁵. Он утверждает, что эти дисциплины должны охватывать все аспекты культуры, такие как технология, экономика, социальные структуры и религия. Однако исследователь тут же подчеркивает, что он должен исключить определенные следы человеческой деятельности, оставленные на земле. Принцип прост: подводный контекст, т. е. только свидетельства, за очень редким исключением, которые отложились под водой, представляют интерес для археологии моря и его окрестностей: “только в море могут произойти мореходные катастрофы, поэтому именно под поверхностью моря должно лежать большое количество материальных свидетельств”⁵⁶. Предположение, что деятельность Человека, связанная с морем, может быть исследована только под поверхностью океана, так же нелогично, как утверждение, что только суда, которым удалось утонуть, являются ценным источником мореходной археологии. Макгрэйл подчеркивает, что подход Маклроя к предмету спора невозможно принять, и представляет свое собственное определение, из которого следует, что подход должен быть “связан с использованием Человеком всех видов водных путей (озера, реки, моря), с его сосредоточением на применявшихся на них плотах, лодках и судах: как они были построены — от выбора материала до спуска — и как они применялись. Таким образом, мы ищем ответы на такие вопросы: как, когда, где и почему эти плот, лодка, судно были построены и использовались?”⁵⁷ Он продолжает далее: “...материалы для постановки этих проблем приходят отовсюду: с морского дна, подвергающегося приливам и отливам, или просто с суши — и дополняются относящимися к делу документальными и иконографическими свидетельствами. Этнография, кораблестроение, ботанические науки и экспериментальная археология могут пролить новый свет на некоторые из вопросов, поднятых добытыми материалами”. Таким образом, Макгрэйл простирает сферу влияния, определенную Маклроем для археологии моря и его окрестностей, как бы в двух направлениях. С одной стороны, он включает другие водные пути, такие как реки и озера, в добавление к морю. В то же время он указывает, что важные материалы могут быть найдены не только под водой. Однако его прагматические мысли на этом останавливаются, и он концентрирует реальные исследовательские усилия опять на мореходных аспектах, т. е. преимущественно на судах, но вводит термин “приморские структуры”, которые включают “участки строительства, места причаливания и порты, места стоянки судов, слипы, дамбы, запруды для рыбы и т. д.”⁵⁸

Многие археологи в англоязычном мире, а также большинство скандинавских археологов называют это поле исследования *marine archaeology*. Термин “*marine*” часто применяется как синоним “*maritime*” несмотря на значительные нюансы между ними. По словарю, “*marine*” означает “то, что принадлежит океану”, в то время как “*maritime*” — “то, что связано с океаном, берегом или мореплаванием”. Таким образом, существуют по крайней мере две возможные интерпретации термина “морская археология”. Одна интерпретация морской археологии означает археологию в море, т. е., по существу, подводную археологию. Другая возможная интерпретация, более рискованная, но семантически приемлемая, описывает морскую археологию как поле исследований, имею-

щих отношении к использованию Человеком Моря с помощью элементов культуры, которые по той или иной причине отложились на морском дне. Археология моря и его окрестностей является, таким образом, намного более широким полем исследований, включающим стабильный контакт Человека и Моря. Когда мы говорим о взаимоотношении Человека с Морем, мы всегда должны помнить, что это значит намного больше, чем только использование Человеком огромных акваторий. Такое взаимоотношение является фундаментальным процессом, который, помимо прочего, имеет отношение к развитию познавательной связи Человека с Морем⁵⁹. Археология как поле исследования должна признать эту ситуацию и учитывать ее при интерпретации материала.

Таким образом, археология моря и его окрестностей как субдисциплина археологии включает в себя все поле исследования морской археологии, другие относящиеся к морю сферы материальной культуры прошлого, а также познавательные аспекты взаимоотношения Человека с Морем:

1) материальные свидетельства техно-практического характера: поселение вдоль внешнего и, в некоторой степени, внутреннего побережья, портовые сооружения, торговые и распределительные пути со связанными с ними инфраструктурами, такими как места рынков, обработки рыбы, военные и гидравлические сооружения, суда, верфи, маяки, навигационные знаки и, не последние по значимости, архивы, изобразительные материалы и т. д.;

2) материальные свидетельства символического характера: церкви, жертвенные места, места национальных собраний, памятники искусства и т. д.;

3) нематериальные свидетельства техно-практического характера: практические знания, технологии и т. д., которые часто могут быть извлечены только путем изучения группы № 1;

4) нематериальные свидетельства символического характера: мифология, легенды, традиции, рассказы, сказки и т. д.

Кроме того, есть еще перекрестные подгруппы, число которых довольно велико. Наиболее типичные примеры: лингвистика, топонимика, поселения, кладбища судов, русские православные кресты, расположенные вдоль арктического побережья, прикладное искусство и, вероятно, наскальные рисунки и надписи. Предварительно определив классификацию типов источников (все наши положения высказаны в плане дискуссии), мы сейчас лишь продвинулись на пути к пониманию понятия "культурный ландшафт моря и его окрестностей". Комплекс памятников, расположенных в каком-либо географическом регионе, автоматически не образует культурного ландшафта. Остается наиболее емкая и наиболее трудная задача — перейти от уровня фиксации источников к уровню понимания всего комплекса составляющих культурного ландшафта моря и его окрестностей и исследования их.

Среди археологических исследований редкими по захватывающему интересу, по своей противоречивости и сложности эпистемологическими проблемами являются переплетения различных направлений развития культуры. Порой трудно достаточно четко провести классификацию каждого из таких направлений, поскольку внутреннее содержание большинства из них имеет общий контекст. Например, раскоп-

ки русских промысловых становищ на архипелаге Шпицберген содержат информацию (в определенном объеме) и о культуре материковой части Русского Поморья (ремесло, домостроительство, организация и традиции судостроения, религиозные воззрения и т. д.), и о культурных аспектах промысловой деятельности в рамках промыслового региона (элементы навигационной археологии, специфика комплекса материальной культуры промыслов и т. д.). Включив сюда аспект многотрадиционной культурной основы Северного региона (например, эскимосы в Гренландии, карелы и ненцы в европейской части России, саамы в Скандинавии и России и т. д.), межгосударственные контакты как один из механизмов культурного взаимодействия (в том числе международная торговля и использование иностранных технологий, например торговое и военное судостроение в России с конца XVII в.), мы получим довольно сложный комплекс историко-культурных аспектов в исследовании Субарктического и Арктического регионов Европы.

Археологические раскопки русских становищ на Шпицбергене, подводные исследования затонувших кораблей, изучение таких комплексных памятников, как обнаруженные в проливе Мартнад у острова Няр (о чем мы уже писали), — все это поиск и накопление источников по теме "культурный ландшафт моря и его окрестностей" и первые попытки интерпретации комплексов в системе *maritime archaeology*⁶⁰.

* * *

Предисловие мы хотим завершить словами искренней благодарности и признательности всем тем, кто на протяжении многих лет был с нами "в поле": в экспедициях в тайге, на морском берегу, на островах и даже на морском дне. Это вы своим умением, высоким профессионализмом и, несомненно, энтузиазмом споспешествовали успеху многих наших археологических изысканий. Мы благодарим и тех, кто помог нам в подготовке к печати иллюстраций (рисунков и фотографий), а также значительного объема архивных документов.

В нашей работе мы всегда находили и находим поддержку коллег — сотрудников Института археологии Норвежского Университета естественных наук и технологии (г. Тронхейм), Норвежского исследовательского совета и отдела славяно-финской археологии Института истории материальной культуры Российской Академии наук (г. Санкт-Петербург). На протяжении почти четырех десятилетий длилось наше научное сотрудничество с Архангельским областным краеведческим музеем и Музеем изобразительных искусств, с Нарьян-Марским окружным музеем и Пустозерским комплексным историко-природным музеем (Ненецкий автономный округ), с норвежской кампанией Статойл, финансировавшей охранные работы в районе гибели русского военного судна XVIII столетия "Единорог".

В публикации результатов археологических исследований принимали участие многие наши коллеги. Мы благодарим их за помощь в интерпретации и осмыслении раскопок и используем эти публикации с соответствующим справочным аппаратом.

Монография иллюстрирована фотоработами архангельского телеоператора и фотографа В. Н. Веш-

някава. Его нет среди нас, но мы помним первый в Архангельске археологический телерепортаж о раскопках Орлецкого городища в 1971 г., а потом на протяжении почти двадцати лет каждый полевой сезон Владимир Николаевич делал репортажи о наших раскопках, и это было всегда талантливо и интересно.

Он мог сорваться с места и полететь на вертолете на Пезский волок на Мезень или на Ортинское городище на Печору. От этих поездок остались прекрасные фотографии, которыми он щедро одаривал экспедицию. Мы оба знали Володю Вешнякова и помним, что он любил Север — русский и норвежский.

Примечания

- ¹ Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. Т. XXIV. СПб., 1898. С. 504, 506; БСЭ. Т. 20. М., 1975. С. 1025.
- ² Бернштам Т. А. Поморы: Формирование группы и системы хозяйства. Л., 1978. С. 165.
- ³ Колесников П. А. Северная Русь: Архивные источники и сельское хозяйство XVII в. Вологда, 1971. С. 3.
- ⁴ Мачинский Д. А., Мачинская А. Д. Северная Русь, Русский Север и Старая Ладога в VIII—XI вв. // Культура Русского Севера. Л., 1988. С. 44—45; Макаров Н. А. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI—XIII веках: На материале археологических памятников на волоках Белозерья и Поонежья. М., 1997. С. 6—7.
- ⁵ Колесников П. А. Северная Русь: Архивные источники по истории Европейского Севера России XVIII в. Вологда, 1973; Он же. Северная деревня в XV — первой половине XIX века. Архангельск, 1976.
- ⁶ Кабузан В. М. Обзор историко-географических источников по административно-территориальному делению России в 1720—1770 гг. // Историческая география России XVIII в. Ч. II: Источники и их характеристика. М., 1981. С. 44, 45; РГА ВМФ, ф. 212, д. 2, л. 58—62.
- ⁷ Записки Императорской АН. Т. IX, кн. 1. СПб., 1866.
- ⁸ Кабузан В. М. Ук. соч. С. 45.
- ⁹ Куратов А. А., Овсянников О. В. Новейшие археологические исследования на территории Архангельской области // Историография и источниковедение истории северного крестьянства СССР. Северный Археографический сборник. Вып. VI. Вологда, 1978. С. 3—12.
- ¹⁰ Гурвич Д. М. М. В. Ломоносов и археология // КСИИМК. Вып. 41. 1951. С. 119—123.
- ¹¹ Архив ИИМК РАН, ф. 1, 1890, д. 1.
- ¹² Там же, л. 39.
- ¹³ О находках в Мезенском, Шенкурском и др. уездах Архангельской губ. см.: Там же, 1891, д. 134; 1859, д. 9, 14; 1898, д. 91 и др.
- ¹⁴ Там же, 1898, д. 277, л. 1.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Там же, 1894, д. 49.
- ¹⁷ Там же, 1906, д. 65, л. 7—7 об. См. также: Кошкин В. Вельское городище // ЗРАО. Т. XI, вып. 1—2. СПб., 1889. С. 387—388; Воронов П. Городища близ г. Вельска // Там же. Т. VIII. СПб., 1856. С. 74; Едемский П. Кокшеньгская старина // ЗОРСА. Т. VII, вып. 2. СПб., 1905. С. 86—95.
- ¹⁸ Спицын А. А. Сведения 1873 г. о городищах и курганах: Архангельская губерния // ИАК. Вып. 5. 1903; Он же. Археологический альбом. СПб., 1915; Он же. Древности Севера: Вологодской, Архангельской, Северо-Двинской губернии и области Коми: Доклады научного общества по изучению местного края при Тотемском музее. Тотма, 1926.
- ¹⁹ Архив ИИМК РАН, ф. 1, 1909, д. 80.
- ²⁰ Tallgren A. M. Biamtia // ESA (Helsinki). VI. 1932. P. 100—120.
- ²¹ Ibid. P. 120.
- ²² Овсянников О. В. Археологические памятники "чуди заволочьской" в бассейне Ваги // Вопросы финно-угроведения: Этнография, антропология, археология, фольклористика, литературоведение: Тезисы к XVI Всесоюзной конференции финно-угроведов в г. Сыктывкаре. Сыктывкар, 1979; Idem. First-Discovered Burialfield of "Zavolochye Tshud" // Fenno-Ugri et slavi. Helsinki, 1980. P. 228—236; Idem. On Trade Rjuttu to Zavolochye in the 11th Century // ISKOS. 4. Helsinki, 1984. P. 98—106; Он же. Средневековый грунтовый могильник на Терском берегу // Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л., 1985. С. 84—88; Idem. The Gorodetz Sanctuary of the 12th—13th Centuries on the Niznia Pechora River // ISKOS. 9. Helsinki=Helsingfors, 1990. P. 99—105; Idem. The Gorodetz Sanctuary of the 6th—13th Centuries on the Lower Pechora River According to the 1987—1989 Excavations // Cultural Heritage of the Finno-Ugrians and Slavs. Tallinn, 1992. P. 171—179; Верещагина И. В., Овсянников О. В. Памятники X—XIII вв. в среднем течении р. Северная Двина // Древности славян и финно-угров. СПб., 1992. С. 138—143; Назаренко В. А. Новый памятник заволочьской чуди // Новое в археологии СССР и Финляндии. Л., 1984. С. 144—147; Макаров Н. А. Население Восточного Прионежья в X—XIII вв.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1985; Он же. Средневековый могильник Попово на Каргопольщине // КСИА. Вып. 171. 1982. С. 84 и др.; Он же. Археологические данные о характере колонизации Русского Севера в X—XIII вв. // СА. 1985. № 3. С. 61 и др.; Он же. Восточное Прионежье в экономической системе Древнерусского государства. М., 1988. С. 120—142; Idem. The Earliest Burials in Volok Slavensky and the Initial Stages of the Water Route from the Beloe Lake to the Dvina Basin // ISKOS. 9. Helsinki=Helsingfors, 1990. P. 161—169; Idem. The Colonization of Volok Slavensky in the Eleventh and Thirteenth Centuries — the Medieval Economy of the Settled Areas // Fenno-Ugri et slavi. Helsinki, 1992; Он же. Колонизация северных окраин Древней Руси... С. 368.
- ²³ Овсянников О. В. Орлецкое городище // КСИА. Вып. 95. 1964. С. 116—119; Он же. Емецкий городок // Там же. Вып. 104. 1965. С. 135—138; Он же. Из истории средневековых укреплений на Архангельском Севере // Культура и искусство древней Руси: Сборник в честь проф. М. К. Каргера. М., 1967. С. 164—173; Он же. Раскопки Орлецкого городища // АО. 1971. М., 1972. С. 39—40; Он же. Каменный кремль XIV в. в низовьях Северной Двины // КСИА. Вып. 139. 1974. С. 114—117; Он же. Раскопки Емецкого городка XV в. // АО. 1974. М., 1975. С. 9; Он же. Новые данные о Емецком городке XV в. // КСИА. Вып. 150. 1977. С. 26—27; Он же. Укрепленные усадьбы XIV—XV вв. как памятник оборонного зодчества Русского Севера // Там же. Вып. 172. 1982. С. 97—104; Он же. Северные укрепленные поселения XV в. в бассейне рек Северной Двины и Ваги // Проблемы истории Новгорода и Новгородской земли: Тезисы докладов и сообщений научного симпозиума. Новгород, 1986. С. 36—37.
- ²⁴ Овсянников О. В. Находка в Холмогорах // Шахматы в СССР. 1965. № 6. С. 27; Он же. Красные печные изразцы из древних Холмогор // КСИА. Вып. 110. 1967. С. 24—29; Он же. О характере косторезного ремесла в средневековой Руси // СА. 1969. № 1. С. 76—83. О. В. Овсянниковым в 1961—1963 гг. были произведены наблюдения над строительными котлованами в Архангельске, в 1984 г. осуществлены архитектурно-археологические раскопки на территории комплекса XVII в. — Архангельских Гостиных дворов, в 1989 г. — охранные работы по исследованию каменной Успенской Боровской церкви середины XVIII в. в Архангельске, в 1960 г. проведены археологические раскопки в Холмогорах (на Западокурью вскрыто 500 м²).
- ²⁵ Булкин В. А., Овсянников О. В. Из истории каменного строительства в конце XVII в. в Нижнем Подвинье // Средневековая Русь: Сборник статей памяти Н. Л. Воронина. М., 1976. С. 334—351; Они же. Некоторые итоги архитектурно-археоло-

- логических работ в Каргополе // Проблемы истории и культуры Северо-Запада РСФСР: Сборник статей ежегодной конференции историко-культурной секции молодежного научного центра. Л., 1977. С. 52—59; *Овсянников О. В.* Каменные палатки XVII в. в северорусских городах // КСИА. Вып. 148. 1977. С. 105—109; *Булкин В. А., Овсянников О. В.* Антониево-Сийский монастырь: (Буклет). Архангельск, 1979; *Они же.* Каменные шатровые храмы Сийского монастыря // КСИА. Вып. 160. 1980. С. 117—122; *Они же.* Подмастерье каменных дел Петр Некрасов // Памятники культуры: Новые открытия: Ежегодник 1980 г. М., 1981. С. 555—563; *Они же.* Два памятника северной каменной архитектуры конца XVI — начала XVII в. // КСИА. Вып. 175. 1983. С. 97—101; *Они же.* Троицкий собор Антониево-Сийского монастыря // Там же. Вып. 187. 1986. С. 80—84; *Они же.* Новые данные о каменном строительстве второй половины XVII в. в окрестностях Холмогор // Памятники культуры: Новые открытия: Ежегодник 1984 г. М., 1986. С. 541—553.
- ²⁶ *Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф.* Мангазея: Мангазейский морской ход. Ч. I. Л., 1980; *Они же.* Мангазея: Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI—XVII вв. Ч. II. М., 1981; *Старков В. Ф., Овсянников О. В.* Археологические исследования на Шпицбергене // Вестник АН СССР, 3. 1980. С. 122—128; *Они же.* Русские поселения на архипелаге Шпицберген (Норвегия) // IX Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии: Тезисы докладов. Ч. I. Тарту, 1982. С. 197—1998; *Они же.* Работы советской археологической экспедиции на архипелаге Шпицберген // Природа и хозяйство Севера. Вып. 10. Мурманск, 1960. С. 72—86; *Они же.* К вопросу об открытии и хозяйственном освоении архипелага Шпицберген // Скандинавский сборник. Вып. XXIX. Таллинн, 1985. С. 115—122; *Starkov V., Ovsiannikov O.* Russerness arkeologiske aktivitet fra 1970—80 // Svalbardboka 1985—86. Tromsø, 1986. P. 121—133; *Старков В. Ф., Корякин В. С., Завьялов В. Н.* Русские поселения XVI в. на Шпицбергене // Вестник АН СССР, 12. 1983. С. 109—113; *Старков В. Ф., Одинцов В. А.* Некоторые проблемы арктического мореплавания и походы русских на архипелаг Шпицберген // Летопись Севера. Вып. 11. М., 1985. С. 147—161; *Овсянников О. В.* Новые данные о промысловом освоении поморским крестьянством бассейна Арктики // Земледельческое производство и сельскохозяйственный опыт на Европейском Севере (дооктябрьский период): Межвузовский сборник научных трудов. Вологда, 1985. С. 66—73; *Он же.* Русские поморы на промыслах Шпицбергена, Мурмана и Печорского региона // X Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии: Тезисы докладов. Ч. I. М., 1986. С. 152—153; *Он же.* Поморская промысловая “энциклопедия” конца XVIII в. // Культура Русского Севера. Л., 1988. С. 71—86; *Он же.* О морских рыбных промыслах Русского Севера // XI Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии: Тезисы докладов. Ч. I. М., 1989. С. 204—205.
- ²⁷ *Богословский М. М.* Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. М., 1909; *Он же.* Тяглая организация Поморья в XVII веке // Древности: Труды Археологической комиссии. Т. 3. М., 1913; *Клочков М.* Население России при Петре Великом по переписям того времени. Т. I: Переписи дворов и населения (1678—1721) // Записки историко-филологического факультета С.-Петербургского университета. Ч. I. СПб., 1911; *Веселовский С.* Акты писцового дела: Материалы для истории кадастра и прямого обложения в Московском государстве. Т. I: Акты 1587—1627 гг. М., 1913; *Он же.* Сошное письмо: Исследование по истории кадастра и пососного обложения Московского государства. Т. II. М., 1916; *Колесников П. А.* Писцовые и переписные книги как источник для изучения миграции поморского населения в XVI — начале XVIII в. // Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный Археографический сборник. Вып. 1. Вологда, 1970. С. 186—193; *Воскобойникова Н. П.* Писцовые и переписные книги Яренского уезда XVI—XVII вв. как исторический источник // Там же. С. 212—236; *Копанев А. И.* К вопросу о структуре землевладения на Двине в XV—XVI вв. // Вопросы аграрной истории. Вологда, 1968. С. 442 и след.
- ²⁸ РГАДА, Поместный Приказ, ф. 1209, кн. 9. Поздняя копия этой писцовой книги есть в Архиве СПб. ФИРИ РАН, ф. 276, оп. 1, д. 81.
- ²⁹ РГАДА, Боярские и городские книги, ф. 137, кн. 1.
- ³⁰ Там же, Поместный Приказ, ф. 1209, кн. 15051.
- ³¹ Архив СПб. ФИРИ РАН, Рукописи Археографической комиссии, ф. 11, д. 122. Поздняя копия этой рукописи в этом же архиве названа “Переписной книгой Архангельска 157—158 годов” (ф. 276, оп. 1, д. 84).
- ³² *Андреев А. И.* Заметки к истории Русского Севера: Писцовые и переписные книги по Ваге и Чаронде // ЛЗАК за 1927—1928 гг. Вып. XXXV. Л., 1929. С. 169.
- ³³ *Огородников С. Ф.* Очерк истории города Архангельска. СПб., 1890. С. 49—53; *Новожилов Ю. К.* К вопросу об основании города Архангельска // Сборник историко-краеведческих статей: Ученые записки Архангельского гос. педагогического института им. М. В. Ломоносова. Вып. 16. С. 176—202.
- ³⁴ *Замысловский Е. Е.* Извлечение из переписных книг (1676—1682 гг.) // ЛЗАК. Т. VIII. СПб., 1888.
- ³⁵ *Володарский Я. Е., Павленко В. В.* Сводные данные о количестве податных дворов Европейской России по переписи 1678 г. // Советские архивы. 1971. № 6. С. 64—72.
- ³⁶ *Овсянников О. В.* Холмогорские и Архангельские посады по писцовым и переписным книгам XVII в. // Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный Археографический сборник. Вып. 1. Вологда, 1970. С. 197—211; *Он же.* Из истории средневековых укреплений на Архангельском Севере. С. 164—173; *Он же.* Оборонительные сооружения северорусских городов XVI—XVII веков (Архангельск, Каргополь, Холмогоры, Сольвычегодск) // Летопись Севера. Вып. VI. М., 1972. С. 211—222; *Он же.* Люди и города средневекового Севера. Архангельск, 1971; *Он же.* Средневековые города Архангельского Севера. Архангельск, 1992.
- ³⁷ *Клочков М.* Население России при Петре Великом по переписям того времени. Т. I. С. 41, 316, 420 и др.
- ³⁸ РГАДА, ф. 137, Архангельск, д. 43.
- ³⁹ Архив СПб. ФИРИ РАН, ф. 10, оп. 1, д. 1, ч. 1.
- ⁴⁰ Там же, л. 2; оп. 2, д. 276, л. 6 об.
- ⁴¹ Там же, ф. 5, Антониево-Сийский монастырь, оп. 2, д. 1—97; Рукописи Археографической комиссии, ф. 11, д. 101—103, 106—108.
- ⁴² *Кабузан В. М.* Обзор историко-географических источников... С. 44—46; РГА ВМФ, ф. 212, д. 2, л. 58—62; Записки Императорской АН. Т. IX, кн. 1. СПб., 1866; *Шапиро А. Л.* Записки о Петербургской губернии А. Н. Радищева // Исторический архив. Т. V. М.; Л., 1950. С. 159; *Рубинштейн Н. Л.* Топографические описания наместничеств и губерний XVIII в. — памятники географического и экономического изучения России // Вопросы географии. Сб. 31. М., 1953. С. 39 и след.; *Кох О. Б.* О месте переписи по Архангелогородской губернии 1785 года среди географо-экономических описаний России конца XVIII в. // Археография и источниковедение Европейского Севера РСФСР: Тезисы республиканской научной конференции. Т. 2. Вологда, 1989. С. 126 и след.
- ⁴³ ГВМА, ф. ВУА, № 18588, ч. 1—3. О создании Атласа см.: *Мильчик М. И.* Рукописный Атлас Архангельской губернии 1797 года // Известия Всесоюзного географического общества. Т. 116, вып. 6. Л., 1984. С. 533—537.
- ⁴⁴ *Косточкин В. В.* “Деревянный город” Колы: (Из истории русского оборонительного зодчества конца XVI — начала XVIII в.) // МИА. № 77. 1958. С. 200—246.
- ⁴⁵ *Шмакова В. Т.* Новые материалы по народному деревянному зодчеству Русского Севера // Аграрная история Европейской части СССР. Вологда, 1970. С. 501—513; *Мильчик М. И.* Фотографии... из XVIII века // Летописец Севера: Историко-краеведческий сборник. Архангельск, 1990. С. 71—81.

- ⁴⁶ Мильчик М. И. Холмогоры в XVII в. по изображениям в Атласе Архангельской губернии // Памятники культуры: Новые открытия: Ежегодник 1987 г. М., 1988. С. 435—452; Он же. Руккописный Атлас Архангельской губернии 1797 г. // Роль Архангельска в освоении Севера: (Тезисы докладов). Архангельск, 1984. С. 123.
- ⁴⁷ Овсянников О. В. Поморская промысловая "энциклопедия" конца XVIII в. С. 71—87; Он же. Север Кольского полуострова — контактная зона XVI в. // Исторические связи Русского Севера и Норвегии: (К 200-летию города Вардье). Архангельск, 1989. С. 8—32.
- ⁴⁸ Теребихин Н. М., Овсянников О. В. Святилище "Козьмин перелесок" как памятник традиционной духовной культуры ненцев // Проблемы изучения историко-культурной среды Арктики: Сборник научных трудов. М., 1990. С. 235—246; Овсянников О. В. К топонимике и топографии старинного Архангельска // Вопросы топонимики Подвinya и Поморья: Сборник статей. Архангельск, 1991. С. 55—112.
- ⁴⁹ Топографическое и историческое описание Архангельской губернии (со сведениями о постройках в городах: Архангельск, Кола, Мезень, Онега, Пинега, Холмогоры, Шенкурск), 1780ые годы. — РО РНБ, ф. 536, ОЛДП, д. 365, л. 1—36; Исторические примечания о древностях Олонешского края и о народах, прежде там обитавших, и топографическое описание о городах и уездах Олонешского наместничества, 1784—1790 гг. — РО РНБ, ф. 555, ОСПК, р. IV, д. 269, л. 1—98 и др.
- ⁵⁰ Jasinski Marek E. The Maritime Cultural Landscape — an Archaeological Perspective // *Archeologia Polski*, XXXVIII. 1993. Z. 1. P. 1—21.
- ⁵¹ The Underwater Cultural Heritage // Council of Europe, Parliamentary Assembly, Report of the Committee on Culture and Education (Rapporteur Mr. John Roper). Strasbourg, 1978. P. 3, 5.
- ⁵² Muckelroy K. *Maritime Archaeology*. Cambridge University Press, 1978.
- ⁵³ McGrail S. *Maritime Archaeology — Present and Future* // McGrail S. *Aspects of Maritime Archaeology and Ethnography*. National Maritime Museum (London). P. 11—40.
- ⁵⁴ Gould R. A. (ed.) *Shipwreck Anthropology*. University of New Mexico Press, 1983; Westerdahl Ch. *Nordlandsleden. Kallor til det maritima Kulturlandskapet*, Lansmuseet, Murbergets, 1989; Crumlin-Pedersen O. (ed.) *Aspects of Maritime Scandinavia AD 200—1200: The Viking Ship Museum*. Roskilde, 1991.
- ⁵⁵ Muckelroy K. Op. cit. P. 4.
- ⁵⁶ Ibid. P. 8.
- ⁵⁷ McGrail S. Op. cit. P. 12.
- ⁵⁸ Muckelroy K. Op. cit. P. 37.
- ⁵⁹ Westerdahl Ch. Op. cit. P. 313.
- ⁶⁰ Jasinsky Marek E. (Ясински Марек Э.) Культурный ландшафт моря и его окрестностей как предмет исследований // Изучение памятников морской археологии. Вып. 2. СПб., 1995. С. 77—85; Jasinsky Marek E. *Maritime Aspects of Svalbard Archaeology* // *Norsk Sjøfartsmuseum Årbok 1988*. Oslo. P. 85—106; *Marienarkeologiske undersøkelser i Kabelvåg, Lofoten. Feltarbeid i Nord Norge og på Svalbard*. 1987 // *Tromsø: Kulturserie*. Nr. 17. 1990. P. 79—88.; *Maritime arkeologi: Genesis definisjon og Kunnskapsbehov* // *Marinaarkeologi, kunnskapsbehov: Rapport fra seminar 22—25, September, 1993*. Korshavn ved Lindesnes, Norges Forskningsrad. P. 102—127.

Глава 1

СИСТЕМА РАССЕЛЕНИЯ В СЕВЕРНОМ ПОМОРЬЕ В XI—XVII ВВ.

Расселение — один из важнейших аспектов истории территории, яркий показатель прогресса заселения и освоения региона, свидетельствующий о наличии постоянных поселений, их количестве и характере. Система или структура расселения представляет собой соотношение типа поселения как места проживания и типа поселения как места производства, т. е. характер связи производителя и средств производства (сельскохозяйственная земля, с одной стороны, и пашня, сенокосы, промысловые угодья — с другой). Взаимодействие, динамическое соотношение этих двух аспектов и является основой, стержнем структуры расселения. Таким образом, тип поселения выступает как один из самых существенных элементов материальной культуры. Система расселения — это определенная социально-культурная система, пространственная организация жизни общества. Отдельные элементы такой социально-культурной структуры — поселения, жилища (даже элементы жилища — конструктивные, технологические, планировочные), равно как и вся структура в целом, постоянно развиваются и изменяются.

Важно определить наиболее общие закономерности развития системы расселения на территории Северного Поморья как самостоятельного историко-культурного региона Русского государства, выявить существенные местные черты, учитывая, что основные направления этого развития носят общерусский характер. Для раннего периода мы, естественно, можем говорить лишь об элементах системы расселения, насколько это позволяют источники. Степень изученности северных поселений такова, что в нашем распоряжении еще совсем недавно практически отсутствовал наиболее ранний пласт памятников, относящихся к начальному этапу освоения северных территорий русским населением. Трудно сказать, связано это со степенью археологической исследованности региона или же отражает определенную специфику исторического процесса, и русские памятники (поселения, могильники) X—XIII вв. вряд ли будут найдены на территории Северного Поморья. Этот вопрос важен — особенности начального этапа освоения северных территорий славянами, прежде всего темпы и характер этого освоения, наложили отпечаток на всю дальнейшую историю Северного Поморья. Несомненно, процесс формирования городских центров в данном регионе, их особенности были

во многом predeterminedены уже на начальных этапах освоения этих территорий русским населением.

Время и характер освоения северных территорий русским населением тесно связаны с тем конкретным пониманием процесса колонизации, определением которого занималось не одно поколение историков¹. Только историографический обзор этой темы мог бы составить самостоятельное исследование. Но авторы некоторых историко-этнографических и историко-археологических работ, вышедших в последние годы, вновь обратились к концепциям В. О. Ключевского, С. Ф. Платонова, А. Н. Насонова², и это избавляет нас от повторного детального рассмотрения историографии вопроса о характере колонизации Севера. Преимущественно на археологическом материале эту проблему рассматривает Н. А. Макаров³. На наш взгляд, он прав, когда считает, что вопрос о соотношении “колонизации — распространения даней” и “колонизации — заселения” является одним из ключевых для средневековой истории Севера. Выводы Н. А. Макарова, предложенные им в результате картографирования памятников X—XIII вв. на территории Русского Севера: отсутствие памятников до X в. и значительное увеличение памятников в XII—XIII вв. в районе Ваги и Сухоны — побуждают автора “основным содержанием процесса колонизации... считать быстрое заселение Севера, в первую очередь его юго-западных районов, за счет притока населения извне”. Он пишет, что трудно предложить “другую интерпретацию изменений, наблюдаемых на археологической карте”. Н. А. Макаров считает, что, если исходить из понимания колонизации Севера как “распространения даней” на новые территории, “зафиксированное... увеличение числа археологических памятников (а следовательно, и увеличение населения) в X—XIII вв. не может получить удовлетворительного объяснения”⁴. То есть исследователь приходит к выводу о широком проникновении на Север пришлого населения, что предшествовало постепенному включению разных областей Севера в состав “государственной территории Руси”.

Само появление памятников, а в основном это памятники погребального типа, с большим набором орудий, оружия и украшений, представляется связанным с процессом становления этнического самосознания местных племен, с его “материальным” оформлением.

Конкретные формы основных компонентов культуры, их происхождение и “внезапность” появления в XI—XIII вв., на наш взгляд, находятся в тесной связи с возрастающим влиянием на финноязычных аборигенов их соседей, и прежде всего различных региональных групп древнерусского населения. Характер археологических памятников Двинско-Важского бассейна (Юмжский, Корбальский, Благовещенский, Усть-Пуйский могильники) дает возможность предполагать, что они отражают процесс деструктуризации родовых коллективов более отдаленного времени. В результате этого процесса отдельные группы новых малых социальных организмов оказались, с одной стороны, в значительной мере обособленными и замкнутыми в отношении им подобных и родственных генетических групп, а с другой — открытыми и подверженными влиянию со стороны, чутко реагирующими на локальные контакты. Следствием локальности контактов неизбежно должно проявляться многообразие нюансов форм материальной культуры. Однако, скажем, на территории Заволочья (а на самом деле, и на более широкой территории — вплоть до р. Печоры) прослеживается в XI—XIII вв. относительно однообразный характер “чуждой” культуры. Сложение такого культурного комплекса могло произойти лишь под воздействием какого-то сильнодействующего и в основе своей единого фактора. Таким определяющим фактором, на наш взгляд, стали проникновение на Север древнерусского населения и включение местных коллективов в сферу его активной социально-экономической жизни. Таким образом, становление этнического самосознания и связанный с ним процесс формирования этнокультуры на территории одного из наиболее интересных и исторически “сложных” районов Севера — Северного Поморья могли протекать только в условиях тесного контакта с древнерусским населением. Традиционные финно-угорские элементы культуры, характеризующие прежде всего круг идеологических представлений древних заволочских племен (обряд захоронения, культ животных и птиц), сохранялись и сочетались с элементами культуры, а отчасти и облекались в материальные формы изделий, принесенных сюда русским населением⁵. Двумя потоками русской колонизации может объясняться и определенная разнохарактерность основных составляющих компонентов погребального комплекса местных племен на этой территории. Характерно, что археологические материалы более позднего времени — рубежа XIII—XIV вв. не позволяют с прежней остротой фиксировать различия в культуре, связанные с колонизацией северных районов из Новгородских земель и с “низу” (Ростово-Суздальские земли). Вполне вероятно, это объясняется тем, что к XIII в. развитие городского населения в значительной мере стерло межобластные различия в культуре Древней Руси⁶. Предположение Н. А. Макарова о том, что “постепенному включению разных областей Севера в состав государственной территории Руси предшествовало более широкое проникновение сюда пришлого населения” в X—XIII вв.⁷, несомненно, заслуживает внимания. Археологические материалы позволяют (правда, в порядке гипотезы) конкретизировать эту мысль. Смешанный характер чуждой культуры местного финноязычного населения в юго-западной части Северного Поморья (могильники в районе озера Лача)⁸, нарастание влияния в Важских могильниках изделий собственно новгородского производства к XIII в.⁹,

могильники XII—XIII вв. в Варзуге, принадлежавшие финнизированному населению (корелы, лопи)¹⁰, — все это яркое свидетельство больших “подвижек” вещей от Прибалтики и Камы до Северного Поморья. Кем могли быть принесены и распространены в регионе эти вещи? Считаем наиболее возможным следующий ответ: вещи из соседних регионов могли быть принесены не только в процессе торговли или установления даннических отношений двумя потоками русской колонизации (ладожско-новгородской и ростово-суздальской), но и непосредственно переселенцами. Вероятно, было бы преждевременным связывать только на основании археологического материала определенные микрорайоны Северного Поморья с тем или иным направлением колонизационного потока — фактический материал еще не дает категорического ответа. Но реально уже сейчас считать, что Беломорье и Нижнее Подвинье в XI—XII вв. были преимущественно зоной ладожско-новгородского влияния, а южная часть региона испытала наибольшее влияние со стороны Ростово-Суздальских земель. Об этом же свидетельствуют данные уставной грамоты Святослава Ольговича 1137 г. о поступлении дани с заволочских территорий, находящихся под влиянием Новгорода¹¹.

В последнее время вопрос о “ладожском” этапе и соотношении “ладожского” и “новгородского” этапов в освоении северных земель приобретает прямотакти драматический характер. В свое время А. Н. Насонов дал исчерпывающую (по состоянию письменных источников), на наш взгляд, характеристику этого явления: “К какому времени следует относить распространение новгородской дани на Нижнее Подвинье? Можно полагать, что первоначально не новгородцы, а ладожане завязали какие-то политические связи с Нижним Подвиньем. Предполагать это вполне естественно, поскольку, как мы выяснили выше, на Новгородский Север первоначально распространялось влияние Ладоги... С распространением власти новгородцев на Ладогу, т. е. приблизительно с 40—60-х годов XI в., перед новгородцами встала задача распространения новгородского данничества на Нижнее Подвинье”¹². В 1978 г. Т. А. Бернштам, отмечая справедливость этих суждений Насонова, обещала “развить его мысль, дополнив отмеченные факты некоторыми новыми наблюдениями”, и воссоздать в общих чертах “историю самостоятельного проникновения ладожан на Север”¹³.

“Таким образом, Ладога VIII—IX вв. была первым поселением в Восточной Европе, ставшим на путь превращения в административный торгово-ремесленный центр городского типа”. И еще: “Захват варягами земель по Нижнему Волхову и в юго-восточном Приладожье и их последующие мероприятия говорят о торгово-даннических устремлениях жителей Ладожской области. Ладога находилась на скрещении водных путей, которые соединили ее с Новгородом, Киевом, Поволжьем (и далее — с арабами). Разрезав своим возникновением массив чуди, Ладожская область оказалась на пути, который шел от Балтики, куда впадала Зап. Двина, где сидела чудь прибалтийская, на северо-восток, где в бассейне Сев. Двины обитала чудь заволочская. Названия “заволочская”, “Заволочье” могли возникнуть у населения, привыкшего в основном передвигаться водным путем, на судах, а таким населением с IX в. были именно ладожане... Трудно представить, что славянское (русское) население, в течение тысячелетия жившее вдали от моря и имевшее только опыт речного

и озерного рыболовства, в короткий срок могло создать довольно совершенную морскую систему хозяйства в условиях приполярного Севера. Объяснить этот факт только традицией преемственности, заимствования производственных навыков у местного населения довольно сложно, так как, например, у непосредственных современников русских переселенцев (саамов, еми и др.) подобных навыков не зафиксировано. Если допустить, что своеобразная репетиция процесса создания такой системы происходила в IX—XII вв. в Приладожье, то многое объясняется. Именно здесь, на Ладоге, славяне, соприкоснувшись с населением, издавна передвигавшимся на судах по большим водным просторам, именно на Ладожском озере, не уступающем по размерам ни одному из заливов Белого моря, русские приобрели навыки в создании судов морского типа и, возможно, в промысле ладожского тюленя¹⁴. В 1983 г. Т. А. Бернштам снова возвращается к кругу этих вопросов, но в более категоричном тоне: "Отводя Новгороду безусловно значительное место, мы тем не менее утверждаем, что начальный этап в освоении Севера — X—XI вв., который мы выделили в периодизации как древнерусский, можно уверенно называть и общерусским, поскольку в нем в качестве самостоятельных компонентов принимали участие жители южной Руси — Киева и "Русской земли", собственно, и олицетворявшие общерусские интересы, а также ладожане, новгородцы и, видимо, ростовцы и белозерцы"¹⁵. Исследователь утверждает, что Устав 1136/1137 г. связан с новгородским освоением Севера, но "при этом забывается, что грамота фиксирует традицию, установленную при "дедах и прадедах" и восходящую по меньшей мере ко времени основателя св. Софии — Владимира Ярославича, который, как и Мстислав Владимирович (и ряд других сидевших в Новгороде князей), был старшим сыном великого князя, наследником киевского престола, вследствие чего их интересы в основном были связаны с Киевом, а не с Новгородом"¹⁶. Этот вывод Т. А. Бернштам и ее датировку "традиции" полностью разделяет Е. А. Рябинин¹⁷. Правда, есть и другая интерпретация формулировки "от прадед и дед наших". Это законодательство, по мнению В. Л. Янина, касается предоставления епископам десятины от всех княжеских доходов ("что входит в князь двор всего"), в том числе "от дани" и "от вир и продаж". Имеются в виду, следовательно, две формы десятины — податная и судебная. Далее В. Л. Янин подчеркивает, что "существо нововведений уставной грамоты состоит в назначении фиксированной суммы ежегодной судебной десятины независимо от реальных доходов князя, получаемых от судебного иммунитета"¹⁸, т. е. иное толкование грамоты "неправомерно отодвигает момент фиксации судебной десятины в отдаленное прошлое, что противоречит смыслу уставной грамоты Святослава Ольговича"¹⁹.

Само предположение Т. А. Бернштам и Е. А. Рябинина об удревнении существовавшей в XII в. в Заволочье сети новгородских погостов почти на 100 лет, как и любые другие предположения, может, конечно, представлять интерес, но оно никак не связано с Уставом 1137 г., который вряд ли может служить аргументом выдвинутого ими тезиса. Нас также не совсем убедила трактовка Т. А. Бернштам летописных известий, в которых рассказывается о походах ладожан и новгородцев на крайний Северо-Восток: ладожане ходили "за Югру и за Самоядь", значит, на морское побережье, а

новгородцы — "в Печеру" и "в Югру", т. е. в таежную зону²⁰. Более правдоподобна карта расселения этих племен, предложенная Н. А. Макаровым: Печора заселяет течение реки Печоры, а Югра занимает территорию не севернее, а восточнее печорских племен, что, на наш взгляд, и фиксируется при описании походов как ладожан, так и новгородцев²¹. Правда, существует и другая точка зрения. Представляется справедливым сомнение Н. А. Макарова в бесспорности выводов Т. А. Бернштам о времени и характере "ладожского этапа" освоения Севера²². На наш взгляд, несколько искусственно противопоставляются "древнерусский" и "общерусский" характер освоения северных земель: в 1978 г. он был определен как древнерусский период освоения Севера второй половины IX — начала XI в. (т. к. Ладога находилась в подчинении Киеву)²³, а с середины XII в. "именно Ростово-Суздальская земля становится опорой, а вскоре и основным местом пребывания южнорусских по происхождению великих князей"; сюда же передвигаются массы русского населения Южной Руси, и "поэтому при дальнейшем передвижении населения с Верхней Волги на Север переселенцы верхневолжского потока в большей мере, чем новгородцы, были носителями общерусских интересов"²⁴. Трудно уловить связь между "древнерусским" и "общерусским" характером освоения Севера в зависимости от места происхождения князя, занимавшего великокняжеский стол. Может быть, эта связь и есть. Например, Е. А. Рябинин дословно повторил вывод Т. А. Бернштам о том, что "это позволяет в свою очередь говорить об общерусском характере начальной колонизации Севера, еще в XI в. Ладога находилась в непосредственном подчинении Киеву"²⁵. Вероятно, позднее этот "общерусский" характер освоения, как следует из цитаты, прерывается.

О терминах "Заволочье" и "Заволочская земля". В интерпретации этих географических терминов в литературе не было, да и сейчас нет единого мнения. Н. П. Барсов считал, что уже в XI в. огромная территория — бассейн Онеги, Северной Двины, Мезени и Печоры — носила название "Заволочье"²⁶. М. М. Богословский полагал, что "Заволочьем" можно назвать только бассейн Северной Двины и ее западных притоков²⁷. Близко к этому определению и "Заволочье" в описании А. Н. Насонова: "Так или иначе, но нет сомнения, что "Заволочьем" (термин, известный уже по новгородским известиям второй половины XI в.) назывались места, лежавшие за волоком Заонежья, т. е. Подвинье, куда попадали с Онеги и по Емце, и Важско-Вельский край, куда попадали с Онеги и Моши"²⁸. Оригинальное предположение было высказано Ю. С. Васильевым, который, считая, что Заволочье — это территориально-административная единица Новгородской феодальной республики в XI—XV вв., предложил рассматривать этот термин в исторической динамике²⁹. Так, для XI—XIII вв. термин "Заволочье" обозначал новгородскую волость на Ваге, и те племена, которые жили на этой территории, новгородцы называли "заволочьской чудью". В XIII—XIV вв. термин "Заволочье" распространился на Нижнюю Двину и в XIV—XV вв. обозначал уже всю территорию Двинской и Важской земель. Только после присоединения владений Великого Новгорода к Москве термин "Заволочье" стал обозначать широкую территорию от р. Онеги на западе до р. Печоры на востоке, причем все чаще стал заменяться термином "Поморье". Самым привле-

кательным моментом в этом построении Ю. С. Васильева была хронологическая динамика, которая должна была подчеркнуть сам ход исторического процесса на данной территории. Гипотеза Ю. С. Васильева имела сторонников³⁰. Однако сейчас, когда исследованы могильники XI—XIII вв. в различных частях Онежско-Двинского и Пинежского регионов, которые можно потенциально назвать Заволочьем, причем могильники, расположенные и на самих волоках, и за системами волоковых путей, предположение Ю. С. Васильева кажется уже менее привлекательным.

Сейчас Заволочье представляется огромной страной, расположенной за системами волоков: это может быть и р. Онега, и пространство между Онегой и Северной Двиной, и территория за Пинего-Кулойским волоком, а может быть, и за Мезенско-Печорским (Пезским) волоком на Среднюю и Нижнюю Печору. И когда документы XII или XIII в. обозначали новгородские волости и среди них Заволочье, это не была конкретная административная единица — волость или группа волостей. Это было понятие географического, а не административного характера. Поэтому сейчас мы отказываемся от понимания “заволочьской чуди” как местных племен, обитавших исключительно в бассейне Ваги. Хотя содержание одной из статей О. В. Овсянникова “Первоначальный могильник чуди заволочьской”³¹ к моменту публикации относилось только к бассейну Ваги (по Ю. С. Васильеву), оно и сейчас остается в силе, т. к. все погребальные памятники, обнаруженные между Онегой и Северной Двиной, принадлежат “чуди заволочьской” — этим собирательным именем, по крайней мере в XI в. (но не позднее!), называли все местное население огромного региона.

Первый и единственный раз имя “заволочьской чуди” появилось в так называемом этнографическом введении Повести временных лет, в котором перечислены племена, обитавшие на северных землях Восточной Европы: “В Афетове же части сядят Русь, Чудь и все языци Меря, Муром, Весь, Мордва, Заволочьская чудь, Пермь, Печера, Ямь, Угра”³². По мнению исследователей, этнографическое введение является вставкой, сделанной около 1113 г. при составлении первой редакции свода, причем сведения историко-географического характера взяты из более раннего источника³³. “Заволочье” как историко-географический термин продолжает часто встречаться в письменных документах до конца XV в. и, реже, позднее³⁴.

Погребальные памятники XI—XIII вв.

(ПОБЕРЕЖЬЕ БЕЛОГО МОРЯ, БАССЕЙНЫ ОНЕГИ, СЕВЕРНОЙ ДВИНЫ, ПИНЕГИ, ВАГИ)

На территории Северного региона наиболее многочисленными оказались погребальные памятники — грунтовые могильники, относящиеся ко времени XI—XIII вв. До 1977 г. в этом регионе были известны, главным образом, случайные находки, о которых предположительно можно было говорить, что они происходят из разрушенных захоронений. Обнаруженный и полностью исследованный могильник у д. Корбала (на р. Ваге) был первым регулярным обнаруженным и раскопанным погребальным памятником Заволочья. Профессор К. Мейландер, ознакомившись в Хельсинки с результатами раскопок могильника, высказал свое мнение, оказавшееся почти пророческим: “Это только

начало; Корбала откроет целую серию других подобных памятников”. Его прогноз уже начал сбываться.

То, что мы имеем погребальные памятники XI—XIII вв. в количестве, которое намного превосходит обнаруженные поселения той эпохи, можно объяснить несколькими причинами. Во-первых, места поселений могли быть разрушены в результате природных явлений (подмыв берегов рек, эрозия почвы на речных долинах). Ограниченная площадь поселений, слабая насыщенность культурного слоя, а в ряде случаев и поздняя хозяйственная деятельность на этих участках — все это могло способствовать исчезновению древних селитбных мест. Места могильников, расположенные, как правило, дальше от края надпойменной террасы, имели возможность сохраниться лучше. Во-вторых, и это, может быть, главное — мы не можем в большинстве случаев точно определить, какими критериями пользовалось население региона для выбора селитбного места в XI, XII и XIII вв. Вероятно, нужно будет искать и эти критерии, и сами памятники. Большинство из обнаруженных погребальных памятников региона уже известно и опубликовано в литературе, но мы сочли целесообразным кратко изложить некоторые материалы и систематизировать их (преимущественно это относится к памятникам, исследованным О. В. Овсянниковым).

Могильники в нижнем течении р. Варзуги (Терский берег Кольского полуострова)

В 1969—1979 гг. на левом берегу р. Варзуги, напротив д. Кузомень, сотрудниками Кольской экспедиции ИИМК РАН были собраны бронзовые украшения из разрушенного могильника средневековой эпохи³⁵. В 1982 г. Северодвинская экспедиция ИИМК РАН также обследовала этот памятник и обнаружила серию металлических и стеклянных изделий, происходящих из уничтоженных грунтовых погребений. Кроме того, в 1 км от местонахождения древних предметов (недалеко от впадения р. Кицы в Варзугу) открыт неизвестный ранее сохранившийся грунтовый некрополь³⁶. Учитывая географическую близость обоих археологических объектов, разрушенное кладбище получило название Кузомень I, могильник, выявленный в 1982 г., — Кузомень II.

Кузомень I. Находки из сборов 1982 г. представлены серией украшений, типичных для культуры средневековых финно-угорских племен. Среди них выделяются два литых бронзовых звена с орнаментом, имитирующим косоплетку. Полные аналогии одному из них известны в курганах XII—XIII вв. Костромского Поволжья (Покров, Гоменки, Раменье)³⁷, Юго-Восточного Приладожья³⁸ и на памятниках бассейна р. Чепцы³⁹. По мнению Е. И. Горюновой, изделия из наборных литых звеньев представляли собой мужские пояса, символизирующие особое социальное положение их владельцев⁴⁰. Однако в некоторых случаях зафиксировано использование таких находок в качестве цепей для подвешивания горизонтальных могильников, широко распространенных у чудского населения Костромского Поволжья и Юго-Восточного Приладожья.

К древностям, типичным для ареала приладожской курганной культуры, относится бронзовый литой ключик, имевший декоративное назначение. Подобные изделия происходят преимущественно из женских погребений второй половины XI — начала XII в. Зооморфная подвеска в виде двуглавого пластинчатого

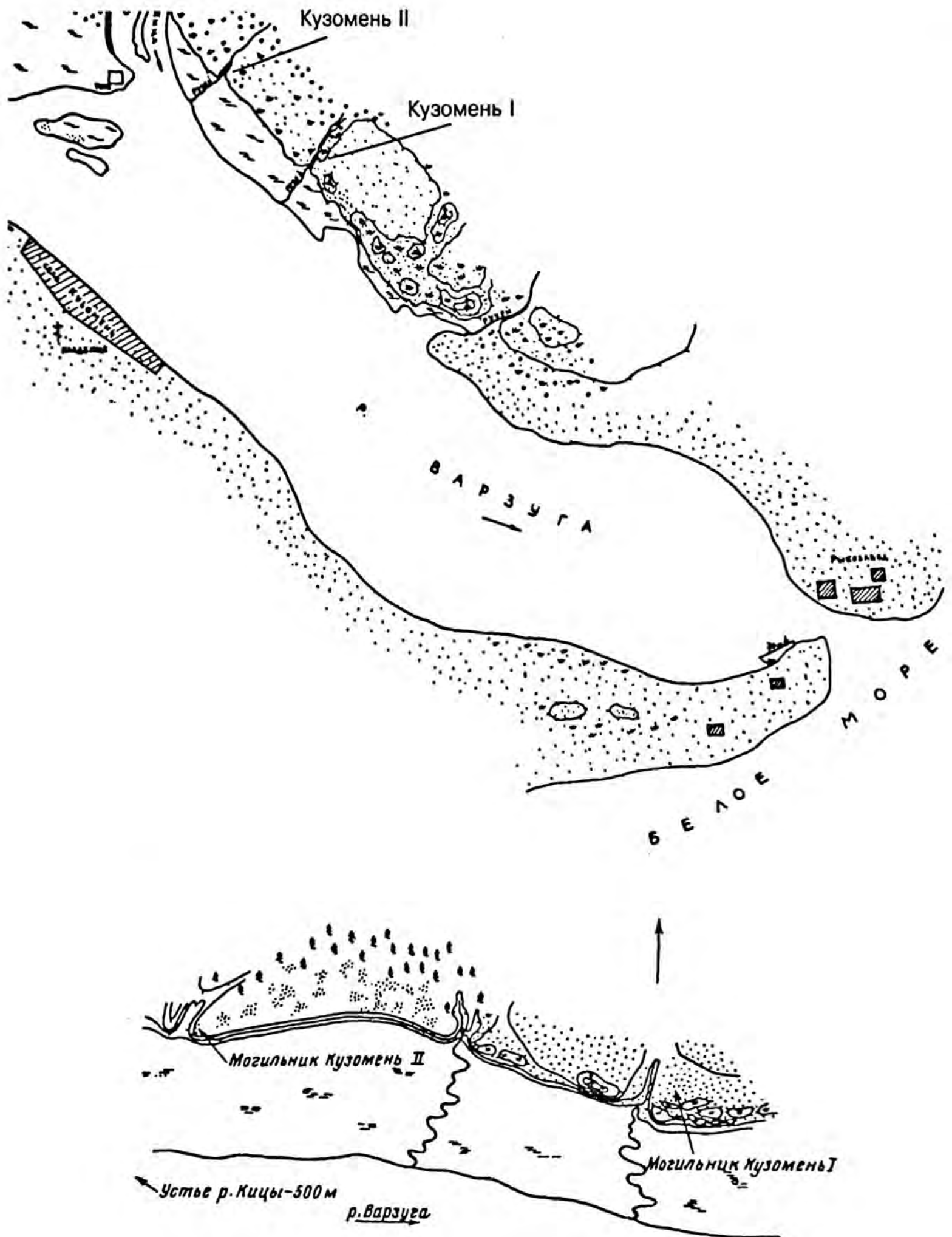

Рис. 1. Ситуационный план погребальных памятников на р. Варзуге. Могильники Кузомень I и II

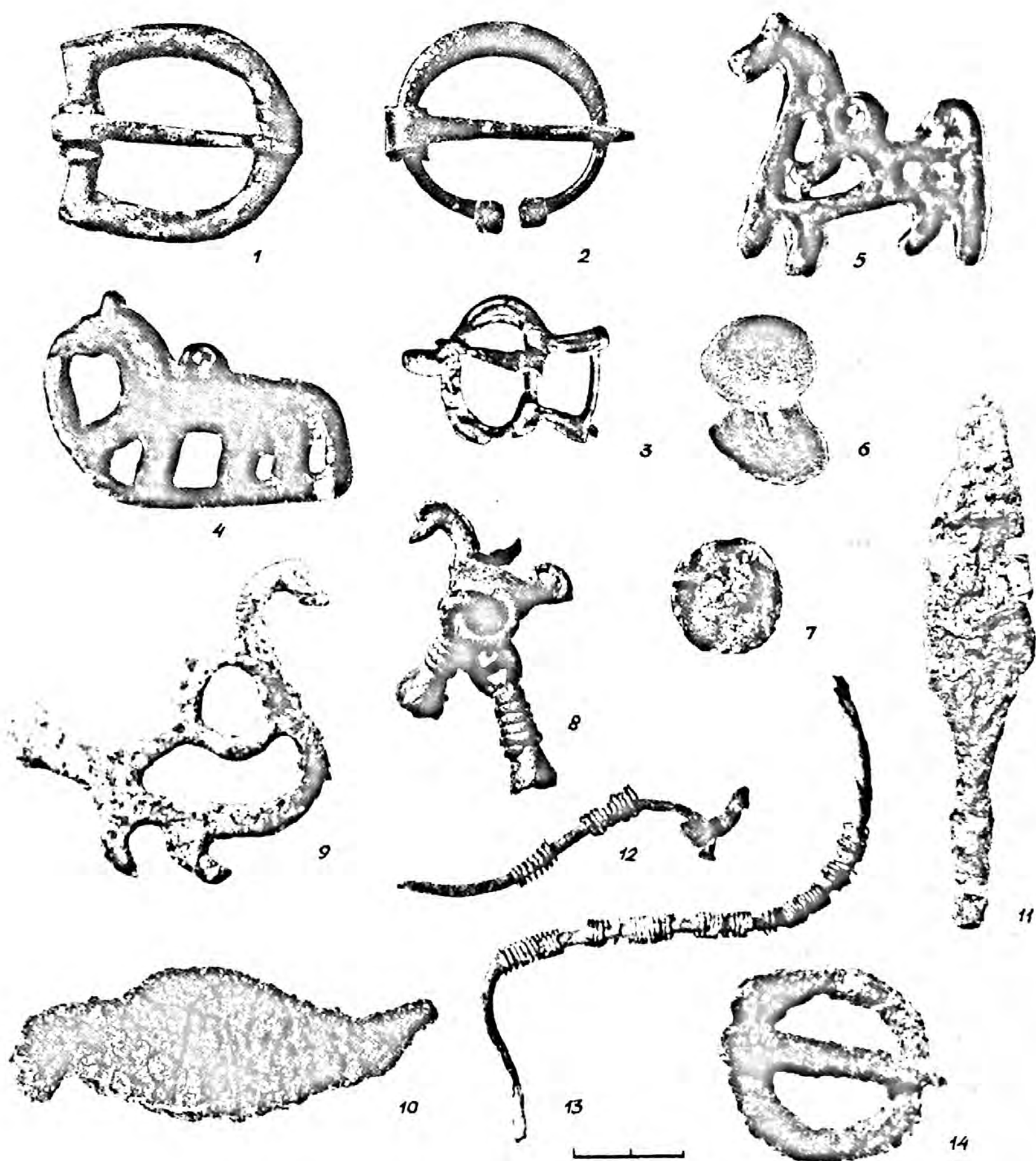

Рис. 2. Кузомень I.

1, 3 — бронзовые поясные пряжки; 2 — подковообразная фибула; 4, 5, 8, 9 — бронзовые подвески; 6 — фрагмент бронзового предмета; 7 — денарий Альберта II (1018—1064 гг.); 10 — железный предмет; 11 — наконечник стрелы; 12, 13 — фрагменты шейной гривны; 14 — железная пряжка

конька принадлежит к серии украшений, бытовавших в широкой полосе финно-угорского расселения и славяно-чудского пограничья в XII в.⁴¹ Основная часть изделий данной формы происходит из северо-восточных районов Руси, в западном направлении они проникали вплоть до Финляндии. Значительное число коньковых амулетов рассматриваемого варианта обнаружено также в Северодвинском бассейне на территории Заволочья.

Умбонovidная бляшка со спиралевитым узором — форма украшений, известная в ареале финно-угорского расселения от Прикамья до Юго-Восточного Приладожья. Однако для подавляющей части таких изделий, нередко используемых в качестве декоративного элемента женской обуви, типично расположение ушка с оборотной стороны бляшки. Остальные находки из сборов 1982 г. представлены бронзовыми поясными кольцами и фрагментом колечковой цепочки, обломком дужки от бронзового котла и единичными стеклянными бусинами. Обратим внимание на прорезное изображение гуся или утки, наиболее характерное для угро-финского населения Юго-Восточного Приладожья второй половины X — начала XII в.⁴² Из Приладожья такие изделия проникали на север Швеции, а в восточном направлении — в бассейн Северной Двины и Прикамья. Аналогии зооморфному амулету “конь на змее”, являвшемуся поздней переработкой пермских подвесок — “всадник”, известны в памятниках XI—XII вв. от Приладожья до Прикамья, встречены они и в Северодвинском бассейне.⁴³ Четвероногий пластинчатый конек принадлежит к серии культовых изделий, производство которых было налажено в XII—XIII вв. в Костромском Поволжье.⁴⁴ Костромское происхождение имеет, по-видимому, и полая подвеска-уточка с двумя петлями в передней части для крепления шумящих привесок и загнутым в кольцо хвостом; дата таких украшений — XII в.⁴⁵ Типичны для финно-угорского мира и бронзовые пронизки, нанизанные на кожаный шнур и служившие, очевидно, для прикрепления к женской одежде шумящих и зооморфных украшений. Остальные формы украшений, происходящие из сборов, — подковообразная фибула с плоскими головками, поясная пряжка — в средневековый период были широко распространены как у чудского, так и у древнерусского населения северных территорий.

Среди находок из Кузомень I представлены древности как X — начала XII в., так и XII—XIII вв. В целом же период бытования основной части изделий из разрушенного некрополя может быть ограничен XII или концом XI—XII в. Для определения даты памятника также важное значение имеет находка на его площади западноевропейской серебряной монеты, чеканенной при Альберте II (1018—1064 гг.)⁴⁶.

Финно-угорская культурная подоснова этого могильника не вызывает сомнений. Вместе с тем среди встреченных древностей не удается выделить изделия, которые бы отражали этнографические особенности местного населения. При изучении распространения различных категорий находок можно отметить следующее интересное обстоятельство. В могильнике на Терском берегу представлены импортные украшения, типичные для двух крупных областей чудского расселения — Приладожско-Белозерского (по некоторым культурным элементам и Прикамского) и Поволжского. Проникновение таких разнородных форм древностей происходило, очевидно, через район, характеризующийся

смешением прибалтийско-финских, волжско-финских и пермских традиций. Судя по имеющимся данным, такой областью могла являться Двинская земля, традиционная связь которой с Терским берегом подтверждается и письменными источниками.

Кузомень II. Грунтовой могильник находится на террасе, возвышающейся над речной поймой почти на 15 м, на мысу, образованном ложиной и небольшим ручьем. На оконечности мысовой площадки располагалось в беспорядке около десятка ям различной конфигурации, некоторые из них были исследованы разведочными раскопами. В результате выявлено и описано три грунтовых захоронения.

Могила I. На поверхности выражена западиной (глубина 0,3 м, длина около 1,2 м, ширина по верху 0,5 м). Контур могильной ямы стал проследиваться на глубине 0,45 м (отметки глубин от дневной поверхности), на глубине 0,65 м четко обозначился контур истлевших остатков деревянной гробовины. Слой “захоронения” в могиле (остатки гробовины и заполнение внутри нее) довольно тонок: с глубины 0,65 м до 0,8 м; заполнение же гробовины представляло собой плотный, но тонкий (в среднем 2—3 см) слой органических остатков. После расчистки поверхности заполнения гробовины стало ясно, что оно является пластинами луба, причем хорошо проследивалось направление волокон луба — поперек гробовины. Это свидетельствовало о том, что погребенная была “запеленута” лубом, а потом уже положена в гробовину. Недостаточная глубина захоронения способствовала интенсивной фильтрации воды на уровне захоронения, что привело к разрушению костей и ряда металлических вещей, главным образом монетовидных привесок из нестойких сплавов. Несомненно, тому способствовал немаловажный факт: могильная яма длительное время стояла незасыпанной, о чем свидетельствует характер постепенного осыпания ее стенок. Внутренняя часть гробовины под тяжестью осыпавшегося в могильную яму грунта стала вогнутой. Это тоже говорит в пользу того, что процесс заполнения могильной ямы грунтом начался через некоторое время после совершения обряда погребения — по крайней мере, тогда, когда часть костей умершей успела разрушиться. После расчистки поверхности “пеленки” из луба оказалось, что на ней рельефно выступали “отпечатки” черепа и больших костей погребенной. Значит, могильная яма определенное время, за которое крупные кости еще не успели истлеть, стояла открытой. Упавший на гробовину и луб слой грунта способствовал “пропечатке” костей умершей на внешней поверхности луба. На тех участках гробовины, где не было ни костей, ни вещей, грунт так плотно спрессовал верхнюю и нижнюю пластины луба, что расслоить их при расчистке захоронения оказалось фактически невозможным. Размеры деревянной гробовины 0,7×2 м, конструкция — вероятнее всего, сруб. После расчистки и снятия слоя луба обнаружены фрагменты человеческих костей очень плохой сохранности и вещи.

На затылочной части черепа остался небольшой фрагмент меха лося или оленя и проволочная бронзовая треугольная подвеска (вероятно, она стягивала меховой головной убор). В области шеи, под нижней челюстью погребенной, следы восьми круглых подвесок, которые в сочетании со стеклянными бусами составляли стеклянное ожерелье (сохранность вещей такова, что в поле удалось лишь графически зафиксировать

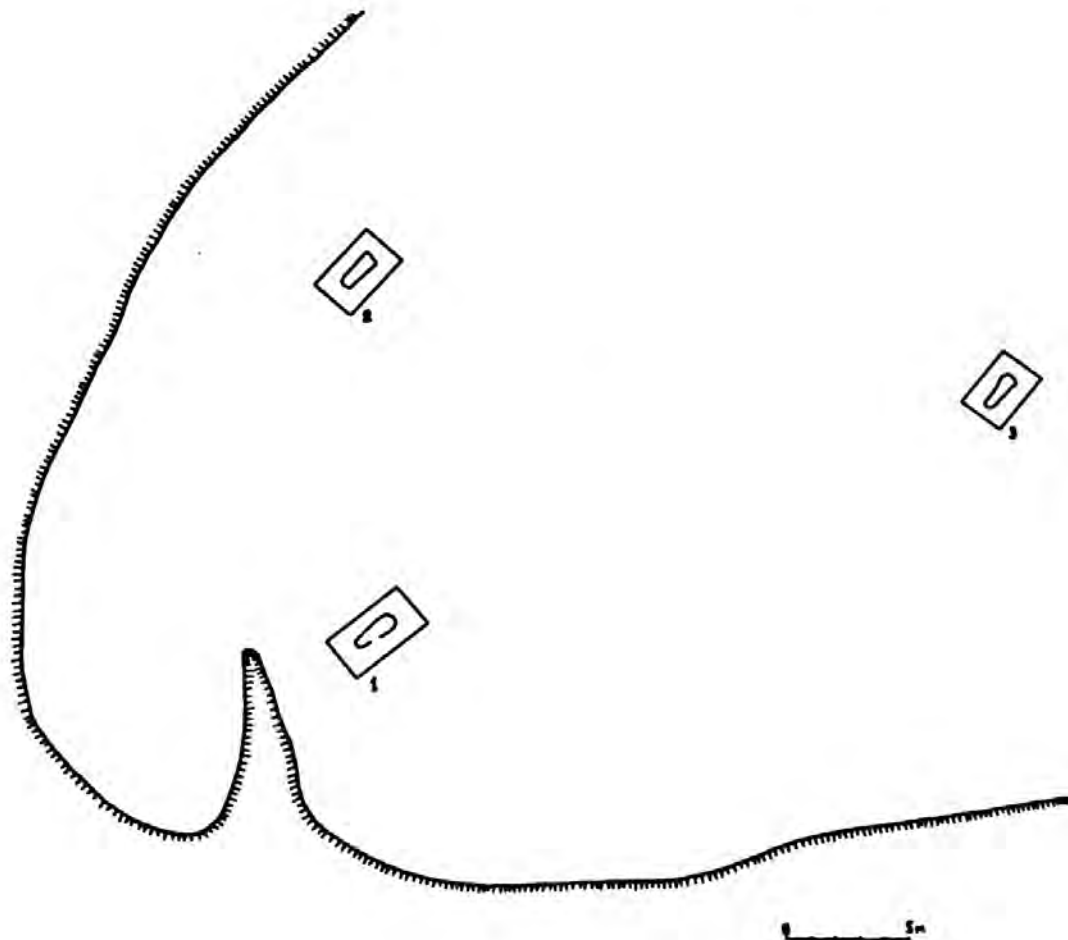
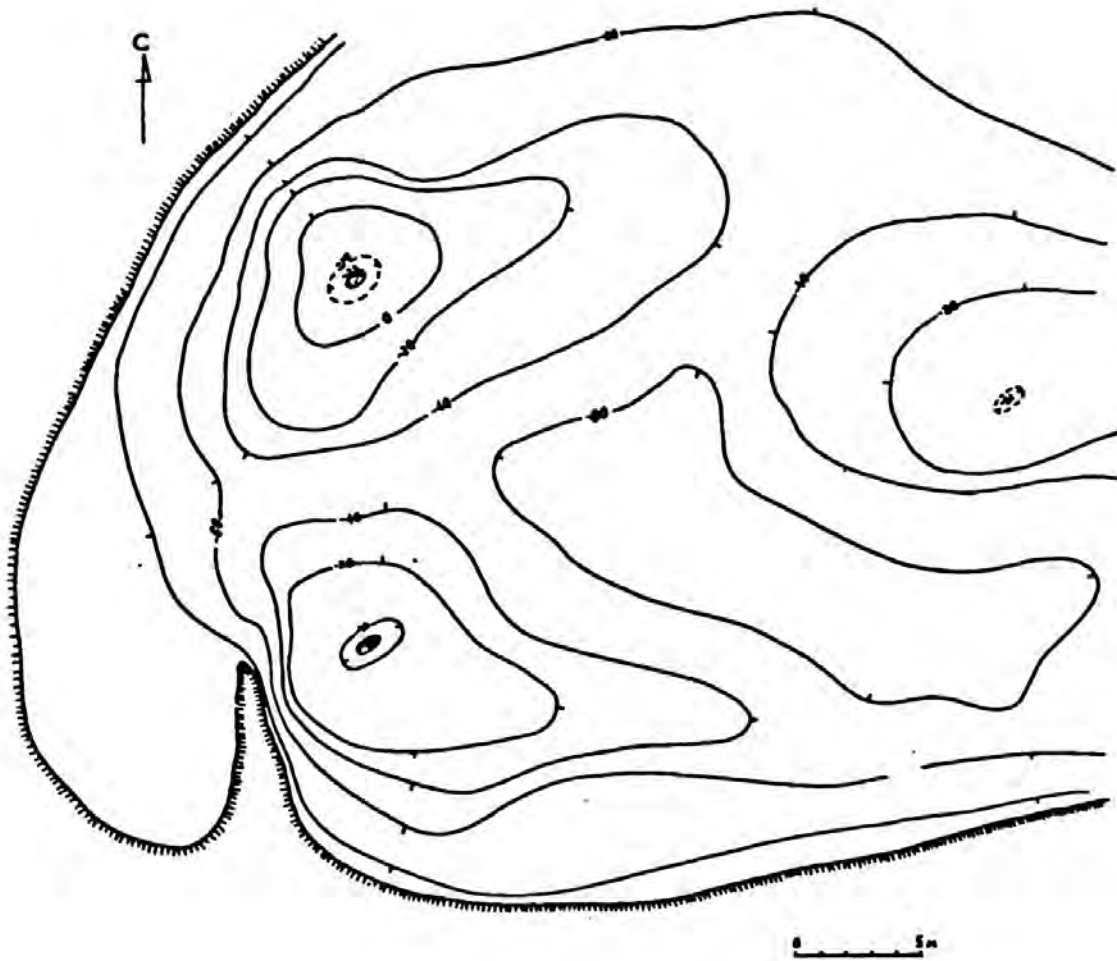

Рис. 3. Кузомень II.

Вверху — план территории могильника (топографическая съемка); внизу — план могильника

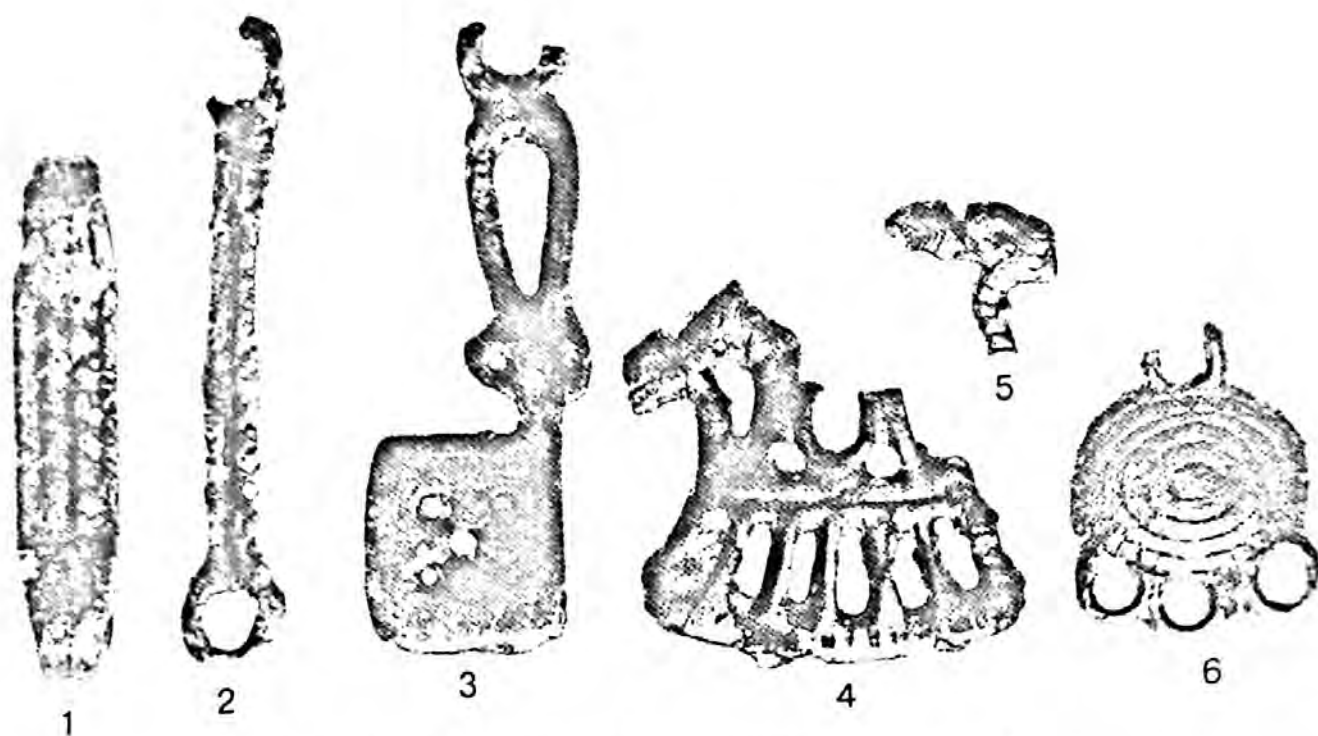

Рис. 4. Кузомень I. Бронзовые украшения (подъемный материал).

1, 2 — литые орнаментированные звенья; 3 — подвеска-ключик; 4 — коньковая подвеска; 5 — фрагмент бронзового изделия; 6 — умбовидная бляшка

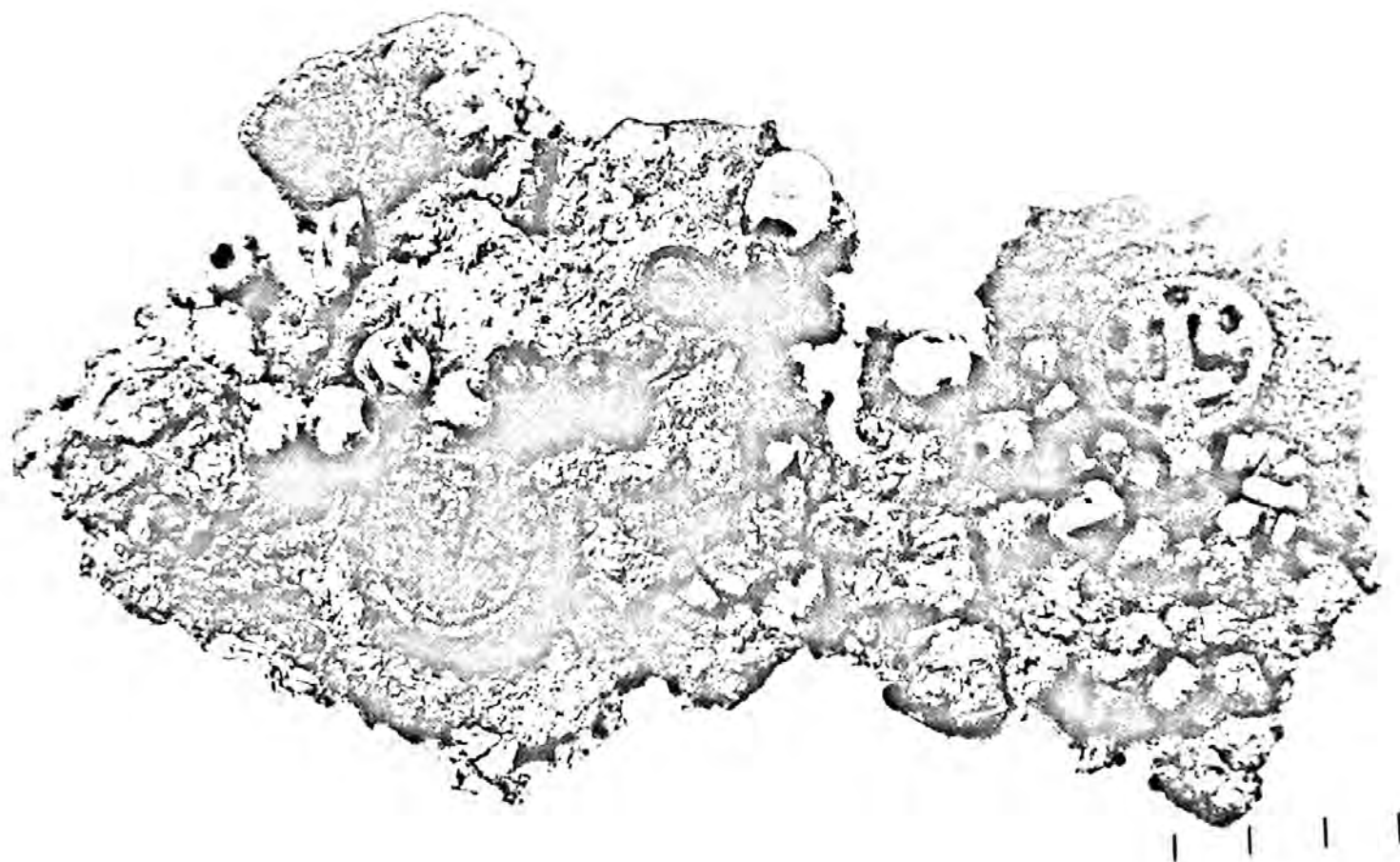

Рис. 5. Кузомень II. Могила 2.
Остатки шейного украшения

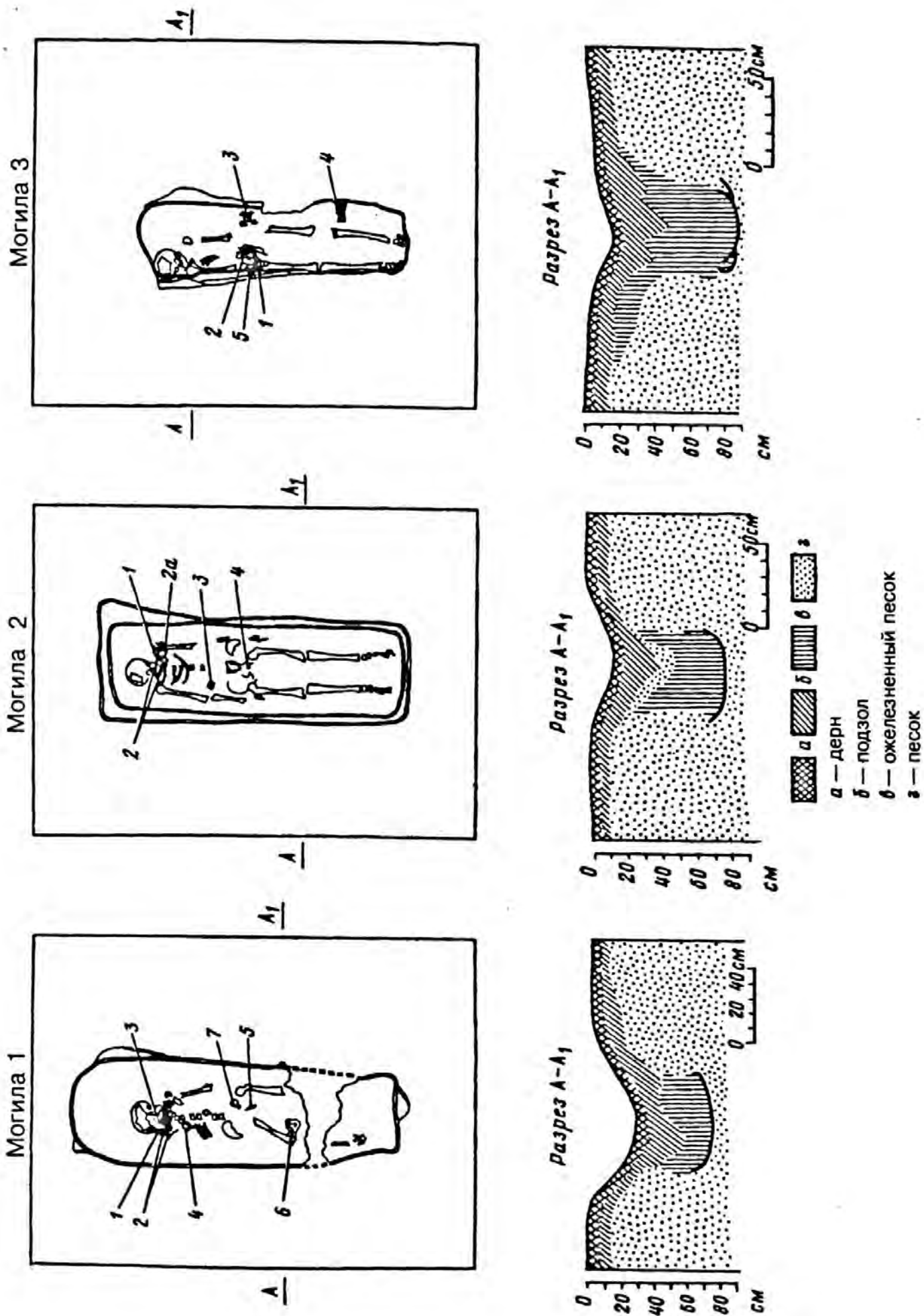

Рис. 6. План и разрезы погребений могильника Кузомень II.

Мог. 1. 1 — проволочная серьга; 2 — монетовидные подвески; 3 — бусы; 4 — фибула; 5 — нож; 6 — поясное кольцо; 7 — остатки ткани;

Мог. 2. 1 — бусы; 2, 2а — монетовидные круглые прорезные подвески; 3 — поясное кольцо; 4 — лапчатая подвеска;

Мог. 3. 1, 3 — ременные разделители; 2 — кольцо; 4 — топор; 5 — лировидная пряжка

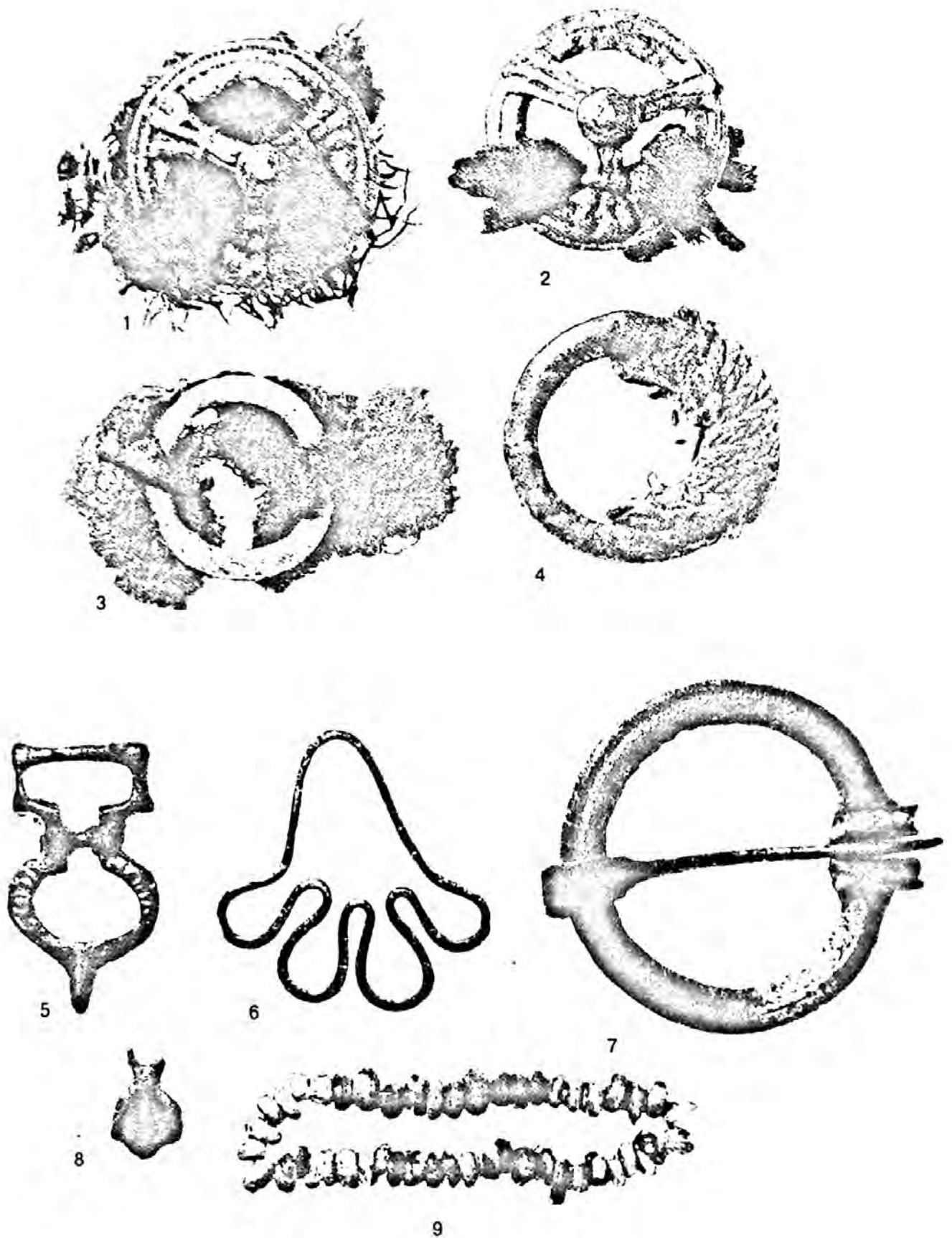

Рис. 7. Кузомень II.

1, 2 — разделители ремня; 3, 4 — поясные кольца; 5 — лировидная пряжка; 6 — височная привеска; 7 — фибула; 8 — фрагмент лапчатой подвески; 9 — бусы

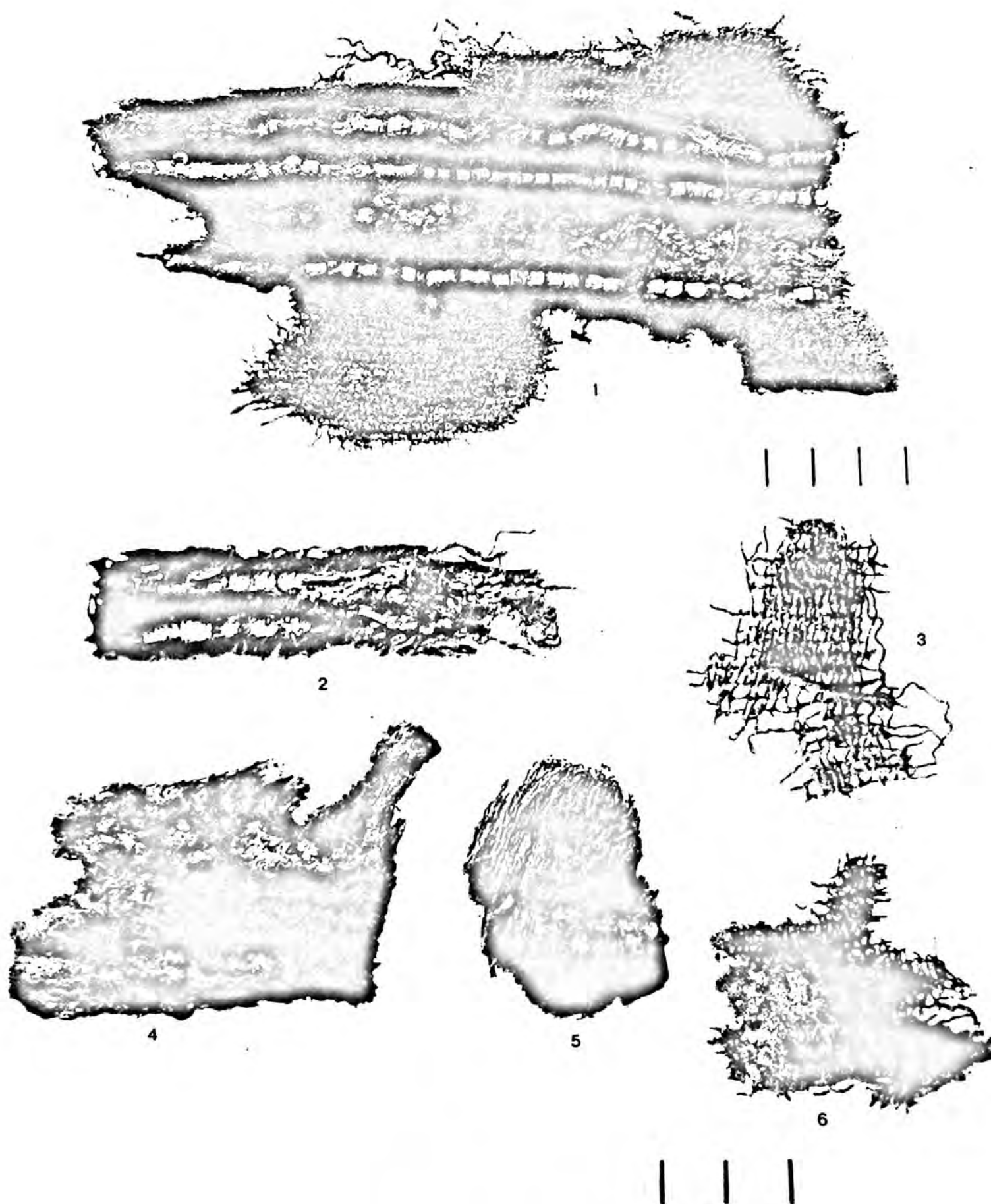

Рис. 8. Кузомень II.

1, 2 — фрагмент ткани с бронзовыми спиральками (подол юбки, мог. 1); 3, 6 — фрагменты ткани; 4, 5 — фрагменты меха

тип подвесок). На правой стороне груди умершей — подковообразная фибула со спиральными концами, пластина фибулы треугольная в сечении. У пояса — железное кольцо с остатками тканого пояса, тут же — небольшой железный ножичек. На уровне коленных суставов найдено несколько кусков ткани с нашитыми бронзовыми спиральками, составлявшими геометрический орнамент. Вероятнее всего, это край подола женской одежды. Сохранился фрагмент грубой шерстяной ткани, из которой было сшито платье, с пришитой каймой. Узор, возможно, был выполнен зелеными и красными нитками. Попутно отметим, что на пояском кольце уцелел и фрагмент тканого пояса, изготовленного на шестнадцати дощечках (определения тканей сделаны Н. В. Хвощинской). Итак, захоронение, судя по набору украшений, женское, совершено в неглубокой могильной яме, в срубе. Умершая сперва была завернута в ткань, а затем в пластины луба и положена в сруб на спину, головой на северо-восток, руки вытянуты вдоль туловища. Трудно судить о конструкциях над могильной ямой — возможно, это был навес или шалаш, быстро разрушившийся.

Могила 2. На поверхности выражена западиной (глубина 0,14 м, ширина 0,7 м, длина около 1 м). Следы могильной ямы обнаружены на глубине 0,3 м, а на глубине 0,7 м был расчищен контур деревянной гробовины. На глубине 0,65—0,7 м открылся контур гробовины, а на верхней пластине луба, в которую была «запеленута» погребенная, хорошо сохранился «оттиск» больших костей, сами же кости, как и в могиле 1, почти не уцелели. Погребенная лежала на спине, головой на северо-восток, руки вытянуты вдоль туловища. У левой ключицы обнаружены остатки ожерелья из стеклянных бус, одной или двух больших круглых привесок (тип из-за плохой сохранности определить не удалось), четырех круглых монетовидных подвесок с «жемчугом» по краю и круглой прорезной подвеской (один из элементов рисунка — крест). У поясницы погребенной — бронзовая подвеска в виде утиной лапки, у костей таза — бронзовое поясное кольцо. Имеются остатки сильно деформированного (посмертно) черепа и второго шейного позвонка. Череп принадлежит, по всей вероятности, женщине около 35 лет. Обращают на себя внимание крайне малая высота лица — признак скорее лопарский, чем русский, — и довольно крупные при такой грацильности черепа зубы (определения сделаны А. В. Шевченко).

Могила 3. На поверхности выражена едва заметной западиной (глубина 0,11 м, ширина 0,5 м, длина 0,6 м). Пятно могильной ямы проявилось на глубине 0,2—0,25 м. Погребенный, завернутый в луб, лежал на спине, головой на северо-восток, руки вытянуты вдоль туловища (кости очень плохой сохранности). У его пояса обнаружены бронзовая поясная пряжка с остатками кожаного ремня (ремень был застегнут) и бронзовые поясные кольца — одно круглое и два кольца-бляшки с тремя перехватами. У левого колена лежал железный топор, деревянная рукоять которого не сохранилась. Описание обнаруженных костных остатков: череп грацильный, но более крутой, чем в могиле 2. Это мужчина в возрасте примерно 30—40 лет, с кариесом на первых двух нижних правых молярах. Привлекает внимание редкостная малая высота лица с довольно высокой орбитой (как абсолютной, так и относительной). Все наблюдаемое совершенно несвойственно русским, но может встречаться у лопарей.

В целом археологический вещевой комплекс могильника свидетельствует о его финском происхождении. Вещи западнофинского происхождения: подковообразная фибула со спиралеконечным завершением⁴⁷, поясные разделительные кольца-бляшки⁴⁸, а также подвеска в виде утиной лапки. Предварительно памятник можно датировать XII—XIII вв. Стоит отметить промежуточную ориентировку умерших (все трое положены головой на северо-восток). Она представляет интерес как один из признаков, характерных для контактных зон, или как индикатор микроструктур в этнических объединениях⁴⁹.

Говоря об этнической принадлежности исследованного памятника, мы должны вспомнить летописную лопь — это «своеобразное историко-этническое образование на этнокарте средневековой Восточной Европы». Район памятника («Тре», «Три», «Тер») стабильно упоминается в письменных источниках с 60-х годов XIII в.⁵⁰ В 1294—1304 гг. в грамоте великого князя Андрея Александровича на Двину регламентируется право промысловых походов «на Терскую сторону»⁵¹. В документах второй половины XV в. упоминается «лопский рубеж»⁵², затем он встречается на протяжении всего XVI в. Пялица — «...половина тое реки Двиняном, а другую половину тое речки ведают Терские лопари, то им и межа»⁵³. Несомненно, на протяжении веков лопский рубеж менялся, время существования могильника — один из начальных этапов освоения русским населением Терского берега, когда на территории будущей Варзужской волости жило лопарское население. В жизни Терского берега все это время Двинская земля играла особую роль. Даже в 1560 г. черносозные двинские волости (кроме Пинег и Мезени) платили «морской оброк с Терские стороны»⁵⁴.

Итак, исследованный грунтовый могильник XII—XIII вв. оставлен местным населением, но пока трудно говорить о соотношении славянского, корельского и лопарского элементов. Он относится к периоду, когда существовали устойчивые культурные контакты этой области с Карельской землей и с Двинским регионом. Наряду с подъемным материалом из разрушенного могильника XII в., расположенного в том же микро-регионе⁵⁵, обнаруженный нами могильник может послужить надежным основанием для предварительной характеристики культурного облика древней лопи. Есть основание датировать набор вещей из разрушенного могильника рубежом XI—XII вв. (серебряная монета времени Альберта II). Таким образом, имеются материалы для характеристики погребальных памятников терской лопи и комплексы вещей из них XI—XII вв. Добавим, что материальная культура этих племен сложилась под влиянием торговли и обмена с западнофинскими областями и территорией Двинской земли.

Тихманьгский могильник. В августе 1981 г., во время вскрышных работ на окраине д. Тихманьга (Архангельская область, Каргопольский район), был открыт комплекс средневековых вещей, связанных с грунтовыми захоронениями⁵⁶. Бульдозерист В. Г. Курганов после снятия верхнего слоя почвы на коренном берегу сухой старицы р. Тихманьги обнаружил череп и другие человеческие кости вместе с бронзовыми украшениями, о чем он сообщил в районный музей. Однако интерес местных жителей к находке побудил его сыновей выбрать все имеющиеся при костях находки для передачи в музей. Можно полагать, что погребальный

инвентарь был собран довольно тщательно, но при этом не фиксировалась принадлежность находок тому или иному захоронению, а сами кости были выброшены. Тем не менее эти находки, являющиеся, по существу, комплексом, представляют значительный интерес.

Согласно информации местных жителей, было обнаружено три захоронения, но лишь при двух из них (погребения № 1 и 2) отмечены находки (захоронение № 3 не имело инвентаря). Таким образом, со слов нашедших с некоторыми оговорками можно было все-таки реконструировать погребальные комплексы. Погребения № 1 и 2 лежали, по всей видимости, в неглубоких ямах, вырытых в гумусном слое. Погребенные были ориентированы головой на юг. Захоронение № 3, безынвентарное и ориентированное головой на восток, вероятнее всего, относится к более позднему времени. Характерно, что рядом с этим захоронением, в слое гумуса, найдено бронзовое колечко с иноязычной надписью и датой 1790 г. По сообщению местных жителей, на этом месте несколько лет назад находились хозяйственные постройки, а раньше стояли жилые дома. На вскрытом участке, естественно, стратиграфия сохранилась фрагментарно: небольшой (10—15 см) слой гумуса, который подстилался гравием. Стратиграфический разрез на самом краю коренного берега выглядел так: дерн (8 см), гумусный слой (35—50 см), материк (песок с гравием). Там, где раньше находились хозяйственные постройки, гумусный слой с включением поздних культурных остатков достигал 1—1,2 м (рядом со вскрытым участком). Создается впечатление, что место находок — давно обжитое и захоронение, по существу, впущено в более ранний культурный слой поселения. Продолжалась жизнь на этом месте и в более позднее время (и захоронение № 3 — позднее, сделано также в культурный слой). Реконструкция состава погребального инвентаря может выглядеть следующим образом.

Погребение № 1. Игольник горизонтальный, бронзовый, с арочным косорешетчатым завершением; гривна плоская, орнаментированная, со следами пайки и клепки в месте перелома (в двух обломках), бронзо-

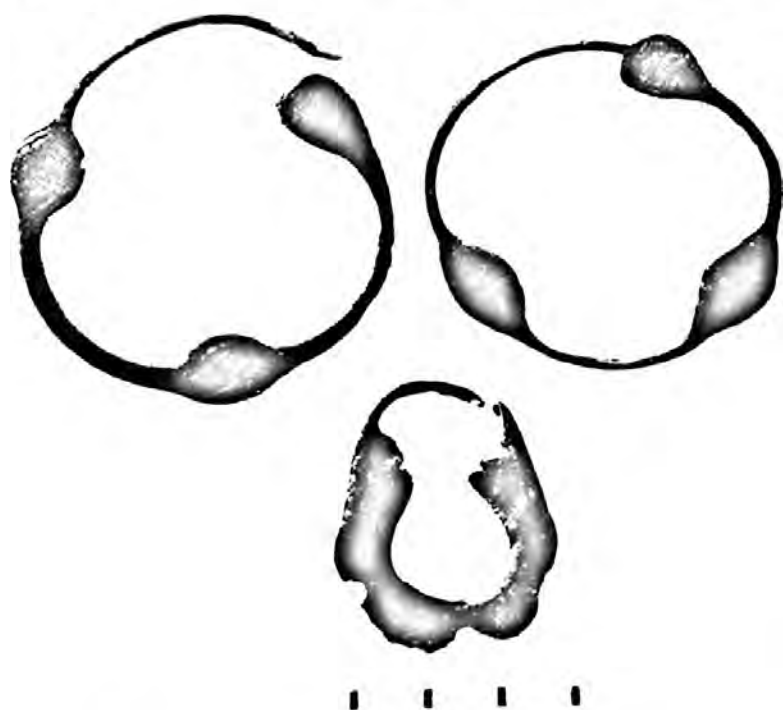

Рис. 9. Могильник у д. Тихманьга. Височные кольца

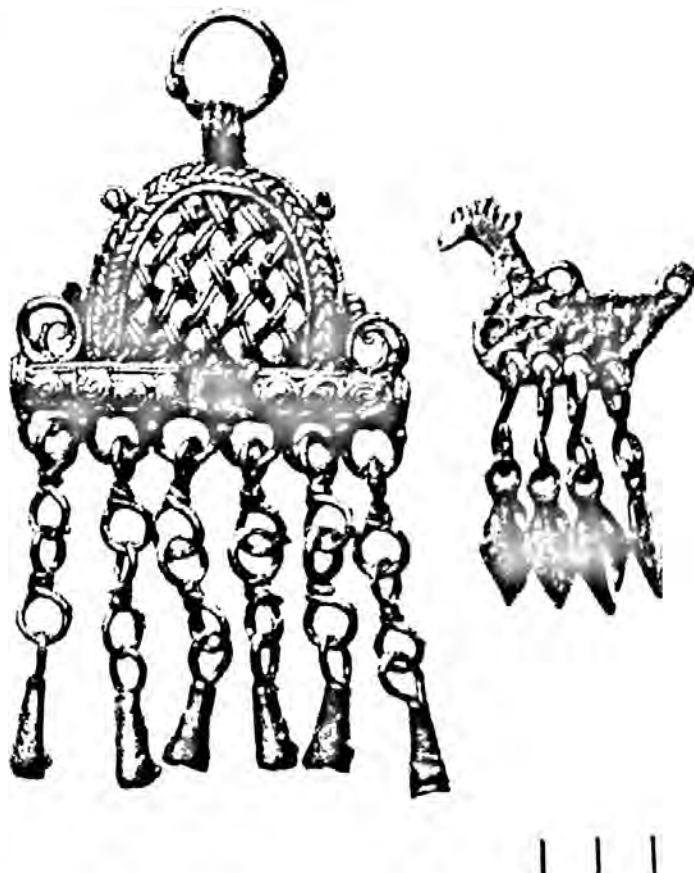

Рис. 10. Могильник у д. Тихманьга.
Слева — горизонтальный арочный игольник;
справа — зооморфная подвеска

вая; фибула подковообразная, в сечении сегментовидная, со спирально-загнутыми концами (до реставрации была покрыта полудой); монета западноевропейская (XI в.), серебряная, с отверстием для подвешивания, найдена у головы (монета Этельред II (976—1016 гг.)), так называемый *Helmet type* (1003—1009 гг.) — PIN-Винчестер, обрезанная в овал (приносим благодарность А. Н. Мавлыгину за определение монеты); кольцо малое, бронзовое, проволочное (в двух обломках); бусы зеленого прозрачного стекла, зонные (4 экз.); бусы золото-стеклянные, зонные (3 экз.); бусы желтого глухого стекла (2 экз.); буса стеклянная, потерявшая цвет, зонная.

Погребение № 2. Серьга серебряная, с зубчатым орнаментом, калачевидная; ажурная птицевидная подвеска с шумящими лапчатыми привесками, бронзовая; пряжка круглая, с язычком, бронзовая; ромбоштитковое височное кольцо, бронзовое (2 экз.); височное малое колечко, плоское, луповидное; перстень широкосерединый, неорнаментированный, бронзовый; браслет ленточный, на концах пробиты отверстия, бронзовый; перстень плоский с расширенной средней частью; уточка полая бронзовая (подвески не сохранились); пронизка Ф-образная шумящая, бронзовая (2 экз.); пронизка трубчатая с шарообразными вздутиями; бубенчик шаровидный, бронзовый, со щелевидной прорезью (2 экз.); подвеска коническая, бронзовая, на цепочке; браслетообразные височные кольца, бронзовые (2 экз.); перстенеобразные височные кольца с С-образными завитками на одном конце, бронзовые (2 экз.); проволочные височные кольца малые с сомкнутыми концами (2 экз.); подвеска коническая бронзовая (2 экз.); спиральки-пронизки бронзовые; четырехугольная пряжка бронзовая; фрагмент железного ножа.

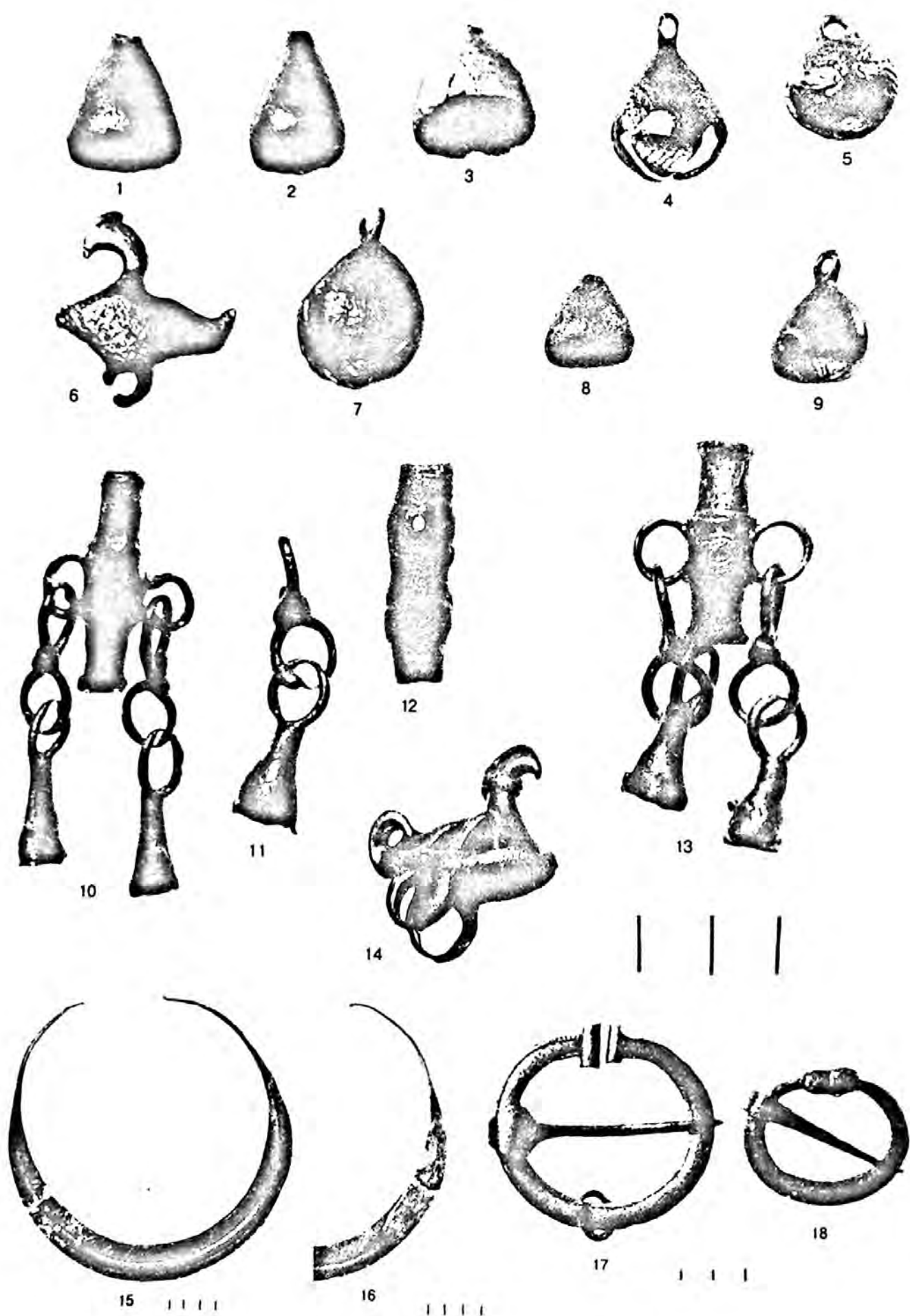

Рис. 11. Могильник у д. Тихманьга.

1-5, 7-9 — бубенчики; 6, 14 — зооморфные подвески; 10, 11, 13 — Ф-образные подвески; 12 — трубчатый игольник; 15 — шейная пластинчатая гривна; 16 — следы ремонта на гривне; 17, 18 — подковообразные фибулы

Корбальский грунтовый могильник. Могильник расположен на левом берегу р. Ваги, на второй (боровой) надпойменной террасе. На современной поверхности могилы были обнаружены западинами продолговатой формы, вытянутыми с юга на север. Глубина западин достигала 0,55 м. Площадь могильника сильно заросла лесом, поэтому перед земляными работами пришлось частично расчистить плацдарм работ.

Могила № 1. На современной поверхности выражена западиной продолговатой формы и глубиной 0,32 м. При разборке могильной ямы зафиксированы три углистые прослойки, содержащие коричневатобурюю супесь с угольками. Углистые линзы отделены друг от друга прослойками.

Погребальная камера — бревенчатый сруб размером приблизительно 0,7×2,1 м, лучше сохранились юго-восточная часть сруба и восточная стенка. В средней части камеры, у восточной стенки, найдены плохо сохранившиеся человеческие трубчатые кости, фрагмент черепа — в южной части камеры. В южной же части сруба находились серебряное височное кольцо, бусинка, бубенчик, фрагменты глиняной посуды. В средней и северной частях камеры обнаружены фрагменты по крайней мере трех горшков. За пределом камеры, у восточной стенки могильной ямы, найдены бронзовая фибула, бусины, кресало и сланцевая пластина. Таким образом, погребение было совершено по обряду ингумации, ориентировка погребенного — головой на юго-восток.

Могила № 2. На современной поверхности выражена западиной продолговатой формы, глубиной 0,4 м. При разборке заполнения могильной ямы в бровке отчетливо фиксируется золисто-углистая линза. Остатки погребальной камеры обнаружены на глубине 0,7 м от древней дневной поверхности. Размеры сруба 0,7×2,3 м. Находки фрагментов лицевых костей черепа и трубчатых костей были сделаны в северо-западной части погребальной камеры. Тут же найдены мелкий фрагмент железного кресала и кусок кремня со следами железа.

Могила № 3. На поверхности выражена западной глубиной около 0,4 м. При разборке могильной ямы зафиксирована прослойка серого гумуса и песка с угольками (в верхней части могильной ямы). На глубине 0,8—0,9 м от древней дневной поверхности обнаружены остатки погребальной камеры, лучше сохранившиеся в юго-восточной части могильной ямы (размеры погребальной камеры приблизительно 0,75×2,5 м). У восточной стенки погребальной камеры найдены два наконечника стрел, в южной части могилы — два плоскодонных горшка, поставленных, по-видимому, один в другой (в меньшем горшке обнаружены две стеклянные бусины).

Могила № 4. На поверхности выражена западной глубиной 0,3 м. При разборке могильной ямы зафиксирована линза, содержащая угольки. На глубине 0,6 м от древней дневной поверхности обнаружены остатки погребальной камеры, срубленной из толстых (диаметром 0,22 м) бревен. Размеры камеры 1,1×2,05 м. В северной части погребальной камеры найдены остатки продольной переводины с лежащими на ней кусками бересты. В южной части камеры обнаружены трубчатая кость (плечевая), фрагмент глиняного сосуда, скопление стеклянных бус. В средней части могилы найдены человеческий череп, железный топор, в северной части камеры — бронзовые подвески, вероят-

но, украшавшие обувь погребенного. В могиле, таким образом, было совершено захоронение по обряду ингумации, погребенный был положен головой на юго-восток.

Могила № 4 а. На поверхности выражена западной глубиной 0,37 м. При разборе могилы зафиксирована золистая линза с вкраплениями угольков (мощность линзы 0,4 м). На глубине 0,44 м от погребенного подзола обнаружены остатки погребальной камеры — фрагменты бревенчатого сруба (размеры его приблизительно 0,8×1,8 м). В северной части могилы найдена бронзовая шумящая подвеска, украшавшая обувь погребенного, в северо-западном углу — фрагмент железного наконечника копья.

Могила № 5. На современной поверхности выражена неглубокой (0,2 м) впадиной. При разборе могильной ямы была зафиксирована песчано-золистая прослойка мощностью около 0,4 м. На глубине около 1 м от современной поверхности обнаружены следы погребальной камеры — сруб размером приблизительно 1,3×2,2 м (северная стенка сруба не сохранилась). Основные находки были сосредоточены в северо-восточном углу камеры: на кусках кожи лежали фрагмент кожаного пояса с пряжками и со следами тонких накладных бронзовых бляшек, бронзовая крестообразная подвеска, витой бронзовый браслет, железный наконечник копья и в центре камеры — бронзовая фибула. Тут же найдены фрагменты двух ножей с обгорелыми костяными рукоятками и сланцевая пластина с “прикипелыми” кусочками железа. В центральной же части камеры, на дне ее, находилось небольшое количество углей и кальцинированных костей — умерший был кремирован на стороне.

Могила № 6. На современной поверхности выражена западиной глубиной 0,5 м. При разборе могильной ямы зафиксирована золисто-песчаная прослойка мощностью 0,35 м. На глубине 0,1 м от современной дневной поверхности обнаружены дно могилы, прокаленное в юго-западной части, и остатки бревенчатого сруба (размеры сруба 1×1,6 м). Все находки — бронзовые прорезные коньки, бубенчики, подвеска “птичка с хохолком”, подвеска “всадница”, фрагменты бронзовой цепочки, фрагмент железного предмета — располагались вдоль западной стенки сруба, ближе к юго-западному углу. Здесь же была найдена обгорелая человеческая косточка.

Могила № 7. На поверхности выражена впадиной глубиной 0,2 м. На глубине 0,45 м от дневной поверхности прослежена золистая линза толщиной 0,18 м. На глубине 0,95 м обнаружено дно могильной ямы с довольно хорошо сохранившимся бревенчатым срубом (размеры сруба 1×2,2 м). Большинство находок зафиксировано в южной части могилы: глиняный горшок вблизи самой стены погребальной камеры (в горшке находились три стеклянных бусины), у восточной стены найдены два наконечника стрел, фрагмент ножа с деревянной ручкой, железный топор, две подковообразные бронзовые фибулы, третья фибула была найдена в центре погребальной камеры, рядом со скоплением стеклянных позолоченных и посеребренных бус. В центральной части могилы найдены обгорелые человеческие зубы.

Могила № 8. На современной дневной поверхности выражена неглубокой впадиной — 0,2 м. При разборе могилы зафиксирована золисто-песчаная линза мощностью 0,75 м. На глубине 1,26 м от современной

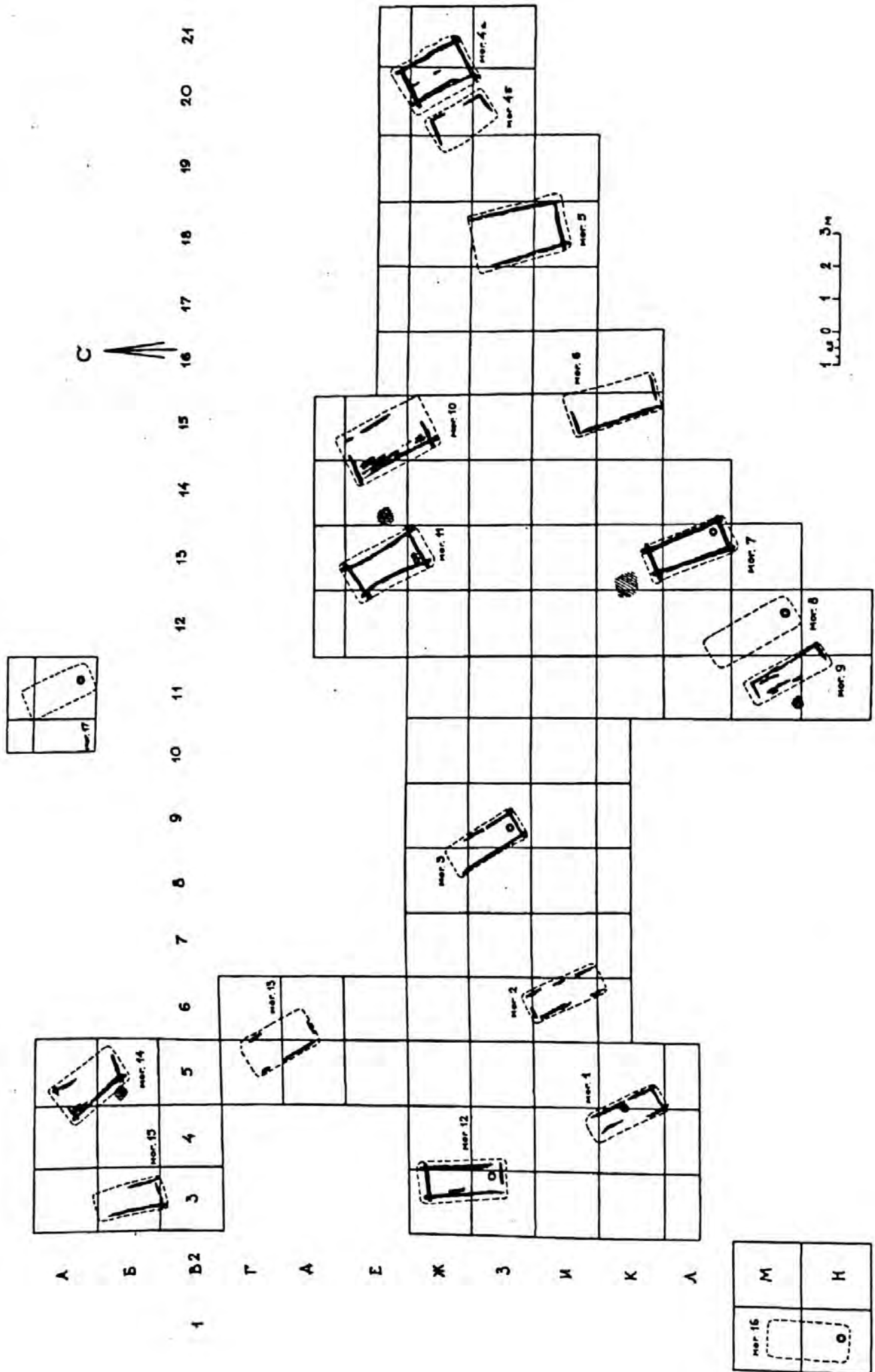

Рис. 12. Корбальский могильник. План

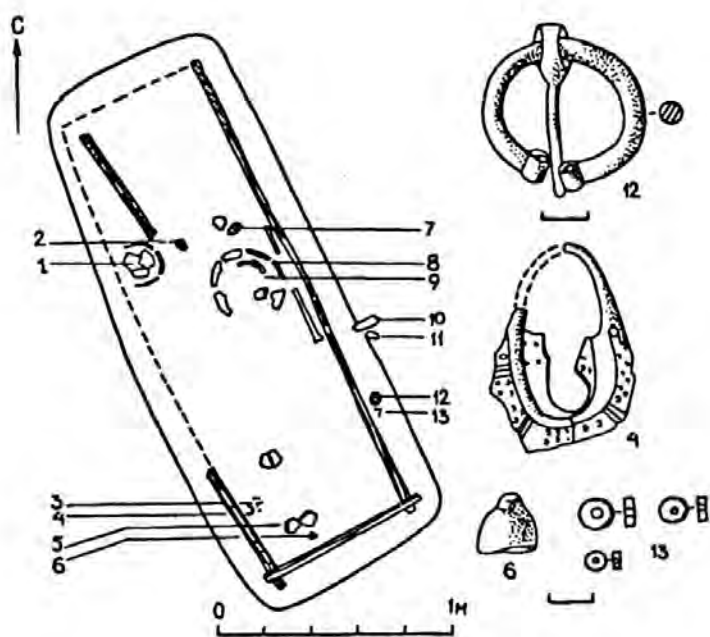

Рис. 13. Могила 1.

1 — горшок; 2 — железный предмет; 3, 13 — бусы; 4 — височное кольцо;
5 — фрагмент сосуда; 6 — бубенчик; 7, 10 — кресала; 8, 9 — горшки;
11 — каменный предмет; 12 — фибула

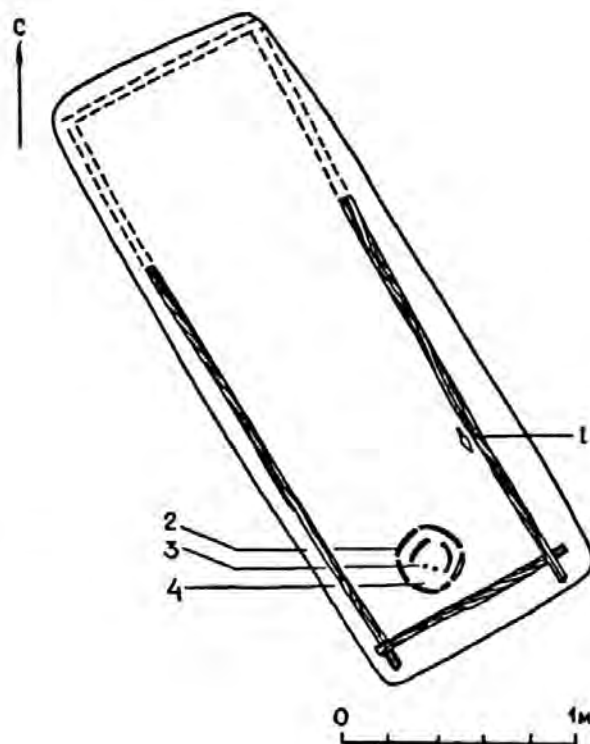

Рис. 14. Могила 3.

1 — железный предмет; 2, 3 — фрагменты сосудов; 4 — бусы

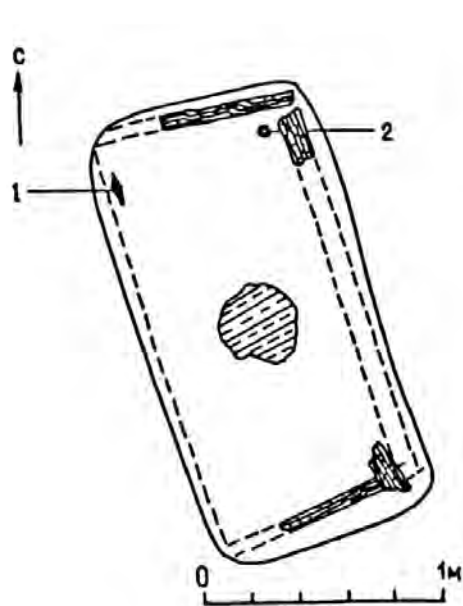

Рис. 15. Могила 4. Погребение 1.

1 — железный наконечник стрелы;
2 — бронзовая подвеска

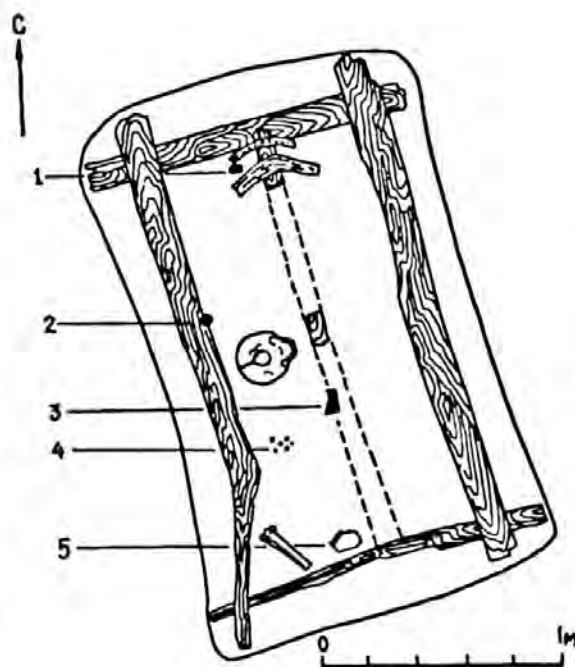

Рис. 16. Могила 4. Погребение 2.

1, 2 — бронзовые подвески; 3 — топор;
4 — скопление бус; 5 — кость

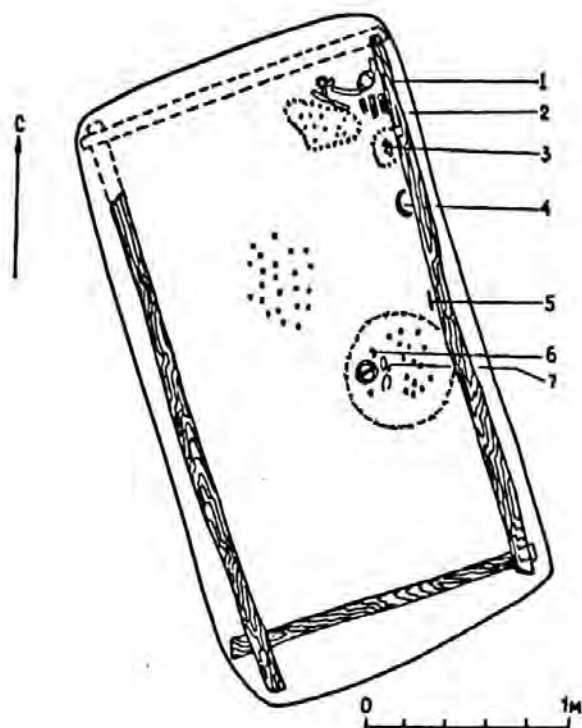

Рис. 17. Могила 5.

1 — фрагмент пояса; 2 — деревянные накладки на коже; 3 — крестообразная подвеска на куске кожи;
4 — витая бронзовая гривна; 5, 6 — железные предметы; 7 — фибула

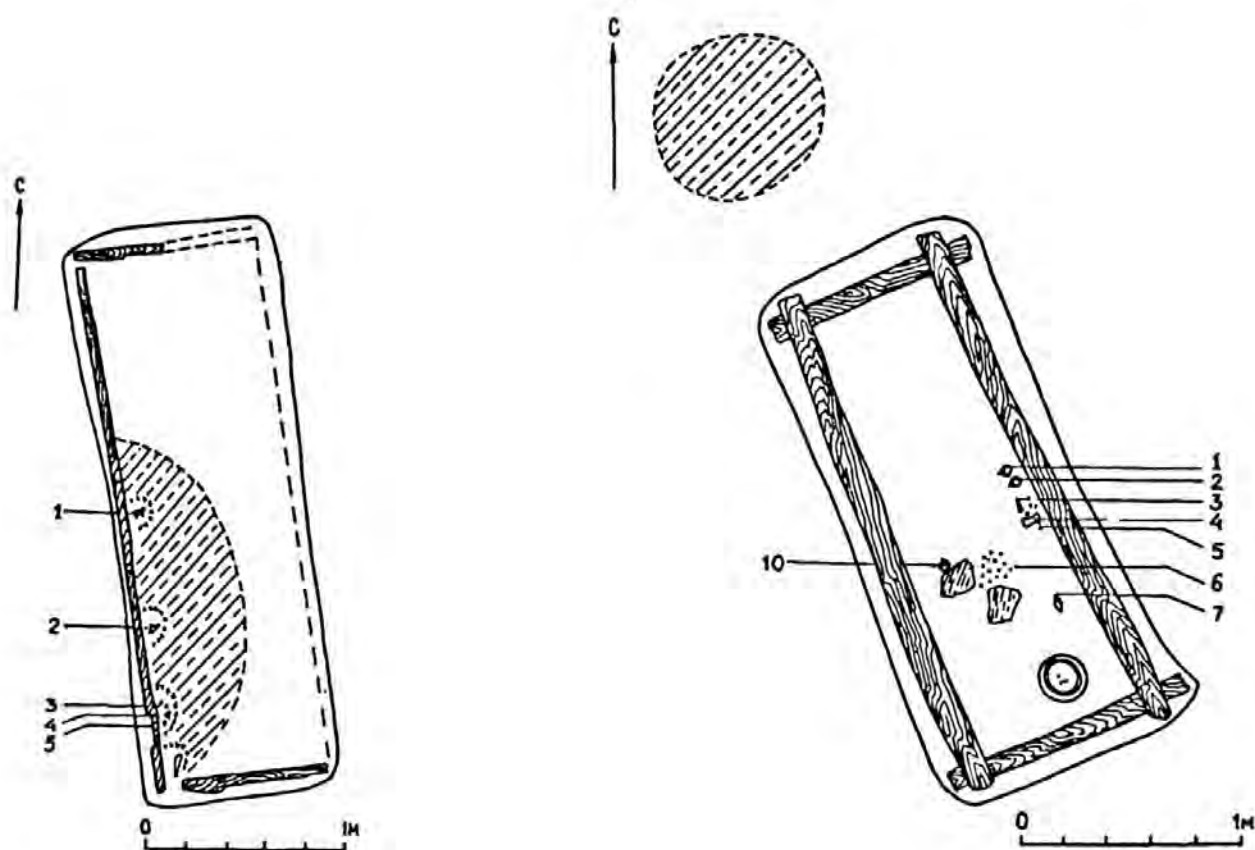

Рис. 18. Могила 6.

1, 2 — бронзовые подвески (оленинки?); 3 — бронзовая подвеска;
4 — бронзовый бубенчик; 5 — бронзовые пронизки (на кожаной основе)

Рис. 19. Могила 7.

1, 2 — бронзовые фибулы; 3 — наконечник стрелы; 4 — топор;
5 — береста; 6 — скопление бус; 7 — наконечник дрота

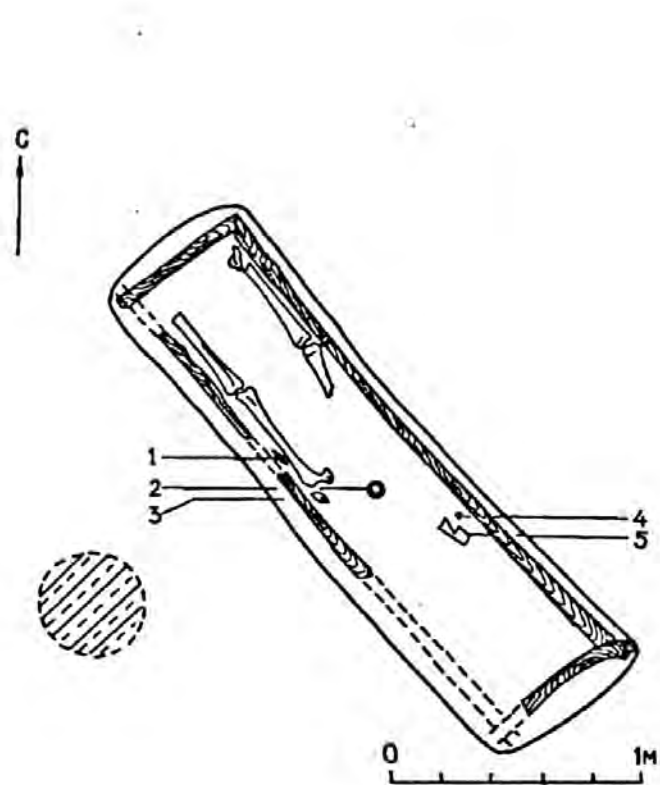

Рис. 20. Могила 9.

1 — нож; 2 — пряжка; 3 — кресало;
4 — перстень; 5 — топор

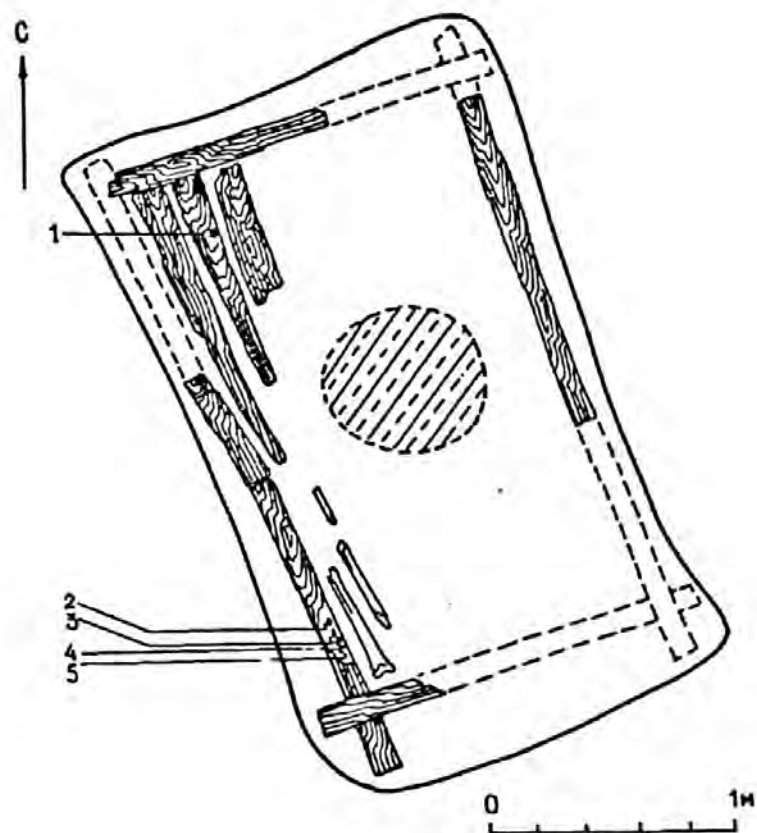

Рис. 21. Могила 10.

1 — бронзовая бляшка; 2 — бубенчики; 3 — колечко;
4 — оглавленная фибула; 5 — подвески

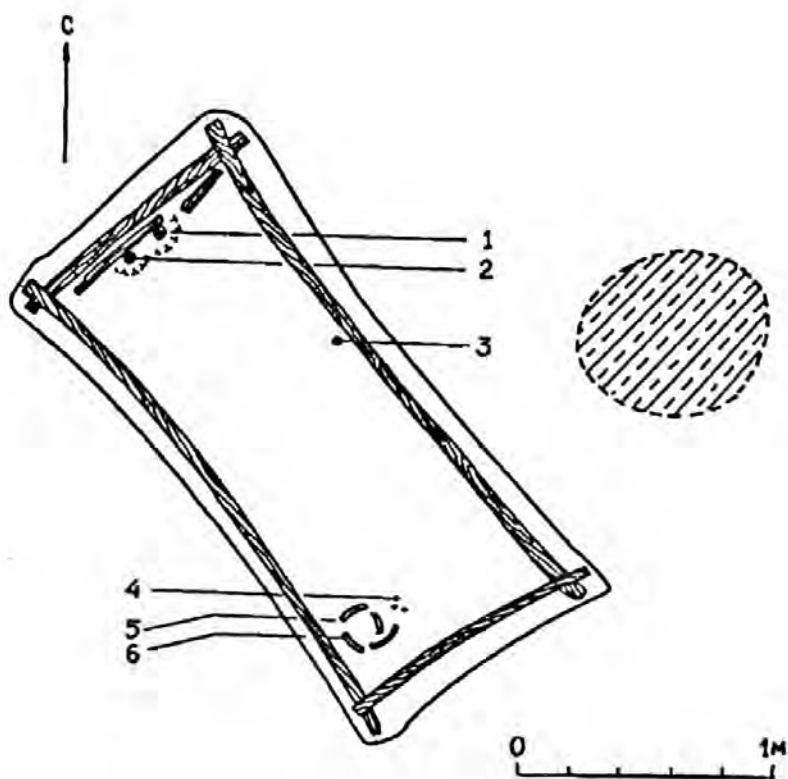

Рис. 22. Могила 11.

1, 2 — бронзовые подвески; 3 — "усатый" перстень; 4 — бусы; 5, 6 — фрагменты сосуда

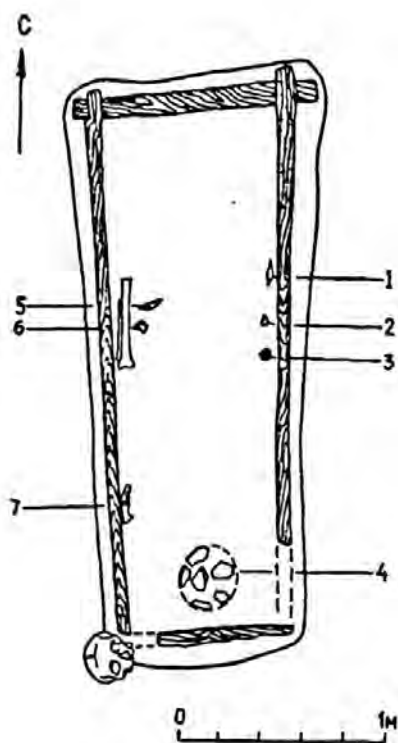

Рис. 23. Могила 12.

1 — наконечник дрота; 2 — бронзовый бубенчик; 3 — бронзовая фибула;
4 — скопление керамики; 5 — железный нож; 6 — железный предмет;
7 — челюсть животного

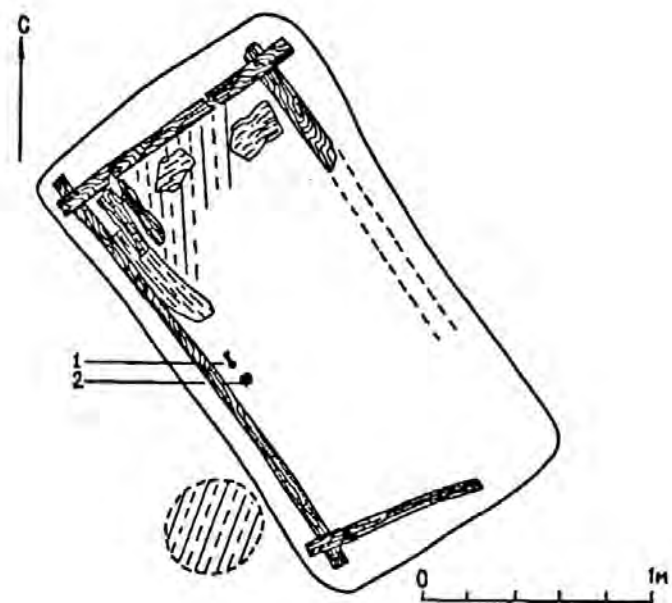

Рис. 24. Могила 14.

1 — бронзовая подвеска-ключ;
2 — бронзовая фибула

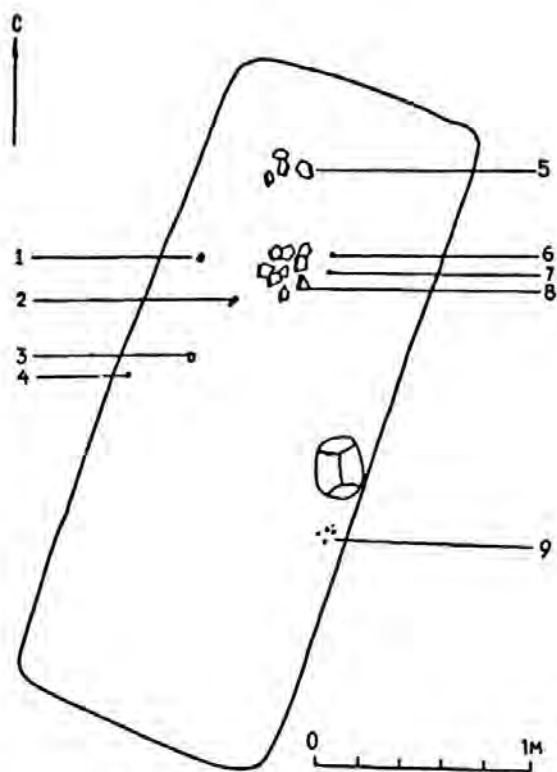

Рис. 25. Могила 16.

1 — железное ушко от ведра; 2 — железный нож; 3 — поясная пряжка; 4 — бубенчик; 5—8 — фрагменты горшков; 9 — бусы

дневной поверхности обнаружено дно могилы, отличающееся от окружающего ее песчаного грунта большей плотностью (приблизительные размеры могильной ямы — 0,9×2,75 м). В юго-восточной части могилы найдены фрагменты глиняных черепков.

Могила № 9. На поверхности выражена неглубокой впадиной — 0,2 м. Выше уровня древнего горизонта была прослежена золисто-песчаная линза мощностью около 0,3 м. На глубине 1,2 м от современной дневной поверхности (0,8 м от древнего горизонта) обнаружены остатки погребальной камеры — деревянного сруба размером 0,55×2,4 м. В северо-западной части погребальной камеры были зафиксированы кости ног, большие берцовые и бедренные. В области таза, который не сохранился, в центре могилы найдена бронзовая фибула, а около эпифиза вдоль левой бедренной кости — фрагмент ножа, железное кресало. В центре камеры, ближе к восточной стене сруба, найден железный топор. Умерший был похоронен по обряду ингумации, головой на юго-восток.

Могила № 10. На дневной поверхности выражена западиной глубиной 0,3 м. На глубине 0,6 м от уровня дневной поверхности обнаружены остатки деревянного сруба размером 1,2×2,5 м. Над могильной ямой зафиксирована песчано-золистая линза толщиной около 0,75 м. В центре погребальной камеры, на дне могильной ямы, отмечены слабые следы прокаленности. Бревна сруба погребальной камеры обуглены. Вдоль западной стены сруба наблюдалось скопление пережженных костей, здесь же находились куски бересты, вероятно, от кровли погребальной камеры. В западной части могилы обнаружен развал обугленных бревен — остатки стенки погребальной камеры. Здесь же находились бронзовые украшения — крупная умбонидная бляшка с привесками в виде утиных лапок, две привески в виде колокольчиков, решетчатая подвеска в виде “подбоченившейся” женской фигуры, фрагмент оплавленной фибулы, бронзовая бляшка, железное колесико. Погребение совершено по обряду кремации.

Могила № 11. На дневной поверхности выражена глубокой западиной (от дневной поверхности глубина около 0,5 м). При разборе могильной ямы зафиксирована песчано-золистая линза сложной конфигурации, структура которой показывает, как неравномерно запылавала могильная яма и оплывали ее стенки. На глубине 1,3 м от современной дневной поверхности обнаружено дно могильной ямы с остатками деревянной погребальной камеры, размер которой 1,1×2,45 м. Деревянный сруб как бы “изогнулся” под давлением стенок осыпающейся могильной ямы. Деревянные конструкции погребального сооружения не несут на себе следы воздействия огня. В юго-западной части погребальной камеры обнаружены фрагменты двух глиняных лепных сосудов, рядом с ними три синих пастовых бусы, в центре — железный наконечник стрелы, у восточной стенки сруба — “усатый” серебряный перстень, у торцевой северной стены — две бронзовые умбонидные бляшки с подвесками в виде утиных лапок (подвески лежали на небольших кусочках ткани). У восточного края могильной ямы, в квадрате К-14, была зафиксирована углисто-золистая линза диаметром около 0,7 м и мощностью около 0,3 м. Линза располагалась на 12—15 см ниже уровня древней дневной поверхности. Несомненно, это следы поминального костра.

Могила № 12. На современной поверхности выражена довольно глубокой западиной — 0,5 м. При

разборке могильной ямы была зафиксирована мощная (0,55 м) золисто-песчаная линза. Дно могильной ямы находилось на глубине 1,2 м от современной дневной поверхности. Сруб погребальной камеры сохранился довольно хорошо — его размеры 1,2×2,4 м. У южной торцевой стенки сруба обнаружено скопление фрагментов лепного глиняного сосуда, вероятно, раздавленного. Приблизительно в средней части камеры, у ее западной стенки, найден фрагмент ножа, у восточной стены камеры — бронзовая фибула, бронзовая колоколовидная подвеска, железный наконечник стрелы, в южной части камеры — несколько бус. У юго-западного угла погребальной камеры, с ее внешней стороны, обнаружен череп человека. О погребении в данной могиле по обряду ингумации свидетельствуют и находки трубчатых костей человека.

Могила № 13. На современной поверхности выражена западиной глубиной 0,25 м. Дно могильной ямы обнаружено на глубине 1,1 м. Сохранились незначительные остатки погребальной камеры — фрагменты южной и юго-восточной стенок сруба. Любопытно, что при разборке заполнения могильной ямы были зафиксированы две песчано-золистые прослойки: на глубине 0,72 м и 1 м. На наш взгляд, эти прослойки образовались, возможно, во время лесных пожаров и фиксируют степень заполнения могильной ямы ее осыпающимися стенками. На дне ямы обнаружены два фрагмента венчика лепного сосуда.

Могила № 14. На современной дневной поверхности выражена довольно обширной и глубокой западиной (глубина западины от современной дневной поверхности 0,5 м). При разборке могильной ямы была зафиксирована многослойная золисто-песчаная линза, представляющая собой, как можно полагать, слои лесных пожаров, перемешанных с оползшими стенками могильной ямы. На глубине 1 м от современной дневной поверхности были обнаружены остатки погребальной камеры. Размеры бревенчатого сруба 1,2×2,1 м. В западной части сруба, которая сильно обуглена, сохранились следы продольного покрытия камеры (из целых небольших бревен или плах — это трудно сказать). На фрагментах покрытия сохранились довольно крупные куски бересты, вероятно, также от покрытия погребальной камеры. В этой части могилы выявлена довольно сильная прокаленность дна могилы. Сохранность древесины северного и южного углов погребальной камеры позволила сделать любопытные и важные наблюдения для реконструкции погребальных сооружений Корбальского могильника. В плотно спрессованной массе древесины удалось насчитать, учитывая направление древесных волокон, следы трех венцов (северный угол) и пяти венцов (южный угол). В средней части погребальной камеры, у ее западной стенки, были обнаружены бронзовые фибула, ключ-подвеска и подвеска-бубенчик.

Рядом с могилой, у ее южного угла, обнаружено кострище диаметром 0,5 м и мощностью 0,75 м. Никаких вещей, а также обгорелых костей в заполнении кострища найдено не было. Большое количество мелких обгорелых костей, вероятно человеческих, было встречено в западной части погребальной камеры — значит, есть основание считать, что в этой могиле погребение совершено по обряду кремации.

Могила № 15. На современной дневной поверхности выражена довольно глубокой западиной — 0,5 м. На глубине 0,6 м от современной дневной поверхности

при разборке заполнения могильной ямы была зафиксирована золистая линза толщиной 0,15 м, при расчистке которой найдено несколько костей животных. Было бы соблазнительно рассматривать эту линзу как остатки поминального кострища, однако под ней была обнаружена еще одна линза — толщиной 0,17 м, представляющая собой подзол, попавший сюда при осыпании стен могильной ямы. На глубине 1,2 м от современной дневной поверхности были обнаружены дно могильной ямы и остатки погребальной камеры, от которой сохранилась лишь нижняя часть бревенчатого сруба (приблизительные размеры погребальной камеры 1,1×2,2 м). У восточной стены сруба, в средней части могильной ямы, обнаружен железный наконечник стрелы (единственная находка).

Могила № 16. На современной поверхности плохо выражена — едва заметной впадиной глубиной 0,2 м. При разборке заполнения могильной ямы обнаружено несколько линз. Структура заполнения: слой песка толщиной 0,2 м, тонкая золисто-углистая прослойка (около 7 см), затем песок, затем опять тонкая прослойка в самом центре могильной ямы (6—8 см), затем песок и опять тонкая зольная прослойка, потом песок. Дно могилы, обнаруженное на глубине 1,4 м от современной дневной поверхности, выделялось более темным цветом, чем окружающий материковый песок. В южной части могильной ямы (приблизительные ее размеры 1,3×3 м) зафиксированы фрагменты глиняных сосудов (вероятно, двух горшков), тут же находились две стеклянные бусы. В средней части могилы, у западной ее стенки, найден фрагментированный человеческий череп, здесь находилось и несколько зубов. Рядом с черепом найден бронзовый цепочкодержатель. В средней же части могилы, но уже у восточной ее стены, найдены железное ушко (от ведра?), бронзовые бубенчик, лировидная пряжка. Судя по всему данное погребение совершено по обряду трупосожжения, умерший был ориентирован головой на юг.

Могила № 17. На поверхности выражена западиной глубиной около 0,4 м. В верхней части заполнения могильной ямы зафиксировано несколько песчано-углистых прослоек, связанных с лесными пожарами. Основное заполнение могильной ямы представляет собой гумусированный песок. На глубине 0,9 м от современной дневной поверхности обнаружено дно могильной ямы. В юго-восточной части могилы найдено несколько фрагментов глиняного сосуда.

Таким образом, на территории Архангельской области впервые найден и полностью исследован грунтовый могильник местного "чудского" населения. В срубах, являющихся, по существу, "домиками мертвых", обнаружены захоронения по обряду трупосожжения и трупосожжения, причем оба обряда представлены почти равным числом захоронений (8 и 10). Можно отметить некоторые элементы горизонтальной стратиграфии памятника: могилы, содержащие трупосожжения, по размерам больше остальных и сосредоточены, главным образом, в восточной части могильника (№ 4, 4а, 5, 6, 10). Конструкция погребальных сооружений в могилах с кремацией и ингумацией идентична. В ряде могил, преимущественно содержащих погребения по обряду кремации, наблюдаются прокаленность незначительных участков дна могилы, чаще всего в центре, и частичная обугленность погребальной камеры. Зафиксированные в западинах могил углистые прослойки связаны не с ритуальными кострищами, а скорее всего с лесными

пожарами. В ряде могил с трупосожжением вполне определенно удалось выявить ориентировку погребенных: преобладает южная ориентировка с небольшим отклонением к востоку. Об этом же свидетельствует расположение погребального инвентаря: глиняные сосуды найдены в южной части могил, около головы погребенного — скопление стеклянных бус, находки фибул зафиксированы у верхней части туловища, а умбоновидные бляшки с привесками в виде утиных лапок, вероятно являвшиеся частью украшения обуви, — в северной части могил, у ног (могилы № 4, 7). Можно выделить захоронения мужские (с топорами, наконечниками стрел) и женские (обилие бронзовых украшений, ожерелья из бус). Погребальный инвентарь в могилах с трупосожжением более разнообразный и многочисленный, чем в могилах с трупосожжением.

Довольно богатый материал, обнаруженный в захоронениях, позволяет выделить среди вещей основные этнокультурные элементы и определить хронологические рамки функционирования могильника. Можно назвать три группы находок.

К первой группе относятся вещи, встречающиеся на довольно широкой территории, но, несомненно, связанные в первую очередь с кругом древностей X—XII вв. западных финнов: бронзовые нагрудные и поясные застёжки; лировидные поясные пряжки; полая литая уточка-подвеска с "хохолком"; бронзовые бубенчики и колоколовидные подвески; серебряный шитковый ("усатый") перстень; железный секировидный боевой топор.

Вторая, довольно значительная группа находок имеет также широкий ареал распространения, по своему происхождению она тесно связана с кругом волговятских и камских "чудских" древностей: подвеска-оберег "всадница", представленная поздним вариантом подвесок прикамского происхождения; подвеска, напоминающая "подбоченившуюся" женскую фигуру; треугольная шумящая подвеска с решетчатым орнаментом; серебряное лунничное височное кольцо.

Наконец, среди корбальских находок можно выделить несколько вещей круга типичных славяно-русских древностей — бронзовые браслеты, свитые из двух проволочек с завязанными концами; пластинчатые коньки "смоленского" типа; крестообразная подвеска; проволочный перстень с завязанными концами. Керамический комплекс Корбальского могильника по составу находок неоднороден — наряду с лепными сосудами банкообразных форм, украшенными зубчатыми штампами, встречены сосуды иного облика. Это горшки XI в., изготовленные на гончарном круге, с вертикальным горлом, с отогнутой внутрь закраиной, украшенные линейно-волнистым орнаментом, — несомненно, славянского происхождения. Довольно богатый вещественный материал, обнаруженный в захоронениях, дает возможность определить хронологические рамки функционирования могильника концом XI — первой половиной XII в. Для определения нижней даты памятника важна находка (могила № 4) серебряной западноевропейской монеты 70-х годов XI в. — динария (Германия, графство Евер).

Основные элементы погребального обряда, прослеженные в могильнике у д. Корбала, а также характер погребального инвентаря дают основания считать, что памятник оставлен населением, одним из компонентов которого являлись потомки летописной "чуди заволочьской".

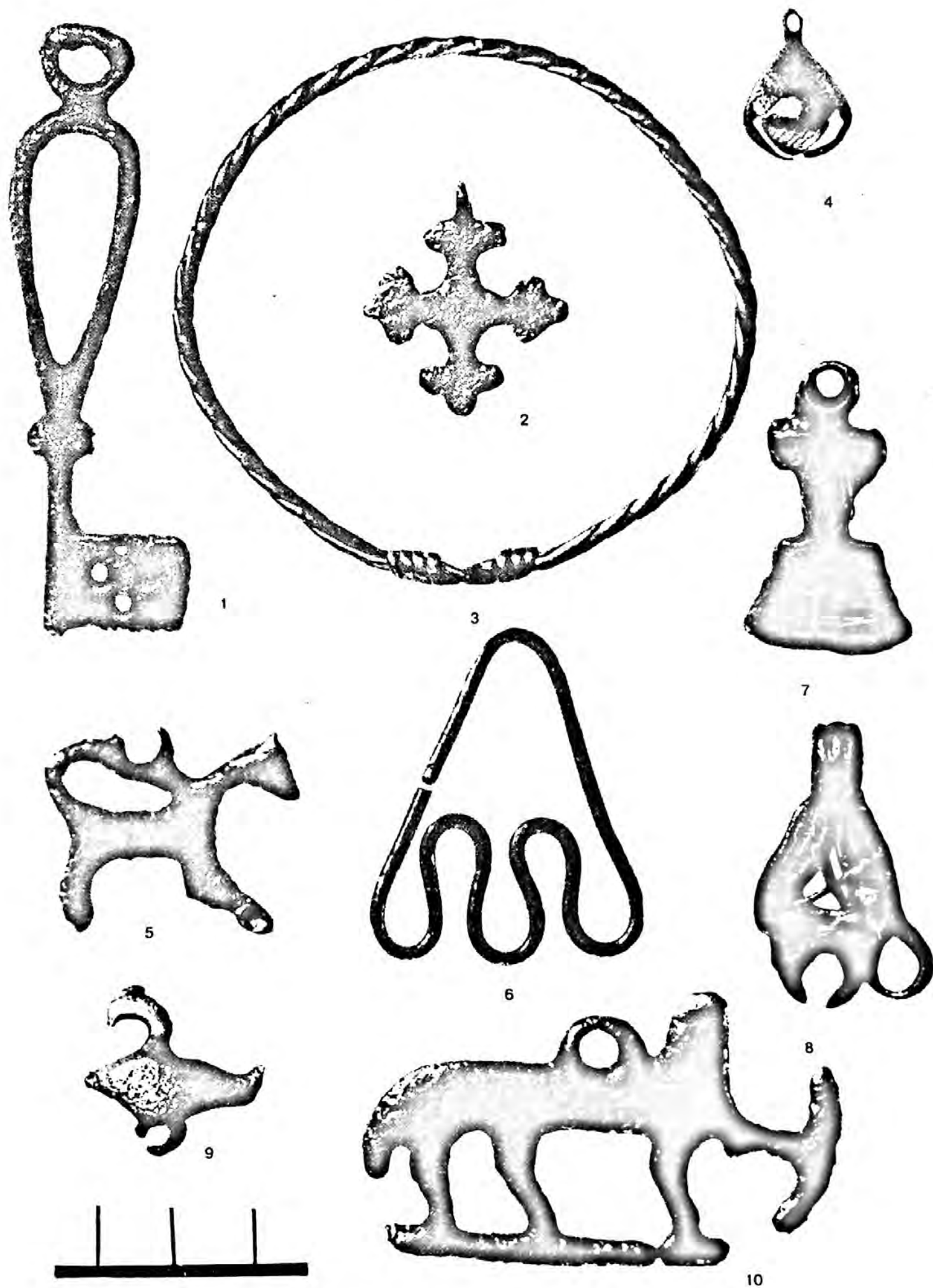

Рис. 26. Корбальский могильник. Бронзовые украшения.
1, 2, 4—10 — подвески; 3 — витой браслет

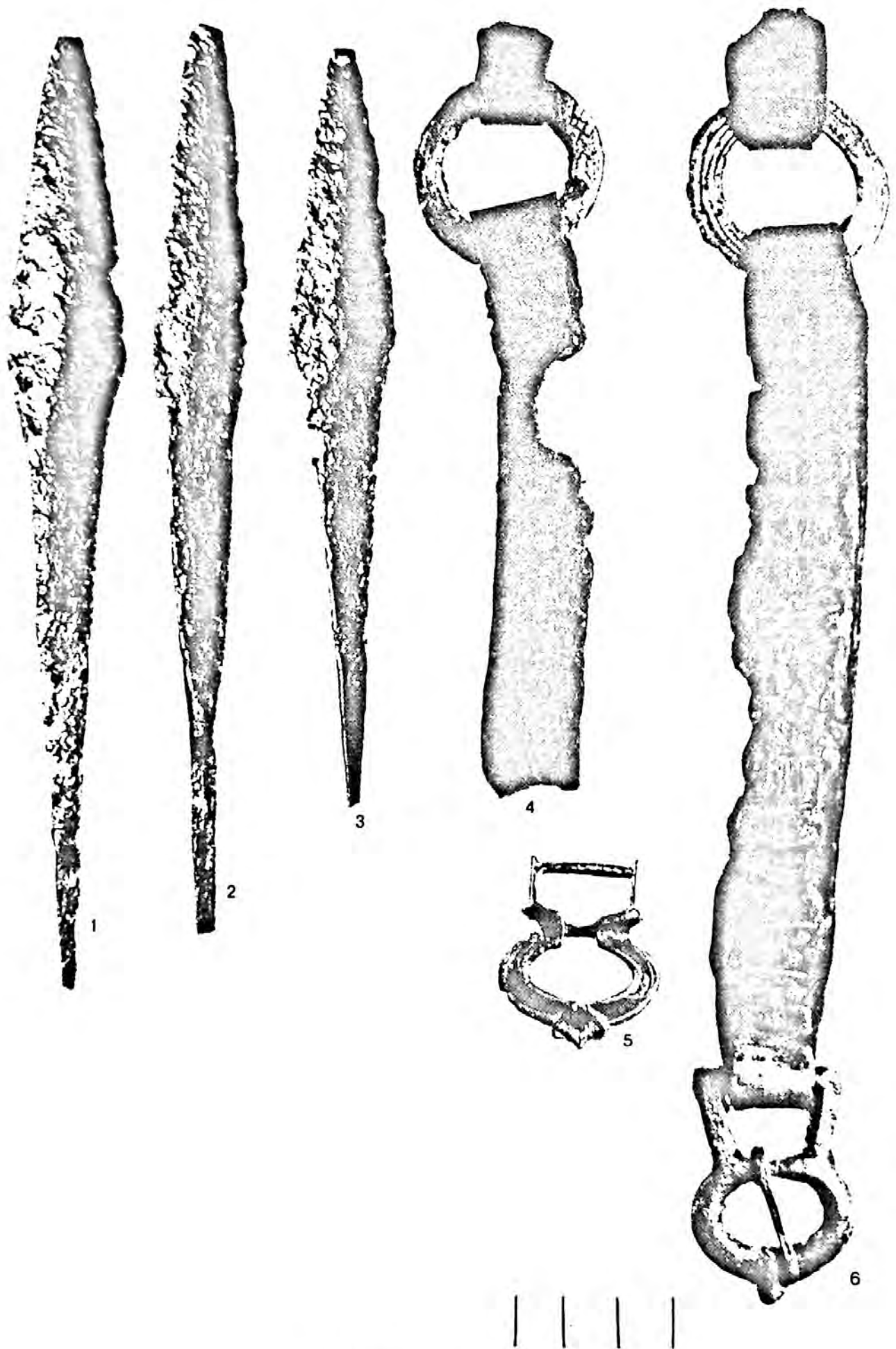

Рис. 27. Корбальский могильник.
 1—3 — железные наконечники стрел; 4, 6 — фрагменты кожаного пояса с пряжкой и разделительными кольцами; 5 — поясная пряжка

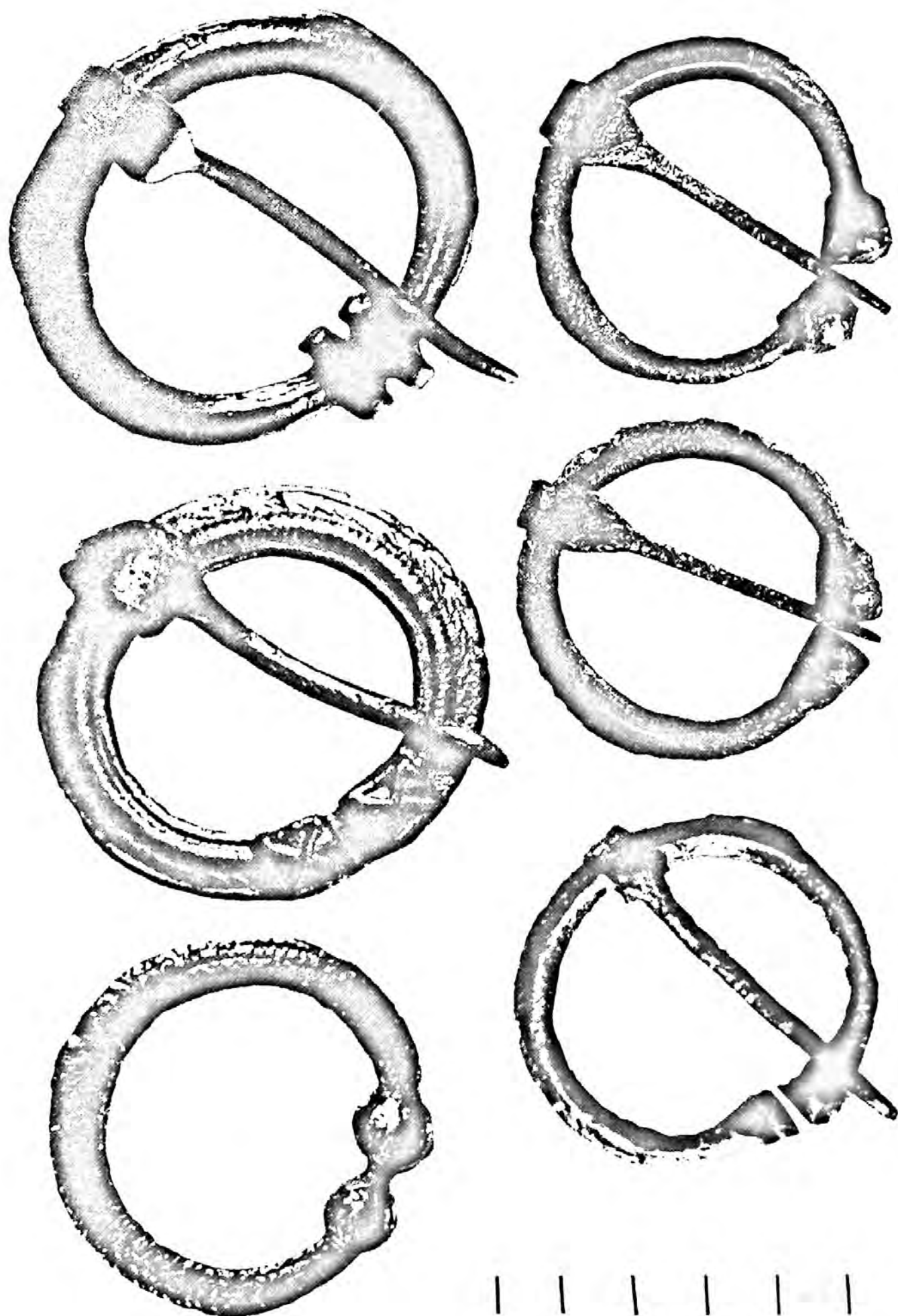

Рис. 28. Корбальский могильник. Подковообразные бронзовые фибулы

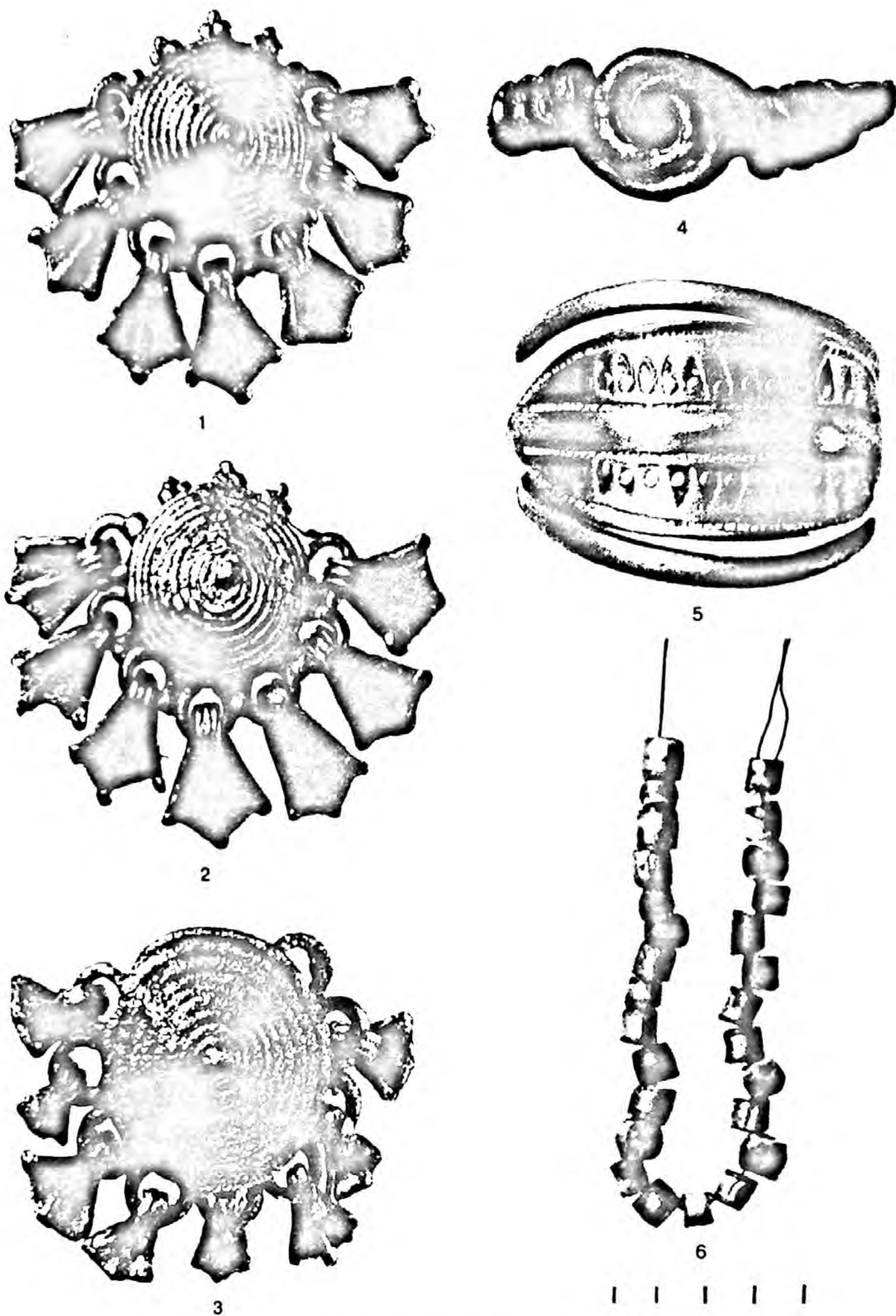

Рис. 29. Корбальский могильник.

1 — 3 — умбоновидные бронзовые подвески; 4 — бронзовый витой перстень; 5 — серебряный "усатый" перстень; 6 — бусы

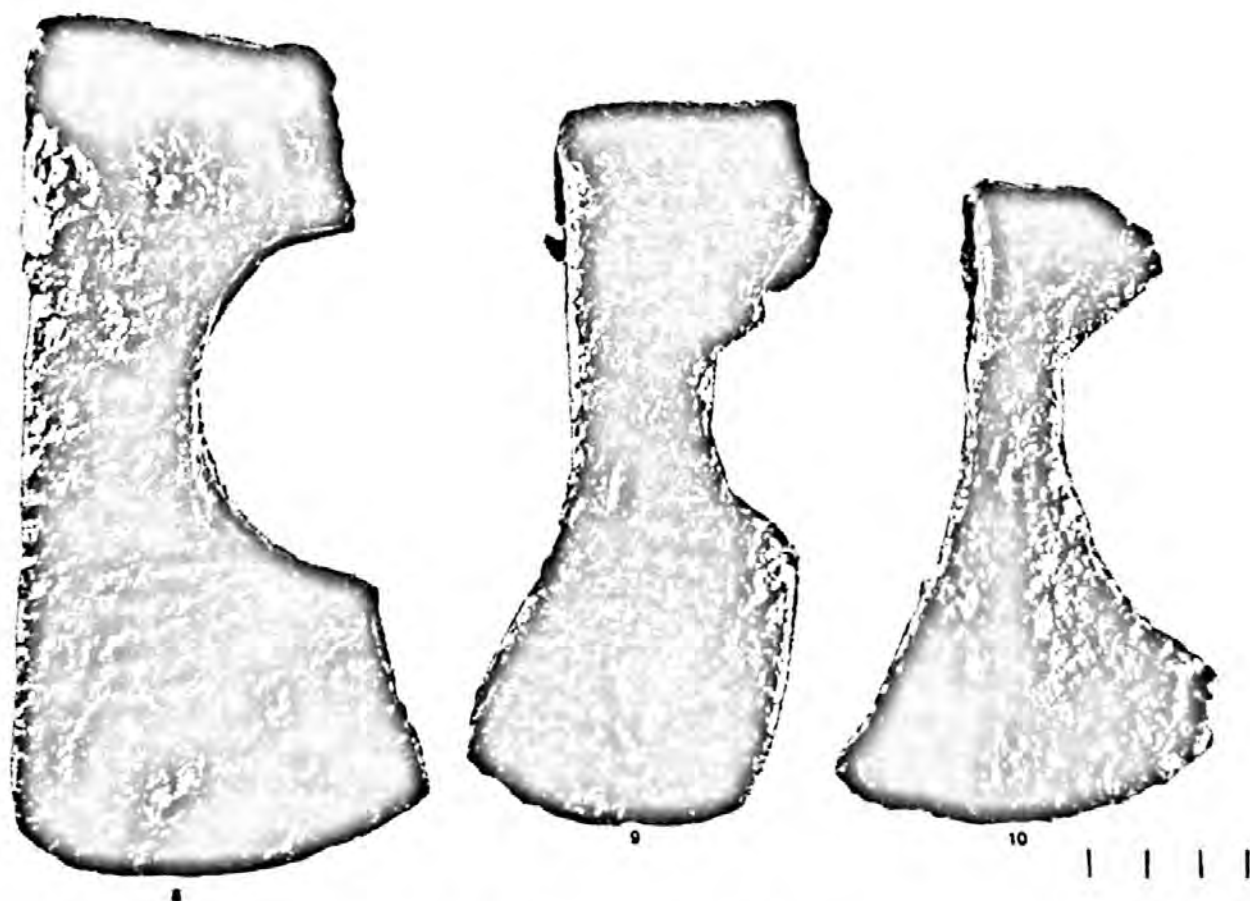
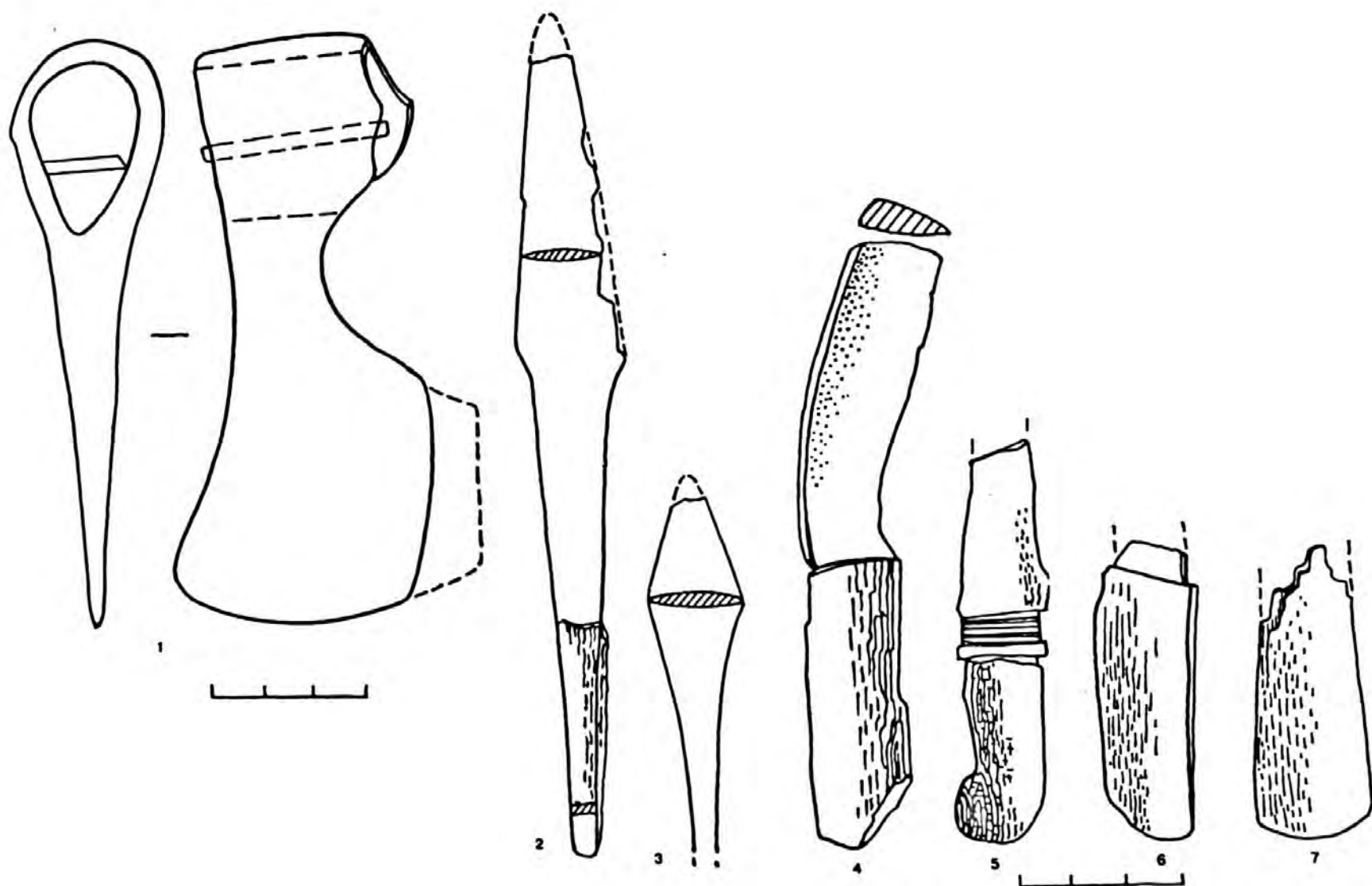

Рис. 30. Корбальский могильник.

1, 8—10 — топоры; 2, 3 — наконечники стрел; 4—7 — фрагменты ножей с деревянными рукоятями

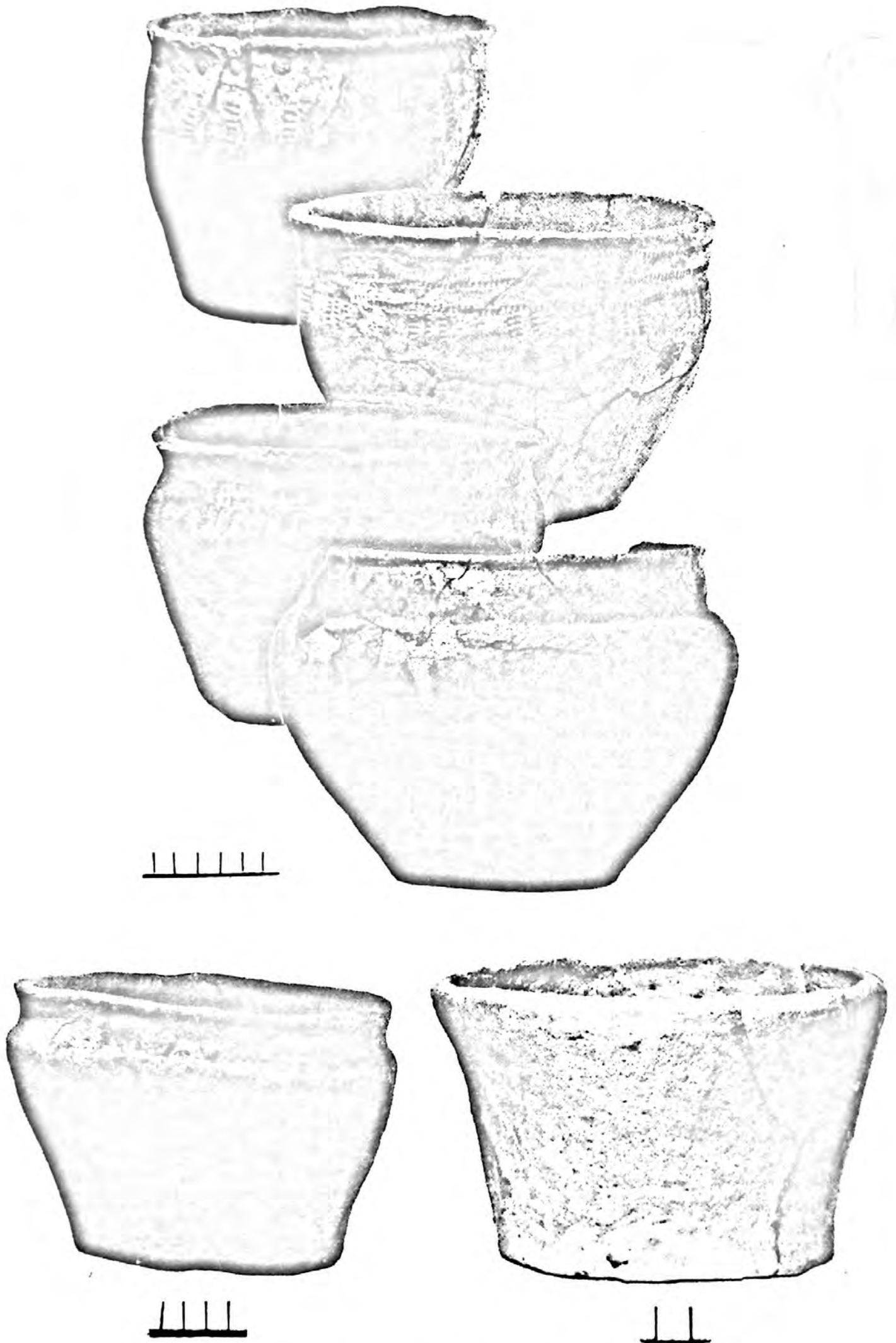

Рис. 31. Корбальский могильник. Лепные и кружальные сосуды

Важно отметить и то, что рядом с могильником, в 250 м к северо-западу от него, в обрыве берега р. Ваги, зафиксированы следы селища, вероятно, того же времени, что и могильник, — в осыпи берега найдены следы культурного слоя (серый гумус с вкраплением угольков), в котором обнаружено несколько фрагментов сосудов, аналогичных сосудам в грунтовых могилах. Учитывая малочисленность находок, о существовании рядом с грунтовым могильником селища пока можно говорить лишь как о предположении.

Благовещенский могильник. Для исследования могильника заложить единый раскоп, в границы которого попали бы все могильные западины, не представлялось возможным, т. к. пришлось бы вырубить лес на площади около 400 м². Было принято решение раскопать все могильные ямы отдельными шурфами, вырубив для этого лишь те деревья, которые растут в самих ямах или по их краю. Все раскопанные западины оказались частично разграбленными средневековыми захоронениями.

Погребение № 1. На поверхности отмечено продолговатой западиной длиной около 1 м и глубиной 17 см. В шурфе размерами 2×3 м на глубине 22 см обнаружены следы могильной ямы, заполнение которой отличалось от материка плотностью; кроме того, сам контур могилы смотрелся тонкой слабо-коричневой "ниточкой". Внутри могильной ямы на глубине приблизительно 33—50 см зафиксированы разрозненные человеческие кости. Могильная яма была ориентирована с северо-востока на юго-запад, в ее юго-западной части обнаружены фрагменты двух черепов, трубчатые кости ног, а также несколько мелких косточек стопы. В северо-восточной части могилы находились фрагменты больших трубчатых костей, вероятно, костей ног. В средней части могильной ямы на глубине 50 см найдена бронзовая бусина, около фрагмента черепа — стеклянная голубая бусина плохой сохранности. Фрагменты черепов и костей ног были плотно переплетены корнями выросшей здесь сосны, находились во влажном песке и поэтому плохо сохранились.

Стратиграфические наблюдения следующие: заметная на поверхности западина была перекрыта непрочной прослойкой мха, на бортах могильной ямы отчетливо видны прослойки подзола, которые участвовали в постепенном осыпании бортов неглубокой могильной ямы. Заполнение могильной ямы — серый песок. На ее дне и только под фрагментами костей обнаружены темные прослойки органического происхождения (следы бересты или ткани), по всей видимости, остатки материала, в который был завернут погребенный. Есть все основания полагать, что захоронение было оставлено открытым, незасыпанным и вскоре подверглось расхищению. Ограбление произошло в тот период, когда кости уже были чистыми от мышц. По крайней мере, у могилы не видно никаких следов выброса от раскапывания захоронения.

Погребение № 2. На поверхности отмечено слегка овальной западиной шириной около 1 м и длиной 1,2 м. В шурфе 2×3 м на глубине 35 см были обнаружены контуры могильной ямы, в западной части шурфа контуры прослеживались тонкой слабо-коричневой прослойкой (органического происхождения), отделяющей заполнение могильной ямы от материка. Однако на большей части шурфа эти границы были уже разрушены и не прослеживались. То же можно сказать и о дне могильной ямы — лишь там, где лежа-

Рис. 32. 1 — Вельский городок; 2 — Усть-Пуйский могильник; 3 — Кокшеньгский городок; 4 — Васильский городок; 5 — Пенежский городок

ли два фрагмента челюсти, под костями, сохранился небольшой участок темной органической прослойки — вероятно, остатки бересты или ткани, в которую был завернут погребенный. Никаких вещей в могиле и около нее не обнаружено. Стратиграфия в шурфе № 2 такая же, как и в предыдущем, — дерн, гумусированный песок в заполнении могильной ямы, наличие в ее бортах (там, где они сохранились) слоя подзола. Могила была основательно разграблена, лишь под костями сохранился небольшой участок погребального "савана". Остатки костей переданы для определения.

Погребение № 3. На поверхности отмечено продолговатой западиной шириной около 0,8 м и длиной 1,25 м. В шурфе 2×3 м на глубине 22 см обнаружился контур могильной ямы, лучше сохранилась ее северо-восточная часть. Контуры ямы представляли собой тонкую слабо-коричневую полосу сгнившей органики. Размеры могильной ямы 0,6×1,8 м; дно ямы, как и в предыдущем захоронении, практически не сохранилось, лишь под обнаруженными вещами лежал тонкий слой темно-коричневого тлена. В северо-восточной части могилы на глубине 0,25 м зафиксирован бронзовый бубенчик, почти в середине — плохо сохранившийся железный ножичек. На границе могильной ямы обнаружены крупные фрагменты черепа, лежавшие выше предполагаемого дна могильной ямы; похоже, что череп отбросили туда при разграблении захоронения. На лобной части черепа хорошо сохранился венчик — тканая полоска с бронзовыми спиральками, нашитыми в несколько рядов. Характер плетения ткани определен Н. В. Хвоцинской.

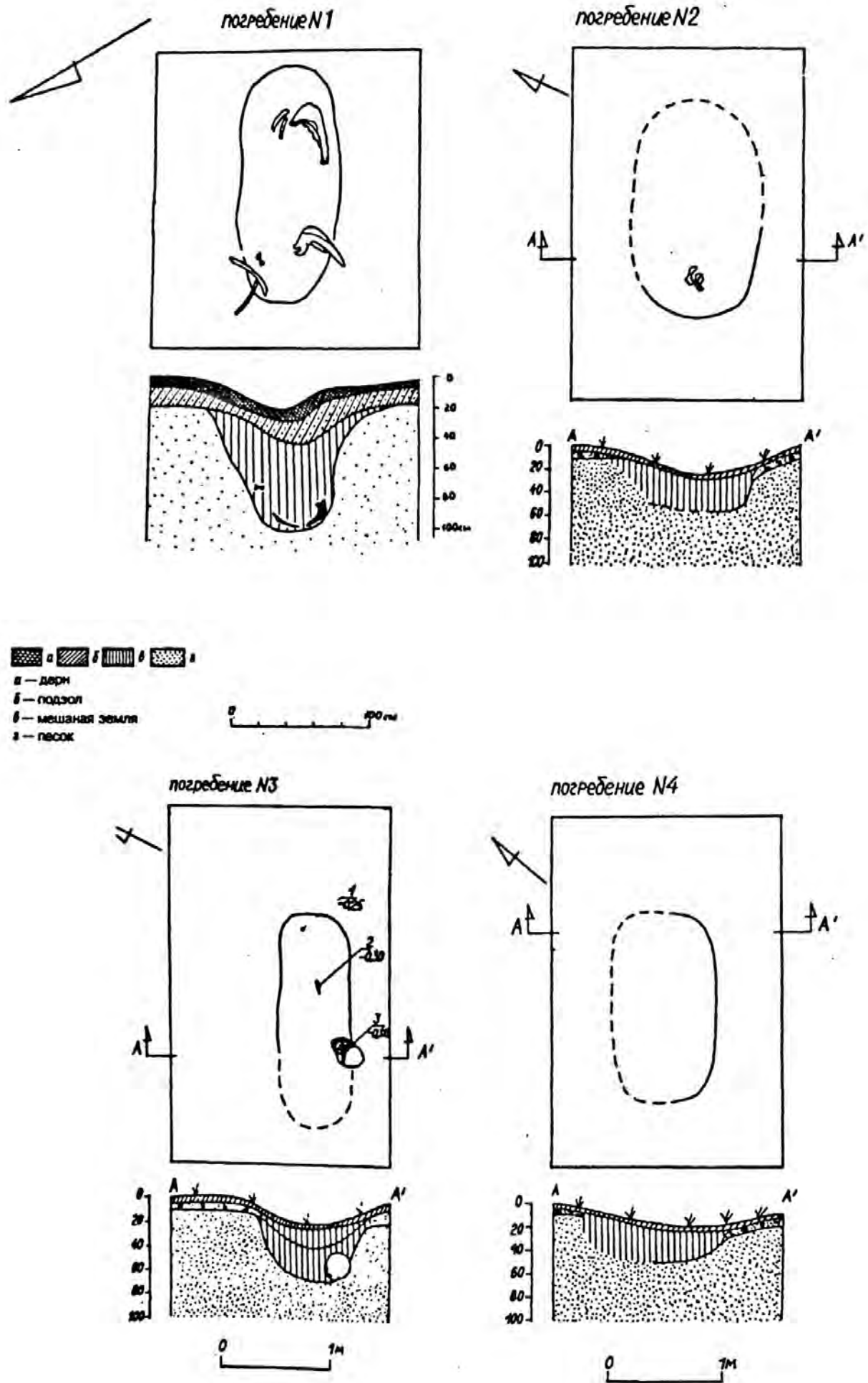

Рис. 33. Благовещенский могильник

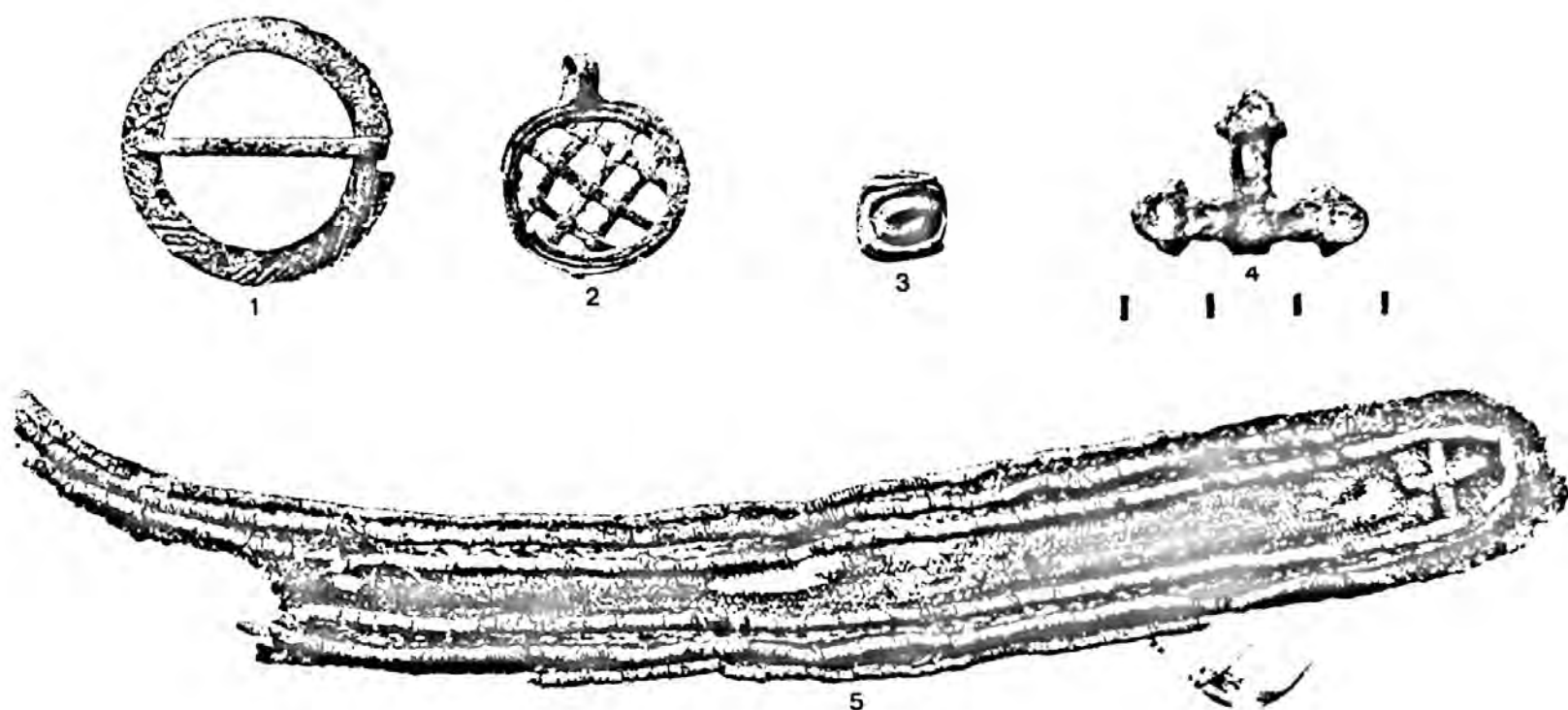

Рис. 34. Благовешенский могильник. Бронзовые находки.

1 — пряжка; 2 — подвеска; 3 — буса; 4 — крестик "киевского" типа; 5 — налобное украшение "венчик"

У основания черепа, в комке прогнившей органики, были обнаружены бронзовый крестик, решетчатая подвеска, стеклянные бусы нескольких типов (среди них двойчатки). Тут же были и две половинки проволоочного височного кольца. Можно предполагать, что разграбленное захоронение было женским. Стратиграфия захоронения такая же, как и у предыдущих (только могильная яма более правильных размеров): слой мха, заполнение могильной ямы — серый песок, в верхней части стенки ямы прослеживается прослойка подзола.

Погребение № 4. На поверхности выражено очень слабо — глубина впадины менее 10 см, длина 55 см, контур могильной ямы обнаружен на глубине 30 см и прослежен только частично, т. к. вся северо-западная часть могильной ямы, по-видимому, разрушена. Длина ямы приблизительно 1,6 м, ширина около 0,9 м. Стратиграфия такая же, как и у предыдущих захоронений. Никаких предметов и костей не встречено.

Таким образом, можно констатировать, что расположенный на небольшом всхолмлении могильник состоял из четырех могил, обряд захоронения был идентичным (ориентировка могильных ям, отсутствие внутримогильных конструкций, обряд труположения). Могилы не были засыпаны и через некоторое время подверглись разграблению, часть вещей была похищена. Из всех захоронений более определенно можно судить о погребении № 4 — группа сохранившихся вещей позволяет отнести его к женским. Набор находок дает основание датировать могильник XII в. Следует напомнить, что могильник расположен в очень интересном месте — неподалеку известны места случайных находок "чудских" вещей: д. Аксеновская, Воскресенская, не так далеко и Усть-Пуйский могильник. Небольшой могильник около с. Благовещенского — еще один памятник "чуди заволочьской".

Усть-Пуйский могильник. У д. Усть-Пуя в 1978 г. В. А. Назаренко обнаружил еще один грунтовый мо-

гильник "чуди заволочьской" в Важском регионе. Могильник расположен на левом берегу р. Ваги, на узком останце второй (боровой) надпойменной террасы, образованном первыми надпойменными террасами Ваги и впадающей в нее слева р. Пуей.

Места погребений выражены на поверхности небольшими западинами продолговато-овальной формы, различной ориентировки. Останец, на котором расположен могильник, весь изрыт землянками и картофельными буртами (погребками). Деревня Аксеновская находится на противоположном берегу Пуи, метрах в шестистах к северу от могильника. Из-за разрушений на останце количество погребений в могильнике до полного вскрытия установить не представляется возможным. Выявлено семь могил, из которых пять (№ 1—3, 6, 7) оказались разграбленными еще в древности. Две могилы содержали три захоронения.

Могила № 1. На поверхности выражена углублением, равным 0,2 м. Заполнение ямы, размеры которой равны 2,3×1,1×1,5, — гумусированный песок, в верхних частях обольно-темный и однородный. У верхних краев ямы прослежен слой погребенной почвы с подзолом под ним. Стенки ямы покатые. Погребение не обнаружено. Могильная яма ориентирована по оси ССВ—ЮЮЗ.

Могила № 2. На поверхности выражена углублением, равным 0,32 м. Заполнение ямы, размеры которой равны 2,75×1,8×1,7 м, — гумусированный песок, в верхних частях обольно-темный и однородный. У краев ямы зафиксирован слой погребенной почвы с подзолом под ним. Стенки ямы пологие. Погребение не обнаружено. Могильная яма ориентирована по оси З—В.

Могила № 3. На поверхности выражена углублением, равным 0,32 м. Заполнение ямы, размеры которой равны 2,3×1,3×1,2 м, — гумусированный песок, в верхних частях довольно темный и однородный. У краев ямы прослежен слой погребенной почвы с подзолом под ним. Стенки ямы покатые. Погребение не

обнаружено. Могильная яма ориентирована по оси С—Ю. У восточного края ямы, приблизительно на середине ее длины на глубине 0,5 м от современной дневной поверхности, — кружальный горшок.

Могила № 4. На поверхности не выражена. Заполнение ямы, размеры которой равны 2,5×1,4×1,3 м, — гумусированный песок, в верхних слоях обладал сложностью, характеризующейся некоторой волнотостью слоев и направленностью их сверху от краев ямы вниз к ее середине. У краев ямы зафиксирован слой погребенной почвы и подзол под ним. Стенки ямы отвесные. Могильная яма ориентирована по оси С—Ю. На дне ямы — остатки костяка, лежавшие в беспорядке. На месте, по-видимому, лишь череп и кости левой ноги. Погребенный был положен головой на юг. У головы и в юго-восточном углу ямы сохранились остатки деревянного погребального сооружения — сруба. Состав инвентаря и его размещение следующие: у черепа слева фрагменты кожи с бронзовыми заклепками, подвеска-уточка и кусочек кремня. Под черепом и справа от него — куски бересты. На груди, с левой стороны, — кусок ткани, обломки нижней челюсти, зубы. Чуть правее их, т. е. по центру груди, — стеклянные бусы с серебряной позолоченной фольгой внутри, а также мелкий бисер, несколько левее — подковообразная бронзовая застежка. Правее бус и бисера, у восточного края ямы, среди остатков тленного дерева, — фрагменты бронзовой цепочки, железного кольца, остатки оловянисто-свинцовой подвески, скорее всего решетчатой, здесь же еще один кусочек кремня. В области пояса и тазовых костей (в данном случае от-

сутствующих) обнаружены подвеска-уточка и бронзовая пронизка. У западного края ямы — нож и калачевидное кресало, у верхней части правой бедренной кости — топор. На правой же руке — перстень-кольцо с завязанными концами. Вероятнее всего, здесь был погребен мужчина.

Могила № 5. На поверхности почти не выражена, максимальная глубина впадины 0,1 м. Заполнение ямы, размеры которой равны 2,3×1,1×1,25 м, — гумусированный песок, в верхних частях заполнения отчетливо видна "прогнутость" слоев, направленность их от краев ямы вниз к ее середине. У краев ямы зафиксированы слой погребенной почвы и подзол под ним. Стенки ямы отвесные. Могильная яма ориентирована по оси З—В. На дне ямы наблюдаются останки двух костяков головой на запад, скелеты сохранились плохо. Отчетливо прослеживаются лишь кости ног и черепа. Погребенные были положены в деревянный сруб, сохранившийся в некоторых местах на высоту трех венцов. Состав инвентаря и его размещение следующие: погребение 1 — на черепе от одного виска к другому через теменные кости лежит венчик овальной формы с нашитыми на него спиральками. Спиральки уложены в три ряда. У висков две бронзовые серьги, на шее бронзовая шейная гривна, у левого плеча нож, на груди — бубенчик. На поясе слева две подвески и два бубенчика, а справа нож, и на пальце правой руки перстень. Здесь же сохранились довольно значительные куски грубой шерстяной ткани и шерстяного пояса, завязанного узлом. Погребение 2 — на черепе сохранился венчик, аналогично расположен-

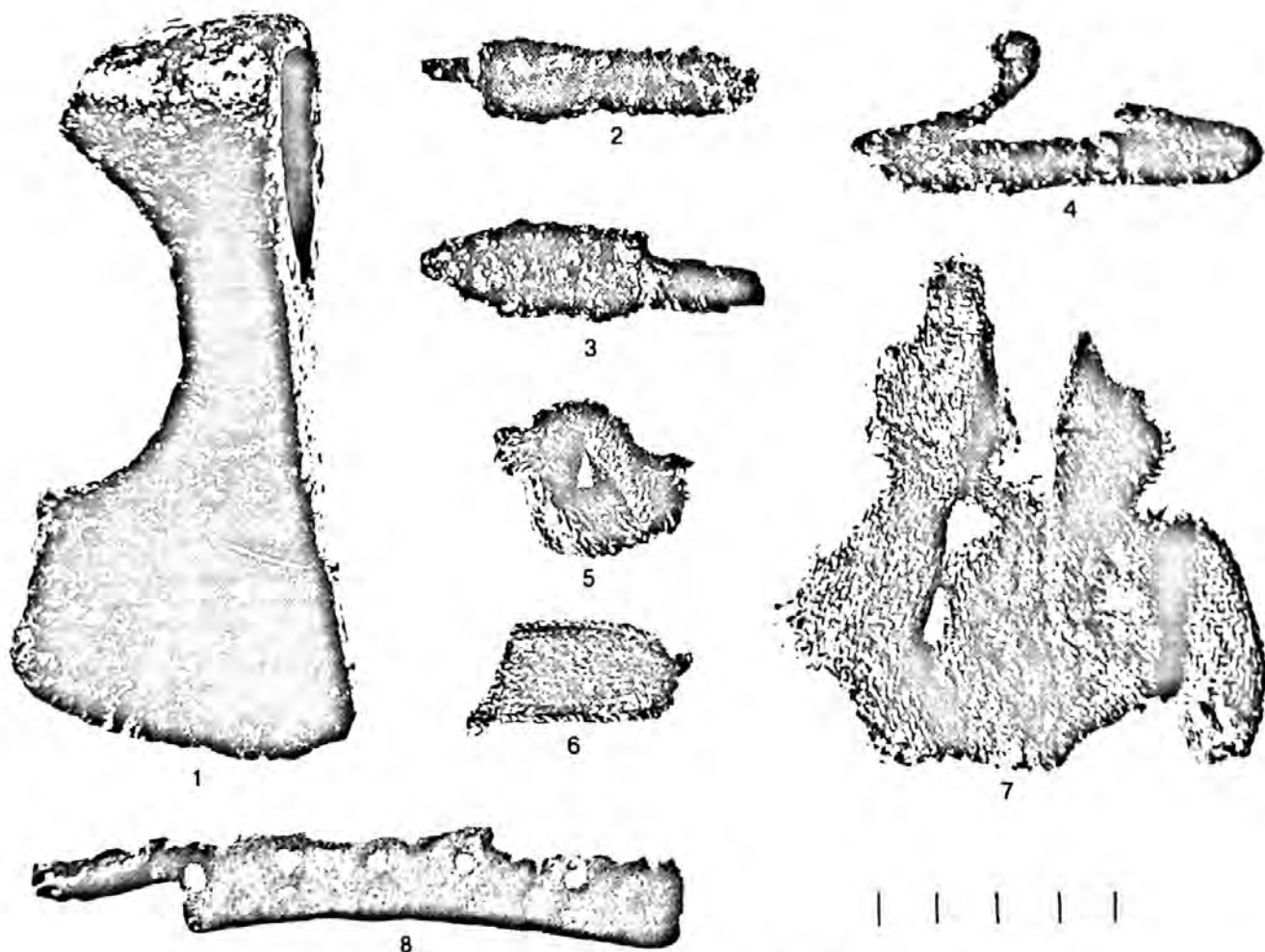

Рис. 35. Усть-Пуйский могильник. Железные изделия.

1 — топор; 2, 3 — фрагменты ножей; 4 — кресало; 5—7 — фрагменты тканей; 8 — фрагмент кожи с бронзовыми заклепками (от ножен?)

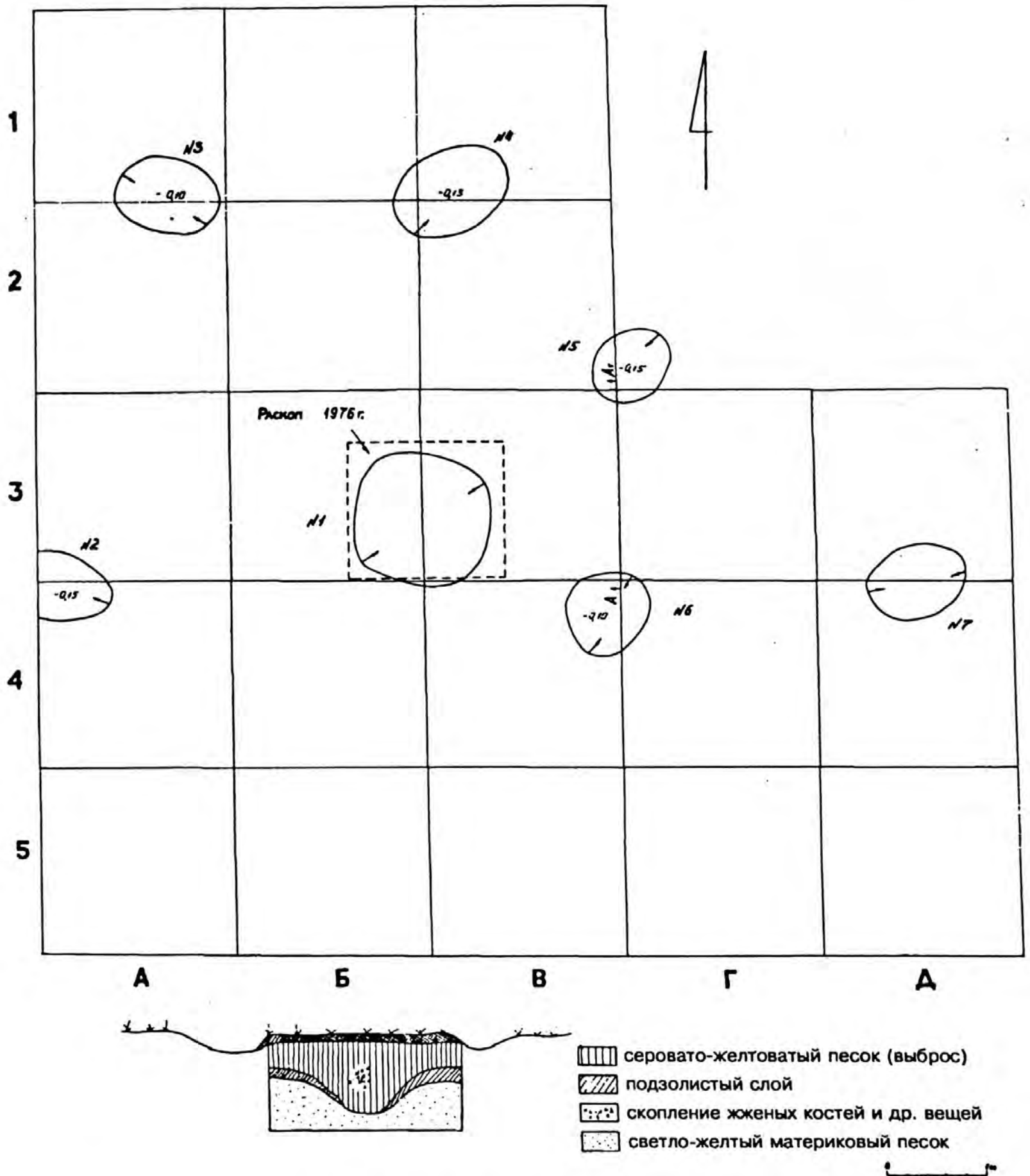

Рис. 36. Юмьжский могильник. План раскопа 1985 г.
Профиль ямы в центре раскопа

ный и такого же вида, как в погребении I. У черепа — две серьги. На пальце правой руки перстень. В ногах лежали, по-видимому, украшения обуви — четыре колололовидных подвески и четыре бронзовых оковки из пластинок, скрученных в трубочки, внутри которых обнаружены шерстяные грубые шнуры. В области груди (неясно, какого погребения) обнаружено два бронзовых кольца, скорее всего относящихся к инвентарю погребения I. Можно утверждать, что здесь были захоронены две женщины.

Могила № 6. На поверхности выражена небольшой впадиной глубиной 0,2 м. Заполнение ямы, размеры которой равны 2,25×1,3×1,5 м, — гумусированный песок, в верхних частях довольно темный и однородный. У краев ямы прослежен слой погребенной почвы с подзолом под ним. Стенки ямы пологие. Погребения не обнаружено. Могильная яма ориентирована по оси С—Ю.

Могила № 7. На поверхности выражена западиной 0,35 м. Заполнение ямы, размеры которой равны 2,6×1,5×1,6 м, — гумусированный песок, в верхних частях довольно темный и однородный. У краев ямы прослежен слой погребенной почвы с подзолом под ним. Стенки ямы пологие. Могильная яма ориентирована по оси СВ—ЮЗ. Следов погребения не обнаружено.

Юмижский могильник. В 1973 г. в устье р. Юмиж (небольшой левый приток Северной Двины), на невысоком боровом останце коренного берега (Малецкий Бор), при шурфовке были обнаружены остатки средневекового захоронения по обряду кремации (Юмиж III)⁵⁷. В 1985 г. этот участок Малецкого Бора был снова обследован⁵⁸ и на месте шурфа 1973 г. заложен рас-

коп площадью 84 м². На современной дневной поверхности раскопа отчетливо прослеживалось несколько удлиненных ям глубиной 0,2—0,3 м довольно устойчивой ориентировки север—юг. Поквадратное вскрытие площади раскопа показало, что западины на поверхности, вероятнее всего, эрозийного происхождения (кстати, в направлении с севера на юг вытянуты и всхолмления самой боровой террасы). Стратиграфия на всех участках раскопа была одинакова, а главное, она показала, что древняя поверхность нигде не была нарушена. Тем большей неожиданностью явилась находка в бровке (как раз между двумя западинами) в слое песка, над слоем подзола, скопления пережженных человеческих костей вместе с бронзовыми и стеклянными украшениями, побывавшими в огне. Характер вещей, компактность их размещения заставляют полагать, что они попали сюда не случайно, а находились в небольшом углублении (считать, что обнаруженные предметы находились первоначально в типичной грунтовой яме, а затем были выброшены из нее, нет оснований). Находки в 1973 г. были сделаны в аналогичных условиях. Таким образом, можно предполагать, что в обоих случаях мы имеем дело не со случайным выбросом из грунтовых могил, а с определенным типом захоронения.

Комплекс находок 1973 г.: три бронзовых шаровидных бубенчика с крестовидной прорезью; обломки бронзовой пластинки, бронзовой цепочки, железного изделия; фрагмент кальцинированной человеческой челюсти.

Комплекс находок 1985 г.: два грушевидных бронзовых бубенчика с крестовидной прорезью; пять бус бронзовых “флакончики” (целые и фрагменты); оплавленная бронзовая пластинка; тройная лимоновидная буса синего стекла; двойная буса желтого стекла (двойчатая “лимонка”); две бусы желтого стекла (одинарные); мелкие фрагменты кальцинированных человеческих костей.

Хорошим хронологическим индикатором для датирования обоих комплексов являются находки стеклянных и бронзовых бус. Стеклянные бусы-“лимонки” (лимонного и синего цвета двойчатки, тройчатки) встречаются в древнем Новгороде, в Приладожских курганах и датируются X—XI вв., очень редко заходят в XII в.⁵⁹ К X—XII вв. относятся бронзовые бусы-“флакончики” (с глиняной основой внутри), известные от Приладожья до Белоозера⁶⁰. Интересно и то, что бронзовые бусы-“флакончики”, найденные в захоронении в Усть-Юмиче, — пока самая восточная находка украшений этого типа. Грушевидные бубенчики с крестовидной прорезью известны на широкой территории, по новгородской хронологической шкале они датируются концом X—началом XII в. Таким образом, датировку двух сожжений в могильнике Усть-Юмич можно определить в хронологических рамках второй половины X—XI в.

Следы погребений в устье р. Вонгоды. В устье р. Вонгоды (местечко Сухой Бор), на останце боровой террасы, в 1985 г. было произведено обследование с целью выявления средневековых захоронений⁶¹. Останец расположен на правом берегу Вонгоды, левого притока Северной Двины, у самого устья Вонгоды. Лишь в одном шурфе было зафиксировано, вероятно, разрушенное средневековое захоронение, от которого сохранилась лишь одна находка — литое бронзовое звено с орнаментом, имитирующее так называемую

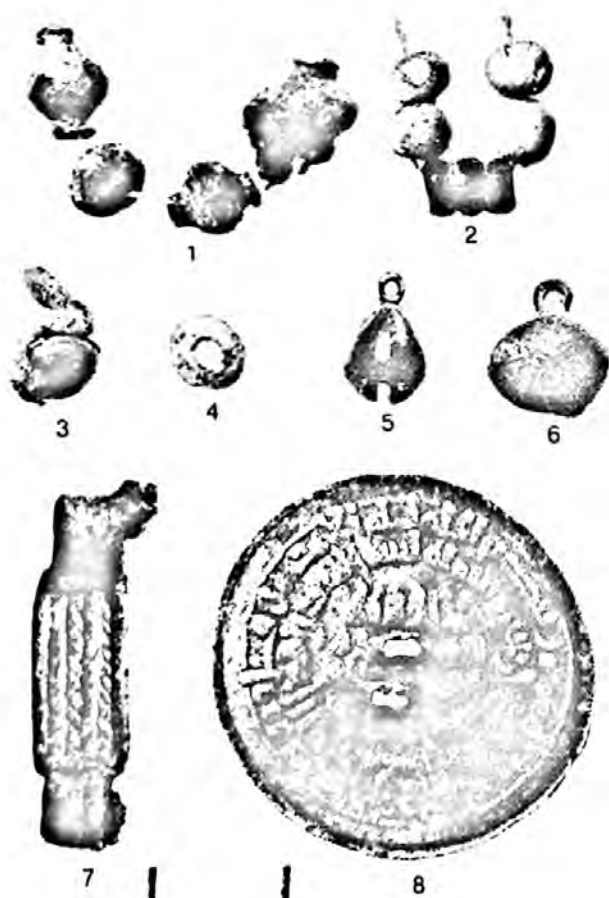

Рис. 37. Юмижский могильник.

1, 3, 4 — бусы-“флакончики”; 2 — стеклянные бусы; 5, 6 — бубенчики. Устье р. Вонгоды; 7 — фрагмент бронзового украшения. Устье р. Сойги; 8 — дирхем (952/953 г.)

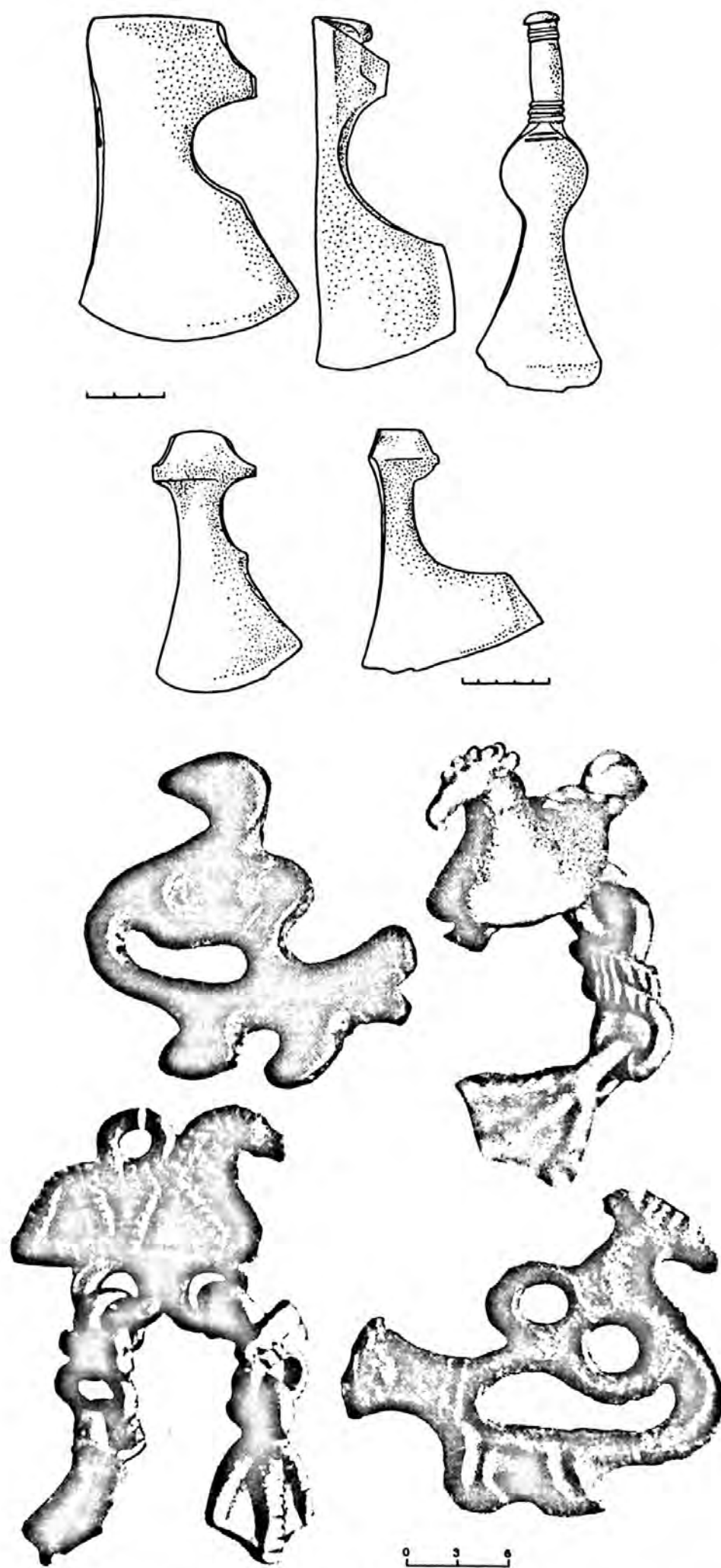

Рис. 38. Бассейн р. Ваги. Случайные находки.

Вверху — железные топоры. X—XIII вв.; *внизу* — бронзовые подвески-украшения. XI—XII вв.
Вельский краеведческий музей

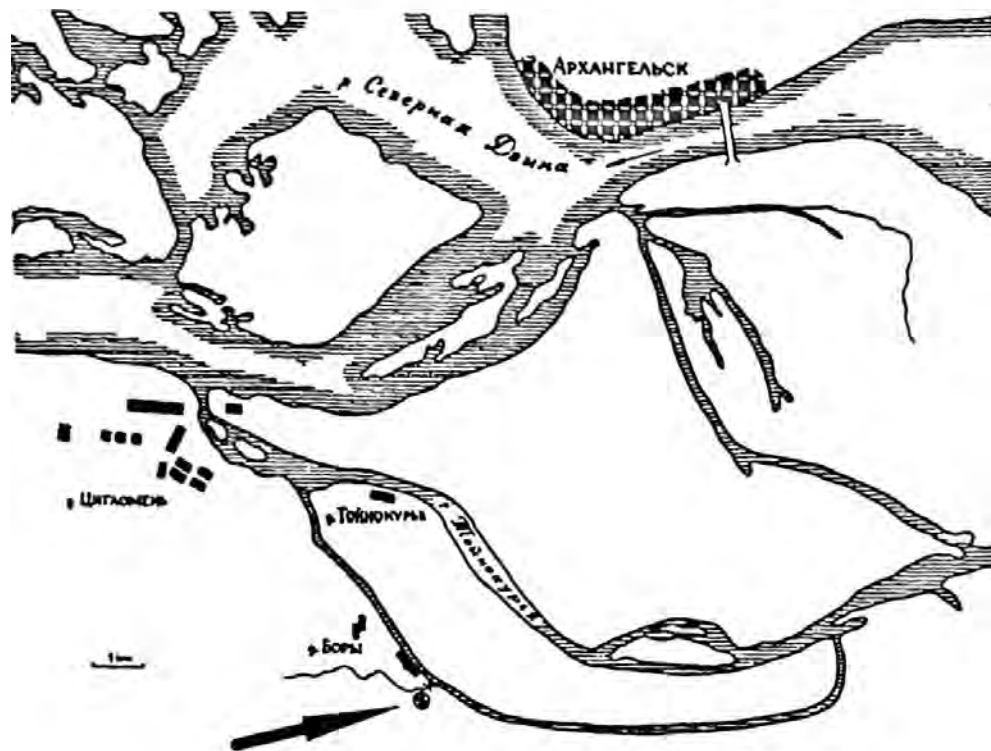

Рис. 39. Место находки Архангельского клада

косоцветку. Характер использования данной бронзовой вещи детально не установлен; считается, что она входила в поясной набор. География распространения подобных вещей довольно обширна (Юго-Восточное Приладожье, Костромское Поволжье, Пермь Вычегодская). На Севере в последнее время такие звенья найдены в могильнике на р. Тихманьге у оз. Лача⁶² и в могильнике на Кольском п-ве (на р. Варзуге)⁶³, датируются они XII—XIII вв.

Таким образом, преимущественно на левом берегу Северной Двины зафиксирован ряд памятников конца X—начала XII в. Характер находок, на наш взгляд, позволяет считать, что такая мощная водная магистраль в то время могла быть естественной границей между территорией племен "чуди заволочьской" и восточнофинскими племенами. Безусловно, население этого пограничья было более многочисленным — об этом свидетельствуют и клады западноевропейских монет (клад из 43 денариев XI в. был найден в 1969 г. в карьере на берегу Северной Двины, у г. Красноборска)⁶⁴. Было бы неправильно представлять, что не существовало никаких контактов в двинском пограничье между западно- и восточнофинскими племенами. Керамические материалы дают сведения, наоборот, о тесных контактах — речь идет о лепных чашевидных сосудах, украшенных под венчиком оттиском веревочки и фестонами по тулову. Н. А. Макаров считает, что эта группа керамики IX—XI вв. связана с проникновением отдельных небольших групп "пермского населения" до Белозерья⁶⁵. Возможно также, что известное единообразие финской керамики фиксируется на довольно обширной территории. Но есть и отличия. Например, керамические материалы X—XII вв. с. Сойги-1 демонстрируют различие с сосудами, на которые обращает внимание Н. А. Макаров.

В настоящее время археологическое изучение данной территории находится на начальном этапе. В связи с этим уместно вспомнить точку зрения А. А. Спицына и характеристику, данную им Сухоно-Вычегодскому пути: "...обилие предметов пермской чуди в Приладожских курганах невольно заставляет предполагать,

что где-нибудь не очень далеко от последних должно открыться промежуточное историческое звено между Пермью и Ладожским озером, например на Сухоне"⁶⁶. Спицын относил время такого наиболее тесного общения "исключительно к XI в." Рассматриваемый нами регион, примыкавший к этому важнейшему средневековому пути, скорее всего принадлежит именно к тому историческому звену, о котором в конце XIX в. писал А. А. Спицын и которое начинает наполняться исторической конкретикой.

Клады. В представлении многих людей того времени, о котором у нас идет сейчас речь, далекие северные земли были несметно богатыми. Известно, что князь Олег Ростовский, побуждая в 1379 г. хана Мамаю идти войною на Русь, соблазнял его: "Ныне же, господине, приспе время твое, злата и серебра наполнися земля Московская. Но вели царю, яко кроток есть человек князь Дмитрие, егда услышит имя ярости твоея, то отбежит в далния отоки и в Новгород или на Двину, а злато и серебро то все во твоей руце да будет"⁶⁷. Князь Олег был прав хотя бы в том, что обилие ценных пушных зверей выступало эквивалентом богатства северных территорий. Находки древних кладов подтверждают это.

В сентябре 1887 г. "крестьянская жена Кольского уезда, Кузнецкой волости и деревни, Агафья Петрова Тютерина и крестьянская девица того же уезда, Тетринской волости, Матрена Ефремова Лопская..., находясь в тундре для сбора ягод, в 1/2 верстах от устья р. Варзуги, к северу неподалеку от речки Индерки, нашли в осыпи песчаного холма, в истлевшем бересте, шесть серебряных ожерельев и один серебряный же пояс"⁶⁸. Найденные вещи были переданы сначала в Кольское уездное полицейское управление, отуда в Архангельское Управление государственными имуществами, затем архангельскому губернатору и, наконец, отосланы в Императорскую Археологическую комиссию (сейчас клад хранится в Государственном Эрмитаже). Можно признать, что тогдашние власти совершенно верно оценили значение этих случайно найденных серебряных вещей и вознаградили нашедших их

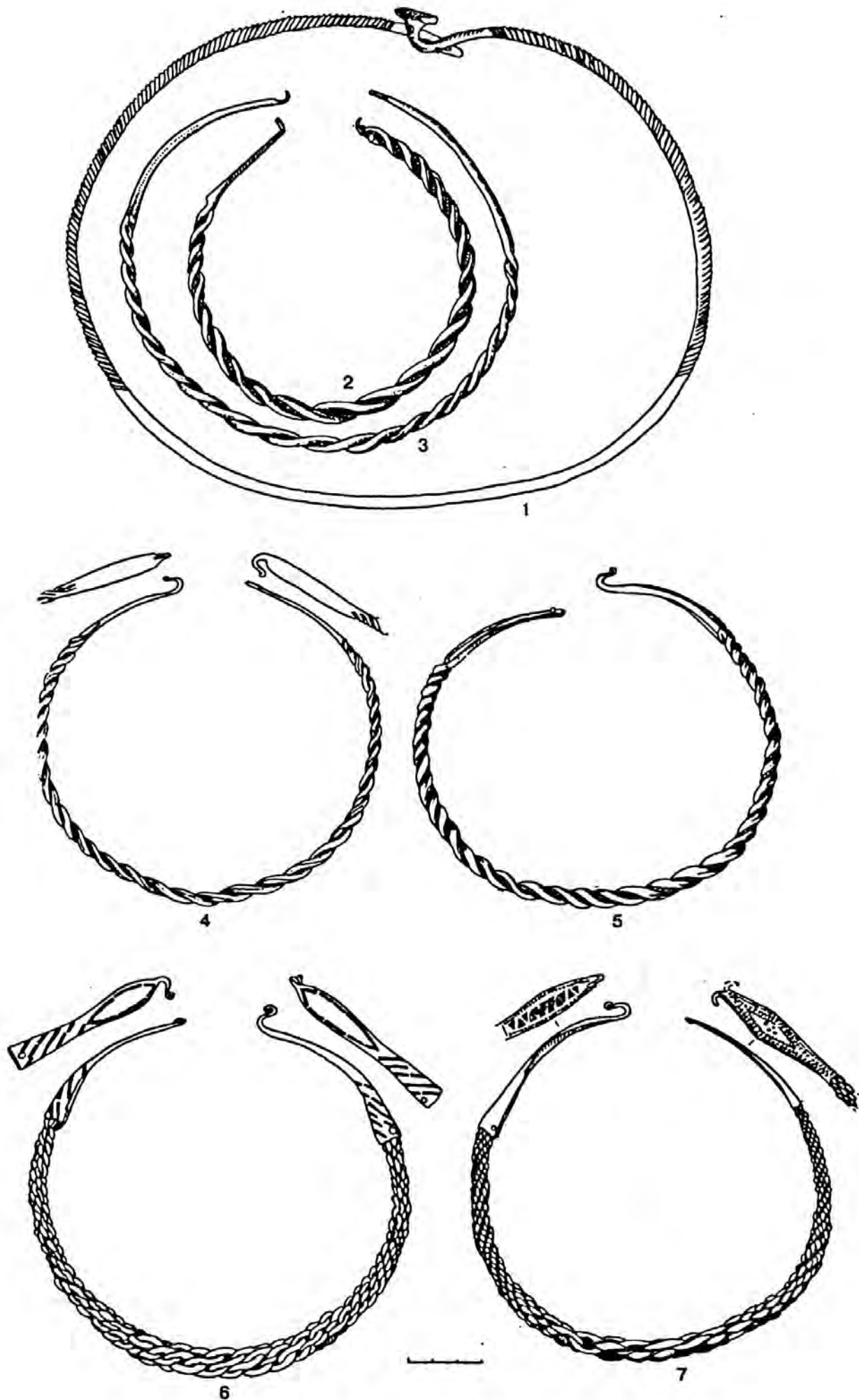

Рис. 40. Клад в устье р. Варзуги.

1 — тордированная гривна; 2—5 — двухдротовые гривны; 6, 7 — многодротовые гривны

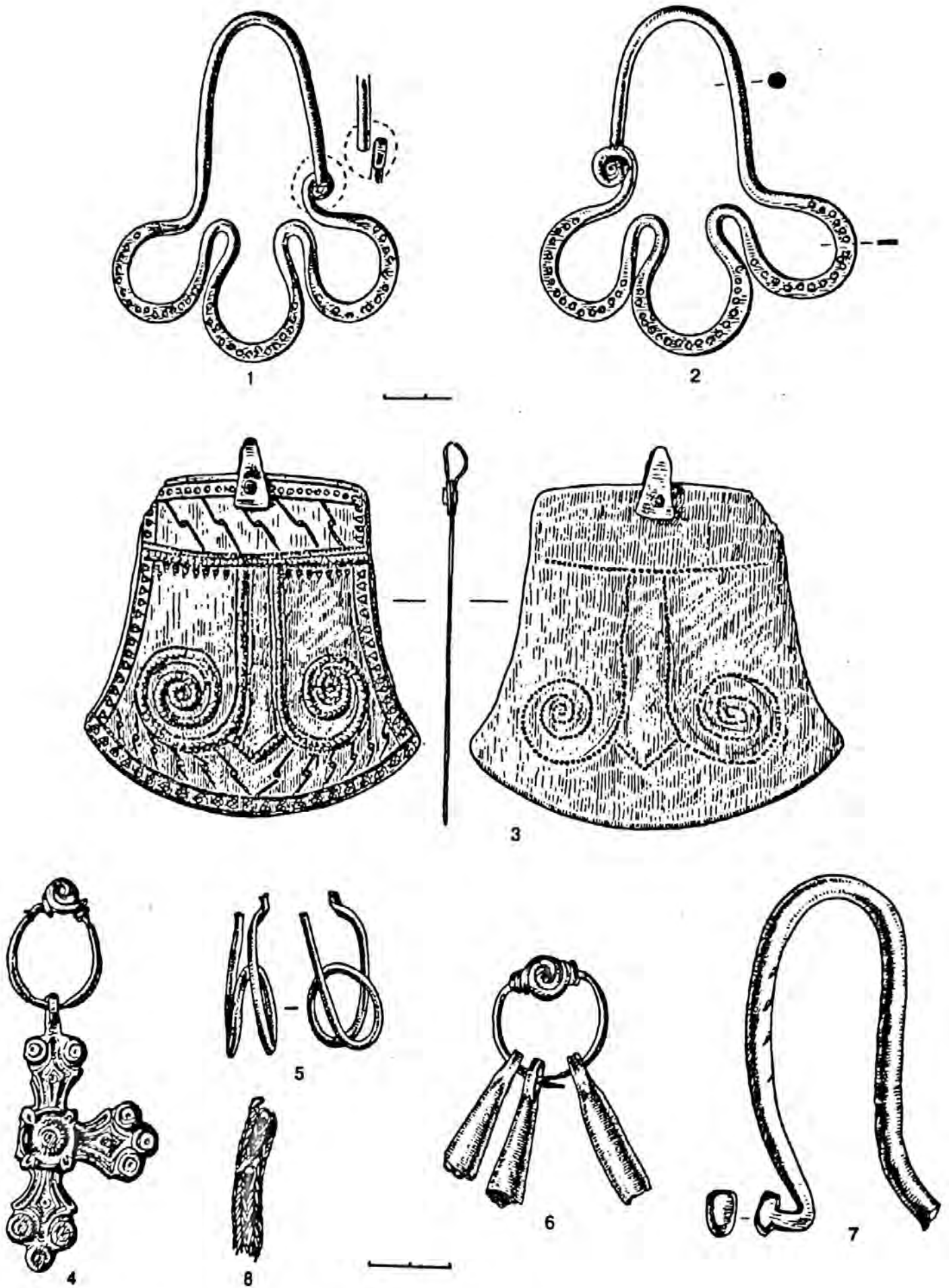

Рис. 41. Архангельский клад.

1—3 — петлеобразные и топоровидная подвески; 4 — крестообразная подвеска; 5 — куски серебряной проволоки;
6 — наконечник цепочек на кольце; 7 — обломок гривны; 8 — фрагмент плетеной цепочки

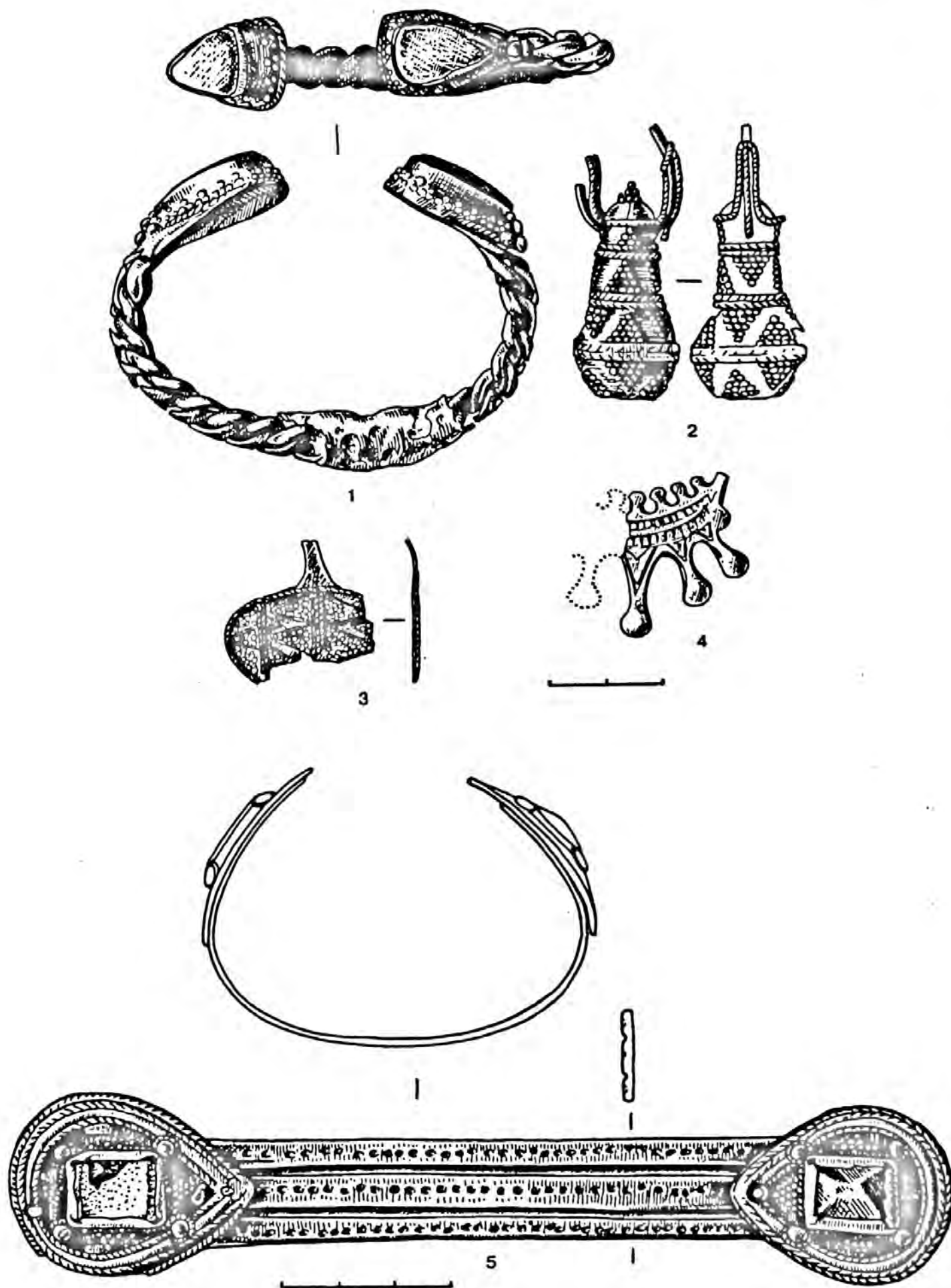

Рис. 42. Архангельский клад.

1 — витой браслет; 2 — фрагмент височного кольца «вольнского» типа; 3 — фрагмент лунницы;
4 — обломок семилучевого височного кольца; 5 — пластинчатый браслет

женщин (кольские крестьянки получили 80 рублей 20 июля 1888 г.).

Состав клада однороден — это семь разнотипных шейных гривен, монетные находки отсутствуют, а были в составе клада мелкий серебряный “лом” — неизвестно. Готовится подробная публикация вещевого клада из устья Варзуги (В. М. Горюнова, О. В. Овсянников), поэтому сейчас мы можем дать лишь краткую предварительную характеристику этих стародавних находок.

Первая группа гривен представлена большой по диаметру шейной гривной с тордированными концами и гладкой средней частью. Находка относится к довольно раннему времени (с середины IX по XI в.) и связана, вероятно, с влиянием более южных регионов (Прикамье), но исполнение ее — “северное”.

Ко второй группе относятся четыре двухдротовых гривны с коваными концами и замками в виде крючков или крючка и отверстия. Эта группа находок связана, прежде всего, с северным ареалом Европы (Новгородская земля, Скандинавия, а также Готланд и Дания). Наряду с шейными гривнами, имевшими тордировки, бытовали и двухдротовые гривны, отражая и хронологическое различие, и иную историко-культурную принадлежность гривен (определенную культурную общность территорий Северной Ботнии и района Белого моря).

Третья группа включает многодротовые гривны, вытиснутые из двойных жгутов. Эти шейные гривны во второй половине XII в. вытесняют двухдротовые. “Северная” специфика находок из Варзуги видна отчетливо: это S-видная форма крючка-застежки. Можно высказать предположение, что и форма наконечников найденных гривен является хорошим индикатором для маркировки колонизационных потоков (среднее течение р. Ваги — это влияние новгородское и прибалтийско-финское, междуречье р. Сухоны и Северной Двины — импульс из Ростово-Суздальской земли, а в районе Беломорья ошутим североамериканский импульс).

Время, когда клад был собран, можно определить как начало XIII в., а обнаруженные в кладах находки датируются концом X — началом XIII в. Находки подразделяются на хронологические и историко-культурные блоки, которым соответствует и своя технология изготовления гривен. Упомянутый Кемский клад серебряных изделий, известных лишь по фотографиям, отражает те же тенденции контактов северных территорий. В состав клада входят разновременные изделия, и наиболее ранние из них также демонстрируют северное и северо-западное направление освоения западных и северных берегов Белого моря.

Наконец, Архангельский клад — большой комплекс серебряных вещей, арабских и западноевропейских монет, найденный напротив Архангельска, на левом, коренном берегу дельты Северной Двины⁶⁹.

Осенью 1989 г. в окрестностях Архангельска, на западном краю двинской поймы, во время сельскохозяйственных работ был найден клад серебряных вещей и монет. (Находки поступили в Архангельский областной краеведческий музей.) Клад был зарыт на первой надпойменной террасе, на правом берегу небольшого ручья, впадающего в р. Вихтуй, довольно крупный приток Тойнокурью (см. рис. 39 на с. 58).

Клад представляет собой сокровище серебра общим весом 1632,57 г, причем его вещевая часть — 270,67 г. По составу вещей он состоит из набора женских укра-

шений — как целых, так и в обломках, а также трех дирхемов и двух западноевропейских денариев. Архангельский клад, как и большинство кладов, обнаруженных на территории Древней Руси, неоднороден по своему составу, и его вещевая часть содержит несколько различных “пластов”.

В первую группу можно включить фрагменты семи-лучевого височного кольца, височное кольцо так называемого “волынского” типа и фрагмент лунницы. Эти вещи тесно связаны с древнерусскими художественной и ремесленной традициями и относятся ко времени XI—XII столетий, а монетная часть клада позволяет уточнить датировку до конца первой четверти XII в. Витой серебряный браслет с припаянными для вставки шитками как бы хронологически замыкает эту группу украшений. К этой же группе ювелирных изделий относится часть металлического “лома”: свернутая кольцами тонкая серебряная проволока и фрагмент изделия, вероятнее всего — часть проволочной гривны с “замком”.

Вторая группа вещевых находок имеет несколько иную историко-культурную ориентацию, она связана с северо-западными и северными территориями: крестообразная подвеска, фрагменты плетеных цепочек и наконечники от таких цепочек, топоровидная подвеска. Несколько обособленно стоит пара подвесок треугольной формы с тремя большими петельными изгибами. Подвески, возможно, имеют восточнофинское происхождение.

Несомненно, Архангельский клад, “сокровище” из серебра, является выдающимся историко-культурным памятником северного средневековья, который может быть рассмотрен исключительно в контексте истории арктических регионов Северной и Восточной Европы. Состав Архангельского клада показывает, что в широкой полосе северных территорий, примыкавших к Ледовитому океану, обитатели которых были связаны с “производством” пушного товара, в руках отдельных наиболее богатых купцов скапливались огромные сокровища, а среди имевших хождение украшений преобладали как те, которые изготовлялись в ремесленных центрах Северо-Восточной или Северо-Западной Руси, так и продукция более северных территорий.

Несколько слов о районе находки клада. Несомненно, северная часть Нижнего Подвижья, начиная от дельты Северной Двины и до района современных Холмогор включительно, сыграла особую роль в освоении русским населением и Подвижья, и земель крайнего Северо-Востока, и приполярных районов Западной Сибири.

На наш взгляд, северные клады — Варзужский, Кемский, Архангельский — позволяют несколько иначе расставить акценты на археологической карте крайнего Севера России. Наряду с некоторым однообразием русских и финно-угорских элементов погребального инвентаря, известного по раскопанным могильникам, существовали памятники, более яркие по своему характеру, которые бытовали вместе с могильниками в одних и тех же хронологических рамках довольно продолжительное время. Вероятно, с конца X в. или раньше в огромном северном регионе, связанном с “производством” пушнины, а потом и морских звериных промыслов шло становление сложной системы торговли и обмена. Одновременно шло установление и даннических отношений. И в этом процессе районы Западного и Восточного Беломорья могли выступать и как районы промыслов, а позднее и в качестве посредников в торговле с более северо-восточными регионами.

Ортинское городище

(вторая половина I — начало II тысячелетия н. э.)

В 1968 г. в газете Ненецкого автономного округа (Архангельская область) была опубликована заметка местного краеведа В. А. Скрובה о находке им стоянки с кремневой индустрией и небольшого городища, расположенных в 90 км к северу от Нарьян-Мара, на правом берегу р. Печоры, в урочище Ортино (к заметке прилагался и схематический план крепости). Это было единственное, очень краткое (к тому же быстро забытое) упоминание о неизвестном пока в науке памятнике — укрепленном поселении в дельте Печоры. Однако данная заметка заслуживала особо пристального внимания в контексте некоторых свидетельств европейских картографов: дело в том, что на европейских средневековых картах значительно севернее Пустозерска, в самой дельте Печоры, довольно часто обозначался, кроме Пустозерска, еще один “город” — некая “Печора”. Сравнение карт XVI—XVII вв. показало, что их составители не очень четко представляли, на каком берегу реки располагался этот “город”. На карте Антония Дженкинсона 1562 г.⁷⁰, Г. Меркатора 1594 г.⁷¹, а также на карте 1597 г., хранящейся в Библиотеке Амстердамского университета⁷², значок с обозначением “Печора” нарисован на левом берегу р. Печоры. Начиная с XVII в., например на картах Г. Герритса 1613 г.⁷³, Г. Гондиуса 1635 г.⁷⁴, значок “города” Печоры располагается на правом берегу реки.

Б. А. Рыбаков выдвинул предположение, что “город” Печора в дельте р. Печоры — не более чем ошибка или домысел Дженкинсона, и эта ошибка “переходит”, тиражируется на более поздние карты: “Трудно объяснить ошибку Дженкинсона в отношении Пустозерска, на Печоре Дженкинсон поместил два “города”: “Печору” в устье реки, где должен быть Пустозерск, и “Пустозерск” в 240 км ниже устья, где на самом деле стоит город Усть-Цыльма”⁷⁵. Б. А. Рыбаков так объясняет появление некоего нового “города” в самом устье реки, непосредственно у моря: “Не подлежит сомнению, что подпись на морской карте У. Бэрроу “Печора”, обозначающая устье реки Печоры (самой реки на карте Бэрроу нет), была принята Дженкинсоном за обозначение города. Ошибка с Пустозерском могла произойти лишь в том случае, если в руках у Дженкинсона был какой-то русский чертеж без океанской береговой линии, но с Пустозерском у верхней кромки чертежа... Очевидно, Пустозерск был крайней северной точкой этого предполагаемого чертежа, близкого по своему облику к картам, использованным Герберштейном и Видом”⁷⁶. Однако Б. А. Рыбаков не совсем точен в двух своих высказываниях: Пустозерск стоит не “у моря непосредственно”, а все-таки в 50 верстах от моря, и его “место” на картах XVI—XVII вв. у озера полностью соответствует действительности. Это первое, а второе — речь об Усть-Цыльме вряд ли может идти в данном контексте, тем более что на картах XVI—XVII вв. этот населенный пункт отсутствует, а от Пустозерска Усть-Цыльма отстоит вверх по Печоре “в 250 верстах”⁷⁷. Эти цифры взяты из документа 1764 г., соответственно Пустозерск отстоит от моря на 163 км (верста XVIII в. равна 1080 м), а Усть-Цыльма от моря в 400 верстах, т. е. в 432 км. Тем не менее основная мысль Б. А. Рыбакова об ошибке Дженкинсона не может быть опровергнута и, наоборот, не может быть доказана, ибо описанная

им ситуация как частный случай логична и могла иметь место. Но, на наш взгляд, возможно и иное объяснение появлению загадочного “города” Печоры на европейских картах: речь идет о памятнике, который не является синхронным времени составления этой карты, а существовал на несколько веков ранее. Если старинные карты XVI—XVII вв. составлялись с использованием нескольких, порой разновременных источников (картографических, а также письменных и устных преданий), то они являлись своеобразной “многослойной энциклопедией” знаний о том или ином микрорегионе. В этом случае “город” Печора (или поселение) можно рассматривать как памятник, исчезнувший задолго до времени составления карт. Представляется, что такое объяснение также имеет право на существование, хотя оно и гипотетично.

Возможно также, что западноевропейские путешественники могли идентифицировать “Печору” (река, область) и “Пустозерск” (город). Например, так произошло с Де-Ламартиньером, побывавшем в этих краях в середине XVII в.: “Печора — маленький городок, расположенный на берегу небольшого моря (залива), который носит его имя. Мы отправились в замок (острожек) представиться губернатору (воеводе), который, собственно говоря, не что иное, как приказчик великого князя”⁷⁸. В данном случае нет никаких сомнений, что речь идет о Пустозерске. Важно, что проведенное нами исследование картографического материала привело в выводу о реальности существования в дельте и низовьях Печоры еще одного, кроме Пустозерска, средневекового укрепленного поселения. Целенаправленный опрос местного населения и обращение к газетным краеведческим публикациям наряду с этим — все это побудило к проведению полевых работ. Возвращаясь к интерпретации “города” Печоры на европейских картах, мы склонны идентифицировать этот пункт с раскопанным нами в 1988—1990 гг. Ортинским городищем⁷⁹.

Описание городища. Городище расположено на так называемом Ортинском полуострове — возвышенной части берега между низкой поймой р. Печоры и полосой тундры с отдельно стоящими сопками. По существу, городище расположено на мысу, который тянется между р. Ортинкой, впадающей в р. Печору, и системой озер, также соединяющихся с Печорой. Таким образом, городище относится к памятникам мысового типа, занимает наиболее высокую оконечность мыса (около 4,5—5 м над зеркалом озер) и с трех сторон защищено естественными преградами (водой), а с четвертой имеет усиленную линию фортификационных сооружений.

Ортинское укрепленное поселение имеет прямоугольные фасы, в плане это — неправильный прямоугольник (можно предполагать, что северо-западная часть памятника подверглась разрушению), слегка вытянутый с северо-запада на юго-восток (68×54 м). Три фаса крепости сохранили полностью (юго-восточный напольный фас) или частично (юго-западный и северо-восточный) оборонительные сооружения в виде рвов и валов. По отношению к уровню террасы глубина рвов невелика: на напольной юго-восточной стороне не более 1,5 м, а на северо-восточной около 2 м. Высота валов также неодинакова на различных участках трассы крепостной стены: от 0,5 до 1,5 м. Укрепленное поселение имеет двухчастную планировку — основная площадка городища (площадь 2200 м²)

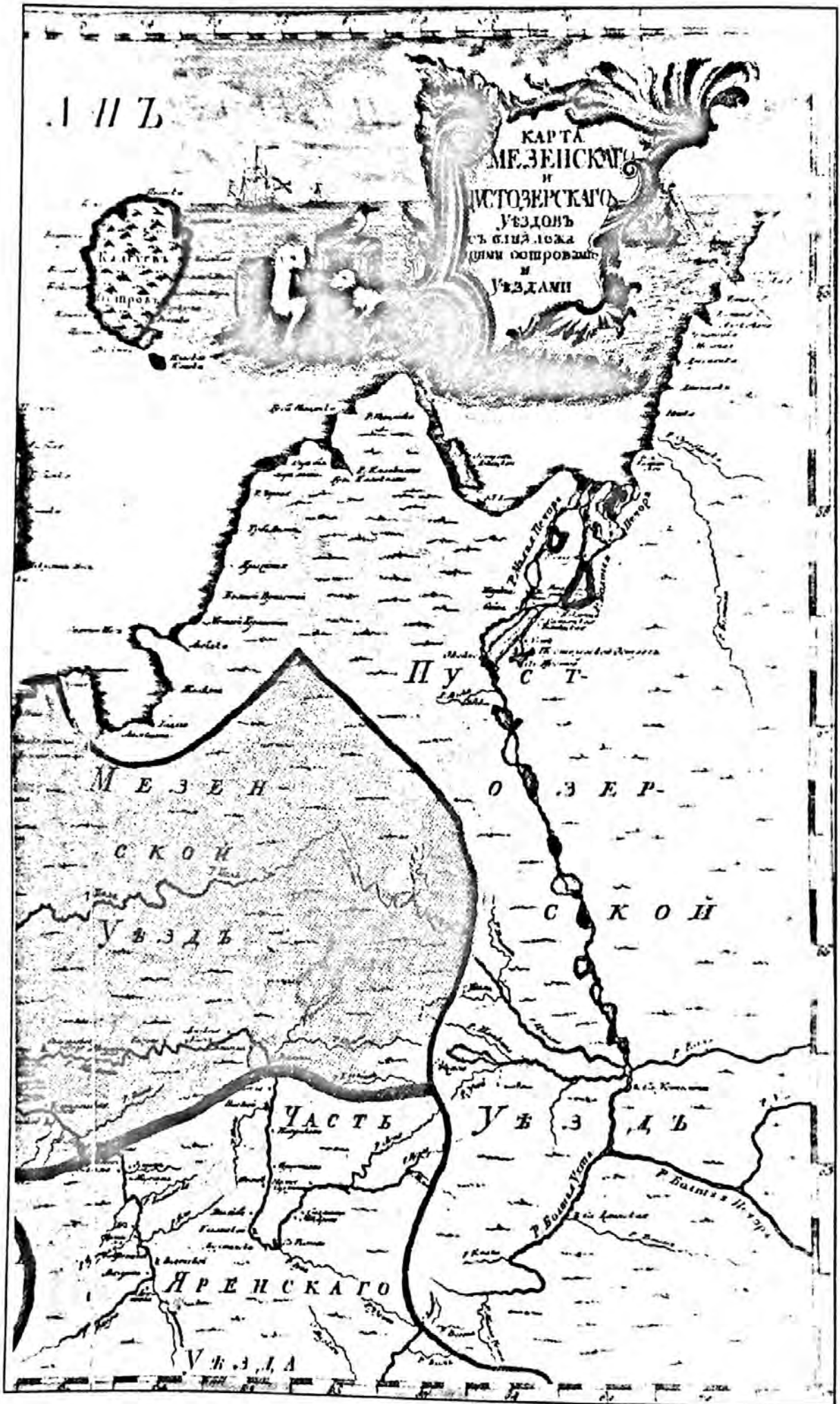

Рис. 43. Карта. XVIII в.

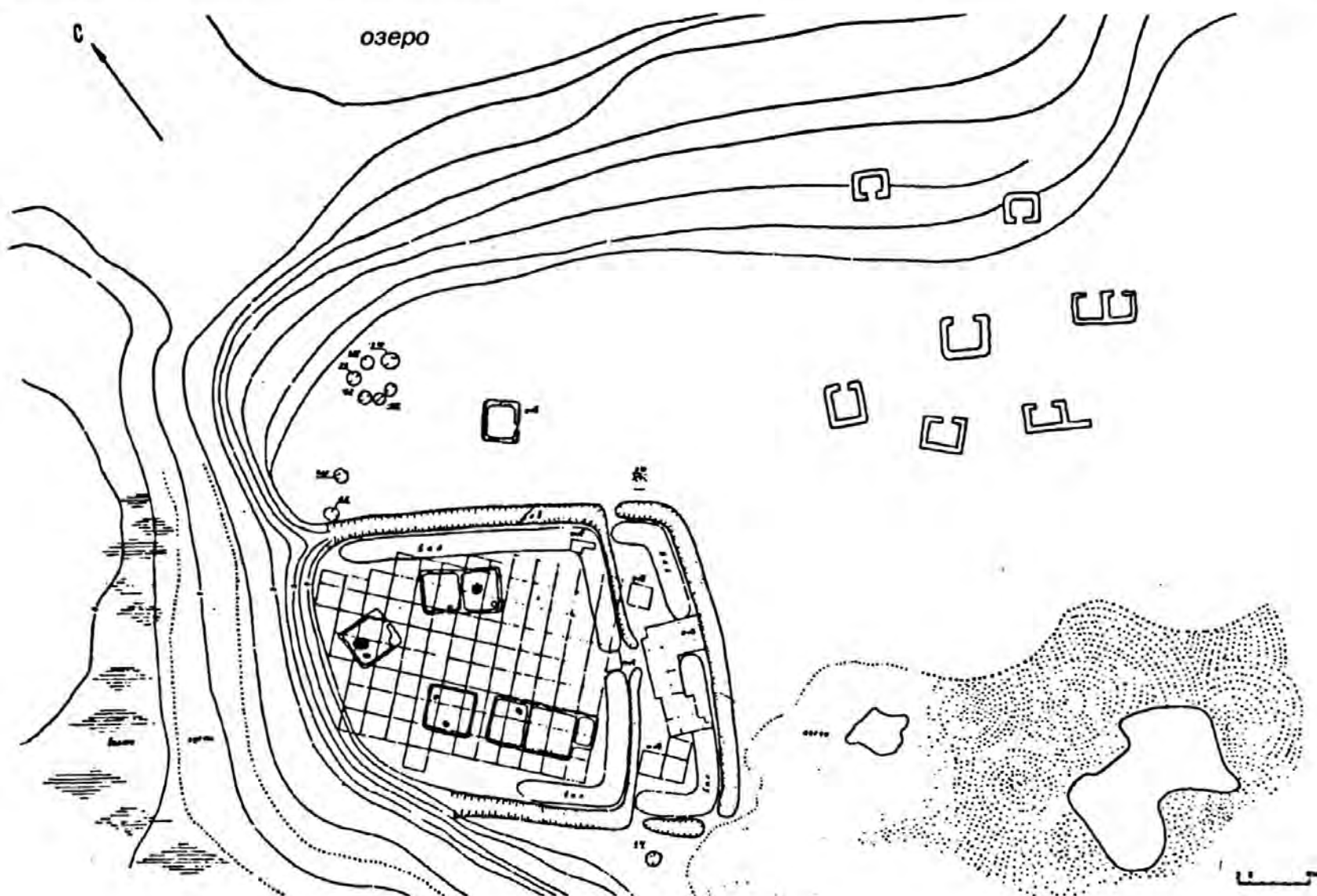

Рис. 44. Ортинское городище. План

окружена рвами и валами не только вдоль юго-западной и северо-восточной сторон, но и с юго-востока, образуя небольшой по площади коридор, прикрывающий центральную городищную площадку своими рвами и валами с юго-востока (ширина узкой площадки в среднем 12 м). Приблизительно к средней части юго-восточной двойной системы валов отчетливо прослеживается понижение или почти полное отсутствие земляной насыпи, так что можно предполагать наличие в этих частях памятника воротных проемов или проездов.

Центральная площадка городища ровная, но имеет отчетливый уклон к северо-востоку. Вероятно, некоторый естественный склон в эту сторону был усилен преобладающим юго-западным направлением ветров: например, на юго-западном фасаде крепости вал сильно уплощен, а местами его песчаную насыпь просто сдуло. С этого же направления на городище «наступают» пески — идет активная ветровая эрозия поверхности. Возможно, таяние снега и дождевые потоки впоследствии закрепили этот элемент рельефа. Во время визуального обследования городищной площадки (особенно хорошо это было видно при боковом освещении памятника) вдоль трех стен крепости выявлены следы небольших земляных возвышений в виде невысоких валиков. Высказанное предположение, что это следы древних наземных построек, полностью подтвердилось во время раскопок. Однако на некоторых участках площадки эти следы были так эфемерны, что после

снятия дерна практически исчезали, и проследить все детали планировки сооружений оказалось затруднительным. Поэтому в описательной части мы приводим сведения о них, полученные нами до раскопок.

Общая идея внутренней планировки крепости, как нам представляется, следующая: вдоль длинных фасов крепости, но не примыкая к валам, располагались ряды наземных сооружений, причем входы у них были ориентированы, соответственно, на северо-восток у южного ряда построек и на юго-запад у северного ряда построек. Есть основания считать, что ряды состоят не из одиночных помещений, а из многокамерных. На западной стороне крепости, на краю обрыва, зафиксированы следы единственного на городище однокамерного сооружения, как бы замыкавшего оба ряда многокамерных наземных сооружений, так что входивший внутрь крепости видел, что с трех сторон он окружен постройками, а за спиной у него — крепостные ворота.

Оборонительные сооружения. В процессе исследования памятника предпринимались попытки выявить остатки деревянных оборонительных конструкций внутри сохранившихся земляных сооружений. В первую очередь были раскопаны предполагаемые воротные проемы.

Раскоп (5×6 м) на месте первого входа в крепость (с напольной стороны) включил участок заметного понижения вала, которое могло соответствовать месту древнего воротного проема. Оказалось, что оползший с соседних участков вала песок законсервировал следы

деревянных конструкций крепостных ворот. На уровне тонкого горелого слоя (древняя дневная поверхность памятника) удалось зафиксировать контуры располагавшихся здесь в древности деревянных конструкций: по трассе вала прослежены следы канавок, вырытых для установки вертикально стоящих бревен (ширина канавки до 20 см, глубина до 40—50 см). Стратиграфически в этом раскопе (и в других раскопах, где также изучались оборонительные конструкции) канавки прослеживались на нескольких уровнях: на уровне древней поверхности (сероватый внутри канавок грунт, образовавшийся от остатков дерева), далее — на уровне подзола и ниже — на уровне песчаного материка. Это исключало возможность ошибки как в определении направления трассы ровиков, так и в их характере. С обеих сторон к воротному проему подходили “из вала” следы канавок, в которые когда-то были врыты бревна. Эти канавки как бы оформляли с боков воротный проем, оставляя место для прохода. Непосредственно сам воротный проем имел форму трапеции: ширина внутренней части прохода 3 м, внешней части, подходившей ко рву, — 2 м. У юго-западного окончания стенового прясла отмечены следы двух столбов, а у северо-восточного угла — небольшой “отлив”, вероятно, также для прочности. Вековые стенки воротного проема оформлены опять-таки из вертикально врытых в ровик бревен. Ширина прохода маленькая — 1,25 м, т. е., по существу, это калитка, которая навешивалась на два отлива с обеих сторон проема. На наш взгляд, зафиксированная ширина проема исключает версию о том, что находящаяся за первыми воротами часть городища использовалась в качестве загона для животных.

Аналогичный раскоп (5×5 м) был заложен для изучения крепостного воротного устройства, открывавшего доступ в центральную, основную часть городища. Стратиграфические данные, в которых были обнаружены следы канавок от вертикально врытых бревен в этом раскопе, — такие же, как и в предыдущем: канавки зафиксированы на уровне древней дневной поверхности и прослежены в ниже лежащих слоях (подзол и материк). Однако эти вторые ворота были главными и поэтому построены более “солидно”. Во-первых, к ним примыкали не одинарные, как у внешних ворот, а двойные крепостные деревянные стены (два ряда вертикально стоящих бревен с расстоянием между рядами 1,5—2 м). Во-вторых, главные ворота имели, по существу, две камеры и соответственно три прохода. Первый, внешний проход имел ширину 70 см, он оформлен двумя отрезками стен большой камеры (2×2,6 м). Выход из этой камеры уже несколько шире — 140 см, он оформлен как бы продолжением одного из рядов (внешнего) крепостной стены. И, наконец, выход из второй небольшой воротной камеры еще шире — 240 см. Возможно, в этом третьем проходе уже не было воротного полотнища. В главных воротах для усиления тоже использованы отдельно стоящие врытые столбы. С известными оговорками весь обнаруженный воротный комплекс можно назвать воротной башней. Любопытно, что одна из ее сторон, а именно южная, усилена — сделана двойной (не учет ли это основного направления дующих здесь ветров?).

На стыке северо-восточного и северного фасов в небольшом шурфе исследовались внутривальные деревянные конструкции. На глубине 90 см от дневной поверхности вала (10 см — дерн. 80 см — песчаная на-

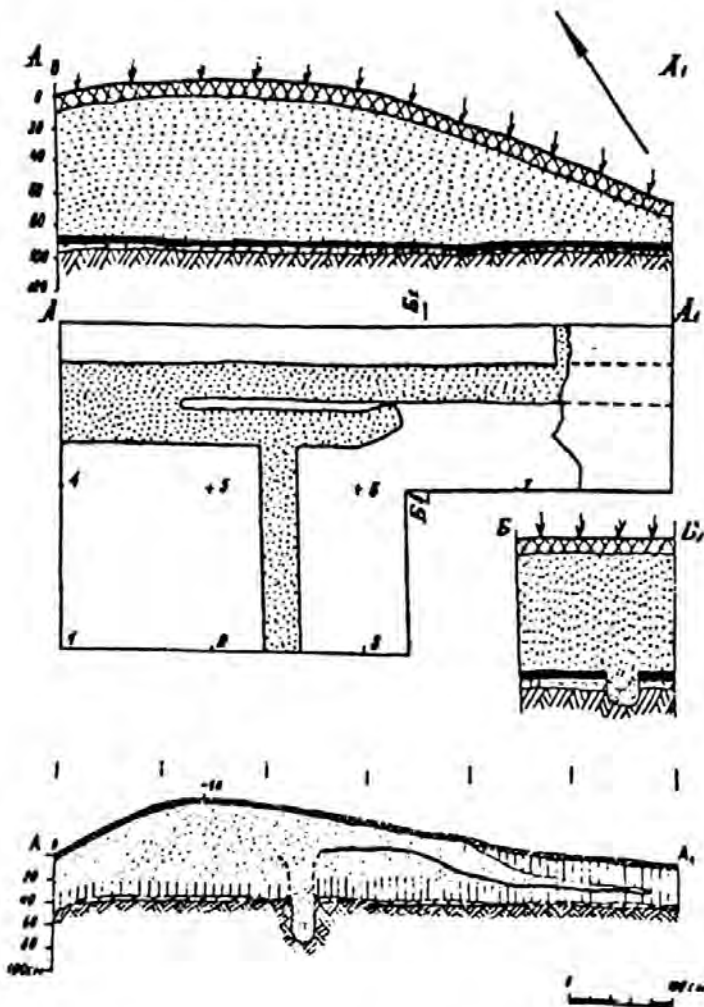

Рис. 45. Фрагмент крепостной стены.

Вверху — профиль и план; внизу — разрез

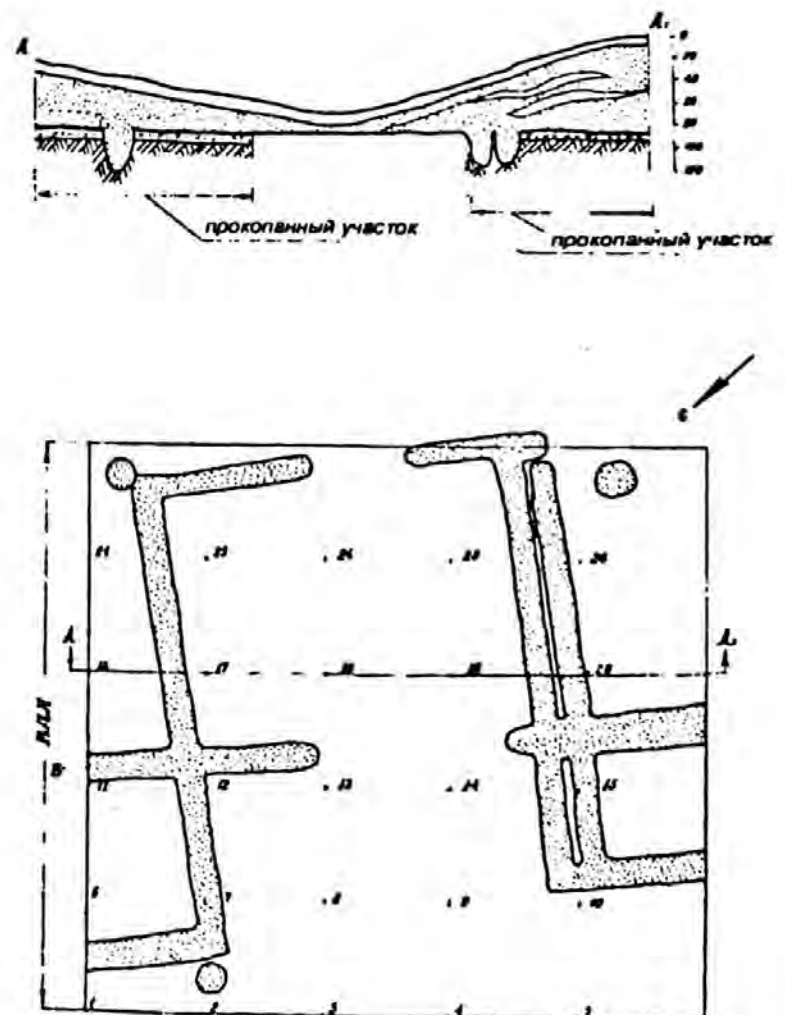

Рис. 46. Главное воротное устройство крепости.

План и разрез

сыпь), в темной прослойке древней дневной поверхности, была выявлена система канавок-ровиков от деревянной конструкции крепостной стены. В раскопе также выявлен фрагментарно сохранившийся угол, где стыковались деревянные внутривальные конструкции двух фасов основной части городища. Глубина врытых для вертикальных столбов ровиков была 20—25 см. Характер соединения деревянных конструкций двух фасов позволяет предполагать, что деревянная стена здесь могла быть двойной (т. е. такой же, как и у воротного прохода в главную часть крепости). Небольшой фрагмент крепостной стены центральной городищной площадки был вскрыт в 1989 г. на северном фасе городища (квадрат 82), ширина и глубина канавки-ровика аналогичны уже описанным. В небольшой прорезке вала 1992 г. на западном фасе близ юго-западного угла центральной площадки удалось зафиксировать следы канавки от вертикальной конструкции крепостной стены. Возможно, здесь стояла только однорядовая деревянная конструкция. В том же году был прорезан вал первой линии обороны городища — почти посередине прясла, соединявшего ворота с южным углом крепости. Удалось зафиксировать однорядовую канавку для установки столбов (таких же параметров, как и в остальных исследованных пунктах крепостного вала).

Таким образом, Ортинское городище после проведенных работ предстает как памятник мысового типа, в котором максимально использованы защитные свойства рельефа и который в то же время является крепостью так называемой регулярной планировки, с прямолинейными фасадами, с хорошо продуманными конструкциями и планировкой первых и вторых (основных) ворот. Все это говорит о достаточно высоком уровне фортификационных знаний его строителей, тем более что и в древнерусской фортификации строительство крепостных сооружений такого типа начинается лишь около середины XIV в.⁸⁰

Жилищно-хозяйственные комплексы и археологические материалы. Раскопки 1988—1990 и 1992 гг. показали, что Ортинское городище — памятник двухслойный, но оно не испорчено ни более поздними следами пребывания человека, ни современными постройками (все позднейшие следы пребывания сосредоточены в глубине полуострова, на перешейке между Ортинскими озерами и рекой Ортинкой, где сохраняются строения современного поселка). Во время раскопок были обнаружены участки более древнего слоя, относящиеся к эпохе раннего металла. Стратиграфия выявила соотношение этих двух разновременных слоев, оно таково: дерн (10 см), 20—40 см серовато-темный гумус культурного слоя, далее едва заметная (до 40 см) прослойка песка и 10—12 см — серый гумус древнейшего культурного слоя с находками отщепов и скребков. Однако описанная стратиграфия представляет, так сказать, идеальный случай, ибо на большей части городища стратиграфия “смазана” в результате наклона городищной площадки и размывания культурного слоя во время дождей и таяния снега. Поэтому вполне возможно, что некоторые из обнаруженных в материке ям, иногда с углистым заполнением, могут относиться к эпохе раннего металла. Относительную бедность культурного слоя городища находками можно объяснить несколькими причинами: во-первых, тем, что памятник, оставленный жителями, был “открыт” и какая-то часть вещей могла быть растащена в последующее время и, во-вторых, отражением определенной специфики са-

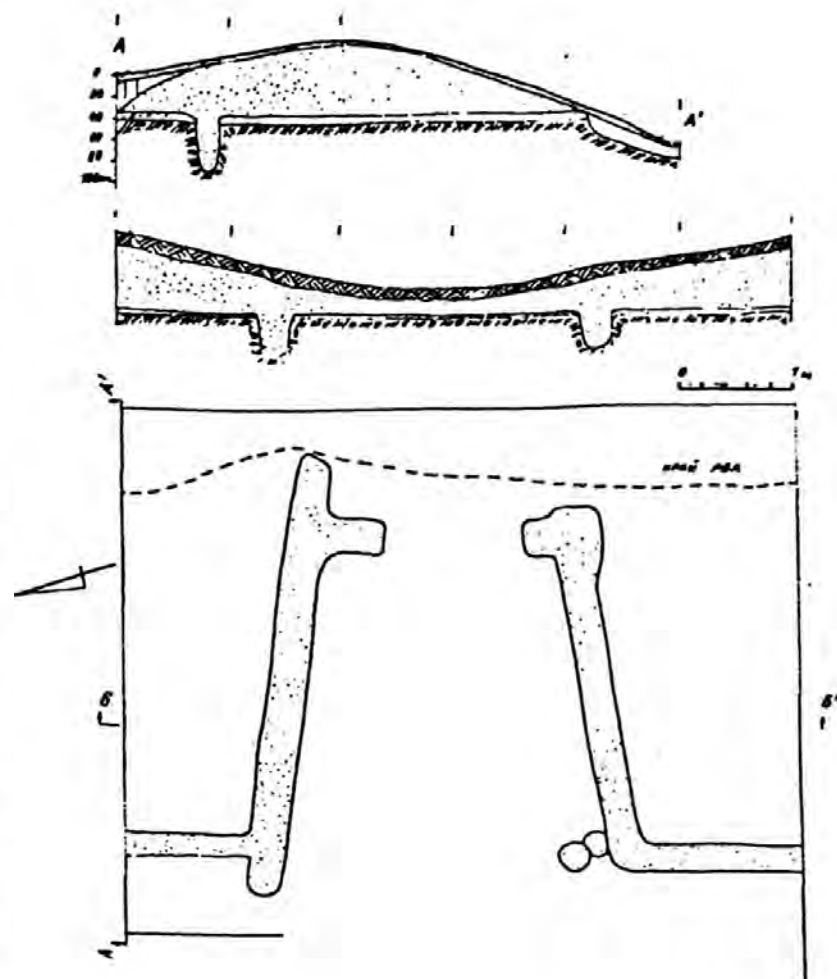

Рис. 47. Воротное устройство крепости с напольной стороны

мого памятника. Почти все наземные жилища, обнаруженные перед началом раскопок во время визуального обследования памятника, отчетливо фиксировались и во время исследования, как правило, подтверждая основные элементы предполагаемой планировки. За годы раскопок обнаружены: одно трехкамерное жилище, одно двухкамерное, два однокамерных жилища.

Трехкамерное жилище входит в юго-западный ряд городищенских построек, располагаясь в юго-западном углу основной площадки памятника. Размеры основного помещения этой постройки 9×13 м. Меньшее помещение (размером 6×13 м) примыкало к первому с северо-западной стороны. В юго-западной части этого комплекса находилось совсем маленькое помещение типа пристройки размером 4×5 м. Внутри комплекса не обнаружено следов очага или печи. Правда, в квадрате 17 на уровне материка была зачищена овальная яма 0,5×0,75 м, глубиной 0,5 м, при разборке которой на дне выявлены следы угля. Стратиграфические данные, однако, не дают оснований определенно датировать эту яму временем городища или более ранним периодом.

Однокамерное жилище как бы продолжает западный ряд построек, примыкая к трехкамерному с северо-запада (квадраты 6—9, 19—21), размеры его 8×8 м. В границах этого жилища в квадрате 7, в небольшом углублении, — скопление фрагментов костей животных. В квадрате 21 выбрана яма, имевшая на уровне материка размеры 0,5×0,5 м и глубину от уровня 25 см. Уже за границами постройки, но вблизи нее зафиксировано несколько ям: в квадрате 10 яма овальной формы, диаметром около 1 м, глубиной 0,5 м;

в квадрате 21 яма продолговатой формы, длиной около 1,5 м, глубиной 0,15 м; большая овальная яма обнаружена в квадрате 23, ее размеры 2×2,5 м, глубина до 0,8 м. Поблизости, в квадрате 22, в культурном слое найден небольшой фрагмент обгорелого дерева (фрагмент рухнувшей постройки?).

Двухкамерное жилище — это большая постройка (протяженностью вдоль трассы вала 14,6 м, шириной от 6 до 7 м), расположенная вдоль северо-восточного фаса крепости и состоящая из двух частей — западной, размером 6×7 м, и восточной, размером 7×7,5 м. Ширина валиков-утолщений по всему периметру комплекса приблизительно одинакова — около 1 м, высота их от уровня современной дневной поверхности 10—12 см, а от уровня условного “пола” жилищ — 25—27 см. Уровень “пола”, к сожалению, фиксируется лишь условно: по небольшим пятнам гари или фрагментам прокаленной поверхности материка в различных частях жилища, что, как правило, соответствует нижней отметке уровня культурного слоя. В квадрате 79 зафиксировано небольшое скопление обожженных камней и угля, лежавших на прокаленном слое. Возможно, это очаг. Центральное расположение его по отношению к большей секции жилища дает возможность предполагать, что очаг относится ко времени существования жилищного комплекса, а не к эпохе раннего металла. Любопытно, что в обеих камерах жилища обнаружены небольшие, диаметром 1 м, овальные в плане ямы, вырытые в материке на глубину 10 см. Отношение этих ям к жилищу небесспорно, т. к. стратиграфически эта связь не прослеживается. Это же можно сказать и о всех других ямах, обнаруженных на вскрытой площади городища (например, в квадратах 505, 506, 521, 522 овальная яма диаметром около 1,5 м и глубиной 1,5 м; в квадратах 493, 509, 510, 524, 526 овальная яма протяженностью 1,8 м и глубиной 1,5 м; в квадратах 468—470, 484—486 яма каплевидной формы длиной 2 м, глубиной 0,87 м и др.). Заполнение ям составлял серый мешаный грунт (культурный слой городища), индивидуальных находок в заполнениях не встречено. О функциональном назначении, а также о датировке большинства ям (за исключением тех случаев, когда небольшие ямы были полностью заполнены кремневым инвентарем) судить трудно.

Однокамерное жилище вдоль западного (разрушенного) фаса. На западном фаса городища сохранилось лишь одно жилище, которое отчетливо наблюдалось до начала раскопок. Трудно определенно сказать, было ли это вообще единственное жилище на западном фаса или оно единственное из сохранившихся в западном ряду построек. Однокамерное жилище в квадратах 24—30, пожалуй, один из самых интересных комплексов Ортинского городища хотя бы потому, что это действительно комплекс. Его размеры 7×7 м, хорошо прослеживается вход в него, в углах у входа — небольшие утолщения стен. У западной стенки жилища, в средней его части, были зафиксированы остатки глинобитной печи, имевшей, как можно судить по фрагментам обмазки стенок, конусовидную форму. К сожалению, от печи остались лишь пятно прокаленного песка, углистая прослойка и небольшое количество кусков глиняной обмазки. Около северо-западного угла постройки сохранилось несколько фрагментов обгорелых бревнышек. Именно в этой постройке были найдены большие кузнечные щипцы и фрагмент глиняного тягла со следами металла.

Трудно судить о конструктивных деталях всех четырех исследованных жилищных комплексов: для этого нет достаточных данных, кроме того что “валики”-стенки, которые оконтуривали эти постройки и фиксировались визуально, представляли собой утолщения культурного слоя. Вряд ли эти “валики” насыпные, т. к. в них не прослеживается песчаная материковая подсыпка. Единственное, на наш взгляд, объяснение происхождения “валиков” следующее: они образовались за счет разрушения деревянных конструкций, сооруженных по периметру построек (например, сгнили окладные венцы). В оборонительных сооружениях крепости строители использовали значительный объем дерева, поэтому наличие на городище наземных построек с элементами деревянных конструкций вполне возможно.

Сам факт обнаружения на Нижней Печоре фортификационного сооружения типа Ортинского городища-крепости, имевшего многорядовую систему укреплений, воротных проемов с напольной стороны, дерево-земляные конструкции стен, несомненные элементы регулярности и в общей планировке, и в планировке наземных прямоугольных жилищ (“улицы”), свидетельствует об определенной культурной традиции. Причем обнаружение данного городища в зоне тундры несколько неожиданно. Наиболее близкие и прямые аналогии Ортинскому городищу как памятнику архитектуры — некоторые из городков обских утров VII—XIII вв., обнаруженных в последние годы в междуречье Конды и Оби, например Ендырское IV⁸¹. Вряд ли такое совпадение случайно, оно требует дальнейшего осмысления и разработки.

Вещевой материал Ортинского городища, разнообразный и необычайно интересный, насчитывает более 1500 находок различных категорий, которые заслуживают специального вещеведческого исследования. В данной работе авторы ставили перед собой задачу лишь наметить репертуар находок и общие хронологические рамки его существования (что необходимо для предварительной историко-культурной характеристики памятника), оставляя за собой право вернуться к данной теме. Из обнаруженного инвентаря наиболее многочисленна группа изделий из железа (целые фрагменты). В количественном отношении преобладают ножи, преимущественно с хорошо выраженным черенком, имеющим два уступа при переходе к лезвию, с треугольным в сечении клинком. Размеры ножей разнообразны: от средних, с длиной лезвия около 12 см, до довольно массивных (например, от крупного ножа сохранились черенок и часть лезвия). Почти все ножи очень сильно сточены, что отражает дефицит железа у обитателей поселения. Вряд ли целесообразно детализировать типологию ножей, тем более что по своему функциональному назначению почти все они являлись универсальными, а переточка их лезвий в процессе использования значительно меняла первоначальный облик. В то же время мы можем отметить присутствие в коллекции ножей нескольких типов, например нож-тесак, или широколезвийные ножи с плавно очерченной формой клинка, или с “опущенным” клинком. Три железных резца типа плоского черешкового тесла для обработки дерева имеют различные размеры и могут быть отнесены к одному типу. На памятнике обнаружен лишь один, к тому же очень небольшой, фрагмент железного топора — это часть лезвия.

Рис. 48. Бронзовые украшения.

1 — фрагмент железного ножа или кинжала с литой бронзовой рукоятью; 2 — бляха с трехъярусным изображением животного; 3 — фигурка пантеры (полное литье?); 4 — голова медведя; 5 — украшение-амулет (?); 6 — «рогатый» предмет; 7 — фрагмент пластинчатого браслета

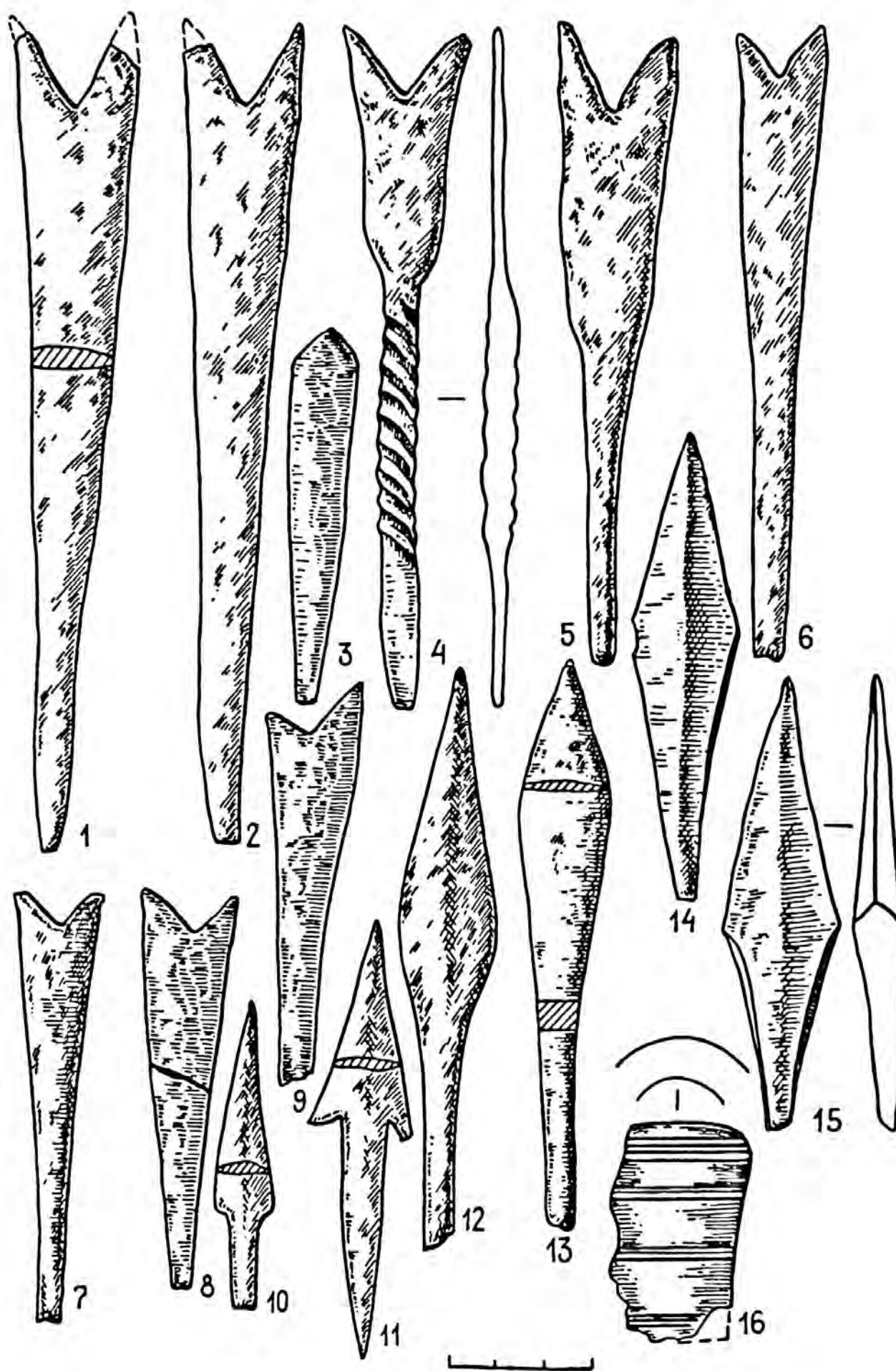

Рис. 49.

1-3 — железные наконечники стрел; 4-15 — костяные наконечники стрел; 16 — костяная часть составного наконечника стрелы

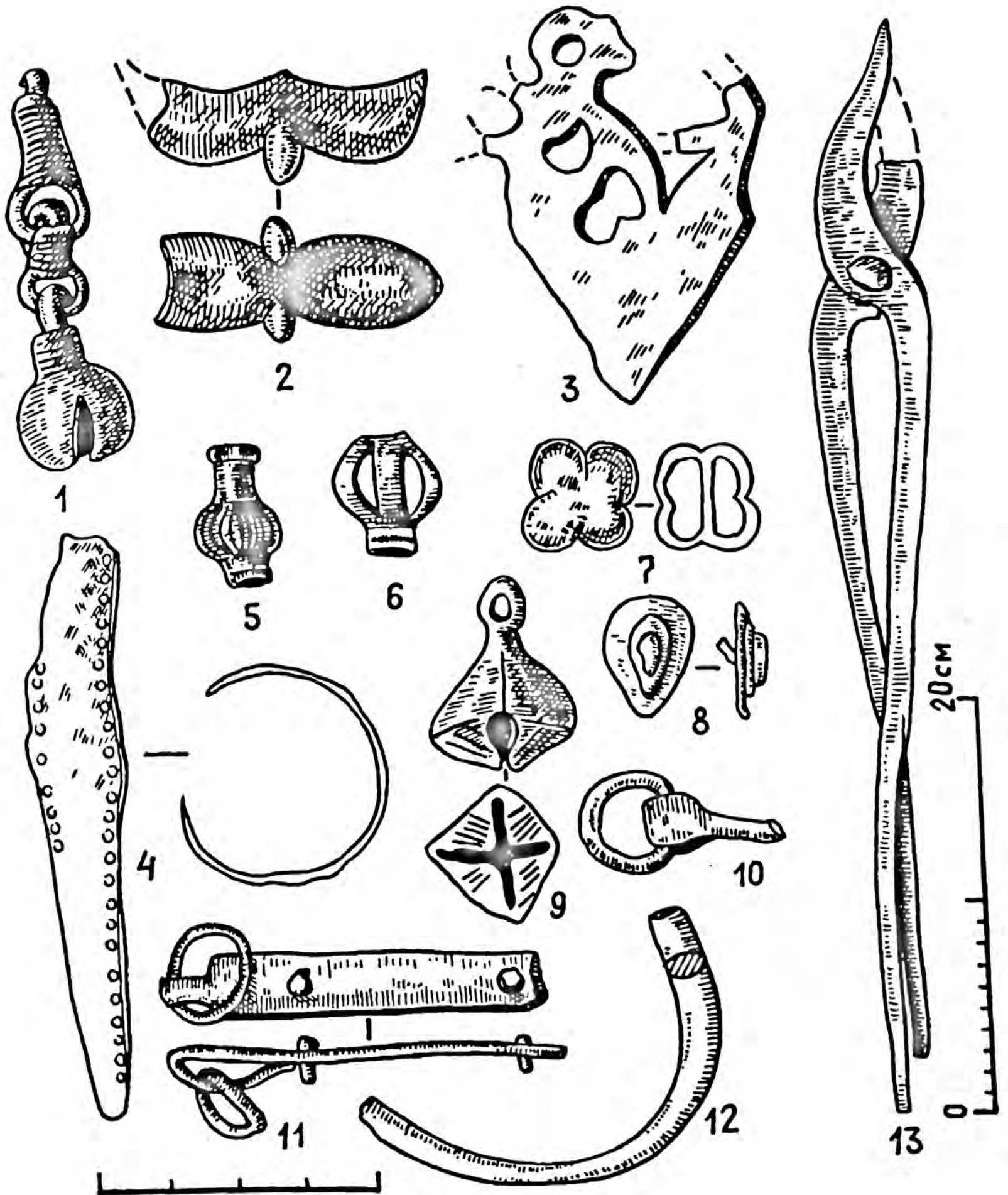

Рис. 50. Изделия из бронзы и железа.

1 — фрагмент бронзовой шумящей подвески; 2 — фрагмент серебряного украшения; 3 — фрагмент бронзового украшения (ажурная пластинка); 4—8 — бронзовые украшения; 9 — бронзовый бубенчик; 10 — железный пробой с кольцом; 11 — железная оковка; 12 — фрагмент бронзового прута; 13 — железные кузнечные клещи

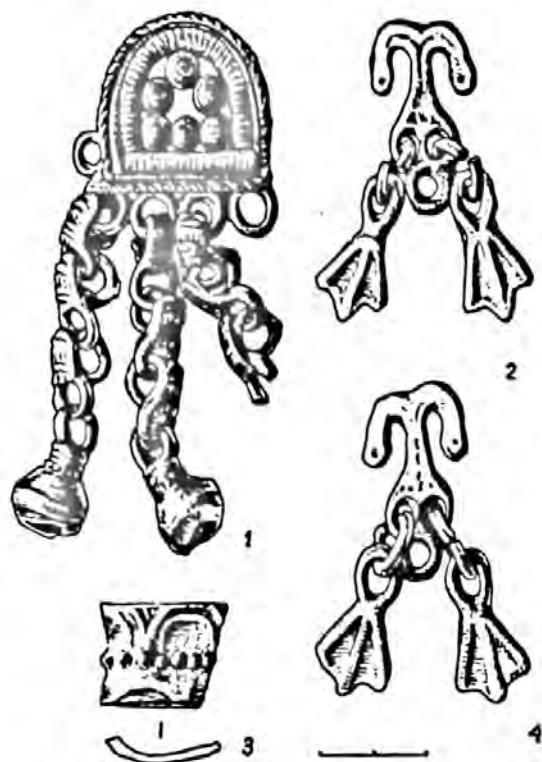

Рис. 51. Бронзовые и серебряные украшения

1 — бронзовая шумящая подвеска; 2, 4 — фрагменты якорных подвесок; 3 — фрагмент серебряного украшения

Наконечники стрел составляют значительную часть находок, но большинство их представлено фрагментами. Преобладают так называемые вильчатые срезни со слабо выраженной черешковой частью. Вильчатые срезни с четким черешком представлены двумя экземплярами. Другие типы наконечников стрел единичны: наконечник треугольной формы, наконечник листовидной, ланцетовидной форм и наконечник треугольной формы с шипами — все экземпляры с черенками без упора. Весь ассортимент стрел Ортинского городища имеет довольно широкие хронологические рамки: например, в Новгороде аналогичные срезни датируются со второй половины X в. и по XIII в. включительно⁸². Архаичнее смотрятся треугольные и листовидные наконечники, но для лесной зоны Западной Сибири, по сводке А. И. Соловьева, плоские наконечники с ромбическим пером начинают распространяться с XI—XII вв., в отличие от вильчатых срезней, известных здесь с VI—VIII вв. до “этнографической современности”⁸³. Следует отметить также, что все рассматриваемые ортинские наконечники стрел — плоские, что придает коллекции еще более “гражданский” (охотничий) характер.

Среди находок, связанных с обработкой металла, выделяются большие кузнечные клещи: общая их длина 560 мм, длина рукоятки 380 мм. Это довольно массивные клещи, предназначенные для удержания крупных изделий во времяковки. Шарнир имеет отчетливо выраженный коленчатый уступ, внутренняя сторона губ утолщена. Ортинские клещи напоминают находку середины VIII в. из Старой Ладogi — длина клещей 418 мм⁸⁴, новгородские клещи из слоя XV в. — длина 550 мм⁸⁵, по форме они близки небольшим по размеру клещам из Кичкольского могильника — пог. № 127, где датируются X—XI вв.⁸⁶ Несомненно, наличие подобных инструментов всегда свидетельствует об определенном уровне профессионального средневекового ремесла.

Из бытовых железных предметов обычными для поселений являются фрагменты и целые экземпляры железных дужек от котлов. От медных ведерок или котелков происходят небольшие съемные бронзовые дужки. Встречены клепаные ручки от котлов, а также фрагменты стенок котлов. Находки гвоздей (разной длины) подтверждают присутствие значительного объема деревянного строительного материала. Сохранившаяся оковочка кожаного ремня — одна из немногих, найденных на поселении. На городище обнаружено всего три железных кресала калачевидного типа: два — с овальным язычком посередине и без язычка. По новгородской хронологической шкале они датируются X—XI вв. и XII в. соответственно⁸⁷, аналогично датирует такие кресала в Вымских могильниках и Э. А. Савельева⁸⁸. По этой же шкале датирует кресала, найденные в лесной полосе Обь-Иртышья, В. А. Могильников⁸⁹.

Значительную группу индивидуальных находок составляют украшения. Широко — концом X—XIII в.⁹⁰ — датируются на территории Северо-Восточной Европы такие украшения, как флаконовидные бронзовые подвески, четырехлепестковые⁹¹, с овальными или удлиненными лепестками, каплевидные с выпуклым центром; трубчатые пронизки цилиндрической формы с рельефным орнаментом⁹². Шаровидный бубенчик и колоколовидные привески в составе шумящих подвесок найдены в количестве всего двух экземпляров и датируются XI—XII вв.

Любопытна находка фрагментарно сохранившегося тупоконечного бронзового пластинчатого браслета, украшенного по краям “глазковым” орнаментом, датировка которого также довольно широка — с конца X в.

Рис. 52. Вверху — бронзовое поясное кольцо; внизу — бронзовый шиток для пальцев лучника

или с XI по XIII в. Любопытны, но пока не совсем ясны по происхождению и назначению следующие украшения — фрагмент серебряной оковки или накладки, пластинчатая бронзовая прорезная пластинка. Серебряная подвеска с отверстием для шнура или ремня, на лицевой стороне — ложная зернь в качестве декора, две параллельные линии и, возможно, изображение животного (точно определить сюжет сложно из-за плохого качества отливки). Не совсем ясно назначение “рогатого” бронзового предмета, имеющего на всех отростках втулки — вероятно, это небольшое навершие.

На Ортинском городище была обнаружена группа ярких индивидуальных находок, которые следует рассмотреть подробнее. Это прежде всего пара так называемых якорьковых подвесок. Точнее, эта пара представляет лишь часть двух более сложных по конструкции подвесок, в которых якорьковая часть — это деталь, к которой привешивалась прямоугольная бронзовая пластина, а к последней крепились через переходные колечки шумящие подвески. Именно так выглядит прикамский по своему происхождению тип подвески, обнаруженный в Вымских могильниках и датированный Э. А. Савельевой XI в.⁹³ Подвеска, почти идентичная ортинской якорьковой, была обнаружена Л. П. Хлобыстиным на святилище Болванский Нос I на о. Вайгач⁹⁴.

Одним экземпляром в Ортинской коллекции представлена так называемая арочная пластинчатая подвеска, шиток которой украшен ложновитым жгутом, а в центре напаяны шесть волют. Более близкие аналогии ортинской находке — арочные подвески такого типа из Вымских могильников (Петковского — пог. № 5, Кокномьягского — пог. № 3, Жигановского — пог. № 254), которые Э. А. Савельева вслед за В. А. Обориным считает характерными украшениями родановской культуры и датирует XI в.⁹⁵ Правда, близкие по типу находки в Кинтусовском могильнике на р. Салым, притоке р. Обь, В. Н. Чернецов относил ко времени ранее X в.⁹⁶

Интересен фрагмент толстого пластинчатого браслета (толщина пластины 2 мм), от которого сохранилась часть пластины и один закругленный конец, украшенный розеткой. Возможно, браслет относится к типу пластинчатых браслетов, известных по находкам на святилище о. Вайгач⁹⁷ и в Нижнем Приобье⁹⁸; правда, идентичные изображения нам не известны.

Миниатюрное бронзовое изображение головы медведя не имело ни петли, ни дужки и, вероятно, служило вставкой или вшивалось в кожаный или тканевый амулет. Нет надобности повторять, что тема “медведя” необычайно широко распространена в средневековье — вспомним уже упомянутые нами пластинчатые браслеты: их концы заканчиваются изображениями медвежьих голов и лап; голова медведя довольно часто встречается в находках исследованных археологами средневековых святилищ.

Бронзовая бляха с ярусным изображением животных-хищников, терзающих друг друга, относится к группе известных ярусных изображений “пермского звериного стиля”⁹⁹. Ортинская отливка довольно примитивна, тем не менее животные имеют элементы моделировки тела.

Более качественна отливка пантеры, на которой голова, шея, обе пары лап животного имеют отчетливую и тщательную разработку мышц. Композиция и харак-

тер литья (полное литье) напоминают пантер из Ленкнонского могильника и известную находку на р. Иртыш (у Карагайских юрт), которую В. Н. Чернецов датирует VI—IX вв.¹⁰⁰ Правда, сибирская находка имеет совершенно иную трактовку “внешности” животного.

Эффектна бронзовая рукоять ножа или кинжала с орнаментированной двумя зонами орнамента рукояткой и фигурой хищной птицы на конце рукоятки. Фигура птицы выполнена в технике полого литья. Ближайшие сюжетные и композиционные аналогии ортинской рукояти: рукоять такого же типа, но не полого литья из раскопок городища, близкого по типу и по времени Ортинскому, в районе древнего Пустозерска¹⁰¹ и находка из Зимовья Мамеева на р. Таз, причем сибирские находки, по датировке В. Н. Чернецова¹⁰², — это II—III вв. н. э. (Ярасалинский этап).

Из костяных изделий наиболее интересны прежде всего два ромбической формы наконечника стрелы, костяная часть составного наконечника стрелы. Из других костяных предметов упомянем накладку с отверстиями для креплений на лук или колчан, костяную деталь — это петля колчана, шахматная фигура или обрезок кости. На городище найдено несколько десятков стеклянных и керамических бус, имеющих довольно широкий хронологический диапазон IX—XI вв.

Во время раскопок однокамерной постройки на западном фасае городища, вблизи развала глиняной печи, было обнаружено несколько фрагментов керамических тиглей: всего четыре фрагмента, вероятно, от двух-трех тиглей, бывших в употреблении. На одном из фрагментов тигля, на внутренней поверхности стенки, видны следы беловато-желтоватого металла (бронзы?). Все обнаруженные фрагменты принадлежат тонкостенным стаканчикообразной или рюмковидной формы тиглям с плоским дном и треугольным устьем, что является характерным признаком раннего времени. Это подтверждает и миниатюрность самих тиглей, а также наличие своеобразной “полочки” — небольшой выступающей площадки у дна тигля¹⁰³. О производственном характере однокамерной постройки также свидетельствуют находки ошлакованных кусков — это выплески шлаков. Глинобитные остатки печи внутри однокамерной постройки позволяют интерпретировать ее как производственный горн. Наличие фрагментов обожженного пола не противоречит этому предположению, а находки небольших кусков обожженной глины с сохранившимися отверстиями для тяги — фрагменты глиняной “решетки” для тяги (1,5—2 см) — подтверждают наше предположение. Производственный характер печи-горна и всей постройки очевиден: напомним, что здесь были найдены большие кузнечные клещи, здесь же производилась обработка черного и цветных металлов. Можно констатировать, что находка средневекового производственного комплекса по обработке металлов (постройка, остатки горна, инструментарий и приспособления для литья) пока уникальна для арктических тундр Восточной Европы.

Для определения занятий населения, оставившего Ортинское городище, наряду с находками охотничьих наконечников стрел, одного железного рыболовного крючка, скоплений костей, чешуи рыб, интерес представляют и кости животных, найденные во время раскопок. Вот состав животных по костным остаткам (определение костей животных за полевой сезон 1988 г. сделано Н. М. Ермоловой): лось (одна особь), северный олень (две взрослые особи), заяц (две взрослые

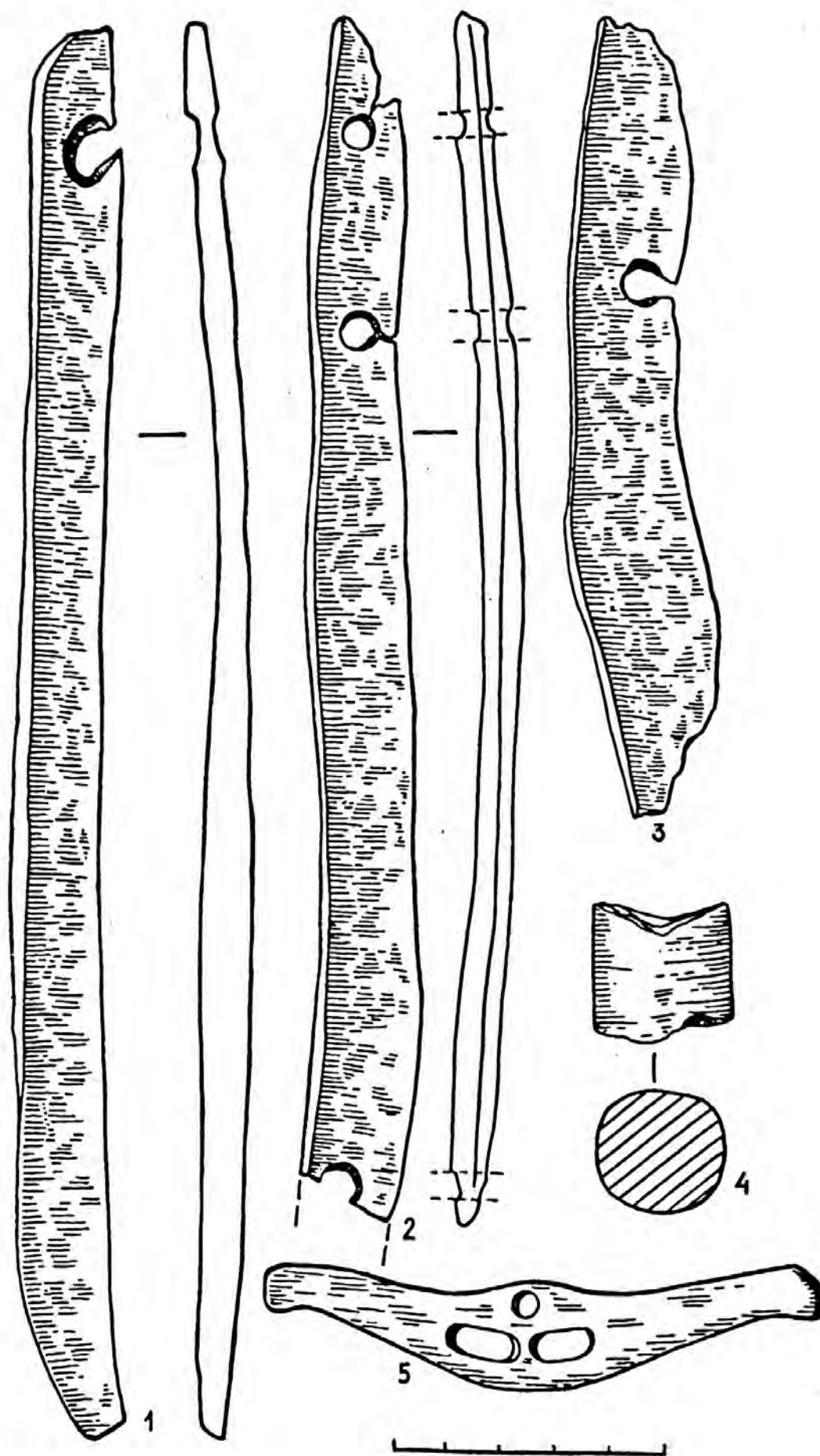

Рис. 53. Изделия из кости.
 1—3 — накладки; 4 — шахматная фигурка (?); 5 — деталь упряжи

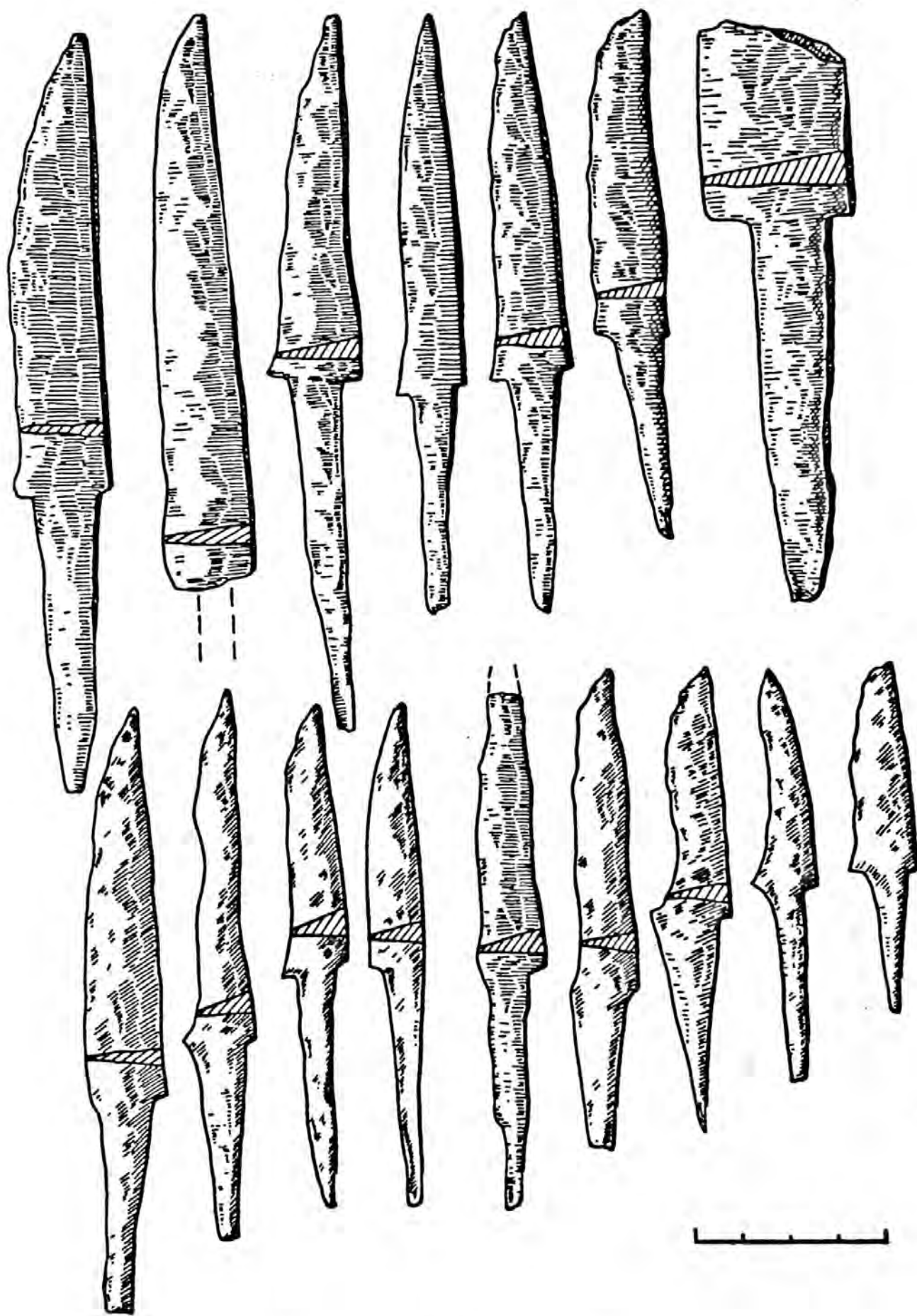

Рис. 54. Железные ножи

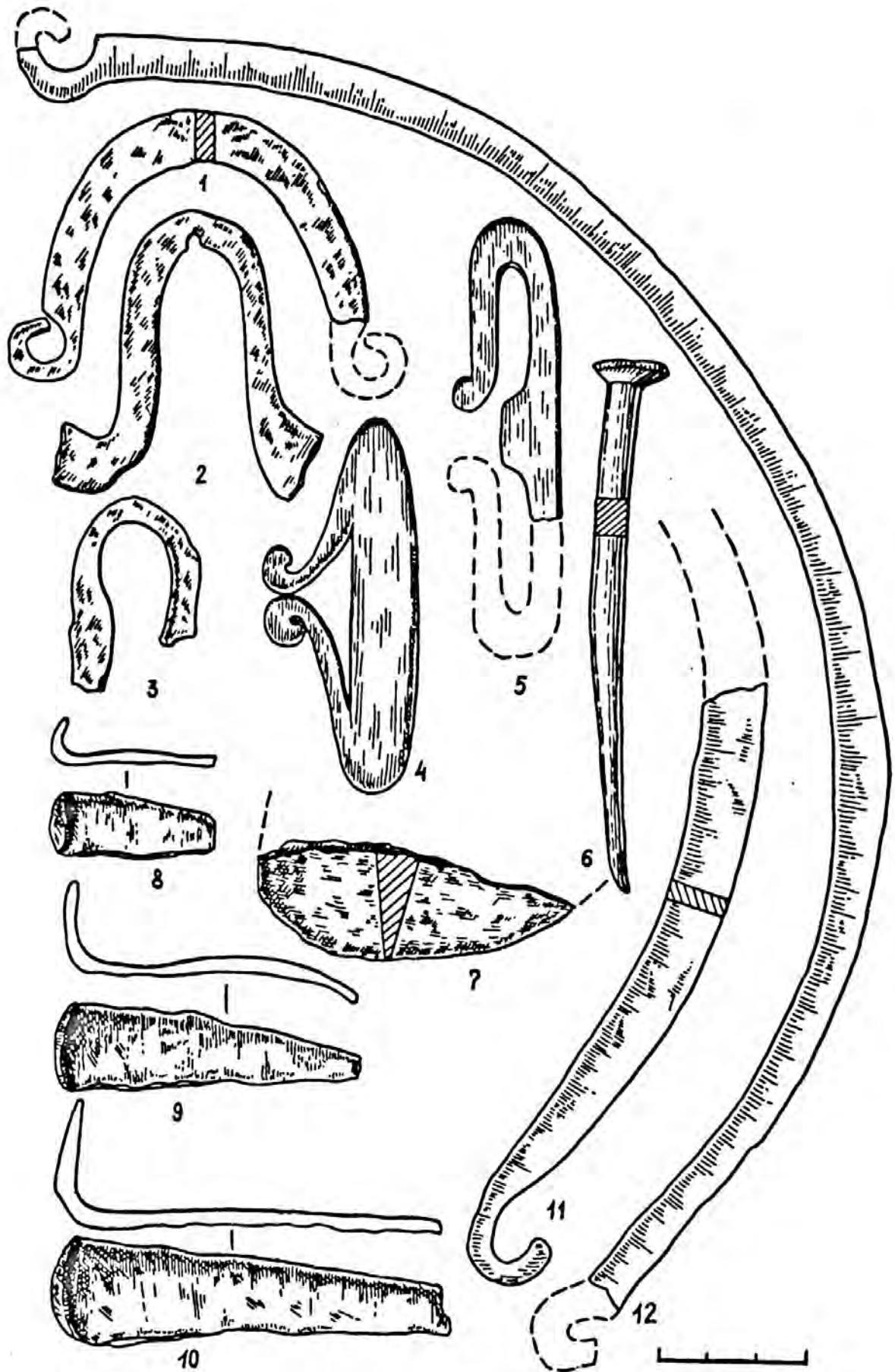

Рис. 55. Железные и бронзовые изделия.
 1, 2, 11, 12 — дужки от котлов; 3 — бронзовая петля от котла; 4, 5 — железные кресала;
 6 — железный гвоздь; 7 — фрагмент лезвия топора; 8—10 — железные резцы

особи), лиса (взрослая особь), песец (две взрослые особи), бобр (одна взрослая особь), а также кости водоплавающих птиц.

Для определения радиоуглеродной даты памятника из культурного слоя были взяты четыре образца: два из них дали современную дату, один образец датирован XVII в. и один образец IX в. “Смазанность” трех образцов, возможно, определяется спецификой радиационного фона данного региона.

Совокупность археологического материала позволяет, на наш взгляд, предварительно датировать Ортинское городище периодом VI — начала XI в. и рассматривать это укрепленное поселение как один из племенных центров населения, обитавшего в районе Нижней Печоры и имевшего тесные контакты с племенами Нижней Оби и Северного Приуралья. Ортинское городище представляет собой срез культуры того местного населения, с которым несколько позднее, вероятно на рубеже X—XI вв. или в самом начале XI столетия, столкнулись военно-промысловые ватаги из Ладоги и Новгорода, когда достигли района Нижней Печоры. Русские летописи знакомы с этими племенами и называют их “печерой”. В Повести временных лет под 1096 г. помещен рассказ Гюраты Роговича: “Послах отрок свой в Печеру, люди иже суть дань дающие Нову Городу. И пришедшо отроку моему к ним, а оттуда иде в Югру. Югра же есть язык нем, а соседят с самоядью на полуночных странах”¹⁰⁴. В знаменитом этнографическом введении к Повести временных лет, составленном около 1113 г., перечислены племена крайнего Северо-Востока, платившие Руси дань, в том числе “Заволочьская Чудь, Пермь, Печера, Ямь, Угра”¹⁰⁵. В контексте этих сведений рассказ ладожского посадника Павла 1114 г. о том, как “мужи старии ходили за Югру и за Самоядь”¹⁰⁶, подтверждает, на наш взгляд, динамику поэтапного освоения русскими арктических тундр. В литературе высказаны в основном две точки зрения о территориях, которые занимали племена печоры, югры и самоеди. Согласно первой, югра в XI—XII вв. жила на Мезени и в верховьях Печоры, а самоедь занимала все нижнее течение этой реки; в более позднее время среднее и верхнее течение Печоры занимали печорские племена, югра на Мезени и самоедь в дельте Печоры¹⁰⁷. Нам кажется предпочтительной вторая точка зрения, согласно которой племена и территории, на которых они жили, расположены не по широтному принципу, а как бы вдоль арктического побережья: печора — в нижнем течении р. Печоры, югра — по обе стороны Югорского Камня, самоедь — на р. Обь и далее к востоку¹⁰⁸. Существуют и “промежуточные” точки зрения, например Л. П. Лашук “помещает” печорские племена на Нижней Печоре, а югрой “заселяет” Верхнюю Печору и Зауралье¹⁰⁹.

В литературе уже давно предложено идентифицировать племена, которые в русских летописях известны под именем “печера”, с народом “сихиртя”: в ненецком фольклоре существуют предания или легенды о “сихиртя” — низкорослых людях, которые жили на тех местах, где ныне обитают ненцы¹¹⁰. Пока что не совсем ясно, что скрывается под именем “сихиртя” или “сииртя” — самоназвание древнего народа, дошедшее в преданиях ненцев, или ненецкая интерпретация этого самоназвания.

Неизвестна и судьба народа, заселявшего до прихода самодийских ненецких племен печорские тундры. Л. В. Хомич считает, что было две волны прихода нен-

цев: первая в XI в. и вторая, закрепившая тундры за новым населением, — в XII—XIV вв.¹¹¹, что предполагает постепенное вытеснение прежнего населения с мест обитания. Л. П. Лашук уверен, что прежнее население не исчезло бесследно, и видит его “следы” в Платежнице Пустозерска 1574—1575 г. среди части околородного населения: “...а промысел их: на лесу и по тундре зверя бьют да у пустозеров олени пасут...”¹¹² Можно возразить, что часть ненецкого населения, обитавшая около города Пустозерска, вполне могла “обслуживать” некоторые стороны жизни военно-административного центра края, приспособившись к нуждам именно этого города. Однако вот что пишет Деламартиньер, побывавший в Пустозерском уезде в 1653 г. на о. Борандай (Варандей): “...поднявшись на вершину большой горы, мы увидели слева море, а под горой много домов, построенных один близко к другому, как бы вроде маленького городка... А дома эти сделаны из древесных ветвей и покрыты дерном, очень низкие...”¹¹³ Если эти описания жилищ соответствуют действительности, то, возможно, речь здесь может идти о домостроительной традиции, отличной от ненецкой и скорее всего напоминающей планировку и конструкцию жилищ Ортинского городища. Несомненно, Ортинское городище занимает особое место в средневековой истории Нижней Печоры, о чем свидетельствуют планировка и характер оборонительных сооружений, наличие жилищ и производственно-ремесленного комплекса, а также весь набор обнаруженных во время раскопок вещей. Особая значимость этого племенного центра подчеркивается наличием на прилегающей к нему территории отдельно стоящих наземных построек (одна из них полностью исследована). На трех сохранившихся углах крепости зафиксированы круглые ямы, вероятнее всего, ритуального характера.

Таким образом, Ортинское городище второй половины I — начала II тысячелетия н. э. демонстрирует важнейшие стороны культуры местных печорских племен (военно-оборонительное и жилищное строительство, ремесленное производство, орудия труда и украшения) и элементы их племенной структуры (наличие военного центра) накануне значительных перемен в жизни региона — включения печорского населения в систему феодальных отношений Древней Руси.

Укрепленные поселения Заволочья и Пинеги XIV—XV вв.

Сведения о поселениях этого периода малоизвестны как по письменным, так и по археологическим источникам. Находки участков с культурным слоем и отдельными предметами круговой керамики, железных вещей относятся к небольшому числу открытых селищ. К сожалению, памятники этого типа только обозначены во время археологических разведок и далеко не все имеют перспективу для последующего изучения.

Несомненно, более выигрышными по внешнему виду и более информативными являются городища — укрепленные поселения. Но они все или почти все были известны и зафиксированы уже в конце XIX — начале XX в., а новых памятников данного типа вряд ли ощутимо прибавится в будущем. Большинство из известных укрепленных поселений региона априорно датировалось IX—X вв. и связывалось непременно с “ожесточенной” борьбой “заволочьской” или “бело-

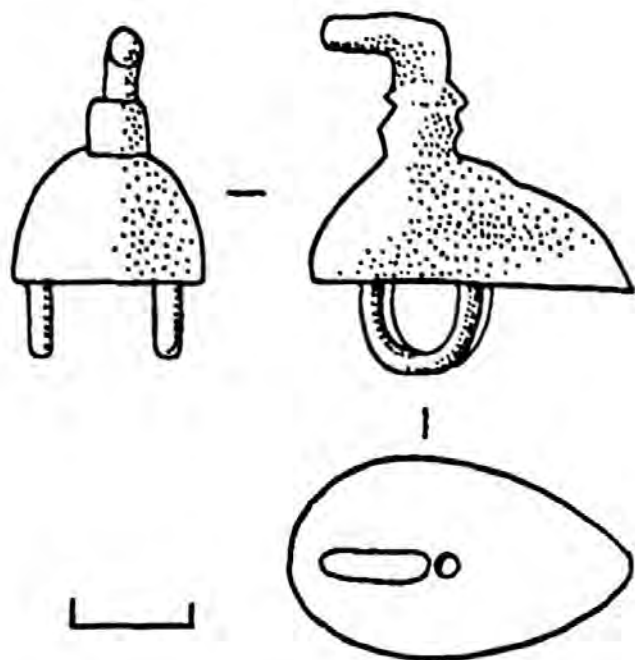

Рис. 56. Орлецкий городок. Бронзовая подвеска-«уточка». XI в. Подъемный материал

глазой» чуди с новгородцами, о чем повествовали немногочисленные сохранившиеся местные предания.

По мере археологического изучения памятников этого типа становилось совершенно ясно, что они связаны с иным, более поздним историческим периодом истории северных земель. Данные археологических раскопок Северодвинского отряда, а позднее и Архангельской Арктической экспедиции (начальник О. В. Овсянников) были первоначально использованы на предварительную интерпретацию укрепленных поселений как укрепленных боярских усадеб XIV–XV вв. Позднее, в связи с продолжением изучения памятников данного типа, появилась возможность более детально остановиться и на археологическом материале, и на исторической интерпретации северных городков.

Орлецкий городок. Одним из самых ярких памятников XIV–XV вв. в Заволоческой земле, несомненно, следует считать Орлецкий городок, имя которого появилось на страницах русских летописей в начале 40-х годов XIV в. и неразрывно связано с драматическими событиями в Двинской земле в конце XIV в.

В 1342 г. «Лука Варфоломеев, не послушав Новгорода и митрополита благословения и владычия, скопив с собою холопов збоев, и поиде за Волок на Двину, и поставив городок Орлець, и скопив Емчан, и взя землю Заволотскую по Двине, все погосты на щит»¹¹⁴. В том же 1342 г. Лука был убит в одном из сражений («Лука же в 200 выеха воевать, и оубища его заволочане»¹¹⁵). В Новгороде это событие вызвало восстание «черных людей» («и всташа черныи люди на Одрешка и на посадника Федора Даниловича, глаголюще тако, яко те послаша на Лоуку убити, и пограбиша их дома и села...»¹¹⁶). Произошли события, столь характерные для новгородской жизни того времени, — собрались два веча, последовали бурные столкновения, потребовалось вмешательство новгородского владыки. Лука Варфоломеев принадлежал к известной боярской семье Мишаничей¹¹⁷. В литературе давно высказано мнение, что Орлецкий городок — это укрепленный центр боярской вотчины¹¹⁸, возникший в связи с перераспределением боярского землевладения на Севере¹¹⁹.

В начале XIV в. начинает терять значение Ростовское княжество, этому способствовал раздел Ростовских земель в 1316 г. Причем Василий Ростовский (Василий Константинович) в том же году выступил против великого князя (владевшего второй половиной Ростова)¹²⁰. В русле этой политики последовали и другие действия ростовских князей: в 1323 г. «ходиша Новгородцы с князем Юрьем на Заволочье и взяша Устюг на щит; и придоша на Двину...»¹²¹ Полагают, что до 1331 г. произошел новый раздел Ростова и половину Ростова получил князь Иван Данилович (Калита)¹²². Через несколько лет, в 1337 г., он организует поход на Заволочье, но «Двиняне отбилися от них»¹²³.

В этой обстановке двинские неурядицы, связанные с Орлецом, возможно, оставались чисто внутренними, новгородскими событиями.

Ситуация начала меняться с начала 60-х годов, когда московский князь Дмитрий получил в Орде ярлык на Владимирское великое княжение, а ростовский князь Константин Васильевич (Константин Ростовский) занял весь город и все ростовские владения Дмитрия¹²⁴. Однако энергичный Дмитрий уже в 1363 г. возвратил себе прежние ростовские владения, а князь Константин Васильевич в 1364 г. был вынужден уехать в Устюг¹²⁵. Вполне возможно, что вскоре после этих событий в истории Двинских земель наступает новый период, который также связан с Орлецким городком.

Рис. 57. Осада Орлеца новгородцами. Миниатюра XVI в.

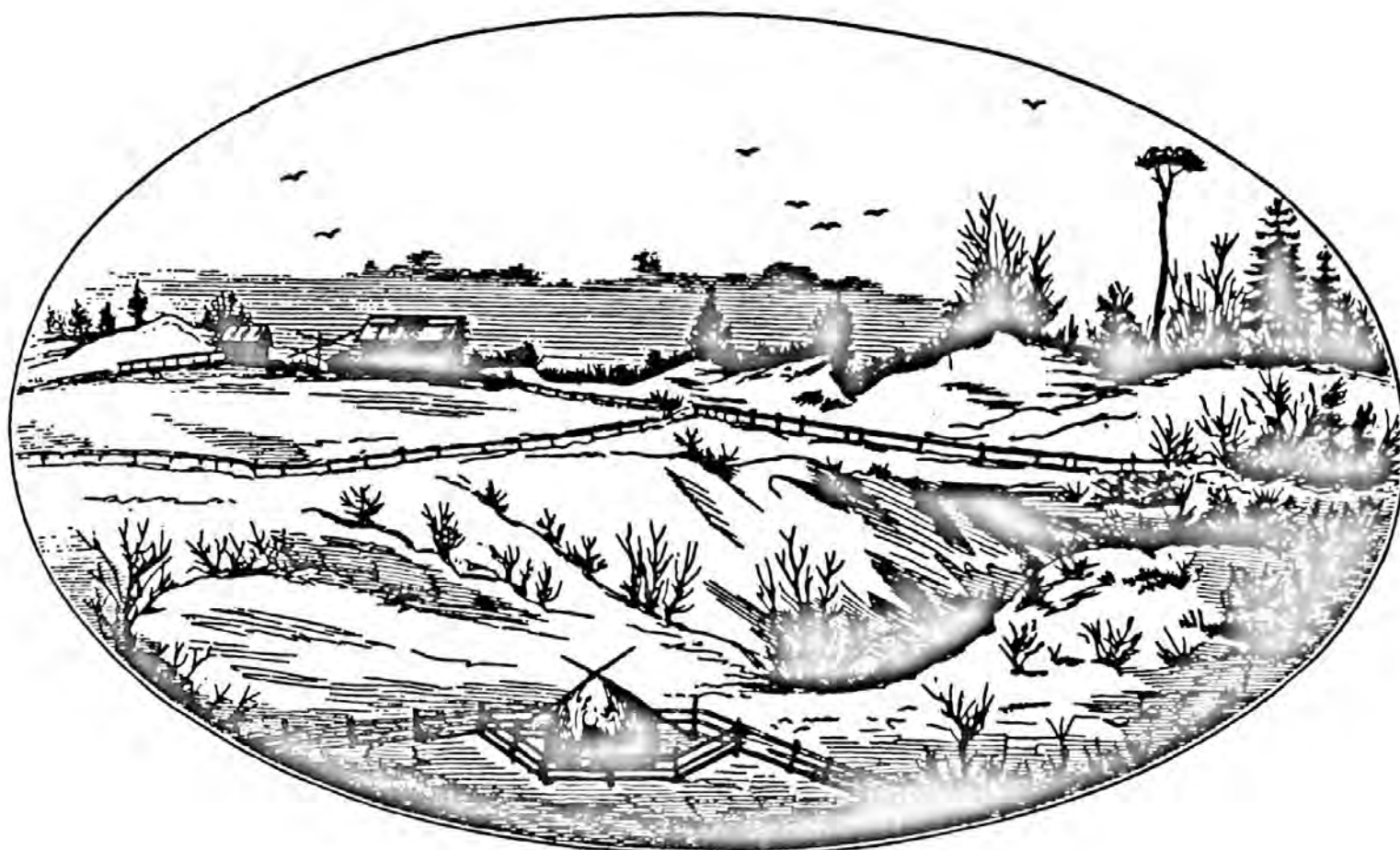

Рис. 58. Орлецкий городок. Вид зимой (по: Тышинский А. Г., 1871)

Рис. 59. Орлецкий городок. Руины каменной кладки стены (по: Тышинский А. Г., 1871)

В 1384 г. князь Дмитрий Иванович послал своих бояр в Новгород за “черным бором”, а после отказа новгородцев платить его предпринял в 1386 г. военный поход (Новгород выплатил контрибуцию, причем 5000 руб. из 8000 заставил платить заволочан) ¹²⁶.

Можно только предполагать, что отзвук этих событий был ощутим в Двинской земле: не случайно в 1393 г. новгородцы предприняли крупный и вполне удачный поход на северные владения великого князя. Удар был комбинированным: новгородцами были “взяты Кличен-городок и Устюжно”, а заволочане поднялись вверх по Северной Двине, осадили и “взяли Устюг городок и пожтоша” ¹²⁷. Обстановка в Двинской земле изменилась к 1396 г., в 1397 г. московский великий князь посылает в Заволочье своих бояр с предложением “ко всей Двинской слободе” порвать с зависимостью от Новгорода и перейти под покровительство Москвы. Посланцы успешно выполнили свою миссию, т. к. “все Двиняне за великий князь задались, а ко князю великому целоваша крест” ¹²⁸. В том же 1397 г. Орлец-городок упоминается в Уставной грамоте великого князя Василия Дмитриевича, данной им Двинской слободе ¹²⁹. “Двиняне задались князю Василию Московскому, и князь Василе разверже мир с Новгородцы”, — сообщает летописец.

Была предпринята попытка решить конфликт мирным путем: “Новгородцы же послаша к нему владыку Иоанна и посадника Богдана и Кирилу Дмитриевича, и князь не принял владычия благословения ни Новгородского челобитья”. После этого в Новгороде энергично ответили на события на Двине: “Не можем, господине, отче святой, сего терпеть от великого князя Василия Дмитриевича: отнял... у Великого Новгорода

пригороды, наши вотчины, хотим поискать своих вотчин”, и рать, взяв “все погосты на щит”, подошла “по Двине к Орлецу городку, воюючи волости князя великого” ¹³⁰.

Поход новгородцев 1397 г. явился тяжелым ударом для его противников: под угрозой оказалось Белоозеро, устюжские посады, “Кубенские волости около Вологды повоеваша”, “воеваша волости Галецкие”, волости по Верхней и Средней Двине ¹³¹.

На пути движения новгородского войска был выставлен заслон — “...а от князя великого приехал на Двину в засаду князь Федор Ростовский”. Однако сдержать победного шествия восьмитысячного новгородского войска князь Федор не смог и новгородцы “у князя Федора Ростовского присуд и пошлины поимали, что поимал на Двинской земле, а самого с дружиною отступиша”. Был взят также большой откуп с “гостей” великого князя, “а у двинян за их вину взяли две тысячи рублей, три тысячи коней” ¹³². Это не считая тех репрессий, которым были подвергнуты бояре-переветники: “А воевод заволочких Ивана и Копана з дружиною их поимаша, иных смертию казнили, а иных с собою словив, поведоша, занеже те же бояря новгородския отводили землю Двинскую великому князю” ¹³³.

Новгородцы подошли к Орлецу и осадили крепость: “...а подо Орлецем стояше месяц, бьюще пороки. Заволочане же с городка оубиша Левона Скоудичкого, наши же взяша Орлец и разграбиша...” ¹³⁴ Так описывает военные действия Новгородская летопись. Устюжский летописец несколько иначе комментирует эти же события: “И стояше под Орлецом 4 недели и поставиша пороки. И вышед двиняне из городка Орлеца и по-

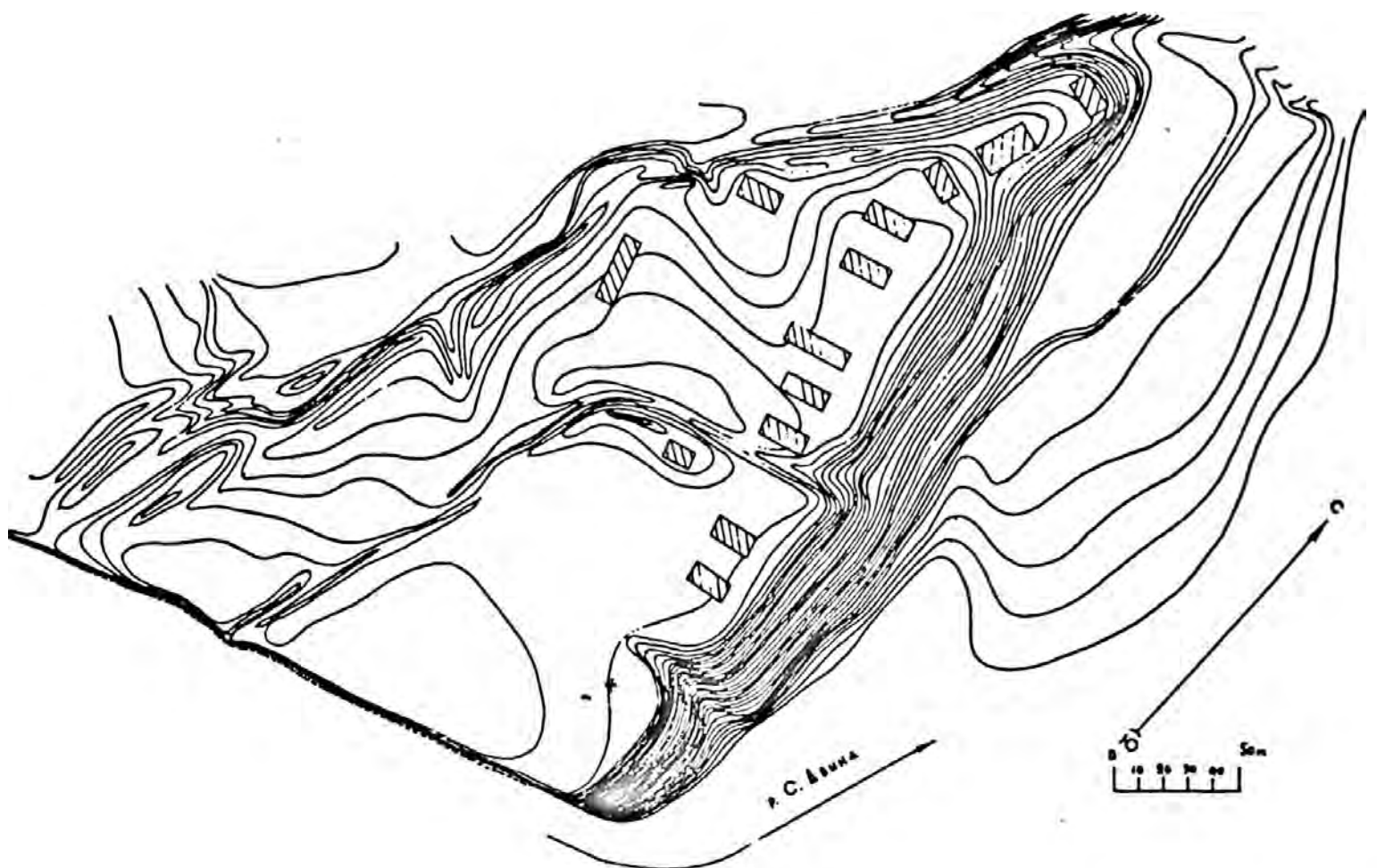

Рис. 60. Орлецкий городок. План. Инструментальная съемка

биша челом воеводам”¹³⁵. То есть новгородская версия повествует об удачном штурме, другая о сдаче крепости после длительной осады. Обе летописные версии не расходятся в одном: осада была длительной и тяжелой. Не имея возможности взять мощную по тем временам крепость (каменный кремль, первая дерево-земляная линия обороны), новгородцы были вынуждены применить длительную осаду — “облежание”.

Это был полный, хотя и временный, разгром и потеря позиций великих князей в Северном Поморье. Конечно, победа новгородцев под Орлецом не означала, что вопрос о влиянии в северных землях решен на сколько-нибудь длительное время. Уже в 1399 г., когда новгородская рать гналась за Анфалом, проводившим в Двинской земле военные операции против новгородцев, устюжские князья пошли “Анфала в пособие, и бишася с Ияковым у Сухоны реки у Стрельного порога”¹³⁶. В 1401 г. по указу великого князя и с его ратью Анфал Никитин и Герасим Рострига (тот Герасим, который после падения Орлеца был насильно пострижен в монахи, но которому удалось бежать) пошли “войною за Волок на Двину и взяша всю Двиньскую землю без вести”¹³⁷, в ответ на это новгородцы совместно с важанами бились с ними “на Кольмогорах”¹³⁸. Военные походы постоянно следовали один за другим (например, 1415 г.: “...ходиша войною и повоеваша всю землю Двиньскую, и Заволочане тогда скопився Оустюг повоеваша”, 1417 г.: “...из великого князя вотчины Василья Дмитриевича ходил княже Юрьев боярин Глеб Семенович с Ноугородцкими беглецы, с Семеном Жадовским и с Михаилом с Росохиным, и с Устюжаны, и с Вятчаны, ехаша в наседех на Заволотцкую землю и повоеваша волость Борок Ивановых детей Васильевича, Емцю и Колмогоры пожгли, а бояр Ноугородцких поймаша...”¹³⁹).

Обследование Орлецкого городка, проведенное в 1959 г., показало, что это единственное на территории Архангельского Севера древнерусское городище, имевшее сложную планировочную структуру — детинец и окольный город (посад)¹⁴⁰. Таким образом, спор о местонахождении этого северного города XIV в. (1342—1398 гг.), не утихающий почти сто лет — со времени

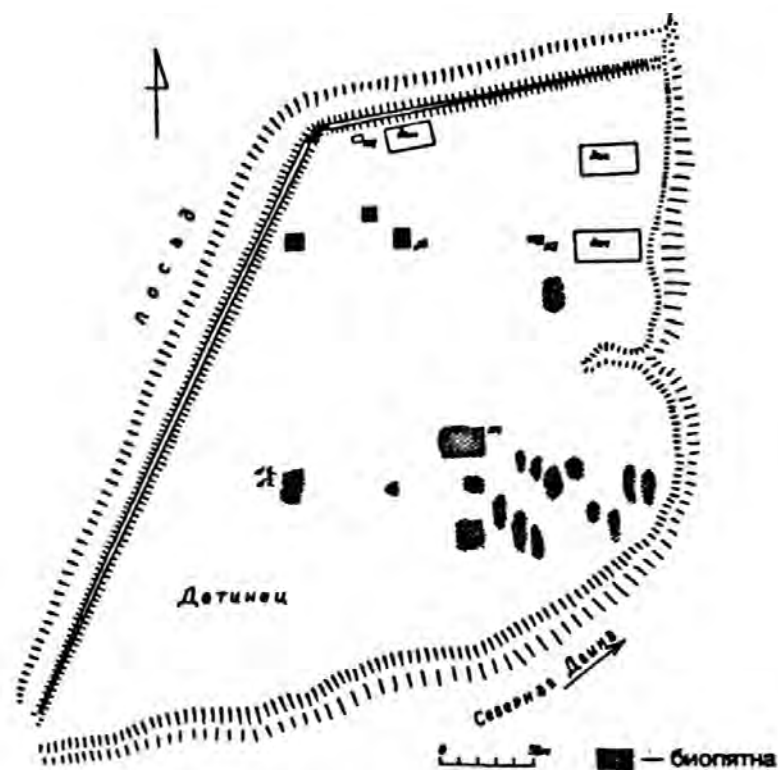

Рис. 62. Орлецкий детинец. План

первого осмотра памятника в 1781 г. А. Г. Тышинским¹⁴¹, был окончательно решен. Однако только работы 1970—1971 гг., проведенные экспедицией ИИМК РАН и Архангельского областного краеведческого музея, позволили полностью раскрыть планировку и всю структуру оборонительных сооружений Орлецкого детинца и посада, а также значение этого памятника для истории древнерусского каменного оборонного зодчества¹⁴². В 1985—1986 гг. были проведены исследования оборонительных сооружений детинца и окольного города, а также изучение культурного слоя на детинце (культурный слой на территории окольного города был уничтожен).

Орлецкий детинец занимает юго-восточную часть городища — оконечность мыса, образуемого крутым изгибом Северной Двины. Южная и восточная стороны детинца выходят в настоящее время в крутой обрыв, а северная и западная граничат с посадом, отделенным рвом. В результате работ 1959 и 1970—1971 гг. выяснилось, что внутри вала детинца сохранились в довольно хорошем состоянии каменная стена, исследованная на двух (северном и западном) пряслах детинца. Северная стена детинца сохранилась лишь на 95 м; ее восточный конец разрушился при осыпании берега и частично испорчен при рытье погребов. Лицевой фасад северной стороны был протрассирован на протяжении 40 м. Стена на этом участке имеет в настоящее время 3—10 рядов кладки (до 1,5 м). Западная стена детинца — несколько лучшей сохранности (ее протяженность 210 м). Сверху стена была перекрыта мощным глинистым завалом, поросла густым лесом. В юго-западной части западного прясла был полностью раскрыт участок стены протяженностью 12 м и на 138 м протрассирован фасад стены. Сохранность кладки на изученном участке неравноценна — от 1 до 14 рядов кладки (до 2,5 м). Стена оказалась сильно поврежденной во время распашки детинца. Проведенные работы показали, что каменные оборонительные сооружения детинца представляют собой не аморфный “каменный вал”, как предполагал А. Г. Тышинский, а являются регулярной каменной кладкой.

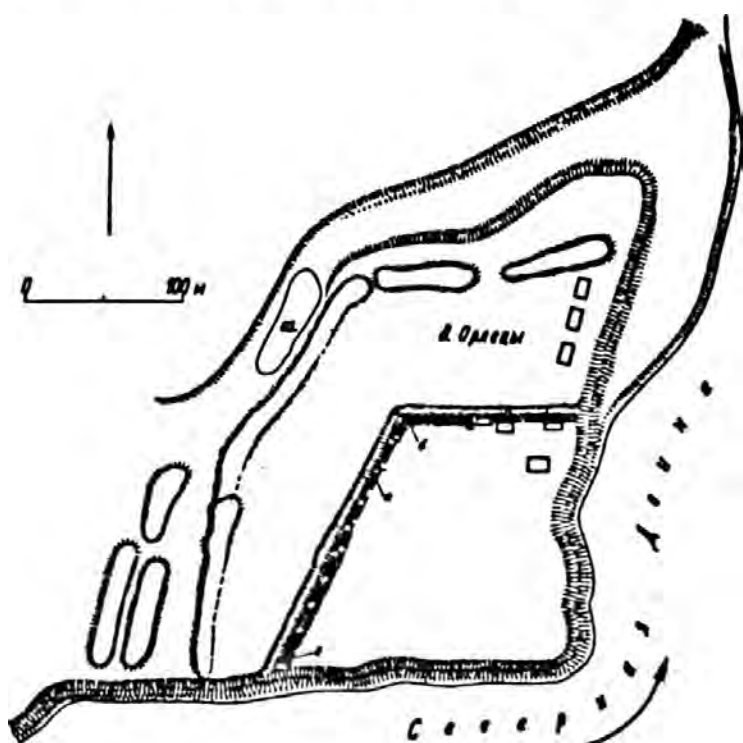

Рис. 61. Орлецкий городок. План

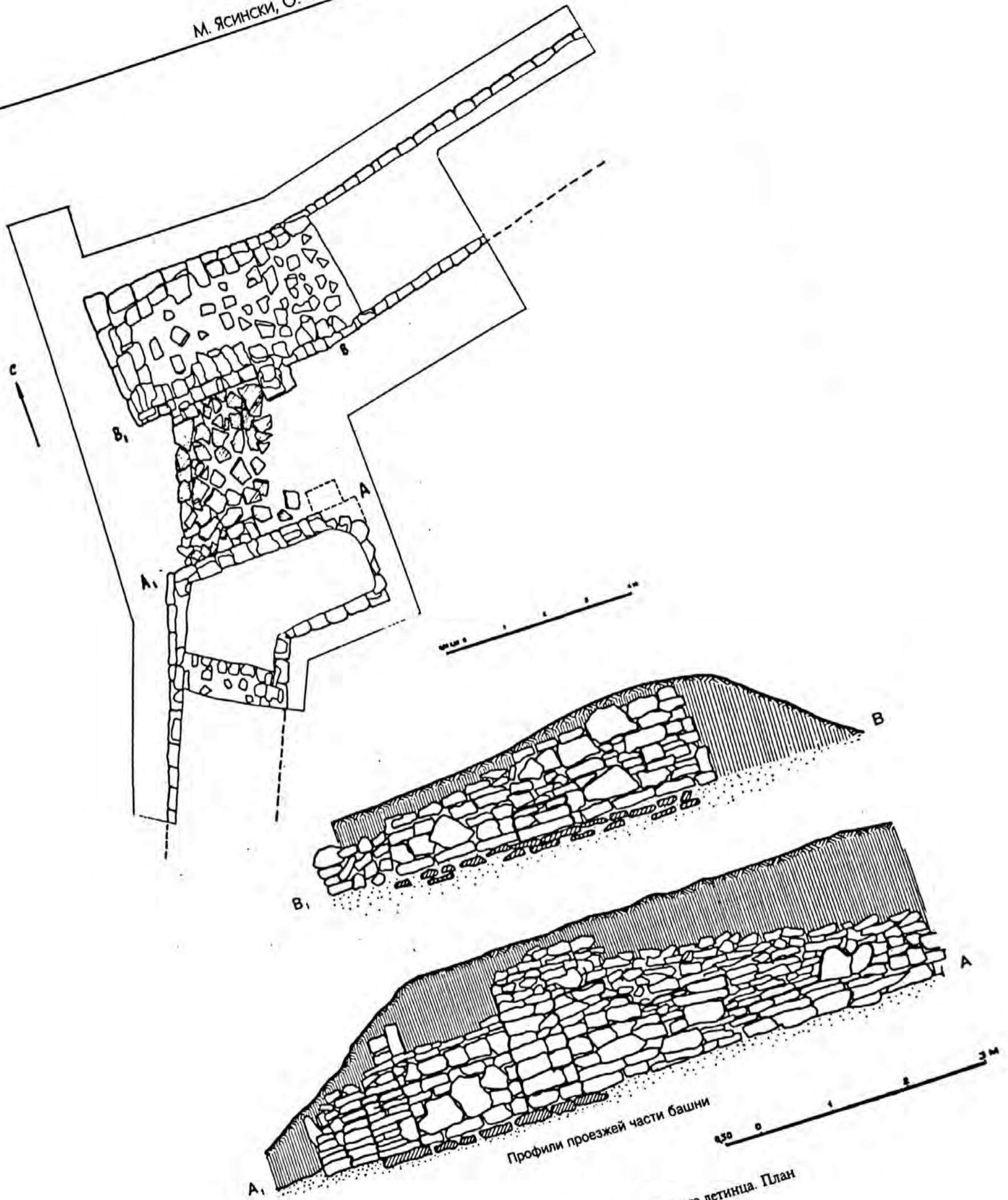

Рис. 63. Воротная башня Орлецкого детинца. План

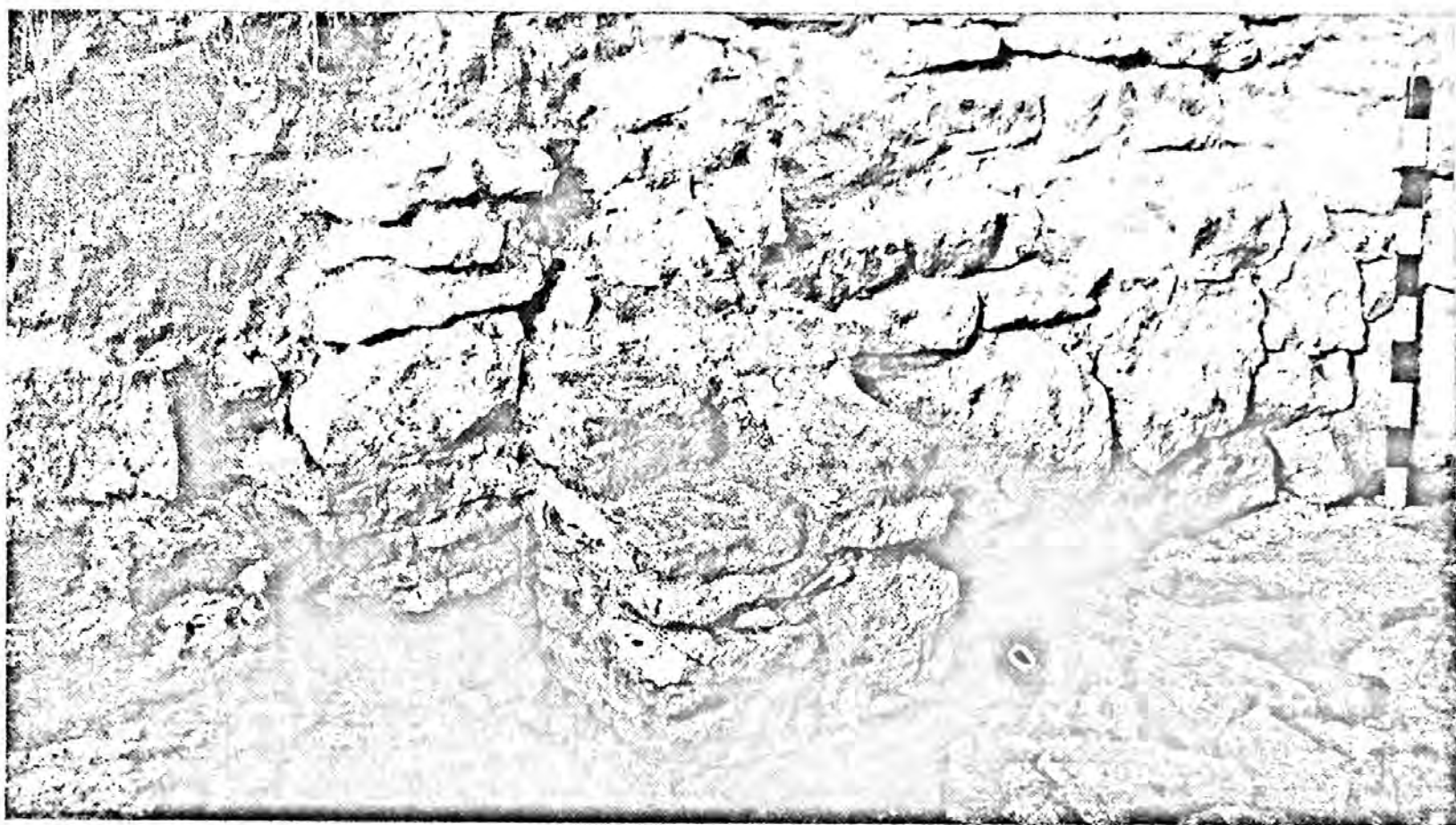

Рис. 64. Орleckий детинец. Проезжая часть башни

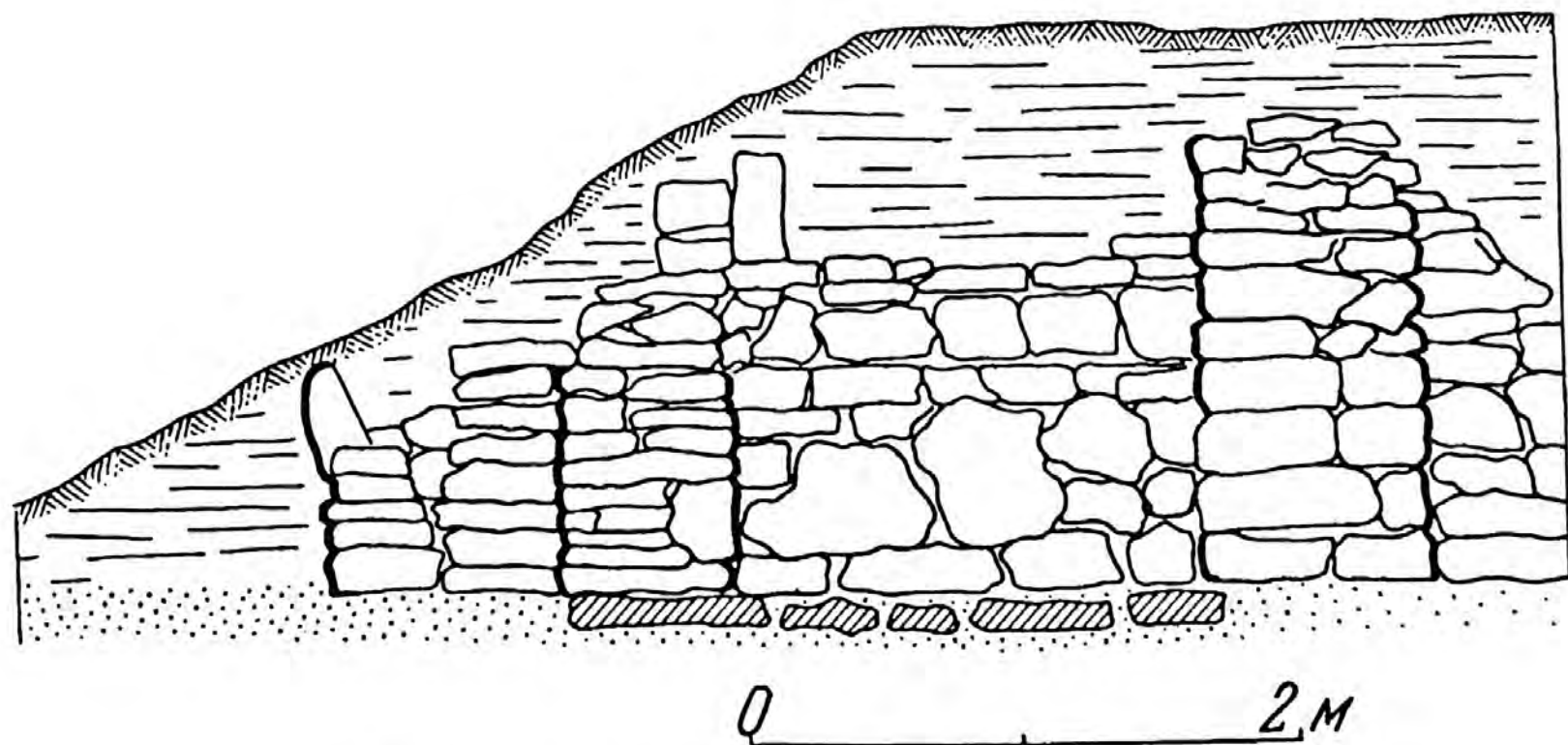

Рис. 65. Орleckий детинец. Профиль проезжей части башни (стена и пилоны)

Рис. 66. Орлецкий детинец. Деталь кладки проезжей части башни

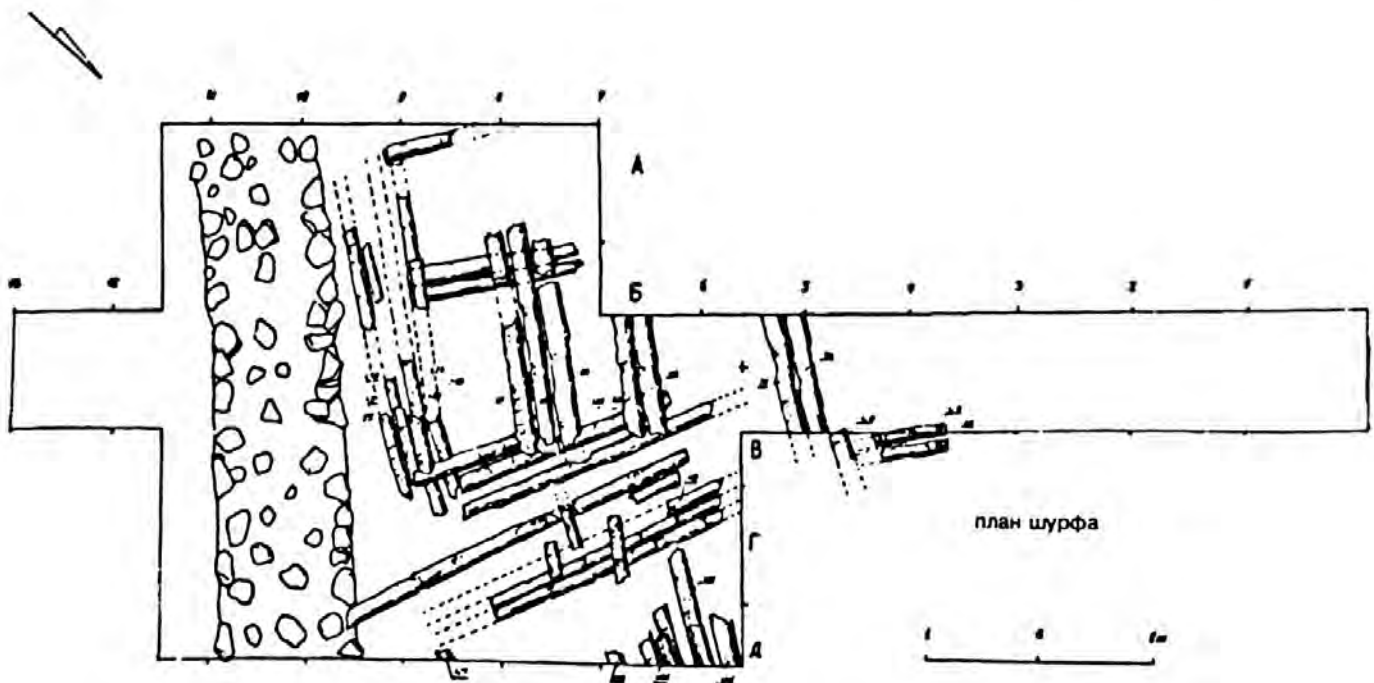
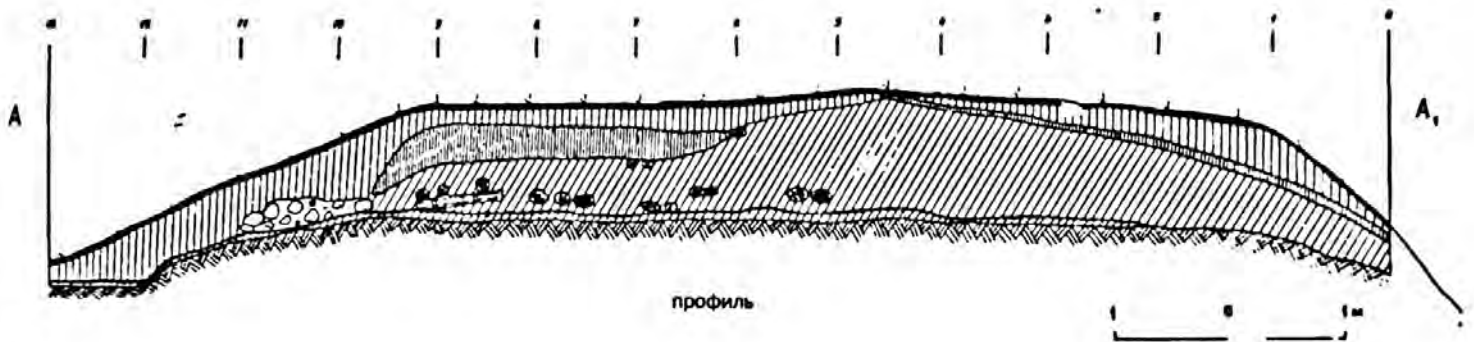

Рис. 67. Орлецкий посад. Северо-западный угол.

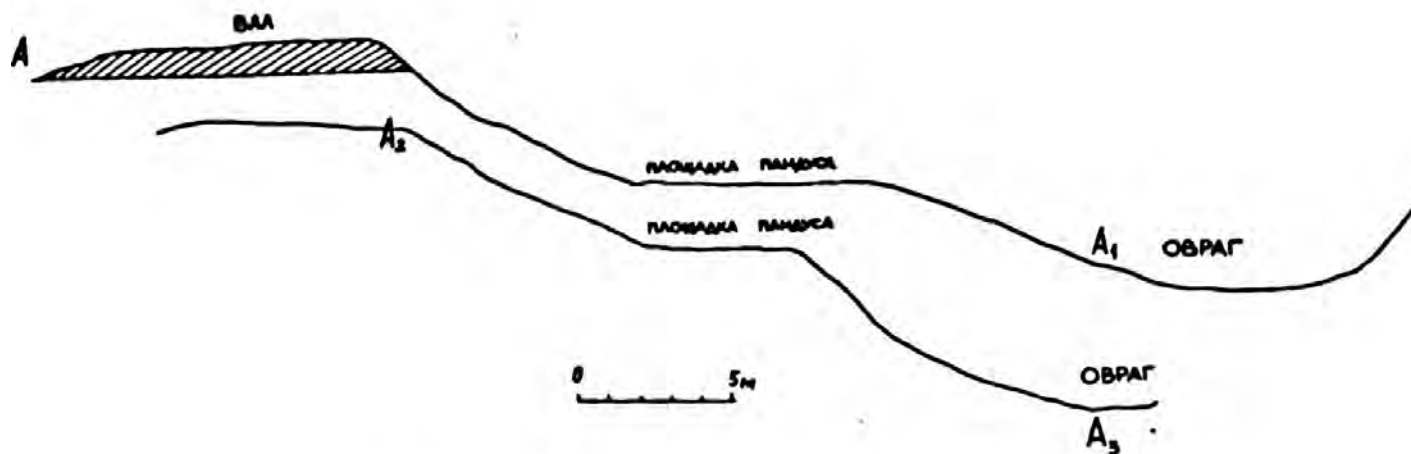

Рис. 68. Орлецький посад. Соотношение вала, пандуса и оврага

Конструкция каменных стен Орлецького детинца оказалась на всех исследованных участках единообразной — лицевые кладки стен сложены из разновеликих, но мощных необработанных блоков и рваных известняковых плит, уложенных на известковом растворе (раствор белого цвета с очень малой примесью песка). Внутренняя часть стен забутована более мелким плитняком, обычно пролита раствором (пустот между бутовым камнем почти нет). Ширина стен на всех участках практически одинакова — 2,8 м. Фундаментом стены являются первые один-два ряда плит, уложенных на тонкий золистый слой (1—2 см). На участке северной стены был сделан частичный разрез рва. Оказалось, что край рва начинался в 2,8 м от фасада стены; максимальное заглубление его от уровня подошвы стены на изученном участке составляет 1,1 м.

На стыке западного и северного прясел была открыта воротная башня. Техника кладки башни идентична кладке стен, отличается она лишь более тщательной подгонкой лицевых блоков. Башня состоит из двух мощных пилонов (северный — 2,8×5 м, южный — 2,4×5 м), имеющих на внутренних фасадах по паре лопаток (у южного пилона восточная лопатка сбита). Размеры лопаток неодинаковы (ширина 0,62 м, 0,70 м, 0,87 м), различно выступают они и за линию кладки пилонов (0,31 м, 0,50 м, 0,60 м). Лопатки сохранились на высоту 0,3—1,75 м, причем нижние плиты кладки лопаток не имеют перевязки с кладкой пилонов (кладка в перевязь начинается на 0,3—0,4 м от подошвы стены). Внутри башни — вымостка из небольших известняковых плит, уложенных на песчаный материк (плиты уложены насухо, в один-два ряда). При исследовании проезжей части башни такие детали, как гнезда для бруса-запора и для подпятника, на который навешивалось воротное полотнище, обнаружить не удалось. Внешний контур башни составляет 5×8,5 м; проезжая часть башни имеет размер 3,25×4,25 м. В плане башня слегка асимметрична.

Таким образом, работы, проведенные по изучению оборонительных сооружений детинца Орлецького городка, показали, что "город", заложенный в 1342 г. Лукой Варфоломеевым, имел каменные стены и башню, техника сооружения которых позволяет отнести Орлецькую крепость к кругу памятников новгородского оборонного зодчества XIV в.¹⁴³ (Это шестая после Ладоги, Новгорода, Пскова, Изборска и Копорья каменная крепость Северной Руси, упомянутая в летописях.) Несомненно, Орлецький детинец, воздвигну-

тый новгородцами в далеком Подвинье в конце первой половины XIV в., представляет значительный интерес для изучения оборонного зодчества Северной Руси. Орлецькое городище интересно тем, что в этом памятнике, наряду с архаическими чертами — "утопленность" башни в толще стены (т. е. воротная башня не выступает за линию стены, что значительно снижает ее роль при ведении фланкирующего огня), максимальное использование естественных преград (Орлецькое городище, по существу, — памятник мысового типа со сложной плановой структурой)¹⁴⁴, отчетливо проявляются и прогрессивные тенденции в русском каменном оборонном зодчестве. Прежде всего они сказались в прямолинейности каменных стен Орлецького кремля, в несомненном стремлении к регулярности общей планировки. В настоящее время сохранилась лишь северо-западная часть кремля, однако план, снятый А. Г. Тышинским в 1871 г., дает основания полагать, что и несохранившиеся прясла также были прямолинейными, а в плане Орлецький кремль был трапециевидной формы или скошенным четырехугольником.

Общая протяженность каменных стен детинца была весьма значительной — 650 м (сохранилось 305 м). При такой протяженности стен логично предположить наличие еще нескольких башен, по крайней мере — в юго-западной части кремля, выходящей на напольную сторону посада; с этих башен представлялся хороший обзор Северной Двины, являвшейся в то время основным водным путем как для торговых, так и для военных предприятий. По крайней мере, вероятность многобашенности Орлецького кремля не стоит сбрасывать со счетов. Не вызывает сомнения, что Орлецькую каменную крепость в далеком Заволочье воздвигали строители, хорошо знавшие фортификационное дело своего времени. Летопись так описывает осаду Орлеца: "...а подо Орлецем стояше месяц, бьюще пороки. Заволочане же с городка оубиша Левона Скоудичкого, наши же взяша Орлец и разыграбиша..."¹⁴⁵ Устюжский летописец несколько иначе рассказывает о финале осады: "И стояше под Орлецом 4 недели и поставиша пороки. И вышед двиняне из городка Орлеца, новгородским воеводам побиша челом, и приыша, и вину отдаша по владычию наказу"¹⁴⁶. Оба известия указывают на длительную осаду крепости, последовавшую после того как новгородцы не смогли взять крепость с ходу, "наездом". Любопытно, что осаждающие были вынуждены применить метательные орудия — "пороки". Среди миниатюр II (Остермановского) тома Никонов-

ской летописи имеется одна, связанная с событием под Орлецом, — “Осада Орлеца новгородцами”¹⁴⁷. Учитывая известную условность изображения “Орлецкого города” на этой миниатюре XVI в., можно все-таки отметить ряд реалистических деталей осады крепости¹⁴⁸ и расположения Орлецкого городка на мысу. Поражает большое сходство плана Орлецкого городища и ситуационного плана расположения “города” на миниатюре. Метательные машины новгородцев стоят с юго-западной стороны городка, которая является одной из напольных сторон и наиболее удобна для штурма.

В 1985 г. были исследованы дерево-земляные оборонительные сооружения окольного города — посада Орлеца. Северная часть окольного города уничтожена (сохранился небольшой участок у стыка западной и северной сторон). Изучение сохранившегося участка вала позволило выявить его конструктивные особенности¹⁴⁹. Основное “тело” вала насыпано из песка, хорошо фиксируется первоначальная высота вала от древней дневной поверхности — всего 1,05 м, ширина 10 м. Деревянные внутривальные конструкции обнаружены в южной половине вала и преимущественно в его нижней части (можно предполагать, что бревенчатая конструкция представляла собой накат бревен типа “клетка”, без врубок). Задача внутривальной конструкции состояла в том, чтобы сдерживать от оползания южную часть насыпи вала. Эту же задачу выполняла и каменная наброска из известняковых рваных плит, уложенных насухо вдоль края вала. Наброска имеет ширину до 1,2 м и выложена в два-три камня (следы раствора не прослежены, кладка нерегулярная). В основании насыпи вала и горизонта бревен внутривальной конструкции лежит тонкая горелая прослойка — древняя дневная поверхность (на уровне этой прослойки найдены две железные крицы лепешкообразной формы). Стратиграфические наблюдения дают основания полагать, что крепостная деревянная конструкция находилась в южной половине вала, т. е. с напольной стороны ее основание могло быть присыпано и тем самым защищено¹⁵⁰. Таким образом, первая линия обороны окольного города Орлеца на северной и северо-западной сторонах (с которой в первую очередь столкнулись новгородцы во время осады крепости), сооруженная по всему периметру крепости, была достаточно мощной. Кроме того, перед северным фасом окольного города обнаружены следы пандуса — проезда перед оборонительными сооружениями окольного города, по которому вынужден был проходить всякий, кто хотел войти в него.

Прорезка трех насыпных валов в юго-западной части окольного города показала, что они также могли иметь более или менее солидное завершение (в качестве первой линии обороны в этой части крепости как

минимум могли быть использованы невысокие тыновые ограды). В целом же можно говорить об эффективных укреплениях окольного города, которые являлись первой линией обороны всей крепости.

Однако несомненно, что поражение московских князей в конце XIV в. создало более благоприятные условия для дальнейшего захвата “ростовщин” новгородскими боярами. Изменилась и политическая ситуация в связи с реорганизацией института посадничества (стали назначаться, как правило, два новгородских посадника вместо выборного)¹⁵¹.

Вероятно, после орлецких событий новгородцы отняли земли у великого князя, у ростовских князей — Ивана Владимировича, Федора Андреевича, Ивана Александровича, Константина Владимировича, известных нам по трем спискам Двинских земель 1471 г.¹⁵² (создается впечатление, что новгородцы захватили тогда почти все ростовские земли по Двине, ее притокам, на Пинеге). Данные списка Двинских земель картографированы Л. А. Зарубиным¹⁵³, а земельные владения новгородских бояр в Важеско-Двинском бассейне — Ю. С. Васильевым¹⁵⁴.

Исследование культурного слоя. В 1985 г. на территории Орлецкого детинца, у северной каменной стены, под мощным слоем глины, происхождение которого можно определить как затек с южной, более возвышенной части площадки детинца, был обнаружен участок древнего культурного слоя со следами обгорелых бревенчатых конструкций. В 1986 г. эти работы, ввиду их важности для изучения древней микротопографии укрепленного поселения, были продолжены. Отметим, что проведение раскопочных работ большими площадями или сколько-нибудь значительная шурфовка памятника были затруднены: на детинце располагались жилые и хозяйственные постройки, а также приусадебные участки. Поэтому удалось провести лишь незначительную по площади шурфовку памятника.

Более тщательные работы проводились на территории детинца. Перед земляными работами здесь удалось осуществить обследование всей территории методом биолокации (эти работы проведены инженером Е. Г. Бондаренко), в результате чего на плане детинца выявилось более двух десятков “пятен”, содержащих, предположительно, участки древнего культурного слоя. Естественно, что границы этих участков были нанесены на план приблизительно.

Для проверки эффективности использования метода биолокации и для поиска древних культурных остатков было заложено три шурфа.

Шурф № 3. Шурф площадью 8,8 м² заложен в северо-восточной части детинца, обнаруженное ранее биопятно в этом месте полностью было перекрыто шурфом.

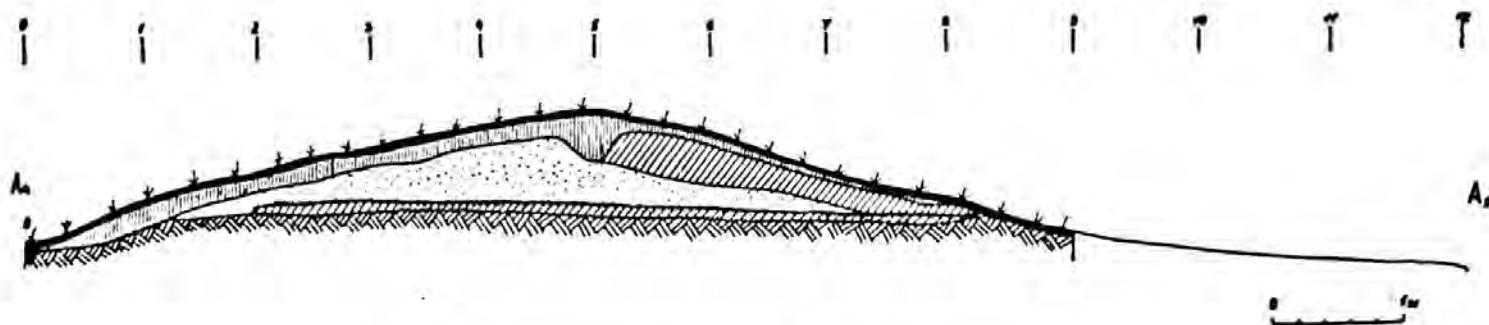

Рис. 69. Орлецкий посад. Прорезка вала на западном фасаде

Стратиграфия шурфа:

1. Дерн — до 5 см.
2. Пахотный слой — до 30 см.
3. Углистая прослойка — 2 см.
4. Подзол — до 10 см.
5. Материк — светлый песок.

По всей вероятности, углистая прослойка, прослеженная по всей площади шурфа, представляет собой остатки древнего культурного слоя, пострадавшего при распашке. В сохранившейся части углистого слоя обнаружен фрагмент обгорелого бревна диаметром около 18—20 см (взят образец для радиоуглерода). Из находок отметим небольшой аморфный кусочек оплавившегося стекла и фрагмент бронзового сосуда.

Шурф № 4. В юго-восточной части детинца методом биолокации было выявлено пятно площадью около 100 м², в северо-восточной части этого пятна заложен шурф площадью 7,8 м². Большую часть шурфа занимала обнаруженная яма овальной формы диаметром 2 м и глубиной 70 см.

Стратиграфия шурфа:

1. Серый слой — верхняя треть ямы заполнена пахотным слоем (т. е. яма была перекрыта в позднее время при распашке территории) — 25 см.
2. Прослойка темного гумуса с глинистыми линзами — 13 см.
3. Тонкая горелая прослойка с мелкими фрагментами известняковых плит — 10 см.
4. Интенсивно горелая прослойка с небольшими кусочками горелого дерева — 2 см.
5. Гумусная прослойка с большим количеством плитняка и несколькими булыжниками — 20 см.
6. Материк — светлый песок.

В северо-восточном углу шурфа установлено скопление плитняка, лежащего внаброс, в юго-западной части шурфа обнаружено несколько ямок диаметром 10—18 см и глубиной до 15 см, две такие же ямки зафиксированы в северо-восточной части центральной ямы. Находки, обнаруженные в пахотном слое и в заполнении ямы, не позволяют судить о ее функциональном назначении: это железный гвоздь с широкой шляпкой (для укрепления слоя штукатурки?), мелкие венчики гончарных сосудов, кусочки шлаков, мелкие фрагменты костей животных.

Шурф № 5. Шурф площадью 1,7 м² заложен в северо-западной части детинца (частично шурф занял площадь большого биопятна).

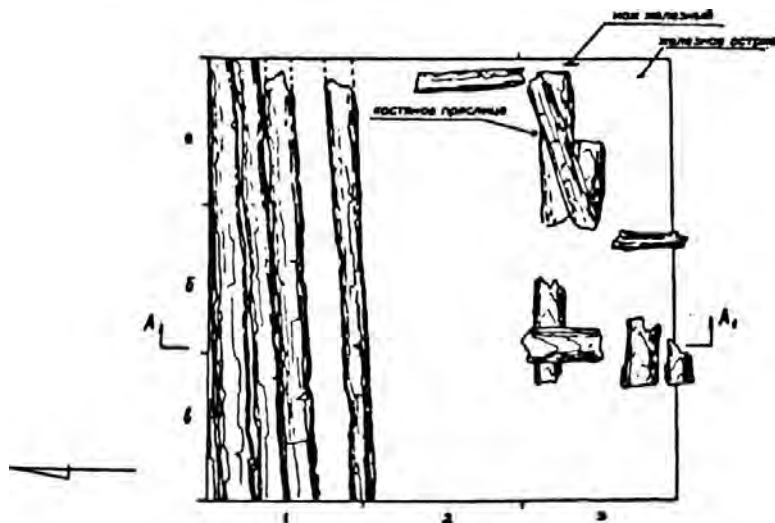

Рис. 70. Орлецкий детинец. Шурф № 1

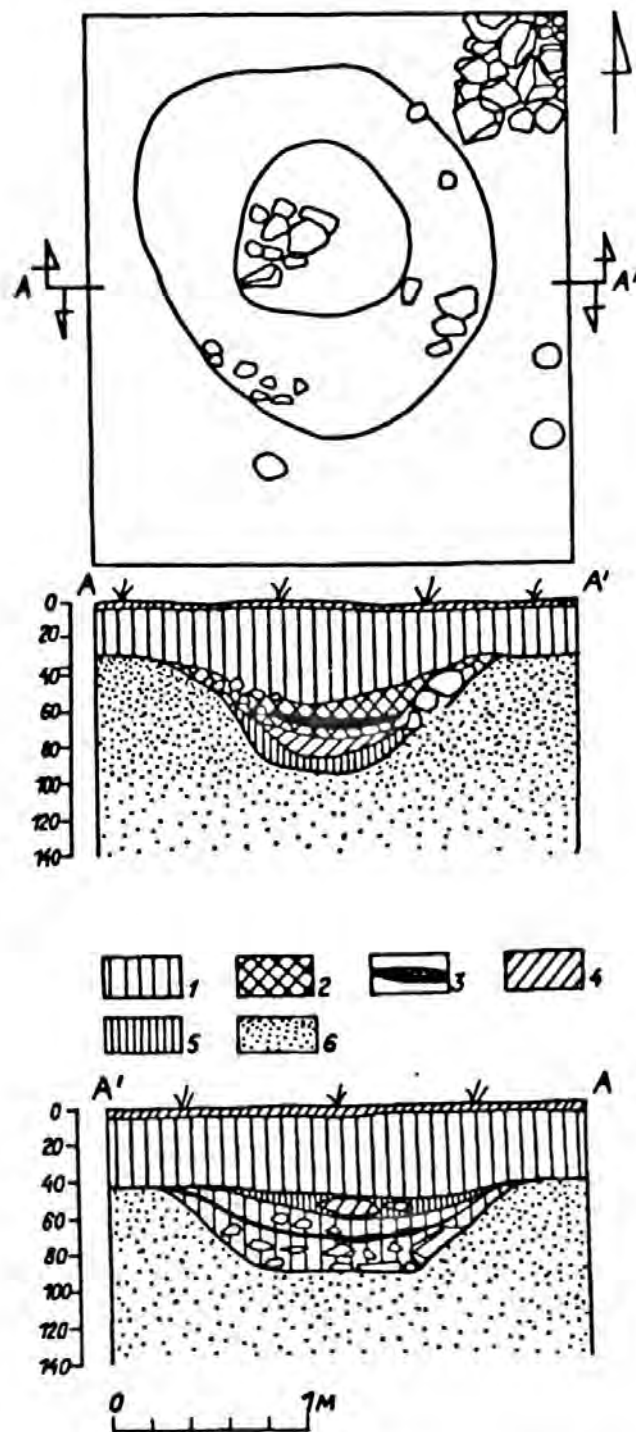

Рис. 71. Орлецкий детинец. Шурф № 4

Стратиграфия шурфа (северной стенки):

1. Дерн — 6 см.
2. Пахотный слой — 26 см.
3. Глинистый слой — 22 см.
4. Темный гумус с включением углей и горелого дерева — 40 см.
5. Углистая прослойка — 1,5 см.
6. Подзол — 15 см.
7. Материк — песок.

Стратиграфия шурфа (восточной стенки):

1. Дерн — 6 см.
2. Пахотный слой — 30 см.
3. Глинистый слой (натекшая глина) — 30 см.
4. Гумусный слой, максимальная его мощность у северо-восточного угла шурфа (по существу, это древний культурный слой с вкраплением мелких фрагментов керамики, костей, углей) — 40 см.
5. Тонкая сплошная прослойка угля — 1,5 см.
6. Подзол — 17 см.
7. Материк — песок.

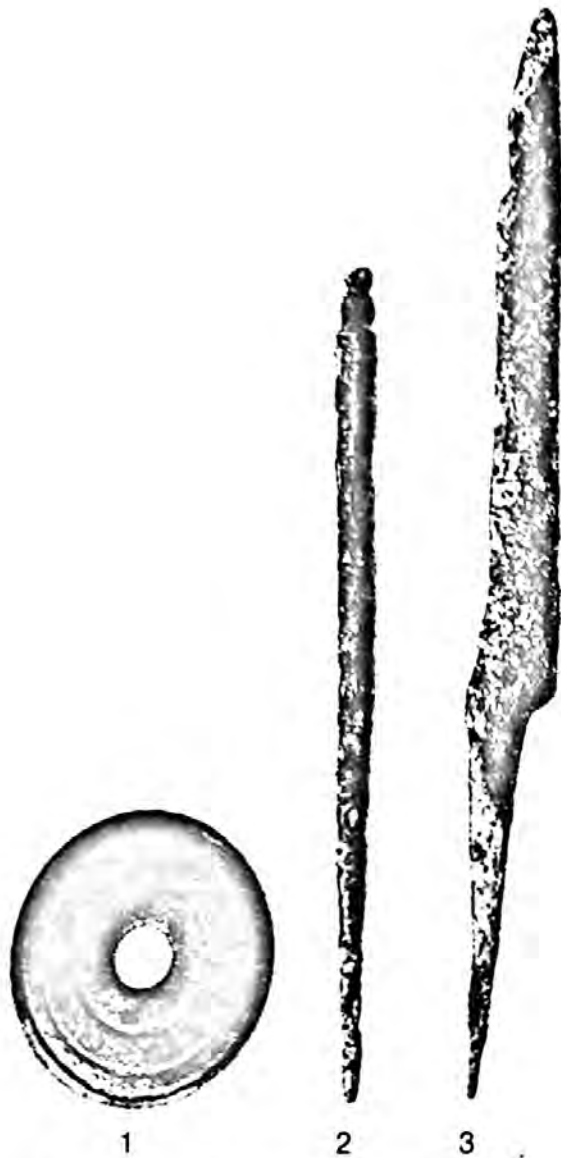

Рис. 72. Орлецкий детинец. Шурф № 1.
1 — костяное пряслице; 2 — стиль (?), 3 — нож

Индивидуальных находок в шурфе практически не обнаружено.

В юго-западной части детинца биолокационным методом было обнаружено большое пятно с древним культурным слоем (площадь пятна около 40 м²), в границах биопятна были заложены шурфы № 6 и 7.

Стратиграфия шурфа № 6.

1. Дерн — 3 см.
2. Пахотный слой — 23 см.
3. Глинистый слой — 10 см.
4. Тонкая углистая прослойка — 2 см.
5. Подзол — 15 см.
6. Материковый песок — 50 см.
7. Материковый глинистый песок.

Находок в этом шурфе не обнаружено.

Стратиграфия шурфа № 7.

1. Дерн — 3 см.
2. Пахотный слой — 30 см.
3. Глинистая прослойка — 10 см.
4. Углистая прослойка — 3 см.
5. Материковый песок — 43 см.
6. Материковый глинистый песок.

В шурфах № 1, 2, 6, 7 не найдено ни вещественных остатков, ни костей животных, вероятно, потому что эти шурфы оказались на периферии территории детинца.

Таким образом, система небольших шурфов на территории детинца позволяет сделать ряд важных планиграфических наблюдений.

1. Стратиграфические наблюдения в шурфах дают основания говорить о том, что глинистая прослойка, наблюдаемая в шурфах № 1—5 и перекрывающая древний культурный слой, присутствует преимущественно в северной, более низкой части детинца, причем важно отметить и то, что толщина глинистой прослойки увеличивается по направлению к северной стене детинца. Это, на наш взгляд, может свидетельствовать о появлении глины в северной части детинца в результате смыва ее с более возвышенной южной части, причем процесс этот происходил сразу же после того, как крепость была разорена и заброшена. Значит, в древности уровень поверхности южной части каменного Орлеца был еще выше северной, а постепенная частичная нивелировка обеих частей происходила по мере распашки территории памятника (неодинаковый уровень обеих частей детинца отчетливо заметен и сейчас). Наше предположение подтверждается и тем, что позднее, в XVII в. (до появления на территории бывшей крепости деревни), на Орлецком “носу” стояла деревянная церковь Николая Чудотворца. Следов церкви обнаружить не удалось, но методом биолокации было зафиксировано несколько линий западин, которые можно интерпретировать как могильные ямы. Вероятность этого исключать нельзя, т. к. в 1971 г. нам удалось зафиксировать именно на “носу” фрагмент большой известняковой плиты, под которой находилось несколько фрагментов человеческих костей. После ликвидации церкви (вполне возможно, что она упала в обрыв в процессе разрушения берега) были уничтожены и следы кладбища.

2. Микротопография Орлецкого “носа” позволяет сделать и другое предположение, о котором мы уже писали: вполне возможно, что боярин Лука Варфоломеев поставил только “город камен” на самой оконечности мыса, а вся система обороны посада была возведена позднее, вероятнее всего — в самом конце XIV в., непосредственно перед финальными событиями “двинской войны”. Это представляется логичным, т. к. именно в это время Орлецкий городок становится центром

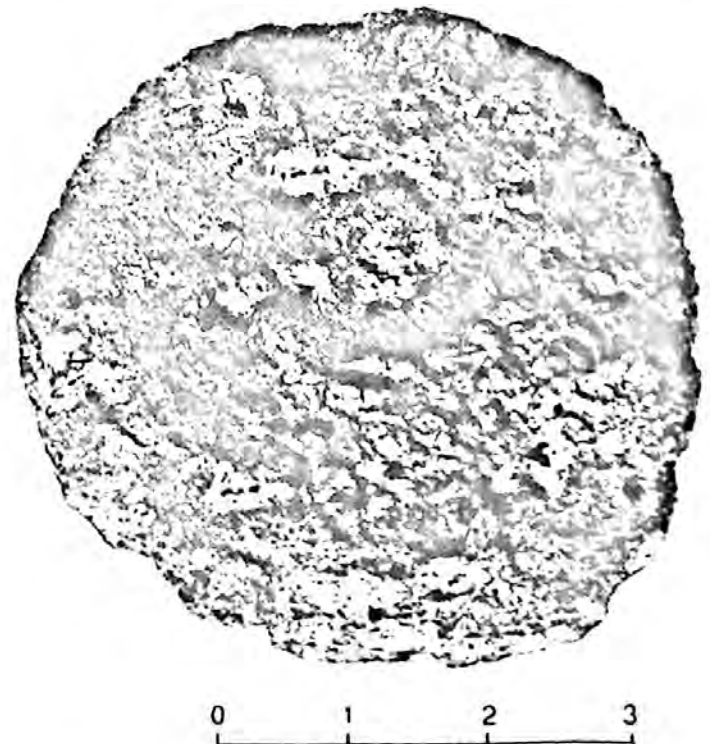

Рис. 73. Орлецкий городок. Железная крица (раскоп на северо-западном углу окольного города)

Двинской земли и в нем скапливается значительное число не только воинов, но и торговых людей.

Документы XVII в. дают возможность восстановить некоторые древние топонимы в окрестностях Орлеца. По Писцовым книгам Двинского уезда 1622—1624 гг., Соловецкий монастырь имел право “на Двине на Орлеце камень белой ломать, и известь жечь для их монастырского каменного строения, и владеть им тем пустым местом на Орлеце с нижнего конца, межа от Черного омуту да по Двине вверх по старым межам, а в суземье в гору сколько им надобно”¹⁵⁵. Речь, таким образом, шла о монастырском владении от Черного омуту (в верхнем основании Орлецкого мыса) и вверх по течению Двины. Черный омут — наиболее опасный в этом месте Двины участок реки, где Двина “упирается” в каменную стенку Орлецкого мыса (наволока) и, резко ускоряя течение, огибает скалистый Орлецкий “нос”. Однако монастырь просил царя отдать ему и сам Орлецкий наволок, мотивируя просьбу тем, что “ис того известного монастырского промысла известной камень ломали и известь жгли к Архангельскому городу на городовое и гостиных дворов строение, а ныне-де то каменное строение повершилось, а у них в Соловецком монастыре в осадное время церкви Божии и кельи и по городу зубцы от гранат и от пушечных ядер попортились, а построить нечем, камни белого и извести, oprичь того места, которое на Орлеце, взять негде...”¹⁵⁶ Однако старцы соловецкие явно лукавили, поскольку завладеть хотели не новыми выходами известняка, а пожнями и пахотными землями, т. е. двумя деревнями, которые стояли на Орлецком наволоке. О деревне, принадлежавшей церкви Николая Чудотворца (Нижняя деревня): “...тот Орлецкой наволок, пашенная земля и сенные покосы, исстари владенье дедов и отцов их и их, Сидки, с товарищи, да поженка Ровдина и пашенная земля церкви Николая Чюдотворца,

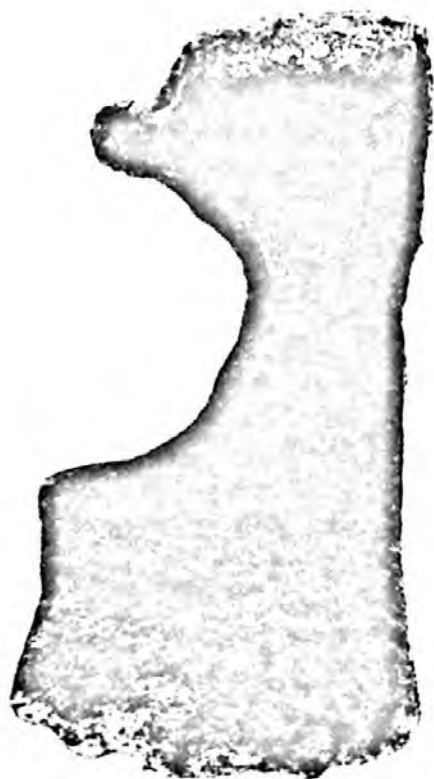

Рис. 74. Орлецкий городок. Фрагмент железного топора (подъемный материал)

Рис. 75. Орлецкий городок. Сланцевый нательный крестик (подъемный материал)

владеть прикащики исстари, а самого Орлецкого наволока, кроме того, инде нигде нет...”¹⁵⁷

За валом и рвом Орлецкого окольного города (“посада”) находилась территория Верхних Орлецов, где стояли церковь Рождества Христова и церковная деревня Городишная, которую крестьяне Ступинской волости в 1686 г. “и все прихоженя продали” своим же крестьянам Кириллу Федорову сыну Вершинину и Игнатию Галашеву¹⁵⁸.

Во время археологических работ на Орлецком городище при осмотре были выявлены надгробные известняковые плиты на территории Верхних Орлецов, а на территории Нижних Орлецов, на “носу”, — остатки разрушенного захоронения и фрагменты каменной известняковой надгробной плиты. Оба церковных кладбища на Орлецах были, вероятно, разрушены во время позднейших сельскохозяйственных работ.

Колмогорский городок. Самый нижний по течению Северной Двины городок — Колмогорский — сохранился очень плохо, т. к. в XVI—XVII вв. эта территория вошла в зону поселения, здесь находилась сперва деревянная Спасо-Преображенская церковь, а в конце XVII в. был воздвигнут большой комплекс каменных построек двора архиепископа Холмогорского и Важеского. В письменных документах XVI—XVII вв. постоянно встречается выражение “Спас на городке”¹⁵⁹. В настоящее время от места “город” сохранилось возвышение в южной части села Холмогоры, центральная площадка которого имеет размеры 70×200 м. Эта часть возвышенного края второй террасы с южной стороны омывается озером Святым (Архиерейским), с севера, как это видно на планах Холмогор XVIII в., тоже было озеро (возможно, в древности этот мыс террасы с двух-трех сторон омывался водой). Высота центральной площадки холма над уровнем р. Курополки около 10 м. Таким образом, есть основания считать, что Холмогорское городище XV в. принадлежало к мысовому типу. О сохранности культурного слоя на городишной площадке судить трудно, даже разведочных работ здесь не велось.

Кеврольское (Ваймушское) городище. Городище находится на правом берегу р. Пинеги, напротив современного с. Кеврола. Городище под именем Ваймушское известно с конца XIX в. Любопытно, что еще А. А. Спицын писал о сохранившемся стосаженном вале (размеры площадки городища около 100×50 м). В 1970 и 1981 гг. памятник был осмотрен, на нем проведены разведочные работы¹⁶⁰. Площадка Ваймушского городища сохранилась частично (100×70 м), р. Пинега буквально срезала “нос” мыса. Обнаруженные в разведочных шурфах 1980—1981 гг. остатки оборонительных сооружений представляли собой рубленую линию бревенчатых конструкций, скорее всего тарас (удалось определить лишь ширину этой конструкции — 1,7—2 м, поперечные врубки не прослеживались). Только на отдельных участках обнаружены два-три венца указанной конструкции на расстоянии до 4,5 м (общая трасса — 12 м). Рубленые тарасы “Кеврольского городка” стояли на материке и, по всей вероятности, с напольной стороны были прикрыты насыпью вала, который сейчас уже не виден.

Культурный слой представлен золистой прослойкой толщиной до 30 см, содержащей небольшие кусочки обожженной глины. Из вещей можно отметить железный наконечник стрелы. В конце XIX в. здесь находили человеческие кости и серебряные монеты¹⁶¹.

В Отказной Новгородской грамоте на Двинскую землю (август 1471 г.) перечислены земли — объекты отказа: “Что тые земли на Пинегу, Кегролу, и Чаколу, и Пермьския, и Мезень, и Пильи горы, и Не-

мьюгу, и Пинежку, и Выю, и Суру поганую поимали за себе наши братья Ноугородци и вас к целованию привели на Ноугородское имя: ино те земли осподы нашей Великих Князей, Великого князя Ивана Васильевича всея Руси, и сына его Великого князя Ивана Ивановича всея Руси; а то крестное целование Новугороду с вас долов”¹⁶². В третьем списке Двинских земель (1471 г.) содержатся сведения о захваченных новгородцами в конце XIV — начале XV в. пинежских городках: “И на Кегроле да на Чаколе седел от Великого князя волостель Кузьма Коробьин лет с семь. А на Мезени, да на Пермьских, да на Немьюзе, да на Пилиих горах седел Ярец; и Немьюгу да Пильи горы, еще при Великом Князе при Василии, новгородци отняли, а Ярца сослали. А после того на Кегроле, и на Чаколе, и на Пермьских, и на Мезени седел Федор Борисович Брюхо, а после того седел на том же на всем Юрий Захарич, а после Юрия Иван Гаврилов на том же седел на всем; и новгородци, пришед на сем лет, городок Кегрольской сожгли, а с Чаколского городка окуп взяв, да Иванова тиуна Гаврилова били, и людей его бив да и переграбили, а те волости все поотомали за себя”.

Позднее, в XVI в., центром этого района Пинеги стала “новая” Кеврола — на противоположном берегу р. Пинеги (теперь — д. Немьюга). В обресе берега в этом месте имеют интенсивно черный цвет, толщина слоя 40—60 см, часто встречаются фрагменты керамики XVI—XVII вв. Сохранились опорные венцы деревянного храма XVI в.

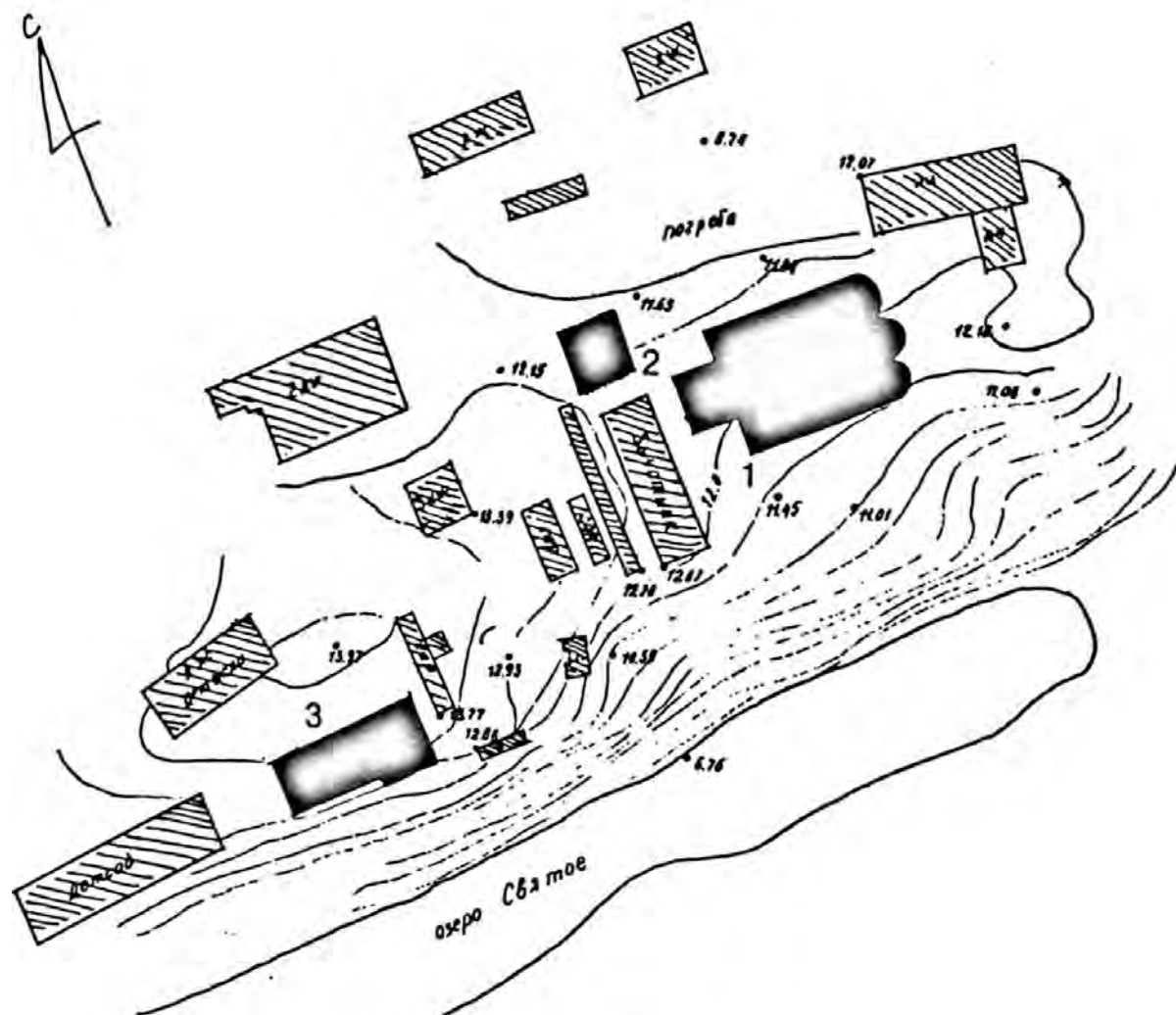
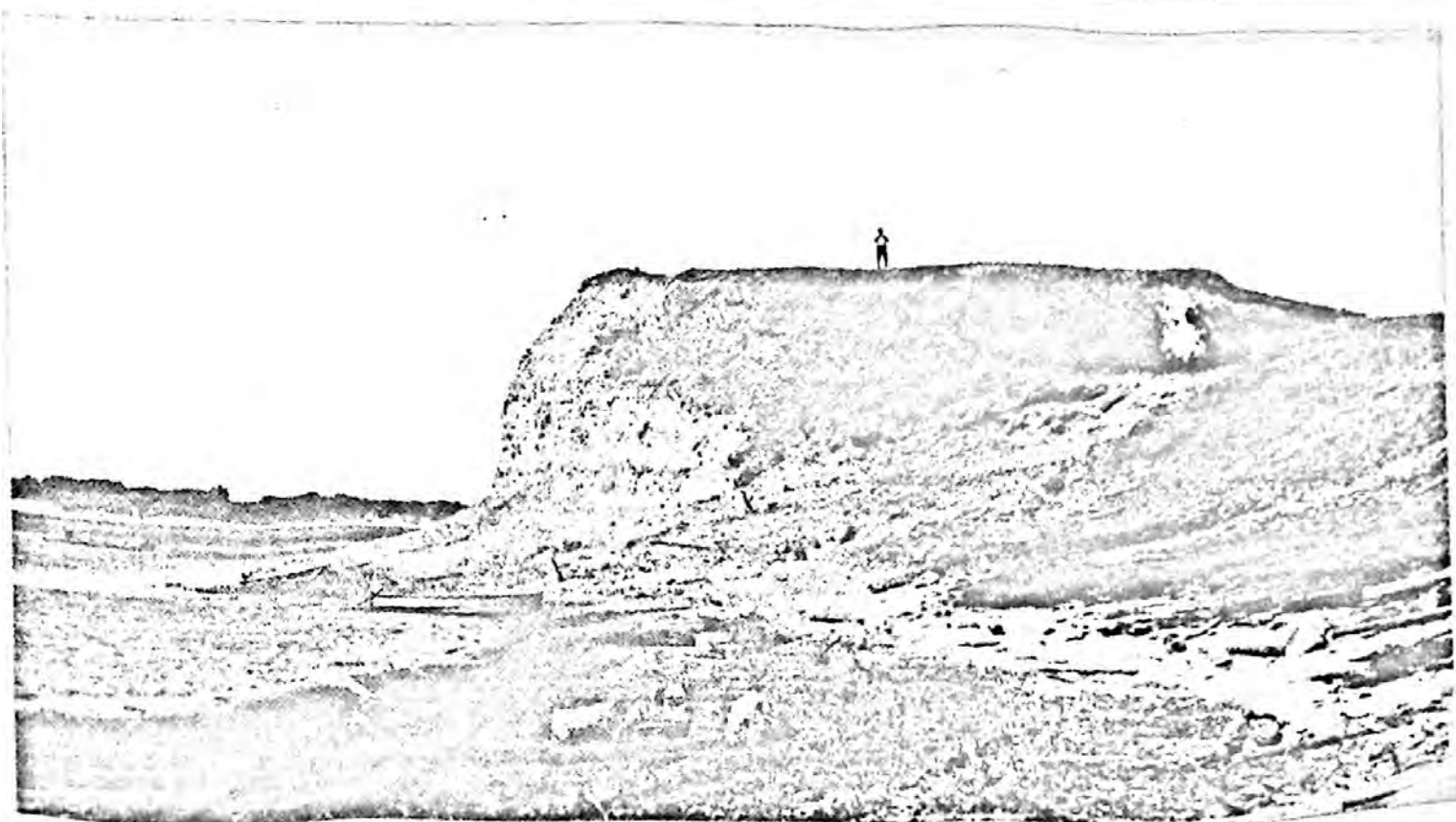

Рис. 76. Колмогорский городок. XIV—XV вв. План.

1 — Спасо-Преображенский собор; 2 — колокольня; 3 — Архирейские палаты (фрагмент)

1

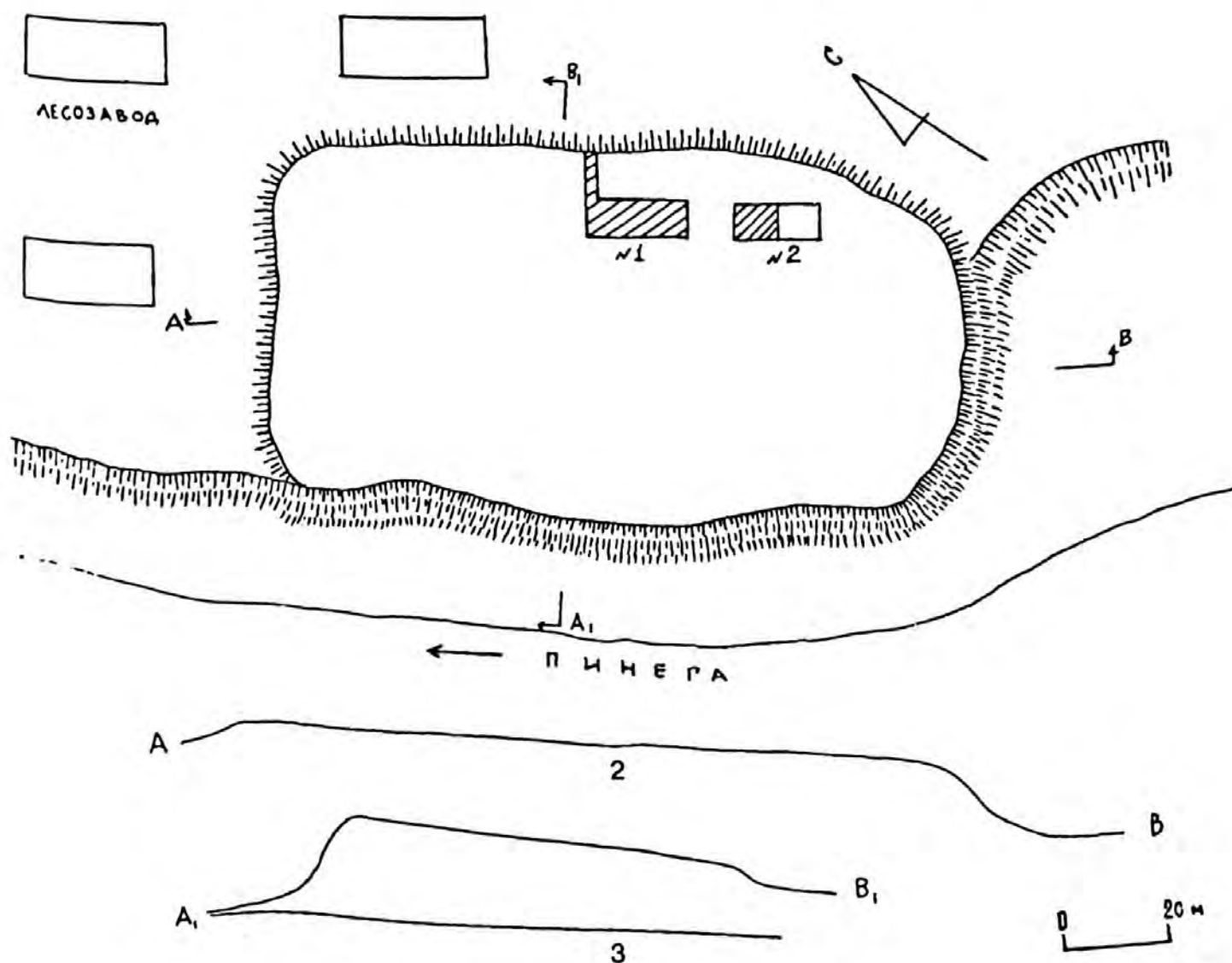

Рис. 77. Кеврольское (Ваймушское) городище.

1 — вид на р. Пинегу и городище с юга; 2 — план городища; 3 — профиль городища

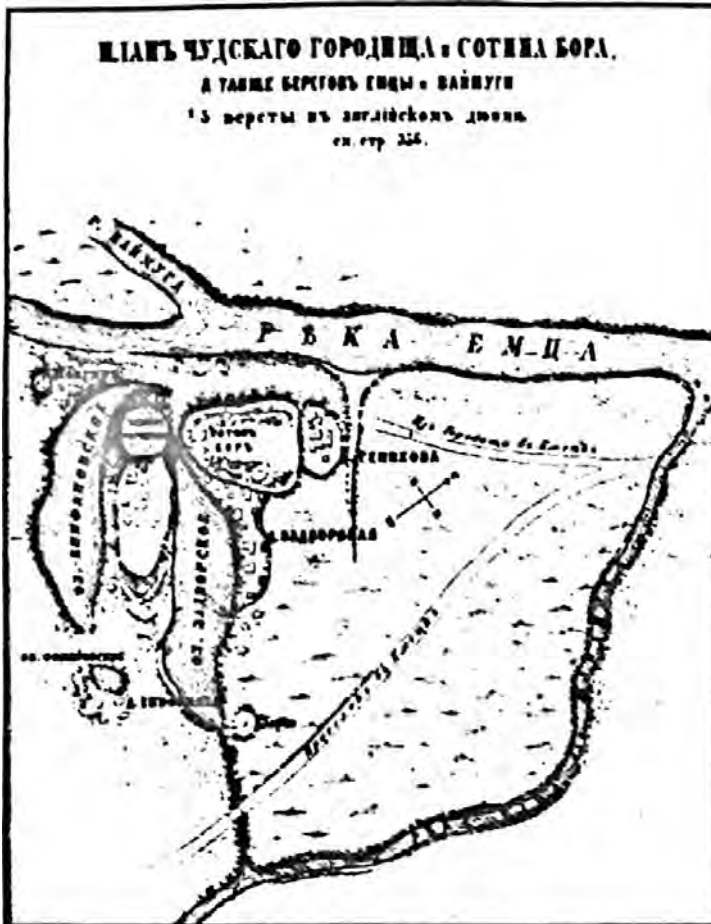

Рис. 78. Емецкое городище. Ситуационный план (по: Тышинский А. Г., 1871)

Емецкий городок. В письменных источниках Емецкий городок упоминается под 1471 г. — в списке Двинских земель¹⁶³. Н. П. Барсов и А. И. Насонов, помещая Емецкий городок в устье р. Емцы, были склонны идентифицировать этот географический пункт с погостом Устава князя Святослава 1137 г.¹⁶⁴ В списке XVI в. "русских городов ближних и дальних" упомянут город "в Емце"¹⁶⁵.

Емецкое городище находится (к настоящему времени памятник погиб — его использовали для насыпки полотна шоссе) в 2,5 км выше устья р. Емцы, впадающей в Северную Двину (в 1,5 км к югу от с. Емецк). Городище занимает северо-западную оконечность высокой и узкой гряды, вытянутой между двумя озерами — Епифановским и Задворским. С трех сторон мыс омывался водой, с четвертой, напольной был отделен от гряды рвом и валом (площадка городища имела размер 250×30 м)¹⁶⁶. В 1871 г. городище осмотрел служащий Архангельского губернского статистического комитета А. Г. Тышинский, который считал его "чудским" (составил план городища и окрестностей)¹⁶⁷. Первые археологические раскопки провел на памятнике в 1896 г. учитель Ненокского приходского училища К. П. Рева, открывший остатки углубленных в землю срубных жилищ со следами очагов и полов, а в валу — слой угля, под которым находилась "перекаленная" земля¹⁶⁸. Большой интерес представляет дневник К. П. Рева о проведенных в мае 1896 г. раскопках на Емецком городище¹⁶⁹. В 1959 и 1961 гг. нами проводились разведочные работы на городище¹⁷⁰, а в 1974 г. — охранные раскопки¹⁷¹.

Значительный интерес представляют исследования оборонительных конструкций городка. При раскопках вала были обнаружены два строительных горизонта де-

ревянных конструкций (термин "строительный горизонт" в данном случае употреблен нами исключительно как стратиграфический термин).

1. Верхний горизонт. Деревянные конструкции верхнего горизонта открылись на глубине 0,5 м от дневной поверхности вала и представляли собой плотно спрессованное скопление истлевших бревен, лежавших вдоль вала. Это были остатки бревенчатой стены, лицевой фасад которой был рублен в два бревна (стена сохранилась на четыре венца, но значительно сместилась в связи с оползанием вала внутрь городища).

2. Нижний горизонт. Нижний строительный горизонт представляет собой остатки срубов-городен, стоявших вдоль продольной оси вала. Городки были срублены из толстых деревьев хвойной породы, с которых не снимали кору (диаметр бревен 0,15—0,35 м). Длина городен по фасаду до 2,5 м, короткая сторона до 1,7—2 м, сохранившаяся высота до 0,75 м (5 венцов). Бревна срубов сильно обгорели во время пожара, поэтому сохранились довольно хорошо¹⁷². Внутри городен прослеживались горелый слой, скопления закопченных булыжников от развала печей. Есть все основания считать, что два строительных горизонта — это две части (верхняя и нижняя) единовременно построенного оборонительного сооружения.

Можно реконструировать последовательность всей оборонительной конструкции. Первоначально был срублен ряд городен (срубы ставились плотно друг к другу), затем с приступной стороны (со стороны рва) насыпали вал из песка и почти полуметровым слоем песка прикрыли бревенчатый потолок городен. Затем поверхность вала была покрыта слоем глины. На эту глинистую прослойку были поставлены бревенчатые конструкции крепостной стены. Во время штурма и пожара крепости рухнули перекрытия городен и крепостная стена завалилась внутрь. Пожар был так силен, что докрасна прокалилась глиняная прослойка на валу, и на ней остались следы от деревянных конструкций. Привальные бревенчатые конструкции — городни использовались в качестве складских, а некоторые, возможно, и в качестве жилых помещений. Во время исследования оборонительных сооружений были найдены железные наконечники стрел.

Толщина культурного слоя на городишной площадке неравномерна, колеблется от 0,1 до 0,7 м, наибольшая мощность прослежена в восточной части площадки — ближе к валу. Слой сильно распахан, что отмечал еще К. П. Рева. Интерес представляют обнаруженные остатки углубленного на 0,8 м в материк сооружения четырехугольной формы (вскрыта лишь часть сооружения). Внутри ямы был опущен бревенчатый сруб, бревна которого лежали на плохо сохранившихся песчаных уступах, вырытых одновременно с ямой. Сруб сохранился на три венца, нижнее бревно строители укрепили небольшим деревянным колышком, вбитым в песок (во время пожара и разрушения уступы обвалились). Полностью вскрытая бревенчатая стена имеет длину около 5 м. В заполнении ямы обнаружено много кусков глиняной обмазки с отпечатками структуры дерева, обгорелое дерево, угли, скопление камней, заготовка жернова. Тип емецкого углубленного в материк сооружения наиболее близок к некоторым полуземлянкам XII—XIV вв., открытым В. В. Седовым на Перыни¹⁷³. Можно предположить, что углубленные сооружения являются лишь частью — подпольем — большого наземного жилища.

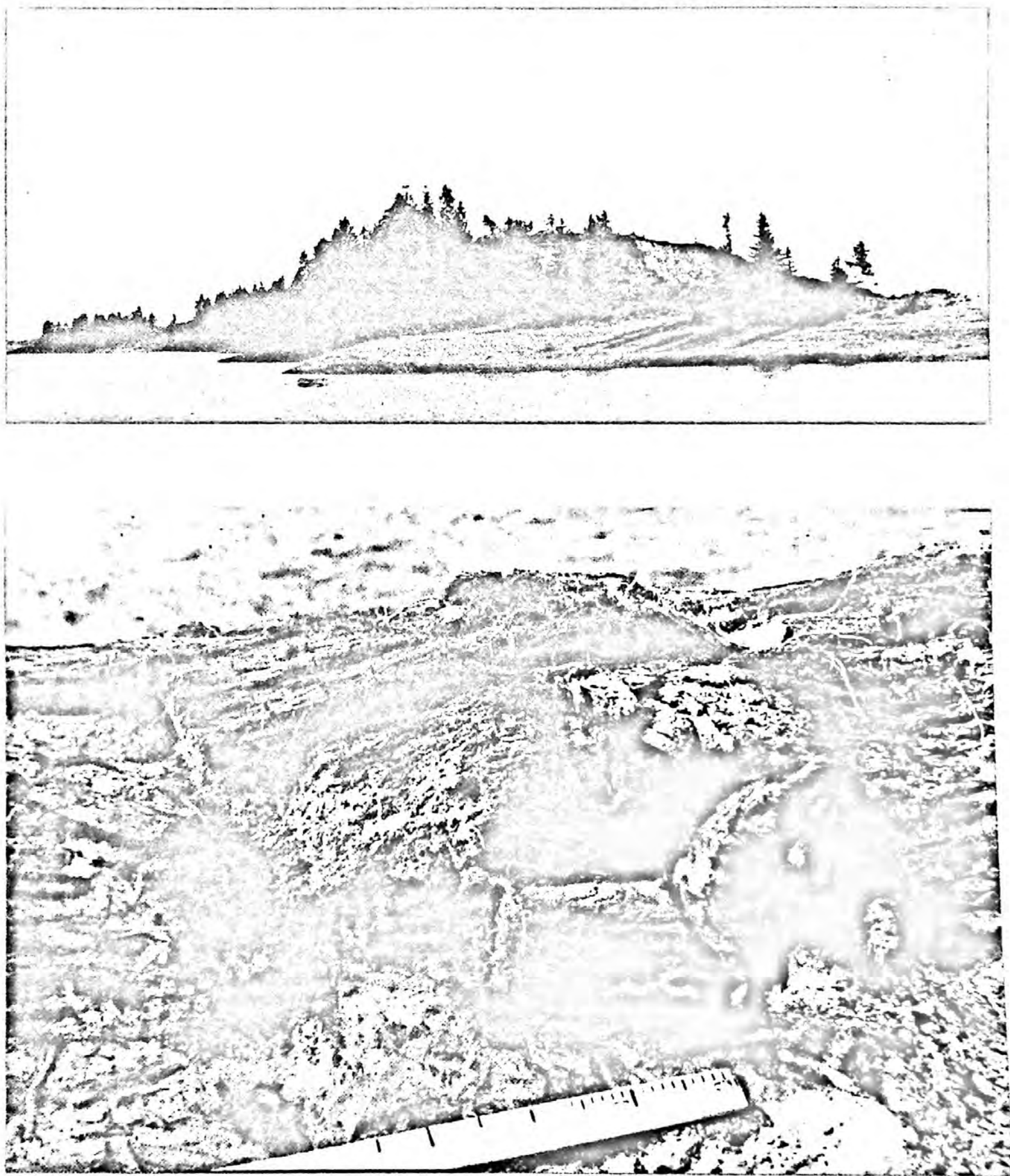
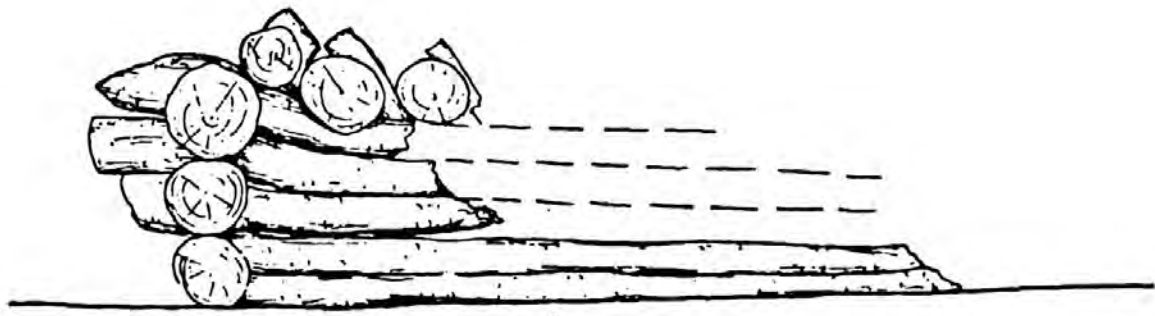

Рис. 79. Емецкое городище.

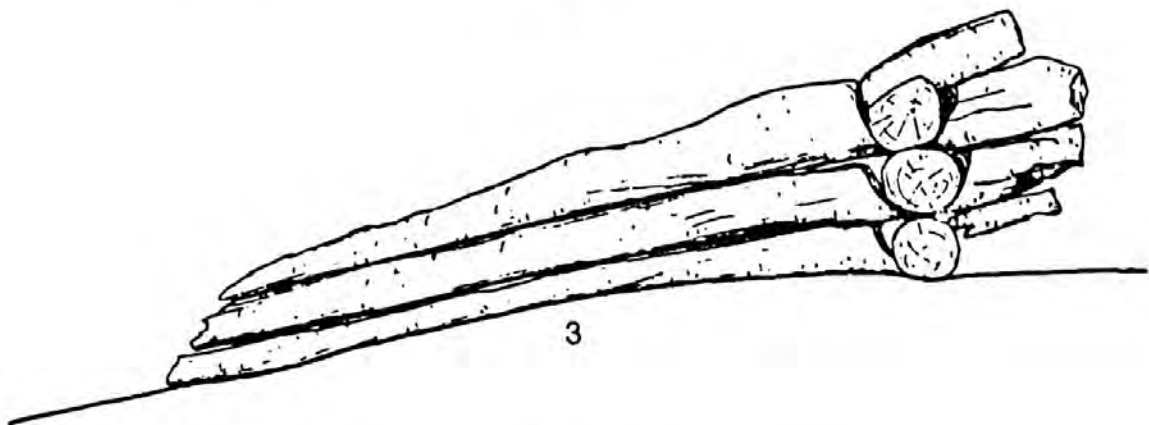
Вверху — вид на городище с севера; *внизу* — остатки деревянных оборонительных сооружений (верхний горизонт конструкций — крепостная стена)

1

2

3

Рис. 80. Деревянные оборонительные сооружения.

1 — угол бревенчатой клетки (нижний горизонт конструкций); 2 — фасад бревенчатой клетки; 3 — боковой фасад клетки

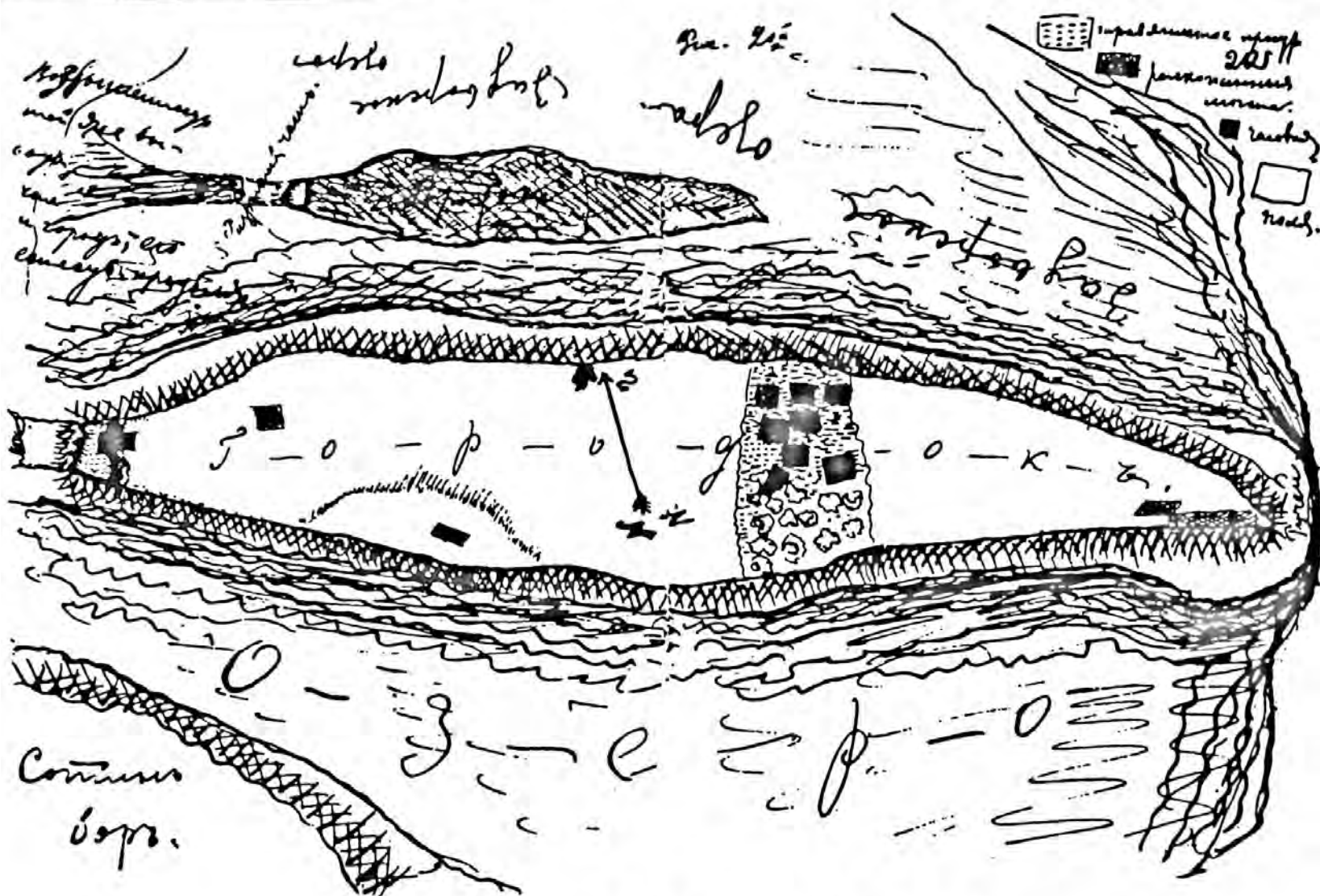

Рис. 81. Емецкое городище. План, выполненный К. П. Рева. 1896 г.

Оказалось, что обнаруженное нами сооружение — не единственное на Емецком городище: еще шесть таких же сооружений исследовал в средней части памятника К. П. Рев. Средняя часть городища, по его сведениям, представляла собой “полосу неспаханной земли”, и здесь отчетливо читались “невысокие бугорки и неглубокие, заросшие травой ямы, разбросанные по ней (полосе)”. Сначала были раскопаны три ямы вдоль обрыва, три другие в центре непаханой полосы. Вот описание ямы № 6: длина 2 саж., ширина 1,5 саж. (4,2×3,1 м), на глубине около 1 м в средней части открылась площадка обожженной глины (пятно 1×0,7 м). Ниже ее — следы обугленного деревянного помоста, “так что глинобитный очаг или печь возвышался над полом на 0,5 аршина” (печь могла стоять с западной стороны). К. П. Рев пишет: то, что “здесь была врытая на 1,5 арш. в землю избушка, доказывают остатки обугленных бревен, составляющих основание сруба, большое пространство от одной стены до другой было почти 2 саж., в ширину изба была немного меньше, в пределах избы найдены необычайно толстые куски глиняной посуды или части, может быть, обожженной обмазки стен...” Все ямы, по данным К. П. Рева, были однотипными. Особый интерес представляет то, что рядом с каждой из таких ям находились бугры до 0,5 арш., содержащие грубые горшечные черепки, золу, угли, побывавшие в огне булыжники. В одном из бугров на глубине 1 арш. кучка обожженных булыжников лежала на сильно обожженной “глинобитной” пло-

щадке, тут же находился слой (до 16 см) обугленного ячменя. Трудно предположить, что на далеком севере в результате какого-то южного влияния (через приток пришлого населения) появились полужемлячные жилища. Скорее всего, обнаруженные К. П. Рева и нами углубленные сооружения — однотипны. Сочетание их с находящимися рядом “бугорками” позволяет, на наш взгляд, реконструировать жилищно-хозяйственный комплекс второй половины XV в. как наземную постройку в сочетании с углубленным подполом, предназначенным для хранения припасов. В привальной части одного из раскопов 1974 г. в углу наземной постройки был обнаружен развал мелких булыжников, который также можно интерпретировать как остатки печи в наземном сооружении. Сохранилась опись находок, которую К. П. Рев передал в Археологическую комиссию: железные наконечники стрелы и копья, фрагменты глиняной посуды, оселки, “куски глиняной обмазки стены”, обрзок лосиного рога, костяная поделка, обгорелый ячмень. Во время исследования памятника в 1959, 1962 и 1974 гг. были обнаружены фрагменты гончарной керамики, железные ножи. Из вооружения — наконечники стрел, фрагмент железного кресала индивидуальной формы, небольшой железный боевой топор (по А. Н. Кирпичникову, тип IV-A, близкий к топорам XII—XIII вв. ¹⁷⁴), но с не встречавшейся ранее деталью — защитной оковкой передней части рукояти (на переднюю часть деревянной рукояти, находящейся в обухе топора, надевался неболь-

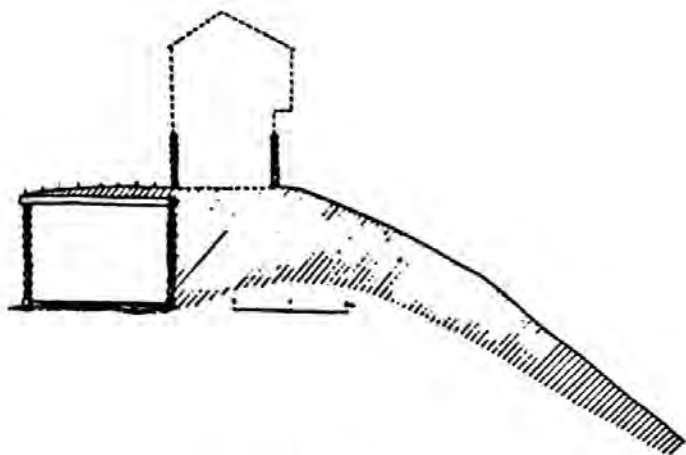

Рис. 82. Емецкое городище.
Реконструкция оборонительных сооружений

шой железный “стаканчик” с гвоздем). Для второй половины XV в. топор данного типа несколько архаичен (возможно, такое впечатление возникает оттого, что мы еще недостаточно знаем эволюцию небольших топориков, которыми были вооружены защитники крепостей в XIV—XVII вв.).

Из других находок следует отметить фрагменты орудий сельскохозяйственного производства — серпа, жернова. Наряду с этим встречены куски криц, шлаки, что свидетельствует о кузнечном производстве на территории городка. Весь комплекс находок подтверждает письменную дату Емецкого городка, который погиб после похода московской рати в 1471 г. Возникнуть он мог не ранее середины XV в., т. е. в наиболее напряженный период взаимоотношений между Москвой и Новгородом, и представлял собой, на наш взгляд, укрепленный центр в одной из вотчин новгородских бояр.

После присоединения Двинских земель к Москве Емецкий городок потерял всякое значение, жизнь на нем более не возобновлялась.

Укрепленный центр находился в вотчине князя Константина Владимировича: “А Шастозеро, Моржова гора, Коскошино до устья до Емецкого, городок Емецкой, Чюкчин конец, погост Емецкой, Ваймуга речка от устья до верховия по обе стороны, по Емце вверх сельцо, Мехреньга река от устья до верховия по обе стороны, а за рекою за Двиною Хавры горы, Задвиние, Пингиш, Челмахта, речка Сия: то было княже Константиново Володимировича Ростовского; а искал тех земель Лука Строганов на Есипе на Горшкове, да на Иване на Григорьеве, да на Остафьи на Григорьеве, да на Дементии на Ондрееве”¹⁷⁵.

В Родословной росписи — своеобразном местном летописце, события в котором доведены до 1831 г. (составлены “росписи” настоятелем одной из шенкурских церквей) — сведения об Орлеце и другом двинском городке — Емецком странно переплелись: “Близ Емецка за рекою, на высоком красивом полуострове, новгородский разбойник Лука Варфоломеев, сын умершего новгородского посадника, ...построил себе близ 1342 года близ Емцы городок, назвав его Орлецом, который он обвел глубоким рвом, наполненным водою... Городок его ныне там виден и называется Городком”¹⁷⁶.

Васильевское городище. Городище располагается на левом высоком берегу р. Ваги, на южной окраине д. Городище. В плане городище почти квадратное

(70×65 м), с трех сторон окружено валом и рвом (высота вала до 1 м, ров шире и глубже на северо-западной стороне — до 25 м, глубина до 6,5 м). На северо-западной стороне городище имеет еще один вал и, соответственно, два рва. Культурный слой в обрыве берега не прослеживался, лишь в одной из зачисток 1959 г. удалось обнаружить линзу с культурным слоем. На участке около 2 м линза представляла собой яму с культурным слоем 0,76 м, в котором были найдены крупные кусочки печины с отпечатками дерева, обожженные камни, железная крица¹⁷⁷.

Васильевское городище в литературе связано с находками бронзовых украшений XI—XII вв., однако нет оснований связывать эти два памятника, а тем более датировать укрепленное поселение тем же временем, что и бронзовые украшения.

Поташевское городище. Городище расположено на правом высоком берегу р. Устья, напротив впадения в нее р. Кокшеньги. Сохранилась часть памятника (овальной формы, вдоль реки протяженность 50 м, поперек 25 м). Вал и частично ров запахан. В юго-восточном углу городища в 1983 г. удалось исследовать конструкцию вала. Ширина вала по подошве достигала здесь 5 м. Со стороны городищной площадки частично сохранились обгорелые деревянные конструкции со следами обожженной глиняной обмазки, можно предполагать следующую конструкцию оборонительных сооружений: деревянные срубы (городни или тарасы) стояли на материке, с напольных сторон были прикрыты насыпью, по верху которой шла непосредственно крепостная стена. О дате сооружения городка можно судить не только по характеру военных укреплений, но и по отдельным находкам, обнаруженным в шурфе: фрагментам глиняных горшков, кресалу, тип которого хорошо известен по находкам в Новгороде в слоях XIV—XV вв.¹⁷⁸

Пенежский городок. Пенежское городище находится в 17 км к северо-востоку от г. Шенкурска, на высоком мысу, образованном изгибом р. Большая Пенешка (Пинежка), в 600 м от впадения ее в р. Вагу¹⁷⁹. Культурный слой на площадке городища (200×70 м) полностью уничтожен распашкой, на восточном крае городищной площадки сохранились остатки вала (ширина у основания около 10 м, высота до 4 м, протяженность около 65 м, ширина рва 10—15 м, глубина — 3 м).

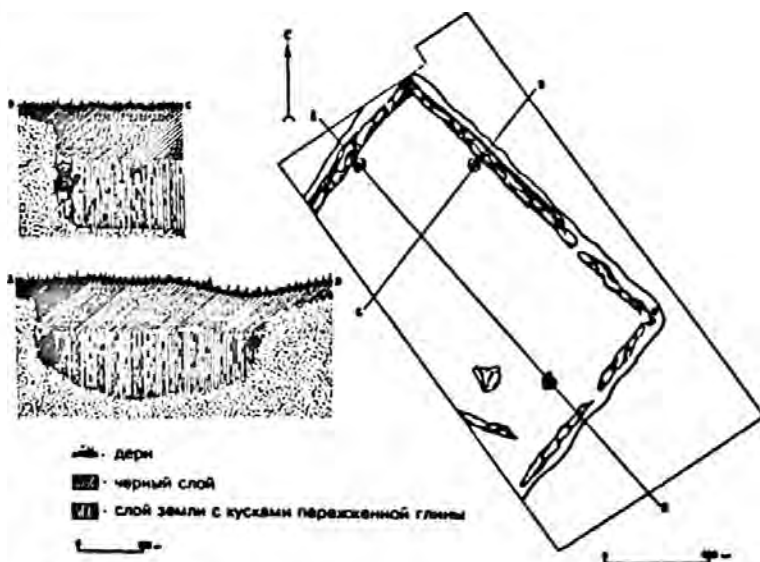

Рис. 83. Емецкое городище. Фрагмент жилища (план и разрезы)

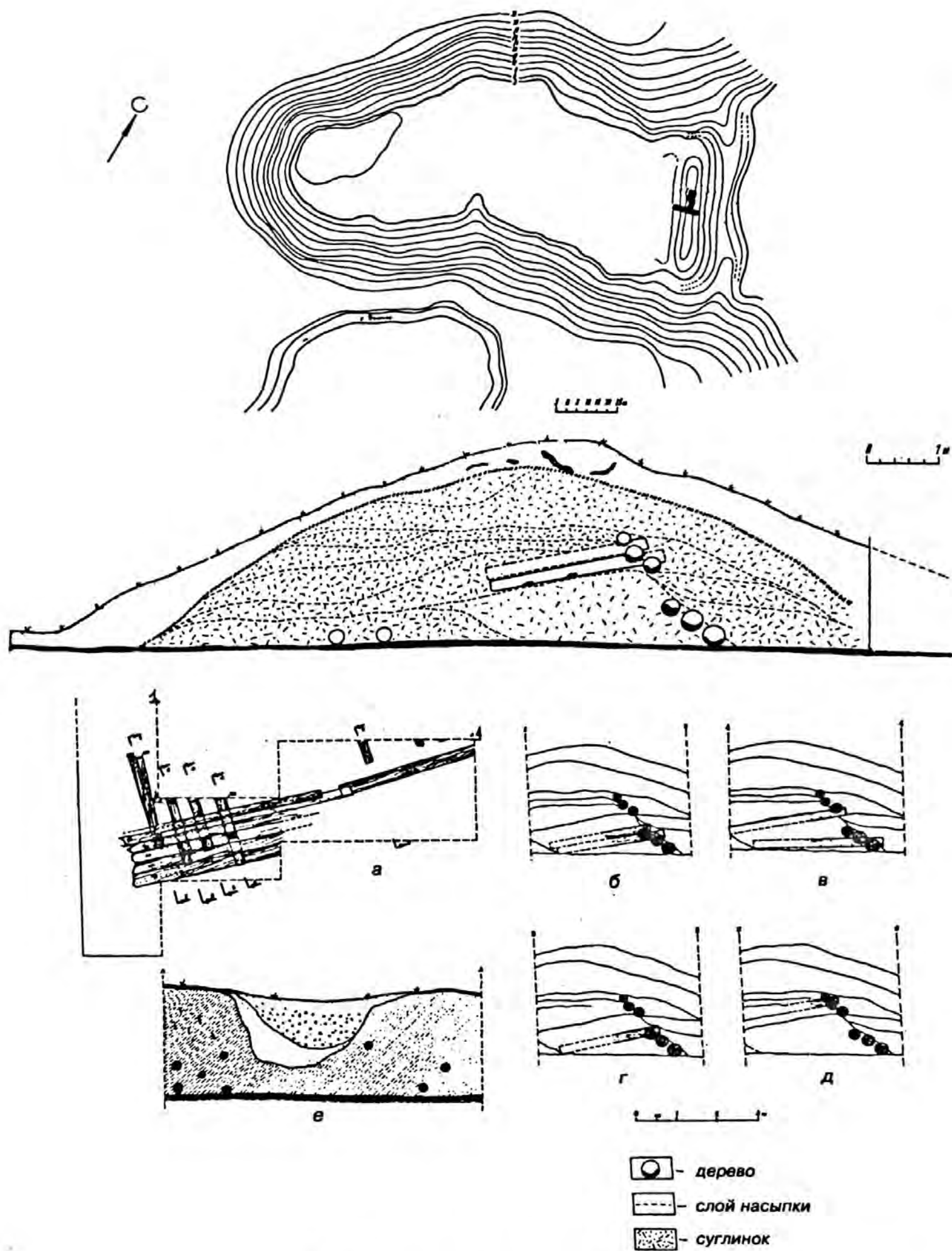

Рис. 84. Пенежский городок (Смотроковский).
 Вверху — план; внизу — разрез вала (а — план раскопа; б—д — профили стенок раскопа)

Интерес к памятнику закономерен. Пенежское городище — укрепленная усадьба боярина Василия Степановича, видного деятеля Новгородской республики и владельца обширных земель по р. Ваге и ее притокам. В. Л. Янин считает, что во владении этого боярина оказалась значительная часть земель, принадлежавших ранее ростовским князьям¹⁸⁰. Городская усадьба, собственность боярина в Новгороде Великом, находилась в Славянском конце города, на Кутной улице¹⁸¹. В конце жизни новгородский боярин отошел от бурной политической жизни Новгорода (в 1446 и 1456 гг. он был, например, посадником¹⁸²) и удалился в свои владения, которые были весьма значительны¹⁸³. Василий Степанович основал Важеский Богословский монастырь и щедро одарил его земельными пожертвованиями. В 1467 г. боярин умер, а в первой половине XVII в. под именем Варлаама был канонизирован¹⁸⁴. В Житии Варлаама Важеского записано о создании им “в Заволочии на высоте горы, вскрай великия реки Ваги, на речке на Пиняжки имянуемой; прозванием же нарекова граду тому Пенежский городок имянуемой, тогда бо бе по рекам и по урочищам градки малые именовашеся”¹⁸⁵. Возможно, возведение укрепленного центра своей вотчины Василий Степанович осуществил после 1465 г., но, может быть, и раньше, т. к. район Нижней Ваги уже в конце первой половины XV в. оказался перед лицом военной опасности (отряды великого князя в 1452 г. преследовали Шемяку). “Отпустил сына на Кокшеньгу, градки их

поимаша, а землю всю плениша и в полон выведоша, а ходиша до устья Ваги и до Осинова поля”¹⁸⁶. Дело в том, что реки Кокшеньга и Устья, впадая в Вагу, играли важную не только торговую, но и стратегическую роль: их верховья близко подходят к р. Сухоне — одной из главных водных магистралей, по которой начинались почти все военные походы московских князей в Северное Поморье.

Городище — укрепление мысового типа, вал и ров прослеживаются только с напольной стороны; если вал и был с других сторон городища (склоны мыса имеют необычайную крутизну, высота мыса над первой террасой около 20 м), то он не сохранился. В 1959 и 1975 гг. были исследованы оборонительные сооружения городка¹⁸⁷. До нас дошли внутривальные деревянные конструкции и насыпь вала, монокристаллическое тело вала обнаружилось после снятия дернового и подзолистого слоев. Удалось выяснить и первоначальные размеры насыпи — высота по отношению к уровню площадки городища 2,42 м и ширина в основании около 11 м. Вал был насыпан из плотной глинистой почвы, оползания его не обнаружено. На самом гребне глинистого вала, непосредственно под подзолистым слоем, обнаружены остатки деревянных конструкций очень плохой сохранности (вероятно, это следы деревянной крепостной стены, поставленной на вершину вала). Тип деревянной крепостной стены определить не удалось. Плотность насыпи вала способствовала тому, что сгнившие внутривальные деревянные конструкции ос-

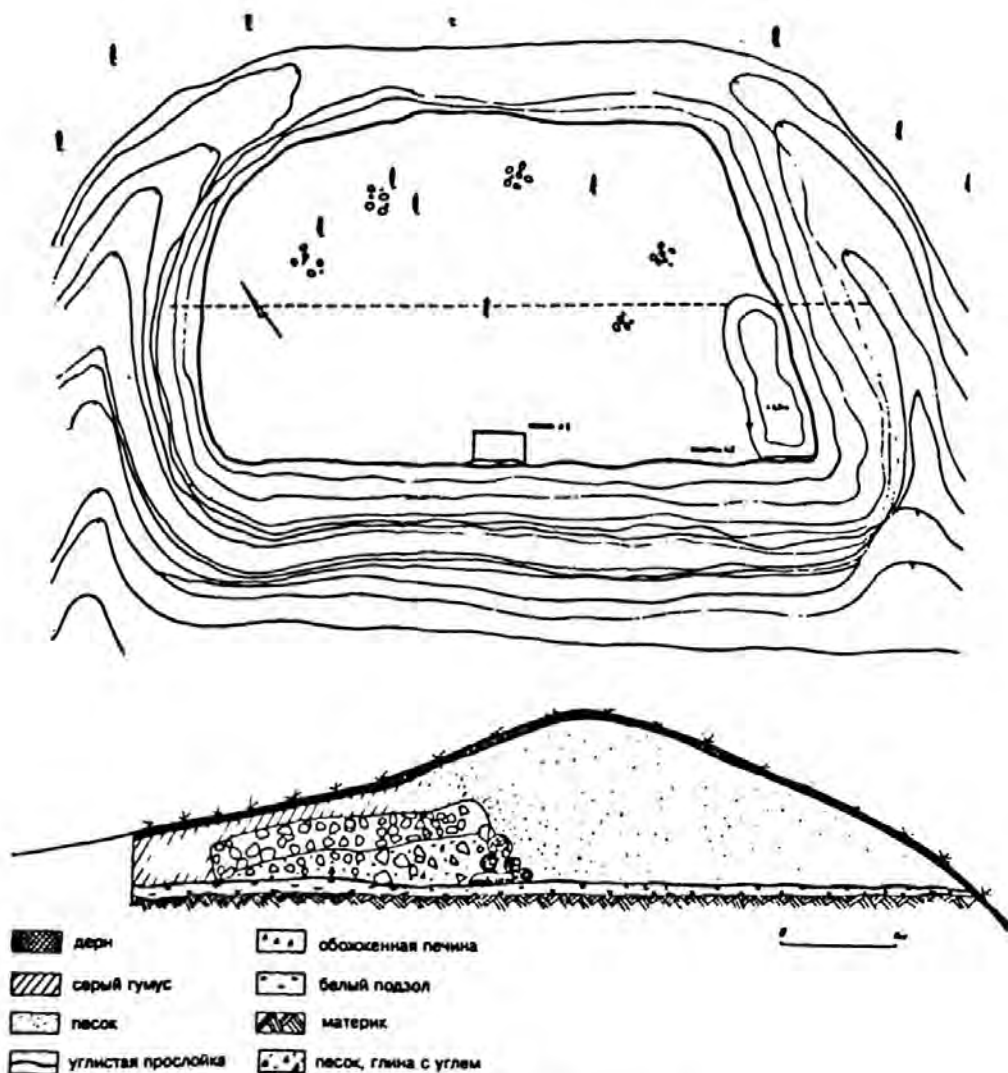

Рис. 85. Кокшеньгское городище.

Вверху — план городища; внизу — разрез вала

Рис. 86. Вельское городище. Вид с юга

тавили после себя своеобразный “негатив” — отчетливо видны были не только продольные срезы древесины, но и поперечные. Отпечатались и торцы бревен. Такая своеобразная сохранность следов деревянных конструкций необычна, особенно в местах “сочленения” пустот, там где бревна были врублены в замок. Однако удалось выяснить не только элементы планировочной структуры деревянных конструкций, способ рубки бревен, но и определить последовательность и общую конструкцию сооружения вала. Первоначально под основание вала в его западной части были положены два бревна и засыпаны суглинком. Затем к ним с восточной стороны стали подсыпать суглинок, одновременно укрепляя брустверную стенку засыпки бревна, укладывая их также вдоль вала. Это сооружение потом было еще несколько раз присыпано с восточной (приступной) стороны. На следующем этапе сооружения вала установили клетку из бревен, рубленных в обло “с остатком”: продольных три венца и два венца поперечных. Это послужило основной деревянной конструкцией внутри вала. В северной части заложеной траншеи были выявлены два узла стыковки бревен, уложенных вдоль и поперек вала. Продольные бревна неправильной лентой лежали в два яруса (по три бревна), предохраняя насыпь от оползания с напольной стороны. Поперечные бревна были врублены с продольными бревнами каждого яруса в обло. Таким образом, внутривальная деревянная конструкция как бы облицовывала ядро вала с напольной стороны, а центральная часть вала была укреплена своеобразными бревенчатыми клетками. По крайней мере, общая концепция оборонительной конструкции Пенежского “города” отличалась, например, от конструкции Емецкого городка. Можно предполагать, что значительное внимание к укреплению насыпи вала связано с тем, что на его вершине находились какие-то значительные деревянные сооружения. Это могла быть крепостная стена какой-то особой, “тяжелой” конструкции. У нас есть пример, когда в 1386 г., узнав о походе великого князя Дмитрия Ивановича к Новгороду, “ноугородцы поставиша

острог, по спу хоромы”¹⁸⁸. То есть, если в Емецком городке “хоромы” (городки) стояли с внутренней стороны вала и на валу была “легкая” крепостная стена, то в Пенежском городке, возможно, городни или тарасы (“хоромы”) были подняты непосредственно на вершину крепостного вала¹⁸⁹.

Ростовское городище. Памятник находится у стрелки, где р. Синежка впадает в р. Вель¹⁹⁰. Памятник, расположенный на террасе почти в 15 м высоты и занимающий площадку всего 30×20 м, сильно пострадал во время распашки. Возможно, глубокая канава (глубиной более 4 м), отделяющая площадку от остальной части мыса, представляет собой остатки рва.

Вельское городище. Городище находится в 12 км от места слияния рек Вели и Ваги, на правом берегу Ваги. Памятник известен с середины XIX в.¹⁹¹, в 1864 г. группу Вельских городищ осматривал Лерх¹⁹². В краеведческой литературе были отмечены такие черты памятника, как его расположение на мысу, наличие рва и вала (размеры городищной площадки определены как 32×30 саж.) и др. Отмечалось, что в северо-восточном углу городищной площадки отчетливо видны следы возвышения шириной до 2,5 м и высотой до 3 м (по преданию старожилов, еще в XVIII в. кругом городища якобы был виден сруб в три прясла с деревянными башнями¹⁹³). Во время распашки культурного слоя на площадке городища часто находили разнообразные вещи: “литое” изображение “золотого” голубка в 1,5 вершка, большой железный крест, костную оправу, медное украшение “для упряжи”, рога лося, “кирпичный щебень”, уголь, черепки горшков¹⁹⁴. В 1906 г. на городище провел небольшие раскопки В. Н. Глазов, который отметил, что толщина культурного слоя в среднем достигала 0,35 см¹⁹⁵. Были найдены ножи, наконечник копья, гвоздь, кости животных, уголь, перегорелые камни. А. А. Спицын интерпретировал эти находки как поздние русские вещи, а находки “чуждого” облика отнес к XII—XIV вв.¹⁹⁶

Памятник был осмотрен нами в 1959 г., на его площадке (размеры 78×58 м) в 1978 и 1983—1986 гг. были проведены раскопки. К настоящему времени

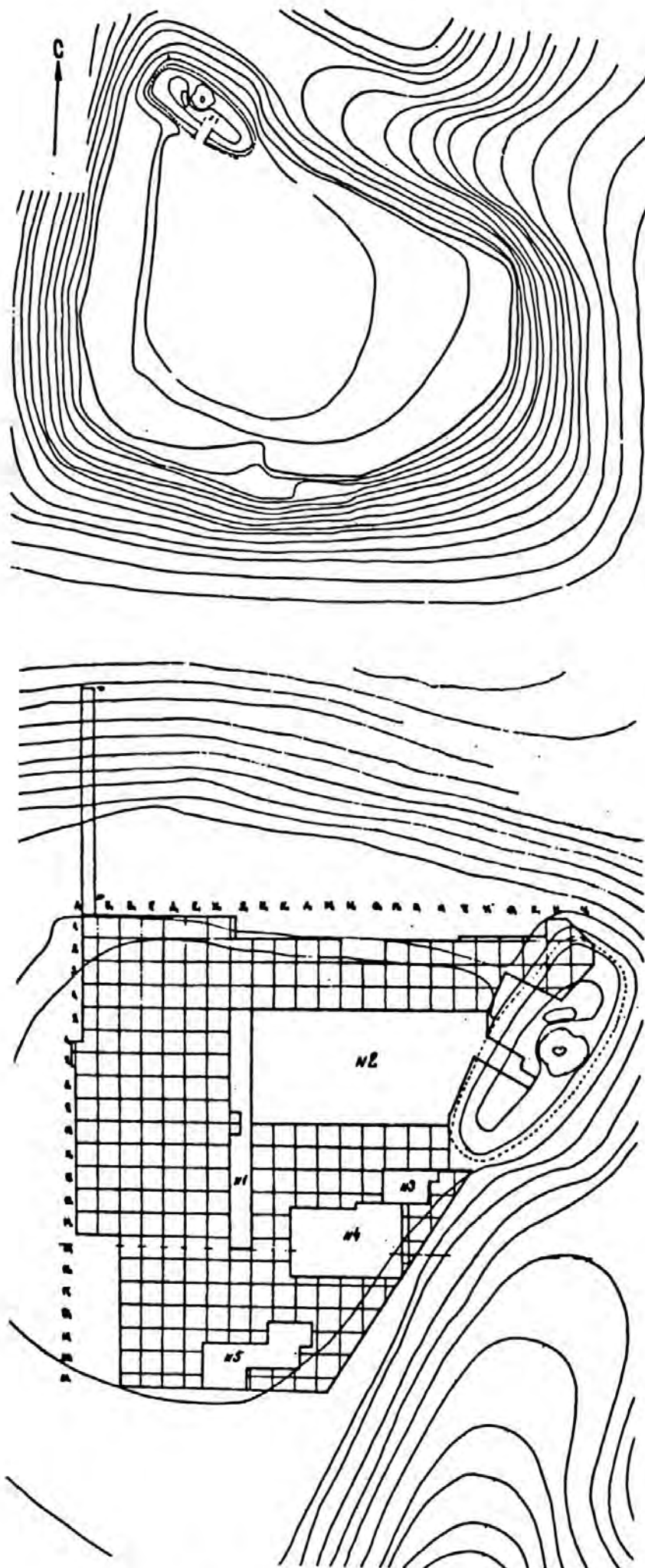

Рис. 87. Вельское городище.
 Вверху — ситуационный план; внизу — план городишной площадки

раскопана вся центральная, наиболее возвышенная часть городишной площадки на площади около 800 м².

Городище занимает один из мысов второй надпойменной террасы, от р. Ваги находится примерно в 400—450 м. Высота террасы 12—15 м, с напольной стороны городище отделено от остальной террасы рвом и валом (глубина рва 5 м, ширина 12 м). Остатки вала сохранились в северо-восточной части городища на участке длиной 32 м, ширина вала 13 м, высота 3 м. В настоящее время городище в плане имеет овальную форму, что дало основание считать его первоначально круглым или овальным. Памятник довольно сильно пострадал во время распашки, практически были уничтожены его оборонительные сооружения, сильно пострадала конфигурация самой городишной площадки. Культурный слой на памятнике уничтожен — сейчас можно говорить лишь о пахотном слое, в котором содержатся единичные находки — кости животных, мелкие фрагменты керамики.

При исследовании памятника широкими площадями оказалось, что на городишной площадке в материке в древности было вырыто значительное количество ям овальной или круглой формы. Ямы располагались как в самом центре городишной площадки, так и на ее периферии. Благодаря тому, что в ямах остался древний культурный слой, мы располагаем некоторым числом интересных и датирующих памятник индивидуальных находок. Во время раскопок были обнаружены остатки жилищных сооружений — двух углубленных в материк построек.

Рис. 88. Куски глиняной обмазки деревянных оборонительных конструкций

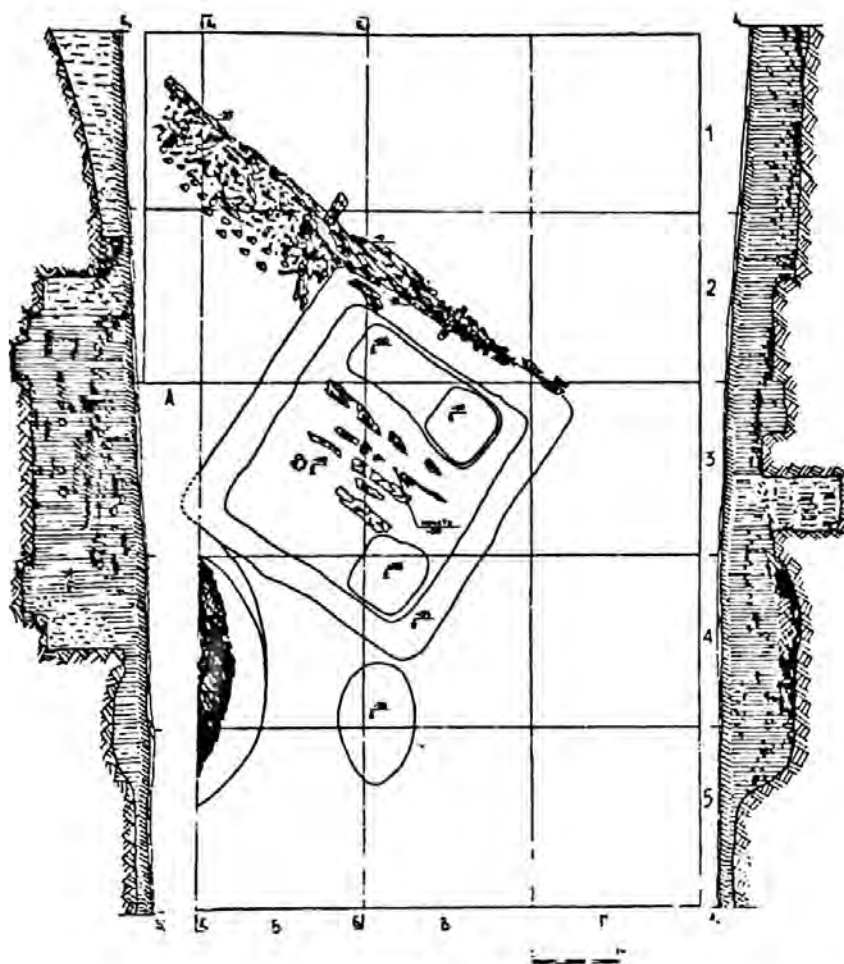
Рис. 89. Куски глиняной обмазки деревянных оборонительных конструкций

Жилище № 1. Почти квадратная в плане (3,1×3,6 м) вырытая в материке яма, с отвесными стенками, на глубине 1 м от поверхности материка имела четкий горизонтальный уступ — площадку шириной 35 см. Глубина дна всего сооружения 1,4 м, размеры "узкой", придонной части четырехугольной ямы 2,4×2,8 м (т. е. ее полезная площадь на уровне дна менее 7 м²). В заполнении ямы обнаружены уголь, остатки обгорелых досок. Однако это не следы пола, а завал, упавший сверху. На уровне дна ямы просматриваются еще два углубления, расположенные вдоль бортов (глубина их 10—20 см). В заполнении ямы встречены куски обожженной глиняной обмазки со следами структуры бревен.

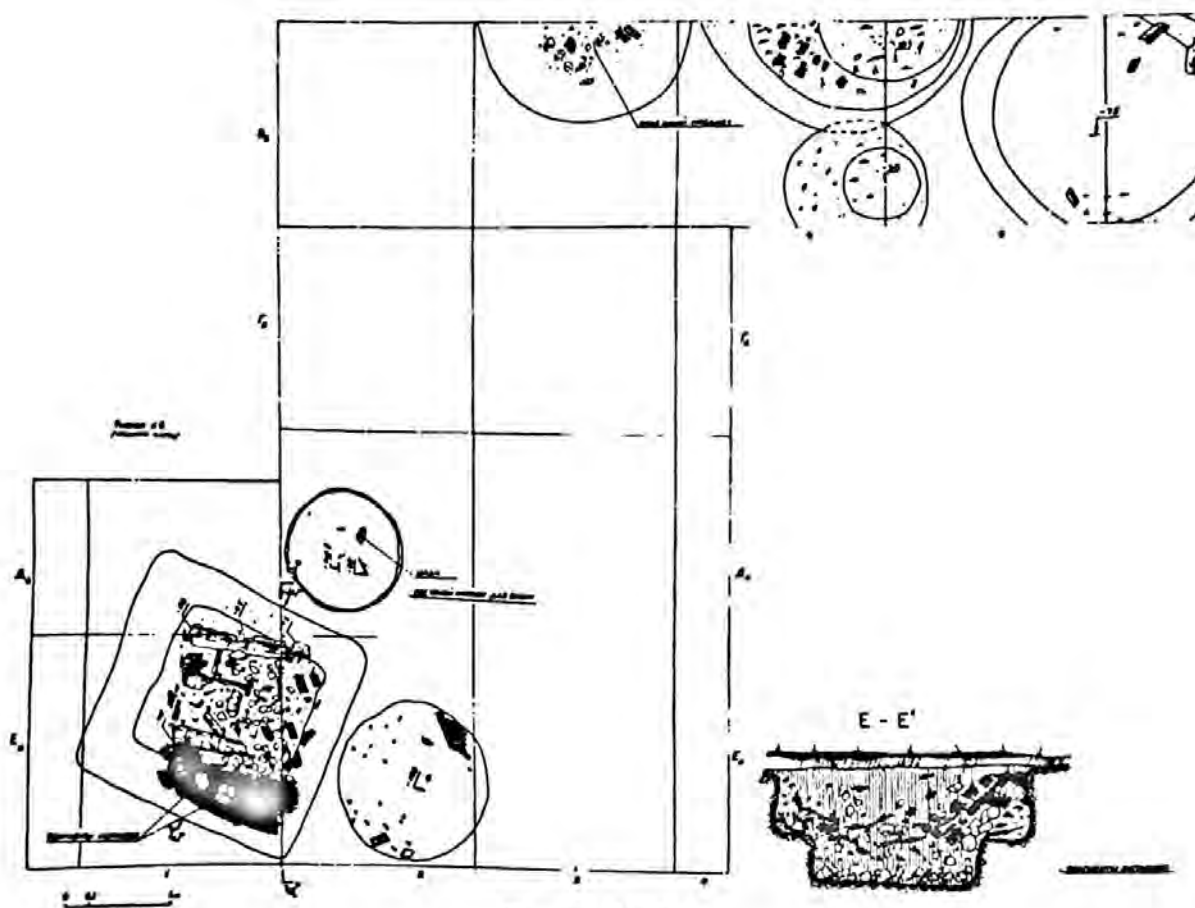
Жилище № 2. Яма почти квадратной формы, вырытая в материке (2,1×2 м). На глубине 0,5 м четко выраженный уступ шириной 0,3 м, общая глубина ямы 0,6 м (на уровне дна размеры ямы 1,7×1,6 м, т. е. ее полезная площадь около 3 м²). В заполнении ямы обнаружены куски глиняной обмазки со следами дерева, обгорелое дерево, уголь.

Описанные сооружения Вельского городка очень напоминают ямы с впущенными срубами Емецкого городища. То есть и на данном памятнике мы имеем дело с углубленной в материк частью наземного жилищно-хозяйственного комплекса. О наличии на Вельском городище таких наземных частей свидетельствует разрушенная глинобитная печь, расчищенная в привальной части городишной площадки. Сохранился большой фрагмент неоднократно отремонтированного пода печи. Характер закраин у пода свидетельствует, что печь имела овальную форму.

Была обнаружена еще одна печь — квадратная (длиной около 2 м и шириной около 2,5 м). Глинобитная печь была поставлена в овальной яме и почти полностью занимала всю ее площадь. Со стороны топки имелся подход — вырыто углубление длиной около 3 м и шириной 2 м. Сооружение с заглубленной в яму

Жилище № 1

Жилище № 2

Рис. 90. Вельское городище

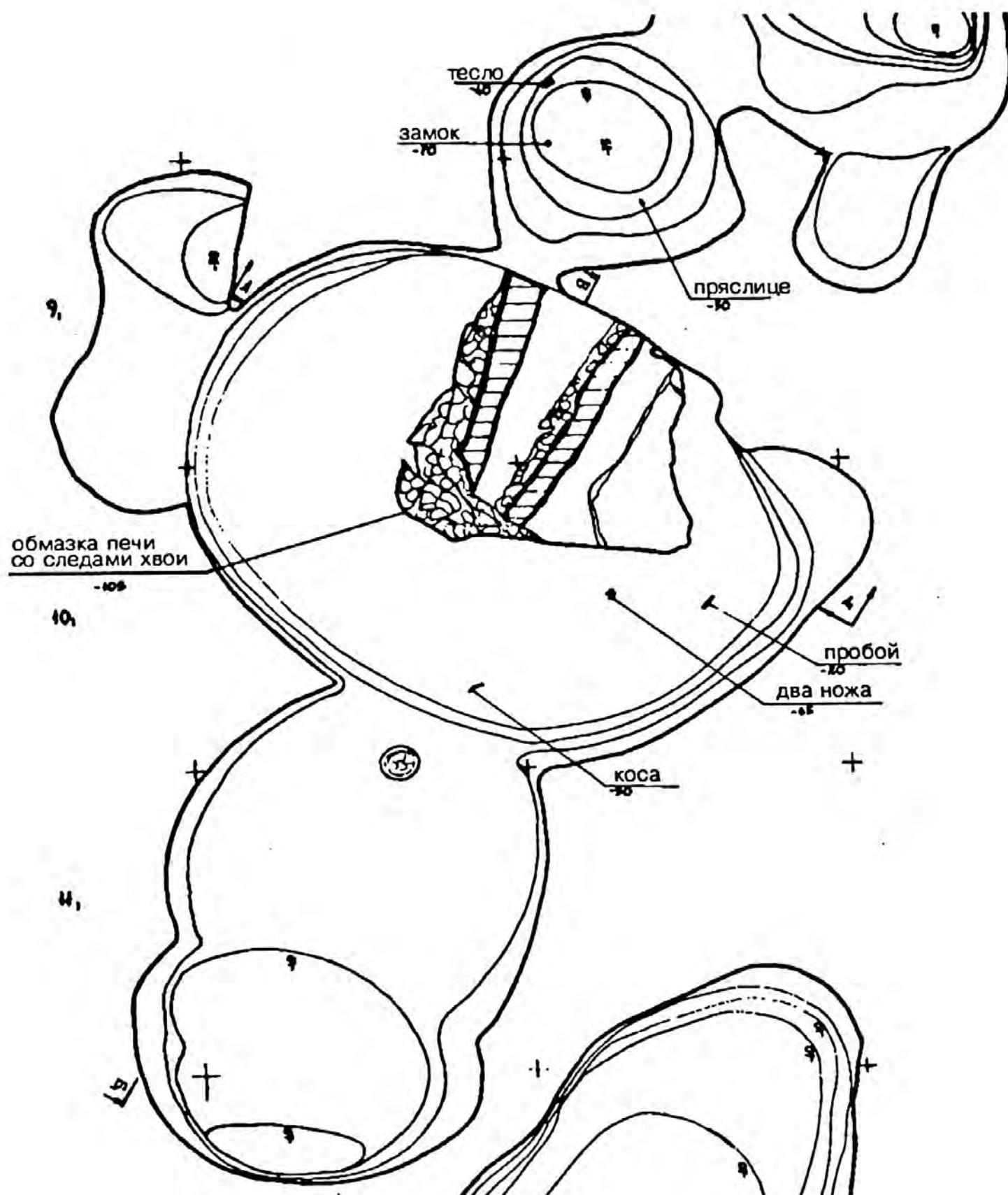

Рис. 91. Остатки сушильной печи

Рис. 92. Куски обмазки
деревянных оборонительных конструкций

печью можно интерпретировать как сушильню для зерна, отопительное устройство которой было сооружено в яме.

При исследовании остатков вала были обнаружены фрагменты обгорелых деревянных конструкций и определен их характер. Оказалось, что на всем протяжении сохранившейся части насыпи вала в древности стояла деревянная рубленая конструкция из бревен диаметром до 0,25 м, сохранившаяся на высоту до 1 м. По существу, это был ряд помещений типа тарас, внутри которых наблюдались остатки печей, доски настиланного сгоревшего пола (в одном из таких помещений обнаружено и собрано около 10 кг обгорелых зерен ржи). Длина расположенных вдоль вала тарас была до 4 м, ширина такая же. Остатки тарас были прослежены на отрезке в 50 м — это был прямой, “регулярный” фас, на всей длине которого тарасы чутко “реагировали” на характер края мыса — строители сделали несколько своеобразных уступов. Особенно хорошо читается уступ тарас на северо-восточном углу городища. Создается впечатление, что оборонительные сооружения стоят только с напольной, “приступной” стороны. Однако утверждать это трудно — западная часть памятника сильно распахана.

Таким образом, в целом конструкцию дерево-земляных оборонительных сооружений городка можно реконструировать следующим образом: по краю мыса, с его напольной стороны, были поставлены рубленые тарасы, к которым с внешнего фасада был присыпан вал. В насыпи вала не обнаружено внутривальных деревянных конструкций, лишь в некоторых местах рядом с внешним фасадом тарас были набросаны бревна, после этого фасад тарас присыпали на всю высоту насыпью вала (частично засыпая бревенчатые перекры-

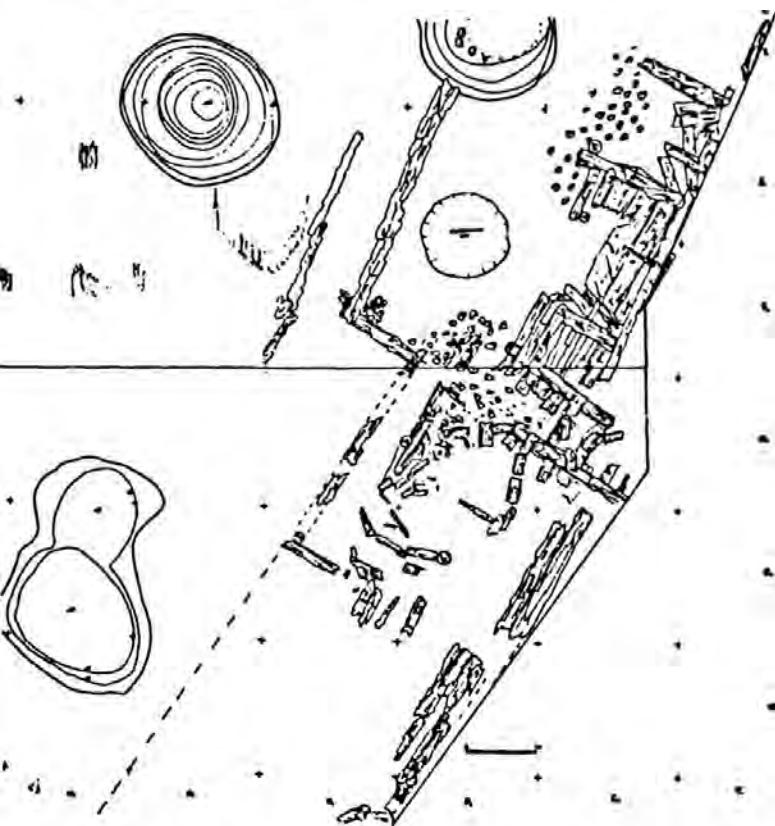

Рис. 93. Фрагмент деревянных оборонительных конструкций

тия тарас). На гребне насыпи, несомненно, была крепостная стена, но характер ее можно лишь предполагать (обнаружены остатки слоя дерева, лежащего вдоль гребня вала). Ясно лишь то, что бревенчатые перекрытия тарас являлись своеобразной площадкой боевого хода этой крепостной стены.

Остановимся лишь на наиболее интересных находках, которые важны для интерпретации памятника: нож с деревянной рукояткой (утрачена бронзовая накладка у гарды) и с пластиной с кольцом, оформлявшей торец рукоятки, по своему облику нож похож на новгородские находки XIV—XV вв.¹⁹⁷; овальное кресало длиной 8 см, шириной 2 см — в новгородских древностях кресала данного типа датируются XII—XV вв.¹⁹⁸; фрагмент цилиндрического замка (без дужки) древнерусского облика¹⁹⁹ — подобные замки известны в до-моногольское время, бытуют они и позднее. Количество инструментов, обнаруженных на городище, невелико: массивное долото (длиной 26 см) простого типа, пробойник, обломок лезвия рабочего топора.

Несколькими экземплярами представлены пряслица — одно костяное (выточенное на токарном станке), остальные керамические, сделанные из стенок горшков.

Керамические находки извлекаются, в основном, из заполнения ям (преобладающее большинство находок — фрагменты горшков, несколько обломков крышек, кувшинов и корчаг)²⁰⁰. Наиболее распространенные типы горшков в коллекции представлены таким типом горшка, который в землях Северо-Западной Руси (Псков, Новгород) исчезает во второй половине XIII — середине XIV в. Но один из вариантов данного типа появляется в XIV в. и бытует весь XV в. Встречаются типы горшков, которые появляются на Северо-Западе, в основном, в середине XIV в. и бытуют до конца этого столетия. Время бытования кувшинов, мисок, корчаг, встреченных, правда, в единичных экземплярах, — XIV—XV вв.

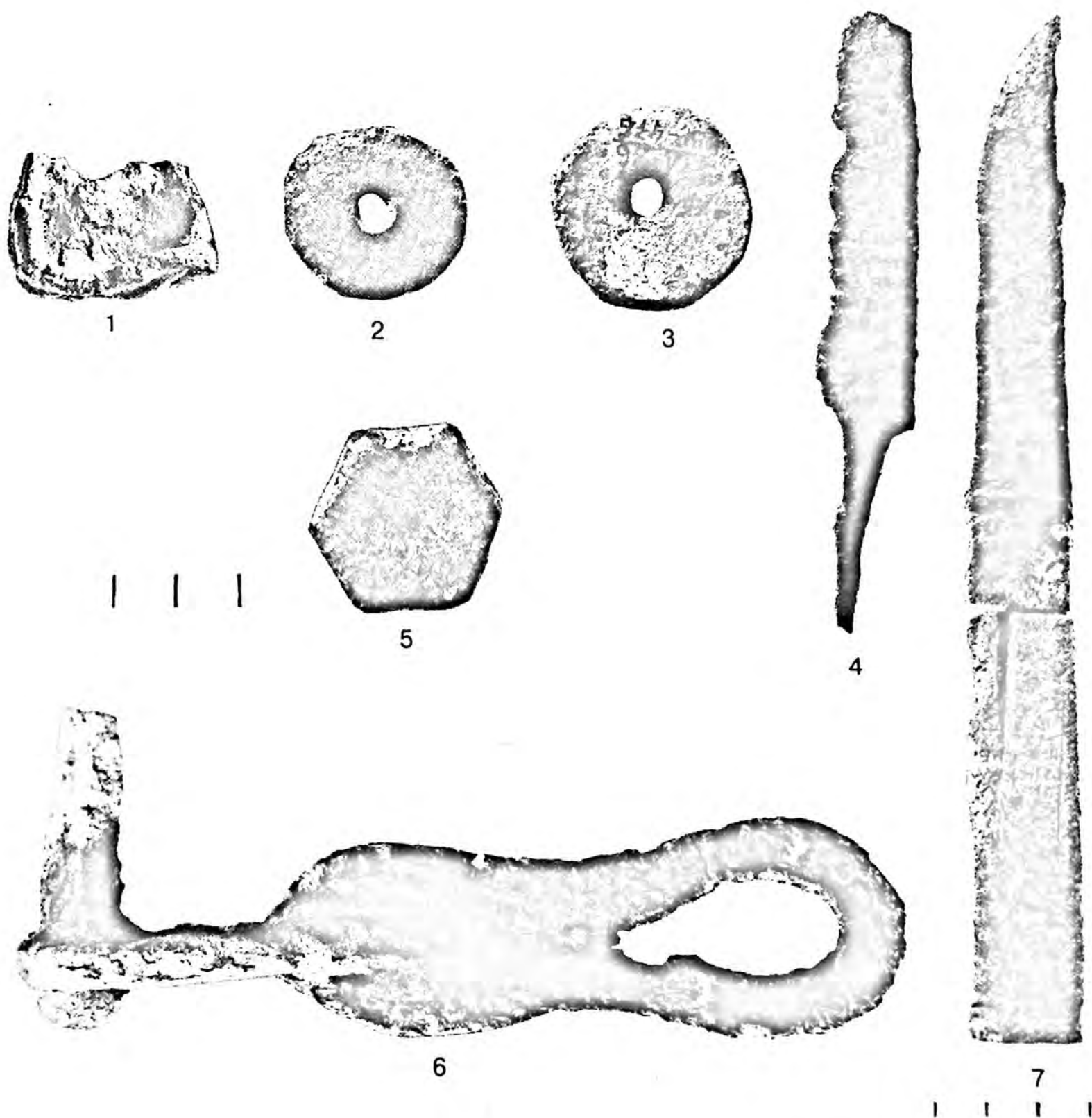

Рис. 94. Вельское городище.

1 — фрагмент плавильного тигля; 2, 3 — пряслица из стенки глиняных сосудов; 4, 7 — железные ножи; 5 — гирька; 6 — дверной пробой

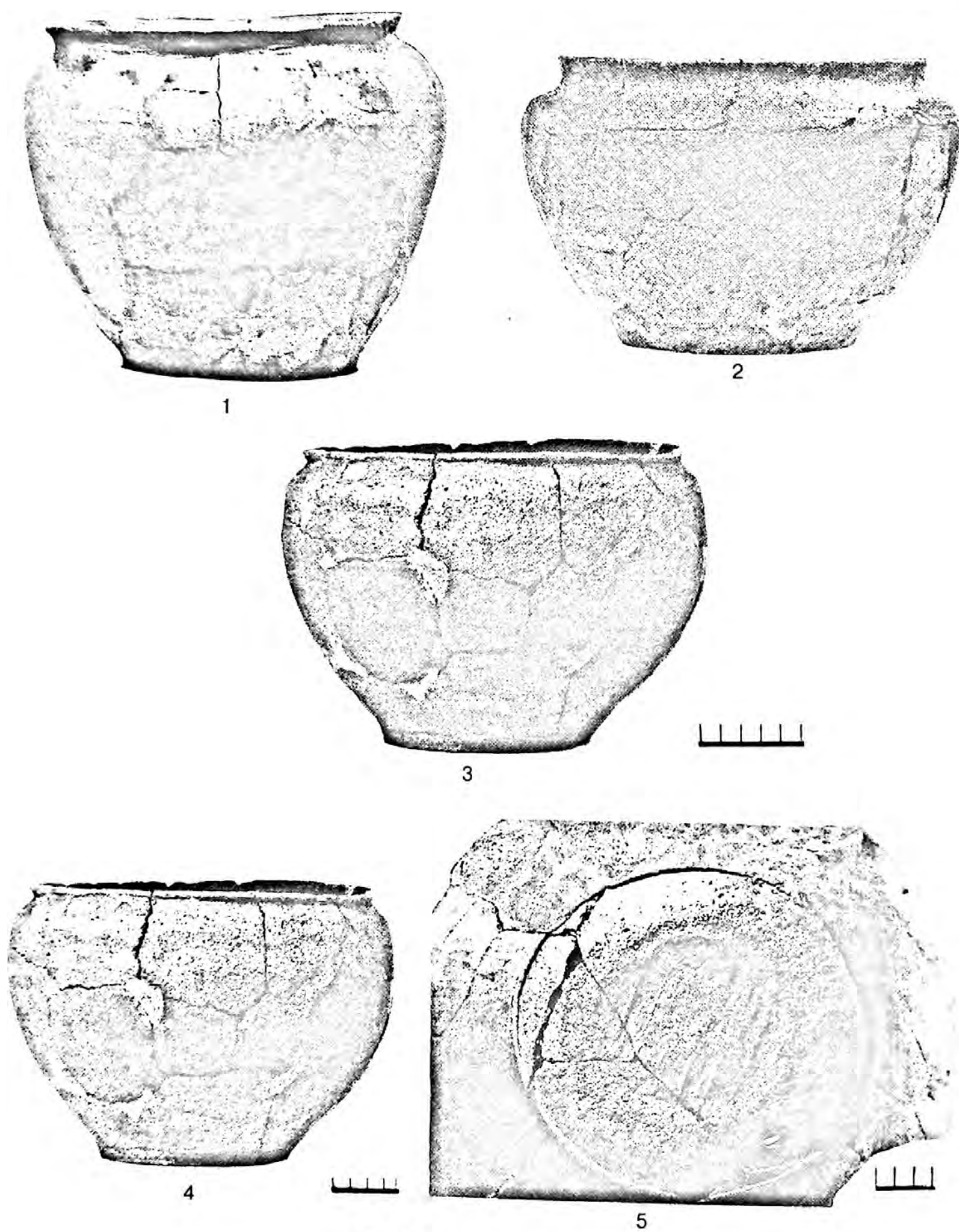

Рис. 95. Вельское городище.
 1-4 — горшки; 5 — следы гончарного круга на дне горшка

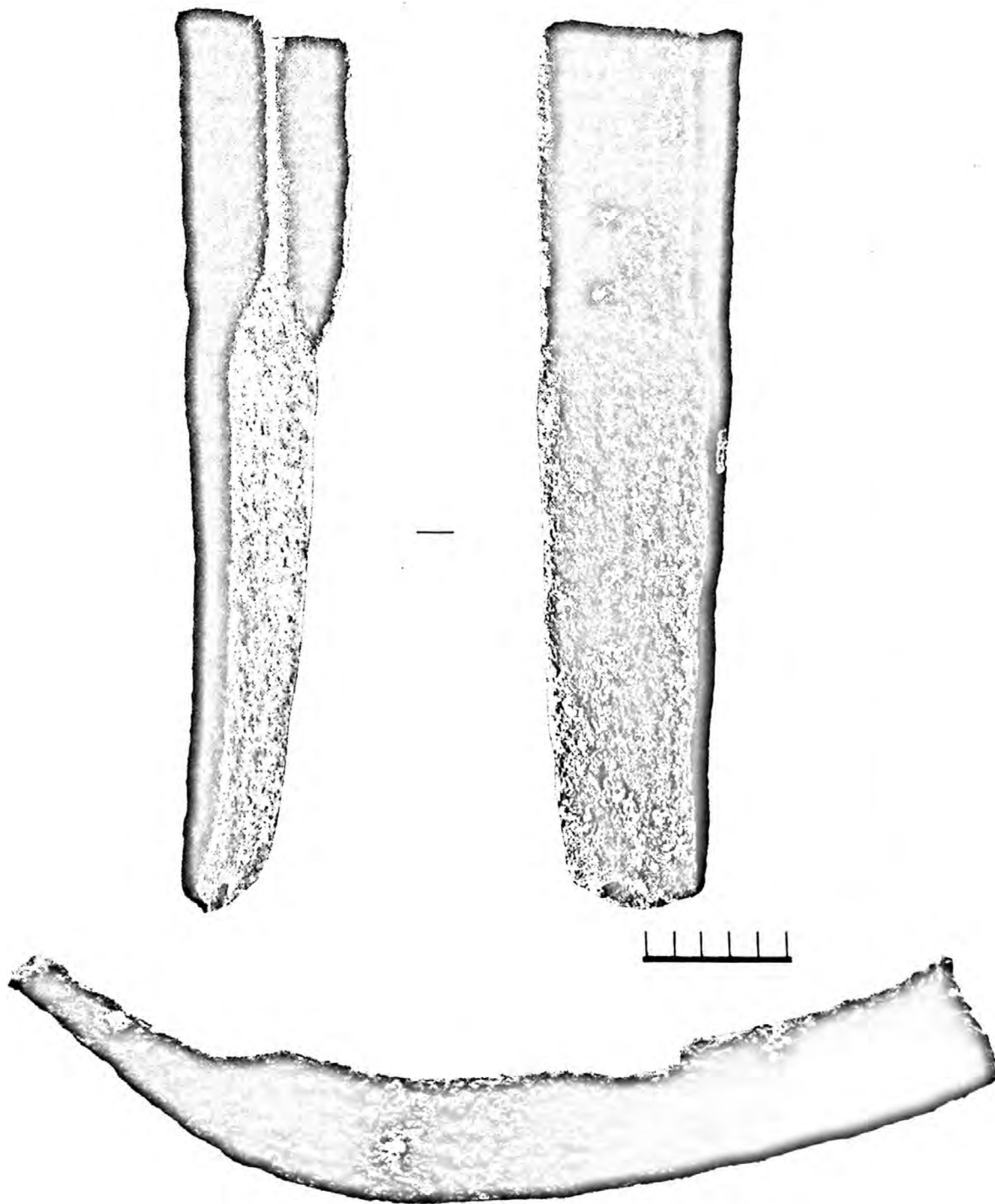

Рис. 96. Вельское городище.
Вверху — сошник; внизу — фрагмент косы

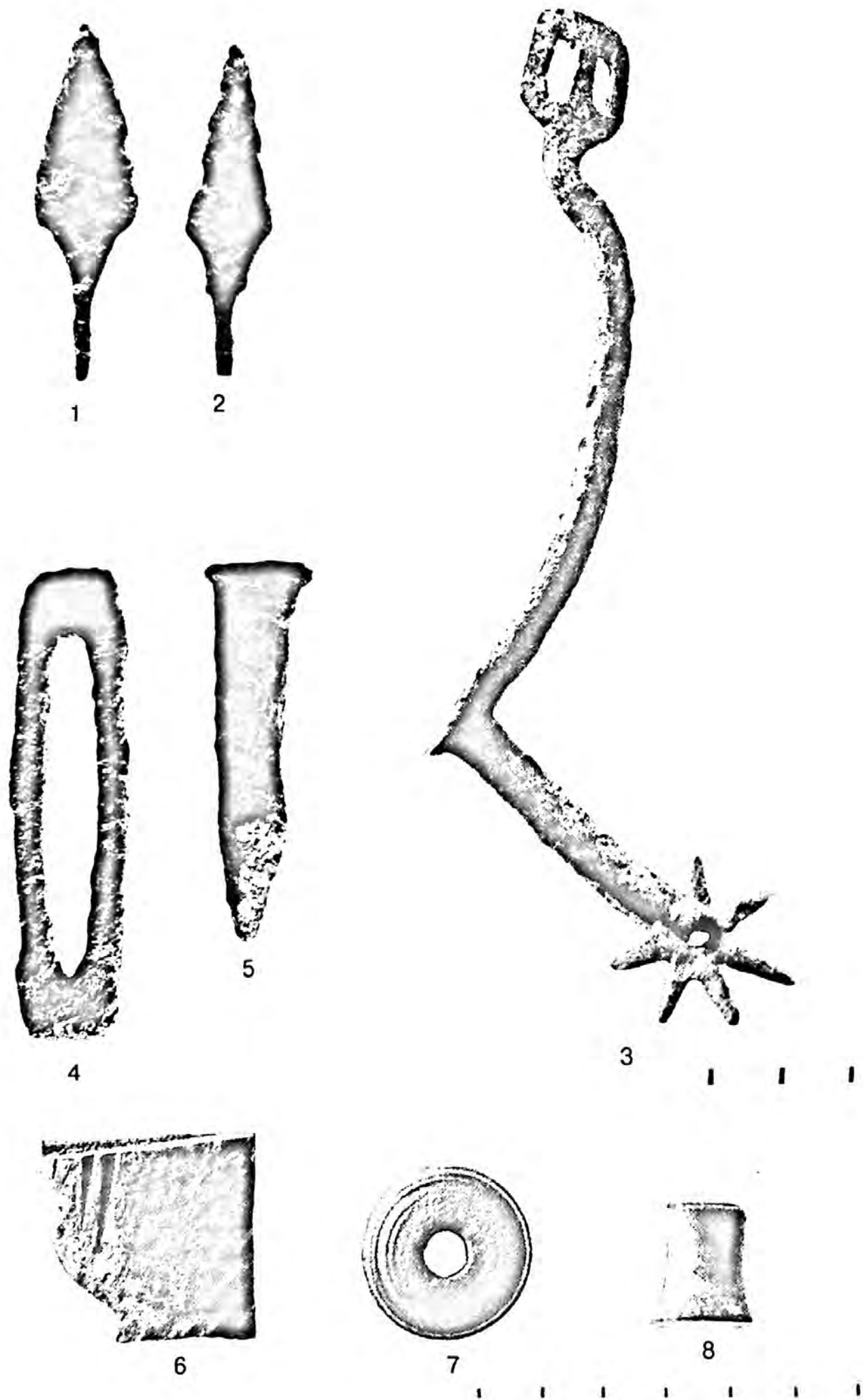

Рис. 97. Вельское городище.

1, 2 — наконечники стрел; 3 — шпора; 4 — кресало; 5 — пробойник; 6 — кусок моржовой кости со следами обработки;
7 — костяное пряслице; 8 — костяная шахматная фигурка

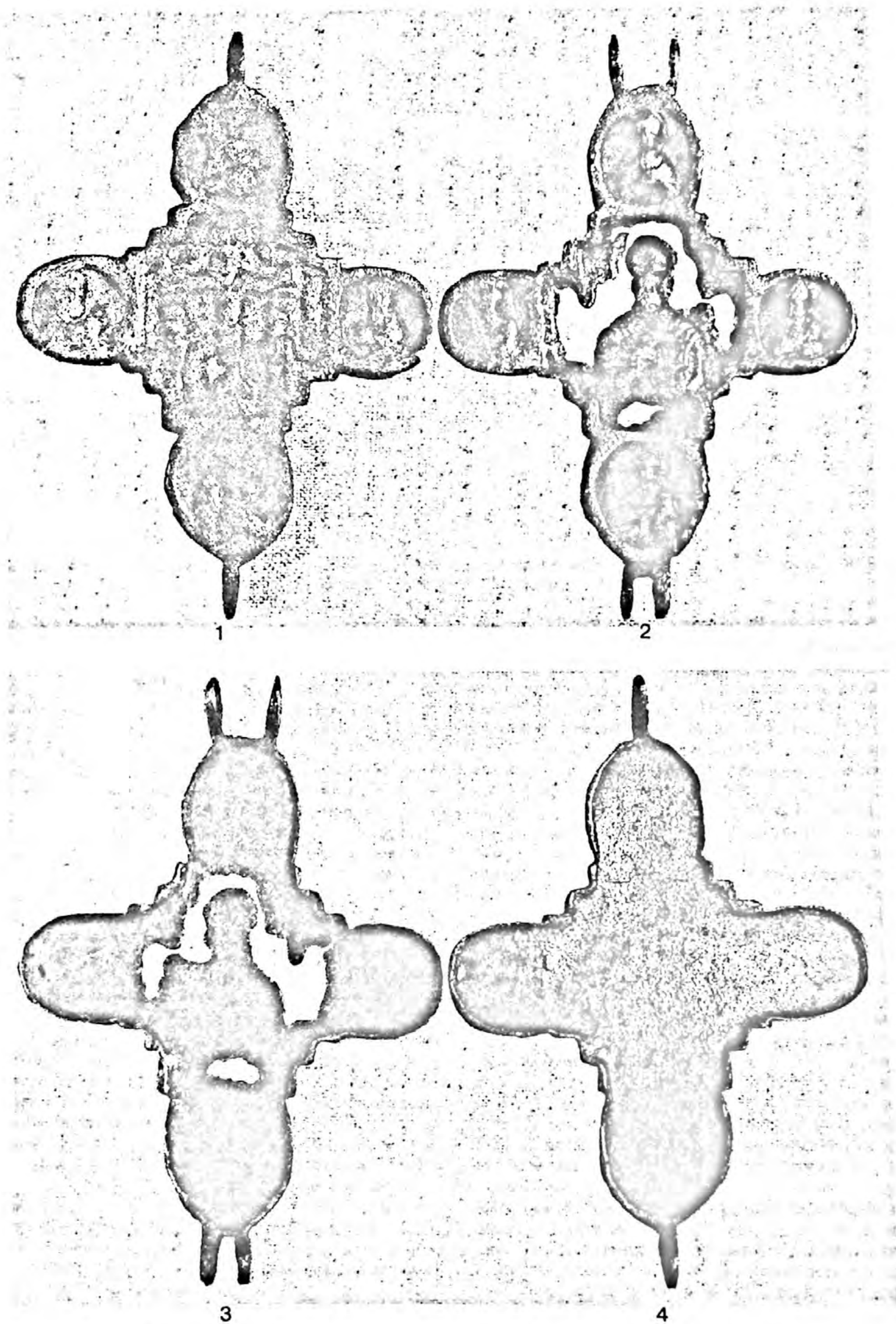

Рис. 98. Вельское городище. Бронзовый энколпион.

1, 2 — лицевые стороны створок (распятие, Николай Чудотворец, избранные святые); 3, 4 — внутренние стороны створок

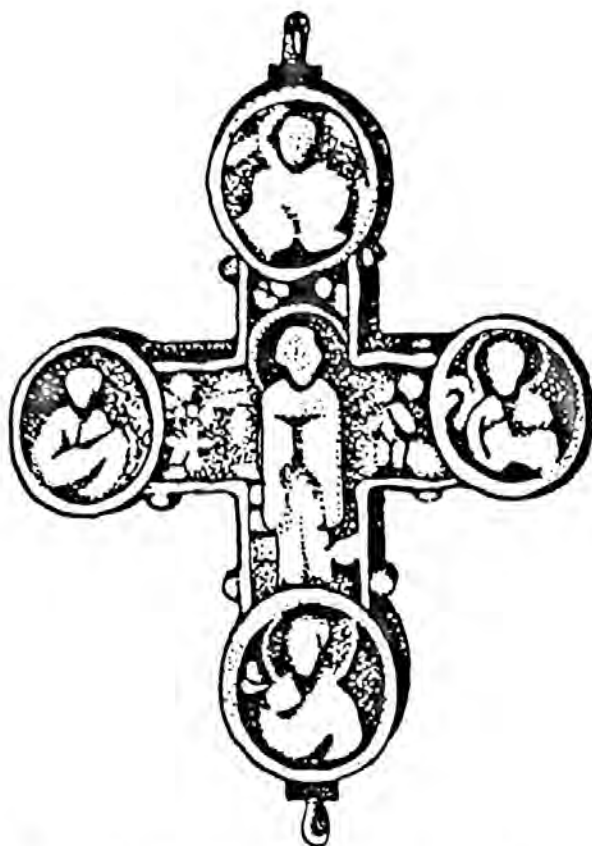

Рис. 99. Бронзовый энколпион XIV—XV вв. Богоматерь и избранные святые (бассейн р. Ваги, подъемный материал).
Архангельский краеведческий музей

В одной из ям найден большой железный сошник (длина трубицы 12 см, общая длина 32 см), симметричный; похоже, что в употреблении он еще не был. Сошник довольно позднего облика, характерного для XIV—XVI вв. лесной полосы²⁰¹. Найденный фрагмент косы (25 см) составляет почти половину орудия (ширина лезвия 3,8 см, толщина у обушка 1 см). Б. А. Колчин предполагал, что кривизна кос с X по XV в. была абсолютно одинакова²⁰². М. А. Миролубов утверждает, что к XIII в. косы «приобрели законченную конструкцию косы-горбуши, которая для более позднего времени осталась той же» (лишь в XIV—XV вв. происходит некоторое укрупнение клинка до 50—60 см)²⁰³. В углубленных жилищах найдено несколько фрагментов жерновов (в том числе две заготовки). К числу орудий обработки земли можно отнести крупную железную мотыгу, хотя известно, что древнерусские мотыги не всегда можно отличить от тесел²⁰⁴.

В привальных тарасах было обнаружено значительное количество обгорелой ржи, несомненно местного происхождения. Анализ остеологического материала позволил судить о составе животных, мясо которых употреблялось в пищу населением городка: корова, овца, мелкая лошадь, свинья, лось²⁰⁵. Не вызывает сомнения сельскохозяйственный облик исследованного поселения. Однако есть ряд находок и другого характера.

Найден фрагмент шпоры XIV—XV вв., так называемая шпора со звездочками (8 лучей), полуциркулярно прогнутая; как определяет А. Н. Кирпичников, такие шпоры, с коленчатым перегибом ближе к крепежным скобкам²⁰⁶. Находка шпоры такого типа на Вельском городище свидетельствует о том, что здесь если не жил постоянно, то руководил обороной или принимал участие во время осады воин довольно высокого ранга.

В слое пожара был найден и большой бронзовый энколпион (7×5,8 см, длина вместе с ушком 8,5 см), его лицевая сторона слегка оплавлена. На одной из сторон — центральная композиция Спасителя с предстоящими (на кресте распят Христос, по бокам стоят двое коленапреклоненных), святых в клеймах идентифицировать трудно, т. к. клейма оплавились. На другой стороне — Никола Чудотворец, клейма оплавлены. Одна из близких аналогий вельской находке — крупный энколпион из Киева (найден на Андреевском спуске)²⁰⁷. Крупные энколпионы, по мнению исследователей, характерны для XIV—XV вв.²⁰⁸ Хотя общие хронологические рамки бытования крупных энколпионов ясны, следует все же согласиться, что типология данных изделий с XIV в. разработана явно недостаточно²⁰⁹. Небольшой фрагмент бронзового проволочного височного кольца принадлежит женскому украшению, хорошо известному по археологическим находкам XIV—XV вв. в северных землях Руси²¹⁰. Среди обработанных кусков кости можно отметить рог (лосиный), скотскую кость и кусочки моржовой кости — последняя свидетельствует, что продукты морских промыслов не только увозились в Новгород, но и распространялись по Северу. Из изделий моржовой кости наиболее яркая находка — шахматная фигура, возможно, в ранге пешки. Аналогичные деревянные и костяные пешки известны в новгородских слоях XIII—XIV вв.²¹¹

Одна из самых интересных находок городища — вислая печать Артемия Дементьевича. Печать была найдена в верхней части заполнения одной из углубленных частей жилища, в горелом слое. На лицевой стороне буллы надпись в 5 строк²¹²:

печать
Артеми
я Демен
тьев
ича

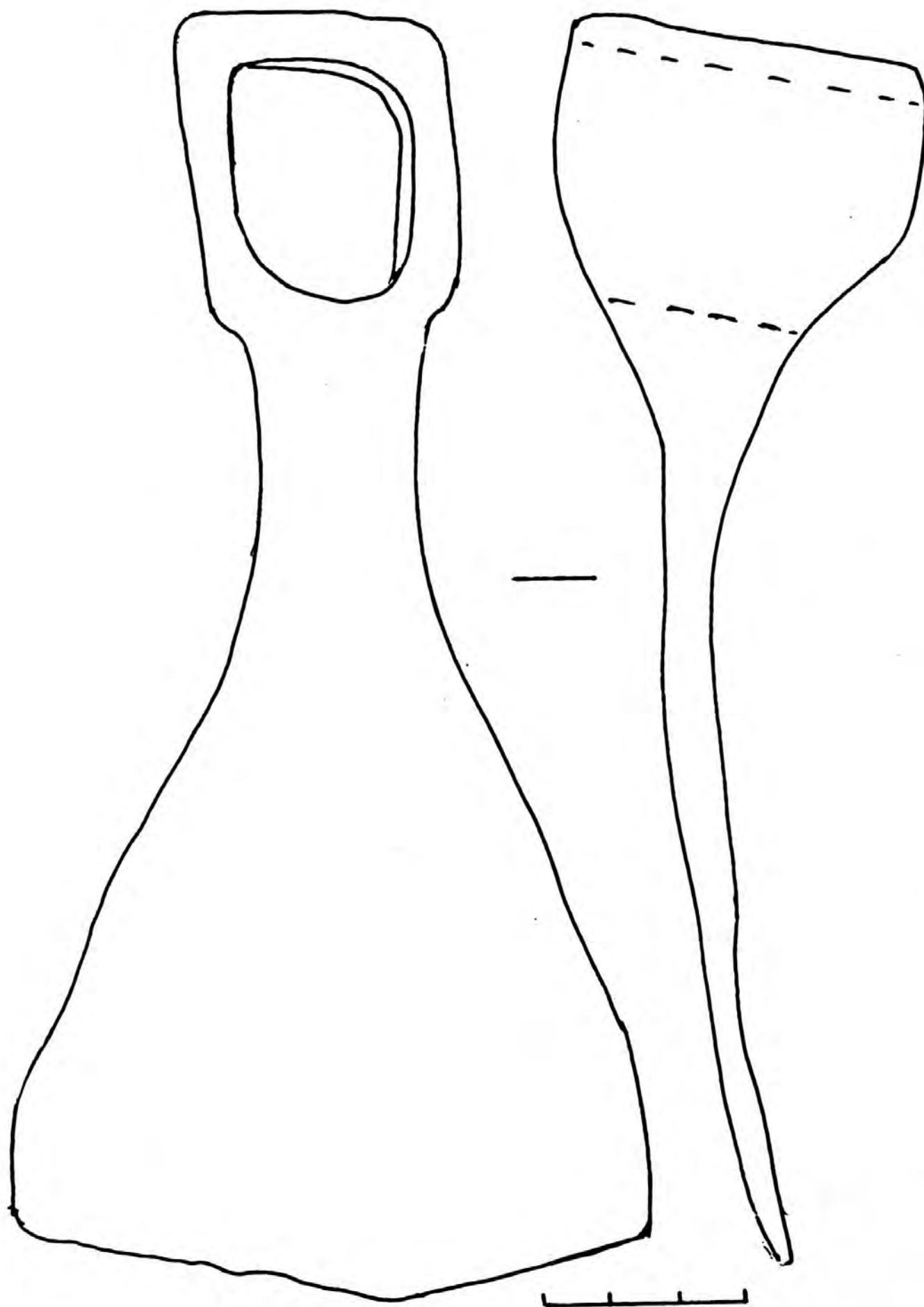

Рис. 100. Вельское городище. Железная мотыга

Рис. 101. Вельское городище. Фрагмент дна горшка с клеймом

На обратной стороне — восьмиконечный крест на подножии. Вокруг, между двумя точечными ободками, надпись: “владычного наместника”. В корпусе печатей В. Л. Янина зафиксирована лишь одна печать Артемия Дементьевича — на вкладной грамоте Андрея Михайловича, его жены и детей Николо-Корельскому монастырю на землю по Хмелевому ручью²¹³. В. Л. Янин датирует эту печать XV в.²¹⁴ Найденная на Ваге печать может быть датирована серединой — третьей четвертью XV в. (аргументы такой датировки: верхняя граница бытования владычных печатей — до 1478 г.²¹⁵; круговая легенда, встречена на новгородских и псковских печатях 1420—1460-х годов²¹⁶, написание “владычя” встречается на новгородских печатях от 1380—1390-х годов до середины XV в.²¹⁷; упомянутый на булле Артемий Дементьевич, возможно, является сыном владычного наместника Дементия Алексеевича). Эти соображения позволили М. В. Сотниковой отнести печать новгородского владычного наместника Артемия Дементьевича к третьей четверти XV в. Можно предположить, что на территории укрепленной владельческой усадьбы существовал небольшой архив, из которого и происходит найденная булла. Характер находок, обнаруженных во время раскопок памятника, свидетельствует об особом статусе этого сельского поселения — подчеркивает его владельческий характер.

Однако оказалось, что в жизни русского поселения следует различать два этапа: когда поселение было неукрепленным и когда на поселении возвели оборонительные сооружения. Причем часть оборонительных сооружений нанесла явный ущерб ранее бывшим здесь постройкам (деревянные оборонительные привальные конструкции стояли непосредственно на заполнении углубленной части жилища). Таким образом, оборонительные сооружения появились на финальном этапе существования поселения²¹⁸.

Топецкое городище. Городище расположено на левом берегу р. Топсы, в 4 км от впадения ее в Северную Двину. Сохранившаяся площадка имеет в плане форму прямоугольника со слегка скошенными углами. С напольной стороны городище окружено рвом (ширина 13 м, глубина 1,5 м) и валом (ширина 10 м, высота от 2,5 до 4 м). Культурный слой памятника был полностью уничтожен, когда в начале XVII в. расположенное на площадке городка кладбище было ликвидировано и вместе с костями “досыпано” на вал. Дело в том, что в

основании насыпи вала, со стороны городишной площадки, кое-где прослеживается слой обожженной глины. Можно полагать, что перед нами остатки тарас или городен XV в., стоявших с внутренней стороны вала (как в Емецком или Вельском городищах). Важно то, что городище начала XVII в. полностью сохранило более древнюю планировку (что было нетрудно, т. к. городок XV в. точно “сел” на прямоугольный мыс между двумя глубокими оврагами). Во время зондирования позднего вала в культурном слое, примыкавшем к насыпи вала, был обнаружен костяной гребень традиционной трапециевидной формы. Вероятно, с XVII в. здесь стояла деревянная церковь, в XVIII в. на городишной площадке был построен каменный храм.

Возможно, к таким же “двухэтапным” памятникам относятся Вареньгское и Тоимское городища, но судить об этом ввиду очень плохой сохранности памятников трудно²¹⁹.

Вареньгское городище. Городище находится на правом, высоком берегу Северной Двины, севернее поселка Рочегда. В плане городище имеет трапециевидную форму со слегка скошенными углами (130×60 м). Ров сильно деформирован, местами совсем заплыл, ширина его 5—8 м, глубина на отдельных участках достигает 2 м. Лучше всего вал сохранился у северного угла и на северо-восточной стороне. Можно отметить небольшой выступ-берму у основания вала с напольной стороны. Сейчас трудно судить, насколько соответствуют истине замечания А. А. Спицына²²⁰ о том, что на восточной стороне городища видны следы ворот шириной 12 сажен (вполне возможно, что это может быть и разрушенный участок). Датировка памятника, которая предлагается нами (XIV—XV вв. — время возведения городка, XVII в. — второй этап функционирования крепости), гипотетична.

Вотложемское городище. Городище находится в 30 км южнее устья р. Вычегды, на правом берегу одной из небольших проток Северной Двины (Малой Двины)²²¹. Городишная площадка имеет элементы регулярной планировки (южный и восточный фасады сходятся под прямым углом), прямолинейен и западный фас городища. Площадка сохранилась хорошо, ее размеры 70×225 м, мощный вал почти полностью сохранился на двух фасах городка. Ширина основания вала 15—20 м, высота до 4 м, ширина площадки на гребне вала до 4 м (такая мощность вала объясняется тем, что в начале XVII в. он был подсыпан и на нем стояла деревянная стена). С южной и восточной напольной

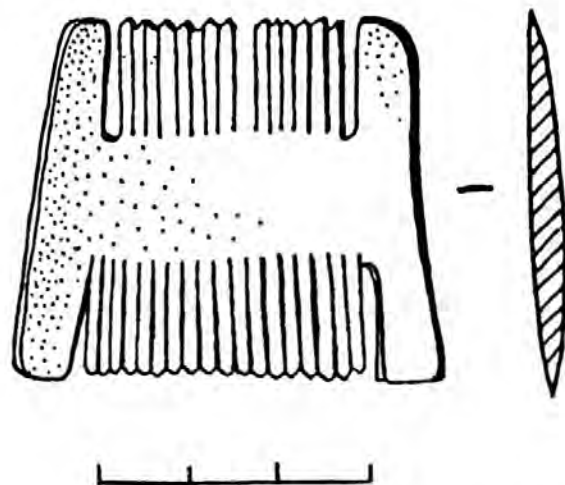

Рис. 102. Топецкое городище. Костяной гребешок

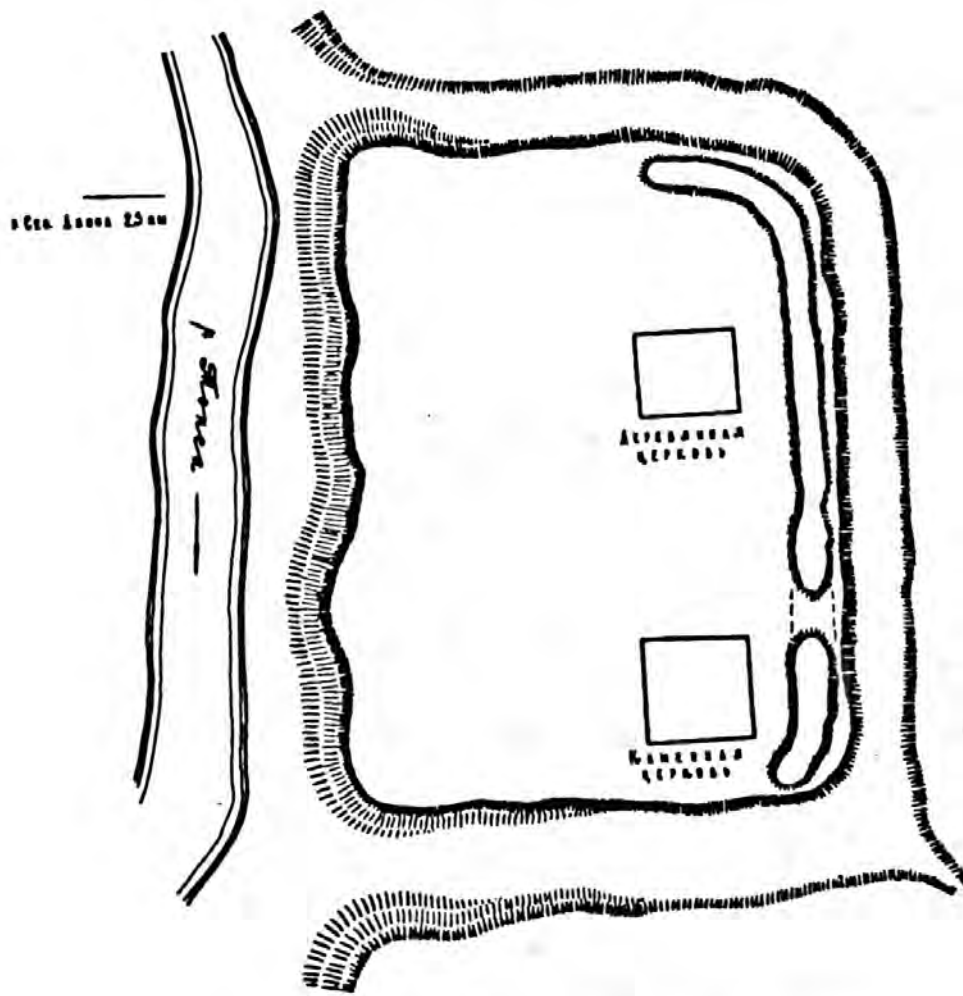
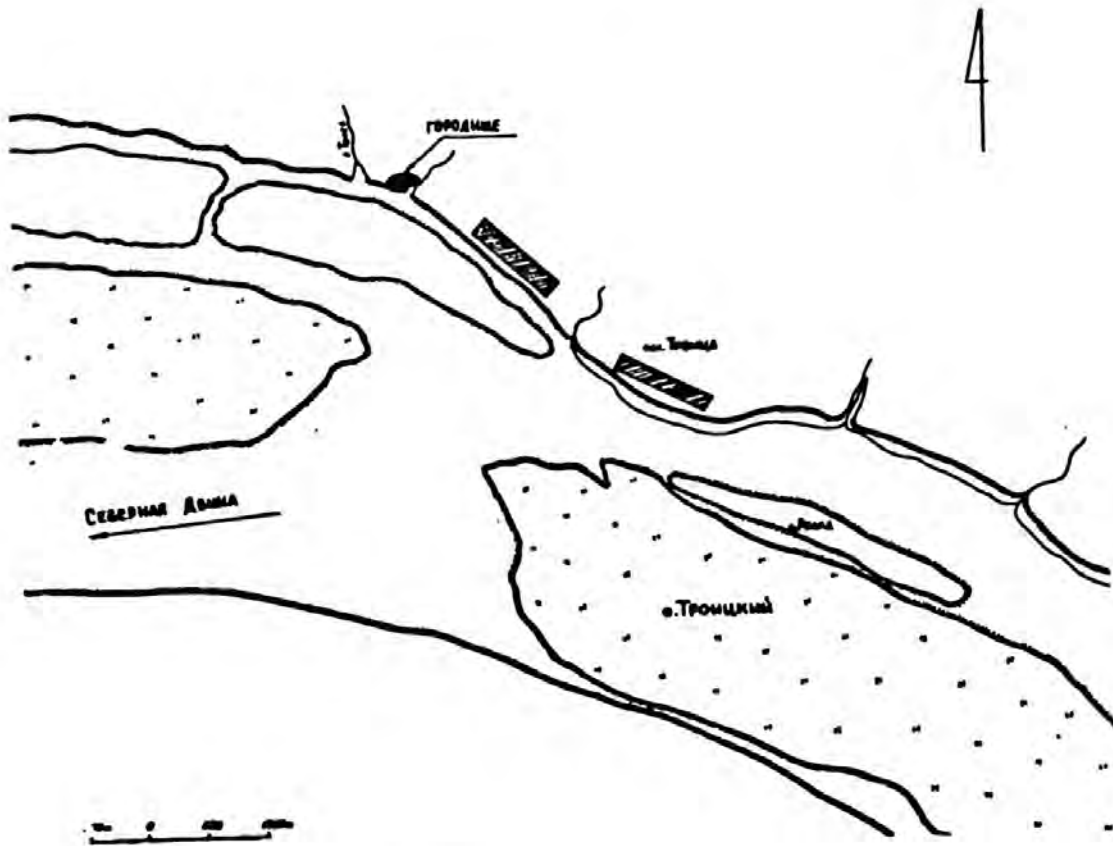

Рис. 103. Топецкое городище.
 Вверху — ситуационный план; внизу — план городища

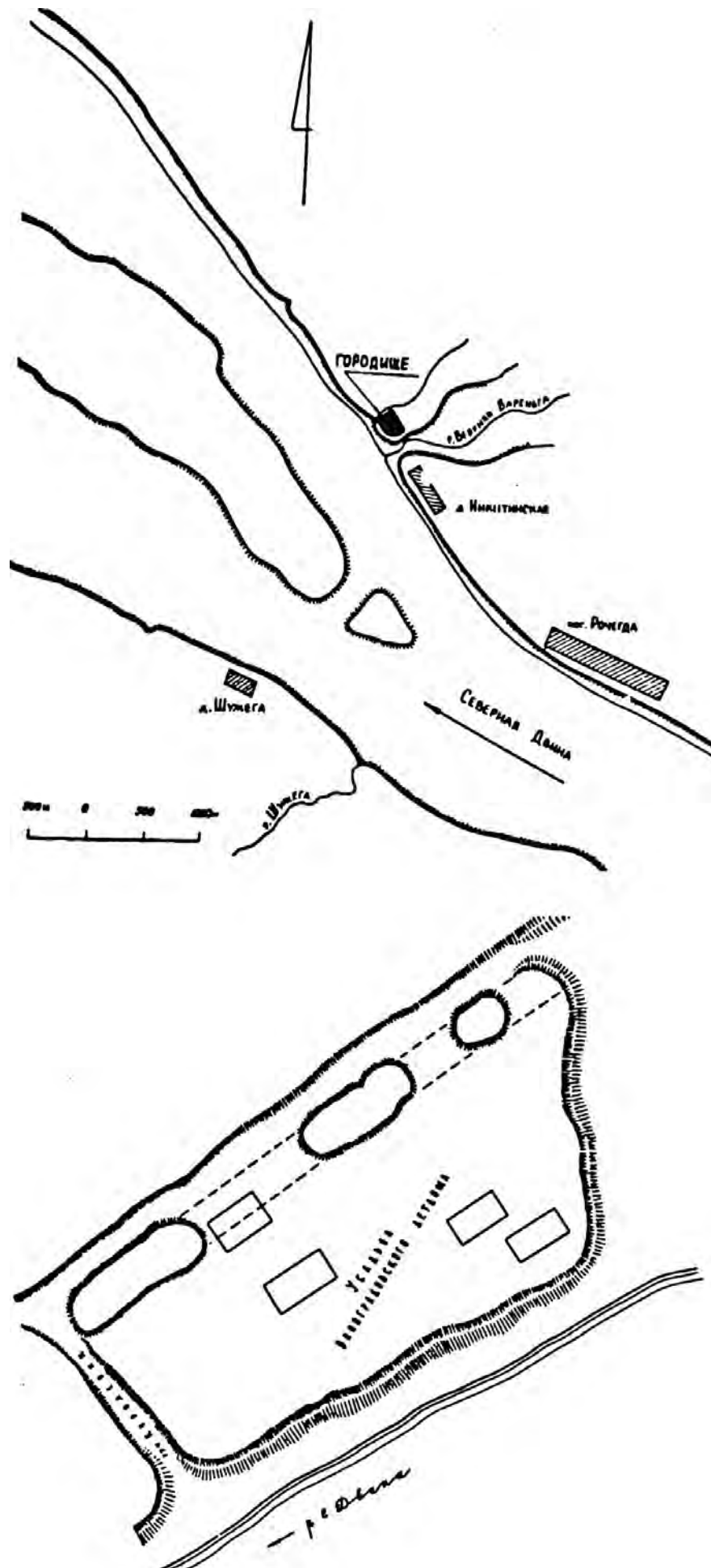

Рис. 104. Варангское городище.
 Вверху — ситуационный план; внизу — план городища

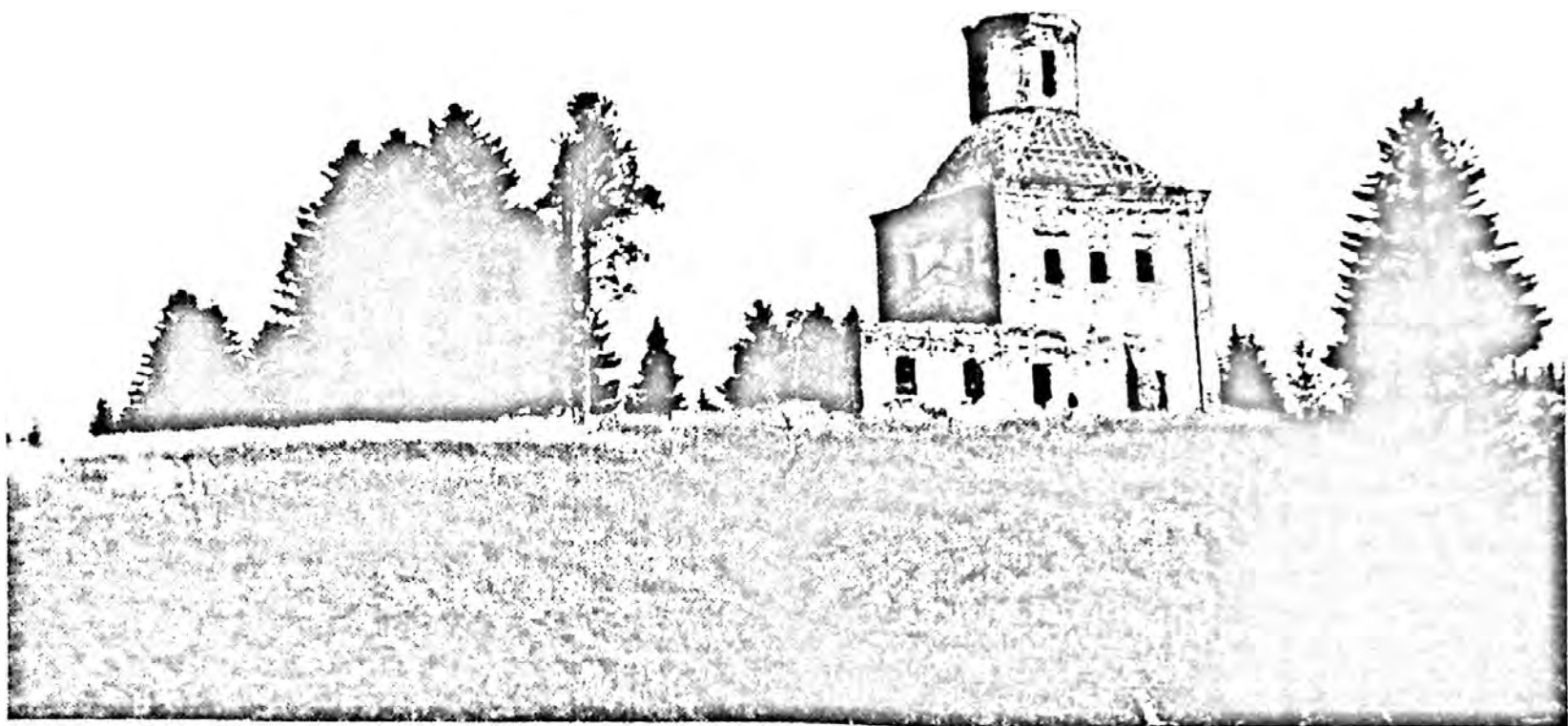

Рис. 105. Топецкое городище. Вид с юго-запада

сторон городище опоясано широким рвом (ширина 17—22 м, глубина от дневной поверхности napольной стороны 1,5—3 м). Городок в краеведческой литературе известен с конца XIX в., и, “по местным преданиям, в этом городке жители укрывались от набегов чуди”²²². М. М. Богословский считал, что городок построен “для осадного времени” и, по описи 1620 г., уже “огнил и обвалился”. Упомянут он в Вотложемской волости в Городецком Архангельском погосте и в переписи 1623 г.²²³

В 1961 г. было проведено обследование городища, в юго-западной части площадки заложен шурф площадью 2 м² (на непо потревоженном участке, между могил) и собрано несколько мелких фрагментов кружальной керамики с широко согнутым венчиком и орнаментом по плечикам в виде “волны” (предположительно XV в.). В шурфе была выявлена следующая стратиграфия: дерн — 2 см, глинистая прослойка — до 40 см, культурный слой в виде углистой прослойки — до 10 см. Фрагменты керамики были найдены в углистой прослойке. В 1985 г. на восточном отрезке вала появилась возможность изучить стратиграфию насыпи (для этой цели была зачищена яма, из которой брали землю для подсыпки могил). Изучение структуры насыпи вала позволило получить ответ на основной вопрос: вал содержал отчетливые следы двух этапов строительства.

1. Первоначальный вал имел высоту до 3,4 м и был насыпан из глинистой почвы. На гребне вала стояли деревянные оборонительные сооружения — крепостная рубленая стена типа городен. Внутри вала деревянные конструкции не обнаружены, однако со стороны городищной площадки зафиксирована линия срубов, стоящих впритык друг к другу, т. е. конструкция типа привальных клетей. Эти помещения, имевшие длину вдоль вала 2—2,3 м и ширину до 3 м, могли быть использованы для хранения различных запасов. Высота клетей прослежена на 2 м. Они, вероятно, имели плоскую крышу-накат, засыпанную землей.

Внутри этих помещений найдены вещи: долото, железный нож, наконечник стрелы и миниатюрный ключик, костяной наконечник стрелы, фрагмент обработанного рога. Хронологические рамки бытования такого типа вещей из Вотложемского городка довольно широки. Например, ключ относится к типу коленчатых и принадлежит замку с двумя цилиндрами и сферической дужкой, датируется он серединой XIV—XVII в.²²⁴ Более определенную датировку дают фрагменты кружальной керамики, характерной, судя по типам, для Северо-Западной Руси второй половины XV в.²²⁵

Стратиграфические наблюдения, находки, характер оборонительного сооружения дают основания датировать начало возникновения здесь оборонительных сооружений второй половиной XV в.

2. Второй этап в жизни оборонительных сооружений Вотложемского города связан с подсыпкой первоначального вала.

Вал получил очертания “осыпи”, характерной для позднего средневековья, — стал мощнее, выше. Шире стала и плоская площадка на гребне насыпи. Был, вероятно, углублен ров. На верхней площадке “осыпи” не обнаружено никаких следов оборонительных конструкций начала XVII в., т. к. первые венцы деревянной стены лежали непосредственно на дневной поверхности.

Есть основание считать, что на заброшенном городке во второй половине XVII в. стояла деревянная церковь. Так, в челобитной 1694 г. церковного старосты “Вотложемской волости осадного городка” указано, что “на том Вотложемском городке церковь Воскресения и Предтечи Иоанна... теплая, и та церковь давно ветха и згнила, ...пожалуй меня, благослови вместо той ветхия церкви новую взронить и построить на то старое церковное место, а ту ветхую церковь развалить...”²²⁶ Пример двукратного использования укрепленного Вотложемского поселения в конце XV в. и в начале XVII в. очень нагляден. Такие случаи, вероятно,

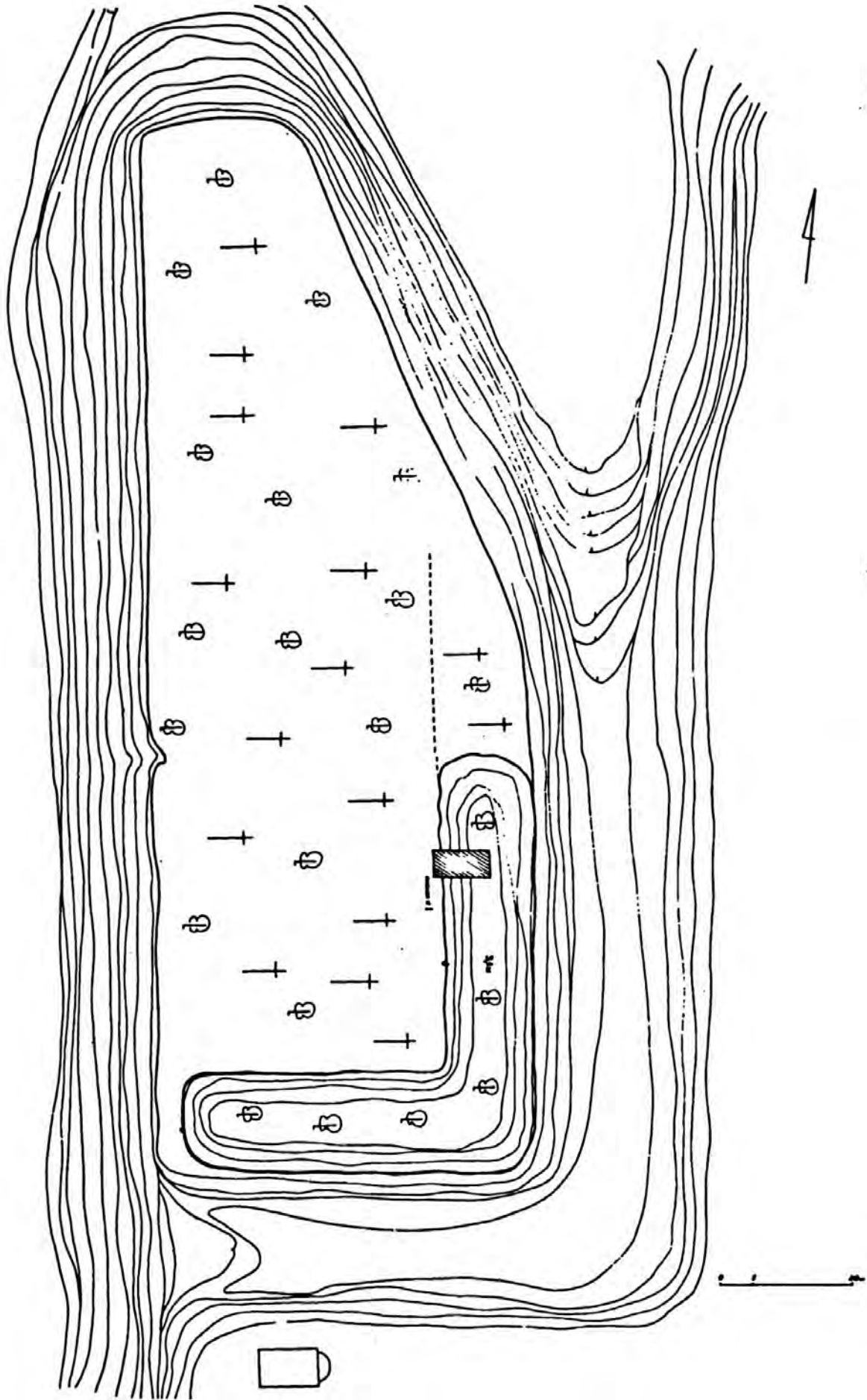

Рис. 106. Вотложемское городище. План

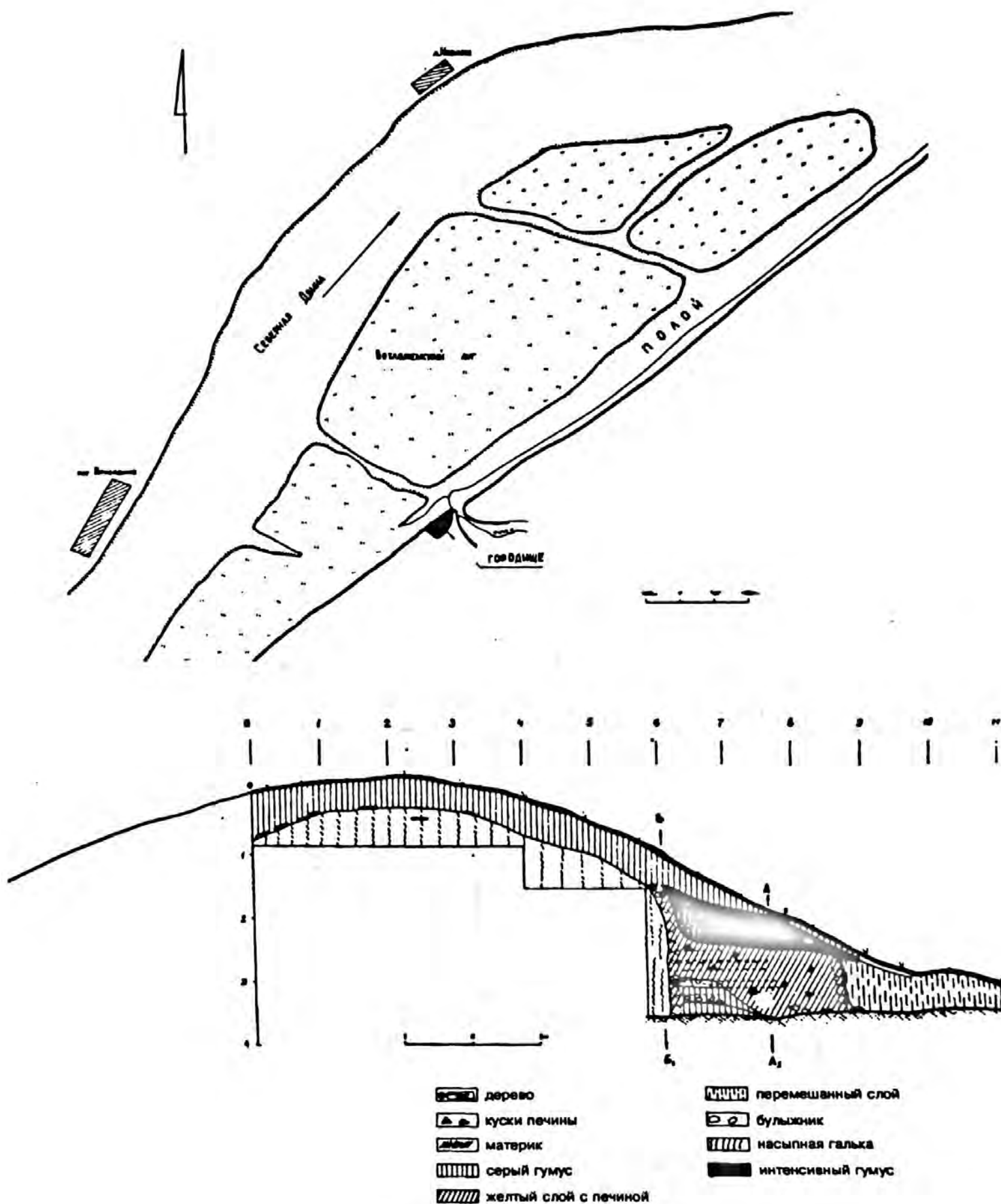

Рис. 107. Вотложское городище.

Вверху — ситуационный план; внизу — разрез вала и деревянных оборонительных сооружений

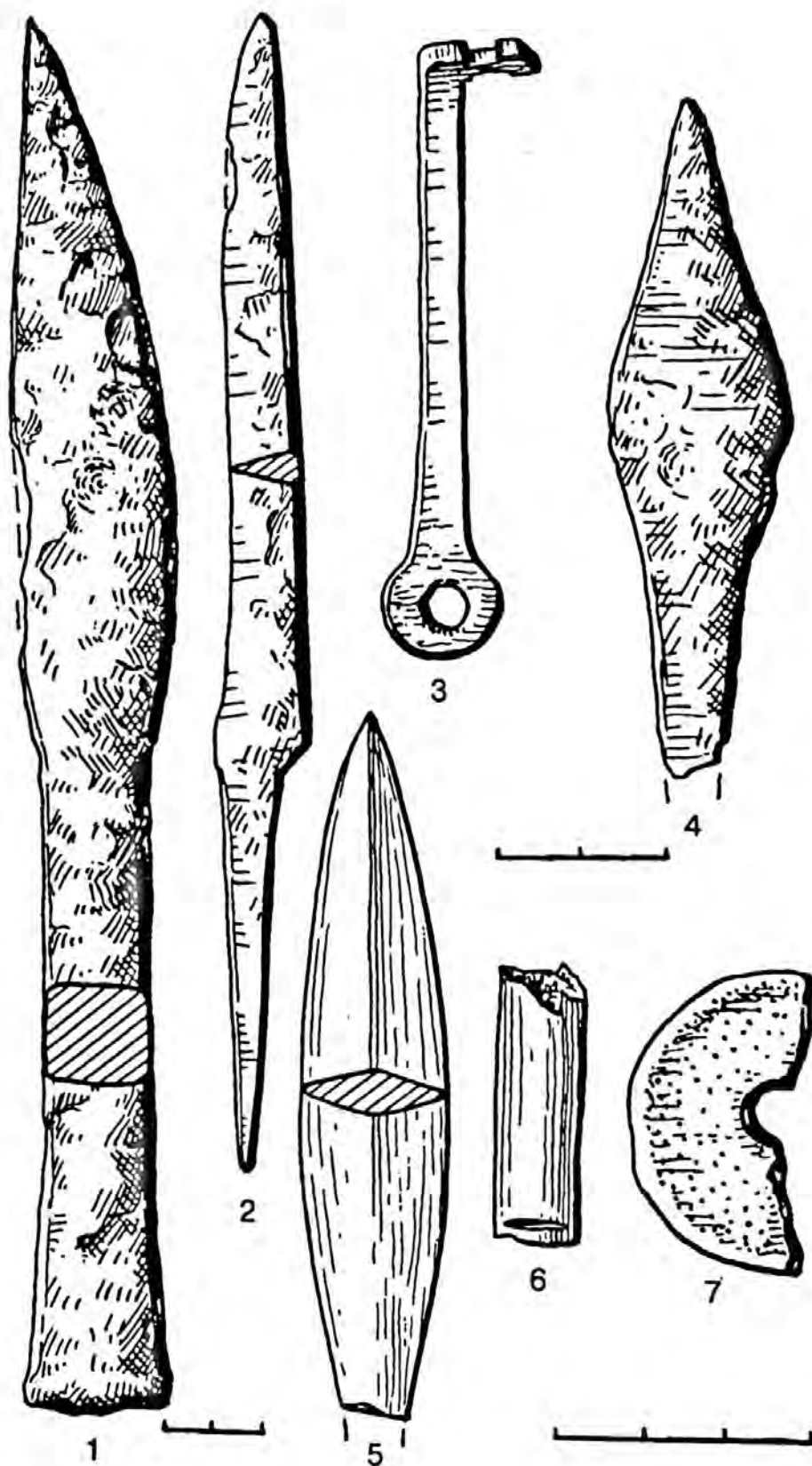

Рис. 108. Вотложское городище.
 1 — железное долото; 2 — нож; 3 — ключ; 4 — фрагмент наконечника стрелы; 5 — фрагмент костяного наконечника стрелы;
 6 — фрагмент обработанной кости; 7 — фрагмент керамического пряслица

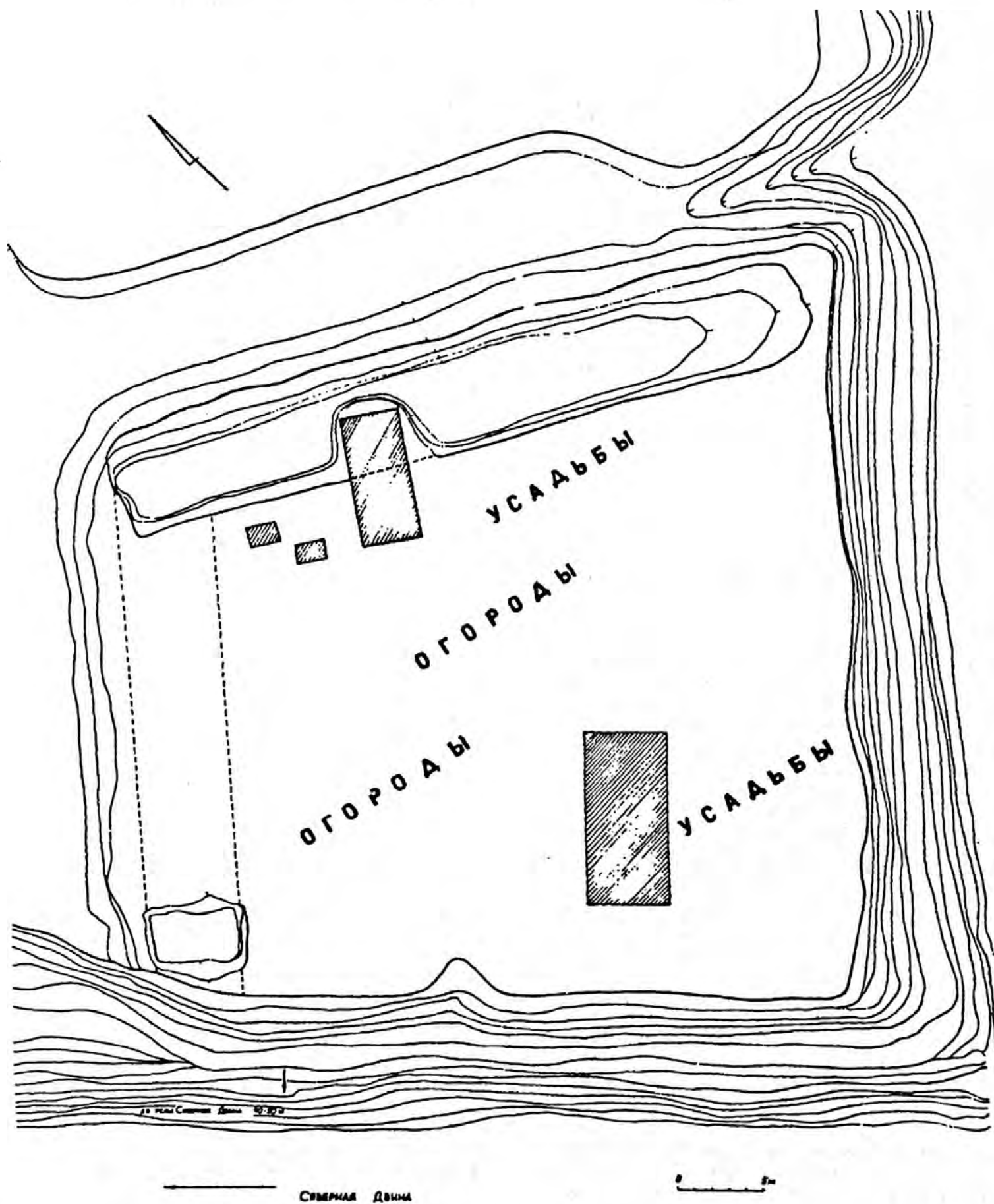

Рис. 109. Тоемское городище

не были редкостью, но археологически пока прослежены на одном Вотложском памятнике.

Городок Рагонимов. Археологические памятники XV в. в бассейне р. Онеги почти неизвестны. Письменные источники XVI в. упоминают о “розных боярщинах” (иногда значительных по своим размерам — от 36 до 60 деревень)²²⁷, что свидетельствует о довольно крупных боярских вотчинах в Онежской земле. Особенно интересно, что в этом документе упоминается волостка Рагонима: “В Турочасовском уезде волостка Рагонима, а в ней погост, а на погосте церковь Илья Пророк на городке”²²⁸. Таким образом, упомянутый в Сотной городок в волости Рагонима относится не к XVI в., а к более раннему периоду, вероятнее всего — к новгородскому времени. В 1961 г. остатки городка были нами осмотрены, сохранился лишь напольный склон городища, которое находилось на мысу. К настоящему времени мыс полностью уничтожен р. Онегой.

Система расселения в конце XV—XVII в.

Характер расселения тесно связан с типом поселения, его особенностями и динамикой. Безусловно, прав М. В. Витов, что поселение “является одним из важнейших предметов историко-географического и историко-этнографического изучения”²²⁹.

Вопрос этот очень сложный, решением его занималось не одно поколение русских и советских исследователей²³⁰. Изучению сельских поселений Северо-Восточной Руси посвящена интересная работа С. Б. Веселовского²³¹, социально-экономическое “содержание” сельских поселений феодальной Руси исследовал Н. Н. Воронин²³², фундаментальная работа, рассматривающая историко-географический аспект расселения Севера в XVII в., принадлежит М. М. Богословскому²³³. Блестящая рецензия Б. А. Романова на работы С. Б. Веселовского и Н. Н. Воронина, по существу, является самостоятельным, хотя и весьма спорным исследованием о сельских поселениях эпохи феодализма²³⁴. В обстоятельной работе П. А. Колесникова, посвященной северной деревне XV—XIX вв., автор с XV в. различает типы поселений: городок, село (сельцо), слобода (слободка), погост (погостец), деревня, починок, выставка, займище, выселок²³⁵. В упомянутой работе М. В. Витов выделил следующие типы сельских поселений на Севере: село, хутор, слобода, погост²³⁶. Вполне естественно, что эти “типы поселений”, постоянно упоминаемые в позднесредневековых письменных источниках, и выделяются исследователями в качестве типологической схемы поселений²³⁷. С XIV в. появляется термин “деревня”, и “уже первое чтение документов убеждает, — пишет Г. Е. Кочин, — что деревня — это селение земледельцев-тружеников, новый вид поселения, которого раньше, до XIV в., мы не знали...”²³⁸ И вот вся последующая русская сельская жизнь неразрывно связана с “деревней”. Г. Е. Кочин отмечает, что летописная запись 1384 г. о деревне характеризует ее как окладную единицу для всего русского великого княжения и сразу добавляет: “...а вместе с этим и как основной для того времени тип сельского земледельческого поселения во всей Северо-Восточной Руси”²³⁹. И таким основным типом сельского поселения деревня оставалась на протяжении всей многовековой истории Русского государства. Мнение о том, что деревня “зародилась” и “осталась” в течение веков как

основной тип сельского населенного пункта, в известной мере, несколько запутало представление о характере сельского расселения, привело к отрицанию генезиса самого сельского расселения. Отметим, что общепринятое первое упоминание о “деревне” (1384 г.) далеко не самое первое. В Духовной грамоте великого князя Ивана Даниловича Калиты (около 1339 г.) упоминаются и “село”, и “деревня”²⁴⁰. В определенной связке с “селом” называются “деревни” в Духовной грамоте великого князя Ивана Ивановича (около 1358 г.)²⁴¹, в Духовной грамоте Дмитрия Ивановича (1389 г.): “...те деревни потянут к Лыткинскому селу”²⁴².

Если в документах 1360—1370 гг. деревня отмечена для Северо-Восточной Руси, а при взимании дани Тохтамышем именно “деревня” была принята за общую для всего великого княжения единицу податного обложения, то это еще никоим образом не говорит о том, что деревня была основным и повсеместно распространенным типом сельского поселения. Речь ведь идет лишь о том, что существовала повсеместно распространенная единица обложения — “деревня”. О том, что деревня имеет определенный поселенческий аспект, мы узнаем из документов последующего времени. Еще в 1900 г. В. Сергеевич в статье “Древности русского землевладения” задавал вопрос: “Что же такое древняя деревня?” и отвечал на него так: “Первоначальная деревня есть не что иное, как отдельный пашенный двор с хозяйственными постройками и принадлежащей к нему землей. Каждый самостоятельный земледелец (своеземец) устраивался своим хозяйством, на своем дворе с прилегающими к нему полям и угодьями. Это и была его деревня”²⁴³. Нет надобности говорить о том, что и русские дореволюционные историки, и большинство советских исследователей в понятие “деревня” вкладывали не только тип поселения, но рассматривали ее как “комплекс окончательно устроенных земледельческих хозяйств, обеспеченных достаточным количеством полевой, хорошо разработанной, отвоеванной от леса пахотной земли, сенокосными угодьями и т. д.”²⁴⁴ Но, отмечая эту связь, оговаривая ее, тут же забывали о том, что деревня — земледельческий комплекс, и отдавали приоритет в содержании термина поселенческой его стороне. Например, публикуя сотную XVI в. на Кодимскую волость Важского уезда, Ю. С. Васильев констатирует: “Описание волости в сотной дается по населенным пунктам. Указывается вид населенного пункта (деревня, починок, селище, пустошь), его название и географическое положение (река или озеро), дается перечень дворов и их владельцев”²⁴⁵. Из “деревни”, этого оригинального по своему составу комплекса пашни и угодий, в исторической науке постепенно “сделали” одно-, двух-, трех- или многодворное поселение. Стали проводить классификацию деревень и высчитывать проценты однодворных и других дворовых поселений. Ведь именно только потому, что “деревня” в письменных источниках — это прежде всего комплекс земельных угодий, она и однодворная, и многодворная (употребляя эти общепринятые термины) продолжает оставаться комплексом, составлять нечто единое, и писцы описывают деревню не только как населенный пункт, но, указывая количество дворов данной единицы, описывают земли комплекса как совокупность — “деревню”. На наш взгляд, увеличение хозяев земли и угодий “внутри” деревни не меняет ее как производительную единицу (остается прежним

количество земли, угодий), изменяется лишь поселенческий аспект этого комплекса.

Что такое деревня для человека XVI в.? Вот, например, купчая конца XVI в. на деревню, и пожни, и угодья по ручью Глубокому в Чакульском погосте Яренского уезда, купленная Матвеем Балушкиным у Артемья Анисимова сына Божина: "А взял аз, Артемей, на той деревне, и на дворе, и на пожнях, и на угодьях, со всим без вывода пятьдесят рублей денег..."²⁴⁶ Очень подробно описаны границы деревни, т. е. комплекс земель и угодий: "...по ручью Глубокому, с усть покрязново истока, с нижнюю сторону, с усть покрязного истока да по ручью вверх, а Гаврилом в межах, да и в гору прямо. Да в поскотине есми продал половину в горной, да и в подгорной, да и в угодье есми продал половину, и в подкрязном истоке половину, и в озерах, и во всяких угодьях есми продал половину, чем яз сам, Ортемий, взял, да и в езу половина в подкрязном истоке в плетеном..." Так же тщательно и очень подробно описаны пожни, в каких они межах и т. д., т. е. в этом документе деревня действительно выступает как комплекс и земли, и угодий, и двора, в качестве составного элемента этих владений. Для писца XVI в. деревня — это комплекс, даже в том случае, когда нет двора²⁴⁷.

В исторической науке наметилось два направления в отношении определения социальной природы черносошного крестьянства. Первое считает положение черносошных крестьян принципиально схожим с положением крестьян вотчинных, второе считает, что черносошный крестьянин — "собственник своей земли, и эта собственность является основой его относительной свободы как мелкого производителя, ведущего личным трудом независимое индивидуальное хозяйство"²⁴⁸. Особенности правового положения черносошного северного крестьянства дали ему большую свободу в распоряжении своим трудом и хозяйством, что способствовало широкому вовлечению черносошного крестьянства в промыслы, росту товарно-денежных отношений и углублению расслоения в черносошной среде.

Самые информативные документы относятся к XVI — первым годам XVII в., они дают определенное представление о характере деревни в Важском уезде с конца XVI в. В сборной памяти о взимании податей с крестьян Троицкой волости 1593 г. есть деревни разной структуры: это деревня, которой владеет один хозяин (например, "...да Самыло Леонтьев заплатил с Самыловские деревни дань и оброк с пошлинного порублевого и заданные деньги и кабацкие 2 рубля и 15 алтын без деньги"²⁴⁹), и деревня, которой владеют по двое хозяев (таких гораздо больше — Тимошинская, Филипповская, Кривошеинская и т. д.). Документ дает и более дробные доли деревни — одну треть, одну четверть деревни, упоминаются восьмая и двенадцатая доли деревни²⁵⁰.

Обратимся еще раз к описанию Кодимской волости Важского уезда по сотной XVI в. Составленная Ю. С. Васильевым таблица земельных владений в этой волости в середине XVI в. наглядно показывает расселение крестьян в данной волости и характер владения деревнями. Суть составленной таблицы в том, что видно, как отдельные крестьяне владеют землями (деревнями, пустошами) в нескольких местах. Например, Обакумко Иванов владеет деревней Обакумовской, в которой находился его двор, а деревню Киверниковскую и селище Белявское пашет наездом. Далее, Пет-

рак Прокофиев имеет во владении деревню Другое Давыдовское, где стоит его двор, деревни Тутпыгнскую, Олферовскую, Овдокимовскую пашет наездом, а владеет еще двором в деревне Ивана Болтина²⁵¹. Вот из таких переплетающихся землевладений строится классификация деревень ("населенных пунктов") однодворных, двух-трехдворных и четырех-пятидворных²⁵².

Что в конце концов представляла собой деревня в XVI—XVII вв.? В своей работе "Крестьянство Русского Севера в XVI в.", а именно в главе "Деревня, поземельная и социальная структура", А. И. Копанев пишет: "Деревня была господствующим типом поселения в Подвинье. Общие сведения о деревнях (количество, дворность) мы можем получить лишь из писцовых книг 20-х годов XVII в. По ним на Двине насчитывалось 1075 деревень, на Пинеге — 415, на Мезени — 88, т. е. в уезде 1578 деревень! Исходя из общего числа дворов в каждом районе получаем для деревни в среднем на Двине — 3,9 двора, на Пинеге — 4, на Мезени — 12 дворов... Итак, значительная часть населения в восточных районах Двинского уезда жила в крупных селениях, чего нельзя сказать в отношении собственно Двинского района"²⁵³.

Что же действительно происходит с деревнями в XVI и XVII вв.? Изменилась дворность северной деревни: в Двинском уезде, в Емецком стане, около середины XVI в. (1552—1553 гг.) в среднем на деревню, историки подсчитали, приходилось по 1,7 двора, а в 80-е годы XVI в. — уже 2,2 двора²⁵⁴. В Каргопольском уезде в середине XVI в. насчитывалось 1756 деревень и на большей части уезда преобладали малодворные (1—2 двора) деревни²⁵⁵; в Важском уезде в середине XVI в. было около 2000 деревень²⁵⁶. Итак, если мы договоримся считать, что деревня для XVI в. — это комплекс в первую очередь пашенных земель и угодий, то увеличение хозяев на площади данного комплекса свидетельствует, главным образом, не об увеличении дворности поселения (это следствие), а о существенных изменениях во владении землей внутри деревни (это причина). Ускорение или замедление этого процесса, выражающееся в появлении новых владельцев внутри деревни — комплекса отражает ускорение или замедление изменений во владениях этой землей, причем на "худых", "средних" и "добрых" землях темп процесса дробления земельных владений был различным (на "худых" — 3,4 двора, на "добрых" — 3,8 двора на владение)²⁵⁷.

Каков же в действительности поселенческий аспект этих поселений, как стояли эти дворы в деревнях? В некоторых документах XVI в. есть вполне определенные характеристики так называемых двух-трех- и т. д. дворных деревень: в сотной на Кодимскую волость Важского уезда переписаны деревни, например "деревня Мартыновская на Иксе озерке: во дворе Филка Федотов. Пашни в поле 5 чети, а в дву по тому ж и с отхожею пашнею. Сена 50 копен, лесу пашенного 6 чет во все три поля. Земля средняя"²⁵⁸; "деревня Другое Давыдовское стоит надвое: во дворе Петрок Прокофиев, во дворе Истомка да Васка Ермолины". Там же "надвое" стоят деревни Пукаловская, Олферовская на реке на Двине, а деревня Даниловская "стоит начетверо" — думается, что писец специально отметил разбросанность дворов. В Яренском уезде в сотной с писцовых книг И. Г. Огарева и подьячего Ф. Юрьева мы читаем: "Деревня Никоновская, дворы стоят врозни: во дворе Оверка Федоров, молотчей, во дворе Ивашко

Григорьев да сын его Васька, молотчей, во дворе Оноско Родионов, молотчей, во дворе Матренка Левонтьевская жена, молотчая, во дворе Гришкин половник Куземка Товаров, двор пуст Ивашка Иванова, умер”²⁵⁹. Таким образом, деревня имеет шесть дворов, стоящих врознь. Далее: “Деревня Огафоновская, дворы врозни: во дворе Трофимко Игнатъев, во дворе Треня Игнатъев, во дворе Ивашко Тимофеев”²⁶⁰. Описанная выше деревня имеет три двора, стоящих “врозни”. Далее: деревни Рязанова Гора, на земельных угодьях которой стоят 14 дворов землевладельцев, деревня Голяшева — 6 дворов землевладельцев, деревня Чмушовская — 4 двора землевладельцев, деревня Шоном — 15 дворов землевладельцев, деревня Мажог — 8 дворов землевладельцев²⁶¹, дворы на земельных угодьях перечисленных деревень, по сведениям документа, стоят “врозни”. На наш взгляд, речь идет не о едином поселении с “разбросанной” или нерегулярной планировкой, тем более не о каком-то многодворном поселении в привычном для нас понимании. Здесь идет речь об определенной системе расселения.

Обратимся к любопытному документу начала XVII в. (1612 г.), дающему прекрасный пример сельского расселения — это Веревная книга Николо-Паниловского прихода Плесской волости²⁶². А. И. Копанев сделал немало прекрасных наблюдений о характере крестьянского землевладения начала XVII в. в низовьях Северной Двины (Холмогорский уезд), но вызывает решительные возражения его понимание структуры описанных крестьянских владений. А. И. Копанев считает, что упоминаемые в документах некие географические местности (а может быть, это территории более ранних погостов?): “в Товры”, “на Новинах”, “во Власовской”, “в Вороновской” — означают “деревни”, а “деревни”, упомянутые в документе, — это дворы. Поэтому, по А. И. Копаневу, Товры получились деревней из четырех дворов, Новины — из двух и т. д.²⁶³

Приведем описание одной структуры, как она дана в документе: “На Новинах деревня у Прокопья Филимонова... На Новинах же деревни у Насона Шипицына...”²⁶⁴ Думается, что после всего сказанного уже нетрудно представить упоминаемые в письменных документах “деревни” как одно-, двух- или трех- и т. д. дворные поселения, напоминающие деревни XIX в., стоящие “в большинстве случаев около реки, что обусловлено размещением домов в ней в линию”²⁶⁵.

Вероятно, не так прост был процесс формирования северной многодворной деревни конца XVIII—XIX в. от однодворной деревни XVI—XVII вв. Важные изменения должны были произойти в характере самого крестьянского землевладения, и они произошли. С конца XVII в. и на протяжении XVIII в. наблюдается, на наш взгляд, как бы отчуждение крестьянина-собственника от его земли и превращение его в пользователя общинных земель. Переход с поземельного к подворному, а затем и к подушному окладу способствовал этому. Это все явилось как бы переходом к межовым структурам 1754 и 1766 гг., которые отменяли право бывшего владельца земель — крестьянина распоряжаться этой землей. Земля стала общинным владением, были введены принудительные переделы. Нововведения в поземельном устройстве отразились самым решительным образом и на принципе расселения. С оформлением подушного оклада и урегулированием земельного надела общины “на душу” произошли и соответствующие изменения в структуре расселения:

община выделяла подворные участки земли, наименее пригодные для землепользования и неудобные в транспортном сообщении. Это не значит, что стали возникать абсолютно новые поселения. Нет, использовалась большая часть старых дворовых гнезд. Историки отмечают, что если еще в начале XVIII в. преобладали деревни малодворные (в среднем по 2,1 двора на деревню с населением 17,4 чел.), то, по ревизским сказкам 1747 г., среднее количество дворов на такую деревню стало достигать 4,5 дворов с населением 33,6 человека²⁶⁶. Это, так сказать, “формальная” сторона процесса, отраженная в фискальных документах. В чем же реальная суть процесса? А дело в том, что формирование деревенских поселений в собственном смысле этого слова, с регулярно-планировочным элементом в застройке и обеспеченностью дворового участка могло произойти и действительно произошло только во второй половине XVIII в. под контролем крестьянской общины. На усадебных дворовых участках, что были отведены общиной, в XVIII в. происходило формирование того типа деревенской планировки и типа крестьянского жилища, который, по существу, дожил в северной деревне до наших дней. Основным “ядром” сельского расселения было в домонгольской Руси “село”, позднее, в первой половине XIV в., оно называлось “деревней” (на Севере, как мы уже отмечали, крестьянские “село” и “деревня” означали одно и то же)²⁶⁷. Конечно, трудно согласиться с Г. Е. Кочиним, что деревня как поселение нового типа появилась только “в результате перехода от подсеки к паровому земледелию”. На наш взгляд, логичнее предположить, что постепенное оформление правового положения “села-деревни” связано с процессом перехода от коллективных форм собственности на землю к индивидуализации форм собственности на основное средство производства (землю). Конечно, этот переход не совершился “прямо”, он многоступенчат: от коллективно-семейной к индивидуально-семейной форме собственности на владение недвижимостью, а затем и на индивидуально-семейную собственность на землю²⁶⁸. Эволюция наследования недвижимости есть в то же время и эволюция форм самой индивидуальной собственности на землю (сородичи разных степеней родства используют участок сообща — землю наследуют только сыновья — круг наследников расширяется до женских потомков и боковых родственников)²⁶⁹. “Основной ячейкой общества становится деревня, населенная соседями”, — ошибочно пишет А. И. Неусыхин²⁷⁰: индивидуальная форма владения землей подразумевает, на наш взгляд, и индивидуальные формы поселения. Вот именно такой индивидуальной формой поселения (поселение одной семьи на “своей” семейной земле) и явилась деревня как итог длительного развития сельских поселений, т. е. в процессе развития форм землевладения. Несомненно, археологам еще предстоит исследовать и опознать в конкретных археологических памятниках различные промежуточные формы сельских поселений от крупных селищ до индивидуальных и наследственных поселений типа “деревня”²⁷¹. Косвенное подтверждение этого — преобладающее число однодворных деревень (т. е. индивидуальных деревень) на тот ранний период, от которого дошли массовые поселения: например, в Обонежской пятине в 1496 г. однодворные деревни (“первоначальные” деревни) составляли 83% от общего числа деревень, а вместе с двухдворными — 98%²⁷². Правда, уже в XV в., что

справедливо отмечала М. Островская, идет дробление первоначальной деревни²⁷³. Не один десяток исследователей стремился дать свое определение термину “деревня” и всякий раз подчеркивал две стороны сущности этого понятия — первая сторона определяется ее поселенческим характером (деревня — однодворное или многодворное поселение) и вторая — тем, что деревня есть комплекс сельскохозяйственных угодий. Вот тут и кроется коварная ловушка — исследователь может написать: “поставить деревню — значит поставить двор” и тут же — “основной элемент деревни составляет *пашня*, на которой и ставят деревню”²⁷⁴. Дело в том, что крестьянский двор не может стоять “вне” деревни, а деревня называется деревней и тогда, когда в ней нет крестьянского двора. В. Сергеевич еще в начале века правильно утверждал: “Хотя бы в деревне было и несколько дворов, но хозяйство их описывается не по отдельным дворам, а совокупно для целой деревни”²⁷⁵. Деревня как одно целое имела и единые границы — межи и городьбу (“...а промежи сел и деревень городити изгороды...”²⁷⁶; межа, вероятно, была достаточно широка, чтобы ее всегда видели: “А друг у друга межу перероет или перекосит на едином поле, вины боран, а межу сел межа — тритцать бел...”²⁷⁷).

Несомненно, должен был существовать определенный акт-документ, официально оформлявший “комплекс” деревни и передававший право владения ею. Обратим внимание на некоторые формулировки грамот начала XVI в. Жалованная тарханная и несудимая грамота Василия III Иосифо-Волоколамскому монастырю на деревни в Тверском уезде (1515 г.), с характерной припискою: “А на сю мою грамоту жалованную, моей, великого князя, грамоты дертной нет”²⁷⁸. Советские историки, казалось, уже вплотную подошли к выделению индивидуального владения — “деревни”, но почему-то так и не назвали вещи своими именами. Например, Ю. Г. Алексеев писал: “Таким образом, на территории волости в маленьких деревнях по одному и по двое живут мелкие непривилегированные “волостные люди великого князя” — аллодисты, относящиеся к волости как часть к целому. Аллод волостного человека — результат распада древней общинной собственности на землю и в то же время — последний остаток этой собственности”²⁷⁹. Да, совершенно прав А. Н. Сахаров, когда пишет, что вопрос об истории деревни — один из тех, “которым, кажется, не суждено стареть”, ибо он тесно связан с эволюцией феодального строя²⁸⁰. “Дернь”, “дерть” выступает как определенный термин, означающий передачу владения в вечное владение — “в дерть”²⁸¹. Истинное значение этого термина, на наш взгляд, как-то ускользало от исследователей (М. Б. Свердлов, подойдя вплотную к его пониманию, упомянул и интерпретировал термин только как древнее словесное образование — “одерень”²⁸²).

Таким образом, документом, который определял размеры “деревни”, являлась дертная грамота на это владение. Однако в процессе реального землепользования идеальная структура индивидуальной деревни — деревни одного владельца не сохранилась. Появились два, три, четыре и т. д. совладельца деревни, но деревня как единый комплекс, как правило, не укреплялась (к ней только могла быть “припущена” пашня) и, главное, не делилась, ибо как единое, “вечное” владение она была определена дертной грамотой (вероятно, единой). В основе всех поселений, сельских и посадских, лежит единый принцип землеполь-

зования (“деревня” в уезде и “двор” на посаде). Безусловно, такая единая система могла окончательно оформиться только в рамках единого государства, т. е. на рубеже XV—XVI вв. Но самое любопытное то, что эта система (так сказать, “модуль”) была единой и для чернососного, и для владельческого землевладения. Тотальный ее характер объясняется не только всеобщим ее распространением, но и единым происхождением.

Как в новгородское, так и в московское время на Севере употреблялись термины “село”, “погост”, “слободка”, “волость”. А. Я. Дегтярев считает, что под большинством этих терминов скрываются сельские поселения с разными функциями, причем нарастание значения функций идет по линии: починок (выставка, займище) — деревня — село (сельцо) — погост²⁸³. Нужно помнить, что большая часть терминов сельского расселения восходит к древности и в свое время отражала определенный уклад земельного пользования и владения. Вполне естественно предположить, что за период, когда типы землевладения сменяли на северной территории один другой, каждый период откладывал свой “пласт” терминологии. Можно говорить о том, что существовала своя, особая динамика затухания значения определенных терминов, частичная утрата первоначального смысла. На наш взгляд, это в достаточной мере фиксируют письменные документы — особенно отчетливо с конца XVI в. То есть такие понятия письменных документов, как “слобода”, “погост”, “село”, “волость”, “боярщина”, являются не обозначениями поселений, а индикаторами определенных типов землевладения. И в то же время самая первоначальная клеточка любой из этих структур — это “деревня”, она дольше всех сохраняла свое содержание. Пожалуй, трудно найти исследователя, который бы не указывал на двойственность терминов “деревня”, “село”, “погост”, “починок” и т. д.: под этими терминами могли скрываться селитбенные места, но они могли обозначать и обозначали земельные владения (“село земли”). И. В. Власова считает, что письменные документы даже начала XVIII в. (ревизские сказки 1719 г.) содержат определенную информацию для социально-экономической характеристики каждого из этих понятий²⁸⁴.

Существует мнение, что “село” — древний тип поселения; с развитием феодального способа производства “сёла” все больше становятся центрами поместий, главное в них — наличие владельческой усадьбы²⁸⁵. И. В. Власова, например, пишет, что по мере развития поместного землевладения крестьянские селения стали называться “деревней”, а “села” относиться к владельческим центрам. После уничтожения боярского землевладения сёла на Севере могли становиться центрами волостных общин. С сельскохозяйственной стороны “село” мало чем отличалось от “деревни”. Действительно, для северо-восточных земель XV—XVI вв., а также для северо-западных земель XVI в. отчетливо проступает владельческий характер “села”. “Сёла” могли быть великокняжеские, княжеские, удельных князей, боярские, митрополичьи, монастырские, а также вотчинников и землевладельцев. Казалось бы, как отмечали исследователи, село мало чем отличается от деревни, разве что наличием владельческой усадьбы и церкви. Например, купчая на село около 1380 г.: “...се яз, Павел Харитонов, купил есми у Ильи у Краковля село Вашен, его вотчинную землю со всем тем, что к тому селу по тяглу и с старины, куды топор ходил, куды коса ходила, куды соха ходила”²⁸⁶.

Представляется, что термин “слобода” не означал особый тип поселения — это группа сельских поселений типа “деревня” (или даже посадские дворы), находящихся в льготном отношении к податной системе; могут быть сельскохозяйственные и промысловые слободки, посадские слободы.

Для нас особый интерес представляют “погосты” — их рассматривали и продолжают рассматривать как большую территориальную общину, систему поселений или как особый, сельский вид дани, а отмечая наличие погоста — места, указывают и на поселенческий признак погоста. После XV в. погосты, как считают исследователи, окончательно утрачивают свои древние функции и означают прежде всего “место” — место церкви и кладбища. М. В. Витов, рассматривая заонежские погосты, обратил внимание на динамику их развития: если в конце XV в. на погосте — месте стояли церковь и дворы церковного причта, то в XVI в., кроме них, на погосте — месте могли быть пашенные или непашенные дворы и лавки²⁸⁷. Что по письменным документам XVI—XVII вв. представляет собой погост? В Каргопольском уезде в Платежной книге уезда по книгам письма Якова Сабурова и Ивана Кутузова 1555—1556 гг. погосты упомянуты не в каждой волости, а там, где они есть, к погосту приписаны церковные деревни (иногда полдеревни, иногда треть или четверть) или тяглая деревня (указано, каков оброк с этих деревень). В сотных XVI в. на Каргопольский уезд на погостах отмечаются кельи, деревни церковные (иногда полдеревни числились церковными, а полдеревни — “волостными”).

Но вот описание погоста, на котором сложилось даже небольшое поселение. Отрывок из сотной: Никольский погост на устье р. Золотицы, на погосте церковь Николая Чудотворца, келья черного попа да пять келий со старицами, двор нетяглой Соловецкого монастыря, в нем дворник, того же монастыря двор нетяглой. На погосте два двора пашенных. Наиболее интересен состав непашенных тяглых дворов: Ивашко Семенов Безгожков — кузнец, Матрейко Иванов — казак варночный, Степан Иванов — казак, Васик Шкул — солевар, Клишко Олешин — рыболов, Иванко Матфеев, каргополец, — рыболов, Мишко Огафонов — казак, Ситко Васильев — казак, Олега Сидоров — казак, Оксанка Петров — казак, Никитка Павлов — солевар, Ивашко Никитин — солевар без пашни, Юшко Васильев — казак, Васко Степанов — казак, Ротьяка да Трофимко Потаповы — казаки, Митька Иванов — казак, Васюк Никитин — солевар, Данилко Степанов — дворник (всего 19 человек)²⁸⁸.

Таким образом, на погосте находилось непашенных тяглых 18 дворов, а всего церковных, пашенных и непашенных, — 20 дворов да 6 келий. На наш взгляд, это один из путей образования небольших поселений. Не случайно в XVIII в. два северных довольно крупных посада в Важском уезде и в устьянских волостях носили имена погостов: Благовещенский погост и Воскресенский погост. Однако погост — это прежде всего определенный тип сельского поселения, основанный на специфической форме землевладения — белая церковная деревня, церковь и кладбище на особо выделенном участке черной земли. Однако, как мы видели на нескольких примерах, при развитии погостов появились черты, нехарактерные для этой формы поселений, — тяглые пашенные и непашенные дворы, с ко-

торых уже платится тягло (преимущественно эти явления зафиксированы на погостах в районе активного солеваренного промысла). Таким образом, только подходя к “погосту” как определенной ячейке в структуре землевладения, можно понять его сущность и динамику с конца XV—XVII в., а может быть, и происхождение.

Если “погост” — это термин сельского расселения, то “посад” — качественно новая, более высокая ступень расселения. Ликвидация землепользования новгородского периода создала на севере Поморья предпосылки для появления поселений городского типа. Причем “посадское строительство” начинается, по всей видимости, уже в третьей четверти XV в. (в новгородских писцовых книгах для собственно Новгородской земли уже зафиксированы первые успехи этого строительства). Можно предполагать, что в Северном Поморье функционировали с рубежа XV—XVI вв. следующие посады: холмогорские, Ненокса, Луда, Кулой, Уна. К сожалению, писцовых книг XVI в. по этим поселениям не сохранилось. По Писцовой книге 1622—1624 гг. посад Ненокса — большое поселение²⁸⁹. На посаде стоит несколько церквей — Петра и Павла, Николы Чудотворца, Параскевы Пятницы. На одной из частей Неноксы, Красной Горе, возвышалась церковь Климента, “древяна вверх”, с трапезою, рядом стояли дворы монастырей — Соловецкого, Николо-Корельского, Архангельского. Поселение имело несколько улиц — Пробойная, Проезжая (улица у Креста), были и переулки. На посаде Ненокса было 8 дворов “средних”, 68 дворов “молотчих” (мужское население в этих дворах насчитывало 152 человека), 14 мест дворовых. К моменту переписи посад значительно сократился — 89 дворовых мест стояли “в пусте”. Основное занятие посадских жителей — солеварение. Перепись перечисляет варницы в Неноксе “в розных местах” — Скоморошница, Глубокая, Никольская, Кобелиха и т. д., которые на паях использовались владельцами. Долями в таком коллективном предприятии нередко владели и торговые люди из других уездов.

Аналогичную картину рисует Писцовая книга 1622—1624 гг. и на посаде Луда: кроме церковных и монастырских дворов, на посаде стояли тяглые посадские дворы — 17 дворов “молотчих” с мужским населением 46 человек и находилось 11 мест дворовых (32 дворовых места ко времени переписи пустовало)²⁹⁰. Еще более запустел к этому времени Унский посад — писец насчитал тяглых дворов: 1 двор “средний”, 21 двор “молотчий” с населением 48 человек мужского населения, а “в пусте” находилось 43 дворовых места²⁹¹. На Кулойском посаде по той же книге насчитывалось 27 тяглых “молотчих” дворов с мужским населением 30 человек. Образование таких “промышленных” небольших поселений-посадов, население которых в летний период могло значительно увеличиваться за счет притока сезонного населения, обслуживающего варницы, связано со специфическим характером их неземледельческой деятельности. На протяжении всего XVII в. они практически не меняют своего характера и численности населения.

Таким образом, можно констатировать, что в XV—XVII вв. в северноморском регионе существовали две формы расселения: “деревня” или “северное село” (эта форма расселения связана преимущественно с сельскохозяйственным производством) и с рубежа XV—XVI вв. — посад, жители которого занимались преимущественно промыслово-ремесленной деятельностью.

стью. Обе формы расселения связаны с характером занятий жителей деревни и посада, но основной критерий, отличающий их друг от друга, — это различие земельного владения: крестьянин владеет “деревней” как средством сельскохозяйственного производства, посадский владеет землей дворового участка, необходимого для проживания и занятия ремеслом или торговлей²⁹². Характерно, что данная классификация достаточно универсальна, она подходит и черносозному, и монастырскому, и вотчинному землевладению. Наряду с “чистыми” формами расселения известны и смешанные — кстати, даже на территории одного посада могли быть владельческие, монастырские и церковные земли²⁹³.

О жилищно-хозяйственном комплексе сельского поселения

Крестьянскому двору, его внешнему виду, составу жилых и хозяйственных построек много внимания уделено этнографами, архитекторами, историками²⁹⁴. В процессе обсуждения находятся принципиально важные моменты в истории северорусского жилища: время сложения “двора” как комплекса жестко связанных между собой построек, характер этой связи и время появления двух-, трех- и многочастного жилища, конструктивные приемы его сооружения, функциональное назначение дворовых построек, их терминология. Ясность по каждому из указанных аспектов позволила бы наиболее полно представить облик, планировку и характер северорусского крестьянского (и, естественно, посадского) жилища, выявить динамику его развития в XVI—XVII вв. и в более позднее время. Однако сейчас ясно и то, что до окончательного решения всех этих вопросов еще далеко. Натурное исследование памятников XVI—XVII вв. таково, что основным источником по изучению позднесредневекового жилища Северной Руси продолжают оставаться письменные документы, в меньшей части — графические изображения. Оба эти источника в известной мере “коварны”²⁹⁵. Письменные документы (купчие, закладные, дельные, порядные, данные и т. д.) с разной степенью подробности описывают дворы, а также части дворов и отдельные постройки. Это затрудняет их интерпретацию, а при однозначном подходе к различным категориям письменных источников может привести к серьезным ошибкам. Вероятно, в будущем появятся исследования, в которых будет разработана методика использования различных групп письменных источников для изучения средневекового русского жилища. Сейчас же, и это вряд ли нужно доказывать, мы имеем дело с массой письменных документов, в которых описаны дворовые комплексы с той мерой полноты, которой этого требовал характер документа (например, дельная, закладная на часть двора или купчая на весь дворовый комплекс и т. д.). Таким образом, речь идет не просто о количественном накоплении описаний дворов и статистической обработке собранного материала, а о качественно новом подходе к изучению письменных источников. Само понятие “северорусское жилище” неоднозначно — оно включает в себе и крестьянскую, и посадскую застройку. Не будет ошибкой признать, что почти вся литература о “северорусском жилище” посвящена преимущественно истории крестьянской усадьбы, а сведения о посадских

постройках немногочисленны, случайны и подобраны, как правило, бессистемно.

Остановимся кратко на основных компонентах северорусского крестьянского двора XVI—XVII вв. и взаимоотношении этих компонентов. Нам представляется, что именно в характеристике отдельных построек, определении техники их сооружения находится “ключ” к “расшифровке” их функционального назначения и места в составе дворового комплекса. На основании изучения рисунков из альбома Мейерберга Г. Г. Громов пришел к двум выводам: типы дворов и изб, известные в XIX в., сформировались не ранее конца XVII в., до этого времени “постройки еще не были собраны в единый комплекс, а ставились раздельно”²⁹⁶. Вряд ли имеет смысл приводить мнения исследователей, которые согласились или не согласились с этим выводом. Дело в том, что вывод основан на недоразумении — рисунки из альбома Мейерберга дают возможность считать постройки именно замкнутыми дворовыми комплексами. Наличие на рисунках ряда отдельно стоящих построек не противоречит этому, а письменные источники полностью подтверждают. Таков как бы внешний облик дворовых комплексов.

Говоря о важнейших особенностях крестьянских усадеб XVI в., А. А. Шенников объяснял их “зимним содержанием скота и специфическим бытом больших семейных общин, а также соображениями военно-политического характера”²⁹⁷. О широкой практике открытого зимнего содержания скота на Русском Севере в XVI—XVII вв. практически нет сведений (А. А. Шенников сам указывает на то, что часть клетей и сенников “иногда” стояла на хлевах). Вероятно, к выводу об открытом зимнем содержании скота в крестьянских дворах XVI в. исследователя подтолкнула якобы “неясность” терминов “сарай”, “сенник”, “сенница” и “стая” (для А. А. Шенникова “сарай” — помост, навес, а “сенница” и “стая” — “сооружения не вполне ясного устройства и назначения”, которые иногда тоже упоминаются в документах)²⁹⁸. Г. Г. Громов в известной мере разделяет с А. А. Шенниковым “неясность” термина “сарай”, а относительно “сенников” считает, что по назначению их было “два рода: для хранения сена и постройка типа клетки”²⁹⁹. Таким образом, если термины “изба”, “горница”, “клеть”, “овин” в настоящее время не нуждаются в интерпретации, то о “сенниках” и “сараях” нужно сказать особо³⁰⁰.

По письменным документам XVI—XVII вв., “сенник”, “сенница” четко и определенно характеризуются как верхний этаж рубленой постройки: сенники на хлеве, на подклете, на подсенничье, на конюшне³⁰¹. Оснований для двойственности толкования самого понятия “сенник” письменные источники не дают: эта рубленая холодная клеть, расположенная всегда над помещением для скота, использовалась для хранения сена, имущества, а также в качестве жилья. Несомненно также, что в тех документах, в которых функциональное назначение помещения под сенником не раскрыто, это наверняка помещение для скота. Сенники имели двери, покрывались скалами, драицами, имели курицы, желобы и гнеты (наказывалось сенники крыть “без капи наплотно”). В деревне на Борку в 1663 г. жили два порядника в одном дворе: “Гаврила в синнике, а я, Мишка, в другом синнике” (Мишку обокрали — через двери сенника вынесли “одежду, ральники сошные, ножик костяной черешок, из коробки деньги”³⁰²). Любопытно, что, как и изба, сенник обычно

был размером 3 или 2,5 сажени³⁰³. В первые годы XVII в. сенники еще встречались в составе посадских дворов, например изба да сенник на подклете (Вологда, 1615 г.), изба, сенник с подклетом (Великий Устюг, 1629, 1640 гг.)³⁰⁴.

Письменные документы дают определенное представление и о взаимном расположении построек в крестьянском дворе. "Возле" избы ставился сенник или горница³⁰⁵, "против" избы ставилась клеть или один-два сенника. Однако сенники, избы и клетки имели между собой "связь" в виде сарая ("а от избы до сенника поставить сарай"³⁰⁶). При наличии нескольких сенников и сараев крестьянский двор — это многочастный, "жестко" связанный между собой комплекс построек. На наш взгляд, письменные документы полностью подтверждают такой вывод. Например, порядные записи на половничество 1648 г. (Устюжский уезд): против избы поставить сенник "з другую сторону поставить сенник и от избы до сенника и на другой стороне сенника же поставить два сарая новые..."³⁰⁷

Теперь несколько замечаний относительно "непонятного" для некоторых авторов сооружения — "сарая".

В документах XVI—XVII вв. сарай упоминается при описании крестьянского двора постоянно. Описана и конструкция его, никак не напоминающая навес: это сооружение, поставленное на пяти-девяти столбах. Стороны, выходящие "на улицу", набирались между столбами способом "заплота" ("и в те сарайные столбы с улишну сторону... заплот забрать"), так же оформлялись и стены со стороны двора ("и с вонную сторону заплот в сарайные столбы забрать"³⁰⁸). Покрытие сараи имели такое же, что и срубные постройки: "на столбы класть трои самцы, крыть драницами", а "жалобы и курицы... и гнеты положить... и со втулки"³⁰⁹. На кровле сарая могли быть и водоспуски. Сарай, как правило, был двухэтажной постройкой: в нем мостилась поветь ("и повети намостить"³¹⁰). О размере повети в сарае свидетельствует такой факт: в 1690 г. в доме попа, на повети, пировали 30 человек (Устюжский уезд)³¹¹. Таким образом, вряд ли можно говорить об открытом зимнем содержании скота в крестьянских усадьбах даже в тех случаях, когда в описании двора не упомянуты хлев или конюшня. Сараи на столбах выступают не как легкие навесы, а как фундаментальные, как правило двухэтажные, постройки. Первый этаж (под сараем) — это помещение, оформленное вертикально врытыми столбами, между которыми "заметом" ("набиркой") набраны стены (под сараем могли находиться помещения для скота: в порядной 1646 г. дается наказ: "на хлев сарай поставить на шти столбах"³¹²). При этом хлев под сараем был, несомненно, отдельным рубленным помещением. Регламентация в письменных источниках устраивать кровлю на сараях на трех самцах свидетельствует о том, что крутизна их кровли была, как правило, меньше, чем на других дворовых постройках. Есть основание считать, что существовало несколько типов дворов. Когда связи-сарай в крестьянских дворах были небольшими, можно предполагать двор некрытый. Однако в других дворах стояли большие сараи — "дворовые сараи" ("сарай... на столбах во весь двор"³¹³).

Таким образом, объяснять важнейшие особенности крестьянских усадеб в XVI в. целесообразнее "не открытым зимним содержанием скота" и даже не "военно-политическим фактором". Речь идет, вероятно, о других факторах — факторах социально-

экономического характера при наличии домостроительной традиции предшествующего времени. Несомненно, особенности крестьянской усадьбы XVI и XVII вв. связаны, как справедливо отмечал А. А. Шенников, с бытом большой крестьянской семьи-общины. Однако вопрос о большой семейной общине не так прост. Например, ссылаясь на М. В. Витова, А. А. Шенников пишет, что в XVI—XVII вв. в Заонежье "крестьянские семьи представляли собой хотя и не очень многолюдные, но, в принципе, все же большие семейные общины"³¹⁴. Между тем сам М. В. Витов говорит об этом очень осторожно³¹⁵. Любопытные данные о крестьянских семейных общинах в Подвинье в XVI в. приводит А. И. Копанев³¹⁶. Отмечая в деревне наличие семейных общин (отцовской и братской), он пишет, что в некоторых случаях они выступают значительным коллективом родственников, но такие семьи неустойчивы, это объясняется особенностями населения в деревне, где не было майората, способствующего сохранению целостности крестьянского надела³¹⁷. В свое время Е. Э. Бломквист высказывала предположение, что вплоть до эпохи капитализма развитие русского жилища не пошло дальше двухкамерного с некоторым процентом трехкамерного³¹⁸. Вероятно, уже сейчас следует отказаться не только от самого предположения, но и от неясности терминологии: отказаться от термина "одно-двух-трехкамерное жилище" и ввести в употребление термин "одно-двух-трех- и многочастное жилище", как это предложено в одной из работ И. В. Маковецкого³¹⁹. Крестьянское жилище, двор в XVI—XVII вв., таким образом, является развитым многочастным жилищем-связью (наиболее сложная и развитая структура крестьянского двора). Есть все основания не согласиться со следующими положениями, выдвинутыми в литературе о жилище в последнее время: 1) в XVI—XVII вв. "подавляющее большинство крестьянских жилищ... были однокамерными"; 2) "крестьянский двор либо вовсе не ограждался, либо имел невысокую легкую изгородь"; 3) на крестьянский двор приходится в среднем в два раза меньше построек, чем на посадский; 4) "планировка усадьбы в целом — в городе и в деревне остается по преимуществу свободной, с несомкнутыми, несвязанными хозяйственными постройками"³²⁰. Относительно ограждений двора письменные источники свидетельствуют так определенно и часто, что нет надобности, а главное, возможности приводить все примеры ("оплот круг двора сделать новой и двор покрыть, да около двора заплоты", оградивали и после — "огороды городить круг севов и круг сена"³²¹).

Наряду с описанным нами комплексом, на Русском Севере в XVI—XVII вв. встречаются обширные крестьянские дворовые комплексы несколько иного облика. Так, в Кемской волости, по купчей 1578 г., двор состоял из избы, сеней, клетки, клеток, сенника на двух хлевах, сарая на девяти столбах и поварни³²². В Кемской же волости (1571 г.) на дворе стояло две избы с сенями, две клетки на подклетах, два сенника на хлевах³²³. Эти описания любопытны прежде всего тем, что в качестве связи между отдельными компонентами двора выступает не только сарай, но и сени. Можно отметить и тот факт, что около поселений городского типа (Архангельска, Холмогор), в небольших посадах по берегам Белого моря (Уне, Луде, Неноксе), а также в других промысловых районах побережья встречаются

как бы два типа двора — крестьянский и посадский. Так, по купчей 1541 г., на дворе стояли хоромы: “изба с шегнушею да клеть на подклети, сени на подсенье”³²⁴, по купчей 1553 г.: “горница на подклети, сени с подсеньем, повалуша на подклети”³²⁵. Двор в Варзужской волости: “изба на взмостье с комнатою, сени на подсенье, клеть на подклети” (1581 г.)³²⁶. В деревне под Архангельском дельная на две половины двора (1601 г.): в одной половине “горница большая с сенями и повалушка, да сенник и сарай”, а в другой “горенка малая с подклетом, клеть с перерубом на подклети, сенник с подсенником, сарай, овин, хлевец малый”³²⁷. Совстречаемость двух типов связи (сарай и сени) в деревенском жилище, безусловно, нуждается в более подробном объяснении, чем влияние ближайших городских центров, тем более что примеров такой встречаемости можно привести довольно много. Вопрос о влиянии, точнее — о взаимовлиянии деревенского и посадского домостроительства не прост и в литературе еще слабо разработан. М. Г. Рабинович считает, что “рядовые горожане, а позже за ними и крестьяне переходили к трехкамерному жилищу непосредственно от однокамерного, соединяя избу и клеть или две горницы сенями”³²⁸. Дело в том, что при описании крестьянского и посадского жилища допускалась своеобразная дискриминация первого: “изба — сени — клеть” принимается без сомнения за трехчастное жилище (т. к. клеть могла использоваться и в качестве холодной спальни), а связь: “изба — сарай — сенник” рассматривается как одночастное жилище (хотя сенник так же, как и клеть, мог использоваться в качестве холодной спальни, а сарай выполнял здесь функцию связи). Поэтому вряд ли развитие посадского жилища в XVI—XVII вв. шло по линии перехода от одночастных жилищ к трехчастным, причем посад якобы опережал деревню. Дело в том, что в Северном Поморье посадки как поселения городского типа выделились сравнительно в позднее время и при формировании посадского жилища, несомненно, был использован богатый накопленный опыт крестьянского домостроительства (а не наоборот).

В крестьянском дворе, где сарай были основной связью между постройками, существовали “мосты”, которые являлись зачаточной формой сеней и служили для связи стоящих рядом зданий. Например, в челобитной плотника (1690 г.) устюжскому архиепископу повествуется о нанесенных ему побоях. Большая группа гостей (30 человек в повети сарая) отмечала праздник; потерпевший пошел с повети на крыльцо, но из избы вышел один из гостей и стал его избивать. Это видел поп, которого он встретил “на мосту”, когда тот переходил из избы в горницу³²⁹. Таким образом, в данном случае можно полагать, что “мост” служил “связью” и для двух жилых помещений (избы и горницы), стоявших рядом³³⁰. При изучении крестьянского двора (и посадского в какой-то мере тоже) необходимо иметь в виду, что при описании дворового комплекса наличие такой неразвитой формы сеней, не представлявшей отдельное помещение срубной или столбовой конструкции, в письменных документах может быть не зафиксировано. В северорусских постройках конца XIX — начала XX в. сохранились отдельные примеры такой “неразвитой” конструкции сеней, когда выпуски бревен сруба избы и стенка двора образуют между постройками довольно узкое, иногда освещенное одним высоким окошком помещение (это по-

мещение также может быть двухэтажным, и на первом этаже в нем может размещаться дверь). Подобные случаи хорошо известны этнографам.

В результате археологических исследований можно определить XV в. (Вельский, Емецкий городки) как время, когда появляется многочастное сельское жилище — “двор” как комплекс жестко связанных между собой построек³³¹. Типично “сельские” черты в жилищно-хозяйственном комплексе северного двора XV в. — это наличие внутри наземных срубных жилищ глубоких подполий, а рядом с этими постройками — значительное число хозяйственных ям. Наземное жилище имело еще глинобитную печь конусовидной формы, заканчивающуюся круглым отверстием. Из хозяйственных построек особо отметим овин — углубленное в землю сооружение, почти всю площадь которого занимала большая глинобитная печь.

Дальнейший этап развития сельского “двора” — многочастное жилище связано с определенным расположением построек: “возле” избы ставился сенник или горница, “против” избы — клеть или один-два сенника, причем сенники, избы и клетки имели между собой “связь” в виде одного или двух сараев. Все компоненты указанного жилищно-хозяйственного комплекса представляли собой капитальные, как правило рубленные (или комбинированные), постройки, выполненные в традиционных для Севера строительных приемах. С рубежа XV—XVI вв. можно говорить об изменении комплекса дворовых построек деревни: наметился процесс “сближения” сельского и посадского домостроительства. Это сказалось в увеличении количества дворовых построек, характере их конструктивной связи, увеличении этажности зданий. Иными словами, в указанное время в деревне и на посаде в домостроительстве используют одинаковый набор “модулей” — изба, клеть, амбар, сарай и т. д. Явственное влияние посадского домостроительства особенно чувствуется в северных, промысловых районах Поморья и вблизи поселений городского типа.

Археологические исследования жилищно-хозяйственных комплексов XVI—XVII вв. в Западносибирском Заполярье (Мангазья), на промысловых зимовьях (архипелаг Шпицберген) показали, что северное домостроительство оказало решающее влияние (в различных аспектах — планировка, строительные приемы) на сложение особого типа промыслового жилища. Для этого можно отметить поразительное единообразие северного сельского жилища на огромной территории лесной зоны. Сложение различных локальных вариантов в домостроительстве наметилось здесь позднее, в XVIII в.

Для нас особенно важно то, что комплекс крестьянского “двора” XV—XVII вв. полностью соответствовал характеру земельного владения крестьянина того времени — малодворной деревни (крестьянин “двор” на “своей” земле ставил). Дальнейшее развитие крестьянского дворового комплекса находится в прямой зависимости от изменения статуса самой деревни: деревня становится общинным поселением, в котором каждый крестьянин ставил двор на специальном дворовом участке (как на посаде!). Можно предположить, что на Севере сближение городского (посадского) жилища и крестьянского двора произошло гораздо раньше, чем в других областях Русского государства. Пути северной деревни и города “расходятся” около середины XVIII в., и инициатива в этом принадлежит городу.

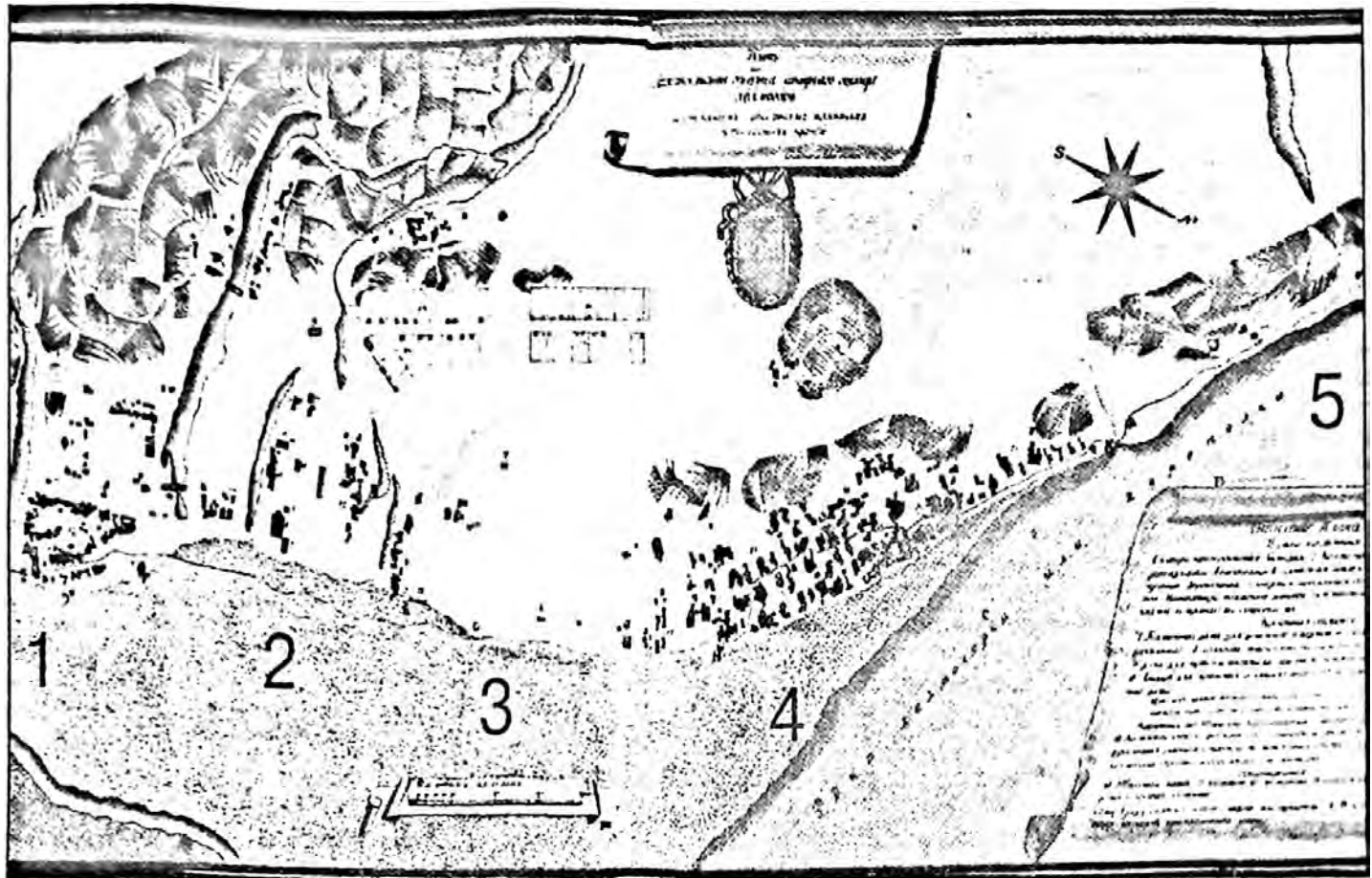

Рис. 110. План холмогорских посадов (Атлас 1797 г.).

1 — Куропольский посад; 2 — комплекс бывшего архиерейского двора "на городке";
3 — остатки земляной осыпи Колмогорского деревянного "города" конца XVII в.; 4 — Глинский посад; 5 — Западокурье

Посад в Северном Поморье в XVI—XVII вв.

(ПРОИСХОЖДЕНИЕ. СТРУКТУРА. ТОПОГРАФИЯ)

Предложенная авторами тема исследования об основных тенденциях зарождения, развития и особенностях процесса горообразования в Северном Поморье может быть реализована лишь при использовании комплекса различного рода источников. В. Л. Янин об этом писал: "Правильное исследование любой проблемы истории должно опираться не на специфически ограниченную группу источников (летописи или акты, археологические памятники или письменные документы, монеты или надписи), а на исчерпывающую совокупность этих источников или же на достаточно репрезентативное их сочетание. Источниковедение обязано быть комплексным"³³².

На наш взгляд, здесь есть и определенные опасности. Главная из них — когда один из типов источников может стать только иллюстрацией другого источника. Различного типа источники должны не столько дополнять, сколько углублять друг друга. Кроме того, всякое более или менее широкое обобщение материала таит в себе опасность его огрубления, потери существенных для специалистов нюансов. Но только такое "огрубление" способно выделить наиболее общие, важные и яркие, а значит, и основные тенденции в развитии северного города.

Региональная историография вопроса крайне скудна — городские центры Северного Поморья не были предметом специальных исторических исследований. Но есть единственное исключение — это необычайно колоритная фигура архангелогородского историка XVIII в. Василия Васильевича Крестинина, который, пожалуй, впервые поставил вопросы истории возникновения городских центров (Архангельск, Холмогоры), привлекая широкий репертуар письменных источников, в том числе сведения писцовых и переписных книг. Долгое время он считался историком местного, "архангельского" значения, однако сейчас его характеризуют уже как самого яркого представителя ранней буржуазной историографии в России³³³. В. В. Крестинин не был только историком, он возглавил общественное выступление архангелогородского мещанства, в 1780—1784 гг. находился под судом "за сочинение поданного от мещан доношения прямо в Правительствующий Сенат", а в марте 1795 г. "по важности преступления его" был взят под стражу и, возможно, там же, в тюрьме, умер³³⁴. Этот северянин сумел свои исторические занятия соединить непосредственно с практической общественной борьбой³³⁵. Общественная позиция, занятая В. В. Крестининым, вызвала негодование "отцов города", что отразилось и на научных занятиях историка — ему чинились препоны в получении необходимых документов для продолжения

работы над историей города Архангельска³³⁶. Значительно научное наследие В. В. Крестинина, включающее как изданные работы, так и хранящиеся в архивах рукописи.

Несомненно, выдающимся событием в русской историографии было появление исследования Н. Д. Чечулина, в котором автор “хотел изобразить состояние в XVI в. городов Московского государства — определить состав их населения, занятия, представителей каждого сословия, их повинности, указать особенности городских поселений в разных областях тогдашней России”³³⁷. Автор выявил ряд городов, но предполагал, что в XVI в. они не существовали одновременно, наряду с укрепленными поселениями (в этот список включены и посады)³³⁸. К сожалению, сложная программа исследования, выдвинутая Н. Д. Чечулиным, не могла быть выполнена только на таком специфическом источнике, как писцовые книги³³⁹. Более серьезные претензии к Н. Д. Чечулину предъявил С. Платонов, считая, что автор написал скорее “разработку данных писцовых книг о городах” и не выяснил, “что же такое был древнерусский город”, т. к. стал изучать все, что в XVI в. официально называлось “городом”³⁴⁰. Следующая попытка, на наш взгляд — неудачная, составить список северных городов XVI в. была предпринята А. А. Зиминым и М. Н. Тихомировым, но авторы включали в свои списки “городов” и те пункты, которые в XVI в. не имели крепостей и не являлись центрами ремесла и торговли, критерии выделения “городов” XVI в. ими не обоснованы³⁴¹.

В историографии древнерусского города один из важнейших вопросов — определение понятия “город”. Еще С. Герберштейн писал: “Все, что окружено стеною, укреплено тыном или огорожено другим способом... называют городом”³⁴². Вряд ли правы исследователи, считающие, что вычленение и обособление термина “город” из всей совокупности понятий для обозначения русских поселений произошло лишь в первой четверти XVII в.³⁴³ Не случайно Дженкинсон переводил “город” как “замок”, и это для того времени было правильным. А. И. Сахаров убежден, что Дженкинсон ошибался, т. к. это противоречит его мнению о включении “посада” в понятие “город”³⁴⁴. С этим нельзя согласиться, ибо русские источники XVI—XVII вв. всегда очень четко разграничивают собственно “город” (крепость, кремль) и оборонительные линии (острожные или городовые) вокруг посада. Об этом же говорит Ю. В. Готье: “Терминология населенных пунктов представляется в общем достаточно определенной еще в XVI в.; мало сравнительно меняется она и в течение всего XVII в.”³⁴⁵ Представляется, что прежде всего это относится к понятию “город” (с терминологией сельских поселений положение несколько сложнее). Конечно, содержание термина “город” исторически изменялось, об этом говорил еще Д. Я. Самоквасов³⁴⁶. Другое дело, как реально протекали эти изменения, на каких хронологических рубежах они происходили. Безусловно, кардинальные изменения наблюдаются к концу первой четверти XVIII в. Так, “Краткое истолкование для примечания в ландкартах Российских” предлагает следующую градацию городов: город провинциальный (“...в котором губернатор или вице губернатор или воевода обретается и в своем ведении иные приписны города имеет”), город приписной (“...одни имеют собственные уезды и другие уезды не имеют”) ³⁴⁷. В это же время происходит заме-

на термина “город-крепость”, с одной стороны, на “крепость” (хотя и подчеркивается, что она “как город, только разнится что в крепости есть фортеция и гварнизон”), с другой стороны — на “острог” (“вместо городской стены стоячие бревна в землю вкопаны, а инде и рублены...”, главным образом в Сибири)³⁴⁸.

Историография русского города XVI—XVII вв. необычайно обширна³⁴⁹, поэтому остановимся лишь на некоторых работах.

В 1902 г. Н. А. Рожков впервые так определенно поставил вопрос о соотношении города и деревни: “Вопрос о взаимных отношениях и значении города и деревни в человеческом общежитии принадлежит к числу самих жгучих, наиболее волнующих общество, по крайней мере, мыслящую его часть, вызывающих решения, различные нередко до противоположности”³⁵⁰. Основным критерий, отличающий город и деревню, он определил как “признак хозяйственный”, подчеркивая для “всей народной и государственной жизни Московской Руси” XVI—XVII вв. важную роль русской деревни³⁵¹.

В работе М. М. Богословского “Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в.” — фундаментальном историко-географическом исследовании по Поморью — продолжена попытка выявить соотношение северного посада-города и деревни: “На Севере трудно провести границу между посадским и сельским населением, узнать, где кончилось одно и началось другое. Поморский город как бы растворился в окружающей его однородной среде”³⁵². Особо отметим работы Н. Е. Носова, в которых ученый как бы “сомкнул” две линии исследований — деятельность и судьбы поморских “лучших мужиков” до их переселения в посад-город и после, что позволило ученому сделать вывод: процесс формирования новых предбуржуазных связей в городе развивался слабее, чем в “уезде”³⁵³. Представляется, что именно в этом “ключ” к пониманию особенностей городского уклада Северного Поморья, его происхождения, эволюции в XVI—XVII вв. и судьбы в XVIII в. Это оказалось очень важно и для исследования формирования городской культуры на Русском Севере.

При этом мы рассматриваем город “как особое социально-экономическое явление феодального общества, как центр ремесла, торговли, товарного производства и товарного обращения, отличающийся по своей социально-экономической характеристике от других видов поселений или укреплений”³⁵⁴. Без изысканий П. П. Смирнова в области “посадского строительства” и городского “строения”, форм городского землевладения и экономики трудно представить себе весь дальнейший ход изучения позднесредневекового города в России³⁵⁵.

Таким образом, позднесредневековые города Северного Поморья, возникшие в XVI—XVII вв., как бы “замыкают” собой длительный процесс горообразования средневековой Руси — они возникают в регионе, где их ранее не было³⁵⁶. Несомненно, это должно было отразиться на всем облике городской культуры региона³⁵⁷. Позднее появление городских центров в Северном Поморье как бы предопределило довольно высокий уровень развития “уездного” (сельского) ремесла и значительную активность крестьян как в сельскохозяйственном производстве, так и в промыслах и строительстве. Однако и городская посадская экономика должна была полностью базиро-

ваться на культурном и экономическом развитии, достигнутом в регионе к рубежу XV—XVI вв. Получилось так, что городская экономика (новый для региона тип экономики) возникла там, где уже сложилась и по крайней мере два столетия функционировала жизнеспособная система хозяйства (ремесло, промыслы, сельскохозяйственное производство).

Письменные источники по “посадскому строению” в Северном Поморье на рубеже XV—XVI вв., которые дали бы возможность зафиксировать время появления и характер посадских поселений, проследить динамику их развития от момента возникновения до рубежа XVII—XVIII вв., отметить характерные особенности того или иного периода, не сохранились. Однако постановка этих вопросов не только правомерна, но и необходима, ибо исследование их может приблизить нас к ответу, в чем же суть северного посада, занимавшего какое-то неопределенное положение между городом и деревней. Картина, которая ретроспективно восстанавливается по широкому комплексу имеющихся письменных документов, в известной мере мозаична и отрывочна, но она все же дает общее представление об облике посада в Северном Поморье и его региональных особенностях.

Топография северного городского центра отражает исторически сложившуюся территорию поселения. Зарождение посадской жизни на землях Северного Поморья произошло после ликвидации новгородской независимости, после уничтожения той чересполосицы в земельном владении, которое образовалось к началу 70-х годов XV в. После этого, по словам К. В. Базилевича, была предпринята “коренная ломка ранее действовавшего политического и социального порядка в бывших новгородских землях”³⁵⁸, когда к концу XV в. проводилась унификация в статусе основных массивов северных земель, ставших сплошь черносошными. Образование северных посадов, конечно, идет в тесном контакте с активным процессом горообразования на значительной территории России с начала XVI в.

Процесс этот в Русском государстве не был стандартен, он был достаточно разнообразен: 1) возникновение посадов при старых “городах”-крепостях; 2) возникновение посадов при вновь строящихся крепостях-городах; 3) наконец, как отмечает С. В. Бахрушин, еще одна, более важная сторона процесса горообразования — “превращение сельских поселений в поселения городского типа, вызванное углублением общественного разделения труда. Этот процесс образования поселений, средних между городом и деревней, может быть конкретно прослежен на фактическом материале XVI в.”³⁵⁹ Представляется, что мысль С. В. Бахрушина об образовании поселений промежуточного между деревней и городом типа плодотворна, ибо впоследствии часть сельских поселений превратилась в поселения городского типа, часть стала крупными промысловыми сельскими поселениями, и литературе хорошо известны примеры, когда в XVII в. большую роль играли поселения городского типа, возникшие близ крупных монастырей, — монастырские посады, как правило, развившиеся из монастырских слободок и сел. Это села Медны и Клементьевское, принадлежавшие Троице-Сергиеву монастырю, Тихвинский посад, который от власти местного Богородицкого монастыря смог избавиться и превратиться в уездный город лишь в 1773 г. Аналогичный пример — большое село Выпрегово близ Вологды, принадлежав-

шее Спасо-Прилуцкому монастырю³⁶⁰. Но в приведенных примерах рост достаточно крупных постоянных поселений в частновладельческих и монастырских землях происходит на земле феодала и в определенной мере им регулируется. На северных же территориях в роли такого регулятора могло выступать только государство в лице великого князя, верховного собственника земли, ибо только центральная власть могла осуществить “посад” на землю и регламентировать этот “посад”.

Для беломорского Севера, кроме возникновения Архангельска, у нас нет ранних письменных документов о “посаде” сельских жителей в “посажаны”. Однако можно предполагать, что “посадское строительство” здесь начинается в третьей четверти XV в., как и в центральных новгородских землях, для которых первые успехи этого строительства зафиксированы в Новгородских писцовых книгах³⁶¹. Есть сведения о решительных шагах по созданию новой планировочной структуры поселений (основанной на дворовых участках) при старых пригородах Великого Новгорода. Так, по Новгородским писцовым книгам, при описании Ладоги в 1500 г. ладожанам отводились земли “вдоль по 15, а поперег по 10 сажень” под двор каждому, размещались эти участки “сряду”, на чьей бы земле ни пришлось “давати места” — “на поместшиковых местах, и на своеземцевых, и на монастырских, и на городицких людех полянах сряду”³⁶². Наглядно при этом описана планировочная структура — первоначальная разбивка дворовых участков: “Да в Ладоге ж велено давати места на дворы городицким людем ладожаном Семену Поротскому Мартынову сыну Анаткина, а давати ему места от реки от Ладоги от мельницы от Егорьевские, что за стеною, да на могильник к Варяжской улице, да прямо к часовне да к Пречистой. А ставити им дворы первый ряд от Пречистые берегом по горе к Семену святому и ко Воскресению и до Петра святого, а изставят тот ряд, и Семену велети им ставити в другой ряд, поводе тех дворов до Варяжской улицы”³⁶³. Посадское строительство, начавшееся в эпоху Ивана III, Василия III и Ивана IV, наибольший размах приобретает во второй половине XVI в. Дело в том, что в XVI в. в Московском государстве уцелело около 15 владельческих городов, в остальных “государевых” городах сохранилось значительное количество пережитков предшествующего времени — земли, людей, торгов и промыслов, принадлежавших вотчинникам, монастырям³⁶⁴. Уже при царе Федоре Ивановиче в 80-х годах XVI в. “строение посадов” приобретает вполне определенное направление — на посады вывозятся крестьяне из дворцовых сел, при Борисе Годунове в посад брались отписанные у владельцев жители городских слободок, сыскивались беглые посадские люди, отбирались земли рядом с посадом у разных владельцев (строение Болховского посада). При строении Корельского посада по царской грамоте сыскивались для возвращения в посад кореляне, жившие в Оштинском стану, в заонежских погостах³⁶⁵. К посадам приписывались волостные “лучшие торговые люди”, отобранные у помещиков (пример — Вологда); в 1587 г. был образован Архангельский посад путем переселения двинских “торговых людей” с холмогорских посадов, с посадов Уна, Луда, Кулой, а также из черных волостей уезда — всего 133 “жильца”³⁶⁶.

Целью политики “посадского строения” были увеличение государственных доходов и подрыв владельче-

ских прав на городскую землю и население как экономическую базу духовенства и боярства, вотчинного и поместного землевладения. Но процесс "посадского строения" в различных районах Московского государства протекал неравномерно и, как оказалось, нашел эквивалентное отражение в топографии поселений. Изучая характер городского землевладения, П. П. Смирнов дал сложную картину внутригородского землевладения, однако в работах он не использовал данные своего исследования для изучения сложения посадской территории.

Приведем некоторые соображения о структуре холмогорских посадков. Как географический регион Колмогоры упоминаются в первой половине XIV в. — в 1328—1340 гг. грамота великого князя Ивана, новгородского посадника Данила и тысяцкого Аврама "к двинскому посаднику на Колмогоры..."³⁶⁷ В 1401 г. "князя великого Василия Дмитриевича повелением Анфал Никитич да его брат Герасим Рострига с устюжанами на Двинскую землю за волоком поехав безвестно, повоевав и посадников испомести. И посадники важеские с важаны скопившееся и придоша на тех на Колмогорах на Анфала и на устюжан"³⁶⁸. В 1417 г. — "боярин князя Юрия Дмитриевича Глеб Семенович с ним Семен Жидовский и Михайло Росохин, а с ними ветчане и оустюжане ходиша войною и повоеваша всю землю Двинскую и Заволочьскую, а Колмогоры пожже..."³⁶⁹ В 1471 г., после поражения новгородцев на Двине от московских воевод, "князь их ранен, вкинулся в лодку, убежа на Колмогоры"³⁷⁰. Таким образом, "на Колмогорах" нужно искать древнейшие центры, с которыми и связаны описания летописных событий.

Царские грамоты XVI—XVII вв. адресуются "на Двину, воеводе нашему" или "на Колмогоры, воеводе нашему"³⁷¹, что придает топониму Колмогоры смысл географической местности. Это подтверждает жалованная грамота царя Алексея Михайловича Сийскому монастырю 1644 г. — "возити от Архангельского города на Холмогорье"³⁷². Характерно, что в XVI в., на протяжении всего XVII в. наряду с общим понятием "колмогорец" часто встречается и уточняющее определение "колмогорец с Нижнего посаду", "колмогорец Глинского посаду" и т. д. Вместе с тем достаточно было сказать, что человек "с Курцова" или "з Глинок", чтобы определить его как "колмогорца".

Холмогорская летопись, описывая холмогорские события первой половины XVI в., содержит любопытные сведения о структуре холмогорских поселений. В мае 1530 г. "погоре храм святого Николы на Холмогорах", в 1534 г. "погоре посад на Колмогорах от перелоя вниз до Захаровского при намеснице князе Иване Шуйском"³⁷³. В июле 1546 г. "нощи туча огненная бысть и молнии велиции. Погоре посад по Падракурью и храм Иоанна Предтечи", а на следующий, 1547 г. "погоре посад площадь Ивановская"³⁷⁴. В 1549 г. "погоре посад на Колмогорах от перелоя вверх при князе при намеснице Ивана Кипрском", а в 1553 г. "погоре посад от перелоя вниз весь"³⁷⁵. В XVI в. царская грамота называет на Колмогорах Ивановский и Никольский приходы: "Се яз, царь и великий князь Иван Васильевич, пожаловал колмогорцев Ивановского и Никольского приходу..."³⁷⁶ Таким образом, уже к первой половине XVI в. в Холмогорской дельте (так геологи называют эту котловину в пойме Северной Двины) четко сложилась определенная система расселения — группа небольших посадков, расположенных почти вплотную друг к другу.

К сожалению, графических материалов, планов местности ранее второй половины XVIII—XIX в. не сохранилось. Однако и эти материалы в комплексе с письменными источниками дают возможность сделать ряд наблюдений о древней топографии холмогорских посадков. Наиболее информативными с этой точки зрения оказались следующие планы: 1) план Холмогор 1784 г. с нанесенной существующей планировкой того времени и проектной планировкой (в Атласе 1797 г. помещена копия этого плана)³⁷⁷; 2) план Холмогор 1809 г. с нанесенной существующей на то время планировкой и проектной³⁷⁸; 3—4) планы Холмогор 1837 г.³⁷⁹, существующая планировка не показана; 5) план Холмогор 1837 г. — этот план необычайно интересен, он, несомненно, сделан на месте: детально показана сохранившаяся к этому времени планировка, все стоящие не только архитектурные, но и жилые и торговые комплексы пронумерованы и в приложении записаны владельцы домов³⁸⁰. Есть все основания предполагать, что именно данный план, являясь рабочим, черновым вариантом, лег в основу проекта 1837 г. (на плане показан "инструментальный ход" съёмки, много рабочих деталей).

В письменных документах XVI—XVII вв. сохранилось не так уж много древних топонимов, позволяющих судить о деталях топонимики холмогорских посадков. На протяжении XVII в. определенный участок на берегу Курополки на Колмогорах назывался "городком". Так, в Расходной памяти Спасского церковного приказчика попа Тимофея под 1617 г. запись — бревна для строительства церкви Якова возили "на городок"; под 1628 г. известна порядная на Спасскую деревню Яковлевскую, "что под городком"³⁸¹. Любопытно, что первое упоминание об этом городке относится к 1540 г., когда "начальствовали на Двине сотские Васюк Бачурин с товарищами и жалованные грамоты и всякие указы и судебники с Москвы присылали на их имя, и положены на городище, в казне, в Спасском большом соборе"³⁸². О том, что Спасский собор стоит "на городке", неоднократно говорится в документах XVI в. (в Платежной книге Двинского уезда 1560 г. упоминается "в Нижней половине на посадах на Колмогорах и в Спасских дворах, что Спас на Курцове городище"³⁸³). Даже в 1645 г. это место называли "городком" — в августе 1645 г. "згорела на Колмогорах на городке соборная церковь Боголепного Спасова Преображения и другая церковь Воздвижения Честного креста Господня"³⁸⁴.

Таким образом, небольшое возвышение, на котором в XVII в. разместили комплекс церковных построек (архиепископский дом в самом конце XVII в.), — остатки городка, относящегося к более раннему времени, вероятнее всего к XV в. Определенный хронологический срез на XV в. представляется так: укрепленное поселение (возможно, двор двинских посадников), а вокруг сельское расселение.

Ликвидация новгородской независимости и переход подвинских земель в разряд черносотных создали благоприятные условия для государственной акции — образования в этой наиболее развитой в экономическом отношении части Нижнего Подвинья посадков. Аксию эту могла провести на рубеже XV—XVI вв. только централизованная власть.

В 1621 г. "на Колмогорах в Качкове острог поставили на новом месте, где и ныне город построен, а прежний острог, что был поставлен в Нижней полови-

не, и тот острог льдом смыло и вешней водою от Двины стены и башни подмыло”³⁸⁵. Военно-административный центр холмогорских посадов переместился, таким образом, из одного древнейшего ядра Холмогор (с бывшего Иван-погоста) ближе к другому — к древнему городищу, а точнее, к церковному центру — Спасо-Преображенскому собору на Курцове посаде. Характерное свидетельство об этом событии мы находим в Писцовых книгах 1622—1624 гг. Мирона Вельяминова: “На Курцове на посаде острог, а поставлен тот острог в один тын во 1621 году Спаса с Курцева на земле деревни Дьячей Качкова тож да деревни Фадеевской”³⁸⁶. Можно предполагать, что даже в начале XVII в. холмогорские посады не представляли собой единого поселения, а являлись структурой, в которой посады отделялись друг от друга площадями и деревнями, правда, может быть, к этому времени не столь уж многочисленными. Писцовые книги 1622—1624 гг. содержат материал для схематичной реконструкции не только структуры холмогорских посадов, но и их внутреннего, так сказать, наполнения, т. к. указывают памятники церковного зодчества и дают их краткое описание, называют количество дворов, лавок, амбаров и т. д. Однако Спасский собор, который ранее назывался “Спасским собором на Курцове”, не попадает в описание. Описание холмогорских посадов начинается с Курцевского, самого верхнего по течению Северной Двины посада.

Курцев посад. Ко времени письма на посаде стоят две деревянные церкви — Воздвижения и Якова брата Господня. На посаде насчитывается всего дворов — 136 (из них посадских тяглых — 70, людей тяглых — 102). На территории Курцева посада находится Холмогорский кремль — военно-административный центр всех холмогорских посадов. Недалеко от Спасо-Преображенского собора, на Курцове, расположен основной массив церковных “белых” земель, которые даже получили название Большая слободка на Спасской земле: “а та-де Большая слободка стоит по нижнюю сторону Курцевского посадского озера вниз до Онаньина ручья” (1689 г.)³⁸⁷.

Глинский посад. На посаде две деревянные церкви — “Живоначальной Троицы, деревянная, клетски, на полатах предел”, другая церковь Апостолов Петра и Павла, деревянная с трапезой (“строение мирское”). Относительно происхождения названия Глинского посада можно высказать следующее предположение. В 1556 г. была составлена “отступная” Ивана Ларионова сына Скрепцова от земли своей “на Глинских Ямах”³⁸⁸. Возможно, названия Глинки и Глинский посад происходят от местности или урочища Глинные Ямы. Между Курцевским и Глинским посадами находилось также озеро Ямища³⁸⁹.

На Глинском посаде располагались таможня и кабак. Здесь же стоят дворы белые новгородского митрополита Макария, подворья Соловецкого, Троице-Сергиева, Кириллова, Николо-Корельского, Антониева-Сийского, Вологодского Спасо-Прилуцкого и др. монастырей. Кроме того, дворы “немецких” людей — голландских, английских гостей, дворы московских гостей и торговых людей. Посадские тяглые дворы (лутчие, средние, молотчие) насчитывали 119 дворов, людей в них 173 человека. Глинский посад представлял собой мощный торговый центр с речной пристанью: “...на Глинском же посаде на Гостином берегу лавки, а торгуют в них всякие товары”. Лавки располагались

“от Соловецкие площади вверх по реке Двине к острогу”. Этот лавочный ряд, по всей вероятности, доходил до острога, т. к. письмо перечисляет “лавки ж по другую сторону острога вниз по реке по Двине”. Это не вызывает сомнения, т. к. количество лавок в этих рядах впечатляюще: 64 лавки лутчих, 10 средних, 139 молотчих (всего 213 лавок, 19 чуланов, с которых платится оброк 19 рублей 17 алтын 5 денег). Кроме того, здесь еще было 42 лавочных места; наряду с этим в торговый комплекс Глинского посада входило “больших и средних и меньших амбаров 46, да чуланишка, да пристенок”, амбары безоброчные Троице-Сергиева монастыря и 4 амбара Сийского монастыря. Документ 1649 г. знает на Глинском посаде мясной ряд³⁹⁰, документ 1699 г. — льняной ряд³⁹¹. Мощный производственный комплекс посадской экономики составляли 48 кузниц.

Гостиный берег на Глинском посаде хорошо известен уже по документам второй половины XVI в. По купчей 1575 г., Семен Никитин сын Собакин продал Федору Васильеву Сухорукову “половину двора и дворища на Гостином берегу на Глинках”³⁹². В 1578 г. Калина Иванов сын Неклюдов купил двор “на Глинках на Гостином берегу на Холмогорах” у Федосьи Ивановой дочери Давыдовой³⁹³. В 1585—1588 гг. Холмогоры продают и покупают лавки “на Глинках в Новом ряду”³⁹⁴. Гостиный берег Глинского посада находился “на Глинках у Петра и Павла святых апостолов”.

Следующие по течению Северной Двины два посада: посад Верхняя половина в Никольском конце и посад Нижняя половина в Никольском конце.

Посад Верхняя половина в Никольском конце. На посаде церковь деревянная Зосимы и Савватия Соловецких и место церковное, что была церковь Николы Чудотворца (церковь сгорела от молнии). В Верхней половине Никольского конца 2 средних и 32 молотчих тяглых двора, людей в них 71 человек. К моменту переписи 14 дворов было пустых и 8 мест дворовых. Писец зафиксировал, что половодье смыло 30 дворов.

Посад Нижняя половина в Никольском конце. На посаде стояли церкви деревянные Рождества Иисуса Христа и церковь Рождества Иоанна Предтечи “о девяти верхах”. Церковь Иоанна Предтечи более напоминает собор. Третья церковь — Сретенье Пресвяты Богородицы, “клецки”. На посаде находились таможня, кабак и гостиный двор. В таможне “таможенную пошлину и кабацкие забирают московские таможенные люди”. В посад Нижняя половина входила и посадская территория за Падрокурью, где стояла церковь Покрова Пресвятой Богородицы. В Нижней половине посадских дворов насчитывалось: лутчих — 1, средних — 17, молотчих — 193, всего 211, а людей в них жило 296 человек. Кроме того, 25 дворов пустых, 3 места дворовых, 6 дворов бобыльских и людей в них 7 человек. На Нижней половине находились воеводский двор, дьячий двор, двор таможенного головы и земской двор, 29 белых дворов. На Нижнем посаде располагался второй мощный торговый и ремесленный центр Холмогор — здесь находились 102 лавки (8 лутчих, 37 средних, 57 молотчих), 1 лавка пустая, 1 место лавочное, три десятка амбаров, “поставленных для осадного времени”. Тут же находилось 15 кузниц.

Такую структуру холмогорских посадов дает наиболее информативное по топографии посадов письмо 1622—1624 гг. Если на Глинках лавки стояли в Новом ряду, то на Нижнем посаде находился Зимний ряд, ко-

торый известен по письменным документам с начала XVII в. (в 1608 г. Василий Евдокимов Курапасов продал колмогорцам “лавку свою на Колмогорах в Зимнем ряду”); Зимний ряд упоминается в купчих 1617, 1627 гг.³⁹⁵).

Наличие таможен на Глинском и Нижнем посадах³⁹⁶, название на последнем “Зимний ряд”, а на Глинках “Гостиный берег” дают основание сделать вывод о сезонном функционировании или, по крайней мере, об элементе сезонной торговли посадов. Если это так, то мы можем отметить очень интересный аспект своеобразного “разделения труда” между различными частями комплекса поселений. “Гостиный берег” — берег с пристанями — складывали на Глинском посаде на протяжении XVI—XVII вв. В 1594 г. игумен Соловецкого монастыря бил челом царю Федору Ивановичу, что “двор их монастырской и онбары для монастырских запасов и для судовые пристани, не тяглой, на Двине на Колмогорах”, а ныне “того двора берег водою подмыло и того-де их дворового места и пристани, где соль из судов выкладывают, осталось подле реки Двины шестьдесят сажен, а в гору тридцать семь сажен от реки от Двины”³⁹⁷. И они прикупили новый участок (“пустын бобыльские черные места”) “подле реки Двины шестьдесят сажен, а в гору от реки Двины до оleshника сто тридцать сажен”³⁹⁸. В 1654 г. царь Алексей Михайлович посылает грамоту “на Двину” воеводе Борису Пушкину об отдаче во владение Кирилло-Белозерскому монастырю “двух анбаров, и лодейной пристани, и посадов” на Глинском посаде на Колмогорах³⁹⁹. Однако пристани располагались не только на дворовых участках, принадлежавших монастырям, торговым людям, но и на дворовых участках посадских людей. В 1680 г. холмогорец Глинского посада Иван Сидоров сын Меньшей Гусев договорился с Вологодским Спасо-Прилуцким монастырем о передаче в монастырь их с братом Иваном Сидоровым Большим Гусевым построек, возведенных на монастырской земле: “...построили на их монастырской земли судовые пристани на исадах, анбар свои в четырех трехсаженных стенах с верхним житьем и с мосты и с кровлею”⁴⁰⁰.

Об основной тенденции развития холмогорских посадов “догадался” В. В. Крестинин, когда писал: “Сие место... сделалось подобным городу чрез соединение разных соседствующих деревень, занявших порозжие между ними места под улицы и дома, составившие единственное и немалолюдное селение жителей разного состояния и чина”⁴⁰¹.

Любопытно, что холмогорские посады были вытянуты довольно узкой полосой вдоль реки. Так, в “отступной” 1556 г. Ивана Скрепцова на Глинские Ямы участок был определен “от Спасские земли от межи в нижний конец поперег 11 сажен, а в длину от реки и до лесу до лывы”⁴⁰². В 1607 г. Троицкий поп Глинского посада Федор Матвеев Павлов дал Николо-Корельскому монастырю “да себе и за братьев два дворища на Глинском посаде, в межах с другими дворовыми участками”, “а наперед межа до реки, а назад до лесу”⁴⁰³. Напомним, что в 1594 г. Соловецкий монастырь владел на Колмогорах на “Глинском посаде” дворовым участком “подле реки Двины шестьдесят сажен, а в гору тридцать семь сажен от реки от Двины” и получил вместо него купленный монастырем участок “подле реки Двины шестьдесят сажен, а в гору от реки Двины до оleshника сто тридцать сажен”⁴⁰⁴.

Создается впечатление, что в XVII в. планировка Глинского посада усложнилась, на посаде появилась проезжая дорога⁴⁰⁵.

Характерно, что ни в одном письме холмогорские посады Куропольский и Запорокурский не упоминаются (переписи 1622—1624, 1649, 1678 гг.). Между тем сохранились такие документы, как Приходные памяти в денежной и хлебной казне Куропольского посада, принадлежащие Спасскому церковному приказчику попу Тимофею 1613—1618 гг.⁴⁰⁶, в которых сказано о “посадских” людях Куропольского посада, Расходная память Куропольского посада церковного приказчика Спасского попа Стефана 1619 и 1621 гг.⁴⁰⁷ Из содержания этих документов можно понять, что Куропольский посад был самым верхним по течению Двины и Спасский собор находился на его территории. Куропольец Фока Григорьев сын, владевший лавкой на Глинках в Новом ряду, известен, например, по купчей 1588 г.⁴⁰⁸ Вполне возможно, что аналогичный Куропольскому посаду “осколочек” мы знаем и в Нижней половине, где значительная посадская территория обозначена просто Запорокурью (1622—1624 гг.). По крайней мере, в Платежной книге Двинского уезда 1560 г., составленной на основании результатов описания Двины Ивана Заболотского 1552—1553 гг. и Василия Гагина 1559 г., упомянут оброк: “С Колмогор с посаду с Нижние половины с посадских людей” и “с Колмогор же да с Курцова с посадов с Верхние половины с посадских людей”⁴⁰⁹, т. е. речь идет о двух больших посадских “половинах”, структуру которых составляют “посадцы”.

В нашем распоряжении имеется несколько переписей Холмогор: 1622—1624, 1649, 1678 гг. Перепись производится в них не по улицам, а прямо по посадам: посад и перечень дворов. На наш взгляд, это свидетельствует об определенной планировочной структуре, при которой слабо разработана система улиц, есть только переулки, торговые площади. По письменным документам XVI—XVII вв. практически неизвестно название ни одной улицы на холмогорских посадах, переписи Холмогор на всем протяжении XVII в. производятся не по улицам и переулкам, а по посадам как комплексам. Это подчеркивает слабую разработанность планировочной уличной структуры холмогорских посадов, основным “каркасом” которых, надо полагать, были все же торговые комплексы. Мы можем сослаться пока лишь на единственный графический источник (чертеж части Глинского посада 1699 г.), где все же есть элементы уличной планировки: упомянуты “от реки взем по Булгакову” и две расходящиеся от этого места “улицы” — “в посад по улице” и “улица же мимо дворы”⁴¹⁰. На плане изображен типичный взвоз от реки, расположенный в лагуне, посадские дворы на плане выходят непосредственно в сторону реки, вдоль которой пролегла “из базару по горе дорога в город”. Любопытно, что пространство между дворами обозначено на плане не улицей, а “проходом в посад”. Предполагая слабую уличную структуру, мы не собираемся отрицать наличие “улиц” — таковые предусматривает сама система нарезки посадских дворовых мест; улицы обязательно есть и в деревнях⁴¹¹. Речь идет, по сути, об отсутствии уличной структуры у крупнейшего центра Северного Поморья в XVI—XVII вв. (неизвестно название ни одной улицы!).

В связи с изучением внутренней структуры посадов нельзя не отметить наличие значительных массивов

церковных земель на холмогорских посадах. Это “белая” земля, которую церковные власти сдавали в большом количестве в аренду под жилье, лавки, производственные комплексы посадским и уездным людям. Особый интерес представляет, на наш взгляд, происхождение этих “белых” земель. Преобладающая их часть не является царскими пожалованиями, а имеет иное происхождение. Они не были переверстаны во время строительства посада и оказались включенными в городскую территорию как “белые” земли, и если белопоместные слободы в русских городах в период посадского строительства 1649—1652 гг. постепенно ликвидировались, то церковное “белое” землевладение существовало до конца XVII в. Письменные источники XVI—XVII вв. дают возможность заметить такие явления в жизни холмогорских посадов: церковные сельские земли, расположенные поблизости посадов или порою впритык к посадской территории, при сдаче в аренду превращались, по сути дела, в “белые” посадские дворы. Например, в купчей 1578 г. на половину деревни Загорское: “На Колмогорах за посадом, на реке на Двине, полдеревни Загорские в Загорском стану”⁴¹². С учреждением на Холмогорах архиепископии в 1662 г. была дана царская грамота о переписи и “отказе” вотчины первому архиепископу Афанасию в Загорском стане и Чухченемской волости. В частности, в Загорском стане, непосредственно примыкавшем к посадской территории, были отданы 33 крестьянских двора в 10 деревнях⁴¹³. В плотном кольце деревень были холмогорские посады и в конце XVII в. (в 1689 г. идет речь о деревнях, часть земель которых отошла под острог в 1621 г.: “...а тех-де деревень земли с верхнего конца по нижнюю сторону Курцовского посаду от озера Ямище вниз до Глинского посаду и с тою землею, что отошло под острог, а меж тех деревень землями иных земель и никаких угодий нет”⁴¹⁴). Несомненно, социальная близость посадского населения и уездного крестьянского способствовала их “взаимопроникновению” из посадов в уезды и обратно. Письменные документы прямо свидетельствуют об этом: “Да у тово же Курцовского посаду блиско Загорсково стану крестьяне Ивашко Харламов, Матюшко Иванов Кустов з братом торгуют и промышляют посадскими торги и промыслы, тягла с посадскими людьми не платит”. Решение властей было “тягло платить и службы служить в ряд с волостными крестьяне, а не с посадскими людьми”⁴¹⁵. Это был далеко не единичный случай: “На Нижнем посаде в Стуколовки Загорского стана торговые, и промышленные, и ремесленные люди, которые чем торгуют, и промышляют, и ремесленичают с посадскими людьми в ряде, а тягла с посадскими людьми не платят” (перечислены кожевник, шапошник, “ремесленной пишет скоропись”). Им было велено вернуться обратно в стан, потому что в Двинских писцовых книгах “Загорский стан написан тяглом, в Двинском уезде пашенная земля и сены покосы у посаду”⁴¹⁶.

Существовал и обратный отлив населения — например, Осташко Федоров Опалихин “двор на посаде тяглой продал английским немцам, а ныне живет в Загорском стану, промышляет посадскими промыслы, людьми, к морю ходит в найме с посадскими людьми и рыболовствует, а в писцовых книгах та пашенная земля, на которой ныне живет Осташко Федоров, написана оброчная, а не тяглая”⁴¹⁷.

Такое “смыкание” посадской и уездной территорий как раз было удобно для хозяйственного взаимопроникновения и в целом хорошо вписывалось, на наш взгляд, в особый агломерат холмогорских посадских поселений. В Строельной книге холмогорских посадов 1649—1650 гг. имеется любопытное описание захвата монастырями значительного участка выгонной земли. В этой ситуации характеризуется и застройка поселения, довольно мало напоминавшая плотную городскую застройку: против Глинского посаду служки во дворах Сийского, Кирилло-Белозерского, Соловецкого, Николо-Корельского, Архангельского и Троице-Сергиева монастырей “против дворов своих загородили животинного выгону в огороды конец на двесте и больши, в длину сажен по сту и больши... А истари-де огороды загорожены были у всяких чинов людей невелики, в длину сажен по десяти и большие по пятнадцати, а в ширину против дворовых мест, и в тех огородах хлеб сеют, и сена косят, и животину кормят, а посадкой животины кормитца стало негде. Да теми же огороды большую дорогу отвели в сторону далече к лесу и не прямо”⁴¹⁸.

Несомненно, все эти слагаемые: комплекс посадов, не связанных между собою едиными магистралями; неразработанность уличной структуры внутри каждого посада; территориальная близость посадских комплексов и уездных крестьянских дворов — позволяют рассматривать структуру холмогорских посадов как оригинальную для северной территории агломерацию — структуру, состоящую из нескольких самостоятельных посадских поселений — ядер, как бы “помещенных” в сельское “окружение”.

Подобная структура не является продуктом “незрелости” Холмогор как городского центра или “начальной” стадией его развития. Объяснение нужно искать в другом. В чем же? Ведь Холмогоры как географическое название, местность имели свой “древний”, исторически сложившийся центр — “городок”, где находился Спасский собор, поэтому отсюда практически начали отчет Холмогор как посадского центра в конце XV в., в эпоху “составления новгородских писцовых книг”. Вероятно, “традиционность” места для посадов и сыграла определенную негативную роль — использовалась лишь узкая кромка берега вдоль реки, наиболее пригодная для селитьбы и для коммуникаций по реке. Сама планировочная система поселения, растянутого вдоль реки на несколько километров, предопределила его дробность на отдельные самостоятельные посады, отсутствие единой компактной структуры поселения.

Следует подчеркнуть, что это не оказало отрицательного влияния на экономическую и социальную сферы жизни Холмогор XVI—XVII вв., и может быть, наоборот, подчеркнуло некоторые выгодные стороны подобной структуры (активизация торговли, промыслов, речного извоза в условиях широкого выхода к реке, непосредственно к дворовым участкам). “Свободная” планировка могла повлиять и на психологию горожан, когда значительные группы посадского населения были лишены замкнутости в своем дворе, ограниченном размерами дворового участка. Это повысило хозяйственную мобильность посадского населения (морские промыслы, морской и речной извоз и т. д.).

Вероятно, тщательно разработанная торговая структура холмогорских посадов (пристани, Гостиный берег, Летний и Зимний торговые ряды) подчеркивает осо-

бое, прежде всего торговое, значение этого крупнейшего посадского центра Северного Поморья.

В заключение еще раз вернемся к некоторым деталям планов города Холмогор XVIII—XIX вв. Обращает на себя внимание тот факт, что в 1784 г. от прежних холмогорских посадов осталась незначительная часть Курцевского посада, почти незастроенной оставалась и территория городища. Основная застройка поселения была сосредоточена в рамках бывшего Глинского посада (от городища к Троицкой церкви). Уже тогда значительная часть древнейшей застройки была смыта рекой Курополкой: на одном из планов 1837 г. в районе Троицкой церкви, где располагались пристань и торговые ряды, помечен “прежний берег реки” (в районе пристани эта линия отстоит от берега почти на 90 м, и по направлению к городищу утраченная часть была еще больше). Не исключено, что прежде участок берега, где располагались городок XV в. и городище 1621 г., был мысом (по крайней мере, песчаная отмель у берега обширна). К началу XIX в., таким образом, от прежней поселенческой почти пятикилометровой линии на Холмогорах осталась половина.

Структура холмогорских посадов XVI—XVII вв. представляет собой если не уникальное, то очень редкое явление в посадской жизни Московского государства. Вот основные компоненты этого явления: 1) наличие самостоятельных посадов с местным управлением; 2) разделение “труда” в торговых функциях (наличие Зимнего и Летнего торговых комплексов на разных посадах); 3) наличие среди посадской территории значительного массива “белых” церковных земель, используемых под посадские или крестьянские дворы; 4) главенствующая роль (административная, торгово-ремесленная) холмогорских посадов в районе Нижней Двины (и всего Северного Поморья).

В северной части Поморья холмогорские и Архангельские посады были не единственными. Любопытно, что именно Холмогоры как административный центр и холмогорские посады как центр ремесла и торговли в течение XVI в. и большей части XVII в. выступали в своеобразном окружении “малых” посадов. Так, в Уставной грамоте в Нижней половине Двинской земли 1547—1556 гг. такими “малыми” посадами названы Ненокский и Унский⁴¹⁹, а позднее к ним присоединились Луда и Кулой на р. Пинеге. Если на Холмогорах администрация была представлена наместником, тиуном и доводчиком, то в Неноксе сидело по тиуну и доводчику. Уже в XVI в., например, Ненокса имела довольно сложную посадскую топографию — письменные источники называют Никольскую, Проезжую улицы (1594, 1628 гг.), микротопонимы — Великие места (1554, 1656 гг.), Смердьи места (1562 г.), Скомо-рошница (1621 г.), Кастылиха (1602 г.)⁴²⁰. Пока можно только предполагать, что именно об этих традиционных “на море” местах солеварения упоминается в Уставе 1137 г.: “...а на море от чрена и от салгы по пузу” брались подати⁴²¹. Позднее, после ликвидации новгородской независимости и начала “посадского строения” в Поморье, здесь были образованы посады. Особенности их топографии и дальнейшие исторические судьбы заслуживают отдельного рассмотрения.

На наш взгляд, есть еще один очень важный вывод, вытекающий непосредственно из рассмотрения топографии холмогорских посадов: на протяжении второй половины XVI в. и всего XVII столетия не происходит роста посадской территории, отчетливо прослеживается

“замораживание” посадской топографии. Мы наблюдаем, казалось бы, парадоксальное явление: идет свертывание, уменьшение посадской территории (исчезает целая структурная единица — Куропольский посад, река смывает десятки посадских дворов и дворовых мест, и они не компенсируются за счет сельской территории), новообразованный посад у Архангельского города, по существу, терпит фиаско: приписанные к нему посажане из Двинского уезда разбегаются. Перепись 1622—1624 гг. показывает, что значительную часть его сезонного населения составляют не местные жители, а холмогорцы, преобладает служилое, стрелецкое население.

Суть этого процесса ясна: активно идет окрестывание всех сфер посадской жизни (внедрение в структуру посадов крестьянских элементов — в ремесло, торговлю, сферу обслуживания), с одной стороны, а с другой — “размыв” посадского населения, частично переходящего в уезд. Эта тенденция уже полностью реализуется в начале XVIII в. с утратой Холмогорами роли военно-административного центра, когда бывший посад превратился в большую деревню.

Таким образом, комплекс самостоятельных поселений — посадов, неразработанность уличной структуры всего комплекса поселений и структуры каждого из посадов, значительная доля на поселении “белых” церковных земель, которые сдаются в оброк то под посадские дворы и лавки, то под дворы окрестных крестьян, территориальная близость посадских и уездных крестьянских дворов — все это позволяет рассматривать структуру холмогорских посадов как оригинальную для северной территории городскую агломерацию — структуру, состоящую из посадов-ядер, окруженных сельскими поселениями. Основы этой структуры были заложены еще в “новгородское” время, когда в этой части Нижнего Подвинья сформировалась структура расселения, которую можно назвать протогородской. Вероятно, на рубеже XV—XVI вв. часть холмогорской агломерации была записана “в посад” и прежнее население осталось на своих, уже “дворовых” участках. На наш взгляд, этим можно объяснить то, что на первоначальный период холмогорских посадов приходились и максимальная посадская территория, и наибольшее число посадского населения. Более того, на начальном этапе посады имели более широкий спектр ремесленных специализаций и наибольшее число самих ремесленников. Весь дальнейший ход развития холмогорской агломерации привел к тому, что она постепенно утрачивала свои позиции как торгово-ремесленный, а затем и военно-административный центр Северного Поморья.

В начале XVII в., в период нашествия на Север отрядов польско-литовских интервентов, на территории холмогорских посадов ставится сначала острог, а затем более мощное дерево-земляное укрепление — рубленный “город”. Этим как бы завершается “оформление” всех элементов городского поселения (город-кремль, рядом неукрепленный посад), холмогорские посады демонстрируют динамику перерастания древнего протогородского центра, который в течение нескольких веков (по крайней мере, на протяжении XII—XV вв.) служил административным, политическим, торговым и, вероятно, ремесленным центром для огромной территории от южного Беломорья до Северного Урала. Вторая, традиционная линия развития посада хорошо прослеживается на примере Архангельска: построение

крепости, учреждение около нее посада, постепенное увеличение посадской территории, развитие структуры улиц и переулков, рост числа посадских дворов на протяжении второй половины XVII — начала XVIII в., численности населения и усложнение его социальной структуры⁴²².

Жилище является одним из основных элементов материальной культуры деревни и города. Основной модуль посадской застройки — «двор», участок со стоящими на нем жилыми и хозяйственными постройками. Любопытные материалы по посадскому домостроительству первой половины — середины XVI в. дают уставные северные грамоты, которые ранее к изучению домостроительства не привлекались. Эти источники интересны тем, что регламентируют размер и количество дворовых построек, которые дозволялось поставить наместнику, тиуну, доводчику и другим представителям администрации.

Уставная грамота устьянским волостям (Пежда, Вель, Устья) 1539 г.: волостелю и пятинщику разрешалось иметь во дворе по три избы (каждая изба размером по 3 сажени сторона), по одному сеннику (2,5 сажени сторона), по одной клетке (2 сажени сторона), по погребу, конюшне (4 сажени сторона), поварне (2,5 сажени сторона), мыльне (по 2 сажени сторона) и «двор отынуть и ворота поставить»⁴²³. В Уставной грамоте 1547—1556 гг., данной Иваном IV северной половине Двинской земли, предписывалось: «...а двory ставят нашему наместнику на Холмогорах, на Нижней половине поставят одному наместнику три двора и с тиуном, и с доводчиком»⁴²⁴. Вот как регламентируются эти хоромы: «...а в большом дворе наместниче поставят избу 4 саж. меж угол, а другую избу 3,5 саж., а третью избу 3 саж., да сенник 3 саж., а другой сенник 2,5 саж., да поварню 3 саж., да конюшню, да мыльню». На дворе тиуна — «избу 3 саж., избу 2,5 саж., да сенник 2,5 саж., мыльню, да конюшню». Двор третьего представителя администрации — доводчика: «изба 3 саж., изба 2,5 саж., клетка 2 саж., конюшня». Дворы стояли в Холмогорах, Неноксе и Уне — трех крупнейших посадках Нижней половины Двинской земли. Приведенные данные интересны тем, что во всех комплексах присутствуют «сенники», что придает этим официальным резиденциям первой половины XVI в. определенный «сельский» характер.

Этот «сельский» компонент жилищно-хозяйственного комплекса постоянно присутствовал и в посадском комплексе. В 1545 г. на Холмогорах был продан двор, в состав построек которого входила горница на подызбице, клетка на две подклети, сарай, хлев, мыльня⁴²⁵. В 1596 г. в проданном на Холмогорах дворе, наряду с горницей на амбаре, клетку на подклети, были «двои сараи на столбах», а также хлев, мыльня⁴²⁶. Письменные документы как XVI, так и XVII в. позволяют сделать вывод о том, что в это время в домостроительстве северных посадков, и в первую очередь на Холмогорах и в Архангельске, широко практиковалась замена холодной клетки вторым теплым помещением, а также использование поклетей в количестве теплых жилых помещений (горница, изба ставятся на подызбице, жилым подклетом); клетка в связи заменяется повалушей, горницей. Приведенные материалы свидетельствуют о том, что во второй половине XVI в. комплекс северорусского посадского двора, основу которого составляет двухэтажная трехчастная связь, уже сложился.

В XVI в., например на холмогорских посадах, встречаются дворы, в которых имеются сараи. Так, в 1596 г. был продан двор, в котором «хором горница на подклете, да клетка на подклете, да сени на подсенях, да два сараи на столбах, да хлев, да мыльня, и с ворота, и с кровлею, и с тыны, и з заплоти, и с подворною землею...»⁴²⁷. В 1674 г. переводчик Тимофей Англер продал хоромы свои «Двинские съезжие избы подызбичему» Ивану Ростегаеву: «...горница на подклеть, против горницы клетка на подклети, а промеж горницею и клетку сени на подсенях и с вышкою, и с крыльцом, и с лисницею, и струбом рубленным, и з банею, и погреб земляной, и с напосребицею покрытою, и с сараем...»⁴²⁸. В этом же доме была и печь «образцовая». На наш взгляд, типичным посадским двором в XVII в. можно считать двор, проданный в 1608 г. кузнецом Никитой Акимовым Федору Михайлову, кузнецу же, на Глинском посаде: горница на подклете, сени на подклете, клетка на подклете, сарай на столбах, хлев, баня⁴²⁹. В XVIII в. сарай потерял свою функцию «связи» в дворовом комплексе, верхний этаж его стал в позднейших постройках поветью, под которой сконцентрировались наиболее важные хозяйственные службы, в том числе хлева.

На состав дворовых построек влияла социальная принадлежность владельца двора. Вот, например, описание проданного в 1584 г. воеводского двора в Архангельске (воевода Алексей Волохов, один из основателей Архангельска, продал свой собственный двор): «...горница крестовая, да вряд с нею одну сторону комната, под ними в середине кладовых амбар, вряд с тем амбаром по сторонам по жилому подклету, да на обеих сторонах по крыльцу да по сеням, а в тех сенях по два чулана, да от реки на горе 2 горницы, меж ними сени, под одною горницею жилой подклет, а под другою мыльня, а над теми хоромы зделан чердак, да на тот же воеводской двор перенесена пустая изба, что наперед сего был приказ, и зделано из ней 2 горницы надвое, да сени, а под ними зделаны многие поламы, назади них, хоромов, построена изба, под нею жилой подклет, да в тех горницах и подклетах горожане Пашка Корелкин з братьями склади 13 печей кирпичных»⁴³⁰.

Письменные документы позволяют наметить основные черты, которые наиболее ярко проявились в северном посадском жилище второй половины XVI—XVII в.:

1. Уменьшение по сравнению с сельским числа дворовых построек.
2. Увеличение этажности (до трех при наличии чердака) и использование подклетов в качестве жилых теплых помещений.
3. Замена холодной клетки вторым теплым помещением (горницей или повалушей).
4. Социальный контраст (ср., например, двор стрельца и воеводы).
5. Уменьшение, по сравнению с деревенским двором, построек посадского двора при более рациональном использовании каждой постройки и каждого из этажей постройки, что диктовалось размерами посадского дворового участка. На наш взгляд, посадское жилище в формировании дома-бруса опередило крестьянский двор, который продолжал развитие до середины XVIII в. в связи с формированием деревень нового типа. По существу, в деревне XVIII в. происходило то же самое, что на территории посада в XVI—XVII вв.: нарезание дворовых участков и «посаждение» на эти лоскуты крестьян.

Город-крепость на Русском Севере XVI—XVII вв.

Оборонное зодчество Русского Севера — один из важнейших компонентов северорусской городской культуры. Деревянное и особенно каменное строительство требовало не только определенного уровня развития строительного дела, наличия местных строительных кадров различных специальностей, но и соответствующей масштабам строек организации работ. Все это, в свою очередь, отражало определенный уровень экономического и социального развития региона. По своему характеру северные “города” XVI—XVII вв. — это крепости при посадах, возникшие для защиты жизненно важных центров региона, т. е. уже в этом несомненен их городской характер. В организации посадской застройки, во всем архитектурном облике северного посада кремль играл немаловажную роль, являясь, по существу, центром всего поселения. В изучении истории оборонного зодчества Архангельского Севера можно выделить несколько аспектов: 1) северные крепости как памятники позднесредневекового русского оборонного зодчества (планировочные структуры, конструктивные элементы оборонительных сооружений, их эволюция в XVI—XVII вв.); 2) организация военного строительства (экономическая, социальная и строительная базы); 3) вооружение северных крепостей (военный и экономический аспекты).

Постановка данных вопросов потребовала прежде всего изучения основных этапов строительной истории северных оборонительных сооружений на основе комплексной источниковедческой базы. С этой целью были выявлены преимущественно не опубликованные письменные документы, содержавшие наиболее ценные сведения о крепостях, их вооружении — росписные списки, дозорные, описания крепостей в писцовых и переписных книгах⁴³¹. Большое значение для изучения северных деревянных крепостей и организации крепостного строительства на Севере имеют два исторических сборника, содержащие комплекс сведений (военных, архитектурных, исторических): сборник документов 1619—1627 гг. о строительстве сольвычегодских острогов и “Столп о Каргопольском острожном деле” (1615—1665 гг.)⁴³². Специальных археологических работ по изучению памятников оборонного зодчества XVI—XVII вв. не проводилось, исключение составляет лишь Каргопольское городище, на котором были проведены архитектурно-археологические раскопки с целью исследования памятников каменного зодчества, конструкции острожной осыпи и планировки городища. Из других работ отметим осмотры Холмогорского, Усть-Кулойского, Усть-Мошинского, Туровецкого, Тойменского городищ (О. В. Овсянников, 1959—1985 гг.). Наконец, третий вид источников — графические материалы, разысканные в центральных и региональных архивах.

В середине XIX в. Ф. Ласковский, создавший уникальный по своей комплексности (документы и графики) труд по истории крепостного строительства в России, ошибался, когда писал: “Северная граница России по ее неприступности со стороны моря не имела большой надобности в укрепленных пунктах”⁴³³. Неубедительность этого положения очевидна: достаточно вспомнить, что еще в XV в. эта граница оказалась открытой для набегов “мурман” на южное побережье Белого моря, а вся вторая половина XVI в. прошла на Севере также под угрозой нападения с моря. Именно

эта опасность заставила Московское государство начать целую серию военно-строительных мероприятий — постройку деревянного Соловецкого острога (1578 г.), Архангельского “города” и Сумского острога (1583 г.), Кемского острога и Колы в конце XVI в., а в XVII в. — широкое военное строительство в глубине материка (Холмогоры, Каргополь, Шенкурск)⁴³⁴. Завершилось создание оборонительной линии вдоль Беломорского побережья постройкой в устье Северной Двины Новодвинской (Петропавловской) крепости⁴³⁵.

Сделаем краткий обзор некоторых военно-строительных мероприятий на Севере в XVII в. (строительство оборонительных сооружений в Архангельске будет рассмотрено нами в отдельной главе).

Холмогорский деревянный “город”. Первое укрепление представляло собой острог, “стоячий в один тын с башнями к Двине реке, с тайником, а на остроге церковь Рождества Христова, да осадные двory посадских, и уездных, и монастырских людей”⁴³⁶. Из Архангельского “города” в новый острог были подвезены пушки и порох. Острог, конечно, не мог защищать растянутые вдоль реки холмогорские посады от пожара и разоренья, но жители Холмогор и окрестных деревень могли укрыться за его стенами. Не отличалась значительной силой и огневая мощь укрепления: “...людей в нем служивых с огненным боем всего 50 человек, а иных нет”⁴³⁷.

Появление первого холмогорского кремля в 1613 г., а затем и постройка к 1621 г. новой крепости в верхней половине посадов усилили военно-административное значение Холмогор как центра Двинской земли.

Описание нового холмогорского острога, поставленного в 1621 г. при воеводе Дмитрие Петровиче Пожарском Лопате между Курцевским и Глинским посадами, полностью приводится в Писцовой книге 1622—1624 гг. Это описание дает возможность сразу же после завершения строительства более полно и точно охарактеризовать военно-оборонительное сооружение “на Холмогорах”. Итак, построили “на Курцове на посаде острог, а поставлен тот острог в один тын во 1621 году Спаса с Курцова на земле деревни дьячей Каткова тож да деревни Фадеевской”⁴³⁸. В отличие от первого холмогорского кремля, четырехугольного, с пятью башнями, острог 1621 г. в плане — многоугольник (полиугольная система), имел 11 башен: 4 четырехугольных и 7 шестиугольных. Под Спасской шестиугольной башней и четырехугольной, стоящей на Водяных воротах, располагались ворота, которые вели в крепость. Остальные десять башен были глухие. Документ перечисляет названия следующих шести башен: Спасская, Кандалакшская, Тайницкая, Выводная, Загорская, Красная. Территория укрепления была довольно значительной — стена с башнями имела протяженность 962 сажени с полусаженью, это в два с лишним раза больше Архангельского деревянного “города”. Все угловые (“наугольные”) башни имели два этажа и соответственно три яруса боя: подошвенный, средний и верхний. Кроме того, четырехугольные башни с напольной стороны имели также три яруса боев. В стене были бойницы нижнего боя — с “мостов” через бойницы верхнего боя защитники могли хорошо простреливать близлежащую местность. Крепость имела и дополнительные укрепления — вдоль всего периметра стен она была окружена широким (около 9 м) и глубоким (более 5 м) рвом, на дне которого “ставлен тын” — заостренные бревна. На отдельных участках

Рис. 111. План Холмогорского "города" XVII в.
 (по: Тышинский А. Г., 1871)

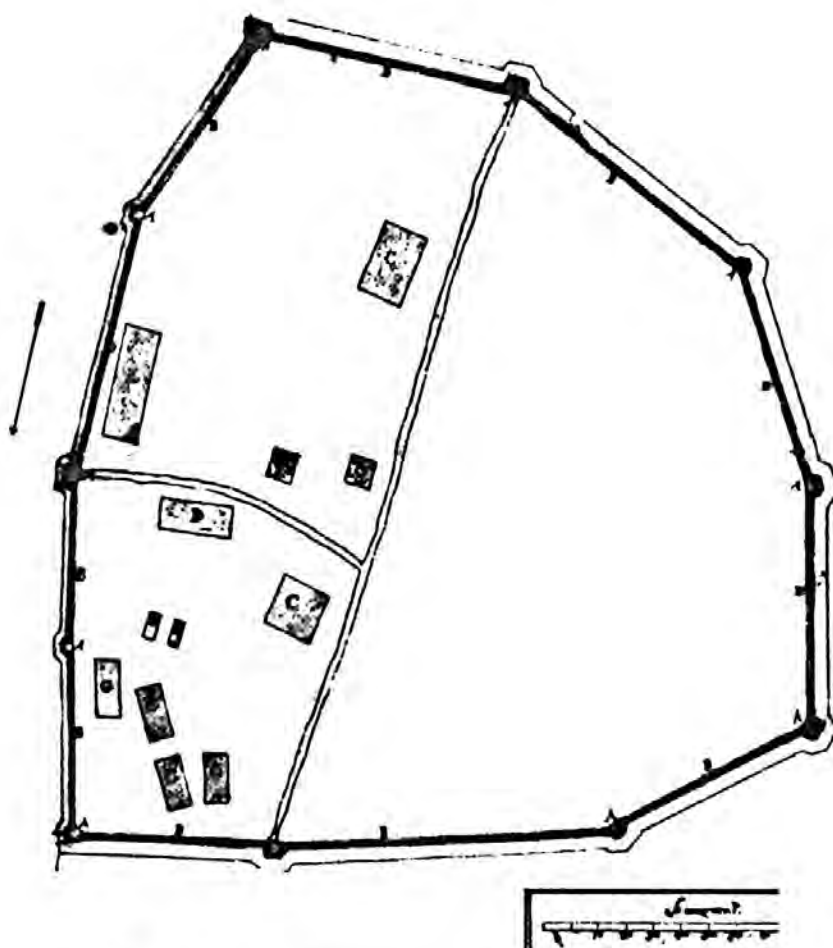

Рис. 112. План Холмогорского "города" XVII в.

дна одна из стенок была укреплена от осыпания обрубом (бревнами, рублеными в замок). Следует признать, что пушечный "наряд" новой крепости не соответствует масштабам укрепления — он невелик, всего 19 стволов. Это можно объяснить лишь тем, что крепость была только что построена и вооружение ее не было укомплектовано до конца. В холмогорском остроге на первых порах преобладали мелкие калибры огнестрельного оружия (ядро весом в 3—5—6 гривенок). Две пушечки были дробовые, скорострельные, пять медных и девять железных пищалей, пять пищалей затинных железных. К сожалению, документы 1622—1624 гг. не дают сведений, какие орудия "немецкие", т. е. привозные, а какие отечественного производства.

Есть данные о том, что в середине XVII в. холмогорские укрепления были реконструированы "по старой основе", т. е. повторили в плане крепость 1621 г.⁴³⁹ В 1671 г. в кремле были построены "два погреба казенные деревянные, выходы из них каменные для кладки зелья и свинца". Вскоре, в 1674 г., проводится и гражданское каменное строительство — на воеводском дворе строится "каменная полата да горницы новые деревянные, а строено то все из государевой казны"⁴⁴⁰. В 1666 г. на месте прежней воротной башни, через которую ходили из крепости к холмогорскому собору, была "построена вновь Преображенская башня, верх шатровой, а на той башне чердак и на чердаке орел". Чердак возвышался над кровлей и служил смотровой вышкой.

В самом конце XVII в. холмогорские укрепления, по существу, перестраиваются заново: в 1691 г. надлежало "холмогорский город построить вновь", для чего необходимо в окладчики выбрать "человека доброго и строениям грацким и хоромным ведушаго". Эта грамота открывает переписку холмогорского владыки со своими подчиненными, которая является интереснейшим источником как для изучения постройки холмогорского укрепления, так и для истории организации оборонного строительства на Севере вообще. В грамоте от 27 января 1692 г. архиепископа Афанасия игумену Антониева-Сийского монастыря Варфоломею указывается обеспечить выбор и присылку специалистов из монастырских вотчин в связи с необходимостью ремонта холмогорской крепости: "...велено на Холмогорах деревяной город осмотра, будет ветох, строить против прежнего двиняны посацкими людьми и уездными волостными монастырскими против иных городов... А по досмотру двинских земских старост Ивана Бусинова с товарищи той Холмогорской город ветох весь и башни и стены многие сгнили, а иные в ветхость пошатились. И от Архангельских проезжих ворот по Глухой башни городовую стену буркою поломало. А мерою вокруг того города и з башнями восьмьсот двадцать две сажени"⁴⁴¹. Следовало разобрать пришедшие в негодность участки стен, а потом уже возводить новые. "За теми монастырскими Сийскими и иных двинских монастырей плотниками городовая стена, которая довелась на вашу монастырскую долю разобрать и построить, и та стена стоит неразобрана, и чтоб за теми плотниками городовое строение не остановилось", — подгоняла сийскую братию грамота от 3 апреля 1692 г. Приведенные нами документы раскрывают практику государственного строительства, когда наряду с "мирскими людьми" в затратах участвуют и двинские монастыри. Особенно важно, что строительство явилось, по существу, восстановлением прежнего "города", имев-

шего длину стен и башен 822 сажени (почти на 140 сажени меньше острога 1621 г.). По свидетельству Двинской летописи, в 1692 г. деревянный "холмогорской город починиван и перебран весь от подошвы, и башни рублены новые все так же, и над Богоявленскими вороты на башне построена церковь Алексея Божия человека, и из старого башенного леса построен от Спасских ворот и от Николаевских посреде улицы мост до таможи".

На планах "уездного города Холмогор" даже в XIX в. отчетливо прослеживается конфигурация валов и рвов "города". Побывавший в Холмогорах во второй половине XIX в. А. Г. Тышинский не только указал на следы оставшихся укреплений, но и сделал попытку графической реконструкции средневекового укрепления⁴⁴². Для изучения планировки Холмогорского "города" конца XVII в. большое значение имеют два плана, по-видимому, начала XVIII в. На одном из чертежей указано, что "черчен сей чертеж с присланного чертежа из военной коллегии", другой "чертил инженерного кондуктор Петр Сумороцкой"⁴⁴³. Прототипом для обоих планов и послужил, вероятно, чертеж, присланный из Военной коллегии. Очевиден и тот факт, что план зафиксировал остатки "города", который почти заново ставился земскими и монастырскими плотниками в 1692 г. Последний Холмогорский "город" в плане представлял собой многоугольник — явление довольно распространенное в практике оборонного зодчества Руси XVII в. "Лицо" острога, его главный фасад выходили на Северную Двину, поэтому именно на этом участке было сконцентрировано большое число башен — 5 из 11. В этой же части "города" располагались административные здания, а также воеводский двор, церкви и трое городских ворот. Напольные стороны "города" защищали башни, расположение которых позволило обороняющимся организовывать в случае необходимости фланкирующий перекрестный огонь. По всему периметру "города", за исключением стороны, обращенной к Двине, перед городовыми стенами был выкопан ров, в который был вкопан "частик". Как и другие северные укрепления, холмогорский "город" располагался на посаде и занимал незначительную площадь последнего. Сам посад не имел никаких дополнительных оборонительных линий.

К сожалению, до наших дней не сохранилось ни одного памятника древней архитектуры на территории холмогорского кремля. Судя по плану начала XVIII в., здесь находились воеводский двор, каменная "зеленая палатка", деревянный Богоявленский собор. В 1618 г. этот собор, построенный полком Архангельского гарнизона, пришел в ветхость и был разобран и перевезен в Кур-островскую волость на место сгоревшей церкви. Впоследствии, в связи с завершением строительства Новодвинской (Петропавловской) крепости и успехами русского оружия над шведами в Северной войне, "город на Холмогорах" окончательно теряет свое значение. "В наши времена видимы были еще две или три деревянные башни, последние упомянутого острога", которые были сравнены с землей в 1745 г., — засвидетельствовал В. В. Крестинин⁴⁴⁴.

Сольвычегодский деревянный "город". Аналогичные строительные этапы характерны и для сольвычегодских укреплений⁴⁴⁵. О существовании Черниговского города "на устье реки Черная на реке на Вычегде" повествует так называемый Сольвычегодский летописец,

оговариваясь, однако, что “в которые годы поставлен, того неведомо...”⁴⁴⁶ Зато летописец дает точную дату гибели города — Чернигов сгорел в 1546 г.⁴⁴⁷ Внутри города стояла церковь Иоанна Предтечи, над одними воротами в проезжей башне стояла икона Нерукотворного Спаса, а над другими — икона Георгия (икона подписанная — писал в 1543 г. иконописец Андрей Васильев). Сольвычегодский летописец сообщает, что у Соли Вычегодской на р. Вычегде “на поскотине”, близ церкви Рождества Пресвятыя Богородицы, был поставлен в 1581 г. город Выбор⁴⁴⁸. В последней четверти XVI в., а именно в 1586 г., в писцовых книгах Афанасия Вельяминова и дьяка Ивана Григорьева дано описание города Выбора: “...город Выбор на реке на Вычегде, сметало тою рекою западную стену городовую, да и сторонних стен осталось 23 городни”⁴⁴⁹. На “передней” городской стене стояла воротная башня, а над воротами висела икона “Спасов образ икона нерукотворного образа Христова Черниговская”. Писцовые книги еще называют “город Выбор” “старым городищем”, т. е. к моменту переписи 1586 г. это было лишь место, где некогда стоял город. Таким образом, к 1586 г. город Выбор пребывал разрушенным и назывался “старым городищем”. По местному преданию, в 1590 г. храм Вознесения был перенесен с городища на торговую площадь посада Соли Вычегодской. В самом начале XVII в., возможно в 1602 г., при воеводе Степане Голенищеве на Никольской стороне посада была поставлена деревянная крепость, которая впервые стала называться сольвычегодским “городом” или острогом⁴⁵⁰. Это было большое многобашенное сооружение, деревянные стены которого тянулись почти на 809 саженей (периметр крепостных стен составлял, таким образом, более 1,5 км)⁴⁵¹. Центральное место в новой крепости занимали Благовещенский собор и дворы Строгановых. Внутри острога вело четверо ворот, располагавшихся в воротных башнях (в документах сохранились названия лишь трех воротных башен — Благовещенская, Сретенская, Борисоглебская). Острожные стены стояли “на осыпи”, т. е. на земляном валу, перед которым был прорыт ров. Конструкция острожных стен, стоявших “на осыпи”, была неоднородной — фасад стены, обращенной к неприятелю, представлял собой бревна, врытые вертикально, — “тын стоячий на играх”. За этим острогом стояла более мощная конструкция — рубленые из бревен тарасы (клетки), засыпанные землей и способные противостоять артиллерийскому обстрелу штурмующих. Кроме четырех проезжих башен, кремль 1602 г. имел еще 14 глухих башен, стоявших вдоль всего периметра острожных стен. Малый гарнизон, несмотря на помощь крестьян ближайших деревень, не мог держать оборону по всему фронту крепостных стен. Позднее посадские люди сами писали об этом царю: “...и велик и не по людям, и посадить было такого великого острогу в осадное время ратным некем”⁴⁵². В 1618 г. по царской грамоте надлежало у Соли Вычегодской ставить новый острог — меньше размерами, более приспособленный к обороне: “И им бы в том остроге зделати малаю крепость... около соборной каменной храму Благовещенския Пресвятой Богородицы, потому что с одну сторону река Вычегда, да с другую река Усолка...”⁴⁵³

Для строительных работ были наняты усольские “охочие люди” Андрюшка Яровой “с товарищи”. Деньги на строительство крепости собирали с посада

и монастырей, так называемые городские деньги, и расплачивались ими с артельщиками за проделанные строительные работы. Однако артель Андрюшки Яровой работу до конца не довела, и заканчивать постройку крепости в течение нескольких лет пришлось самим посадским людям и волостным крестьянам несмотря на наказ — советоваться в этом деле “с лучшими” посадскими людьми, и особенно со Строгановыми. “Острожное дело” в Сольвычегодске вылилось в резкий социальный конфликт: посад решил, что новый острог возводится лишь для защиты дворов Строгановых, и “ослушился” царского указа (“И посадские люди своим заговором и твоей государевой грамоты не послушали. И острогу по Никольской стороне не делали, а стали делать во 126 (1619) году около своих дворов”⁴⁵⁴). Далее в этой же отписке царю Строгановы вполне убедительно, на наш взгляд, говорят о плохом выборе посадскими людьми места для нового острога. Крепость оказалась около высокого каменного Благовещенского собора и монастырских зданий: “...и с храмов высоких из малого оружия выбьют, не токмо что из большого, потому что близко над стеной. А храм высота по 20 и 30 сажен, а от храма до острогу 24 сажени, и с храма в остроге все видно — и дворы, и стены, и верхние бои, и тарасы, и на площади, и на улицах...”⁴⁵⁵ Таким образом, в 1625 г. у Сольвычегодского посада стояли две деревоземляные крепости — остатки большого острога 1602 г. на Никольской стороне около Благовещенского собора и большой новый острог на Троицкой, посадской стороне (строился в 1619—1625 гг.)⁴⁵⁶. Документы, связанные с “острожным делом”, помогли решить еще одну загадку. В 1678 г. стольник Григорий Овцын, составляя переписную книгу Соли Вычегодской и вспоминая остроги 1602 и 1619 гг., вынужден был записать: “Тех двух острогов и земляного валу ныне ничего не объявилось; около дворов именитых людей Строгановых деревянный же острог, и того острогу стоят 2 башни, одна проезжая, а другая... ветха и развалилась”⁴⁵⁷. Так в Соли Вычегодской при наличии двух больших острогов появился еще и малый — вокруг Благовещенского собора на Никольской стороне, для наблюдения за строительством которого в конце 1626 г. из Москвы был прислан князь Василий Вяземский (“к Соли Вычегодской для городского дела”⁴⁵⁸). Новый острог имел протяженность стен несколько меньшую, чем крепость 1602 г., — 661 сажен. Более плотно были расставлены башни — в новом остроге их насчитывалось 22 (16 башен глухих и 6 воротных, в которых располагались ворота).

Каргопольский кремль. Осенью 1613 г. у Каргопольского посада был поставлен небольшой деревянный острог, который и оказался в осаде в декабре, когда после взятия Вологды “польские и литовские люди и русские воры пришли в Каргополь на посад, и которые посадские люди в ту пору были на посаде для своих гоубных нужд, а в острог не успели, и тех людей оне все посекали, а иных в полон погна...”⁴⁵⁹ Осажденные не только выдержали несколько ожесточенных приступов, но и сами предприняли активные действия — “...против тех воровских людей выслали на вылазку голову Ивана Раделова с конными и пешими людьми, и многих воров побии и языков поймали”⁴⁶⁰. Отказавшись от дальнейшей осады острога, “воровские люди” сожгли дотла Каргопольский посад и ушли в уезд.

Рис. 114. Каргопольский кремль. План второй половины XVIII в.

Сохранился значительный по объему (236 листов) сборник документов, озаглавленный «Грамоты и отписки о Каргопольском острожном деле». В составе сборника 64 документа, которые можно разделить на несколько хронологических пластов: 1630—1632 гг. (сметные росписи острога, грамоты о посылке князя Дмитрия Сеитова для строительства острога в Каргополь, о предоставлении в его распоряжение пушкарей-рассыльщиков, об организации строительства (л. 1—60), ценные росписи на старый острожный лес (л. 114—119), грамоты о неучастии крестьян Турчасовского и Усть-Мошского станов в каргопольском строительстве и о разрешении построить им свои острожки (л. 60—103), грамоты о строительстве нового деревянного зелейного погреба (л. 133—135)); 1657 г. (грамоты и челобитные о разрешении крестьянам поставить свои острожки в Турчасове и Усть-Моше и неучастии крестьян этих станов в каргопольском строительстве (л. 143—170)); 1664—1665 гг. (отписки и грамоты о строительстве в Каргополе нового острога и каменного порохового погреба (л. 171—178 об.) и о строительстве острожков в Турчасове и Усть-Моше (л. 181—235)). В составе сборника есть списки с более ранних грамот (1615, 1626 гг.), которые представлены в качестве документов крестьянами Турчасовского и Усть-Мошского станов (л. 65—69, 232—235). В 1629 г. тогдашний Каргопольский воевода князь Дм. Сеитов доносил: «...в Каргополе острог огнил, и стены обвалились, и ворота не заворяютца...» (л. 6). Документы сборника содержат ценные сведения о крепости 1613 г.: это была четырехугольная крепость с периметром стен «кругом все четыре стороны, опрочь башен, 465 сажен», из восьми башен в пяти в нижних этажах находились печи; конструкция стен — «острожной стоячей тын» с рублеными тарасами за тыном; ров «круг прежнего острогу был худ, мягок...» (л. 11—20). Документ 1631 г. так описывает недостатки прежнего острога: «...у прежнего каргопольского острогу щиты зделаны для того, что острожная стена была тын низок, а снутри острогу меж тыны кладен был лес короток..., была не покрыта... И стоял тот острог не много лет, и щитами острожную стену сломило» (л. 109). Одним из недостатков прежнего острога князь Сеитов считал то, «что в

остроге двory и анбары блиско де острогу», и «те двory велеть снести, чтоб сделать подле острога проезд как мочно, чтоб не было тесно» (л. 36). Особо подчеркивалась необходимость иметь хороший тайник и колодцы: «...а будет колодезей в городе мало, а тайника нет же, и кн. Дмитрею и подьячему росмотреть, как бы в городе тайник учинить или колодези поделать» (л. 21).

Крепость заменялась по планам и размерам почти «один к одному» — в сметной росписи на новый острог закладывался объем строительных материалов, исходя на прежнего объема: «лесу большого стоячего в новой острог на острожной стоячей тын 3600 бревен», «другово лесу стоячего ж меж позы 2800 бревен», «ослядного лесу на острожные палаты круг городу и на тарасы 2000 ослядей», на восемь башен 2000 бревен, на частик и т. д. (всего 11 400 бревен). Единственное отличие от прежней крепости состояло в том, что новая речная сторона крепости делалась рубленой, т. к. «бережной четвертой стены у острога стоячим тыном укрепити не мощно, потому что река водою подмывает» (л. 5). Смета называла и общую стоимость найма строителей нового острога: «А от того острожного тыну плотникам от дела, и от город, от копанья, и от тарасов, от рубли, и от засыпки земляные с четырехсот с шестидесяти с пяти сажен со всякие сажени по 20 алтын, и то будет найму 279 рублей» (л. 3). Как и в прежнем остроге, рубленые башни мшились, башенные окна закрывались ставнями, дверные проемы острожных ворот и башен — дверными полотнищами. Конструкция трех стен острога также была прежней: в земле копали «борозды», в которые ставился стоячий острог, за которым рубились тарасы и засыпались землей. Пять башен в нижних этажах имели кирпичные печи. Таким образом, строительный этап 1630—1632 гг., по существу, представлял собой лишь замену сгнившего острога новым. Изменилась лишь конструкция одной стены, да расширился ров. Крепость была построена так (это относится к башням в первую очередь — башни «с исподними, и сторонними, и с отводными, и с верхними бои и с обламы), чтобы «в приход воинских людей в городе было сидеть безстрашно и из наряду стрелять было мочно. И острог со всех сторон очищать» (л. 22).

Новый, третий строительный этап в Каргополе практически ведется с начала 60-х годов, когда велено было воеводе в Каргополе «у острогу худые места и где вывалилось осмотреть и смерить» (л. 171—172 об.). Результаты осмотра: «...острог весь огнил и обвалился, и лестницы у острогу обвалились, и башни в иных местах худы, и рвы насыпались, и частику, и надолбы круг острогу нет, все выгнило». Развалился опять зелейный деревянный погреб (воевода предложил построить каменный — «...камни и кирпичю есть, можно, государь, устроить и каменный погреб» (л. 175, 177)). По плану нового строительства намечалось «в Каргополе рубленой город ставить, а не острог», построить каменный погреб: «В Каргополе на посаде новый город ставить по старине, весь рубленой по старой осыпи, з земли передняя стена рубить в одно бревно рубленая, ...и все делать по подобью, как рубленые города ставят» (л. 231). Таким образом, рубленый деревянный «город» и каменный погреб в Каргополе появляются на заключительном этапе крепостного строительства XVII в. Каргопольский «город» по сохранившейся «росписи» 1714 г.⁴⁶¹ выглядел так — деревянный, рубленый, имел по стенам девять башен (упомянуты на-

звания: Троицкая, Воскресенская, Подлазная); две башни, Троицкая и Воскресенская, “рублены осмериком”, имели по двое проходных ворот. Остальные башни “города” — четырехугольные, одна из них также имела двое ворот, другие — глухие.

В фондах Каргопольского районного музея хранилась икона (в настоящее время экспонируется в Архангельском Музее изобразительных искусств) “Бориса и Глеба с видом горящего Каргополя”. В 1902 г., во время посещения Каргополя, В. И. Срезневский видел эту икону в одной из древнейших церквей города — Спаса Нерукотворного⁴⁶². Написанная в самом начале XVIII в., несомненно, местным мастером (о чем свидетельствует надпись), икона является ценнейшим изобразительным памятником, раскрывающим облик крепости XVII в.

На иконе изображена часть застройки рубленого “города” и окружающая его стена с башнями. Вероятнее всего, художник нарисовал юго-восточную часть крепости — вид со стороны реки Онеги, хотя сама Онега и не попала на холст. Реалистически изображая события, связанные с пожаром в каргопольском “городе”, иконописец, безусловно, допустил ряд неточностей и “вольностей”. Вполне возможно, мастер сознательно отказался от изображения построек, которые в композиции, раскрывающей лишь канву событий, не имели первоначальной важности. Несомненным достоинством изображения “города” на каргопольской иконе является достоверность архитектурного стаффажа, что делает икону ценным историческим источником для изучения не только северного деревянного

Рис. 116. Борис и Глеб на фоне горящего Каргополя. Икона начала XVIII в.

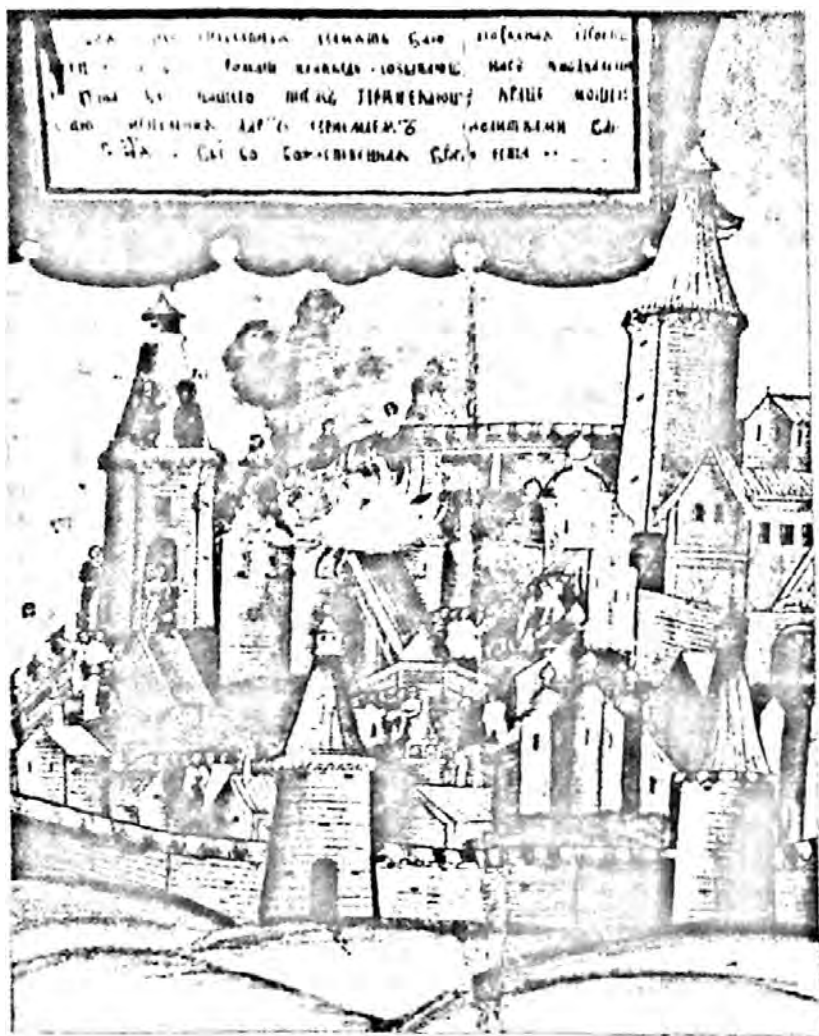

Рис. 115. Каргопольский “город”. Деталь иконы

оборонного зодчества, но и северного домостроительства и планировки города-крепости XVII в.⁴⁶³ Стены города деревянные, бревенчатые, рубленые тарасами; отчетливо видны границы отдельных срубов-тарас. Покрыты они тесом с фигурной обработкой концов. На рисунке тесины крыши стен раскрашены в два цвета. Трудно сказать, насколько это соответствовало действительности. В данном случае художник мог использовать этот прием как чисто декоративный элемент (как и раскраска полиц башенных шатров). На фасаде деревянных стен, обращенных к зрителю, видны бойницы, расположенные в два яруса: с верхней галереи стен по две бойницы на каждую тарасу и по одной бойнице нижнего, подошвенного боя. Тарасы, по всей видимости, внутри были засыпаны землей или землей с камнями. Все башни рублены из бревен горизонтальными венцами (способ рубки и концы бревен на углах иконописец нигде не показал), башни покрыты тесом, имеют у основания шатра полицы, что говорит о том, что шатры в действительности имели скаты. Шатер каждой башни заканчивается смотровой вышкой, также покрытой тесом, венчающейся “яблоком” и прапорцем (флажком). У основания каждой вышки — отлив из теса, в станках вышек — оконцы. Покртия шатров, смотровых вышек, полиц и отливов оформлены фигурными тесинами. На восьмиугольных башнях особенно заметны повалы — небольшое расширение сруба башни у перехода к шатру. Бойницы в башнях располагаются в три яруса. Одна из воротных башен показана с внутренней стороны города. Светлый круг в верхней ее части — это часы, четырехугольник — икона.

Несколько слов о постройках внутри кремля. Пожаром охвачены в первую очередь богатые деревянные хоромы. Низ их глухой, без единого окна, вверху же большие окна с колодами: два на торцевой части и че-

тыре на фасадной, лицевой стороне. Здание имело трехчастный план, характерный для древнерусских гражданских зданий XVII в. Вход в сени (среднюю часть) второго этажа осуществлялся по деревянному крыльцу "на отлете" с длинным лестничным входом и сложно разработанным нижним рундуком. К рундуку с двух боковых сторон подходят два небольших всхода. Нижний рундук покрыт "бочкой" с отливом спереди у ее основания. На изображении видны торцы покрытий над порубом хором, над главным всходом крыльца и боковыми всходами на нижний рундук — все они отделаны подзорами с резьбой (иконописец изобразил это условно — черточками). Скупое оформление основного объема здания, не имеющего ничего, кроме одного этажа, стоящего на подклети (нет вышек, светелок), при необычайно богатом, торжественном крыльце, наводит на мысль об определенном функциональном назначении этой постройки. Все данные говорят за то, что это не жилые хоромы, а какое-то административное здание, возможно Приказная изба. В левом нижнем углу — две деревянные и одна каменная постройки. Все они имеют дымницы, особенно изящна дымница у каменной постройки. Крайняя левая деревянная постройка — на подклете. Это, скорее всего, жилая изба. Центральная группа людей, изображенных на иконе, выходит из одноглавой каменной церкви. Церковь стоит на высоком подклете, в нее ведет деревянное крыльцо. Судя по изображению, каменная церковь была бесстолпной, глава ее была поставлена на сомкнутом своде.

В настоящее время на территории кремля не сохранилось памятников церковного каменного зодчества, но они были вскрыты во время архитектурно-археологических работ 1972 г. в северо-западной части кремля⁴⁶⁴. От небольшого бесстолпного одноапсидного храма сохранился лишь фрагмент, сложенный из булыжника в нижней части и грубо сколотых известняковых плит. Стены храма были сложены так: лицевые ряды из крупных известняковых плит, а забутовка внутри стены из более мелкого плитняка. План постройки своеобразен — среди каргопольских храмов ей нет аналогий. Здания подобного рода известны в Пскове, Ростове, Москве, но там они датируются более ранним временем — XV—XVI вв. Выработанный в посадской среде, этот тип храма в Каргополе также пришелся по вкусу посадскому населению. Здание было возведено, по всей вероятности, в первой половине XVIII в. В 80 м к северо-западу от этой постройки было обнаружено и исследовано большое одноапсидное бесстолпное здание с двумя притворами с севера и юга. Это был большой парадный храм, обильно украшенный белокаменным декором (найлены резные белокаменные детали, украшавшие, вероятно, оконные и входные проемы). Важно то, что раскопанные храмы не имеют аналогии среди сохранившихся в Каргополе памятников каменного зодчества. Большой интерес постройки представляют и для реконструкции планировки древней Каргопольской крепости.

Левее этой церкви стоит деревянное здание, возможно жилой дом, под его крышей возвышается головка дымовой трубы. Тесовая крыша постройки завершена под коньком охлупнем. За описанной небольшой постройкой виден верх деревянной церкви — часть рубленой стены и бочка над ней, а также часть барабана с луковицей и крестом. Храм этот деревянный, рубленый, обращен к зрителю апсидами. Галереи

и три апсиды, каждая из которых покрыты "бочкой" с полицами и с главкой над "бочкой", хорошо видны. Храм имеет двухскатную крышу, т. е. построен "клетски". Слева от храма виден верх деревянной рубленой колокольни, крытой тесовым шатром с полицами и с главкой наверху, с ярусом звона, образованным столбами, с отливом между низом, рубленным из горизонтальных венцов, и каркасным верхом.

В правой верхней части "города" изображен богатый архитектурный комплекс. Здание стоит внутри высокой ограды, рубленой из бревен. Воротный проем стоит так же, как и в проходных башнях, — с полукруглым верхом. Здание, видимое из-за ограды, изображено как каменное, очень высокое. Низ постройки глухой, в верхнем этаже здания размещались обширные палаты, хорошо освещенные большими окнами с прямоугольными верхами. Обычно такие помещения в жилых каменных древнерусских зданиях этой поры служили для приема гостей. В центральную часть каменного здания, очевидно в его сени, ведет крыльцо. Трудно по данному изображению судить, было ли оно поставлено "на отлете" или прилегало к фасадной стене палат. Верхний и нижний рундуки крыльца покрыты "бочками", причем в тимпанах бочек показаны оконца. В нижней бочке оконца могли иметь только декоративный характер, а в верхней могла находиться светелка.

Над каменными палатами возвышается еще одна часть здания, без сомнения деревянная, вероятно "чердак". Его стены изображены так же, как все рубленые стены на данной иконе, из чего можно понять, что это была теплая постройка. Окна очень узкие и расположены слишком часто, и это наводит на мысль, что иконописец слишком "сжал" деревянный верх здания, а окон нарисовал столько, сколько их было в действительности. Деревянный верх, палаты и сход крыльца покрыты тесом, причем над деревянным верхом концы тесин, обработанных фигурно, выпущены наружу, а над палатами запущены в желоб. Над торцом палат, завершенным шипцом, края крыши обрамлены подзорами — "полотенцами", с резными концами, свешивающимися ниже желоба. Торцевая часть палат обработана лопатками и горизонтальным поясом, разделяющим этажи. Изображенный комплекс с высокой рубленой оградой, каменными палатами, деревянным верхом является, по всей видимости, двором богатого, а может быть, даже высокопоставленного человека — воеводы или, позднее, коменданта. Большие палаты с деревянным верхом еще недавно вызвали бы некоторое недоумение. Сейчас уже совершенно ясно, что в XVI—XVII вв. наличие вторых и третьих деревянных этажей в хоромах было явлением совершенно закономерным и широко распространенным. Между упомянутой башней и деревянным храмом виднеется верхняя часть деревянной рубленой постройки с двумя, по видимому волоковыми, окнами и тесовой крышей с резными подзорами по торцу — это жилая изба на подклети. Большой интерес представляет каменная палата, расположенная на территории деревянной Каргопольской крепости. Возведенная в 1666—1667 гг., эта постройка явилась древнейшим после Христорождественского собора каменным зданием в Каргополе.

Для истории Каргопольского кремля особенно трагичными были события грандиозного пожара 16 мая 1731 г.: "...город Каргополь деревянный, и в нем церкви, и воеводские канцелярия, и двор, и тюремный ост-

рог, и прочее строение погорело без остатку, токмо осталась одна обгорелая каменная полата, которая потребна под дела и под денежную казну..." (в РГАДА сохранился еще один сборник документов — доношение 1750—1751 гг. о строительстве на территории каргопольского кремля сгоревших в пожар 1731 г. воеводского дома, канцелярии и тюремного острога⁴⁶⁵).

Минимальные по объему восстановительные работы могли быть проведены для каменной палаты: "...только требуется ныне починка и вновь крышка, и к починке оной материалы и мастеровые люди в Каргополе имеются" (л. 18). Во время архитектурно-археологических работ 1972 г. на территории Каргопольского городища было опознано это древнейшее в Каргополе каменное гражданское здание⁴⁶⁶ (местное население считало, что это остатки каменной часовни). Таким образом, здание на протяжении XVIII в. не подвергалось сколько-нибудь значительным перестройкам, что повышает ценность материалов, полученных во время архитектурно-археологических исследований. Остатки каменной палатки находятся у восточной стороны крепости, на месте, где она и обозначена на планах Каргополя XVIII в. Небольшие по объему археологические расчистки показали, что здание частично врезано в толщу крепостного вала и сохранилось почти на уровне пола второго этажа. Его размеры 7,5×12 м. Стены на уровне первого этажа сложены из крупного булыжника насухо, а внутренние фасады стен облицованы кирпичной кладкой в один ряд, своды над первым этажом и весь второй этаж были сложены только из кирпича. Таким образом, этажность постройки четко прослеживается по характеру кладки и строительным материалам. Нижний этаж здания был перекрыт цилиндрическим сводом. В западной, торцевой стене удалось обнаружить дверной проем шириной 1,25 м с пазом для утапливания дверного полотнища. В первом этаже здания располагался в древности погреб, в котором хранились оружие и "зеленая казна", а во втором — казенная палата. На торцевых сторонах палатка имела, несомненно, шипцовые завершения, а на продольных сторонах окна.

Еще в начале XIX в. отмечалось, что в Каргополе "есть правильный четырехугольный редут в 440 сажен в окружности, обнесенный с трех сторон валом и рвом, с четвертой — река Онега"⁴⁶⁷. У местного населения городище и сейчас известно под именем "Городка" или "Валушек": в плане оно представляет собой почти правильный четырехугольник (восточная сторона 210 м, западная 215, а южная 250 м, вал на северной стороне не сохранился). Наибольшая глубина крепостного рва доходит сегодня местами до 8 м, а в начале столетия рвы были так глубоки, что в них катались на лодках. Сейчас валы оплыли, рвы частично засыпаны строительным мусором, на территории Каргопольского кремля много частных домов. Остатки крепостных рвов и валов отчетливо видны на планах Каргополя XVIII в. Это не случайно: вплоть до второй половины XVIII в. городище древней крепости служило местом пребывания административных зданий — воеводской канцелярии, острога (тюрьмы), кладовой палатки, воеводского двора. На территории городища находились четыре церкви (Спаса Нерукотворного, Всех Святых, Владимирской Богоматери и Пятницы).

"Малые" крепости. Представление о военном потенциале Северного Поморья будет неполным, если мы не учтем оборонительные сооружения, которые ус-

ловно называли "малыми". Группа "малых" крепостей Севера не идентична тем "крепостям малой статьи", которые в эпоху освоения зауральских земель были широко распространены в Сибирском регионе⁴⁶⁸. Там "крепости малой статьи" представляли собой зимовья с элементами оборонительных конструкций: нагородни на избах, включенные в защитные стены глухие фасады изб, амбаров и т. д.

Осенью 1613 г. вся территория Поморья покрылась сетью небольших крепостиц—"городков" и "острожков", просто засек, в "которых крестьяне и бобыли, все поголовно безпрестани стояли", чтобы отдельные польско-литовские шайки и отряды "русских воров" "в свои поречья, станы и волости не пропускать, и собрався над ними поиск учинить"⁴⁶⁹. По своей планировочной структуре эти крепости различны: Объячий городок на р. Лузе имел городовую стену с двумя башнями и тайником, выходящим к реке⁴⁷⁰, в Лальской волости на Никольском погосте находился "тын стоячий к реке Лале по берегу вверх по осыпи. А у острогу трой ворот проезжие, да 6 башен глухих"⁴⁷¹. Городки "для осадного времени" появляются в бассейне р. Сухоны: Брусенецкий ("городок поставлен острогом, а у городка двои ворот, ворота Большие да Водяные, в городке же анбар зелейной, а в нем пять пищалей затинных железных да 4 пищали, да самопал ручной..."⁴⁷²); городок "на речке на Городишной огнил и обвалялся, а в нем церковь Воскресения, клецки и 3 двора"⁴⁷³; городок Туровец "огнил и обвалялся"⁴⁷⁴; "Подосиновский городок"⁴⁷⁵; городок Сосновец в Утмамовской волости на р. Юг ("городок Сосновец стоит на старой осыпи, а зделан острогом на речке на Ентале"⁴⁷⁶); Вохомской городок ("городок на речке на Вохме, рублен, а ныне поставлен острог стоячей"⁴⁷⁷); Кичменьгский городок на реке Юг ("рублен в клетки, ...а в нем на воротех колоколня, да башни отводные, да 45 городен, а городня по 3 сажени, ...и того около городка с вороты и з башни 140 сажен, на городе наряд 25 пищалей ручных да 11 пищалей затинных..."⁴⁷⁸). Руины некоторых укрепленных пунктов упоминаются даже в конце XVII в.⁴⁷⁹ Эти укрепления возникали не только по указам воевод или царя, но и стихийно, ставились "миром" — в 1636 г. дворянин Овцын, посланный из Москвы в Устьянские волости, с удивлением доносил в своем отчете, что обнаружил за р. Устьєю в д. Щепинской острог, а в нем "многие мужики с колья, и с рогатины, и со всяким боем" (власти были вынуждены начать следствие о "безуказном" остроге⁴⁸⁰). Были и такие, которые в XVII в. возрождаются вновь (Вотложемский городок, который к 1626 г. "ветх и развалялся, а у городка церковь архистратига Михаила..."⁴⁸¹, Топецкий, Вареньгский и др.). Наиболее значительным укреплением, возведенным в волостях Нижнего Подвинья, был Емецкий городок, располагавшийся около с. Большого на берегу р. Емцы ("...острог прямой на иглах, у острогу трой ворота, ворота Никольские, ворота Троецкие, а у них рубленые тарасы"). Время появления острога на устье р. Моши относится к 1615 г., когда поставили крестьяне "на Усть-Моше острожок для обереганья и приходу польских, и литовских, и немецких людей, и черкас, и русских воров, и ротника да стрелецкого и стрельцов прибрали и оружья купили"⁴⁸². Стратегическое значение острожка несомненно — он стоял на древней трассе: "А дороги де пролегли мимо их мест отовсюду многие: от Каргополя и от Заонежских погостов, и от моря, и з Двины,

и с Ваги; и по многие де годы теми дорогами наперед сего приходили к ним в Усть-Мошскую волость неприятельские отряды”⁴⁸³. Построив Усть-Мошский острожок, волостные крестьяне выговорили себе право не участвовать в строительстве Каргопольского острога. В Писцовой книге Усть-Мошского стана 1621—1622 гг. укрепление описывается так: “Волость Усть-Моша на реке Онеге, а в ней на погосте острожек, а около того острожка 7 башен да двои ворот, да с трех сторон около острожка же копан ров, за рвом частик и надолба, а в четвертую сторону река Моша” (в острожке стояло несколько осадных дворов, две церкви, дворы приказных людей)⁴⁸⁴. В 1977 г. остатки укрепления были нами обнаружены и зафиксированы⁴⁸⁵: размеры городища 100×120 м, оно располагается на стрелке, занимая мыс, образованный впадением Моши в Онегу. Территория городища сохранилась плохо — восточная его часть занята современным кладбищем, в центральной части — большой кирпичный развал (следы поздней каменной церкви). При осмотре удалось зафиксировать трассу рвов — северного и восточного фасов (ширина рвов около 9 м, глубина 3 м), рвы оплыли, осыпь не прослеживалась.

Если Усть-Мошский острог служил убежищем на случай опасности волостным крестьянам, то Турчасовский ставился как убежище для крестьян и посадских людей на территории посада. Дело в том, что Турчасово было центром “нижней половины” большого Каргопольского уезда. Турчасов уже по Платежной книге 1560 г. числился посадом (имел 83 тяглых двора, 41 лавку)⁴⁸⁶. Однако острог в 1615 г. был поставлен не на посаде, а на другом, правом берегу р. Онеги, на Тевзе горе (“А живут турчасовцы посадские люди на другой стороне Онеги реки”⁴⁸⁷). Можно предполагать, что выбор места для острога определило наличие здесь довольно высокого мыса. В 1971 г. на территории Турчасовского острога (вблизи современной д. Целягино) были проведены разведочные работы А. В. Никитиным⁴⁸⁸. В шурфах и раскопах, заложенных А. В. Никитиным по периметру вала, обнаружены нижние части от стоячего острога: остатки бревен стоят в один (раскоп IX), в два (раскоп V) и даже в три ряда (раскоп II). На наш взгляд, это можно объяснить несколькими этапами строительства на одном и том же месте (“по старой осыпи” после 1615 г. строили в 1632, 1657 гг. и, может быть, еще раз) или ремонтными работами в указанное время. В разрезе осыпи была изучена структура самой насыпи, в которой лежал наброс камней, бревна. Отдельные участки стены свидетельствуют о том, что после стоячего острога Турчасовская крепость (как и Усть-Мошская) имела крепостную стену, представлявшую собой сочетание стоящих острожных бревен и примыкавших к ним рубленых тарас.

Таким образом, наличие постоянных укреплений на территории посадов, большой объем строительных и ремонтных работ, в которых участвовали все категории населения Северного Поморья, подчеркивали приоритетное значение этих центров. Деревянный “город” или острог являлся военно-административным центром поселения и играл доминирующую роль в его структуре и топографии. В оборонном строительстве Северного Поморья можно выделить три основных этапа.

Начало государственного военно-оборонительного строительства на северо-восточных окраинах Русского государства относится к самому концу бурного и решающего для отечественной истории XV столетия,

когда в 1499 г. великий князь “посла рать в Югру лыжную. Устюжан да Вычегжан, Вымич, Сысолян, Двинян, Пинежан, а воеводы были с ними князь Семен Федорович Курбский, да князь Петр Ушатой, да Василий Бражник Иванов сын Гаврилова. Они же ходивше на лыжах пеши зиму всю, да Югорскую землю всю вывоевали и в полон вели”⁴⁸⁹. Поход явился первым крупным военным мероприятием московского князя, проведенным в этом регионе, — русская рать перевалила через Северный Урал, воевала Югорскую землю и доходила до великой сибирской реки Оби. В результате был основан Пустозерский острог и появилась Печорская волость: в 1502 г. “повеле царь Иван вымскому Федору правити на Пусте-озере волостью Печорскою, а на Выме не быть ему, потому место Вымское не порубежное”⁴⁹⁰. Возможно, более активная военно-политическая деятельность государства к северо-востоку от Пинеги и Мезени в последующее время могла бы привести к значительному оборонному строительству, но этого не произошло, и Пустозерский острог вплоть до конца XVIII в. оставался, по существу, “порубежной крепостью” (возобновление крепости произошло в 1665 г.⁴⁹¹, в середине XVIII в. крепость еще выдерживала натиск “немирной самояди”, а в 1762 г. башни и стены уже были использованы “в топление казенных покоев”⁴⁹²).

Почти через сто лет после похода 1499 г. было продолжено строительство порубежных укреплений с целью усиления обороноспособности северных границ государства. Это строительство составило содержание первого этапа истории северных крепостей, связанного с активной градостроительной деятельностью Московского государства на западных рубежах и в сибирских землях⁴⁹³. Основным эталоном этого этапа строительства служила схема пяти- или шестибашенного сооружения с рублеными или острожными стенами, с регулярной планировкой (Кольский, Сумской, Кемский остроги).

Архангельский деревянный “город” XVI в. имел существенные конструктивные особенности: здесь впервые на Севере встречается такой элемент оборонительных конструкций, как быки. Не вызывает сомнений, что в данном случае быки, расположенные у двух проезжих башен — Архангельской и Воскресенской, предназначались для усиления обороны крепостных ворот⁴⁹⁴. Применение быков⁴⁹⁵ в русской фортификации справедливо связывают с попытками внедрить в строительную практику отдельные элементы европейской фортификации⁴⁹⁶.

Архангельская крепость впервые в регионе демонстрирует своеобразный, “гибридный” тип крепостной стены: собственно “город” — основная рубленая конструкция и стоящее перед “городом” дополнительное ограждение в виде тына (“острог”). В данной конструкции “острог” как бы прикрывает нижние части городских тарас⁴⁹⁷ и, следовательно, рубленая крепостная стена может не иметь подошвенного боя. Любопытно также, что в северных крепостях XVII в. такая конструкция стены не исключает засыпку тарас землей или камнями⁴⁹⁸. В Архангельской крепости XVI в. крепостная стена была обмазана глиной — такая противопожарная мера часто использовалась в русском оборонном зодчестве (Тверь, Можайск, Белгород)⁴⁹⁹.

Второй этап северного деревянного крепостного строительства начинается со “смутного времени” и охватывает почти весь XVII в. Он ознаменован появле-

нием крепостей на территории посадов и связан со “спешным” строительством. Построенные в первые годы XVII в. остроги в Каргополе, Холмогорах, Шенкурске представляли собой относительно небольшие по размерам прямоугольные, как правило с тыновыми стенами, сооружения, слабо вооруженные крепостицы, которые со временем модернизируются в многобашенные кремни с большой протяженностью стен. Увеличивалось число башен, протяженность стен, но их конструктивные решения оставались традиционными.

Наконец, третий этап крепостного строительства в Северном Поморье относится к 70-м годам XVII в. — первым годам XVIII столетия, когда было предпринято строительство Архангельского каменного “города”. На наш взгляд, эта попытка окончилась не совсем удачно: вместо современной фортеции каменного “города” (надо полагать, бастионного типа) возвели сооружение, в принципиальном решении которого отчетливо прослеживаются знакомые черты русского деревянного оборонного зодчества. Крепостное строительство завершается возведением в начале XVIII в. Новодвинской (Петропавловской) бастионной цитадели.

В Северном Поморье не было ярко выраженной специфики в организации государственных оборони-

тельных работ. Здесь присутствовала обычная для средневековой Руси практика всего хода работ: указ о городском строительстве, обмен грамотами и чертежами, утверждение проектного чертежа после сверки на местности, наконец, указ о начале строительных работ и регламентация сбора средств (определение “финансовой базы” строительства). Все же можно отметить характерную для Севера черту — большое значение подрядных работ: строительство, по существу, велось гигантской системой подрядов, которую от лица государства организовывала воеводская канцелярия. Каждое крупное оборонное строительство, как правило, отмечено значительным обострением социальных отношений. Это вполне понятно, т. к. затрагивались материальные интересы различных групп городского и сельского населения (в данном случае “город” противостоял “уезду”, антагонизм выявлялся и внутри посадского и сельского населения).

Постройка в XVI в. и особенно в начале XVII в. на Русском Севере деревянных “городов”-кремлей на территории уже функционирующих посадов окончательно завершила их оформление как поселений городского типа и, несомненно, способствовала росту престижности Русского государства.

Примечания

- ¹ Чиркин Г. Ф. Историко-экономические предпосылки колонизации Севера // Очерки истории колонизации Севера. Вып. 1. 1922. С. 7 и след.; Платонов С. Ф., Андреев А. И. Новгородская колонизация Севера // Там же. С. 26 и след.; Платонов С. Ф. Низовская колонизация на Севере // Там же. С. 49 и след.; Насонов А. Н. “Русская земля” и образование территории Древнерусского государства: Историко-географическое исследование. М., 1951.
- ² Бернштам Т. А. О роли верхневолжской колонизации в освоении Русского Севера (IX—XV вв.) // Фольклор и этнография Русского Севера. Л., 1973. С. 9—10; Власова И. В. Этнический состав населения в верховьях Северной Двины и ее притоков по переписям XVIII — первой четверти XX в. // Там же. С. 35—36.
- ³ Макаров Н. А. Археологические данные о характере колонизации Русского Севера в X—XIII вв. // СА. 1986. № 3. С. 61—69. Там же. С. 69.
- ⁴ Рябинин Е. А. О средневековых древностях Заволочья (по находкам в бассейне Кокшеньги) // Там же. 1981. № 3. С. 66—72; Назаренко В. А., Овсянников О. В., Рябинин Е. А. Средневековые памятники чуди Заволочьской // Там же. 1984. № 4. С. 197—216; Овсянников О. В., Рябинин Е. А. Новые данные о культуре средневекового “чудского” населения в бассейне озера Лача // Там же. 1986. № 2. С. 210—216; Галибин В. А., Овсянников О. В., Рябинин Е. А. Характер сплавов бронзовых изделий из средневековых финно-угорских областей Восточно-Европейского Севера // Финно-угры и славяне: (Проблемы историко-культурных контактов): Межвузовский сборник научных трудов. Сыктывкар, 1986. С. 41—59; Овсянников О. В., Рябинин Е. А. Средневековые грунтовые могильники Терского берега // СА. 1989. № 2. С. 201—211.
- ⁵ Рябинин Е. А. Новгород и северо-западная область Новгородской земли: (Культурное взаимодействие по археологическим данным) // Культура средневековой Руси. Л., 1974. С. 57—61.
- ⁶ Макаров Н. А. Ук. соч. С. 69.
- ⁷ Макаров Н. А. Средневековый могильник Попово на Каргопольщине // КСИА. Вып. 171. 1982. С. 84; Овсянников О. В., Рябинин Е. А. Новые данные... С. 215—216.
- ⁸ Назаренко В. А., Овсянников О. В., Рябинин Е. А. Ук. соч. С. 214.
- ⁹ Овсянников О. В., Рябинин Е. А. Средневековые грунтовые могильники... С. 210.
- ¹⁰ Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. М., 1976. С. 147 и след.

- ¹¹ Насонов А. Н. Ук. соч. С. 104.
- ¹² Бернштам Т. А. Поморья. Л., 1978. С. 21.
- ¹³ Там же. С. 25.
- ¹⁴ Бернштам Т. А. Русская народная культура Поморья в XIX — начале XX в. Л., 1983. С. 6.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Рябинин Е. А. К этнической истории Русского Севера (чудь заволочьская и славяне) // Русский Север: К проблеме локальных групп. СПб., 1995. С. 23.
- ¹⁷ Янин В. Л. Новгородские акты XII—XV вв.: Хронологический комментарий. М., 1991. С. 139.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Бернштам Т. А. Поморья. С. 24.
- ²⁰ Макаров Н. А. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI—XIII веках. М., 1997. Рис. 4.
- ²¹ Там же. С. 10. Как и Т. А. Бернштам, Д. А. Мачинский и А. Д. Мачинская идентифицируют летописную самуюдь с нендами (см.: Мачинский Д. А., Мачинская А. Д. Северная Русь, Русский Север и Старая Ладога в VIII—XI вв. // Культура Русского Севера. Л., 1988. С. 55). Названные авторы полагают, что выражения типа “ходили за гору и за самуюдь” могли означать лишь морские походы (!).
- ²² Бернштам Т. А. Поморья. С. 31—35.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Рябинин Е. А. К этнической истории Русского Севера...
- ²⁵ Барсов Н. П. Опыт русской исторической географии. Варшава, 1885. С. 17.
- ²⁶ Богословский М. М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. Т. I. М., 1909. С. 45.
- ²⁷ Насонов А. Н. Ук. соч. С. 101.
- ²⁸ Васильев Ю. С. Об историко-географическом понятии “Заволочье” // Проблемы истории феодальной Руси. Л., 1971. С. 103—109.
- ²⁹ Ovsyannikov O. V. First-Discovered Burialfield of “Zavolochye Tshud” // Fenno-Ugri et slavi. Helsinki, 1980. P. 228—236.
- ³⁰ Ibid.
- ³¹ ПВЛ. Т. I. М.; Л., 1950. С. 10.
- ³² Рыбаков Б. А. Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи. М., 1963. С. 219 и след.
- ³³ ГВНИП. М.; Л., 1949. С. 11 и др.
- ³⁴ Гурина Н. Н. Работа Кольской экспедиции // АО. 1979. М., 1980. С. 6, 7; Она же. Памятники эпохи раннего металла и раннего средневековья на Кольском полуострове // Новое в археологии СССР и Финляндии. Л., 1984. С. 13—16.

- ³⁶ Овсянников О. В. Разведки в Архангельской и Мурманской областях // АО. 1982. М., 1984. С. 25, 26; Он же. Средневековый грунтовый могильник на Терском берегу // Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л., 1985.
- ³⁷ Костромской музей, инв. 15467, хр. ХСIV, ХСV; Гос. Эрмитаж, ОИПК, инв. 1043/203.
- ³⁸ Гос. Эрмитаж, ОИПК, хр. Р. 12/86.
- ³⁹ Первухин Н. Г. Опыт археологического исследования Глазовского уезда Вятской губернии // МАВГР. 1896. Т. II. Табл. 15, 8.
- ⁴⁰ Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья // МИА. № 94. 1961. С. 115, 243, рис. 54, 1, 2.
- ⁴¹ Рябинин Е. А. Зооморфные украшения Древней Руси X—XIV вв. // САИ. 1981. Вып. Е1-60. С. 21, 22, табл. VII, 4.
- ⁴² Там же. С. 12, 14, 15, табл. 1, 1—10.
- ⁴³ Там же. С. 26, 27.
- ⁴⁴ Галубева Л. А. Зооморфные украшения финно-угров // Там же. 1979. Вып. Е1-59. С. 38, 39, рис. 16, 4—6; 13; с. 27, 28, табл. XI, 2—4.
- ⁴⁵ Там же. С. 19, табл. 3, 13, 15; 13; с. 37, 38.
- ⁴⁶ Авторы выражают признательность за определение монетной находки сотруднику Института истории АН Эстонии А. Н. Молвыгину.
- ⁴⁷ Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.) // МИА. № 65. 1959. С. 241; Малыш В. А. Подковообразные и кольцевидные застежки фибулы // Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. М., 1967. С. 153.
- ⁴⁸ Овсянников О. В., Рябинин Е. А. Средневековые грунтовые могильники... С. 203.
- ⁴⁹ Рябинин Е. А. Чудские племена Древней Руси по археологическим данным // Финно-угры и славяне. Л., 1979. С. 95, 96.
- ⁵⁰ Гурина Н. Н. Работа Кольской экспедиции. С. 6, 7; Она же. Памятники эпохи раннего металла... С. 13—16.
- ⁵¹ Гурина Н. Н. Памятники эпохи раннего металла... С. 142.
- ⁵² Там же. С. 246.
- ⁵³ СГКЭ. Т. I. Пг., 1922. С. 170—172.
- ⁵⁴ Копанев А. И. Платежная книга Двинского уезда 1560 г. // Аграрная история Европейского Севера СССР. Вологда, 1970. С. 518.
- ⁵⁵ Гурина Н. Н. Первые сведения о памятниках XII в. на Кольском полуострове // Природа и хозяйство Севера. Вып. 9. Мурманск, 1981. С. 65—70.
- ⁵⁶ Место находки было осмотрено О. В. Овсянниковым по просьбе директора Каргопольского краеведческого музея В. Д. Шевелева.
- ⁵⁷ Верещагина И. В. Новые памятники на Северной Двине // АО. 1973. М., 1974. С. 8.
- ⁵⁸ Верещагина И. В., Овсянников О. В. Памятники X—XIII вв. в среднем течении р. Сев. Двины // Древности славян и финно-угров. СПб., 1992.
- ⁵⁹ Шапова Ю. Л. Стекланные бусы древнего Новгорода // МИА. 1956. № 55. С. 173—174; Кочуркина С. И. Юго-Восточное Приладожье в X—XIII вв. Л., 1973. С. 25; Кочуркина С. И., Линева М. А. Курганы летописной веси X—начала XIII в. Петрозаводск, 1985. С. 22, 73 и др.
- ⁶⁰ Макаров Н. А. Средневековый могильник Попово на Каргопольщине. С. 84; Кочуркина С. И., Линева М. А. Ук. соч. С. 162.
- ⁶¹ Верещагина И. В., Овсянников О. В. Ук. соч.
- ⁶² Овсянников О. В., Рябинин Е. А. Новые данные...
- ⁶³ Овсянников О. В., Рябинин Е. А. Средневековые грунтовые могильники... С. 201—211.
- ⁶⁴ Потин В. М. Два новых клада западноевропейских динариев XI в. // Нумизматика и эпиграфика. Т. XI. М., 1974. С. 52.
- ⁶⁵ Макаров Н. А. Чашевидные сосуды средневековых памятников Волжско-Шекснинского района // КСИА. 1983. Вып. 175. С. 18—24.
- ⁶⁶ Спицын А. А. Дополнительные замечания // Бранденбург Н. Е. Курганы Южного Приладожья // МАР. № 18. СПб., 1895. С. 154.
- ⁶⁷ ПСРЛ. Т. 26. М.; Л., 1959. С. 126.
- ⁶⁸ РА ИИМК РАН, ф. 1, 1888 г., д. 31, л. 3.
- ⁶⁹ Клад опубликован: Nosov E. N., Ovsyannikov O. V., Potin V. M. The Arkhangelst Hoard // Fennoscandia archaeologica, IX. Helsinki, 1992. P. 3—21; Носов Е. Н., Овсянников О. В. Архангельский клад 1989 г. // Славяне и финно-угры: Археология, история, культура. СПб., 1997. С. 146—157.
- ⁷⁰ Кордт В. В. Материалы по истории русской картографии. 2-я серия. Вып. II, ч. 1. Киев, 1899. Табл. XVII.
- ⁷¹ Там же. Табл. XXIV.
- ⁷² Gorter-Gronvik W. Glint fra ver eldre handelsog hvalfangst historie i nordomredene // Erbok for Vardm. 1986. P. 8.
- ⁷³ Кордт В. В. Ук. соч. Табл. XXXI.
- ⁷⁴ Там же. Табл. XVIII.
- ⁷⁵ Рыбаков Б. А. Древнейшая русская географическая карта // II Всесоюзный географический съезд: Тезисы по секции истории географии. Л., 1974. С. 78.
- ⁷⁶ Там же. С. 54—55.
- ⁷⁷ Овсянников О. В. Пустозерск — первый заполярный русский город (комплекс памятников III—XVIII вв.) // Проблемы изучения историко-культурной среды Арктики. М., 1990. С. 172.
- ⁷⁸ Де-Ламартиньер. Путешествие в северные страны (1653 г.). М., 1911. С. 55.
- ⁷⁹ Ovsyannikov O. V. The Arctic of Russia in the Middle Ages: Recent Archaeological Discoveries and the Ancient Trade Route Along the Arctic Coast. Tromso, 1993. P. 27—29.
- ⁸⁰ Овсянников О. В. Орлецкое городище // КСИА. Вып. 96. 1964. С. 116—119; Кирпичников А. Н. Каменные крепости Новгородской земли. Л., 1984. С. 268.
- ⁸¹ Борзунов В. А., Кокшаров С. Ф. Легендарный Эмдер — вымысел или реальность? // Сургут, Сибирь, Россия: Международная научно-практическая конференция, посвященная 400-летию города Сургута: Тезисы докладов, 22—25 марта 1994 г. Екатеринбург, 1994. С. 25—27.
- ⁸² Медведев А. Ф. Оружие Новгорода Великого // МИА. № 65. 1959. С. 166.
- ⁸³ Соловьев А. И. Военное дело коренного населения Западной Сибири: Эпоха средневековья. Новосибирск, 1987. С. 38, 42.
- ⁸⁴ Рябинин Е. А. Новые открытия в Старой Ладозе: (Итоги раскопок на Земляном городище в 1973—1975 гг.) // Старая Ладога: Новые археологические открытия и исследования. Л., 1985. С. 56, рис. 22—5.
- ⁸⁵ Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // МИА. № 65. 1959. С. 65.
- ⁸⁶ Савельева Э. А. Вымские могильники XI—XIV вв. Л., 1987. Рис. 15—6.
- ⁸⁷ Колчин Б. А. Ук. соч. С. 99.
- ⁸⁸ Савельева Э. А. Ук. соч. С. 159.
- ⁸⁹ Могильников В. А. Контакты населения лесной полосы Приуралья и Западной Сибири в конце I — начале II тысячелетия н. э. // Проблемы археологии Евразии. М., 1991. С. 79.
- ⁹⁰ Савельева Э. А. Ук. соч. С. 152.
- ⁹¹ Викторова В. Д. Ликинский могильник // Вопросы археологии Урала. Свердловск, 1972. С. 162; Савельева Э. А. Ук. соч. С. 141.
- ⁹² Савельева Э. А. Ук. соч. С. 93.
- ⁹³ Там же. С. 109.
- ⁹⁴ Хлобыстин Л. П. Древние святилища острова Вайгач // Проблемы изучения историко-культурной среды Арктики. М., 1990. С. 131, рис. 1—9.
- ⁹⁵ Савельева Э. А. Ук. соч. С. 110.
- ⁹⁶ Чернецов В. Н. Нижнее Приобье в I тыс. н. э.: (Культура древних племен Приуралья и Западной Сибири) // МИА. № 58. 1957. С. 20.
- ⁹⁷ Хлобыстин Л. П. Ук. соч. С. 133, рис. 3—13.
- ⁹⁸ Чернецов В. Н. Ук. соч. С. 205, табл. XXXI.
- ⁹⁹ Оборин В. А., Чагин Г. Н. Чудские древности Рифея: Пермский звериный стиль. Пермь, 1988. С. 77, 87.
- ¹⁰⁰ Чернецов В. Н. Ук. соч. С. 212, табл. XXXIII—4.
- ¹⁰¹ Овсянников О. В. Пустозерск — первый заполярный русский город. С. 2—3.
- ¹⁰² Чернецов В. Н. Ук. соч. С. 156, табл. VII—4.
- ¹⁰³ Daiga J., Grosvalds I. Senakie tigeli Latvija // Archeologija un etnografija. T. VI. Riga, 1964. P. 7—22.
- ¹⁰⁴ ПВЛ. Т. I. С. 167.
- ¹⁰⁵ Там же. С. 197.
- ¹⁰⁶ Там же.
- ¹⁰⁷ Смирнов А. П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья // МИА. № 28. 1952. С. 229—230.
- ¹⁰⁸ Канивец В. И. Канинская пещера. М., 1964. С. 5.
- ¹⁰⁹ Лащук Л. П. Очерк этнической истории Печорского края: (Опыт историко-этнографического исследования). Сыктывкар, 1958. С. 62—64.

- 110 Хамич Л. В. Ненецкие предания о сихитри // Фольклор и этнография. Л., 1970. С. 59—69.
- 111 Хамич Л. В. Проблемы этногенеза и этнической истории ненец. Л., 1976.
- 112 Лапук Л. П. Ук. соч. С. 64.
- 113 Де-Ламартиньер. Ук. соч. С. 50—51.
- 114 I НЛ, 6851 (1342) г.
- 115 Там же.
- 116 Там же.
- 117 Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. М., 1981. С. 9—11.
- 118 Косточкин В. В. Русское оборонное зодчество конца XIII — начала XVI века. М., 1962. С. 73.
- 119 Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. С. 8.
- 120 Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. М., 1984.
- 121 Там же.
- 122 Там же.
- 123 Там же.
- 124 Там же.
- 125 Там же. С. 53.
- 126 Помяловский М. И. Из области Новгородского летописания // ЗРАО. Т. XII, вып. I—II: Труды Отдела славяно-русской археологии. Кн. V. СПб., 1901. С. 55.
- 127 I НЛ, 6901 (1393) г.
- 128 Там же, 6905 (1397) г.
- 129 ГВНИП. М.; Л., 1949. С. 145.
- 130 I НЛ, 6906 (1398) г.
- 131 Устюжский летописный свод. М.; Л., 1950. С. 66.
- 132 ПСРЛ. Т. 37. Л., 1982. С. 38.
- 133 Там же.
- 134 ПСРЛ. Т. IV, ч. I, вып. 2. Л., 1925. С. 383.
- 135 Овсянников О. В. Люди и города средневекового Севера. Архангельск, 1971.
- 136 IV НЛ, 6907 (1399) г.
- 137 Там же.
- 138 Там же, 6909 (1401) г.
- 139 Там же, 6925 (1417) г.; ПСРЛ. Т. 26. С. 180.
- 140 Овсянников О. В. Орлецкое городище // КСИА. Вып. 96. 1964. С. 116—119.
- 141 Тышинский А. Г. О чудских древностях в Архангельской губернии // Труды I АС. Т. II. 1871. С. 319—352; Атлас к Трудам I АС, табл. VI.
- 142 Овсянников О. В., Терехин Н. М. Обследование средневековых памятников на территории Архангельской обл. // АО. 1970. М., 1971. С. 30—33; Овсянников О. В. Археологические раскопки в Орлеце в 1971 г. // Там же. 1971. М., 1972. С. 39; Он же. Люди и города средневекового Севера. С. 11—16; Он же. Исследования в Архангельской области // АО. 1986. М., 1988. С. 31—32.
- 143 Алешковский М. X. Новгородский детинец 1044—1430 гг. (по материалам новых исследований) // Архитектурное наследство, 14. М., 1962. С. 21—22. Стена посадника Федора 1335 г. (см.: Арциховский А. В. Раскопки на Славно // МИА. № 11. 1949. С. 133—134), воротная башня 1391 г. Новгородского острога (см.: Косточкин В. В., Орлов С. Н., Раппопорт П. А. Новые данные об укреплении Новгородского острога // Памятники культуры. Вып. 3. М., 1961. С. 74—75). В. В. Косточкин считал, что в Орлеце “на плитняковом валу, частично существующем и сейчас, во второй половине XIV в. стояли и деревянные стены Орлеца” (см.: Косточкин В. В. Ук. соч. С. 187).
- 144 Термин “посад” для Орлецкого городища употреблен нами для обозначения территории, прилегающей к кремлю с севера и запада, в известной мере условно. Ширина этой площадки 100—120 м, т. е. это расстояние, равное прицельной стрельбе из лука; характер примыкания территории к кремлю, наличие внешних оборонительных укреплений говорят о том, что, скорее всего, это не окольный город, а система обороны (первая линия) каменного детинца.
- 145 IV НЛ, 6906 (1398) г.
- 146 ПСРЛ. Т. 37. С. 38.
- 147 Публикацию миниатюры см.: Кирпичников А. Н. Метательная артиллерия древней Руси // МИА. № 77. 1958. С. 42, рис. 10.
- 148 Об этом подробнее см.: Там же.
- 149 Овсянников О. В. Археологические работы...
- 150 Аналогичный прием мы наблюдали во время прорезки вала Н. В. Гуслистым городища XV в. у с. Сямжа (см.: Гусли-
- стов Н. В. Вологодская экспедиция // АО. 1977. М., 1978. С. 13). В лаборатории ЛОИА АН СССР были получены радиоуглеродные даты для дерева из оборонительных конструкций окольного города: № 4011 = 1210 ± 40; № 4012 = 1330 ± 40; № 4013 = 1460 ± 40.
- 151 Миронова В. Г. Проблема хронологии Двинских актов // Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный Археологический сборник. Вып. I. Вологда, 1970. С. 249—258.
- 152 ААЭ. Т. I. СПб., 1836. С. 73—74.
- 153 Зарубин Л. А. Важская земля в XIV—XV вв. // История СССР. 1970. № 1.
- 154 Васильев Ю. С. К вопросу о двинских боярах XIV—XVI вв. // Материалы XV сессии симпозиума по проблемам аграрной истории. Вып. 1. Вологда, 1976. С. 16—17.
- 155 СГКЭ. Т. II. Л., 1929. С. 177.
- 156 Там же. С. 178.
- 157 Там же. С. 181.
- 158 Там же. С. 182.
- 159 ААЭ. Т. I. С. 75.
- 160 Овсянников О. В., Терехин Н. М. Ук. соч. С. 30—32; Овсянников О. В. Разведка в Архангельской области // АО. 1980. М., 1983. С. 30.
- 161 ИАК. Вып. 32. 1909. С. 63.
- 162 ААЭ. Т. I. С. 72—75.
- 163 Там же. С. 74.
- 164 Барсов Н. П. Материалы для историко-географического словаря России. Т. I. Вильно, 1865. С. 72; Насонов А. И. Ук. соч. С. 106. В XV в. близко от городка находилась Емецкая слобода (см.: Сибирцев И. М., Шахматов А. А. Еще несколько двинских грамот XV в. // Исследования по русскому языку. Т. II, вып. 5. СПб., 1909. С. 13).
- 165 I НЛ. Приложение второе. С. 477.
- 166 В сводке А. А. Спицына площадка городища указана: 200×250 саж., что вызывает сомнения (см.: Спицын А. А. Сведения 1873 г. о городищах и курганах // ИАК. Вып. 5. 1903. С. 6).
- 167 Тышинский А. Г. О чудских древностях в Архангельской губернии. С. 358—364.
- 168 ОАК за 1896 г. СПб., 1896. С. 90—94.
- 169 Архив СПб. ФИРИ РАН, ф. I, 1896/84.
- 170 Овсянников О. В. Емецкий городок // КСИА. Вып. 104. 1965. С. 135—139.
- 171 Булкин В. А., Овсянников О. В. Раскопки Емецкого городка // АО. 1974. М., 1975. С. 9.
- 172 Радиоуглеродная дата нижнего горизонта: № 1219 = 1410 ± 90.
- 173 Седов В. В. Поселения XII — начала XV в. в Перыни // КСИИМК. Вып. 62. 1956. С. 108.
- 174 Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие, вып. 2 // САИ. 1966. Вып. EI-36. С. 37.
- 175 ААЭ. Т. I. С. 74.
- 176 Иванов А. Из далекого прошлого: Родословная роспись: (Черты из быта духовенства в XVII и XVIII вв.) // ИАОИРС. 23. 1913. С. 1033.
- 177 А. А. Спицын со слов своих корреспондентов писал, что богатая коллекция “чудских” вещей, найденных близ с. Воскресенского, происходит с Васильевского городища (см.: Спицын А. А. Археологический альбом. СПб., 1915. С. 240—242, рис. 30—41. См. также: ОАК за 1913—1915 гг. Пг., 1918. С. 179). Это вызывает сомнение.
- 178 Калчин Б. А. Ук. соч. Рис. 84 (11), 85.
- 179 Спицын А. А. Сведения 1873 г. о городищах и курганах. С. 6.
- 180 Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. С. 85.
- 181 Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962. С. 219.
- 182 Там же. С. 299.
- 183 Подробнее об этой вотчине см.: Данилова Л. В. Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV—XV вв. М., 1955. С. 282—286; Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. С. 88—90.
- 184 Голубинский Е. История канонизации святых в русской церкви. М., 1903. С. 127.
- 185 Житие преподобного Варлаама Важского. СПб., 1893. С. 13.
- 186 ПСРЛ. Т. VIII. СПб., 1859. С. 125.
- 187 Овсянников О. В., Назаренко В. А. Изучение средневековых памятников Архангельской области // АО. 1975. М., 1976. С. 33.
- 188 ПСРЛ. Т. 26. С. 154.

- 189 Радиоуглеродные даты городища: № 4005 = 1450 ± 120 ; № 4006 = 1030 ± 160 ; № 4007 = 1310 ± 70 ; № 4008 = 1260 ± 90 ; № 4009 = 1370 ± 80 ; № 2253 = 1420 ± 40 .
- 190 Овсянников О. В. Из истории средневековых укреплений на Архангельском Севере // Культура и искусство древней Руси. Л., 1967. С. 167.
- 191 Воронов П. Городища близ г. Вельска // ЗРАО. Т. VIII. СПб., 1856. С. 70.
- 192 ОАК. 1865. С. XIII. В последующее время памятник постоянно упоминается в описаниях Вологодской губ. (см.: Топографические сведения о главнейших городищах и курганах губернии // Памятная книжка Вологодской губернии на 1894—1896 гг. Вологда, 1893. С. 37).
- 193 Кошкин В. Вельское городище // ЗРАО. Т. XI, вып. 1—2. СПб., 1899. С. 387—388.
- 194 Там же.
- 195 РА ИИМК РАН, 65/1906, л. 7—7 об.
- 196 Спицын А. А. Древности Вологодской, Архангельской, Северо-Двинской губернии и области Коми. Тотьма, 1926. С. 13.
- 197 Калчин Б. А. Ук. соч. Рис. 34 (13).
- 198 Там же. Рис. 85.
- 199 Там же. С. 87.
- 200 Благодарю В. И. Кильдюшевского за подробную консультацию относительно керамической коллекции городища и сделанное им заключение относительно вельских сосудов.
- 201 Кирьянов А. В. История земледелия Новгородской земли X—XV вв. (по археологическим материалам) // МИА. № 65. 1965. С. 351, рис. 8, 10, 11; Археология СССР: Древняя Русь: Город, замок, село. М., 1985. Табл. 84 (14—17).
- 202 Калчин Б. А. Ук. соч. С. 72. Такое же однообразие наблюдалось в технологической схеме (наварка стального лезвия на железный клинок полотна косы (см.: Там же. С. 73)).
- 203 Миряков М. А. Орудия сенокосения Новгородской земли X—XIV вв. // Новгородский край...: Материалы научной конференции "Новгород древний, Новгород социалистический. Археология, история, искусство. 1982". Л., 1984. С. 169—170.
- 204 Археология СССР: Древняя Русь: Город, замок, село. Табл. 85 (9—11).
- 205 Определение остеологического материала сделано Н. М. Ермоловой.
- 206 Кирпичников А. Н. Военное дело на Руси в XIII—XV вв. Л., 1976. С. 50. Наша находка более всего напоминает шпоры из Приозерска (XIV в.) и Серенска (XV в.) (см.: Там же. Табл. XX, рис. 5, 6). Находки таких шпор известны и в Новгороде (XVI—XVII вв.), звездочки назывались "репейками" (см.: Медведев А. В. Оружие древнего Новгорода // МИА. № 65. 1965. С. 191).
- 207 РА ИИМК РАН, фонд Г. Ф. Корзухиной, папка № 16.
- 208 В XIV—XV вв. были распространены крупные энколпионы квадрифолической формы (см.: Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.). М., 1981. С. 59).
- 209 Мединцева А. В. О датировке некоторых типов энколпионов // Археологический сборник. М., 1961. С. 63—68.
- 210 Седова М. В. Ук. соч. С. 16; Сергина Т. В. Раскопки в Окольном городе 1978—1979 гг. // Археологическое изучение Пскова. М., 1983. С. 100, рис. 18. Встречаются они и позднее (см.: Шапран И. Г. Предварительные итоги исследования Грековского могильника на Средней Вятке // Памятники железного века Камско-Вятского междуречья. Ижевск, 1984. С. 88).
- 211 Линдер И. М. Шахматы на Руси. М., 1964. С. 72; Калчин В. А., Рыбина Е. А. Раскопки по улице Кирова // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982. С. 232, рис. 45.
- 212 Приносим искреннюю благодарность М. И. Сотниковой за атрибуцию данной находки, прочтение надписей, уточнение датировки.
- 213 Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X—XV вв. Т. 2. М., 1970. С. 194.
- 214 Там же. С. 83—84.
- 215 В. Л. Янин отмечает, что в Заволочье с первой четверти XV в. "получает распространение наместничья булла особого типа — с указанием имени наместника" и Заволочье сохранило свой особый статус до 1480 г. (Там же. С. 87).
- 216 Янин В. Л. Актовые печати... Т. 2. № 474; Он же. Вислые печати Пскова // СА. 1960. № 4. С. 245—246.
- 217 Янин В. Л. Актовые печати... Т. 2. № 537, 540.
- 218 Возможно, этот памятник можно идентифицировать с городищем у д. Верхняя, на котором в 1877 г. на значительную глубину копал Зенгер и ничего не нашел (см.: Спицын А. А. Древности Севера. С. 13). Городище было осмотрено О. В. Овсянниковым в 1959 г.
- 219 Овсянников О. В. Отчет 1985 г. — РА ИИМК РАН, КП-3293, л. 9, 12.
- 220 Спицын А. А. Сведения 1873 г. о городищах и курганах. С. 6.
- 221 Овсянников О. В. Средневековые города Архангельского Севера. Архангельск, 1992. С. 55—59.
- 222 Степановский И. К. Вологодская старина: Историко-археологический сборник. Вологда, 1890. С. 358.
- 223 Богословский М. М. Ук. соч. С. 116. Приложение. С. 49.
- 224 Калчин Б. А. Ук. соч. С. 82—83, рис. 70; Воронин Н. Н. Раскопки в Старице // КСИИМК. Вып. XXXVII. 1951. Рис. 20 (6); Никитин А. В. Раскопки в Великом Устюге // КСИА. Вып. 96. 1963. Рис. 25 (17).
- 225 Определение керамики Вотложемского городища сделано В. И. Кильдюшевским, за что приносим ему искреннюю благодарность.
- 226 РО РНБ, собр. Зинченко, д. 1352. О датировке городища см.: Овсянников О. В. Из истории средневековых укреплений... С. 167; Он же. Укрепленные усадьбы XIV—XV вв. как памятники оборонного зодчества Русского Севера // КСИА. Вып. 172. 1982. С. 97—104.
- 227 Платежная книга Каргопольского уезда, составленная по книгам письма 1556—1558 гг. // Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный Археографический сборник. Вып. II. Вологда, 1972. С. 254—255, 268, 277.
- 228 Там же. С. 423.
- 229 Витов М. В. Историко-географические очерки Заонежья XVI—XVII веков. М., 1962. С. 7.
- 230 Наиболее полную аграрную историографию Поморья см.: Васильев Ю. С. Аграрные отношения в Поморье XVI—XVII вв.: Учебное пособие по спецкурсу. Сыктывкар, 1979. С. 3—96; История северного крестьянства. Период феодализма. Т. I. Архангельск, 1984.
- 231 Веселовский С. Б. Село и деревня в северо-восточной Руси XIV—XVI вв. М.; Л., 1936.
- 232 Воронин Н. Н. К истории сельских поселений феодальной Руси (погост, слобода, село, деревня) // ИГАИМК. Вып. 138. Л., 1935.
- 233 Богословский М. М. Ук. соч.
- 234 Романов Б. А. Изыскания о русском сельском поселении эпохи феодализма (по поводу работ Н. Н. Воронина и С. Б. Веселовского) // Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве XII—XVII вв. М.; Л., 1960. С. 341 и др.
- 235 Калесников П. А. Северная деревня в XV — первой половине XIX века: К вопросу об эволюции аграрных отношений в Русском государстве. Вологда, 1976. С. 75—76.
- 236 Витов М. В. Ук. соч. С. 16.
- 237 Власова И. В. Сельское расселение в Устюжском крае в XVIII — первой четверти XX в. М., 1976. (Автор выделяет деревню, село, погост, выставку, пустошь, ям, городок и пишет, что источники свидетельствуют о развитии этих поселений, исчезновении одних, появлении других и т. д. (с. 9)); Бернштам Т. А. Поморье. С. 81.
- 238 Кочин Г. Е. Сельское хозяйство на Руси конца XIII — начала XVI в. М.; Л., 1985. С. 100.
- 239 Там же. С. 102.
- 240 Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.; Л., 1950. С. 7, 9.
- 241 Там же. С. 15.
- 242 Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. I. СПб., 1893. С. 653—654.
- 243 Сергеевич В. Древности русского землевладения // ЖМНП. Вып. 10. СПб., 1900. С. 228.
- 244 Кочин Г. Е. Ук. соч. С. 116.
- 245 Васильев Ю. С. Кодимская волость Важского уезда в середине XVI в. // Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный Археографический сборник. Вып. I. Вологда, 1970. С. 382.
- 246 Воскобойникова Н. П. Родовой архив крестьянской семьи Артемьевых-Хлызовых // АЕ за 1966 год. М., 1968. С. 386 и след.
- 247 Переписная дозорная книга дворцовых земель Вологодского уезда 1589—1590 гг. // Материалы по истории Европейского

- Севера СССР. Северный Археографический сборник. Вып. II. Вологда, 1972. С. 16, 21.
- 248 *Копанев А. И.* Крестьянство Русского Севера в XVI в. Л., 1978. С. 3. Вопрос о характере крестьянского владения землей широко обсуждается в литературе, существует несколько точек зрения. См.: *Бург М. А.* О природе феодальной собственности // Вопросы истории. 1978. № 7. С. 85—92; *Свердлов М. Б.* Генезис феодальной земельной собственности в Древней Руси // Там же. № 8. С. 40—48.
- 249 *Васильев Ю. С.* Сборные памяти по Троишской волости Важского уезда конца XVI—XVII в. // Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный Археографический сборник. Вып. III. Вологда, 1973. С. 358.
- 250 *Васильев Ю. С.* Кодимская волость... С. 358—360, 364, 379.
- 251 Там же. С. 385.
- 252 Там же. С. 382.
- 253 *Копанев А. И.* Крестьянство Русского Севера... С. 117—118.
- 254 Аграрная история Северо-Запада России XVII в. Л., 1978. С. 10.
- 255 Там же. С. 43.
- 256 Там же. С. 62.
- 257 *Дегтярев А. Я.* Русская деревня в XV—XVII веках. Л., 1980. С. 160.
- 258 *Васильев Ю. С.* Кодимская волость... С. 389—391.
- 259 *Зимин А. А., Копанев А. И.* Материалы по истории Вымской и Вычегодской земли конца XVI в. // Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный Археографический сборник. Вып. I. Вологда, 1970. С. 451.
- 260 Там же. С. 453.
- 261 Там же. С. 454—457, 460.
- 262 *Копанев А. И.* Веревная книга Паниловской волости 1612 г. // Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный Археографический сборник. Вып. III. Вологда, 1973. С. 382—386.
- 263 Там же. С. 397—399 (схемы).
- 264 Мы для краткости опустили описание самих земельных владений. Остальные местности — округи описаны в документе аналогично.
- 265 *Богословский М.* Из истории поземельного обложения на Русском Севере // ИАОИРС. 1911. № 2. Архангельск, 1911. С. 132.
- 266 *Власова И. В.* Материалы переписей населения XVIII — первой четверти XIX в. как источник для изучения сельского расселения // Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный Археографический сборник. Вып. I. Вологда, 1970. С. 115.
- 267 Выделение починка, выставки или займища “как начального момента формирования элемента расселения” (см.: *Дегтярев А. Я.* Ук. соч. С. 11) представляется нам нецелесообразным: только становясь “деревней”, они являются полноправной единицей системы расселения.
- 268 *Неусыхин А. И.* Проблемы европейского феодализма. М., 1974. С. 51.
- 269 Там же. С. 175.
- 270 Там же.
- 271 Потому нельзя не согласиться с мнением А. Я. Дегтярева, что схематизм наших представлений о развитии и взаимодействии разных типов поселений идет от недостаточной изученности “эволюции сельского расселения Руси в первой половине нашего тысячелетия” (см.: *Дегтярев А. Я.* Ук. соч. С. 11).
- 272 Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV — начало XVI в. Л., 1971. С. 257.
- 273 *Островская М.* Строй русской северной деревни XVI—XVIII веков // ЖМНП. Вып. 12. СПб., 1912. С. 276.
- 274 *Алексеев Ю. Г.* Волость в Переяславльском уезде XV в. // Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве XII—XVII вв. М.; Л., 1960. С. 230—232.
- 275 *Сергеевич В.* Ук. соч. С. 233.
- 276 Судебник 1497 г. (см.: Судебники XV—XVI веков. М.; Л., 1952. С. 27).
- 277 Двинская Уставная грамота 1397 г. // ААЭ. Т. I. СПб., 1836. С. 8.
- 278 Аналогичные формулировки мы встречаем во многих других жалованных грамотах первой половины XVI в. (см.: Акты феодального землевладения и хозяйства. Т. III. М., 1956. С. 3, 6, 77, 98, 107 и др.).
- 279 *Алексеев Ю. Г.* Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XVI—XVII вв. М.; Л., 1966. С. 23.
- 280 *Сахаров А. Н.* Русская деревня XVII в. по материалам патриаршего хозяйства. М., 1966. С. 3.
- 281 Ср.: челядь “неотхожая одерноватая” (см.: *Горский А. Д.* О вотчинном суде на Руси в XIV—XV вв. // Исследования по истории и историографии феодализма. М., 1982. С. 33).
- 282 “Одерень” — приезд с дерном (см.: *Свердлов М. Б.* Ук. соч. С. 53).
- 283 *Дегтярев А. Я.* Ук. соч. С. 5—6.
- 284 *Власова И. В.* Материалы переписей... С. 111—112.
- 285 *Власова И. В.* Сельское расселение...
- 286 *Кобрин В. Б.* Грамоты XIV—XVI вв. из архива Кирилло-Белозерского монастыря // АЕ за 1968 год. М., 1970. С. 407.
- 287 Сотные на волости Каргопольского уезда с книг Никиты Григорьевича Яхонтова, 1561—1562 гг. С. 361, 392, 414 и др.
- 288 Там же. С. 476—477.
- 289 РГАДА, ф. 1209, кн. 9, л. 177—192 об.
- 290 Там же, л. 233—246 об.
- 291 Там же, л. 247—270.
- 292 Естественно, мы имеем в виду типичный характер этих форм расселения, т. к. частные случаи занятия посадского человека сельским хозяйством, иногда даже владение им “деревней” в уезде, занятие крестьянина ремеслом или торговлей хорошо известны.
- 293 П. П. Смирнов указывает на существование в XVI—XVII вв. владельческих городов, принадлежавших русским сановникам, татарским служилым царям и т. д. (см.: *Смирнов П. П.* Города Московского государства в первой половине XVII века. Т. I, вып. 1. Киев, 1917. С. 80).
- 294 *Забелин И. Е.* Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. Т. I. М., 1872; *Он же.* Черты самобытности в древнерусском зодчестве. М., 1900; *Суслов В. В.* О древних деревянных постройках северных окраин России // Труды VI АС в Одессе, 1884. Т. I. Одесса, 1886. С. 253—267; *Уваров А. С.* Жилище: Деревянные постройки // Древности: Труды Археологической комиссии. Т. II, вып. 2. М., 1910. С. 352—367; *Билибин И. Я.* Русское деревянное северное зодчество // Труды Всероссийского съезда художников в Петрограде, 1911—1912. Т. II. Пг., 1918. С. 106—107; *Осипов Д. П.* Крестьянская изба на севере России. Вологда, 1924; *Бломквист Е. Э.* Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов // Восточнославянский этнографический сборник: Труды Института этнографии. Новая серия. Т. XXXI. Л., 1956; *Шенников А. А.* О русских крестьянских усадьбах XVI в. // Известия Географического общества. Отделение этнографии. Вып. 11. Л., 1966. С. 23 и след.; *Рабинович М. Г.* Русское жилище в XIII—XVII вв. // Древнее жилище народов Восточной Европы. М., 1975. С. 189—244; *Грамов А. А.* Жилище // Очерки русской культуры XVI века. Ч. I—II. М., 1977. С. 182—201.
- 295 Можно привести лишь один пример раскопок сельских жилищ: *Брюсов А. Я.* Что представляют собою стоянки на Летнем берегу Белого моря (селища XVII в.) // Труды секции археологии Института археологии и искусства / РАНИОН. Вып. IV. М., 1928. С. 107—118.
- 296 *Грамов Г. Г.* Альбом Мейерберга как источник по истории русского крестьянского жилища // СЭ. 1955. № 1. С. 171.
- 297 *Шенников А. А.* Ук. соч. С. 23.
- 298 Там же. С. 18.
- 299 *Грамов Г. Г.* Жилище. С. 193.
- 300 Почему-то М. Г. Рабинович пишет, что относительно устройства и конструкции амбаров, сараев, сенников, конюшен и хлевов нет сведений (см.: *Рабинович М. Г.* Ук. соч. С. 209).
- 301 РИБ. Т. XIV. СПб., 1894. С. 282 (1542 г.), 298 (1567 г.), 91—92 (1572 г.), 96 (1572 г.), 98 (1572 г.), 101 (1582 г.), 102 (1590 г.), 109 (1590 г.) и т. д.
- 302 Там же. Т. XII. СПб., 1894. С. 251 (1648 г.).
- 303 Там же. СПб., 1908. Т. XXV. С. 324 (1663 г.).
- 304 ГАО, ф. 191, оп. 3, т. 2, д. 28, 39, 44.
- 305 РИБ. Т. XIV. С. 355—356 (1628 г.), 410 (1652 г.).
- 306 Там же. Т. XII. С. 25.
- 307 Там же. С. 251.
- 308 Там же. С. 25 (1648 г.).
- 309 Там же. С. 1168 (1677 г.).
- 310 Там же. С. 281 (1648 г.).
- 311 Там же. С. 1018 (1690 г.).

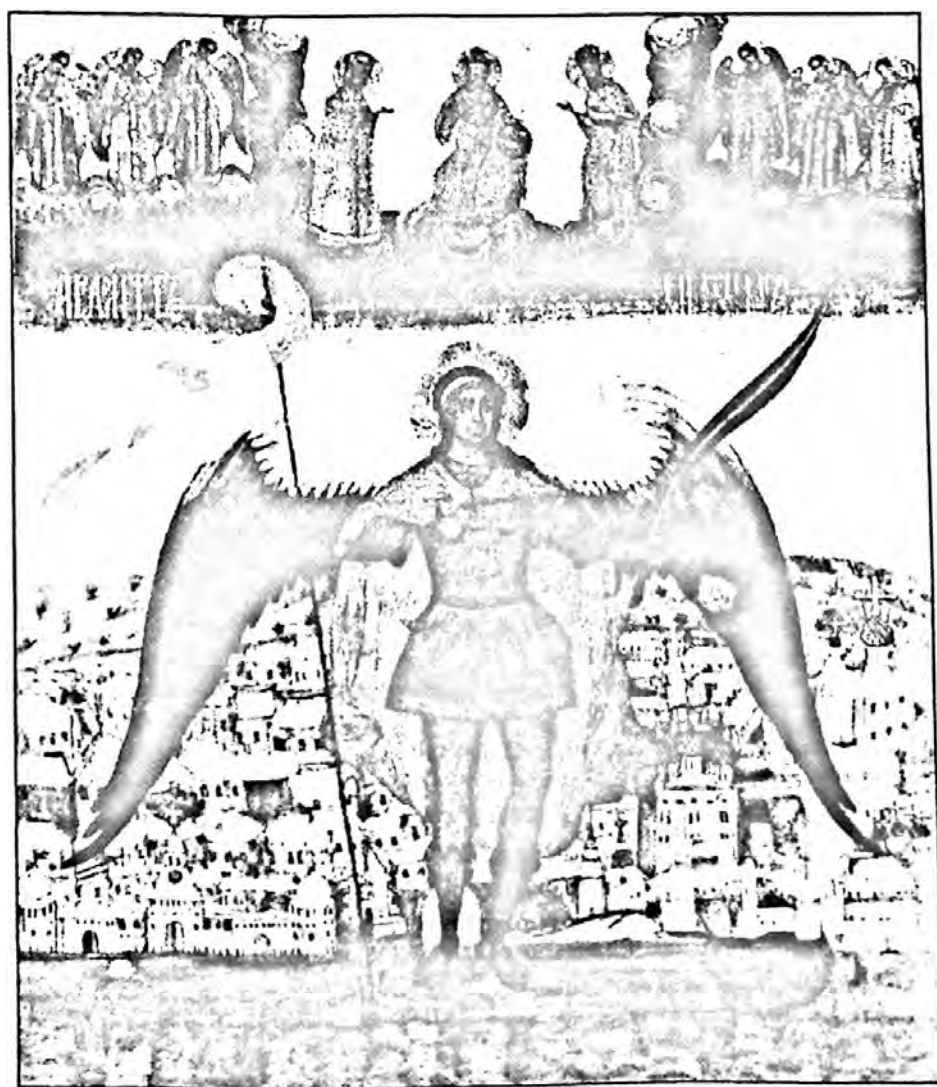
- 312 *Образцов Г. Н.* Оброчные и порядные записи Антониево-Сийскому монастырю XVI—XVII вв. // Исторический архив. Т. XIII. М., 1953. С. 123.
- 313 РИБ. Т. XIV. С. 355—356 (1628 г.), 410 (1652 г.). *А. И. Копанев* продолжает считать, что “нельзя определить, как обычно ставится сарай относительно построек” (см.: *Копанев А. И.* Двор крестьянина в Подвинье в XVII в. // Культура Русского Севера. Л., 1988. С. 177).
- 314 *Шенников А. А.* Ук. соч. С. 19.
- 315 *Витов М. В.* Историко-географические очерки Заонежья XVI—XVII вв. М., 1962. С. 113—142.
- 316 *Копанев А. И.* Крестьянская община в Подвинье в XVI в. // Аграрная история и социалистические преобразования северной деревни. Вып. IV. Вологда, 1973. С. 339.
- 317 Там же. С. 339. Любопытно, что по Писцовой книге 1622—1623 гг. в Кеврольском уезде отцовские семьи (отец с двумя и более сыновьями) и братские (два брата и больше) вместе составляли лишь 20—21 % от общего количества семей (Там же. С. 338). На это же указывал в свое время и П. Иванов (*Иванов П.* Заметка о размере окладной пашни и населенности дворов в Кеврольском уезде XVII в. // Древности: Труды Археографической комиссии. Т. II, вып. 1. М., 1900. С. 158).
- 318 *Бломквист Е. Э.* Ук. соч. С. 144.
- 319 *Маковецкий И. В.* Деревянное зодчество среднего Приангарья (XVII—XX вв.) // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. Ч. 1: Приангарье. Новосибирск, 1971. С. 137.
- 320 *Рабинович М. Г.* Ук. соч. С. 189, 204.
- 321 РИБ. Т. XII. С. 67 (1469 г.); *Образцов Г. Н.* Ук. соч. С. 133, 110, 117 и др.
- 322 *Витов М. В.* Ук. соч. С. 126.
- 323 Там же. С. 125.
- 324 СГКЭ. Т. I. С. 95—95.
- 325 Там же. С. 134.
- 326 Там же. С. 243.
- 327 Акты, относящиеся до юридического быта древней России. СПб., 1857. С. 684.
- 328 *Рабинович М. Г.* Ук. соч. С. 243—244.
- 329 РИБ. Т. XII. С. 1018.
- 330 Например, во дворе в Устюжском уезде стояла “изба да клеть, промеж ними с сажень” (РИБ. Т. XIV. С. 213).
- 331 *Овсянников О. В.* Северное жилище XVI—XVII вв. (планировка, компоненты, эволюция) и его традиции в Сибири // Тезисы докладов и сообщений к научно-практической конференции “Октябрь и северное крестьянство”. Вологда, 1987. С. 61—65.
- 332 *Янин В. Л.* Очерки комплексного источниковедения. М., 1977. С. 20.
- 333 *Пештич С. Л.* Русская историография XVIII века. Ч. II. Л., 1965. С. 302 и др.
- 334 *Овсянников О. В., Цветкова Л. И. В. В.* Крестинин. Страницы истории // Патриот Севера: Историко-краеведческий сборник. Архангельск, 1985. С. 59—76.
- 335 *Палякова У. М. В. В.* Крестинин и его общественно-политическая деятельность: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1962; *Она же.* В. В. Крестинин и общественная борьба в Архангельском посаде в 60—90 годах XVIII в. // История СССР. 1958. № 2; *Она же.* Городовая обывательская книга Архангельска 1786—1788 гг. как источник для изучения социального строя Северного края // Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный Археографический сборник. Вып. I. Вологда, 1970. С. 123 и след.
- 336 В этом ему немало способствовала поддержка графа А. Р. Воронцова (см.: Архив СПб. ФИРИ РАН, ф. 36, оп. 1, д. 440, л. 1—3 об., 62—63 об.).
- 337 *Чечулин Н. Д.* Города Московского государства в XVI веке // Записки историко-филологического факультета С.-Петербургского университета. СПб., 1889. С. IV.
- 338 Там же. С. 21.
- 339 Это уже тогда отмечалось в рецензиях: В. О. Ключевский писал, что нельзя изучать положение городов как “крупных бытовых единиц” и культурных центров только на данных писцовых книг (см.: *Ключевский В. О.* Отзыв о исследовании Н. Д. Чечулина “Города Московского государства в XVI в.” // *Ключевский В. О.* Сочинения. Т. VIII: Исследования, рецензии, речи (1890—1905). М., 1959. С. 203).
- 340 *Платонов С.* [Рец.:] Н. Д. Чечулин “Города Московского государства в XVI веке” // ЖМНП. Ч. 259. Май. СПб., 1890. С. 140—147.
- 341 *Зимин А. А.* Состав русских городов XVI в. // Исторические записки, Вып. 52. М., 1955. С. 341—342; *Тихамиров М. Н.* Россия в XVI столетии. М., 1962.
- 342 *Герберштейн С.* Записки о Московитских делах. СПб., 1908. С. 6.
- 343 *Резун Д. Я.* К характеристике документов приказного делопроизводства как источника по историографии сибирского города XVII в. // История городов Сибири досоветского периода (XVII—начало XX в.). Новосибирск, 1977. С. 16.
- 344 А. М. Сахаров считает, что в русских источниках это зафиксировано и “отражает тесную связь посада с городом, общность между ними по характеру занятий населения” (*Сахаров А. М.* Современник о средневековых городах России и стран Западной Европы // Феодалная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972. С. 328—329).
- 345 *Готье Ю. В.* Замоскворещский край в XVII веке: Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси. М., 1957. С. 52.
- 346 *Самоковасов Д. Я.* Древние города России. СПб., 1873. С. 30—37; Д. Я. Самоковасов, отвергая общепринятую в то время схему развития от сельских поселений к городу, предложил обратную схему: от города к сельским поселениям (Там же. С. 145—164).
- 347 Краткое истолкование для примечания в ландкартах российских (сообщено И. И. Делилю от И. К. Кирилова) // Записки Императорской АН. Т. IX, кн. 1. СПб., 1866. С. 66.
- 348 Там же. С. 67. О русском городе XVIII в. см.: *Клокман Ю. Р.* Русский город XVIII в. и эволюция городского строя Западной Европы // Феодалная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972. С. 70—76; *Милов Я. В.* О так называемых аграрных городах России XVIII века // Вопросы истории. 1968. № 6. С. 54—58.
- 349 *Черепнин Л. В.* 50 лет советской науки и некоторые итоги изучения феодальной эпохи истории России // История СССР. 1976. № 6; *Хорошкевич А. А.* Русский город XI—XVII вв. в современной буржуазной науке // Критика буржуазных концепций истории России периода феодализма. М., 1962; *Шурикина Д. А.* Изучение русского феодального города в советской исторической науке 1917 — начала 30-х годов // Исторические записки. Вып. 86. М., 1970.
- 350 *Рожков Н. А.* Город и деревня в Русской истории: (Краткий курс экономической истории России). СПб., 1902. С. 1.
- 351 Там же. С. 51.
- 352 *Богословский М. М.* Земское самоуправление... Т. I. С. 126.
- 353 *Носов Н. Е.* Русский город и русское купечество в XVI столетии: (К постановке вопроса) // Исследования по социально-политической истории России: Сборник статей памяти Б. А. Романова. Л., 1971. С. 153—173; *Он же.* Опыт генеалогических изысканий по истории зарождения крестьянских торгово-промышленных капиталов в России (“лучшие люди” и “торговые мужики” двинских актов XVI в.) // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 1. Л., 1968.
- 354 *Сахаров А. М.* Города Северо-Восточной Руси XIV—XV веков. М., 1959. С. 18; *Водарский Я. Е.* Русский город в эпоху феодализма // Феодализм в России. М., 1987. С. 309. О социальной типологии древнерусских городов X—XIII вв. см.: *Куза А. В.* Социально-историческая типология древнерусских городов X—XIII вв. // Русский город: (Исследование и материалы). Вып. 6. М., 1983; *Карлов В. В.* О факторах экономического и политического развития русского города в эпоху средневековья: (К постановке вопроса) // Там же. Вып. 1. М., 1976; *Он же.* К вопросу о понятии раннефеодального города и его типов в отечественной историографии // Русский город: (Проблемы горообразования). Вып. 3. М., 1980; *Рабинович М. Г.* Очерки этнографии русского феодального города: Горожане, их общественный и домашний быт. М., 1978; *Он же.* К типологии восточнославянских городов: (Средневековая Москва и города Московского княжества) // Проблемы типологии в этнографии. М., 1979.
- 355 *Смирнов П. П.* Города Московского государства... Т. I, вып. 1; Вып. 2. Киев, 1919; *Он же.* Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века. М.; Л., 1947.
- 356 Следует отметить аналогичный регион — Западную Сибирь (см.: *Овсянников О. В.* Города Архангельского Севера и Си-

- бири // Древние города: Материалы к Всесоюзной конференции "Культура Средней Азии и Казахстана в эпоху раннего средневековья". Л., 1977. С. 77—80).
- 357 Для XVI—XVIII вв. существуют лишь обобщающие работы по русской культуре (см.: Очерки русской культуры XVI века. Ч. I—II. М., 1977; Очерки русской культуры XVII века. Ч. I—II. М., 1979; Очерки русской культуры XVIII века. Ч. I. М., 1985), отдельные обобщающие исследования по материальной культуре (Рабинович М. Г. Материальная культура Северо-Восточной Руси (XIII—XV вв.) // Вопросы истории. 1973. № 3; Колычева Е. И., Пронштейн А. П. Русская материальная культура XVI века // Там же. 1974. № 7; Громов А. А. Русская материальная культура XVII в. // Там же. 1975. № 4). Региональных исследований немного: Пиксанов Н. К. Областные культурные гнезда // Историко-культурный семинар. М.; Л., 1928. С. 3—28; Дмитриева С. И. О специфике культурного развития Русского Севера: (Были ли Север глухой окраиной России?) // СЭ. 1972. № 2. С. 68—73.
- 358 Базилиевич К. В. Внешняя политика русского централизованного государства. М., 1952. С. 62—63.
- 359 Бахрушин С. В. Научные труды. Т. I. М., 1952. С. 108.
- 360 Там же. С. 117—122.
- 361 Кирпичников А. Н. Опыт комплексного использования писцовых книг и исторической топографии для характеристики средневекового русского города (по материалам Корелы XV—XVIII вв.) // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. XI. Л., 1979. С. 71; Он же. Древний Орешек. Л., 1980. С. 85.
- 362 НПК. Т. III. СПб., 1868. С. 960.
- 363 Там же.
- 364 Смирнов П. П. Посадское "строение"... С. 4.
- 365 Там же. С. 6—10.
- 366 Крестинин В. В. Краткая история о городе Архангельском. СПб., 1792. С. 97.
- 367 ААЭ. Т. I. № 5.
- 368 Устюжский летописный свод. М.; Л., 1950. С. 68.
- 369 IV НЛ, 6925 (1417) г.
- 370 ПСРЛ. Т. 33. Л., 1977. С. 123.
- 371 ААЭ. Т. I. С. 380, 338, 408, 448 и др.
- 372 Макарий. Исторические данные о Сийском монастыре // ЧОИДР. Кн. 8. М., 1878. С. 51.
- 373 ПСРЛ. Т. 33. С. 136.
- 374 Там же. С. 136, 137.
- 375 Там же. С. 149, 138.
- 376 ААЭ. Т. I. № 250.
- 377 СПб. ГИА, ф. 1399, оп. 1, д. 304, л. 1.
- 378 Там же, ф. 1293, оп. 166, д. 23, л. 1.
- 379 Там же, д. 24, л. 1; д. 25, л. 1. Копией с этих планов является план 1837 г., хранящийся в Архангельском областном архиве (ГААО, ф. 14, оп. 1, д. 66 а).
- 380 Там же, ф. 75, оп. 1, д. 1589.
- 381 РИБ. Т. XII. С. 37; Т. XIV. С. 354.
- 382 Историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии. Вып. I. Архангельск, 1894. С. 232.
- 383 Копанев А. И. Платежная книга Двинского уезда 1560 г. С. 535. Приложение I.
- 384 ПСРЛ. Т. 33. С. 154.
- 385 Там же. С. 153.
- 386 РГАДА, ф. 1209, кн. 9, л. 49 об.
- 387 СГКЭ. Т. II. С. 226.
- 388 Там же. Т. I. С. 144.
- 389 Там же. Т. II. С. 226—227.
- 390 Архив СПб. ФИРИ РАН, колл. 11, д. 122, л. 150.
- 391 РО ГИМ, ф. 484, д. 8, л. 1.
- 392 Архив СПб. ФИРИ РАН, ф. 5, д. 433. В 1578 г. на Глинках на Гостином берегу купил двор Калина Неклюдов (Там же, д. 548).
- 393 Там же, д. 548.
- 394 СГКЭ. Т. I. С. 277, 314—315.
- 395 Там же. С. 422, 520, 522 и др.
- 396 10 октября 1699 г. "в ночь на Холмогорах на Глинском посаде загорелось с соловецкого двора, и сгорели святые церкви на Глинках, Троицкая с приделами, деревянная таможня и торговых людей и посадских двора и лавки. А горело по деревянный город" (ПСРЛ. Т. 33. С. 200).
- 397 СГКЭ. Т. I. С. 331.
- 398 Там же. С. 331—332. Царь разрешил им не платить подати с этого участка, а "старые можно отдати посадским людям".
- 399 СГКЭ. Т. II. С. 41.
- 400 Там же. С. 116.
- 401 Крестинин В. В. Исторические начатки о Двинском народе древних, средних, новых и новейших времен. Ч. I. СПб., 1784. С. 16.
- 402 СГКЭ. Т. I. С. 144.
- 403 Там же. С. 418.
- 404 Там же. С. 331—332.
- 405 Там же. С. 83—84.
- 406 РИБ. Т. XII. С. 14—29.
- 407 Там же. С. 42—44, 51—55.
- 408 СГКЭ. Т. I. С. 315. В XVII в. название Куропольский посад встречается крайне редко и вдруг в 1689 г.: "за Куропольским посадом над Ямищем польцо деревни Михеевской" (Там же. Т. II. С. 229).
- 409 Копанев А. И. Платежная книга Двинского уезда 1560 г. С. 254.
- 410 ГААО, ф. 1025, оп. 1, д. 723.
- 411 В Дельной 1568 г. на земли и дворце на Холмогорах сказано: "А улица у нас от ворот к лесу вопче" (СГКЭ. Т. I. С. 180).
- 412 Там же. С. 220. Подтверждая наше понимание Колмогор, Колмогорья как географического понятия, можно привести примеры: 1535 г. — "да на Колмогорах половина деревни" (Там же. С. 73).
- 413 Там же. Т. II. С. 138.
- 414 Там же. С. 225.
- 415 Архив СПб. ФИРИ РАН, колл. 11, д. 122, л. 161 об.
- 416 Там же, л. 109 об.
- 417 Там же, л. 101 об.
- 418 Там же, л. 152—153. Размеры огородов при монастырских дворах были приведены в соответственную норму.
- 419 Наместничьи, губные и земские уставные грамоты Московского государства. М., 1909. С. 47—49.
- 420 СГКЭ. Т. I. С. 335, 662, 15, 568, 138, 140, 147.
- 421 Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. М., 1976. С. 148.
- 422 Овсянников О. В. Архангельский деревянный "город" XVI—XVII вв. — форпост России в Беломорье // История и культура Архангельского Севера (досоветский период): Межвузовский сборник научных трудов. Вологда, 1986. С. 37—39; Он же. Холмогорские посады в XVIII в. // М. В. Ломоносов и значение его деятельности для развития просвещения: Тезисы докладов Всесоюзной научно-практической конференции. Архангельск, 1986. С. 172—174.
- 423 Наместничьи, губные и земские уставные грамоты Московского государства. С. 28.
- 424 Там же. С. 49.
- 425 СГКЭ. Т. I. С. 109.
- 426 Там же. С. 343, 373, 374; ГААО, ф. 191, оп. 3, д. 35, 39; ф. 57, оп. 2, т. 1, д. 177 и др.
- 427 СГКЭ. Т. I. С. 943.
- 428 Там же. С. 96—97.
- 429 ГААО, ф. 57, оп. 2, т. 1, д. 66.
- 430 Там же, ф. 1408, оп. 1, д. 18.
- 431 РГАДА, ф. 1209, кн. 9, л. 32 об. — 34: Описание Архангельского города, 1622—1624 гг.; л. 49 об. — 54 об.: Описание Холмогорского города; ф. 159, оп. 1, д. 100: Росписной список приема городов Архангельска и Холмогор, 1683 г., л. 1—20; ф. 137, оп. 1, Новгород, д. 86: Росписной список Архангельска и Холмогор, 1688 г.; д. 44 а: Росписной список двинского стольника и воеводы Василия Ржевского, 1702 г., л. 1 об. — 6; ф. 1209, д. 168: Переписная книга г. Каргополя, 1648 г., л. 1—61; ф. 134, д. 10 а: Росписной список Каргополя, 1686 г., л. 1 об. — 6; ф. 350, оп. 3, д. 1346: Описание г. Каргополя, Книги переписные г. Каргополя и уезда, 1712—1713 гг., л. 2 об. — 3; ф. 137, д. 10, л. 238—241 об.: Роспись Сольвычегодскому наряду, 1627 г.
- 432 Там же, ф. 365, л. 128: О Сольвычегодском острожном деле, 1619—1627 гг.; ф. 141, оп. 2, д. 94, л. 236: Столп о Каргопольском острожном деле, 1615—1665 гг.
- 433 Ласковский Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. Ч. I. СПб., 1858. С. 21.
- 434 Овсянников О. В. Из истории средневековых укреплений... С. 164—173.
- 435 Огородников С. Ф. Очерк истории города Архангельска // Морской сборник. № 9. СПб., 1889. С. 115—119; Он же. Очерки

- истории города Архангельска. СПб., 1890. С. 49—53; *Фруменков Г. Г.* Соловецкий монастырь и оборона Поморья в XVI—XIX веках. Архангельск, 1963; *Ильин М. А.* Из истории военно-оборонительных мероприятий Московской Руси XVII в. // КСИИМК. Вып. 59. 1955. С. 30 и след.; *Овсянников О. В.* Оборонительные сооружения северорусских городов XVI—XVII веков (Архангельск, Каргополь, Холмогоры, Сольвычегодск) // *Летопись Севера*. Вып. VI. М., 1972. С. 211—223; *Косточкин В. В.* "Деревянный город" Колты: (Из истории русского оборонительного зодчества конца XVI — начала XVIII в.) // МИА. № 77. 1958.
- 436 ПСРЛ. Т. 33. С. 171.
- 437 Там же. С. 171—172.
- 438 РГАДА, ф. 1209, кн. 9, л. 50—54 об.
- 439 Архив СПб. ФИРИ РАН, ф. 47, оп. 2, д. 194.
- 440 ПСРЛ. Т. 33. С. 158.
- 441 Архив СПб. ФИРИ РАН, ф. 5, д. 5645; ААЭ. Т. IV. СПб., 1836. С. 451—452.
- 442 Собрание карт, планов и рисунков к Трудам I АС. М., 1821. Табл. V.
- 443 РГВИА, ф. 349, оп. 41, д. 6209, 6210.
- 444 *Крестинин В. В.* Исторические начатки о Двинском народе... С. 44—45.
- 445 Общую характеристику оборонительных сооружений XVI—XVII вв. Соли Вычегодской см.: *Овсянников О. В.* Оборонительные сооружения... С. 221—223; *Он же.* Сольвычегодск. Архангельск, 1973. С. 32—41.
- 446 Летописец о граде и о посаде Соли Вычегодской. — РО РНБ, 01.835, л. 2—3.
- 447 Там же, л. 10 об.
- 448 Там же, л. 13.
- 449 *Степановский И. К.* Ук. соч. С. 371—373.
- 450 *Соскин А.* История города Соли-Вычегодской... — РО РНБ, IV, № 483, л. 13.
- 451 *Сорокин А.* Город Сольвычегодск в XVII веке // ЗРАО. Т. VIII. С. 44—45.
- 452 РГАДА, ф. 365, д. 1, л. 1.
- 453 Там же.
- 454 Там же.
- 455 Там же, л. 2.
- 456 В 1629 г. сольвычегодцы заявляли о том, что они в это время ставят острог "мирскими деньгами" (*Богословский М. М.* Тяглая организация Поморья в XVII в. // *Древности: Труды Археологической комиссии*. Т. III. М., 1913. С. 19).
- 457 *Степановский И. К.* Ук. соч. С. 381; *Сорокин А.* Ук. соч. С. 46.
- 458 В 1627 г. сольвычегодцы писали, что на посаде "дважды острог делали, и у многих у посажских людшек под острог дворя сламывали" (цит. по: *Веселовский С.* Акты писцового дела. Т. I. М., 1913. С. 518).
- 459 ДАИ. Т. I. СПб., 1846. С. 301.
- 460 РГАДА, ф. 141, оп. 2, д. 94, л. 1—235.
- 461 *Дашков В.* Описание Олонекской губернии в историческом, статистическом и этнографическом отношении // ЖМВД. Ч. XII. № 11. СПб., 1841. С. 176—179.
- 462 *Срезневский В. И.* Отчет отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук по поездке в Олонекскую, Вологодскую и Пермскую губернии (июнь 1902 года). СПб., 1904. С. 7.
- 463 *Овсянников О. В.* Из истории северного оборонного зодчества: (Каргополь в XVII в.) // СА. 1974. № 4. С. 204—211.
- 464 *Булкин В. А., Овсянников О. В.* Архитектурно-археологические исследования в Каргополе // Проблемы истории и культуры Северо-Запада РСФСР. Л., 1977. С. 52—58.
- 465 РГАДА, ф. 273, оп. 1, ч. 7, д. 30322, л. 1. Документы этого дела были частично использованы в работе Ю. В. Готье (см.: *Готье Ю. В.* История областного управления в России от Петра до Екатерины II // ЧОИДР. Кн. 1. 1913. С. 172 и след.).
- 466 *Овсянников О. В.* О каменных палатках XVII в. в северорусских городах // КСИА. Вып. 148. М., 1977. С. 105—109.
- 467 Город Каргополь: Памятная книжка Олонекской губернии на 1858 г. СПб., 1858. С. 169.
- 468 О сибирских "крепостях малой статьи" см.: *Кочедамов В. И.* К вопросу о датировке первых русских построек в Сибири // КСИА. Вып. 113. М.; Л., 1968. С. 69; *Овсянников О. В.* Из истории русского оборонного зодчества XVII в. // Там же. Вып. 129. М.; Л., 1972. С. 37—41.
- 469 *Ардашев Н.* Из истории XVII века: Очищение Русской земли // ЖМНП. Т. 317. Май. СПб., 1896. С. 230.
- 470 *Богословский М. М.* Земское самоуправление... Т. I. С. 116.
- 471 Там же. С. 118.
- 472 РГАДА, ф. 1209, кн. 506, л. 289 об.
- 473 Там же, л. 283 об.
- 474 Там же, л. 413.
- 475 Там же, кн. 507, л. 348 об.
- 476 Там же, л. 404.
- 477 Там же, л. 575 об.
- 478 Там же, л. 449, 489.
- 479 ДАИ. Т. X. СПб., 1867. С. 147; *Никитин А. В.* Археологический отчет о раскопках 1961 г. на городище Халезец. — Архив ИА РАН, Р-1, № 2321; *Он же.* Отчет об археологических разведках по р. Сухоне в 1958 г. — Там же, № 1729 а; *Он же.* Отчет об археологических раскопках Кич-городка (Вологодская обл.) за 1962 г. — Там же, № 2479.
- 480 *Богословский М. М.* Земское самоуправление... Т. I. С. 117.
- 481 РГАДА, ф. 1209, кн. 506, л. 381.
- 482 Там же, ф. 141, оп. 2, д. 94, л. 65 об.
- 483 Там же.
- 484 РО ГИМ, ф. 450, д. 106, л. 2.
- 485 *Верещагина И. В., Назаренко В. А., Овсянников О. В., Пескова А. А.* Работы в Вологодской и Архангельской областях // АО. 1977. М., 1978. С. 10.
- 486 Публикацию Платежной книги см.: Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный Археологический сборник. Вып. II. Вологда, 1972. С. 268.
- 487 РГАДА, ф. 141, оп. 2, д. 94, л. 187 об.
- 488 *Никитин А. В.* Вологодская и Турчасовская экспедиции // АО. 1971. М., 1972. С. 38—39; *Он же.* Археологический отчет о раскопках 1971 г. (Вологодская обл., д. Новинки; Архангельская обл., д. Турчасово). — Архив ИА РАН, Р-1, № 5299.
- 489 Летописец, содержащий в себе Российскую историю. М., 1781. С. 174.
- 490 *Доронин П.* Из Вычегодско-Вымской летописи // Документы по истории Коми: Историко-филологический сборник АН СССР, Коми-филиал. № 8. Сыктывкар, 1956. С. 257—258.
- 491 *Веселовский С. Б.* Памятники первых лет русского старообрядничества. Вып. II. СПб., 1914. С. 8—9.
- 492 РГИА, ф. 1399, оп. 1, д. 249, л. 1.
- 493 *Косточкин В. В.* Из истории русского оборонного строительства XVI в. // *Архитектурное наследие*. № 18. М., 1969. С. 117—124; *Овсянников О. В.* Из истории русского оборонного зодчества... С. 37—41.
- 494 В данном случае мы отмечаем, что два быка находились у двух имевшихся сухопутных ворот крепости. Например, в 1650 г. в Олонекском городе быки были возведены не только у проезжих, но и у глухих башен (см.: РИБ. Т. XVIII. СПб., 1884. С. 918—925; *Овсянников О. В., Кочуркина С. И.* О древнем Олонце // *Средневековые поселения Карелии и Приладожья*. Петрозаводск, 1978. С. 78—79). По Росписному списку Великого Новгорода 1681 г., быки располагались и в прясле (см.: ДАИ. Т. IX. СПб., 1875. С. 165).
- 495 Бык — это дерево-земляное сооружение, обруб типа тараса, засыпанный землей или камнем.
- 496 *Кирпичников А. Н.* Крепости бастионного типа в средневековой России // ПКНО. М., 1978 (1979). С. 471—490.
- 497 Описание различного рода стеновых конструкций см.: *Фриде М. А.* Русские деревянные укрепления по древним литературным источникам // ИРАИМК. Т. III. Л., 1922. С. 113—143.
- 498 В Каргополе конструкция стен — "острожной стоячей тын", с рублеными тарасами за тыном. Такая же конструкция стен в Сольвычегодском кремле. В Кемском и Сумском острожках в XVII в. стены представляли собой тарасы, "рубленые в две стены, между стен насыпано камнем" (*Фруменков Г. Г.* Ук. соч. С. 58—59).
- 499 *Фриде М. А.* Ук. соч. С. 136; *Никитин А. В.* Белгородская крепость XVI—XVII вв. // СА. 1962. № 3. С. 263; *Дионисий.* Можайские акты 1506—1775 гг. СПб., 1892. С. 5—6.

Глава 2

КРЕПОСТЬ МИХАИЛА АРХАНГЕЛА. “АРХАНГЕЛЬСКОЕ КОРАБЕЛЬНОЕ ПРИСТАНИЩЕ”

Архангельский деревянный "город" XVI—XVII вв.

Основание Архангельска — "государевой корабельной пристани" имело важное экономическое, политическое и, несомненно, военное значение в истории Русского государства второй половины XVI столетия. Однако выдающаяся роль Архангельского города в первые полтора столетия его истории не может быть раскрыта с достаточной полнотой без всесторонней оценки его как крупнейшего военного форпоста Руси на берегах Белого моря. Поэтому особо важно выявить основные этапы оборонного строительства на Пур-наволоке, объем этих строительных работ, их организацию, оценку мощи артиллерийского вооружения деревянного "города". Арсенал, прежде всего пушечный, является характерным показателем не только обороноспособности, ибо смена и движение пушечных арсеналов, полная или частичная смена артиллерийского парка — яркий показатель инженерного и технологического прогресса, показатель уровня "заморской" торговли.

В практике фиксации официальных дат основания того или иного города нет единообразия: за дату основания принимают или дату документа об основании города, или первое его упоминание в письменных документах. Известно, что многие древнерусские города, впервые упомянутые в летописях, имеют более древнюю "археологическую" дату. Безусловно, это не повод менять установившиеся "юбилейные" традиции. Для истории важнее определить основные этапы возникновения поселения и его начальную строительную историю. Правда, можно отметить, что для определения такой "юбилейной" даты для Архангельска в 1884 г. выбор был: принять за точку отсчета 1584 г. — запись Двинской летописи, известной только по списку XVII в., или дату подлинного царского указа от 4 марта 1583 г.

Впервые о том, что строительная история Архангельска началась до 1584 г. (по крайней мере, с 1582 г. с уезда собирали деньги "в городское дело", а с лета-осени 1583 г. могли начаться непосредственные строительные работы), писал О. В. Овсянников в 1971 г., подтвердив свою точку зрения и в 1972 г., и, наконец, в 1992 г.¹ Но он не писал об "основании" города Ар-

хангельского в 1583 г.² — этой точки зрения О. В. Овсянников никогда не поддерживал. Утверждать можно только следующее: деньги "в городское дело" стали собирать в Двинском уезде уже в 1582 г. (а может быть, и раньше — в сентябре 1581 г.). А вот строительные работы могли начаться летом-осенью 1583 г., т. е. только после получения на Двине грамоты и чертежа (до этого вероятен подготовительный цикл работ — заготовка леса и т. д.), а основной объем работ был произведен все же в 1584 г., и строительство продолжалось, по крайней мере, до осени 1596 г. (до декабря 1597 г.). Такова объективная историографическая картина.

А теперь мы еще раз повторим наше понимание событий, происшедших на Пур-наволоке в конце XVI—XVII в. Двинская летопись относит основание крепости Михаила Архангела к 1584 г.: "О воеводских приездах на Двину. В лето 7092. Приехали с Москвы на Двину воеводы Петр Афанасьевич Нащокин да Залешанин Никифоров сын Волохов и Архангельской город деревянной поставили одним годом на Пур наволоке над Двиною рекою, за 30-ть верст от устья тое Двины реки. А поставили город круг Архангельского монастыря и съехали к Москве. И после того присланы на Двину приказные люди боярские"³. В одном из исторических сборников XVII в. неизвестный автор записал: "В лето 7091 поставили на Двине город у Архангила Михаила от моря 25 верст, а от Колмогор 50 верст"⁴.

Наиболее ранний документ о строительстве Архангельского города, дошедший до нас, относится к 4 марта 1583 г. Это царская грамота двинским воеводам Петру Афанасьевичу Нащокину и Захару Никифоровичу Залешанину Волохову. Грамота, несмотря на незначительный объем, содержит немало ценных сведений: совершенно ясно, что данному документу предшествовала переписка, относящаяся, возможно, к 1582 г. или самому началу 1583 г. Первая, не дошедшая до нас царская грамота "о городском деле" указывала присланным воеводам выбирать для крепости подходящее место и делать проектный чертеж предполагаемому строительству. Царская грамота от 4 марта 1583 г. подтверждает получение присланного чертежа и одобряет его: "И как к вам ся наша грамота придет, и вы б часа того велели город делати на том месте и той мере,

Рис. 1. Карта Двинской дельты. Вторая половина XVIII в.

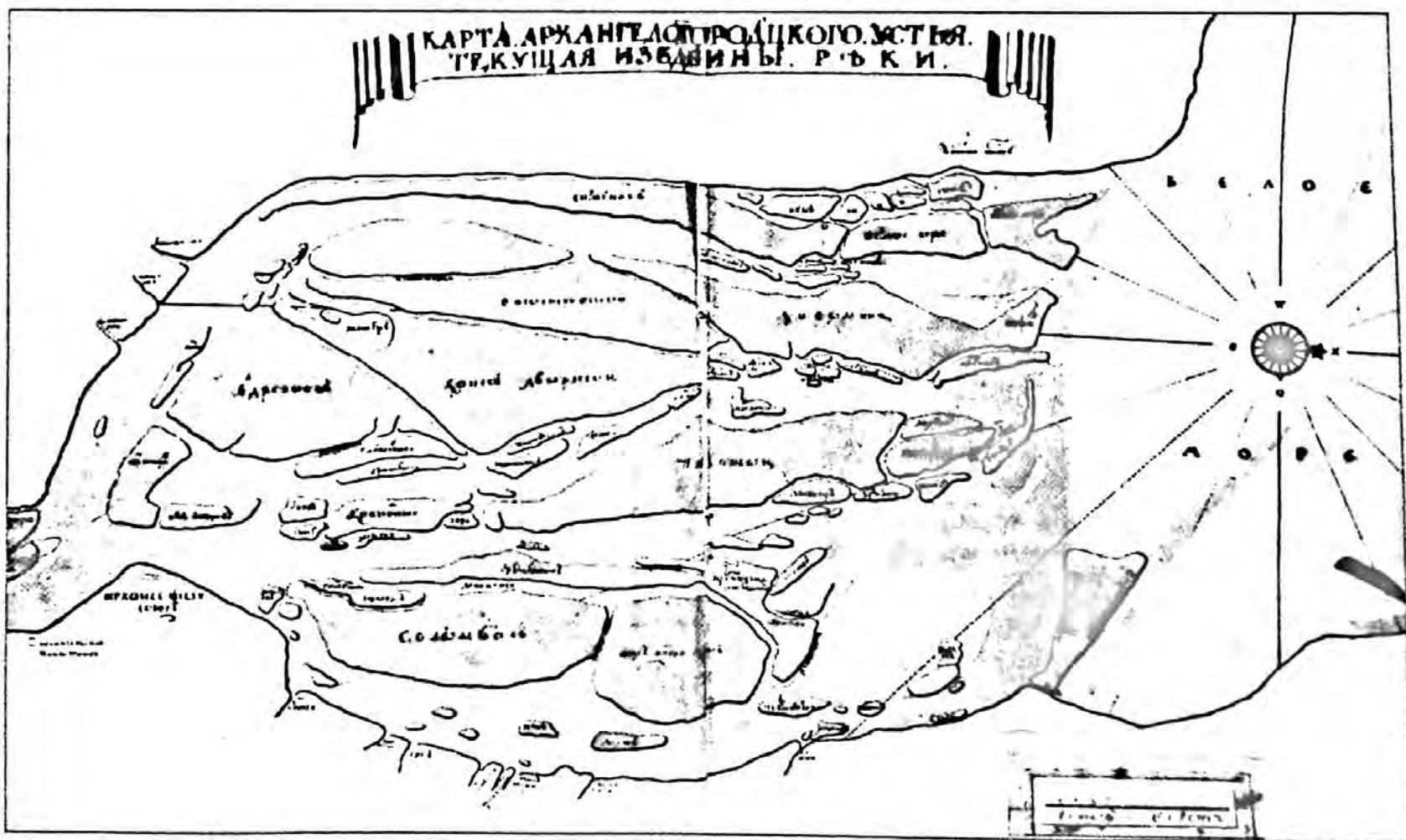

Рис. 2. Карта Двинской дельты. Вторая половина XVIII в.

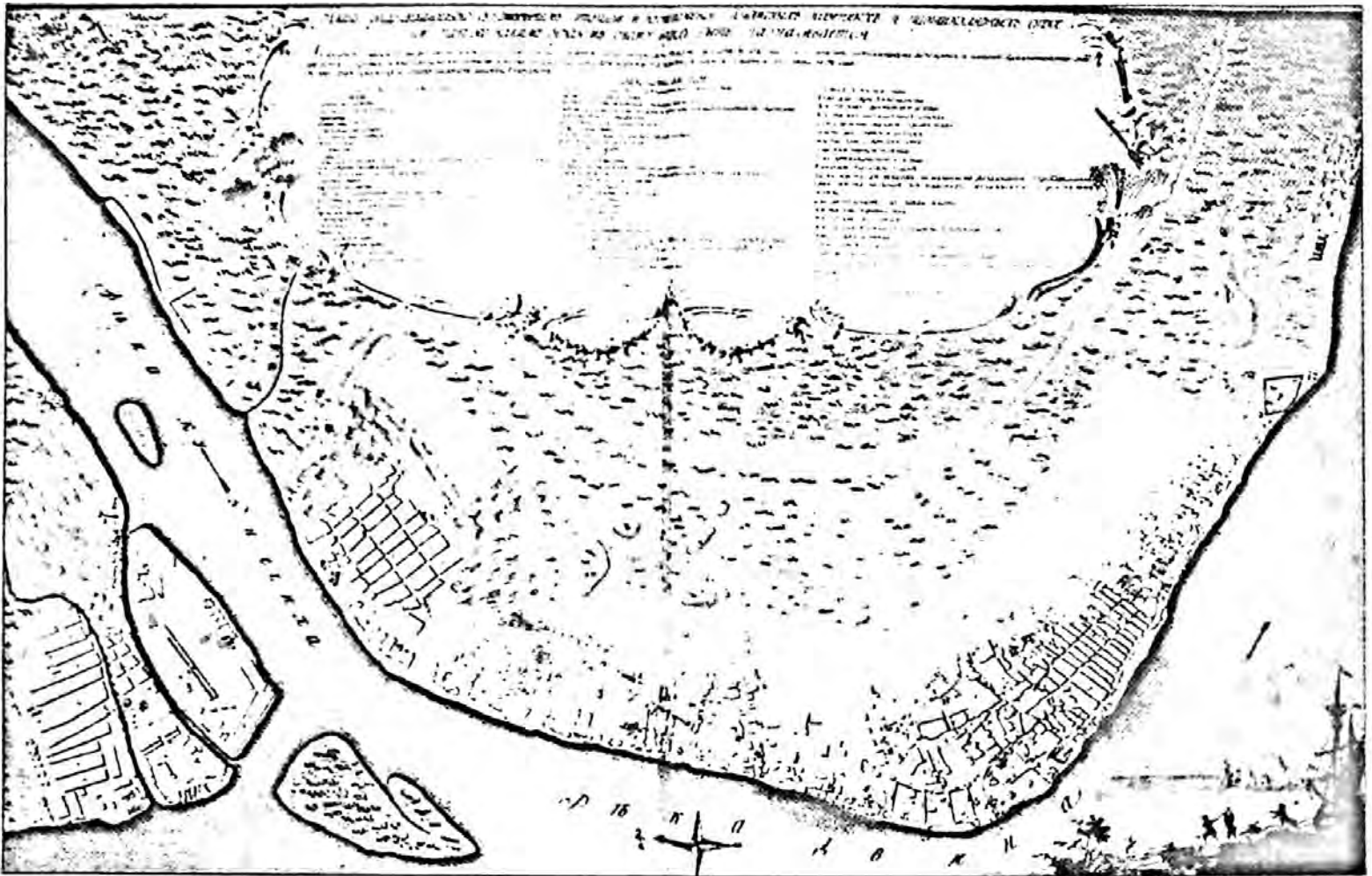

Рис. 3. План Архангельска с окрестностями. 1780 г.

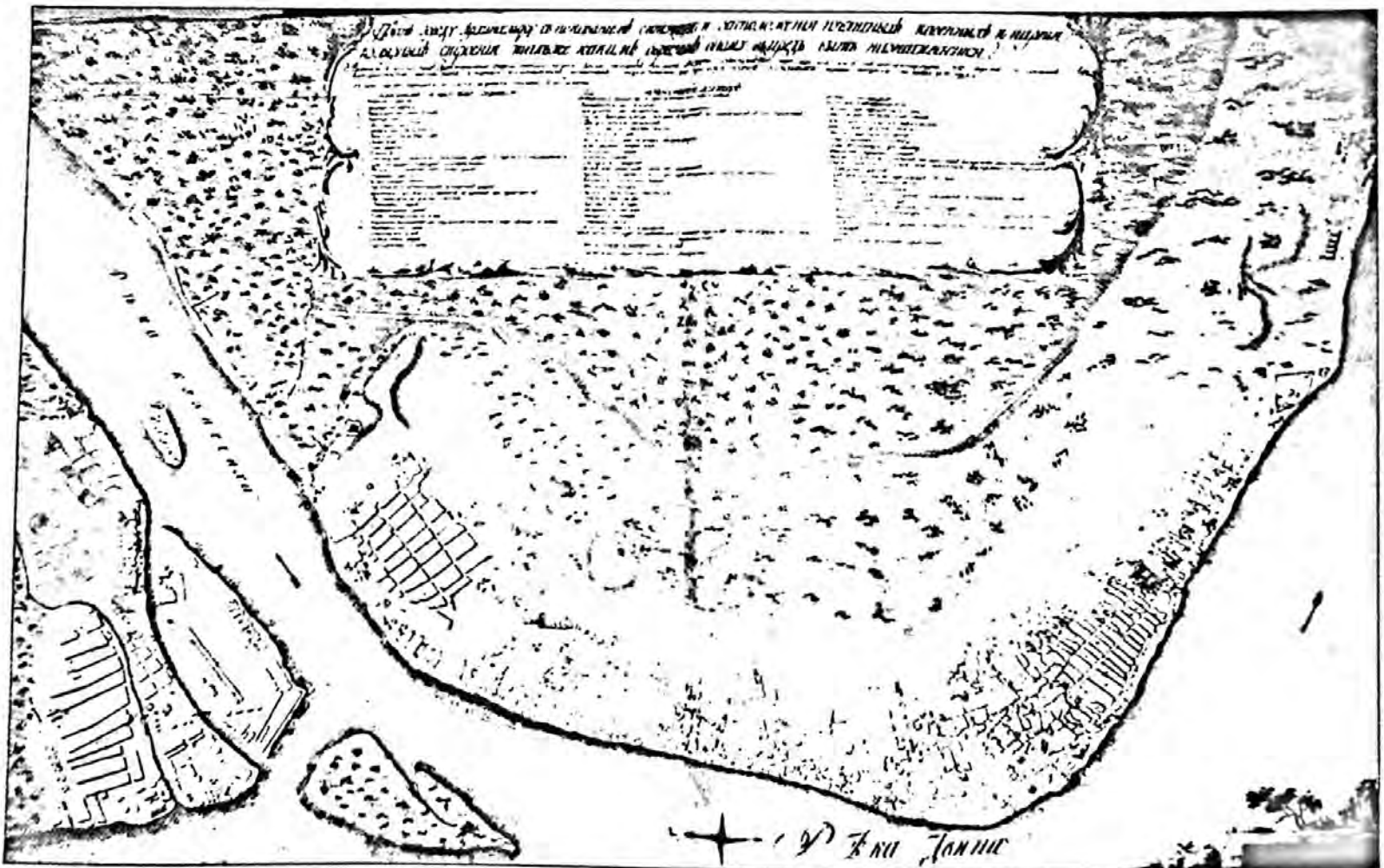

Рис. 4. План Архангельска с окрестностями. 1780 г.

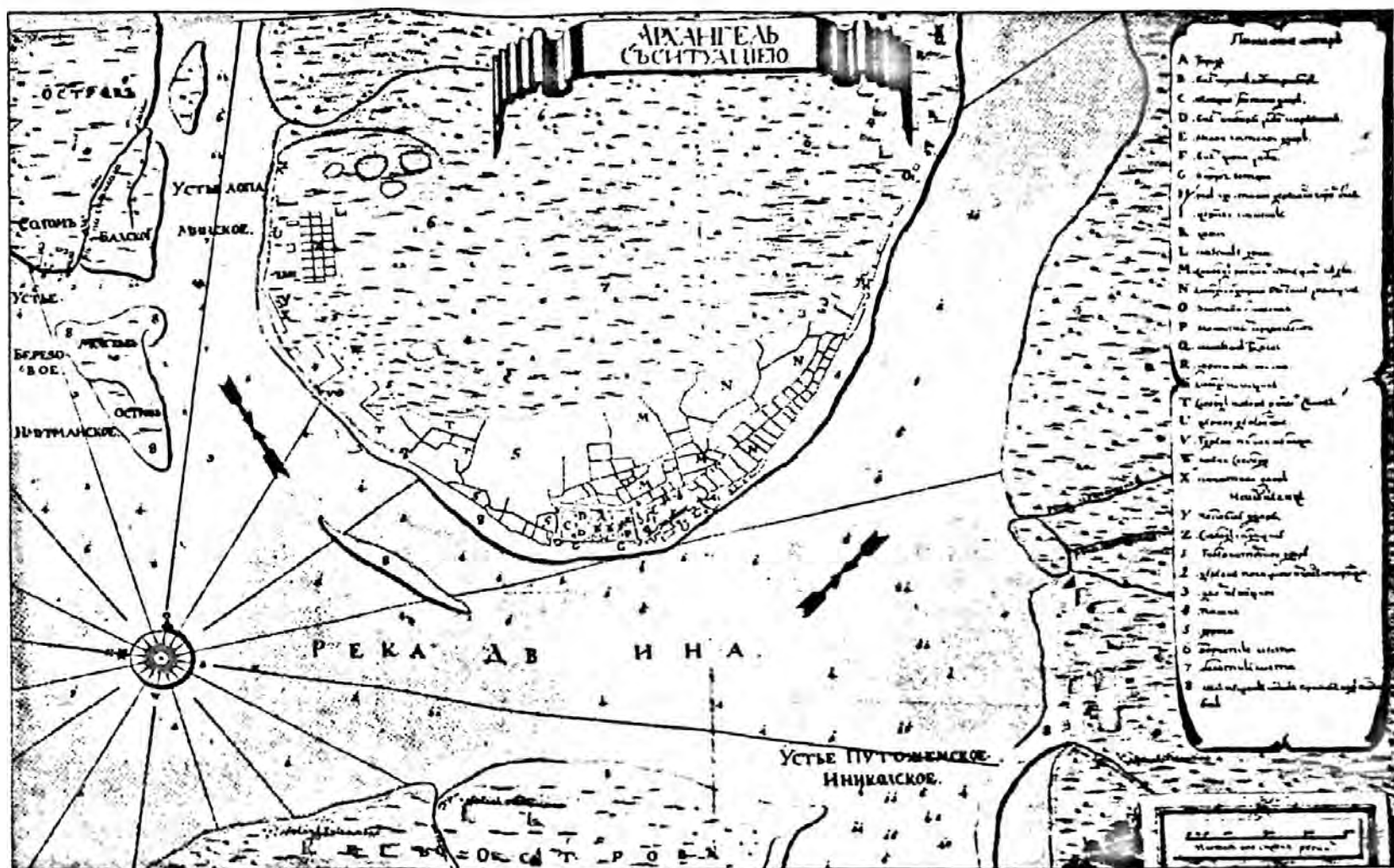

Рис. 5. План Архангельска с окрестностями. Вторая половина XVIII в.

по росписи и по чертежу, какову есть роспись и чертеж к нам прислали наспех теми посошными людьми, которую посоху к тому городовому делу есмя указали... Писан на Москве лета 7091 марта в 4 день”⁵. Можно уверенно полагать, что это ответ на грамоту с Двины, посланную двинскими воеводами, видимо, в конце 1582 г. (или, по датировке того времени, в начале года, т. е. октябре-декабре 1583 г.). Тогда можно отнести время первого царского указа (не дошедшего до нас) о строительстве “города” на Пур-наволоке к весне-лету 1582 г. (по датировке того времени, также к 1582 г.). Тем самым довольно значительный промежуток времени, в который происходили обмен грамотами, изготовление чертежа и утверждение его в Москве, Двинской летописец несколько “сжимает” — все события, связанные с основанием Архангельского “города”, ограничены непосредственно этим строительством, и, следовательно, он неточен, когда пишет о приезде воевод на Двину в 1584 г. (грамота от 4 марта 1583 г. адресована на Двину именно этим воеводам). Более того, в Актах Лодомской церкви сохранился документ от 30 сентября 1582 г. (т. е., по современной датировке, от 30 сентября 1581 г.), фиксирующий получение денег с церковных лодомских земель “в городовое дело и Петра Афонасьевича Нашекина протори в приезд, и в кормы, и в поминки”⁶. Это дает право, по крайней мере, организационный период строительства на Двине относить к 1581 г.; основной объем работ был произведен в 1583—1584 гг.

Итак, в начальный период были построены: деревянный “город”-кремль и его первая линия обороны — острог; известно, что завершение оборонного строи-

тельства шло вплоть до 1600 г. В памяти игумену Кривецкого монастыря в декабре 1597 г. (декабрь 1596 г.):

Лета 7106-го декабря в 15 день. По государеве царе и великого князя Феодора Ивановича всеа Русии грамоте и по приказу Ивана Васильевича Мелюкова да Безсона Ильина память Кривецкого монастыря игумену Мисаилу. Прислана государева царева и великого князя Феодора Ивановича всеа Русии грамота к Розгилдею Григорьевичю Любученинову да к Киру Офонасьеву за приписью государева диака Посника Дмитриева. И по той государеве грамоте велено Архангилской город поглотити, и обруб городовой и тайник изделати, и на городе кровли худые места поновити и наново укрепити накрепко всею Двинскою землею и Кевролским и Мезенским станом. И довелось на всю Двинскую землю, опроче Кевролы и Мезени, по разводу полпятаы тысячи бревен, половину бревен по пять сажен бревно, а другую половину по четыре сажени бревно, а в тонком бы конце всякое бревно было по полторы пяди, да сто пятьдесят человек плотников и посошных людей, которым город глинтки и обруб и тайник делати, и с топоры, и з заступы, и с кирками, и с лошадми, и со всякою снастью. Ис того разводу довелось на ваши монастырские на черные сошки сорок девять бревен без трети да посошных людей и плотников с Корелского, и с Архангилского, и с Росткина, и с Кривецкого монастырей с их сошек всего шесть человек без чети. Да с тех же монастырей с их сошек четыре лошади без полутрети. И вы бы одиночно безо всякого переводу на весну с первую крою нынешняго 106-го году бревна, и плотников, и посошных люден с топоры, з заступы, и с кирками, и с лошадми прислали в Архангилской город з бревны вместе не замедлив и приставов бы ис прогонов в том пособя не дожждалися. А будет на весну с первую крою нынешняго 106-го году бревен, и плотников, и посошных людей с лошадми и со всякою посошною снастью в Архангилской город не пришлете, и что в вашем ослушанье городовой поделке будет поруха и неспешенье, и вам быти от государя царя и великого князя Феодора Ивановича всеа Русии в опале. К сей памяти Иван Васильев сын Мелюков печать свою приложил. Безсон Ильин.

Печать восковая⁷.

Кроме того, первоначально основной торговый комплекс — Гостиные дворы был поставлен с верхнюю по течению Двины сторону от Архангельского “города”: в 1585 г. плотники и посошные люди “у города гостиные дворы и амбары ставят”⁸. Сведения 1587 г. свидетельствуют о том, что шли работы по покрытию “города” и важни, а в апреле 1587 г. надо было “государевы гостиные два двора, русской да немецкой, переставлявати на нижней конец города и важню”⁹. Таким образом, основное ядро военно-административных, культовых и хозяйственных построек, возведенных во время первого крупного строительного этапа, зафиксировано в писцовых книгах 1622—1624 гг. Этот документ фиксирует в районе Пур-наволока такую градостроительную ситуацию, которая предопределила и весь последующий характер застройки этой части Архангельска¹⁰.

Центральное место на Пур-наволоке занимал кремль — деревянный “город”, внутри которого находился Михайло-Архангельский монастырь, съезжая изба, пять житниц, тюрьма, зеленый и воеводский дворы, 100 избушек и 11 амбаров, поставленных “для осадного времени”. В монастыре стояли церковь Архистратига Михаила, “древяна, в верхе о девяти верхах”, с приделами мученика Мины и Борисоглебским, церковь Покрова Пречистыя Богородицы, с трапезою, и общая звонница — “на колокольнице четыре колокола и з благовестником”¹¹.

У кремля, выше по течению Северной Двины, стояла церковь Преображения, с трапезою и приделом Николая Чудотворца. Местная архангельская традиция считает, что деревянная соборная Преображенская церковь была построена в 1584—1588 гг., рядом стояла колокольня на столбах, а в 1614 г. к собору пристроили придел Николая Чудотворца¹². В Стрелецкой слободе, вероятно, уже в 1584 г. была построена Рождественская церковь¹³.

Ниже кремля по течению Двины располагались две церкви — Воскресенская и великомученицы Параскевы Пятницы (“клепки с трапезою”)¹⁴. Воскресенская церковь была построена, согласно традиции, около 1620 г.¹⁵ Ниже этих церквей по течению реки находилось торговое “сердце” поселения: “дворы государевы гостиные на приезд русским и немецким гостей и торговым людям”. На Русском гостинном дворе стояли 84 амбара, 23 лавки, сарай, на Немецком гостинном дворе — 85 амбаров. На посаде, ниже гостиных дворов, стояли лавки архангельских жильцов и колмогорцев¹⁶.

Писцовые книги Двины письма 1587—1589 гг. князя Василия Звенигородского не сохранились, но в сотной на владение Архангельского монастыря есть его описание: “В Двинском уезде в Нижней половине в Новом Холмогорском городе монастырь Архангелской, а на монастыре церковь Архистратига Михаила, деревен верх, да на полатех предел мученика Христова Мины, да церковь теплая Покров Пречистыя Богородицы, а в церквах образы, и венцы, и книги, и колокола на колокольнице...”¹⁷ В сотной из книг письма 1552—1554 гг. Ивана Заболотского на вотчину Архангельского монастыря наряду с церковью Михаила Архангела упомянута не Покровская церковь, а церковь Ильи Пророка¹⁸.

Писцовые книги письма 1611 г. Алексея Загряжского и подьячего Меркурия Любученкова также не дошли до нас, и тем большую ценность имеют писцовые книги 1622—1624 гг. Мирона Андреевича Вельяминова и подьячих Божена Степанова и Антона

Подольского. На ценность этого источника для характеристики облика деревянного “города” и его сооружений указал С. Ф. Огородников, впервые опубликовавший описание (правда, с рядом неточностей)¹⁹. Важно отметить, что писцовые книги 1622—1624 гг. фиксируют в районе Пур-наволока такую градостроительную ситуацию, которая в дальнейшем оставит неизгладимый след на всей последующей строительной истории этой части Архангельска²⁰.

Описание 1622—1624 гг. в полной мере воссоздает облик деревянного “города” конца XVI в.: за истекшие годы в нем могли происходить лишь ремонтные работы. Оборонительный комплекс на Пур-наволоке состоял из двух частей: “острог стоячей на иглах” и собственно деревянный рубленый “город”, “рубленый в две стены, мазан глиной”. “А городен у города 204 городни...” — так писцовая книга описывает структуру рубленой городской стены. Определение городен Ф. Ласковского характеризует их как ряд отдельных срубов, примыкавших друг к другу²¹, но для конца XVI—XVII в. городни — скорее звено рубленой стены. Появление во второй половине XV в. принципиально новой схемы оборонительных сооружений, меньше связанных с рельефом местности и имеющих геометрически правильную форму плана (четырёхугольника и пятиугольника), определялось развитием новой тактики обороны крепостей, полностью основанной на применении огнестрельного оружия²². Нет сомнений, что и первый Архангельский “город” имел в плане вид неправильного четырёхугольника. Во-первых, об этом свидетельствуют размеры его прясел: так, стена “города” по берегу Двины тянулась на протяжении 117 сажен, противоположная ей стена с напольной стороны — 118 сажен; две другие стороны крепости, в которых располагались Воскресенские и Архангельские ворота, соответственно 76 и 73 сажени. Расположение проезжих ворот в коротких пряслах было рационально. Со стороны Двины, в длинном прясле, находились водяные Покровские ворота. Они обеспечивали доставку грузов в крепость прямо с реки, что было важно в случае осады крепости неприятелем с суши. Об облике таких водяных ворот можно судить по аналогии: водяные ворота, например, в Кольском остроге в начале XVIII в. располагались у самой воды на платформе, укрепленной мощным обрубом, и имели помост на сваях — выход к воде. Как показывает практика оборонного зодчества в средневековой Руси, проезжие (водяные) башни чаще были многоугольными, угловые глухие — четырёхугольными.

В описании Архангельского “города” у Архангельской и Воскресенской воротных башен указано наличие “быков”. “Быки” — это дерево-земляные платформы, прообраз более поздних бастионов. Они должны были усилить обороноспособность воротных башен²³. Вот перечень шести башен кремля: Воскресенская, Архангельская воротные и Вознесенская, Северная, Спасская, Рождественская — угловые. Перед острогом находился ров шириной 4,5 сажени, глубиной 2 сажени, в котором стоял тын, около рва — надолбы. Вдоль берега Двины от Вознесенской до Спасской угловых башен был “для осыпи рублен обруб в 5 стен, а мера 128 сажен”.

Двинской летописец под 1637 г. сообщает о большом пожаре в Архангельском городе: “...згорели в городе церкви, и кельи и воевоцкой двор и полгорода от Двины реки, и после пожару город построен

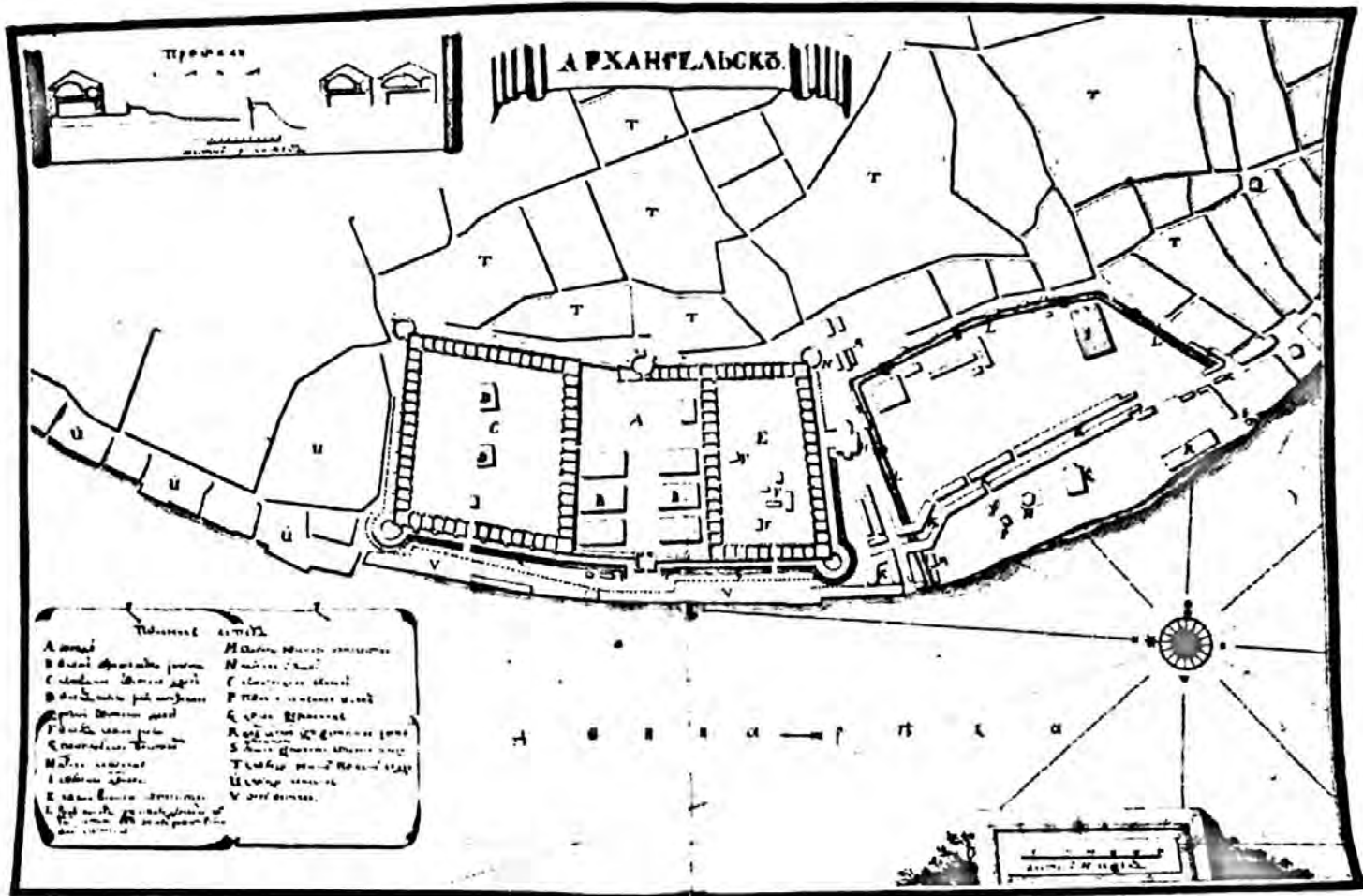

Рис. 6. План Архангельска. Вторая половина XVIII в.

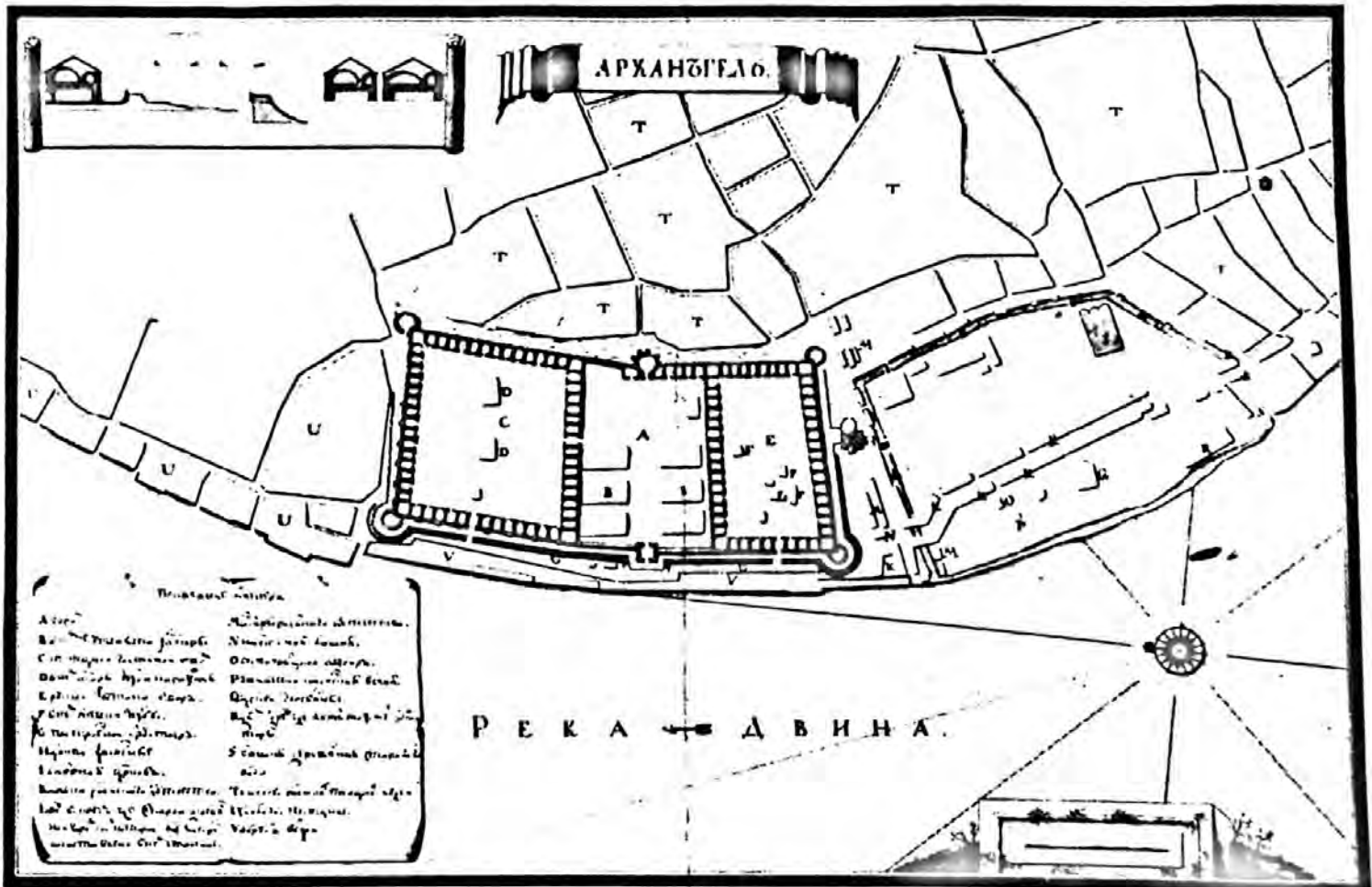

Рис. 7. План Архангельска. Вторая половина XVIII в.

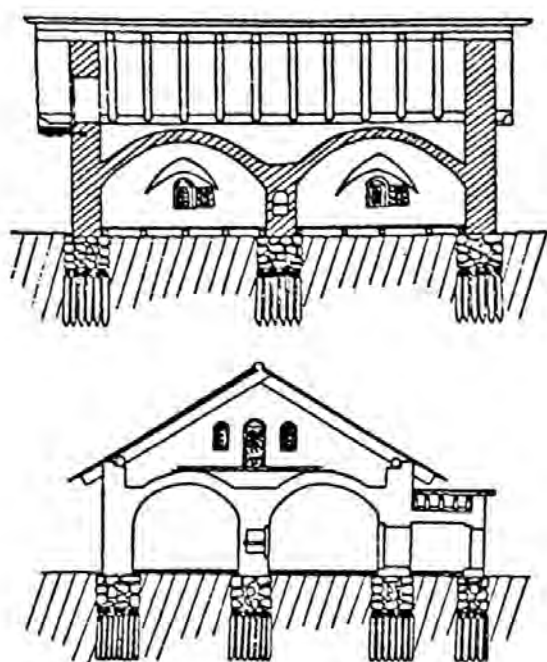

Рис. 8. Каменная зелейная палатка 1647 г.
Реконструкция О. В. Овсянникова

по-прежнему, а монастырь Архангельской поставлен за городом над Двиною ж рекою в Нячарях, от городу за версту”²⁴. Правда, некоторые документы (например, царская грамота двинскому воеводе Борису Шереметеву в 1640 г.) называют дату пожара — 1636 г.²⁵, что более правдоподобно. Сохранилась любопытная группа документов 1638 г., связанных с переносом Михайло-Архангельского монастыря из кремля. Первоначально, судя по царской грамоте 1638 г., “велено Архангельскому монастырю пониже Архангельского города и пониже церкви Успения Пресвятой Богородицы от дальнево Бору на горе Кузнечихи строить, для того, что то место по сыску лежит впусе, и не отдано никому, и оброку с него никто не платит, и в писцовых книгах не написано; да и тому монастырю велено отвести того пустого места под конюшенной, и под коровей, и под служни двory, и на огороды, сколько пригоже смотре по месту, а достальное пашенное место измерить...”²⁶ Дело в том, что еще в 1636 г. пришла на Двину государева грамота, что “в городе Архангельскому монастырю для утеснения и по челобитью двинских земских старост быть не велено, и бил челом государю царю великому князю Михаилу Федоровичу всей Руси архангельской прошлой игумен Павел о том месте, что пониже города от Кузнечихи”, но оказалось, что “место Кузнечиха тяглое и оброчное, и под монастырь то место не годное, и городовых посадских людей скотинная паства”²⁷. После чего последовал указ Михаила Федоровича — “велел Архангельский строить на новом месте повыше города в Нячерех, чтоб им без монастыря не быть. И по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всея Руси указу Архангельского монастыря черному попу Матфею с братию Архангельский монастырь и храмы строить на новом месте выше города в Нячеры, да к тому монастырю пустого места по их же челобитью под конюшенной, и под коровей, и под служни двory, и на огороды лес розчистить и пашня распахать против того ж сколько было места на Кузнечихи дано...”²⁸

К сожалению, сведений о ходе восстановительных работ самой деревянной крепости нет. Только в 1647 г. в ней было начато строительство каменного погреба.

В 1647 г. воевода князь Юрий Буйнос Ростовский послал царю отписку о необходимости постройки в “городе” каменной зелейной палатки: “А твоя государева казна в Архангельском городе немалая, и без палатки, государь, быть твоей государевой зелейной казне впредь страшно”²⁹. Охотников для возведения каменной постройки “кликали бирючи много дней”, но из местного населения никто не проявил желания участвовать в стройке, и подряд на постройку взяли находившиеся в “городе” на службе московские стрелки — 23 человека. Однако стрельцам удалось довести постройку лишь до сводов — они были отозваны по службе в Москву, и завершили строительство два каменщика, вызванные из Москвы, — Михаил Ивлев и Дмитрий Костоусов³⁰. Впоследствии Дмитрий Костоусов продвинулся по службе в Приказе каменных дел и уже “подмастерьем каменных дел” руководил крупными строительными мероприятиями, и завершение каменной зелейной палатки в Архангельском “городе” является одной из немногих известных работ Костоусова в бытность его каменщиком. Дмитрий Костоусов был представителем целой “династии” белозерских каменщиков, некоторые его родственники участвовали в строительстве крепости Кирилло-Белозерского монастыря, другие, как и он, работали в Москве. Судить об облике первой каменной постройки в Архангельском “городе” можно по “Росписи полате”³¹. Палатка представляла собой здание 5×7 сажень, с толщиной стен 0,5 сажени и высотой от земли до кровли сажень с аршином. На торцевых стенах здания были шипцы (“от земли до верха шипцов 3 сажени без полуаршина”). На длинных сторонах постройки находились окна, имевшие железные решетки и “затворы железные”. Каменная постройка возводилась на фундаменте, укрепленном вбитыми деревянными сваями. Материалы воеводской “росписи” казенной палатки со всеми размерами и описанием архитектурных деталей дают редкую возможность графически воссоздать облик первого каменного здания в Архангельском “городе”.

Пожар 1667 г. нанес большой урон торговым помещениям и посадским строениям — “а в Архангельском городе и волею Божею ныне погорело”³². Двинской летописец дает детальную картину пожара: “О пожаре. Во 175-м году мая в 16 день, в Вознесенев день, учинился у Архангельского города пожар, а загорелось в мясном ряду в пустом анбаре. И от того пожару мясной ряд, и торговая баня, и немецкие двory, и гостиные двory русские и немецкие, и таможня, и церкви, которые стояли на Нижнюю сторону города близь гостиных двory, и русских людей анбары, и лавки все погорели без остатка”³³. В 1668 г., сообщает Двинская летопись, на Двину были присланы из Мос-

Рис. 9. Каменная зелейная палатка 1647 г.
Реконструкция О. В. Овсянникова

квы "иноземцы градоделцы Петр Марселис да Вилим Шарф, а велели им осмотреть у Архангельского города место, где бы можно построить город и гостиные дворы каменные" ³⁴. "Градоделцы" уже привезли чертежи, по которым в 1668 г. и "начаты делать гостиные дворы и город каменной на прежнем месте, где были прежде русской и немецкой гостиные дворы" ³⁵. Строительство по "учиненному чертежу" каменных построек затянулось, и в качестве временной меры начали строить к летней городской ярмарке "на городских порожних местах сто пятьдесят четырех саженных дощатых анбаров" ³⁶. Строительством ведал холмогорский таможенный голова Исай Трубников, который подрядил "и лес, и доски на анбарное строение" (решено было достроить "сто двадцать анбаров четырех саженных же, в них перегородить для мелочных товаров по четыре житья в анбаре" ³⁷).

В сентябре 1669 (1670) г. на Пур-наволоке снова бушевал пожар: "Сентября к 16-му числу в ночь загорелось возле города в немецком анбаре, которые анбары построены были на время после пожару возле острожную и городовую стену. И от того пожару Архангельской город, и острог, и съезжая изба, и воевоцкой двор, и государевы житницы с хлебом, и анбары, и лавки, которые построены были в городе и в остроге после пожару на время, все погорело без остатка. И многие пушки медные и железные, которые были по городу и по острогу, в том пожаре растопились" ³⁸. Следовательно, с момента первоначальной постройки и до пожара 1670 г. Архангельский кремль имел в своем составе, несмотря на несколько перестроек, два оборонительных элемента — острог и "город". Существенный урон был нанесен пожаром и первоначальному артиллерийскому парку. Таким образом, деревянная крепость, охранявшая Архангельский торговый комплекс во время постройки каменного "города", погибла и появилась надобность возобновления деревянного укрепления, чтобы "от всякого противного припаду безопасно и осторожно устроенным быти". Отчет воеводы дает представление о том, что сделано к январю 1672 г. для завершения деревянного "острожного дела": была возведена 361 сажень острожной стены высотой 3 сажени, и "около острогу тарасы и обламы сделаны и положены, и мосты намощены, и божницы учинены, даеще поставлены 9 восьмигранных башен, и в том числе у двух башен двое ворот проезжих, длиною и шириною по девять сажен башня" ³⁹. Оставалось доделать 34 сажени острожной стены и покрыть башни, т. к. приготовленный тес весь пошел на кровлю гостиных каменных амбаров, воеводского двора, житницы; перед укреплением на берегу нужно было возвести обруб. Новый деревянный острог был поставлен на прежнем, "городовом" месте, это важно — градостроительная традиция продолжалась. Перепланировке подвергалась лишь территория, где раньше стояли деревянные Немецкий и Русский гостиные дворы: здесь с 1668 г. строились не только каменные гостиные дворы, но и каменный "город".

Как выглядел деревянный острог 1672 г.? Двинской Росписной список 1683 г., составленный при передаче воеводства боярином и князем Никитой Семеновичем Урусовым князю Никите Константиновичу Стрешневу, содержит преимущественно описание пушечного наряда в башнях и лишь перечисляет название семи башен. Из них только Вознесенская и Архангельская во-

ротные башни сохранили названия ⁴⁰. Важно, что Росписной список дает возможность судить о планировке острога, построенного в 1672 г.: это по-прежнему четырехугольная крепость регулярной планировки с четырьмя угловыми глухими башнями, двумя проезжими — Архангельской и Воскресенской и глухой Тайницкой башней, построенной взамен водяных Покровских ворот.

Новое укрепление, хотя и было построено на старом "городовом" месте, отличалось от старого. Это прежде всего острог — не дополнительная "крепость" к "городу", а самостоятельное укрепление. На смену семи башням были построены одиннадцать, в том числе две проезжие. Проезжие башни стали крупнее — по 9 саженей. Исчезли Покровские водяные ворота и башня на них. Три башни, выходящие к Двине, стали глухими. Это отчетливо видно на чертеже Архангельска конца XVII в. (1694 г.). На чертеже, несмотря на его некоторую, идущую от иконописи условность, отчетливо видно и прежнее соотношение проезжих башен — друг против друга, и старые названия их: Архангельская и Воскресенская. Все башни на остроге шестиугольные с тремя ярусами боев — подошвенным, средним и верхним. Башни крыты тесом, имеют наверху смотровые вышки, заканчивающиеся "яблоками" и прапорцами (флажками). Острожная стена из вертикально стоящих бревен крыта тесовой кровлей. В нижней части стены изображены мелкие проемы — вероятно, бойницы подошвенного боя. Для стрелков верхнего боя с внутренней стороны стены были "мосты намощены". Воевода ничего не отписал царю о "крепостях" перед острогом, хотя упоминает о заготовке леса для "обрубного дела". Обруб должен был предохранить берег перед острогом от размыва и паводковых вод. Очевидно, перед острогом был ров, вырытый еще в XVI в. Остатки последнего дерево-земляного укрепления в Архангельске сохранялись вплоть до конца XVIII в. (вал был, вероятно, уже срыт, но ров отчетливо виден на всех планах).

Следующий по времени документ — Росписной список Архангельского города относится к 1688 г. и почти дословно повторяет список 1683 г. ⁴¹ Правда, здесь упоминается о некоторых строительных мероприятиях внутри крепости — при воеводе Нарышкине вновь построили воеводскую избу "о трех житьях на амбаре и двое сени с крыльцами, да против города и против житниц на берегу построено нового обрубу в длину 160 сажен" ⁴².

Любопытен сохранившийся документ 1697 г. — "Дело по отписке города Колмогор с Двины от воеводы Федора Апраксина о учении осмотру, что сколко у города на Холмогорах и на Двине построено и из каких доходов и на какое именно строение...": "...построены у Архангельского города для морского ходу твой, великого государя, корабль, да по берегу Двины реки против каменного города и Русково гостина двора обруб мерою 107 сажен, и на том обрубке намощен мост, ...построены у города Архангельского хоромы вновь, в которых я, холоп твой, а старые за ветхостью сломаны, и что из них годилось, и то вновь на новое строение внесено" ⁴³.

В 1702 г. двинской воевода Василий Ржевский подал в Новгородский приказ подробную отписку "касательно починки и постройки вновь в Архангельске стены и башен": "Велено у Архангельского города деревяной город осмотреть и буде по досмотру в которых

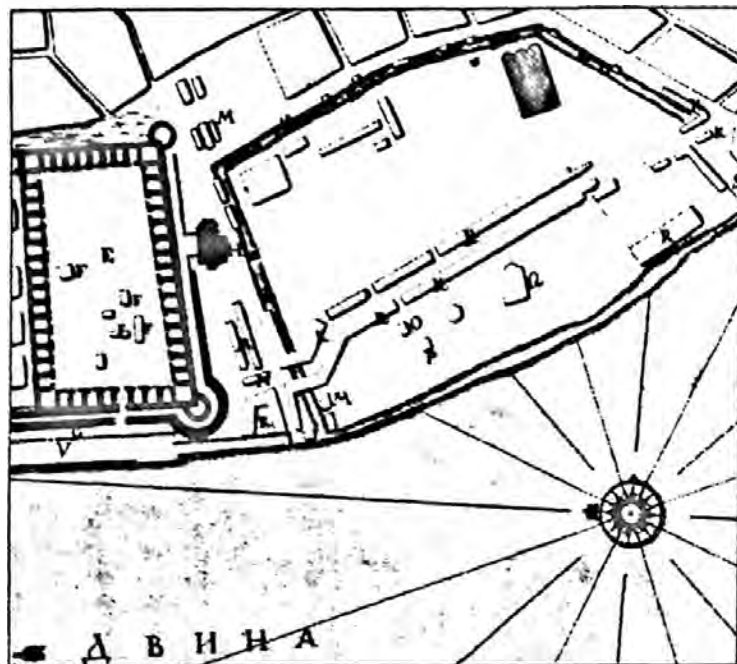

Рис. 10. Архангельский деревянный "город".
Фрагмент плана XVIII в.

местех того городу стен между башнями погнили и обвалились, так же и башни ветхи, и те башни и стены велено построить вновь...⁴⁴ Вполне естественно, что за период с 1672 г. многие части острога обветшали и требовали ремонта. Действительно, по досмотру оказалось — "...башни многие нарочитые и иные пошатались, и кровли местами, по скаске двинских жителей, от морских погод посрывало, а стены все между башнями згнили и обвалились..." Для капитального ремонта потребовалось 881 бревно длиной от 2 до 10 сажен. Документ ценен тем, что дает краткую характеристику крепости: "...а по досмотру у города Архангельского в деревянном городе и с проезжими воротами 9 башен рубленых, и починити их возможно, ...а меж башни стены все городовые ставлены тыном, и те тынины все подгнили и повалились во многих местах, и починивать их невозможно". Ржевский спрашивал указания — стены надо рубить заново и "какие стены — рубленые или попржнему тыном ставить; и если попржнему те городовые стены строить тыном, и то строение в преж будет непрочно и военному делу некрепко, о том, великий государь, укажешь". К сожа-

лению, неизвестно, какие указания получил воевода на этот счет.

Сохранилась часть рисунка (чертежа) Архангельского города со стороны Двины реки, относящегося, вероятно, к концу XVII в. Чертежные работы выполнялись в XVII в., как правило, иконниками. "Архитектурный чертеж или рисунок не дифференцировался в изобразительных приемах не только от ситуационного плана, но и от иконного городского ландшафта", — писал Н. Н. Воронин об основной особенности "чертежных" изображений XVII в. (в статье 1934 г. Н. Н. Воронин впервые дал характеристику "чертежа" Архангельского "города")⁴⁵. Иконописцы приносили в "чертеж" свою специфическую, иконописную трактовку изображаемых архитектурных деталей — в передаче передних и задних планов изображений и т. д. Все это хорошо прослеживается на чертежах-рисунках Архангельска самого конца XVII в.⁴⁶ На одном из чертежей прекрасно видно соотношение двух проезжих башен — Архангельской и Воскресенской, они стоят друг против друга; три глухих башни и тайник расположены на набережном фасаде крепости. Все башни на остроге восьмиугольные, с тремя ярусами боев. Чертежник-иконник подчеркнул резко нависающие повалы (обламы) в верхних частях башен. Башни крыты тесом, имеют в верхних частях смотровые вышки — караульни, перекрытые, в свою очередь, небольшими шатриками с "яблоками" и прапорцами. Острожная стена — показан фасад крепости, выходящий к Двине, — представляет по своей структуре тыновую ограду. В нижней части острожной стены изображены мелкие проемы — брус, пропущенный через пазы в вертикальных бревнах. Перед острогом берег реки укреплен обрубом. За рвом, выше кремля по течению Двины, изображены две деревянные церкви, одна из них соборная. По Писцовой книге 1622—1624 гг., выше кремля стояла церковь Преображения с трапезою и приделом Николы Чудотворца. В Переписной книге 1646—1649 гг. на этом месте церковь не указана, но перечислены дворы церковнослужителей Спасской и Никольской церквей. Перепись 1678 г. называет здесь церковь Боголепного Преображения (Спасская).

В 1687 г. воевода Нарышкин прислал полковнику Семену Ружинскому память об отводе земли под строительство архиепископского подворья с хлебным амбаром, житницами и зельным погребом, лавками в самом

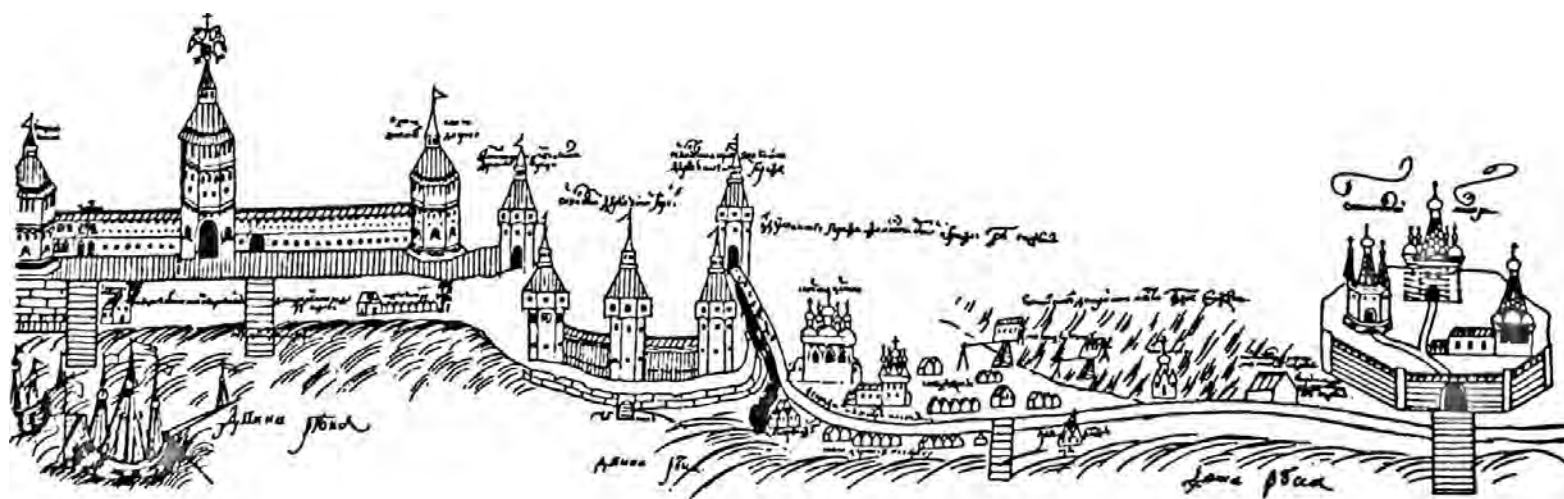

Рис. 11. Вид Архангельска со стороны Северной Двины. Рисунки конца XVII в.

кремле⁴⁷. Однако было решено, что "на том указанном месте ему, преосвященному архиепископу, двора строить опасно". В том же 1687 г. архиепископ Афанасий снова бил челом: "Есть де выше Архангельского деревянного города от рву к соборной церковной земли смежено от Двины реки государской земли малое число, а на той земле де земли поставлены лавченки и шалаши молотчих людей", и тут, по мнению Афанасия, "двор построить можно, а тесноты никому не будет, а лавченки можно снести". На указанном месте стояло тридцать лавок, которые были переписаны. По царской грамоте их было велено снести "и отвезти ему, архиепископу, под дворовое место ево строение на пригорке, а по досмотру и по мере тое земли повыше Архангельского города от Двины реки подле рва до прежней дороги пятнадцать сажень, а ото рву поперег той земли и с лавочными месты по угору до церковной земли восемь сажень, а подле проезжую дорогу девять сажень"⁴⁸. Архиепископское подворье простояло на этом месте, как известно, до 1775 г. ("дом архиерейской деревянной со всем дворовым строением пришел в крайнюю обветшалость"). Архиерейский дом на рисунке конца XVII в., когда решался вопрос о переносе двора архиерейского на окраину Архангельска близ Архангельского монастыря, помещен именно там, где указывают письменные документы, — на берегу Двины, близ угла деревянного "города"⁴⁹. Важно отметить, что архиепископское подворье никогда не располагалось на территории "города"-крепости.

Следы последнего дерево-земляного укрепления в Архангельске — а по существу, городища XVI—XVII вв. — отчетливо читаются на планах Архангельска вплоть до начала XIX в. В 1792 г. В. В. Крестинин писал, что наружный ров деревянной крепости превратился "в болото, видимое близ нынешних церквей, Троицкой соборной и Воскресенской приходской"⁵⁰.

Сохранилось несколько почти одинаковых (многие из них — "ученические" копии) планов Архангельска XVIII в., на которых отчетливо видны следы дерево-земляных укреплений — план 1740 г.⁵¹ и план 1760 г., выполненный "кондуктором А. Тучковым"⁵². Можно указать на еще один план — план 1760 г., который "с натуры проверял и сочинил инженер-квартирмейстер Александр Вахтин"⁵³. Конфигурация трассы рва передает характер традиционной планировки дерево-земляных

Рис. 12. Архангельский деревянный "город".
Фрагмент рисунка конца XVII в.

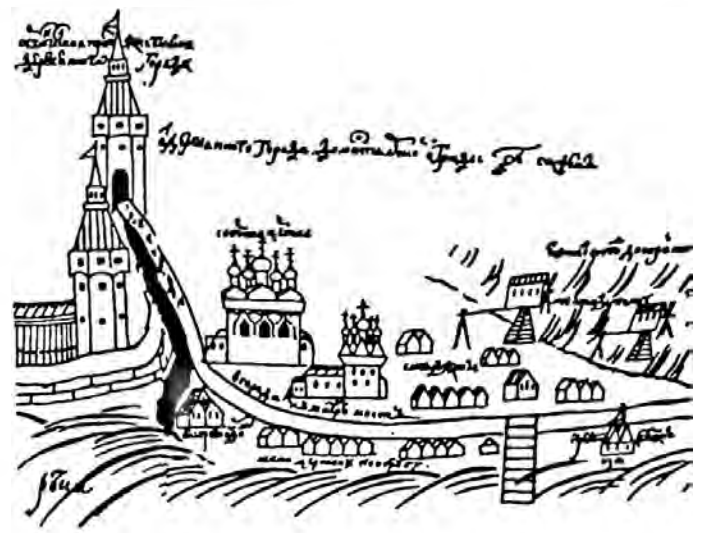

Рис. 13. Архангельский деревянный "город".
Фрагмент рисунка конца XVII в.

укреплений на Пур-наволоке начиная со второй половины XVI в. — регулярность всех прясел крепости, форму трапеции ее плана.

Планы XVIII в. дают возможность реконструировать общую структуру последнего дерево-земляного укрепления в Архангельске (на планах не зафиксирован набережный фас крепости, потому что эта часть городища уже упала в реку). Крепость утратила и вал — земляную осыпь — площадку, на которой лежали окладные бревна тарас и был вкопан "стоячий острог". Осталась только трасса рва, который засыпался по мере надобности. Из крепости эпохи XVII в. на планах остались лишь каменная пороховая палатка ("полатка каменная ветхая"), построенная в 1647 г., и глухая угловая шестиугольная башня, стоявшая на юго-западном углу острога (на планах она обозначена как "башня деревянная старого города"). Почти на всех планах XVIII в. на территории бывшей крепости к северу от деревянной церкви Покрова изображена еще одна шестиугольная деревянная башня, которая к трассе древней крепостной стены не имела никакого отношения. Ситуацию проясняет один любопытный документ 1728 г. — дело о переносе городской башни; к документу приложен "Чертеж башням деревянным у города Архангелского, которые близ двора его императорского величества, в котором жительство имеет генерал-лейтенант и ордина Святаго Александра ковалер и губернии Архангелогородской губернатор господин Лихарев"⁵⁴. Чертеж 1728 г., являясь своеобразным "проектом" переноса башни, содержит ценную информацию об этой части старинной крепости. В юго-западном углу крепости стоит шестиугольная глухая башня (это она нарисована на всех планах XVIII в.), к ней вплотную примыкает двор, где жил губернатор Лихарев. Государев двор, он же и двор губернатора, представлял собой большой по площади жилищно-хозяйственный комплекс, в который входили двухэтажный жилой дом на две половины, с большими крыльцами, поставленными на рундуки, и хозяйственные постройки вдоль западной и южной сторон двора. С восточной и северной сторон двор имел ограду, ворота и приворотную избу. Немаловажным было то, что двинской берег на трассе — перед угловой крепостной башней и вдоль всего губернаторского двора — имел прочный и широкий обруб (вероятно, тарасы, заполненные булыжным камнем). Далее, по течению Дви-

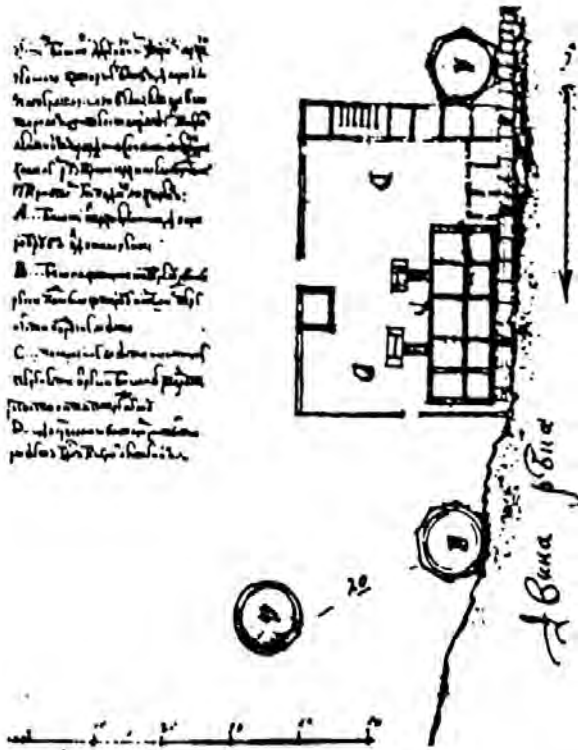

Рис. 14. План 1728 г. губернаторского дома и башен деревянного "города". Проект переноса башни

ны, где кончался обруб и начинался неукрепленный берег, чертежник очень доходчиво изобразил характер береговой эрозии. В эту зону разрушения и попала вторая из сохранившихся башен архангельской крепости. О том, что работы по переносу этой башни на новое, безопасное место были осуществлены, свидетельствуют планы второй половины XVIII в.: эта перенесенная после 1728 г. крепостная башня стояла к северу от храма Покрова, и на некоторых планах она обозначена как "набатная башня".

На рисунках Атласа Архангельской губернии 1797 г. на берегу Двины уже нет ни одной башни бывшего деревянного "города" и только отчетливо видны рвы, выходящие в обрыв реки⁵⁵.

Если до XVIII в. на территории Архангельского "города" и появлялись торговые здания, то это было связано с какими-то чрезвычайными событиями — например, пожарами. По мере увеличения внутригородского товарооборота практически на большей части прибрежной полосы поселения стали формироваться локальные торговые районы, имевшие тенденцию к сливанию. Если посмотреть на планы Архангельска XVIII столетия, то, несомненно, прослеживается эта тенденция. Письменные документы начала века подтверждают это. Так, по "описным" книгам надсмотрителя Гостиной сотни Михаила Пивоварова, составленным в 1711—1712 гг., на территории бывшей крепости стояли:

Государевых 21 лавка, длиннику 35 сажень, поперешнику 4 сажень с аршином, на нынешней 711-й год наемных денег 31 рубль. Всяких чинов торговых людей 63 лавки да лавочное место обще в оброке, длиннику 109 сажень, поперешнику в разных местах 124 сажени 2 аршина 10 вершков. Оброку 57 руб. 17 алт. 2 денги. 11 шалашей, длиннику 8 сажень 2 аршина 9 вершков, поперешнику 3 сажени 10 вершков. Оброку 3 руб. 32 алт. 4 денги, 5 мест лавочных да анбарное порожнее, длиннику 12 сажень 1 четверть, поперешнику 17 сажень без вершка в разных местах, старого оброку 7 руб. 13 алт. 2 денги⁵⁶.

Таким образом, общая протяженность торговых рядов в деревянном "городе" составляла около 350 м. Кроме итоговых цифр, документ содержит подробные

сведения топографического характера (относительно местоположения лавок) и перечисляет их владельцев. Есть, таким образом, возможность сведения письменного источника "наложить" на план деревянного "города", составленный во второй половине XVIII столетия. Мы осознаем, что хронологический разрыв между этими двумя документами достаточно большой и говорить о том, что длина торговых рядов в 1711 г. была точно такая же, как и в 1760 г., вряд ли возможно. Однако логическая связь между ними есть, и мы имеем редкий случай обойти эти торговые ряды, зная, чьи "лавки, и амбары, и чуланы, и шалаша торговых людей" здесь расположены.

Итак, со стороны Русского гостиного двора, со стороны Вознесенской башни (в 1712 г. Вознесенская воротная башня еще функционировала, но на плане ее нет, есть только проход между лавочными рядами в город):

Идучи в город от Вознесенской башни на правой стороне:

Лавка горожанина Ивана Давыдова. Старого оброку рубль восемь алтын две денги, нового окладу шеснатцать алтын четыре денги, обоего рубль дватцать пять алтын.

Лавочное порожнее место Гороцкаго полку бывшего сержанта Осипа Игнатъева жены ево Анны. Старого оброку рубль, а ныне построены на том месте государевы две лавки, найму ряжено с тех лавок на ярмонку воснатцать рублей.

Две лавки на одном окладе горожанина Василья Святоносова да колмогорцов Ивана Пругавина да Ивана Бородина. Старого оброку рубль дватцать три алтына две денги, нового окладу рубль шеснатцать алтын четыре денги, обоего три рубли шесть алтын четыре денги.

Две лавки на одном окладе горожанина Андрея Гоголева. Старого оброку рубль девять алтын две денги, нового окладу рубль шесть алтын четыре денги, обоего два рубли шеснатцать алтын.

Анбарное порожнее место каргополца Степана Семенова сына Киприяновых. Старого оброку три рубли, а ныне построены на том месте три лавки государевы, отданы в наем в год колмогорцу Михайлу Чюдному, да москвитину Ивану Никитину, да Семену Башмакову, найму ряжено в год с лавки по девяти рублей, итого дватцать семь рублей.

Лавка колмогорца Григорья Барсина, что была вдовы колмогорки Пермьяковской жены Дарьи. Старого оброку рубль три алтына две денги, нового окладу восемь алтын две денги, обоего рубль одиннатцать алтын четыре денги.

Лавка горожанина Ивана Звягина. Старого оброку дватцать алтын, нового окладу шеснатцать алтын четыре денги, обоего рубль три алтына две денги.

Лавка колмогорца Федора Шапошникова. Старого оброку дватцать пять алтын, нового окладу десеть алтын, обоего рубль один алтын четыре денги.

Лавка колмогорца Бориса да Ивана Пругавиных. Старого оброку рубль тринатцать алтын две денги, нового окладу шесть алтын четыре денги, обоего рубль дватцать алтын.

Лавка горожанина Ивана Федорова сына Попова. Старого оброку рубль, нового окладу десеть алтын, обоего рубль десеть алтын.

Лавка горожанина Ивана Свягина. Старого оброку 1 рубль 28 алтын 2 денги, нового окладу 5 алтын, обоего два рубли.

5 лавок на одном окладе горожанина Ивана Прокопьева сына Попова. Старого оброку шесть рублей дватцать восемь алтын.

2 лавки горожанина Андрея Гоголева да Ивана Давыдова. Старого оброку 1 руб. 30 алт., нового окладу 20 алт., обоего два рубли шеснатцать алтын 4 денги.

Лавка горожанина Михайла Немонова. Старого оброку 1 руб. 3 алт. 2 денги, нового окладу 6 алт. 4 денги, обоего рубль десеть алтын.

5 лавок горожанина Ивана Прокопьева сына Попова. Старого оброку четыре рубли десеть алтын.

2 лавки на одном окладе колмогорца Ивана Михайлова сына Микулина. Старого оброку 1 рубль, нового окладу 1 руб. 6 алт. 4 денги, обоего два рубли шесть алтын четыре денги.

3 лавки горожанина Василья Святоносова. Старого оброку 2 руб. 20 алт., нового окладу 8 алт. 2 денги, обоего два рубли дватцать восемь алтын две денги.

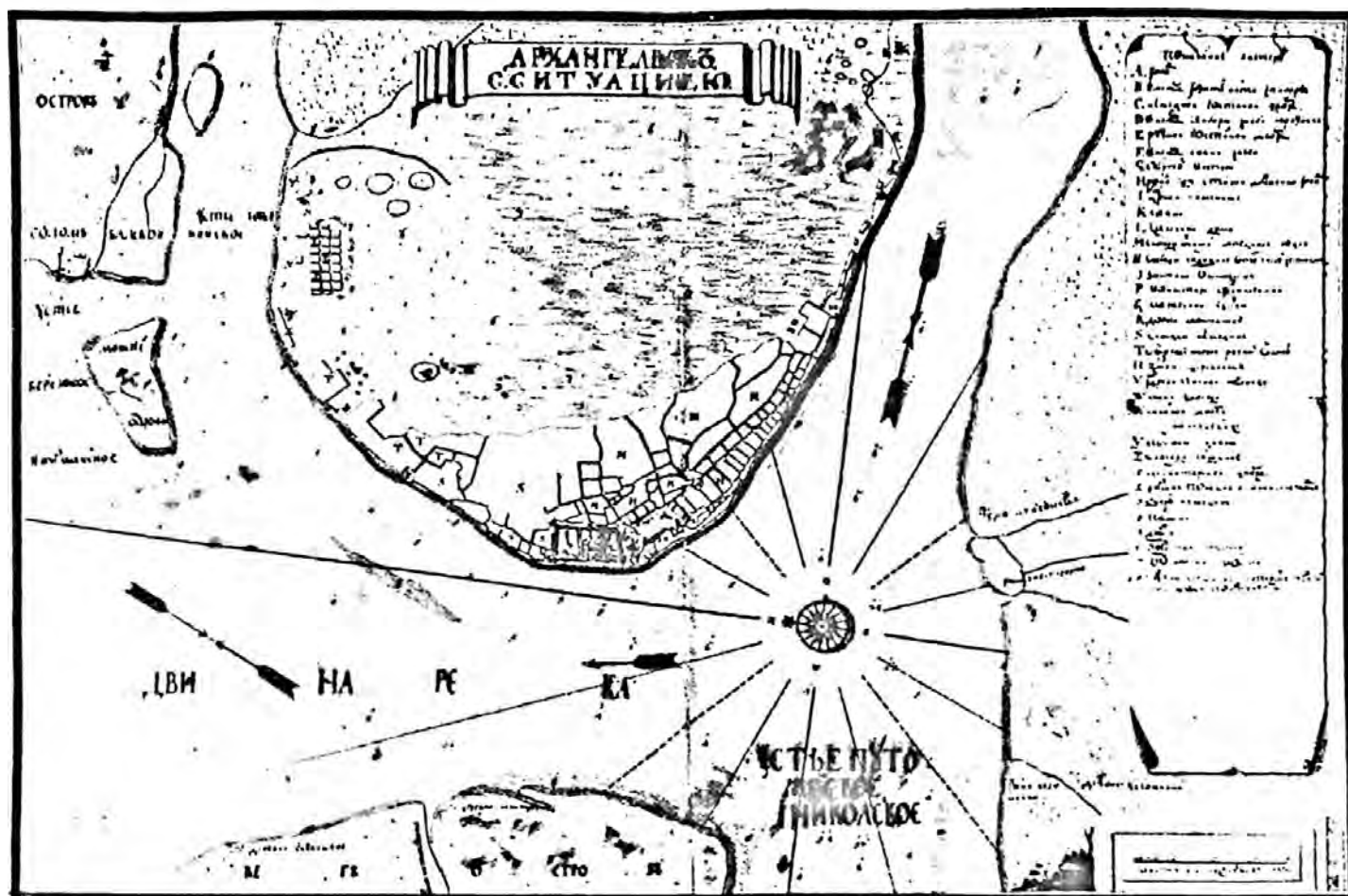

Рис. 15. План Архангельска. Вторая половина XVIII в.

Лавка горожанина Андрея Гоголева, что была за Иваном Звягиным. Старого оброку 1 руб. 16 алт. 4 денги, нового окладу 5 алтын, обоего рубль двадцать один алтын четыре денги.

Две лавки на одном окладе горожанина Осей Кирова. Старого оброку рубль десять алтын, нового окладу два рубли, обоего три рубли десять алтын.

Лавка колмогорца Никифора Горохова. Старого оброку двадцать три алтына две денги, нового окладу десять алтын, обоего рубль.

Архангельского монастыря семь лавок на одном окладе. Старого оброку рубль шесть алтын четыре денги, нового окладу рубль тринадцать алтын две денги, обоего два рубли двадцать алтын.

На безоброчном порозжем месте построены государевы 6 лавок малых и отданы в наем сего 712-го году августа с 1-го числа июля по 1-е число 713-го году каргопольцу Василию Лазареву, найму ряжено с лавки по 4 рубли, итого 24 рубли.

Далее надсмотрщик Михаил Пивоваров предлагает продолжить осмотр также от Воскресенской воротной башни, но уже вдоль левой стороны торговых рядов:

В том же деревянном городе, идучи от тое ж вышеписанной Воскресенской башни, на левой стороне:

Две лавки на одном окладе колмогорца Григорья Барсина, что в окладе колмогорки вдовы Дарьи Пермяковской. Старого оброку рубль тринадцать алтын две денги, нового окладу двадцать алтын, обоего два рубли.

Лавка, что была каргополца Якова Ладогина, ныне владеет горожанин Иван Звягин. Старого оброку тридцать алтын, нового окладу двадцать алтын, обоего рубль шестнадцать алтын четыре денги.

Лавка Гостиной сотни Федора Баженина. Старого оброку двадцать алтын, нового окладу тринадцать алтын две денги, обоего рубль.

Четыре лавки горожанина Ивана Звягина на два оклада. Старого оброку три рубли тринадцать алтын две денги, нового окладу рубль шесть алтын четыре денги, обоего четыре рубли двадцать алтын.

Лавка горожанина Михаила Галкина, что была ярославца Ивана Кемского. Старого оброку рубль двадцать три алтына две

денги, нового окладу три алтына две денги, обоего рубль двадцать шесть алтын четыре денги.

Лавки колмогорца Григорья Барсина, что была во владенье колмогорки вдовы Дарьи Пермяковской. Старого оброку рубль шесть алтын четыре денги, нового окладу шестнадцать алтын четыре денги, обоего рубль двадцать три алтына две денги.

Лавка колмогорца Аврама Дудина, ныне владеет сын его Василий. Старого оброку рубль три алтына две денги, нового окладу тринадцать алтын две денги, обоего рубль шестнадцать алтын две денги.

Лавка горожанина Ивана Федорова сына Попова. Старого оброку рубль двадцать четыре алтына четыре денги, нового окладу пять алтын, обоего рубль двадцать девять алтын две денги.

Лавочное порозжее место ярославца Наума Кемского. Старого оброку рубль шесть алтын четыре денги, а ныне построены на том месте две лавки государевы, отданы в наем горожанину Ивану Галкину да Никифору Лебедеву, ряжено с лавки в год по осми рублев, итого шестнадцать рублев.

Лавка горожанина Григорья Мелехова. Старого оброку двадцать шесть алтын четыре денги, нового окладу шесть алтын четыре денги, обоего рубль.

Лавка колмогорца Дмитрея Онегина. Старого оброку рубль десять алтын, нового окладу восемь алтын две денги, обоего рубль осмнадцать алтын две денги.

Лавка колмогорца Михаила Шапошникова. Старого оброку рубль три алтына две денги, нового окладу пять алтын, обоего рубль осм алтын две денги.

Лавка Спаского собору казенная. Старого оброку пять алтын, нового окладу шесть алтын четыре денги, обоего одиннадцать алтын четыре денги.

На том же вышеписанном с казенною лавкою окладе лавка колмогорца Ивана Бородина. Старого оброку тридцать два алтына четыре денги, обоего рубль пять алтын четыре денги.

Лавка горожанина Ивана Звягина, что была каргопольца Семена Маркова. Старого оброку рубль шестнадцать алтын четыре денги, нового окладу три алтына две денги, обоего рубль двадцать алтын.

Две лавки горожан Андрея Гоголева да Ивана Давыдова. Старого оброку рубль девять алтын две денги, нового окладу рубль, обоего два рубли девять алтын две денги.

Две лавки на одном окладе Гостиной сотни Дмитрия Филова. Старого оброку пять рублей, нового окладу один алтын четыре денги, обоего пять рублей один алтын четыре денги.

На порозжем месте построены 6 лавок малых в 712-м году, отданы разных городов торговым людем — каргопольцу Василью Лазареву 2 лавки, устюженину Григорью Брагину лавка, Москвичю Ивану Никитину лавка, вологженину Дмитрию Лебедеву лавка, тотемцу Федору Каминскому лавка. Наемных денег с лавки по 3 рубли, итого 18 рублей. Сего 712-го году августа с 1-го числа июля по 1-е число 713-го года.

В Описной книге 1712 г. не указаны “анбары российский купечества” в северо-западном углу деревянного “города”, а также лавки в том месте, где раньше находилась Архангельская башня, — все эти строения присутствуют на планах второй половины XVIII в., что может свидетельствовать об увеличении в дальнейшем торгового потенциала на территории крепости.

Объем военно-оборонительных мероприятий на Пур-наволоке начиная с 80-х годов XVI в. значителен. К концу XVII столетия “государева корабельная пристань” обладала мощным военным потенциалом: на берегу стояли деревянный девятибашенный острог и каменный комплекс — Гостиные дворы с Каменным городом. В 1675 г. Архангельск получил дополнительные передовые укрепления на двинских островах в устье — “для корабельного приходу 3 роската деревянные”, а в начале XVIII в. мощную Петропавловскую крепость на Малой (Новой) Двинке (так называемая Новодвинская крепость).

Несколько слов о двух оборонительных проектах (или, точнее, “прожектах”), которые так и не были осуществлены.

Повышение обороноспособности Архангельского “города”, безопасности северного торгового порта имеет место на протяжении всего XVII в. Летом 1646 г. из Москвы на Двину поступил запрос — можно ли построить в Березовском устье Северной Двины каменные башни по берегам, чтобы запереть цепями этот судоходный рукав реки⁵⁷. Двинской администрации велено было “сметать подлинно: сколько на те башни камни бутового и белого, и кирпичю, и извести, и на связи железа, и на сваи лесу, и на кровлю тех башен тесу, и на цепи железа ж надобно”. Предполагаемый проект поражает своей грандиозностью. Ответ “с Двины” отражал истинное положение дел: некому было даже составить смету, т. к. никто не знал, сколько надо строительных материалов (“не ведают, потому что у Архангельского города и в низовских волостях каменщиков и кузнецов больших нет, и каменного дела никто не делывал”). Кроме того, из Поморья ответили, что укрепить каменные башни на песчаных низких берегах двинских протоков против ледохода “не мочно”. Так проект, родившийся в недрах Посольского приказа, был там же и похоронен. Тем не менее создание в двинских устьях целой системы оборонительных сооружений многим казалось не только реальным, но и крайне необходимым делом. В 1658 г. в докладной выписке о производстве торговли в Архангельске Васья Шорин “с товарищи” предложил провести ряд мероприятий⁵⁸.

1) иностранные корабли, подходя к городу, должны убрать паруса и бить челом, “а буде не спустят парус и челом не ударит, и их по парусам с города бьют из пушек”;

2) “...а для крепости надобно на двинском устье устроить надолбы наплавные, и сомкнуть чепми железными, и поставить на якорях, а у тех надолб, чтоб

великий государь указать быть для обереженья на караулах сотникам стрелецкие и стрельцом с пушками по тех мест”;

3) иноземные корабли проходят через проходы в этих заграждениях только после “досмотра” на караулах.

Эти предложения были направлены на обеспечение “защищенности” архангельской “корабельной пристани” от внезапного вторжения военных кораблей, на установление строгой регламентации в жизни русского морского порта-крепости.

Военные усилия Московского государства, направленные на укрепление своих границ, требовали огромного количества огнестрельного вооружения — как стрелкового, так и пушечного — крепостного и осадного. Укрепление северных рубежей и постройка целого ряда крепостей на беломорском побережье повлекли за собой присылку огнестрельного “наряда” из центральных областей государства. Речь шла о создании северного арсенала.

Производство огнестрельного оружия на месте, в Подвинье, не получило широкого распространения, хотя известно, что в 1611 г. в Сумском остроге “кузнец самопальник” Сава сковал 6 самопалов с замками в казну Соловецкого монастыря, а кроме того 5 стояков к самопалам⁵⁹. В 1603—1613 гг. в Соловецком монастыре ковались такие виды огнестрельных орудий, стреляющих “дробом”, как тюфяки⁶⁰. Развитие беломорской торговли способствовало превращению северных морских “ворот” страны в крупного поставщика военного снаряжения как для нужд северных крепостей, так и для всего государства. При этом следует отметить, что правительство участвовало не только в единичных сделках с иноземными купцами, но и стремилось установить постоянную связь со своими иностранными торговыми агентами⁶¹. Причем первые сведения о закупках у иностранных купцов военных припасов относятся к самому началу 80-х годов XVI в., еще до основания “государевой крепости” на Пур-наволоке. Так, в июне 1581 г. с крестьян Куростровской волости взимались деньги на найм судов и подвод под “государскую казну под медь, и под свинец, и под серу горючую, что привез ко государю Шпанские земли гость Иван Девел”⁶². Нидерландский торговец Аврам Горкой в начале XVII в. “привозил из-за моря к Архангельскому городу, и к Вологде, и в Ярославль зелье, и свинец, и всякие пушечные запасы и в государеву казну привозил по своей цене”⁶³.

В 1614 г. царь предложил нидерландским торговцам уже в следующем году привозить в Архангельский “город” и порох, и воинские припасы⁶⁴. В октябре 1612 г. “литовские люди” намеревались перехватить идущий из Холмогор вверх по Двине караван с порохом⁶⁵. Вероятно, отправка подобных караванов была не первой. В 1629 г. нидерландцы, в ответ на просьбу царя Михаила Федоровича о присылке 10 000 ружейных стволов, сообщили о готовности их изготовить и попросили прислать из России необходимые образцы (образцы доставили лишь в 1631 г.)⁶⁶. В 1632 г. архангельскому воеводе Василию Черкасскому была послана царская грамота об отправлении в Вологду 12 голштинских пушек. Голштинский посол Отто Брюг объявил о присылке к царю “12 пушек медных с ядры, и с стояки, и со всем пушечным нарядом, что к ним ведется, да и пушкарь Немчин, а посланы те пушки на кораблях к Архангельскому городу”⁶⁷. В 1660—1661 гг. велись переговоры с гостем города Любска (Любека) Яганом

фон Горном о доставке меди и пушек, которые "ему поставить то все у Архангельского города" ⁶⁸. В эти же годы осуществлялись переговоры с иностранным гостем Иваном Гебдоном, который не только доставлял к Архангельску пушки, зелье и принадлежности ручного огнестрельного оружия, но и уговорился вербовать за границей иноземных специалистов — "полковников и иных начальных людей, инженеров и огнестрельного, и гранатных, и серебряных, и золотого, и резного, и иных дел мастеров" ⁶⁹. Все доставляемые в Архангельск "припасы" в обязательном порядке через Вологду и Ярославль поступали в Москву. Правительство стремилось познакомиться с новейшими достижениями европейской военной техники, расширить собственное производство. В 1667 г. в "наказной памяти" гостю Аверкию Кириллову, назначенному на Двину для взимания таможенных и кабацких сборов, указывалось: "А пушечные всякие запасы — зелье, и свинец, и серу, и селитру — велел великий государь русским людям у немец покупать довольно, ...а заказу о пушечных запасах торговым людям не чинить и привозить те пушечные запасы к Москве" ⁷⁰. Во второй половине XVII в. (1672 г.) к услугам иностранных агентов прибегает Соловецкий монастырь: "...да они же де строят три города, Соловецкий город, Сумской острог, Кемский городок, и покупают пушки, и пищали, и всякие пушечные наряды" ⁷¹. Тревожная обстановка на Беломорье заставляла местные власти постоянно заботиться об усилении пушечного "наряда" северных крепостей.

В 1680 г. двинской воевода Ордин-Нашокин отписывал царю о покупке у голландского купца Гартмана 1000 пудов в 330 бочках пороху для Архангельска и

Холмогор, т. к. "у Архангельского города и на Холмогорах наличного пороху 186 пуд" и "без пороху, государь, у Архангельского города и на Холмогорах быть опасно" ⁷². Крупные поставки иностранного оружия для русской армии у Архангельского города зафиксированы на протяжении последних десятилетий XVII в. В 1681 г. царская грамота предписывала двинскому воеводе князю Никите Урусову принять у датского фактора Андрея Бутенанта фон Розентота по подряду "2611 служб рейтарского ружья, карабины с крюки и с перевязми, а пистолы с ольстры половина с медною, другая с железною оправами" ⁷³. Полученное оружие в сопровождении выборных целовальников надлежало сразу же отправить в Вологду. В данном случае речь идет о поставке полных комплектов стрелкового оружия, что можно связать с происходящей реорганизацией русской армии, с появлением полков иноземного строя. Крупный контракт на поставку свинца у Архангельского города был заключен и в 1685 г. с "торговым иноземцем" Ильей Табертом. Деньги Таберт должен был получить в то время, как он тот свинец "поставит сполна" ⁷⁴. Покупая крупные партии свинца у иноземцев во время Архангельской ярмарки, правительство получало крупную экономическую выгоду. На московском рынке свинец стоил 26 алтын 4 деньги за пуд и 8 руб. за берковец, а в Архангельске 17 алтын 2 деньги за пуд и 5 руб. с полтиною за берковец. Учитывая стоимость длительной транспортировки товара, он обходился лишь по 24 алтына 4 деньги за пуд и по 6 руб. 6 алтын 4 деньги за берковец. Экономическая выгода была налицо. Интересные данные о закупке у Архангельска воинских припасов содержит "Архангель-

Рис. 16. План Архангельска с окрестностями. Вторая половина XVIII в.

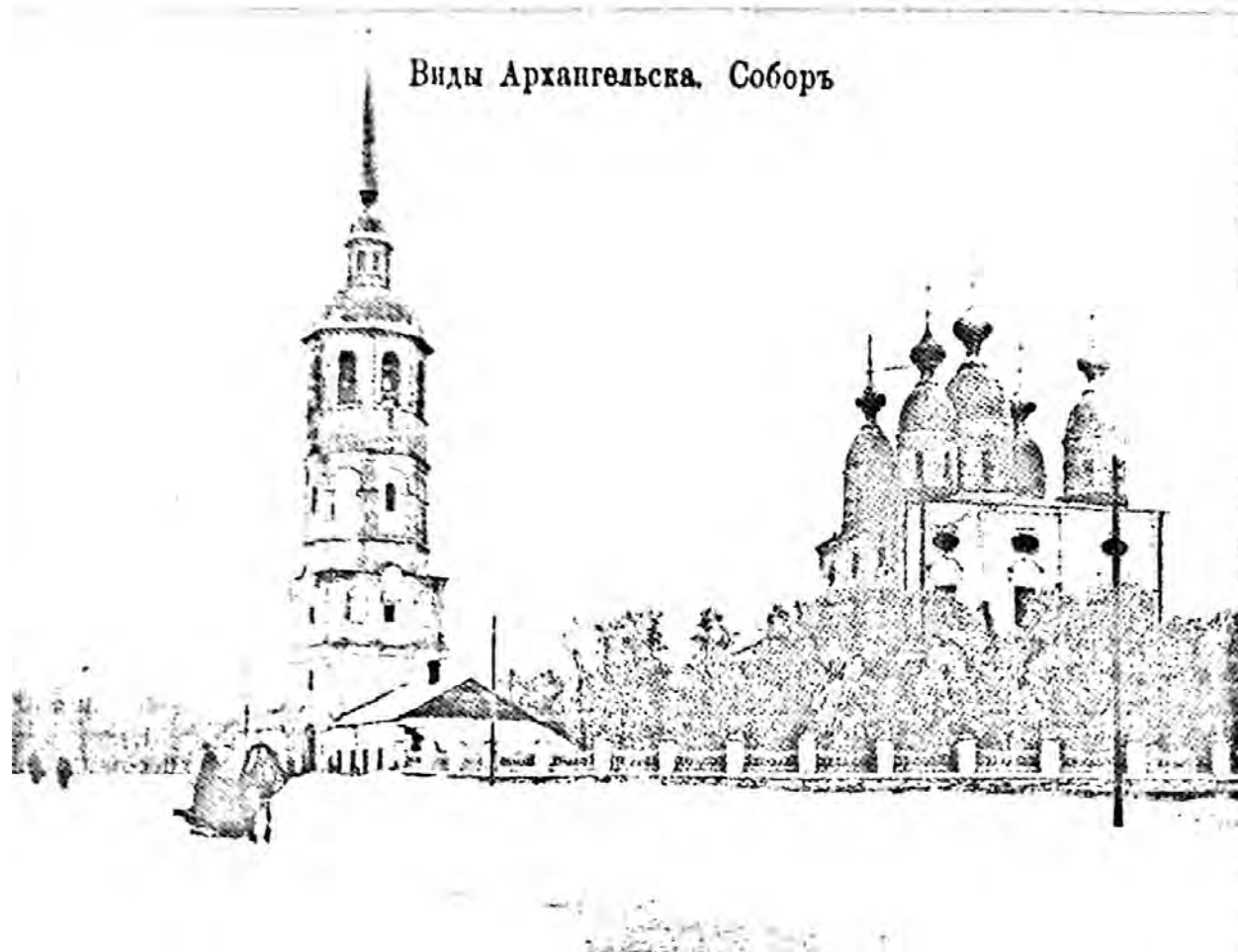

Рис. 17. Архангельск. Троицкий собор. Открытка начала XX в.

ского города сметный список двинским окладным и неокладным денежным доходам...": 9 сентября 1689 г. "отпущено от Архангельского города к великим государям к Москве рейтарского ружья, что вывезено из-за моря к Архангельскому городу к Томасу к фон Келдерману да к гостю к Ивану Панкратьеву две тысячи служеб" ⁷⁵. О закупках военного снаряжения имела государева грамота, "какова прислана в съезжую избу", в которой "писано: велено подрядное рейтарское ружье з Двины к великим государям к Москве отпускать ныне и впредь" ⁷⁶. Уже 24 ноября 1689 г. к Москве было отпущено "рейтарского подрядного ружья, которое принял у Архангельского города гость Иван Панкратьев с товарищи, тысяча служеб с медною оправой, карабины с крюки и с перевязками, а пистолы ольстры Галанской земли у торгового иноземца у Данила Артмана" ⁷⁷. В 1690 г. была сделана попытка заключить торговую сделку с "Республикой соединенных голландских земель" о покупке и вывозе беспощинно в Россию к Архангельскому "городу" 2000 карабинов и пистолей ⁷⁸. Упомянутый уже голландский купец Даниил Гартман подрядился к 1695 г. доставить к Архангельску 3000 мушкетов, "немецких добрых с оправой и с шкоцкими замками" ⁷⁹. Поступало оружие с севера и в начале XVII в., когда русская армия в связи с военными действиями против северных соседей испытывала в нем особенно острую необходимость. Так, царская грамота 1706 г. строго предписывала "свинец, который остался у города Архангельского у иноземцев и у русских людей от прошлогодней ярмарки и который будет в привозе, вновь взять на великого государя по настоящей цене" (куплено было 6136 пудов 36 фунтов) ⁸⁰. В начале XVIII в. через Архангельск продолжает поступать и огнестрельное оружие ⁸¹.

В XVII в. для расширения производства огнестрельного оружия была сделана попытка использовать местных ремесленников в различных районах страны. В эти центры рассылались образцы, по которым следовало ковать замки для стрелкового оружия. Заказ распределялся обычно среди замочных мастеров, знакомых с тонкостями слесарной работы. Был такой заказ размещен и среди двинских замочников. Работа оружейников требовала от замочников более высокой специализации. В грамоте 1680 г., посланной на Двину, писалось, что было "велено делать в Москве... и на тульских железных заводах завесные стволы, а замков к тем стволам московские замочные мастера делать не успевают", но замки, сделанные по заказу на Двине и в Новгороде, "деланы худо, не против нашего великого государя указа и образцовых замков" ⁸². Выход был найден: в той же грамоте велено было послать двинских "замочных мастеров" в Москву для освоения тонкого ремесла оружейника. Однако не надо забывать, что Север дал немало первоклассных оружейных мастеров, таких, например, как "кузнецы ствольного дела" вологжане Яков Львов, Иван Москвитин, Карп Прокопцев, Гурей и Потап Федоровы, Исак и Кузьма Ивановы, Константин Зиновьев ⁸³. В арсенале Сольвычегодского деревянного "города" находились пушки местного "усольского дела", т. е. сольвычегодского литья. На одной из местного производства медных пушек было отлито 20 января 1614 г.: "Мастер Мокий Гребенщиков у Соли Вычегодской" ⁸⁴.

Укрепление северных рубежей, возведение военно-оборонительных сооружений привели к сосредоточению на Русском Севере значительного военного потенциала. Из 35 орудийных стволов, имеющих в наличии в Архангельском "городе" в 1622—1624 гг., бое-

Рис. 18. Архангельск. Троицкий собор. Открытка начала XX в.

способными были 32, из них 6 медных, остальные железные. Из общего количества орудий шесть записаны как "немецкие", что свидетельствует о том, что закупка иноземного вооружения уже шла полным ходом. Характеризуя калибр пушек, следует отметить, что большинство из них было мелкого калибра: от 3 до 12 гривенок ядро, а две пушечки дробовые. В Холмогорском остроге по переписи 1622—1624 гг. также преобладали мелкие калибры (от 2 до 6 гривенок ядро). Две пушечки были дробовые, скорострельные, шесть пищалей затинных железных, из остальных шесть медных пищалей и девять железных. К сожалению, документы не дают сведений, какие орудия "немецкие", а какие отечественного производства.

Писцовая книга 1622—1624 гг. указывает в Архангельске пушкарских дворов 6, дворов затинщиков 12. В Холмогорах в это время упоминается только один пушкарский двор. Пожалуй, это можно объяснить лишь тем, что комплектование артиллерийского парка и прислуги к моменту "письма" во вновь построенном остроге еще не было завершено. По данным П. П. Смирнова, в 1628 г. в Архангельске уже было 10 пушкарей и 20 затинщиков, а в 1650 г. 11 пушкарей. Правда, М. М. Богословский называет несколько иное число для Архангельска 1620 г. — 23 пушкаря⁸⁵. Число это для первой четверти XVII в. представляется несколько завышенным. Челобитная архангельских и холмогорских пушкарей и затинщиков осенью 1682 г. дает точную цифру: "...бьют челом холопы ваши Архангельского города и холмогорские пушкар и затинщики Алешка Пругавин с товарищи, тридцать один человек..." Росписной список Архангельского и Холмогорского городов, составленный в 1683 г. при передаче их князем Н. С. Урусовым новому двинскому воеводе

Н. К. Стрешневу, перечисляет холмогорских и архангельских пушкарей поименно⁸⁶. Почти десятилетняя осада Соловецкого монастыря (кстати, малоуспешная) привела в движение северную артиллерию. В челобитной 1682 г. пушкар и затинщики жалуются, что "были в прошлых годах на службе с воеводою с Иваном Мещеряковым под Соловецким монастырем с пушками". Были забраны пушки даже из Онежского Крестного монастыря (5 стволов). Как распределялась впоследствии северная артиллерия, одно время сконцентрированная под стенами Соловецкого кремля?

Некоторые данные дает Описание военным снарядам в Архангельске и Холмогорах в 1683 г.⁸⁷ В Описи указывается незначительное число оружейных стволов — три в Холмогорах и десять в Архангельске, что, безусловно, связано с "соловецким сидением". Об этом же говорит и состав орудий в Холмогорах: оставлены громоздкие, неудобные в транспортировке орудия XVI и начала XVII в. (вес 19 и 30 пудов). В Архангельском "городе", наряду с вполне современными пищалями (покупки 1675 г.), находились орудия 1567, 1615, 1636 гг., все очень громоздкие. Особенно примечательны орудия с подписью мастера Богдана. Богдан — видный русский "пушечный литец", который отлил 18 орудий, причем 9 из них находились на Севере (Архангельск, Холмогоры, Соловки). В Соловецкой крепости находилось в 1668—1676 гг. пять пушек с подписью мастера Богдана, одна из них называлась "Урывок Богдана". Известны орудия Богдана 1554 г. в Смоленске и пищаль 1563 г., откопанная в бывшей Виленской губернии⁸⁸. К XVI в. относится еще одна пищаль — сделана она в 1566 г. мастером Кашпиром. Мастер Кашпир Ганусов — иноземец на русской службе, который прибыл в Россию в начале XVI в. и

изготовил довольно значительное число орудий — известно 10 стволов, подписанных этим именем (три ствола в XVII в. были в Холмогорах, один — в Архангельске в XVIII в.). Одно орудие Кашпира было в составе артиллерии крепости Кирилло-Белозерского монастыря в XVII в.⁸⁹

Наличие незначительного количества орудий, сделанных в XVI в., позволяет рассматривать их как первые партии огнестрельного «наряда», которым снабжался Север в конце XVI—начале XVII в. Стремление усилить обороноспособность южных и западных границ Московского государства привело к тому, что на северные рубежи в 1626—1647 гг. Пушечный двор не поставил ни одного из вновь выпускаемых стволов. Именно поэтому в арсенале Архангельска и Холмогор встречаются орудия начала XVII в. (мастера Кондрата Михайлова), а также иноземные орудия с русскими приписями (иногда и по-латыни). Наличие на Севере отечественных орудий выпуска XVI — начала XVII в. и иноземных — «немецких» привело к большой разнокалиберности. Между тем для русского пушечного производства второй половины XVII в. характерно стремление к производству типового вооружения, уменьшению количества калибров.

Исчерпывающие сведения о пушечном наряде Архангельска, Холмогор и Новодвинской крепости дает Росписной список двинского стольника и воеводы Василия Ржевского, датированный 2 февраля 1702 г.⁹⁰ Согласно этим данным, «всего в Архангельском городе наряду 22 пушки, в том числе 7 пушек медных, да 12 железных, да 3 пушки скорострельных железных», 15 пищалей железных и 2 медных (обе негодные). К этому числу следует прибавить присланные из Холмогор 7 пушек медных и железных. Таким образом, Архангельск располагал зимой 1702 г. 44 стволами орудий, способных вести активный огонь. Однако это еще

не все. На Малой Двине, в Новодвинской крепости, находилось 26 пушек (24 железных и 2 медных) и один медный манжер (мортира). Кроме того, на яхте, которая была построена для Петра I у Архангельского «города», имелось 8 медных пушек. В оружейную казну поступили и те 10 железных пушек, которые были сняты с захваченных на Двине шведских фрегатов и галиота в 1701 г. Еще ранее из Новгородского приказа было «взято для опасения неприятельских шведских людей торговых аглишких и голландских кораблей 3 пушки железных...» Таким образом, у Архангельского «города», в Новодвинской крепости, на государевой яхте пушек, снятых с завоеванных «свейских» (шведских), а также и торговых кораблей, было 100 «да манжер медный». В эту цифру не входят затинные пищали. Можно считать, что в низовьях Двины было сконцентрировано около 125 орудийных стволов (пушек и пищалей). Даже для XVIII в. эта цифра была солидной, однако реальная огневая мощь северной артиллерии была значительно ослаблена из-за отсутствия ядер нужных калибров.

В 1697 г. воевода Федор Апраксин доносил в Москву: «...по досмотру моему, холопа твоего, у города Архангельского явились у пушек больших и средних станки и колеса худы и к стрельбе не годны, а у иных пушек станки же и колес не было», и по его указу было «зделано вновь 26 станков колесы, а колеса вновь же зделаны — покованы железом со всякою твердостью...»⁹¹ Этот же документ содержит сведения о полковых архангельских знаменах:

Роспись сколько какова полкового урядства на Двине в бытность ближнего стольника и воеводы Федора Матвеевича Опраксина в трех приказах построено.

В Городецком приказе.

Знамя полковое большее, шито золотом и серебром и разными шелками по красному отласу; на первой стороне вверху об-

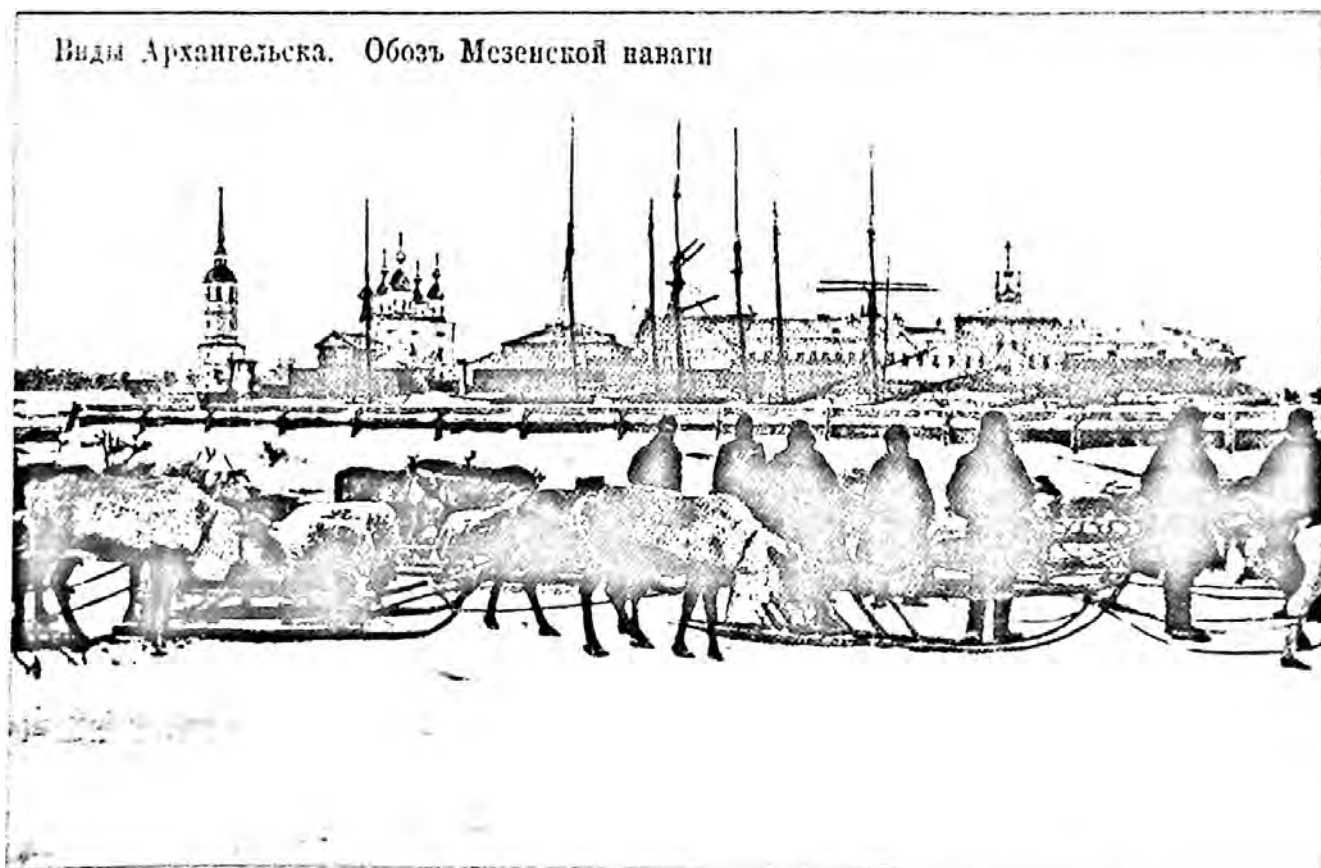

Рис. 19. Архангельск. Вид на город с Северной Двины. Открытка начала XX в.

раз господина Саваофа и осенение звезда, в середине образ Рождества Христова, по сторонам образы Архангела Михаила да Сергия Радонежского и чудотворца. Внизу город Архангельской, на другой стороне того знамени сверху образ знамения Пресвятой Богородицы, в середине Московского государства герб — орел двоглавый, по сторонам образы апостола Петра да Алексея человека Божия, внизу город же Архангельской, а около середины летопись. В каймах шито золотом и серебром, на полях круг, середины на камке шиты звезды; 4 протазана да 4 алебарды позолочены на древках позолоченных же с кистями золотыми и серебряными из разных шелков с чехлами; 4 копья позолоченные на древках со значками тафтанными; 3 пищали в ложах крашенных з борошнями; 9 багров; 2 вилы железные...

От Колмогорских.

В Русском приказе.

Знамя полковое, первое шито по красному отласу золотом и серебром и разными шелками, на одной стороне образ Богоявления Господня, на другой стороне образ Пресвятой Богородицы Благовещения; кругом по полям шито камки травчатые разных цветов; у того знамени древко с яблоком разным золоченым; 50 копей железных полковых и значки тафр разных цветов; 3 бердыша больших полковых, 4 багра большие, 27 багров средних, 3 вилы железные.

В Гайдуцком приказе.

Знамя первое полковое, шито по алому отласу золотом и серебром и разными цветами шелками, в середине образ всемирлостивого Спаса в облаче в молении, по сторонам образы Архангела Михаила да святого пророка Иоана Предтечи, а на другой стороне, в середине, образ Знамения Пресвятой Богородицы в молении, по сторонам образы апостолов Петра да Алексея человека Божия. А на том знамени на обеих сторонах вышиты Московского государства герб — два орла двоглавых и кругом тое и всего середине до обеих сторонам вышито красным золотом летопись большими словами, а подле летописи кругом кайма камчатая голубая, а на той же кайме писаны листовым золотом вкруг по обеих сторонам херувимы и серафимы, местами звезды; поля у того знамени камчатые желтые, у того знамени древко с яблоком резным золоченым; 4 протазана, 4 алебарды золочены листовым красным золотом, с кистями шелковыми, а древки у тех протазан и алебардов витые, золочены листовым серебром, 4 барабана писаны разными цветными виницейскими красками, багор большой, средних 4, малых 30, 4 вилы железные...⁹²

На наш взгляд, есть основания говорить о трех больших строительных мероприятиях в истории Архангельского деревянного кремля (1582—1596 гг., 1636—

1637 гг., 1670—1672 гг.), что связано с выдающейся ролью Архангельска как порта-крепости. Значительные "подвижки" артиллерийского парка Архангельского Севера в начале XVIII в. связаны с бурными событиями того времени, происходящими непосредственно на Севере, и артиллерийская "тема" в этом контексте нуждается в специальном рассмотрении, тем более что наиболее важные документы уже опубликованы⁹³. Одновременно с этим обязательно нужно отметить и другое: в 1678 г. приехавшие из Москвы "градодельцы" Петр Марселис и Вилим Шарф должны были решить одну важную и актуальную для России задачу — оформить лицо Архангельска, придать его военному и торговому комплексам современный европейский характер. Другой причины посылать иностранных специалистов в далекий от Москвы Архангельск не было. Восстановить деревянный "город" по "старой основе" могли и русские градодельцы (что, кстати, они и сделали, а потом и Дмитрий Старцев, упростив строительную задачу, окончил стройку с использованием традиционного для Руси с XVI в. набора архитектурных приемов). Отдельно стоящий Каменный город должен был иметь, несомненно, бастионную систему и, как планировалось первоначально, напоминать заложенную в 1700 г. Петропавловскую Новодвинскую и Петропавловскую Невскую (1703 г.) крепости. Жизнь внесла свои коррективы в проект: вместо двух гражданских каменных построек — отдельно стоящих каре Русского и Немецкого гостиных дворов с большими парадными воротами, выходящими на площадь между ними, — появился гибридный полувоенно-полугражданский сооружение с башнями, глазницами бойниц и боевыми зубцами типа "ласточкина хвоста". Безусловно, во время военной опасности комплекс каменных сооружений намного усилил бы обороноспособность даже Архангельска, что и произошло, когда шведская эскадра появилась в 1701 г. в устье Северной Двины.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Росписной список Архангельска и Холмогор. 1683 г.

Росписной список приема городов Архангельска и Холмогор боярином и воеводой Николаем Константиновичем Стрешневым от князя Никиты Семеновича Урусова. 1683 г. //

В Архангельском городе наряду: //

л. 1 об.

В Архангельской башне в проезжих воротех в нижнем бою пищаль медная московского литья в станку на колесах длиною 4 аршина, вес 53 пуда, а на той пищали вылита надпись по-русски промеж ушей и запалу "Божиею милостию повелением государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси лета 7131 мастер Кондратей Михайлов", а по кружалу к той пищали прибрано 326 ядер весом по 6 фунт ядро. Да к той же пищали на двух чепях железных 3 ядра весом чепь и с ядрами по 12 фунт, а пушкарь у той пищали Федька Буянов. // Пищаль медная московского литья в станку на колесах длиною аршин 11 вершков с полувершком, весом 12 пуд 10 фунт, а по кружалу к той пищали прибрано 755 ядер весом по 3 фунт ядро, а пушкарь у той пищали Ивашко Боранов, а подписи на той пищали нет. Пищаль железная немецкого литья в станку на колесах длиною 3 аршина 2 вершка, весом 56 пуд 20 фунт, а по кружалу к той пищали прибрано 325 ядер весом до 6 // фунт ядро, а пушкарь у той пищали Васка Буянов, а подписи на той пищали нет. Пищаль железная немецкого литья в станку на колесах длиною 3 аршина, весом 54 пуда 10 фунт, а по кружалу к той пищали прибрано 325 ядер весом по 6 фунт ядро. А пушкарь у той пищали Федька Мякушкин, а подписи на той пищали нет.

л. 2

л. 2 об.

л. 3

Две пищали железные немецкого литья в станках на колесах длиною // по аршину по 9 вершков, весом одна 11 пуд 80 фунт, другая 11 пуд 7 фунт, а к тем к двум пищалам в одно кружалу прибрано 146 ядер весом по пол 2 фунта ядро. К той же башне в среднем бою пищаль железная немецкого литья в станку на колесах длиною аршин 9 вершков, весом 9 пуд 5 фунт, а к той пищали по кружалу прибрано 72 ядра ве-

л. 3 об.

- л. 4 сом по пол- 2 фунта ядро, а те три пищали железные куплены // при думном дворянине и воеводе при Федоре Полуехтовиче Нарышкине да при дьяке Афонасе Зыкове у торгового иноземца Голанские земли у Ивана Минеева во 183 году. В летнее время в ярмонку те пищали поставлены бывають на Березовском устье на роскатах, которые роскаты построены на караулах для карабелному приходу. В наугольной башне, которая от Двины реки с верхнюю сторону, в среднем бою пищаль железная немецкого // литья в станку на колесах длиною аршин 9 вершков, весом 10 пуд 37 фунт, а по кружалу к той пищали прибрано 73 ядра весом по полтора фунта ядро. А куплена та пищаль при думном дворянине и воеводе при Федоре Полуехтовиче Нарышкине да при дьяке Афонасе Зыкове у торгового иноземца Голанские земли у Ивана Минеева в 183 году. У той пищали пушкарь Федка Федотов. В Тайницкой башне, которая от Двины реки, // в верхнем бою пищаль медная московского литья в станку на колесах длиною 2 аршина пол 3 вершка, весом 16 пуд 30 фунт, а по кружалу к той пищали прибрано 215 ядер весом по 5 фунт ядро, а пушкарь у той пищали Ивашко Пругавин, а подписи на той пищали нет. В крайней башне, которая от Двины реки, в нижнем бою пищаль железная немецкого литья в станку на колесах длиною // пол 4 аршина, весом 74 пуда, а по кружалу к той пищали прибрано 334 ядра весом во 10 фунт ядро, а пушкарь у той пищали Петрушка Шипицын, а подписи на той пищали нет. В той же башне в среднем бою пищаль железная немецкого литья в станку на колесах длиною пол 3 аршина, весом 46 пуд, а по кружалу к той пищали прибрано 1613 ядер по 5 фунт без четверти ядро, да к той же пищали на // 5 чепях по 2 ядра да чепь весом всякая чепь и с ядрами по 80 фунт с полу фунтом, а пушкарь у той пищали Андришка Резвого, а подписи на той пищали нет. В той же башне в верхнем бою пищаль медная немецкого литья в станку на колесах длиною 2 аршина 3 вершка, весом 21 пуд 15 фунт, а на той пищали промеж ушей и запалу вылит Московского государства герб орел двое-головой, а над главами коруна и в том орле воображен // человек на коне, копьем колет змия, а пониже запалу кругом пищали вылита надпись по латыне "Царь и великий князь Михаил Федорович всеа Русии", а у орла под ногами подпись же "1615 anno", а по кружалу к той пищали прибрано 22 ядра по 2 фунта ядро, а пушкарь у той пищали Федка Дворников. Пищаль железная немецкого литья в станку на колесах длиною аршин 9 вершков, весом 11 пуд 10 фунт, а по кружалу // к той пищали прибрано 73 ядра по полтора фунта ядро, а пушкарь у той пищали Митка Хлепетин, а куплена та пищаль при думном дворянине и воеводе при Федоре Полуехтовиче Нарышкине да при дьяке Афонасе Зыкове у торгового иноземца у Ивана Минеева во 183 году.
- л. 4 об. башне, которая от Двины реки с нижнюю сторону, в нижнем бою пищаль железная немецкого литья в станку на колесах длиною // пол 4 аршина, весом 73 пуд 30 фунт, а по кружалу к той пищали прибрано 340 ядер весом по 10 фунт ядро, а пушкарь у той пищали Федка Пругавин, а подписи на той пищали нет. В той же башне в среднем бою пищаль железная немецкого литья в станку на колесах длиною 3 аршина пол 2 вершка, весом 58 пуд 30 фунт, а по кружалу к той пищали прибрано 325 ядер // весом по 6 фунт ядро, да к той же пищали 50 ядер на сваях железных весом по 6 ж фунт ядро, и пушкарь у той пищали Аверка Истоминон. В той же башне в нижнем бою тюфяк медной в станку на колесах длиною аршин 6 вершков, весом 7 пуд 6 фунт, а пушкарь у того тюфяка Ивашко Сторожев.
- л. 5 л. 5 об. л. 6 л. 6 об. л. 7 л. 7 об. л. 8 л. 8 об. л. 9 л. 9 об. л. 10 л. 10 об. л. 11 л. 11 об. л. 12 л. 12 об.
- В Вознесенской башне в проезжих воротех // в нижнем бою пищаль медная немецкого литья на станку на колесах длиною 4 аршина, а на той пищали повыше ушей на середине вылит Московского государства герб орел двоглавый, а над главами крест, а меж ушей и запалу вылит человек з брадою, на главе коруна, сидит на коне, копьем колет змия, а под конем вырезана подпись по-русски "пищаль", ядро к ней 20 гривенок весом 107 пуд 15 гривенок, пониже запалу кругом той пищали вылита надпись // по латыне "мастер Асверс Костер 1636 Амстердам". А по кружалу к той пищали прибрано 90 ядер весом по 20 фунтов ядро, а пушкарь у той пищали Алешка Пругавин. Пищаль медная московского литья в станку на колесах длиною 3 аршина, весом 32 пуда 10 фунт, а у той пищали повыше запалу вылита подпись по руски "лета 7075 делал Богдан", а по кружалу к той пищали прибрано 215 ядер весом по 5 фунт ядро, а пушкарь у той пищали Стенька Самочерного. // В той же башне в среднем бою пищаль железная немецкого литья в станку на колесах длиною 2 аршина пол 10 вершка, весом 30 пуд, а по кружалу к той пищали прибрано 717 ядер весом во 3 фунта ядро, а пушкарь у той пищали Мишка Татауров, а подписи на той пищали нет. Тюфяк медной в станку на колесах длиною аршин 6 вершков, весом 7 пуд, а пушкарь у того тюфяка Пашка Шейн. //
- В Наугольной башне, которая от болота в нижнюю сторону, в среднем бою тюфяк медной в станку на колесах длиною аршин 6 вершков, весом 7 пуд, а пушкарь у того тюфяка Левка Лебедь. В Наугольной же башне, которая от болота против Затинной слободы, в среднем бою пищаль медная московского литья в станку на колесах длиною 2 аршина 3 вершка, весом 8 пуд // 34 фунта, а по кружалу к той пищали прибрано 22 ядра весом по 2 фунта ядро, а пушкарь у той пищали Ивашко Тестов, а подписи на той пищали нет. Тюфяк медной длиною аршин 6 вершков, весом 7 пуд 10 фунт, а тот тюфяк при думном дворянине и воеводе при Федоре Полуехтовиче Нарышкине во 183 году от стрельбы роздуло, а ныне тот тюфяк положен в анбаре под Приказную избу, потому что он впредь к стрельбе не годен, // а пушкарь у того тюфяка был Петрушка Мостинин.
- Да 15 пищалей затинных железных, да 2 медных вычищены и положены в анбар под Приказную избу. И всего в Архангельском городе наряду 19 пищалей. И в том числе медных 5 пищалей московского литья, 2 пищали немецкого литья железных, 12 пищалей немецкого ж литья, // а к тем ко всем пищалям по кружалам прибрано 5988 ядер железных, да 50 ядер на сваях железных, да 14 ядер на чепях железных же, да сверх того числа 20 ядер железных весом по 25 фунт ядро, и те ядра по кружалам ни к которой пищали не годны, потому что велики. Да 378 ядер железных же весом по фунту ядро, и те ядра по кружалам ни к которой пищали не годны ж, потому что малы. Да 4 тюфяка медных, а к ним // 20 пуд дробы железной, да 15 пищалей затинных железных, да 2 пищали медных, а к ним 3270 ядер свинцовых весом 5 пуд 30 фунт да 3 пищали железных скорострельных.
- Да у Архангельсково ж города под съезжею избою в анбаре 6 пуд фителя. Да у Архангельсково ж города великих государей в зеленом каменном погребе пушечного зелья 171 пуда, 774 пуд 3 фунта свинца, 3 пуда серы горячей, // да в том же погребу зелья же 1000 пуд, и в том числе: ручново 82 пуда 11 фунт, мушкетного 233 пуда 2 фунта, пушечного 684 пуда 23 фунт. А принято то зелье в прошлом во 189 году в авгу-

сте месяце по указу блаженные памяти великого государя царя и великого князя Федора Алексеевича, всея Великая и Малыя и Белая Росии самодержца, и по грамоте ис приказу Большие казны, да сво государев поташ Галанские земли у торгового иноземца у Данила Артмана, и тому зелью отвесные книги за рукою // съезжие избы подьячево Бориса Обухова. В Архангельском же городе на башне колокол вестовой весом 20 пуд 25 фунт. Да в прошлых во 182 и во 183 годах по приказу думного дворянина воеводы Федора Полуехтовича Нарышкина да дьяка Афонася Зыкова у Архангельского города для ярманок и для карабельного приходу на городовую стену на караулы зделано 9 знамен // кумашних и киндяшних, и те все знамена отданы у Архангельского города в Стрелецкой приказ пятисотенному с росписью. л. 13

Блаженные памяти великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича, всея Великия и Малыя и Белая Росии самодержца, две грамоты, каковы присланы на Двину из Новгородского приказу в прошлом во 176 году сентября в 25 день за приписью дьяка Ефима Юрьева да во 180 году мая в 6 день за приписью дьяка // Якова Поздышова, и по тем великого государя грамотам велено город Архангельской и гостинные двory делать каменные против чертежей, каковы присланы с теми грамотами. И те чертежи в съезжей избе у подьячего у Ивана Ростегаева. л. 14

А что по тем великого государя грамотам к строению Архангельского города и на гостинных Руского и Немецкого дворов припасов извести, и кирпичу, и каменный буту, и свай, и песку, и глины, и железа, // и иных к тому строению належащих годностей куплено. И что в котором году, и в которых числей, и у кого имяны, и по чему что куплено, и по чьим пометам за что денег что дано, что у Архангельского города и на тех гостинных Руском и Немецком дворах каменного строения зделано и от дела каменщиком и кузнецом и иным мастеровым у того строения будучи людем жалования давано, и тому всему приходные и расходные столпы и книги // за дьячими пометами и приписями у подьячего у Ивана Ростегаева. А что в остатке на лицо генваря по 25 число нынешняго 191 года от того каменного строения розных припасов, и тому приемные целовальники и дозорные и приемные книги за их руками у Ивана ж Ростегаева. Да в прошлом во 183 году по приказу думного дворянина и воеводы Федора Полуехтовича Нарышкина да дьяка Афонася Зыкова // построено на Двинском Березовском устье на караулах — на Мудьюжском, да на Пудоожском, да на Муравом, да на Соломбальском — для карабельного приходу 3 роската деревянные. И в прошлом во 189 году в сентябре месяце один роскат, которой построен был на Муравом карауле, сгорел. л. 14 об. л. 15 л. 15 об.

РГАДА, ф. 159, оп. 1, д. 100

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Двинской Росписной список. 1702 г.

Росписной список Двинской столника и воеводы Василия Ржевского. // л. 1

Лета 1702 февраля во 2 день по имянному великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича, всея Великия и Малыя и Белья России самодержца, указу, и по наказу, и по грамоте из Новгородского приказа велено быть на Двине воеводою столнику Василию Андреевичю Ржевскому и переменить прежнего боярина и воеводу князя Алексея Петровича Прозоровского бессрочно; и города Архангельской и Колмогоры, грамоты, и дела, и денежную казну, и воинские припасы, и приходные и расходные книги у него принять; и по вышеписанному великого государя указу столник и воевода Василей Андреевич Ржевской на перемену боярина и воеводу князя Алексея Петровича Прозоровского на Двину и на Колмогоры // и к городу Архангельскому приехав; велел города и всякие дела в Приказной полате и денежную великого государя казну описать; а сколько чего по описи явилось у Архангельского города и на Колмогорах наряду, зелья, и свинцу, и всяких пушечных припасов, и в Приказной палате великого государя грамот, и дел, и денежной казны, и писцовых, и переписных, и приходных, и расходных книг, и в поташных анбарах зборново шти четверикового хлеба муки ржаной, и то писано в сей росписи ниже всего подлинно по рознь по статьям. л. 2 л. 2 об.

В Приказной палате.

Книга печатная, в десть, Соборного // Уложения 157 году, какова прислана с Москвы на Двину во 158 году; книга печатная, в полдесть, чиновная, по которой указано приводить выборных людей к вере, прислана с Москвы во 178 году; 2 книги писцов Архангельского города, и колмогорских посадов, и Двинского уезда писма и меры писцов Мирона Вельяминова, каковы присланы с Москвы на Двину во 137 году за приписью дьяка Дементья Образцова; список с писцовых книг, в переплете, // монастырским вотчинам, каков прислан с Москвы на Двину во 170 году за приписью дьяка Дмитрея Шубина; список с переписных книг Ивана Философова да подьячего Козмы Патрикеева, каков прислан с Москвы на Двину во прошлом во 170 году за приписью дьяка Дмитрея Шубина; список с переписных книг от 186 году переписи столника Афанасия Фанвасина, каковы присланы с Москвы на Двину в прошлом во 188 году за приписью дьяка Павла Симанова; // о зборе таможенных пошлин и на кружечных дворах питейные прибыли, каковы присланы с Москвы во 189 году за приписью дьяка Никиты Полунина; великого государя грамоты о всяких делах прошлых лет 1700 и 1701 и нынешняго 1702 годов; отписи и помети о всяких делах прошлых лет и 1700 и 1701 и нынешнего 1702 годов о строении каменной крепости, что строят на Новой Двине, и о приходе к Архангельскому городу торговых кораблей, и о воинских случаях. // И те столпы великого государя грамотам и спискам и всяким вышепомянутым делам некрепленые. Книги приходные и расходные прошлых лет и 208 года и всяким двинским четвертным денежным и хлебным доходам и расходом; книга приходная и расходная зелья и свинцу; государев указ в тетратех о денежных мастерах 170 года за приписью дьяка Матвея Львова; статьи о татех и о разбойниках // 182 года за приписью дьяка Василья Бобинина; список с торговых нового устава 175 года за рукою гостя Ивана Климшина. В Приказной полате 2 шандана, третий ломаной медных; полосмины да четверик медные заорленные для списку хлебных мер, л. 3 л. 3 об. л. 4 л. 4 об. л. 5

- ведро да кпушка медные заорленные для послов и посланников и всяких гонцов, питейные, 2 трубы медные пожарные, // ушат медной мерою в 5 ведер взят с колмогорского кружечного двора во 186 году для того, что он объявился с ведрами не сходен, десятня медная, какова прислана с Москвы на Двину во 189 году, спуск медной с колского ведра, каков прислан ис Колского острога на Двину в прошлом во 115 году для свидетельства о недомерном вине. Великого государя денежной казны налицо: // за проданую клейменую бумагу взято 371 рубль 22 алтын 2 денги, и те денги у целовалников, с крепостей пошлин и писчих денег собрано 305 рублей 18 алтын, и те денги у надсмотрщиков вычетных за хлеб у городцких капитанов 84 рубли, и те денги у подьячего Федора Близнаина, да у Архангелского города в поташном анбаре зборной шти четвериковой муки ржаной 1374 четверти с осминою и с четвериком.
- У Архангелского города наряд:
- л. 6 об. пушка медная немецкого литья // в станку на колесах дл. 4 арш., весом 107 пуд 15 ф., а по кружалу к ней прибрано 77 ядер весом по 15 ф. ядро;
пушка медная московского литья в станку на колесах дл. 4 арш., весом 53 пуд, а по кружалу к ней прибрано 289 ядер весом по 6 ф. ядро;
пушка медная московского литья в станку на колесах дл. аршин 11 вершков с полувершком, весом 12 пуд 10 ф., а по кружалу к ней прибрано 439 ядер по 3 ф. ядро; //
- л. 7 пушка железная немецкого литья в станку на колесах дл. 3 арш. 2 вершка, весом 56 пуд 20 ф., а по кружалу прибрано к ней 289 ядер весом по 6 ф. ядро;
2 пушки железные немецкого литья в станку на колесах дл. по аршину по 9 вершков, весом одна 11 пуд 8 ф., а другая 11 пуд 7 ф., а к тем // пушкам ядро в одном кружале весом по 1,5 ф. и прибрано по 32 ядра к пушки;
- л. 7 об. пушка железная немецкого литья в станку на колесах дл. аршин 9 вершков, весом 9 пуд 5 ф., а по кружалу к той пушки прибрано 32 ядра весом по 1,5 ф. ядро;
пушка железная немецкого литья в станку на колесах дл. аршин 9 вершков, весом 10 пуд 5 ф., а по кружалу к ней прибрано 32 ядра по 1,5 ф. ядро;
- л. 8 пушка медная московского литья // в станку на колесах дл. 2 арш. полтрети вершка, весом 16 пуд 30 ф., а по кружалу к той пушки прибрано 316 ядер весом по 5 ф. ядро;
пушка железная немецкого литья в станку на колесах дл. полчетверти аршина, весом 74 пуда, а по кружалу к той пушки прибрано 182 ядра по 10 ф. ядро;
пушка железная немецкого литья в станку на колесах дл. полтрети аршина, весом 46 пуд, а по кружалу к ней прибрано 316 ядер весом по 5 ф. ядро; //
- л. 8 об. пушка медная немецкого литья в станку на колесах дл. 2 арш. 3 вершка, весом 21 пуд 15 ф., а по кружалу к той пушки прибрано 105 ядер весом по 2 ф. ядро;
пушка железная немецкого литья в станку на колесах дл. аршин 9 вершков, весом 11 пуд 10 ф., а по кружалу к той пушки прибрано 12 ядер весом по 1,5 ф. ядро;
пушка железная немецкого литья в станку на колесах дл. полтрети аршина, весом 73 пуд 33 ф., а по кружалу к той пушки прибрано // 182 ядра весом по 10 ф. ядро;
- л. 9 пушка железная немецкого литья в станку на колесах дл. 3 арш. пол два вершка, весом 58 пуд 30 ф., а по кружалу к той пушки прибрано 288 ядер весом 6 ф. ядро;
пушка медная московского литья на колесах в станку дл. 3 арш., весом 32 пуд 10 ф., по кружалу к той пушки прибрано 316 ядер весом по 5 ф. ядро;
- л. 9 об. пушка железная немецкого литья // в станку на колесах дл. 2 арш. полдесяти вершка, весом 30 пуд, а по кружалу к той пушки прибрано 438 ядер по 3 ф. ядро;
пушка медная московского литья в станку на колесах дл. 2 арш. 3 вершка, весом 8 пуд 34 ф., а по кружалу к той пушки прибрано 106 ядер весом по 2 ф. ядро;
3 пушки железных скорострельных, 15 пищалей затинных железных да 2 медных, одна от стрельбы // переломлена, а другую разорвало.
- л. 10 И всего в Архангельском городе наряду 22 пушки, в том числе 7 пушек медных, да 12 железных, да 3 пушки скорострелных железных.
Колмогорский город деревянной, а по городу 11 башен, а в том городе было преж сего наряду:
пушка железная полуторная немецкого литья в станку на колесах дл. 3 арш. без четверти, весом 35 пуд 10 ф., а по кружалу к той пушки прибрано по 437 ядер весом по 3 ф. без четверти ядро; //
- л. 10 об. пушка железная полуторная немецкого литья в станку на колесах дл. 2 арш. 11 вершков, весом 35 пуд 10 ф., а по кружалу к ней прибрано 32 ядра весом по пол 2 фунта ядро;
пушка железная полуторная немецкого литья в станку на колесах дл. 2 арш. 6 вершков, весом 29 пуд 30 ф., а по кружалу к той пушки прибрано 106 ядер весом по 2 ф. ядро;
- л. 11 пушка медная полуторная московского литья в станку на колесах // дл. 2 арш. 2 вершка, весом 30 пуд 5 ф., а по кружалу к той пушки прибрано 316 ядер весом по 5 ф. ядро;
пушка железная полуторная немецкого литья в станку на колесах дл. полтрети арш., весом 28 пуд, а по кружалу к той пушки прибрано 120 ядер весом по 2 ф. ядро;
пушка железная полуторная немецкого литья в станку на колесах дл. 3 арш. без четверти, весом 36 пуд 20 ф., а по кружалу к той // пушки прибрано 33 ядра весом по 1,5 ф. ядро;
- л. 11 об. пушка железная полуторная немецкого литья в станку на колесах дл. полтрети аршина, весом 23 пуда 20 ф., а по кружалу к той пушки прибрано 439 ядер весом по 3 ф. без четверти ядро;
пушка медная полуторная московского литья в станку на колесах дл. 3 арш., весом 30 пуд, а по кружалу к той пушки прибрано 316 ядер весом по 5 ф. ядро; //
- л. 12 пушка медная полковая немецкого литья в станку на колесах дл. 2 арш. 2 вершка, весом 19 пуд, а по кружалу к той пушки прибрано 120 ядер весом по 2 ф. без четверти ядро.
- Всего Холмогорского города наряду 9 пушек, в том числе 3 пушки медных, 6 пушек железных, 2 железных скорострельных.
- Из вышеписанного числа свезено с Колмогор к Архангелскому городу медных и железных 7 пушек и с ядрами; // а остальные 2 пушки железные, да 2 скорострельные, да 170 ядер оставлены на Колмогорах.
- л. 12 об.

И к городским и колмогорским медным и железным пушкам прибрано по кружалу 5711 ядер; а сверх того 763 ядра ни к которым двинским пушкам по кружалу не годны, и обоево 6374 ядра, в том числе у города Архангелского 4812, на Малой Двине 1662 ядра, да у города в зеленом каменном погребе, да в каменных полатах // 43 ядра на цепях железных, 3 ядра на цепях железных, 2170 пулек свинцовых, 19 пуд дробы железной, 23 ядра полых, 15 ядер чиненых ручных, 111 бочек пороху весом оприч бочешного дерева 745 пуд 36 ф. л. 13

Да иноземца Елизара Избранта у прикащика его Матвея Барса принято 160 пуд пороху да свинцу, который купили бурмистры, 27 пуд 20 ф. // Да взятого з великого государя с яхты свинцу ж 21 свинка с полусвинком, 5 кулей фитиля, 28 полиц железа, 2 пуда серы горячей, 24 мушкета заморские с шкотскими замками да на Архангелской проезжей башни колокол вестовой весом 20 пуд 25 ф. л. 13 об.

На Малой Двине, где новую крепость строят: 30 бочек пороху, весом оприч бочешного дерева 208 пуд 9 ф., // 15 бомбов весом по 15 ф. бомба, 241 ядро ручных чиненых, 11 пуд 80 ф. свинцу в бочке, 2 пуда 20 ф. дробы свинцовой в ящике, да в лотке, да в ушате дробь железная, 20 ф. фитиля, 10 ядер на цепях, 2 ядра на сваях да пушки и мажер, который в пришествие великого государя оставлены у Архангелского города: л. 14

пушка железная дл. аршин полчетверти вершка, весом 7 пуд 5 ф.; //

пушка железная дл. аршин полчетверти вершка, весом 7 пуд 5 ф.; л. 14 об.

пушка железная дл. аршин с четвертью, весом 7 пуд 5 ф.;

пушка железная дл. аршин с четвертью, весом 7 пуд 10 ф.;

пушка железная дл. 2 арш. без 1,5 вершка, весом 20 пуд 35 ф.;

пушка железная дл. 2 арш. без 1,5 вершка, весом 22 пуда; //

пушка железная дл. 2 арш. без 1,5 вершков, весом 21 пуд ф.;

пушка железная дл. 2 арш. без 1,5 вершка, весом 20 пуд 15 ф.;

пушка железная дл. 2 арш. без 1,5 вершков, весом 20 пуд 7 ф.;

пушка железная дл. // 3 арш. 1,5 вершка, вес 57 пуд 20 ф.;

пушка железная дл. 3 арш. 7 вершков, весом 72 пуд;

пушка железная дл. 2 арш. без 1,5 вершков, весом 21 пуд;

пушка железная дл. 2 арш. без 1,5 вершков, весом 20 пуд 30 ф.; //

пушка железная дл. 2 арш. без 1,5 вершков, весом 20 пуд 30 ф.;

пушка железная дл. 2 арш. без 1,5 вершков, весом 22 пуд;

пушка железная дл. 2 арш. без 1,5 вершка, весом 21 пуд;

пушка железная дл. 3 арш. 7 вершков, весом 72 пуд;

пушка железная дл. 3 арш. 2 вершка, весом 56 пуд;

пушка железная дл. // 3 арш. 7 вершков, весом 72 пуда;

пушка железная дл. 2 арш. без 1,5 вершков, весом 20 пуд 20 ф.;

пушка железная дл. 2 арш. без 1,5 вершков, весом 20 пуд;

пушка железная дл. 2 арш. без 1,5 вершков, весом 21 пуд;

пушка медная дл. 2 арш. 3 вершка, весом 19 пуд 31 ф.;

пушка медная дл. 2 арш. без 1,5 вершка, весом 12 пуд 3 ф. л. 17

Всего 26 пушек, в том числе 24 железных, да 2 пушки медных, да манжер медной, ядро к нему по калибру весом 16 пуд. А к пушкам ядра по кружалам к 20 железным по фунту без четверти, к 2 медным да к 14 железным по полутретьи фунта, к 4 железным по полудевяти фунта, да к 2 железным по 6 ф. ядро; // и таких ядер к тем пушкам на Двине нет, и с Москвы не прислано. л. 17 об.

Великого государя на яхте, которая построена у Архангелского города, 8 пушек медных, в том числе:

пушка дл. 2 арш., весом 12 пуд 3 ф.;

пушка дл. 2 арш. 3 вершка, весом 19 пуд 25 ф.;

пушка дл. 2 арш., весом 12 пуд 7 ф.;

пушка медная дл. 2 арш. 3 вершка, весом 19 пуд 25 ф.;

пушка дл. 2 арш., весом 12 пуд и 7 ф.;

пушка дл. 2 арш. 3 вершка, весом 19 пуд 25 ф.;

пушка дл. 2 арш. 3 вершка, весом 19 пуд 30 ф.;

пушка дл. 2 арш. 3 вершка, весом 19 пуд 28 ф. л. 18

И к тем пушкам ядра весом по кружалу к трем полутретьям // к 5 по 3 ф. ядро, и таких ядер с Москвы к тем пушкам не привезено. л. 18 об.

Пушки железные, которые взяты с завоеванных неприятельских шведских фрегата и галета в прошлом 1701 году:

пушка дл. 2 арш. 1,5 вершка, весом 18 пуд 28 ф.;

пушка дл. 2 арш. 1,5 вершка, весом 8 пуд 25 ф.;

пушка дл. 2 арш. без 2 вершков, весом 17 пуд;

пушка дл. 2 арш. без 2 вершков, весом 16 пуд 35 ф.;

пушка дл. 1,5 арш. без полшести вершка, весом 16 пуд 16 ф.;

пушка дл. 2 арш. без 2 вершков, весом 16 пуд 20 ф.;

пушка дл. 1,5 арш. полшти вершков, весом 16 пуд 30 ф.;

пушка дл. 2 арш. без 2 вершков, весом 15 пуд 20 ф.;

пушка дл. 2 арш. без 2 вершков, весом 16 пуд 10 ф.;

пушка дл. 1,5 арш. полшти вершков, весом 16 пуд 20 ф. л. 19 об.

Всего 10 пушек железных, а к тем ж пушкам взято 150 ядер железных по полутрети и по четверти трети фунта ядро; да по указу великого государя, да по грамоте // из Новгородского приказу взято для опасения неприятельских швецких людей торговых английских и галанских караблей 23 пушки железных да 54 ядра двойных болших и малых до приходу прошлой весны торгового каравану. л. 20

И всего у Архангелского города, и на Малою Двинке у Новой крепости великого государя на яхте, и на Колмогорах взятых завоеванных свейских, так же и с торговых кораблей медных и железных 100 пушек да

- л. 20 об. монжер медной. И в том числе у города Архангелского // и на яхте 67 пушек, на Малой Двине 29 пушек железных, да на Холмогорах 2 пушки железных да 2 скорострельных, да 5 пищалей затинных железных и к стрелбе негодных, да на Колмогорах в каменной полатке 15 бочек пороху весом оприч бочешного дерева 123 пуда 9 ф., 21 пуд 25 ф. свинцу, 16 ф. фитилю, бочка да обрез мушкетных замков заржалых и горелых, // на Алексеевской проезжей башни колокол вестовой весом 6 пуд 35 ф.
- л. 21
И всего у Архангелского города, и на Малой Двинке, и на Колмогорах прежнего и приемного у иноземца 1235 пуд 14 ф. пороху. Против Архангелского города за Двиною рекою на Кег-острове великого государя яхта з знамены, с парусы, и с якори, и со всякою снастью, а на той яхте положено для грузу 792 пуда 18 ф. свинцу. // Да ниже Архангелского города в речке Подракулки да военные фрегат и гальет, которые в прошлом в 1701 году взяты недопустя Малой Двинке у свейских неприятельских людей, а с тех фрегата и гальета покладены парусы, и всякие снасти, и знамена, и якори, и канаты в Каменном городе в полате и под Приказною полатою в проезжих воротех, а сколке чево порозно, и тому у кормовшика у Ивана Соловского, который те суды ведать приказаны, роспись.
- л. 21 об.
- л. 22
Да пониже Архангелского города // на Моисееве острову великого государя хоромы построены в прошлом 201 году для пришествия его, великого государя, к Архангелскому городу; в Курейской волости великого государя заморской каравль, которой прислан из Английской земли к Архангелскому городу с ружьем, и с ружейными припасы, и со всяким снастями в прошлом 206 году, а с того каравля пушки, машты, трансы, и парусы, и всякие каравельные снасти обкрали, иноземец инженер Фряс Тиммерман в том же 206 году и иные в приеме иноземца Елизара // Избранта у приказчика его у иноземца у Матвея Барса, и тот каравль той реки Курьи и там мелкое ружье, мушкеты, и мушкетоны, и мушкететы, и копья, и иныя мелкие припасы за капитанским и за солдатским караулом; для досмотру у того каравля выборные целовальники два человека, а сколко какова ружья и припасов и тому у них, целовальников, роспись.

Ржевский

Справил Федор Блезнин

РГАДА, ф. 137, д. 44а

Архангельский Каменный город и Гостиные дворы (строительная история комплекса в XVII—XVIII вв.)

“Архангельские Гостиные дворы” (или даже “Гостиный двор”) — термин довольно поздний, он неточно характеризует тот грандиозный комплекс военно-гражданских сооружений, который был возведен на Пурнаволоке во второй половине XVII в. По существу, речь идет о трех почти самостоятельных сооружениях: Каменный город, Русский гостиный и Немецкий гостиный дворы. Судьба этих сооружений в XVIII в. сложилась не очень благоприятно — значительная часть их была “за ветхостью” разобрана, часть перестроена и к настоящему времени сохранилась очень фрагментарно. Между тем строительная история всего комплекса, его первоначальное архитектурно-планировочное решение и роль в формировании древнего ядра Архангельска — все это заслуживает более детального рассмотрения, чем это было сделано до сих пор⁹⁴. Строительство

1668—1684 гг. явилось одним из самых впечатляющих строительно-технических мероприятий Русского государства 60—80-х годов XVII в. Годы строительства как бы проявили многие стороны экономической жизни чернососного Севера, несомненно, сконцентрировали его ремесленные силы, явились хорошей школой для местных строительных кадров (зодчих, каменщиков). Сохранившиеся письменные документы дают довольно детальную картину организации крупного строительного дела XVII в. — своего рода грандиозную систему строительных подрядов в приготовлении материалов для стройки (дерево, кирпич, раствор, камень, железные детали) и в проведении самих работ (рытье фундаментных рвов, забивка свай, бутровка рвов, кладка стен и т. д.). Опубликованные документы освещают ход строительных работ за 1668—1682 гг.⁹⁵, но неизвестны документы о финальном этапе стройки. Новые материалы по истории рассматриваемого комплекса дали охранные архитектурно-археологические работы, проведенные в 1984 и 1991 гг. в Архангельске на территории бывших Каменного города и Гостиных дворов⁹⁶. Архивный поиск в фондах Государственного архива Архангельской области позволил обнаружить новые документы о судьбе памятника в XVIII в.⁹⁷

Пожар 1667 г. нанес очень ощутимый урон беломорскому порту: “Во 175-м году мая в 16 день, в Вознесенев день, учинился у Архангельского города пожар, а загорелось в мясном ряду в пустом анбаре. И от того пожару мясной ряд, и торговая баня, и немецкие дворы, и гостиные дворы Русские и Немецкие, и таможня, и церкви, которые стояли на нижнюю сторону города близ гостиных дворов, и русских людей анбары и лавки все погорели без остатка”⁹⁸. Несколько ранее — в сентябре 1663 г. сгорели церковь Преображения Господня, колокольня, “и лавки посадских людей, и дворы многие, и все стрелецкие слободы погорели” (“заронили под мост на рогоже уголь огнен”), сгорели церковь Рождества Христова в кремле и Рождества Пресвятой Богородицы в Стрелецкой слободе⁹⁹. Очевидно, что в 70-е годы “государева корабельная пристань” потерпела немалый ущерб. В первую очередь

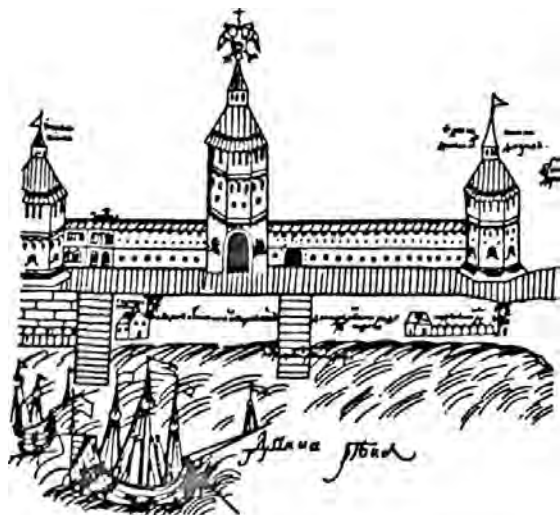

Рис. 20. Архангельский Каменный город.
Фрагмент рисунка XVII в.

были восстановлены приходские церкви: Преображенская с приделами Рождества и Никольским (1664 г.); рядом построен теплый храм Богоявления на месте бывшей колокольни (колокольня поставлена на новом месте); Рождества Христова с приделом Рождества Пресвятой Богородицы (1668 г.); церковь Параскевы на прежнем месте; церковь Воскресения на новом месте (восточнее прежнего, "по край мостовой, на болоте")¹⁰⁰.

Итак, сначала пожар 1667 г., затем трагедия 1669 г. — все эти события предопределили дальнейший, очень длительный градостроительный период в истории Архангельска. В июне 1667 г. по государевой памяти надлежало Петру Гавриловичу Марселису "ехати... к Архангелскому городу для того: в нынешнем во 175 году по челобитью всего Московского государства гостей и всех порубежных городов торговых людей, учинен о торговле с иноземцы Устав; а в Архангелском городе и волею Божиею ныне погорело; а он, Петр, служа великому государю, учинил раденьем своим чертеж, как у Архангелского города размер и основание торговых промыслов товарному складу, и Немецким приезжим дворам, также и городу, и слободам стрелецким, и всех жилецких людей домом, чтоб со всяким добрым и пристойным устроеньем как городской крепости, так и гостиним и жилецким дворам от всякого противного припадку безопасно и осторожно устроены быти"¹⁰¹. Известие очень важное — речь идет о новой военной и гражданской застройке беломорского морского порта, и, судя по всему, Петр Марселис уже составил примерный чертеж и был командирован в Архангельск для его конкретизации непосредственно на месте: "...и Петру Марселису, к Архангелскому городу приехав, осмотреть мест, где у Архангелского города карабленной пристани быть впредь пристойно, на старом ли или на ином месте, где сыщется лутче, чтоб карабленной пристани быть близко берега в пристойном месте... Да ему ж, Петру, досмотреть по берегу, где мочно устроить гостиные дворы и анбары каменные, и в которых местех на то каменное дело камень белой и известь ломать и кирпич делать, и сколь далеко от города; а для того осмотру послан с ним, Петром, мастер Немчин"¹⁰².

Можно не сомневаться, что иностранцы Петр Марселис и Вилим Шарф выполняли здесь определенную и конкретно поставленную задачу по проектированию предстоящего строительства и по обеспечению его необходимым материалом. И не более того. В апреле 1667 г. в царской памяти в Вологду указывалось: "У Архангелского города в нынешнюю ярмонку таможенные пошлины собирать гостю Аверкею Кириллову с товарищи..."¹⁰³ Уже в мае 1667 г. гостю Аверкию Кириллову, назначенному на Двину ведать таможенными и кабацкими сборами, "быти ему на Двине, у Архангелского города, в карабленной приход у таможенного сбора"¹⁰⁴. В обширнейшем наказе Аверкию Кириллову, по существу, раскрывается смысл того новоучиненного о торговле с иноземцами Устава, о котором писалось в памяти Петру Марселису. Смысл этого Устава — сконцентрировать всю заморскую торговлю у Архангельска: "...торговати Московского государства с торговыми людьми всякими товары, приезжая из за моря, у Архангелского города, а к Москве и в городи с товары и без товаров не ездить"¹⁰⁵. Причем вся торговля во время ярмарки велась исключительно в гостиных дворах, а таможенники должны были перекрыть

все каналы и пути тайной торговли, утаивания товаров от досмотра и т. д.¹⁰⁶

Для государства складывалась неблагоприятная обстановка — заморская торговля была сосредоточена у корабельной пристани, уничтоженной дотла пожаром! Вот почему в этой критической ситуации на ключевую должность таможенного головы в Архангельск царь Алексей Михайлович назначает именно Аверкия Кириллова! В 1660—1665 гг. в Москве, к прежнему гостиному двору, возведенному еще в первой половине XVI в., была сделана большая пристройка ("Новый Гостиный двор"), а руководил этим строительством гость Аверкий Степанович Кириллов. Еще Н. А. Бакланова обратила внимание на то, что этот видный русский промышленник XVII в., неплохо разбиравшийся в архитектуре, не случайно был назначен в Архангельск в канун начала там обширной стройки¹⁰⁷. Конечно, правительство рассчитывало использовать его опыт организации строительных работ, уже как бы выверенный при возведении Московского Гостиного двора. Аверкий Кириллов был представителем правительства при Петре Марселисе: "А как к Архангелскому городу учнут из за моря корабли приходить с заморскими с товары, и буде гость Аверкий Кириллов о государевом новом таможенном деле ему учнет говорить к прибыли таможенному сбору: и Петру, по совету с гостем с Аверкеем, о том государевом деле радеть... А в нынешнем с Москвы отпуску будучи им у города по своим чином, у осмотру товаров и у сбору пошлин и в анбарных и дворовых строениях, между собою во всем жить согласно и радетьельно, за всенародное дело милость государскую примут"¹⁰⁸. Надо полагать, Петр Марселис понял особое положение Аверкия Кириллова, т. к. обратился с письмом, в котором по пунктам просил разъяснений ("о чем просит указу"), например: "Чтоб Аверкию Степанову о всем, что к прибыли казне царского величества объемлется, со мною советовал" (ответ — "В памяти Аверкею объявлено"), далее — "Чтоб гость Аверкей Кириллов с мною советовал, где быть гостиному двору и какою величиною тому быть, так ж и городу" (ответ — "К Оверкею о том совете писано"). Петр Марселис также просил — "Чтоб в наказе моем объявлено было, что мне у города Архангелского делать, и чтоб мне список с Аверкиева наказу дан был, чтоб мочно мне к тому примениться"¹⁰⁹.

Какие же плоды дало сотрудничество этих, несомненно, неординарных деятелей? Уже 25 сентября 1667 г. на Двину воеводе Ивану Чаадаеву, дьяку Тимофею Савлуку была прислана грамота: "...велено Архангелской город, и гостиные дворы, и анбары делать каменные, и корабельной пристани быть на старых местех по чертежу, каков чертеж на Двину прислан..., а наперед велено делать гостиные дворы, а город велено делать после гостиных дворов"¹¹⁰. Это событие описано и в Двинском летописце: "Присланы с Москвы на Двину иноземцы градоделцы Петр Марселис да Вилим Шарф, а велено им осмотреть у Архангелского города место, где бы мочно построить город и гостиные дворы каменные. И с ними прислана великого государя грамота и чертежи. И против тех чертежей начаты делать гостиные дворы и город каменной на прежнем месте, где были прежде Руской и Немецкой гостиные дворы"¹¹¹. Строительство гостиных дворов только началось, поэтому в качестве временной меры было решено построить к летней городской ярмарке "на городских порожних местех сто пятьдесят четырехсаженных

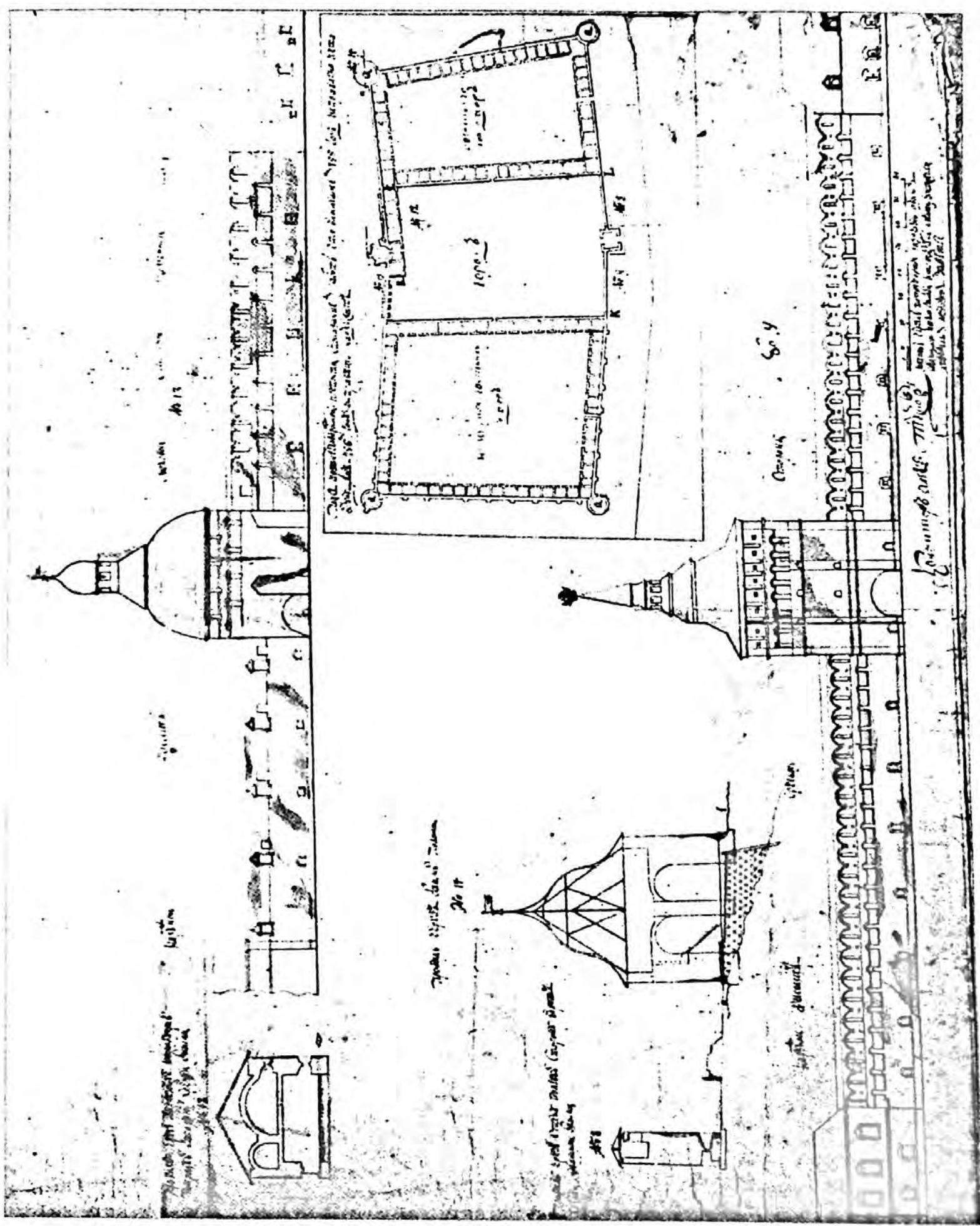

Рис. 22. Архангельский Каменный город (фасады и разрезы) и план комплекса Каменный город и Гостинные дворы. 1755 г.

дощатых амбаров" ¹¹². Строительством ведал холмогорский таможенный голова Исай Трубников, который подрядил "и лес и доски на амбарное строение", но решено было строить "сто двадцать амбаров четырехсаженных же, в них перегородить для мелочных товаров по четыре житья в амбаре". В качестве временной меры "велено для корабленного приходу и ярманке нынешнего 178 году у Архангелского города на старом городском месте поставить острог, а в остроге сделать съезжую избу, и житницы, и воеводской двор против прежнего" ¹¹³.

Таким образом, допожарная, традиционная для Архангельска с конца XVI в. градостроительная ситуация в проектной чертеже в основных своих чертах была сохранена: на прежних местах ставились новые каменные гостиные дворы, на прежнем "городском месте" впоследствии должны были возвести и Каменный город. По иронии судьбы "временная" крепость просуществовала на своем месте довольно долго — следы валов и ров видны были в конце XVIII — начале XIX в. Начало строительства двух отдельно стоящих каменных комплексов — Русского и Немецкого гостиных дворов началось в 1668 г. с заготовки строительных материалов. Вероятно, Петр Марселис и Аверкий Кириллов не должны были непосредственно руководить возведением гостиных дворов, на них лежали более ответственные обязанности — обеспечить четкую организацию строительных работ и финансовое обеспечение стройки. Не случайно уже в апреле 1668 г. в грамоте двинскому воеводе Ивану Чадаеву говорится о поручении Давиду Бутлеру, приказчику голландца Ивана фан-Сведена, "приговорити за морем к государеву каменному делу Архангелского города одного человека каменных дел подмастерья" ¹¹⁴. Правительство

явно искало архитектора или инженера, который мог бы успешно руководить большим каменным строительством. Согласно присланному из Москвы чертежу велено было Русский гостиный двор разместить на участке 90×80 саженей и Немецкий гостиный двор на участке 90×80 саженей (речные фасады дворов до 80 саженей), а между гостиными дворами на участке 90×40 саженей планировалась площадь, защищенная с торцевых со-рокасаженных сторон каменными стенами с воротами. Внутри, на площади, должны были разместиться церковь, два амбара, таможня, важня ¹¹⁵. В 1669 г. была сделана разметка планов гостиных дворов, выкопаны и "набучены в ровен с землею около 300 сажен фундаментных ровов, частью же ров выкопан и сваи набиты, а каменем не бучен", частью еще не копан ¹¹⁶. Полным ходом шла кладка нижних каменных амбаров. Вероятно, вели стройку приехавшие из Москвы 20 мая 1670 г. подмастерье каменных дел Каменного приказа Алексей Марков и подвязчик Мишка Мартынов (64 каменщика прибыли в Архангельск лишь к 28 мая). Правительство все же нашло руководителя для архангельской стройки — в 1669 г. из Москвы был прислан каменных дел мастер иноземец капитан Матис Анцын ¹¹⁷. В январе 1671 г. Матис Анцын повез в Москву отчет — вместе с воеводской отпиской два чертежа. Один чертеж — список "слово в слово" с исходного чертежа, а второй — "чертеж, сколько чего против того чертежа на тех гостиных дворах сделано" ¹¹⁸. С отчетом за работу в 1671 г. отписку и чертеж повез уже подмастерье Дмитрий Старцев в декабре 1671 г., который вместе с подвязчиком Мишкой Сидоровым прибыл на Двину в мае 1671 г. Кроме того, Дмитрий Старцев привез в Москву еще одно воеводское послание и чертеж: именно этим документам суждено было оказать большое

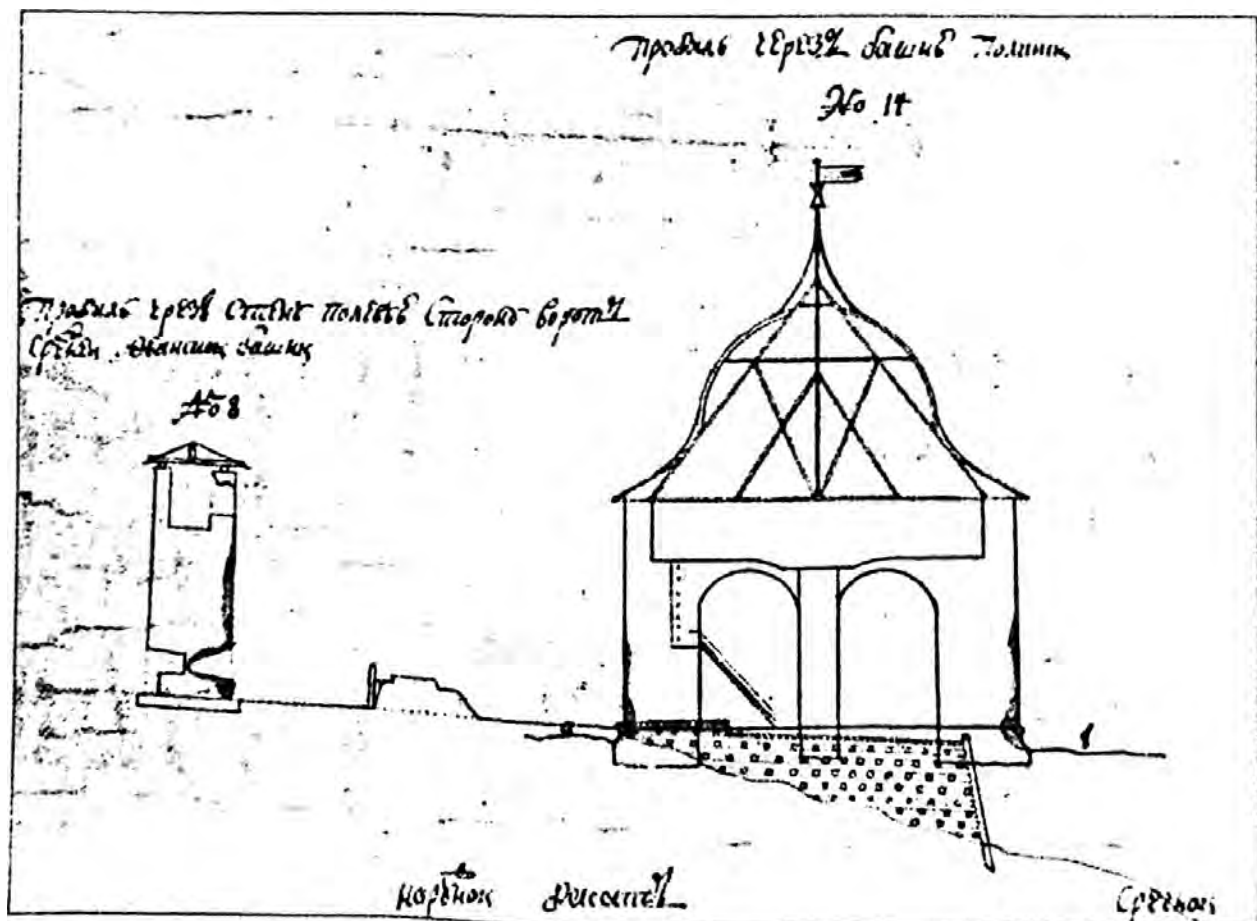

Рис. 23. Архангельский Каменный город. Разрез стены и башни. 1755 г.

влияние на дальнейший ход каменного строительства на Пур-наволоке. В отписке предлагалось изменить первоначальный проект: строить Каменный город на прежнем городском месте не выгодно — "каменному строению во многие годы в совершенстве не быть", поэтому на гостиных дворах "на Руском и на Немецком надобно по стенам и по углам сделать семь башен, а сверх верхних анбаров по стенам круг обеих гостиных дворов сделать бы зубцы и те башни и зубцы учинить на гостиных дворах вместо города, а на старом бы городском месте каменного города вновь не делать" ¹¹⁹.

Одобрение предложения не строить отдельно Каменного города, а "вооружить" комплекс Гостиных дворов дополнительными военными элементами, превратив площадь между гостиными дворами собственно в Каменный город, означало, по существу, новый этап в архангельском строительстве — отказ от первоначального, передового по тогдашним меркам военно-инженерного проекта. Произошли перемены и в руководстве стройкой. К этому времени умер капитан Матис Анцын, и "впредь у того каменного дела без мастера быть не мочно". В Москве было принято единственно верное в той ситуации решение — отменен приезд из Приказа каменных дел подмастерьев каменных дел "по переменам", а на Двину послали Дмитрия Старцева "до тех мест, как каменное строение в совершенстве будет". Вместе со Старцевым в Архангельск ехали также его жена и дети. Любопытна характеристика, данная Д. Старцеву в Приказе: "...и он, Митка, добр, в каменном деле силу знает и радетелен, и с такое дело его стало" ¹²⁰. После одобрения проекта, предложенного вместо прежнего, строительные работы пошли в соответствии с ним: стали возводиться городские стены и башни на углах гостиных дворов и проезжие городские башни на двинском и моховом фасах комплекса. Если первоначально (согласно чертежу) планировалась площадь между Русским и Немецким гостиными дворами 40×90 сажений, то к моменту строительства Каменного города площадь между ними составила всего по двинскому фасу 36 сажений, а "от болота" 19 сажений (согласно документу). Такой была реальная площадка для возведения Каменного города. Письменные документы дают не очень много сведений о характере возводимой крепости. Размеры фундаментного рва от угла Немецкого гостиного двора к воротной городской башне на двинском фасах: длина 26 сажений, "толщиною" в 2 сажени, "сваями набит и выбучен с землею наровне". На трассе городской стены перекинуты 7 палин, в которых сделаны "боевые окна" — бойницы. Толщина стены по верху и с палинами 2 сажени без 16 вершков, а в боевых окнах 1,5 сажени без 6 вершков. Городовая проезжая башня запланирована четырехугольной, "кругом все стены до 3 сажени". Рвы под башню: "толщиною кроме перететивья по 2 сажени, а против перететивья по 3 сажени, а на той башне быть роскату". На "болотном" фасах Каменного города была размерена Тайницкая башня "мерю 8 сажени со стенами, а внутри та башня меж стен 5 сажени, а на той башни быть роскату", под стены копаны рвы шириною 1,5 сажени, "да после для крепости выкопано к тою же башне четыре ямы под быки, и те ямы сваями набиты и збучены". Стены у Тайницкой башни имели толщину меж быками сажень с четвертью ¹²¹.

Башня угловая на Немецком гостином дворе ("от болота") — "башня меж стен 6 сажени с четвертью, а

Рис. 24. Архангельский Каменный город. 1755 г.

стены башенные толщиною по сажени с четвертью ж; среди той башни выкладен кирпичем столб, и на тот столб положены клады, а на кладех намошен мост бревенной" ¹²². Изменение проекта и пристройка к гостиным дворах Каменного города потребовали кое-что переделать в амбарах гостиных дворов — на Немецком гостином дворе в стене двинского фаса "по чертежу в среднем анбаре розобрана стена и сделаны с наружную сторону ворота проезжие, шириною в полторы сажени, а в ширину сажени с двумя аршины без четверти аршина" ¹²³. Более определенные сведения о характере Каменного города содержат не письменные, а графические документы XVII—XVIII вв. Прежде всего это относится к чертежу конца XVII в. (предположительно 1694 г.), хранящемуся в РГАДА ¹²⁴.

Двинской фас Каменного города (его протяженность, по чертежу, 27 и 22 сажений и 8 сажений фасад воротной башни) в плане несколько "переломлен" — прясла к башне-роскату сходятся под углом. На пряслах — 12 палин и 8 палин, в некоторых из них с внутреннего фасада крепостной стены располагались бойницы подошвенного боя. На моховом фасах ("от болота"), по существу, одно прясло крепостной стены с 10 палинами на внутреннем фасаде стены, другое прясло, в котором располагались Приказная палата и проезд на территорию крепости, — часть корпуса, являющегося продолжением Русского гостиного двора. Воротная башня города на этом фасах круглая, воротный проем в башне расположен поблизости от плоскости стенового фаса.

Любопытный чертеж города был выполнен в 1755 г. (связан с ремонтом всего комплекса) ¹²⁵. Так, согласно чертежу, в 12 западинах северного прясла двинского фасада "города" располагались всего 7 бойниц подошвенного боя, на южном прясле в 8 западинах — 7 бойниц, а на фасах "от болота" в 10 западинах — 5 бойниц. Большой интерес представляют и верхние части городских стен, как бы "отсеченные" от нижних частей валиком — тягой. Ритмические нишки с выступающим валиком в верхней части живо имитируют бойницы навесного боя (скорее всего, это декор, а не бойницы). Бойницы верхнего яруса боя по вертикали не совпа-

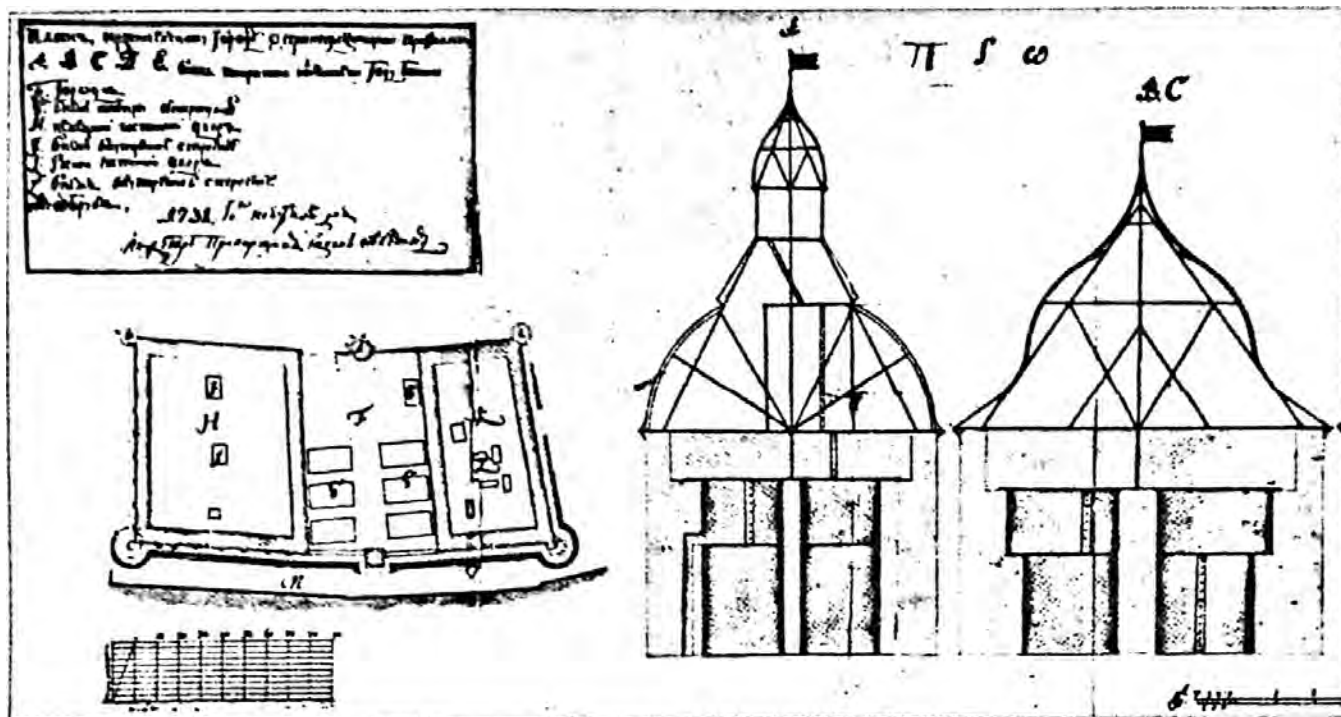

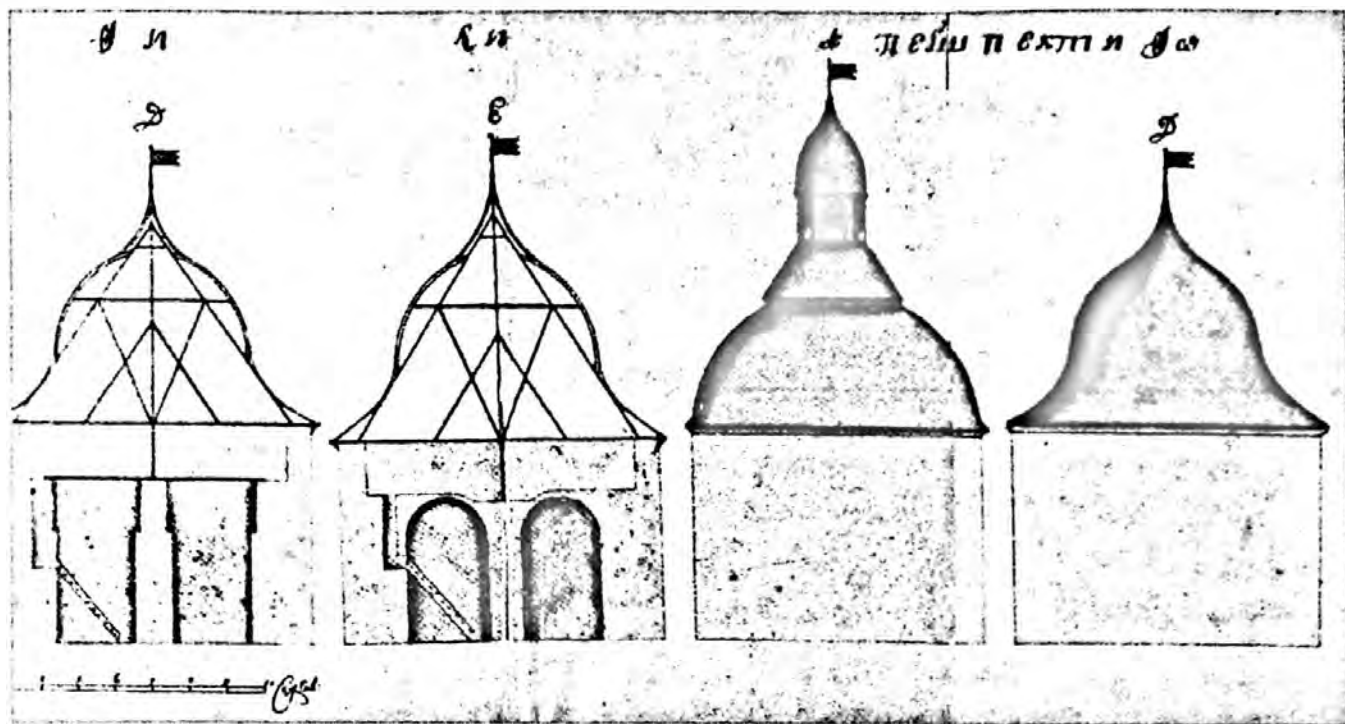
Рис. 25. Архангельский Каменный город и Гостиные дворы. План 1731 г. и разрезы башен. Фрагмент

дают с ритмом этих нишек, что усиливает декоративный элемент карниза ложных зубцов в виде “ласточкина хвоста”. Весь декор стены как бы усиливается к ее кровле, этому служат и небольшие квадратные бойнички или нишки в основании каждого “ласточкина хвоста”. Структура городской стены, характер “падин”, бойниц подошвенного боя, валика-тяги, завершение бойниц верхнего яруса, весь облик верхней части городских стен — все это лежит в традиции каменного древнерусского крепостного зодчества еще с XVI в., если не с конца XV в. Отдельные элементы, представленные в архангельском Каменном городе, известны в ивангородских укреплениях конца XV — начала XVI в., в кремлях Нижнего Новгорода (1508—1512 гг.), Тулы (1507—1520 гг.), Коломны (1525—1531 гг.), Зарайска (1528—1531 гг.)¹²⁶. В. В. Косточкин считает, что при устройстве бойниц подошвенного боя в нижних частях каменных стен строители “задачу утоньшения нижней части крепостных стен решили, снабжая стены широкими полуциркульными арками, заглубленными в их толщу с внутренней стороны”¹²⁷. В Архангельском Каменном городе арки (“падины”, “западины”) не очень высокие, приземистые, по форме близки западинам в стене (1557—1602 гг.) Успенского монастыря в Кирилло-Белозерском монастыре¹²⁸. Можно отметить, что многие элементы архангельской постройки напоминают элементы оборонительных конструкций Кирилло-Белозерского монастыря (стены Успенского, Ивановского монастырей, Нового города). Это относится и к башням как на стенах Каменного города, так и на углах гостиных дворов.

Комплекс Гостиных дворов и Каменный город в Архангельске явился “образцом” для последующего строительства подобных сооружений. В 1693—1699 гг. на Торговой стороне Великого Новгорода по смете подмастерья каменных дел Семена Ефимова и под руководством другого подмастерья каменных дел Гурия Вахромеева строится комплекс гостиного двора с мощной крепостной стеной с амбразурами, обращенными к р. Волхову, и воротной башней¹²⁹. В 1703 г. в Тобольске начинается строительство каменного гости-

ного двора на верхнем посаде (“где бы и городской стене было в замену”) и продолжается до 1708 г.¹³⁰ Характерно, что первично его архитектор С. У. Ремезов включил этот комплекс в периметр городских стен. Гостиный двор имел по углам круглые башни. По мнению В. И. Кочедамова, несомненно имел военное значение двухэтажный гостиный двор, “окруженный глухими наружными стенами, а по углам башнями”, ставший “своеобразной крепостью от врагов и огня”¹³¹. Наряду с Тобольском в конце XVII в. идет речь о строительстве каменного гостиного двора в Нерчинске¹³². В 1700 г. последовал указ о постройке гостиного двора в Иркутске (“на пристойном месте сделать двор гостиный для поклажи нашего великого государя торговых людей товаров анбары, а около того двора стены высокие каменные”¹³³). В 1702 г. иркутский воевода Юрий Шишкин снова писал о постройке гостиного двора, Приказной избы и о присылке из Москвы мастеров каменного дела¹³⁴. В 1707 г. каменщик Савва Михайлов подал челобитье об определении его в Сибирский приказ после возвращения из Томска, где он был “для городского полатного строения”¹³⁵. Несомненно, для всего этого каменного строительства были выбраны соответствующие для местных условий образцы. Характерно, что на Москве в 1698 г. при получении указа о каменном строительстве в Тобольске строителю Семену Ремезову в Сибирском приказе “была дана в пример строения печатная книга”¹³⁶. В московских приказах подобные технические библиотеки были не редкостью — в Пушкарском приказе также были переведенные книги по строительному делу: “Книга, в ней писаны, как учинить делать каменного дела церквей и палат”, “Книга, в ней писаны образцы всяким немецким городам, земляным и каменным, и чертежам учить чертить”¹³⁷.

Любопытно, что в московских приказах хранились наставления по строительству прежде всего “фризского” происхождения. Вряд ли это случайно, ведь с конца XV в. и в первые десятилетия XVI в. строительство “каменных городов” в Московском государстве вели итальянские мастера (в Москве, Великом Новго-

Продолжение рис. 25

роде, Пскове, Ивангороде, Нижнем Новгороде). Именно эти постройки и последующие за ними — Тульский каменный кремль, "град камен" в Коломне, Зарайске — выработали тот тип сооружений, основные черты которого отчетливо прослеживаются на протяжении всего XVII в., да и в первые годы XVIII в. На наш взгляд, эта устойчивая традиция древнерусского оборонного зодчества ввела в заблуждение некоторых исследователей относительно соотношения традиций и новаций в постройках данного типа, считающих, что в их основе лежит еще древнерусская традиция, но общие "замысел и отдельные приемы превосхищают черты нового петровского зодчества"¹³⁸. Скорее наоборот — налицо отчетливая традиция XVI в.

Можно только гадать — никаких данных для более определенных суждений пока нет, каков же был первоначальный облик отдельно стоящего Каменного города для Пур-наволока, представленный людьми, хорошо знакомыми с новинками фортификации того времени. Ведь проект, предложенный Дмитрием Старцевым и осуществленный им же, для крепостного зодчества последней четверти XVII в., безусловно, выглядел красиво, но довольно архаично. К тому же и этот замысел был реализован в измененном, а может быть, и усеченном виде — вместо семи всего шесть башен, не построили зубцов по стенам. Легко предположить, что осуществление "старцевского" проекта — всего лишь выход из сложившейся строительной ситуации (экономию денег и строительных материалов, нехватка рабочей силы).

Итак, в 1672 г. "велено Архангелской город и гостиные двory строить каменные по чертежу, каков прислан с Москвы к Архангельскому городу"¹³⁹. Тут же предписывалось ежегодно отчитываться о проведенных работах — присылать к Москве сметные росписи и чертежи (такие чертежи были отправлены с Д. Старцевым 31 января 1673 г. и 9 декабря 1673 г.).

Во время строительства остро ощущалась нехватка квалифицированной рабочей силы — каменщиков. Этого следовало ожидать, ведь еще в 1647 г. с этой проблемой столкнулся архангелогородский воевода

князь Юрий Буйнос Ростовский, когда нужно было возводить пороховую каменную палатку (тогда первое каменное здание на Пур-наволоке). По проекту подмастерья каменных дел Потапа Ушакова начали строить московские стрельцы — 23 человека, а заканчивали вызванные из Москвы два каменщика — Михаил Ивлев и Дмитрий Костоусов¹⁴⁰. Дмитрий Костоусов принадлежал к известной семье северных каменщиков XVII в. — Яков Костоусов и его сыновья Семен, Корнил, Леонтий и Дмитрий участвовали в строительных работах в Кириллове монастыре и на Москве¹⁴¹. Уже в апреле 1670 г. вместо 112 каменщиков (из Соли-Галицкой — 27, Переяславля Залесского — 3, Ростова — 2, Белоозера — 3, Вологды — 28) к Архангельску прибыли всего 64 человека "каменщиков розных городов"¹⁴². Как показали прибывшие каменщики "Ермолка Глинин с товарищи про тех каменщиков, которые у дела не объявились, — Гурейко Кулемесин с товарищи померли, а иные в бегах не сыскати". К лету 1671 г. в Архангельск должны были прибыть 69 каменщиков, поэтому двинской воевода писал царю, что есть "каменщики на Двине Сийского монастыря в вотчине Евдокимко Ларионов с товарищи, десять человек"¹⁴³. 25 марта 1671 г. приехавший из очередной "командировки" в Москву Матис Анцын сообщил, что "из объявленных городов каменщиков на Двину не будет" (речь шла о 116 человеках), а по его подсчетам необходимо 200 каменщиков¹⁴⁴. Выход был найден: летом 1671 г. на Двине "выбрали в учение к каменному делу охотников Архангельского города и колмогорских стрельцов 39 человек, да Сийского и Николы Корельского монастырей и иных розных городов каменщиков же собрали 29 человек, и всего, государь, ныне у каменного дела каменщиков и учеников 137 человек"¹⁴⁵. Это число каменщиков приходилось на 250 работных людей, занятых поделно. В 1672 г. в Архангельск были присланы 83 каменщика "розных городов, которые "вольно" записались к каменному делу — 27, да каменного ж дела ученики 106 человек"¹⁴⁶. Максимальное число каменщиков зафиксировано в апреле 1673 г., когда было "начато у Архангельского города

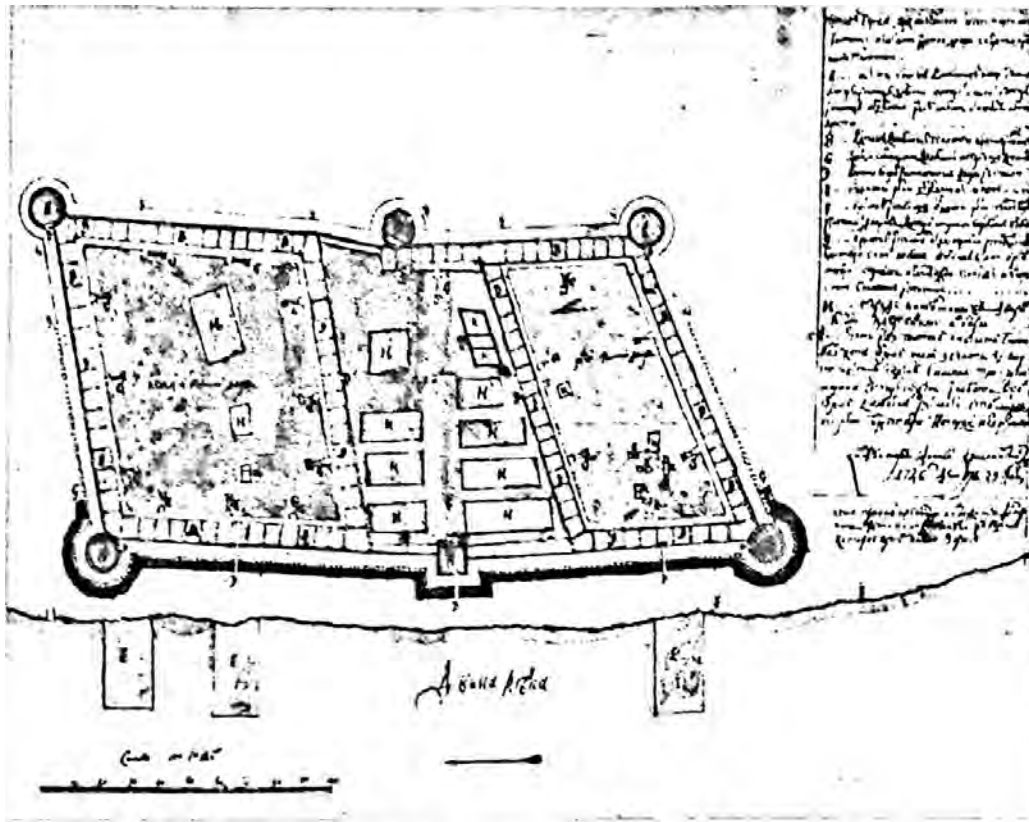

Рис. 26. Архангельский Каменный город и Гостиные дворы. 1726 г.

каменное дело" силами каменщиков, присланных "из розных городов" (82 человека), учеников из архангельских и холмогорских стрельцов (103 человека) и "вольных гулящих людей" (27 человек) — всего 212 каменщиков¹⁴⁷. Нелегко было обеспечить большую стройку каменщиками. Например, в грамоте белозерскому воеводе Илье Загрязскому указывалось "белоозерских городовых, и посадских, и монастырских каменщиков по росписи, да сверх росписи выслал каменщиков к Архангельскому городу" (за уклонение от посылки велено было детей их и жен сажать и тюрьму)¹⁴⁸.

Среди двинских каменщиков особый интерес представляет Максим Лохоцкий, который упоминается уже в 1670 г.: "Двинскому каменщику Максиму Лохоцкому, который был на Орлеце для досмотру и указу над подрядчики у известного дела, дано поденного корму на те дни 9 рублей 19 алтын 4 денги, по 2 алтына по 2 денги на день" (на срок с 1 сентября 1670 г. до 16 января 1671 г.)¹⁴⁹. В 1670—1672 гг. на Орлеце жгли известь и "у досмотру и у указу у тех известных печей под подрядчики был двинской каменщик Максимка Лохоцкой"¹⁵⁰. В письменных документах большое внимание постоянно уделялось Орлецким карьерам — здесь тесались "камни стенные" и "камни мостовые" (лешадь) и выжигалась в 9—12 печах необходимая для стройки известь. Можно полагать, что Максим Лохоцкий происходил из той артели двинских каменщиков, которая до архангельской стройки работала в Антониево-

Сийском монастыре. После возведения комплекса на Пур-наволоке, несомненно обогащенный опытом этой стройки, Максим Лохоцкий мог работать самостоятельно в качестве подмастерья каменных дел. На это наталкивает запись под 1686 г. в синодике ухтоостровской Троицкой церкви ("каменных дел подмастерье Максим"¹⁵¹). Вполне возможно, что теплый храм великомученицы Варвары, поставленный рядом с Троицким собором в 1702 г., также носит следы творческой индивидуальности этого северного зодчего. По крайней мере, уже в феврале 1689 г. он взял подряд на строительство каменной церкви архистратига Михаила в Михайло-Архангельском монастыре и именовался довольно внушительно: "Колмогорскаго уезда Сийского монастыря слуга, каменных храмовых дел подмастерье Максим Архипов сын Лохоцкой"¹⁵². Максим Лохоцкий был на Орлецах представителем царской ад-

министрации на одном из участков стройки, организованное начало которой, нет сомнения, было тщательно продумано. И тут, по всей вероятности, опять можно добрым словом вспомнить Аверкия Степановича Кириллова: отдельные элементы такой организации были отработаны еще на строительстве нового гостиного двора в Москве (подмастерья каменных дел, целовальники, подьячие, приставы — наблюдатели за работами, стрельцы — нарядчики на работу).

На строительстве в Архангельске самым высоким и в то же время ответственным начальством являлся двинской воевода, который от лица государства вел

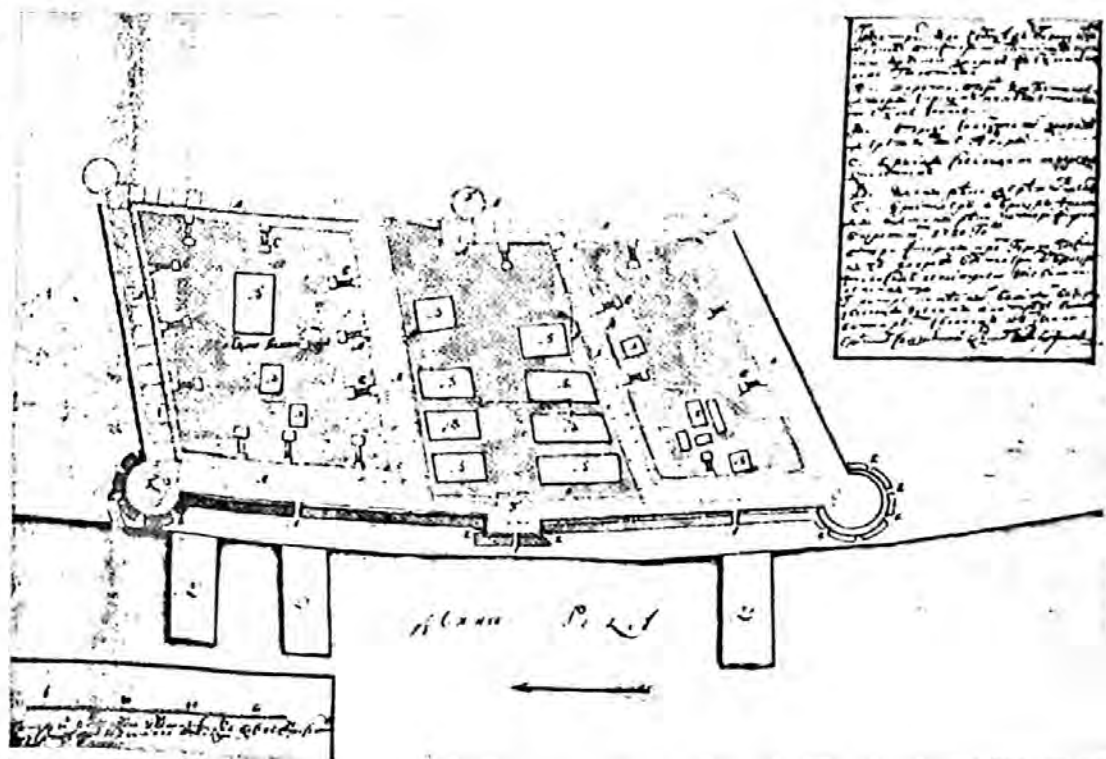

Рис. 27. Архангельский Каменный город и Гостиные дворы. 1720 г.

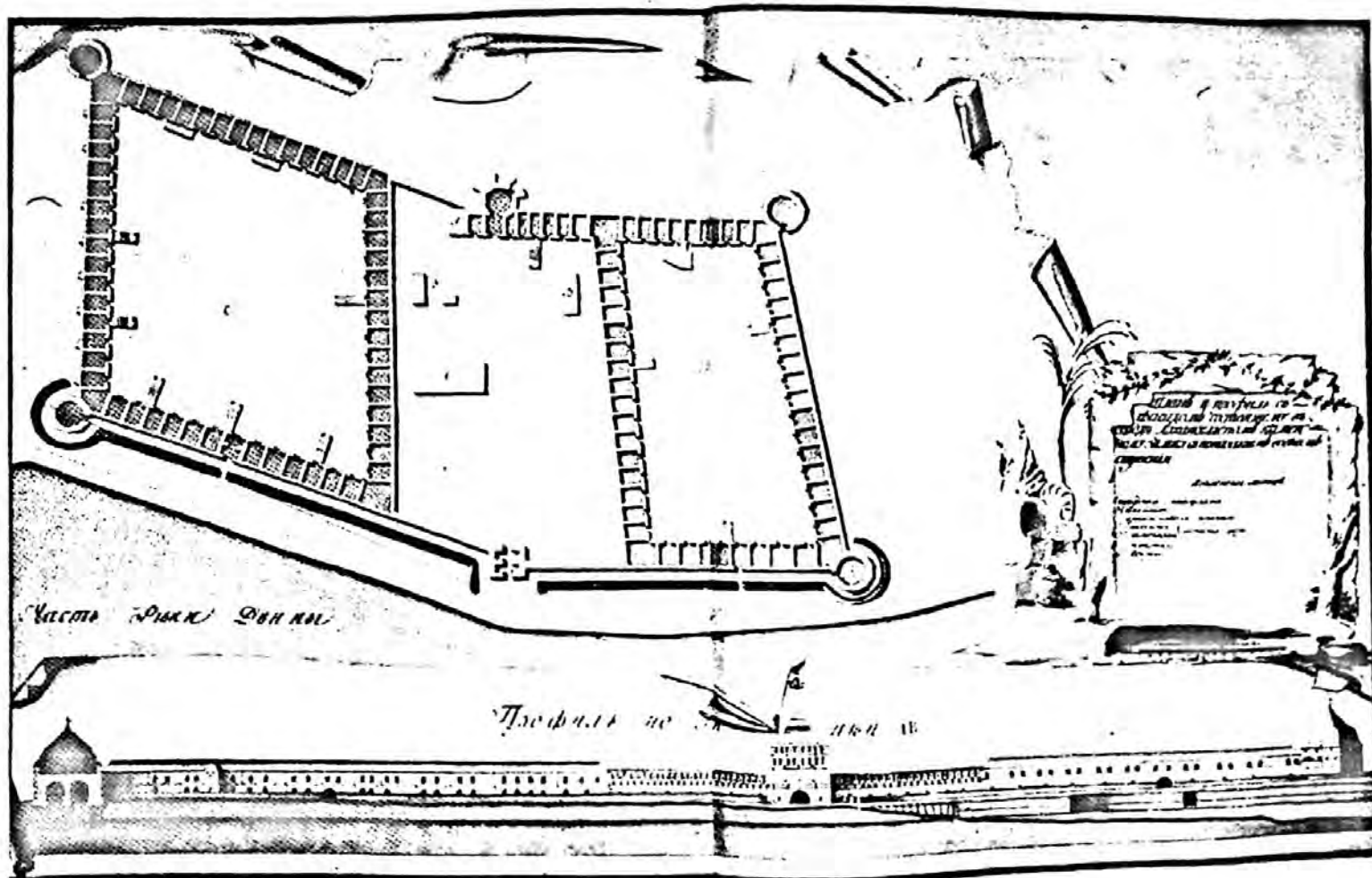

Рис. 28. Архангельский Каменный город и Гостиные дворы. План и фасад комплекса. 1780 г.

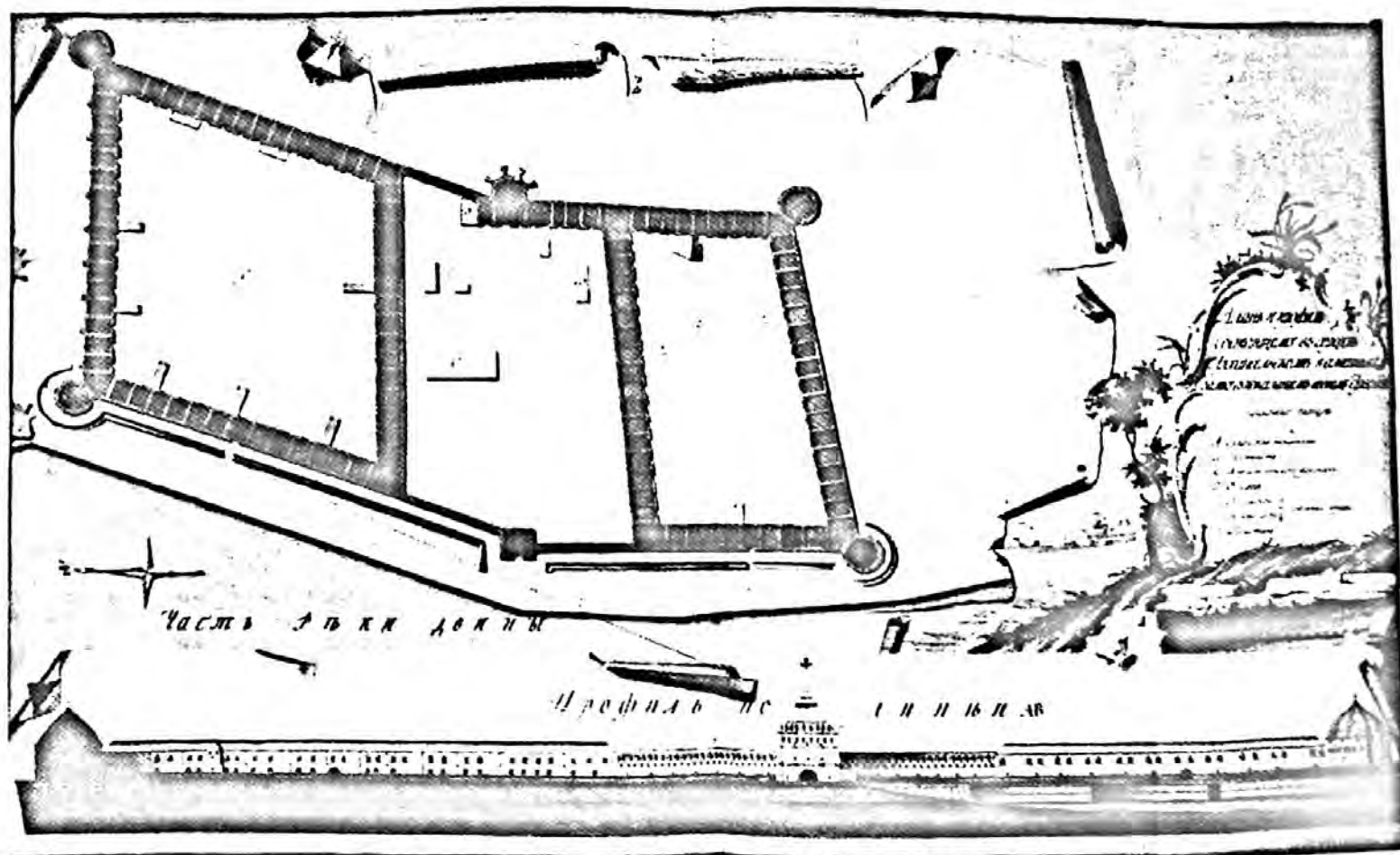

Рис. 29. Архангельский Каменный город и Гостиные дворы. План и фасад комплекса. 1780 г.

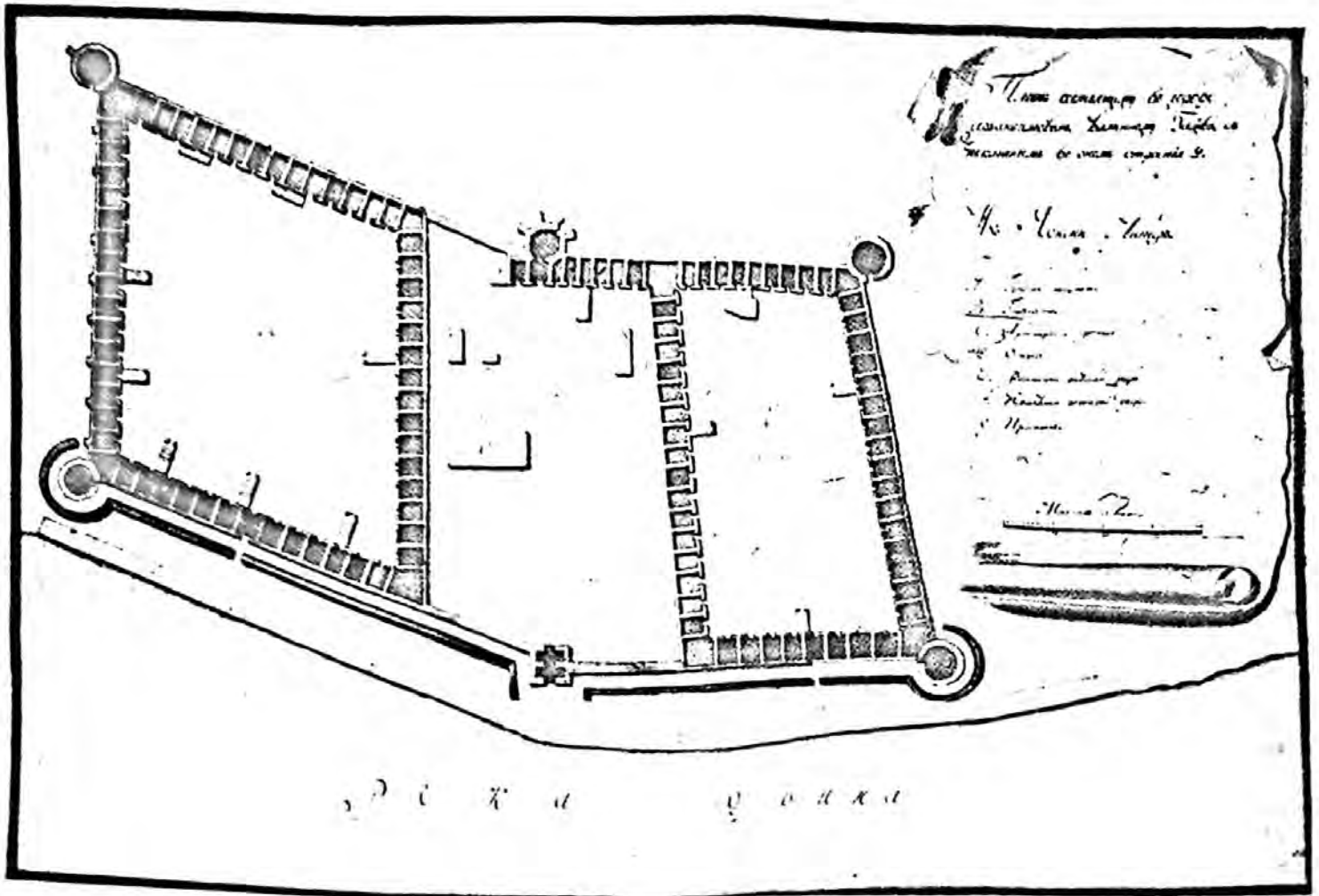

Рис. 30. Архангельский Каменный город и Гостиные дворы. План комплекса. XVIII в.

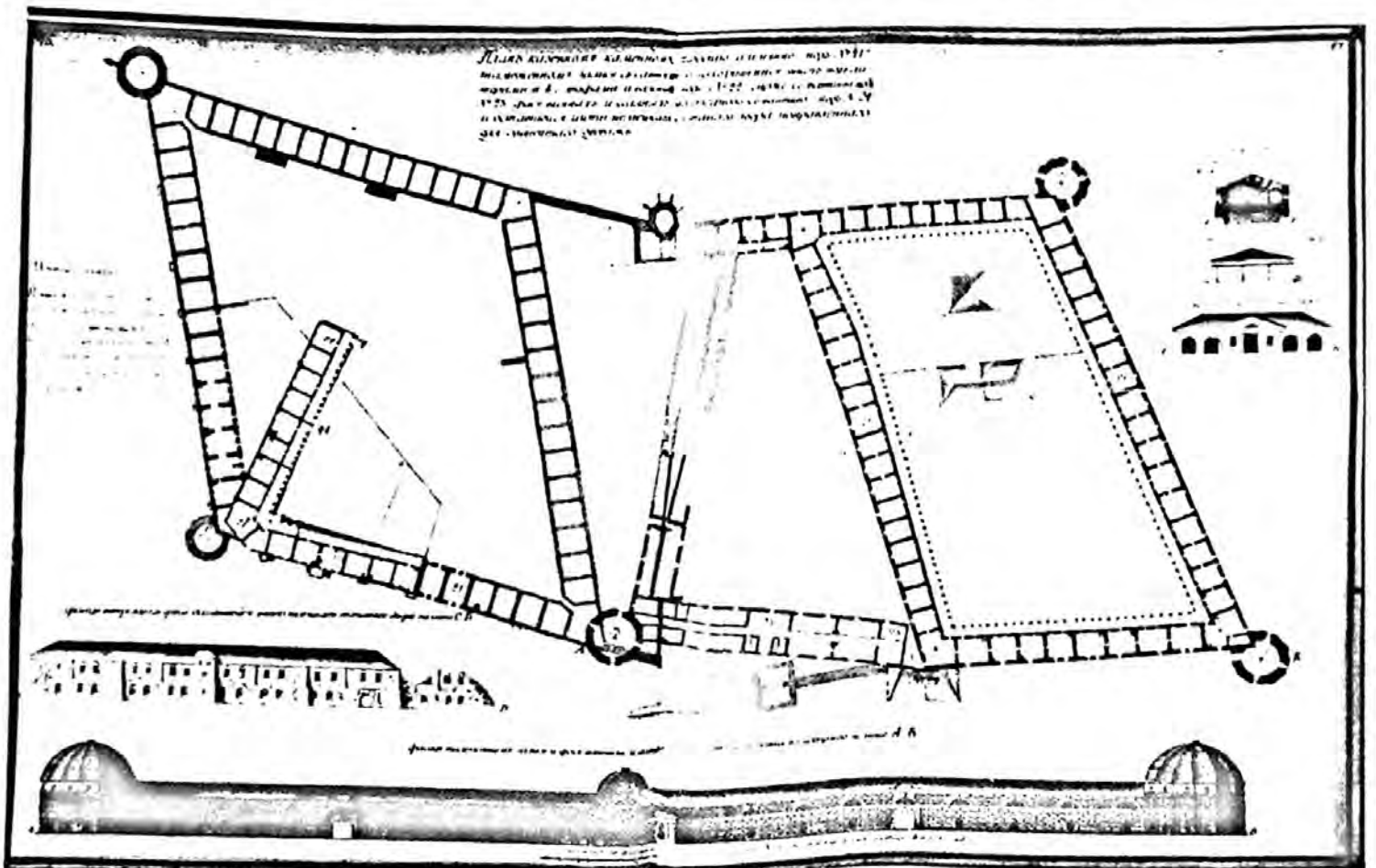

Рис. 31. Архангельский Каменный город и Гостиные дворы. План и фасад комплекса (Атлас 1797 г.)

подрядные дела, решал вопросы строительных материалов. Главным архитектором на стройке выступал мастер каменных дел, а после смерти Матиса Анцына — подмастерье каменных дел, его помощником был подвязчик для кружального дела. Материалы у подрядчиков принимали стрельцы — например, в 1670 г. "Архангельского города голова стрельцкой Самсон Гринев" принял у подрядчиков "делного кирпича 681 850 кирпичей"¹⁵³. Следующая группа — дозорщики, "у каменного строения у всяких дел и у наряду над каменщиками, и над работными людьми, и которые были у кирпичного надсмотру, и у приему извести и тесаного камня и тесу", их насчитывалось от 9 до 13 человек. Любопытно, что в 1681—1683 гг. "у Архангельского города у каменного дела у досмотру" был сосланный "на Колмогоры в ссылку" полковник Ахтырского полка Семен Ружинский ("а корм ему, Семену, в то время даван самый малой против работных людей до отделки того каменного дела"¹⁵⁴). "У письма" стоял, т. е. ведал делопроизводством, подьячий.

Кроме того, был специальный человек, который изготовлял чертежи. В документах 1572—1673 гг. он назван: "...иконнику Андрюшке Ондрееву, что он писал каменного строения чертежи, дано за работу 24 алтына"¹⁵⁵. Этот иконник упомянут и в Переписной книге холмогорских посадков 1678 г.¹⁵⁶ Можно надеяться, что хотя бы часть городских чертежей, выполненных этим мастером в годы строительства, еще будет обнаружена. И хотя временем окончания строительства принято считать 1684 г., есть основания относить это окончание к более раннему времени. Уже в январе 1682 г. на Двину направляется царская грамота о доставке в Пертоминский монастырь для строительства Успенской каменной церкви "от Архангельского города каменных припасов, которые готовлены к городовому делу и на гостин двор"¹⁵⁷. А в 1684 г. остатки припасов от "каменного строения" были разделены между пертоминской и холмогорской стройками¹⁵⁸.

К сожалению, письменные документы, относящиеся к завершающему этапу строительства всего комплекса, как уже было сказано, пока неизвестны. Тем большее значение имеют документы XVIII и, частично, начала XIX в., которые содержат данные о времени

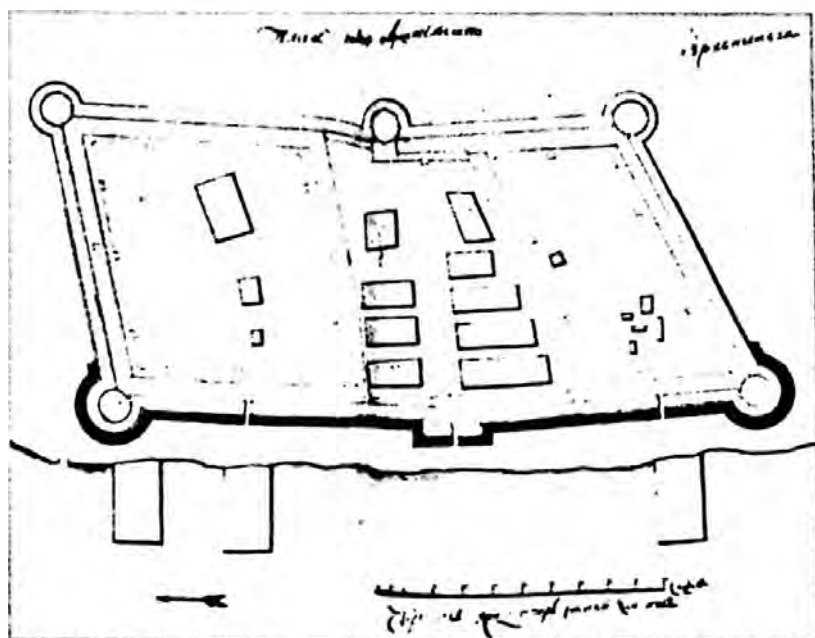

Рис. 32. Архангельский Каменный город и Гостиные дворы. План XVIII в.

Фасад того крыльца.

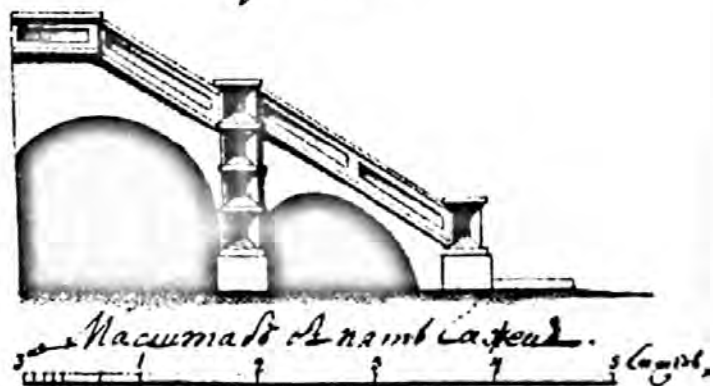

Рис. 33. Фасад крыльца в Русском гостином дворе

и характере перестроек, функционального использования комплекса, а также сведения о судьбе различных его частей. Наряду с этим следует заметить, что поздние документы в ряде случаев проливают свет на отдельные детали строительства XVII в. Судьба старинного комплекса в XVIII столетии заслуживает внимания еще и потому, что он продолжал играть важную роль в градостроительной ситуации Архангельска, по крайней мере в его древнейшей центральной части.

С постройкой на Пур-наволоке нового деревянного острога 1672 г. и Каменного города в связке с Гостиными дворами строительные работы здесь не завершились. Уже документ 1697 г. — "Дело по отписке города Колмогор с Двины от воеводы Федора Апраксина о учении осмотру, что сколко у города на Холмогорах и на Двине построено" упоминает работы по укреплению берега реки: "...да по берегу Двины реки против Каменного города и Русково гостина двора обруб мерою 107 сажень и на том обрубе намощен мост"¹⁵⁹. Работы по подряду выполнялись в 1694 г. холмогорским посадским человеком Осипом Бажениным, крестьянином Иваном Вешняковым (поставили 8000 бревен), холмогорским стрельцом Ивашкой Трубиным "с товарищи" (подвоз леса к месту работ). Артель из 26 холмогорских стрельцов во главе с пятидесятником Саввой Писаревым "подрядились, что сделать им из готового лесу у Архангельского города против Каменного города и гостина Русково двора от Двины реки обруб мерою длину 107 сажень, и на тот обруб мост намостить рыбной, и по край обруби брусье положить, и перила сделать самым добрым мастерством по ужоеству"¹⁶⁰. В сентябре 1699 г. во время бури "круг гостиных дворов каменных у четырех башен верхи сломило"¹⁶¹. В 1702 г. двинской воевода Василий Ржевский подал в Новгородский приказ отписку "касательно починки и постройки вновь в Архангельске стен и башен" деревянного "города" (были проведены необходимые строительные работы)¹⁶².

В 1712 г. инженеру Егору Розену, руководившему строительством Новодвинской крепости, было приказано Архангельского Каменного города и Гостиных дворов башни осмотреть и описать, "каким способом возможно переделать больварками, и, учинив батареи, поставить пушки военно искусным определением и другие притом крепости сочинить"¹⁶³. Предполагалось также, что вместо деревянной кровли будет сооружено дерновое покрытие. Решено было изготовить рисунок с обозначением всех переделок. Вероятно, дело шло

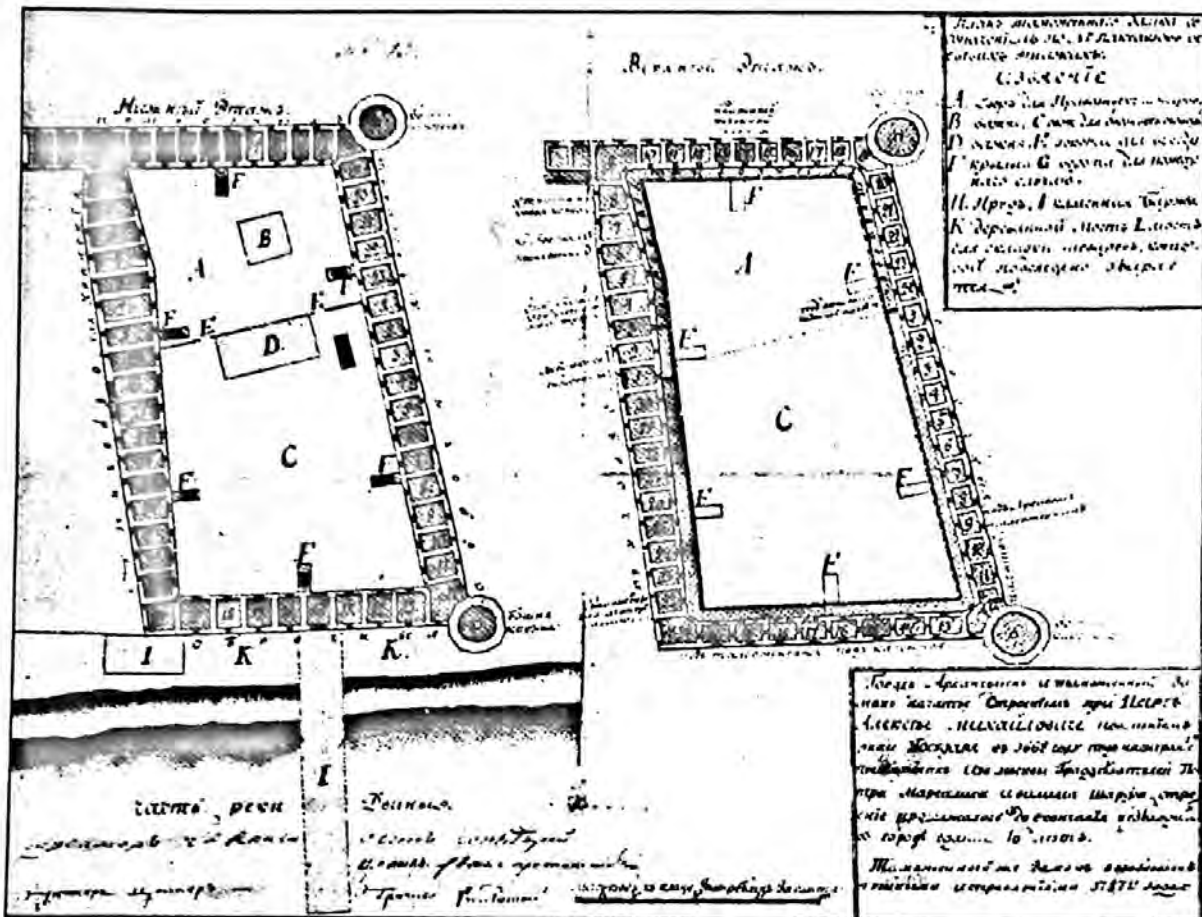

Рис. 34. Русский гостинный двор. План XVIII в.

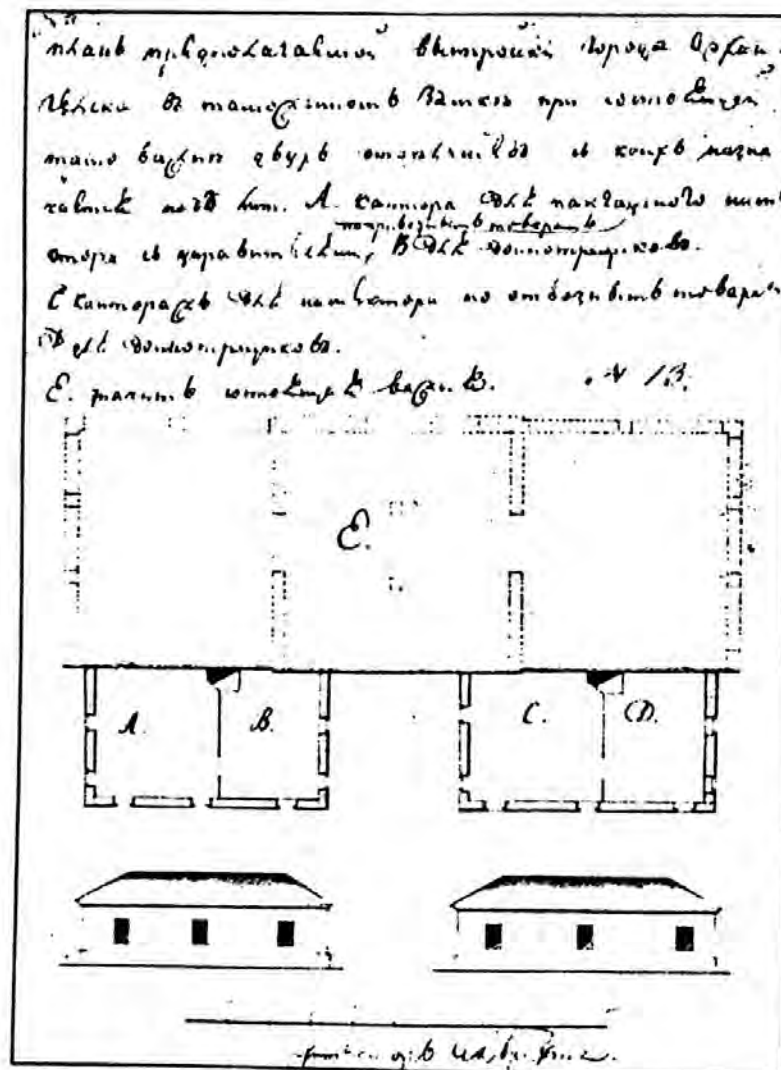

Рис. 35. План важни и проектируемых к ней пристроек. XVIII в.

не очень быстро. В 1719 г. Петр I опять шлет указ, чтобы "от аглинских воинских кораблей иметь опасение, а того ради у города Архангельского гостиный двор полисадами и борстером укрепить и на башнях пушки поставить" ¹⁶⁴. На Пур-наволок должны были прибыть 950 каменщиков и кузнецов из Устюга, Соли Вычегодской, Тотьмы для возведения специального ограждения вокруг Гостиных дворов и Каменного города, но эти работы в планируемом объеме не были завершены. По существу, речь шла о создании бастионной линии обороны вокруг Гостиных дворов (своеобразная компенсация за провал первоначального проекта Каменного города) и Каменного города, с облицовкой кирпичной кладкой склонов бруствера. Все эти мероприятия должны были повысить обороноспособность крепостей XVII в. Необходимость починки обруба, мостов, палисадов, а также самих палат и кровель на них подчеркивалась и в "Указе генерал-лейтенанту и кавалеру Архангелогородской губернии губернатору Ивану Михайловичу Лихареву и товарищи от сентября 17 дня 1728 года" ¹⁶⁵. Но лишь в 1734 г. солдатами гарнизонной канцелярии были отрыты ров и вал, которые просуществовали до конца XVIII в. ¹⁶⁶ Еще в сентябре 1728 г. губернатору было указано "палаты и кровли построить и починить подрядом или наймом с публичного торга", о чем "прислать доношение и ведомость немедленно в камерц-коллегию" ¹⁶⁷. Уже тогда была видна необходимость проведения ремонтных работ — над многими верхними палатами бывшей части Русского гостиного двора кровли погнили и опали, текли, были сломаны лестницы у крылец. В январе 1732 г. инженер-прапорщик Яков Аленин подал в Архангелогородскую канцелярию доношение о состоянии гостиных дворов, в котором писалось: "Понеже у города Архангельского гостиные дворы Немецкий и Русский чрез многие годы починкой не исправлены, по зарушению в многих местах стены, своды, кровли и прочее обветшало и по ведомости инженера-прапорщика Аленина показано починить" ¹⁶⁸. Однако некоторые работы все-таки проводились, т. к. о нескольких помещениях все же говорится, что "в прошлых годах те палаты починиваны и кровли перекры-

ваны" ¹⁶⁹. В 1732—1734 гг. деревянная починка, проведенная артелями архангелогородца Андрея Бурнашева и холмогорца Хромина, была закончена: "Оные гостиные дворы деревянной починкой, что требовалось, исправлены, а каменного строения починкой за неимением каменщиков, а особливо за дорогой ценой починкой исправить не было возможности" ¹⁷⁰.

В Немецком гостином дворе разместилась таможня, в Русском часть помещений была занята под хранение соли и казенного вина, привозимых в Архангельск в летнее время. Помещения в восточной стене Каменного города (фас с "моховой" стороны), рядом с Тайницкой башней, были заняты сначала Приказной палатой, после учреждения Архангелогородской губернии (1707 г.) перешли к Губернской канцелярии, а остальные палаты к югу от них занимала гарнизонная канцелярия. На внутреннем крепостном дворе расположились гауптвахта, тюрьма-острог, артиллерийский и фортификационный цейхгаузы, артиллерийская караульня. На одном из ранних графических документов комплекса, хранящегося в ГАОО ("план и фасады городу Архангельску, 1742 г.", подписан инженер-капитаном инженерной команды П. Окновых), отчетливо видны значительные повреждения помещений Гостиных дворов и башен Каменного города ¹⁷¹. В 40-е годы XVIII в. документы уже отмечают слабость фундамента под восточной частью всего сооружения Гостиных дворов.

В 70-х годах XVIII в. было установлено аварийное состояние Гостиных дворов: "...северная стена... весьма ветха и к поддержанию совершенно не способна", а в 1785 г. в Коммерц-коллегию было отправлено описание сохранности верхнего и нижнего этажей Гостиных дворов под названием "Описание о состоящих в иноземском гостином дворе верхнего и нижнего департаментов палат с показанием, под какими оные номерами кем именно из купцов и до которого времени или же какую казенною поклажею заняты и какие из них порозжие" ¹⁷². Кратко приведем некоторые данные этого любопытного документа:

По "верхнему департаменту" располагались палаты под номерами:

1—2 — под таможнею

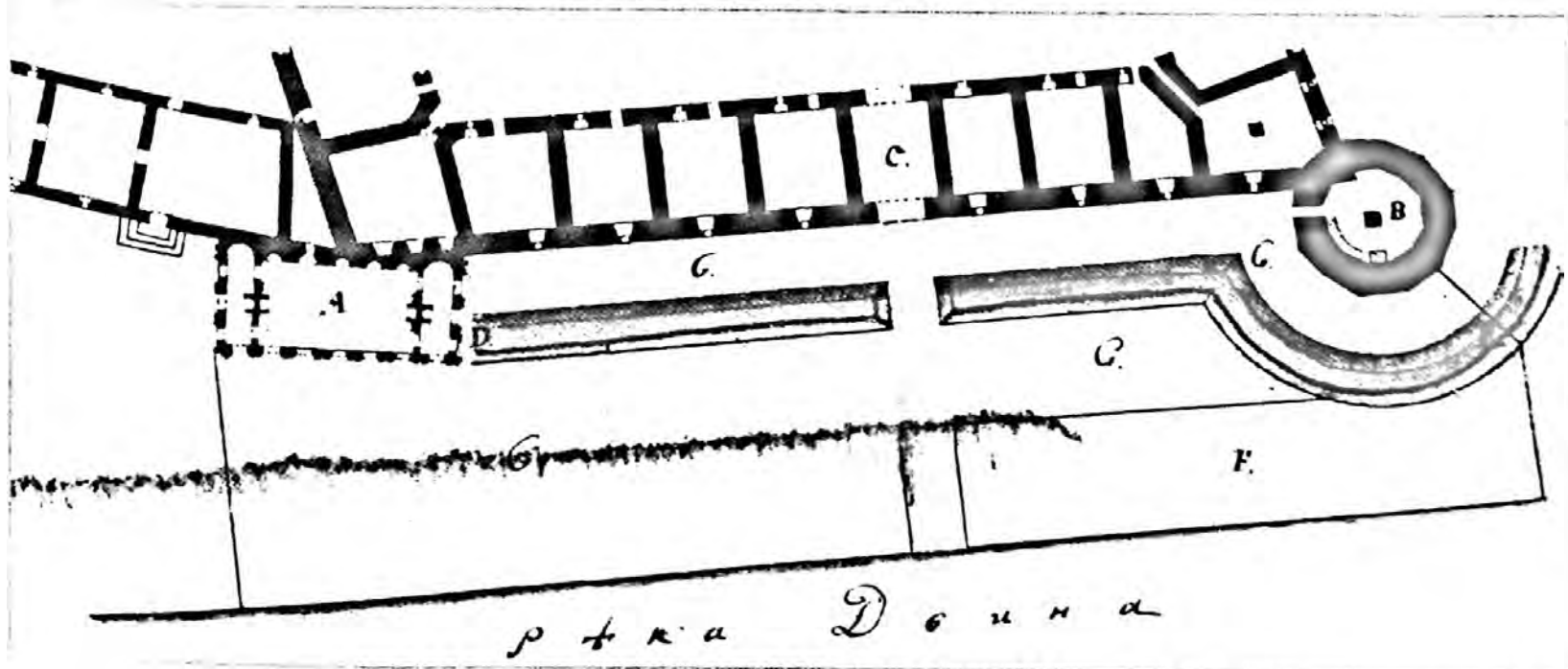

Рис. 36. План набережного фасада Русского гостиного двора

- 3 — под архивами бывшей Коммерц-конторы и внутренней таможи
 4—15 — под таможенными пакгаузами
 16—34 — “порозжие без полов”
 35 — “порозжая без полов, но замкнута, а от кого, неизвестно”
 36—37 — “порозжие без полов”
 38—40, 42—46 — заняты соляным приставом “для поклажи казенной соли”
 41 — архангельским купцом Семеном Башмаковым “для поклажи товаров до 5 февраля 1786 г.”
 47—48 — материалами бывшей Коммерц-конторы
 49 — “порозжая без полов, в коей бракуется ладан”
 50 — занята купцами Родиона Фанбрина сыновьями “для поклажи товаров” до 1 декабря 1786 г.
 51 — английским купцом Артуркелем и К^о “для поклажи товаров” до 1 января 1786 г.
 52 — вологодским купцом Максимом Рыбниковым для товаров до 6 июня 1786 г.
 53 — иностранными купцами Беккером Пойтелингом и Оверманом “для поклажи товаров” до 14 октября 1786 г.
 54 — архангельским купцом Степаном Дорофеевым “для поклажи товаров” до 2 июля 1786 г.
 55 — архангельским купцом Федором Лыжиным для товаров до 7 июля 1786 г.
 56 — в ведении соляного пристава
 57—59 — “порожие”
 60 — под таможей.
 Далее описание палат “по нижнему департаменту”:
 1 — иностранными купцами Беккером Пойтелингом и Оверманом “для поклажи товаров” до 14 апреля 1786 г.
 2 — винным приставом “для поклажи казенного вина”
 3—20 — “под таможенными поклажами”
 26, 28—29 — в ведении соляного пристава
 27 — иностранными купцами Беккером Пойтелингом и Оверманом до 26 июня 1786 г.
 31 — пустая, “ветхая”
 32—33 — иностранными купцами Беккером Пойтелингом и Оверманом до 26 ноября 1786 г.
 34, 36—39, 54 — “для поклажи казенной соли”
 35 — занята “казенным вином”
 40 — вологодским купцом Николаем Бовыкиным “для поклажи товаров” до 1786 г.
 41 — иностранными купцами Геншеном и Блумрейдером “для поклажи товаров” до 1786 г.
 42 — купцами Родиона Фанбрина сыновьями “для поклажи товаров” до 27 мая 1786 г.
 43 — вологодским купцом Алексеем Налобинным “для поклажи товаров” до 1786 г.
 44, 47 — вологодским купцом Максимом Рыбниковым до октября 1786 г.
 45 — вологодским купцом Егором Макаровым до 1787 г.
 46 — вологодским купцом Митрополовым до июня 1786 г.
 48 — вологодским купцом Ягодниковым до июня 1786 г.
 49 — устюжским купцом Львом Захаровым до июля 1786 г.
 50 — Санкт-Петербургскими купцами Родиона Фанбрина сыновьями до января 1786 г.
 51 — архангельским купцом Федором Лыжиным до января 1786 г.

52 — вологодским купцом Григорием Веденским до марта 1786 г.

53 — иностранными купцами Беккером Пойтелингом и Оверманом до апреля 1786 г.

55 — архангельскими купцами Кордесом, Родсом и К^о до апреля 1786 г.

56 — английским купцом Артуркелем и К^о до января 1786 г.

57 — вологодским купцом Алексеем Никифоровым до 16 июня 1786 г.

59 — чухломским купцом Михаилом Юдиным до июня 1786 г.

Стоявшими на территории деревянными пакгаузами и амбарами владели: № 1—2 — таможня, 3 — Артуркель и К^о, до января 1786 г., 4, 6 — Родиона Фанбрина сыновья, до 1786 г., 5 — Беккер Пойтелинг.

Приведенные сведения являются прекрасной расшифровкой нескольких планов гостиных дворов XVIII в. как имеющие более точную датировку.

Таким образом, по результатам подробного обследования 1785 г., лишь 20 палат заняты купцами, многие палаты “порозжие и без полов”, фундаменты в северной стороне Немецкого гостиного двора разрушились до самой кладки стены. В Орловской проезжей башне арка выездных ворот осыпалась, много трещин, “двумя великими расщелинами башня как бы надвое разделена, и одна половина оной весьма наклонилась к западу и ежечасно угрожает падением, восточные угловые башни стояли без крыш и надежды исправить не подавали”, “стены замка и обруб пришли в бесконечную ветхость”¹⁷³.

В декабре 1785 г. предписанием Наместнического управления было предложено разобрать наиболее обветшавшие постройки с условием использовать выбранный строительный материал на починку и перестройку здания. Предполагалось исправление Русского гостиного двора, строительство биржи со средней башней “на переломе”, винных и соляных магазинов. Автором проектов был губернский архитектор Михаил Березин. В течение 1786 г. определялись и уточнялись объемы и расценки работ, а в октябре 1786 г. было получено предписание на разборку Немецкого гостиного двора, а потом и других частей комплекса. Правда, работам предшествовало подробное описание Каменного города, башен Орловой, Карзеевой, Поварной, Востовой, Рездровой. Немецкий гостиный двор нуждался в ремонте — это касалось выездных ворот (необходимо было “в воротах камнем починить по обеим сторонам”), многих крылец — обвалились ступени, попортился кирпичный пол, своды и столбы, у палат требовали починки окна с наружной и внутренней сторон, двери, во многих местах требовалось починить и белокаменный тесаный цоколь. Ремонтные работы в то время проводились и на Русском гостином дворе — работали 20 каменщиков и 25 плотников, почти столько же и на Немецком — 25 каменщиков и 25 плотников. Однако необходимый объем работ по ремонту гостиных дворов — укрепить башни и стены контрфорсами, укрепить заново фундаменты булыжным камнем, сделать железную крышу (все по смете, сданной Строительной комиссией казенной палаты в Наместническое управление на сумму 198 770 руб.) — Архангельск произвести не мог. Годовые же сборы за сдачу помещений едва превышали 1000 рублей¹⁷⁴! Архангельский Каменный город и Гостиные дворы стояли на пороге своей коренной перестройки, а по существу, гибели.

В 1787—1788 гг. были разобраны крепостные стены Каменного города, башни Орловская и Тайницкая, частично Немецкий гостиный двор с северными угловыми башнями. В договорах на разборку стен и башен с холмогорскими, архангельскими, курейскими, заостровскими крестьянами полагалось разобрать стены таким образом, чтобы "вынутый из тех стен и башен целый и половинчатый кирпич со стены на землю спускать с бережением и, очистив обмазку, раскласть в стопы потысячно, не смешивая целого с половинчатым", "щебень и ежи в стенах обнаружится камень белый или булыжник класть порознь же, но в кубические сажени. За разборку оных стен и башен получать ими от казны за целый кирпич (за тысячу) по одному рублю, за половинчатый, полагая в один кирпич по две половины, по 80 копеек. За щебень и камень до семидесяти копеек за кубическую сажень. Цемент отваливать от стен не ближе двух сажень с половиной. На отпуск кирпича доски и слуги дать казенные, а инструменты употреблять свои собственные". Всякие разбираемые и поставляемые материалы принимались "наперечет с запиской в тетради" солдатами гарнизонной канцелярии¹⁷⁵.

Предполагалось использовать выбранное железо и тесаный камень. Строительный мусор шел на забутовку новых фундаментов и обсушку дорог. За два летних сезона было выбрано около миллиона штук целого и половинчатого кирпича, предназначенного для нового строительства.

В 1787—1792 гг. одновременно с разломкой обветшавших зданий велись значительные каменные работы. Каменных дел мастеров, необходимых для данной работы, в Архангельске и округе в то время не было, поэтому зимой в традиционные центры каменного строительства — Вологду, Ярославль, Кострому отправлялись чиновники Строительной комиссии казенной палаты с чертежами строений. Предписывалось договора "заключать в сохранение всех возможных для казны выгод"¹⁷⁶.

В Государственном архиве Архангельской области впервые был выявлен пласт документов конца XVIII—XIX в. (эту работу для совместной с О. В. Овсянниковым статьи выполнила Л. Д. Фирсова), которые позволили детально проследить судьбы различных частей Гостиных дворов в 1787—1851 гг. и впервые обратить внимание на личность одного из архангельских губернских архитекторов — Михаила Березина¹⁷⁷.

Значительные работы по ремонту и разборке зданий требовали каменщиков-специалистов, поэтому обратились к услугам прежде всего ярославских каменщиков. В 1787 г. на строительной площадке работали одновременно 150 каменщиков из Ярославля и Ярославской губернии, из Костромской губернии, а также из Тотьмы. Штукатуры из Великого Устюга выполняли печную и лепную работу, артели крестьян из смецких владений Сийского монастыря — плотницкие работы, плитный белый известняк доставляли крестьяне из Паниловской волости. Все ремонтные работы проводились на восточном фасае Русского гостиного двора: под фундамент дополнительно забили 108 свай, для укрепления осевших стен поставили три контрфорса, слабые своды вновь вывели по кружалу. Цоколь Русского гостиного двора на трассе 286 сажень (около 600 м!) был разобран до основания и сложен вновь. Кроме того, проведена починка печного отопления, перекрыты крыши, на специальные карнизы

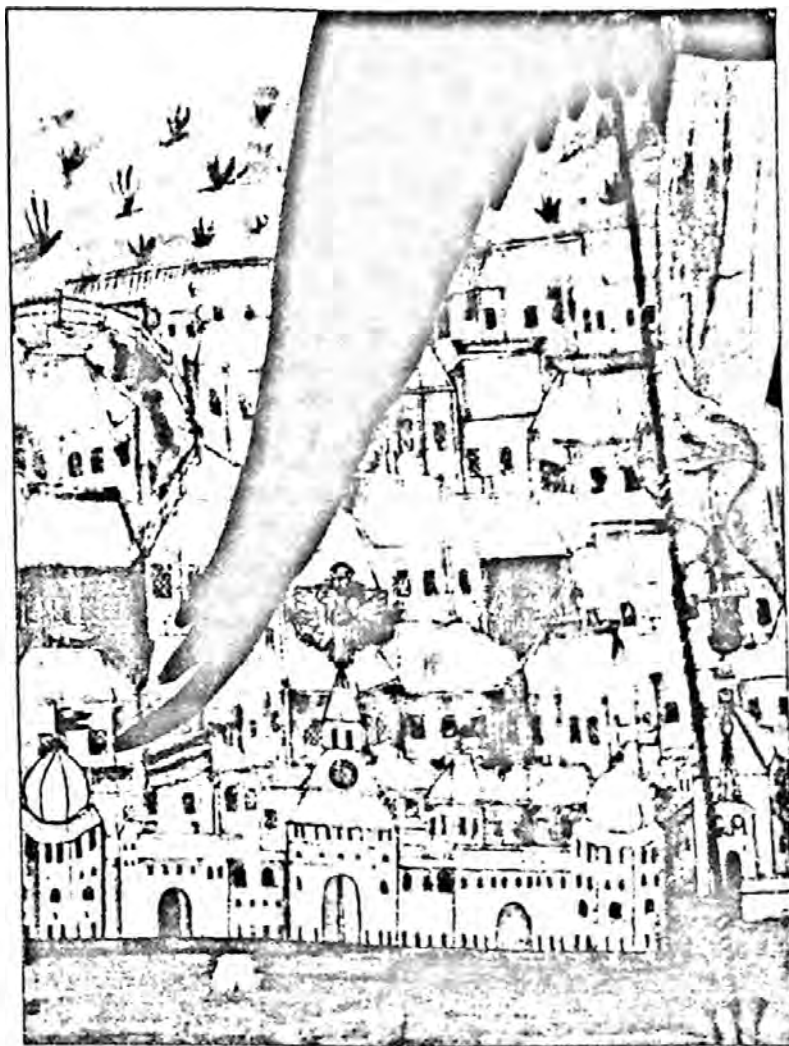

Рис. 39. Архангельский Каменный город и Гостиные дворы. Фрагмент иконы 1740 г.

вновь положены потолки. Пол галереи и палат заново вымостили тесаным камнем или кирпичом, поставленным ребром ("ложок"). Въезд в крепость, где прежде были ворота, превратили в палату, башни на восточном и западном фасах перестали быть глухими, их соединили с палатами двумя дверями и пробили шесть новых окон. В результате всех переделок в здании Русского гостиного двора появилось 36 новых окон! И все же, несмотря на большой объем ремонтных работ и различных реконструкций, радикальных переделок здание Русского гостиного двора не претерпело. Может быть, в этом и была заслуга Михаила Березина: именно он оставил практически без изменений внешний вид дворовых фасадов здания, а также следил, чтобы "фасад его новыми окнами обезображен не был". Окна на набережном фасае получили арочные завершения, въездной портал арочное завершение утратил и стал прямоугольной формы. Все крыльца были разобраны, возведены заново на прежних фундаментах и в прежнем виде. Переплеты окончин в башнях сделаны "в одной пропорции" с другими, а окна без пробивки расписаны, как настоящие. Были восстановлены утраченные к тому времени элементы декора: горизонтальный валик-тяга, разделяющий на этажи фасад здания, многоступенчатый карниз, пробиты заново рюстины.

Замкнутое с четырех сторон пространство Русского гостиного двора было разделено на две части высокой кирпичной стеной, сложенной на фундаменте: на двор привозных товаров и на двор отвозных товаров. С сен-

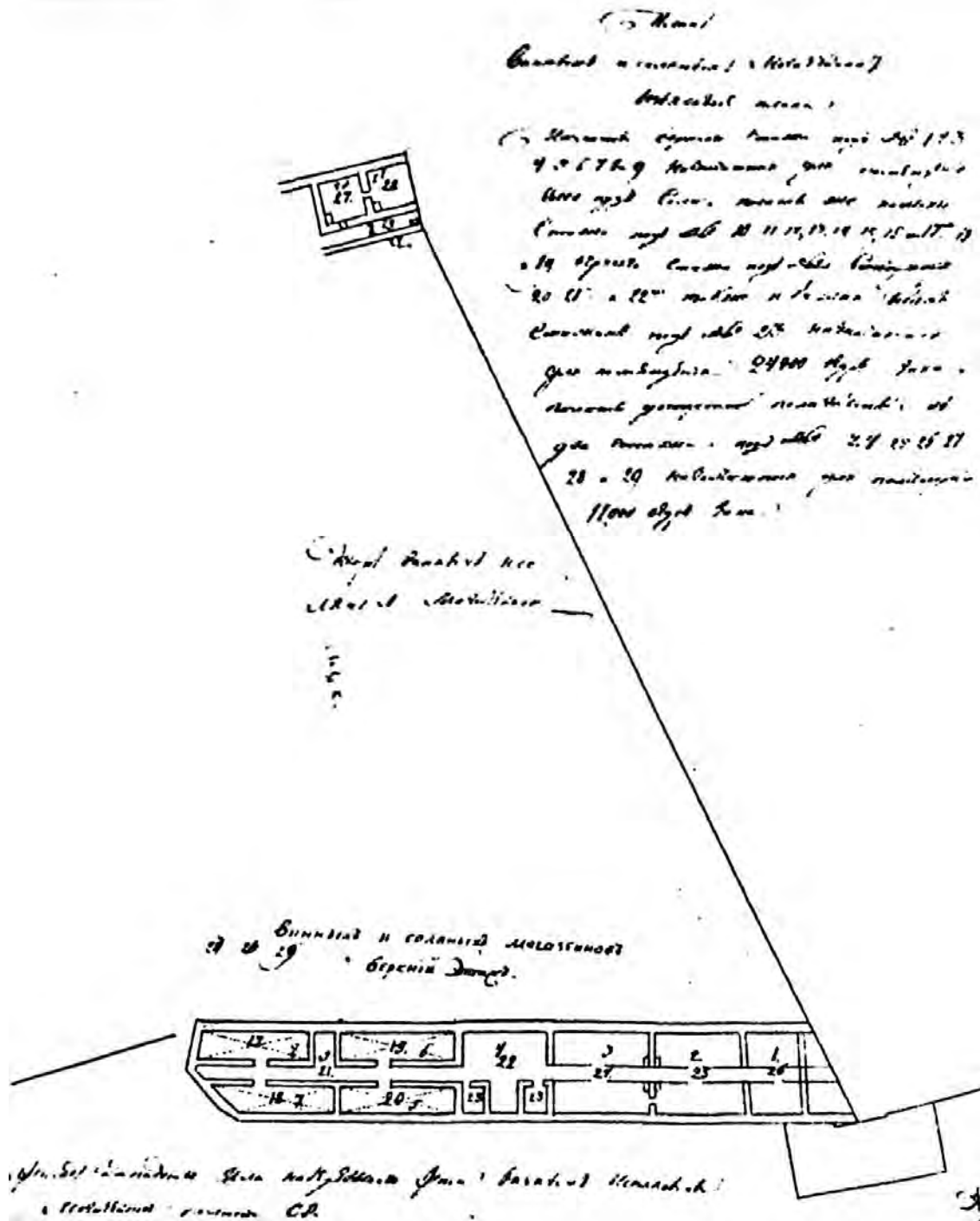

Рис. 40. План перестройки части двинского фасада Каменного города под соляные магазины

тября 1789 г. по указанию управляющего губернией генерал-поручика Тутолмина Русский гостиный двор стал официально именоваться Таможенным замком. Здесь располагались различные службы портовой таможни. Часть палат по-прежнему сдавалась купцам в наем "для поклажи товаров".

Строительство новых зданий в эти годы велось из материалов, полученных при разборке обветшалых частей прежнего комплекса. В 1790 г. при дворе отвозных товаров выстроили два каменных одноэтажных здания: важную — помещение для городских весов, шофу — для браковки товаров (это здание сохранилось до наших дней и до появления новых документов, найденных Л. Д. Фирсовой, ошибочно именовалось важней). Еще в 1788 г. перед набережным фасадом Русского гостиного двора (между въездным порталом и местом стыка со стеной Каменного города) на новом фундаменте построили одноэтажное парадное здание биржи с надстроенной над ним башенкой. Для биржевого зала была изготовлена специальная мебель, устроены каминь. Во время нави-

гации над биржевой башней поднимался флаг и зажигался фонарь. Вновь возведенные важня, шофа и биржа были переданы таможенному управлению.

В 1790 г. на новом фундаменте, с отступом от трассы прежней крепостной стены и въездной башни Каменного города (к этому времени уже разобранной), построили набережный фас винных и соляных магазинов вместе с северной (теперь уже ставшей угловой) башней (трудно понять тех, кто официально повесил на это сооружение табличку, что в этом здании "неоднократно бывал М. В. Ломоносов").

На верхнем этаже складов разместили 6600 пудов соли и контору соляного пристава, устроили "мелочную продажу соли", в нижнем были винные кладовые на 8 тысяч ведер вина. Вероятно, построенная в 1790 г. башня была возведена исключительно для симметрии всего комплекса и носила чисто декоративный характер, а к использованию в качестве складского помещения она не предназначалась. Использование характерных для всего комплекса декоративных элементов объясняется просто: архитектор настаивал, чтобы фасад винных и соляных магазинов и двух новых башен "без малейшей отмены сходствовал с фасадом Воскресенского фаса Русского гостиного двора". В какой-то мере это все помогло создать некий "образ" комплекса, тем более что строительные работы продолжались и далее. По первоначальному архи-

тектурному замыслу М. Березин предполагал построить идентичное набережному фасаду двухэтажное здание винных и соляных магазинов и этот фас также завершить декоративной башней. Строительство началось, были выкопаны фундаментные рвы, пошло возведение стен, но уже в 1792 г. все строительные работы были приостановлены "из-за недостатка строеной суммы и готового кирпича". Корпус винных и соляных магазинов был, по существу, оставлен недостроенным — в 1809 г. с большим трудом достроили первый этаж, от возведения башни отказались, да и сама надобность в двухэтажном корпусе отпала. Как теперь стало очевидным из документов, строение велось "без сохранения казенного интереса, деньги использовались бестолково, материалы расходовались без всякого бережения, а внутри строение производится с непрочностью, кирпичи один от другого отделяются". Таким образом, проект М. Березина так и не был полностью реализован.

Реконструкция Русского гостиного двора и превращение его в Таможенный замок потребовали уси-

Рис. 41. Двинской фас Архангельского Каменного города, Немецкого и Русского гостиных дворов. Гравюра 1775 г. (фрагмент)

лий по приведению в порядок и набережной перед ним. К концу XVIII в. прежний обруб, укрепляющий кромку берега и площадку перед въездом внутрь Таможенного замка, пришел в состояние такой ветхости, что между Русским и Немецким гостиными дворами не было даже сообщения. В связи с реконструкцией таможни потребовался новый обруб с хорошей пристанью для судов и для складирования купеческих товаров. Земляной оборонительный вал, построенный вместе с деревянным палисадом в первой половине XVIII столетия, в 1789 г. на трассе двинского фаса пришлось срыть, разровнять, а набережную перед Таможенным замком намостить "барочным лесом" (балки и досками из разобранных судов).

Судьба Немецкого гостиного двора складывалась еще более драматично. В 1796 г. императорским указом здание было приспособлено под новое учреждение — Монетный двор для переделки медной монеты в легковесную. Подобные монетные дворы были в то время учреждены в Полоцке, Херсоне и в других русских городах. В Архангельском Монетном дворе были установлены необходимые станки, набраны штаты чиновников, резчиков, монетчиков, сторожей, счетчиков и завезено большое количество старой медной монеты. В описи, "учиненной шихт-мейстером Корсбергом к задаче устроенного Монетного двора", сохранились любопытные описания внешнего вида и оборудования¹⁷⁸.

О внешнем виде и внутренних покоех: "Сей Монетный двор устроен в оставшейся части от разломки каменного гостиного двора здания, имеет во внутренности два двора, обнесенных деревянным забором вышиною 4 аршина. При входе с реки ворота деревянные с прикалиткою на крюках и петлях, с тремя засовами железными". На верхнем этаже, на галерее, располагалась караульня с русской печкой, заслоном железным и вьюшкой чугуной, нарами деревянными. В других покоех располагались печи "голанские", с дверцами железными и на полу с листом железным. Интересны описания слесарной, где находился очаг с горном; кузницы с двумя горнами; угольного каземата. В канцелярии стояла мебель — 5 столов, "у коих подстольи и ножки выкрашены красной краскою", 2 шкафа створчатых, "с камодами, в кои по три ящика, також краскою крашенные с двумя замками в веру каждого", 15 стульев крашенных с кожаными подушками, подсвечники, чернильницы, ножницы, линейки, "счетный стол", бумага писчая. Среди "монетных инструментов" опись перечисляет 10 пар запасных "штепелей", 10 пар "маточников и форм", 2 микроскопа и т. д.

Павел I упразднил все вновь учрежденные монетные дворы, монеты обратили в прежнее достоинство.

Но за переделанной частью Немецкого гостиного двора на долгие годы осталось это название — его называли Монетным двором или Монетным департаментом. В верхнем этаже здания разместили городскую полицию, казенную палату с казначейством и удельной экспедицией, часть здания заняли для хранения вина и соли. Однако прежний корпус Немецкого гостиного двора с обоих концов продолжали понемногу разбирать, и рядом с Таможенным замком и нарядной Биржей руины смотрелись очень неряшливо. Городское общество пыталось спасти хотя бы небережный корпус древнего здания Немецкого гостиного двора, до XIX в. сохранившего первоначальный облик. В нем долго не перестраивали палату, в свое время приготовленную еще для Петра I во время его приезда в Архангельск, долго оберегали белокаменную тесаную плиту, на которой римскими цифрами была выбита дата закладки Гостиных дворов и Каменного города — 1669 г.

В 1829 г. было проведено тщательное обследование состояния здания, которое показало прочность фундамента, отсутствие заметной осадки и трещин в капитальных стенах. Было даже получено разрешение министра финансов на то, чтобы здание отремонтировать, привести в "приличный" вид и "оставить для потомков".

В течение 22 лет появлялись многие проекты приспособления пустующего помещения — под хлебные магазины, богадельню или "смирительный дом". Однако с 1845 г. здание стояло пустым и поэтому быстро разрушалось, а в 1851 г. его довольно чисто разобрали.

Таможенный замок в 1826—1828 гг. вновь отремонтировали, переделали окна верхнего этажа, часть помещений приспособили под присутственные места. С конца 20-х годов XIX в. в набережном фасе Таможенного замка винных и соляных запасов уже не размещали, в 1858 г. верхний этаж был перестроен под врачебную управу, типографию и совестной суд, архив. Правда, в конце XIX в. под архив была перестроена северо-восточная башня Таможенного замка. Во время большого ремонта 1828 г., вероятно "для симметрии", была снесена юго-восточная башня, юго-западная башня Таможенного замка "исчезла" в самом начале XX в., а с 30-х годов осуществлялась фактическая разборка древних стен, которая продолжалась до начала 50-х годов.

Уже несколько лет идут архитектурно-исследовательские и реставрационные работы в оставшейся части Русского гостиного двора. Насколько удастся реставраторам представить все основные этапы "жизни" и строительной истории этого комплекса, покажет только время.

Охранные археологические раскопы в зоне комплекса "Гостиные дворы"

В начале 1984 г. Архангельский облисполком обратился в ЛОИА АН СССР с письмом, в котором просил провести охранные археологические работы на площади предполагаемого пятна застройки в охранной зоне комплекса "Гостиные дворы" в связи с проектируемым административным строительством. Пятно предполагаемого строительства (площадь 2000 м²) почти на 50% должно было совместиться с площадью свайного фундамента деревянного здания 1933 г. Культурный слой в этой части строительного пятна, несомненно, был очень сильно потревожен — деревянные сваи 1933 г., как оказалось, не вбивались в толщу культурных напластований, а закапывались в специально вырытые и выбитые (если встречались каменные кладки) траншеи, затем засыпались и утрамбовывались.

В пятно застройки должны были попасть строительные остатки каменного корпуса, который в XVII в. отделял территорию Каменного города от Немецкого гостиного двора. Стены корпуса за ветхостью были разобраны в 80-е годы XVIII в., как уже отмечалось нами, весьма тщательно. Однако каменные фундаменты корпуса XVII в. оставались в земле и их неизбежно пришлось бы обнаружить при земляных работах. Таким образом, при работах в пятно застройки могли попасть строительные остатки различных строительных эпох, что не могло не потревожить самые древние культурные слои, если таковые были на этой части двинского берега.

Раскоп включал практически всю площадь пятна застройки и составлял 2000 м². Результаты бурения, проведенного строителями, представляли интерес для первичной ориентации в культурных напластованиях

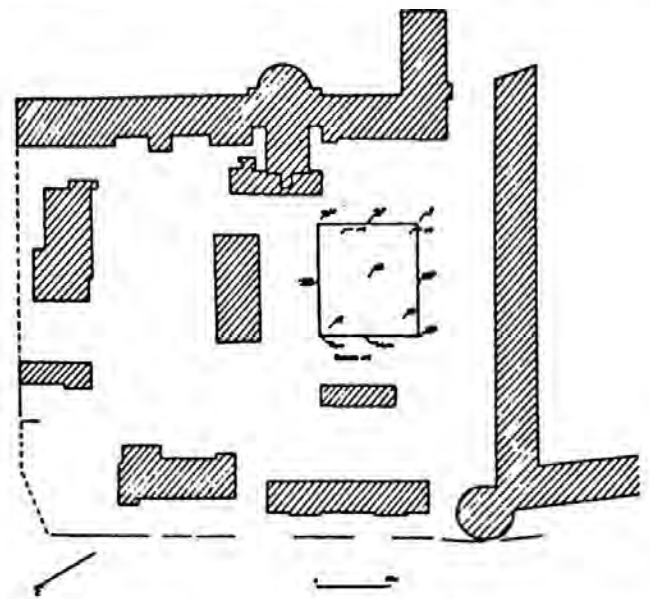

Рис. 42. Охранный раскоп № 1 на стыке Каменного города и Немецкого гостиного двора

участка. Особенно важно было, что уровень водонасыщенного слоя в пределах участка находился на разных глубинах: 3,3 м (скв. № 1); 1,8 м (скв. № 2); 2,7 м (скв. № 3); 1,8 м (скв. № 4); 1,3 м (скв. № 5); 2,0 м (скв. № 6). Такая ситуация могла свидетельствовать о локальных источниках водонасыщения на данной площади и о неровной поверхности уровня материка: во всех колонках подстилающий грунт — полутвердый суглинок зеленовато-коричневого цвета с растительными (торфяными) остатками. С этого уровня всю толщу напластований составляли насыпные грунты (песок, известняковый камень, стекло, щепа, древесные остатки)

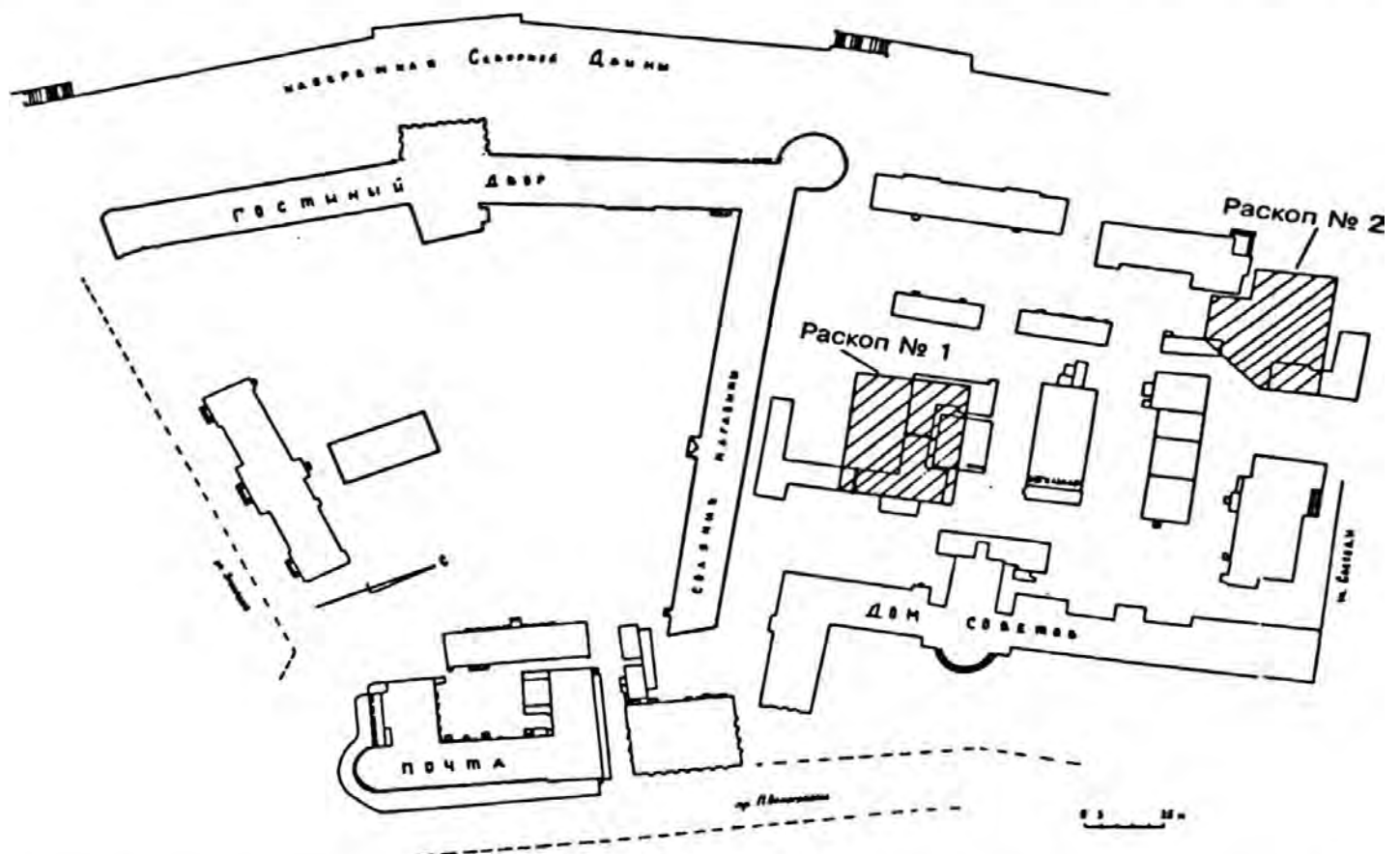

Рис. 43. Охранные археологические раскопы № 1 и 2 на территории Каменного города и Немецкого гостиного двора

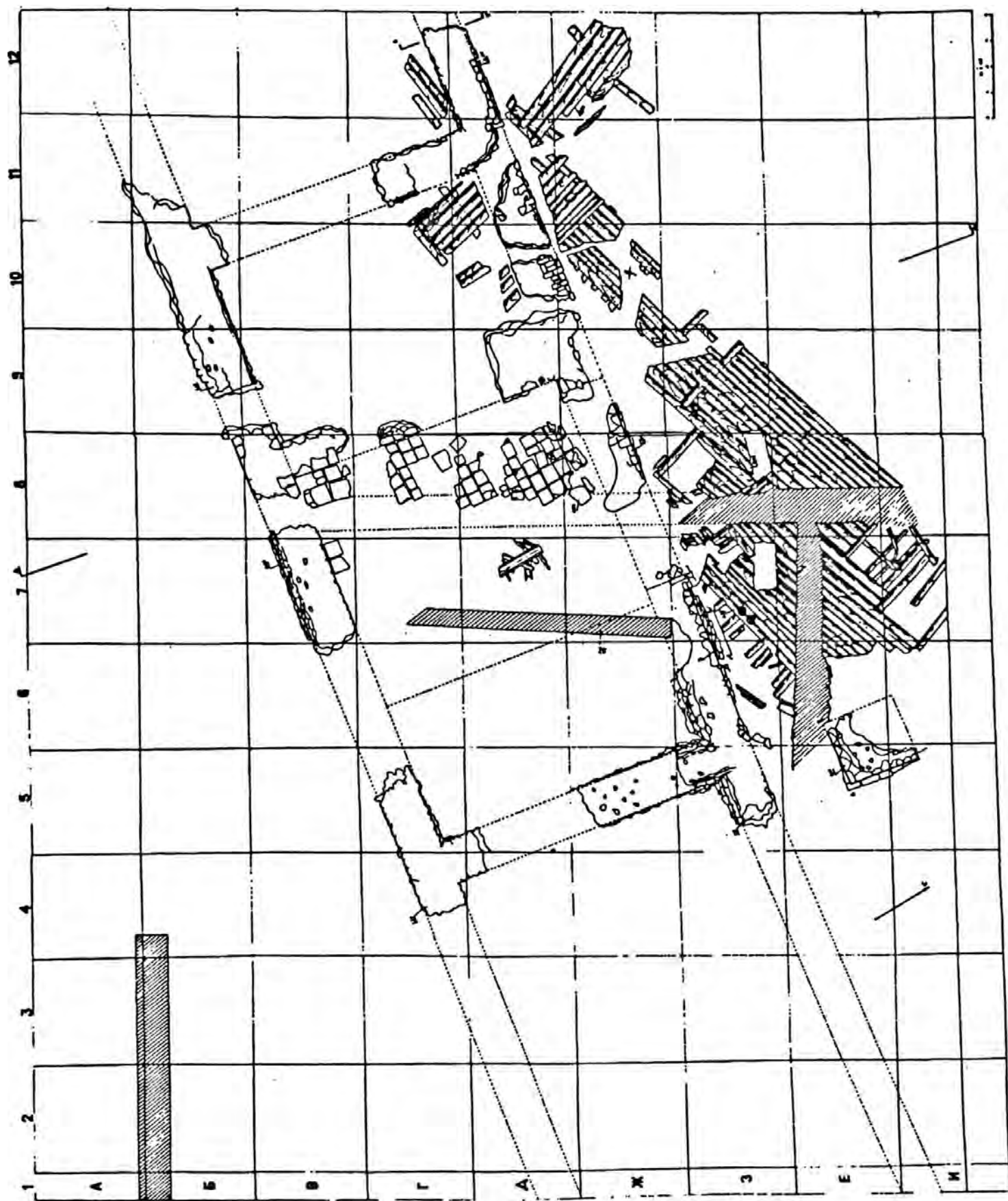

Рис. 44. Охранный раскол № 1. План остатков деревянного Немецкого гостинного двора конца XVI в. и каменного Немецкого гостинного двора конца XVII в.

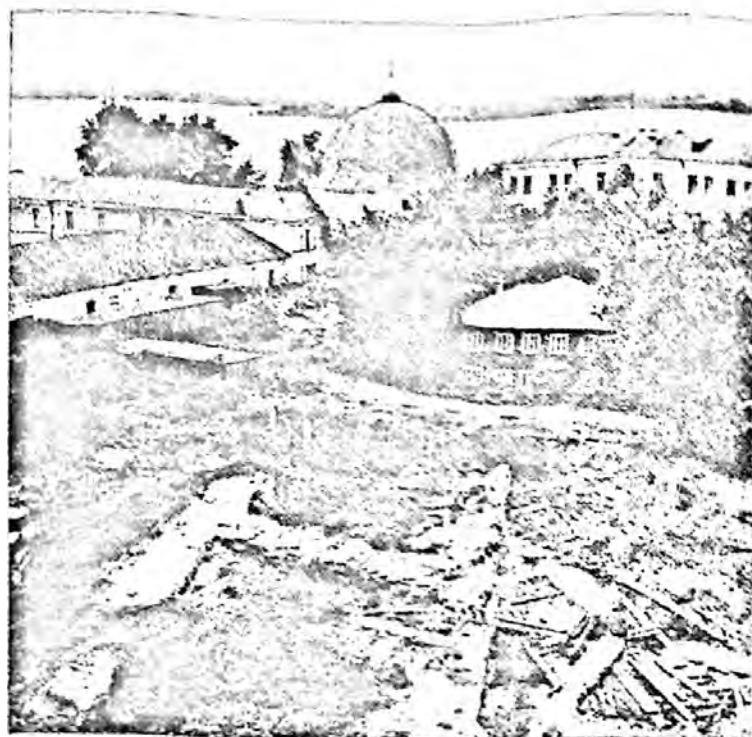

Рис. 45. Охранный раскоп № 1. Общий вид

Рис. 46. Столбовые конструкции и вымосты из судовых досок. Конец XVI в.

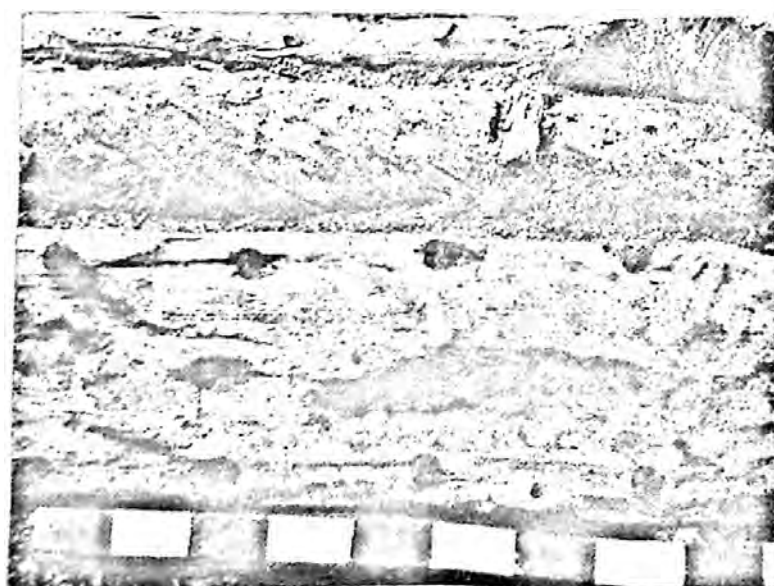

Рис. 47. Фрагмент настила из судовых досок. Конец XVI в.

мощностью от 2,4 м до 3,5 м. Учитывая данные строительной ситуации и геологического бурения, было сочтено целесообразным снять слой позднейшего строительного мусора при помощи техники и выйти на уровень дневной поверхности приблизительно 1786 г. (год слома Немецкого гостиного двора). Эта работа была проведена: при углублении на 1,0 м от отметки "0" не было встречено никаких строительных остатков, кроме верхушек деревянных свай 1933 г. При снятии слоя позднего строительного мусора были сделаны находки XVII—XVIII вв., которые оказались на этом уровне в результате поздних дренажных и строительных работ (чернолощенная керамика, курительные трубочки).

После снятия слоя позднего строительного мусора и зачистки площади раскопа на всей центральной части раскопа обнаружались каменные строительные остатки XVII в.: это был уровень обреза фундамента корпуса, разобранный к 1789 г.

Несколько слов о сохранности каменных строительных остатков XVII в. Как и ожидалось, остатки фундаментов XVII в. заняли центральную часть раскопа и протянулись почти по диагонали с запада на восток. Сохранились значительные части фундаментов, но они явились, по существу, небольшими участками, т. к. свайные и дренажные траншеи разбили фундамент до основания — "прорезали" его во многих местах. В квадратах АБ-11—12, Д, ИЕ-1—4 фундамент практически был выбран до основания в результате каких-то земляных работ. При сооружении на свайном фундаменте деревянного дома 1933 г. были поставлены два каменных фундамента для кирпичных стен — перегородок внутри деревянного дома (квадраты АБ-1—4 и ЖДГ-7), причем каменный фундамент в квадрате ЖДГ-7 частично также разбил фундамент XVII в.

Можно констатировать, что в раскоп попала и хорошо фиксировалась трасса корпуса, который отделял территорию "города" от Немецкого гостиного двора. Этот корпус состоял из двух параллельных стен (толщина обнаруженных кладок до 1,8 м), расстояние между которыми по внешним фасадам 32,6 м (15 сажень). В раскоп попал участок, где фиксируются остатки древнего воротного проема и несколько поперечных отрезков, деливших корпус в нижнем этаже на ряд помещений.

В квадратах ВГДЖ-6—9 зафиксированы остатки древнего воротного проема. Вскоре после завершения строительства гостиных дворов воротные проемы между Каменным городом и Русским и Немецким гостиными дворами были заложены и использовались как складские помещения. Воротный проем пострадал очень существенно: от него остались внутренний угол воротного пилона и часть примыкающей к нему вымостки из белокаменных тесаных плит. Восточная часть пилона сохранилась еще хуже, в квадрате 3-7 можно угадать лишь начало воротного проема. Вымостка воротного проема сделана из белокаменных известняковых плит нестандартного размера (в среднем 0,7×0,7 м, толщиной 0,08 м) с хорошо видимыми следами тески.

Действительно, в 1786 г. здание корпуса между "городом" и Немецким гостиным двором разобрали так "чисто", что на всей площади раскопа не было встречено ни одного фрагмента кирпича XVII в. Более того, был почти полностью разобран белокаменный цоколь здания — сохранились лишь первоначальные участки фундаментов с одним и, совсем ред-

ко, несколькими рядами белокаменных тесаных лицевых блоков кладки цоколя. Лучше сохранилась лицевая кладка на фрагменте основания крыльца в квадратах ЕИ-5—6.

Полностью высота фундамента была вскрыта на небольшом участке в квадратах Э-3—6. Глубина заложения фундамента на этом участке от линий обреза фундамента до его подошвы 1 м (выше идет кладка белокаменного цоколя). Уровень водонасыщенного слоя на этом участке не позволил углубиться и обнажить те сваи, на которые был выложен фундамент — каменный бут. С фасадной стороны фундамента были зафиксированы следы фундаментного рва. Это оказалось возможным потому, что нижняя часть фундамента была шире на 0,5 м и заполняла весь фундаментный ров. В верхней части фундаментного бута три ряда камня обильно пролиты известняковым раствором.

Для изучения свайного фундамента был выбран участок в северо-западной части кладки корпуса в квадрате ДЖ-12. Здесь фундамент сохранился на высоту лишь 0,6 м, но более низкий уровень водоносного слоя (практически воды не было, она натекала с соседних участков по мере углубления в материк) позволил обнаружить деревянные сваи XVII в., которые были вбиты в ров, а потом ров выбучен бутовым камнем. Создавалось впечатление, что на всей трассе корпуса фундаментные рвы лишь в своей части были заглублены в материк, а основная часть их глубины пришлось на гумусный слой — культурный слой предшествующего периода. Под подошвой каменного бута находились сваи — имея относительно небольшой диаметр (0,15 м), они были забиты довольно плотно (3—7 свай на квадратный метр). Концы свай затесаны острым треугольником, длина свай до 2,6 м, торцы их слегка разбиты (следы вбивания).

Таким образом, процесс сооружения каменных гостиных дворов в Архангельске, зафиксированный в письменных источниках, полностью подтвердился во время охранных работ: после открытия фундаментных рвов в них "бились" сваи, после чего ров выбучивали камнем, ставили на фундамент цоколь из белого тесаного известняка, а уже на цоколе возводились кирпичные стены здания.

В северной части раскопа зафиксированы остатки большого деревянного сооружения, которое можно считать частью первоначального деревянного Немецкого гостиного двора, сгоревшего в грандиозный пожар 1667 г.

Деревянный гостиный двор XVI в. Остатки деревянного сооружения, которое можно интерпретировать как часть Немецкого гостиного двора, стратиграфически залегают значительно ниже дневной поверхности каменного здания XVII в. (почти на 0,7 м) и лежат непосредственно на слое торфа. Трасса фундаментных рвов строительства 1667—1684 гг. как бы "рассекла" нижние части деревянного гостиного двора, их даже не стали разбирать, а просто "прорубились" через них. То есть после пожара были проведены какие-то значительные нивелировочные работы, во время которых тот "мост" (платформа), на котором стояли постройки деревянного Немецкого гостиного двора XVI в., не был виден. Сохранность этого сооружения фрагментарна, несмотря на то, что он зафиксирован на трассе 30 м. Западная часть сооружения сильно пострадала в пожаре и была почти сплошь обуглена, причем обуглены были не только доски настила, но и подкладки

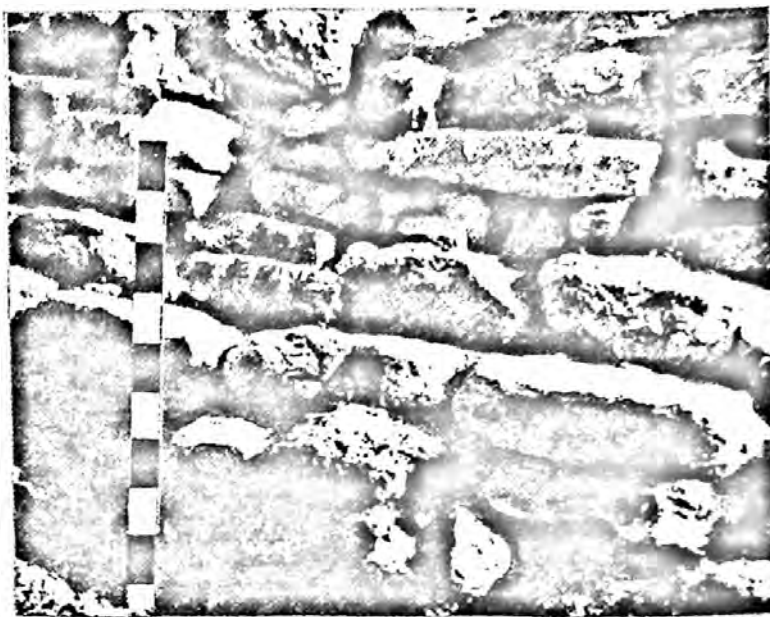

Рис. 48. Известняковый фундамент каменного корпуса. XVII в.

Рис. 49. Фрагмент белокаменного цоколя. XVII в.

Рис. 50. Цоколь стен XVII в. и воротная вымостка

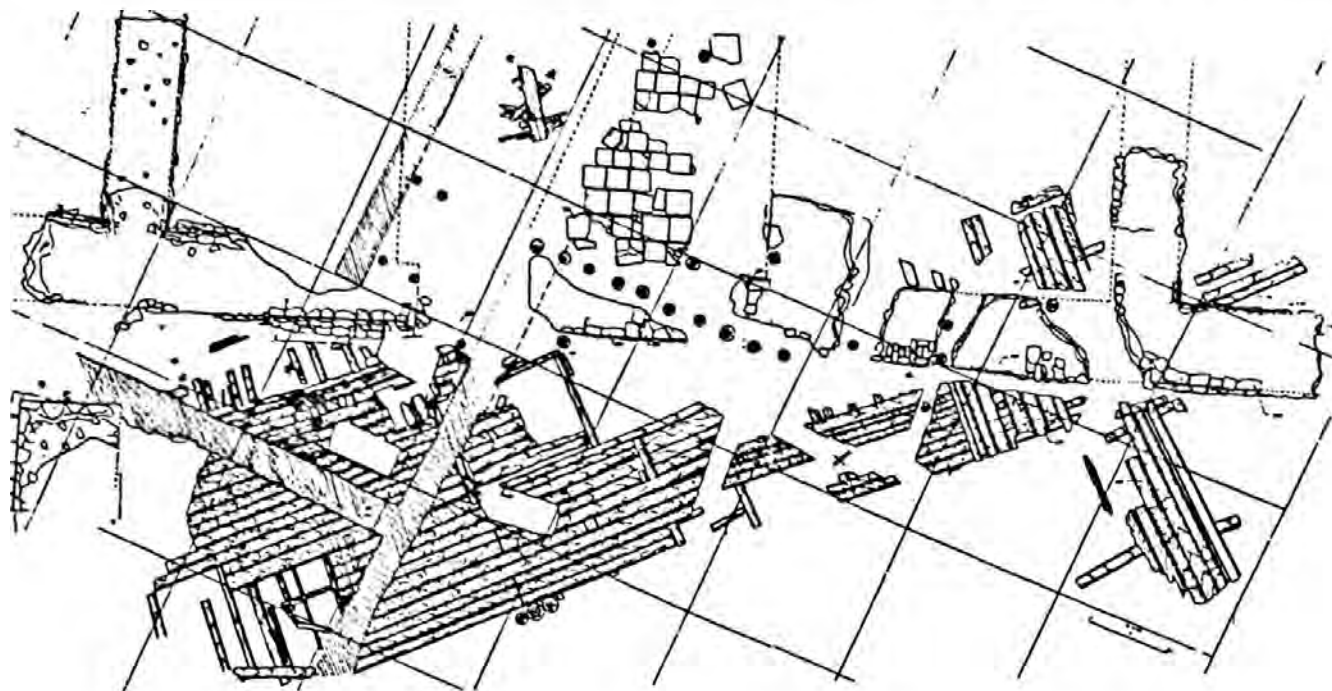

Рис. 51. Охранный раскоп № 1. Остатки деревянного Немецкого гостиного двора XVII в.

под них. Восточная часть сооружения (особенно в квадрате ЕИ-7) также имеет следы пожара, но обгорели только поверхности настила. Следы пожара, обнаруженные во время раскопок, можно довольно точно связать с грандиозным пожаром, который бушевал в Архангельске с 16 мая 1667 г., когда "в Вознесенев день учинился у Архангельского города пожар, а загорелось в мясном ряду в пустом анбаре. И от того пожару мясной ряд, и торговая баня, и немецкие двory, и гостиные двory Русские и Немецкие, и томожня, и церкви, которые стояли по нижнюю сторону города близь гостиных дворов, и русских людей анбары и лавки все погорели без остатка". Если этот пожар уничтожил нижнюю по течению Двины часть поселения, то следующий пожар, который случился в сентябре 1669 г. (сентябрь 178 г.) и начался в том же месте, что и пожар 1667 г., уничтожил уже всю центральную часть поселения — "город"-крепость, съезжую избу, "и

Рис. 53. Вымостка из судовых досок Немецкого гостиного двора. Конец XVI в.

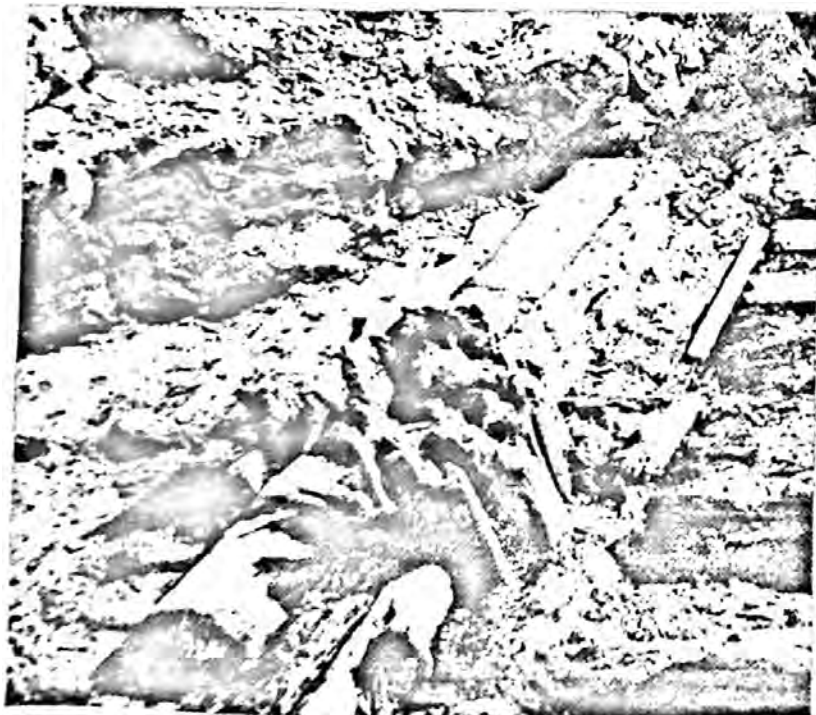

Рис. 52. Деревянный Немецкий гостиный двор конца XVI в.

воевоцкий двор, и государевы житницы с хлебом, и анбары, и лавки, которые построены были в городе и в остроге после пожару на время, все погорело без остатка". Так что причину гибели первых на этом месте деревянных гостиных дворов конца XVI в. вполне логично связать с этими трагическими событиями.

Обнаруженный настил представлял собой мощную вымостку ("мост") из широких толстых (до 45 см шириной и 4—5 см толщиной) досок, уложенных на многочисленные лаги-подкладки. Можно предположить, что трасса этой вымостки — "моста" с обеих сторон фланкировалась не досками, а бревнами, которые как бы укреплялись двумя-тремя вертикально вбитыми бревнами. На такой конструкции уже возводились собственно торговые и жилые помещения гостиного двора. Подобный конструктивный прием был прослежен на древних деревянных сооружениях во время осмотра строительных котлованов Архангельска в 1958 и 1960 гг. Сейчас трудно судить о планировке стоявших

на этом "мосту" помещений, хотя одна "ячейка" из них вроде бы угадывается. Речь идет о срубе в квадрате 3-8 размерами 2,7×3,5 м (сруб сохранился на один венец). Практически вся вымостка сделана из досок, имевших многочисленные круглые пазы, причем в некоторых из них оставались нагеля, т. е. все доски принадлежали разобранным судам. Найдены отдельные нагеля и часть борта большой лодки. Деревянный "мост" был срублен на тонком слое щепы на торфе, т. е. рубился тут же, на месте, и стратиграфически относится к древнейшему строительству на данной территории современного Архангельска. Для уточнения абсолютной датировки были взяты спилы с пригодных для определения бревен и подкладок под "мост", а также с деревянных свай под каменным фундаментом 1667 г. К сожалению, не все 20 образцов из-за плохой сохранности древесины удалось датировать. Тем более интересны полученные даты, особенно из вертикальных конструкций первоначального гостиного двора, — два образца датируются 1575 г. (определение дендролога И. А. Резниковой).

Рис. 55. Охранный раскоп № 1.
Деревянные и каменные конструкции

Рис. 54. Деревянные сваи из фундаментного рва. XVII в.

Вещественные находки по площади раскопа распределялись неравномерно — почти все они были сосредоточены в пятне древней деревянной вымостки и по своему ассортименту скудны: фрагменты штофного и бутылочного стекла, курительные трубочки, единичные изделия из железа, кости; фрагменты сероглиняной посуды XVI в. и чернолощеной посуды XVII в. немногочисленны. При расчистке деревянной вымостки в слое на ней обнаружены изделия из дерева — клепка и донца от бочек, ушатов, нагеля, мутовка, колотушки и т. д.

Охранные археологические работы, проведенные в пятне застройки, выявили, таким образом, основные этапы его застройки, причем данные археологии и исторических документов совпали и дополнили друг друга. "Простая" стратиграфия данного участка, слабая насыщенность его индивидуальными находками объясняются не жилым, а административно-торговым характером этой застройки.

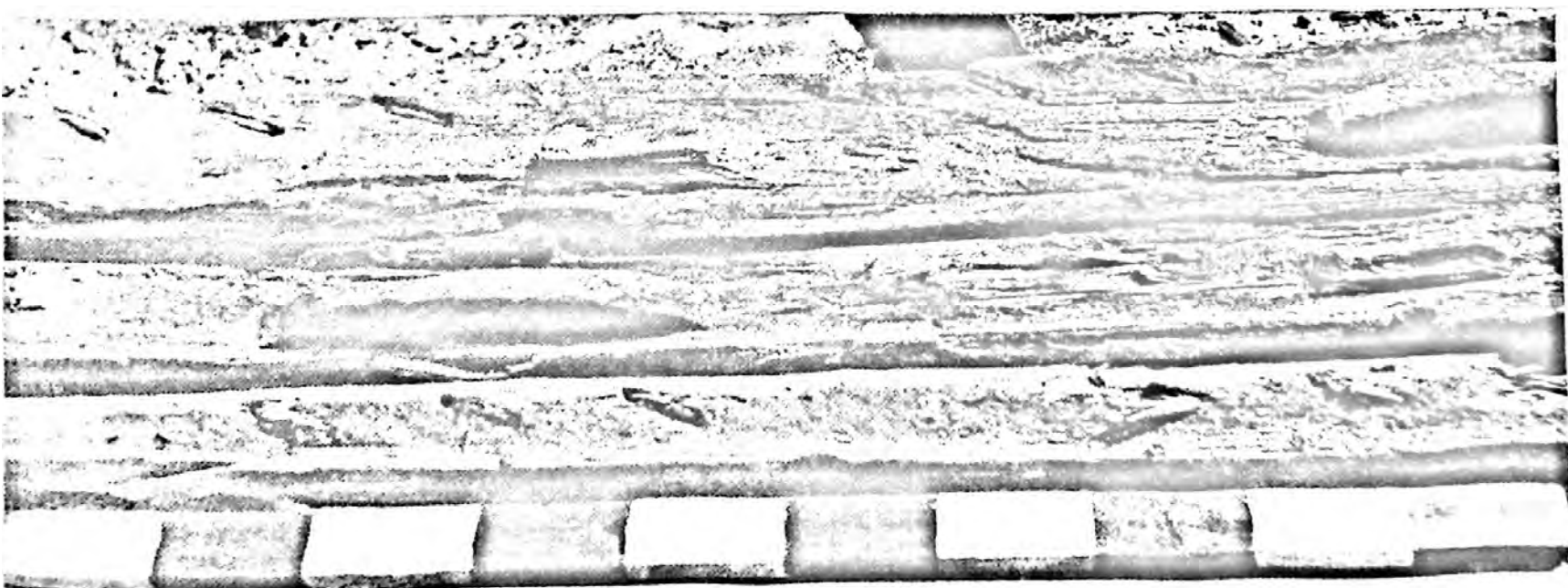

Рис. 56. Деталь обшивки днища судна XVI в. (использован архаичный прием соединения обшивки и шпангоутов при помощи кламп)

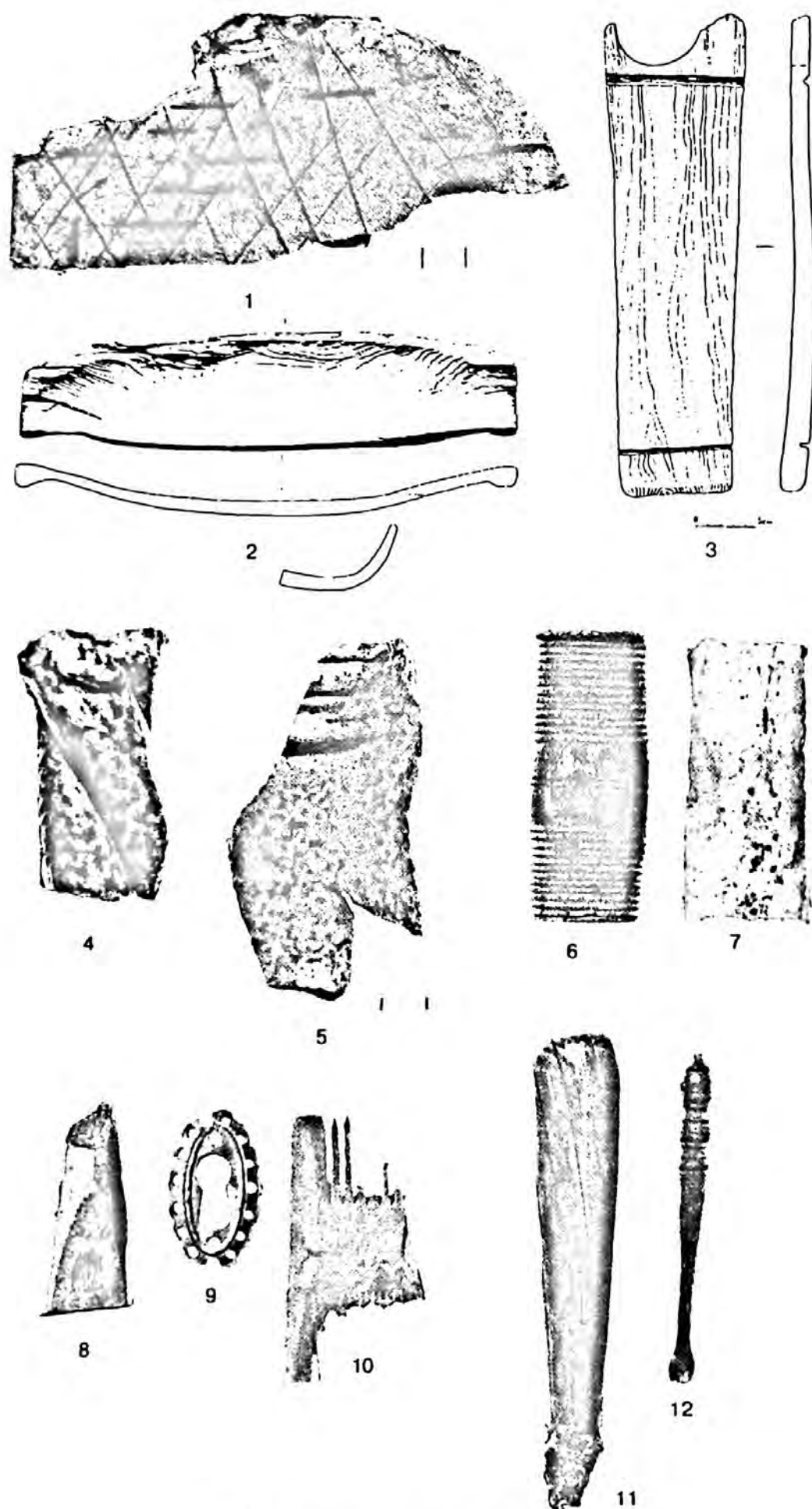

Рис. 57. Охранный раскоп № 1.

1 — кусок бересты; 2 — деревянное корыто; 3 — клепка от бочки; 4, 5 — фрагменты импортной посуды XVI в.; 6—12 — костяные изделия XVI—XVIII вв.

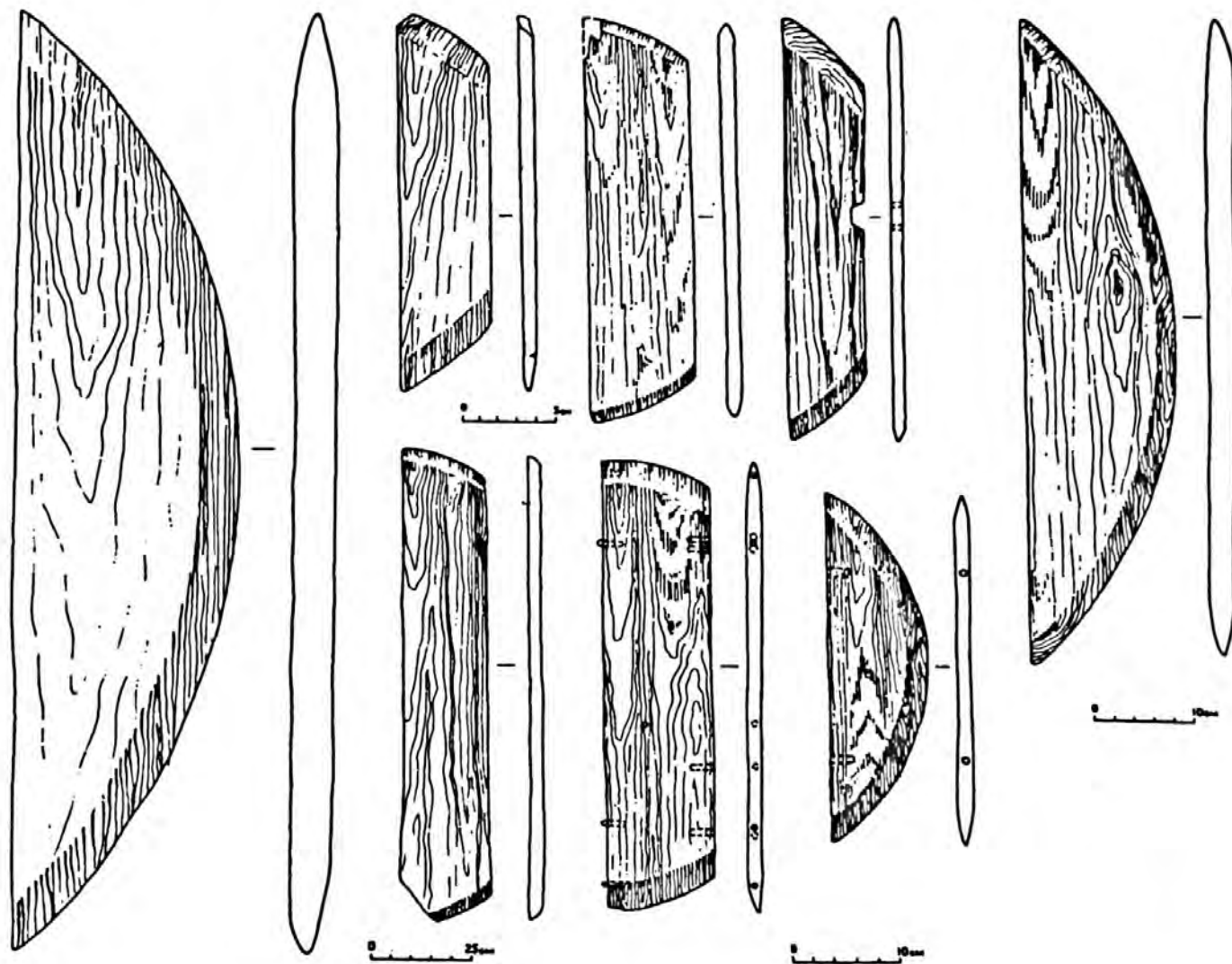

Рис. 58. Охранный раскоп № 1. Деревянные крышки и днища от бочек. XVI—XVII вв.

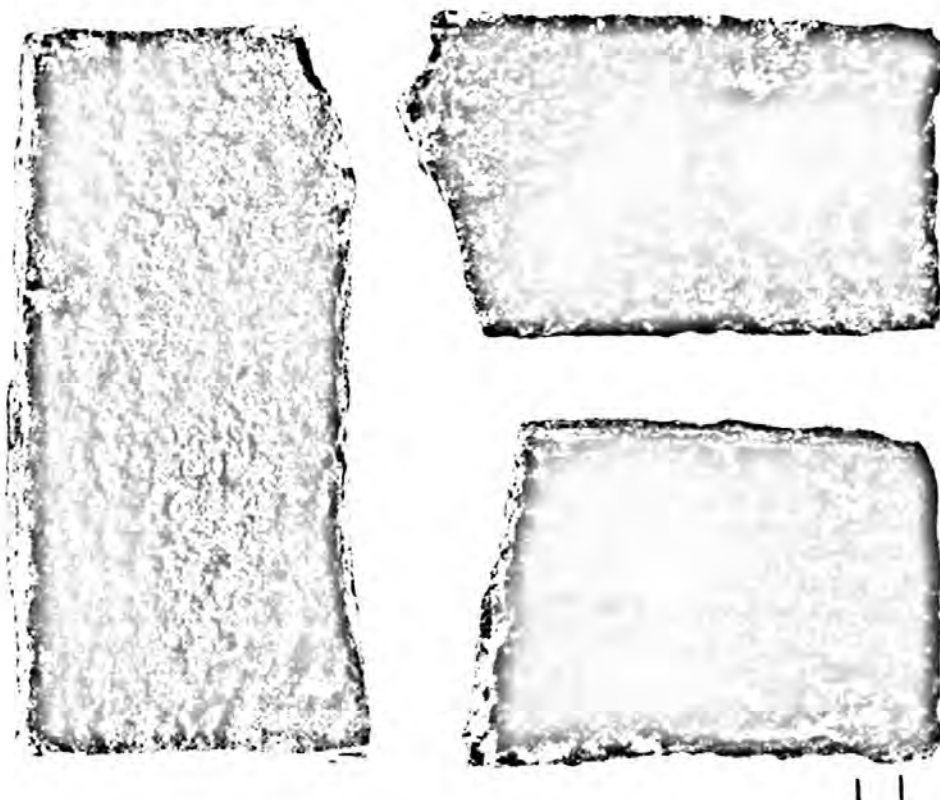

Рис. 59. Охранный раскоп № 1. Голландские печные кирпичи. XVI в.

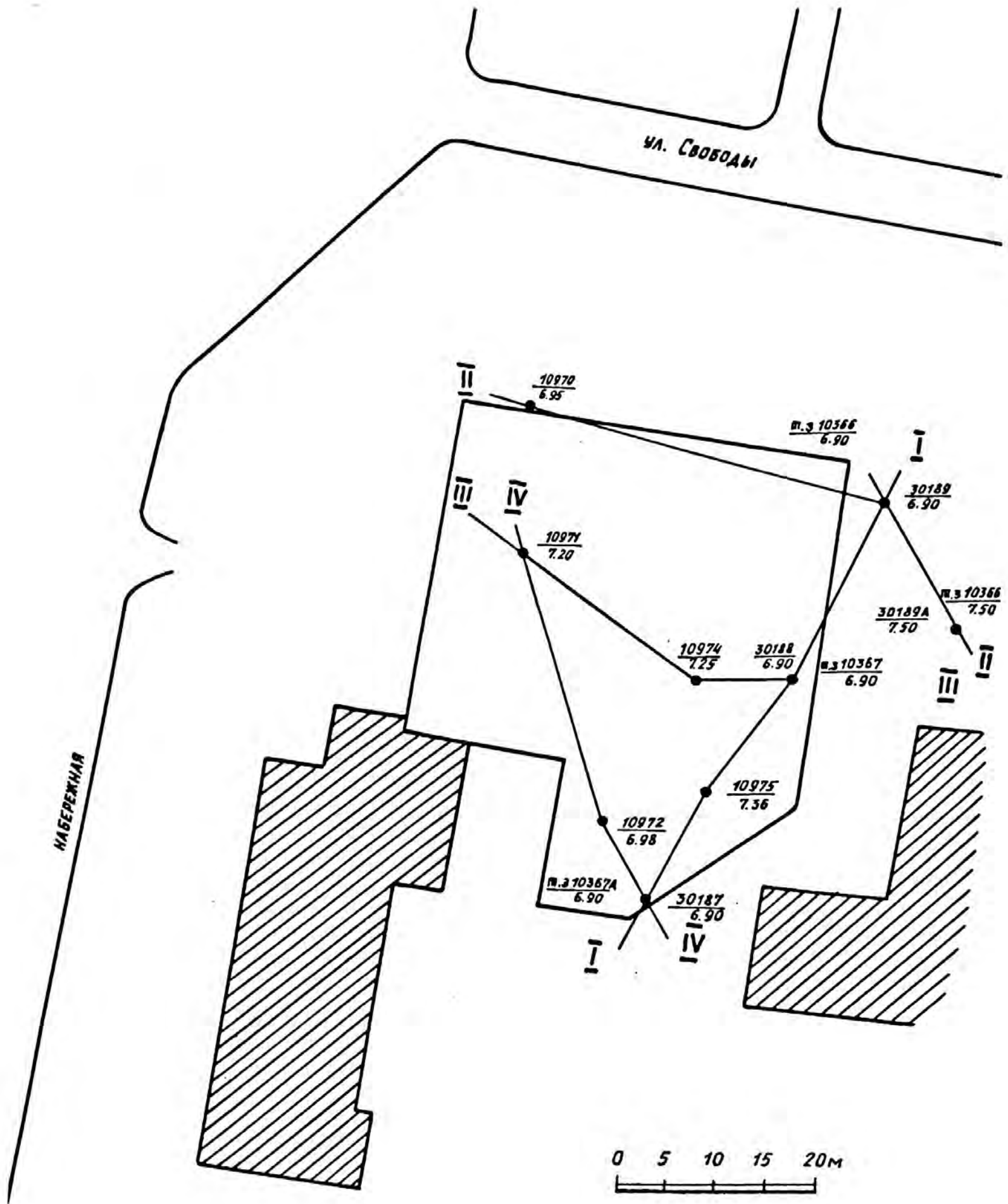

Рис. 60. План охранного раскопа № 2.

I—IV — скважины в районе раскопа

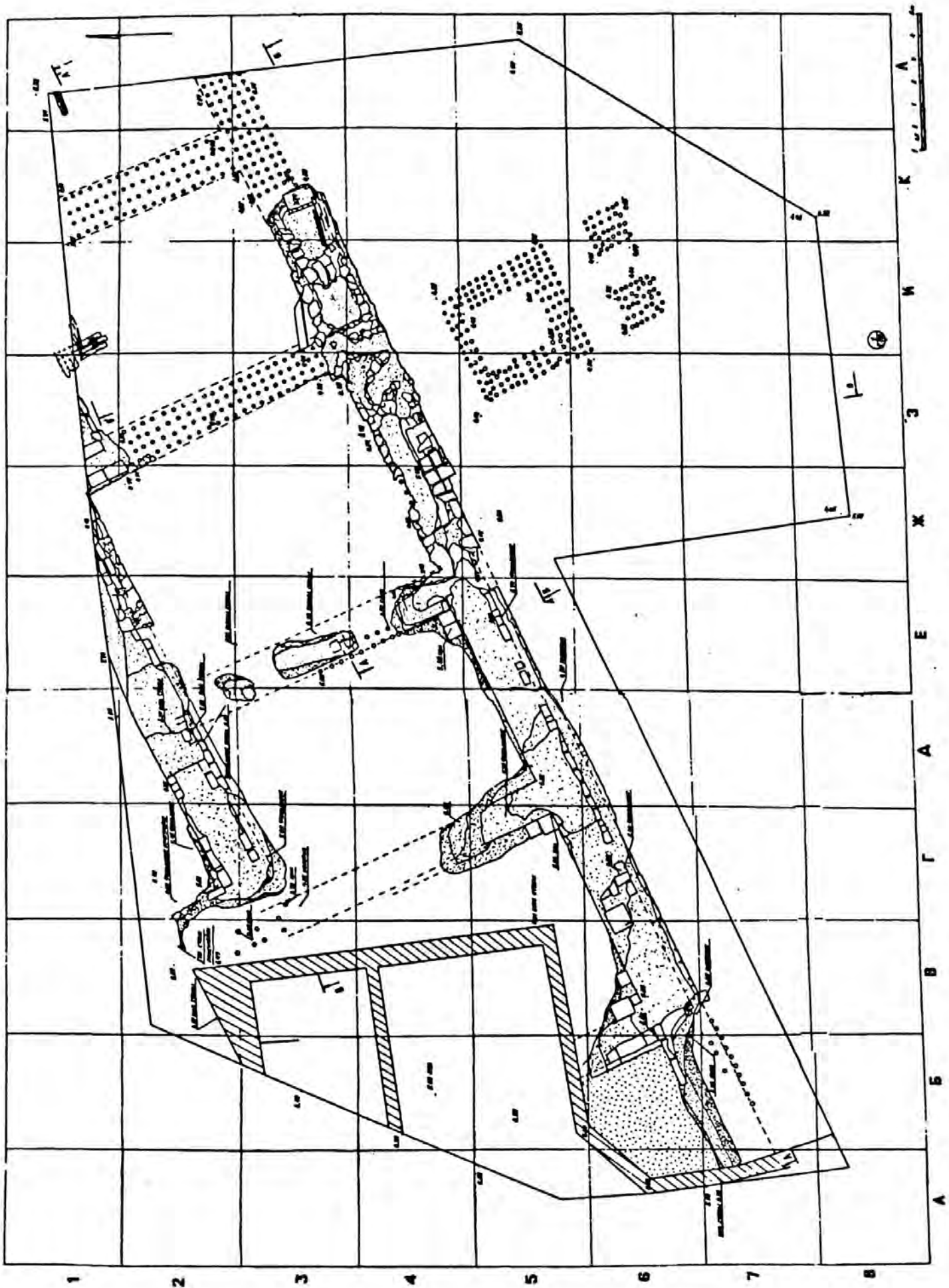

Рис. 61. Охранный раскол № 2. План

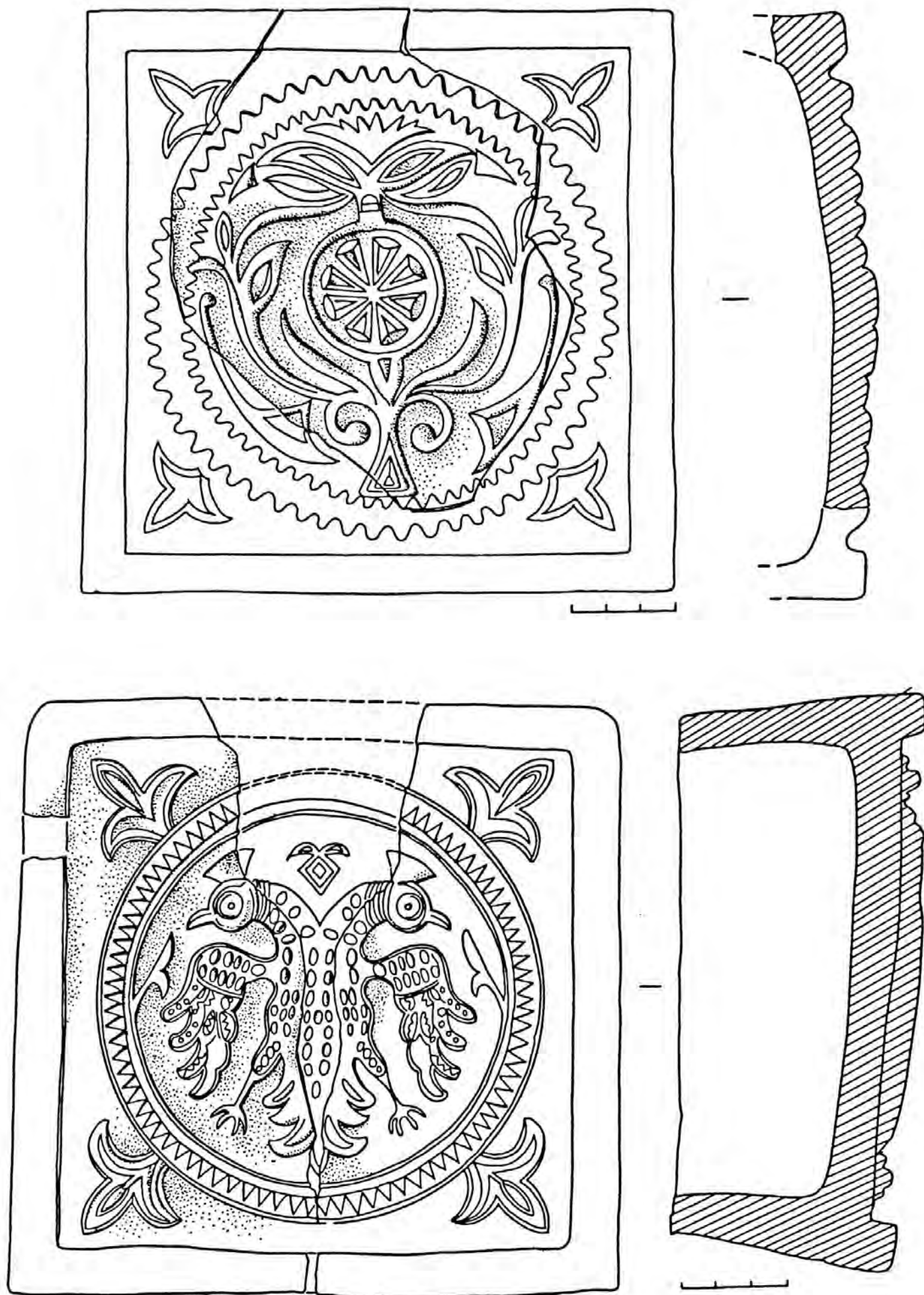

Рис. 62. Охранный раскоп № 2. "Зеркальные" печные изразцы. XVII в.

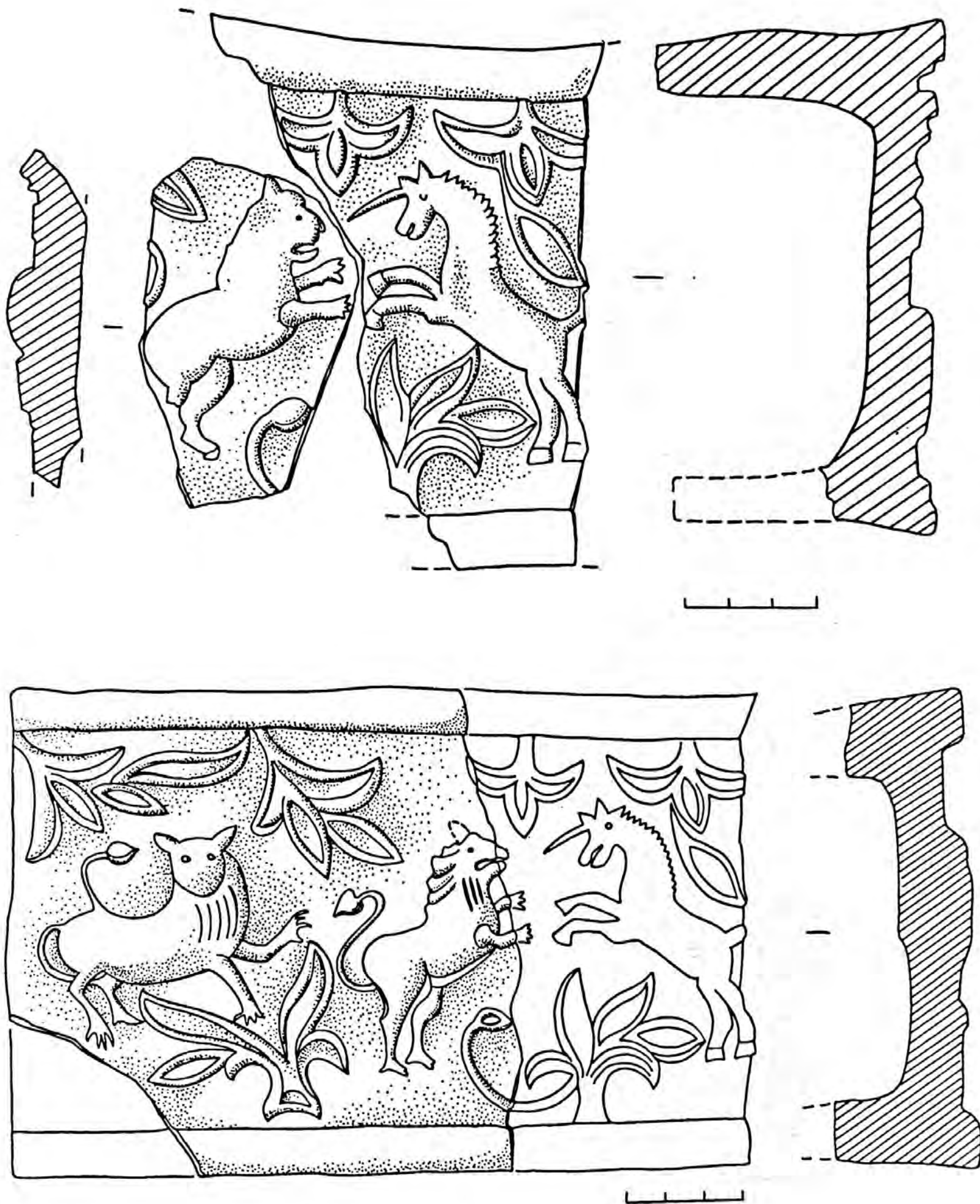

Рис. 63. Охранный раскоп № 2. Печные изразцы ("пояски"). XVII в.

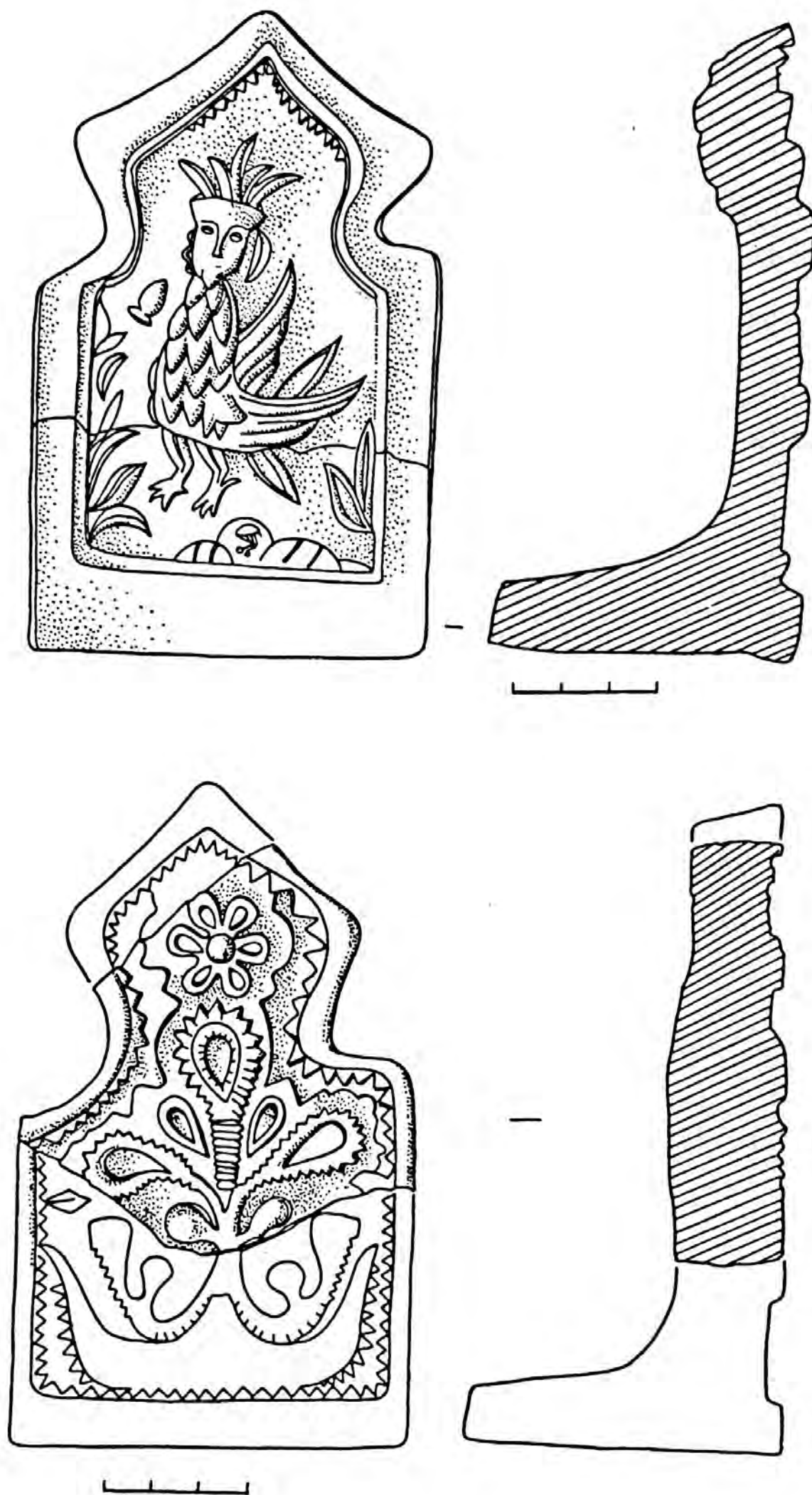

Рис. 64. Охранный раскоп № 2. Печные изразцы ("городки"). XVII в.

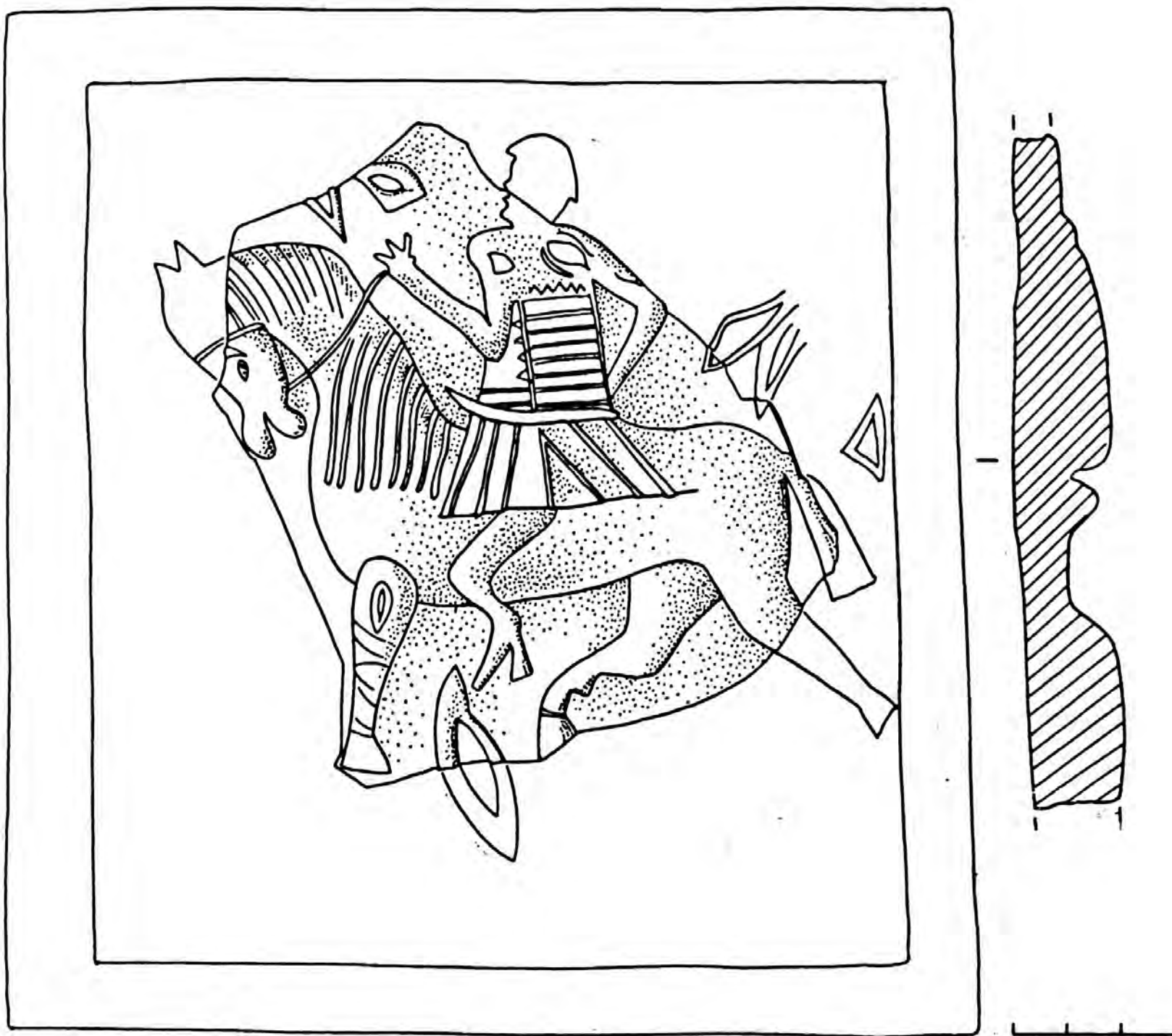

Рис. 65. Охранный раскоп № 2. "Зеркальный" печной изразец. XVII в.

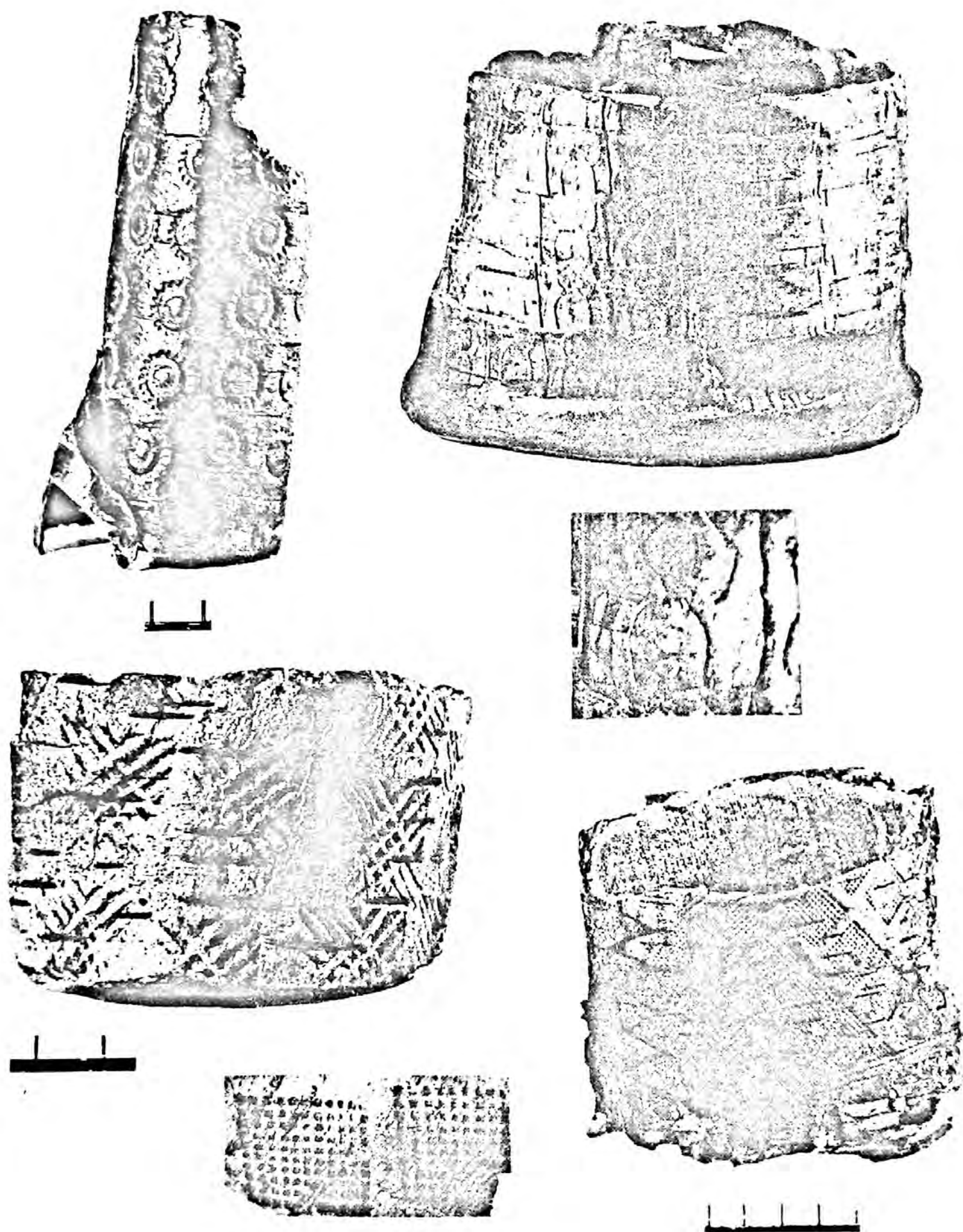

Рис. 66. Фрагменты туясов из бересты с тиснением. XVII в.

(Строительный котлован на территории бывшей Стрелецкой слободы. Наблюдение за котлованом Ю. П. Прокопьева. 1959 г.)

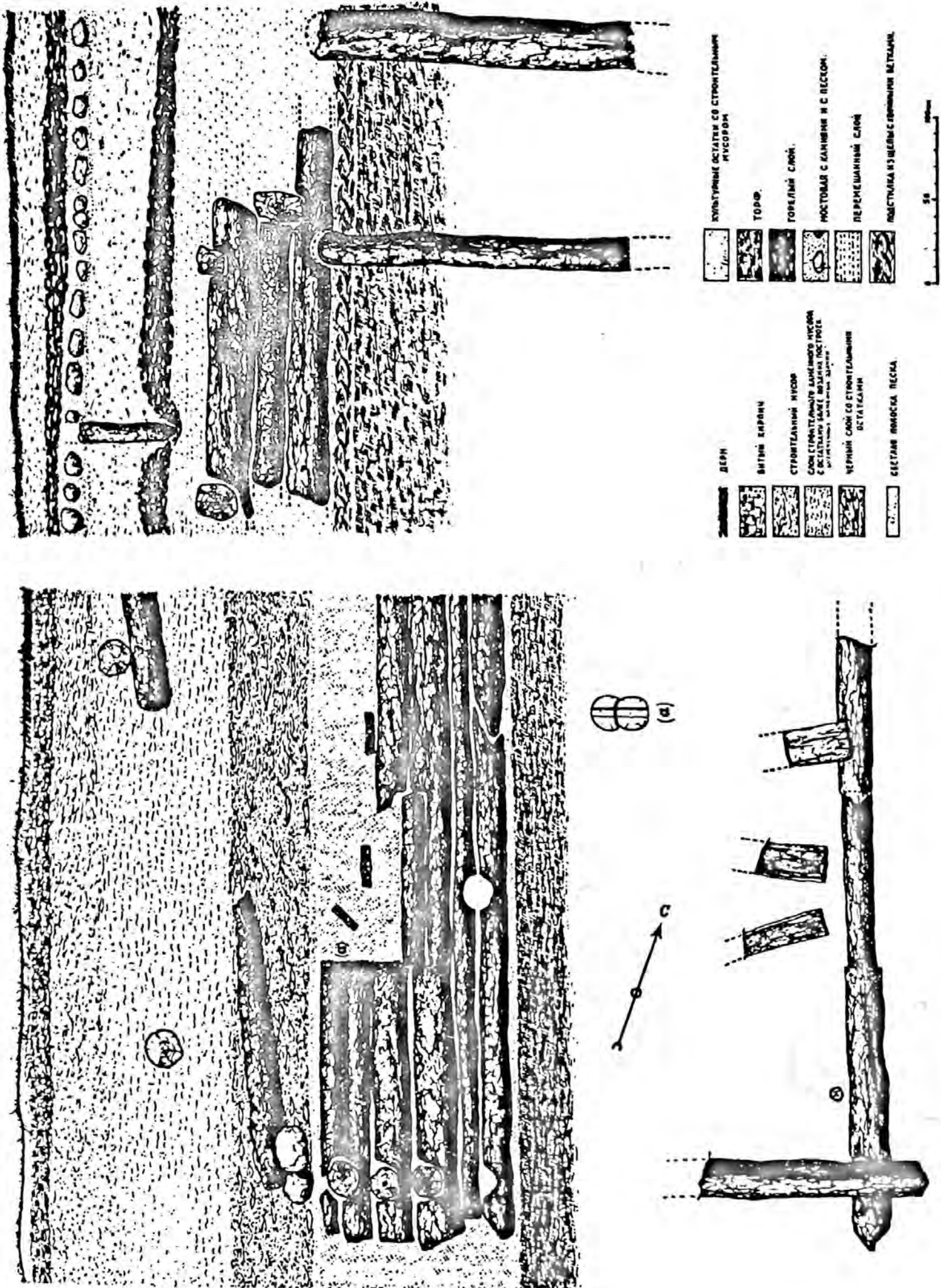

Рис. 67. Строительный котлован к востоку от бывшей Рождественской церкви. Строительные остатки XVII в. Осмотр котлована О. В. Овсянниковым в 1959 г.

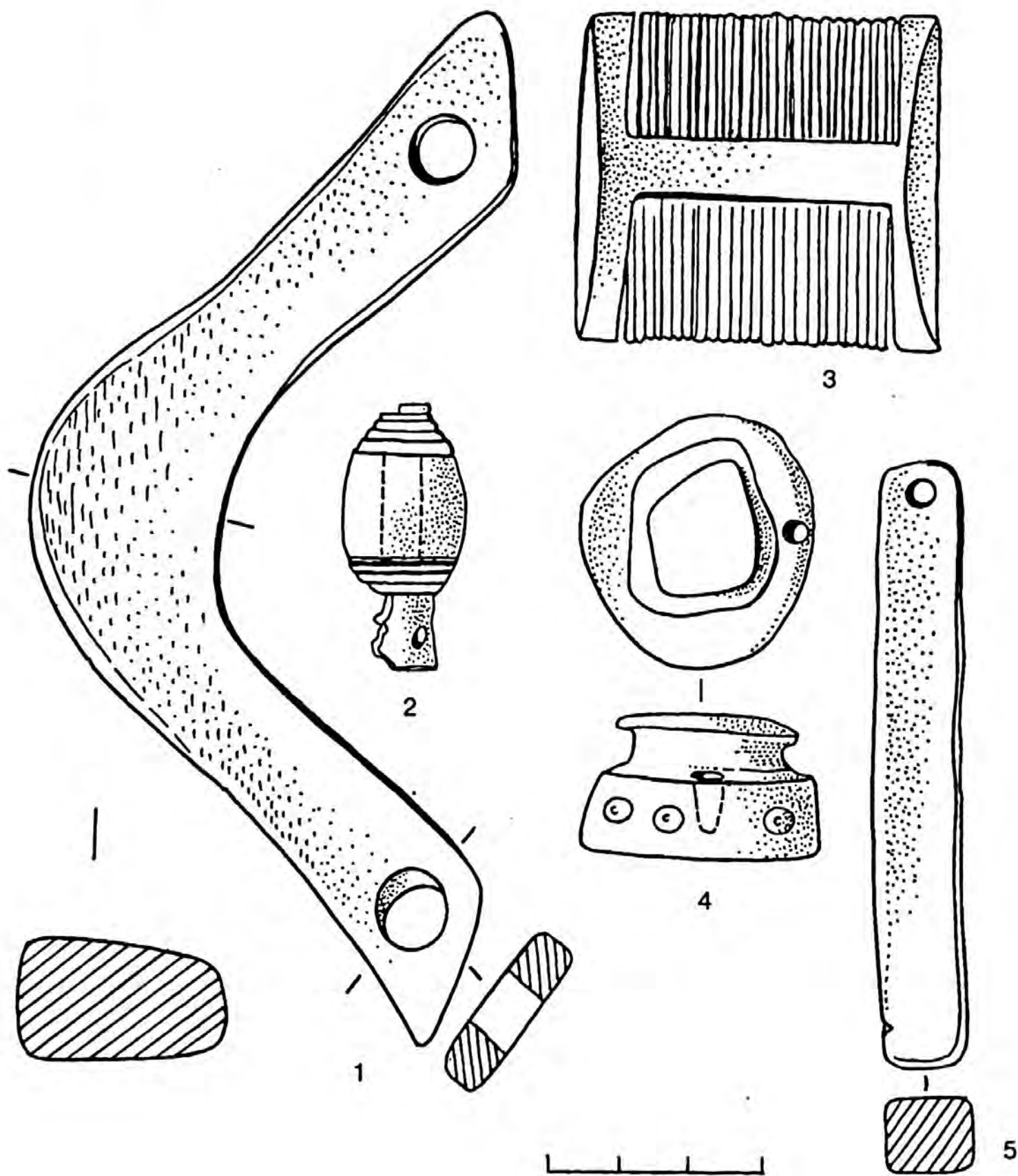

Рис. 68. Строительный котлован на территории бывшей Стрелецкой слободы. Костяные изделия.
 1 — «сян», деталь оленье упряжи; 2, 4 — держатели наконечника стрелы; 3 — гребень; 5 — оселок. XVII в.

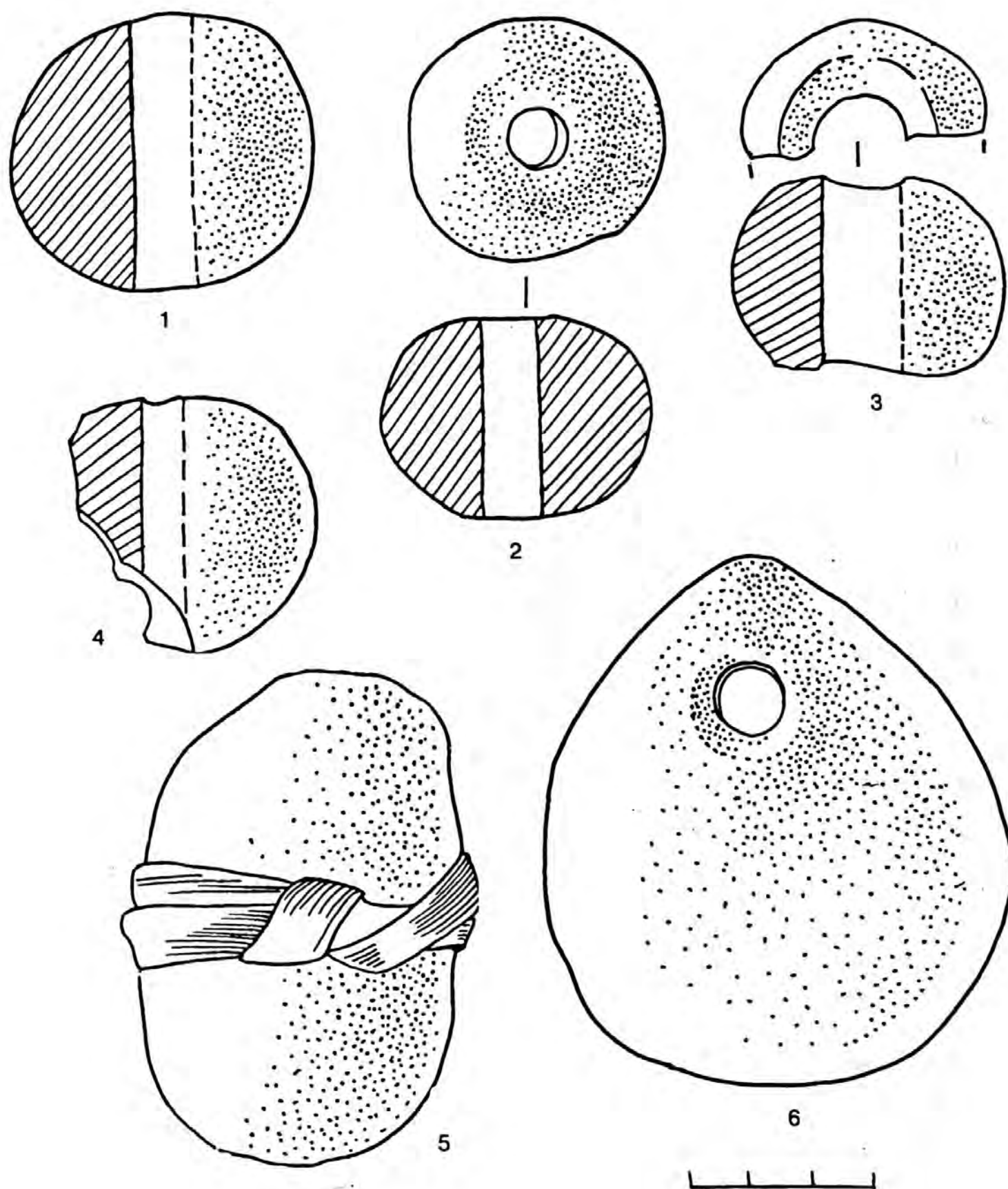

Рис. 69. Архангельск. Подъемный материал.
1-4 — керамические грузила; 5, 6 — каменные грузила

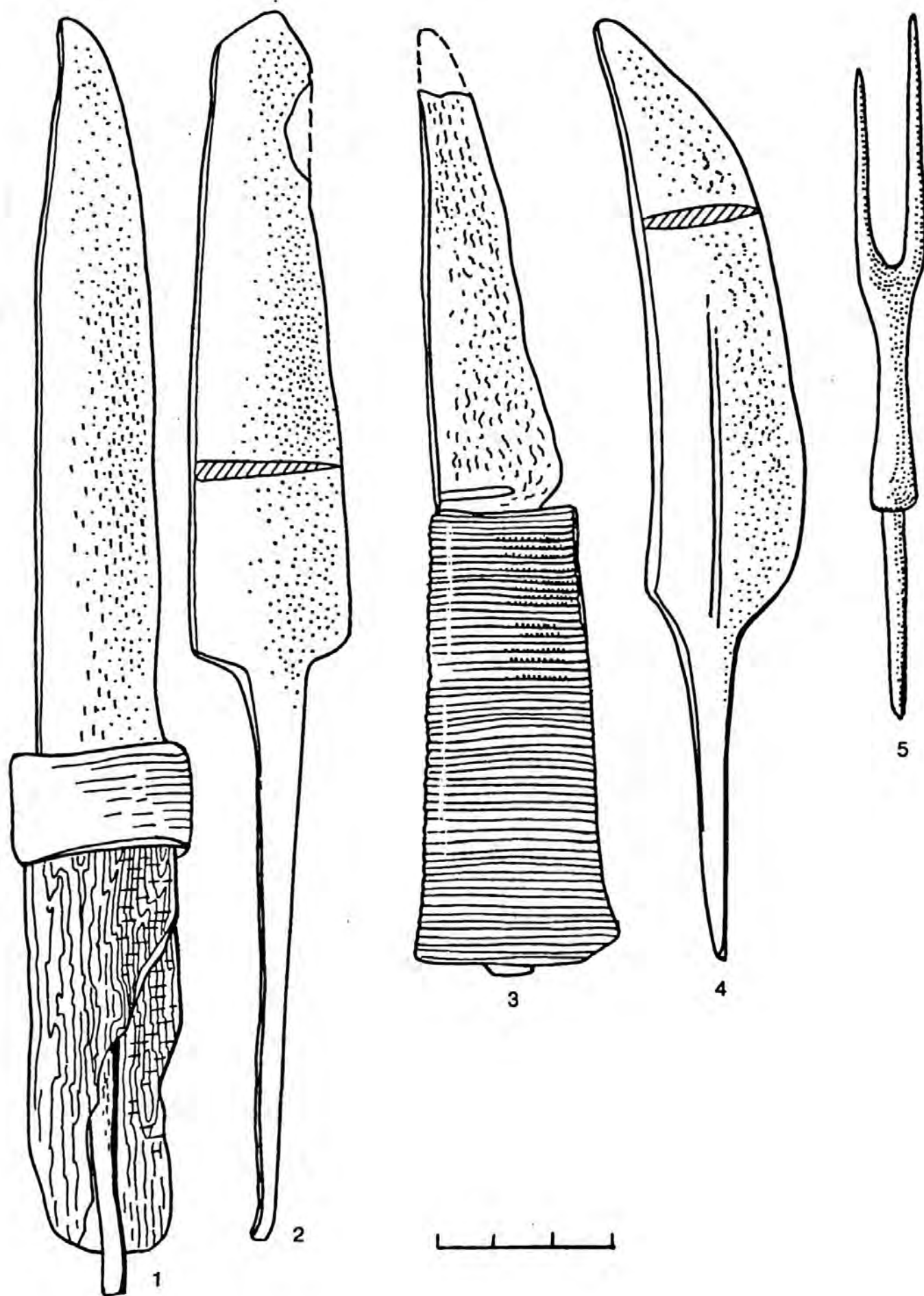

Рис. 70. Соломбала. Подъемный материал.
1—4 — железные ножи; 5 — вилка

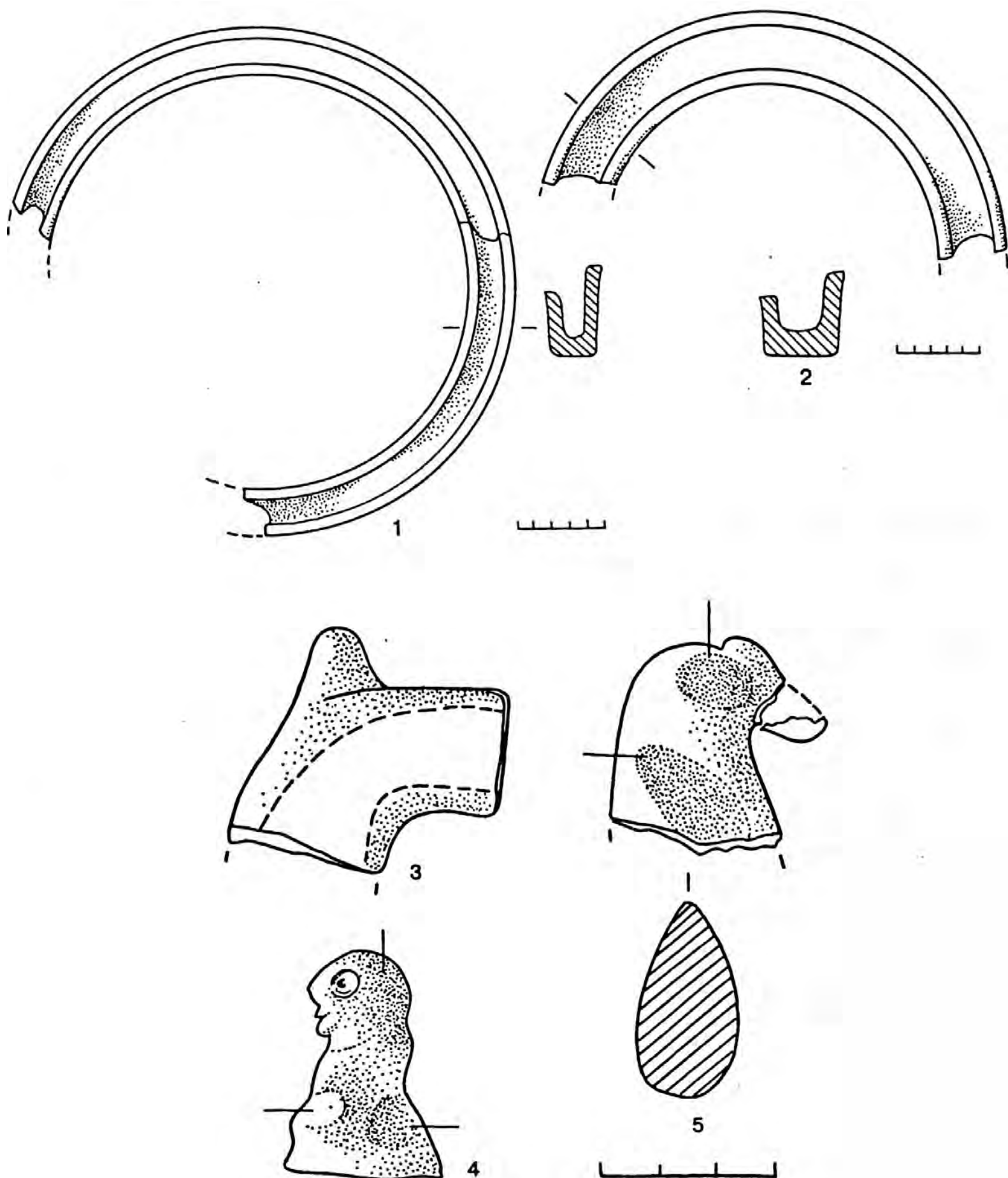

Рис. 71. Подъемный материал.

1, 2 — детали сборного керамического дымохода (Стрелецкая слобода);
3 — фрагмент чернолощеного глиняного рукомытника; 4, 5 — глиняные игрушки

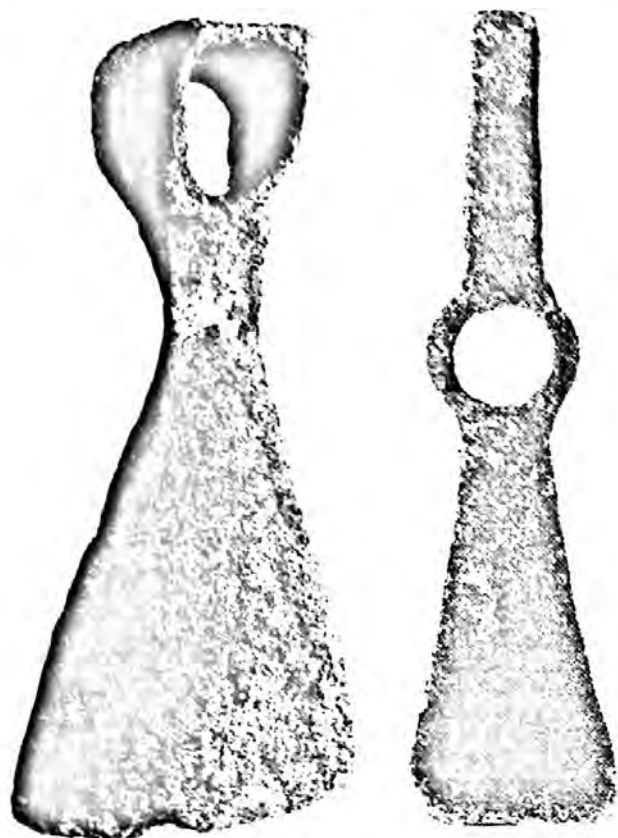

Рис. 72. Охранный раскоп № 1. Железные инструменты. XVII в.

Заключение по результатам споро-пыльцевого анализа образца торфа*

В настоящее время г. Архангельск расположен в северной части хвойно-лесной таежной зоны. Современная растительность региона, в котором расположен город, в целом является следствием сложной динамики природных процессов голоцена.

Представление о голоценовой истории растительности всего данного региона дают споро-пыльцевые диаграммы торфяных месторождений Опаринского (район с. Опаринское, водораздел рек Северной Двины и Ваги) и Шенкурского (район г. Шенкурска на р. Вага)¹⁷⁹. Из анализа споро-пыльцевых диаграмм этих месторождений следует, что в древнем голоцене в лесах господствовала сосна, второе место принадлежало ели, третье — березе. В раннем голоцене основные площади занимали сосняки. В среднем голоцене, в связи с потеплением климата (климатический оптимум голоцена), в лесах появились единичные широколиственные древесные породы и орешник, произошло частичное замещение сосны и ели березой и ольхой, что соответствует климатическим условиям южной части тайги.

В связи с похолоданием климата в первую половину позднего голоцена изменился состав лесов. В районе получили распространение северотаяжные леса с господством ели и сосны без примеси широколиственных пород, орешника и ольхи. Во вторую половину позднего голоцена участие ели в составе лесов несколько сокращается за счет увеличения роли сначала сосны, а позднее березы. Это свидетельствует о еще большем похолодании и возрастании заболоченности территории.

Состав споро-пыльцевого спектра торфа, на котором, по существу, возникли некоторые части Архангельского поселения (отдельные участки Архангельска, как следует из характера топографии его территории, возникли на "угорах" — возвышенных глинистых местах, другие — на более равнинных торфяниковых площадках), напоминает состав спектров, полученных для верхних горизонтов торфяного месторождения Опаринское. Господствует в спектре пыльца сосны (около 55%) — *Pinus silvestris* L. Второе место принадлежит пыльце березы — около 25% (*Betula sect. Albae*, *B. fruticosa*, *B. nana*). Третье место — пыльца ели — около 15% (*Picea excelsa*). Единичное присутствие отмечается для пыльцы ольхи и ивы.

Данные споро-пыльцевого анализа образцов охранного раскопа (территория гостиных дворов) хорошо согласуются с той

реальной картиной, которая была выявлена археологами на данном участке: перед постройкой первых, деревянных гостиных дворов (1584—1590 гг.) площадка для строительства была расширена преимущественно от мелкого и редкорастущего здесь сосняка (небольшие размеры сохранившихся пеньков сосны говорят о том, что лес был образован не крупными деревьями).

Образцы для споро-пыльцевого анализа были взяты после снятия культурного слоя.

В 1991 г. ИИМК РАН в связи с проектируемым строительством гостиничного комплекса провел охраняемые археологические работы в северо-западной части Немецкого гостиного двора (в 60 м к северо-западу от охранного раскопа 1984 г.). В прибрежной части современного Архангельска система улиц в общих чертах повторяет конфигурацию комплекса гостиных дворов и Каменного города: лицевой фасад — вдоль набережной Северной Двины, восточный фасад — вдоль Троицкого проспекта, южный — вдоль Воскресенской улицы и северный — по улице Свободы (б. Полицейская). В пятно застройки мог попасть стык западной и северной стен Немецкого гостиного двора, а возможно, и угловая башня.

Археологические особенности в зоне гостиных дворов были известны по работам в охранном раскопе 1984 г. На новом участке стратиграфическая ситуация во многом могла повториться, но не было исключено и появление новых проблем, связанных с тем, что в этой части Немецкого гостиного двора велись строительные работы по возведению Монетного двора. Кроме того, нельзя было исключать и наличие более ранней деревянной гражданской застройки, предшествующей каменным гостиным дворам. Данные геологических буровых скважин свидетельствовали о наличии довольно мощного культурного слоя.

Таким образом, работы предусматривали выявление основных объемов строительных остатков древней застройки этой части гостиных дворов, определение трассы древней кладки (фундаментов и стен) и возможностей ее консервации или музеефикации. Охраняемые работы проводились с 1 июня по 8 июля и с 10 ноября по 20 ноября 1991 г.** Основная трудность на начальной стадии работ заключалась в том, что проектом не было точно определено расположение пятна застройки. В конечном итоге пятно было оформлено так, как показано на чертеже.

Пятно застройки ориентировано вдоль улицы Свободы, на этой площади располагались почти все буровые скважины геологов. Все стратиграфические разрезы по этим скважинам (I—I, IV—IV) свидетельствовали, что культурный слой на данном участке по направлению С-Ю значитель-

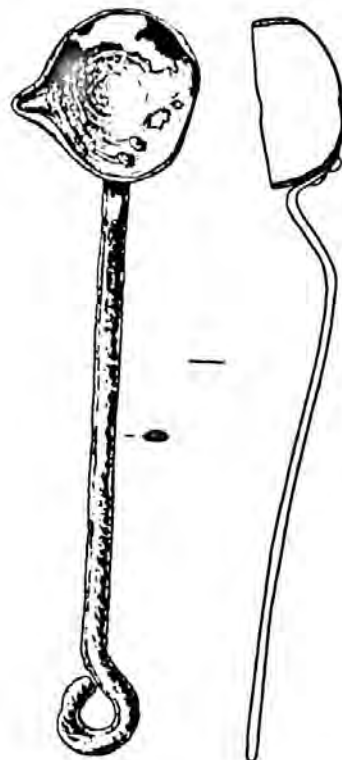

Рис. 73. Ковш для разлива смолы. XVII в.

* Заключение составлено Г. М. Левковской.

** Работы велись под руководством доктора исторических наук О. В. Овсянникова при активном содействии В. В. Брызгалова.

но уменьшался: приблизительно с 3 м до 1,65 м. Создавалось впечатление, что культурный слой на самой территории Немецкого гостиного двора, по крайней мере в этой части, связан преимущественно с периодом строительства здесь каменных дворов. Стратиграфический разрез по скважинам на линии II—II, III—III также давал картину неравномерного распределения культурного слоя; более мощным он был в западной части участка. Это понятно: мощность культурного слоя в прибрежной части более значительна, чем в отдалении от реки; к тому же в прибрежной части находились и более древние культурные напластования.

Около 20 лет назад на самом краю участка еще находилось деревянное здание, в котором во время войны располагался госпиталь. Поэтому можно было предполагать, что древний культурный слой и строительные остатки гостиных дворов могли быть значительно потревожены. Однако перед началом работ размеры и конфигурация пятна застройки (1200 м²) были изменены в связи с тем, что уточнялся проект застройки и решался вопрос о коммуникациях, расположенных на территории пятна застройки.

Стратиграфия на всем вскрытом участке довольно проста, т. к. связана исключительно с каменным строительством: на материке (глина зеленого цвета) лежал тонкий слой темного цвета — культурный слой толщиной в северной части раскопа 1,5 см и около 2 см в южной части раскопа (приблизительно по линии между 5-м и 6-м квадратами). Именно в этом тонком культурном слое и в материке были вырыты фундаментные рвы глубиной 1,25—1,4 м. Во рвы положен бутовый камень и вбиты сваи длиной около 1,5 м. Непосредственно на сваи укладывался белокаменный тесаный цоколь, на который была выложена кирпичная стена.

Ситуация в раскопе оказалась следующей: поскольку различные поздние сооружения (остатки перегородок Монетного двора) очень сильно потревожили древние каменные кладки, то на уровне поверхности XVII в. практически только в нескольких местах раскопа были видны отдельные тесаные цокольные камни. Для того чтобы проследить трассу северной стены Немецкого гостиного двора, после разборки тонкого культурного слоя нами была предпринята прокопка материка вдоль предполагаемой трассы до выявления бутового фундамента или свайной части фундамента сооружения на всей площади раскопа. Только после этого стало воз-

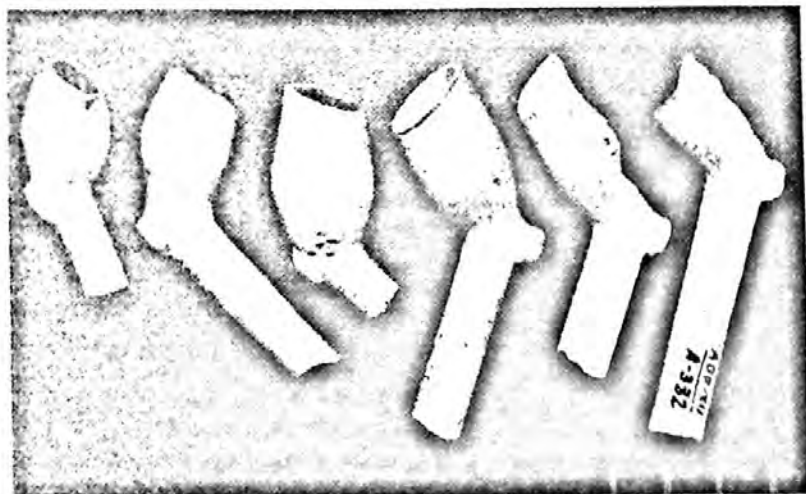

Рис. 74. Охранный раскоп № 1. Фаянсовые курительные трубки

Рис. 75. Охранный раскоп № 1. Железный топор. XVII в.

можным говорить о планировке и характере строительных остатков, обнаруженных в раскопе.

В раскопе зафиксированы и остатки стены, состоявшей из отдельных помещений-амбаров. Максимальная протяженность сооружения 53 м — южная стена этого корпуса и 21 м — северная стена квадраты (2-Г, 2-Д, 2-Е, 2-Ж). Фрагменты белокаменного цоколя обнаружены лишь в трех местах: на южной стене (4-Ж3, 5-Ж), где, кстати, можно предполагать остатки входа в нижнее помещение; на сохранившейся части поперечной стены (1-Ж3); третий участок — несколько камней цоколя на северной стене (1-Е3). Незначительный объем найденных цокольных кладок, несомненно, связан с тем, что здание было специально тщательно разобрано.

Следующий слой каменных остатков — это бутовая фундаментальная кладка из орлецкого плитняка, которая расположена ниже обреза фундамента в фундаментном рве. Кладка в верхней своей части сложена из довольно крупных известняковых плит, а в нижней части из более мелких, вся масса бута обильно пролита раствором. Ширина бутовой части кладок 1,2—1,4 м, высота около 1 м.

Сохранились немногочисленные фрагменты каменного пола — вымостки внутри помещений (квадраты 4-Е и 5-Г), размеры плит для пола 7,5×75 см. Плиты положены на довольно плотный слой растворной подмазки.

Наконец, нижний слой строительных остатков представлен деревянными сваями, забитыми в дно фундаментного рва. По трассе деревянных свай, там, где каменный бут не сохранился, нами определена трасса стен постройки (на плане все нанесенные сваи реальны, т. е. можно подсчитать ряды и количество вбитых свай на том или ином участке). Не только каменные остатки, но и ряды свай дали возможность судить об общей планировке здания, обнаруженного на исследуемом участке: выявлено шесть помещений, но только у одного из них — у помещения № 3 — были открыты свайные фундаменты от крыльца. Крыльцо «на отлете» было поставлено для всхода на второй этаж (квадраты 4-И, 5-ЗИ, 6-ИК). Можно полагать, что четырехугольное свайное основание предназначалось для рундука, а два небольших свайных четырехугольни-

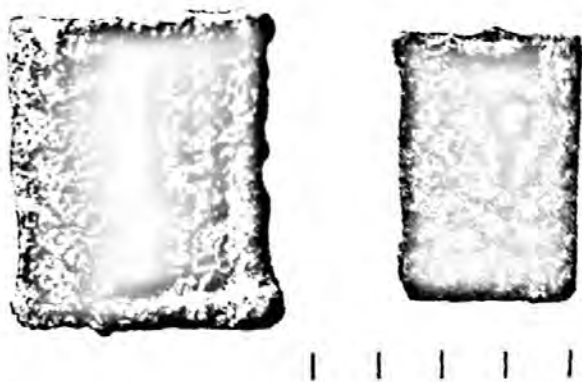

Рис. 76. Охранный раскоп № 1. Железные замки XVI в.

ка — для опорных столбов лестницы. Таким образом, вход в нижнее помещение осуществлялся через нижний дверной проем, а вход в верхний амбар — через крыльцо “на отлете”. На некоторых планах гостиных дворов конца XVIII в. сохранились такие крыльца, что дает возможность точно определить, какие помещения были нами вскрыты. Несомненно, описанное крыльцо в раскопе (мы обозначили его как крыльцо № 1) — это северо-восточное крыльцо из тех двух крылец, что были расположены здесь. Таким образом, можно достаточно точно определить место вскрытых во время охранных работ помещений на планах XVII в. и на планах XVIII—XIX вв. После этого ясно, что угловая башня в раскоп просто не попадала, т. к. она должна была располагаться еще только через пять помещений (приблизительно через 50 м). Это важно для уточнения трасс всего комплекса.

Следует отметить, что помещения № 1 и 2, попавшие в наш раскоп, были вскрыты лишь частично: сто-

явшее здесь во время войны деревянное здание гостиницы имело под собой мощный бетонный бункер (квадраты 2-В, 3-БВ, 4-БВ, 5-АБВ, 6-А), который уничтожил не только тонкую прослойку культурного слоя, но и буквально смел все строительные остатки XVII в.

Древний культурный слой, лежавший на глубине 3—1,5 м от дневной поверхности и состоявший из тонкой темной прослойки (1,5—2 см, местами до 3 см), содержал угольки, фрагменты щепы. Основные находки были сделаны в слое на уровне обреза фундамента — фрагмент “рейнской” керамики, несколько десятков фрагментов курительных трубочек, бутылок, чернолощенной русской керамики, железных гвоздей. Наиболее ценный комплекс находок — около 150 фрагментов красных (терракотовых) изразцов — был обнаружен в выбросе (квадраты 5-Е и 6-Д) на уровне обреза фундамента. Можно предположить, что изразцы выбросили во время ремонта XVIII в., когда сломали изразцовую печь XVII в., т. е. первоначальную печь. Любопытна находка голландского маломерного кирпича зеленоватого цвета.

Отсутствие настоящего “городского” культурного слоя на исследуемом участке можно объяснить только тем, что до начала каменного строительства здесь располагалась территория между Немецкой слободой и деревянным гостиним двором, постройки на которой могли погибнуть во время пожара и были сnivelированы перед строительством гостиных дворов.

Обнаруженные строительные остатки участка северного фаса Немецкого гостининого двора как части грандиозного комплекса — Архангельских Гостиных дворов — представляют значительный научный интерес для изучения планировки всего комплекса и строительных приемов XVII в.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

л. 75

Выписано из летописца.

В 176-м (1668) году присланы с Москвы на Двину иноземцы градоделцы Петр Мерсилис да Вилим Шарф, а велено им осмотреть у Архангельскаго города место, где можно построить город и гостиные дворы каменные, и с ними присланы великого государя царя грамота и чертеж, и начаша делати гостиные дворы и город каменной на прежнем месте, где были прежде Руские и Немецкие гостиные дворы.

Архангельскаго города каменному городовому строению каких припасов и материалов на сколько по цене употреблено и что от строения оного дано мастеровым людям.

А имянно:

За покупные 3901 бревно и заплоты бревенные, которые куплены у двинских таможенных и кружечных дворов у головы у Фомы Гурьева с товарищи, дано 816 рублей 60 алтын

За 225 489 тесниц ломовых и кровельных, которые ставил холмогорской стрелец Иван Дудин с крестьяны, по 2 рубли по 8 алтын по 2 денги за сто тесниц, 3902 рубли 21 алтын от писма городовых чертежей и за протчие работы подьячим Василью Истомину, Алексею Тестову 16 рублей 26 алтын

За прутное и дощаное железо за 32 619 пуд за 20 фунтов за 2 четверти, которое привезено из Москвы и куплено в Галанской земли у иноземца Данила Артамана, дано 32 701 рубль 22 алтына 3 денги, за уклад и протчее холмогорцу Семену Поздееву дано 10 рублей, за 244 080 гвоздей // двоетесных и однетесных кузнецам Василью Цывареву с товарищи дано: за двоетес по 1 рублю по 6 алтын по 4 денги, за однетесное по 10 алтын за тысячу гвоздей, 651 рубль 32 алтына 5 денег

	Рубли	Коп.
	816	60
	3910	41
	32 723	68

л. 75 об.

На покупку ушатов, шаек, и ведр, и лопат, и протчих потребных к тому строению припасов, а у кого имянно, того не показано, на 2349 рублей 19 алтын 1 денгу	2349	57	
От тески свай и за протчие поделки работным людям в расход вышло 186 рублей 30 алтын 4 деньга, от дела избы у каменного строения из готового лесу для жития иноземцу Матису Акцыну и за образцовую печь, которая куплена у иноземца Виканта Андреева, дано 21 рубль 13 алтын 3 деньга. За покупные доски, барки и плоты к городовому строению у вологжан Федора Сычугова с товарищи да у устюжан Федора Контырина с товарищи на 734 рубли 10 алтын 4 деньга, за покупные 14 точил больших немецких у галанца Краммера дано по 1 рублю за каждое точило, итого 14 рублей	956	64	
Кирпича 24 миллиона 944 796 кирпичей от дела, и за провоз к строению и от дела под кирпичное обжигание печей Федору Хамову, Василью Лопаткину, ярославцу Сергею Обросимову с товарищи 18 346 рублей 26 алтын с полуденьгою	18 346	78	
Кирпичного щебня 5400 возов да 194 сажени к отвозки онога из строения подрядчиком Семену Галушину с товарищи дано 336 рублей 15 алтын; от ломки и от тески бутового камня 215 198 камней Антону Тушину с товарищи дано 6558 рублей 5 алтын 3 деньга, за провоз к городовому строению с Орлеца бутового тесаного камня и извести подрядчику // иноземцу Кондратью Нордесману 9318 рублей 14 алтын 5 денег	16213	6	л. 76
Дров сосновых 27 800 сажен подрядчиком Двинского уезда крестьянину Федосею Хамову с товарищи по 8 алтын по 2 деньга за сажень, 5143 рубли 1 алтын 4 деньга. От строения кирпичных известных сараев и анбаров подрядчиком стрельцам Авраму Лисицыну да Двинского уезда разных волостей крестьяном Евсею Телятову с товарищи за лес и за тес по записям дано 1172 рубли 13 алтын 3 деньга. От дела пристальных мостов, по которым вожен камень и известь к городовому строению, подрядчиком и работным людям стрельцом Григорью Нещетаеву с товарищи 179 рублей 20 алтын 4 деньга. К строению городовому извести 17 508 бочек подрядчику Двинского уезда Николаевских Матигор крестьянину Дементью Коротких с товарищи дано 551 рубль 9 алтын	7046	34 1/2	
Да выжжено на известь же изо всякой печи по 500 бочек, итого 42 500 бочек, 85 печей, за дело и за провоз оной подрядчиком Ступинской волости крестьяном Василью Зуниних с товарищи дано 2472 рубли 21 алтын пол-5 деньга	2472	65 1/2	
От возки к городовому строению песку подрядчиком холмогорцам Аникею Беляеву с товарищи дано 933 рубли 32 алтына 3 деньга. От крытья тесом башен и палат и от дела в городе мостов разных городов работным // людям Василью Зунину с товарищи 65 рублей. Куплено к каменному строению железа да укладу, кузнецам от работы за всякие кузнечные поделки к городовому строению Семену Поздееву, Дмитрею Подситову, Федору да Мартыну Цываревым с товарищи дано 1196 рублей 15 алтын 4 денга	2195	44	л. 76 об.
За провоз дров к известным печам подрядчиком Двинского уезда крестьяном Власу Пролубленикову с товарищи 164 рубли 3 алтына 2 деньга	164	10	
За покупные у двинских таможенных и кружечных дворов голов Фомы Гурьева, Алексея Зубчаникова с товарищи 16 тчанов больших дано 19 рублей 10 алтын; за 1500 скал большей руки колмогорцу Федору Шукурову с товарищи 11 алтын за сто, 9 рублей 15 алтын; от резьбы камня и кирпича подрядчикам Безручевского монастыря Спиридону Иванову, Поликарпу Смольянову с товарищи 15 человекам 28 рублей 26 алтын 2 деньга; за покупную краску чернедь да для беле-нья палат щетины, веревок и гвоздья полускального дано 10 рублей 3 алтына 2 деньга	67	65	
За вычищение под кирпичные известные сараи мест, и за высечку и отвозки глины, и за протчее разных городов работным людям дано 4162 рубли 20 алтын	4162	60	
Обретающимся при городовом строении инженеру Матису Анцыну и под-мастерью Вавиле Савельеву на жалованье 420 рублей, от дела орла меднаго, ко-торой поставлен на Роскатную башню, за медь и за протчие принадлежащие // припасы мастерам Ивану Титову с товарищи 23 рубли 32 алтына, от работы го-родоваго строения мастеровым и работным людям московским каменщикам Федору Семенову, Лариону Степановну и протчим разных городов работным и присланным с Москвы по указу крымским и нагайским татарам и турским лю-дям 1548 человеком 27 917 рублей 6 алтын 1 денга	28 363	14 1/2	л. 77
Всего на городовое строение в расходе денежной казны 119 797 рублей 22 ал-тына 1 денга	119 797	66 1/2	

А вышеписанное городовое каменное строение начато строить в 176 году, а скончалось в 192 году но-ября 20 числа при боярине Никите Константиновиче Стрешнев. //

Архив СПб. ФИРИ РАН, ф. 36, оп. 1, д. 440

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

- л. 1 Наряд по приговору господина вице губернатора Курбатова о постройке у города Архангельского в Белом городе * острога, как надлежит тюремному двору, и протчих при том городе строений. 1713 года. //
- л. 2 По указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья России самодержца, вице губернатор Алексей Александрович Курбатов приказал у города Архангельского в Белом городе для караулу привозимых в канцелярию колодников и бревен, которые ныне есть в Белом городе, построить две избы и круг тех изб построить острог, как надлежит тюремному двору. И для того строения от цытаделного строения взять плотников дватцать человек и им дватцать топоров, четыре скобелей, четыре долота. А буде тех бревен на вышеобъявленное строение чего не достанет, и топоров, и скобелей, и долот таковых нет, сделать у того ж цитаделного строения. И те бревна, и на основание сваи, и другой лес, и доски, и крюки, и решетки железные, и что к тому понадобится, покупать от росходу цытаделного строения росходчику и денги давать с росписками и записывать в росход имянно. Июня дня 3-го 1713-го. Вице губернатор ... //
- л. 8 1712-го октября в ... день. По указу великого государя и по приказу вицегубернатора Алексея Александровича Курбатова велено кандуктеру Николаю Кривоперстеву да ларешному Андрею Шапкину у города Архангельского по стенам Каменного города и на башнях кровли худыя, и на Руском и Немецком же гостиных дворах на палатах кровли ж, от которых бывает дождевая теча, и тому всякому строению повреждение и у окошек решетки и затворы железные, у которых нет, и у тех полат с улиц и у нужников окошки ж против того ж описать, в которых решеток и затворов нет, и того де опасно от воров покражи, в которых де покражах и ныне есть челобитье. И по тому его великого государя указу оной кандуктер и Шапкин описали, а что по описи явилось ... писано ниже сего. По стене Каменного города кровля во многих местах ветха, а в иных местах и обвалилась. У Каменного города четыре башни каменных не покрыты ничем. У того ж города две башни покрыты, толко кровля ветха гораздо. // На Руском и Немецком гостиных дворах кровли ж ветхи, а в ыных местах и обвалились. Затворов железных у многих окошек на гостиных Руском и Немецком дворе нет, а имянно у кого в полатах затворов нет, описать невозможно, потому что за нынешним зимним временем в полатах немного сидят, полаты замкнуты и запечатаны. Также где повреждение было полатам от дождевой течи, рассмотреть ныне невозможно за снегом. На Гостиных дворах у многих нужников с улицы, по-видимому, окна есть, а решеток и затворов у многих нет. Кругом Каменного города и Гостиных дворов полисады местами пошатились, а в ыных местах и вывалились.
Кондуктер Николай Кривоперстов. Ноябрь 14-го дня 1712-го.
Взять к состоявшемуся указу и поднести вице губернатору без медления. //
- л. 8 об. У того ж города две башни покрыты, толко кровля ветха гораздо. // На Руском и Немецком гостиных дворах кровли ж ветхи, а в ыных местах и обвалились. Затворов железных у многих окошек на гостиных Руском и Немецком дворе нет, а имянно у кого в полатах затворов нет, описать невозможно, потому что за нынешним зимним временем в полатах немного сидят, полаты замкнуты и запечатаны. Также где повреждение было полатам от дождевой течи, рассмотреть ныне невозможно за снегом. На Гостиных дворах у многих нужников с улицы, по-видимому, окна есть, а решеток и затворов у многих нет. Кругом Каменного города и Гостиных дворов полисады местами пошатились, а в ыных местах и вывалились.
Кондуктер Николай Кривоперстов. Ноябрь 14-го дня 1712-го.
Взять к состоявшемуся указу и поднести вице губернатору без медления. //
- л. 9 1713-го году мая в ... день. Роспись, что в анбаре каменному делу годных снастей: 8 керок, пятнатцать лопат известных, 10 ломов. А по скаски каменщиков Якова Корелских с товарищи, в дополнку надобно: 52 кирки, 60 молотков, 45 лопаток известных, 29 ушатов, 10 шаек.
Бурмистр ... (имя и фамилия скрыты пятном) руку приложил.
Вместо Якова Корелских с товарищи по их велению товарищ их Михаиле Белозеров и за себя руку приложил.
По указу великого государя вице губернатор Алексей Александрович Курбатов приказал прешедшаго
- л. 9 об. 1712-го году бурмистр(ом) ... взять // ведение — в прошедшем году вышеозначенных инструментов колкое число зделано и куплено было, где они ныне хранятца или небрежением утрачены, и выписать из расходных книг, были ль в покупке, и колкое число, и по каким ценам или у каменщиков при той работе молотки, и кирки, и лапатки, и шайки, и ушаки, и другое что к той работе надлежит казенное ... каменщикова была для ... у бурмистров взять ... какою ценою вышеозначенное купить можно, каждому цену познозь велеть расписать. //
- л. 10 И по сей помете выписано:
В прошлом 712-м году в покупке было 13 ушатов, 38 шаек, ценою по 8 денег за ушат, по 2 денги за шайку, и те ушаты и шайки на государев и на дьячьи дворы, и для поливанья садов, и для выливанья из судов воды — все в росходе.
А по росписи кандуктера Николая Кривоперстова на Двинке старых прошлых лет к нынешнему 713-му году: 296 кирок, 555 молотков, 1200 лопат известных, 25 ушатов, 25 шаек. И те вышеписанные снасти наварируют и починивают на Двинке кузнецы во время работы, а уклад и железо на починку оных снастей посылаетца от города из Семигравской избы. Справил Никифор Гуков. //
- л. 10 об. А семигравской нынешняго 713-го году бурмистр Осип Попов сказал, покупают де ныне ушаты по два гроша и по алтыну, а шайки по две денги.
Вместо бурмиистра Осипа Попова по его веленью колмогорец Павел Иванов сын Барсин руку приложил. //
- л. 11 По указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья России самодержца, Новодвинского полку капитану Филипу Неелову, кандуктеру Николаю Кривоперстову. По его великого государя указу и по приказу вицегубернатора Алексея Александровича Курбатова ведено у города Архангельского в Каменном городе и на Гостиных дворах худые места и башни починить, а к тому делу взять з Двинки от строения цытаделя снастей пятдесят две кирки, шестьдесят молотков, сорок пять лопаток известных. Сей великого государя указ получите, и вы б о присылке к городу вышеписанных снастей учинили по сему.

* Так в документе. "Белым городом" Архангельский Каменный город, кстати — побеленный известью, больше никогда, насколько нам известно, не назывался.

Да для посылки ... прислать от того ж строения кузнеца и отдать те снасти мезенскому бурмистру Якиму ... с росписью. И об ... оных снастей и о посылке кузнеца прислать в Архангелогородскую канцелярию за своими руками веление. //

Припись дьяка Козмы Перфильева.

Маия 18 дня 713-го. л. 11 об.

И по тому указу прислано з Двинки с мезенским бурмистром Якимом Яшкиным 60 молотков, 45 лопаток извесных. //

По указу великого государя кандуктеру Николаю Кривоперстову да ... ларешному Андрею Шапошникову. По его великого государя указу и по приказу (вицегубернатора ...) ведено у города Архангелского по стенам Каменного города и по башням... (далее на л. 12—12 об. — повторение текста.) //

По указу великого государя и по приказу вицегубернатора ... приказано Архангелогородской канцелярии сторожам Михаилу Галактионову, Ивану Щетинцеву дать его, великого государя, жалованья денежного за воск на свечи и за чернило по 4 рубли. ... хлеба против оклада вполы, по 3 чети ржи, овса по тому ж человеку, итого 12 четвертей из Архангелогородской канцелярии, и о том к расходчику и к ... послать указы. //

По указу великого государя его царского величества вицегубернатор Алексей Александрович Курбатов приказал инженеру Егору Розену у города Архангелского Каменного города и Руского и Немецкого гостиных дворов башни, осмотрев, описать, каким способом возможно переделать болварками, и, учинив батареи, поставить пушки военно-искусным определением, и другие при том крепости сочинить. Также вместо деревянной кровли покрыть круг всего того каменного строения дерном. А описав, сочинить рисунок. И коликое число к тому строению понадобится каменщиков, и работников, и всяких припасов, а имянно белого камня, извести, кирпича, железа, дерна и прочих, изготовить реестр, и оной рисунок, и каменщиком, и припасом реестр объявить в канцелярии ему, вицегубернатору.

Губернатор...

Маия дня 18-го 1713-го. //

По указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, вицегубернатор Алексей Александрович Курбатов приказал Архангелогородской таможи нынешняго 713-го году бурмистру Григорью Бобровскому с товарищи да соборной церкви с подмастерьем города Архангелского на гостиных Руском и Немецком дворах крыльца и десницы каменного строения, по которым всходят в таможду и в купецкие полаты, осмотрев, описать. Того ради по усмотрению ево, вице губернатора, многия крыльца и лестницы явились худы, а другие в том числе мало ... и не обвалились. И при той описи учинить реестр, коликое число к починке того строения надлежит быть каменщиков, и работников, и всяких припасов; а имянно белого камня, извести, кирпича, железа. И, учиня оной реестр, объявить ему, вице губернатору. На тех же // гостиных дворах, на таможене и на всех полатах того ж кровли осмотреть, описать же, коликое число надобно к починке кровель, тесу, гвоздья и других припасов.

Губернатор...

Маия дня 20-го 1713-го. //

По указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, Архангелогородской таможи нынешняго 713-го году бурмистру Григорью Бобровскому с товарищи и соборной церкви подмастерьем.

По его великого государя указу и по приказу вицегубернатора Алексея Александровича Курбатова велено города Архангелского на гостиных Руском и Немецком дворах крыльца и десницы каменного строения, по которым всходят в таможду ... (далее повторение предыдущего документа). //

... Таков указ послан за приписанием лантрихтора Ивана Андреевича Аленина.

Маия 20 дня 1713-го года.

И сего ж маия 25-го дня в ведении, каково подал таможенной бурмистр Иван Маслов, за руками бурмистра ж Емельяна Бурдуковского да подмастерья Якова Корелского написано: //

В указе великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, из Архангелогородской канцелярии за приписанием лантрихтора Ивана Борисовича Аленина в Архангелогородскую таможду бурмистру Григорью Бобровскому с товарищи да соборной церкви подмастерьем. Сего маия 20-го дня писано: По его великого государя указу и по приказу вицегубернатора Алексея Александровича Курбатова ведена города Архангелского на гостиных Руском и Немецком дворах ... (далее повторение л. 16—16 об.) //

И по тому его великого государя указу таможенной бурмистр Емельян Бурдуковский соборной церкви с подмастерья Яковом Бурдуковским да Яковом Корелским на вышепомянутых гостиных дворах осматривали и описали крыльца и лестницы. А по осмотру и по описи, что довлеет починить и коликое число, по скаске оных подмастерьев, к починке того строения надлежит быть каменщиков, работников и всяких припасов, и тому ниже сего реестр.

На иноземском гостине дворе:

У 1-го крыльца, по которому всходят в таможду, надлежит своды подмазать и все снова выбелить да лестница перебрать и столбы подделать.

А от того по правую сторону:

У 2-го крыльца, что у ворот, своды входные и перемычки отпрели, надлежит починить да лестница перебрать.

У 3-го крыльца на перемычке у свода поседалось, // надлежит подмазать и обелить и перила и лесница починить.

4-е крыльцо у сводов и перемычек зело опрело и з замаскою починить невозможно, а надлежит своды, и спуски, и столбы, разобрав, зделать вновь и лестница перебрать.

5-е крыльцо у сводов и перемычек, как и у четвертого, опрело ж и з замаскою починить невозможно ж, а надлежит, своды розобрав, зделать вновь и лестница перебрать да столбы с фундамента зделать вновь же.

У 6-го крыльца над нижним всходом надлежит свод сделать вновь и столбы починить, да над вторым всходом у косога перететивья свод и подмаска опрела, починить же.

7-е крыльцо надлежит, розобрав, вновь сделать, потому что верхние и нижние своды и перила зело опрели и есть розселина и пролом, и вместо лестницы деревянной, которая у того крыльца, надлежит сделать, как у других, каменную. //

л. 19 об. 8-е крыльцо надлежит вновь сделать, потому что было к стене приделное, и ныне косою свод от стены отсел и есть розселина немалая, лестница деревянная, а надлежит быть каменной.

У 9-го крыльца нижней свод и под косою перететивьем прямое перететивье надлежит сделать вновь, и лестница перебрать, да столбы опрелые починить.

У 10-го крыльца своды подмазать да окна и перила починить.

11-е крыльцо по обе стороны и в сводах зело опрело и спуски и перемычки в окнах обвалились, надлежит починить и подмазать, да лестница плоха и обвалилась, надлежит сделать вновь.

По всему гостиному двору перила между окон зело плохи и в других во многих местах попортилось, надлежит починивать. //

л. 20 На Руском гостине дворе:

От ворот на левой стороне у крыльца нижней свод опрел, и подмаска обвалилась, и столбы снизу опрели ж, надлежит все починить, да лестницу каменную, также и полы перебрать. Еще по стене той в углу от австерии у перил столб и свод опрели, от чего весьма худы, надлежит столб и свод сделать вновь, и весь по той же стене мост перебрать, и в других местах, где довлеет, починить. По другой стене у крыльца надлежит своды подмазать и перила и лестницу починить. По той же стене один угол, и столб, и свод опрели и худы, надлежит сделать вновь. По той же стене у другою крыльца верхней свод весь надлежит сделать вновь, а у других сводов подмаска и с вонную сторону спуски опрели и обвалились, то все и перила починить, да лестница каменная худа, а тое лестницу да одно окно перебрать. // На третьей стене крыльцо худо и своды опрели и розселись до половины лестницы и всего мосту нет. По 4-й стене у крыльца ж надлежит своды вновь перебрать да вместо деревянной лестницы сделать каменная. По той же стене у другою крыльца своды верхние и в окнах перемычки розселись и стены отстали, да в лестнице многих камней нет. Надлежит все, также и нижнее перететивье, починить.

л. 20 об.

По всему тому Рускому гостину двору перила между окон худы и в других местах попортилось, надлежит починивать же.

л. 21 И к починке на обоих дворах всего вышеозначенного строения // надлежит быть: каменщиков 65 человек, каждому человеку надобно по керке, по молотку, по лопатке, по шайке, работников 90 человек, камней ступенчатых 1111, мерою по аршину, кирпичей 86 600, ушатов 50, ведр 15, 30 больших керок к теске белого камня, 5 ломов, 10 клинов железных, 1000 тесу троесаженного на полубу, и на

л. 21 об.

подмостки, и на кружала, // 200 бревен плотовых на кладу стойки, 400 лесин толщиной против свайных, длиною по 4 аршина, которые надобны на палцы, 1000 стягов сосновых, которым быть под кружалами к замкам в поставки, извести 400 бочек мерных двадцати пяти пудовых, да песка сколько довлеет, 2000 гвоздья двостесу, 3000 гвоздья одностесу, 50 досок 4-х сажень в 2 вершка на творила. Тесу на кровли оных гостиных дворов довлеет на пример, // а имянно на Руской гостин двор, 7680 досок, на иноземской гостин двор 9120 досок. И всего 16 800 досок штивершковых длиною 9 аршин. А что на кровлю крылец досок надобно, также и на всю кровлю гвоздья и скал, тому числа подлинно определить нелзе.

На том же Руском гостине дворе верхних полат у окон, которые лицом на гостин двор, в 20-ти окнах затворов нет, а у других железные, да у воротного щита на нижнем крюку петля переломилась. //

л. 22 об.

Да на том же дворе на стене, что от австерии, положена дверь железная, да у сторожа в бутке затвор от полаты окошечной железной, да на том же гостине дворе во многих полатех полы деревянные плохи и досок нет.

К сему досмотру Яков Бурдуковской руку приложил. Вместо подмастерья ухтоостровца Якова Иванова Корелских по ево велению емчанин каменщик Михаиле Белозеров руку приложил. //

л. 23

По указу великого государя, егo царского величества, вице губернатор Алексей Александрович Курбатов приказал Архангелогородской таможи бурмистру Григорью Бобровскому с товарищи у города Архангелского на Руском и на Немецком гостиных дворах крыльца и лесницы камянные, по которым всходят в таможную и в купецкия полаты, и перед полатами мосты починить вновь, а у того строения быть каменного дела подмастерю Двинского уезда Якову Корелскому. А по объявленному реэстру к той работе каменщиков и работников дать от строения цытаделя, белой камень готовить на Орлице и присылать к городу, известь брать осталую, которая есть в Белом городе, а в добавку, буде понадобится, велеть жечь на Орлице ж каменщиков кирпичи, лопатки и молотки, коликое число надлежит, буде есть у строения цитаделя, выдать с росписками, а буде готовых нет, // сделать. К тому ж строению кирпич, ушаты, ведра, тес, бревна, гвоздья и другое, что понадобится, покупать, и каменщиком и работником кормовые денги давать из наличных Архангелогородской канцелярии и записывать в расход имянно. А к тому строению всякие вышеобъявленные припасы покупать и над каменщиками в той работе усмотрение иметь города Архангелского посадскому человеку Якову Книгину под усмотрением бургомистра Ивана Саватиева с товарищи. А коликое число на покупку каких припасов и на наем извощиком кормовых денег понадобится, о том им подавать ведение в Архангелогородской канцелирии вице губернатору Алексею Александровичу Курбатову. И о том в таможную послать указ. А коликое число денег на починку того строения изойдет, и те денги приложить к найму полат тех же гостиных дворов.

л. 23 об.

Лантрихтор Аленин.

Маия дня 23-го 1713-го. //

л. 24 По указу великого государя (полный титул) Архангелогородской таможи бурмистру Григорью Бобровскому с товарищи. По егo великого государя указу и по приказу вице губернатора Алексея Александровича Курбатова велено вам у города Архангелского на Руском и на Немецком гостиных дворах крыльца и лесницы камянные, по которым всходят в таможную и в купецкий полаты... //

л. 25 По указу великого государя полковнику Ивану Андреевичу Веберу. Прислать тебе в Архангелогородскую канцелярию городского полку салдат Ивана Плишкина, Нестера Шандрукова, Елисея Фатеева, Назара

Ишенина для надсмотру у строения гостиных каменных Руского и Немецкого дворов и в наряде над работными людьми

Л	В
Б	А

Послал с ... пушкаръ Трифан Ипатов. Июня в 1-й день 713-го году. //

Царского пресветлого величества вице губернатору Алексей Александровичю.

л. 26

Господин Козма Петрович, прислан на Двинку бурмистр мезенской с указом мая 17 дня. А в указе написано, чтоб прислать з Двинки к городу шездесят молотков, сорок пять лопаток, пятдесят две кирки да кузнеца. И по тому указу з Двинки того ж дня с оным бурмистром молотки и лопатки отправлены, а кирок нет, а новых ковать наугольем невозможно, а кузнецов ... человек устюжских у города на Двинку не прислано случавше. //

Кандуктер Кривоперстов кланяется з Двинки. //

Маия 17-го дня 1713-го. л. 26 об.

Доношение.

л. 27

Царского пресветлого величества вице губернатору Алексею Александровичю. Надобно к строению каменных гостиных дворов по росписи подмастерья Якова Корелского: 700 камней белых длиною в аршин и в три четверти, толщиною в 5 вершков, которой камень к лестницам на ступени, 1000 лещадей длиною по аршину, судно извести, 54 кирки, 10 ломов, 4 гребня известных, 10 лопат железных, 50 лопат деревянных, 50 по ... деревянных, 54 скалки, 20 ушатов, // 1 точило, 4 человека плотников, работников для всяких работ 90 человек, для наряду 4 человека салдат.

л. 27 об.

И по указу царского величества и по приказу вашего превосходительства, дабы поведено было вышеозначенное к строению, откуда надлежит прислать. Просит о том горожанин Яков Мостовой.

Июня 1-го 713-го года.

Вместо Якова Мостового по его велению холмогорец Степан Кочерин руку приложил.

По указу великого государя вице губернатор Алексей Александрович Курбатов приказал по сему доношению к строению гостина двора // вышеобъявленной белой камень ступенной и лещеди, изготовя на Орлеце, прислать без всякого медления ... ступенного камня семьсот, лещади тысяча в вышеозначенную меру, пятдесят четыре кирки, десять ло..., десять лапат железных, тридцать лапат древяных, тридцать шаек, десять ушатов, одно точило, четыре человека плотников, тридцать человек работников ... с росписками. Буде таких вышеозначенных инструментов нет, велеть сделать, и о том к кандуктеру послать указ, о четырех человеках в нарядчики салдат послать указ к полковнику.

л. 28

Июня дня 1-го 1713-го. //

По указу великого государя на Двину кандуктеру Николаю Кривоперстову. По его великого государя указу и по приказу вице губернатора Алексея Александровича Курбатова ведено к строению гостиных дворов четыре кирки, тридцать носилок, четыре человека плотников, тридцать человек работников взять от строения цытаделя, а буде которых вышеозначенных инструментов нет, сделать. И о том к тебе послать указ, и кандуктеру Николаю Кривоперстову о присылке к городу вышеписанных инструментов учинить по сему великого государя указу, а которых городов плотники и работники и кто имяны посланы будут, о том подать в Архангелогороцкую канцелярию за своею рукою ведение.

л. 29

Июня 2-го дня 713-го.

Послан на Двину с устюжским работником Подосиновской волости Васильем Котюргиним. //

По указу великого государя память на Орлец Михаилу Волкову. По его великого государя указу и по приказу вице губернатора Алексея Александровича Курбатова ведено к строению гостиных дворов изготовить белого камня 700, длиною в аршин и в три четверти, толщиною в 5 вершков к лесницам на ступени, 1000 лещадей длиною по аршину. И прислать к городу немедленно, да работным людям, которые работают на Орлеце, имянные списки которого города, с которого числа прислать в Архангелогороцкую канцелярию немедленно.

л. 29 об.

Таков указ послан июня 2-го дня, для посылки на Орлец отдан семиграцкому бурмистру Осипу Попову. //

1713-го года июня 8-го дня. Кеврольского уезда десятник Наум Чикуров отпущен с Орлеца к Архангельскому городу, с ним на павоски 170 камня тесаного. А ис того камня выбрать бы пожаловать на гостиные дворы на ..., которой годен, а которой будет не годен, и тот бы отпустить на Двинку, потому что камни грузить в одну скобу нельзя, что тесно, камень большей и малой, ломитце вместе, а ...ных барок выбирали бы так же. //

л. 30

1713-го июня в 3 день. Роспись кузнецам, плотникам и работникам, которые по присланному на Двину указу посланы к городу Архангельскому для строения гостиных дворов, а кто имяны, писано ниже сего.

л. 31

Усолской кузнец Илья Нечаев, которой послан был на Орлец, а ныне явился.

Плотники: Андрей Домашин, Андрей Шуин, Степан Смалухин, Максим Шуин.

Работники Устюга Великого Халеския волости: Ефим Рышков, Алексей Рышков, Мокей Рышков, Василей Воронин, Иван Баев, Гурей Шошилов, Федор Баданин, Естифей Кокшаров, Терентей Рышков, Логин Конев, Матвей Насоновых, Андрей Костылев, // Иван Кузнецов, Иван Елцын, Игнатей Воронин, Прокопей Болшаков, Петр Третьяков, Селиверст Корякин, Иван Насоновых, Тимофей Шельгин, Василей Башмаков, Филип Подолских, Иван Подолских.

л. 31 об.

Яхренской волости: Микифор Загудаев, Корнило Загудаев, Никита Бусаревых, Спиридон Шоршковых, Степан Нагаев, Маковой Толопов, Сидор Толопов.

Кандуктер Кривоперстов.

Июня 3 дня 1713-го.

По указу великого государя вице губернатор Алексей Александрович Курбатов приказал кузнеца, и плотников, и работников отослать на гостин двор... // И по сей помете вышеписанные работники отданы с росписью к Якову Мостовому июня 4-го дня. //

л. 32

- л. 32 об. По указу великого государя на Двину кандуктеру Николаю Кривоперстову. Сего июня 2-го дня по его великого государя указу и по приказу вицегубернатора Алексея Александровича Курбатова ведено к строению гостиных дворов сорок четыре кирки, один гребок извесной, 30 носилок взять от строения цытаделя. А буде готовых вышеозначенных инструментов нет, сделать. И по тому великого государя указу оные инструменты к городу и работники присланы, а по его великого государя указу не присланы инструменты, которые сделаны..., прислать к городу немедленно. А кандуктеру Николаю Кривоперстову учинить по сему великого государя указу.
Припись дьяка... Июня 6-го дня 1713-го. Послан того ж дня. //
- л. 34 1713-го июня в 10 день. Роспись Якова Мостового каменщиком, которые работали у строения Немецкого гостина двора и за многолюдством выбраны для посылки на Двинку: Григорей Левонтъев, Алексей Максимов, Степан Шипов, Иван Пузанов, Филип Негоряев, Матвей Максимов, Игнатей Онуфриев, Мокей Патраков, Осип Дурасов, Иван Галов, Иван Антипин, Матвей Мышкин, Дмитрий Лушев, Григорей Кондин, Борис Пограев, Лука Быков, Денис Прокопьев, Михаиле Шиплецов, Федор Цывилев, Иван Усов, Фома Майков, Михаиле Чернеев, Григорей Белозоров, Сава Клюкин.
л. 34 об. Итого 24 человека. Взяты они на работу маия // з 28-го числа, а работали сего июня по 10-е число, толко шесть дней. К сей росписи вместо Якова Мостового по ево велению Гаврило Шермаков руку приложил.
По указу великого государя вицегубернатор Алексей Александрович Курбатов приказал вышеозначенных каменщиков с писмом послать в новую крепость к строению, а кандуктеру послать указ.
Июня 10 1713. //
- л. 35 По указу великого государя на Двинку кандуктеру Николаю Кривоперстову. По его великого государя указу и по приказу вицегубернатора Алексея Александровича Курбатова посланы от города к строению цытаделя каменщики 24 человека, которые работали у строения Немецкого гостина двора, имяны тому под сим указом роспись. И как тебе сей указ подан будет, и ты б, дав им снасти, велел быть на работе.
1713-го июня дня 10-го.
Таков указ послан с усолским целовалником Шергиным июня дня 11-го. //
- л. 36 По указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, вице губернатор Алексей Александрович Курбатов приказал у города Архангелского у торговых и иных чинов людей приплавленной к городу тес в таможенных книгах явку записывать, а в продажу ныне не писать, а коликое число и у кого имяны в записке того тесу явится, о том подавать в Архангелогородскую канцелярию ис таможни ведомости. Того ради к бургомистру Ивану Саватееву с товарищи послать указ.
Губернатор... Июня 17-го 1713-го. //
- л. 37 По указу великого государя (*полный титул*) Архангелогородской таможни бургомистру Ивану Саватееву с товарищи. По его великого государя указу и по приказу вице губернатора А... А... Курбатова ведено у торговых и иных чинов людей приплавленной к городу тес ... (*далее — повторение предыдущего документа*).
И бургомистру Ивану Саватееву с товарищи чинить по сему великого государя указу. //
л. 37 об. Припись дьяка Козмы Перфильева. Июня дня 17-го.
Послан Городского полку гранадерской роты с салдатом Андреем Жерулевым того ж числа. //
- л. 38 По указу великого государя и по приказу вицегубернатора Алексея Александровича Курбатова таможенной подъячей Иван Плаксин с присланным из Архангелогородской канцелярии каменного дела подмастерьем Яковом Бурдуковским на гостиных дворах осмотрел и описал крыльца и прочее, что надлежит починить. А по осмотру что починить явилось, писано ниже сего.
На иноземском, идучи от таможни, на левую сторону:
1-е крыльцо. По скаски вышеписанного подмастерья, надлежит починить своды, подмазать и все снова выбелить. А к починке надобно 100 кирпичей. Лесница вновь сделать надобно в перемену 50 камней ступенчатых белых мерою по аршину.
У 2-го крыльца своды входные и перемычки опрели, надлежит починить, а лесница перебрать. Надобно 500 кирпичей да белого 20 камней ступенчатых да 15 лещадей.
У 3-го крыльца на перемычке у свода поседалось, надлежит подмазать и отбелить и местами перила и лесница починить. Надобно 100 кирпичей да 10 камней ступенчатых. //
л. 38 об. 4-е крыльцо гораздо плохо, у сводов и перемычек зело опрело и замазкою починить невозможно, а надлежит, своды, и спуски, и столбы розобрав, сделать вновь, также и лестница перебрать. Надобно белого камени 50 ступенчатых да 30 лещадей и 5000 кирпичей.
5-е крыльцо плохо ж, у сводов и перемычек, как и у четвертого, опрело ж и з замазкою починить невозможно, а надлежит своды, розобрав, сделать вновь и лестница перебрать, да столбы с фундамента сделать вновь же. Надобно 7000 кирпичей да 50 камней ступенчатых, 30 лещадей.
У 6-го крыльца над нижним входом надлежит свод сделать вновь, а столбы починить, да над вторым сходом у косога перететивья свод и подмаска опрела, починить же. Надобно 1600 кирпичей.
л. 39 7-е крыльцо надлежит вновь переделать, потому что верхние и нижние своды и перила // зело опрели и есть розселина и пролом, лестница деревянная. Надобно 15 000 кирпичей, да к делу лестницы 300 камней ступенчатых, да 140 лещадей.
8-е крыльцо надлежит вновь же сделать, потому что к стене приделное и косою свод от стены отсел и есть розселина немалая. У того крыльца лестница деревянная. Надобно то ж число кирпича и камени, что к делу седмаго.
У 9-го крыльца столбы опрели и нижней свод и под косою перететивьем прямое перететивье надлежит сделать вновь, а лестница перебрать и починить, х которой починке надобно 3000 кирпичей, 20 камней ступенчатых да 15 лещадей по аршину.

У 10-го крыльца своды подмазать и окна и перила починить. Надобно 1400 кирпичей.

11-е крыльцо с обе стороны опрело, и спуски и перемышки в окнах обвалились, а в сводах зело опрело ж, надлежит починить и подмазать, лесница сделать новая, потому что старая плоха и обвалилась. Надобно 3000 кирпичей, 100 камней ступенчатых да 40 лещадей. //

По стенам между столбами, в окнах, что против полат, надлежит наверх кирпичей выслать белым камнем, да в удобных местех, где надлежит кирпичом починить, а прежней кирпич обвалился, и в других во многих местах попортилось, что надлежит починить же, понадобится 30 000 кирпичей. Всего надобно к делу и к починке старого 81 700 кирпичей, 900 камней ступенчатых да 410 лещадей, мерою обои по аршину. Мерою того иноземского двора по перилам длины, идучи из таможни, по правой стороне, 75 сажен трехаршинных. А от той стены поперег того гостина двора 66 сажен. По стене к Немецкой слободе 77 сажен, поперег к таможне 67 сажен. Итого кругом 285 сажен. //

л. 39 об.

И буде на том иноземском гостине дворе кровли сделать вновь и на всякую сажень против прежней кровли в 4 ряда на обе стороны, например, класть по 10 досок в ряд, итого в четыре ряда по 40 досок шириною тривершковых. И на вышеписанное число сажен имется 11 400 досок.

л. 40

На Руском гостине дворе:

От ворот на левой стороне у крыльца нижней свод опрел, и подмаска обвалилась, и столбы снизу оперели же, и лестницу, и полы надлежит все вновь перебрать, а означенное починить. Надобно белого 50 камней ступенчатых, да 30 лещадей, обое мерою по аршину, да 100 кирпичей. На той же стороне на другой стене у крыльца ж надлежит своды и перила вновь выпочинить и подмазать. К тому делу надобно 300 кирпичей да к лестнице на починку 16 ступенчатых камней. На той же стене у другою крыльца у сводов подмаска опрела и обвалилась, и верхней свод надлежит весь сделать вновь, а другие выпочинить. // Спуски с вонную сторону от мочи оперели ж и обвалились, лестница и одно окно, перебрав, сделать вновь, и перила починить. Надобно к тому делу 3000 кирпичей, да белого камня 50 ступенчатых, да 15 лещадей.

л. 40 об.

На третьей поперешной стене крыльцо плохо и своды оперели и розселись, у половины лестницы должного мосту нет. Надобно к починке 150 ступенчатых камней, да 80 лещадей, и 6000 кирпичей.

Да по 4-й стороне у крыльца надлежит верхние своды перебрать и лестница вместо деревянной сделать каменную. Надобно 400 ступенчатых камней, да 50 лещадей, и 2000 кирпичей. По той же стороне у другою крыльца своды верхние розселись и от стены отстали, перемышки розселись же и в лестнице многих камней нет, надлежит все, также и нижнее перететивье, починить. А к починке надобно 50 камней ступенчатых, да 30 лещадей, и 500 кирпичей.

А по мере того гостина двора от реки по воротам по передней стене по перилам в длину 44 сажени, а на той стене в углу от австери у перил столб и своды оперели и зело плохи, надлежит вновь сделать. // И помосты на перилах плохи ж, надлежит перебрать и в ыных местех починить. К тому делу надобно 500 лещадей да на подделку столба и прочего на починку 6000 кирпичей.

л. 41

А от той по левой стене, что к городу, по перилам в длину ж 79 сажен.

И против прежняго угла на другой стороне угол, и столб, и свод опрел же и зело плох, надлежит сделать вновь. Кирпичей надобно 3000. От той стены по задней стене, что к дворам, 37 сажен. По 4-й стене от австери в длину ж 13 сажен надлежит мост перебрать, надобно по мостам 500 лещадей. По всему гостинному двору между окон перила зело плохи, надлежит починить кирпичом или белым камнем, и буде кирпичом, надобно 3000 кирпичей, а буде камнем — по мере, что понадобится.

Всего к делу вновь и к починке старого надобно 30 900 кирпичей, 1205 лещадей да 716 камней ступенчатых, мерою обои по аршину. А по вышеписанной мере кругом того Руского гостина двора 240 сажен. //

И буде на дело кровли положить против вышеписанного ж на всякую сажень по 4 ряда по 10 досок в ряд, а по 40 на сажень штивершковых, итого 9600 досок.

л. 41 об.

На том же гостине дворе у полат в верхних окнах, которые лицом на гостин двор, в 20 окнах затворов нет, а у других железные. Да у воротного щита на нижнем крюку петля переломилась, от чего сторожи того гостина двора опасны, что внезапное время людей не подавило.

Да на том же дворе на стене, что от австери, положена дверь железная да у сторожа в бутке затвор от палаты окошечной. На том же гостине дворе во многих полатех полы деревянные плохи и доски многие растасканы. Всего ко устройению у обеих дворов надобно 112 600 кирпичей, 1616 камней ступенчатых, 1615 лещадей, 21 000 досок тривершковых. А что к крыльцам на кровли досок надобно, того подлинно написать невозможно.

Иван Плаксин. Яков Бурдуковской руку приложил.

1713-го мая 12-го дня. //

По ведомости за руками Архангелогороцкой таможни подьячего Ивана Плаксина да подмастерья Якова Бурдуковского надобно на кровлю гостиных дворов:

л. 42

На Немецком гостине дворе кровли сделать вновь на 285 сажнях и на всякую сажень против прежней кровли в 4 ряда на обе стороны, на пример класть по 10 досок в ряд. Итого в 4 ряда по 40 досок шириною в 6 вершков. И на вышеписанное число сажен имется 11 400 досок.

На Руском гостине дворе на дело кровли на 240 сажен положить против вышеписанного ж на всякую сажень в 4 ряда по 10 досок в ряд, а по 40 на сажень. Итого 9600 досок штивершковых. //

Всего на оба гостины дворы надобно 21 000 досок штивершковых.

л. 42 об.

А что к крыльцам надобно досок, того подлинно написать невозможно. И о покупке оных досок что великий государь укажет.

Приписал Никифор Гуков. //

По указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, вицегубернатор Алексей Александрович Курбатов приказал вышеписанному доношению на кровлю гостиных каменных дворов вышеозначенное число дватцать одну тысячи досок добрых шириною в шесть вершков приторговать купчине Ивану Звягину настоящею ценою бес передачи или подрядить поставить в предбудущем 714-м году по самой первой вешной полой воде, и о том у города в при-

л. 43

стойных местех выставить листы, чтоб для торгу и подряду оных досок, хто похочет поставить, приходили для уговору в Архангелогороцкую канцелярию. И о том купчине Ивану Звягину послать указ.

Губернатор...

Декабря дня 10-го 1713-го. //

- л. 44 По указу великого государя (*полный титул*) купчине Ивану Звяг(ин)у. По его великого государя указу за подписанием вицегубернатора Алексея Александровича Курбатова по ведению за руками Архангелогороцкой таможи подьячего Ивана Плаксина да каменных дел подмастерья Якова Бурдуковского ведено на кровлю гостиных каменных дворов 21 000 досок добрых шириною в шесть вершков, да по росписи инженера Егора Резена с строению Архангелския крепости 750 свай сосновых длиною в три аршина, толщиною в пять вершков, 500 досок на мосты и на всякия нужды длиною трех и четырех сажень, толщиною в два и в полтора вершка приторговать тебе настоящею ценою бес передачи или подрядить поставить в нынешнем 714-м году по самой первой вешней полой воде, // и чтоб для торгу и подряду оных досок и свай, хто похочет поставить, приходили б для уговору в Архангелогороцкую канцелярию. И купчине Ивану Звягину учинить о том по сему великого государя указу.

Марта 7-го дня 1714-го.

Таков великого государя указ отдан купчине Ивану Звягину. И апреля ж 15-го о ведении купчины Ивана Звягина, которое ниже сего пишет: //

- л. 45 Превосходительнейшему господину вице губернатору Алексею Александровичю Курбатову
Ведение.

1714-го по указу царского величества и по приказу вашего превосходительства ведено подрядить у Архангелского города мною, нижеименованным, тесу к гостиным дворам на кровли дватцать одна тысяча шириною в шесть вершков, к новой крепости пятьсот тесниц. И к тому вышеписанному тесу подрядчиков не явилось, а приплывают с таким вышеписанным тесом в весне полой воде. Да ныне же ведено купчине Ивану Звягину подрядить семьсот пятьдесят свай, длина по три аршина, толщина пять вершков в отрубе. И от тех вышеписанных свай просят подрядчики по семи гривен за сто и поставить к вышепомянутой новой крепости. Да как повелит превосходительство ваше о выдаче денег, Иван Звягин указом его царского величества требует определения. Вместо купчины Ивана Звягина по его велению Иван Вешилков руку приложил. Взять к отпуску и при приезде охочих людей дать торг.

Апреля 15 дня 1714-го. //

- л. 46 По указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья России самодержца, и по приказу вице губернатора Алексея Александровича Курбатова на Устюг обер к каменданту и диаку послать указ, в котором написать:

На Устюге, на Тотме, у Соли Вычегодской у торговых всякого чина и уездных людей тес велеть весь описать на великого государя, коликое число явитца, хотя до дватцати тысяч досок, мерою какой сыщется, и прислать к городу по нынешней вешней полой воде немедленно с теми людьми, у кого оной тес. Явка за провожатыми для того в прешедшем 1713-м году декабря 10 дня по его великого государя указу ведено на гостиных каменных дворах кровли на полатах перекрыть вновь, того ради что оные // кровли обетшали и во многих местех обвалились и чтоб от многотечи полатам повреждения не учинилось.

л. 46 об.

А по сметной ведомости за руками Архангелогородецкой таможи подьячего Ивана Плаксина да подмастерья Якова Бурдуковского на вышеобъявленные гостиных дворов кровли надобно дватцать одна тысяча тесниц годных, шириною с шесть вершков, длиною по полтретьи сажени трехаршинных. И оное число тесу ведено купчине Ивану Звягину приторговать настоящею ценою без передачи или подрядить поставить в нынешнем 714-м году по самой первой полой вешней воде, и о том у города в пристойных местех выставлены были листы, а купчине Ивану Звягину дан указ, чтоб для торгу и подряду оных досок, хто похочет поставить, приходили б для уговору в Архангелогороцкую канцелярию. // И по тому указу для торгу и подряду оных досок в Архангелогороцкой канцелярии сего апреля по нижеозначенное число никто не явился, и в ведении купчины Ивана Звягина написано — для подряда вышеписанного теса никого не явилось. И того ради на Устюге, и у Соли, и на Тотме тес описать и к городу прислать ведено. А ежели нынешним летом на оных гостиных дворах палат не перекрыть, то конечно не без опасения в повреждении оных полат, потому что в прешедшем 1713-м году от плохих кровель в полатах было не без течи. А каковою ценою у кого в покупке или в подряде тес, о том справится с таможенною запискою и, учиня оную ведомость, прислать в Архангелогороцкую канцелярию, по которому ведению за вышеозначенной тес и за отправлением к городу того теса устюжским, и усолским, и тотемским, и тех уездов жителям денги выданы будут без задержания.

Апреля дня 29-го 1714. //

- л. 53 Державнейший царь, государь милостивейший,

в нынешнем, государь, 1714-м году приготовлено у меня, низайшего, в отпуск за море иноземцом на корабли на продажу на их иноземскую руку тесаного нежелобастого тесу некое число, ис которого некое число приплавлено к городу Архангелскому на продажу, и берут на корабли немалою ценою. А по вашему царского величества указу ведено у Архангелского города кровельной тес брать на вас, великого государя, на кровлю гостиного двора. А такого, государь, у меня кровельного тесу есть ста с четыре да и другога такого кровельного жолобастого тесу сыщется немалое число. И вышеписанной мой некровельной тес от продажи ныне удержан.

Всемилоостивейший государь, прошу вашего величества, да повелит державство ваше тот ... некровельной тес, которой на иноземскую руку к продажи приготовлен, продавать мне по-прежнему, а которой у меня таковской кровельной жолобастой тес есть, и тот тес на вас, великого государя, отдать (*с протчим*) по цене обещаю. И о продажи вышеписанного некровельного тесу вели, государь, указ учинить, чтоб мне низайшему в том разорения не было, потому за отправлением вашего царского величества карабельного строения никаких, // кроме той тесовой продажи, иных торгов не имею. И вели, государь, для лучшего к расходу денежного способа тот кровельной тес поставить сколько подлежит подрядить. А я, низайший, буду такого тесу ставить подрядятца к новому лету, от чего может денежной казне быть прибылнея.

л. 53 об.

Вашего величества нижайший раб экипажамейстер Федор Баженин.

714-го июня в ... день. Федор Баженин.

По указу великого государя и по приказу вицегубернатора Алексея Александровича Курбатова по сему прошению тес осмотреть таможенным бурмистром, каков он мерою длины, ширины ... и подлинно ль он не кровельной, и каковою ценою того теса сотня или тысяча в продаже бывает. И о том послать к ним указ, а у челобитчика экипажамейстера взять ведение к предбудущему 171-му году, коликое число он кровельного тесу может поставить и по чему. //

По указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья л. 55
Росии самодержца, Архангелогородской таможни бурмистру Ивану Маслову с товарищи. Сего числа в про-
шении экипажамейстера Федора Баженина написано: Приготовлено у него в отпуск за море на продажу
на иноземскую руку тесаного нежелобастого тесу немалое число и несколько пригнано к городу Архан- л. 57
гелскому на продажу, и берут на карабли немалою ценою. А по его де царского величества указу ведено у
Архангелского города кровельной тес брать на ево великого государя на кровлю гостиная двора. // А у него
кровельного тесу есть ста с четыре да и у других такового кровельного желобастого тесу обыщется немалое
число. И вышеписанной ево некровельной тес от продаже ныне удержан. Великий государь пожаловал бы
ево, велел вышеписанной ево некровельной тес, которой на иноземскую руку к продаже пригнано, про- л. 57 об.
давать ему по-прежнему. // А которой у него кровельной желобастой тес есть, и тот на великого государя
отдать по цене обещает. И о продаже некровельного тесу велеть ему указ учинить, чтоб ему в том разоре-
ния не было, потому за определением его царского величества карабелного строения никаких, кроме тес
тесовой продажи, иных торгов не имеет. И по его великого государя указу и по приказу вице губернатора
Алексея Александровича Курбатова, а по ево, Баженина, прошению, ведено оной тес осмотреть таможен-
ным бурмистром и описать мерою длину, и ширину, и толщину, и каковою ценою того тесу сотня или
тысяча в продаже бывает. И о том послать в таможную указ. А осмотрев тот тес и написав мерою и цену,
подать в Архангелогородскую канцелярию за руками ведение. И по тому его великого государя указу в Ар- л. 58
хангелогородской таможе выписано: В нынешнем 714-м году июня с 19 по 26-е число ево экипажамей-
стера // Федора Баженина привозного с вершу тесу тесаного некровельного 1270 досок длиною 4-х сажень,
толщиною в вершок. Желобленого кровельного 200 тесниц длиною и толщиною против тех же. А по дос-
мотру таможенного целовалника горожанина Василья Пивоварова тот тес против оной явки числом, и
длиною, и толщиною сходен. А покладено того тесу против Руского гостиная двора на обрубе 775 досок
нежелобленых, да против иноземского гостиная двора на берегу 495 досок таких же да 200 досок желобле-
ных. И вышеписанного тесу в продаже июня 23-го галанцу Ивану Фанбасену 400 досок нежелобленых це-
ною по три алтына доска. А досталным нежелобленным и всем желобленным, как и у других, продажа до его
великого государя указу удержана. Иван Маслов. Смотрил Андрей Митусов. //

Доношение.

л. 59

По указу великого государя и по приказу вицегубернатора Алексея Александровича Курбатова ведено
подрядить купчине Ивану Звягину на крышку Немецка и Рускаго дворов тесу дватцать тысяч. И подрядил
он, купчи(на) Иван Звягин, тесу желобастого две тысячи мерою четырех сажень, а сажени мера полтретьи
аршина два вершка, а шириною в отрубе тот тес в шесть и в полсема, и в семь вершков, а в договоре це-
ною ряжен по дватцати по пяти рублей тысяча. А пошлина и привално не их работников, и требует он,
купчина, на задаток того теса работников ста рублей денег. Да как повелит превосходительство вашего су-
дейскаго разсуждения, о выдачи денег требует купчина Иван Звягин. Вместо отца своего Ивана Звягина
сын ево Андрей руку приложил.

По сему доношению купчине Ивану Звягину на подряд тесу выдать сто рублей, записать в расход с
роспискою. Июля дня 17 1714-го. //

По указу великого государя и по помете на доношении лантрихтора Ивана Борисовича Аленина ведено л. 60
купчине Ивану Звягину на крышку гостиных Немецкаго и Рускаго каменных дворов на подряд две тыся
тесу желобастого сто рублей выдать из Архангелогородской канцелярии от выборного расходчика Федора
Дудина, записав в расход с роспискою. Доношение о том в повытье подьячего Никифора Гукова.

Июля 17-го дня 1714-го. Приписание лантрихтора Ивана Борисовича Аленина. //

Превосходительнейшему господину вице губернатору Алексею Александровичу Курбатову

л. 61

Доношение.

В нынешней 713-м году по приказу вашего превосходительства ведено быть мне на иноземском гостине
дворе у каменного дела, и что построено на том дворе: На задней стене два крыльца переделаны снова да
на задней же стене угловой полате, которая была поварнею, и у той поварни снова своды переделывали,
на той же полатой верхних переходов и до вершу переемычки новы деланы; да от той же полаты крыльцо, и
своды, и ступени снова переделывали, с ысподе и до вершу стены новы поделаны, у второе крыльцо повар-
ни, ступени и лещадки с ысподе и до вершу кирпичем подделывали, и переемычки у окон переемыкали; и
третье крыльцо против вышеписанного крыльца ступени переделаны, лещадки слали снова, столбы подде-
лывали и у окон переемычки переемыкали снова же; да таможенного крыльца ... с ысподе и до вершу поделы-
вали, а ступени с ысподе до вершу снова переделывали и лещадки слали; и второе крыльцо от таможни же
по передней стене и у ворот ступени снова переделывали и тесали, и лещадки слали, столбы и бока под-
делывали с ысподе и до вершу, и на верхних переходах перед верхними полатами во многих местах ле-
щадки слали; а от Немецкой слободы три крыльца переделывали с ысподе и до вершу, бока и столбы почи-
нивали, и окна переемыкали, и все крыльца подмазывали и белены, да у нижних полат кругом у всех стены,
у дверей и у окон подделывано, на задней стене у исподней полате нижней свод провалился, и тот свод
подделывали; да в воротах на гостине дворе по сторонам камень вывалился, и в то место камень новое
клали и подделывали; и на вонной стороне во многих местах подделывали. А те вышеписанные поддел-
ки подмастерье Яков Корелской с товарищи на той работы, опричь воскресных дней, на всяк день ра-
ботали беспрестанно, а камень ко всем поделкам к нам присылали нетесаное, а тот камень тесан на

л. 61 об. иноземском гостине дворе. // О сем доносим униженные рабы, вышепомянутой подмастерье Яков Корелской с товарищи, тое мы вышепомянутую работу всю сработали. Да повелит ваше превосходительство нас, униженных рабов, свободить и во свояси отпустить. Сентября ... дня 1713-го года. К сему доношению вместо Якова Мостового по его велению колмогорец Гаврило Максимов руку приложил, 1713-го сентября в 22 день. Подал Яков Мостовой. Выписать, коликое число каких припасов и на сколка ценою к тому строению ...влено, и в те строения пошло и в остатке, и с которого месяца и числа то строение н...лось и по которое число делано, и что каких людей на тех работах было и в деле им денег, и во что то все строение всего денег стало — учинить тому счетную выписку с подлинным известием. //

л. 62

Ведение.

С иноземского гостина двора Якова Мостового что принято на иноземском гостине дворе каменному строению и на крыльца, и на всякие поделки. Принято у Ивана Звягина кирпичю девятнадцать тысяч пять сот пятьдесят кирпичей... Принято у агличанина Осипа Вилкенса сто досок тертых, цена по два алтына по четыре денги доска. А те доски держаны в творила и в кружала. Взято два точила у Ивана ж Звягина, цена по четыре гривны точило. Взяте гвоздья одготесу тысяча, цена по дватцати по шти алтын по четыре денги. Двоетесу двести, цена двенатцать алтын.

л. 62 об. Сентября в 9 день привезено с Орлеца сто десять камней ступенных. Июля в 21 день привезено с Орлеца сто пять камней ступенных. // Июля в 17 день привезено с Орлеца сто дватцать камней лещадей. Июня в 20 день привезено с Орлеца двести тринадцать камней ступенного. Августа в 15 день привезено с Орлеца сто дватцать камней лещадного. Июля в 13 день привезено с Орлеца сто сорок камней ступенных. Августа в 20 день привезено с Орлеца семдесят пять камней лещадных. Июня в 25 день привезено с Орлеца восьмдесят камней ступенных. Да в остатке на иноземском гостине дворе сорок пять камней. Да на Руском гостине дворе сто десять камней ступенных. На иноземском гостине остальных дватцать три связи, дватцать четыре засова железных, дватцать одна кирка да чило (?), одиннатцать лап железных, // дватцать одна доска тертых, пятнатцать ушатов, двенатцать шаек. А за те вышеписанные припасы денги не плачены. А дача денежная каменщиком была в канцелярии, и мне о том не вестимо. Вместо Якова Мостового по его велению Семен Чюдаков руку приложил. //

л. 63

И по вышеписанной помете выписано:

л. 64 В нынешнем 713-м году мая 23-го дня по указу великого государя за приписанием вицегубернатора Алексея Александровича Курбатова ведено у города Архангелского на Руском и на Немецком гостиных дворах крыльца и лесницы каменные, по которым всходят в таможду и в купецкие полаты, и перед полаты мосты починить вновь. А у того строения быть каменного дела подмастерью Двинского уезду Якову Корелскому. А по реэстру к той работе каменщиков и работников дать от строения цытаделя, белой камень готовить на Орлеце и присылать к городу, известь брать осталую, которая есть в Белом городе, а в добавку, буде понадобится, велеть жечь на Орлеце. Каменщиком кирки, лопатки, молотки, // коликое число надлежит, буде есть у строения цытаделя, выдать с росписками, а буде готовых нет, сделать. К тому строению кирпич, ушаты, ведра, тес, бревна, гвоздье и другое, что понадобится, купить и каменщиком и работником кормовые денги давать из наличных Архангелогороцкой канцелярии и записывать в расход имянно. А к тому строению всякие вышеобъявленные припасы покупать, и над каменщиками в той работе усмотрение иметь города Архангелского посацкому человеку Якову Книгину под усмотрением бургомистра Ивана Саватеева с товарищи. А коликое число на покупку каких припасов и наем извощиков, и каменщиком, и работником кормовых денег понадобится, о том им подавать в Архангелогороцкую канцелярию ведение. А коликое число денег на покупку того строения изойдет, и те денги приложить к найму полат тех гостиных дворов. //

л. 64 об.

И по тому указу дано от строения цытаделя: каменщиков 53 человека, ис того числа отпущено на Двинку июля 11-го дня 23 человека, за тем осталось у строения гостина двора каменщиков 30 человек, работников 34 человека, укладу на наварку кирок 34 фунта.

С Орлеца привезено: 650 камней ступенных, 375 лещадей, того 965. Ис того числа в расходе 495 камней ступенных, 315 лещадей. А вышеписанным подмастерью и каменщиком давали кормовые денги из Архангелогороцкой канцелярии июня с 1-го числа. //

л. 65 об.

1-й статьи.

Подмастерью и каменщиком 10 человеком октября по 1 число, итого на 4 месяца по 2 рубли человеку на месяц, 80 рублей. 11 человеком сентября по 26 число, итого на 3 месяца на 25 дней 84 рубли 8 алтын 4 денги. 3-м человеком июня по 11 число на 10 дней по 22 алтына 1 денга человеку, рубль 33 алтына 1 денга.

2-й статьи.

9 человеком июня с 1-го сентября по 26 число, итого на 3 месяца на 25 дней по пол-2 рубли человеку на месяц, 51 рубль 25 алтын. 20 человеком, которые посланы на Двинку, июня с 1-го по 11 число на 10 дней по 16 алтын по 4 денги человеку, 10 рублей. Всего 228 рублей 1 денга. Ис того числа вычтено за уклад, которой и издержан на наварку изломанных кирок, рубль 4 денги. Затем в даче каменщиком 226

л. 66

рублев 32 алтына 5 денег. // Да сверх того по ведомости надсмотрщика Якова Мостового к тому строению куплено: у агличанина Осипа Вилкенса 100 досок тертых ценою по 2 алтына по 4 денги доска, итого 8 рублей; 1000 гвоздья одготесу — 26 алтын 4 денги, 200 гвоздья ж двоетесу — 12 алтын; у Ивана Звягина 2 точила — 26 алтын 4 денги. Итого за доски, и за гвоздье, и за точила заплатить доведетца 9 рублей 32 алтына, и те денги не плачены. У Ивана Звягина взято 19 559 кирпича, а по чему ценою тот кирпич имянно, не написано. А по скаске Ивана Звягина, вышеписанной де кирпич у него в подряде и с вескою ценою по 3 рубли тысяча. Вместо Ивана Звягина по ево веленью горожанин Василей Рогалев руку приложил. // И

л. 66 об.

буде за вышеписанной кирпич положить ценою по ево, Звягина, скаске, итого иметца за 19 550 кирпичей 58 рублей 21 алтын 4 денги.

Всего к строению гостина двора в расходе — в даче каменщиком и за припасы 295 рублей 19 алтын 5 денег. В том числе за припасы заплатить доведетца 68 рублей 20 алтын 2 денги. А за уклад, которой взят у семиграцких бурмистров, вычтены денги у каменщиков с рубля 4 денги. А из вышеписанных припасов за расходом в остатке налицо: На Руском гостине дворе 100 камней ступенных, на Немецком гостине дворе

45 камней. Итого 155. // 23 связи, 24 засова железных, которые выняты ис прежних крылец того ж гости- л. 67
на двора. 21 кирка, точило, 18 лап железных, 21 доска тертых. Справил Никифор Гуков. //

По указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья л. 68
России самодержца, вице губернатор Алексей Александрович Курбатов приказал вышеписанные издержан-
ные денги, которые даваны из Архангелогороцкой канцелярии подмастерью и каменщиком, что работали
у строения Немецкого гостина двора у починки крылец и лесниц каменных июня с 1-го октября по 1
число, двести дватцать шесть рублей тритцать два алтына пять денег. Да за припасы, которые взяты к
строению того гостина двора — за сто досок тертых на творила и на кружала по два алтына по четыре
денги за доску, восемь рублей за тысячу, гвоздья одотесу — восемь гривен, // за двести гвоздья ж двоетесу л. 68 об.
двенатцать алтын, за два точила восемь гривен, за девятнадцать тысяч за пятьсот за пятьдесят кирпичей по
три рубли за тысячу — пятьдесят семь рублей дватцать один алтын четыре денги, всего двести девяносто
пять рублей девятнадцать алтын пять денег, взять в Архангелогородцкую канцелярию из Архангелого-
родцкой таможи ис пошлинного збору от бурмистров нынешняго 713-го году и те денги приложить к
найму полат того ж гостина двора. И о том в таможду к бурмистру с товарищи послать указ.

Лантрихтер Аленин. Декабря дня 4-го 1713-го. //

По указу великого государя (*полный титул*) Архангелогороцкой таможи бурмистру нынешнего 713-го л. 69
году Ивану Маслову с товарищи.

По его великого государя указу за подписанием вицегубернатора Алексея Александровича Курбатова
ведено издержанные денги, которые даваны из Архангелогороцкой канцелярии подмастерью Якову Корел-
ских и каменщиком Ивану Глазаеву с товарищи, 53-м человеком, которые работали у строения Немецкого
гостина двора у починки крылец и лесниц каменных июня с 1-го октября по 1 число, 226 рублей 32 алты-
на 5 денег, да за припасы, которые взяты к строению того ж гостина двора, за сто досок тертых на творила
и на кружала по 2 алтына 4 денги за доску, 8 рублей, за 1000 гвоздья одотесу 26 алтын 4 денги, за 200
гвоздья ж двоетесу 12 алтын, а за 2 точила 26 алтын 4 денги, за 19 550 кирпичю по 3 рубли за тысячу, 58
рублей 21 алтын 4 денги. // Всего 295 рублей 19 алтын 5 денег взять в канцелярию из Архангелогороцкой л. 69 об.
таможи ис пошлинного збору нынешняго 713-го году. И те денги приложить к найму полат того ж гос-
тина двора, и о том к вам послать указ. И бурмистру Ивану Маслову с товарищи о роскладке оных денег к
найму полат учинить по сему великого государя указу.

Декабря 20-го дня 1713-го.

П	А
К	П

Архив СПб. ФИРИ РАН, ф. 10, оп. 2, д. 25

О микротопонимике и топографии старинного Архангельска

(НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ)

1.

Если в последнее время об экономической специфике городских центров Северного Поморья мы можем судить более определенно (на основании писцовых и переписных книг и других найденных письменных документов, а также располагая полученными во время охранных археологических раскопок коллекциями находок), то их внутренняя планировочная структура известна еще недостаточно. Парадоксально, но это факт, относится он и к Архангельску — городу, источниковая база изучения которого насчитывает уже огромное количество письменных документов и графических источников XVII—XVIII вв. Чем можно объяснить такое положение? Основное объяснение следует искать прежде всего в "натурной" сохранности "материала" — на древней территории поселения уже практически не сохранились первоначальные топонимы (даже такие, как Пур-наволоок, "город", "монастырь", Немецкая слобода, Нячеры, Бык). Современный город утратил и продолжает утрачивать их. Однако основная причина сложившегося положения — отсутствие устойчивых древних поселенческих структур на городской территории, относительная "молодость" таких структур, ранее имевших названия. Отсюда — значительный динамизм развития поселенческой структуры Архангельска, постоянное расширение территории поселения за счет уездной земли (своеобразная "модернизация" этой структуры), довольно позднее время формирования городской территории. Между тем вопросы изучения

старинной топонимике поселения тесно связаны с динамикой формирования как всей его территории, так и отдельных локальных частей.

Документы по Архангельску XVII—XVIII вв. известны по архивным описям, но комплексных источников, раскрывающих детали планировки, элементы старинной топонимике города, введено в научный оборот относительно немного. Тем большую ценность представляют новые, ранее неизвестные материалы о топонимике старинного Архангельска, которые авторы предлагают читателю.

Окончательное формирование городской территории Архангельска относится к довольно позднему времени — ко второй половине XIX в., ибо еще в конце XVIII столетия "город Архангельский по предписанию в уставе благочиния и по числу дворов разделен на две части... Соломбальский же остров, яко населенный морскими служителями, на кварталы не разделен, и жители тамошние состоят в особом ведомстве канторы главного командира над портом..." Еще в описании города, составленном в 1782 г. "трудами мещанина В. К."¹⁸⁰, очень четко определялась верхняя по течению Северной Двины часть Архангельска, "главная сего города часть". Кузнечиха определялась как предместье города, заселенное вторым батальоном архангелогородского гарнизона, а Соломбала как "второе предместье".

Первоначальная градостроительная ситуация, по выражению В. В. Крестинина, "главной" части Архангельска начала складываться в конце XVI в. (в 1597 г. "город Архангельской" еще достраивался)¹⁸¹. В начале нового столетия на Пур-наволоке уже стояла крепость — "город", имевшая в плане вид неправильного четырехугольника, с шестью башнями, причем воротные башни были усилены "быками" — дерево-земля-

Рис. 77. Икона "Архангел Михаил на фоне Архангельска".
Начало XVIII в.

ными платформами типа более поздних бастионов. Цель их — усиление обороноспособности воротных башен; для этого вдоль берегового фаса кремля был срублен мощный сруб ("в 5 стен, мера 128 сажень"). С писцовых книг 1587—1589 гг. сохранилась сотная с описанием Михайло-Архангельского монастыря, вокруг которого и была построена новая крепость: "В Двинском уезде в Нижней половине в Новом Холмогорском городе монастырь Архангелской, а на монастыре церковь Архистратига Михаила, древен верх, да на полатах предел мученика Христова Мины, да церковь теплая Покров Пречистыя Богородицы, а на церквах образы, и венцы, и книги, и колокола на колокольнице" ¹⁸². Писцовые книги 1622—1624 гг. сообщают некоторые важные подробности о постройках Михайло-Архангельского монастыря: "...церковь Архистратига Михаила, древяна, в верхе в девяти верхах, у той же церкви два предела: предел мученика Христова Мины, другой предел Стратотерпец Христовых Бориса и Глеба", да в монастыре "другая церковь Покров Пречистыя Богородицы, древяна ж вверх, с трапезою" ¹⁸³. Тут же находилась звонница — "на колокольнице четыре колокола з благовестным".

У кремля на посаде, выше по течению Северной Двины, стояла "церковь Преображения Господа нашего Иисуса Христа, древяна вверх, с трапезою, у тое ж церкви предел Николы Чюдотворца, а в церквах образы, и свечи, и книги, и всякое церковное строение" ¹⁸⁴. К посаду с "верхней" стороны крепости примыкала Стрелецкая слобода, насчитывавшая 205 стрелецких дворов, в то время как посадских тяглых дворов Архангельский

посад насчитывал всего 130. Стрелецкая слобода заканчивалась мельницами — "...у города ж выше Стрелецкие слободы на реке на Двине мельница ветреные, а положен на них оброк вновь" (всего две мельницы) ¹⁸⁵.

Ситуация ниже "города" по Двине была следующая ¹⁸⁶: между крепостью и деревянными гостиными дворами стояли две церкви — "церковь Воскресения Господа нашего Иисуса Христа, древяна вверх, другая церковь Великомученицы Христовой Параскевы, нарецаемые Пятницы, древяна ж, клецки с трапезою". Наличие Пятницкого храма, несомненно, связано с нахождением в этой части наиболее значительного торгового центра поселения. По существу, здесь располагалось его торговое "сердце": во-первых, Русский гостинный двор, где стояли "государевых восемьдесят четыре амбара верхних и исподних, а ставитца в них в карабельную пристань розных городов всякие торговые люди"; кроме того, на том же дворе стояли 22 государевы лавки "да у двора две лавки и сарай". Во-вторых, Немецкий гостинный двор, где имелось "государевых верхних и нижних восемьдесят шесть амбаров" и 30 амбаров, принадлежавших иноземным торговцам. В районе Немецкого гостиного двора стояли жилые "дворы немецкие", причем на некоторых из них также стояли складские постройки (как, например, на дворе английских гостей стояло "тридцать амбаров да сарай"). Несомненно, эти английские и голландские дворы послужили основой для формирования так называемой Немецкой слободы, хотя следует признать, что такого официального статуса она никогда не получала.

Наконец, в-третьих, здесь располагались "лавки Архангельского города жильцов и колмогорских посадских и уездных людей". Переписная книга 1678 г. дает почти такое же, очень аморфное описание, но фиксирует общие параметры посада: от церкви Боголепного Преображения Господня к церкви мученицы Параскевы, нареченныя Пятницы, — "по конец посада на самом берегу церковь Успение Пресвятыя Богородицы" ¹⁸⁷.

Двинской летописец под 1637 г. сообщает о большом пожаре в Архангельске: "...згоре в городе церкви, и кельи, и воеводцкой двор, и полгорода от Двины реки. И после пожару город построен попрежнему, а монастырь Архангелской поставлен за городом Двиною ж рекою в Нячарях, от города за версту" ¹⁸⁸. Сохранилась любопытная группа документов, связанная с переносом Михайло-Архангельского монастыря: первоначально было "велено архангельскому монастырю пониже Архангельского города и пониже церкви Успения Пресвятой Богородицы от дальнево Бору на горе Кузнечихи строить, для того что то место по сыску лежит впусе, и не отдано никому, и оброку с него никто не платит, и в писцовых книгах не написано, да и тому монастырю велено отвести того пустого места под конюшней, и под коровой, и под служни дворы, и на огороды сколко пригоже смотре по месту, а достальное пашенное место измерить..." ¹⁸⁹ Однако оказалось, что "место Кузнечиха тяглое и оброчное, и под монастырь то место не годное, и городовых посадских людей скотинная паства" ¹⁹⁰.

После этого последовал новый указ Михаила Федоровича, чтобы "Архангельский монастырь и храмы строить на новом месте выше города в Нячеры, да к тому монастырю пустого места по их же челобитью под конюшенной, и под коровой, и под служни дворы, и на огороды лес розчистить и пашня распахать против

того ж сколько было места на Кузнечихи дано..."¹⁹¹ На месте монастыря внутри крепости была построена деревянная церковь Происхождения Честного и Животворящего Креста с приделом во имя Чуда Святого Архистратига Михаила, которая впоследствии горела вместе с деревянным "городом", а в 1742 г. была заменена каменным одноэтажным храмом¹⁹².

Перенос монастыря на правый "фланг" Архангельского поселения в основном завершил формирование его структуры: "город" и Гостиные дворы — в центре, затем выше по течению реки посад и Стрелецкая слобода и, наконец, Михайло-Архангельский монастырь в Нячерях. Заметим еще раз, что ни один топоним (Пурнаволок, "город", Нячеры, Стрелецкая слобода) не сохранился в обиходе горожан до наших дней.

Пересхавший в Нячеры монастырь в течение довольно длительного времени обстраивался. В 1644 г. новгородский митрополит Афанасий направил игумену Филарету грамоту "на Холмогоры на Усть-Двине реке в общей Архангельский монастырь", что он, согласно просьбе, пожаловал в придел "у храма Архистратига Святаго Михаила воздвигнуть храм во имя Страстотерпцев святых Бориса и Глеба"¹⁹³. В 1651 г. опять встал вопрос о строительстве придела: дело в том, что в упомянутой нами грамоте был "обложен храм у большой церкви святого Архангела Михаила о северную сторону", но строительство приостановилось, т. к. прежняя грамота была утеряна, поэтому новгородский митрополит Никон дал новую жалованную грамоту¹⁹⁴. В эти же годы Никон дал жалованную грамоту на строительство придельной церкви во имя Прокопия Устюжского Чудотворца¹⁹⁵. Благословенная грамота архиепископа Афанасия на строительство каменного храма в монастыре была дана еще в 1605 г., но только в 1669 г. составляется документ, интереснейший во всех отношениях, — это порядная Максима Лохозкого на постройку Михайло-Архангельского собора, в которой он, Максим Архипов сын Лохозкой, именуется себя "каменных храмовых дел подмастерьем"¹⁹⁶.

Опустошительные пожары мая 1667 г. и 1669 г. нанесли поселению огромный ущерб — сгорела крепость, гостиные дворы, лавки, государевы житницы, а также жилые дома¹⁹⁷. Строительные мероприятия в 1668—1682 гг. в центральной части поселения, пострадавшей от пожаров, в конечном итоге закрепили существовавшую здесь градостроительную ситуацию: новый деревянный острог был поставлен на прежнем "городовом" месте; на месте бывших деревянных гостиных дворов — отдельно стоявших Русского и Немецкого — были построены новые каменные, а площадь между ними оформлена в качестве Каменного города (крепости), что существенно изменило первоначальный план перепланировки этой части Архангельска после упомянутых пожаров.

Что еще изменилось на "фасаде" Архангельска до конца XVII столетия? В 1687 г. встал вопрос о строительстве внутри крепости архиепископского подворья с хлебными амбарами, житницами и земляным погребом, лавками. Однако было признано, что на этом месте строить подворье опасно, и в том же 1687 г. Афанасий бил царю челом о том, что есть "выше Архангельского деревянного города ото рву к соборной церковной смежено от Двины реки государской земли малое число, а на той земле до земли поставлены лавченки и шалаши молотчих людей", которые, по мнению Афанасия, "двор построить мочно, а тесноты никому

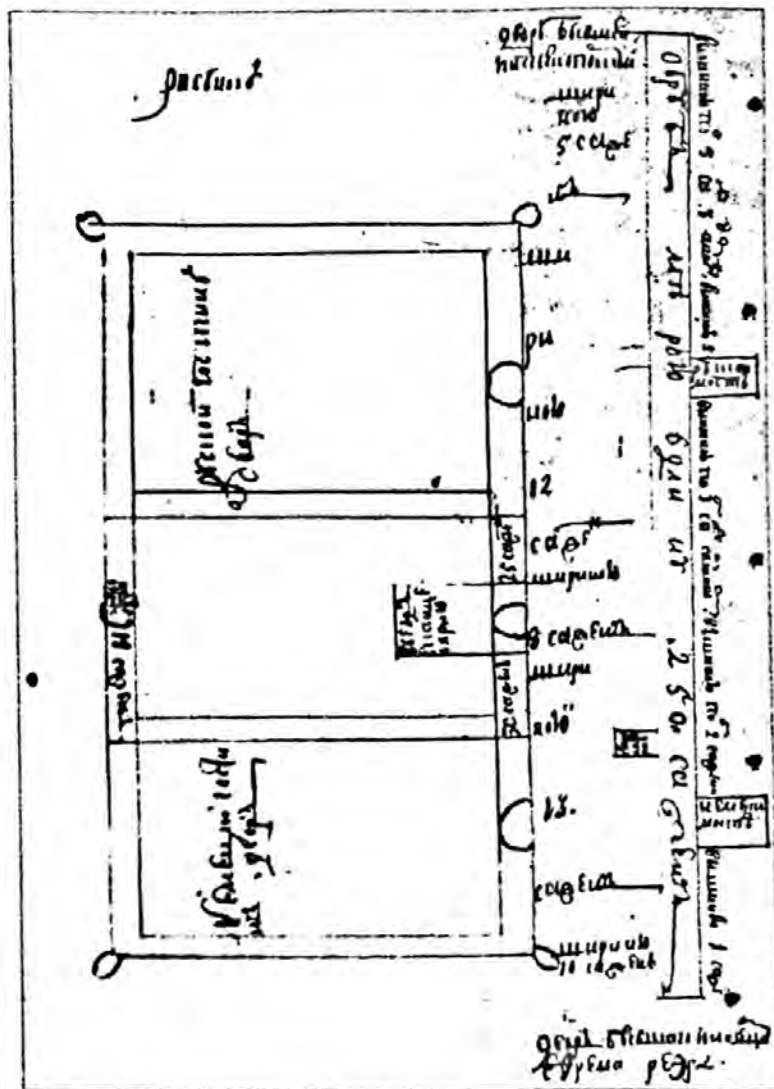

Рис. 78. План Каменного города и Гостиных дворов. XVIII в.

не будет, а лавченки можно снести"¹⁹⁸. На указанном месте стояло тридцать лавок, которые были переписаны, и по царской грамоте их надлежало снести, "и отвести ему, архиепископу, под дворовое место ево строение на пригорке, а по досмотру и по мере тое земли повыше Архангельского города от Двины реки подле рва до прежней дороги пятнадцать сажен, а ото рву поперек той земли до церковной земли и с лавчонками места по угору до церковной земли восемь сажен, а подле проезжую дорогу девять сажен"¹⁹⁹. Архиерейское подворье занимало это место до 1775 г. ("дом архиерейской деревянной со всем дворовым строением пришел в крайнюю обветшалость"), когда решался вопрос о переносе подворья архиерейского на окраину Архангельска близ Михайло-Архангельского монастыря. Архиерейский дом на рисунке Архангельска конца XVII в. помещен именно на том месте, о котором идет речь в упомянутом письменном документе, за рвом, у угла деревянного "города". В 1785—1786 гг. встал вопрос о сносе старого деревянного архиерейского дома — дом находился рядом со зданием каменной банковской конторы, а по указу расстояние между каменными и деревянными зданиями должно было быть не менее 5 сажен²⁰⁰. В сохранившемся описании старого архиерейского дома особенно любопытны сведения не только о сенях, крыльце, прихожей, наборной, зале, столовой, но и живописной, в которой было три окна, в каждой оконнице по 36 стекол, а "стены по холсту раскрашены разными красками, живопись разными клеймами".

В общих чертах градостроительная ситуация старинной прибрежной части Архангельска оставалась почти неизменной на протяжении всего XVIII в., но в действительности здесь уже происходили существенные структурные изменения. В первую очередь, как видно из новых документов, опубликованных в главе "Архангельский деревянный "город", "город"-крепость уже в первой четверти XVIII в. быстро теряет свое значение военно-административного центра, превращаясь в еще один торговый микрорегион Архангельска: здесь находятся торговые ряды с лавками, в которых не только продают товары, но и могут производить небольшие партии ремесленной продукции. Лавки стоят как на площади крепости, так и на снесенных и сnivelированных валах. В это же время "город" теряет еще один атрибут — отсюда переезжает резиденция генерал-губернатора. В XVIII в. продолжают изменения и вокруг деревянного "города", особенно с северной и южной сторон: складскими и торговыми помещениями, лавочными рядами буквально "нашпиговывается" пространство между бывшей крепостью и гостинными дворами, вплотную начинают подступать к "городу" торговые структуры и со стороны Стрелецкой слободы. Существенные структурные изменения происходят в это время и в верхней по течению Северной Двины части Архангельского поселения: письменные документы позволяют говорить о значительном увеличении территории Немецкой слободы. Эта часть Архангельска расширяется не только вниз по речному берегу от гостиных дворов, но и осваивает земли к востоку от берега — ставятся дворы "на мху" — на болотинной части (это отчетливо видно на планах Архангельска XVIII в.). Тот же самый процесс мы можем наблюдать и на южных участках поселения — иноземцы начинают скупать дворы у "русских людей" на Сальном берегу и

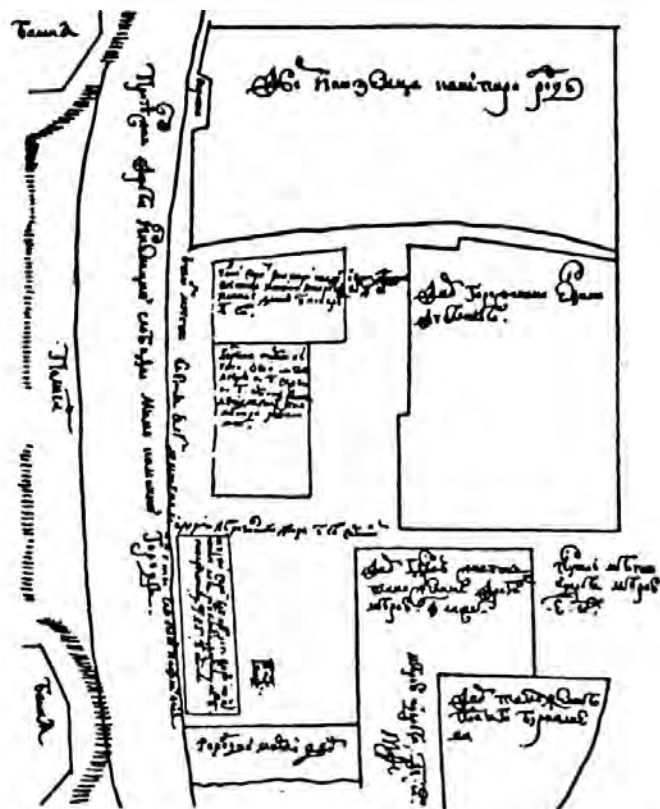

Рис. 81. Деталь планировки центральной части Архангельска. Чертеж 1711 г.

"в Борках", или как еще называют письменные документы — в "новопоставленном посаде".

В первой четверти XVIII в. несколько изменилась ситуация и на участке берега перед гостинными дворами: сохранившийся чертеж дает очень ценную информацию о состоянии участка берега между зданиями гостиных дворов и Северной Двиной. Сам берег реки был, как и в XVII в., забран бревенчатой обрубкой — мощной дерево-земляной конструкцией-платформой, которая прикрывала весь комплекс гостиных дворов на протяжении около 540 м (250 сажен), причем со стороны Русского гостиного двора обруб тянулся на юг на более значительное расстояние, чем в сторону Немецкой слободы. От зданий гостиных дворов обруб также отстоял на неодинаковое расстояние: полоса берега у Русского двора была около 12 м, напротив Каменного города — 8 м, а в "немецкой" стороне — 22—28 м. Ширина обруба была неодинаковой: около 11 м (5 сажен) в "русском" конце, от 20 до 30 м напротив гостиных дворов. Обрубная конструкция имела разную высоту: наибольшую — до 8,5 м в том месте, где за Русским гостинным двором начинался крутой берег мыса Пур-наволоок, наименьшую — в "немецком" конце — около 2 м. Обруб имел два выступа-мола. Как и в XVII в., здесь располагались два "моста" — русский и "немецкий".

Однако на плане нет приблизительных размеров самой территории между Северной Двиной и гостинными дворами, а о том, что это расстояние в начале XVIII в. было довольно значительным, свидетельствуют письменные и графические документы.

Вот документы, относящиеся к появлению первой архангельской аптеки. В ноябре 1711 г. аптекарь иноземец Кашпир Вейс просил об отводе под аптечное строение "места порозжего против Русского каменного гостиного двора" (приводим кратко выдержки из челобитных Вейса и "отводных", полностью документы опубликованы в Приложении):

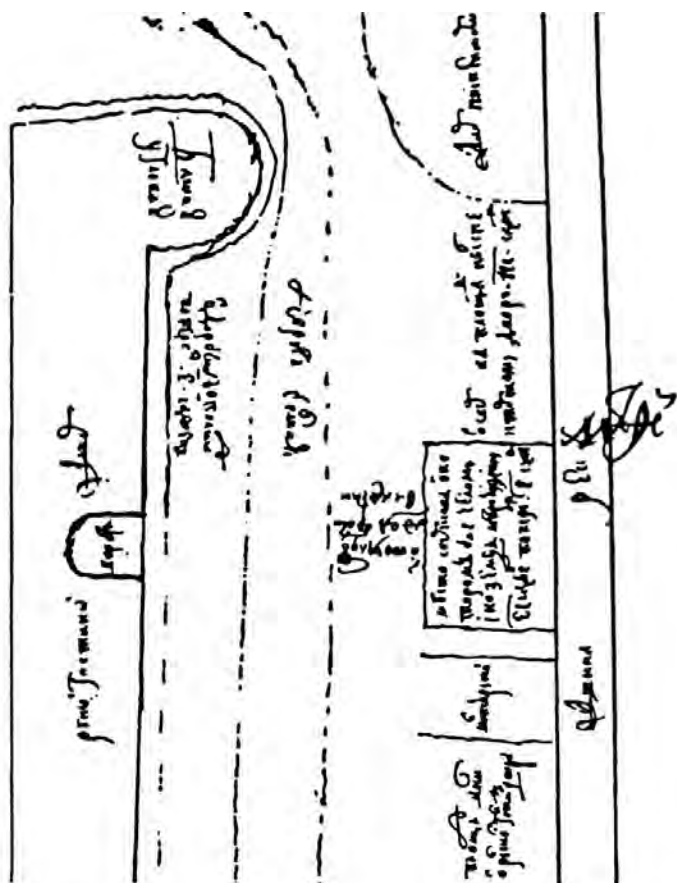

Рис. 80. Деталь планировки центральной части Архангельска. Чертеж 1711 г.

Державнейший царь, государь милостивейший.

Во окрестных, государь, европейских государствах не токмо в городех, но и малых селех и в деревнях имеет везде для здравия там живущим о помощи Божии человеком аптеки. Есть же сие и на Москве. А у города, государь, Архангельского оной аптеки нет, а я оную учинить и медикаменты свои держать могу. Всеми-лостивейший государь, прошу вашего величества, дабы под строение оной аптеки дано было место против Руского каменного гостиного двора к реке на обрубе и со оных медикаментов против европейских государств от пошлин свободу иметь. Вашего величества нижайший раб иноземец Кашпир Вейс... И по сей помете, а по осмотру того места против гостина Руского каменного двора от Двины реки на верхнюю сторону Руского мосту на обрубе, где наперед сего были Сверчкова амбары, мерою длинника пятнатцать сажен, поперешника пять сажен. И тому месту чертеж ниже.

По указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, вице губернатор Алексей Александрович Курбатов, слушав сей выписки и досмотру, приказал аптекарю иноземцу Кашпиру Вейсу для приезжих к городу из окрестных разных государств на караблях и с Москвы и у города обретающихся иноземцев и русских людей, уздравления о помощи Божий болящих, на вышепомянутом месте против гостина Руского каменного двора, от реке на верхнюю сторону Руского мосту на обрубе, где были наперед сего Сверчкова амбары, построить аптеку и отвести пот то строение того места длиннику пятнатцать сажен, поперешнику пять сажен, того ради, что во окрестных европейских государствах не токмо в городех, но и в малых селех и деревнях имеют везде аптеки, а при таком славно бы повсюду Архангелогородском порте аптеки доселе не было, от чего могло быть в здравии всяких чинов людей, а паче болящих не без малого вреда, а оную аптеку строить ему, Кашпиру, самому и медикаменты держать свои. А за то, что он оную аптеку на свои денги построит и медикаменты держать будет свои против окрестных Европейских государств, с того места и с медикаментов от пошлин иметь ему до указа свободу ... ноября дня 23-го 1711-го.

Державнейший царь, государь милостивейший.

В прошлом, государь, 1711-м году по вашему царского величества указу велено мне, нижайшему, для исцеления больных от болезней... построить аптеку... Государь, аптека уже построена, токмо при оной надлежит быть для болящих и здравия себе желающих бане и при сем теплым избам, в которых могут разными здравными травами парить и кровь пускать, а при оной аптеки такой бани и теплых изб учинить невозможно, понеже стоит близ гостина двора. А есть, государь, порозжее место, где бывала торговая баня подле иноземца Кашпира Родде. Всеми-лостивейший государь, прошу вашего величества, повели, государь, оное место под вышеписанное строение отдать, а я, нижайший, с того места платить буду по рублю на год или по чему ты, великий государь, укажешь. И в том дать мне, нижайшему, свой великого государя указ. Вашего величества нижайший раб Кашпир Вейс. 1712-го ...

По указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, вице губернатор Алексей Александрович Курбатов, слушав, приказал вышеписанное порозжее по досмотру и чертежу место иноземцу Кашпиру Вейсу по ево челобитью отдать под вышеписанное строение, токмо на том месте бань таковых, в которых бы повседневно, как и в торговых, паритца, строить ему отнюдь не велеть, чтоб от того новопостроенным государевым торговым баням остановки и в зборе казны недобору не было. А построить ему для болящих теплые избы, в которых разными здравыми травами парить и кровь пускать. А с того места иметь с него, Кашпира, погодно в Архангелогороцкую канцелярию по три рубли на год, и на нынешней 713-й год взять сполна и дать ему на то место для владенья даную. А ежели он, Кашпир, будет чинить мимо сего указа, по вине будет взята немалого штрафа. Генваря дня 2-го 1713-го ... А прошедшаго 718-го года мая 17-го дня волею Божию оная аптека згорела, и строения никакого на том месте ныне нет ²⁰¹.

Место, о котором Кашпир Вейс бил челом царю, было обширным — стоявшие здесь ранее амбары Сверчкова занимали площадь приблизительно 12×32 м. Ситуация на приложенном к документу "чертеже" во многом сходна с планом: виден участок "инспекторского двора", Русский гостиный двор, большая проезжая дорога. Просимое Кашпиром Вейсом место расположено на обрубе. Рисунок интересен еще и тем, что дает представление о ширине береговой части, расположенной между гостиными дворами и рекой: "от дороги до полисада" приблизительно 11 м (5 сажен), от "дороги до обруба" — 4,5 м, ширина амбарного места Сверчкова — 11 м. Мы не знаем точно ширину сооружений палисада и ширину дороги, но можем предполагать, что ширина участка от палисада до реки могла составлять около 30 м.

Любопытна и ситуация с освоением территорий, несколько удаленных от речного берега, — "на мху". Продолжим сюжет с челобитьем Кашпира Вейса: как видно из документа, в 1713 г. Кашпир Вейс получил место для лечебных бань: "...место позади каменного города с моховую сторону, подле двора иноземца Кашпира Родде". Мы уже писали о том, что "немецкие" дворы в "моховой" "части Архангельска" уже не были единичным явлением. Чертеж 1713 г. фиксирует большой по площади дворовый участок Кашпира Родде за Каменным городом у лица большой проезжей дороги из "немецкой" слободы. Показанная на чертеже территория представляется давно обжитой — рядом с иноземным двором расположен большой "банный" комплекс: эта само помещение государевой торговой бани 4,3×4,3 м, к бане примыкал банный сарай, "в котором кладут веники и шайки" и платье тех, кто пришел в баню. Недалеко от первых двух банных построек, вдоль той же улицы, находились развалины — "пустой сарай, где преж сего варили квас" (размеры постройки 8×12 м). Нет сомнений, что квасное заведе-

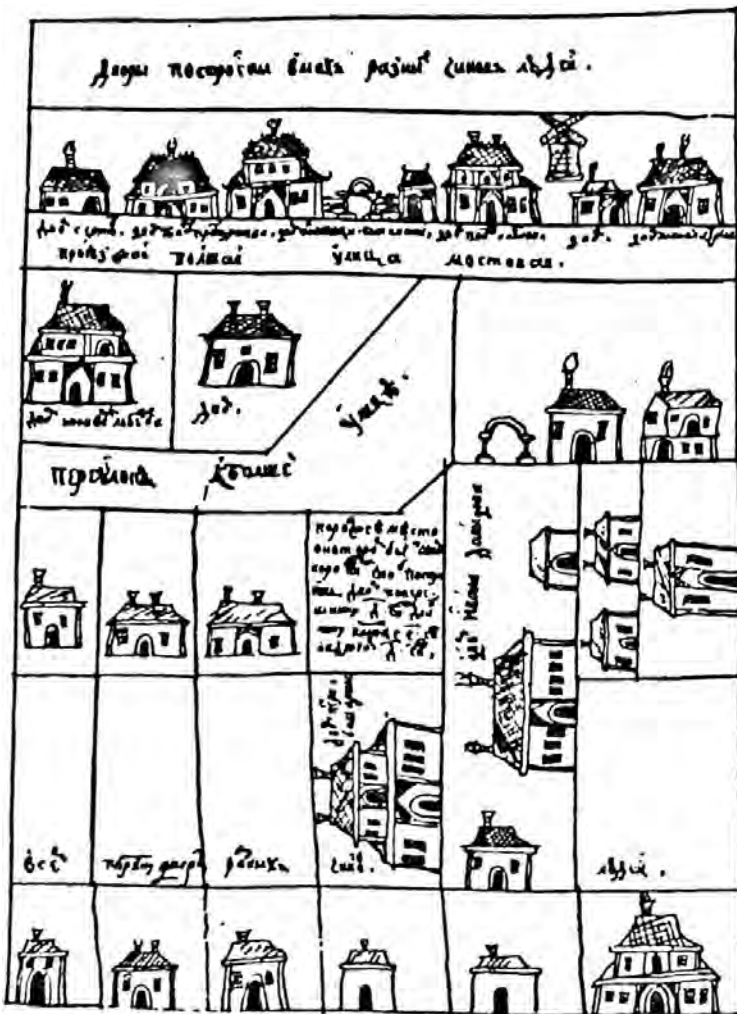

Рис. 82. Деталь планировки "посада на Бору". Рисунок 1713 г.

ние также входило в "банный" комплекс (правда, его размеры на чертеже и в тексте документа не совпадают), здесь находился и "банной колодезь". Таким образом, можно говорить об одном из первых банных заведений Архангельска.

Кроме торговой бани, в этом районе находился городской мирской двор, двор "государев, живут таможенные дрягили" (носильщики). От этого двора до проезжей, показанной на чертеже дороги, которая делала "дугобразный" поворот, было 30 м. За "банным" комплексом располагался "двор горожанина Ефима Дубленого", с восточной стороны двора тоже проходила трасса дороги, огибавшей двор таможенного подьячего Бурнашева.

Многие "действующие лица" этих чертежей упоминаются в других письменных документах. Так, владелец двора Ефим Дубленый известен по переписи Архангельска 1710 г. — он был "дворником" в Русском гостином дворе, жил в своем дворе. Теперь мы знаем, что его двор стоял через дорогу от Каменного города, а было ему 70 лет, и он имел семью — "у него жена Анна 55 лет, сын Степан 30 лет"²⁰².

Таможенный подьячий Бурнашев, а полностью Иван Андреев сын Бурнашев, был моложе соседа — ему было всего 40 лет, "у него жена Анна 30 лет, у него ж два сына: Данила 12 лет, Андрей 5 лет"²⁰³.

Важно, что принцип застройки территории за Каменным городом и за деревянным "городом", как мы увидим несколько ниже, одинаков: линия крепости и гостиных дворов, за ними ров и палисад, далее — большая проезжая дорога, вдоль одной стороны которой начинается застройка, за этой застройкой, параллельно ей, идет следующая дорога, и эта дорожная сетка и есть система улиц в "моховой" части Архангельского посада.

Именно с восточных фасадов гостиных дворов и деревянного "города" в "моховую" сторону была более развитая уличная сетка застройки, о чем свидетельствует чертеж, приложенный к прошению холмогорца Никиты Коровкина:

1713-го. Вместо герба 4 денги.

Державнейший царь, государь всемилостивейший,

есть, государь, у Архангельского города позади дворового и огородишного частокола горожанки вдовы Семеновской жены Башарина пустое болотинное место, и никто тем местом не владеет. Всемилоостивейший государь, прошу вашего величества, да повелит державство ваше того вышеписанного пустого места дать мне под строение длиннику от тына горожанина Ивана Давыдова в нижней конец пять сажен, поперег три сажен трехаршинных. Вашего величества нижайший раб холмогорец посадской человек Никита Коровкин. 713-го мая в 4 день. Вместо Никиты Коровкина по его велению горожанин Иван Коровкин руку приложил.

Вышеозначенное место велеть, измеряв, описать и учинить чертеж, и под каковое строение оное место ему, просителю, надобно, взять у него ведение и объявить вицегубернатору.

И по сей помете для осмотра и меры оного места ходил Архангелогородской канцелярии подьячий Никифор Гуков, и по осмотру оное место болотинное у города Архангельского позади двора Петра Башарина, подле ж двора Ивана Давыдова, мерою поперег 4, длиннику в одном конце 5, в другом 4 сажен, лежит в песте и строения никакова нет, и учинен ниже сего чертеж.

А в прошении горожанина посадского человека Никиты Коровкина написано, чтоб великий государь пожаловал его, велел того пустого места отдать ему под строение, длиннику от тына Ивана Давыдова в нижней конец 5 сажен, поперег 3 сажен 3¹-аршинных.

Справил Никифор Гуков.

Да проситель горожанин Никита Коровкин сказал, ежели де указом царского величества оное место отдано ему будет, и на том месте поставит он себе для житья избушку с сенцами. Вместо Никиты Коровкина по его велению Сийского монастыря раб ботник Алексей Алексеев руку приложил.

713-го. Вместо герба 4 денги.

По указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, вице губернатор Алексей Александрович Курбатов приказал.

По прошению холмогорца Никиты Коровкина вышепомянутое порозжее место мерою поперег четыре, длиннику в одном конце пять, в другом четыре сажен, отдать ему, Коровкину, под дворовое строение, для того по осмотру ис канцелярии на том месте строения никакова нет и никто им не владеет, и дать ему даную по указу, а оброчныя денги имать с него по состоянию общаго указа, каков состоится о взятые оброчных денег со всех архангелогородских жителей, и взять печатные пощлины по указу.

Лантрихтер Аленни. Июня дня 16-го 1713-го²⁰⁴.

На чертеже отчетливо обозначена "проезжая Большая улица мостовая", которая и была центральной магистралью поселения в этой части Архангельска (приблизительно соответствует нынешнему Троицкому проспекту). За этой улицей уже начиналась система переулков — один из них частично показан на чертеже и назван "переулком к Большой улице". Есть еще одна уличная магистраль, также с плотной застройкой, но она обозначена "в сем порядке дворов разных чинов людей". "Порозжее место", о котором просил Никита Коровкин, было расположено как раз в том месте, где ранее параллельно идущий к Большой улице переулочек почти под прямым углом соединяется с ней. Участок трапециевидный в плане, поэтому обмерщик дал три измерения пустого дворового участка: в поперегнике (вдоль направления улиц) 4 сажен, длиннику в одном конце 5 сажен, а в другом — 4. Рисунок-чертеж, выполненный в характерной манере еще в XVII в., безусловно ценен тем, что наряду с другими публикуемыми нами материалами дает представление о реальной застройке еще одного микрорайона старинного Архангельска.

Фамилии некоторых дворовладельцев на плане подписаны, некоторые из них можно проследить по переписным книгам 1702 и 1710 гг.

Монойла Грек: в 1710 г. купец Гостиной сотни, "гречанин Манойла Григорьев сын 35 лет" вместе со своей женой Татьяной 30 лет проживал именно во дворе²⁰⁵, изображенном чертежником.

Никифор Леонтьев сын Лебедев в 1702 г. жил в одном дворе с отцом — Леонтием, который был в "дворниках" и умер в 1678 г.²⁰⁶, другие сыновья Леонтия — Максим и Федор "разбрелись", а Никифор остался на отцовском месте в "дворниках". Любопытно, что двор этот был "государев, Русского гостиного двора", а не собственностью семьи Лебедевых. Перепись 1710 г. дает более детальные сведения о семье Лебедевых: "Никифор Лебедев 40 лет, у него жена Алена 40 лет, дочь Фекла 10 лет, сын Василий 4 лет"²⁰⁷, но двор этот к моменту переписи был "пуст после пожару". Пожар, во время которого сгорел двор Никифора Лебедева, подробно описан в Двинском летописце под 1710 г.: "Того ж года был пожар за городом против каменных гостиных дворов, и загорелось с двора бывшего горожанина Дмитрея Поварова, в котором жил Матвей Мостинин, и горело вниз до Немецкой слободы. А выгорело 30 дворов"²⁰⁸. Кстати, это подтверждает наше предположение о расположении участка застройки Архангельска, изображенного на чертеже, — в "моховую" сторону от гостиных дворов.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

л. 1 711 года
 Прощение и приговор аптекаря иноземца Кашпирия Вейса об отводе под строение аптеки места порожжего против Руского каменного гостиного двора. //

л. 2 До наместнического правления
 о учинении в Архангелогородской губернии указа по челобитью лекаря Кашпир Вейса о поставленной им у города Архангельского против Руского гостиного двора на берегу аптеки.

1717 года, № 47//

л. 3 Державнейший царь, государь милостивейший.

Во окрестных, государь, европейских государствах не токмо в городех, но и малых селех и в деревнях имеет везде для здравия там живущим о помощи Божии человеком аптеки. Есть же сие и на Москве. А у города, государь, Архангельского оной аптеки нет, а я оную учинить и медикаменты свои держать могу.

Всемилоостивейший государь, прошу вашего величества, дабы под строение оной аптеки дано было место против Руского каменного гостиного двора к реке на обрубе и со оных медикаментов против европейских государств от пошлин свободу иметь.

Вашего величества нижайший раб иноземец Кашпир Вейс.

л. 3 об. 1711-го октября в 30 день. По указу // великого государя вице-губернатор Алексей Александрович Курбатов, сего челобитья слушав, приказал то место досмотреть и, измерив, чертеж учинить. И по сей помете, а по осмотру того места против гостиного двора от Двины реки на верхнюю сторону Руского мосту на обрубе, где наперед сего были Сверчкова анбары, мерою длинника пятнадцать сажен, поперешника пять сажен. И тому месту чертеж ниже. //

л. 4 (чертеж)

л. 4 об. И ныне великому государю царю и великому князю Петру Алексеевичю, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу, бьет челом вышепомянутой иноземец Кашпир Вейс, что де в окрестных европейских государствах не токмо в городех, но и малых селех и в деревнях имеют везде для здравия тамо живущим о помощи Божии человеком аптеки, есть же сие и на Москве, а у города Архангельского оной аптеки нет, а он оную учинить и медикаменты свои держать может.

И чтоб великий государь пожаловал его, дабы под строение оной аптеки дано было ему место против Руского каменного двора к реке на обрубе и с оных медикаментов против европейских государств от пошлин свободу иметь.

Смотрил Алексей Иванов. //

л. 5 По указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, вице губернатор Алексей Александрович Курбатов, слушав сей выписки и досмотру, приказал аптекарю иноземцу Кашпирию Вейсу для приезжих к городу из окрестных разных государств на караблях и с Москвы и у города обретающихся иноземцев и русских людей, уздравления о помощи Божий болящих, на вышепомянутом месте против гостиного двора, от реке на верхнюю сторону Руского мосту на обрубе, где были наперед сего Сверчкова анбары, построить аптеку и отвесьть пот то строение того места длиннику пятнадцать сажен, поперешнику пять сажен, того ради, что во окрестных европейских государствах не токмо в городех, но и в малых селех и деревнях имеют везде аптеки, а при таком славно бы повсюду Архангелогородском порте аптеки доселе не было, от чего могло быть в здравии всяких чинов людей, а паче болящих не без малого вреда, а оную аптеку строить ему, Кашпирию, самому и медикаменты // держать свои. А за то, что он оную аптеку на свои денги построит и медикаменты держать будет свои против окрестных Европейских государств, с того места и с медикаментов от пошлин иметь ему до указа свободу. И о том из Архангелогороцкой канцелярии впредь для сведения дать ему память, а с челобитья пошлин взять по указу.

Ноября дня 23-го 1711-го.

Записать //

л. 6 Лета 1711-го ноября в 23 день. По указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, вице губернатор Алексей Александрович Курбатов приказал дать из Архангелогороцкой канцелярии сию даную аптекарю иноземцу Кашпирию Вейсу на пустое место против Руского каменного гостиного двора от реки на обрубе, где наперед сего были Сверчковы амбары. Для того в нынешнем 711-м году октября в 30-м числе великому государю бил челом, а в Архангелогороцкой канцелярии вице губернатору Алексею Александровичу Курбатову подал челобитную вышепомянутой //

л. 6 об. аптекарь иноземец Кашпир Вейс, а в той ево челобитной написано, во окрестных де европейских государствах не токмо в городех, но и в малых селех, и в деревнях имеют везде для здравия тамо живущим о помощи Божии человеком аптеки. Есть же сие и на Москве, а у города Архангельского оной аптеки нет, и он оную учинить и медикаменты свои держать может, и чтоб великий государь пожаловал его, дабы под строение оной аптеки дано было ему место против Руского каменного гостиного двора к реке на обрубе, и со оных медикаментов против европейских государств от пошлин свободу иметь. И по тому ево челобитью место осматривано, и по осмотру то место против гостиного двора, от

л. 7 Двины реки в верхнюю // сторону Руского мосту на обрубе, где наперед сего были Сверчковы анбары. Мерою длинника 15 сажен, поперешника 5 сажен. И по его ж великого государя указу и по приказу вице губернатора Алексея Александровича Курбатова велено ему, аптекарю иноземцу Кашпирию Вейсу, для приезжих к городу из окрестных разных государств караблях и с Москвы у города обретающихся иноземцев и русских людей, поздравления о помощи Божии болящих, на вышепомянутом месте против гостиного двора от реки по верхнюю сторону Руского мосту на обрубе, где были наперед сего Сверчкова анбары, построить аптека и отвесьть под то строение того места длиннику пятнадцать сажен, поперешнику

пять сажен, // того ради, что во окрестных европейских государствах не токмо в городех, но и в малых селех и в деревнях имеют везде аптеки, а при таком славном повсюду Архангелском порте аптеки доселе не было, от чего могло быть в здравии всяких чинов людей, а паче болящих, не без малого вреда. А оную аптеку строить ему, Кашпирию, самому и медикаменты держать свои. А за то, что он оную аптеку на свои денги построит и медикаменты держать будет свои, против окрестных европейских государств с того места и с медикаментов от пошлин иметь ему до указа свободу. И о том из Архангелогороцкой канцелярии впредь для владения дать ему память. А с челобитья пошлин взять по указу. И по сему великого государя указу и данной аптекарю иноземцу Кашпирию Вейсу на вышепомянутом месте аптеку построить и с медикаментов от пошлин иметь до указа свободу, а с челобитья пошлин взять по указу. // Таков указ ему дан за приписью дьяка Матвея Алексева. //

л. 7 об.

л. 8

1712-го. Вместо герба 4 денги.

л. 9

Державнейший царь, государь милостивейший.

В прошлом, государь, 1711-м году по вашему царского величества указу велено мне, низайшему, для исцеления больных от болезней, как и в других государствах обретається, построить аптеку вновь своим иждевением, и она, государь, аптека уже построена, токмо при оной надлежит быть для болящих и здравия себе желающих бане и при сем теплым избам, в которых могут разными здравными травами парить и кровь пускать, а при оной аптеки такой бани и теплых изб учинить невозможно, понеже стоит близ гостины двора. А есть, государь, порозжее место, где бывала торговая баня подле иноземца Кашпирия Родде. // Всемилостивейший государь, прошу вашего величества, повели, государь, оное место под вышеписанное строение отдать, а я, низайший, с того места платить буду по рублю на год или по чему ты, великий государь, укажешь. И в том дать мне, низайшему, свой великого государя указ.

л. 9 об.

Вашего величества низайший раб Кашпир Вейс. 1712-го сентября в ...

Выписать и, место осмотрив, измерить и учинить чертеж.

И по сей помете в Архангелогороцкой канцелярии выписано:

В челобитье иноземца Кашпирия Вейса написано: //

В прошлом 711-м году царского величества для исцеления больных от болезней, как и в других государствах обретається, построить аптеку вновь своим иждевением, и она, аптека уже построена, токмо при оной надлежит быть для болящих и здравия себе желающих бане и при ней теплым избам, в которых могут разными здравными травами парить и кровь пускать. А при оной аптеки такой бани и теплых изб учинить невозможно, понеже стоит близ гостины двора. А есть де порозжее место, где бывала наперед сего торговая баня, подле иноземца Кашпирия Родде. И чтоб великий государь пожаловал ево, велел оное место под выше писанное отдать ему, иноземцу, а с того места платить // он будет по рублю на год или по чему великий государь укажет.

л. 10

л. 10 об.

И по тому сво челобитью то место осматривано и учинен чертеж. А по осмотру банной сарай, в которой кладут веники и шайки, длиною шесть, поперег пять сажен. Государева торговая баня обои стены мерою по две сажени по два аршина. Самая ветхая. Пустой сарай, где преж сего варили квас, весь развалился. Длиннику полшесть, попережнику три сажени два аршина. И буде великий государь укажет под оное строение ему, челобитчику, отвести по чертежу, итого будет длиннику четырнатцать сажень с полуаршином, попережнику одиннатцать сажен с аршином.

Смотрил Алексей Иванов. //

По указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, вице губернатор Алексей Александрович Курбатов, слушав, приказал вышеписанное порозжее по досмотру и чертежу место иноземцу Кашпирию Вейсу по сво челобитью отдать под вышеписанное строение, токмо на том месте бань таковых, в которых бы повседневно, как и в торговых, паритца, строить ему отнюдь не велеть, чтоб от того новопостроенным государевым торговым баням остановки и в зборе казны недобору не было. А построить ему для болящих теплые избы, в которых разными здравными травами парить и кровь пускать. А с того места иметь с него, Кашпирия, погодно в Архангелогороцкую канцелярию // по три рубли на год, и на нынешней 713-й год взять сполна и дать ему на то место для владения даную. А ежели он, Кашпир, будет чинить мимо сего указа, по вине будет взятыя немалого штрафа.

л. 13

л. 13 об.

Генваря дня 2-го 1713-го. //

Лета 1713-го генваря во 2 день. По указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, вице губернатор Алексей Александрович Курбатов приказал дать из Архангелогороцкой канцелярии сию даную аптекарю иноземцу Кашпирию Вейсу на порозжее место, где бывала наперед сего торговая баня, для того в прошлом 712-м году сентября в 30-м числе великому государю бил челом, а в Архангелогороцкой канцелярии вице-губернатору Алексею Александровичу Курбатову подал челобитную он, вышепомянутой аптекарь иноземец Кашпир Вейс. А в той ево челобитной написано: в прошлом 711-м году по указу царского величества велено ему для исцеления больных от болезней, // как и в других государствах обретається, построить аптеку вновь своим иждевением. И она, де аптека уже построена, токмо при оной надлежит для болящих и здравия себе желающих бане и при ней теплым избам, в которых могут разными здравными травами парить и кровь пускать. А при оной аптеки такой бани и теплых изб учинить невозможно, понеже стоит близ гостины двора. А есть порозжее место, где бывала торговая баня подле двора иноземца Кашпирия Родде, и чтоб великий государь пожаловал ево, велел оное место под вышеписанное строение отдать ему, а с того места будет он платить по рублю на год. И по тому ево челобитью то место осматривано, а по осмотру то место позади Каменного города с моховую сторону, подле двора иноземца Кашпирия Родде, // где бывали наперед сего государевы торговые бани и квасная поварня, а мерою длинника 13 сажен, попережника 11 сажен. И по его великого государя указу и по приказу вице губернатора Алексея Александровича Курбатова велено вышеписанное порозжее по досмотру и чертежу место иноземцу Кашпирию Вейсу по сво челобитью отдать под вышепи-

л. 14

л. 14 об.

л. 15

санное строенье, токмо на том месте бань таковых, в которых бы повседневно, как в торговых, паритца, строить ему отнюдь не велеть, чтоб от того новопостроенным государевым торговым баням остановки и в зборе казны недобору не было. А построить ему для болящих теплые избы, в которых разными здравыми травами парить и кровь пускать. А с того места имать с него, Кашпира, погодно // в Архангелогороцкую канцелярию по три рубли на год, а на нынешний 713-й год взять сполна и дать ему на то место для владения даную. А ежели он, Кашпир, будет чинить мимо сего указа, повинен будет взятя немалого штрафа. А с челобитья пошрины взять по указу. И по сему великого государя указу и даней аптекарю иноземцу Кашпиру Вейсу на вышепомянутом месте против указу строитца, а с челобитья пошрины у него, иноземца, взять.

Таков указ дан ему генваря 16-го дня 1713. Пошлин с сего указа взято 25 рублей и отдано. //

- л. 15 об. л. 16 л. 16 об.
- В указе великого государя из Санкт-Петербурга ис канцелярии ведения полковника ея лейбгвардии капитана Герасима Ивановича Кошелева гвардии потбомбардир поручика Василья Григорьевича Языкова, гвардии подпоручика Василья Ивановича Иванова в Архангелогороцкую губернию к ближнему столнику и вице губернатору Петру Олфимовичю Лодыженскому с товарищи, писанном октября 28-го 718-го году, которой в Вологоцкой губернской канцелярии получен ноября 26-го чисел прошлого 718-го году, с которого из Вологоцкой в Архангелогороцкую канцелярию // сего генваря 7-го дня прислана копия, написано:

В ответствование вице губернатор Курбатов сказал: прислан был из Адмиралтейства иноземец вместо камесара для покупки во Адмиралтейство всяких вещей, и тот иноземец не аптекарь, но лекарю (с) званием Кашпир Вейс, которой бил челом в губернской канцелярии, чтоб ему под строение аптеки отвести место. И по тому сво челобитью для всенародной ползы и для собрания с лекарств пошлин место отведено. И при нем, Курбатове, та аптека была построена. А ныне она аптека есть ли, того он не ведает. И великий государь указал против вышепомянутого Курбатова ответу, о вышеписанном всем справясь в Архангелогороцкой губернии, учинить подлинное известие и прислать в Санкт Питербурх в Канцелярию розыскных дел. //

- л. 17 л. 17 об.
- По справке в Архангелогороцкой канцелярии:
В прошлом 711-м году октября 30-го дня в прошении иноземца Кашпира Вейса написано:
В окрестных европейских государствах не токмо в городех, но и в малых селех и деревнях имеют везде для здравия тамо живущим и в помощи Божии человеком аптеки. Есть же сие и на Москве, а у города Архангелского оной аптеки нет, и он де, Вейс, ... медикаменты свои держать может.

- И чтоб великий государь пожаловал сво, Вейса, под строение оной аптеки дать место против Руского каменного // двора к реке на обрубке, и с оных медикаментов против европейских государств от пошлин свободу иметь. И по тому сво челобитью вышеписанное место досматривано и учинен чертеж.

- И ноября дня 20-го по состоявшемуся в Архангелогороцкой канцелярии великого государя указу за подписанием бывшего вице губернатора господина Курбатова велено по осмотру и по чертежу вышеписанное место, а имянно против Руского гостина каменного двора от реки по верхнюю сторону Руского мосту на обрубке, где были наперед сего Сверчкова анбары, построить аптека и отвести под то строение того места длиннику // пятнадцать сажен, поперешнику пять сажен, того ради, что в окрестных европейских государствах не токмо в городех, но и в малых селех и деревнях имеют везде аптеки, а при таком славном повсюду Архангелогороцком порте аптеки доселе не было, от чего могло быть в здравии всяких чинов людем, а паче болящим, не без малого вреда, и оную аптеку строить ему, Кашпиру, самому и медикаменты держать в оной. А за то, что он аптеку на свои денги построит и медикаменты держать свои против окрестных европейских государств, с того места и с медикаментов от пошлин иметь ему до указу свободу. И о том для владения дать ему выпись.

- л. 18 об.
- И по тому приговору для владения помянутого места вышеписанному иноземцу лекарю Кашпиру Вейсу из Архангелогороцкой канцелярии владенная выпись дана ноября 27 дня 711-го года. // А прошедшаго 718-го года мая 17-го дня волею Божию она аптека згорела, и строения никакого на том месте ныне нет.

Таково ведение послано в Вологоцкую губернскую канцелярию на почте генваря дня 22-го 1719 году. // *Архив СПб. ФИРИ РАН, ф. 10, оп. 2, д 100*

2.

Перед "фронтом" деревянного "города" никаких построек никогда не было: в первой крепости Михаила Архангела на берегу стояла Водяная (Покровская) воротная крепостная башня, входившая в систему западных угловых башен и крепостных прясел, позднее с речной стороны крепостные стены фланкировали тоже три башни, но все глухие. Пространство укрепленного обрубом края берега перед крепостной стеной было "чисто" и открыто для отражения возможного нападения со стороны Северной Двины. Потом западное прясло кремля, вероятно, упало в воду, т. к. оконечность (или "нос") Пур-наволока стала интенсивно разрушаться.

Застраивать торговыми помещениями начали уже в конце XVII в. (наряду с территорией кремля) не очень широкое пространство между деревянным "городом" и

гостинными дворами. Более интенсивно процесс этот фиксируется по письменным документам начала XVIII столетия, о чем очень выразительно свидетельствует "прозьба" попа стоявшей здесь Воскресенской церкви о разрешении построить амбар:

Державнейший царь, государь милостивейший, построена, государь, против старой Воскресенской деревянной церкви для хранения припасов к строению новой Воскресенской церкви церковная кузница, потому что старая церковь обветшала, погнила, и для резного столярного дела к резному делу мастеровые люди, также и для писма с тех икон иконописцы наняты. А тех церковных всяких припасов класть некуда, потому что которые церковные амбары были, погорели. И против той деревянной церкви по нижнюю сторону вышепомянутой кузницы есть, государь, церковное порозжее место, где преж сего усопшие кладены и ныне кладутца, на которое место бьют челом ныне под мясные лавки мясники.

Всемилоостивейший государь, просим вашего величества, пожалуй нас, вели, государь, на том порозжем церковном месте для

поклажи всяких церковных припасов построить церковный анбар, а им, мясникам, отказать, и о том церковном анбарном строснии дать свой великого государя указ. Вашего величества нижайши богомольцы, раби твои, тое Воскресенской церкви священники Иван Васильев да Иван Левонтьев и прихожские люди Гостиной сотни Дмитрий Филатов, Андрей Гоголев с товарищи. 1711-го году ноября в 5 день. К сей челобитной вместо Гостиной сотни Дмитрея Филатова человек Осип Федоров руку приложил. Андрей Гоголев руку приложил. Воскресенской церкви священник Иван Васильев руку приложил. Воскресенской церкви священник Иван Левонтьев руку приложил. *Резолюция:* Осмотреть того места и, измерив, учинить чертеж²⁰⁹.

Весьма характерно, что старинное кладбище возле старой Воскресенской церкви, которое еще функционировало, уничтожалось и на его месте должны были построить "мясные лавки", а воскресенский священник Иван Васильев просил построить здесь церковный амбар.

Необходимость рационально использовать имеющуюся территорию побуждала власти производить перепланировку старых лавочных мест вдоль Русского гостиного двора. Так, по справке Архангелогородской таможи "о строении лавок и амбаров", данной на основании оброчных книг 1705 г., 14 лавок стояло на месте "от Руского гостиного каменного двора идучи к деревянному городу, на правой руке"²¹⁰. События, согласно этому документу, развивались следующим образом:

По указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья России самодержца, вице губернатор Алексей Александрович Курбатов приказал у города Архангелского у Руского гостиного каменного двора лавки по обе стороны дороги горожан посацких людей сломать, для того в прошлом 1706-м году по указу великого государя и по приказу инспектора Степана Леонтьева отданы те порозжия места из оброка под строение шалашей, а не лавок, а они построили лавки на тех местах своевольно. И для пополнения его царского величества денежных зборов на тех местах построить лавки вновь из его великого государя казны и отдавать в оброк. И о строении тех лавок к камисару Андрею Блажонкову и к купчине Ивану Звягину послать указ. И построить те лавки невысокие и не зело крепкие, чтоб во время пожарного случая, от чего сохрани Боже, разломать было свободно. Точию того смотреть, чтоб от течи были кровли крепкие.

Лант Рихтер Аленин. Июня в 12 день 1713-го²¹¹.

Стоявшие у Русского гостиного двора по обе стороны дороги шалаша и лавки приказано было переписать:

И по тому великого государя указу у вышеписанного Руского гостиного каменного двора лавки чьи имянно, и то писано ниже сего.

По верхнюю сторону от ворот лавки: лавка государева, лавка горожанина Григорья Серякова, шалаш воротника Ивана Павлова, лавка горожанина Матфея М(о)стинина, перебрана забором надвое.

По нижнюю сторону ворот лавки: лавка воротника Ивана Яшнева, перебрана забором надвое, лавка горожанина Прокопья Корякина, лавка горожанина Ивана Захарова, лавка колмогорца Афанасья Ширкина. Всего 8 лавок да шалаш. И тех лавок владельцы воротники Иван Яшнев да Иван Павлов да горожане Прокопей Корякин, Григорей Серяков сказали: лавки де свои они с того места сломают тотчас, а буде по оценки за те лавки денги им выдадут, и теми лавками они поступаютца. Вместо воротника Ивана Павловых по его велению воротник же Иван Яшнев и за себя руку приложил. Вместо Григорья Серякова и себя Прокопей Коряков руку приложил. Михайло Галкин, Иван Захаров, Афанасей Шилкин сказали: лавки де свои они сломают же, а буде по оценки за те лавки им денги выдадут, и теми своими лавками они поступятца. Вместо Михайла Галкина Ярославского уезду Борисо-Глебской слободы Борис Кокалов по его велению руку приложил. Вместо Ивана Татаурова да Афонасья Ширкина по их велению капрал Иван Рябов руку приложил. По указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья России самодержца, вице губернатор Алексей Александрович Курбатов приказал у города

Архангелского у Руского гостиного каменного двора по обе стороны лавки, которые велено сломать, оценить настоящею ценою купчине Ивану Звягину з другими купеческими людьми, для того в скаске Ивана Яшнева с товарищи, которые камисар Андрей Блаженков и купчина Звягин в Архангелогородской канцелярии объявили, написано, ежели вышеобъявленные лавки повелено будет оценить, и Иван с товарищи по оценке за те лавки денги возмут. И о том купчине Ивану Звягину послать указ и по оценке те лавки отдать охочим людям из оброка с торгу. Дьяк Иван Х... Лант рихтер Аленин.

Сентября дня 21-го 1713-го году²¹².

В 1706 г. лавки эти были разобраны и "на том месте построено инспектором Степаном Леонтьевым питейных амбаров 8, товарных лавок 18". Весьма любопытно, что "инспектор ратушского правления" Степан Васильев сын Леонтьев построил новый торговый комплекс — двор, и "в стенах двора" стояли новопостроенные амбары и лавки. Кстати, "инспекторский двор" обозначен на плане, приложенном к челобитной Кашпира Вейса, — это не жилой двор инспектора Леонтьева, а, по существу, "малый" деревянный гостиный двор, лавочные помещения которого сдавались в наем.

Торговые ряды располагались не только между Русским гостиным двором, но и огибали деревянный "город" с "моховой" стороны. Вот такую картину рисует документ:

От вышеписанной же Вознесенской башни, идучи за город, на левой стороне:

Две лавки на одном окладе колмогорки вдовы Евдокеи Гусевской. Старого оброка дватцать алтын, нового окладу тринадцать алтын две денги, обоего рубль. Лавки колмогорки вдовы Ксении Старостиной. Старого оброка рубль три алтына две денги, нового окладу один алтын четыре денги, обоего рубль пять алтын. Дватцать две лавки да два чолана Пертоминской пустыни. Старого оброка два рубли дватцать шесть алтын четыре денги, вновь оброку не положено, для того что стоят многие лавки в пуге. Подле башню лавочное порозжее место колмогорца Афонасья Бровцына. Старого оброка тринадцать алтын две денги.

От вышеписанной же Вознесенской башни, идучи за город, на правой стороне:

Лавка колмогорки вдовы Марьи Ивановской дочери Двинянинова. Старого дватцать три алтына две денги, нового окладу пять алтын, обоего дватцать восемь алтын две денги. Лавка горожанина Василья Святоносова. Старого оброка рубль дватцать алтын, нового окладу один алтын четыре денги, обоего рубль дватцать один алтын четыре денги.

Лавка колмогорца Василья Буянова. Старого оброка рубль десять алтын, нового окладу тринадцать алтын две денги, обоего рубль дватцать три алтына две денги. Лавка колмогорца Федора Тверитинова. Старого оброка рубль тринадцать алтын две денги, нового окладу шесть алтын четыре денги, обоего рубль дватцать алтын. Лавка горожанина Киприяна Никифорова, что была ярославца Ивана Кемского. Старого оброка дватцать шесть алтын четыре денги, нового окладу шесть алтын четыре денги, обоего рубль. Две лавки горожанина Романа Попова. Старого оброка два рубли шестнатцать алтын четыре денги, нового окладу три алтына две денги, обоего два рубли дватцать алтын. Две лавки на одном окладе горожанина Ивана Давыдова, что были Гостиной сотни Дмитрея Филатова. Старого оброка два рубли, нового окладу шестнатцать алтын четыре денги, обоего два рубли шестнатцать алтын четыре денги²¹³.

Далее, завершив описание лавок от Воскресенской башни до места старой Воскресенской церкви, писец вновь возвращается к Вознесенским воротам, описывая лавки "на правой стороне":

Лавка горожанина Якова Боброва. Старого оброка рубль одиннатцать алтын.

Лавка горожанки вдовы Евдокеи Григорьевской жены Патреева да позади той лавки светлица питейная. Старого оброка десять алтын, нового окладу шестнатцать алтын четыре денги, обоего дватцать шесть алтын четыре денги.

Анбар иноземца голанца Данила Артамана. Старого оброка дватцать алтын.

Лавка да анбар москвитина Давыда Григорьева. Старого оброку пять рублей.

Две лавки горожанина Ивана Малахова на одном окладе. Старого оброку пять рублей.

Анбар с перерубом иноземца галанца Романа Дикоса. Старого оброку дватцать три алтына две денги.

Против Воскресенской церкви три анбара на одном окладе иноземца Андрея Гутмона. Старого оброку рубль тринадцать алтын две денги. На другой стороне за дороною анбар с перерубом, а в нем две светлицы жилья ярославца Костянтина Кемского да вологженина Алексея Носкова. Старого оброку дватцать шесть алтын четыре денги, нового окладу три рубли шесть алтын четыре денги, обоего рубль.

Идучи от богаделни к той же Воскресенской церкви, на левой стороне проезжей дороги:

Две лавки на одном окладе горожан Михайла да Алексея Ускувых. Старого оброку шесть рублей дватцать один алтын четыре денги. Лавка горожанина Якова Боброва да позади светлица теплая питейная. Старого оброку десять алтын, нового окладу шеснатцать алтын четыре денги, обоего рубль дватцать шесть алтын четыре денги. Две лавки на одном окладе кормового Петра Салтанова, что были за вдовою Евдокеею Барабанского. Старого оброку дватцать алтын, нового окладу дватцать три алтына две денги, обоего рубль десять алтын. Лавка ровдогорцов Ивана Пугина да Федора Рычкова. Старого оброку три рубли. Лавка горожанина Михайла Галкина перегорожена вдвое, построена вновь в прошлом 711-м году. Нового оброку рубль шеснатцать алтын четыре денги. Лавка горожанина Матвея Мостинина без оброку, построена вновь в прошлом 711-м году. Нового оброку рубль ²¹⁴.

Затем писец снова возвращается к восточному фасу деревянного "города", где начинаются два мясных ряда:

В мясном ряду:

Против деревянного города на правую сторону большей проезжей мостовой дороги лавки на два лица надо рвом:

Три лавки горожан Андрея Гоголева, Василья Мякинина, Павла Прибыткова. Оброку не положено, построены в прошлом 711-м году, нового окладу шесть рублей. Лавка горожанина Якова Соройлова. Старого оброку дватцать алтын, нового окладу рубль двенатцать алтын две денги, обоего два рубли. Две лавки Гостиной сотни Дмитрея Филатова на одном окладе. Старого оброку дватцать алтын, нового окладу два рубли тринадцать алтын две денги, обоего три рубли. Лавка горожанина Ивана Звягина. Старого оброку рубль шесть алтын четыре денги, нового окладу десять алтын, обоего рубль шеснатцать алтын четыре денги. Лавки колмогорца Федота Брехова. Старого оброку рубль, нового окладу шеснатцать алтын четыре денги, обоего рубль шеснатцать алтын четыре денги. Лавка горожанина Козмы Новожилова. Старого оброку три рубли, нового окладу один алтын четыре денги, обоего три рубли алтын четыре денги. Лавка колмогорца Ивана Мостинина. Старого оброку рубль десять алтын, нового окладу три алтына две денги, обоего рубль тринадцать алтын две денги. Лавка горожанина Петра Брусина. Старого оброку рубль дватцать алтын, нового окладу шесть алтын четыре денги, обоего рубль дватцать шесть алтын четыре денги. Лавка горожанина Асея Кирова. Старого оброку шеснатцать алтын четыре денги, нового окладу тринадцать алтын две денги, обоего тринадцать алтын. Лавка да лавочное порожнее место горожанина Ивана Ушакова. Старого оброку с обеих два рубли дватцать шесть алтын четыре денги, нового окладу один алтын четыре денги, обоего два рубли дватцать восемь алтын две денги. Лавка колмогорца Степана Латышева. Старого оброку рубль десять алтын, нового окладу десять алтын четыре денги, обоего рубль шеснатцать алтын четыре денги. Лавка колмогорца Алексея Болотного. Старого оброку рубль три алтына две денги, нового окладу один алтын четыре денги, обоего рубль пять алтын. Лавка горожанина Гаврила Чирцова. Старого оброку рубль, нового окладу три алтына две денги, обоего рубль три алтына две денги. Лавка горожанина Максима Кривоногова. Старого оброку рубль, нового окладу три алтына две денги, обоего рубль три алтына две денги. Харчевня горожанина Василья Мякитина, что была лавка. Старого оброку восмнатцать алтын, нового окладу шесть алтын четыре денги, обоего дватцать четыре алтына четыре денги. Харчевня горожанина Осея Кирова, что была лавка. Старого оброку дватцать алтын, нового окладу один алтын четыре денги, обоего дватцать один алтын четыре денги.

Подле стену деревянного города против вышеписанных лавок, по правую сторону, идучи от Воскресенской церкви, другой мясной ряд:

Лавка горожанина Ивана Ушакова. Старого оброку рубль, нового окладу один алтын четыре денги, обоего рубль один ал-

тын четыре денги. Лавка горожанина Козмы Новожилова. Старого оброку рубль, нового окладу один алтын четыре денги, обоего рубль один алтын четыре денги. Лавка колмогорца Матвея Неудачина. Старого оброку рубль, нового окладу один алтын четыре денги, обоего рубль один алтын четыре денги. Лавка колмогорца Ивана Евлампиева. Старого оброку рубль, нового окладу один алтын четыре денги, обоего рубль один алтын четыре денги. Лавка горожанина Степана Дяткина, оброку рубль восемь алтын четыре денги, нового окладу один алтын четыре денги, обоего рубль десять алтын две денги. Лавка горожанина Якова Соройлова. Старого оброку шеснатцать алтын четыре денги, нового окладу шесть алтын четыре денги, обоего дватцать три алтына две денги.

Лавка колмогорца Ивана Евлампиева. Старого оброку одиннадцатый алтын четыре денги, нового окладу двенатцать алтын, обоего дватцать три алтына две денги. Лавка горожанина Петра Логинова сына Звягина. Старого оброку дватцать пять алтын, нового окладу один алтын четыре денги, обоего дватцать шесть алтын четыре денги. Лавка колмогорца Василья Одинаких. Старого оброку тринадцать алтын две денги, нового окладу восемь алтын две денги, обоего дватцать один алтын четыре денги ²¹⁵.

Кроме торгового комплекса — лавок, амбаров, между рвом и "Большой мостовой проезжей дорогой", возле мясного ряда, находился один из важнейших производственных комплексов Архангельского посада — кузницы:

Кузница Рождественской церкви дьячка Кира Александрова, в ней два горна. Старого оброку тринадцать алтын две денги, нового окладу три алтына, обоего рубль.

Кузница прежнего владельца пономаря Ивана Салкина, ныне владеет брат ево Андрей Салкин, в ней два горна. Старого оброку четырнадцать алтын, нового окладу рубль шесть алтын четыре денги, обоего рубль дватцать алтын четыре денги.

Кузница, что была Ивана Кевролцова, ныне владеет горожанин Лука Мачихин, в ней три горна. Старого оброку тринадцать алтын две денги, нового окладу рубль три алтына две денги, обоего рубль шеснатцать алтын четыре денги.

На кузнечном месте колмогорца Василья Шульгина построена изба жилая, а кузница ево подле ту ж избу на новом месте, а ныне в ней делают свечи сальные. Старого оброку шеснатцать алтын четыре денги, нового окладу десять алтын, обоего дватцать шесть алтын четыре денги.

На кузнечном месте Григорья Синицина ныне изба жилая горожанина Козмы Новожилова. Старого оброку рубль шесть алтын четыре денги, нового окладу один алтын четыре денги, обоего рубль восемь алтын две денги.

Кузнечное место ево ж, Козмы Новожилова. Старого оброку пять алтын, нового окладу одиннадцатый алтын четыре денги, обоего шеснатцать алтын четыре денги.

На кузнечном месте горожанина Дмитрея Синицына ныне построена изба жилая. Старого оброку десять алтын, нового окладу три алтына две денги, обоего тринадцать алтын две денги.

Кузница колмогорца Петра Иванова сына Черепанова. Старого оброку шеснатцать алтын четыре денги, нового окладу шеснатцать алтын четыре денги, обоего рубль.

Кузница колмогорца Ивана Федорова сына Черепанова, а в ней два горна. Старого оброку одиннадцатый алтын четыре денги, нового окладу дватцать один алтын четыре денги, обоего рубль.

Кузница горожанина Данила Мякушкина, а в ней два горна. Старого оброку четырнадцать алтын, нового окладу девятнадцать алтын две денги, обоего рубль.

Две кузницы горожанина Василья Цыварева. Старого оброку дватцать шесть алтын четыре денги. А против челобитья горожанина Василья Тутурова у Архангелского города на съезжем дворе перед надсмотрителем Максимом Пивоваровым дан торг, а с торгу на две кузницы Василья Цыварева, с которых сходило с кузницы по тринадцати алтын по две денги в год, а прежней владелец Василей Цыварев на те вышеписанные кузницы оброку не надал, а вышеписанной челобитчик Василей Тутуров к прежнему оброку, что платил владелец, надает на две кузницы рубль дватцать три алтына две денги, всего в год с тех дву кузниц с прежним оброком и с наддачею платить в год по два рубли по шеснатцати алтын по четыре денги, а прежний владелец от торгу в том отказал. А платить те оброчные денги с нынешнего 712-го году.

На кузнечном месте двор Архангелогороцкой таможи подьячего Василья Таратина. Старого оброку восемь алтын две денги, нового окладу два рубли, обоего два рубли восемь алтын две денги ²¹⁶.

Для позднесредневековых русских городов характерно расположение кузниц за рвами крепостей, скопление нескольких кузниц в одном или нескольких специально отведенных местах. Так, кузницы сгруппировались и за Архангельским деревянным "городом", а рядом с кузницами по черному металлу находились лавки серебряного ряда:

Ряд серебряного дела:

Лавка горожанина Афонася Скоморохова. Старого оброку шесть алтын четыре денги, нового окладу один алтын четыре денги, обоего восемь алтын две денги.

Лавка горожанина Ивана Звягина. Старого оброку десять алтын, нового окладу один алтын четыре денги, обоего одиннадцать алтын четыре денги.

Две лавки горожанина Григорья Мелехова. Старого оброку дватцать три алтына две денги, нового окладу один алтын четыре денги, обоего дватцать пять алтын.

Две лавки холмогорского архиепископа домовые. Старого оброку десять алтын, нового окладу три алтына две денги, обоего дватцать пять алтын.

Две лавки горожанина Ивана Федорова сына Попова. Старого оброку дватцать три алтына две денги, обоего дватцать шесть алтын четыре денги.

Две лавки на одном окладе колмогорца Ивана Романова. Старого оброку шестнадцать алтын четыре денги, нового окладу шесть алтын четыре денги, обоего дватцать три алтына две денги.

Две лавки на одном окладе колмогорки вдовы Борисовской жены Корнашева, владеет Архангелогороцкой таможи подьячей Гаврило Панфиловых. Старого оброку десять алтын, нового окладу три алтына две денги, обоего тринадцать алтын две денги.

От вышеписанных лавок в поворот, идучи к архиерейскому двору, на правой стороне:

Три лавки на одном окладе салдатов Михайла Казаринова, да Михайла Камынина, да Василья Варгосова. Старого оброку пятнадцать алтын, нового окладу десять алтын, обоего дватцать пять алтын²¹⁷.

Здесь же находились и кузницы "медного дела":

Медного дела кузницы:

Кузница низовца Максима Головина. Старого оброку шестнадцать алтын четыре денги, нового окладу три алтына две денги, обоего дватцать алтын.

Кузница Борисоглебских Матигор Ивана Жарового. Старого оброку шестнадцать алтын четыре денги, нового окладу пять алтын, обоего дватцать один алтын четыре денги.

Кузница Куреской волости Ивана Жарового. Старого оброку шестнадцать алтын четыре денги, нового окладу пять алтын, обоего дватцать один алтын четыре денги.

Четыре кузницы на одном окладе Архангелогороцкой таможи подьячего Андрея Протопопова. Старого оброку тридцать алтын, нового окладу рубль семнадцать алтын четыре денги, обоего два рубля четырнадцать алтын две денги.

Против вышеписанных кузниц, от серебряного ряда идучи, на левой стороне проезжей мостовой дороги:

На кузнечном месте изба жилая с сеними кормового Ивана Соловского. Старого оброку шесть алтын четыре денги, нового окладу десять алтын, обоего шестнадцать алтын четыре денги.

Кузница кегостровца Мирона Иванова сына Котелникова. Старого оброку тринадцать алтын две денги, нового окладу шесть алтын четыре денги, обоего дватцать алтын.

Кузница Николаевских Матигор Якова Титова. Старого оброку дватцать алтын, нового окладу один алтын четыре денги, обоего дватцать один алтын четыре денги²¹⁸.

В этой части Архангельского посада в начале XVIII в. располагался еще один "локальный торговый центр":

Гостиной сотни Федора Баженина под двором ево новостроенным, где были до его владение четыре лавки, ныне под горницами пять анбаров. На том же дворе особо девять анбаров двоежирных. Старого оброку с вышеписанных четырнадцати анбаров два рубля, нового окладу пять рублей, обоего семь рублей. Близ тех же анбаров ево ж, Федоровы, два чулана, три лавки, над ними изба жилая. Старого оброку дватцать алтын, нового окладу тридцать алтын, обоего рубль шестнадцать алтын четыре денги. Анбар мшеной горожанина Якова Боброва. Старого оброку тринадцать алтын две денги, нового окладу один алтын четыре денги, обоего пятнадцать алтын.

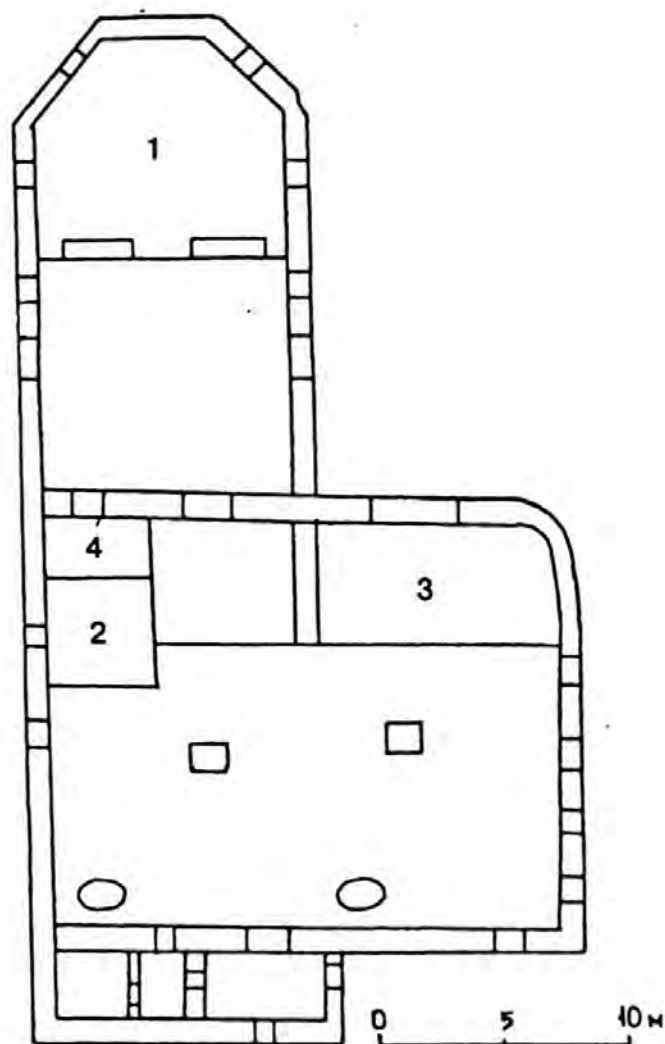

Рис. 83. Церковь Воскресения Христова (Воскresенская). План

1 — алтарь; 2 — алтарь Преподобного Антония;
3 — алтарь Великомученицы Параскевы; 4 — библиотека

В гребенном ряду:

Лавка колмогорца Осипа Масленникова. Старого оброку дватцать шесть алтын четыре денги. Колмогорцов Егора да Леонтия Питухиных две лавки на одном окладе. Старого оброку дватцать шесть алтын четыре денги, нового окладу три алтына две денги, обоего тридцать алтын. Лавка колмогорца Осипа Саломатова. Старого оброку тринадцать алтын две денги, нового окладу три алтына две денги, обоего шестнадцать алтын две денги.

Идучи к Архангелской башни, по правую сторону:

Три лавки на одном окладе кормового Ивана Ловского. Старого оброку рубль шестнадцать алтын четыре денги, нового окладу тридцать алтын, обоего два рубля три алтына две денги.

Идучи от вышеписанной Архангелской башни, по правую сторону:

Две лавки на одном окладе бывшего Ахтырского полку полковника Ивана Перекрестова, построены в 708-м году. Нового окладу рубль тринадцать алтын две денги.

Около архиерейского двора и под жилою избою осмнадцать лавок, в том числе шалаш один. Нового окладу три рубля дватцать алтын.

Спаского собору казенные за городом в разных рядах оброчных лавок, и анбаров, и чуланов, и шелашей:

Против архиерейского двора, идучи к соборной церкви, по левую сторону три лавки, в том числе одна на особом окладе, возле тех же лавок анбар, под ним две лавки. Подле тот же анбар чулан. Позади колоколницы лавка да анбар двоежирной. Да под колоколней один анбар, под ним две лавки. Да под колоколничным крыльцом лавка, да у крыльца ж чулан. Подле чулана четыре лавки. Всего около колоколницы тринадцать лавок, три анбара, два чулана. Старого оброку дватцать рублей пять алтын две денги.

На Спаской церковной земле лавка горожанина Михайла Варзугина²¹⁹.

Нами были обнаружены два любопытных документа (краткое содержание их было опубликовано О. В. Ов-

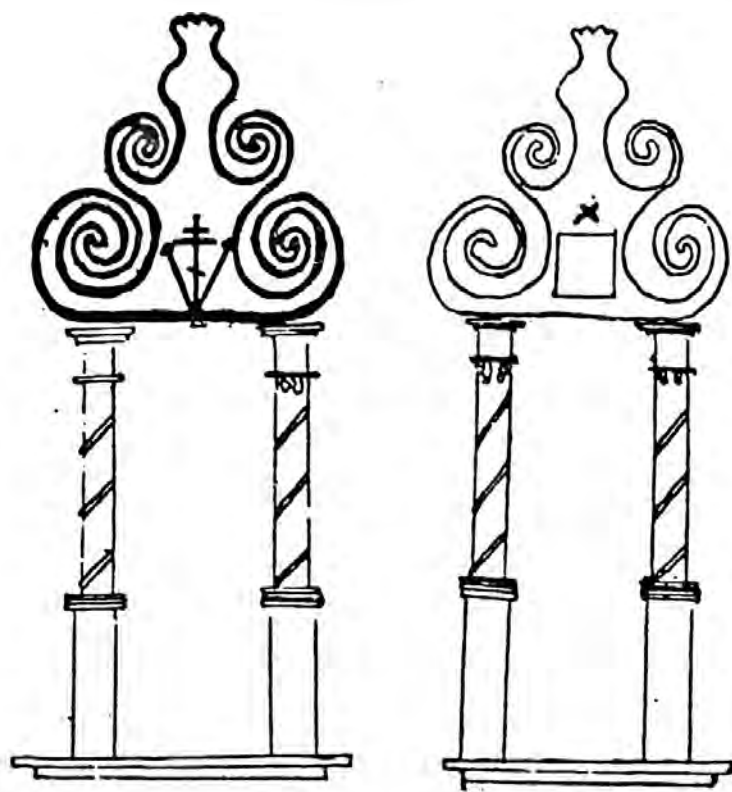

Рис. 84. Колонны иконостаса. X — образ Нерукотворного Спаса

сянниковым) конца XVII в., которые связаны с историей застройки одного из участков территории вблизи архиерейского дома и Спасо-Преображенского собора, т. е. приблизительно того места, к которому относится последнее из приведенных нами выше описаний чуланов, амбаров и лавок. Рассмотрим эти документы подробнее, тем более что в литературе эта строительная история небольшого участка древнего Архангельска интерпретируется в значении, не соответствующем содержанию самих документов. Дело в том, что 4 февраля 1687 г. «в грамоте великих государей, какова прислана на Двину к столнику и воеводе х Кондратью Фомичю Нарышкину да к дьяку к Афонасью Денисову из Новгородского приказа за приписью дьяка Василья Бобинина, писано: велено по челобитью преосвященнаго Афонасия, архиепископа Колмогорского и Важеского, у Архангельского города в деревянном городе с Нижнюю сторону, в углу за Архангельскою церковью, порозжей земли, буде утеснения хлебным анбаром, и житницам, и съезжей избы, и зелейным погребом, и рядом, и лавкам торговым людям не будет, отвесь ему, преосвященному архиепископу, на пригоре под дворовое строение сорок сажень длиннику, дватцать пять сажень поперешнику в трехаршинную сажень»²²⁰.

Именно эта часть документа и дала основание Л. И. Поповой считать, что по челобитью архиепископа Афонасия здесь было отведено место для архиерейского подворья. Однако события, как следует из документа, развивались иначе:

А по досмотру и по мере то место шириною непространно и есть ли на том месте двор построить, и от того дворового строения государева зелейная казна будет блиско, и за тем на том указаном месте ему, преосвященному архиепископу, двора строить опасно. И в нынешнем во 197-м году апреля в 5 день бил челом великим государем, царям и великим князем Иоанну Алексевичу, Петру Алексевичу и великой государыне благоверной царевне и великой княжне Софии Алексеевне, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцем, он же, преосвященный Афанасий, архиепископ Колмогорский и Важеский, а на Колмогорах в съезжей избы столнику и воеводе Кондратью Фомичю Нарыш-

кину да дьяку Афонасью Денисову подал челобитную домовою ево стряпчей Иван Чигасов. А в челобитной написано: есть де выше Архангельского деревянного города, ото рву к соборной церковной земли смежно, от Двины реки государевой земли малое число, а на той де земли поставлены лавченка и шалаш молотчих людей, и на пригоре ему, преосвященному архиепископу, на той земли и на церковной двор построить мочно, а тесноты на том месте от двора никому не будет, а которые де лавченка и шалаша на том месте стоят, и под те лавченки и шалаша есть порозжих мест при торгу и в городе много. И великие государи пожаловали ево, преосвященнаго архиепископа, велели тое свою государеву землю, которая у Архангельского города выше деревянного города ото рву с решную сторону, смежных к церковной земли, очистить и отвесь ему под двор на проезд, и даную на ту землю дать. И по указу великих государей и по приказу столника и воеводы Кондратья Фомича Нарышкина да дьяка Афонасия Денисова послан с Колмогор к Архангельскому городу съезжей избы подьячей Самойло Невежин. Велено ему у Архангельского города, взяв денежного сборщика и посацких людей сколько человек пригоже, и с теми людьми повыше Архангельского деревянного города ото рву с решную сторону землю, о которой бьет челом великим государем преосвященный архиепископ, под двор досмотрить и измерить. И на той земли лавка и шалаша, какие есть, переписать, а по отмеру и по переписи съезжей избы подьячего Самойла и Архангельского города денежного сборщика и посацких людей повыше Архангельского деревянного города подле ров на государеве земли по обе стороны проезжей дороги построено тринадцать лавок разных чинов людей, с которых, лавок, великих государей в казну платят по шти алтын по четыре денги с лавки. Да на пригоре анбар на церковном обрубе, в котором в летнее время продают государеву питие с кружечного двора. И как к тебе ся наша память придет, и ты б у Архангельского города повыше деревянного города землю с решную сторону до проезжей дороги, что от соборной церкви в Архангельскую проезжую башню, а ото рву до церковной земли, отвел под двор преосвященному Афанасию, архиепископу Колмогорскому и Важескому. А которые на той земли лавки и шалаша стоят оброчные и безоброчно, и те лавки и шалаша по указу великих государей отведено будет иное место, где пристойно. А с сею памятью списав список, оставил у себя, а подлинную отдал преосвященнаго архиепископа приказным людям, хто с сею памятью прислан будет. По сему на том месте двором строитца. К сей памяти столник и воевода Кондратей Фомич Нарышкин печать свою приложил²²¹.

Таким образом, исходя из реальной ситуации, архиепископу «предложили» под застройку архиерейского подворья иное место, с другой стороны деревянного «города», выше по течению Двины. Архиепископ Афанасий в 1688 г. подал новую челобитную, уже на тот участок берега, который был ему под архиерейское подворье выделен, и попросил на него «даную память»:

Во 196-м году октября в 12 день по указу великих государей, царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича и великия государыни благоверные царевны, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцев, столник и воевода Кондратей Фомич Нарышкин да дьяк Афонасей Денисов дали даную память преосвященному Афанасию, архиепископу Колмогорскому и Важескому, на землю, что у Архангельского города с речную сторону до проезжей дороги, что от соборной церкви в Архангельскую башню, а ото рву вверх до Спасской церковной земли под дворовое ево строение. И для того в прошлом во 195-м году февраля 4 день в грамоте великих государей, какова прислана на Двину к столнику и воеводе к Кондратью Фомичю Нарышкину да к дьяку к Афонасью Денисову из Новгородского приказа за приписью дьяка Василья Бобинина, писано: велено по челобитью преосвященнаго Афонасия, архиепископа Колмогорского и Важеского, у Архангельского города в деревянном городе с нижнюю сторону, в углу за Архангельскою церковью, порозжей земли, буде утеснения хлебным анбаром, и житницам, и съезжей избы, и зелейным погребом, и рядом, и лавкам торговым людям не будет, отвесь ему, преосвященному архиепископу, на пригоре под дворовое строение сорок сажень длиннику в трехаршинную сажень. А по досмотру и по мере то место шириною непространно, и есть ли на том месте двор построить, и от того дворового строения государева зелейная казна будет блиско, и за тем на том указаном месте ему, преосвященному архиепископу, двора строить опасно. И в прошлом же во 195-м году апреля в 5 день бил челом великим государем он же, преосвященный Афанасей,

архиепископ Колмогорский и Важеский, а на Колмогорах в съезжей избе столнику и воеводе Кондратью Фомичу Нарышкину да дьяку Афонасью Денисову подал челобитную домовою ево стряпчей Иван Чигасов, а в челобитной написано: есть де выше Архангельского деревянного города ото рву к соборной церковной земли смежно от Двины реки государевой земли малое число, а на тое земли поставлены лавченка и шалаш молотчих людей. И на пригоре ему, преосвященному архиепископу, и на той земле и на церковном дворе построить мочно, а тесноты на том месте от двора никому не будет. А которая де лавченка и шалаш на том месте стоят, и под те де лавченка и шалаш есть порожжих мест при торгу в городе много. И великие государи пожаловали б ево, преосвященнаго архиепископа, велели тое землю, которая у Архангельсково города выше деревянного города ото рву с речную сторону смежна к церковной земли, очистить и отвести ему, архиепископу, под дворовое ево строенье на пригоре. А по досмотру и по мере тое земли повыше Архангельсково города от Двины реки подле рва до проезжей дороги пятнадцать сажен, а ото рву тое земли восемь сажен, а подле проезжую дорогу десять сажен. И потому ево, преосвященнаго архиепископа, челобитью с той земли лавки и шалаш снесены, и под дворовое строенье та земля ему отведена вместо той земли, которая ему велено по указу великих государей и по грамоте в Архангельском городе. И в нынешнем во 196-м году октября в 8 день бил челом великим государем он же, преосвященный Афонасий, архиепископ Колмогорский и Важеский, а у Архангельсково города в съезжей избе столнику и воеводе Кондратью Фомичю Нарышкину да дьяку Афонасью Денисову подал челобитную домовою ево стряпчей.

А в челобитной написано: по указу великих государей отведено ему у Архангельсково города подле ров с речную сторону до проезжей дороги, а ото рву вверх до церковной Спаской земли, и на той де земли ныне он, преосвященный архиепископ, двором строитца. А даной де памяти на то место ему не дано. И великие государи пожаловали б ево, преосвященнаго архиепископа, велели на тое вышеписанную землю, которая ему отведена под домовое ево строение, дать ему даную память, по чему ему тою землею и впредь владеть. И по указу великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича и великие государыни благоверные царевны и великие княжны Софии Алексеевны, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, и по сей даной памяти преосвященному Афанасию, архиепископу Колмогорскому и Важескому, вышеписанною землею повыше Архангельсково деревянного города от Двины реки подле рву поперег до церковной земли, которая отведена ему под дворовое строенье, ныне и впредь владеть. К сей даной памяти столник и воевода Кондратей Фомич Нарышкин свою руку приложил²²².

Эти документы и положили начало строительной истории архиерейского подворья в Архангельске. Место, где архиепископ получил земельный участок, было довольно плотно окружено застройкой: для строительства архиерейского двора были снесены лавки и шалашы, которые здесь стояли ранее, с южной стороны архиерейская земля граничила с участком, на котором стоял Спасо-Переображенский приходской собор, и здесь располагалось приходское кладбище (в документе 1775 г. это территория будет описана так: "...окружено рыношными деревянными лавками, притом весьма тесное, так что покои и службы стоят в немалой тесноте, а перед самими покоями лежат наметанные бугры стариннаго кладбища"). Здесь граница шла до "проезжей дороги" и вдоль нее 10 сажен.

Северная граница архиерейской земли подходила почти к городскому рву у глухой юго-западной башни и к Архангельской воротной башне деревянного "города". Скученная застройка участка прекрасно показана иконописцем Поповым на иконе "Михаил Архангел на фоне Архангельска" (1740 г.). На иконе архиерейский двор окружен высокой оградой, стоящей на обрубе, который в этом месте укреплял берег реки. Обруб показан вертикальными линиями, ограда же рублена тарасами-срубами и покрыта двускатной кровлей. Архиерейский дом — двухэтажный; линия гульбища — это, вероятно, открытая галерея с перилами, украшен-

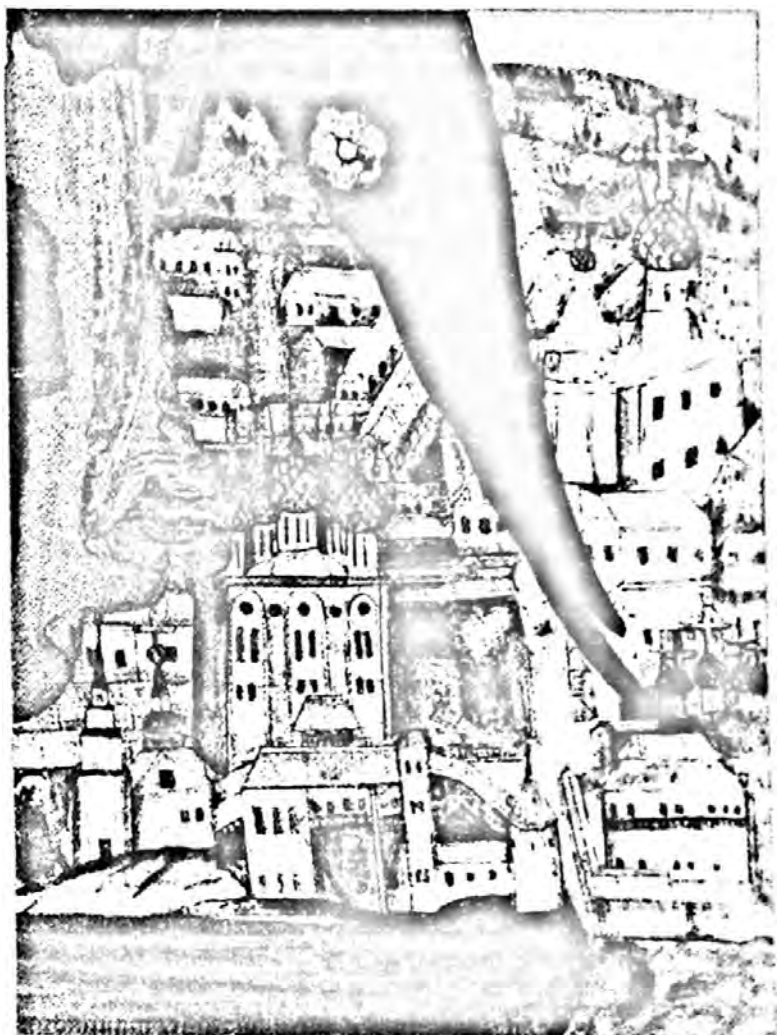

Рис. 85. Троицкий собор на иконе 1740 г.

ными балясинами, — четко делит нарисованное здание на два этажа, несомненно, с большими косящитыми ("красными") окнами. Вероятно, был еще и третий этаж, где могли быть расположены светелки (имеются окна, расположенные над окнами второго верхнего этажа). Ближе к "коньку" крыши художник нарисовал две дымницы (основные помещения покоев отапливались по-белому).

Итак, строительство начиналось на участке "подле рва до проезжей дороги 15 сажен, а от рву тое земли 8 сажен, а подле проезжую дорогу 10 сажен" (т. е. от глухой угловой башни вдоль городского рва до проезжей дороги — 32,5 м, по речному фасу участок имел длину 17,3 м, а вдоль проезжей дороги — около 22 м). Участок согласно царскому указу был очищен от прежних строений в указанных границах: "...повыше Архангельсково деревянного города подле ров на государеве земли по обе стороны проезжей дороги построено тринадцать лавок разных чинов людей, с которых лавок великих государей в казну платят по шти алтын по четыре денги с лавки. Да на пригоре анбар на церковном обрубе, в котором в летнее время продают государево питье с кружечного двора". Таким образом, границей для всех земельных участков в этом месте — архиерейскому подворью, "Спасской церковной земле" и далее — служила проезжая дорога от Архангельской проезжей башни вверх вдоль Двины. Впоследствии эта трасса старинного Архангельска была перепланирована и закрыта.

Наиболее ранние документы, связанные непосредственно с подворьем, относятся к 1733—1734 гг. Вероятно, это первый этап строительства, о котором име-

ются сведения о приеме денег у архиепископа Варнавы "на домовое келейное строительство": упомянуто об оплате домовым вотчинным крестьянам — "плотнику Афанасию Оглуздину с товарищи" (всего артель в 20 человек), которые подрядились поставить "у Архангельского города дом архиерейский в длину 23 сажень, поперек 7 сажень, посередине 10 сажень, и келей, и столовая, сени большие з заборами" ²²³. Упоминает документ и о строительстве келий. Постройка архиерейской резиденции несколько изменила живописные элементы этой части поселения, т. к. Спасо-Преображенский собор, ранне воспринимавшийся как одна из доминант к югу от городских башен, оказался в соседстве с еще одним комплексом крупных построек.

В сентябре 1663 г. начался пожар в церкви Преображения, "и от той церкви згорели посацких людей многие дворы и все стрелецкие слободы" ²²⁴. На следующий, 1664 г. храм был восстановлен и рядом с ним "построена церковь теплая деревянная Богоявления Господня на месте прежней соборной колокольни" (колокольню перенесли) ²²⁵.

В истории города храм не оставил значительного следа, здание сгорело в пожар 1719 г. ("...февраля 28-го сгорела церковь теплая деревянная Богоявления Господня" ²²⁶), но в "воссоздании" старинного Архангельска это хороший репер для изучения микротопографии Архангельска. Мы продолжаем описание этой части поселения:

По Угору против Богоявленской теплой церкви два анбара с верхними жирами. Подле тех же анбаров на лавочных местах три анбара с верхними жирами. Подле тех же анбаров четыре лавки да анбар. Да по горную сторону против вышеписанных анбаров на другой стороне одиннадцать лавок. Всего по Угору шестнадцать лавок, четырнадцать анбаров. Старого оброку рубль дватцать алтын.

Здесь же, на Угоре (во всем документе этот топоним употребляется только в одном значении — возвышен-

ная часть берега Северной Двины перед основной застройкой, на которой стоят амбары), вероятно, перед подворьем Соловецкого монастыря, стояли монастырские лавки и далее лавки, принадлежавшие горожанам:

Соловецкого монастыря по Угору три анбара кладовые. Старого оброку тридцать алтын, нового окладу дватцать алтын, обоего рубль шеснатцать алтын четыре денги.

В мясном и кожевенном рядах:

По Угору на обрубках две лавки горожанина Никифора Лебедева на одном окладе. Старого оброку рубль шеснатцать алтын четыре денги, нового окладу шесть алтын четыре денги, обоего рубль дватцать три алтына две денги. Лавка горожанина Григорья Кувалдина. Старого оброку дватцать восемь алтын, нового окладу один алтын четыре денги, обоего дватцать девять алтын четыре денги. Четыре лавки горожанина Ивана Прокопьева сына Попова. Старого оброку рубль дватцать два алтына четыре денги, нового окладу дватцать шесть алтын четыре денги, обоего два рубли шеснатцать алтын. Две лавки горожанина Ивана Григорьева сына Галактионова. Старого оброку рубль десять денег, нового окладу шеснатцать алтын четыре денги, обоего рубль восмнатцать алтын две денги. Две лавки Гостиной сотни Дмитрия Филатова на одном с Ивановою лавками окладах. Старого оброку дватцать пять алтын, нового окладу три алтына две денги, обоего дватцать восемь алтын две денги. Пять лавок горожанина Ивана Прокопьева сына Попова. Да против тех же лавок анбар, под ними две лавки. Старого оброку с вышеписанными пятью лавками рубль дватцать пять алтын, нового окладу четырнатцать алтын, обоего два рубли пять алтын четыре денги. Две лавки горожанина Гаврила Чирцова да Петра Бусинова. Старого оброку рубль дватцать пять алтын, нового окладу шесть алтын четыре денги, обоего рубль тридцать один алтын четыре денги. Лавка колмогорца Федота Брехова. Старого оброку рубль десять алтын, нового окладу три алтына две денги, обоего рубль тринатцать алтын две денги. Под двором горожанина Ивана Прокопьева сына Попова четыре лавки. Оброку не положено, платит с тех лавок четвертую долю по рублю по дватцати по девяти алтын по две денги на год, нового окладу дватцать шесть алтын четыре денги. Две лавки ево ж, Ивана Прокопьева. Старого оброку тридцать алтын, нового окладу три алтына две денги, обоего рубль. Две лавки Ивана Григорьева сына Галактионова на одном окладе. Старого оброку рубль один алтын четыре денги, нового окладу три алтына две денги, обоего рубль пять алтын. Две лавки горожанина Федора Барабанского. Старого оброку рубль три алтына две денги, нового окладу три алтына две денги, обоего рубль шесть алтын четыре денги.

Далее переписчик несколько меняет маршрут своей переписи, "переходит" через подворье Соловецкого монастыря и переписывает "на их монастырской земле" два шалаша, чулан, две скеи (постройки для хранения рыбы), с которых новый оклад составляет три алтына две денги. И после этих записей переписчик уже "вышел" на проезжую дорогу, которая шла от Архангельской воротной башни к Михайло-Архангельскому монастырю в Нячеры, и переписывает правую и левую стороны этой дороги сначала на участке до Богоявленской церкви, а "от Богоявленской церкви идучи на звоз же":

Подле проезжую мостовую дорогу на правую сторону, идучи на Юрьев звоз:

Шалаш горожанина Семена Неверова на Спаской земли. Две лавки на одном окладе горожанина Ивана Звягина на Спаской земле. От земской избы идучи на извоз, в рыбном ряду по правую сторону три лавки на одном окладе. Старого оброку дватцать три алтына две денги.

По другую сторону проезжей дороги три лавки на одном окладе. Старого оброку шеснатцать алтын четыре денги. В том же рыбном ряду две лавки. Старого оброку пятнатцать алтын. И с вышеписанных лавок и анбаров с пятидесят с четырех старого оброку двенатцать рублей дватцать пять алтын четыре денги, нового окладу пять рублей тринатцать алтын две денги, обоего осмнатцать рублей пять алтын четыре денги. Да безоброчных три лавки, анбар, шалаш, всего пять мест, и на те безоброчные места нового оброку положено рубль дватцать шесть алтын четыре денги.

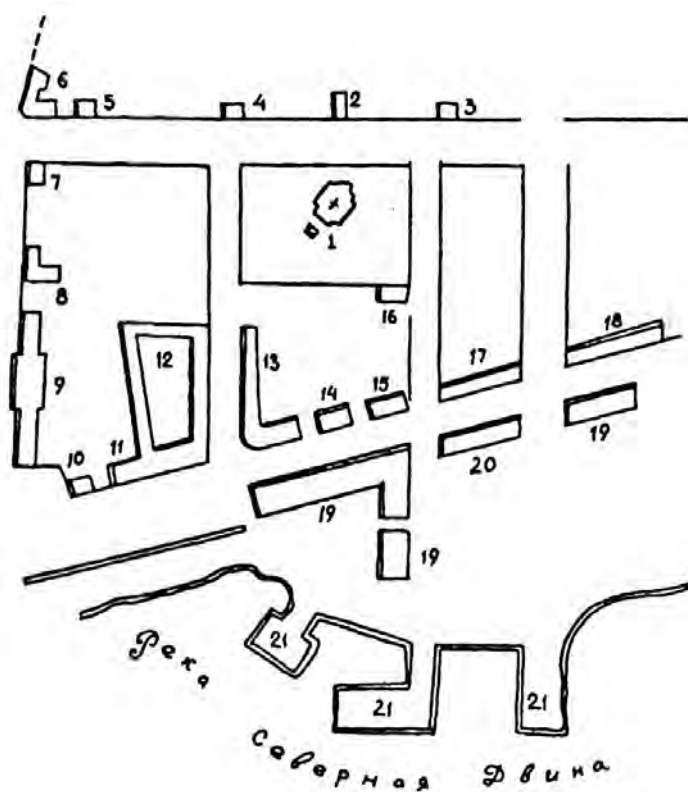

Рис. 86. План территории бывшей Стрелецкой слободы. XIX в.
1 — Храм Рождества Христова

Идучи на звоз от земской избы, по правую сторону:

Две лавки горожанина Якова Соройлова. Старого оброку два рубли дватцать один алтын, нового окладу пять алтын четыре денги, обоего два рубли дватцать шесть алтын четыре денги. Лавка горожанина Ивана Прокопьева сына Попова. Старого оброку рубль десять алтын, нового окладу три алтына две денги, обоего рубль тринадцатъ алтын две денги. Под избыю и под сенми горожанина Якова Мостового три лавки. Платит четвертую долю по рублю по шеснатцати алтын по четыре денги, нового оброку рубль шесть алтын четыре денги. Под жилюю избыю и под сенми четыре лавки городского воротника Ивана Боровикова. Старого оброку три рубли, нового окладу дватцать алтын, обоего три рубли дватцать алтын.

От Богоявленской церкви идучи на звоз же, по левую сторону проезжей дороге:

Три лавки под жилюю избыю и под сенми колмогорца Ивана Крылова. Старого оброку рубль дватцать алтын, да с тех же лавок платит четвертую долю по рублю по дватцати алтын. Под избыю куростровки вдовы Захарьевской жены Телицына две лавки. Платит с тех лавок четвертую долю по рублю на год, нового оброку дватцать шесть алтын четыре денги. Под жилюю избыю и под сенми горожанки вдовы Михайловской жены Порозова три лавки. Четвертой доли платит по рублю по шеснатцати алтын по четыре денги, нового оброку рубль шесть алтын четыре денги. Под (д)вуми избами и под сенми горожанина Осипа Карачева четыре лавки. Старого оброку шеснатцать алтын четыре денги, нового окладу дватцать шесть алтын, обоего рубль девять алтын две денги, да сврх того платят четвертой доли два рубли два алтына две денги ²²⁷.

3.

Мы рассмотрели градостроительную ситуацию прибрежной части старинного Архангельска — от кромки берега до “проезжей мостовой дороги”, за которой начинались “салдатские слободы”: Затинная слобода и прежняя Стрелецкая слобода, где в начале XVIII в. жили и посадские люди, и солдаты. Особо отметим, что Затинная слобода начиналась позади восточного фаса деревянного “города”, сразу же за мощеной дорогой, которая, как мы уже отмечали, начиналась у Немецкой слободы. Для понимания структуры застройки этой части поселения большое значение имеют архивные материалы, связанные с челобитьем дьячка Рождественской церкви Кира Александрова: челобитные, списки с купчих, допросные речи, несколько чертежей-рисунков, собранные на 53 листах этого “дела”, содержат поистине уникальные сведения.

Тяжбу, которая началась осенью 1713 г. и затянулась до сентября 1721 г., открывает челобитная дьячка Рождественской церкви Кира Александрова на койдокурца (из документов непонятно, из Нижней или Верхней Койдокурьи) Прокопия Скрыпова “о займе ево, Александрова, огородной земли под строение им, Скрыповым”, поданная в марте 1713 г.:

Державнейший царь, государь милостивейший. Есть, государь, твоей государевы земли порозжее место у Архангельского города позади двора бывшего Спаского пономаря Ивана Степанова сына Головина, в межах с верхнего конца посадского человека Ивана Евсевьева сына Юмашева, а с нижнюю сторону в меже моей нижеписанной огородной земли. А на той, государь, порозжей земли никакова строения ни от кого не бывало. А в прошлом, государь, 1711-м году по переписке столника Василья Крутликора та земля написана порозжим местом и оставлена на проход и на проезд на заднюю дорогу для пожарного или для (иного) случая. А ныне, государь, на то порозжее место ставится дворовым строением койдокурец Прокопей Дмитриев сын Скрыпов, не ведомо по какому указу занимает моей огородной земли, меня утесняет и дороги не дает. Всемилостивейший государь, прошу вашего величества, вели, государь, тех наших мест досмотреть против переписки столника Василья Крутликора и по досмотру свой государев милостивой указ учинить, а ево, Прокопья, допросить, почему он на то место строитца, розыскать и по розыску ему, Прокопью, от того места отказать, а то место во владение отдать мне для проходу и проезду на заднюю дорогу для

пожарного и инаго всякаго случая. Вашего величества низжайший раб и богомолец Рождественской церкви дьячок Кир Александров. Марта в ... день 1713-го году. Челобитчик Кир Александров руку приложил.

По указу великого государя, и по приказу вице губернатора Алексея Александровича Курбатова, и по прошению порозжаго места измерив, описать и учинить чертеж, и при описи того места взять ведение, которые живут близ того места, ежели указом царскаго величества то место отдать повелено будет ²²⁸.

“Дело” о земельной тяжбе затянулось с марта 1713 г. по сентябрь 1721 г., его можно разделить на три хронологических этапа: 1713—1714 гг., 1718—1720 гг. и 1721 г., причем все три этапа, кроме письменных документов, представлены еще и чертежами. “Действующие лица” этой многолетней тяжбы хорошо известны по другим письменным документам. Кстати, в “деле” есть списки купчих XVII в., которыми Кир Александров подтверждал свои земельные притязания. Выделим их особо:

1. Список с купчей 1639 г.:

Се аз, Егуп Кондратьев сын Карачев, Архангельского города жилец, продал есми и поступился городовому ж жилцу Самойлу Федорову сыну Егуплова отца своего статки — двор свой и со всеми хоромы. А стоит тот двор у Архангельского города в Затинной слободе на полубобыльском дворищи. А во дворе хором: изба на подполье, против избе клеть рублиная, меж избыю и клетью сени. А те хоромы и с кровлею, и з желобы, и з дверми, и с крюками, и с пробой, и со всем нутряным делом. Да позади того двора стоит клетка плотовая и с кровлею. А межн тому полудворищу — стоит на другом полудворищи бобыльскому я, Егуп, своим денгами, а ему, Самойлу, в тое продаже убытка не учинить. А преж сего тот у меня двор ни продан, ни заложен никому ни в чем. Да с сею купчею старых купчих отдал ему, Самойлу, числом пять на тот же двор. Да в тем я, Егуп, и купчую ему, Самойлу, на тот двор дал. А на то послуши площадной подьячей Семен Андреев Кузнецов. Писал купчею у Архангельского города Богдашко Савин Кочюров. Лета 7147-го сентября в 21 день. У подлинной купчей на другой стороне пишет: К сей купчей Егупко Кондратьев руку приложил. Послух Семка Андреев руку приложил. С подлинною список чел Яков Писарев ²²⁹.

2. Список с купчей 1666 г.:

Се яз, Архангельского города посацкий человек Александр Самойлов сын Егупова, продал есми и поступился того же города посацкому человеку Василью Федорову сыну Цывареву двор свой по сей купчей, что я, Александр, тот двор купил Архангельского же города у посацкого же человека у Федосея Акимова сына Жигалова. А стоит тот мой двор у Архангельского города на государственой тяглою земли в Затинной слободе. А дворища под тем двором поперег двора и позади три сажени с полуторами аршинами, а сажень полтретья аршина печатных. А межа тому двору двор с верхнего конца того же города посацких людей Омельяна да Селивана Васильевых детей Хромцовых. А с нижнего конца двор мой Александров. А во дворе хоромов: изба на анбаре, да против избы клеть на подклете, да меж избыю и клетью сени с подсенем, да позаде двора баня, да в колотце доля по дочету, да во дворе же повесть, да чулан и сарай на столбах, да поперег двора огородец меж протычьа того двора. И все те хоромы я, Александр, продал ему, Василью, с кровли, и с потоки, стены, и залоты, и с мосты, и з дверми, и с тяги, и с пробой, и с крюки, и з заборы, и с окончинами, и со всем без вывета нутряным лесом, где что ни есть. А взял я, Александр, за тот двор и за все хоромы по сей купчей у него, Василья, восемь рублей дватцать два алтына денег, все вручь наперед без остатка. А продал я, Александр, тот двор и все хоромы по сей купчей ему, Василью, и ввек и в дернь без выкупа. А в снимки и в очишеньи тому двору и всем хоромам от ыных купчих, и от закладных, и от всяких писмянных крепостей я, Александр, своим денгами и животы, до него, Василья, убытка в той продаже не довести никоими делы. Да и старые купчие я, Александр, ему, Василью, от-

дал все с сею новою купчею вместе. На то послух галского двора дворник Федор Миронов. Писал купчую у Архангельского города на площади Васка Якимов Тячкин. Лета 7174-го генваря в 14 день. На той же купчей на другой стороне писано тако: К сей купчей вместо продавца Александра Самойлова по его велению горожанин Сенка Пантелеев руку приложил. Послух Фетка Миронов руку приложил²³⁰.

3. Другой список с купчей 1666 г.:

Се аз, Архангельского города посадской человек Василей Федоров сын Цыварев, кузнец, продал есми и поступился того ж города посадскому человеку Степану Нестерову сыну Салову двор свой по своей купчей, что я, Василей, тот двор купил Архангельского города у посадского ж человека у Александра Самойлова. А стоит тот мой двор у Архангельского города на государственной тяглой земли в Затинной слободе. А дворища под тем двором поперег попереди двора и позади три сажени с полуторными сажени, а сажень полтретья аршины печатных. А межа тому двору — двор с верхнего конца того ж города посадского человека Селивана Петрова сына Хромцова, а с нижнего конца двор того ж города посадского человека Александра Самойлова. А во дворе хоромов: изба на анбаре, да против избы клеть на подклете, да меж избею и клетью сени с подсенем, да позади двора изба, да в колоде доля по дочету, да во дворе ж два чулана и сарай на столбах, да поперег двора огородец меж протычью. Тот двор и все те хоромы яз, Василей, продал ему, Степану, с кровли, и с потоки, стены, и заплоты, с мосты, и з дверми, и с тяги, и с пробои, и с крюки, и з заборы, и со всем без вывета нутряным лесом, где что ни есть. А взял яз, Василей, за тот двор и за все хоромы по сей купчей у него, Степана, пять рублей денег все вруч без остатка. А продал я, Василей, тот двор и все хоромы по сей купчей ему, Степану, ввек и вдерн без выкупа. А в снимке и в очищении тому двору и всем хоромам от иных купчих, и от закладных, и от писмянных крепостей я, Василей, и с племянники своими денгами и животы, до него, Степана, убытка в той продажи не доставить никоими делы. Да и старые купчие я, Василей, ему, Степану, отдал все с сею новою купчею вместе. На то послух горожанин Антипа Федоров. Писал купчую горожанин Кир Александров лета 7185-го октября в 9 день. У подлинной купчей на другой стороне писано: К сей купчей (вместо продавца Василя Цыварева) Архангельского города пятисотной Василей Миронов руку приложил. Послух Антипа Федотов руку приложил. Счел список с подлинною купчею Яков Писарев. К сему списку Иван Салков руку приложил, а подлинную себе такую купчую я, Иван, взял²³¹.

В Переписной книге 1646—1649 гг. на Архангельском посаде упомянут двор, в котором жили Кондрашка Григорьев сын Карачев и его сын Егупко (брат Кондрашки — Васья Григорьев сын Карачев жил тут же, но "своим двором")²³². В следующую перепись 1676—1678 гг. на посаде в своих дворах жили "Оська да Федька Егуповы дети Карачевы" и "Васка Федоров сын Цыварев"²³³. Василий Цыварев значится и в Переписной книге 1702 г.²³⁴, здесь же упомянут Кир Александров, который был "во дьячках у церкви Рождества Христова, а тягла с миром не платит". Более подробные сведения о большой семье Кира Александрова содержит Переписная книга Архангельска 1710 г.: "Дьякон Кир Александров 53 лет, у него жена Домника 53 лет, у него ж сын Дмитрий 31 лет, у Дмитрея жена Василиса 30 лет, у него ж сын Яков 3 лет, у Кира ж сын Федор 33 лет, у Федора жена Татьяна 30 лет, у Кира ж сын Семен 12 лет... (далее текст испорчен)"²³⁵.

Казалось, ход тяжбы благоприятен для Кира Александрова, но выясняется, что сосед его — Прокопий Дмитриев сын Скрыпов в 1715 г. променял свой двор за 7 рублей архангельскому кормовщику Петру Васильеву сыну Салтанову, о чем и представил копию документа:

Тысяча семьсот пять на десять февраля в 14 день горожанин посадкой человек Прокопей Дмитриев сын Скрыпов променял я кормовщику Петру Васильеву сыну Салтанову своего нового строения у Архангельского города в Посадской слободе позади двора соборной церкви трапезника Ивана Салкова двор свой со

всяким строением, каковой ныне есть, все без вывета и с окончины, чем я сам владел, и с подворною землею по купчей вышеозначенного трапезника Ивана Салкова продажи ко мне, Прокопью, прошлого семисот третьяго на десять года февраля двадцать сего дня длиннику дватцать четыре сажени, отступя от бани двумя саженими, попережнему полчетверты сажени, все в полутретью аршинную сажень, в чем именно вышеозначенная купчая и подворной земли мера свидетельствует все по старым межам. Ценою тот мой двор и с подворною землею семь рублей, денег принял сполна. И по сей моей менной тем моим двором и всем строением и по вышеозначенной Ивановой купчей Салкова подворною землею владеть ему, Петру Салтанову, вечно и волно продать и заложить. А мне, Прокопью, впредь не вступатца. От всяких крепостей, и спора, и от закладных кабал, и от сторонных людей, и от сродников своих в очищении во всем я, Прокопей, а ему, Петру, никаких убытков не учинить. В том и сию менную на тот свой двор и на первую землю вышеписанную купчую для вечного владения ему, Петру Салтанову, отдал. У подлинной менной в конце писано тако: вместо Прокопия Скрыпова, что он Петру Салтанову двор променял ценою за семь рублей, по его велению Алексей Попов, ненекшанин, руку приложил. Свидетель Семен Бедринской руку приложил. Писал менную архангелогороцких крепостных дел подьячей Ефим Жехов. Да на той же менной подписано: 1715-го году февраля в 14 день за письмо и от записки в книги четыре алтына две денги взято и в книги записано перечном, а подлинно записать где надлежит. А буде подлинно записано не будет, и оне не в крепость. Подписал Кирило Брангин²³⁶.

В Переписной книге Архангельска упомянут трапезник Спасо-Преображенского собора Степан Нестеров²³⁷ — "трапезничает у соборной церкви, а тягла с миром не платит". В книге 1710 г. о трапезнике Иване Степанове сыне Салкове написано немного побольше: "Иван Степанов Салков 28 лет, у него жена Парасья Савина дочь 25 лет"²³⁸. Из документов ясно, что Иван Степанов Салков имел прозвище "Головиных", поэтому понятна запись в переписных книгах Архангельского города 1711 г. стольника Василя Кругликова, выписка из которых тоже есть в деле:

У города Архангельского на посаде дворян соборной Спасской церкви. Двор пономаря Ивана Степанова мерою земли длины 20 сажени, поперег полтретьи сажени, в другом конце то ж. Строения — изба черная, горенка, баня, да против его ж, Иванова, двора мерою земли длиннику полдевяти сажени, поперег две сажени с аршином, строения — две избы. Да позади того ж двора пустое место мерою земли длины 22 сажени, поперег 3 сажени, в другом конце то ж. И на том месте никакова строения нет. В тех же переписных книгах в скаске ево, Ивана, и брата ево Алексея Салковых за их руками написано: двором своим владеют с 185-го года по купчей, а та купчая нигде не записана и пошлины не плачены, а с того двора тягла в мир они, Салковы, не платят. И тот де двор их записан стоялым, и с того двора платят с четвертой доли по 7 алтын на год. И вновь де построена у них, Салковых, перед двора изба с клетью, живет брат ево, Иванов, Андрей Салков. А для кледи товаров никаких мест у них нет. Писал Яков Писарев²³⁹.

Когда Прокопия Скрыпова призвали к "допросу", он представил "против Кирова челобитья" купчую, с которой был сделан "список" и приобщен к делу:

713-го года февраля 27 дня Архангельского города соборной церкви трапезник Иван Степанов сын Салков продал Прокопью Скрыпову статки отца своего, что от брата Андрея з делу досталось, позади своего, Иванова, строения огородишное порозжее место по прежним отца своего крепостям, длиннику к двору горожанки Ирины Андреевы 24 сажени, отступя от бани 4-вуми саженими, попережнему полчетверты сажени в полутретнюю аршинную сажень. В межах та земля с верхнюю сторону двор Якова Омашева, а с нижнюю двор Кира Александрова. Цены взял 5 рублей денег²⁴⁰.

На "допрос" был вызван и прежний владелец двора пономарь Иван Степанов Салков (Головин):

В допросе бывшего пономаря Ивана Головиных Салкова за ево рукою написано: о котором де месте сосед ево Кир Алексан-

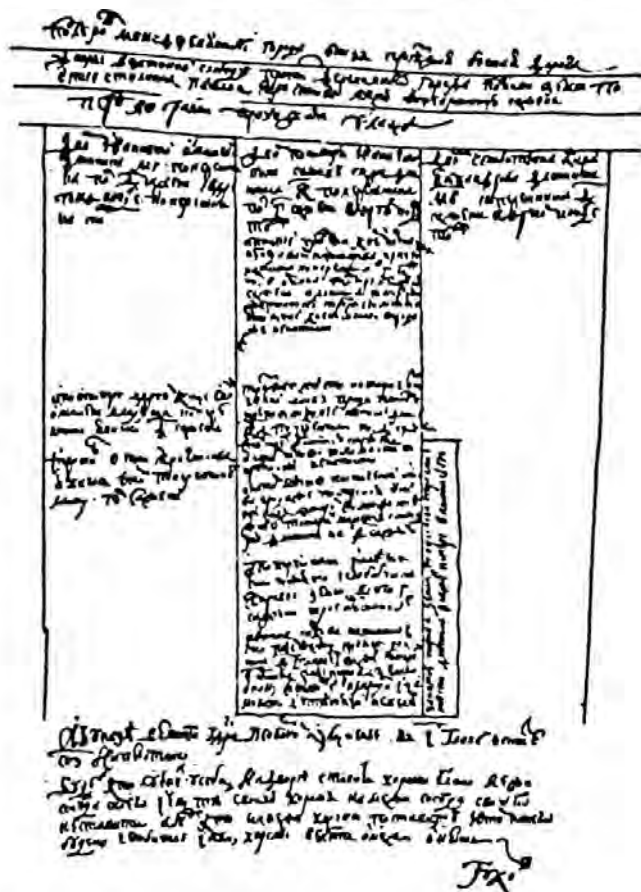

Рис. 88. Фрагмент застройки "моховой" части Архангельска. Чертеж 1714 г.

дров бьет челом для проходу и проезду на заднюю дорогу от пожарного и иного всякого нужного случая себе во владенье, и ту де порожжую землю он, Салков, в прошлом 713-м году по своей купчей, которую отец ево Степан у гороженина ж Василья Цыварева купил, и в переписных столника Василья Кругликова книгах та земля за двором ево в пуге написана, койдокуруц Прокопью Скрыпову под хоромное строение продал. В межах с верхнюю сторону... А огородом де та земля у них за нуждами никогда не бывала, потому что то болотинное пустое место всегда было порожже. И на той де земли оной купец Скрыпов двором по ево продажи без челобитья построился ²⁴¹.

Как мы уже упоминали, первый этап тяжбы Кир Александров вроде бы выиграл:

1714-го февраля в 17 день. По сей вышеобъявленной помете против прошения Рождественского дьячка Кира Александрова Архангелогородской канцелярии подьячей Яков Писарев у Архангелского города в Затинной слободе позади Спаского бывшего пономаря Ивана Степанова сына Головина двора государевы земли порожжее место, которое для проезду и проходу на Заднюю улицу от пожарного и от всякого нужного случая оставлено, измеряв, описал. А по осмотру в межах с верхнего конца от Ивановской Омашева, а с нижнего в меже ево, Кировы, огородной земли, мерою того вышепомянутого от ево, Иванова, двора Головина порожжего государевы земли места длиной против переписных 711-го года столника Василья Кругликова книг дватцать две сажени, а поперег в вышеписанных Ивана Омашева и ево, Кировы, огородной земли межах того порожжего земли места полтрьети сажени трехаршинных. И в ту меру на девяти сажнях длиннике на той государевой порожжей земли, что оставлена была на проезд и проход на Заднюю улицу от пожарного и инаго нужного всякого случая, дворовым и хоромным строением без челобитья и без указа после переписчика наставился койдокуруец Прокопей Дмитриев сын Скрыпов и ево, челобитчиковы Кировы, огородной земли под то хоромное свое строение во весь вышеписанной длинник для простору себе занял, поперешника два аршина с четвертью. А смежные те Ивана Омашева и бывшего того пономаря Ивана Головина, и ево, Киров, дворы и подворные земли, опроче вышепомянутой Скрыпова наставки, по переписным Кругликова книгам как написаны мерою, по сему досмотру сходны и вышеписанной описи и меры той государевой порожжему месту земли, и на том месте и на Кирове огороде Скрыповой дворовой наставки и смежным вышепомянутым двором чертеж ниже сего. Писал Яков Писарев (Чертеж) ²⁴².

Интересен чертеж, приложенный к документам судебного дела. Рисунок ориентирован по оси запад-восток и в верхней части его подписано: "...подле ров мимо деревянного города проезжая болшая дорога, вниз проезжая дорога лежит". Вдоль этой дороги располагались "дворы в Затинной слободе против деревянного города и мостовой". На плане обозначены три дворовых участка: Ивана Омашева, пономаря Ивана Головина (Салкова) и челобитчика Кира Александрова, спорный участок обозначен особо — он невелик — 9 на 2 аршина с $\frac{1}{4}$. Постройки на чертеже изображены крайне условно и подписаны: "изба", "баня".

10 ноября 1720 г. следует царский указ:

...По указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, капитан и дел Коллегии юстиции судия Лев Данилович Телепнев приказал по вышеписанному Рождественской церкви дьячка Кира Александрова прошению бывшей двор пономаря Ивана Головина Салкова, он же которой стоит в Затинной прохожей улице позади двора ево, Салкова, которой он, Салков, в прошлом 713-м году февраля 27 дня продал койдокуруц Прокопью Скрыпову, в котором ныне живет татарин Мамет, з занятого ево, Кирова, места велеть ему, Мамету, те хоромы сломать, для того по досмотру и чертежу прошлого 714-го году и по крепостям явилось под тем Скрыпова двором занято ево, Кировой, земли длинника девять сажень, поперешнику два аршина с четвертью. А в скаске своей помянутой (Скрыпов) продавец Салков имянно сказал, что де той ево, Кировой, земли длинника девять сажень, поперешника два аршин с четвертью ему, Скрыпову, не продаывал и займовать и утеснять не велел. А по Уложению десятой главе двести семдесят седмой статьи буде кто учнет у себя на дворе ставити хоромы близко межи соседа своего, и тому тех своих хором на межи соседа ставити не велено. А буде кто на межи хоромы поставит и в том на него будет челобитье, и тому велено хоромы от межи отнесть. А оной татарин по каким крепостям в том Скрыпове дворе живет или из найму, о том к сему делу от него, Скрыпова, и ни от кого писмянного известия не подано. Для того оному татарину те хоромы з земли ево, Кировой, велеть снести и цены ево, Кирова, за ту землю за длинника за девять

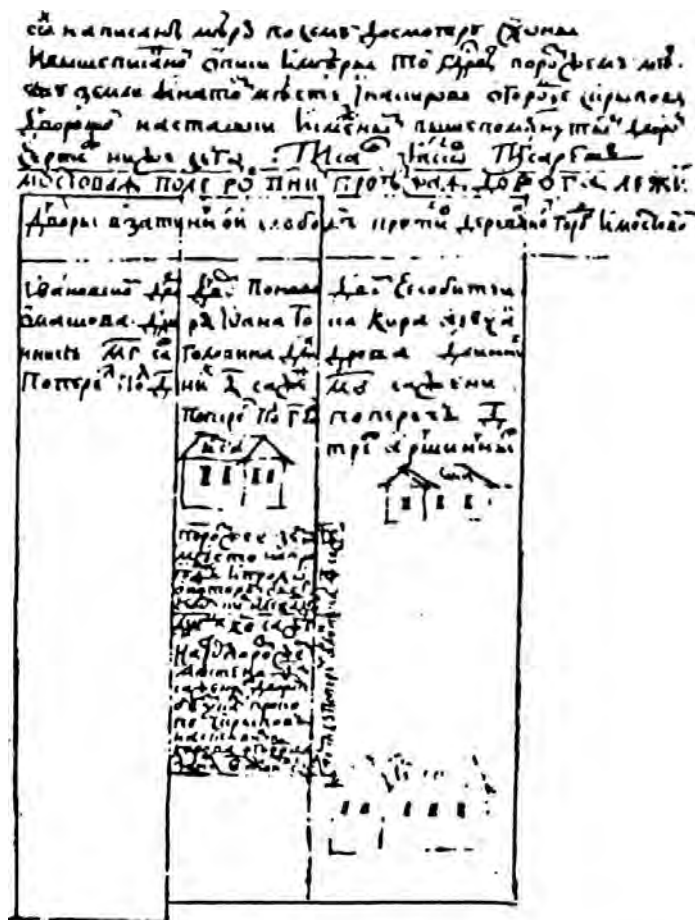

Рис. 89. Деталь планировки "моховой" части Архангельского посада. Чертеж 1720 г.

сажень з девяти рублей доправить, в казну царского величества пошлин и на канцелярской труд на оном Скрыпове и записать в приход, для того что оной Скрыпов на той ево, Кировой, земле построился без челобитья и без указа силно, о чем и в допросе своем при осмотре не записался. А оной татарин знатно живет по впуску ево, Скрыпова, и оной сосед Кир бьет челом на него, Скрыпова, а не на него, татарина. А оною занятою землею велеть владеть Киру Александрову по прежним крепостям и по переписным книгам по-прежнему. А вышеписанному татарину велеть в слышании сего указа, что ему в той Кировой земли снести безпорно, подписатца, чтоб от него, Кира, впредь челобитья, и докуки, и волокиты ему не было ²⁴³.

Результат спора опирался на новый обмер участков и на новый чертежик. (Прежний чертеж и прежних обмерщиков Кир Александров обвинил в нечестности: действительно, новые обмеры выявили "лишку" земли у Ивана Омашева (в поперечнике "лишку пол сажени"), затем мерили двор пономаря Ивана Головина Салкова (длинника 20 сажень, поперечника 2,5 сажени), но особенно тщательно измеряли ту часть прежнего пономарского двора, которую он продал татарину Мамеду. Эта часть, а также ширина всего двора Салкова оказались в действительности шире, чем участок, купленный им в свое время у Цыварева. Поэтому Прокопию Скрыпову и татарину Мамеду было указано, чтобы строения на спорной земле снести, а землю вернуть Киру Александрову.

Теперь снова вернемся ко времени, когда Прокопий Скрыпов "променял" свой двор кормовщику Петру Васильеву сыну Салтанову, который был "царского величества пилних мельниц надсмотритель". Однако купчая, как писал в новой челобитной в марте 1721 г. Кир Александров, "в Архангелогородской канцелярии в крепостных книгах не записана и пошлины в вашу царского величества казну не плачены".

А в марте этого же 1721 г. кормовщик Петр Салтанов сам подал челобитную:

Державнейший царь, государь милостивейший.

В нынешнем, государь, 721-м году по твоему великого государя указу, а по челобитью Рождественской церкви дьячка Кира Александрова велено турчанину Мамету двор, в котором он живет, сломать, и в том он, Кир Александров, бил челом на него, турчанина Мамета, напрасно и ложно. А тот двор и с подворною землею у города Архангелского позади двора Ивана Салкова с прошлого 715-го году февраля 14 дня моего владения, которой я выменил у горожанина Прокопья Скрыпова. А тому двору и подворной земли меру свидетельствует даная мне от него, Прокопья Скрыпова, менная и прежние крепости. Всемилостивейший государь, прошу вашего величества, да повелит державство ваше вышеписанной двор мой и его, Кира Александрова, по чему владеет и подворной земли меру по старым прежним крепостям и по менной моей осмотреть и смерить земским бурмистром с посадскими сторонними людьми при фискалах, и написать чертеж по старым межам, чтоб мне, нижайшему, ныне и впредь от него, Кира Александрова, в разорении не быть. А по осмотре и чертеже учинить свой великого государя указ.

Вашего величества нижайший раб кормовщик Петр Салтанов. Писал челобитную по велению кормовщика Петра Салтанова ненекшанин Алексей Попов. Лета 1721-го году марта 9-го дня. К сему прошению вместо кормовщика Петра Салтанова пенезанин Алексей Коккин руку приложил. Записать в книгу, и взять к делу, и с объявленных в челобитье крепостей взять у сего челобитчика списки за рукою и, с подлинными справив, поднести к столу ²⁴⁴.

Как видно из документов, речь уже шла о третьем обмерном чертеже:

Лета 1721-го мая в 5 день. По указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья России самодержца, архангелогородскому и холмогорскому земских дел бурмистром сего 721-го году Лариону Попову да Никите Крылову с товарищи. В нынешнем 721-м году прешедшаго марта 9-го дня великому государю бил челом, а в канцелярии Коллегии юстиции дел лантрихтору Ивану Аксентьевичю

Хрипунову да капитану и судье Лву Даниловичю Телепневу кормовщик Петр Салтанов подал челобитную, а в ней написано: по его великого государя указу, а по челобитью Рождественской церкви дьячка Кира Александрова велено турчанину Мамету двор, в котором он живет, сломать, и в том де он, Кир, бил челом на него, Мамета, напрасно, для того что тот двор и с подворною землею у города Архангелского в Затинной слободе позади двора Ивана Салкова с прошлого 715-го году февраля с 14 числа учинился ево, Салтанова, владенья, которой двор он, Салтанов, выменил у горожанина Прокопья Скрыпова. А тому двору и подворной земли мера свидетельствует в ево, Салтанова, от Прокопья Скрыпова даная, менные и прежние крепости. И чтоб повелено было вышеписанной ево, Салтанова, и Киров дворы и подворной земли меру по старым прежним крепостям и по менной осмотреть и смерить вам, земским бурмистром, с посадскими сторонними людьми при фискалах, и написать чертеж по старым межам. И по его великого государя указу и по помете лантрихтора Ивана Аксентьевича Хрипунова велено по оному челобитью и спору о осмотре, и мере, и о учинении чертежа послать к вам, бурмистром, ис канцелярии дел Коллегии юстиции указ, чтобы бурмистры тоя сотни при сторонних людех и при соседех написали осмотр и чертеж с подписанием на том чертеже, кому чем надлежит по вашему свидетельству владеть, и для того с выписки о тех крепостях написать к вам, бурмистром, ведение.

И как вы сей его великого государя указ получите, и вы б учинили по сему его великого государя указу в сем непременно. И по учинении по сему его великого государя указу оной осмотр и чертеж за вашими и сотенных людей и соседей руками подать со всякою подлинною очисткою, как написано в сем указе выше сего в Архангелогородской земской Коллегии юстиции дел канцелярии лантрихтору Ивану Аксентьевичю Хрипунову да капитану и судье Лву Даниловичю Телепневу. А с выписки о тех крепостях ведение посылается к вам при сем указе ²⁴⁵.

Такой чертеж был составлен, от двух первых он отличался прежде всего ориентировкой: чертежник как бы смотрел "в мох" — на восток, и здесь мы видим новый, неизвестный по первым двум чертежам двор, который был расположен за дворами Кира Александрова и Петра Салтанова, — двор вдовы Ирины Анофреевой дочери, причем ее дворовый участок был вытянут по линии север—юг. Кроме того, за этим дворовым участком, дальше "в мох", как видно на отчетливом чертеже, проходила "моховая проезжая дорога", о которой ранее в документах "дела" не упоминалось, и она нигде не была изображена. План любопытен и тем, что на нем обозначена межа — граница дворового места Кира Александрова с дворовым местом Никифора Лебедева.

Результаты второго обмера дворового участка Петра Салтанова (третий чертеж) значительно отличались от предыдущего, причем не в пользу владельца двора:

1721-го июля в 14 день. По указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья России самодержца, каков прислан с Архангелогородского земского двора за закрепою бурмистра Лариона Попова прешедшаго мая 6-го дня архангелогородскому денежному зборщику сего 721-го году Михаилу Кириянову и посадским людем, написано: велено по присланному к ним ис канцелярии Коллегии юстиции дел за приписанном лантрихтера Ивана Аксентьевича Хрипунова, капитана и судии Лва Даниловича Телепнева прешедшаго мая 5 дня сего 721-го года указу прешедшаго марта 9 дня великому государю бил челом кормовщик Петр Салтанов, подав челобитную, а в ней написано: (далее повторение л. 50—50 об.). И по тому его великого государя указу вышепомянутой денежной зборщик, и посадские, и посторонние люди, нижеподписавшиеся, при соседех у города Архангелского в Затинной слободе у вышепомянутых Петра Салтанова и Кира Александрова крепостей, купчих, и менной, по которым они, Салтанов и Александров, теми дворами и подворными землями владеют, при архангелогородском фискале Михайле Пономареве досматривали и под тем ево, Салтанова, двором землю измерили как длинник, так и поперешник. А по осмотру и мере явилось против менной, какову ему, Салтанову, дал в прошлом 715-м году февраля 14 дня горожанин посадской человек Прокопей Дмитриев сын Скрыпов, нового своего строения у Архангелского города в посадской сло-

боде позади двора соборной церкви трапезника Ивана Салкова со всяким строением, каковым ныне есть, в чем он, Прокопей, владел, и с подворною землею по купчей вышеозначенного Ивана Салкова продажи к нему, Прокопью, прошлого 713-го году февраля 27 числа длиннику по двору горожанки вдовы Иринеи Андреевы дочери дватцать четыре сажени, а отступя от банного ево ... места двумя сажнями, поперешнику полчетверты сажени. И по оному осмотру и мере оной Салтанов своим двором на вышеозначенной ево, Киров, двор не настроился. Но токмо по другому концу поперешника у Петра Салтанова явилось по вышеозначенной мере и по купчей ... Ивана Салкова меры недомер, вышепомянутой Кир Александров к себе под дворовое свое место крыльцом застроился оного Салтанова дворового места излишно один аршин три четверти, о чем под сим осмотром свидетелствует чертеж. А в межах та земля — с верхнюю сторону двор Ивана Омашева, а с нижнюю сторону двор Кира Александрова. А в купчей помянутого Кира Александрова, какову деду ево, Кирову, Самойло Егупову дал в прошлом 7157-м году сентября 21-го дня города Архангелского жилец Егуп Карачев, и меры земли в той купчей не написано. К сему досмотру вместо Ивана Каковцева по его велению и за себя Лука Воронцов руку приложил. ... горожанин Григорини Комшилов руку приложил.

Державнейший царь, государь милостивейший. В нынешнем 721-м году прошедшего марта 9 дня бил челом тебе, великому государю, а в Архангелогородской земской канцелярии подал на меня, нижайшаго, челобитную кормовщик Петр Салтанов, а в прошении своем написал, чтоб мой, нижеименованного, так и ево, Салтанова, дворы, которые у города Архангелского в Затинной слободы, подворные земли измерить и осмотреть земскими бурмистрами с посадскими людьми при фискалах. И по тому ево прошению из Архангелогородской земской канцелярии в Архангелогородскую ратушу к бурмистром архангелогородскому Лариону Попову, холмогорскому Никите Крылову указ послан, и июля 27-го дня сего 721-го года в тое канцелярию чертеж и осмотр подан за руками Архангелского города денежного зборщика Михайла Кирьянова з другими, а не за их бурмистрскими руками. А указ послан к ним, бурмистром, а тот чертеж и осмотр учинен к моей обиде, а ему, Салтанову, ко оправданию, не правдиво, потому что они мерили мою, нижайшаго, землю по переднему концу в трехаршинную сажень, а та мера с переписчиком столника Василья Кругликова и свидетелством из Архангелогородской канцелярии старых подьячих Никифора Гукова, Якова Писарева сходна, а по заднему концу он, денежной зборщик и фискал, Михайло Пономарев з другими мерили в полтретья-аршинную сажень, да и того в меру не написали. Всемилоуейший государь, прошу вашего величества, да велит державство ваше сие мое челобитие принять к прежнему делу, а для перемеру той подворной земли послать из Архангелогородской земской канцелярии подьячего по наказу с фискалом и с кем пристойно, а имянно с фискалом Алексеем Капраловым и с выборными посадскими людьми, которые ныне обретаются при государевых делах, — Иван Конанов Омосов, Дмитрией Онегин, и те наши подворные земли мою, нижайшаго, и Петра Салтанова и третью Ивана Омашева против переписки столника Василья Кругликова и свидетелства Архангелогородской канцелярии старых подьячих Никифора Гукова, Якова Писарева измерить и против их свидетелства учинить чертеж, и по чертежу свой милостивой рассмотрительской указ учинить. Вашего величества нижайший раб Архангелского города церкви Рождества Иисуса Христа дьячек Кир Александров. Сентября 4-го дня 1721-го года. Челобитную писал подьячей Семен Киров. Кир Александров руку приложил. Записать в книгу и выписать, осмотр и чертеж за чьими руками учинены, от земских бурмистров присланные, и поднести к столу с росписанием и сею челобитною. 1721 сентября 4 дня ²⁴⁶.

Этими строчками завершается большой сборник документов о земельной тяжбе за клочок земли в самом центре старинного Архангельска. Документы очень важны: во-первых, они демонстрируют как “механизм” передачи городских земельных участков в ходе купли-продажи, так и возникающие трудности и конфликтные (юридические и “человеческие”) ситуации. Во-вторых, это ценный исторический письменный источник, а также графика самого начала XVIII в., необходимая для исследования градостроительной истории Архангельска XVII—XVIII вв. В-третьих, документы содержат материал для исследования процесса формирования архангелогородского населения в XVII—XVIII вв.

Мы не очень много знаем о родословных простых горожан. Сведения, которые мы рассматривали, с дополнением данных писцовых и переписных книг могут послужить надежной базой для решения подобной проблемы (авторы сделали попытку рассмотреть родословные северных ремесленников некоторых специальностей — кузнецов, колокольников, костерезов, иконописцев, см. т. II).

Например, семья Карачевых: первый по хронологии ее представитель — Гришка Петров сын Карачев жил на Архангельском посаде и имел двух сыновей, Кондрашку и Ваську, что нашло отражение в Писцовой книге 1622—1624 гг. ²⁴⁷ Переписная книга посада 1646—1649 гг. также упоминает двух братьев: Васька Григорьев сын Карачев и Кондрашко Григорьев сын Карачев, у последнего уже был сын Егупко ²⁴⁸. Перепись 1676—1678 гг. дает сведения только о двух сыновьях Егупки: Оська Егупов сын Карачев и Федька Егупов сын Карачев ²⁴⁹. Переписи 1702 и 1710 гг. дают любопытные данные только о трех Карачевых: Оська Егупов сын Карачев, Федор Егупов сын Карачев и дьякон Кир Александров (Карачев) ²⁵⁰. Некоторые моменты в родословной этих архангелогородских горожан все же остаются неясными. Поэтому опять обратимся к делу о земельной тяжбе. Одно из главных действующих лиц — Кир Александров. Первая купчая (1638 г.) была совершена между Егупом Кондратьевым сыном Карачевым и Самойлом Федоровым сыном Карачевым, т. е. между двумя родственниками, причем Самойло Федоров сын Карачев, по заявлению самого Кира Александрова, — “по отце ему дед”.

Эти сведения дают возможность выстроить, конечно предварительно, “родословную” этой семьи на протяжении более ста лет:

1. Гришка Петров сын Карачев	Писцовая книга
2. Кондрашка Григорьев сын Карачев	1622—1624 гг.
3. Васька Григорьев сын Карачев	
4. Кондрашка Григорьев сын Карачев	Переписная книга
5. Егупко Кондратьев сын Карачев (дед Кира Александрова)	1646—1649 гг.
6. Самойло Федоров сын Егупов	Купчая 1639 г., л. 16—16 об.
7. Оська (Осип) Егупов сын Карачев	Переписная книга
8. Федька Егупов сын Карачев	1676—1678 гг.
9. Александр Самойлов сын Карачев (отец Кира Александрова)	Купчая 1666 г.
10. Осип Егупов сын Карачев	Переписная книга
11. Федор Егупов сын Карачев	1702 г., л. 119 об., 128
12. Кир Александров (Карачев). В 1710 г. ему было 53 года	Переписная книга 1702 г., л. 8 об., 25
13. Домника Карачева, жена, 53 года	
14. Дмитрий Киров Карачев, сын, 31 год	
15. Василиса Карачева, жена Дмитрия, 30 лет	
16. Яков Дмитриев сын Карачев, сын Дмитрия, 3 года	
17. Федор Киров сын Карачев, сын Кира, 33 года	
18. Татьяна Карачева, жена Федора, 30 лет	
19. Андрей Киров Карачев, сын Кира, 20 лет	
20. Авдотья Карачева, жена Андрея, 20 лет	
21. Семен Киров сын Карачев (далее текст не сохранился)	

Вполне возможно, что Кир Александров, ни разу сам себя не назвавший Карачевым, и своим детям мог дать фамилию "Александровы".

Можно понять упорство, с каким Кир Александров отстаивал территорию своего двора. Соседний с ним участок принадлежал его отцу — Самойлу Федорову сыну Егупову (см. купчую 1638 г.). Впоследствии Самойлом или его сыном Александром Самойловым Егуповым (Карачевым) был прикуплен и соседний участок, приобретенный, по всей видимости, у Юрия Козьмина сына Попова. По крайней мере, уже в 1666 г. оба участка были во владении Александра; один из них (верхний по течению Двины: во всех документах "дела" "верх" и "низ" определяются по этим координатам) он продал кузнецу Василию Федорову сыну Цывареву. Последний продал его Степану Нестерову сыну Салкову, сын которого Иван Степанович сын Салков (Головин) продал участок следующему владельцу — койдокурцу Прокопию Дмитриеву сыну Скрыпову в 1713 г., и, наконец, в 1715 г. владельцем двора стал Петр Васильев сын Салтанов.

Для нас интересно не только то, что письменные документы позволили "подсмотреть" историю одной семьи на протяжении более чем одного столетия. Гораздо важнее, что мы стоим у самых истоков (первая четверть XVII в. — это и есть настоящий "исток" для отсчета истории населения Архангельска) глубинного и сложного процесса формирования постоянного населения Архангельска, которое и определило его "культурное лицо" на будущие столетия, заложило фундамент морально-этических устоев и уровня профессионально-ремесленной производственной культуры. Но это уже отдельная, вполне самостоятельная тема, разработка которой лежит за пределами поставленных нами задач.

Важные сведения об уличной структуре верхней части посада содержит Переписная книга 1710 г. Документ фиксирует "у города Архангельского в Салдатской слободе церковь во имя Рождества Христова" и перечисляет дворы — "в Смирной улице", "в Боровикова улице", "в Головинне улице", "в Перешневе улице", "в Стойнове улице", "в Ошинской улице", "в Устиновской улице", "в Горошница улице", "в Ларионовской улице", "в Соткова улице", "в Солозерской улице" ²⁵¹. Создается впечатление, что эта часть Архангельска развивается в первой четверти XVIII в. очень динамично — в документе 1723 г. перечислены уже следующие улицы: Смирная, Буянова, Горбунова, Мелентьева, Устинова, Жаравова, Нюхалова, Соткова, Качалова, Нешенская, Мырцова, Земская, Гарадьева, Моховая, Перешневая, Головина, Стойнова ²⁵². К этой части поселения относится чертеж, приложенный к "данной" на дворовое место на Юрьевом звозе, который датируется 1712 г. ²⁵³

Сохранилось описание Юрьева звоза 1711 г.:

На Юрьеве звозе:

По правую сторону кружечного двора, идучи в гору со звозу, 7 лавок Николаевского Корелского монастыря казенные да анбар, длиннику с лица 10 сажень, 1 аршин с четвериком, поперешнику анбар 2 сажени 2 четверика, а лавка 1 сажень 2 аршина, навес перед лавками 2 аршина, обоено с навесом лавки поперешнику 1 сажень 4 аршина. Оброку с лавок рубль 16 аршин 7 денег. И Николаевского монастыря старец Иона сказал, во владенье де за их Николаевским монастырем вышеписанные лавки, где наперед сего бывал их монастырский двор, также и нижеписанные против их монастырского на Угоре и под избою анбары из давних лет, а имянно по купчей 7110-го году продажи горожанина Юрья Данилова, и по вкладным 7143-го года московского стрел-

ца Афонася Шелканова, да 7162-го года Спаской соборной церкви бывшего священника Ивана Романова, которые крепости положены у них при описе к столнику Василью Кругликову, которой, двор их монастырский и подворную землю измеря, описал же. Оброку в Архангелогородскую таможеню платят по вся годы бездоимно с вышеписанных анбара и лавок по полтора рубли, с нижеписанного анбара, которой на Угоре, по десяти алтын на год, а на сей 711-й год не плачены. А другой анбар, который под избою, безоброчной, потому что де держат в том анбаре про свой монастырский обиход всякие припасы, а в наем того анбара никогда не отдают. А в оброчных платежах свидетельствуют таможенные оброчные книги. По велению старца Иоанна усолец Григорей Брехов руку приложил. По боку тех вышеписанных лавок, от кружечного двора идучи ко съезжей салдацкой, по левую сторону Большой проезжей дороге лавка вновь горожанина Елизара Шангина, длиннику с лица 1 сажень 2 четверика, поперешнику сажень бес полуаршина, навесу перед лавкою аршин с четвертью, обоено с навесом поперешнику сажень 3 четверти. Оброк платит в монастырскую казну. И вышеписанной Елизар Шангин сказал, та де вышеписанная лавка стоит на земле Николаевского Корелского монастыря, казенная, их, монастырского, строения, а не его, Елизарова, толке он, Елизар, взял тое лавку у них из празги в нынешнем 711-м году впредь на год, а рядил в монастырскую казну с тое лавки празги полторы денег, и в том де празговом порядке ему, Елизару, никакого писма не дано, записано де в их монастырских книгах, а празговые вышеписанные денги не плачены, потому что де по порядку срок не дошел. Вместо Елизара Иванова сына Шангина по его велению горожанин Федор Иванов сын Филатов руку приложил.

Против двора Сийского монастыря на Угоре на обрубках, от кружечного двора идучи, по правую сторону проезжей дороге анбар с перерубом надвое, под ним 4 лавки на одном окладе, казенные того Сийского монастыря, длиннику 6 сажень с аршином, поперешнику 3 сажени пол-2 аршина, навес перед лавками сажень, обоено с навесом поперешнику 4 сажени пол-2 аршина, оброк с нижеписанною статьею обще. Да под избой вышеписанного двора 2 лавки казенные же монастыря их, длиннику с лица 3 сажени, поперешнику 2 сажени с полуаршином, навесу перед лавками 1 сажень 3 четверти, обоено с навесом поперешнику 3 сажени 1 аршин с четвертью. Оброку с обеих статей рубль 16 алтын 7 денег. У ворот шалаш, длиннику с лица 2 аршина, поперешнику сажень. Да под другою избой анбар, длиннику с лица 2 сажени, поперешнику 2 сажени с по-

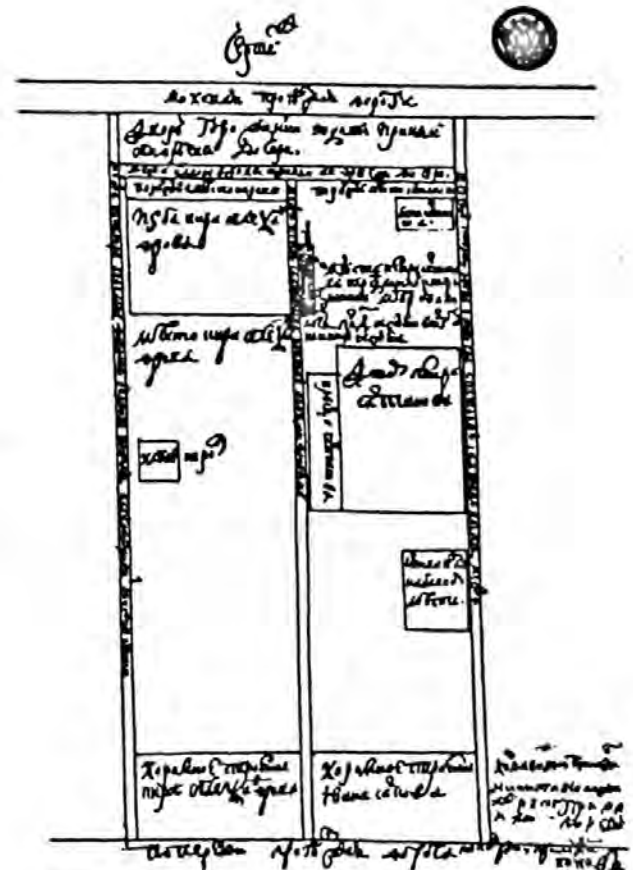

Рис. 90. Деталь планировки "моховой" части Архангельского посада. Чертеж 1721 г.

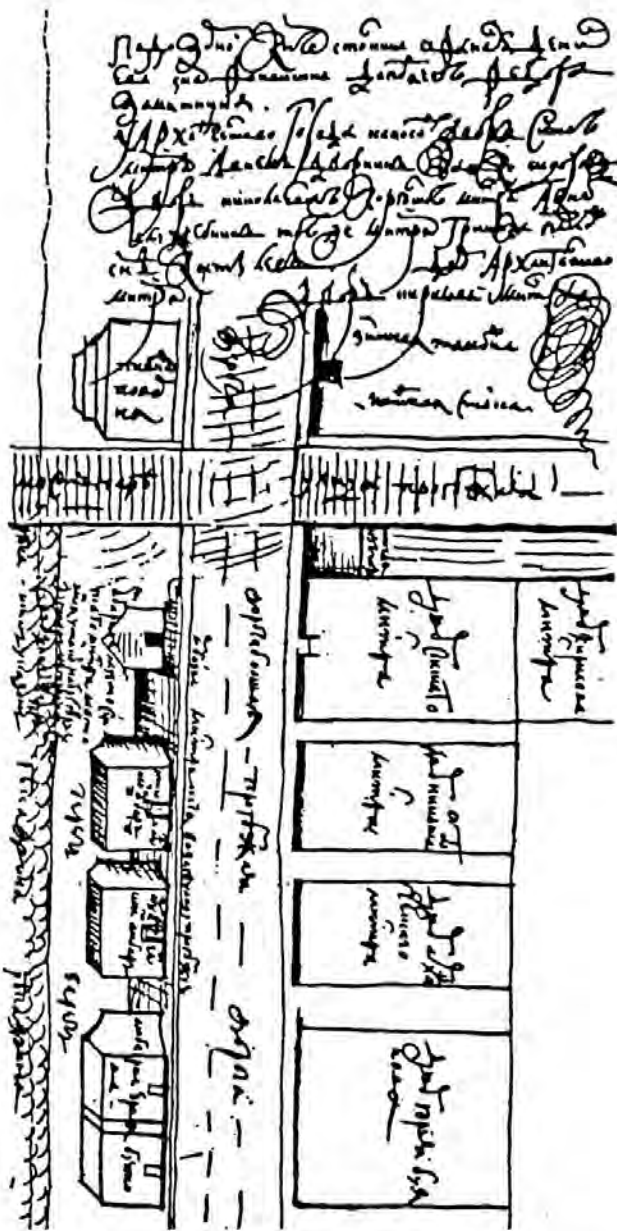

Рис. 91. Деталь планировки Стрелецкой слободы в районе "Юрьева взвоза"

лаурином. Оброку не определено, платят четвертую долю. И вышеписанного Сийского монастыря дворник Алексей Алексеев сказал: во владенье де вышеписанные четыре лавки, которые стоят на обрубе под анбаром против монастырского двора за проезжею дорогою да под избюю две лавки же, и теми лавками и анбаром владеет того монастыря архимандрит з братиею по даной, которая им властем дана во 172-м году, да по двум купчим 127-го и 135-го годов, с которых положил он, вышепомянутой дворник, к сей скаске с подлинных крепостей и с памяти для подленного свидетельства того монастыря иеродиакона Афонасия за рукою ево списки. А с вышеписанных тех лавок они, власти, платят оброк в Архангелогороцкую таможду повсягодно по рублю по шестнадцати алтын по четыре денги на год, и тот де платеж записывают в оброчных книгах имянно. А на нынешней 711-й год не плачено. А под другою де избюю анбар построен ныне для монастырских всяких припасов и для клажи мореходных снастей. А шелаш, которой приделан у того ж монастырского двора в нынешнем 711-м году для всяких же клажей, а во время ярмонки берут тот шелаш под мелочной товар вкладчики бес празга, толко дают вкладом, ладаном и воском. А оброку с того анбара и с шелаша в Архангелогороцкую таможду не платят, потому что тот шелаш в зимнее время стоит впусе. К сей скаске Сийского монастыря дворник Алексей Алексеев руку приложил.

На горе же по тое правую сторону дороге:

Николаевского Корельского монастыря анбар двужирной против двора их монастырского, казенной, длиннику 3 сажени 2 аршина, поперешнику 3 сажени, навес перед анбаром 2 аршина, обою с навесом поперешнику 3 сажени 2 аршина. Оброку 10 алтын.

Против тех анбаров под их монастырскою избюю анбар, длиннику с лица 2 сажени 1 аршин с четвертью, поперешнику 2 сажени. Оброку не определено. За вышеписанные анбары скаска выше сего под лавочное статью вместе за рукою старца Ионы, в которой написано: с вышеписанного анбара, которой на Угоре, оброку на год по десяти алтын, а з другою анбара, которой под избюю, оброку нет.

Архангельского монастыря анбар двужирный против двора их монастырского, казенный, длиннику с лица 3 сажени 1 аршин 3 четверти, поперешнику 3 сажени бес полуаршина, навесу перед анбаром 2 аршина 2 четверти, обою с навесом поперешнику 3 сажени 2 аршина. Оброку 3 алтына 2 денги. И вышеписанного Архангельского монастыря старец Селивестр сказал: поставлен де тот вышеписанной анбар против двора их монастырского из давних лет, как и других монастырей на том же Угоре анбары стоят, и того де они анбары в наем никому не отдают, держат в нем про свой монастырский обиход всякие припасы и судовые снасти. Оброку с того анбара платят в Архангелогороцкую таможду по гривны на год, а на нынешней 711-й год не плачены, покамест не спроят. А в платежах свидетелствуют в Архангелогороцкой таможде оброчные книги да в отписе де с лавочным платежом, что в деревянном городе, с которых отписей при той лавочной очистке у него положен список, с того вышеписанного с анбара на 708-й год оброк описан не имянно, а на другие годы у них отписей нет, а платеж на прошлые годы написан в таможенных книгах имянно. К сей скаске по приказу отца архимандрита того монастыря монах Силвестр руку приложил.

2 анбара на особьх окладах капитана Городцкого полку Юрья Буянова против двора ево, длиннику 3 сажени без 3 четвертей, поперешнику один анбар 3 сажени без аршина, другой 3 сажени с аршином. Оброку 23 алтына 2 денги. И вышеписанной капитан Юрье Буянов сказал: во владенье де те вышеписанные анбары за ним, Юрьем, искони вечно, отца его, Архипа, статки, а данные ли ис приказу, или ис таможди, или купленные у отца его у покойного те анбары, того он, Юрье, за искони вечным владеньем сказать не знает, потому что де на те анбары письменные крепости, хотя каковы и бывали, и в пожарное время вдавне же погорели. А оброку с тех анбаров в Архангелогороцкую таможду платит по семи гривен на год по вся годы сполна, чему свидетелствуют оброчные платежные в Архангелогороцкой таможде книги. А на сей 711-й год с тех анбаров не платил, а платит тот оброк будет. К сей скаске вместе Юрья Архипова по его веленью соловецкой стряпчей Петр Придаников руку приложил²⁵⁴.

Однако уже на следующий, 1712 г. события для капитана Юрия Архипова сына Буянова приняли неприятный оборот: архимандрит Архангельского монастыря Иоасаф подал челобитье на капитана, обвинив его в насильственном "завладении" дворовым местом на Юрьевом взозе, которое в монастырь дали вкладом²⁵⁵. Вклад этот сделала в 1686 г. вдова Анна Малцова по мужу — двор "у Архангельского городу на Юрьеве звозе в межах с верхнею сторону двор капитана Юрья Буянова, с нижнюю сторону двор Архангельского монастыря". Никаких оправдательных документов — "крепостей" на владение амбаром отставной капитан не имел и повторял прежнюю версию, заявляя в "допросе", что "то место было отца ево Юрьева Архипа Буянова, а не вдовы Анны", ибо было "отведено то место после пожару отцу ево по приказу бывшего воеводы князь Осип Щербатова, потому что-де и всему городскому полку приказано было строитца слободами, а пушкарей в то время ис той Стрелецкой слободы велено было перевести в Затинную слободу, и тогда ж те пушкари ис тех стрелецких слобод переведены были все в посад в Затинную слободу". В процессе выяснения истины были собраны документы и "тем дворам учинен чертеж". Дело закончилось убыточно для капитана Юрия Буянова: по государеву указу "повелено было ево, капитана Юрья Буянова, в Архангелогороцкую канцелярию сыскать, и что он, капитан, сбрал с того анбара денег по 5 рублей на год, с вышеписанного 1686 года по 712, и того 130 рублей отдать ему, архимандриту з братиею, в монастырскую казну, и прото-

ри, и убыток заплатить. А что на том их дворовом месте строения ево было писано выше сего, отдать им, просят милостивного рассмотреть, и его, капитана, допросить и подоброму указ учинить". Теперь можно определенно сказать, что чертеж, хранящийся ныне в Государственном архиве Архангельской области, — именно тот документ, о котором идет речь в описании Юрьева взвоза 1711 г. из центрального архива. Чертеж этот с большой точностью фиксирует топографию участка Солдатской слободы в районе Юрьева взвоза.

Еще один документ с чертежом относится к 1711 г. — это "Челобитье городского полку порутчика Ивана Петрова Сибирякова об отводе ему порожжего места для построения дому и при том план". В челобитной он просил:

Державнейший царь, государь милостивейший.

Есть, государь, у города Архангельского позаде Салдацкой слободы против огорода салдата Григория Подносова пустое порожнее болотинное место, а на том месте никакова строения нет. Милостивейший государь, прошу вашего величества, вели, государь, то вышеписанное порожнее место по(д) дворовое строение мне, нижайшему, отвести. Вашего величества нижайший раб, Городского полку порутчик Иван Петров сын Сибиряков. 1711-го году мая в ... день. Порутчик Сибиряков.

1711-го мая в 4 день. По указу великого государя вышеписанное место осмотреть, измерить и учинить чертеж.

И против сего челобитья и пометы место, о котором великому государю бьет челом Гороцкого полку порутчик Иван Сибиряков, досматривано и мерено.

А по осмотру то место у города Архангельского на мху лежит впусе и строения на нем никакова нет. А мерою порожнее место длиннику в мх 30 сажен, поперечнику в одном конце 17 сажен, в другом 12 сажен 2 аршина. И великому государю царю и великому князю Петру Алексеевичу, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу, бьет челом города Архангельского гороцкого полку порутчик Иван Сибиряков, чтоб великий государе пожаловал ево, велел ему то порожнее место отдать под дворовое строение. А подле того порожжего места кто имяны живут, описано при сем челобитье в чертеже имянно. И буде великий государь ево, Ивана, пожалует, велит ему то порожнее место отдать под дворовое строение, и от тово строения соседем утеснения никакова не будет.

Справил Никифор Гуков.

1711-го мая в 8 день. По указу великого государя, буде вышеписанное порожнее место лежит впусе и наперед сего никому не отдано и ни по чему не крепко, и оное пустое место будет длиннику тритцать, поперечнику в одном конце семнатцать, а в другом семнатцать, челобитчику порутчику Ивану Сибирякову отдать... 256

На приложенном к чертежу документе отчетливо видна планировочная структура участка: вдоль двинского берега стояли "дворы салдатские, дворы салдацких и посацких людей", позади одного ряда дворовых участков шла "от города Большая проезжая дорога к Архангельскому монастырю". За дорогой стояли "мельницы и дворы салдацкие", здесь же начинался "з Большой дороги мост к мельнице Архангельского монастыря в мх".

На самой кромке двинского берега — "на Угоре", перед застройкой "салдацких слободок", находились амбары, сушильни, "сальные поварни" солдат и горожан, причем довольно много построек принадлежало именно солдатам 257.

Это прежде всего амбары: они достигали в длину 13 с лишним метров, иногда были двухэтажными (двухэтажными), имели навесы (выступающие концы крыш) со всех сторон. Амбары ставились под жилыми избами, под клетями (жилое холодное помещение или хозяйственное) или "под жилою горницею" над сенями и использовались "для домового обиходу". Иногда на дворе отстраивали целый производственный комплекс.

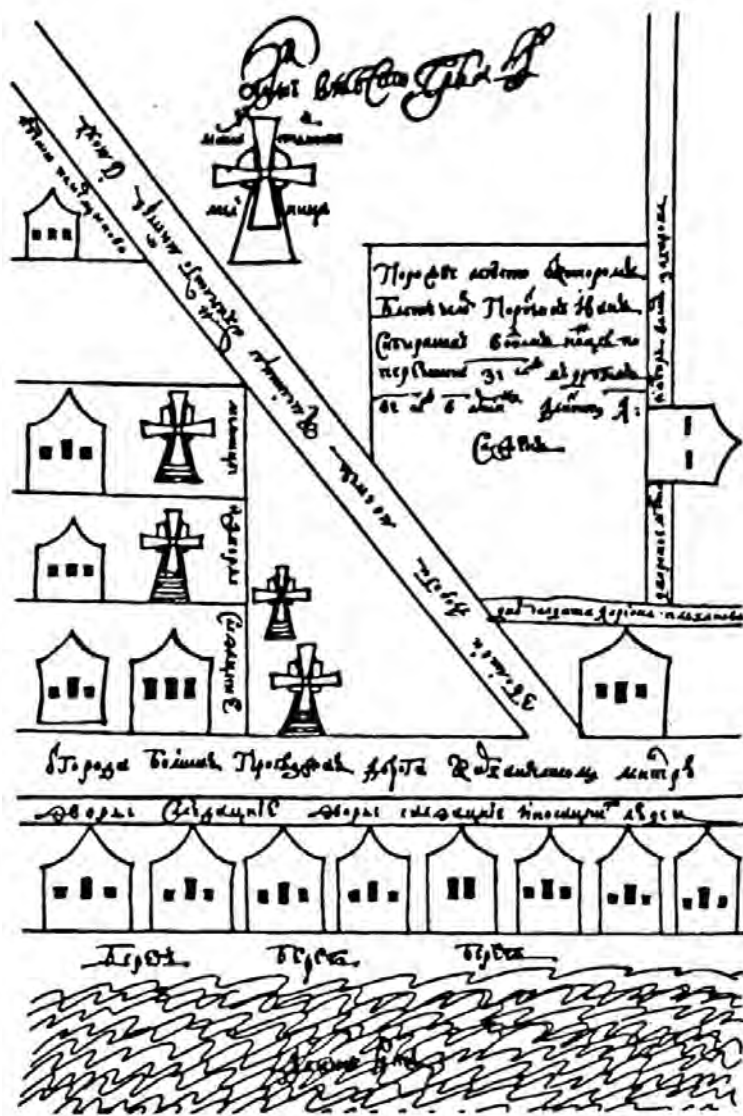

Рис. 92. Деталь планировки "верхней" части Стрелецкой слободы. Рисунок 1711 г.

Так, братья Василий и Иван Захаровы между двумя сараями построили еще один сарай "для предиденной работы" длиной около 40 м и шириной почти 10 м, а также сарай "для клажи пенки и конатов". Почти под каждым амбаром или сараем сооружался "для оберега от вешней воды, чтоб не сыпало Угорье, обруб". Солдатских амбаров насчитывалось 15 и принадлежавших горожанам — 8. Кроме того, здесь было несколько поварен, солодовня и сушильня.

Возможно, это был второй по своему значению (после Сального берега) центр саловарения: здесь стояло пять "поварни салных" — солидные сооружения до 15 м в длину и до 10 м в ширину. Поварни эти принадлежали горожанам. Только одна из них была продана братьями Бусиновыми иноземцу Ивану Твенсу в 1708 г., который потом передал ее иноземцу же Петру Мартисену.

Здесь же ранее располагались четыре кузницы, однако к моменту описи действовала только одна — это было сооружение около 6×7 м, на остальных "кузнечных местах" были построены жилые постройки. Таким образом, "Большая проезжая дорога", которая брала свое начало от другого конца Архангельска — от Немецкой слободы, была своеобразной центральной "осью" для всего поселения, центральной магистралью, которая постепенно "стягивала", соединяла центральные части и пригороды Архангельска и вокруг которой как бы наливалось силой его растущее "тело".

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

л. 1 Получено сентябрь 1775. Записав, доложить.

Святейшему правительствующему Синоду
от Вениамина, епископа Архангелогородского и Холмогорского,
Доношение.

В Архангельском городе дом архиерейской, которой имеется деревянной, со всем дворовым строением пришел в крайнюю обветшалость, и тем к житию впредь как мне, так и последующим по мне архиереям стал быть во вся ненадежен. Оной весь дом построен был из старых и бывших во употреблении бревен, почему его починивать никак невозможно, а следует вместо онаго новой построить. И место, на котором стоит, имеется внутри города, окружено рыношными деревянными лавками, притом весьма тесное, так что покои и службы стоят в немалой тесноте, а перед самими покоем лежат наметанные бугры старинного кладбища. Имеется же по краю обывательских домов близ Архангельского монастыря пространством // доволное, принадлежащее до дому же архиерейского место, на котором архиерейскому дому, по моему мнению, быть пристойнее, где оной со всеми принадлежностями построен быть может без утеснения. Что подлинно показанной мой дом ветх и к житию ненадежен, свидетельствует в том по прозбе моей здешний архангелогородский господин губернатор Егор Андреевич Головцын, и ежели строению быть новому дому, его превосходительство за пристойное же почитает оному быть для прочности каменному не на прежнем, но на показанном близ Архангельского монастыря месте, для котораго места каменным для архиерея покоям, тако же и службам дворовым, без которых обойтись нельзя, план и смету сочиня за своею рукою для представления, куда подлежит, мне дал. О чем я святейшему правительствующему Синоду благопочтенно представляю и прошу вместо ветхаго и к житию ненадежного нынешняго моего дому о построении новаго каменнаго с необходимым дворовым строением на показанном близ Архангельского монастыря месте учинить благоразсмотрение, помянутое ж // о ветхости того дому свидетельство, тако ж и план новым каменным покоем и дворовому строению, и на оныя смету, которая даны мне от его превосходительства господина губернатора Головцына, в оригинале при сем приобщаю.

Вашего святейшества нижайший послушник Вениамин, епископ Архангелогородский и Холмогорский.
Октября 8 дня 1775 года. //
РГИА, ф. 56, д. 495

л. 1 Указ ея императорскаго величества самодержицы всероссийской из святейшаго правительствующаго Синода в Коллегию экономии сего 1775 года октября 26 дня святейшему правительствующему Синоду преосвященный Вениамин, епископ Архангелогородский, доношением представлял, что-де в Архангельском городе дом архиерейской деревянной со всем дворовым строением пришел в крайнюю обветшалость и тем к житию впредь, как ему, преосвященному, так и последующим по нем архиереям, стал быть вовсе ненадежен, которое дом поставлен был на старых и бывших в употреблении бревен, почему его починивать никак невозможно, а следует вместо онаго новой построить и место, на котором стоит, имеется внутри города, окружено рыношными деревянными лавками, притом весьма тесное, так что покои и службы дворовые в немалой тесноте, а пред самими покоем лежат наметанные бугры старинного кладбища. Имеется по край обывательских домов близ Архангельского монастыря пространством доволное, принадлежащее до дому архиерейского место, на котором архиерейскому дому, по мнению его, преосвященнаго, быть пристойнее, где оной со всеми принадлежностями построен быть может без утеснения, а что подлинно показанной его преосвященства // дом ветох и к житью ненадежен, в том и о просбе ево архангелогородский господин губернатор Головцын свидетельствует, — нежели строению быть нову дому, он, губернатор, за пристойное почитает быть для прочности каменной не на прежнем, но на показанном близ Архангельского монастыря месте, и для построения на оном каменных покоев, тако и службам дворовым план и смету сочиня за своею рукою для представления куда надлежит ему, преосвященству, дал, которое, приложя при том доношении, просил о построении вместо ветхого и к жилью ненадежного нынешняго архиерейскаго дому новаго, каменнаго с необходимым дворовым строением на показанном близ Архангельского монастыря месте учинить размотрение. И по указу ея императорскаго величества святейший правительствующий Синод приказали оные план, смету и письмо Архангелогородскаго губернатора отослать, и посылает в оную Коллегию с таковым святейшаго Синода разсуждением, что как состоящей в Колмогорах прежней архиерейской дом из ведомства архиерейского выбыл, а имеющейся в городе Архангельском дом по свидетельствовашаго господин за губернатора пришел в ветхость, то потому ныне архангелогородскому архиерею для жительства дом построить необходимо, нужно понеже по инструкции Коллегии экономии 9-го отделения 10-м пунктом строени возложены на попечение Коллегии, чего ради и об оном следует

л. 1 об. оной поступить на основании // данной ей от ея императорскаго величества инструкции и Коллегии экономии учинить о том по ея императорскаго величества указу, а для ведома к преосвященному Вениамину, епископу Архангелогородскому, указ и план ноября 3 дня 1775 года подлинной подписан тако: Обер секретарь Аполлос Наумов, секретарь Петр Варапаев, слушан 5 ноября 1775 года, № 167. //
РГАДА, ф. 280, оп. 1, ч. 2, д. 14654

л. 3

Преосвященнейший владыко!
Милостивый государь и архипастырь!

Получив письмо вашего преосвященства о ветхости дома вашего, имею честь на оное вашему преосвященству донести, что я, ведая доволно не толко нынешнюю ево обветшалость, но и то, что и построен был из старых и бывших уже прежде во употреблении бревен, почему ево починивать никак не можно, в удоб-

ность и прозбе вашего преосвященства не приминул тогда же рекомендовать на новый дом (которому, ежели строена быть за пристойное, почитаю оному быть для прочности каменному) сделать смету инженерному офицеру и сверх того о определении к тому же машинного подмастера просил главного над Архангелогородским портом командира господина флота первого ранга капитана Лаврентья Савельевича Вакселя, которыми чинами оному вновь полагаемому для вашего преосвященства каменному дому план и смета учинены, подписаны и мною свидетелствованы, которых я, рассматривая и свидетелствуя, нашел исправны и при сем вашему преосвященству для представления об оном куда надлежит приобщаю. А как место, на котором стоит нынешней дом, имеется внутри города, окружено рыношными деревянными лавками, притом весьма тесное, так что покой и службы дворовые состоят в немалой тесноте, да и перед самыми архиерейскими покоями старинное кладбище, где погребались мертвые. // Имеется же по край обывательских домов близ архиерейского монастыря пространством довольно, принадлежащее дому архиерейского место, то на оном архиерейском доме, по моему мнению, быть пристойнее, где оной со всеми принадлежностями построен быть может без утеснения и сверх удовольствия вашего преосвященства может делать и немалую красу городу, что донесли и прося вашего преосвященства архиепископского благословения с истинным почтением и преданностию есмь и навсегда пребуду вашего преосвященства милостиваго господина и архипастыря. У подлинного подписано тако: Егор Головцын.

Архангелск, октября 2-го дня 1775 года.

С подлинным письмом читал подканцелярист Василей Буканов. //

л. 3 об.

Смета

для построения каменного дому на погребях со сводами длиною на 18, шириною на 8, вышиною на 4 1/2 сажнях, сколько потребно каких материалов и за работу, значит ниже

л. 4

Звание материалов	щет	пуды	фунты	ценою				
				каждое		итого за все		
				руб.	коп.	руб.	коп.	
Плитнику на фундамент, кубических сажень	150	...	...	за сажень 5	...	750	...	
Извести	...	133 263	...	...	за пуд 1	1332	63	
Кирпичю ардинарного	888 424	...	...	тысяча 3	...	2665	27	
Песку, кубических сажень	30	...	...	сажень 2	...	60	...	
Железа полоснаго на связи для стен	...	1550	}	...	94 1/4	1619	21	
Засовов железных в концы связей	120	90						
Железа тонкого полоснаго на скобы и связи между окнами	...	78						
Бревен сосновых для битья свай под фундамент и на стропила	длинною { 3 4 5 6 сажен	650 500 480 100	...	...	за сто 17	...	294	10
Черепицы	75 368	...	...	за тысячу 4	...	301	48	
Досок сосновых на пол толщиною 3-х дюймов	длинною { 3 4 5 сажен	80 50 80	...	...	за сто 24 27 31	...	19 13 25	20 50 20

Звание материалов	щет	пуды	фунты	ценою			
				каждое		итого за все	
				руб.	коп.	руб.	коп.
Гвоздей железных кровельных для кружал и для полубки под своды и к прибиванию решетин к стропилам							
в $\left\{ \begin{array}{l} 4 \\ 5 \\ 7 \\ 9 \end{array} \right.$ дюйм	...	4	35	2	6	21	37
	...	5	20				
	...	7	30	1	40	17	43
	...	4	28				
Досок сосновых на вымосты и на кружала для сводов толщиной в 2 дюйма							
длиною $\left\{ \begin{array}{l} 3 \\ 4 \\ 5 \end{array} \right.$ сажен	200 380 420	...	...	за сто 18	...	180	...
Стекол немецких, болшей руки ящиков	5 1/2	...	...	за каждой 15	...	82	50
Петел дверных с крюки, пар Тож ставенных к окнам с крюки, пар	36 68	...	...	...	за каждую 24	24	96
Для рытья земли под фундамент того строения длиною на 18, шириною на 8 сажнях 9 стен глубиною на 3 1/2 фута под фундамент, сваи, работных людей 50 человек на 2 месяца, полагая каждому по 20 коп. на день	...	...	...	...	...	600	...
Для столбов к вымостам с вонную и внутреннюю сторону сляг	1000	...	...	...	каждая 5	50	...
Для вышеписанного строения каменщиков на 4 месяца 20 человек, каждому полагая по 35 коп. на день	...	...	...	...	...	840	...
К делу 13 печей, каждую полагая 3 дверцами и с вьюшками	1000	...	...	40	...	520	...
За плотничью работу над строением крышки и полов работным людям 20 человекам, каждому полагая по 35 коп. на день на один месяц	...	...	...	...	...	210	...
За покрывание кровли черепицей работным людям 20 человекам на 28 дней, каждому полагая по 35 коп. на день	...	...	...	...	...	196	... //
С погреба к 32-м окнам железа полоснаго на решетки, полагая и с работою	...	...	...	...	...	115	84

л. 4 об.

л. 5

Звание материалов	щет	пуды	фунты	ценою			
				каждое		итого за все	
				руб.	коп.	руб.	коп.
Для убору внутре вышепи- саннаго дому столярством, а имянно: за шеснатцать дверей на панели на 10 покоев в 80 саженях, за каждую полагаю по 1 руб. по 50 коп.	...	...	...	за каждую 2	50	40	...
	...	...	...	...	...	120	...
За 32 окна с коробами, и с переплетами, и со ставнями, а к переплетам и с петлями, всякое окно по три рубли	...	...	...	...	...	96	...
За щекоторство внутре и вне покоев, полагаю оное за материалы и за работу ра- ботным людям, а имянно: алебастру	...	20 000	...	...	за пуд 2	400	...
проволоки средней руки	...	15	за пуд 10	...	...	150	...
гвоздей железных 3 дюйма	...	36	...	2	6	74	16
за работу работным людям 16 человекам на 4 месяца, каждому полагаю по 35 коп. на день	...	...	...	...	...	672	...
За теску на вонную сторону белаго камня 10 человекам на 1 месяц, каждому по- ла(га) по тритцати по пяти копеек на день	...	...	...	...	...	105	...
Итого	...	...	...	...	...	11 595	85

//

Смета

для строения двух флигелей длиною каждая на 15 саж., тако ж конюшням и коретному сараю на 9 саже-
нях, шириною каждой по три сажени, вышиною 7 аршин, сколко потребно каких материалов и за работу,
значит ниже

л. 6

Звание материалов	щет	пуды	фунты	ценою			
				каждое		итого за все	
				руб.	коп.	руб.	коп.
Плитнику на фундамент, кубических сажен	78	...	...	5	...	390	...
Извести	...	13 336	...	...	за пуд 1	133	36
Кирпичю ардинарного	111 556	...	...	тысяча 3	...	1340	68
Железа полоснаго на связи для стен	...	520	}	...	94 1/4	631	52 1/4
Засовов железных в концы связей	40	50					
Тонкаго железа полоснаго между окон на скобу и связи	...	100					
Песку, кубических сажен	28	...	...	за сажень 2	...	56	...

Звание материалов	шет	пуды	фунты	ценою			
				каждое		итого за все	
				руб.	коп.	руб.	коп.
Бревен сосновых на стропила и на фундамент длинною $\left\{ \begin{array}{l} 3 \\ 4 \\ 5 \end{array} \right.$ сажен	$\left. \begin{array}{l} 30 \\ 50 \\ 88 \end{array} \right\}$	...	...	за сто 7	...	28	54
Досок на полы и потолки толщиною 3-х дюймов, длиною 3-х сажен	458	...	...	за сто 24	...	110	41
Черепицы	529 965	...	...	4	...	2119	86
Гвоздей железных кровельных для вымостов к прибыванию решетин и полов в $\left\{ \begin{array}{l} 4 \\ 5 \\ 7 \\ 9 \end{array} \right.$ дюйм	...	$\left. \begin{array}{l} 5 \\ 6 \\ 8 \\ 2 \end{array} \right\}$	...	2 1	6 40	22 14	66 ...
Досок сосновых на вымосты и на кружала для сводов, толщиною в 2 дюйма длинною $\left\{ \begin{array}{l} 3 \\ 4 \end{array} \right.$ сажени	$\left. \begin{array}{l} 80 \\ 100 \end{array} \right\}$	...	...	за сто 18	...	32	40 //
Стекол немецких, болшей руки ящиков	2 1/2	...	...	за каждой 15	...	37	50
Петель дверных с крюки Тож ставенных к окнам с крюки пар	$\left. \begin{array}{l} 36 \\ 32 \end{array} \right\}$	...	...	...	за каждой 24	16	32
Для рытья земли под фундаменты к двум каменным флигелям потребно работных людей 30 человек на 25 дней, каждому полагая по 20 коп. на день, которыми и нарубка под фундамент зделано быть имеет	...	...	...	...	...	150	...
Для постановления к вымостам столбов с вонную и внутреннюю сторону сляг	500	...	...	...	за каждой 5	25	...
Для вышеписанных строений требуется каменщиков 25 человек, каждому полагая по 35 коп. на день на 3 месяца	...	...	...	...	...	787	50
К делу 9 печей, каждую полагая	...	...	...	12	...	108	...
За плотничью работу над строением крышек и полов, за работу требуетца работным людям 20 человекам каждому по 35 коп. на 30 дней	...	...	...	...	...	210	...

л. 6 об.

Звание материалов	шет	пуды	фунты	ценою			
				каждое		итого за все	
				руб.	коп.	руб.	коп.
Для покрывания кровли черепицей за работу работным людям 16 человекам на 21 день каждому по 35 коп. на день	...	...	...	...	...	120	50
Для шекуторства вышепи- санным флигелям внутри и вне оных потребно алебастру	...	14 000	...	...	за пуд 2	280	...
Проволоки средней руки	...	10	...	за пуд 10	...	100	...
Гвоздей железных в 3 дюйма	...	25	...	2	6	51	60
За работу работным людям 16 человекам на 2 месяца, каждому полагая по 35 коп. на день	...	...	...	...	...	336	... //
За теску на вонную сторону белаго камня 10 человеками на 1 месяц, каждому пола- гая по 35 коп. на день	...	...	...	...	...	105	...
В вышеписанные ж покои потребно к 28 окнам за ко- робки, рамы и ставни, пола- гая за каждое окно по 3 руб.	...	...	...	...	...	84	...
Итого	...	...	...	...	...	7290	85
Естьли оное строение зде- лать деревянное, то на ма- териалы и за работу по- требно	...	...	...	...	...	2674	...

л. 7

У подлинной сметы подписано тако:
Инженер подпоруччик Иван Крутов.
Машинной подмастерья Яков Алуев.
Губернатор Егор Головцын.

С подлинными сметами читал подканцелярист Василей Буканов.
РГИА, ф. 796, оп. 56, д. 495

Немецкая слобода, Сальный берег и новый посад на Бору. XVII—XVIII вв.

В истории формирования населения и территории посадов Холмогор и, в большей мере, Архангельска иноземцы ("немцы") занимали особое место. Однако вопрос о месте "немецких" дворов в структуре этих поселений на основании письменных документов пока мало разработан, поэтому в данной работе мы попытаемся высказаться лишь по некоторым аспектам данной проблемы.

Последние писцовые книги Двинской земли были составлены в 1622—1624 гг. Мироном Андреевичем Вельяминовым и подьячими Боженем Степановым и Антоном Подольским²⁵⁸. Являясь основой системы

поземельного обложения, эти книги — ценнейший источник по истории посадов, т. к. содержат описания городских укреплений, дворов, улиц, лавок. В 1646—1648 гг. поземельное обложение заменяется подворным, составляются книги, являвшиеся, по существу, подворной переписью и получившие название переписных книг. Такие переписи были произведены в 1646—1647 гг. Иваном Ивановичем Философовым и подьячим Кузьмой Патрикеевым²⁵⁹, а в 1678 г. Афанасием Денисовичем Фонвизиним и подьячим Федором Замятниным²⁶⁰. Переписные книги, как и писцовые, содержат описания дворов, имена и фамилии их владельцев. Безусловно, подобные документы являются ценнейшими источниками для персонифицированного изучения посадского населения²⁶¹. Приведем эти краткие данные.

Сведения Писцовых книг 1622—1624 г. (л. 33 об. — 37) по Архангельску:

Государев двор гостин Немецкой, и на нем живут дворники Поспелко Алексеев сын Барандыков да Онофрейко Федоров сын Оралов. А на дворе государевых верхних и нижних восемьдесят шесть анбаров, а собирают с них оброк в карабелную пристань таможенные головы. На том же дворе анбары немецких заморских гостей и торговых немец свойственные и дошанные анбары:

анбар большой Голанские земли немчина Карпа Иванова сына Демулина,

анбар большой немчина Ондрейка Володимирова.

Тесовые анбары:

два анбара голансково гостя Карпа ж Демулина,

анбар голанца Ивана Данилова,

анбар голанца Петра Петрова,

анбар анбурца Левонтия Петрова,

анбар голанца Петра Корнилова Дитка,

анбар анбурца Елисея Корнилова,

анбар голанца Левонтия Аврамова,

анбар голанца Христо Аврамова,

анбар голанца Кратма Корнилова Бинскупа,

анбар анбурца Ефима Конова,

анбар голанца Осина Емвы,

анбар голанца Исака Яковлева,

анбар голанца Еремья Кашпилова,

анбар голанца Паромея Ондреова,

анбар голанца Остра Ондреянова,

анбар голанца Олфера Иванова,

анбар голанцев Ондрея да Ивана Дыркузев,

анбар голанца Ивана Ортемьева,

два анбара голанца Левонтия Лаврентьева,

анбар голанца Семена Семенова,

два анбара голанца Андрея Степанова Канфербея,

анбар голанцев Олфера Олферова да Ондрея Гран,

анбар голанца Ондреяна Ондреянова,

анбар голанца Костентина Корнилова.

На посаде ж дворы немецкие:

двор и анбары голансково гостя Ярла Клинка, а в нем живет дворник Демидко Сидоров сын, а на дворе четыре анбара да два сарая, а оброку с того двора и с анбаров собирают в карабелную пристань таможенные ж головы;

двор английских гостей, а в нем живет дворник Павлик Офонасьев сын, корелянин, на том же дворе тринадцать анбаров да сарай;

двор английской же предилной шеемной, а в нем живет дворник Олешка Иванов сын Патрекеев;

двор Голанские земли немчина Ондреяна Володимирова, а в нем живет дворник Олешка Гаврилов сын Епифанов, а на дворе анбар большой да анбар тесовой, оброку восемь алтын два денги;

двор московского немчина Ивана Елизарова, а на дворе анбар тесовой да сарай, оброку шестнадцать алтын четыре денги;

двор московского ж немчина Матвея Яперова, а на дворе анбар;

двор Голанские земли немчина Хабияна Хабиянова.

Сведения Переписной книги 1646—1649 г. (л. 26 об., 27) по Архангельскому посаду более скромны:

Двор немчина Галанской земли Марка Маркова сына Климкина, а в нем дворник Сенька Васильев, у него племянник Данилко Кузьмин десяти лет;

двор английских немец, а на нем дворник Васька Семенов сын Ключкин з братом Ваською ж, у Васьки два сына — Ивашко пяти лет да Пронька четырех лет;

двор пуст немчина Филимона Филимонова;

двор немчина Томаса Романова сына Свана, а на нем дворник Максимко Данилов;

двор немчина Якова Антонова, а на нем дворник Онофрейко Спиридонов, у него ж живет подсоседник Семена Антонов;

двор немчина Елисея Бурмана, дворника на нем нет;

двор немчина Еремья Фенсела да Обрама Села, на нем дворник Олешка Антонов, у него сын Мокейко;

двор прядиленной Англинской земли, на нем дворник Мокейко Осипов.

Переписная книга Архангельска 1676 г. впервые дает раздельное (в двух частях Архангельского поселения) описание иноземных дворов (л. 31—32): "...у Архангельского города на посаде дворы посадских людей

(далее среди русских посадских людей — лишь один иноземный двор): двор иноземца Елизарья Радионова, а в нем дворник посацкой человек Алимнейко Васильев". А далее идет описание:

У Архангельского города дворы иноземцев:

двор иноземца Андрея Бутмана, в нем дворник Алешка, тойнокур;

двор иноземки вдовы Мары Володимировской жены Иванова;

двор иноземки Ани Андреевской жены Николаева;

двор иноземца Родиона Онаньина;

двор иноземца Якова Романова, в нем работник Филька Марков сын, низовец;

двор иноземца Елизарья Романова;

двор иноземца Якова Иванова сына Анкина;

двор иноземца Данила Артмана, в нем дворник Васька Дебрягин, у него два сына — Матюшка, Коземка;

двор иноземца Андрея Буша;

двор иноземца Аврама Кларюжа;

двор иноземки вдовы Варвары Андреевской жены Грунихи;

двор иноземца Романа Никулаева, а в нем дворник Левка Пантелеев Безбородьевых;

двор иноземца Адольфа Алфеева, а в нем дворник Уемской волости Емелька Макарьев сын Голянищев;

двор иноземца Григорья Григорьева сына Фальдебелка, в нем дворник Алешка Иванов сын Кривошокин;

двор иноземца Ивана Адольфова, а в нем дворник Зотка Ларионов, у него сын Петрушка;

двор иноземца Елизарья Эйдера, в нем дворник Петрушка Мануйлов, у него два сына — Митька, Андришка пяти лет;

двор иноземца Вахромея Иванова сына Балдаклока, в нем дворник Мартемьянко Савин;

двор немецкой, пасторов, а в нем дворник Андришка Антонов;

двор иноземца Ивана Иванова сына Эльмана;

двор иноземца Андрея Динанта, в нем дворник Алешка Иванов сын Шестов;

двор иноземца Логина Микулова, в нем дворник Тимошка Вахрамеев сын, низовец, да работник Гришка Калинин;

двор иноземца Ивана Логинова, в нем дворник Исачко Максимов, у него брат Афонька;

двор иноземца Ивана Петрова, а в нем дворник Исачко Васильев, у него сын Аврамко;

двор иноземца Ивана Петрова Твита.

И всего иноземских дватцать четыре двора, в них четырнадцать человек дворников, у них детей и братья осем человек. И перед прежними переписными книгами прибыло шестнадцать дворов.

До основания Архангельска иностранные купцы имели свои дворы и амбары на берегах в самом устье Северной Двины. В литературе, прежде всего во многих краеведческих изданиях, прочно утвердилась точка зрения о том, что англичане традиционно останавливались в Никольском устье у стен Николо-Корельского монастыря, а голландцы имели свои дворы в Пудожемском устье. Предположение о таких локальных "национальных" торговых центрах в устье Северной Двины, на наш взгляд, письменными документами все же пока не подтверждается. Например, в 1586 г., когда встал вопрос о переносе иноземных торговых дворов из двинского устья в Архангельск, царь по грамоте, данной англичанам, "пожаловал их, двора их с морского пристанища с Пудожемского устья к новому Архангельскому городу, к морскому пристанищу, переносить не велели, а приставать им с своими товарами по-прежнему на тот их двор, и товары свои из кораблей им выкладывать, и русскими товарами нагружать корабли под тем своим двором"²⁶². Думается, что все эти льготы в известной мере были вынужденными: торговый комплекс на Пур-наволоке, первоначально поставленный с верхней по течению Двины стороны от Архангельского города, был не готов еще в 1585 г., ибо в этот год плотники и посошные люди "у города гостиные дворы и анбары ставят"²⁶³. Однако имеются сведения о том, что в апреле 1587 г. шли ра-

боты по переносу торгового комплекса на нижнюю сторону от крепости — "государевы гостиные два двора, Руской да Немецкой, переставлявати на нижний конец города и важню" ²⁶⁴. В 1667 г., когда сгорели Русский и Немецкий гостиные дворы, до постройки нового казенного торгового центра были возведены "немецкие анбары", которые в 1669 г. также сгорели. Любопытно, что архангельские посадские люди вскоре жаловались царю, что иноземцы после пожара поставили свои дворы на месте сгоревших гостиных дворов и частично "своими выставочными домами на наши тяглые места, чем заперли нашу искони мирскую дорогу, нет ни нам, ни скотам нашим ходу, а прохожий мост они разломали и разбросали" (было возведено 18 иноземных дворов) ²⁶⁵.

Возвращаясь к данным писцовых и переписных книг Архангельска 1622—1624 гг., отметим значительное число иноземных дворов "на посаде", т. е. дворов, владельцы-иноземцы которых платили посадские подати. В Переписной книге 1678 г. "на посаде" стоит только один иноземный двор, а остальные 24 двора стоят в месте, которое писец определил как "у Архангельского города", как бы в одном определенном месте. Характерно, что в XVII в. ни один русский документ не называет термин "немецкая слобода" у Архангельского города, ибо "слобода" — это не только точно фиксируемое место, это еще и определенный участок земли, на котором стоят освобожденные от податей дворы (слободы были крестьянские, промысловые, стрелецкие, ямские и др.).

У Архангельского города в иноземных дворах наряду с жилыми и хозяйственными постройками было немало амбаров для хранения товаров, а у некоторых упомянуты и собственные корабельные пристани-мосты". Так в 1615 г. нидерландец Еремей Иванов (Фан дер Гус) бил царю челом о разрешении ему "у Архангельского города жити в старом его дворе, а мост держати против его, Еремеева, двора по прежнему, по чему товар из судов катати" ²⁶⁶. Только один раз в Писцовой книге 1622—1624 гг. Глинского Холмогорского посада определено сказано: "на Глинском посаде дворы немецкие белые..." (л. 65 об.). В 1649—1650 гг. был составлен очень любопытный документ ("Строельная книга Архангельского и холмогорских посадов..." ²⁶⁷), связанный с урегулированием податей. Документ содержит перечень иноземных дворов в Архангельске:

У Архангельсково ж городи дворы немецкие:

двор галанских гостей Брег Клинка, а в нем живет дворник низовец Евтихейко Тихонов. И дворнику Евтихейку с посацкими людьми тягло платить и службы служить, потому что, по скаске посацких людей, иных немецких дворов дворники с ними, посацкими людьми, тягла платят же;

двор, анбар английских гостей, а в нем дворник посацкой тяглой человек Шестачко Семенов. И дворнику Шестачку с посацкими людьми тягло платить и службы служить по прежнему, по тому что, по скаске посацких людей, он, Шестачко, с ними, посацкими людьми, и наперед сего тягло платил же;

двор другой аглинской же прядиленной шеемной и сарай, и в нем дворник посацкой человек Первушка Мокеев... (далее аналогичный текст);

двор галанца Еремея Андреевй Фенсола, и в нем дворник посацкой человек Алешка Антонов Горев... (далее аналогичный текст);

двор галанца Елисея Иванова Бурмана, и, по скаске посацких людей, в том дворе дворника нет, и жил в том дворе в ярмонку иноземец Иван Тимофеев Копыш;

двор галанца Ондраянко Володимирова, и владеет им галанец же Онтон Яковлев, и в нем дворник посацкой человек Онуфрейко Спиридонов... (далее аналогичный текст);

двор галанца Томаса Романова Свана, а в нем дворник Федька Иванов Малого... (далее аналогичный текст);

двор московского немчина Ивана Елизарова, а владеет им иноземец Галанской земли Петр Володимеров, а в нем дворника нет (л. 44 об. — 46 об.).

Приведенные нами документы позволяют считать, что регламентированная, особая "немецкая слобода" как структурная единица в составе Архангельского посада в конце XVI и на протяжении почти всей первой половины XVII в. в Архангельске еще не была оформлена территориально, а среди иноземных дворов были как нетяглые, "белые" дворы иностранцев, так и тяглые иноземные дворы, хозяева которых свои подворья купили у местных жителей (или получили их в уплату за невозвращенную ссуду). Поскольку эти посадские дворы были тяглые, то и купленные "немцами" дворы автоматически становились также тяглыми.

Несомненно, поиски письменных документов, связанных с деятельностью голландских торговых людей, дипломатов, предпринимателей (а именно они составляют большую часть "иноземного корпуса"), позволят выявить новые данные в истории контактов Российского государства и Нидерландов, тем более что часть "тех" голландцев осела впоследствии в России и стала частью ее населения. Пока что мы лишь отметим те факты, которые как бы лежат "на виду".

В первые годы XVIII в. более активно формируется нижняя часть Архангельского посада — именно в этой части и располагались иностранные дворы. В Строельной книге 1649—1650 гг. этот район описан так: "Да подле Двину реку по пригору от церкви Успения Пресвятой Богородицы обруб, истари была выгонная земля скотиной. На то лесное место и речками, и луг по горе Кузнешыху, и в Боры, и подле Черную Курью" ²⁶⁸. Местные топонимы — "Жабинский волок", "Борок" или "Борки", "Сальный берег" в этой части поселения также утратились. Дольше всех держался топоним, связанный с производственной деятельностью жителей этой части Архангельска, — Сальный берег. Со середины XVII в. это место выглядело весьма своеобразно, т. к. рядом с жилыми постройками на дворах находились и сальные ямы. От гостиных дворов (точнее — от северного фасада Немецкого гостиного двора) и до Сального берега включительно территория Нижнего посада была застроена не только русскими дворами, здесь же селились и "немцы". Стоявшая недалеко от Успенской церкви другая церковь — во имя Воздвиженья Честного Креста в начале 70-х годов оказалась "среди немец" и была продана за 60 рублей успенскому священнику, который из церковного леса прирубил к Успенскому храму новый придел во имя Воздвиженья ²⁶⁹.

Нами уже была опубликована группа любопытных документов начала XVIII столетия, состоящая преимущественно из челобитных, списков с купчих на дворные места в пустые "болотенные места" в Архангельске ²⁷⁰. Опубликованная подборка документов о голландцах представляет собой лишь часть довольно объемного сборника документов, значительная часть которых связана с формированием так называемой Немецкой слободы. Правда, для первого десятилетия XVIII столетия этот топоним представляется уже более "законным", чем для предшествующего периода. В публикуемых нами документах упомянуты места расположения дворов и дворовых мест. Первая группа: "...у Архангельского города по нижнюю сторону от

гостиного каменного Немецкого двора...” (1698 г., л. 5, 6 об.), “...у Архангельского города по нижнюю сторону каменного Немецкого гостина двора за рвом...” (1691 г., л. 100), “...на тяглой земле на Сальном берегу...” (1695 г., л. 310), “...у Архангельского города на Бору...” (1695 г., л. 36). Термин “Немецкая слобода” встречается и в документе 1694 г., помеченном октябрём: “...у Архангельского города в Немецкой слободе...” (1694 г., л. 16, 16 об.). Относить употребление топонима “Немецкая слобода” к 1694 г. нет основания, потому что он употреблен в списке с купчей, в которой есть места пересказанные (т. е. весь документ не переписан “слово в слово”). По второй группе документов, относящихся к началу XVIII в., топоним “Немецкая слобода” употребляется уже довольно часто: “...у Архангельского города против Немецкой слободы на мху...” (1706 г., л. 20 об.), “...у города Архангельского в Немецкой слободе” (1711 г., л. 13 об. и др.), хотя встречаются по-прежнему и другие топонимы: “...у Архангельского города на Бору...” (1710 г., л. 34), “...у Архангельского города на Бору в новопоставленной посадской слободе...” (1711 г., л. 70), “...у города Архангельского двор на Сальном берегу...” (1711 г., л. 36). Любопытны сведения двух купчих 1711 г.: “...у города Архангельского на Сальном берегу” иноземец приобрел двор в добавок к двум, которые он еще в 1702 г. купил тоже на Сальном берегу (л. 175), и следующий документ: “Галанской земли торговый иноземец Аврам Николаев сын Тембузин сказал: в прошлых годах куплены у меня три дворовых места, два в Немецкой слободе, а третье на Сальном берегу” (л. 175). Таким образом, можно определенно говорить, что собственно Немецкая слобода, которая, несомненно, сформировалась к рубежу XVII—XVIII вв., занимала лишь часть

большой территории, простирающейся от северного фаса Немецкого гостиного двора до Успенской Боровской церкви. Как видно из прилагаемых документов, в начале XVIII в. иноземные дворы уже распространяются “позади” самой Немецкой слободы, а также появляются и в самой нижней по течению Северной Двины части Архангелогородского посада — на Сальном берегу и на Бору, т. е. осваиваются участки, довольно далеко расположенные от берега реки. Например, в 1696 г. “Галанской земли иноземец торговой Николай Иванов сын Ромсвинкель” купил у своего соотечественника Андрея Бодышки “позади Немецкой слободы по нижнюю сторону гостина каменного Немецкого двора двор свой”, который, как оказалось, уже был довольно плотно окружен другими иноземными дворами — “с речную сторону от двора иноземца анбурца Павла Пеля... с нижнюю сторону двор Галанской земли торгового иноземца Ивана Ферколена” (л. 5—6). Далее тот же Ромсвинкель бил челом о пустом месте — “болотистое место, растёт лес”, но рядом с тем местом “в межах” уже были “двор и заплоты иноземца Исака Киниуса” (л. 7). Нет никаких сомнений, что дворы иноземцев у стен Архангельского города — это не просто временные пристанища на сезон “корабельного торжища” и для хранения товаров. В этих дворах жили семьи (в документах упомянуты жены, братья, племянники), что свидетельствует об определенном поселенческом характере этой части русского города.

Публикуемые документы представляют значительный интерес для исследования северного городского домостроительства и содержат весьма важные детали²⁷¹.

Это большой, самостоятельный вопрос, он требует отдельного и более детального рассмотрения, пока что мы отметим лишь некоторые общие моменты. Во-первых, планировка и общий вид иноземного двора в Архангельске лишь в некоторых чертах определялись древнерусскими домостроительными традициями. Пространственное расположение дворового комплекса диктовалось прежде всего конфигурациями и расположением дворовых участков (к концу XVII в. на Архангелогородском посаде уже четко формируется система улиц и переулков не только в первоначальных частях поселения, но и в “нововыставочных”), определенным соотношением поперечной части и длинника к улице или проезжей дороге. Безусловно, имелись значительные различия между размерами рядовых участков посадских жителей и иноземными дворищами — иностранцы могли себе позволить иметь очень большие по площади дворы, например ширину участка 34 сажени, длинник 53 и 80 саженей (л. 6); при ширине “по лицу по проезжей улице” 42 сажени длинник 71 сажень (л. 13); при ширине 50 саженей длинник 100 саженей (л. 14а); при ширине участка 50 саженей длинник 200 саженей — т. е. площадь двора более 4000 м²! Такие участки “формировались” путем покупки соседних дворов или прикупки к двору соседней “пустой” земли. Рядовые посадские дворы имели более скромные площади: 7 саженей на 10 саженей (л. 9, 10 об.); 6 саженей на 15 саженей (л. 30) и соответствующее количество построек (“изба на подполье, сени на подсенье, в сенях два чулана, баня, хлев, амбар с воротами, сарай” (л. 30)). Значительная площадь иноземного двора объясняется и тем, что в нижней по течению реки части Архангельского поселения были еще значительные пустые участки, примыкавшие непосредственно к береговой застройке.

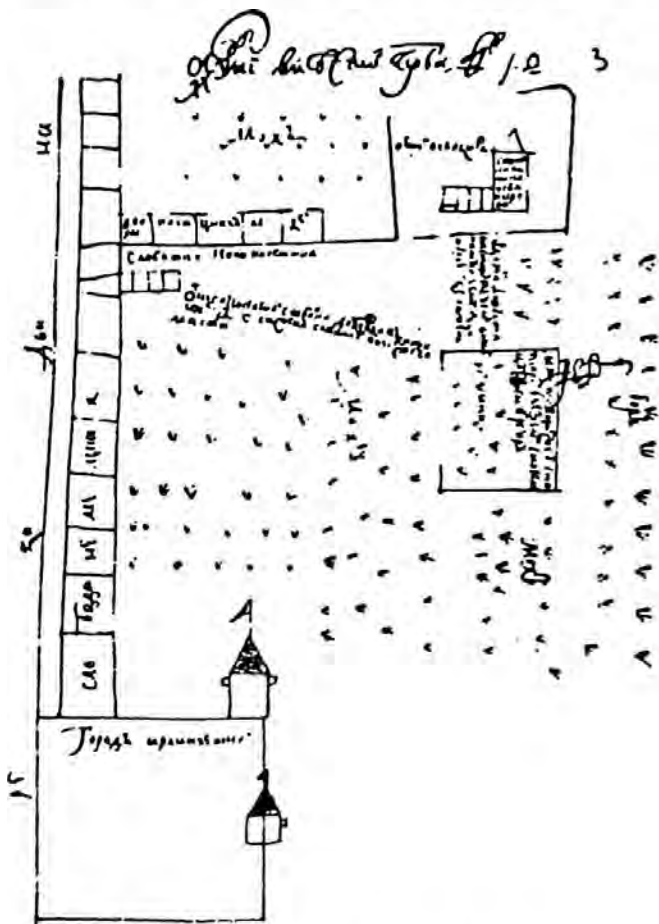

Рис. 93. Комплекс Гостиных дворов. Немецкая слобода и посад на Бору. Рисунок 1711 г.

Во-вторых, набор построек двора, где хозяин — иностранец, отличается от приведенного выше описания рядового посадского дворового комплекса. Описания иноземных дворов есть в приведенных документах, поэтому обратим внимание лишь на два таких комплекса. В 1711 г. голландец Иван Ферколин купил дворовое место: "...мерю того места поперег на лицо по проезжей улице сорок две сажени, в длину сто семьдесят одна сажень, позади поперег тридцать две сажени. Хоромного строения на том месте шесть горниц, изба поваренная, приворотная изба, четыре анбара, баня, два погреба" (л. 13). В 1711 г. голландец Исак Михайлов сын Киниус имел двор "поперег по лицу тридцать сажень, в длину сто сорок две сажени, позади поперег сорок одна сажень, хоромного строения восемь горниц, поваренная изба, приворотная изба, пивоварня, три анбара, баня" (л. 19). Вот это обилие горниц, т. е. приемных гостиных комнат и привычных для европейца комнат для жилья, отличает иноземные жилищно-хозяйственные комплексы от рядовых посадских, в то же время сближая их в некоторой степени с жилищем наиболее привилегированной части русского города, но рангом не ниже воеводского двора. Еще, пожалуй, такая деталь, как очень часто встречающаяся в иноземных дворовых комплексах пивоварня, характеризует быт голландцев (вероятно, и других иноземцев) в русском городе. К сожалению, в настоящее время мы не располагаем письменными документами с описанием интерьера голландского дома в Архангельске XVII—XVIII вв., но имеется описание хором датчанина Петра Ферса, которые были в 1734 г. проданы за недоимку²⁷².

Двор датчанина стоял около Каменного города, между другими иноземными дворами. В первой горнице, теплой, было 8 окон с подъемными стеклянными окончинами, досками отгорожено место для чулана (здесь стоял "шкап канторный ореховой с немецкими письмами", сундук деревянный, "в нем письма немецкие печатные и письменные"), 7 картин "немецких разных в рамах", 11 стульев английских, "плетеных соломой", 9 стульев английских кожаных, "простых", 5 стульев кожаных, "простых", 4 стола круглых, "ветхих под краскою", а также разная посуда. По всей вероятности, эта горница выполняла функции гостиной. Рядом находилась вторая горница, в ней было три окна (около этой горницы находилась поварня). На дворе стояла "горница кладовая", рядом с ней кладовой чулан. В составе хором "с приходу в сени на левую руку горница холодная", "в ней было четыре окна со стеклянными окончинами", и она, по-видимому, служила спальней. В сенях также были окна со стеклянными окончинами. Кроме этих построек имелись две приворотные избы и сарай.

Несомненно, существование в структуре северорусского городского центра своеобразного западноевропейского микромира в лице Немецкой слободы и вообще иностранного поселенческого элемента, временная длительность контактов с этим микромиром — все это ставит перед исследователями интереснейшие проблемы изучения на данном материале взаимовлияний в XVI—XVIII вв. северорусской культуры с культурным миром Западной Европы.

Публикуемые документы, на наш взгляд, интересны прежде всего как источник для изучения формирования иностранной поселенческой структуры в составе русского города (Немецкая слобода и иностранные

дворы в составе оброчного посада) и для выявления наиболее полного списка имен иностранной колонии в Архангельске в первые два столетия его существования. Безусловно, сведения писцовых и переписных книг, которые мы привели, существенно дополняются публикуемыми нами челобитными и купчими. Однако использование данных русских письменных источников затруднено тем, что они содержат, естественно, русскую транскрипцию иностранных имен, что затрудняет их сравнение со сведениями иностранных источников. Можно согласиться с тем, что необходим словарь-аналог, в который будут включены имена голландских купцов в оригинальном написании и их имена в русской транскрипции из русских письменных документов²⁷³, но сравнивать сведения русских и иностранных источников можно только после анализа русских письменных документов. Публикуемые нами материалы любопытны еще и тем, что некоторые из них содержат подпись-автограф на родном для иностранца языке, причем и подписи иноземцев на документах тоже требуют серьезного рассмотрения, т. к. подписи одного и того же иноземца в русских документах имеют различия, хотя и небольшие. Для примера можно указать на автографы голландца Николая Ромсвинкеля. Их в письменных документах насчитывается шесть, но отличаются они друг от друга мелкими разночтениями.

Заканчивая наше краткое вступление к публикуемой группе документов (а мы осознаем, что основное внимание в них уделено голландцам), подведем некоторые итоги.

Во-первых, поселенческий аспект. Формирование Немецкой слободы в составе поселенческой структуры позднесредневекового Архангельска — это развитие одной из существенных и первоначальных частей этого центра, один из историко-экономических итогов жизни северного города в течение более чем столетия²⁷⁴. Напомним, что развитие города на Пур-наволоке имеет свою динамику и что вплоть до начала XIX в. территория между горой Кузнечихой и урочищем Бык насчитывала 1087 домов и представляла собой территорию Архангельска, т. е. "главную сего города часть" (Атлас 1797 г.), а Кузнечиха — "предместье города, заселенное вторым батальоном Архангелогородского гарнизона" (насчитывала в то время 429 домов), Соллобала — "второе предместье города с находящимся в нем Адмиралтейством" (насчитывала 716 домов). Поэтому для изучения микроструктуры Архангельского поселения очень важно знать, хотя бы приблизительно, общее количество иностранных дворов, в тот или иной период существовавших в городе. Это одна сторона поселенческого аспекта. Вторая сторона этого аспекта — постепенное изменение характера самой структуры — от первоначального, сезонного проживания иностранцев в Архангельске, в период навигации и ярмарок (в зимнее время в этих дворах жили русские "дворники"), к долговременному или к постоянному проживанию, часто с семьями. Это повлекло за собой не только расширение самих дворовых жилищно-хозяйственных комплексов, но и привело к обустройству этих помещений на "свой лад", увеличению в них не только складских, но и жилых помещений.

Второй аспект — культурологический процесс активного вторжения иных культур в русскую городскую культурную среду, постоянное взаимодействие и взаимовлияние этих культур во время производственно-экономических, бытовых контактов.

Януари 1711 г. Иван Иванович Ферколин
 (Иван Иванович Ферколин)
 Иван Иванович Ферколин

1

Иван Иванович Ферколин
 Иван Иванович Ферколин
 Иван Иванович Ферколин

2

Иван Иванович Ферколин
 Иван Иванович Ферколин

3

рука Данила Пеля

Рис. 94. Автографы: 1 — голландца Ивана Иванова сына Ферколина. 1711 г.; 2 — жителя Гамбурга Франца Гизла. 1711 г.; 3 — голландца Данила Пеля. 1708 г.

~~Генерал~~ по а. в. о. ~~Генерал~~ в. о. ~~Генерал~~
 Ромсвинкель
 Р. И. Николая Р. И.

Генерал Александр Иванович
 Ромсвинкель

Стефанович, Александр Стефанович
 Ромсвинкель

Александрович, Стефанович
 Ромсвинкель

Рис. 95. Варианты автографов голландца Николая Иванова сына Ромсвинкеля (1698—1711 гг.)

Наконец, третий аспект — личностный, человеческий, ибо носителями культуры и культурных традиций всегда являются конкретные люди. Таким образом, речь идет о реальных людях и их реальном вкладе в экономику и культуру поселения. Поэтому нам представляется очень важным выявление конкретных «иноземцев» из Голландии, Германии, Англии.

Несмотря на то, что в прилагаемых документах читатель найдет фамилии и имена «Галанской земли иноземцев», мы предлагаем список голландцев, владевших домами и проживавших в Архангельске в 1708—1714 гг., т. е. в период, к которому относятся документы, публикуемые в Приложении.

Голландцы:

1. Андрей Андреев сын Бодышка (л. 1, 2, 14, 15, 16, 18 об.).
2. Иван Иванов сын Ферколин (л. 13, 13 об., 14), вариант — Ферколен (л. 2 об., 6 об.).
3. Николай Иванов сын Ромсвинкель (л. 4), варианты — Микулай (л. 5, 6, 6 об., 7 об.), Рохсвинкель (л. 2 об.).
4. Андрей Иванов сын Гутман (л. 9), вариант — Гутман (л. 13 об.).
5. Исак Вилимов сын Ромелт (л. 16), в одном и том же документе встречены два варианта — Исак Рейнифилт и Ишак Ромелт (л. 16 об.).
6. Исак Михайлов сын Киниус (л. 19), варианты — Кинсюс (л. 19), Кеньюс (л. 20 об.).
7. Иван Михайлов сын Янблуд (л. 30), варианты — Блуд (л. 31), Облуд (л. 31 об.), Анблуд (л. 34).
8. Николай Петров сын Шхунеман (л. 35).
9. Иван Яковлев сын Косси (л. 71).
10. Аврам Николаев сын Тембоузен (л. 154 об., 176), варианты — Микулаев (л. 178 об.), Тембоузин (л. 175).
11. Сара Николаева дочь, жена Аврама Корса (л. 175), она же — сестра Аврама Николаева сына Тембоузена.
12. Корнило Иванов сын Сторм (л. 80), вариант — Корнил (л. 81).
13. Еремей Лагунов сын Шхунеман (л. 82), вариант — Шханеман (л. 83), в автографе — Герман Шхунеман.
14. Павел Елизарьев сын Избрант (л. 176).
15. Авдотья Балсырева дочь Избрантова (л. 165).
16. Елена Таблиева дочь Адамовская жена Петлина (л. 182), вариант — Олена Табеева дочь Путелига (л. 184 об.).
17. Табей Адамов сын Петлина (л. 182), вариант — Путелига.
18. Володимер Иевлев сын Эвоц (л. 182), дядя Табея.
19. Елизарий Елизарьев сын Блок (л. 182).
20. Михаил Всалимов сын Фетин (л. 183).
21. Андрей Андреев сын Элен (л. 183).
22. Катерина Матвеева дочь, жена Давыда Логинова (л. 36).
23. Иван Фанбасен (л. 2 об.).
24. Корнил Иевлев (л. 10 об.).
25. Иван Логинов сын (л. 16).
26. Денис Гоутевалов (л. 17 об.).
27. Андрюшка Бакир (л. 153).
28. Обрам Горгин (л. 153, 154).
29. Матвей Вахромеев (л. 178 об.).
30. Вдова Якопа Яковлева дочь (л. 71).
31. Иван Иванов (л. 49).

В представленном списке авторы попытались реконструировать на основе документов, где это было возможно, все три имени владельцев дворов (по списку № 1—22), остальные голландцы — владельцы дво-

ров по письменным документам — обозначены лишь двумя именами. Любопытно, что в русских написаниях иноземных имен и фамилий разночтений больше в фамилиях, чем в именах.

На протяжении XVIII в. территория Немецкой слободы постепенно расширялась не только за счет покупки иноземцами русских подворий, но и за счет освоения ими ранее пустовавших участков. Как это происходило, дает очень наглядную картину сохранившийся документ «Об отводе гамбурцу торговому иноземцу Реиру порожнего места и при том план, где оно место состоит, 1711-го году»:

1711-го. Вместо герба 4 денги.

Державнейший царь, государь милостивейший.

Лежит порожнее место подле кирпичных анбаров горожанина посацкого человека Осея Кирова в Борках, и то порожнее место иному никому не отдано. Всемилостивейший государь, прошу вашего величества, пожалуй меня, вели, государь, то порожнее место отдать мне по(д) двор, сколько ты, великий государь, укажешь, и на том месте построить двор и хоромное всяко строенье. Вашего величества нижайший раб анбурец торговой иноземец Ефрем Соломанов сын Рейр. 1711-го марта в 7 день.

Подпись.

1711-го году марта в 7 день.

По указу великого государя вышеписанное место осмотреть, измерить и учинить чертеж.

И по сей помете для досмотру и чертежу вышеписанного порожнего места ис Приказной палаты послан подьячий Сергей Волков. А по осмотру ево, Сергея Волкова, идучи из Немецкой слободы новопоселенной слоботкою и от той новопоселенной слоботки к кирпичным сараям посацкого человека Осея Кирова, и против тех сараев на правой стороне до холмков порожнее место, о котором бьет челом вышеписанной челобитчик иноземец Ефрем Реир, мерою, например, з 200 сажен с лишком, а от сарая Осея Кирова до холмков 25 сажен.

И о том порожнем месте учинен чертеж, каков в нем пишет. (Чертеж) А в вышеписанном прошении иноземца Ефрема Реира написано: порожнее де место подле кирпичных анбаров горожанина посацкого человека Осея Кирова в Борках, и то де порожнее место никому не отдано, и чтоб того порожнего места под (д)воровое и хоромное строение отдать ему, сколько великий государь укажет. А сколько сажен длиннику и поперешнику того порожнего места вышеписанному челобитчику под дворовое и хоромное строение отвести и что с того мест оброку платить будет, того в челобитной ево не написано. А у выписки челобитчик иноземец Ефрем Реир сказал: вышеписанного де порожнего места под дворовое, и хоромное, и огородное строение надобно ему, Ефрему, длиннику от сараев холмками пятьдесят шесть сажен ко мху, поперешнику в переднем конце против дороги и заднем от мху по сороку по четыре сажени. А с того де места он, Ефрем, в казну великого государя, в Приказную палату платить будет по полтине на год. И впредь для владения на то место ис Приказной палаты дать ему, Ефрему, даную. А по справке в Архангелогороцкой Приказной палате вышеписанное порожнее место под дворовое и ни под какое строение никому не отдано. И буде великий государь укажет вышеписанному челобитчику иноземцу Ефрему Реиру вышеписанного порожнего места под дворовое, и хоромное, огородное строение длиннику и поперешнику против ево челобитчиковой скаски отдать ис того оброку, по чему он, Еремей, в скаске своей написал, по полтине на год. И на то место ис Приказной палаты дать даную. И с того места на нынешней 1711 году доведетца взять оброку 16 алтын 4 денги. Да з даней пошлин 16 алтын 4 денги. Всего оброку и пошлин рубль.

Смотрил Михайло Волков.

Лета 1711-го марта в ... день. По указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, ближний столник князь Петр Андреевич (Голицын) из Архангелогороцкой Приказной палаты дал сию даную Анбурской земли торговому иноземцу Ефрему Соломанову сыну Реиру. Для того сего марта в 7 день великому государю бил челом иноземец Ефрем Рейр, а в челобитной ево написано: порожнее(е) де место подле кирпичных сараев горожанина посацкого человека Осея Кирова в Борках, и то де порожнее место никому не отдано, и чтоб того порожнего места под дворовое и хо(ро)мное строение отдать ему, сколько великий государь укажет, и по помете на той челобитной полковника Михайла Мат-

всевича Еропкина велено того порожнего места осмотреть, написать и учинить чертеж. А по осмотру подьячего Сергея Волкова, идучи из Немецкой слободы наново поселеную слоботкою, и от той новопоселенной слоботки к кирпичным сараям посацкого человека Осей Кирова, и против тех сараев на правой стороне до холмков порожнего места, о котором бьет челом вышеписанной челобитчик, мерою, например, з двести сажен с лишком, а от сараев дватцать пять сажен, и о том месте учинен чертеж. А сколько сажен длиннику и поперешнику того порожнего места под дворовое и хоромное строение отвести и что с того места оброку платить будет, того в челобитной ево не написано. А у выписки Ефрем Рейр сказал: вышеписанного де порожнего места дворовое, и хоромное, и ого(род)ное строение надобно ему, Ефрему, длиннику от сараев холмками пятьдесят шесть сажен, поперешнику в переднем конце против дороги и в заднем от мху по сороку по четыре сажени. А с того места он, Ефрем, в казну великого государя в Приказную полату платить будет по полтине на год. И впредь для владения на то место ис Приказной полаты дать ему, Ефрему, даную. Да к той скаске Ефрем руку приложил. А по справке в Архангелогородской Приказной полате, вышеписанное порожнее место под дворовое и не под какое строение никому не отдано и лежит порожжно. И марта в день по указу великого государя и по приказу ближнего столника Петра Андреевича Голицына ... дьяка Федора Зуева велено челобитчику торговому иноземцу Ефрему Рейру вышеписанного порожнего места под дворовое, хоромное и огородное строение отвести длиннику, умеря от дороги, что у сараев, дватцать пять сажен, пятьдесят шесть сажен поперешнику в переднем конце против кирпичных сараев ... и в заднем конце от мху по сороку по четыре сажени. А с того дворового места в казну великого государя в Архангелогородскую Приказную полату велено ему, Ефрему, оброку платить по шеснатцати алтын по четыре денги на год повсягодно сполна без доимки. И о том платеже велено у него, Ефрема, взять скаску с подкреплением и вперед для владения на то дворовое место ис Приказной полаты ему, Ефрему, дать даную.

И по указу великого государя челобитчику торговому иноземцу Ефрему Рейру вышеписанным дворовым и огородным местом владеть по сей даной, а с того места оброчные денги в Архангелогородскую Приказную полату платить по вся годы без доимки.

Такова даная дана за приписью дьяка Федора Зуева.
И с той даной пошлин полтина взята ²⁷⁵.

Особый интерес представляет то, что в составе документа имеется небольшой план той части Архангельского посада, о которой идет речь ²⁷⁶. Известен и упомянутый в челобитной Рейра посадский человек Осей Киров — в Переписной книге Архангельска 1710 г. записано: "Осип Афанасьев сын Киров 42 лет, у него жена Алена 35 лет, у него живет Степан Карпов сын..." ²⁷⁷

Очень важно, что на приложенном к документу плане обозначены основные параметры этой части Архангельска: каменные гостиные дворы (подписан только "Город Архангелской"), "слобода немецкая" и дворы посадских людей — "слоботка новопоселеная". Вдоль этих посадских дворов шла дорога от берега Двины в "мох", она заканчивалась у огорода и кирпичных сараев, принадлежавших Осипу Кирову. Интересно, что значительная часть территории от Немецкой слободы и Сального берега до обозначенного на плане Бора была незастроенной: здесь располагались знаменитые архангельские "мхи" — болотное место. Как мы видим на планах Архангельска второй половины XVIII столетия, уже значительная часть этой территории обозначена как "немецкие слободы". Можно полагать, что публикуемые документы, письменный и графический, отражают начальный этап такого обустройства архангельских "мхов". Создается впечатление, что по двинскому берегу очень четко проявлялись все части поселенческой структуры, а со стороны "мха" (т. е. с восточной стороны) они упирались в разросшийся посад. Поэтому большой интерес представляет еще один документ:

Челобитье Соломбальской верфи корабельного строения столяра Ивана Боранова с товарищи об отводе к постройке у Архангельского города на Бору пустаго места и при том план по предъявлению 1714 года.

Державнейший царь, государь милостивейший, в нынешнем государь, 713-м году по твоему великого государя указу взяты мы, нижайши, из солдат Гайдукского и Руского полков на Соломбальскую верфь к корабельному строению в столяры, в которой работы не имея, прибежища в постоялом, и в харчах, и в протчем возымели себе великую нужду. А есть, государь, у Архангельского города на Бору место за двором Ивана Звягина Меншого, и на том месте хоромного строения никакова нет, и лежит то место впусете, и никто тем местом не владеет.

Всемилоостивейший государь, просим Вашего величества, да повелит державство ваше для твоего государства столярного в художестве нашем дела, то пустое место отвести нам под хоромное строение ... длинника по десяти, а поперешника по шти сажен тросаршинных человеку дать нам впредь для владения из Архангелогородской канцелярии свой великого государя указ.

Вашего величества нижайшие рабы Соломбальской верфи корабельного строения маляр Иван Боранов да столяр Ефим Тряпицын с товарищи, одиннатцать человек. Генваря дня 5-го 1714-го года. Маляр Иван Боранов руку приложил, столяр Ефим Тряпицын и вместо товарищей по их велению и за себя руку приложил. И по сей помете для досмотру и чертежу вышеописанного порожнего места послан подьячей Иван Протопопов. А по досмотру его оно на Бору за двором горожанина Ивана Звягина от двора горожанина Ивана Жакова и по другую сторону никаково строения нет. И то место пустое и болотное, и на том месте никаково строения нет и не бывало, лежит впусете. И тому месту учинен чертеж ниже сего, длиннику по десяти, поперешника по шти сажен, меж ними проулки по сажени. А по сей мере и по чертежу соседи окольные горожане Иван Звягин, Иван Ясаков, Иван Фатеев, Михаила Иванов сказали: вышепоманутое место лежит впусете, и на том месте никакова строения нет, и не бывало, и никому не отдано. Вместо Ивана Фатеева и Михайла Иванова по их веленью Иван Егоров и за себя руку приложил.

Вместо Ивана Звягина по его веленью горожанин Гаврило Панфилов руку приложил. Имяна челобитчиком:

Маляр Иван Боранов
Столяры:

Ефим Тряпицын
Петр Евдовин
Трофим Карпов
Иван Дьячков
Иван Черемного

Тимофей Посников
Евдоким Веретнев
Ярафей Карпов
Трофим Тетерин
Григорий Варокин

1714-го. Вместо герба 4 денги.

По указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, и по приказу вице губернатора Алексея Александровича Курбатова велено вышепоманутым челобитчиком маляру Ивану Боранову, столяру Ефиму Тряпицыну, Тимофею Посникову, Петру Евдовину, Евдокиму Веретневу, Трофиму Карпову, Ярафею Карпову, Ивану Дьячкову, Трофиму Тетерину, Ивану Черемного, Григорью Варокину ... места, о котором били челом, под дворное строение длиннику по десяти, поперешнику по шти сажен отвести, а по осмотру и по скаске горожан посацких людей то место лежит в пусете, и никакова строения тут не бывало, и никому не отдано, и на те владения из Архангелогородской канцелярии дать им даную память. А по построении тех дворов платить им мостовые денги по указу по вся годы сполна бездоимочно.

Генваря дня 25 1714-го.

К нижней части посада относится и еще один документ — "Дело по прошению колмогорца Никиты Коровкина об отводе ему под подворное строение пустаго болотного места":

Есть, государь, у Архангельского города позади дворового и огородного частокола горожанки вдовы Семеновской жены Башарина пустое болотное топлое место, и никто тем местом не владеет. Всемилоостивейший государь, прошу Вашего да осчастливить державство Ваше, того выше писанного пустаго места дать мне под строение длинника от тына горожанина Ивана Давыдова в нижний конец пять сажен, поперешнику от вышеписанного вдовина частокола три сажени трехаршинных. Вашего величества нижайший раб колмогорец посадской человек Никита Коровкин, 713 мая в 4 день. Вместо Никиты Коровкина по его велению горожанин Иван Коровкин руку приложил. Вышеозначенное место велеть, измерив, отписать и учинить чертеж, и под каковое строение оно место ему, просителю, надобно, взять у

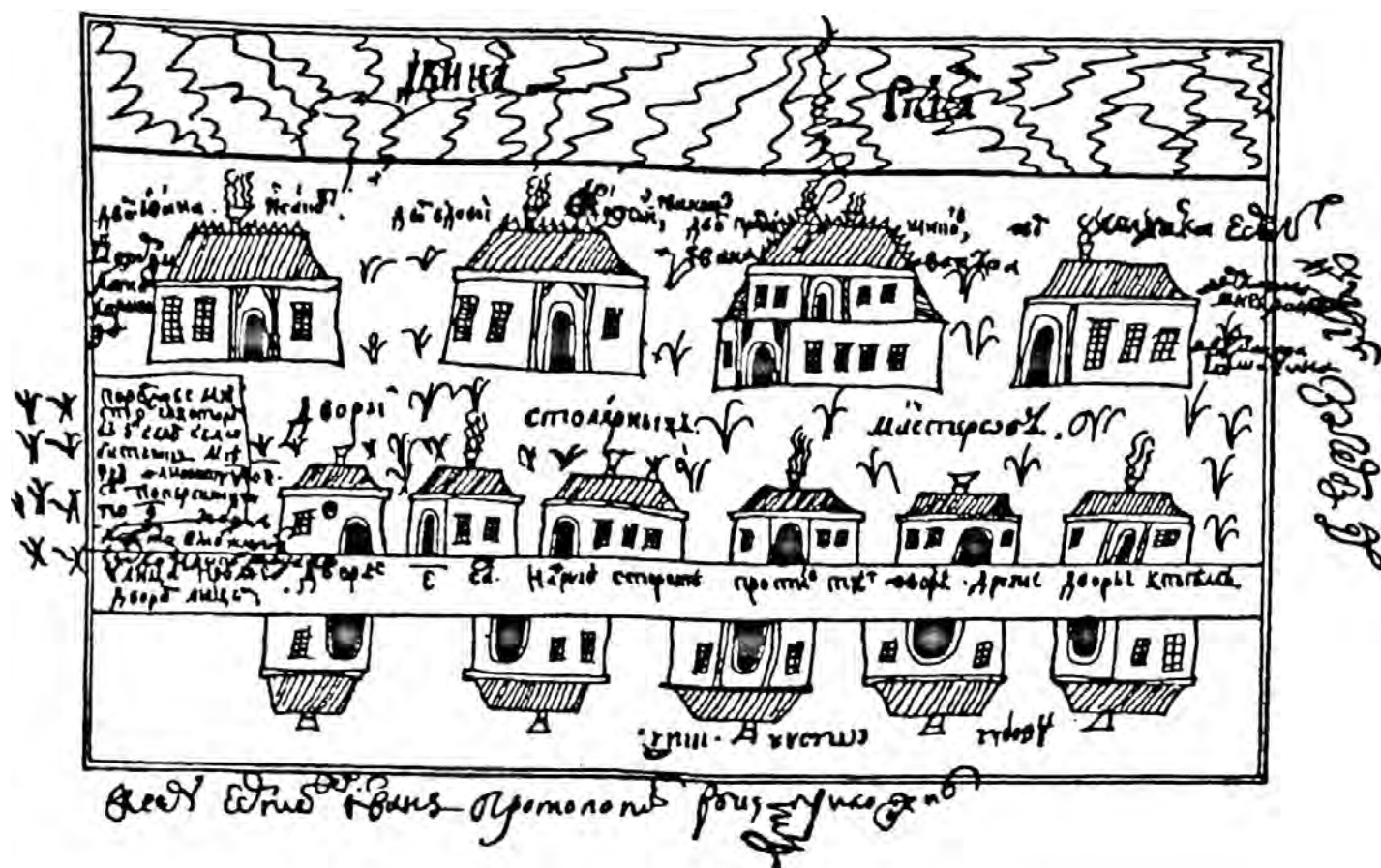

Рис. 96. Деталь планировки посада на Бору. Рисунок 1713 г.

него влдение и объявить видение губернатору. И по сей помете для осмотра и меры оногo места ходил архангелогородския канцелярии подьячей Никифор Гуков и по досмотру оное место болотиное у города Архангельского позади двора Петра Башарина, подле двора Ивана Давыдова мерою по поперешнику 4, длиннику в одном конце 5, в другом 4 сажени лежит в пугсте, и строение никакова нет, и учинен ниже сего чертеж. И в прошении горожанина посадкого человека Никиты Коровкина написано, чтоб великий государь пожаловал его, велел того пугстого места отдать ему под строение длиннику от тына Ивана Давыдова в нижней конец 5 сажен, поперешнику 3 сажени трехаршинных. Справил Никифор Гуков. Да проситель горожанин Никита Коровкин сказал, ежели-де указом царсково величества оное место отдано ему будет, и на том месте поставит он себе для жилья избушку с сенцами. Вместо Никиты Коровкина по его велению Сийского монастыря работник Алексей Алексеев руку приложил. По указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича, всея Великия и Малыя и Белья России самодержца, вице-губернатор Алексей Александрович Курбатов приказал: по прошению холмогорца Никиты Коровкина вышеупомянутое порозжее место мерою поперешника четыре сажени отдать ему, Коровкину, под дворовое строение, для того по осмотру ис канцелярии на том месте строения никакова нет, и никто им не владеет. И дать ему данную по указу, а оброчные деньги имать с него по состоянию общаго указа, каков состоится о братье оброчных денег со всех архангелогородских жителей. Июня 16 дня 713.

Позади дворов, которые на чертеже показаны за дорогой, названной "проезжая большая улица мостовая", изображена ветряная мельница. Описание, по всей вероятности, именно этой мельницы сохранилось в купчей 1711 г., по которой холмогорец посадский человек Иван Сорокин купил "у Архангельского города на Бору позади нововыставочной посацкой слободы на государевы оброчной земли ветряную мельницу, ветху, с мелничным поворотом" (на рисунке изображены длинные слуги) ²⁷⁸.

Хочется надеяться, что публикуемые здесь документы привлекут внимание исследователей к изучению тех сторон истории и культуры Архангельска, о которых мы кратко упомянули в начале главы.

Архитектурно-археологические работы 1989 г. на месте Архангельской Успенской Боровской церкви 1742—1755 гг.

В 1989 г. в связи с предполагаемым строительством в Архангельске на углу набережной Северной Двины и ул. Логинова Институтом истории материальной культуры Российской Академии наук (Санкт-Петербург) и Архангельской гидрографической базой ГПММФ был заключен договор о сотрудничестве. Согласно договору в том же 1989 г. было проведено архитектурно-археологическое исследование предполагаемого пятна застройки*.

В основное строительное пятно попадало более 1000 м² исторической части древнего Архангельска. Необходимо отметить, что район работ располагался в одной из самых древних и первоначально заселенной прибрежной части Архангельского поселения. Эта его часть к настоящему времени понесла наиболее значительные, невозполнимые потери в связи с проводимой более полувека застройкой и уничтожением культурного слоя на протяжении линии двинского берега от ул. К. Либкнехта и до ул. Шубина, поэтому исследования культурного слоя в районе бывшей Успенской Боровской церкви могли представлять значительный интерес. Архивные поиски дали много ценных сведений по истории застройки данного участка двинской набережной, а также по истории ремонта каменной Успенской церкви.

Заселение территории к северу от первоначальных деревянных гостиных дворов активно началось с 90-х

* Работы проводились под руководством доктора исторических наук О. В. Овсянникова при активном участии В. В. Брызгалова.

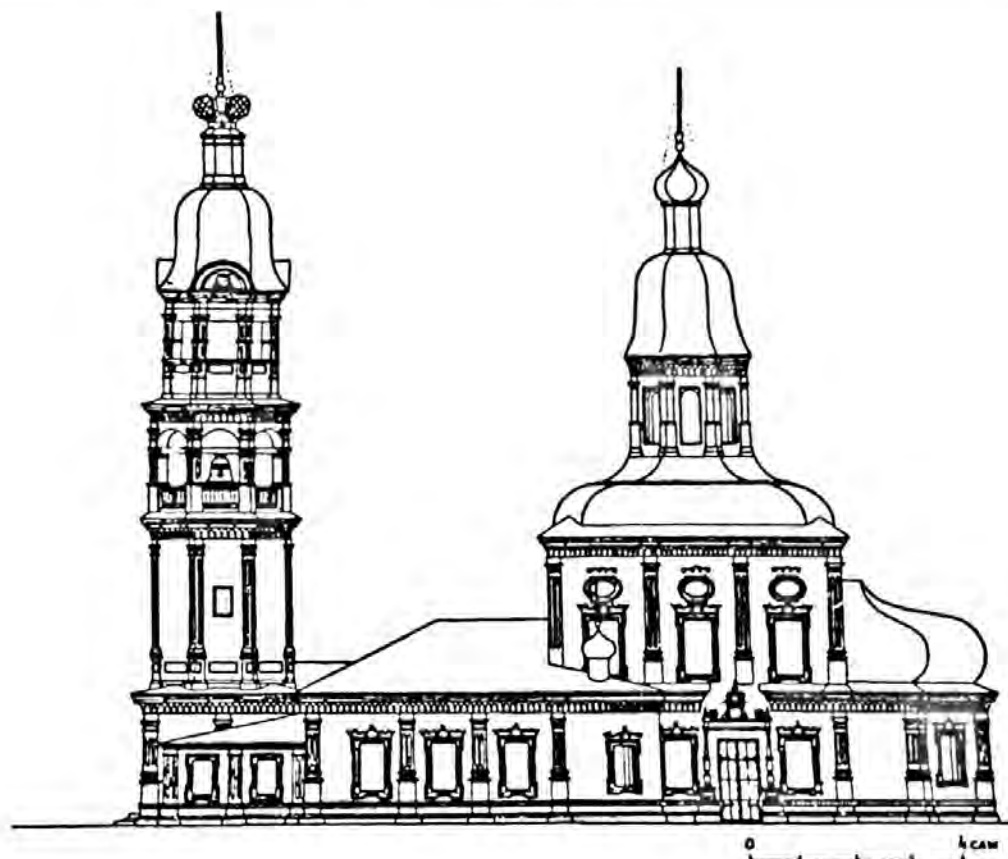

Рис. 97. Архангельск. Боровская Успенская церковь. Южный фасад.

годов XVI в. В 1626 г. на берегу Двины, на Жабинском наволоке, иначе "на Борках" (или, как тогда называли, "на дальнем Бору"), была построена деревянная Успенская церковь, которая по своему местоположению получила название Боровской²⁷⁹. Участок берега от Немецкого гостиного двора и дворов Немецкой слободы до Успенской церкви в конце XVI—XVII в. назывался Сальным берегом. В стоявших здесь посадских дворах, в "сальных" ямах, производили вытопку сала из добытых морских зверей и торговали им. В районе Успенской церкви стал быстро расти, особенно с конца XVII в., новый посад, который в документах XVII столетия еще назывался "новопостроенным". В этом же направлении расширялась и территория Немецкой слободы Архангельска. "Немецкие" дворы вплотную подступили и окружили церковь во имя Воздвижения Честного Креста, и храм пришлось закрыть. Тогда священник Успенской церкви купил за 60 рублей здание Крестовоздвиженской церкви, разобрал его и из части старого церковного леса прирубил к Успенскому храму придел — Крестовоздвиженский. Мы не касаемся строительной истории деревянного Успенского храма, отметим только, что в 1640 г. к нему был пристроен притвор во имя Симеона Столпника, во второй половине XVII в., как уже отмечали выше, Крестовоздвиженский, а в 1685 г. после пожара Успенская церковь была отстроена заново²⁸⁰.

Следующий строительный этап на этом участке начался с закладки в 1742 г. новой, но уже каменной церкви, которая была освящена в 1744 г. В 1744—1752 гг. с западной стороны храма была построена каменная высокая многоярусная колокольня. Нижняя часть колокольни была построена восьмериком, имела три окна, верхние же части были обработаны столбами с пролетами, перекрытыми арочками. Все пространство восьмерика было разделено на четыре этажа дере-

вянными полами, лежавшими на балках, концы которых заделаны в стенных нишах восьмерика. Этажи сообщались при помощи деревянных лестниц.

Храм был необычайно красив. Выполненный в характерной для XVIII столетия манере, с плавными линиями кровель, нарядными кокошниками окон, с легкими пилястрами, высоченной колокольней, он, несомненно, являлся высотной и художественной доминантой "нижней" по течению реки части Архангельска. Некоторые поздние перестройки в определенной мере исказили первоначальный замысел строителей: в 1864 г. с южной стороны колокольни была пристроена сторожка, позднее такая же пристройка была сделана и с севера²⁸¹.

К 1907 г. на колокольне храма висело пять колоколов, два из них имели надписи: "От доброхотных рачителей трудолюбием и тщанием Никиты Крылова, весу в нем 117 пуд. 18 фунтов", "1761 году лит сей колокол в городе Архангельске к церкви Успении Пресвятыя Богородицы что на Бору на сборные деньги. Устюга Великаго Афанасий сын Суковских" и второй колокол весом 29 пудов 20 фунтов: "1814 года лил Архангельского округа кегостронец Иван Христофоров", "Вылит сей колокол в Архангельский Боровский Успенский приход"²⁸².

В мае 1906 г. колокольня Боровской церкви как сооружение, пришедшее в аварийное состояние, была осмотрена комиссией — инженерами Г. Ф. Кащиенко, А. А. Каретниковым и П. Г. Минейко. Они составили "Акт технического осмотра колокольни", из которого следует, что "фундамент церковного здания, по исследовании в трех местах, оказался бутовым, заполненным на 2 аршина глубины на сваях. Верхушки свай в местах вскрытия оказались в большинстве совершенно истлевшими, так что между сваями и подошвой фундамента местами свободно проходила рука"²⁸³. В том же

Рис. 98. Боровская Успенская церковь. Западный фасад

1906 г. вблизи храма были сделаны три скважины: первые две располагались по обеим сторонам церкви (в 2—3 саженьях от здания), третья скважина, со стороны Северной Двины, — в 5 саженьях от колокольни. Первые две скважины дали одинаковую стратиграфию: до 2

саженей глубины шла плотная, однородная по своему составу красная глина, в третьей скважине — уже с 1,5 саженьей, наряду с красной глиной, заметно было присутствие песка, затем песка с синей глиной, а с глубины 3,5 саженьей глину сменил ил. Это дало основание в Акте от 1 августа 1907 г. признать, что “загнивание верхушек свай фундамента объясняется неравномерным стоянием грунтовых вод и что возможно движение верхних глиняных напластований по наклону слоев, обнаруженному бурением”²⁸⁴. “Движение пластов” причиняло беспокойство и Управлению работ по улучшению порта — приходилось принимать постоянные меры “против сползания откосов береговой полосы р. Северной Двины и несколько предотвращать это движение верхних пластов грунта забойкою сплошных рядов свай под откосом”²⁸⁵. С 1 июня 1906 г. по 1 августа 1907 г., в течение 14 месяцев, были проведены десятикратные наблюдения теодолитом за относительным движением шпилей колокольни и алтаря (движения отмечены в период промерзания и оттаивания грунта).

Была ли допущена ошибка строителями храма, недостаточно углубившими основания фундамента, или произошло падение грунтовых вод, неизвестно, но итог был один: состояние фундамента, как считали члены комиссии, обрекло здание на дальнейшее разрушение. “Автономность” разрушения колокольни объясняется одновременностью сооружений колокольни и основного объема храма, кладки стен колокольни и храма не были связаны между собой кладкой. Поэтому в результате отклонения колокольни значительно увеличилась щель между этими объемами постройки²⁸⁶.

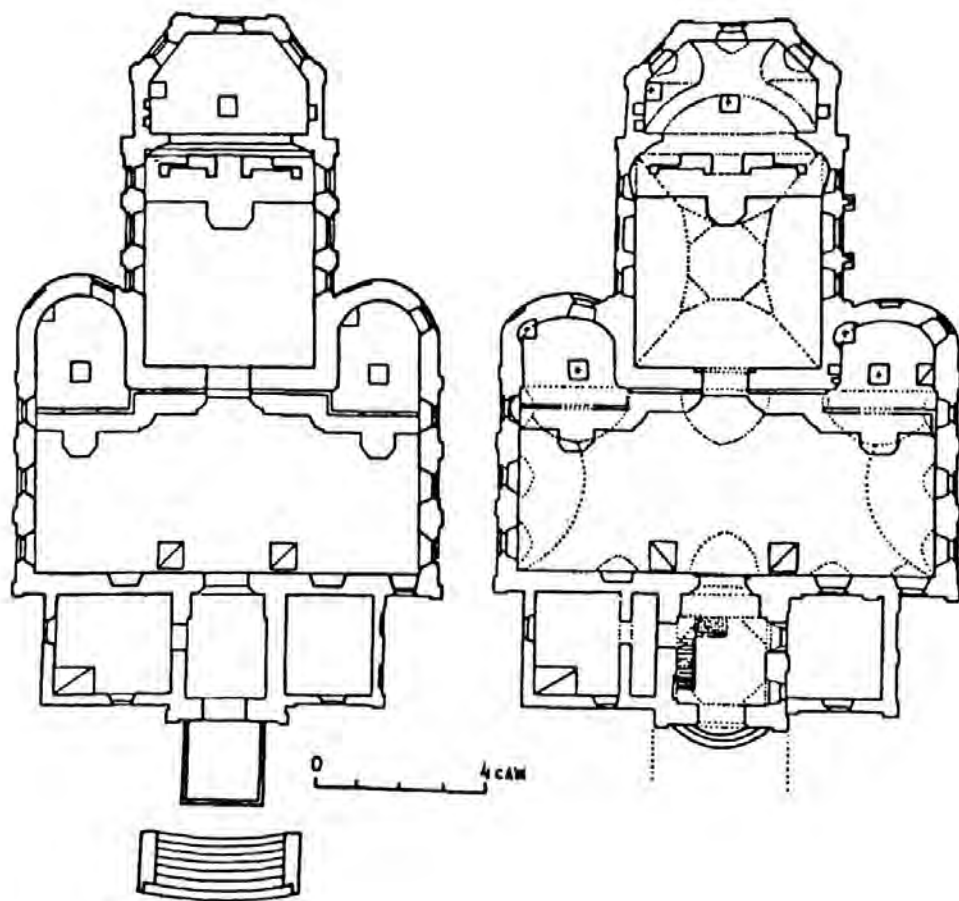

Рис. 99. Боровская Успенская церковь. План

Рис. 100. Боровская Успенская церковь на голландской гравюре 1775 г.

Опасность обвала колокольни казалась настолько обоснованной, что в октябре 1910 г. Архангельская Духовная консистория возобновила ходатайство о разборке колокольни. В ноябре этого же года губернский инженер А. А. Каретников ввиду угрожающего положения колокольни предложил прекратить вход верующих в храм через колокольню. Положение казалось настолько серьезным, что представлялось целесообразным разобрать эту часть постройки. Императорская Археологическая комиссия делала все, чтобы убедиться, действительно ли положение настолько безвыходно, что нужно разбирать верхние ярусы колокольни, а на оставшихся стенах устроить звонницу. Речь шла об объеме здания, вес которого достигал 34 330 пудов²⁸⁷. Это огромная масса, внутри которой лопнули почти все связи в виде металлических тяг, которыми колокольня (как постройка, возведенная позднее основного объема храма) крепилась к основному зданию. Щель между кирпичными кладками этих построек увеличилась.

В марте 1912 г. Техническо-строительный комитет Министерства внутренних дел высказал свое мнение: "Комитет, обсудив все возможные приемы укрепления колокольни, находит, что для предупреждения разрушения ее следовало бы подвести новый фундамент, заложив его на материке, стены нижнего четверика местами укрепить, а местами переложить вновь, а затем привести колокольню в первоначальное положение. Для исполнения этого потребовалось бы прежде всего заключить колокольню в остов весьма сложной и прочной конструкции, чтобы удержать ее от падения на время работ по устройству фундамента и починки стен. Принимая в соображение чрезвычайную сложность работ, исполнение коих требует очень искусных рабочих, неотлучного надзора опытного техника и весьма большой осторожности, сопряжено с большой опасностью и вызывает большие денежные затраты, Комитет находит, что следует считать наиболее целесообразным и удобоисполнимым с наименьшими денежными затратами не укрепление колокольни, а возведение ее вновь по тщательно заранее снятым строениям детальным и шаблонным рисункам"²⁸⁸. Вероятно, тогдашние специалисты скептически отнеслись к заявлению П. П. Покрышкина, что "подводку

фундамента под колокольню он считает делом довольно простым и безопасным и что он охотно берет лично на себя его исполнить"²⁸⁹.

Итак, работы в Успенской Боровской церкви проводились с конца августа по конец октября 1912 г. под руководством крупнейшего знатока древнерусской архитектуры — члена Императорской Археологической комиссии академика архитектуры Петра Петровича Покрышкина. Уже в ноябре 1912 г. о завершении в Архангельске работ академика Покрышкина епископу Архангельскому и Холмогорскому так писал священник Боровской Успенской церкви Василий Любавский: "...наклонившаяся и грозившая падением Успенская колокольня... превратилась в великую радость: колокольня наша не только фундаментально укреплена, но и совершенно выпрямлена и теперь как свеча Божия стоит на радость и утешение..."²⁹⁰ Ремонт фундамента колокольни заключался в замене его новым — из известняковых камней на цементном растворе. Шов между зданием церкви и колокольни был расширен "для того, чтобы дать возможность колокольне свободно выпрямиться". До выпрямления отклонение верхушки креста на колокольне от оси достигало почти 180 см. Это при высоте колокольни более 32 м! После усиления и укрепления фундамента колокольня начала обратное движение — стала выпрямляться. Чтобы контролировать возвращение здания в первоначальное положение, П. П. Покрышкин применил простой, но оригинальный прием: под отклонившуюся часть низа колокольни были положены мешки с песком. До мере возвращения колокольни в прежнее состояние песок из мешков удалялся. Этот прием, использованный при ремонте архангельской "пизанской башни", уже давно стал классическим и вошел в учебники²⁹¹.

Несколько слов о выдающемся русском ученом и реставраторе-практике академике Петре Петровиче Покрышкине²⁹².

П. П. Покрышкин родился в 1870 г. в Иркутске, где в 1888 г. окончил техническое училище, получив среднее образование. В 1895 г. Покрышкин завершил курс архитектурного отделения Императорской Академии художеств, и это определило основной интерес ученого — средневековая культовая архитектура

Рис. 101. Архангельск. Боровская Успенская церковь. Южный фасад

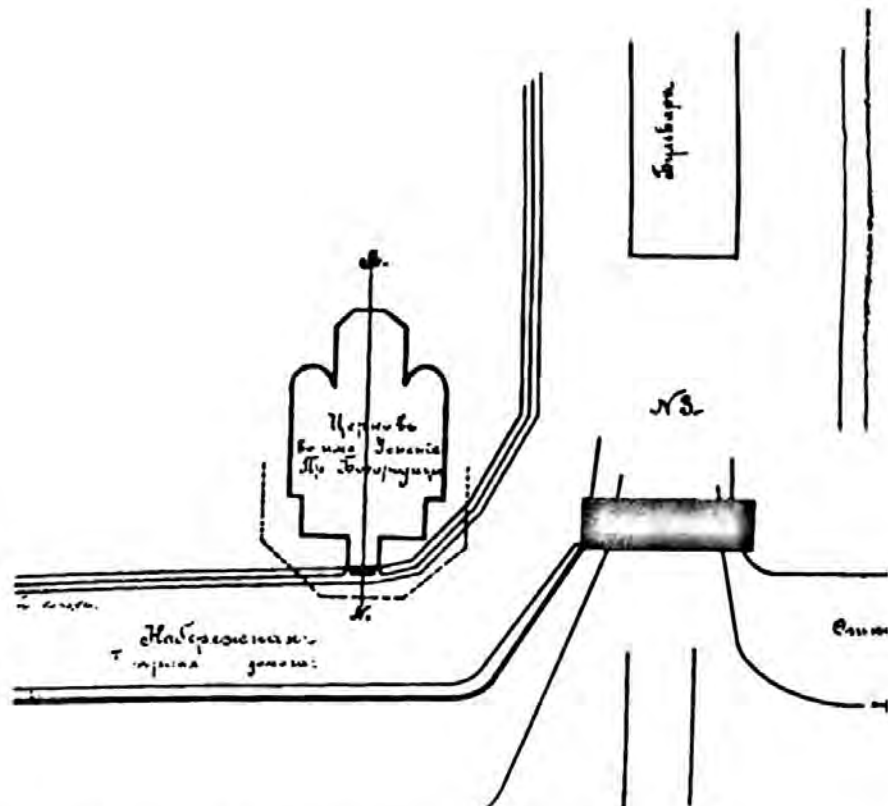

Рис. 102. Фрагмент Двинской набережной у Боровской Успенской церкви

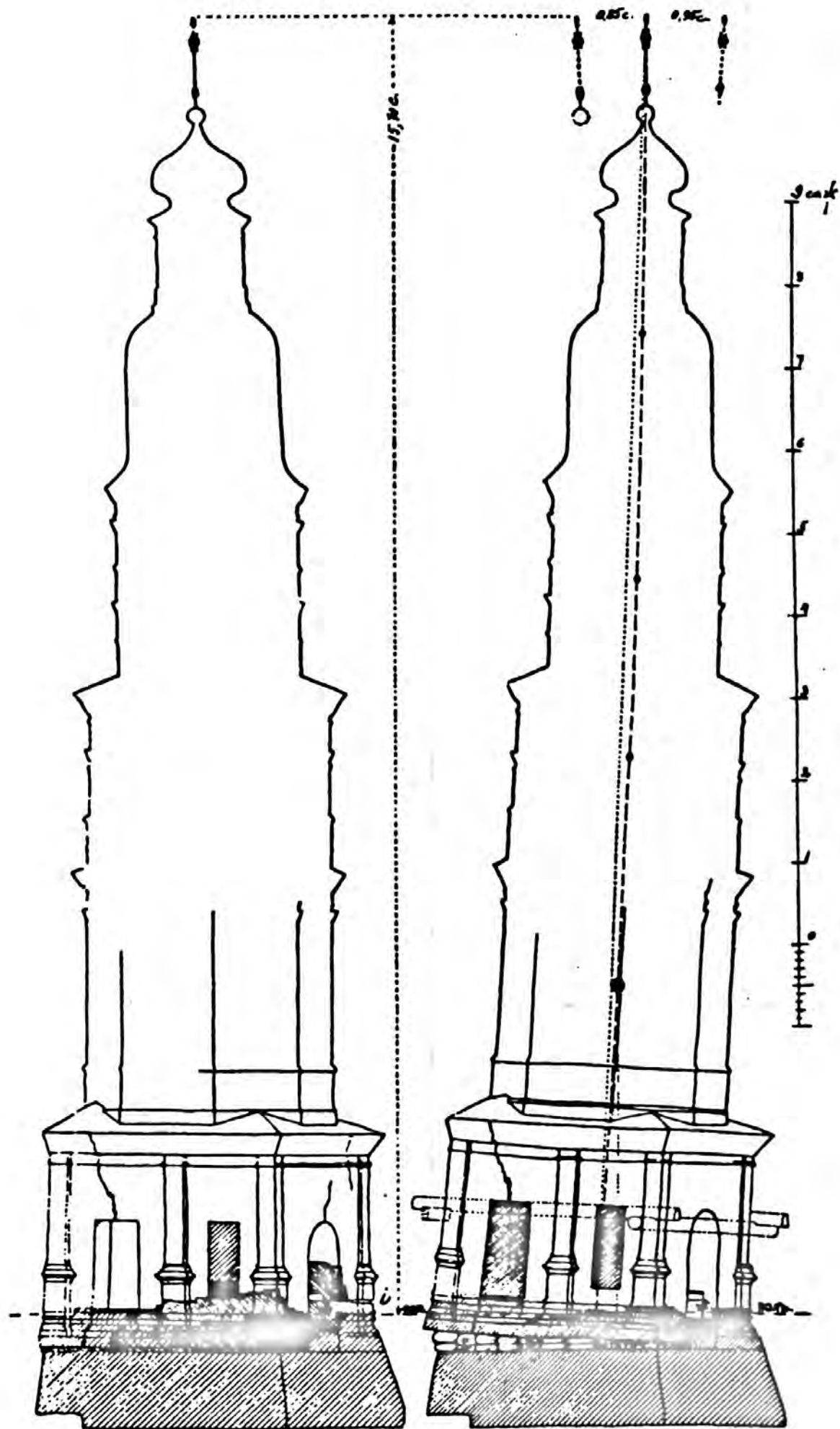

Рис. 103. Колокольня Боровской Успенской церкви до и после выпрямления

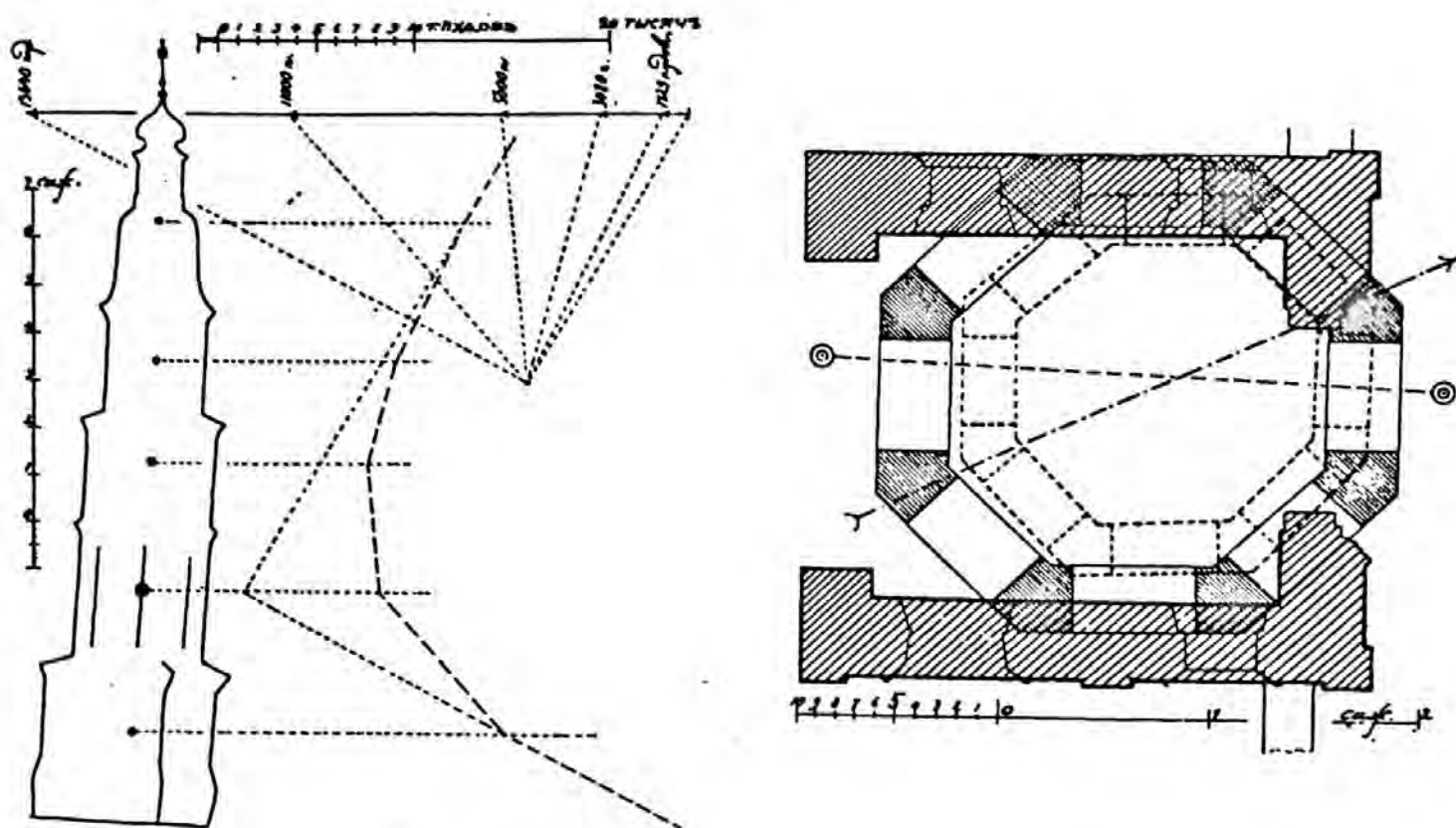

Рис. 104. Система определения центра тяжести колокольни

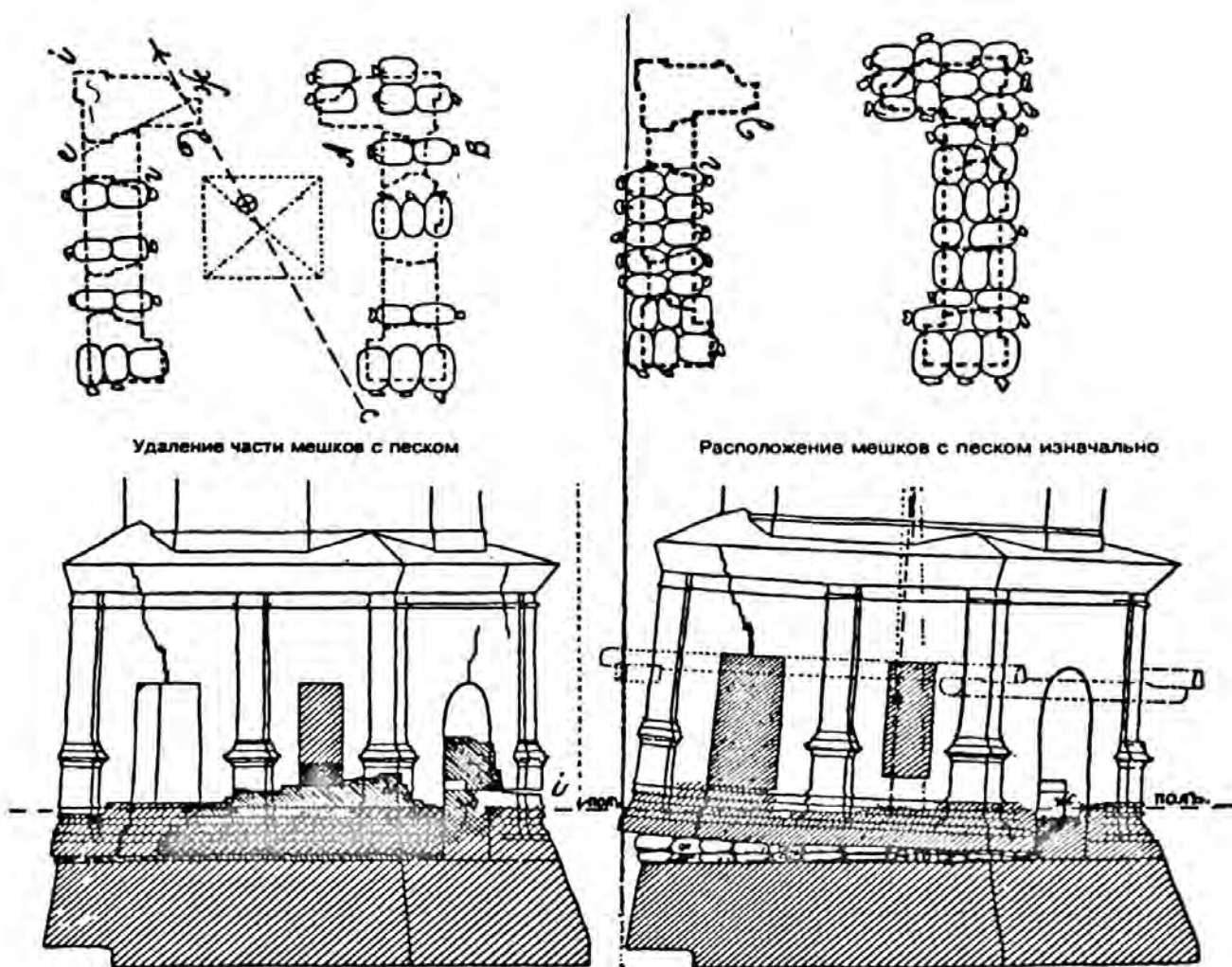

Рис. 105. Нижняя часть колокольни до и после выпрямления

Македонии, Болгарии, Сербии, древней Руси. Вся жизнь ученого — это сплошная вереница командировок с целью осмотра памятников архитектуры, раскопок, практической реставрации, гигантский объем материалов — фотографии, рисунки, акварели. В октябре 1909 г. П. П. Покрышкин был удостоен звания академика архитектуры²⁹³. Являясь постоянным членом Императорской Археологической комиссии, академик Покрышкин проводил большой объем работ по практической реставрации. В 1910 г. он был в комиссии по ремонту и реставрации Большого Московского Успенского собора, в 1911 г. — в комиссии по приведению в технический и внешний порядок собора Василия Блаженного²⁹⁴. В 1920 г. П. П. Покрышкин отходит от научной работы и практической реставрации и принимает церковный сан. Ухаживая за больными в "заразных бараках", в феврале 1922 г. он сам заразился сыпным тифом и скончался.

Работа в Архангельске — лишь штрих, небольшой эпизод в творчески насыщенной жизни выдающегося русского ученого. Непродолжительный по времени "архангельский период" деятельности П. П. Покрышкина тем не менее ярок и выразителен: для ученого нет первостепенных памятников, ибо каждый из них — это культурное достояние Отечества. Отсюда — настойчивые поиски оригинальных решений, отсюда — постоянная забота о будущем этого наследия, потому что только люди, только истинные наследники могут сохранить культурное наследие России. "Замирает сердце при мысли, что не найдется подготовленных людей. Надо подготовить много молодых архитекторов-художников, которые умели бы ценить и охранять старину" — вот что заботило П. П. Покрышкина на заре 20-х годов нашего века²⁹⁵. Насколько актуальны были эти раздумья академика, показало все дальнейшее развитие нашей страны. Любопытно, что после войны, в 1949 г., один из учеников П. П. Покрышкина профессор В. Г. Леонтович обратился в Архангельск с просьбой сообщить о судьбе восстановленной Покрышкиным колокольни Успенской Боровской церкви и получил ответ (приводим его по копии):

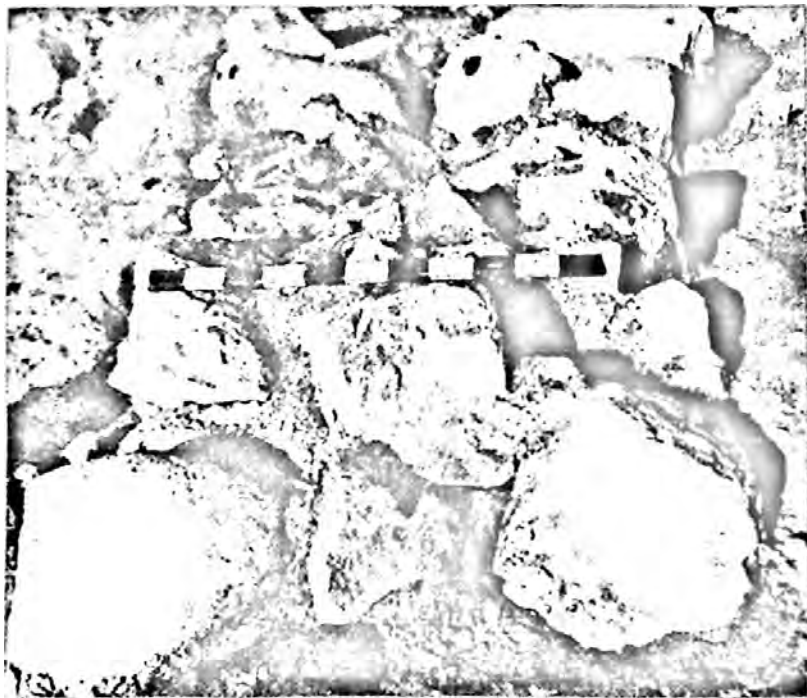

Рис. 106. Охранные археологические раскопки. 1989 г. Остатки каменного фундамента

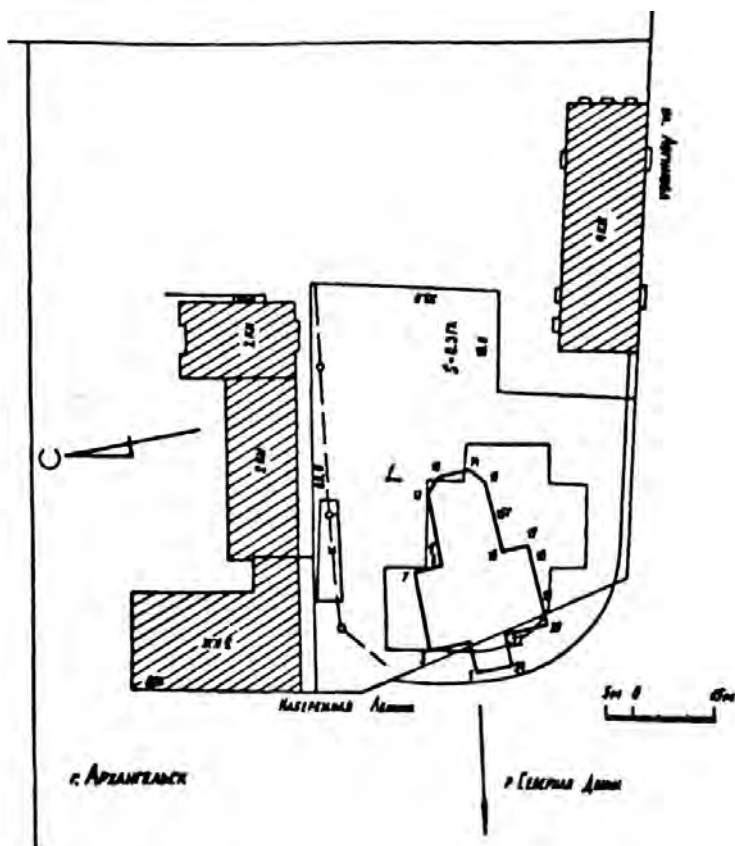

Рис. 107. Охранный археологический раскоп. 1989 г. План участка

Профессору Леонтовичу.

По поводу вашей просьбы о колокольне Боровской Успенской церкви сообщая, что таковая была сломана в 1930 г., фотографий не сохранилось, затруднительным является и получение сведений о том, как вела себя эта колокольня после исправления ее архитектором Покрышкиным.....

И. о. гл. архитектора (Кибирев)
г. Архангельск.
17 декабря 1949 г.²⁹⁶

Как удалось выяснить по архивным данным, на месте каменной церкви (рядом с предшествующей деревянной) располагалось кладбище при Успенской церкви, и поэтому фундаментные рвы каменного храма, по крайней мере их основные трассы, прошли по этому кладбищу. В архивных документах упоминалось и о древнем культурном слое — "слое чернозема" толщиной около 10 см, который находился приблизительно на глубине до 1 м от уровня поверхности начала XX в. (общая мощность культурного слоя около 85 см)²⁹⁷. Таким образом, можно было предполагать на данном участке следующую стратиграфию: строительные остатки, прослойка древнего культурного слоя, лежащая на тонком слое песка, и подстилающая красная материковая глина. Поэтому при планировании охранных раскопок в районе Успенской церкви нами допускалось присутствие, пусть даже в линзах, участков культурного слоя XVII—XVIII вв. Достаточно полные графические материалы, выполненные во время восстановительных работ, проводимых во главе с П. П. Покрышкиным, дали исчерпывающую картину как о характере постройки в целом, так и об отдельных ее частях, а также о строительных приемах, особенно в фундаментах.

Осмотр участка застройки перед проведением охранных археологических работ показал, что отчетливо читаются параметры церковной колокольни, ибо они выходили непосредственно на склон площадки. Поэтому приблизительные параметры уничтоженного в 30-х годах каменного храма можно было определить

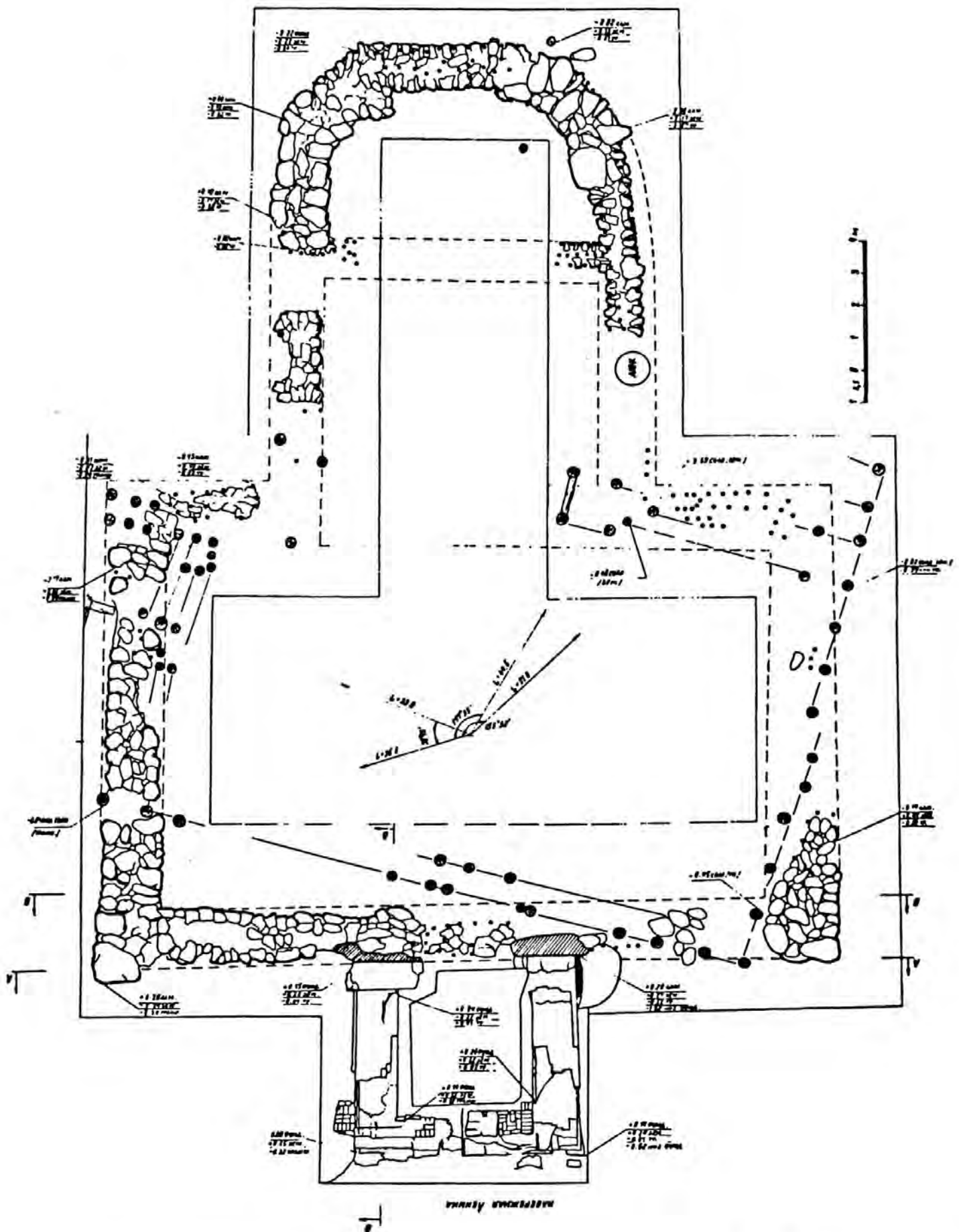

Рис. 108. Остатки Боровской Успенской церкви по результатам раскопок 1989 г. План

с достаточной точностью, используя архивные обмеры постройки начала века. Было любопытно наблюдать полное отсутствие фрагментов кирпича, блоков обработанного цокольного известняка или даже просто завалов строительного мусора — площадка выглядела удивительно "чистой". Можно предположить, что перед строительством деревянного дома на сваях здесь были проведены в 30-х годах солидные нивелировочные работы, связанные с посыпкой грунта, и т. д. Первые часы археологических работ подтвердили догадку о нивелировочных работах, но они оказались совершенно иного характера: выяснилось, что не только древний уровень поверхности, но и уровень XX в. оказался срезанным, т. е. уровень грунта, с которым нам пришлось столкнуться на участке, отстоял от подошвы фундамента приблизительно на 40—50 см. Если учесть, что обследованный в ходе ремонта колокольни фундамент здания представлял собой вбитые сваи высотой 70—80 см и лежавшую на них белокаменную кладку на глине высотой около 150 см, то в раскопе практически лишь на некоторых участках трассы фундаментов удалось зафиксировать сваи и один-два ряда лежащих на них булыжных камней. Получается, что участок действительно был в 1930 г. сnivelирован с понижением дневной поверхности площадки минимум на 1 м.

Фактически перед нами раскрывалась картина отдельно сохранившихся участков дна фундаментного рва с остатками свай и булыжных камней. Можно было также констатировать, что памятник фактически уничтожен. При наличии собранного нами графического архивного материала сплошное вскрытие всей площади застройки (по существу, это материк) не представляется целесообразным. Рациональнее выявить сохранившиеся части древнего сооружения, вскрывая контур остатков фундаментных рвов в траншеях шириной 2 м. Решено было четверик колокольни, основательно отремонтированный П. П. Покрышкиным, с новым фундаментом и изрядным количеством цемента, залитого внутрь четверика, не вскрывать, а лишь зачистить его контуры для обмеров.

Сохранность трассы фундаментных рвов, обнаруженных во время раскопок, предстала весьма фрагментарной. Можно говорить только о двух сохранившихся участках фундаментных рвов.

Первый участок — это восточная, алтарная часть постройки. Здесь видны грани единственной апсиды храма, сильно выдвинутой на восток. Лишь незначительные фрагменты древних свай и булыжника свидетельствуют о наличии в храме каменной алтарной преграды. Ширина сохранившихся частей фундамента апсиды до 165 см. Почти полностью удалось протрасировать остатки размеров на втором участке — на северной и западной стенах храма, где сохранились частью сваи, а частью сваи и один-два ряда лежавших на них булыжников. Ширина остатков фундамента на этих участках до 2 м. По мере продолжения работ становилось ясно, что здание храма пострадало не только во время нивелировки всей площадки холма (вероятно, одна из целей такой нивелировки заключалась в увеличении площадки для строительства "правительственного" дома), но и непосредственно при строительстве.

Отчетливо видно, как под новое деревянное жилое здание были поставлены стулья — сваи, причем они не забивались в грунт, а ставились в вырытые траншеи. Строители XX в. не поставили деревянное здание на каменный церковный фундамент, вероятно, по той причине, что ось храмовой постройки не совпадала с направлением лицевой линии улицы. Во время архитектурно-археологических работ нам не удалось найти ни образцов кирпича, ни фрагментов белокаменных и кирпичных украшений, что является обычным при архитектурно-археологических исследованиях остатков древних каменных сооружений.

Таким образом, проведенные в 1989 г. архитектурно-археологические работы на участке, где ранее располагалась Успенская Боровская церковь, показали, что памятник середины XVIII в. был почти полностью уничтожен во время строительства деревянного жилого дома. Уничтожение постройки произошло как во время разборки здания и фундаментов, так и при последующем сооружении деревянного дома. Нивелировка площадки, проведенная во время этого строительства, уничтожила не только каменную постройку, но и практически весь культурный слой на участке застройки (и древний, и современный). Любопытно, что фундаментные рвы храма были сделаны в слое христианского кладбища (см. Приложение), принадлежавшего этой церкви.

Полагаем, что обследованные и обнаруженные остатки Успенской Боровской церкви в Архангельске не представляют научно-практического значения, являясь скорее скорбным свидетельством одного из способов "охраны" памятников. Вряд ли целесообразно сейчас говорить о реставрации объекта. Рискнем высказать мнение, что оптимальный вариант экспозиционного показа — создание на этом месте сквера с выкладкой-новоделом плана храма 1742 г., если это увязывается с проектируемой в этой части Архангельска будущей градостроительной ситуацией.

Представляется важным и целесообразным приложить к данному разделу монографии три документа из Государственного архива Архангельской области, связанных с ремонтом Успенской церкви. В первом из них (Рапорт священника Успенской церкви Василия Любавского) дано детальное описание всего хода ремонтных работ и любопытные детали описания всего облика храма и фундаментов. Автор Рапорта отдает должное всем, кто своим рдением способствовал восстановлению колокольни и тем самым сохранению одного из живописных архитектурных "акцентов" прежнего Архангельска. Не лишним будет упомянуть и достойные внимания хлопоты в течение восьми лет самого Василия Любавского.

Два других документа — это письма П. П. Покрышкина. Несмотря на их краткость, они прекрасно характеризуют отношение к работе и людям русского академика — ответственное и доброжелательное.

То, уже давно ушедшее поколение россиян имело право устами Василия Любавского сказать: "Утешаюсь сознанием, что без труда и забот ничто важное не дается человеку..."²⁹⁸

Примечания

- ¹ Овсянников О. В. Люди и города средневекового Севера. Архангельск, 1971. С. 21—23; *Он же*. Оборонительные сооружения северорусских городов XVI—XVII веков (Архангельск, Каргополь, Холмогоры, Сольвычегодск) // *Летопись Севера*. Вып. VI. М., 1972. С. 212—213; *Он же*. Средневековые города Архангельского Севера: Люди. События. Даты. Архангельск, 1992. С. 159—163.
- ² Л. Д. Попова не совсем права, “приписывая” эту точку зрения О. В. Овсянникову. См.: *Попова Л. Д.* Архангельск: Очерк истории строительства. Архангельск, 1994. С. 12—13, 25.
- ³ ПСРЛ. Т. 33. Л., 1977. С. 169.
- ⁴ РО Библиотеки РАН, 45.68, л. 127.
- ⁵ ААЭ. Т. I. СПб., 1836. С. 380.
- ⁶ Акты Лодомской церкви Архангельской епархии. СПб., 1908. С. 87.
- ⁷ Архив СПб. ФИРИ РАН, ф. 5, оп. 1, д. 706, л. 1—2.
- ⁸ Акты Лодомской церкви... С. 110.
- ⁹ Там же. С. 123.
- ¹⁰ Овсянников О. В. Архангельский посад в первой половине XVIII в. // Тезисы докладов на Всесоюзной конференции “М. В. Ломоносов и Север” (Архангельск, июнь 1986). С. 153—156.
- ¹¹ РГАДА, ф. 1209, кн. 9, л. 11 об. — 13.
- ¹² Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии. Вып. I. Архангельск, 1894. С. 5.
- ¹³ Там же. С. 35.
- ¹⁴ РГАДА, ф. 1209, кн. 9, л. 32—32 об.
- ¹⁵ Краткое историческое описание приходов и церквей... С. 5.
- ¹⁶ РГАДА, ф. 1209, кн. 9, л. 32 об. — 34.
- ¹⁷ РО Библиотеки РАН, Д—618, л. 95.
- ¹⁸ Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный Археографический сборник. Вып. 2. Вологда, 1972. С. 205.
- ¹⁹ Огородников С. Ф. Очерки истории города Архангельска. СПб., 1890. С. 49—53.
- ²⁰ РГАДА, ф. 1209, кн. 9, л. 11 об. — 13.
- ²¹ Ласковский Ф. Материалы по истории инженерного искусства в России. Ч. I. СПб., 1858. С. 83; *Раппопорт П. А.* Очерки по истории русского военного зодчества X—XIII вв. // МИА. № 52. М., 1966. С. 123.
- ²² *Раппопорт П. А.* Основные этапы развития древнерусского военного зодчества // СА. 1960. № 2. С. 56—62; *Косточкин В. В.* Русское оборонное зодчество конца XIII—начала XVI в. М., 1962. С. 183—184.
- ²³ *Кирпичников А. Н.* Крепости бастионного типа в средневековой России // ПКНО. М., 1978 (1979). С. 471—499.
- ²⁴ ПСРЛ. Т. 33. С. 153.
- ²⁵ АИ. Т. III. СПб., 1841. С. 370.
- ²⁶ РО Библиотеки РАН, Д—619, л. 111—111 об.
- ²⁷ Там же, л. 111 об.
- ²⁸ Там же, л. 112.
- ²⁹ ДАИ. Т. III. СПб., 1848. С. 111.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Там же. С. 113. Более подробно о здании см.: *Овсянников О. В.* О каменных палатках XVII в. в северорусских городах // КСИА. Вып. 148. М., 1977. С. 105—106, рис. 1.
- ³² ДАИ. Т. III. С. 113.
- ³³ ПСРЛ. Т. 33. С. 156.
- ³⁴ Там же. С. 156.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ ДАИ. Т. VI. СПб., 1858. С. 33.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ ПСРЛ. Т. 33. С. 158.
- ³⁹ ДАИ. Т. VI. С. 130.
- ⁴⁰ Там же. Т. X. СПб., 1868. С. 298—300.
- ⁴¹ РГАДА, ф. 137, оп. 1, Новгород, кн. 86, л. 607 об.
- ⁴² Там же, л. 607—607 об.
- ⁴³ Там же, ф. 141, оп. 7, ч. 9, д. 697, л. 1.
- ⁴⁴ Там же, оп. 8, ч. 6, д. 52, л. 1—2.
- ⁴⁵ *Воронин Н. Н.* Очерки по истории русского зодчества XVI—XVII вв. // ИГАИМК. Вып. 92. М.; Л., 1934. С. 66.
- ⁴⁶ *Калачев Н. В.* Два чертежа, относящихся к г. Архангельску в конце XVII века (с приложением их снимков) // Сборник Русского Археологического института. Кн. IV. СПб., 1880. С. 118.
- ⁴⁷ ГААО, ф. 1025, оп. 2, д. 27, ч. 1.
- ⁴⁸ Там же, ч. 2.
- ⁴⁹ РГАДА, ф. 280, оп. 1, ч. 2, д. 14154.
- ⁵⁰ *Крестинин В.* Краткая история о городе Архангельском. СПб., 1792. С. 3.
- ⁵¹ РГВИА, ф. 3, оп. 3, ед. хр. 1682.
- ⁵² План хранится в ГААО, опубликован: *Гемп К., Кибирев М.* Архангельский Гостиный двор // Архитектурное наследие, 10. М., 1958. С. 156, рис. 1.
- ⁵³ РГВИА, ф. ВУА, ед. хр. 21644. Прорисовка чертежа полностью опубликована, см.: *Овсянников О. В.* Люди и города средневекового Севера. С. 28. Прорисовки планов Архангельска (фрагменты) 1760, 1784, 1793 гг. опубликованы, см.: *Кибирев М. Ф.* Архангельск. Архангельск, 1959.
- ⁵⁴ ГААО, ф. 1, д. 159, л. 1—15.
- ⁵⁵ РГВИА, ф. ВУА, д. 18588, ч. II, л. 66—67, 70—71, 78—79, 90—91.
- ⁵⁶ Архив СПб. ФИРИ РАН, ф. 10, оп. 3, д. 304, л. 252.
- ⁵⁷ ДАИ. Т. III. С. 61—63.
- ⁵⁸ Там же. Т. IV. СПб., 1851. № 52.
- ⁵⁹ *Бахрушин С. В.* Железодельные районы в Русском государстве в XVI в. // Вопросы географии. Вып. 20. М., 1950. С. 59.
- ⁶⁰ *Кирпичников А. Н., Хлопин И. Н.* О некоторых памятниках русской средневековой артиллерии // СА. 1961. № 3. С. 235—236.
- ⁶¹ РИБ. Т. XXI. СПб., 1907. С. 143, 175—176, 685—686.
- ⁶² *Копанев А. И.* Куростровские столбы XVI в. // Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный Археографический сборник. Вып. I. Вологда, 1970. С. 410.
- ⁶³ РИБ. Т. VIII. СПб., 1884. С. 199—202.
- ⁶⁴ *Корд В.* Очерк сношений Московского государства с республикой соединенных Нидерландов до 1631 г. // Сб. ИРИО. Кн. 116. СПб., 1902. С. СХХ.
- ⁶⁵ Дела Тайного Приказа. Кн. 1 // РИБ. Т. XXI. С. 143.
- ⁶⁶ *Корд В.* Ук. соч. С. СССХVIII.
- ⁶⁷ РИБ. Т. II. СПб., 1875. С. 518.
- ⁶⁸ Там же. Т. XXI. С. 175—176, 685—686.
- ⁶⁹ *Андреев А.* Описание актов, хранящихся в Археографической комиссии АН СССР // ЛЗАК за 1927—1928 гг. Вып. XXXV. Л., 1929. С. 286—287.
- ⁷⁰ ДАИ. Т. V. СПб., 1853. С. 185.
- ⁷¹ АИ. Т. IV. СПб., 1842. С. 496.
- ⁷² ДАИ. Т. IX. СПб., 1875. С. 153.
- ⁷³ Там же. С. 159.
- ⁷⁴ Там же. Т. XI. СПб., 1869. С. 122.
- ⁷⁵ РГАДА, ф. 137, оп. 1, Архангельск, кн. 29, л. 98—98 об.
- ⁷⁶ Там же, л. 97 об.
- ⁷⁷ Там же, л. 99.
- ⁷⁸ ДАИ. Т. XII. СПб., 1872. С. 361.
- ⁷⁹ Там же.
- ⁸⁰ *Бранденбург Н. Е.* Материалы для истории артиллерийского управления в России. СПб., 1876. С. 269.
- ⁸¹ Архив СПб. ФИРИ РАН, ф. 83, оп. 1, карт. 32, д. 2, 185.
- ⁸² ДАИ. Т. IX. С. 154.
- ⁸³ *Железнов В.* Указатель мастеров русских и иноземцев горного, металлического и оружейного дела и связанных с ними ремесел и производств, работавших в России до XVIII в. СПб., 1907. С. 7—61.
- ⁸⁴ РГАДА, ф. 137, кн. 10, л. 238—241 об.
- ⁸⁵ *Смирнов П.* Города Московского государства в первой половине XVII в. Т. I, вып. 1. Киев, 1919. С. 171.
- ⁸⁶ РГАДА, ф. 159, оп. 1, кн. 100, л. 1—12. Документ опубликован: ДАИ. Т. X. С. 298—300.
- ⁸⁷ ДАИ. Т. X. С. 296—300.
- ⁸⁸ *Бранденбург Н. Е.* Исторический каталог С.-Петербургского артиллерийского музея. СПб., 1877. С. 137.
- ⁸⁹ *Кирпичников А. Н., Хлопин И. Н.* Крепость Кирилло-Белозерского монастыря // МИА. № 77. М., 1958. С. 156.

- ⁹⁰ РГАДА, ф. 137, д. 44а. Полностью документ опубликован: Тревожные годы Архангельска, 1700—1721: Документы по истории Беломорья в эпоху Петра Великого. Архангельск, 1993. С. 169—178 (к печати документ подготовлен О. В. Овсянниковым).
- ⁹¹ РГАДА, ф. 141, оп. 7, д. 697, ч. 9, л. 2.
- ⁹² Там же, л. 2—3.
- ⁹³ Наиболее полная подборка документов начала XVIII в. опубликована: Тревожные годы Архангельска... (1701 г. Выпись Новгородского приказа о составе горнизонов, наличии артиллерии и боеприпасов в Архангельске и Холмогорах. С. 130—135; 1701 г. Отписка А. Н. Прозоровского Петру I о вооружении Архангельского гарнизона. С. 144—146; 1702 г. Список 1700 г. о числе служивых людей и вооружении в Архангельске и Холмогорах с дополнительными сведениями за 1701 и 1702 гг. С. 188—192; 1702 г. Роспись пушек, взятых в 1701 г. с иностранных кораблей для обороны Архангельска. С. 192—193; 1702 г. Роспись артиллерии на башнях и воротах Соловецкого кремля. С. 194—195; 1707 г. Отписка Архангелогородского воеводы князя Петра Алексеевича Голицына Петру I об отправке из Архангельска в Петербург шведских трофейных пушек. С. 204—208; 1708 г. Переписная книга артиллерии Новодвинской крепости. С. 211—261; 1710 г. Переписная книга артиллерии города Архангельска. С. 278—292).
- ⁹⁴ Ласковский Ф. Ук. соч.; Сперанский А. И. Очерки по истории Приказа каменных дел Московского государства. М., 1930. С. 92; Гемп К., Кибирев М. Ук. соч. С. 153—156 и др.; Косточкин В. В. О "регулярной" планировке в крепостной архитектуре // Ежегодник института истории искусств, 1957. Живопись и архитектура. М., 1958. С. 89—132; Овсянников О. В. Люди и города средневекового Севера. С. 26—29.
- ⁹⁵ ДАИ. Т. V. С. 179—206; Т. VI. С. 32—41, 112—153.
- ⁹⁶ Охранные архитектурно-археологические работы проводились по просьбе Архангельского облисполкома и обкома КПСС, информацию о них см.: Овсянников О. В. Работы в Архангельской области // АО. 1984. М., 1986; Он же. Отчет об охранных архитектурно-археологических работах в г. Архангельске в 1984 г. — РА ИИМК РАН, ф. 35, оп. 1, 1984, д. 141—142; Отчет об охранных архитектурно-археологических работах в г. Архангельске в 1991 г. — Там же, 1991, д. 1—2.
- ⁹⁷ Комплекс документов середины—второй половины XVIII в. был разыскан в ГААО и исследован старшим научным сотрудником Архангельского областного краеведческого музея Л. Д. Фирсовой (см.: Овсянников О. В., Фирсова Л. Д. Архангельские гостиные дворы: Строительная история комплекса в XVII—XVIII вв. // Памятники культуры: Новые открытия: Ежегодник, 1990. М., 1992. С. 428—474).
- ⁹⁸ ПСРЛ. Т. 33. С. 156.
- ⁹⁹ Сибирцев И. Исторические сведения из церковно-религиозного быта г. Архангельска в XVII—первой половине XVIII в. Архангельск, 1894. С. 42—43; ПСРЛ. Т. 33. С. 155.
- ¹⁰⁰ Там же. С. 46. Любопытно, что после пожара 1667 г. на месте Воскресенской церкви и церкви Параскевы и кладбища при них были поставлены незаконно три немецких амбара ("те амбары поставили на церковных и на алтарных местах и на христианских кладбищах и возле амбаров поставили отходы", было указано — "снести"), см.: ДАИ. Т. VI. С. 208.
- ¹⁰¹ Там же. Т. V. С. 284.
- ¹⁰² Там же.
- ¹⁰³ Там же. С. 179.
- ¹⁰⁴ Там же. С. 181.
- ¹⁰⁵ Там же. С. 179—206.
- ¹⁰⁶ Одна такая операция, неудачная для контрабандистов, подробно изложена в отписке Аверкия Кириллова (см.: Там же. С. 314).
- ¹⁰⁷ Бакланова Н. А. Постройка Нового Гостиного двора в Москве в 1660—1665 гг. // Академику Б. Д. Грекову ко дню 70 летия. М., 1952. С. 190—198.
- ¹⁰⁸ ДАИ. Т. V. С. 285.
- ¹⁰⁹ Там же. С. 285—287.
- ¹¹⁰ Там же. Т. VI. С. 129.
- ¹¹¹ ПСРЛ. Т. 33. С. 156.
- ¹¹² ДАИ. Т. IV. С. 33.
- ¹¹³ Там же. С. 34.
- ¹¹⁴ Там же. Т. V. С. 378.
- ¹¹⁵ Там же. Т. VI. С. 38.
- ¹¹⁶ Там же. С. 33—39.
- ¹¹⁷ Там же. С. 132.
- ¹¹⁸ Там же. С. 113.
- ¹¹⁹ Там же. С. 129.
- ¹²⁰ Там же. С. 132.
- ¹²¹ Там же. С. 139.
- ¹²² Там же.
- ¹²³ Там же. С. 148.
- ¹²⁴ Калачев Н. В. Ук. соч.
- ¹²⁵ ГААО, ф. 14, оп. 1, д. 733.
- ¹²⁶ Косточкин В. В. Русское оборонное зодчество... С. 52—64.
- ¹²⁷ Там же. С. 212.
- ¹²⁸ Кирпичников А. Н., Хлопин И. Н. Великая государева крепость. Л., 1974. С. 70—74.
- ¹²⁹ Булкин В. А., Лебедев Г. С., Сивак С. И., Штендер Г. М. Гостиный двор в Новгороде // Новгородский край: Материалы научной конференции "Новгород древний — Новгород социалистический. Археология, история, искусство". Л., 1984. С. 231—233. Во время археологических раскопок на территории гостиного двора в обнаруженном корпусе длиной 150 м были исследованы 12 помещений — амбары размером 10х12,0 м и воротный проезд шириной 4 м.
- ¹³⁰ Копылова С. В. К истории строительства каменного Гостиного двора в Тобольске (начало XVIII в.) // История городов Сибири досоветского периода (XVII — начало XX в.). Новосибирск, 1977. С. 291—293.
- ¹³¹ Кочеданов В. И. Тобольск: (Как рос и строился город). Тюмень, 1963. С. 61.
- ¹³² АИ. Т. V. СПб., 1842. С. 520.
- ¹³³ Архив СПб. ФИРИ РАН, ф. 168, д. 143.
- ¹³⁴ РГАДА, ф. 214, оп. 5, кн. 597.
- ¹³⁵ Там же, д. 1062.
- ¹³⁶ Кириллов Е. В. Проекты "образцовых домов", разработанные С. Ремезовым для Тобольска // Архитектурное наследие, 12. М., 1960. С. 154.
- ¹³⁷ Сперанский А. Н. Ук. соч. С. 135.
- ¹³⁸ Кириллов В. В. Ансамбль Тобольского кремля // Русское зодчество первой четверти XVIII века. М., 1974. С. 63.
- ¹³⁹ ДАИ. Т. VI. С. 133.
- ¹⁴⁰ Овсянников О. В. Люди и города средневекового Севера. С. 25—26; Он же. О каменных палатках XVII в. ... С. 105.
- ¹⁴¹ Кирпичников А. Н., Хлопин И. Н. Великая государева крепость. С. 163—164.
- ¹⁴² ДАИ. Т. VI. С. 32.
- ¹⁴³ Там же. С. 117.
- ¹⁴⁴ Там же. С. 118.
- ¹⁴⁵ Там же. С. 119.
- ¹⁴⁶ Там же. С. 136.
- ¹⁴⁷ Там же. С. 143.
- ¹⁴⁸ ДАИ. Т. VIII. СПб., 1862. С. 270.
- ¹⁴⁹ ДАИ. Т. VI. С. 125.
- ¹⁵⁰ Там же. С. 127.
- ¹⁵¹ Булкин В. А., Овсянников О. В. Новые данные о каменном строительстве второй половины XVII в. в окрестностях Холмогор // Памятники культуры: Новые открытия: Ежегодник, 1984. Л., 1986. С. 541—553.
- ¹⁵² ГААО, ф. 57, оп. 2, т. 1, д. 292.
- ¹⁵³ ДАИ. Т. VI. С. 125.
- ¹⁵⁴ Приклонский А. Владения Пертоминского монастыря в Архангельске: (Материалы к истории г. Архангельска из архива Пертоминского монастыря) // Материалы Соловецкого отд. Архангельского общества краеведения. Вып. 1. 2-е изд. Соловки, 1927. С. 50.
- ¹⁵⁵ ДАИ. Т. VI. С. 139.
- ¹⁵⁶ РГАДА, ф. 1209, кн. 15051, л. 107.
- ¹⁵⁷ Приклонский А. Пертоминский архив: Описание рукописей Спасо-Преображенского Пертоминского монастыря, хранящихся в музее Соловецкого общества краеведения, XVII—XVIII вв. // Материалы Соловецкого отд. Архангельского общества краеведения. Вып. XV. Соловки, 1927. С. 31.
- ¹⁵⁸ Там же. С. 24.
- ¹⁵⁹ РГАДА, ф. 141, оп. 7, ч. 9, л. 1.
- ¹⁶⁰ Материалы по истории Архангельска // ИАОИРС. 1911. № 16. С. 367. Опубликованный чертеж части Архангельска взят из "данной" на дворовое место на "Юрьевом взвозе" (ГААО, ф. 53, оп. 2, д. 108).

- 161 ПСРЛ. Т. 33. С. 200.
 162 РГАДА, ф. 141, оп. 8, ч. 6, д. 52, л. 1 об. — 2.
 163 Архив СПб. ФИРИ РАН, ф. 10, оп. 2, д. 250, л. 10.
 164 ГАОО, ф. 1, оп. 1, д. 1295, л. 1, 10.
 165 Там же, д. 142, л. 18. Большая группа документов, связанных с сооружением дополнительных укреплений у Гостиных дворов, хранится в ГАОО, см.: Там же, д. 1295, 3389, 3420, 142.
 166 Там же, д. 1295, л. 10.
 167 Там же, д. 142, л. 18.
 168 Там же, д. 1068, л. 32.
 169 Там же, д. 142, л. 15.
 170 Там же, д. 1068, л. 50.
 171 Там же, оп. 9, д. 252.
 172 Там же, ф. 51, оп. 16, д. 28, л. 61—65 об.
 173 Там же, д. 29, л. 32.
 174 Там же, ф. 4, оп. 11, д. 160, л. 56; ф. 51, оп. 16, д. 28, л. 32—53 об.; д. 29, л. 32—35; ф. 1, оп. 1, д. 3389, л. 39—40 об.
 175 Там же, ф. 51, оп. 16, д. 28, л. 208.
 176 Там же, ф. 1, оп. 16, д. 28, л. 186.
 177 Там же, л. 166; ф. 1, оп. 3, д. 108, л. 84 об. и др. См.: *Овсянников О. В., Фирсова Л. Д.* Ук. соч. С. 446—449.
 178 ГАОО, ф. 1367, оп. 2, д. 1716, л. 74—79 об.
 179 *Нейштадт М. И.* История лесов и палеогеография СССР в голоцене / Изд. АН СССР. М., 1957. Фиг. 38, с. 69; фиг. 39, с. 70.
 180 Топографическое описание города Архангельского по запросам Санкт-Петербургской Императорской Академии наук, а по указам вологодского наместнического Правления, сочинено под смотрением г. архангелогородского обер коменданта, с помощью обоих архангелогородских магистратов, губернского и городского, трудами мешанина В. К. 1782 года. — Архив СПб. ФИРИ РАН, ф. 36, оп. 1, д. 440, л. 1—7 об.
 181 *Овсянников О. В.* Архангельский деревянный "город" XVI—XVII вв. — форпост России в Беломорье // История и культура Архангельского Севера (досоветский период): Межвузовский сборник научных трудов. Вологда, 1986. С. 37—59; *Он же.* Архангельский деревянный "город" XVI—XVII вв. // КСИА. Вып. 195. 1989. С. 92—97.
 182 РО Библиотеки РАН, Д-618, л. 95.
 183 РГАДА, ф. 1209, кн. 9, л. 11 об. — 13.
 184 Там же, л. 12 об. Местная архангельская традиция считает, что Преображенская церковь была построена в 1584—1588 гг., а Никольский придел пристроили около 1620 г. (см.: Краткое историческое описание приходов и церквей... Вып. 1. С. 5).
 185 РГАДА, ф. 1209, кн. 9, л. 15 об. — 26, 47 об. Вряд ли Рождественская церковь была построена в конце XVI в. (см.: Краткое историческое описание приходов и церквей... Вып. 1. С. 35), в описании 1622—1624 гг. она не упомянута.
 186 РГАДА, ф. 1209, кн. 9, л. 32—45.
 187 Там же, кн. 15051, л. 14—14 об.
 188 ПСРЛ. Т. 33. С. 153.
 189 РО Библиотека РАН, Д-619, л. 111—111 об.
 190 Там же, л. 112.
 191 Там же.
 192 Краткое историческое описание приходов и церквей... Вып. 1. С. 56.
 193 ГАОО, ф. 57, оп. 2, д. 123.
 194 Там же, д. 126.
 195 Там же, д. 124.
 196 Там же, т. 1, д. 292.
 197 ДАИ. Т. III. С. 113; ПСРЛ. Т. 33. С. 157—158. Подробнее см.: *Овсянников О. В.* Архангельский деревянный "город" XVI—XVII вв. — форпост России в Беломорье. С. 42—43.
 198 Там же. С. 46.
 199 Там же.
 200 ГАОО, ф. 4, оп. 7, д. 26, л. 1, 16.
 201 Архив СПб. ФИРИ РАН, ф. 10, оп. 2, д. 100, л. 1—6 об., 9—13 об., 18 об.
 202 Там же, оп. 1, д. 1, ч. 1, л. 5 об.
 203 Там же, л. 6.
 204 Там же, оп. 2, д. 247, л. 1—5.
 205 Там же, оп. 1, д. 1, ч. 1, л. 8.
 206 РГАДА, ф. 137, Архангельск, д. 43, л. 129 об. — 130.
 207 Архив СПб. ФИРИ РАН, ф. 10, оп. 1, д. 1, ч. 1, л. 16, 21.
 208 ПСРЛ. Т. 33. С. 203.
 209 Архив СПб. ФИРИ РАН, ф. 10, оп. 2, д. 105.
 210 Там же, оп. 4, д. 61, л. 7—23 об.
 211 Там же, оп. 3, д. 599, л. 9.
 212 Там же, л. 12—14.
 213 Там же, л. 268—270 об.
 214 Там же, л. 271 об. — 274.
 215 Там же, л. 276—282 об.
 216 Там же, л. 283 об. — 286.
 217 Там же, л. 288—289 об.
 218 Там же, л. 289 об. — 291.
 219 Там же, л. 291 об. — 294.
 220 ГАОО, ф. 1025, оп. 2, д. 27, л. 1 (ч. I).
 221 Там же (ч. III—IV).
 222 Там же (ч. V—VIII).
 223 Там же, ф. 831, оп. 1, д. 2052.
 224 ПСРЛ. Т. 33. С. 155.
 225 Краткое историческое описание приходов и церквей... Вып. 1. С. 8.
 226 ПСРЛ. Т. 33. С. 205.
 227 Архив СПб. ФИРИ РАН, ф. 10, оп. 3, д. 304, л. 294 об. — 300 об.
 228 Там же, оп. 2, д. 276, л. 1—1 об.
 229 Там же, л. 2—2 об.
 230 Там же, л. 26—26 об.
 231 Там же, л. 6—6 об.
 232 РГАДА, ф. 137, оп. 1, кн. 1, л. 16—16 об.
 233 Там же, ф. 1209, кн. 15051, л. 15.
 234 Там же, ф. 137, Архангельск, д. 43, л. 119 об.
 235 Архив СПб. ФИРИ РАН, ф. 10, оп. 3, д. 1, л. 25.
 236 Там же, д. 304, л. 29—29 об.
 237 РГАДА, ф. 137, Архангельск, д. 43, л. 128.
 238 Архив СПб. ФИРИ РАН, ф. 10, оп. 3, д. 1, л. 5.
 239 Там же, д. 304, л. 7—7 об.
 240 Там же, л. 10 об.
 241 Там же, л. 14.
 242 Там же, л. 3—3 об.
 243 Там же, л. 18—19.
 244 Там же, л. 25—25 об.
 245 Там же, л. 41—42 об.
 246 Там же, л. 50—53 об.
 247 РГАДА, ф. 1209, кн. 9, л. 21.
 248 Там же, ф. 137, оп. 1, кн. 1, л. 16—16 об.
 249 Там же, ф. 1209, кн. 15051, л. 15.
 250 Там же, ф. 137, Архангельск, д. 43, л. 119 об.
 251 Архив СПб. ФИРИ РАН, ф. 10, оп. 1, д. 1, ч. 1, л. 24—35.
 252 Там же, оп. 2, д. 315, л. 81.
 253 ГАОО, ф. 53, оп. 2, т. 2, д. 108.
 254 Архив СПб. ФИРИ РАН, ф. 10, оп. 3, д. 304, л. 199—204 об.
 255 Там же, оп. 2, д. 144, л. 1—5.
 256 Там же, д. 57, л. 1—3.
 257 Там же, оп. 3, д. 304, л. 205—237.
 258 РГАДА, Поместный приказ, ф. 1209, кн. 9.
 259 Там же, Боярские и городские книги, ф. 137, кн. 1.
 260 Там же, Поместный приказ, ф. 1209, кн. 15051.
 261 *Овсянников О. В.* Холмогорский и Архангельский посады по писцовым и переписным книгам XVII в. // Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный Археографический сборник. Вып. 1. Вологда, 1970. С. 197—211.
 262 *Цветаев Дм.* Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразований. М., 1890. С. 140.
 263 *Овсянников О. В.* Архангельский деревянный "город" XVI—XVII вв.
 264 Акты Лодомской церкви... С. 110.
 265 *Цветаев Дм.* Ук. соч. С. 262.
 266 *Корд В.* Ук. соч. С. ССXLVIII.
 267 Архив СПб. ФИРИ РАН, колл. 11, кн. 122.
 268 Там же, л. 50.
 269 *Сибирцев И.* Исторические сведения из церковно-религиозного быта... С. 33—36.
 270 Архив СПб. ФИРИ РАН, ф. 10, оп. 4, д. 14.
 271 О городском северном жилище XVI—XVII вв. см.: *Рабинович М. Г.* Русское жилище в XIII—XVII вв. // Древние жилища народов Восточной Европы. М., 1975; *Грамов Г. Г.* Жилище // Очерки русской культуры XVI века. М., 1977. С. 182—201; *Овсянников О. В.* О некоторых компонентах северорусского жилища XVI—XVII вв. // Исследования по истории крестьянства Европейского Севера России:

- Межвузовский сборник научных трудов. Сыктывкар, 1980. С. 123—132.
- 272 ГААО, ф. 1, оп. 1, т. 1, д. 1703.
- 273 *Аксютченко Ю. В., Брызгалов В. В.* Имена голландских купцов в русских документах XVII столетия // 11-я Международная школа-семинар "Экологические проблемы Европейского Севера" (1—6 сентября 1992 г.): Тезисы докладов. Архангельск, 1992. С. 208—210.
- 274 *Овсянников О. В.* Архангельск как военный форпост России на Севере // Роль Архангельска в освоении Севера: (Тезисы докладов Всесоюзной конференции. Архангельск, июнь 1984 г.). Архангельск, 1984. С. 28—30; *Он же.* Архангельский деревянный "город" XVI—XVII вв. — форпост России в Беломорье. С. 37—59; *Он же.* К топонимике и топографии старинного Архангельска // Вопросы топонимики Подвинья и Поморья. Архангельск, 1991. С. 55—112; *Овсянников О. В., Фирсова Л. Д.* Архангельские гостиные дворы. С. 428—458.
- 275 Архив СПб. ФИРИ РАН, ф. 10, оп. 2, д. 46, л. 1—6 об.
- 276 Там же, л. 3.
- 277 Там же, оп. 1, д. 1, ч. 1, л. 18.
- 278 Там же, д. 14, л. 123.
- 279 *Овсянников О. В.* К топонимике и топографии старинного Архангельска. С. 74—75.
- 280 *Овсянников О. В.* Средневековые города Архангельского Севера. С. 193—198.
- 281 Краткое историческое описание приходов и церквей... Вып. 1. С. 49—50. Об охранных архитектурно-археологических работах см.: *Овсянников О. В.* Отчет... 1989 г. — РА ИИМК РАН, ф. 35, оп. 1, 1989, д. 5—6.
- 282 РА ИИМК РАН, ф. 1, 1907, д. 144.
- 283 Известия Археологической комиссии. Вып. 26. (Вопросы реставрации. Вып. 1). СПб., 1908. С. 54.
- 284 Там же. С. 55.
- 285 Там же.
- 286 *Покрышкин П. П.* Ремонт и выпрямление колокольни при Боровско-Успенской церкви в г. Архангельске // Известия Археологической комиссии. Вып. 48. (Вопросы реставрации. Вып. 11). СПб., 1913. С. 43—54.
- 287 Там же.
- 288 Известия Археологической комиссии. Вып. 46. (Вопросы реставрации. Вып. 10). СПб., 1912. С. 57.
- 289 Там же.
- 290 ГААО, ф. 29, оп. 4, т. 6, д. 9342, л. 62.
- 291 *Покрышкин П. П.* Ук. соч. С. 43—54.
- 292 *Медникова Е. Ю.* Деятельность академика архитектуры П. П. Покрышкина в Императорской Археологической комиссии (по материалам Рукописного архива Императорской Археологической комиссии и ИИМК РАН) // Археологические вести. № 4. СПб., 1995. С. 303—304.
- 293 РА ИИМК РАН, ф. 21, оп. 1, д. 1616, л. 1.
- 294 Там же, л. 2.
- 295 Там же, д. 31, л. 1.
- 296 Там же, д. 1615, л. 1.
- 297 Там же, д. 376, л. 1.
- 298 ГААО, ф. 29, оп. 4, т. 6, д. 9345, л. 66а. Другие документы опубликованы в Приложении (см.: Там же, д. 9342). См. также: РГИА, ф. 799, оп. 26, д. 48, л. 11 (1909 г. О мерах по охране древней Успенской Боровской церкви в Архангельске).

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Документы о реставрации Успенской Боровской церкви

Его преосвященству, преосвященнейшему
Нафаналу, епископу Архангельскому и
Холмогорскому,
от священника Боровско-Успенской в
городе Архангельске церкви
Василия Любавского
Рапорт.

л. 62 Долг имею почтительнейше донести вашему преосвященству, милостивейшему архипастырю и отцу, что давнишняя печаль нашего прихода, наклонившаяся и грозившая падением Успенская колокольня, теперь, с Божией помощью, заступлением Царицы небесной и содействием добрых людей, превратилась в великую для нас радость: колокольня наша не только фундаментально укреплена, но и совершенно выпрямлена и теперь, как свеча Божия, стоит на радость и утешение всего нашего прихода.

л. 62 об. Ремонт колокольни Спасо-Успенской // церкви г. Архангельска и выпрямление ее, как значится в оставленной г. Покрышкиным памятке от 24 октября 1912 года, произведены под личным руководством члена Императорской Археологической комиссии академика архитектуры П. П. Покрышкина по поручению оной комиссии с 24 августа 1912 г. по 24 октября 1912 г.

Во время ремонта определилось, что фундамент под колокольню был глубиною 3 ар. 4 вер., шириною 1 ар. 15 вер. в подошве и состоял из деревянных ступьев 1 ар. 4 вер. высотой, на которых покоилась белокаменная кладка на глине высотой 2 аршина. Ступья сделаны были из круглых бревен толщ. до 8 вершков, поставлены плотно один к одному, а между ними для плотности забиты еще жерди. Камни в фундаменте были сильно раздроблены, а ступья сильно сгнили, некоторые даже на половину своей высоты и толщины, при том все они наклонились в сторону реки на 30° и меньше. Ступьев не оказалось только под северо-восточным углом — этим объясняется то обстоятельство, что этот угол осел меньше остальных углов, по той же причине низ его отодвинуло к востоку, а в перемычке прилегающего окна (ныне двери в сторожку) образовалась вертикальная трещина. Грунт, в коем врыты означенные ступья, плотная глина. Надежность этого грунта доказывается тем, что при бросании с больших камней (напр., 2 ар. длины, 1 арш. ширины и 6 вер. толщины) с высоты 3 аршина на дно фундаментного рва не оказалось ни малейшего сотрясения. Грунтовая вода сочилась слабо между ступьями и из погребений, не // прелятствуя работам. Погребения встречались довольно часто. Судя по ориентировке (голова на запад), это христианские погребения, православные. Они вырыты в том черноземном слое, который служил поверхностью земли в эпоху, предшествовавшую постройке нынешней каменной церкви. Гробы сколочены из деревянных досок, вещей в них не встречено.

л. 63 Ремонт фундамента заключался в замене его новым, вполне прочным. Новый фундамент заложен глубже ступьев на 4—12 верш. Он сложен твердаго белого известняка из больших постелистых камней, на цементном растворе 1:3. Новый фундамент расширяется к низу по 1 арш. во все стороны (кроме стороны, обращенной к церкви, где он соприкасается с фундаментом последней) и таким образом достигает в подошве ширины 3 арш. 10 вер., а под пилястрами и более. Подошва новага фундамента совершенно горизонтальна, только под северо-вост. углом она делает уступ на 12 вер. кверху, т. е. под этим столбом фундамент заложен мельче на 12 вер., так как здесь не оказалось ступьев, грунт же совершенно прочен. Между восточными столбами фундамента не было и вновь не сделано за бесполезностью, а под западным дверным проемом выложен сплошной фундамент, так как большая часть его принимает на себя груз от колокольни. Промежутки между колокольней и церковью, разработанные перед началом ремонта для того, чтобы дать возможность колокольне свободно выпрямиться, заполнены внизу бетоном, а выше — кладкой из кирпича железняка. // Выпрямление достигнуто посредством мешков из песка, которые были положены сверх новага фундамента, под стены. Когда весь фундамент был готов, то некоторые мешки были вынуты с таким расчетом, чтобы стены колокольни основали на столбах из мешков, затем из последних выпускался песок до того момента, когда колокольня приняла отвесное положение. Дальнейшее движение колокольни остановлено заделками из кирпича железняка вышеозначенных промежутков между песчаными столбиками, а затем, наконец, окончательно выпущен песок из последних, самые мешки вынуты, образовавшиеся пустоты заполнены кирпичною кладкою на цементе. При этом движение колокольни совершенно откололись все цокольные выступы. Они будут восстановлены только в тех местах, где цоколь открыт. Цокольный профиль у колокольни тождествен с таковыми у церкви.

л. 63 об. До выпрямления — отклонение вершины креста от вертикали достигало 2¹/₂ арш., в юго-запад.-зап. сторону, при высоте в 16 саж. Равновесие колокольни возможно еще было и при таком наклоне, так как вертикаль, проходящая через центр тяжести колокольни, еще не выходила из средней трети основания.

Оконные проемы (в четверике) заполнены кирпичною кладкою на цементе, лишь один оставлен открытым и служит дверью в сторожку: до ремонта они служили нишами, в коих хранились книги.

Член Императорской Археологической комиссии академик архитектуры П. Покрышкин, г. Архангельск, 24 окт. 1912 г. //

л. 64 Все работы по укреплению и выпрямлению колокольни и по приведению в надлежащий порядок всех примыкающих к ней построек с устройством новой деревянной лестницы на колокольню академиком Покрышкиным в присутствии причта, церковного старосты и членов приходского попечительства сданы были за 5000 рублей подрядчику строительных работ Семену Викторовичу Овчинникову с его материалами, рабочими, инструментами и всеми вспомогательными средствами.

В виду того, что главные, более ценные работы по ремонту и выпрямлению колокольни произведены, остается только привести в настоящий порядок примыкающих к колокольне построек, что частью делается теперь и окончено будет весной будущего 1913 года; по просьбе Овчинникова с разрешения Духовной консистории уплачено ему, Овчинникову, под расписку 2500 рублей в счет условленной платы, с тем чтобы остальные деньги ему дополучить по окончании всех установленных работ.

Кроме того, согласно заявлению П. П. Покрышкина, уплачено ему за проезд в Архангельск и обратно 50 руб. и его помощнику Л. И. Кириллову за наблюдение за работами по ремонту Успенской колокольни и за проезд в Архангельск и обратно 220 рублей, на что имеются их росписки от 13-го сентября и 1-го ноября 1912 года.

л. 64 об. На ремонтные работы по укреплению и выпрямлению Успенской колокольни скоплено за прежние годы моей службы сбережений из церковных сумм 2000 рублей и за посл./ледний год мною, священником Василием Любавским, от разных лиц собрано по выданной на мое имя из Духовной консистории книжкою 4137 рублей 94 коп. Жертвователи более крупных сумм поименованы в конце этого рапорта.

Кроме капитального ремонта колокольни Бог помог нам минувшим летом отремонтировать и весь храм внутри и снаружи, именно — I — снаружи: а) побелены известью стены храма и колокольни, с предварительной заделкой осыпавшихся кирпичей и замазкой щелей, б) покрашены масляной краской главы, купола и крыша на храме и колокольне, с предварительной заменой проржавевших листов железа новыми; II — внутри: а) переделаны дымоходы у печей в Успенском приделе, со вставкою в дымоходные каналы гончарных труб как для отвода дыма, так и отдельных для вновь устроенных вентиляторов; б) окрашены масляной краской внутренние стены, купол и алтарь в Успенском приделе с предварительной необходимой для таковой покраски подготовкой и исправлением штукатурки; в) промьгты стены и потолки в Вознесенском и Тихвинском приделах и алтарях и покрашены масляной краскам все церковные двери и дверные и оконные косяки и переплеты внутри и снаружи; г) промьгты заново иконостасы во всех трех приделах, а равно и иконы с киотами во всех других частях храма; д) промьгты и отелены все четыре панникадила и все церковные подсвечники и лампы. Все работы по ремонту церкви, // за исключением промьгты иконостасов, панникадил с подсвечниками и лампадами произведены управляющим делами потомственного почетного гражданина И. И. Круглова в городе Архангельске Василием Николаевичем Блатовым, членом местного приходского попечительства, за 750 рублей, уплаченных из сумм местного церковно-приходского попечительства, скопленных при моем ближайшем участии за прежние годы (действительная стоимость этих работ вдвое более — 1500 руб.). Иконостасы промьгты мастером Д. Д. Терентьевым за 200 рублей, пожертвованных по моей просьбе на этот предмет председателем приходского попечительства, потомственным почетным гражданином А. И. Вальневым. Панникадила, подсвечники и лампы промьгты мастером Кочетковым за 66 рублей, пожертвованных тоже А. И. Вальневым. Акты о произведенных ремонтных работах как по колокольне, так и по церкви представлены в Духовную консисторию при рапортах от 29-го октября 1912 г. № 165 и № 166.

л. 65

Донося о вышеизложенном, считаю своим нравственным долгом усерднейше просить Ваше преосвященство обратить свое архипастырское внимание на лиц, своими пожертвованиями, трудами и заботами содействовавших великому для нашего прихода делу укрепления и выпрямления Успенской колокольни и общего ремонта Успенского храма, и в той или иной форме по Вашему архипастырскому усмотрению выразить им Вашу архипастырскую благодарность, преподать им Ваше архипастырское благословение. // Наибольшая заслуга в деле выпрямления и укрепления Успенской колокольни должна быть признана, без сомнения, за П. П. Покрышкиным. Ему принадлежит прежде всего самая идея выпрямления и укрепления колокольни таким простым и дешевым, а в сущности, гениальным способом, какой им был применен к нашей колокольне и дал изумительный по своей целесообразности и успешности результаты. Лично г. Покрышкин в течении двух месяцев с замечательной энергией, редким терпением и сосредоточенной внимательностью руководил всеми работами по ремонту колокольни, не отлучаясь ни на час от рабочих, так что без его указаний и личного наблюдения не вынут и не положен ни один кирпич и ни один камень. И что особенно ценно и умирительно — Петр Петрович в данном случае трудился совершенно безкорыстно, ради Господа, по любви к храму Божию, не взявши за свой двухмесячный утомительный, тяжелый, ответственный и рискованный труд ни копейки денег. Должны быть мы признательны затем помощнику Петра Петровича — Леониду Ив. Кириллову и подрядчику строительных работ С. В. Овчинникову. Г. Кириллов по указаниям Петра Петровича следил за работами во время служебных отлучек академика Покрышкина, а также заменял его во время необходимого ночного отдыха (работы по характеру своему требовали непрерывности и производились днем и ночью), опытный подрядчик и знаток каменного строительного дела С. В. Овчинников тоже прилагал // все свое старание и умение, чтобы содействовать лучшему осуществлению плана Петра Петровича. Немало хлопот и трудов положено в этом деле и церковным старостою Успенской церкви архангельским мешанином Федором Егорьевичем Воробьевым. В значительной степени содействовали успеху дела председатель приходского попечительства Алексей Иванович Вальнев, неоднократно собиравший приходское попечительство для решения вопросов, связанных с ремонтом колокольни, затем местный о. диакон Михаил Порфирьев, делопроизводитель попечительства (на нем лежало все письмоводство) и прочие члены попечительства, особенно те из них, которые были вместе с тем крупными жертвователями на ремонт колокольни и церкви.

л. 65 об.

л. 66

Более крупные пожертвования сделали следующие лица: потомственный почетный гражданин А. И. Вальнев — 200 руб. на ремонт колокольни и 266 руб. на ремонт церкви, а всего 466 руб. Фирма И. И. Круглова в лице его самого и его доверенных В. П. Груздева и В. Н. Блатова, 200 руб. на колокольню и 750 руб. на ремонт церкви, а всего 950 руб. Далее перечисляются жертвователи на ремонт одной колокольни: бывший церковный староста врач А. Г. Попов 300 руб., потомственный почетный гражданин Н. И. Шарвин 300 руб., священник Василий Любавский 300 руб., настоящий церковный староста архангельский священник Ф. Е. Воробьев от себя 100 руб. и от других 92 руб., а всего 192 руб., потомственный почетный // гражданин Ф. Ф. Ландман лично от себя 100 руб., от Архангельского отделения С.-Петербургского ком. международного банка 100 руб. и от других лиц 80 руб., а всего — 280 рублей, купеческая вдова А. И. Починкова 200 руб., А. Ф. Ландман лично 100 руб. и от других 46 руб., а всего 146 руб., Е. И. Трифонов 100 руб., Д. И. Казаков 100 руб., И. С. Богачев 100 руб., П. Ал. и А. Ф. Пец 100 руб., Е. А. Маркова 100 руб., Ам. А. Попов 100 руб., А. Ю. Сурков 100 руб., Н. И. Жаравин 100 руб., от Е. П. Поповой 136 руб. 90 коп., А. М. Ульсен 50 руб., М. В. Першнев 50 руб., Н. А. Кротова 50 руб., Е. И. Шергольд 50 руб., В. В. Гувелякен 50 руб., А. Ф. Шольц 50 руб., М. Ст. и П. М. Чурсановы 50 руб., О. Д. Подойницына 50 руб., Д. И. Мейер 50 руб., О. К. Гильде 20 руб., Ф. Золотцев — 25 руб., А. Минина 25 руб., П. С. и А. Ф. Никифоровы 33 руб., И. В. Сидоров 20 руб., через К. И. Корельского 26 руб., через Ф. К. Кобелева 25 руб., через А. В. Кремлева 18 руб. 70 коп. Прочия суммы поступили от многих лиц, жертвовавших в более скромных размерах до копейки включительно.

л. 66 об.

Не скрою от Вас, преосвященнейший владыка, что многих и долгих забот, хлопот, трудов, печалей, скорбей и огорчений стоил ремонт Успенской колокольни и лично мне, стоявшему все время в центре этого дела и бывшему здесь главной движущей пружиной.

Вопрос о ремонте нашей колокольни давнишний, аффициально это дело началось по моей инициативе восемь лет назад в июне 1904 года, а думать об укреплении и выпрямлении Успенской колокольни мне пришлось с первых же дней моего поступления священником к Успенской церкви, с июня 1897 года. Утешаюсь сознанием, что без труда и забот ничто важное не дается человеку, благодарю Господа, увенчавшего успехом мой труд и заботы и вместе с тем с великим святителем от всего сердца повторяю: Слава Богу за все!

л. 66 в

15 ноября 1912 года. Священник Василий Любавский

ГАО, ф. 29, оп. 4, т. 6, д. 9342

13 сент. 1912 г.

В Консисторию по докладу.

Его Преосвященству Е. Нафанаилу

Преосвященнейшему Нафанаилу,

епископу Архангельскому и Холмогорскому

Имею честь уведомить Ваше Преосвященство, что, выезжая по делам службы в Москву, я передал наблюдение за ремонтом колокольни при Боровской Успенской церкви моему помощнику Леониду Ивановичу Кириллову.

Ответственность за жизнь людей, работающих при указанном ремонте, а равным образом за целостность и безопасность колокольни при этих работах принимаю на себя, поскольку это требуется законом.

Командированный Императорскою Археологическою комиссиею для производства ремонта колокольни при Боровской Успенской церкви г. Архангельска.

Член оной комиссии
академик архитектуры П. Покрышкин
ГААО, ф. 29, оп. 4, т. 6, д. 9342, л. 57

Глубокоуважаемый Владыко!

В Москве я узнал, что опытного иконописца реставратора можно вызвать в Архангельск при условии вознаграждения ему по 100 рубл. в месяц и путевые издержки 50 рублей. Списать по этому вопросу можно с братьями Михаилом и Григорием Осиповичами Чириковыми (Москва. Таганка. Большой Покровский пер., свой дом). При этом обращаю внимание Вашего Пресвященства на две древние иконы в Михайло-Архангельской церкви в г. Архангельске, близ собора; оне находятся в паперти названной церкви: Чудо Архангела Михаила в Хонех и Св. Иоанн Предтеча с Житием.

В надежде на молитвы и благославления Вашего Пресвященства остаюсь покорнейшим слугою Вашим.

П. Покрышкин
г. Архангельск
24 октября 1912 г.

ГААО, ф. 29, оп. 4, т. 6, д. 9342, л. 60—60 об.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Описание Сального берега

- л. 240 На Салном берегу колмогорца Бориса Сорокина прядиленной анбар, длинника 3 сажени 2 аршина 1 четверть, поперег 3 сажени пол-2 аршина, навесов пол-2 аршина. Возле того анбара на боку сарай, длиннику 3 сажени, поперег тож. Оброку 15 алтын. И вышеписанной владелец колмогорец Борис Сорокин сказал: владеет де вышеписанными прядиленными и сарайными местами по даной из Архангелогороцкой Приказной полаты, которая дана была в прошлом 207-м году на то вышеписанное прядиленное место для прядиленного промысла, а ту де даную взял у него, Бориса, у города камисар Елизарей Избрант для просмотра, и после того он, камисар, ему, Борису, не отдал не знамо для // какого случая. А с вышеписанного де прядиленного анбара и с сарая платит он в Архангелогороцкую таможенную повсягодно оброк, который положил он, Борис, при сей скаски 707-го и 709-го годов с платежных отписей для свидетельства за рукою скаски, а на нынешней 711-й год тех оброчных денег не платил. А на прошлые годы платил он, Борис, по пятнадцати алтын в Архангелогороцкую таможенную на год, тому свидетельствуют оброчные записные книги. К сей скаски Борис Сорокин руку приложил. //
- л. 240 об. На Салном берегу колмогорца Бориса Сорокина прядиленной анбар, длинника 3 сажени 2 аршина 1 четверть, поперег 3 сажени пол-2 аршина, навесов пол-2 аршина. Возле того анбара на боку сарай, длиннику 3 сажени, поперег тож. Оброку 15 алтын. И вышеписанной владелец колмогорец Борис Сорокин сказал: владеет де вышеписанными прядиленными и сарайными местами по даной из Архангелогороцкой Приказной полаты, которая дана была в прошлом 207-м году на то вышеписанное прядиленное место для прядиленного промысла, а ту де даную взял у него, Бориса, у города камисар Елизарей Избрант для просмотра, и после того он, камисар, ему, Борису, не отдал не знамо для // какого случая. А с вышеписанного де прядиленного анбара и с сарая платит он в Архангелогороцкую таможенную повсягодно оброк, который положил он, Борис, при сей скаски 707-го и 709-го годов с платежных отписей для свидетельства за рукою скаски, а на нынешней 711-й год тех оброчных денег не платил. А на прошлые годы платил он, Борис, по пятнадцати алтын в Архангелогороцкую таможенную на год, тому свидетельствуют оброчные записные книги. К сей скаски Борис Сорокин руку приложил. //
- л. 241 Против двора Устина Суботина на обрубке анбар, с лица 3 сажени аршин 2 четверти, поперег тож, навесов по аршину. Возле тот же анбар его, Устинов, погреб с напоребицею, длиннику пол-2 сажени, поперег тож. Оброку не определено. И тот вышеписанной анбар, также и погреб за иноземцом Иваном Петровым Любсом, а скаски он, Любс, не дал и крепостей не положил. //
- л. 242 У Анисима Тарабарина на дворовой земле ево анбар двужирной на одном оклада с верхнею жирною, длинника 9 сажени пол-3 аршина, поперег 4 сажени 2 аршина 1 четверть, навесу с одну сторону 2 сажени, по другую сторону по аршину. Ево ж, Анисима, 4 анбара на одном оклада с верхними жирами, длиннику 17 сажени с аршином, поперег 5 сажени с навесы. У него ж на дворе конатная сушильня ево конаты вешать, длинника 3 сажени 2 четверти, поперег тож, навесов со 2 четверти со всех. У него ж поварня салная, с лица 4 сажени в длину, поперег 6 сажени. // Навесов по 3 четверти со всех, все его, Анисима Тарабарина. Оброку 5 алтын. И Анисим Тарабарин сказал: даны де ему, Анисиму, под вышеписанными ево анбарами всеми порожжие места, на которых он же анбары построил и другие заводы вместо прежнего своего двора, которой по имянному великого государя указу взят и отведен торговому иноземцу агличанину Андрею Стему. И за тот ево двор та вышеписанная под двором и под другими вышеписанными заводами порожжая земля ему, Анисиму, и отведена из Архангелогороцкой таможенны ис прежнего оброку, каков он, Анисим, платил с прежнего двора своего по пяти алтын на год, и тот оброк он, Анисим, платит в Архангелогороцкую таможенную по вся годы, в чем свидетельствуют таможенные оброчные книги, а отписей нет, да и правянт Алексей Мятлев, вышеписанную ево дворовую землю, и двор, и всякое строение измеря, описал же. И великого государя указы, каковы ему, Анисиму, для дворовой постройке на тое дворовую землю даны, положил он, Анисим, к нему, правянту. Вместо Анисима Тарабарина по его велению колмогорец Василей Суханов руку приложил. //
- л. 243 У Осей Кирова на Угоре анбар, длинника 4 сажени пол-3 аршина, поперег 3 сажени, стоит на обрубке. У него ж на дворе анбар, длинника 5 сажени, поперег 2 сажени с навесы. Оброку не определено, построены на дворовой земле. И вышеписанной Осей Киров сказал: построены де у него те вышеписанные анбары, которой против двора на обрубке, также и под ним обруб для бережи от вешной воды, чтоб не сыпало и не подмывало Угора, и во дворе анбар же на дворовой покупной от горожан Афонасья Мякотихина Мырцова земли про свой домовной обиход. А в отдачу из найму тех анбаров он никогда не отдает. А купчие на дворовую землю положены у него к правянту Алексею Мятлеву. Оброку на те анбары не положено, // потому что с тое вышеписанной поддворной поданбарной земли платит он, Осей Киров, всякие великого государя подати и службы служит по окладу с посадскими тяглыми людьми в ряд. Осей Киров руку приложил. //
- л. 243 об. У Осей Кирова на Угоре анбар, длинника 4 сажени пол-3 аршина, поперег 3 сажени, стоит на обрубке. У него ж на дворе анбар, длинника 5 сажени, поперег 2 сажени с навесы. Оброку не определено, построены на дворовой земле. И вышеписанной Осей Киров сказал: построены де у него те вышеписанные анбары, которой против двора на обрубке, также и под ним обруб для бережи от вешной воды, чтоб не сыпало и не подмывало Угора, и во дворе анбар же на дворовой покупной от горожан Афонасья Мякотихина Мырцова земли про свой домовной обиход. А в отдачу из найму тех анбаров он никогда не отдает. А купчие на дворовую землю положены у него к правянту Алексею Мятлеву. Оброку на те анбары не положено, // потому что с тое вышеписанной поддворной поданбарной земли платит он, Осей Киров, всякие великого государя подати и службы служит по окладу с посадскими тяглыми людьми в ряд. Осей Киров руку приложил. //
- л. 244 Горожанина Луки Барабанского за двором анбар, длиннику с лица 2 сажени 2 аршина, поперег тож. А подле того ж анбара его ж, Луки, лавка, длинника с лица 2 сажени, поперег тож. Оброку не определено, построены на дворовой земле. И вышеписанного Луки Барабанского мать вдова Марья Кирилова дочь сказала: вышеписанной анбар и лавка, которая против двора, построены на дворовой купленной земли для своих домашних припасов. А в отдачу де того анбару и лавки она, вдова, никогда не отдает. А купчия у ней на дворовую землю положены к столнику Василью Крутликову. А оброку на анбар и на лавку не положено, потому что с тое вышеписанной поддворной, и поданбарной, и с подлавошной земли платит она, вдова, всякие великого государя подати и службу служит по окладу с посадскими тяглыми ж людьми в ряд. К сей скаски вместо вдовы Марьи Барабанской по ее велению горожанин Алексей Башмаков руку приложил. //
- л. 245 За Салним берегом в Борках на мху против смолных государевых анбаров кирпичной сарай, длиннику с лица 5 сажени, поперег тож 4 сажени горожанина Семена Дементьянова сына Мырцова. Оброку 5 алтын. И у записке он, владелец, Семен Дементьянов, сказал: дана де ему, Семену, вышеписанная подсарайная земля ис пуста, на которой он по-

строил тот вышеписанной кирпичной сарай, из Архангелогородской таможи на оброк в прошлых годах, тому назад годов с семь, а имянно в котором году, того не упомнит, а не вотчинная, и не покупная, и не крепостная. И промышляет он, Семен, в том сарае собою. А даной памяти на то место ему ис таможи не дано, толке записано в таможенных оброчных книгах, по которым с того сараю оброку платил он на прошлые до нынешнего 711-го году по пять алтын на год сполна, а нынешней 711-й год не плачен. // А платежных на те прошлые годы отписей ему, Семену, ис таможи не дано, кроме 708-го году платежной отписи, которую он, Семен, при сей скаске объявил, и взят с тое отписи за ево, Семеновую, рукою список ниже сего под описью. К сей скаске вместо Семена Мырцова по его велению горожанин Гарасим Тропнн руку приложил. //

л. 245 об.

Поварня, что рыбу коптят, горожанина Демида Емельянова, длинника с лица 6 сажени с аршином, поперег 3 сажени. У него ж, Демида, на дворе 2 анбара на одном окладе, с лица длинника 6 сажени, поперег 3 сажени, навесу сажень без четверти. Ево ж анбар за двором, длинника с лица 3 сажени с аршином, поперег тож. А те ево анбары кладовые. Построены вновь в 710-м году. Оброку не определено. И вышеписанной владелец Демида Емельянов сказал: владеет де он тем вышеписанным дворовым местом из давних лет по отводной, // которая ему, Демиду, дана от головы стрелецкого от Николая Григорьева Ванвердина, а которого году та ему даная на вышеписанное дворовое места для постройки дана, того он, Демида, сказал не упомнит. А вышеписанные анбары и поварня построено на вышеписанной дворовой тяглою земле для своих домашних припасов и всякой ружьяди, а в отдачу те анбары никогда не отдаются, и оброку с поварни и с анбаров он, Демида, не платит, потому что с той тяглою земли всякия государевы подати и четвертую часть с того двора повсягодно платит и службу служит с посацкими мирскими людьми в ряд. К сей скаски вместо Демида Емельянова по его велению горожанин Никита Нилов руку приложил. //

л. 246

л. 246 об.

Поварня, что рыбу коптят, горожанина Семена Малахеевых, во дворе, длиннику с лица 3 сажени, поперег 3 сажени тож. Оброку не определено, построено на дворовой земле. И вышеписанной владелец Семен Малахеев сказал: поставлена де у него та вышеписанная поварня на дворовой ево прошлого 709-го года на тяглою земле, для чего и оброку с тое поварни не положено, потому что з двора своего платит он, Семен, государевы подати и службу служит с посацкими людьми в ряд. К сей скаске вместо Семена Малахеева по его велению горожанин Илья Мостовых руку приложил. //

л. 247

Поварня горожанина Якова Мамаева, что рыбу коптят, длиннику с лица 3 сажени с полуаршином, поперег 4 сажени, навесу 2 аршина, стоит во дворе. Построены на дворовой земле. И вышеписанной владелец Яков Мамаев сказал: поставлена де у него та вышеписанная поварня на дворовой ево прошлого 710-го года на тяглою земле, для чего оброку с тое поварни не положено, потому что де з двора своего платит он, Яков, государевы подати и службы служит с посацкими людьми в ряд. К сей скаски Яков Мамаев руку приложил. //

л. 248

Поварня, что была горожанина Василья Цыварева, а ныне владеет горожанин Василей Братухин, длиннику с лица 6 сажени, поперег 3 сажени 2 аршина. Оброк 10 алтын. И вышеписанной владелец Василей Братухин сказал: владеет де он тою поварнею и поваренным местом по купчей, что продал в нынешнем 711-м году горожанин Анцыфор Васильев сын Яшной. А оброку де с того поваренного места за прошлые годы в Архангелогородскую таможду вышеписанной Анцыфор платил ли или нет, про то он, Василей, сказать не знает, а на нынешней де 711-й год в Архангелогородскую таможду он, Василей, оброку не платил. И на ту вышеписанную поварню положил он, Василей, для свидетелства у сей скаски с подлинной купчей список за рукою. Вместо Василья Братухина по его велению горожанин Иваи Власов руку приложил. //

л. 249

Прежней владелец Анцыфор Яшнев сказал: до вышеписанной де своей продажи, владея тою поварнею, он, Анцыфор, на 710-й год платил в Архангелогородскую таможду оброку десять алтын по покупке того 710-го году горожанина Василья Цыварева. А в том де вышеписанном платеже свидетелствуют таможенные книги, а отписи ему не дано. Анцыфор Яшнев руку приложил. //

л. 249 об.

Кузнечное место горожанина Якова Алексева сына Мостовых, а ныне на том месте при... ево баня, длиннику с лица 6 сажени, поперег 2 сажени 2 аршина. Оброку 10 алтын. И вышеписанной владелец Яков Алексева сын Мостовых сказал: владеет де он тем кузнечным местом по купчей 710-го года продажи к нему горожанина Семена Звягина, с которой купчей взят для свидетелства за рукою к сему делу список. Оброку с того кузнечного места платит он, Яков, в Архангелогородскую таможду на год по десяти алтын по вся годы сполна, таж и на нынешней 711-й год плачены ж, а в платежах отписей ему не дано, тому свидетелствуют в Архангелогородской таможде оброчные книги имянно. Вместо Якова Мостовых Иван (Маслов?) Меншей руку приложил. //

л. 250

Кузнечное место горожанина Федора Иванова Ильиных, а ныне на том месте при дворе ево баня, длинника с лица 2 сажени с аршином 3 четверти, поперег 2 сажени бес полуаршина. Оброку 11 алтын 4 денги. И вышеписанный горожанин Федор Ильиных сказал: владеет де он вышеписанным при дворе своем кузнечным местом, на котором поставил баню по поступке колмогорца Афонася Пошехонова из оброчного платежу бес писмянной крепости, записано де и переведено на ево, Федора Ильиных, в Архангелогородской таможи в книгах, по которой записке оброку он платит в Архангелогородскую таможду с того места по одиннадцати алтын по четыре денги на год сполна во вся // годы, а на сей 711-й год не платил. Отписей де не дано, тому ево платежу свидетелствуют оброчные книги. К сей скаски вместо Федора Ильиных по его велению колмогорец Максим Пуканцов руку приложил. //

л. 251

л. 251 об.

На Салном берегу колмогорца Бориса Сорокина два анбара прядиленные. Старого оброку пятнадцать алтын, нового окладу одиннадцать алтын четыре денги, обоого дватцать шесть алтын четыре денги. //

л. 307

Анбар против двора Устина Суботина за проезжею дорогою, что владеет ныне иноземец Иван Петров Любс, нового оброку шеснатцать алтын четыре денги. //

л. 307 об.

Горожанина Анисима Тарабарина на дворовой земле пять анбаров, сушильня конатная, поварня салная. Старого оброку пять алтын, нового окладу пять рублей, обоого пять рублей пять алтын. //

За Салным берегом в Борках на мху кирпичной сарай Семена Дементьева. Старого оброку пять алтын, нового окладу шеснатцать алтын четыре денги, обоого дватцать один алтын четыре денги. //

л. 308

Поварня горожанина Василья Цыварева, ныне владеет Василей Братухин. Старого оброку десять алтын, нового окладу три алтына две денги, обоого тринадцать алтын две денги. //

Кузнечное место горожанина Якова Мостового, ныне на том месте при дворе ево баня. Старого оброку десять алтын, нового окладу три алтына две денги, обоого тринадцать алтын две денги. //

л. 308 об.

Кузнечное место горожанина Федора Ильиных, а ныне на том месте баня ево. Старого оброку одиннадцать алтын четыре денги, нового окладу один алтын четыре денги, обоого тринадцать алтын две денги. //

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Купчие русских людей

- л. 32 Лета 1702-го сентября в 13 день. Архангельского города Марья Кондратьева дочь, а бывшая Филиповская жена Прокопьевых, продала есми и поступилась Койдокурской волости девицы Марины Ивановой дочери Порочкиных двор и с поддворною землею, а во дворе хоромов изба поземная, сени и чулан, позади сенная клетка да баня и хлев. А продала есми тот двор и поддворною землею ей, Марины, в век и в дернь без выкупа. И все те хоромы с кровли, и с потоки, и с мосты, и с крюки, и с пробои, и со всем нутряным строением, каково есть, без вывета. А стоит тот двор у Архангельского города на Бору, в межах позади салных дворов за проезжею дорогою в Посадской слободе, с нижнюю сторону двор иноземца Ивана Ботева, а с верхнюю сторону от Григорья Белорукова, а поддворной земли длинника и поперешника сколко мужу моему Филипу Прокопьевых по разделу досталось посадцкого человека Василия Сорочкина от дочери ево девицы Феклы половина, а другая половина от ней, Феклы, в продажи посадккому человеку Карпу Фокину. И на ту поддворную землю, на мою проданую половину, и на Карпову обе длиннику и поперешнику изстарь была дана отводная, а хоромное строение мужа моего упокойного, и та отводная в прошлых годах утерялась. И в прошлом же 206-м году у мужа моего и у вышепомянутой девицы подана об утеряной отводной памяти челобитная у Архангельского города, и в той челобитной длинник и поперешник писаны, и та челобитная в книгах у города в Приказной полате записана. А цены я, Марья, у ней, Марины, за двор и за поддворную половину земли, что Карпу другая половина, в продажи десять рублей дватцать алтын денег. А денги взяла у ней, Марины, у сей купчей все сполна. А тот мой двор и половина поддворной земли, что ныне в межах с Карпом, иному // никому не продано и в заклад не заложено. В снимки и в очищения от всяких крепостей мне, Марьи, ей, Марину, очищать своими денгами и животы, и в той продажи убытка не учинить. А на ту поддворную землю крепостей, кроме утеряной памяти, никакой нет. А строение дворовое мужа моего, а баня и хлев стоит на Карпове месте, и та баня и хлев с того места ей, Марины, снести, а всякие подати с того двора в мир платить ей, Марины, а старые невыплаты мне, продавицы, доплачивать. В том и сию купчую дала. Свидетель Елисей Долгоруков. Писал у Архангельского города крепостных дел подьячей Степан Гайнов 1702-го сентября в 13 день.

По указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, с сее купчей в ево великого государя казну пошлины и за письмо по указу взято, и сия крепость в книги записана. К сей купчей вместе Марьи Кондратьевы дочери, что она девицы Марины Ивановы дочери двор и с поддворною землею против сей купчей продала, цены взяла десять рублей дватцать алтын денег. По ее велению кегостровец Петр Оборин руку приложил. Подписал крепостных дел надсмотрщик Василей Погорельский. Свидетель Архангельского города посадккой человек Елисей Данилов сын Долгоруков при продаже двора и поддворной земли и при письме сей купчей был и руку приложил.

Список с купчей слово в слово:

- л. 33 Лета 1703-го февраля в 11 день. Архангельского города посадккой человек Карп Фокин сын Поморцов продал есми и поступилс я Архангельского же города посадккому человеку Григорью Данилову сыну Белорукову владенье свое половину дворового места по купчей прошлого 1700-го года ноября 16 числа продажи девицы // Феклы Васильевны дочери Сорочкина у Архангельского ж города на Бору позади салных дворов за проезжею дорогу в Посадской слободе по старым межам с верхнюю сторону от ево, Григорьева, двора, мерою поперешника с переднего конца четыре сажени трехаршинных, а по другому заднему концу поперешника ж того половины дворового места три сажени трехаршинных же, а длинника от задней межи до мостовой проезжей улицы той дворовой земли четырнатцать сажен трехаршинных же по мосей, Карповой, мере, и ис того числа и меры той дворовой земли на углу подле ево, Григорьев, двор от мостовой проезжей улицы оставил я, Карп, себе под свое строение лавки длиннику и поперешнику три сажени полутретьсаршинных, а цены взял я, Карп, у него, Григория, за ту вышеписанную половину и поддворной земли за вышепомянутую длинника и поперешника свою меру, опроче вышепомянутого же подлавочного строения себе вымереного полутретьсаршинных трех сажен земли, у него, Григория, тринатцать рублей денег, все у сей купчей без остатку. И ему, Григорью, по сей моей продаже тою дворовою землею по старым межам, по вышепомянутой мере моей длинником и поперешником владеть вечно и вольно, чем похочет строитца, и продать, и заложить, а мне, Карпу, впредь в ту свою продажу не вступатца. И кроме сей купчей та половина дворовой земли у меня, у Карпа, иному никому не продана и не заложена. В очищении той своей продажи от купчих, и от закладных кабал, и от всяких писмянных крепостей, и от всяких людей я, Карп, своими денгами и животы, а ему, Григорью, никакова в том убытка не учинить. В том на ту свою вышеписанную продажу и сея купчую ему дал и старую вышепомянутую купчую для владенья на ту землю к нему ж, Григорью, отдал.
- л. 33 об. Во свидетелех у сей купчей Лисестровской волости ладобережец Василей Панахидин да колмогорец Дорофей Писарев. Купчую писал у города Архангельского крепостных дел // подьячей Гаврило Поповых 1703-го февраля в 11 день.

По указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, и по грамоте из Оружейные палаты, и по новосостоятельным крепостных дел статьям, и по приказу стольника и воеводы Василия Андреевича Ржевского сия купчая у Архангельского города в Приказной полате у крепостных дел в книги записана и пошлины за письмо по указу в казну великого государя взято. Подписал крепостных дел надсмотрщик Яков Писарев.

У той же крепости пишет: К сей купчей вместо продавца Карпа Фокина сына Поморцова, что он половину дворовой земли свое владение по старым межам мерою длинника и поперешника, что в сей купчей написано, опроче вымеренные под лавочное ему строение полутретьсаршинных трех сажен земли, Григорью Белокурову продал, а цены взял тринатцать рублей, по его веленью горожанин Петр Широкого руку приложил, свидетель ладобережец Василей Панахидин, что Карп Поморцов у города дворовую своего владенья землю Григорью Белокурову продал, цены взял тринатцать рублей денег, в том свидетельстве у сей купчей руку приложил. Свидетель колмогорец Дорофей Писарев, что Карп Поморцов владенье свое у города Архангельского дворовую землю Григорию Белокурову, мерою длинник и поперешник, что в сей купчей в трехаршинную сажень написано, продал, цены взял у него, Григорья, тринатцать рублей денег, в том свидетельстве был и к сей купчей руку приложил. //

- л. 37 Стольника и воеводы Федора Матвеевича Опраксина печать приложена. На другой стороне припись дьяка Андрея Озерова. Вместо Леонтия Безбородого по его велению Боровской Успенской церкви трапезник Матвей Смирных руку приложил.

1711-го году ноября в 26 день. Архангельского города житель Леонтей Пентелеев сын Безбородов, выслушав великого государя указ по святой непорочной евангелской заповеди Господне, еже ей, сказал вправду: В прошлом 202-м году по указу великого государя из Архангелогороцкой канцелярии за приписью дьяка Андрея Озерова отведено мне, Леонтею, на Бору пустое порозжее место, мерою длины девять сажен, поперег четыре сажени. А ныне по переписке прави-

ант-мейстера Алексея Григорьевича Мятлева явилось длины одиннадцать сажен, поперег четыре сажени. А на том дворовом месте в прошлом 700-м году поставил я, Леонтей, хоромного строения две горницы, одна на подклете, другая на бане. И с прошлого 201-го году великого государя всякия подати платил в Земскую избу по прошлой 705-й год, а с 705-го году за скудостью великого государя податей и службы не служу, что промыслов и пожитков нет, кормлюсь в мире. А какова мне даная для владения память, список с тое подлинной написан выше сего, а подлинную // даную я, Леонтей, к себе взял. А из вышеписанных хором в отдачу в оброк не отдаю. А буде я, Леонтей, в сей скаски сказал ложно или что утаил, и за ложную мою скаску и за утайку указал бы великий государь взять на мне штраф, что великий государь укажет.

л. 37 об.

К сей скаски вместо Леонтья Безбородова по ево велению горожанин Григорей Данилов Белокуров руку приложил. //

Список с памяти:

л. 38

Лета 7202-го июня в 21 день. По указу великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцев, ближней стольник и воевода Федор Матфеевич Опраксин да дьяк Андрей Озеров дали даную Архангельского города посацкому человеку Левке Безбородову на порозжее место, что у Архангельского города за Салним берегом против мосту и проезжей дороги на мху, потому в нынешнем 202-м году июня в 13 день бил челом великим государем, а у Архангельского города в Приказной полате ближнему столнику и воеводе Федору Матфеевичу Опраксину да дьяку Андрею Озерову подал челобитную он, Левка, а в челобитной ево написано: в прошлом де 201-м году по памяти Архангельского города осадного и головы стрелецкого Кирила Аничкова, а по досмотру и по отводу посацких людей дано ему, Левке, под дворовое строение порозжего места против Салнего берегу, длинника девять сажен, поперег четыре сажени. И ныне же бьют челом великим государем и подают челобитные на него, Левку, посацкие люди Фомка Прытких с товарищи, чтобы и на том ево порозжем месте учинить дорога, и тем они, Фомка с товарищи, ево теснят, и убытчат, и разоряют мочью своею напрасно, а ему де, Левке, под дворовое строение порозжему месту дана учинена прежних Фомкина с товарищи челобитья, и великие государи пожаловали бы ево, велели тем вышеписанным порозжим местом владеть ему, Левке, попрежнему, и о том для владения ис Приказныя полаты дать ему даную. А по досмотру того порозжего места от двора Митки Мурцова сверху, а с нижнюю сторону проезжая дорога, мерою в длину от дороги в мх // полдевяты сажени, поперег четыре сажени. А по памяти осадного и головы стрелецкого Кирила Аничкова, какова ему, Левке, дана в прошлом 201-м году января в 16 день, написано, что ему, Левке, на том месте дворовом строитце, а по скаске денежного зборщика и посацких людей, которые у отводу ево, Левкина, порозжего места были, что де тем местом никто не владеет и от дворовой де ево, Левкина, постройки утеснения никому не будет, да в памяти осадного головы стрелецкого маора Карлуса Шлевенца по челобитью Фомки Прытких с товарищи, какова им дана в нынешнем 202-м году апреля в 4 день, написано: проезжей дороги со мху на берег и к реке быть годно, а мерою той дороги велено быть в ширину три сажени, а в котором месте той дороги быть — на ево же, Левкине, порозжем месте или в ином месте, того в памяти имянно не написано. И в нынешнем 202-м году июня в 18 день по указу великих государей, и по приказу ближнего стольника и воеводы Федора Матфеевича Опраксина, и по памяти на выписке дьяка Андрея Озерова велено вышеписанное порозжее место против досмотру и мере отдать под дворовое строение челобитчика Левке Безбородову, по прежнему, дать ему даную, Архангельского города посацкому человеку Левке Безбородову, по сему великих государей указу и дали памяти тем вышепомянутым порозжим местам владеть по прежнему и двором строитца, а челобитчиков Фомке Прытких с товарищи отказать и дороги быть не велеть, потому что ему, Левке, дача дворовому месту учинена преж них, Фомкина с товарищи, челобития. //

л. 38 об.

1711-го году ноября в 28 день. Архангельского города посадской человек Карп Фокин сын Поморцов, выслушав великого государя указ по святой непорочной евангелской заповеди Господни, еже ей, сказал вправду: Стоит мой двор у города Архангельского на Бору, мерою длины четырнадцать сажен, поперег одиннадцать, в другом конце двенадцать сажен полтора аршина. А на том дворе хоромного строения четыре горницы, баня. И с того я двора великого государя подати по вся годы сполна без доимки плачу, а службы служу в ряд с мирскими людьми. А из вышеписанных хором в отдачу во время ярманки отдаю две горницы с прошлого 704-го году по нынешний 711 год, а постою беру на год по девятнадцати алтын по две денги, и с того постою великому государю четвертую долю плачу по вся годы. И тому свидетельствуют на Земском дворе книги. А по какой крепости я, Карп, тем своим двором владею, и тому свидетельствует список под скаской с подлинной памяти, а та подлинная память в Архангелогорошской канцелярии не явлена и в книге не записана, а буди я, Карп, в сей скаске сказал ложно или что утаил, и за ложную мою скаску и за утайку указал великий государь взять на мне штраф, а штрафу что великий государь укажет.

л. 39

К сей скаски вместо Карпа Фокина по ево велению горожанин Петр Сумороков руку приложил. //

Список с даной памяти:

л. 39 об.

Лета 7203-го году января 31-го дня. По указу великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцев, Архангельского города стрелецкой и маор Карлус Алферьевич Шлевец дал даную память Архангельскому города посацкому человеку Карпушки Фокину сыну Поморцову на пустое порозжее место у Архангельского города на Салнем берегу с верхнею сторону от двора иноземца Еремея Говерга, а с нижнюю сторону от двора посадского человека Пантелейка Безбородого, а от Двины реки от двора горожанина Ивана Пучинина, а со мху от двора горожанина ж Антипки Чижовкина по ево, Карпушкину, челобитью для дворовой ево вновь постройки. И по досмотру Архангельского города денежного зборщика Еремея Ершова и посацких людей Матвея Озери, Костянтина Чюпова, Демида Емельянова, Сидора Игнатъева, Григория Данилова, Карпа Семенова с товарищи стоит на том месте ево, Карпушкина, мельница из давных лет прежде иных тутошних жителей, а мерою тово места в длину двенадцать сажен, а поперег одиннадцать сажен, а сажени мера трехаршинная. По скаске их // денежна зборщика Еремея Ершова и посацких людей Матвея Озери с товарищи, та вышеписанная земля около мельницы ево, Карпушкина, порозжая лежит, в пусте, и на том мелнишном месте двором ему, Карпушки, постройитца мочно и утеснения никому не будет, и спору ни от кого нет. И по указу великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцев, и по приказу головы стрелецкого и маора Карлуса Олферьевича Шлевенца, и по сей даной памяти Карпушки Фокину вышеписанным местом владеть. И по досмотру и по скаске денежного зборщика и посацких людей против меры на том месте ему, Карпушки, двором постройитца и с того двора и с места с мирскими людьми тягло платить и службы служить в ряд.

л. 40

У подлинной даной памяти на другой стороне пишет голова стрелецкой и маор Карлус в конце закрепил Шлевец. К сему списку вместо Карпа Фокина по ево велению горожанин Петр Сумороков руку приложил. //

Список с купчей:

л. 41

Се аз, Архангельского города посацкия люди Антипа да Матфей Никитины дети Чискевкины, отдали есми и поступились тово ж города посацкому человеку Ивану Сидорову сыну Бочарнику дворишного своего места, что есть у Архангельского города, ему, Ивану, под дворовое строение. Мерою тово дворишного места длинника полпята сажени, поперег девять сажен, а сажени мера три аршина, а в межах же то место с верхнюю сторону от тына иноземца Еремея Говерца, а с нижнюю сторону до Филиповы межи Дорофеева. А поступились ввек и в дернь без выкупа. А за поступку то-

во дворища мы, Антипа да Матфей, взяли у нево, Ивана, три рубля четыре гривны, а те денги взяли все вручь без остатка, а то наше место иному никому не продано и в поступку не отдано. А в снимку и в очищение мы, Антипа да Матфей, собою, а ему, Ивану, в том убытка не привесть. В том и сие поступное письмо дали. На то послух Иван Богданов. Поступное письмо писал на площади Никиты Калентьев лета 7203-го февраля в 13 день.

У подлинной купчей позаде пишет: К сей купчей вместо Антипы да Матфея Никитиных детей по их велению горожан Елеска Данилов Долгоруков руку приложил. Послух Ивашко Богданов руку приложил. //

л. 41 об. 1711-го году декабря в 3 день. Архангельского города житель Иван Сидоров сын Бочарников, выслушав великого государя указ по святой непорочной евангельской заповеди Господней, еже-ей, сказал вправду: В прошлом 7203-м году купил я, Иван, у Архангельского города на Бору у горожан у посадских людей у Антипы да у Матфея Никитиных детей Чижевских пустое порозжее место под дворовое строение, и на том дворовом месте в прошлом 205-м году поставил я, Иван, хоромного строения и на том пустом месте избу, а тово места мерою длины десять сажень, поперег полпята сажени, а с тово я своего покупного места великого государя всякия подати платил в Земскую избу з 204-го году по 215-й год и службы я служил в ряд с мирскими людьми, а с 215-го году великого государя подати не плачу и службы не служу, за скорбью отставлен. А вышеписанной избы в отдачу не отдаю. А для свидетельства с подлинной купчей список писан выше сего. А подлинную купчую я, Иван, к себе взял, а купчая у меня в Архангелогороцкой канцелярии не явлена и в книги не записана. А буде я, Иван, в сей скаски сказал ложно или что утаил, и за ложную мою скаску и за утайку указал бы великий государь взять на мне штраф, что великий государь укажет. К сей скаски вместо Ивана Бочарьникова по его велению Руского полку солдат Алексей руку приложил. //

л. 42 Список с памяти:

Лета 7201-го году мая в 17 день. По указу великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья России самодержцев, Архангельского города голова стрелецкой маор Карлус Алферьевич Шневенц дал даную память Архангельского города посадцкому человеку Антипе Никитину сыну Чижеву на порозжее пустое место у Архангельского города на мху по ево, Антипину, челобитью для дворовой ево вновь постройкы. А по досмотру и по мере Архангельского города денежного зборщика Степана Чирцова и посадских людей Михаила Белокурова, Василья Цыварева, Прокопья Горбатьх, Василья Святоносова с товарищы то вышеписанное место в межах с верхнюю сторону от дворового места галанца Ананьи Хрота, а вниз до двора горожанина Филки Дорофеева, поперег девять сажень, а в длину от мелнишного повороту горожанина Карпушки Фокина дватцать сажень в тросаршинную сажень. А у досмотру по скаске денежного зборщика Степана Чирцова и посадских людей та вышеписанная земля порозжая лежит в пусте и строения никакова нет, и от дворовой ево челобитчиковы постройкы утеснения никому и спору ни от ково // не будет, и то место иному никому не отдано, опроче ево, Антипки. И постройкы ему, Антипке, на том месте двором мощно. И по указу великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья России самодержцев, и по приказу головы стрелецкого масора Карлуса Олферьевича Шневенца, и по сей даной памяти челобитчику Антипке Чижеву на вышеписанном месте двором постройкы по досмотру и по мере, и владеть, и с той подворной земли и з двора тягло платить, и службы служить с посадскими людьми в ряд.

л. 42 об. *У подлинной памяти на другой стороне пишет:* Голова стрелецкой Карлус Шневенц. К сему списку вместо Антипы Чижова по его велению Руского полку солдат Алексей Сухоруков руку приложил.

1711 года ноября в 19 день. Архангельского города житель Антипа Никитин сын Чижев, выслушав великого государя указ, по святой непорочной евангельской заповеди Господни, еже ей, сказал вправду: В прошлом 7201-м году по указу великого государя и по памяти за рукою головы стрелецкого Карлуса Шневенца отведено мне, Антипы, у города Архангельского на Бору пустое порозжее место под дворовое строение, мерою того места длины дватцать сажень, поперег по лицу девять сажень, позади тож. И на том дворовом месте в прошлом 203-м году поставил я, Антипа, хоромного строения избу да баню, и с того я своего двора великого государя подати платил в Земскую избу и службы в ряд с мирскими людьми служил по 702-й год, а с 702-го году по нынешней 711-й год и в нынешнем 711-м году великого государя податей не плачу и служб не служу, за скорбью от податей и от служб отставлен. А для свидетельства список с подлинной даной памяти, какова мне дана для владения, писан выше сего, а подлинную даную память я, Антипа, к себе взял, и та даная память в Архангелогороцкой канцелярии не явлена и в книгу не записана. А из вышеписанных хором в оброк и в отдачу в наем не отдаю. А буде я, Антипа, в сей скаски сказал ложно или что утаил, и за ложную мою скаску и за утайку указал бы великий государь взять на мне штраф.

л. 43 об. Вместо Антипы Чижова по его велению солдат Алексей Сухоруков руку приложил. // А штрафу что великий государь укажет. //

л. 45 Список з даной:

Лета 7201-го мая в 5 день. По указу великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья России самодержцев, Архангельского города голова стрелецкой и масор Карлус Алферьевич Шневенц дал даную память Архангельского города посадцкому человеку Филке Дорофееву сыну Омосовых на порозжее пустое место у Архангельского города за Салным берегом на мху, для того в нынешнем 201-м году апреля 29 дня бил челом великим государем, а у Архангельского города в Судной избе подал челобитную он, Филка, голове стрелецкому маору Карлусу Олферьевичу Шневенцу, а в челобитной ево написано: Есть дело у Архангельского города за Салным берегом на мху пустое порозжее место, в межах с нижнюю сторону двор горожанина Пантеля Безбородова, а з гор от мелнишы горожанина Карпушки Фокина, а по другую сторону от мелницы вдовы Ульянецы Никифоровы дочери. И на том месте никто не строятся, лежит в пусте, а ему двором постройкы негде. И великие государи пожаловали б ево, Филку, велели ему на том месте двором постройкы. А по досмотру Архангельского города денежного зборщика Степана Чирцова да посадских людей Михаила Белокурова, Прокопья Кондратьева, Василия Святоносова с товарищы то место мерою в длину в мху двенатцать сажень, а поперешника шесть сажень, а сажени мера тросаршинная. И по скаске их, денежного зборщика и посадских людей, то место пустое и строения на том месте никакова нет, лежит в пусте, и утеснения никому не будет, и двором ему, Филке, на том месте постройкы мощно, и никому // иному то место, опроче ево, Филке, не отдано. И по указу великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья России самодержцев, и по приказу головы стрелецкого Карлуса Олферьевича Шневенца, и по сей даной памяти Филке Омосовых вышепомянутым местом владеть и по вышеписанному досмотру против меры на том месте ему, Филке, двором строитца, и с того места с мирскими людьми тягло платить, и службы служить в ряд. На другой стороны у той даной на скрепки и в конце закрепа головы стрелецкого Карлуса Шневенца.

Филип Омосов руку приложил.

1711-го году ноября в 24 день. Архангельского города посадцкой человек Филип Дорофеев сын Омосов по святей непорочной евангельской заповеди Господни, еже ей, сказывал правду: В прошлом 7201-м году бил челом великим государем у Архангельского города в Судной избе, и по тому моему челобитью отведено мне за Салным берегом пустое место мерою длины двенатцать, поперег с лица шесть сажень, в другом конце тож. И на том дворовом месте поставлено у меня

хоромного строения // в прошлом 7205 году две горницы, в том числе одна на подклете, баня, а с того я своево двора великого государя всякия подати в Земскую избу по вся годы плачу и службу в ряд с мирскими людьми служу, а из вышеписанных хором в оброк в отдачу не отдаю. А с подлинной даной памяти, какова мне дана для владения, список для свидетельства писан выше сего, а та подлинная даная память в Архангелогороцкой канцелярии не явлена и в книги не записана, а подлинную даную память я, Филип, к себе взял. А буде я, Филип, в сей скаски сказал ложно или что утаил, и за ложную мою скаску и за утайку указал бы великий государь взять на мне штраф, а штрафа что великий государь укажет. Филип Омосов руку приложил. // л. 46

1711-го году ноября в 10 день. Архангелогородец посацкой человек Дмитрий Дмитриев сын Чюпов, выслушав великого государя указ, по святой непорочной евангельской заповеди Господни, еже ей, сказал вправду: В прошлом 169-м году купил отец мой Дмитрий Сийского монастыря у старца Ермогена двор на Салном берегу, длины пядьдесят шесть сажень, поперег по лицу девять сажень, позади тож. Хоромного строения три избы, баня. И с того я двора своево великого государя всякия подати плачу и службы в ряд с мирскими людьми служу, а из вышеписанных хором в оброк нет. А с подлинной купчей, какова мне дана от него, старца Ермогена, список писан выше сего. И та купчая в Архангелогороцкой канцелярии и в Двинской Земской избе в книгу не записана. А буде я, Дмитрий, в сей скаски сказал ложно или что утаил, и за ложную мою скаску и за утайку указал бы великий государь взять на мне штраф, а штрафу что великий государь укажет. л. 47

Вместо Дмитрия Чюпова по ево велению горожанин Петр Бусинов (руку) приложил. //

Список с купчей:

Се яз, старец Гермоген, Сийского монастыря Архангелского города прикащик Салного берега, продал есми по благословению и приказу тово ж Сийского монастыря игумена Калининика да келаря, старца тово ж Сийского монастыря, двор, что тот двор взят был вкладом у Максима Данилова Бороткина. А продал тот двор монастырской Архангелского города посацкому человеку Дмитрею ... сыну Чюпову, а стоит тот двор у Архангелского города на Салном берегу, в межах с верхнего конца только и огород Матвея Овчинника, а с нижнего конца двор Панкрата Котлова, а стоит тот двор на государевой земле. А во дворе хоромов изба на анбаре, против избы клеть, да чулан в сенях, да сарай на столбах, да у двора баня, да у двора две ямы сальных, да за двором огородец с севчей, и все те хоромы с кровли, и с потолка, з дверми, и с крюки, и с пробои, и с мосты, и с тьмы, и з заборы, и со всем нутряным лесом без вывета, где что ни есть того двора и хоромов. А взял я, старец, за тот двор, и за все хоромы, и за ямы, и за огородец — за все про все у него, Дмитрея, четыре рубли с полтиною. А денги взял все вручь без остатка. Продал в дернь век без выкупа. А снимки и во очищеньи тое продажи всей яз, старец Гермоген, своими денгами и животы, а до него, Дмитрея, в той продажи убытка не привести никоторого. А что есть салная яма ево, Дмитреева, на том Салном берегу на нашем дворнице монастырском, и тое яму он, Дмитрий, // поступился в монастырь вовеки в доплату за денги. И впредь ему, Дмитрею, до тое ямы и дела нет. Да в том я, старец Гермоген, ему, Дмитрею, на тот двор и купчую дал. А на то послухи Кондратьев Кошелев. А подлинную купчую писал у Архангелского города на площади стрелец Иван Богданов лета 7169-го году октября в 8 день. л. 48

Да на другой стороне подлинной купчей писано: Вместо старца Ермогена по ево велению Сийского монастыря дьячек Тимофей Федотов сын Вологженин руку приложил.

Да на другой же стороне подлинной купчей писано: Послух Иван Кондратьев руку приложил. Вместо Дмитрея Дмитреевых, что он подлинную купчую принял, в том по его велению подьячей Филип Поповых руку приложил. // л. 48 об.

1711-го году ноября в 24 день. Архангелского города житель Перфилий Иванов сын Бельх, выслушав великого государя указ по святей непорочной евангельской заповеди Господни, еже ей, сказал вправду: В прошлом 702-м году купил я, Перфилий, у города Архангелского на Бору в новопосацкой слободе у горожанина посацкого человека Якова Иванова сына Металникова двор с хоромным строением и с поддворною землею. А хоромного строения изба на анбаре. И с того я двора великого государя всякия подати плачены и службы в ряд с мирскими людьми служу, а из вышеписанных хором в отдачу не отдаю. А какову я, Перфилий, купчую у него, продавца Якова, себе во владение взял, список написан выше сего. А та подлинная купчая в Архангелогороцкой канцелярии не явлена и в книги не записана, а записана у крепостных дел. А подлинную купчую я, Перфилий, себе взял. А буде я, Перфилий Бельх, в сей скаски сказал ложно или что утаил, и за ложную мою скаску и за утайку указал бы великий государь взять на мне штраф, а штрафу что великий государь укажет. К сей скаске вместо Перфила Бельх по его велению каргополец Яков Кибасов руку приложил. // л. 51

Список с купчей:

Лета 1702-го сентября в 14 день. Архангелского города посацкой человек Яков Иванов сын Металников продал есмь и поступился Архангелского ж города посацкому человеку Перфирию Иванову сыну Бельх по купчей, что я купил Архангелского ж города у посацкого человека у Семена Фомина сына Прытких у Архангелского города на Бору позаде салных дворов на мху в Новопосацкой слободе двор свой со всяким хоромным строением и с поддворною землею, чем я владел без остатка и без вывета, а во дворе хоромного строения изба на анбаре, сени с подсенем, и те хоромы с кровли, и с потоки, и с крюки, и с тяги, и с пробои, и с окончины, и со всем строением без вывета. А в межах тот мой двор с верхнюю сторону от Яковлева двора Замараева, а с нижнюю сторону от Павлова двора Прытких. Мерею дворница поперег пять сажень, а длинника в мх дватцать сажень, а улишним простором друг друга не теснит. А цены я, Яков, взял у него, Перфирия, за ту свою продажу пять рублей денег у сей купчей все наперед, а продал и поступился век без выкупа. А от всяких писменных крепостей, и от купчих, и от закладных в очищении я, продавец Яков, своими денгами, а ему, Перфирию, никакова в том убытка не учинить. А в казну великого государя всякие подати платить и службы служить с того двора ему, Перфирию, генваря с 1-го числа 1703-го года. А старые невыплаты платить мне, Якову, а старую купчую отдал, с сею новою купчую дал. л. 51 об.

У сей купчей во свидетелях Архангелского города посацкой человек Григорей Белокуров. Купчую писал у Архангелского города крепостных дел подьячей Иван Протопопов.

Позади подлинной купчей пишеть: 1702-го сентября в 14 день по указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, с сей купчей в его, великого государя, казну пошлины и за письмо взято и в книги сия крепость записана. Подписал крепостных дел надсмотрщик Василий Погарелский. К подлинной купчей вместо // продавца Якова Металникова, что он двор свой и с поддворной землею горожанину Перфирию Бельх продал, а цены взял пять рублей, по ево велению ненюкшанин посацкой человек Иван Андреев Тарабарин руку приложил. Свидетель Архангелского города посацкой человек Григорей Данилов Белокуров руку приложил, что Яков Металников Перфирию двор продал с поддворною землею, цены взял пять рублей. // л. 52

Список с купчей:

Лета тысяча семьсот десятого мая в 25 день. Архангелского города посацкой человек Иван Тимофеев сын Тряблх продал есмь и поступился Датской земли иноземцу Петру Андрееву сыну Гелю владения своево у города на Бору двор свой со всяким строением по купчей прошлого семьсот третьего года февраля 9-го числа продажи горожанина Павла Прытких, которая писана и в книги у крепостных дел с платежем пошлин записана. А в том дворе строения изба л. 54

на анбаре, клеть на подклете, сени на подсени, сарай рубленой, и двор, и позади двора баня. И все те хоромы с кровлей, и с потоки, з дверми, с крюки, и с пробой, и со всяким нутряным и хоромным строением и с поддворною землею без вывета. А цены взял я, Иван, у него, Петра, за тот двор и за поддворную землю двадцать рублей денег все у сей купчей вручь без останка, и ему, Петру, по сей моей купчей двором и поддворною землею владеть вечно и великого государя с того двора, чего по указем спросят, платить и вольно продать и заложить. А мне, Ивану, в ту свою продажу во двор и в поддворную землю длинника дватцать сажени, поперешником пятью сажени впредь ни во что не вступатца. А в очищении той моей продажи от купчих и от всяких крепостей я, Иван, а ему, Петру, в том никаких убытков не учинить. В том я, Иван, ему, Петру, на ту свою продажу сее и вышеписанную купчую для владенья дал.

л. 54 об. У подлинной купчей пишет: К сей купчей вместо горожанина Ивана Тимофеева сына Тряблово, // что он вышеписанному иноземцу двор и с поддворною землею продал, цены взял дватцать рублей, по его велению Архангелогороцкой таможни подьячей Андрей Митусов руку приложил. Свидетель архангелогороцкой таможни подьячей Иван Бурнашев руку приложил. Писал купчую у города Архангелского крепостных дел подьячей Гаврило Поповых 1710-го мая в 25 день. Пошлин дватцать алтын, печатных полполтины, писщего гривна, записного шесть денег взято и в книгу у крепостных дел записано подлинно. Подписал надсмотрщик Кирило Брангин (подпись иноземца на датском языке). //

л. 55 Список с подлинной купчей.

Се аз, Архангелсково города посадкой человек Семен Леонтьев сын Телицын, продал есмь и поступился того ж города посадкому человеку Ивану Михайлову сыну Бочерникову земли своей дворишной мерою в длину одиннатцать сажени, а поперег три сажени, а сажени мера полтретья аршина з двумя вершки. А в межах та земля с верхнаго конца от двора Ивана Борисова Колдина, а продал я, Семен, тое землю ему, Ивану, вдернь и ввек без выкупа, а взял я, Семен, за тое землю у него, Ивана, три рубли денег, а денги взял все вручь наперед без остатка. А в снимки и в очищении тое продажи от всяких писмянных крепостей я, продавец, своими денгами и животы, а до него, Ивана, в той продаже убытка не довести никоторого. В том ему, Ивану, на тое землю и сию купчую дал.

На то послух Никитка Лентьев. Купчую писал на площадке Ивашко Богданов лета 7204-го году июля в 15 день.

У подлинной купчей на другой стороне пишет: К сей купчей вместо продавца Семена Лентьева по ево велению стрелец Федка Тотаринов руку приложил. Послук Никитка Лентьев руку приложил.

На той же купчей на другой стороне подписано: 1709-го июня в 3 день. Сия купчая у Архангелсково города у крепостных дел записана, в казну великого государя пошлин взято порублевых три алтына, печатных полполтины, от записки шесть денег. Подписал крепостной надсмотрщик Василей Погорелский. Подписного две денги. //

л. 55 об. Список с купчей:

Лета 1708-го марта в 10 день. Рекрутной салдат Костянтин Ульянов сын Подстегин поступился есмь горожанину Ивану Михайлову сыну Мишарину государевы даной огородичной своево владенья половину по купчей 700-го году ноября 17 дня земли безденежно во владенье по заручному денежного зборщика и посацких людей досмотру прошлого 201-го года у Архангелсково города на Бору в нововыставочной слободе по старым межам, каковы межи в вышепомянутой купчей написаны — с нижнюю сторону длинник и попережник по шти сажени трехаршинных. Да на той же земли продал частокол, да насор сколько для капусты у меня построено, и избу с сенми, что купил я, Костянтин, Архангелсково ж города у посадково ж человека у Дмитрея Нефедова сына Ласкина. А цены взял я, Костянтин, у него, Ивана, три рубли денег, все у сей купчей без остатку. И ему, Ивану, по сей моей поступки тою государевою даною землею и частоколным и хоромным строением владеть вечно и волно тою землею поступитца, а на той земли частокол, и насор, и хоромы продать, а мне, Костянтину, не вступатца, и кроме ево, Ивана, тою землею иному никому не поступлено, и частокол, и насор, и изба с сенми не продано и не заложено. В очищение от всяких крепостей и от сторонних людей во всем Костянтин своими денгами, // а ему, Ивану, убытка никакова не учинить. В том на ту даную землю поступную, а на частокол, и на насор тое земли, и на избу, и на сени сее купчую ему, Ивану, дал. И вышепомянутую купчую ж и мирской заручной досмотр ему ж, Ивану, отдал.

л. 56 К подлинной купчей вместо Костянтина Подстегина, что он Ивану Мишарину даною землею поступился, частокол, и насор, и избу с сенми продал, цены взял три рубли денег, по его велению горожанин Петр Конарской Большой руку приложил. Свидетель колмогорец Ефим Жехов руку приложил. Подлинную купчую писал крепостных дел насмотрщик Яков Писарев. У подлинной же купчей в конце подписано: 1708-го марта в 10 день по указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, и по грамоте, и по новосостоятельным крепостных дел статьям сия купчая у крепостных дел в книги записана и пошлины по указу с рубля по алтыну, итого три алтына, печатных восемь алтын две денги, писчих шесть денег, в казну великого государя взяты. Подписал оную же Яков Писарев. //

л. 56 об. Список с выписи:

Лета 1710-го июля в 26 день. Бил челом великому государю царю и великому князю Петру Алексеевичю, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу, горожанин посадкой человек Иван Михайлов сын Мишарин, есть де у города Архангелсково на Бору за Немецкою слободою от двора горожанина Савы Антонова сына Орехова в мох пустое порозжее место, и ништо тем местом не владеет, и в даче ни за кем нет. И великий государь пожаловал бы ево, велел то вышеписанное порозжее место отвести ему под дворовое строение, длинника дватцать сажени, попережника пятнатцать сажени в трехаршинную сажень. И по его, великого государя, указу и по приказу ближняго столника князя Петра Алексеевича Голицына велено то место осмотреть, и описать, и учинить чертеж. И по тому великого государя указу чертеж учинен, а по осмотру то место за Немецкою слободою, идучи дорогою от двора иноземца Елизара Избранта за новопостроенными дворами горожан посацких людей, подле двора горожанина посацкого человека Савы Антонова сына Орехова, порозжее, строения никакова нет. Да у досмотру ж того места были сторонные люди, которые близ того места живут, горожана посацкия люди Сава Антонов сын Орехов, Григорей Данилов сын Белокуров, Егор Герасимов. И по скаске тех сторонных людей, что то место порозже и ништо не владеет. И июля ж в 29 день нынешняго 710-го года по его ж // великого государя указу, а по приказу ево ж ближняго столника велено то пустое место отвести во владенье вышеписанному челобитчику Ивану Мишарину и дать выпись, и ему, Ивану, тем вышеписанным местом владеть и дворовым строением строитца. А ся выпись дана ему, Ивану, на то дворовое место впредь для владенья. У подлинной выписи припись дьяка Федора Зуева. Смотрил Василей Орлов. Мастер Иван Мишарин руку приложил.

л. 57 1711-го году ноября в 24 день. Архангелского города пилней мельницы мастер Иван Михайлов сын Мишарин, выслушав великого государя указ, по святей непорочной евангелской заповеди, ей же ей, сказал вправду: В прошлом 7204-м году купил я, Иван, у Архангелсково города дворишной земли у посацкого ж человека у Семена Леонтьева сына Телицына мерою в длину одиннатцать, поперег три сажени, а мера сажени полтретья аршина з двумя вершки. А в межах та земля с верхнаго конца от двора Ивана Борисова Колдина, и на тое дворовое место поставлено у меня хоромного строения в прошлом 706-м году две горницы, в том числе одна над воротами черная, да в прошлом 708-м году купил я, Иван, у Архангелсково ж города на Бору у рекрутного салдата Константина Ульянова сына Постегина // дворовой земли мерою длиннику шесть сажени, поперег по лицу и в другом конце по тому ж трехаршинных сажени. И на той земли хо-

ромного строения изба ветхая черная. Да в прошлом 710-м году бил челом я, Иван, великому государю, а в Архангелогородской канцелярии ближнему столнику князю Петру Алексеевичу Голицыну. И по моему, Иванову, челобитью отведено мне на Бору пустое порозжее место из Архангелогородской канцелярии, мерою тово пустава места длины дватцать сажень, поперег по лицу пятнадцатъ сажень, позади тож. И на том дворежном месте поставлено у меня хоромного строения пять горниц на жилых подклетах, да изба приворотная, да баня. А с прошлого 703-го по 711-й год великого государя всякие подати платил в Земскую избу и службы служил в ряд с мирскими людьми с вышеписанных дворов, а в прошлом 710-м году бил челом великому государю в Архангелогородской канцелярии ближнему столнику князю Петру Алексеевичу я, Иван, чтоб мне, Ивану, податей с ним посацким людем для того, что я служу великому государю у города Архангелского на Мосееве острове на пилней мельницы, и по моему челобитью дан мне, Ивану, великого государя указ из Архангелого//рошской канцелярии за приписью дьяка Федора Зуева, что с меня, Ивана, податей в Земскую избу впредь не спрашивать, а давать мне, Ивану, оброчных денег с трех дворов на год по два рубли. А по каким крепостям владею вышепомянутыми дворами, с подлинных крепостей списки писаны выше сего. А из вышеписанных хором в оброк в отдачу нет. А на нынешней 711-й год оброчных денег не плачено. А подлинныя крепости в Архангелогородской канцелярии не явлены и в книги не записаны, а в книги записаны те вышеозначенные крепости у крепостных дел, а подлинныя крепости я, Иван, к себе взял. А буде я, Иван, в сей скаски сказал ложно или что утаил, и за ложную мою скаску и за утайку указал бы великий государь взять на мне штраф, а штрафу что великий государь укажет. Иван Мишарин руку приложил. //

л. 58

1711-го года декабря в 7 день. Архангелского города жилица Соломонида Антонова дочь, Максимовская жена Прытких, выслушав великого государя указ, по святей непорочной евангелской заповеди Господни, еже ей, сказала вправду: В прошлом 705-м году муж мой Максим бил челом великому государю города Архангелского в Земской избе двинским бурмистром на пустое порозжее место, и по тому челобитью отведено пустое место, а что мерою длины и в ширину, про то я, Соломонида, сказать не ведаю. И на том месте в прошлом 706-м году поставил муж мой хоромного строения горницу да избу. А ныне по переписки правнанти-мейстера Алексея Григорьевича Мятлева явилось того двора мерою длины семь, ширины с лица четыре сажени полтора аршина, в другом конце четыре сажени, хоромного строения против вышеписанного, а из вышеписанных хором в отдачу не отдаю, а с прошлого 705-го по 709-й год великого государя подати муж мой платил в Земскую избу и службы служил в ряд с мирскими людьми, а в прошлом 709-м году муж мой Максим умре, и с того году я, вдова, податей не плачу и служб не служу, кормясь в мире. А какова дана во владение мужу моему вышепомянутое место даная память, и ту даную после мужа я, вдова, простотою своею // утеряла. А буде я, вдова Соломонида, в сей скаски сказала ложно или что утаила, и за ложную мою скаску и за утайку указал бы великий государь взять на мне штраф, а штрафу что великий государь укажет.

л. 59

л. 59 об.

К сей скаски вместо вдовы Соломании Максимовской жене по ее велению Федор Окулов руку приложил. //

1711-го году ноября в 30 день. Архангелского города житель Дмитрий Антонов сын Горяинов, выслушав великого государя указ, по святей непорочной евангелской заповеди, еже-ей-ей, сказал вправду: В прошлом 707-м году по приказу Двинских земских дел бурмистра Алексея Бусинова отведено мне, Дмитрею, для моего нищенства у города Архангелского на мху порозжее пустое место, длины шесть сажень, поперег пять сажень, в другом конце тож. И на том месте в 708-м году поставил я, Дмитрий, хоромного строения избу. И с того места великого государя податей и служб в ряд с мирскими людьми не плачу за скудость, кормлюсь в мире. А даной памяти з Земского двора на вышеписанное место мне не дано. А тое избы в постой никому не отдаю. А буде я, Дмитрий, в сей скаски сказал ложно или что утаил, и за ложную мою скаску и за утайку указал бы великий государь взять на мне штраф, а штрафу что великий государь укажет.

л. 60

К сей скаски вместо Дмитрия Антонова мезенец Никита Кутаев руку приложил. //

Список з даной памяти:

л. 60 об.

Лета господня 1703-го года июня в ... день. По указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, Архангелского города земских дел бурмистр Яков Соройлов дал сию владетельную память горожанину посадickому человеку Михайлу Софронову сыну Богданову на порозжее пустое место, что у Архангелского города на Бору позади посадickих жилых дворов по верхнюю сторону проезжей дороги от огородов Ивана Тряблого, Костянтина Подстега и от проезжей дороги, а дорога оставлена три сажени, для того в нынешнем 703-м году апреля в ... день бил челом великому государю у Архангелского города в Земской избе бурмистру Якову Соройлову подал челобитную он, Михайло Богданов, а в челобитной ево написано: Есть де у Архангелского города на Бору позади посадickих жилых дворов по верхнюю сторону проезжей дороги, а з другую сторону от огородов Ивана Тряблого, Костянтина Подстега на мху пустое порозжее место, и великий государь пожаловал его, веле Архангелского города денежному зборщику с посадickими людьми того места досмотреть и измерить и отдать ему во владение под дворежное строение. А в досмотре и в размере, каков подал денежной зборщик Алексей Башмаков за своею и посадickих людей за руками Ивана Иванова сына Вагина, Ивана Звягина, Лариона Пестова, Дмитрея Глазонова, Леонтия Безбородова, Антипы Цыховкина, Ильи Вахромеева, Михайла Данилова, Перфилья Иванова, Ивана Тряблого, Максима Прытких, Максима Сереброва, написано: Вышеписанное место // порозже и пусто, мерою длинника двенатцать сажень, а поперег шесть сажень в тросаршинную сажень. А на том месте никакова строения нет, и при досмотре на то место ништо никаких крепостей не положил, и спорщика не было, и двором построица ему, челобитчику, возможно, и никому никакова утеснения от тово дворежного строения не будет. И по указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, и по приказу Архангелского города земских дел бурмистра Якова Соройлова по сей даной памяти велено челобитчику Михайлу Богданову вышеписанным пустым порозжим местом владеть и двором строитца, а с того места великого государя всякие подати платить и служить с мирскими людьми в ряд, а того места беломестцам не продавать и не закладывать.

л. 62 об.

У подлинной даной памяти закрепа бурмистра Якова Соройлова. Вместо Михаила Софронова по его велению Калина Скрыпов руку приложил.

1711-го году ноября в 24 день. Архангелского города житель Михайло Софронов сын Богданов, выслушав великого государя указ, по святей непорочной евангелской заповеди Господни, еже ей, сказал вправду: В прошлом 703-м году бил челом великому государю у Архангелского города // в Земской избе земских дел бурмистру Якову Соройлову. И по тому моему челобитью отведено мне, Михайлу, на Бору позади посадickих жилых дворов пустое порозжее место мерою длины двенатцать сажень, поперег шесть сажень. И на том дворежном месте поставлено у меня хоромного строения изба да баня, и с того числа для скудости продал я, Михайло, того своего дворежного места матрозу Трофиму Андрееву сыну Глаткому мерою длины шесть сажень, поперег по лицу четыре сажени, в другом конце тож. А с прошлого 703-го году по 705-й год великого государя всякия подати в Земскую избу плачены, а с 705-го году по нынешний 711-й и в нынешнем 711-м году великого государя податей не платил и службы не служу для того, что промыслов и пожитков нет, кормлюсь в миру Христовым именем. А из вышеписанных хором в отдачу не отдаю. А с подлинной даной памяти, какова мне дана, список писан выше сего. А та подлинная память у меня в Архангелогородской канцелярии не явлена и в книгу не записана. А буде я, Михайло, в сей скаске сказал ложно или что утаил, и за ложную мою скаску и за утайку указал бы великий государь взять на мне штраф, а штрафу что великий государь укажет.

л. 61

Вместо Михайла Богданова по его велению колмогорец Прокопей Попов руку приложил. //

л. 64 Список с купчей:

Лета 1711-го года октября в 19 день. Архангелсково города посадкой человек Иван Филатов сын Слащев дал сие купчую того ж города Архангелсково посадкому человеку Якову Иванову сыну Яшневу, в том что в прошлом 709-м году продал я, Иван, ему, Якову, владения своею на данной мне государевы земли по отводной памяти прошлого 703-го года декабря 24 дня за закрепю бурмистра Якова Соройлова двор, позади двора продажи ж моей вдове Анисьи Якимовы дочери, а в том дворе строения изба на подполье, сени на подсенье, клеть на подклете и двор рубленой с вороты, и с поветью, и со всяким дворовым и хоромным строением, и с окончины, что есть без вывета. А цены взял я, Иван, тогда при продаже у него, Якова, за все вышеписанное строение восемь рублей денег все без остатку. И по данной памяти государевую землю длинником пятью сажени, поперешником шестью сажени, все в трехаршинную сажень, ему, Якову, безденежно поступился по старым же, каковы в той данной межи написаны, и ему, Якову, по сей моей купчей тем вышеписанным строением владеть вечно и с того подворного места, чего спросят, всякие великого государя подати платить и службы служить с сего вышеписанного числа и впредь по вся годы, и вольно то строение продать и землю поступитца безденежно. В очищении той своей продажи от всяких крепостей и от спора во всем я, Иван, в том ему, Якову, никаких убытков не учинить. А вышеписанную даную отдал по прежней своей продажи Анисьи Якимовы дочери.

л. 64 об. У купчей вместо Ивана Филатова сына Слащева, что он дворовое // строение Якову Яшневу продал, цены взял восемь рублей денег и землю поступился безденежно, по его велению Архангелогородской канцелярии подьячей Григорий Васильев сын Никифоров руку приложил.

Свидетель горожанин Петр Иванов сын Конарской Болшей руку приложил. Свидетель крепостных дел подьячей Евсей Митрофанова руку приложил. Писал купчую у города Архангелсково крепостных дел подьячей Гаврило Поповых. У купчей подписано: 1711-го октября в 19 день за письмо и от записки в книги четыре алтына две денги, пошлин восемь алтын, печатных полполтины взято и в книги записано. Подлинно подписал Кирило Брангин. Вместо Якова Яшнева по его велению горожанин Лаврентей Яфанов руку приложил.

1711-го году ноября в 29 день. Архангелсково города житель Яков Иванов, кяроостровец, выслушав великого государя указ, по святей непорочной евангельской заповеди Господни, еже-ей, сказал вправду: В нынешнем 711-м году купил я, Яков, у Архангелсково города на Бору двор у горожанина посацкого человека Ивана Филатова сына Слащева, мерою дворового места длины пять сажен, // поперег в обоих концах по шти сажен. А ныне по переписки правянт-мейстера Алексея Григорьевича Мятлева явилось длины и поперег в обоих концах по шти сажен. А на том дворовом месте хоромного строения изба да баня. А с того я двора великого государя податей в Земскую избу не положено, также и служб не служу. А для свидетельства список с подлинной купчей, какова мне, Якову, дана от него, продавца, писан выше сего. А подлинную купчую я, Яков, к себе взял, а подлинная купчая в Архангелогородской канцелярии не явлена и в книгу не записана, а записана у крепостных дел. А из вышеписанных хором ничего в отдачу не отдаю. А буде я, Яков, в сей скаски сказал ложно или что утаил, и за ложную мою скаску и за утайку указал бы великий государь взять на мне штраф, а штрафу что великий государь укажет.

К сей скаски вместо кяроостровца по его велению горожанин Иван Дьяконов руку приложил. //

л. 65 Список с купчей:

Лета 1711-го октября в 18 день. Архангелсково города посадкой человек Иван Филатов сын Слащев дал сие купчую колмогорке вдове Анисье Якимове дочери Степановской жены Каргополова в том, что в прошлом 707-м году продал я, Иван, ее, Анисью, владения своею на данной мне государевы земли по отводной памяти прошлого 703-го года декабря 24 дня за закрепю бурмистра Якова Соройлова двор, в нем строения избу на подполье, сени с чуланом на подсенье со всяким нутряным и хоромным строением, и с окончины, что есть без вывета. А цены взял я, Иван, тогда при продаже у ней, Анисьи, за все вышеписанное строение шесть рублей денег, все без остатку. И по данной памяти государевую землю длинником пятью сажени, поперешником четырьмя сажени с аршином, все в трехаршинную сажень, ее, Анисью, безденежно поступился по старым межам, каковы в той данной памяти написаны, и ее, Анисью, по сей моей купчей тем вышеписанным строением владеть вечно и с того подворного места чего с сего вышеписанного числа по указу великого государя куда спросят, платить, и волно то строение продать, и заложить, и тою землею поступитца. В очищении той своей продажи от всякого спора во всем я, Иван, а ее, Анисью, в том никаких убытков не учинить. В том Иван ее, Анисью, и ее вышеписанную даную дал.

л. 65 об. Вместо Ивана Филатова сына Слащева, что он дворовое строение Анисье Якимовой дочери продал и землю безденежно поступился, по ево, Иванову, велению Архангелогородской канцелярии // подьячей Григорей Васильев сын Никифоров руку приложил. Свидетель горожанин Петр Иванов сын Конарской Болшей руку приложил. Свидетель крепостных дел подьячей Евсей Митрофанова руку приложил. Писал купчую у города Архангелсково крепостных дел подьячей Гаврило Поповых.

У купчей подписано: 1711-го октября в 18 день пошлин шесть алтын, печатных восемь алтын две денги, за писмо и от записки в книгу четыре алтына две денги взято и в книгу записано подлинно. Подписал Кирило Брангин.

Вместо Анисье Якимовы дочери по ее велению горожанин Лаврентей Яфанов руку приложил. //

л. 66 1711-го году ноября в 28 день. Холмогорского посаду вдова Анисья Якимова дочь Степановская жена Каргополова,

л. 66 об. выслушав великого государя указ, по святей непорочной евангельской заповеди Господни, еже ей ей, сказала вправду: В нынешнем 711-м году купила я, вдова Анисья, у Архангелсково города на Бору двор мерою // длины пять, поперег с лица четыре, позади тож, хоромного строения изба, а с того двора своего великого государя подати на Холмогоры и у города Архангелсково в ряд с мирскими людьми за скудостью своею не плачу, кормлюсь в мире, а для свидетельства с подлинной купчей список написан выше сего. А та подлинная купчая в Архангелогородской канцелярии не явлена и в книгу не записана. А вышеписанной избе в оброк в отдачу не отдаю. А буде я, вдова Анисья, в сей скаски сказала ложно или что утаила, и за ложную мою скаску и за утайку указал бы великий государь взять на мне штраф, а штрафу что великий государь укажет.

К сей скаске вместо вдовы Анисье Якимовой дочери по ее велению Руского полку солдат Семен Едовин руку приложил. //

л. 67 1711-го ноября в 10 день. Архангелогородец посадкой человек Антон Яковлев сын Яфанов, выслушав великого государя указ, по святей непорочной евангельской заповеди Господни, еже-ей, сказал вправду: В прошлом 704-м году отведено мне из Земской избе под хоромное строение пустое место мерою длины двенадцать, поперег по лицу десять сажен, позади тож. И на том дворовом месте поставлено хоромного строения изба да баня. И с того я двора великого государя всякия подати и службы в ряд с мирскими людьми служу, а с того вышеписанного хоромного строения в оброк в отдачу нет. А с подлинной памяти, какова мне дана за закрепю бурмистра в Архангелогородской канцелярии, в книгу не записана. А буде я, Антон, в сей скаски сказал ложно или что утаил, и за ложную мою скаску и за утайку указал бы великий государь взять на мне штраф, а штрафу что великий государь укажет.

К сей скаски вместо Антона Яфанова по его велению Иван Дьяконов руку приложил. //

л. 68 Список с данной памяти:

Лета 1704-го генваря в 16 день. По указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, Архангелсково города земских дел бурмистр Федор Миронов Барабанской дал

владельную память Архангелсково города посадским людем Кондратью да Антону Яковлевым детем Ефановым на пустое порожнее место под дворовое строение, что у Архангелсково города на Бору позаде посацких жилых дворов на мху, для того в нынешнем 1704-м году генваря в 12 день бил челом великому государю, а у Архангелсково города в Земской избе земских дел бурмистру Федору Миронову Барабанскому подали челобитную они, Кондратий и Антон, а в челобитной их написано, есть де у Архангелсково города на Бору позаде посацких жилых дворов на мху пустое порожнее место, и никто им не владеет, и в даче и в отводе ни за кем нет. И великий государь пожаловал бы их и велел Архангелсково города денежному зборщику Григорию Белокурову с посадскими людами то пусто место досмотреть и измерить, а в досмотре и в розмере, каков подал денежный зборщик Григорей за своею и посацких людей за руками Алексея Григорьева Башмакова, Лариона Семенова Пестова, Данила Федорова Мякушкина, Филипа Омосова, Ивана Звягина, Максима Сереброва, Максима Прытких, написано то место порожье и пусто, а мерою того места длины двенадцать сажень, а поперег десять сажень в тросаршинную сажень. И при досмотре денежного зборщика Григория Белокурова и посадских людей на то место никто крепостей не положил, и спорщика не было, и дворовому // строению годно, и утеснения никому не будет. И по указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, и по приказу земских дел бурмистра Федора Миронова Барабанского велено им, челобитчикам Кондратью и Антону, тем пустым порожжим местом владеть и двором строитца, а с того места всякие государевы подати платить и службы служить с мирскими людами в ряд, а того места и дворового строения не продать и не заложить.

л. 68 об.

У подлинной данной памяти закрепя бурмистра Федора Миронова Барабанского.

И вместо братье своих Кондратья и Онтон по их велению Лаврентей Ефанов же руку приложил. //

Список з данной памяти:

л. 70

Лета 1704-го генваря в 17 день. По указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, Архангелсково города земских дел бурмистр Федор Миронов Барабанской дал сию владетельную память горожанину посадскому человеку Филипу Лукину Исакову на пустое порожнее место под дворовое строение, что у Архангелсково города на Бору позаде посацких жилых дворов на мху, для того в нынешнем 1704-м году генваря в 13 день бил челом великому государю, а у Архангелсково города в Земской избе земских дел бурмистру Федору Миронову Барабанскому подал челобитную он, Филип, а в челобитной ево написано, есть де у Архангелсково города на Бору позаде посацких жилых дворов на мху пустое порожнее место, и в даче и в отводе ни за кем нет, и великий государь пожаловал бы ево, велел Архангелсково города денежному зборщику Григорию Белокурову с посадскими людами то пустое место досмотреть и измерить, а в досмотре и в розмере, каков подал денежной зборщик Григорей Белокуров за своею и посацких людей за руками Алексея Башмакова, Лариона Пестова, Данила Мякушкина, Филипа Омосова, Ивана Звягина, Максима Сереброва, Максима Прытких, написано то место порожье и лежит в пусте, а мерою тово места длины двенадцать сажень, а поперег шесть сажень в тросаршинную сажень. И при досмотре денежного зборщика // Григорья Белокурова и посадских людей на то место никто крепостей не положил, и спорщика не было, и дворовому строению годно, и утеснения никому не будет. И по указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, и по приказу земских дел бурмистра Федора Миронова Барабанского велено ему, челобитчику Филипу, тем пустым порожжим местом владеть и двором строитца, а с того места всякие государевы подати платить и службы служить с мирскими людами в ряд, а того места и з дворового строения беломесцем не продавать и не закладывать.

л. 70 об.

У подлинной данной памяти закрепя бурмистра Федора Барабанского.

Вместо Филипа Исаковых по ево велению горожанина Лаврентей Яфанов руку приложил.

1711-го году ноября в 10 день. Архангелогородец посацкой человек Филип Лукин сын Исаков, выслушав великого государя указ, по святей непорочной заповеди Господне, еже ей, сказал в правду: В прошлом 704-м году отведено мне з Земского двора по челобитью моему пустое порожнее место в длину двенадцать, поперег по лицу шесть сажень, позади тож. И на том месте // поставлена у меня изба, и с того я дворового места за скудостию великого государя всяких подачей не плачу и службы в ряд с мирскими людами не служу. А та изба у меня в оброк и в отдачу нет. А список с подлинной памяти, какова мне дана во владенье, писана выше сего, и та подлинная память в Архангелогороцкой канцелярии в книгу не записана. А буде я, Филип, в сей скаске сказал ложно или что утайл, и за ложную мою скаску и за утайку указал бы великий государь взять на мне штраф, а штрафу что великий государь укажет.

л. 71 об.

К сей скаске вместо Филипа Исакова по ево велению Иван Дьяконов руку приложил. //

Список з данной памяти:

л. 73

Лета 1709-го марта в 11 день. По указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, Архангелсково города Двинских земских дел бурмистры Осей Киров с товарищи дали данную память горожанину посацкому человеку Федору Феклистову сыну Тихоновых на пустое порожнее место дворовой постройки, для того в нынешнем 709-м году марта в 9 день бил челом великому государю у Архангелсково города в Земской избе земских дел бурмистру Осее Кирову с товарищи подал челобитную он, Федор, а в той его челобитной написано, есть де у Архангелсково города на Бору на мху пустое порожнее место возле новую дорогу и возле дворового строения горожанина Якимя Антонова сына Базанова, и тем пустым порожжим местом никто не владеет, и в даче и в крепостях ни за кем нет, и великий государь пожаловал бы ево, Федора, велел бы тово порожжего места сощкому с мирскими людами досмотреть и измерить, чтоб ему, челобитчику, на том порожжем пустом месте двором постройца, а с того места подати платить и службы служить он, челобитчик, будет. И по указу великого государя и по памяти за рукою земских дел // бурмистра Осея Кирова с товарищи в досмотре и в розмере, каков подал в Земскую избу города Архангелского зборщик Петр Тварогов за своею и посацких людей руками, написано то порожнее место и пусто, и в отдаче и в крепостях ни за кем нет, и в книгах не написано, и спорщиков на то место не было. А мерою тово места в межах от двора Якимя Котлова в мх поперешка возле новую дорогу семь сажень, длинника в мх десять сажень в тросаршинную сажень, и от того места утеснения никому и спору ни от кого не будет, а ему б, челобитчику, на том месте постройца дворенком мощно. И по указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, и по приказу земских дел бурмистров Осея Кирова с товарищи велено ему, челобитчику Федору, по сей памяти против вышеписанного сего челобития на том месте двором постройца, и по досмотру и по мере зборщика и мирских людей тем местом владеть, и с того под дворовое строение данова места всякие великого государя подати платить и службы служить // с мирскими посадскими людами в ряд, а того места и дворового строения беломестцам не продавать и не закладывать.

л. 73 об.

л. 74

У подлинной памяти закрепя бурмистра Осея Кирова да бурмистра Максима Цыварева. К сему списку вместо Федора Тихонова по ево велению каргополец Яков Кибасов руку приложил.

1711-го года ноября в 30 день. Архангелсково города житель Федор Феклистов сын Тихоновых, выслушав великого государя указ, по святей непорочной евангелской заповеди Господни, еже ей, сказал в правду: В прошлом 709-м году по указу великого государя и по памяти за рукою бурмистра Осея Кирова отведено мне, Федору, на мху пустое порожнее место для дворовой постройки. И в прошлом 710-м году поставил я, Федор, на том дворовом месте хоромного строения избу. А с тово я двора великого государя подати не плачу, кормлюсь в мире, а для свидетельства, какова мне память да-

- на для владения, список писан выше сего. А подлинная память в Архангелогороцкой канцелярии не явлена и в книги не записана. А вышеписанной // избы в отдачу не отдаю. А буде я, Федор, в сей скаске сказал ложно или что утаил, и за ложную мою скаску и за утайку указал бы великий государь взять на мне штраф, а штрафу что великий государь укажет.
- К сей скаске вместо Федора Феклистова по его велению каргополец Яков Кибасов руку приложил. //
- л. 75 1711-го года ноября в 10 день. Архангелогородец посацкой человек Ефим Феофанов сын Понамарев, выслушав великого государя указ, по святей непорочной евангелской заповеди Господни, еже ей, сказал правду: В прошлом 709-м году отведено мне, Екимю, у Архангелского города на Бору возле новую дорогу пустое место под двор, и на том дворовом месте поставлена изба на анбаре, а мерою то место в длину девять, поперег по лицу шесть сажен, позади тож, а с тово я своево двора великого государя за скудостию всякие подати не плачу и службы в ряд с мирскими людьми не служу. А с подлинной памяти, какова мне дана из Двинской Земской избы, список написан выше сего, и та подлинная память на Земском дворе в книгу записана. А буде я, Еким, в сей скаске сказал ложно или что утаил, и за ложную мою скаску и за утайку указал бы великий государь взять на мне штраф, а штрафу что великий государь укажет.
- Яким Понамаревых руку приложил. //
- л. 76 Список з данной памяти:
Лета 1709-го марта в 12 день. По указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича, всеа Великия и Малая и Белья Росии самодержца, Архангелского города и Двинские земских дел бурмистры Осей Киров с товарищи дали даную память горожанину посацкому человеку Якимю Феофанову сыну Понамаревых на пустое порожнее место у Архангелского города на Бору возле новую дорогу для поставки анбарышка и огородца, для того в нынешнем 709-м году марта в 10 день бил челом великому государю, у Архангелского города в Земской избе земских дел бурмистром Осеем Кирову с товарищи подал челобитную он, Яким, а в той ево челобитной написано, есть де у Архангелского города на Бору возле новую дорогу против двора горожанина Егора Иванова сына Звягиных на другой стороне дороги пустое порожнее место на мху, и тем пустым порожним местом никто не владеет, и в даче и в крепостях ни за кем нет, и великий государь пожаловал бы его, Якима, велел того пустого порожнего места соцкому с мирскими людьми досмотреть, чтоб ему, челобитчику, на том пустом порожнем месте поставитца анбарышником да для огородца отвесьть длинника десять сажен, поперег шесть сажен. И по указу великого государя, и по памяти // земских дел бурмистров в досмотре и в размере, каков подал города Архангелского денежной зборщик Фома Околншников с товарищи за своею и посацких людей руками, написано то место порожнее, и пусто, и в даче и в крепостях ни за кем нет, и в книгах не написано, и спорщиков не было, а мерою тово места в межах от даного дворища горожанина Федора Феклистова возле дорогу поперешика шесть сажен, длинника десять сажен в тросаршинную сажень, и от того де места утеснения никому и спору ни от ково не будет, а ему де, челобитчику, на том месте постройтца анбарышником и огородцом мошно. И по указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича, всеа Великия и Малая и Белья Росии самодержца, и по приказу земских дел бурмистров Осей Кирова с товарищи велено ему, челобитчику Якимю, по сей памяти против челобитья своево вышеписанным пустым порожним местом по досмотру и по мере зборщика и мирских людей владеть и анбарышником и огородцом постройтца, а с того места всякие великого государя подати платить и службы служить с архангелогороцкими посацкими людьми в ряд, а того места беломестцам не продавать и не закладывать.
- У подлинной данной памяти закрепя бурмистров Осей Кирова да Ивана Крылова. //
- л. 77 1711-го года ноября в 30 день. Архангелского города житель Анфим Петров сын Калинин, выслушав великого государя указ, по святей непорочной евангелской заповеди Господни, еже ей ей, сказал в правду: В прошлом 709-м году по приказу земских дел бурмистра Осей Кирова отведено мне, Анфиму, на Бору за посацкой слободою под двор для моего нищенства пустое порожнее место мерою длины семь сажен, поперег в обоих концах по шти сажен, и на том месте поставил я, Анфим, хоромного строения избу. И с того я места податей не плачу и служб не служу за скудостию, кормлюсь в мире. А памяти отводной мне на вышеписанное пустое место не дано. А вышепомянутую избу в постой никому не отдаю. А буде я, Анфим, в сей скаски сказал ложно или что утаил, и за ложную мою скаску и за утайку указал бы великий государь взять на мне штраф, а штрафу что великий государь укажет.
- К сей скаски вместо Анфима Калинина по его велению Иван Сорокин руку приложил. //
- л. 78 Список з данной памяти:
Лета 1709-го апреля в 17 день. По указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича, всеа Великия и Малая и Белья Росии самодержца, Архангелского города и Двинские земских дел бурмистры Осей Киров, Иван Крылов с товарищи дали даную память горожанину Ивану Филатову сыну Слащеву на пустое порожнее место у Архангелского города на Бору для дворовой постройки, для того в нынешнем 709-м году апреля в 8 день бил челом великому государю, у Архангелского города в Земской избе земских дел бурмистром Осеем Кирову с товарищи подал челобитную он, Иван, а в челобитной его написано, есть де у города Архангелского на Бору по новой на мху дороге по правую сторону от зятя Якима Чюпова и от соседа его з дороги в мху пустое порожнее место, и тем местом никто не владеет, и великий государь пожаловал бы его, велел того вышеписанного места соцкому и посацким людям досмотреть и по досмотру отвесьть ему во владение под дворовое строение и платежу всяких его, великого государя, податей, длиннику от новопостроенной с верхново конца дороги двенадцать сажен, поперег в мху от отводного места шесть сажен тросаршинных. И по досмотру соцкого и посацких людей дать ему на то место владенную // память. А в досмотре и в размере, каков подал в Земскую избу города Архангелского денежной зборщик Фома Околншников за своею и посацких людей руками, написано то место порожнее, и пусто, и строения никакова нет, и в даче преж сего не написано. А мерою того места по тое моховой дороге по правую сторону сверху от дворища Якима Феофанова и Анфима Калининных в моховой конец поперешика шесть сажен, длиннику от мостовой же дороги вверх в моховой конец двенадцать сажен, а промеж теми дворищами, Анфимовым и Ивановым, от тое мостовой дороги в верхний конец на проезжую большую дорогу оставлено три сажени в тросаршинную сажень, и на месте ему, челобитчику, дворенком постройтца мошно, и утеснения никому и спору ни от ково не будет. И по указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича, всеа Великия и Малая и Белья Росии самодержца, и по приказу земских дел бурмистров архангелогороцково и двинских Осей Кирова и Ивана Крылова с товарищи велено челобитчику по сей памяти против челобитья своего вышепомянутым пустым местом владеть, и дворенком постройтца, и по досмотру и по мере владеть, и с того места всякие великого государя подати // платить, и службы служить с мирскими посацкими людьми в ряд, а того места и дворового строения беломестцам не продавать, не закладывать ни которым вымыслом.
- У подлинной данной закрепя бурмистра Осей Кирова. К сему списку вместо Ивана Слащева по его велению горожанин Филип Омосов руку приложил.
- л. 79 1711-го года ноября в 9 день. Архангелогородец посацкой человек Иван Филатов сын Слащев, выслушав великого государя указ, сказал: В прошлом 709-м году бил челом я, Иван, у Архангелского города великому государю на Земском дворе на пустое место, и по тому моему челобитью Двинских земских дел бурмистр Осей Киров с товарищи приказал мне отвесьть на мху то пустое место, в длину двенадцать сажен, поперег по лицу шесть сажен, позади тож. И на том мес-

те поставлено хоромного строения изба на анбаре да баня, а из вышеписанных хором в оброке нет. А с того я своего двора великого государя всякие подати в ряд с мирскими людьми плачу и службы служу. А буде я, Иван, в сей скаски сказал ложно или что утаил, и за ложную мою скаску и за утайку указал бы великий государь взять на мне штраф, а штрафу что великий государь укажет.

К сей скаске вместо Ивана Слащева по ево велению горожанин Иван Трофимовых руку приложил. //

Список з даной памяти:

л. 84

Лета 1707-го марта в 19 день. По указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, Архангелского города земских дел бурмистр Алексей Бусинов дал даную память горожанину Якову Муракину на пустое порозжее место тяглое у Архангелского города на Бору на мху за Посадцкою слободою по ево, Яковлеву, челобитью для дворовой постройки. А по досмотру и по мере Архангелского города денежного зборщика Ивана Капкова и посацких людей Афанасья Симанова, Ильи Филиповых, Леонтия Безбородова, Дмитрея Глазатых с товарищи написано того порозжего места мерою от проезжей моховой дороги вниз длины восемь сажень, попережку з горнего и с нижнего конца в мох от даного места Григорья Негодяева по шти сажень в троеаршинную сажень, промеж теми местами оставлено на проулок сажень. И у досмотру по скаске их денежного зборщика Капкова и посацких людей на то место спорщиков не было и утеснения никому не будет, а ему, Якову, постройца на том месте двором мощно. И по указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, и по приказу бурмистра Алексея Бусинова велено челобитчику Якову на том месте двором постройца, и по досмотру и по мере владеть, и с того места великого государя подати платить, // и службы служить с мирскими посацкими людьми в ряд, а того пустого тяглого места и дворового строения беломесцам не продавать и не закладывать.

л. 85

У подлинной памяти на другой стороне написано в конце: Вместо бурмистра Алексея Бусинова по его велению Гаврило Кочуров руку приложил.

К сему списку вместо Якова Минина Муракина по ево велению горожанин Алексей Борисов руку приложил.

1708-го году ноября в 28 день. Архангелского города житель Яков Минин сын Муракин, выслушав великого государя указ, по святей непорочной евангелской заповеди Господни, еже ей ей, сказал в правду: В прошлом 707-м году по указу великого государя и по памяти за рукою бурмистра Алексея Бусинова отведено мне, Якову, на мху пустое порозжее место под хоромное строение, мерою того места длины восемь, поперег шесть сажень, в другом конце тож, а на том дворовом месте поставил я, // Яков, хоромного строения избу да баню, и с того я двора великого государя всякия подати в Земскую избу и службы в ряд с мирскими людьми служил с прошлого 705-го по 709-й год, а с 709-го по нынешней 711-й год великого государя податей не плачу и служб не служу за скудость, кормлюсь в мире. А для свидетельства с подлинной памяти список писан выше сего. А подлинную память я, Яков, к себе взял, а подлинная память в Архангелогороцкой канцелярии не явлена и в книгу не записана. А из вышеписанных хором в оброк в отдачу не отдаю. А буде я, Яков, в сей скаски сказал ложно или что утаил, и за ложную мою скаску и за утайку указал бы великий государь взять на мне штраф, а штрафу что великий государь укажет.

л. 85 об.

К сей скаски вместо Якова Муракина по его велению Иван Дьяконов руку приложил. //

1711-го году ноября в 27 день. Архангелского города житель Иван Афонасьев сын Матфеевых, выслушав великого государя указ, по святей непорочной евангелской заповеди Господни, еже ей ей, сказал в правду: В прошлом 709-м году Архангелсково города посацкой человек Григорей Борисов сын Негодяев пустил меня, Ивана, во двор свой пожить на время, и волею Божию он, Григорей, умер, а я, Иван, в том дворе остался для обережи, а крепостей он, Григорей Борисов, на тот двор мне, Ивану, не оставил. А по переписки провиант-мейстера Алексея Григорьевича Мятлева явилось мерою тово двора длина восемь, поперег с лица шесть сажень, позади тож. Хоромного строения две избы ветхие. А с того я двора великого государя подати в Земскую избу не плачу и службы не служу, кормлюсь в мире Христовым именем. А по какой крепости он, Григорей Негодяев, вышепомянутым двором владел, и та у него крепость где записана или не записана, про то я, Иван, сказать не ведаю. А буде я, Иван Матфеев, в сей скаски сказал ложно или что утаил, и за ложную мою скаску и за утайку указал бы великий государь взять на мне штраф, а штрафу что великий государь укажет.

л. 86

К сей скаски вместо Ивана Матфеевых по ево велению горожанин Григорий Белокуров и руку приложил. //

1711-го году ноября в 29 день. Архангелского города житель Ефим Игнатъев сын Надеев, выслушав великого государя указ, по святей непорочной евангелской заповеди Господни, еже ей ей, сказал в правду: В прошлом 703-м году по указу великого государя и по памяти Земской избы за крепою бурмистра Якова Соройлова отведено мне, Ефиму, на Бору за Посадцкою слободою пустое под дворовое строение место мерою длины девять, поперег по лицу шесть сажень, в другом конце тож. И на том дворовом пустом месте поставил я, Ефим, хоромного строения избу. И с того дворового места великого государя подати платил с 702-го года по 708-й год по вся годы без доимки, а с прошлого 708-го года по нынешний 711-й год подати не платил и службы с мирскими людьми не служу за скудость, кормлюсь в мире. А для свидетельства с подлинной памяти, какова мне дана для владения, список писан ниже сего. А подлинную память я, Ефим, к себе взял. А подлинная память в Архангелогороцкой канцелярии не явлена и в книги не записана. А буде я, Ефим, в сей скаски сказал ложно или что утаил, и за ложную мою скаску и за утайку указал бы великий государь взять на мне штраф, а штрафу что великий государь укажет.

л. 87

К сей скаске вместо Ефима Надеина по ево велению Иван Дьяконов руку приложил. //

Список з даной памяти:

л. 87 об.

Лета 1703-го года февраля в 26 день. По указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, Архангелского города земских дел бурмистр Яков Соройлов дал сию даную память Архангелсково города посацкому человеку Ефиму Надеину на пустое порозжее место у Архангелсково города на Бору позади посацких жилых дворов, а по нижнюю сторону проезжей дороги на мху, пустое порозжее место по ево, Ефимову, челобитью для дворовой постройки. А по досмотру и по мере Архангелского города денежного зборщика Алексея Григорьева Башмакова и посацких людей Михаила Яковлева Морозова, Прокопья Павлова Шеина, Степана Дмитресва Дяткина, Дмитрея Глазунова, Леонтия Безбородова, Степана Звягина, Максима Прыгтково, Лариона Белкова, Якова Метальникова, Ивана Ваге, Якова Замарая то вышеписанное место мерою длины вниз девять сажень, поперег по шти сажень в троеаршинную сажень. А у досмотру по скаски их денежна зборщика Алексея Башмакова и посацких людей Михаила Порозова с товарищи, та вышеписанная земля порозжая и лежит в пуге, и от дворовой челобитчиковы постройки утеснения никому и спору ни от кого не будет. И по указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, и по приказу Архангелского города земских дел бурмистра Якова Соройлова и по сей даной памяти челобитчику Ефиму Надеину на вышеписанном месте двором постройца, и той подворной земли и з двора тягло платить, и службы служить // с посацкими людьми в ряд, а того места и дворового строения беломесцом не продавать и не закладывать.

л. 88

У подлинной даной памяти позади пишет: Бурмистр Яков Соройлов. Вместо Ефима Надеина по ево велению горожанин Григорей Белокуров руку приложил. //

л. 89 Список:

Лета 1707-го года декабря в 22 день. По указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья России самодержца, Архангелского города земских дел бурмистр Алексей Бусинов дал даную горожанину посацкому человеку Андреяну Иванову сыну Звягину на пустое порозжее место у Архангелского города на Бору на мху подле дворовое строение Якова Муракина, для того в нынешнем 707-м году декабря в 18 день великому государю бил челом, а у Архангелского города в Двинской избе земских дел бурмистру Алексею Бусинову подал челобитную он, Андрейян, а в той его челобитной написано, есть де у Архангелского города на Бору на мху подле дворовое строение горожанина Якова Муракина пустое порозжее место, никто тем местом не владеет, и в даче и в отводе ни за кем нет, и великий государь пожаловал бы его, Андрейяна, велел то пустое порозжее место сощзим // с мирскими людьми досмотреть и под дворовое строение и под огородец ему, Андрейяну, отвезть. А в досмотре и розмере, каков подал в Земскую избу города Архангелского денежный зборщик Иван Капков за своею и посацких людей руками, написано мерою того пустого места от новопоставленной мостовой дороги вниз длины дватцать сажен, да от двора и от подворной земли Якова Муракина возле тое ж мостовую дорогу в моховой конец полперешника сорок сажен в троеаршинную сажень. И у досмотру по скаске их, денежного зборщика и посацких людей, то место порозже и пусто, и строения никакова нет, и крепостей никто не положил. А ему, челобитчику, для дворового и огородишного строения будет годно, и от того утешения никому и спору ни от кого не будет. И по указу великого государя, и по приказу земских дел бурмистра Алексея Бусинова велено ему, челобитчику, // по сей даной против челобития ево вышепомянутым пустым порозжим местом по досмотру и по мере владеть, и с того места всякие великого государя подати платить, и службы служить с мирскими посацкими людьми в ряд, а того даного места беломесцам не продавать и не закладывать.

У подлинной памяти пишет: Вместо бурмистра отца своего Алексея Иванова сына по его велению сын его Петр Меншей руку приложил. Андрейян Звягин.

л. 90 об. 1711-го году ноября в 22 день. Архангелогородец Андрейян Иванов сын Звягин, выслушав великого государя указ, по святей непорочной евангелской заповеди, еже ей ей, сказал в правду: В прошлом 707-м году по приказу Двинских земских дел бурмистра Алексея Бусинова отведено мне пустое под дворовое строение место мерою длины дватцать одна сажень, поперег шесть сажен. И на том порозжем месте построено у меня хоромного строения две горницы на анбарах, баня. И с того я своего двора // великого государя подати плачу в Земскую избу и службу в ряд с мирскими людьми служу, а из вышеписанных хором в отдачу нет. А с подлинной отводной памяти, какова мне дана из Двинской Земской избы, список писан выше сего. А буде я, Андрейян, в сей скаски сказал ложно или что утаил, и за ложную мою скаску и за утайку указал бы великий государь взять на мне штраф, а штрафу что великий государь укажет. Андрейян Звягин руку приложил. //

л. 91 1711-го году ноября в 29 день. Архангелского города посацкой человек Яков Иванов сын Вологдин, выслушав великого государя указ, по святей непорочной евангелской заповеди Господни, еже ей ей, сказал в правду: В прошлом 707-м году купил я, Яков, у города Архангелского на Бору у горожанина Максима Сергеева сына Сереброва дворовое место, а на нем строения изба да баня, а мерою то дворовое место длины девять сажен, поперег с лица три сажени, позади тож. И с того я двора великого государя подати плачу в Земскую избу по вся годы без доимки и службы служу в ряд с мирскими людьми, а из вышеписанных хором в отдачу ничего не отдаю. А для свидетельства, какова мне дана от него, продавца, купчая, список писан выше сего, а подлинную купчую я, Яков, к себе взял. А подлинная купчая в Архангелогороцкой канцелярии не явлена и в книги не записана, а записана у крепостных дел. А буде я, Яков, в сей скаски сказал ложно или что утаил, и за ложную мою скаску и за утайку указал бы великий государь взять на мне штраф, а штрафу что великий государь укажет.

К сей скаски в место Якова Вологодина по его велению гороженин Алексей Бородкин руку приложил. //

л. 92 Список с купчей:

Лета 1707-го февраля в 20 день. Архангелского города посацкой человек Максим Сергеев сын Серебров продал есмь и поступился горожанину посацкому человеку Якову Иванову сыну Вологдину Архангелского ж города на Бору своего строения изба да хлев рыбинной на государевой даной земли с мосты, и со всем нутряным избяным с рядом, с подпечным, и приставленным перед избою тесом, чем я, Максим, владел в межах позади Степана Дяткина по нижнюю сторону проезжей дороги на мху подле избу моея же продажи, что я продал Михайлу Харитонову, которою ныне по ево, Михайлове, продаже владеет Яков Касьянов, а ту свою избу на подполье и хлев рыбинной продал я, Максим, ему, Якову, с кровлеми, а цены взял я, Максим, у него, Якова, за ту свою продажу восемь рублей денег, все у сей купчей без остатку, и даною подворною землею длинником девятую сажень и поперешником тремя сажнями по даной бурмистрове памяти прошлого 703-го года февраля 26 дня ему, Якову, безденежно во владение поступился, и ему, Якову, по сей моея продаже тою избою и хлевом владеть, и вновь на той даной земле что похочет строить, и великого государя всякие подати и в земские расходы денги с посацкими людьми в ряд платить, и волно ту избу, и хлев, и свое новое строение, что у него будет, продать и подворною тою даною землею безденежно ж поступитца. А мне, Максиму, в тое своею строения избу, и в хлев, и в даную ту землю, ни во что впредь не вступатца. И кроме сей продажи никому та изба у меня, у Максима, и хлев не продано и не заложено. В очищение той своей продажи от всяких людей и от крепостей я, Максим, своими денгами. В том на ту свою продажу я, Максим, ему, Якову, и сее купчую и даную память на подворную землю для владенья дал. И х какову // делу Яков Касьянов той даной спросит на подворную землю, и ему тое память казать и на список давать без задержанья.

л. 92 об. К подлинной купчей вместо Максима Сергеева сына Сереброва, что он своего строения избу на подпольи да хлев рыбинной Якову Иванову сыну Вологдину продал, цены взял восемь рублей и подворною землею безденежно поступился во владенье ему, Якову, в том по ево велению горожанин Осип Дмитриев Попов руку приложил. Свидетель горожанин Матвей Арбатос у сей купчей был, в том руку приложил.

Подлинную писал купчую у города Архангельского крепостных дел надсмотрщик Яков Писарев.

У подлинной купчей позади в конце пишет: 1707-го года февраля в 20 день по указу великого князя Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья России самодержца, и по грамоте, и по новосостоятельным крепостных дел статьям сия купчая у крепостных дел в книги записана и пошлины по указу с рубля по алтын, итого восемь алтын печатных, восемь алтын две денги писчего, десеть денег да з другой страницы, за писмо ж шесть денег, записного десеть денег же. И сия крепость в книги записана. Подписал он же, Яков Писарев, а подписного 4 денги.

Вместо Якова Иванова сына Вологодина по его велению Сава Полстовалов руку приложил. //

л. 93 1711-го году декабря в 5 день. Архангелского города житель Козма Иванов сын Широкого, выслушав великого государя указ, по святой непорочной евангелской заповеди Господни, еже ей ей, сказал в правду: В прошлом 710-м году купил я, Козма, у Архангелского на Бору у горожанина у Якова Суханова двор, мерою длины того двора девять сажен, поперег по лицу три сажени, в другом конце тож. Хоромного строения изба. А из того двора великого государя подати не плачу и службы не служу за скудостью, кормлюсь в мире. А список с купчей, какова мне дана во владение, написан выше сего. А купчая в Архангелогороцкой канцелярии не явлена и в книги не записана. А вышеписанную избу в отдачу не отдаю. А буде я, Козма, в сей скаски сказал ложно или что утаил, и за ложную мою скаску и за утайку указал бы великий государь взять на мне штраф, а штрафу что великий государь укажет.

К сей скаски вместо Козмы Широкого по его велению пенежанин Василей Фатеев руку приложил. //

Список с купчей:

л. 94

Лета 1710-го марта в 15 день. Архангелского города посадской человек Яков Касьянов сын Суханов продал есмь того ж города посацкому человеку Козме Иванову сыну Широкого у Архангелского города владения своего по купчей прошлого 706-го года июня 25 дня, какова у крепостных дел писана, и с платежом пошлин продажи горожанина Михайла Харитоновна сына, пурнемица, на Бору на государеве даной земли, изба на подполье, сени на подсенье и в сенях чюлан, и с кровли, и с потоки, и со всяким нутряным хоромным строением, и с окончины, каковы в окнах есть, по старым межам, каковы написаны в вышеписанной Михайлове купчей. А цены взял Яков у него, Козмы, на всем том хоромном строении восемь рублей денег у сей купчей вручь без остатка, и государевую землю поступился безденежно ему, Козме. И по сей моей продаже тем строение владеть вечно, и великого государя всякие подати платить, и службы служить, и волно продать и землею поступитца. А преж сей купчей то строение у меня, Якова, опричь ево, Козмы, никому не продано, // и не заложено, и землею не поступлено. В очищении той продажи, и поставки от всякого спора, и от всяких людей, и от невыплаток прежних податей во всем я, Яков, а ему, Козме, в том никаких убытков не учинить. В том я, Яков, ему, Козме, на ту продажу и на поступку земли сию вышеписанную купчую дал.

л. 94 об.

У подлинной купчей вместо Якова Касьянова сына Суханова, что он Козме Широких двор со всем строением продал, и подворною землею поступился, и цены взял восемь рублей денег, по его велению Земской избы подьячий Федор Назаров руку приложил. Свидетель горожанин посадской человек Кирило Широких руку приложил. Свидетель горожанин Иван Савинов сын Дьяконов руку приложил. Писал купчую Архангелского города крепостных дел подьячий Гаврило Попов 1710-го года марта в 5 день.

Пошлин восемь алтын, печатных полполтины, писчего гривна, записного шесть денег взяты и в книгу записано у крепостных дел. Подписал надсмотрщик Кирило Брангин. //

Список с купчей:

л. 95

Лета 1709-го мая в 1 день. Архангелского города посадский человек Мартын Микулин сын Кривоногов продал есмь и поступился горожанину ж Василию Филатову сыну Даниловых подворной своей земли, мерою длинника шесть сажен троеаршинных, попережника девять сажен, которое дворишное место купил я, Мартын, у горожанина у Степана Дяткина прошлого 705-го году июня 12 числа. А что тое земли сверх того вышеписанной меры в остатке за сею продажей, то за мною, продавцом, осталось, в межах от окон в длину по проезжей дороги концом в мох, из Яковлева двора Касьянова. А цены взял я, Мартын, за тое место за гать и за насор у него, Василья, семь рублей с полтиною все вручь без остатка. И владеть ему, Василью, тем местом вечно, волно продать и поступитца. А у меня, Мартына, кроме сей продажи, то место никому иному не продано и ни в какие крепости ни в чем не укреплено. В очищение от всяких людей и от всякого спору я, Мартын, а ему, купцу, убытка никакова не довести. А чего спросят с того места в посад тягла, то платить ему, купцу. В том я, Мартын, на то место и купчую сию ему, Василью, дал. А старая вышепомянутая купчая осталась за мною, Мартыном.

К подлинной купчей вместо Мартына Кривоногова, что он Василью Даниловых подворные земли по сей купчей, длинника шесть сажен, попережника девять сажен трехаршинных продал, цены взял семь рублей с полтиною денег, по его велению горожанин Петр Конарской Большой руку приложил. Свидетель крепостных дел подьячий Евсей Митрофанова руку приложил.

У подлинной же крепости в конце подписано: 1709-го году мая в 1 день с сей купчей в казну великого государя пошлин взято порублевых семь алтын три денги, печатных восемь алтын две денги, писчего два алтына, со страницы шесть денег, записного восемь алтын, и в книги сия купчая записана. Писал купчую и подписал крепостной надсмотрщик Василей Погорелской. Подписного четыре денги.

К сему списку вместо горожанина Василия Филатова сына Даниловых по его велению дякон Иоан руку приложил. //

1711-го году ноября в 15 день. Архангелогородец посадской человек Василей Филатов сын Данилов, выслушав великого государя указ, по святей непорочной евангелской заповеди Господни, еже ей ей, сказал в правду: В прошлом 709-м году купил я, Василей, у горожанина Мартына Микулина сына Кривоногова дворовое пустое место, а цены дал семь рублей с полтиной, длины тое место десять сажен, попереж семь сажен, в другом конце тож. Хоромного строения поставил я, Василей, на том месте две горницы на анбарах, баню, а из вышеписанных хором в отдачу не отдаю. А для свидетельства с подлинной купчей список написан выше сего. А подлинную купчую я, Василей, себе взял. А та купчая в Архангелогороцкой канцелярии не явлена и в книгу // не записана. А с того великого государя подати плачу в Земскую избу и службы служу в ряд с мирскими людьми. А буде я, Василей, в сей скаски сказал ложно или что утаил, и за ложную мою скаску и за утайку указал бы великий государь взять на мне штраф, а штрафу что великий государь укажет.

л. 95 об.

К сей скаски вместо Василья Филатова сына Даниловых по его велению горожанин Осип Попов руку приложил. //

л. 96

Лета 1711-го ноября в 17 день. Архангелского города житель Мартын Никулин сын Кривоногов, выслушав великого государя указ, по святей непорочной евангелской заповеди Господни, еже ей ей, сказал в правду: Живу я у Архангелсково города на Бору во дворе, а мерою тот мой двор длины двенадцать сажен, по лицу девять сажен, а в другом конце тож. Хоромного строения изба да баня. И с того двора великого государя подати платил в Земскую избу и службы служил с прошлого ... по ... год, а с ... году по нынешний 711-й год ноября по вышеписанное число за скорбию и за скудостию подати не плачу и службы не служу. А из вышеписанных хором в отдачу не отдаю. А по какой купчей я, Мартын, дворовым местом и та купчая в закладе у горожанина Осей Афанасьева сына Кирилова. А буде я, Мартын, в сей скаски сказал ложно или что утаил, и за ложную мою скаску и за утайку указал бы великий государь взять на мне штраф, а штрафу что великий государь укажет.

л. 97

К сей скаски вместо Мартына Кривоногова по его велению Руского полку солдат Алексей Сухоруков руку приложил. //

1711-го году ноября в 26 день. Архангелогородец Степан Матфеев сын Звягин, выслушав великого государя указ, по святей непорочной евангелской заповеди Господни, еже ей ей, сказал в правду: В прошлом 7206-м году купил я, Степан, у Архангелсково города на Бору у вдовы Настасьи Афанасьевской жены двор, а длины и попережнику не написано. А ныне по переписке провиант-мейстера Алексея Григорьевича Мятлева явилось мерою того двора длины десять сажен, попереж по лицу шесть сажен, в другом конце тож. Хоромного строения изба да баня. А с того я двора великого государя всякие подати плачу в Земскую избу по вся годы и службы служу в ряд с мирскими людьми. А для свидетельства с подлинной купчей, какова мне для владения, список писан под сею скаскою. А та подлинная купчая в Архангелогороцкой канцелярии не явлена и в книгу не записана, также и у крепостных дел. А ту подлинную купчую я, Степан, себе взял. А буде я, Степан, в сей скаски сказал ложно или что утаил, и за ложную мою скаску и за утайку указал бы великий государь взять на мне штраф, а штрафу что великий государь укажет.

л. 98

К сей скаски вместо Стефана Звягина по его велению Григорий Белокуров руку приложил. //

Список с купчей:

л. 98 об.

Се яз, Архангелсково города вдова Настасья Тихонова дочь, а бывшего Афанасия Дмитриева жена ево, продала есмь и поступилася Архангелсково города посацкому человеку Степану Матвееву сыну Звягиных двор свой и со всеми дво-

ровыми хоромы, а во дворе хоромов изба поземная, против избы клеть на подклете, да сени на подсенье, да хлев, и з заплотою, и с подворною землею против отводной памяти сестры моей Олены Тихоновы дочери, а бывшей Семена Пантелея жены ево. А стоит тот двор у Архангелсково города на государевой земли в межах с верхнево конца дворише Лариона Никифорова сына, а с нижнюю сторону двор Якова Замараева, а тот двор я продала с кровли, и с потоки, з дверми, и с крюки, и с пробои, и с окончины, и с простым лежачим лесом что ни есть без вывета. А продала тот двор и хоромы ему, Степана, в дернь и в век без выкупа. А взяла я, Настасья, за тот двор, и за все хоромы, и за подворную землю у него, Степана, пятнадцать рублей денег, все вручь без остатку. А в снимке и в очищении тое продажи от всяких писмянных крепостей я, Настасья, своими денгами и животы и от всякого спора, а до него, Степана, в том убытка не доведеть никоторого. В том я, Настасья, ему, Степану, и купчую дала, и отводную память к нему ж, Степану, отдала по совету сестрину и по повелению яе, Оленину.

А на то послуши площадные подьячие Иван Видякин да Никита Лентьев.

л. 99 Писал купчую площадной // подьячий Ивашко Богданов лета 7206-го году ноября в 7 день.

У подлинной купчей позаде пишет: К сей купчей вместо Настасьи Тихоновы дочери по ее велению Архангелского города таможенной подьячий Ивашко Алашев руку приложил. Послух Ивашка Видякин руку приложил. Послух Никитка Лентьев руку приложил. Вместо Степана Звягина по ево велению Григорий Белокуров руку приложил. //

л. 100 1711-го года ноября в 26 день архангелогородец посацкий человек Григорей Данилов сын Белокуров, выслушав великого государя указ, по святей непорочной заповеди Господни евангелской, еже ей ей, сказал в правду: В прошлом 7195-м году по указу великого государя за закрепую головы стрелецкого Карлуса Шневенца отведено мне, Григорию, на Бору пустое порозжее место под хоромное строение, мерою длины того пустого места одиннадцать, поперег по лицу пять сажень, в другом конце тож. И на том месте в прошлом 7195-м году поставил я, Григорий, хоромного строения две горницы, в том числе одна на жилой подклете, баня. И с того двора великого государя подати плачу по вся годы в Земскую избу и службы служу в ряд с мирскими людьми. А из вышеписанных хором в отдачу не отдаю. А подлинная крепость, какова мне дана на то пустое место для владения, в прошлом 701-м году волею Божию во время пожара згорела. А буде я, Григорий, в сей скаски сказал ложно или что утаил, и за ложную мою скаску и за утайку указал бы великий государь взять на мне штраф, а штрафу что великий государь укажет.

К сей скаски Григорий Данилов Белокуров руку приложил. //

л. 101 Список с купчей:

Лета 1707-го генваря в 26 день. Архангелсково города вдова Ульяна Никифорова дочь, а бывшего Антона Патрикеева Котлова жена, да я, сын Яким, продали есмь и поступились своею владения того ж Архангелсково города посадцкому человеку Кирилу Еремееву сыну Пшаницыну двор по менной 7208-го года генваря 3-го дня, что я, Яким, выменил у горожанина Лариона Белкова, а в том дворе хоромов изба на анбаре, сени на подсенье, клеть на подклете, с кровли, и с мосты, и с крюки, и с пробои, и с окончины, и со ставни, и со всем нутряным строением, каково есть, без вывета, стоит у Архангелсково города на Бору на государеве даной земли, что прошлого 201-го года дано мне, Ульяне, под мелнишное строение. А цену взяли мы, Ульяна и Яким, за тот двор и за все хоромное строение у него, Кирила, шездесят пять рублей денег, взяли все сполна и даною землею, что под тем двором и под другим вышепомянутого Лариона Белкова двором же, которой я, Яким, променил без земли, длинником от Афанасьева двора Стригунова отступя от порозжей земли, что на дорогу оставлено, от четырех сажень в мох, по даной памяти, одиннадцать саженьми, да сверху того с моховую сторону к той же длинник земли двумя саженьми, что нам, Ульяны и Якиму, Максим Яковлев даной же земли поступился, что ему, Максиму, от Ивана Перстухи шла, а поперешиником от Филилова двора Доросеева и от боковой дороги в нижней конец двенадцатью саженьми троесаршинными ему, Кирилу, поступились. А на той даной нам земли тому вышеписанному Лариону Белкову двором стоять, покамест он с женою в живых будет, а вновь ничего ему не строить, а на снос тот двор продать ему волно, а до земли дела нет. И по сей нашей продаже тем двором ему, Кирилу, владеть и по той мере землею, длинником тринадцатью, а поперешиником двенадцатью саженьми, вечно и волно двор продать, а землею подворною поступитца. И государевы подати платить, и службы служить с вышеписанного числа впредь во вся годы, // а иному никому тот наш двор не продан и не зложен, и подворною землею не поступлено, а старых податей невыплаты и от всяких крепостей и спора ту свою продажу и поступку земли нам, Ульяны и Якиму, своими животы очищать, а до него, Кирила, в той продаже убытков не привести. В том и сее купчую дали, и вышеписанную менную, и даную память отдали к нему ж, Кирилу.

л. 101 об.

К подлинной купчей вместо вдовы Ульяны Никифоровы дочери и сына ея Якима, что они Кирилу Пшаницыну своего владения двор со всеми хоромы продали, цены взяли шездесят пять рублей, денги взяли все вручь, и подворною землею длинником тринадцатью саженьми, а поперешиником двенадцатью саженьми ему ж, Кирилу, поступились, по их велению колмогорец Андрей Рюмин руку приложил. Вместо свидетелей горожан Дмитрея Емельянова сына Глазанова да Максима Яковлева сына Мимастова, что они в продаже вдовы Ульяны и сына ея Якима Кирилу Пшаницыну двора со всеми хоромы, и при взятые цены штидесяти пяти рублей, и при поступной подворной земли длинника тринадцати сажень, а поперешиника двенадцати сажень, и при письме сей купчей были, по их велению Архангелсково города житель Осип Дмитриев Попов руку приложил. Писал купчую у Архангелсково города крепостных дел подьячий Степан Тайнов.

У подлинной купчей в конце писано: 1707-го года генваря в 26 день по указу великого государя с сей купчей пошлин порублевых тринадцать один алтын четыре денги, печатных восемь алтын две денги, писчаго четыре алтына четыре денги, да за другую страницу десять денег, и в книги сия купча записана, от записки взято гривна. Подписал крепостной надсмотрщик Василей Погорелской. Подписного шесть денег.

Список с поступной:

л. 102 Лета 1709-го мая в 15 день. Архангелсково города посацкой человек Иван Тимофеев сын Тряблой, Максим Яковлев сын Мамантов поступился есмь я, Иван Тряблой, // безденежно у Архангелсково города на Бору позади салних дворов даным в Посацкой слободе достальним по даной памяти прошлого 701-го года мая 6 дня по двор земли достальним местом у Архангелсково ж города посацкому человеку Кирилу Еремееву сыну Пшаницыну, в межах промеж дворов посацких людей с верхнюю сторону вдовы Ульяны Никифоровы дочери, а с нижнюю сторону Лариона Белковых дворовых мест, з горную сторону Григория Данилова сына Белокурова, мерою в длину шесть сажень до проезжей дороги, а поперег пять сажень троесаршинных, которая осталась за покупкою моею длинника и поперешиника две сажени. А я, Максим Мамантов, на той вышеписанной даной земли продал ему, Кирилу, своего строения избу поземную с сеними, и с сеником, с мосты, и с кровли, со всем нутряным строением, и с кольем, чем я сам владел без вывета, а цены я взял, Максим, у него, Кирила, за то свое строение девять рублей денег, все у сей купчей сполна, и ему, Кирилу, тою даною мне, Ивану, вышеписанною подворною государевою по той даной // памяти вышеписанным длинником штью саженьми, а поперешиником пятью саженьми в тех старых межах, и моею, Максимовою, на той земли хоромного строения продажею вышеписанною владеть вечно и волно. Тою даною мне, Ивану, вышепомянутою достальною подворною землею безденежно поступитца, а мое, Максимова, на той земли хоромное строение продать поволно, а мне, Ивану, в ту даную подворную землю, а мне, Максиму, на той даной земле в то хоромное вышеписанное строение не вступатца и дела никакова нам нет. И той даной землей я, Иван Тряблого, иному никому не поступился, а я, Максим, то свое хоромное строение никому не продал и не зложен. В очищении от поступных я, Иван, и от купчих, и от закладных кабал я,

л. 102 об.

Максим, той своей продажи своими денгами. А ему, Кирилу, никакова убытка не учинить в то... На ту свою я, Иван, достальной той подворной даной земли и сее поступную, а я, Максим, на то хоромного своего строения ево, Ивановой, даной земли порождать сее купчую дал. И ту даную память вышепомянутую на ту достальную подворную // землю для владения ему ж, Кирилу, на ту землю отдала. л. 103

У подлинной купчей писано: Вместо Ивана Тряблого, что он государевою по двор достальную по даной памяти длинником штью саженими, а поперешиником пятью саженими трехаршинных землею во владение поступился безденежно Кирилу Пшеницыну, и вместо Максима Яковлева Мамонтова, что он государевой даной Ивана Тряблого земли своего строения избу поземную и с сенми, и с сеником ему же, Кирилу Пшеницынну, продал, цены взял девять рублей денег, и даную память на ту землю отдала ему ж, Кирилу, по их велению вологжанин Осип Емельянов руку приложил. Свидетель крепостных дел подьячий Алексей Беляев руку приложил. Писал купчую у города Архангелсково крепостных дел подьячий Евсей Митрофанова.

У той же купчей ниже рук подписано: 1709-го года мая в 15 день пошлин девять алтын, печатных полполтины, писшаго гривна, за две страници два алтына, записного шесть денег взяты и в книгу у крепостных дел записано. Подписал надсмотрщик Кирило Брангин. //

1711-го году ноября 22 дня. Архангелсково города посацкой человек Кирило Еремеев сын Пшаницын, выслушав великого государя указ, по святей непорочной евангельской заповеди Господни, еже ей ей, сказал в правду: В прошлых 707-м и 709-м годах купил я, Кирило, у Архангелского города на Бору два двора, мерою длины двенадцать сажен, поперег семнатцать сажен, а что хоромного строения, и то писано выше сего в списках. А ныне по переписке провиантмейстера Алексея Григорьевича Мятлева явилось длины одиннатцать сажен, поперег по лицу одиннатцать, а в другом конце семь сажен, хоромного строения две горницы, в том числе одна на жилком подклете, изба, баня. А из вышеписанных хором в оброк, в наем не отдаю. А с того двора великого государя подати плачу в Земскую избу и службы в ряд с мирскими людьми служу. А вышеписанные крепости у крепостных дел в книгу записаны, а с тех крепостей написаны списки выше сего. А буде я, Кирило, в сей скаски сказал ложно или что утаил, и за ложную мою скаску и за утайку указал бы великий государь взять на мне штраф, а штрафу что великий государь укажет. л. 103 об.

Горожанин Александр Мукиных к сим спискам и скаски руку приложил. //

1711-го году ноября в ... день. Архангельского города посацкой человек Афонасей Васильев сын Симаков по святей непорочной евангельской заповеди Господни, еже ей ей, сказал в правду: В прошлых годах бил челом великим государем у Архангельского города в Съезжей избе, подал я челобитную. И по тому моему челобитью отведены мне три места на Бору, пустые места, мерою в длину тринатцать сажен, поперег по лицу восемь сажен, позади тож, хоромного строения две горницы на анбарах, баня. А из вышеписанных хором в отдачу в наем никому не отдаю, а с того я двора великого государя всякие подати плачу, и службу в ряд с мирскими людьми служу. А по чему владею и с которого году, тому свидетельствуют под сею скаскою списки. А буде я в сей скаске сказал что ложно, и за тое мою ложную скаску указал бы великий государь взять на мне штраф, а штрафу что великий государь укажет. л. 106

К сей скаске вместо Офонася Симакова по его веленью каргополец Яков Кибасов руку приложил. //

Лета 7200 июля в 26 день. По указу великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцев, Архангельского города осадной и голова стрелецкой Кирило Алексеевич Аничков дал даную память Архангельского города посацкому человеку Пантелейку Безбородову на пустое порожнее место у Архангельского города на Бору позади дворов посацких людей Фимки Осколкова да Ивашка Метальникова на мху пустое порожнее место по его, Пантелейкову, челобитью для дворовой его вновь постройки. А по досмотру и по мере Архангельского города денежного зборщика Василья Цыварева и посацких людей Матвея Арбатова, Михайла Дряблого, Костянтина Чюпова, Никиты Коняхина, Дмитрея Мырцова, Дмитрея Глазанова, Карпа Гребенева то вышеписанное место мерою в длину восемь сажен, а поперег от Дмитреева дворища Мырцова, отступя сажень для прохажей дороги до проезжей дороги, шесть сажен, в троеаршинную сажень. А у досмотру по скаске их денежного зборщика Василья Цыварева и посацких людей Матвея Арбатова с товарищи та вышеписанная земля порожжая и лежит в пусте, и от дворовой челобитчиковой постройки утеснения никому и спору ни от кого не будет, и на том месте двором ему, Пантелейку, вновь построятся мошно. И по указу великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцев, и по приказу осадного и головы стрелецкого Кирило Алексеевича Аничкова, и по сей даной памяти челобитчику Пантелейку Безбородову на вышеписанном // месте двором построятца и с той подворной земли и з двора тягло платить и службы служить с посадскими людьми в ряд. А того места и дворового строения беломесцом не продавать и закладывать. л. 106 об.

У подлинной даной пишет: Осадной голова Кирило Аничков.

Список с купчей:

Лета 1703-го генваря в 31 день. Архангелского города бывшего посацкого человека Пантелея Иванова сына Безбородова бывшая ево жена вдова Ксения Федорова дочь продала есмь Архангелского ж города посацкому человеку Афанасию Васильеву сыну Симоновых строение остатки мужа своего Пантелея и свое владение у Архангелского города на Салнем берегу позади иноземского Ивана Ботова двора на мху, на государеве даной земли двор, а во дворе хоромы изба на анбаре, сени на подсенье, клеть на подклете, и банишко, и чистоколизко, все ветхое. И все те хоромы с мосты, и с кровли, и с потоки, и з дверми, и с крюки, и с пробои, и ставнями, и с окончинами, и со всем нутряным строением, чем я владела без вывета. А цены взяла я, вдова Ксения, у него, Афанасия, за то свое владение восемнатцать рублей денег, все по сей купчей без остатку, и тою даною подворною землею, что муж мой и я, Ксения, владела, ему, Афанасию, владеть же безденежно поступилась. А в межах тот мой двор по верхнюю сторону двора ж // вдовы Овдотьи Черемшихи, а з другою боку порожжая земля. И ему, Афанасию, тем двором моим по сей моей продаже владеть вечно, и государевы подати и мирское тягло платить, и волно продать и заложить, и даною землею поступитца, а мне, вдове, в ту свою продажу не вступатца. И окроме сей продажи иному тот мой двор не продан, и не заложен, и даною землею не поступлено. И в очищении той своей двора продажи опиришно тех крепостей, и от детей своих, и от внучат, и от сторонних людей я, вдова Ксения, а ему, Афанасью, убытка никакова не учинить. В том на ту свою продажу и сее купчую дала и на ту подворную землю даную память для владения ему, Афанасью, я, Ксения, отдала. л. 107 об.

Во свидетелях у сей купчей горожанин Яков Иванов сын Омошов.

Купчую писал и подписал крепостных дел надсмотрщик Яков Писарев.

Позади пишет: 1703-го генваря в 31 день. По указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, и по грамоте, и по новосостоятельным крепостных дел статьям, и по приказу столника и воеводы Василия Андреевича Ржевского сия купчая у Архангелского города в Приказной полате у крепостных дел в книги записана и пошлины и за писмо по указу великого государя взято. Подписал крепостных дел надсмотрщик Яков Писарев. Вместо продавца и вдовы Ксении Федоровы дочери, что она строение, остатки мужа своего Пантелея, и свое владение у Архангелского города на даной земли двор со всем строением и с частоколом горожанину Афанасью Васильеву сыну Симонову продала, цены взяла восемнатцать рублей у него, Афанасия, все без остатку, и даною подворною землею ему, Афанасию, во владение безденежно поступилась, в том по ее велению комиссарских дел

- л. 108 подьячий Дорофей Иванов сын Близиин руку к сее купчей приложил. Свидетель горожанин Яков // Омашов, што вдова Ксения Федорова Офонасью Симонову двор свой продала, взяла восемнатцать рублей, з даною землею ему во владенье безденежно поступилась, в том свидетелству.

Список з даной памяти:

1703-го февраля в ... день. По указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, Архангелского города земских дел бурмистр Яков Соройлов дал даную память Архангелского города посадцкому человеку Афанасью Васильеву сыну Симоновых на пустое порозжее место у Архангелского города на Бору в Посадской слободе по верхнюю сторону ево, Афанасьева, дворового места, подле проезжую дорогу, и позади ж его, Афанасьева, дворового места, пустое порозжее место, по ево, Афанасьеву, челобитью для дворовой постройки. А по досмотру и по мере Архангелского города денежного зборщика Алексея Башмакова и посадцких людей Романа Иванова сына Попова, Михайла Яковлева Порозова, Прокопья Павлова Шеина, Федора Ермилова Дяткина, Дмитрея Омелянова Глазанова, Филипа Дорофеева, Ларион Белков, Кирило Ваганов, Максим Прыткой, Антипа Цывикин, Леонтей Безбородой той вышеписанное место мерою спереди длины по проезжую дорогу четыре сажени, а поперег две сажени, и позади его, Афанасьева, дворового места пустого порозжего // места длины пять сажен и поперег восемь сажен в тросаршинную сажень, а спереди от того меренного пустого места поперег проезжей дороги мерою полтрети сажени до тына иноземца Андрея Албрехта, а позади от Филипа Дорофеева проезжей дороги попережника улицы четыре сажени. А у досмотру по скаски их же денежного зборщика Алексей Башмакова и посадцких людей Романа Иванова Попова с товарищи, та вышеписанная земля порозжая и лежит в пусте, и от дворовой челобитчиковы постройки утеснения никому и спору ни от кого не будет. И по указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, и по приказу Архангелского города земских дел бурмистра Якова Соройлова, и по сей даной памяти челобитчику Афанасию Симоновых на вышеписанном пустом месте двором построица и с той подворной земли и з двора тягло платить и службы служить с посадцкими людьми в ряд, а того места и дворового строения беломесцам не продавать и не закладывать.

У подлинной даной памяти закрепа бурмистра Якова Соройлова. //

л. 108 об.

- л. 109 1711-го году ноября в 24 день. Архангелского города вдова Степанида Петровская жена Ларионова, выслушав великого государя указ, по святей непорочной евангельской заповеди Господни, еже ей ей, сказала вправду: В прошлом 708-м году купила я, Степанида, у Архангелского города на Бору у горожанина посадцкого человека Никиты Ильина сына Селянинова на Салном берегу порозжее пустое дворовое место мерою длины в мох от проезжей дороге тринатцать сажен полтора аршина, поперег шесть сажен, позади две сажени. А на том дворовом месте в прошлом 708-м годе поставлено две горницы, в том числе одна на жилом подклете, баня. А из вышеписанных хором в оброк, в отдачу не отдаю, а по какой крепости я владею, с подлинной купчей список написан и под сею скаскою ниже сего. А та подлинная крепость в Архангелогороцкой канцелярии не явлена и в книгу не записана, а записана у крепостных дел в книгу. А буде я, вдова Степанида, в сей скаске сказала ложно или что утаила, и за ложную мою скаску и за утайку указал бы великий государь взять на мне штраф, а штрафу что великий государь укажет.

К сему списку вместо вдовы Степаниды Афанасьевы Филип Омосов руку приложил. //

л. 109 об.

Список с купчей:

Лета 1708-го декабря в 23 день. Архангелского города посацкой человек Никита Ильин сын Селянинова продал есмь и поступился того ж Архангелского города вдовы Степаниды Афанасьевы дочери, а Петровской жены Ларионова по купчей нынешнято ж 708-го года генваря 1 дня продажи того города посацкого человека Григория Данилова сына Белокурова у Архангелского города на Салнем берегу подворную порозжую землю, длиною от проезжей дороги в мох тринатцать сажен полтора аршина, попережника с лица от тына иноземца Ивана Янбляда другава двора в верхний конец шесть сажен, посредине той земли три сажени с аршином, а по заднему концу две сажени тросаршинных, все по старым межам. А цена взял я, Никита, у ней, вдовы Степаниды, за ту дворишную землю тридцать пять рублей, денги взял все сруч сполна и по сей моей продаже ей, Степаниде, тою дворишную землею по вышепомянутой мере владеть вечно, и что похочет строить, и с того места всякие государевы подати платить, и службы служить впредь с сего числа ей, вдове, и волно продать и заложить. А мне, Никиты, в ту свою продажу не вступатца. В очищении от купчих, и от закладных кабал, и от сродников своих, и от сторонних людей, и от невыплаток по се число старых податей во всем я, Никита, до ней, вдовы, в том никаких убытков не привесть. В том и сее купчую для вечного владения на ту дворишную землю дал и старую купчую и даную память к ней, Степаниды, отдал.

К подлинной купчей вместо Никиты Ильина сына Селянинова, что он вдовы Степаниды Афанасьевы дочери дворишное земли место, как в сей купчей написано, продал, цены взял тридцать пять рублей денег все вруч сполна, по ево велению горожанин Григорей Данилов Белокуров руку приложил. Свидетель крепостных дел подьячий Алексей Беляев руку приложил. Свидетель горожанин Петр Конарской Большой руку приложил. Подлинную купчую писал у Архангелского города крепостных дел подьячий Степан Тайнов.

л. 110

У подлинной купчей в конце пишет: 1708-го декабря в 23 день по указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, и по грамоте, и по новосостоятельным крепостных дел статьям сия купчая у крепостных в книги записана и пошлин по указу с рубля по алтыну, итого рубль один алтын четыре денги, печатных восемь алтын две денги, писчего три алтына две денги, записного три алтына две денги да со страницы десять денег за письмо же в казну великого государя взято. Подписал крепостных дел надсмотрщик Яков Писарев.

Место вдовы Степаниды Офонасьевы дочери Филип Омосов руку приложил. //

- л. 111 1711-го года ноября в 29 день. Архангелского города житель Матфей Дмитриев сын Глазанов, выслушав великого государя указ, по святей непорочной евангельской заповеди Господни, еже ей ей, сказал в правду: В прошлом 7204-м году по указу великого государя и по памяти за крепкою полковника Семена Дмитриевича Ружинского отведено отцу моему Дмитрею пустое порозжее место у города Архангелского на Бору, мерою того пустого места длины шесть сажен, поперег в обоих концах по три сажени. И на том дворовом месте поставил отец мой хоромного строения в прошлом 206-м году избу на анбаре, баню. И с того двора отец мой Дмитрий и я, Матфей, после отца своего великого государя всякие подати платил в Земскую избу с прошлого 204-го по 702-й год, а с 704-го по нынешний 711-й год великого государя податей за скудостию не плачу и службы не служу, кормлюсь в мире. А для свидетелства с подлинной даной памяти список писан под сей скаской ниже сего. А подлинную память я, Матфей, к себе взял, а та даная память в Архангелогороцкой канцелярии не явлена и в книгу не записана. А буде я, Матфей, в сей скаски сказал ложно или что утаил, и за ложную мою скаску и за утайку указал бы великий государь взять на мне штраф, а штрафу что великий государь укажет.

К сей скаски вместо Матфея Глазанова по его велению Иван Дьяконов руку приложил. //

л. 111 об.

Список з даной памяти:

Лета 7204-го года марта в 12 день. По указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, Архангелского города полковник Семен Дмитриевич Ружинской дал даную

память Архангелского города посадком человеку Митке Емельянову сыну Глазанову на пустое порозжее место у Архангелского города позади салных дворов в Посадской слободе по ево, Миткину, челобитью для дворовой ево вновь постройки, в межах промеж дворовых мест с верхнюю сторону от Борку и от места горожанина Григория Данилова, а с нижнюю сторону от места горожанина ж Костянтина Чюпова, а по досмотру и по мере Архангелского города денежного зборщика Семена Черепанова и посацких людей Костянтина Чюпова, Лариона Белкова, Тарха Емельянова, Семена Телицина с товарищи того вышеписанного порозжего места мерою в длину возле болшую дорогу шесть сажени, а поперешика в клине по узкому концу промеж дорогами три сажени в тресаршинную сажень, а на дорогу оставлено на болшую пол-третьи сажени, а промеж Костянтина Чюпова и ево, Митки Глазанова, местами к Матяшину двору Пономарева дороги быть в две сажени. И у досмотру по скаске их денежного зборщика Семена Черепанова и посацких людей Лариона Белкова с товарищи, та вышеписанная земля порозжая лежит в пуге, и строения никакова на том месте не бывало, и спору ни от ково и утеснения никому не будет, и постройца ему, челобитчику Митке Глазанову, // двором на том месте мочно. И по указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, и по приказу полковника Семена Дмитриевича Ружинского, и по сей даной памяти челобитчику Митке Глазанову на вышеписанном порозжем месте двором постройца, и с той подворной земли тягло платить, и службы служить и з двора с посадскими людьми в ряд. А того места и дворового строения беломесцам не продавать.

У подлинной даной памяти на другой стороне пишет: Полковник Семен в конце закрепил Ружинской. К сему списку вместо Матфея Глазанова по ево велению Григорей Белков руку приложил. //

л. 112

1711-го году декабря в 5 день. Архангелского города житель Никифор Федоров сын Мерзлого, выслушав великого государя указ, по святей непорочной евангелской заповеди Господни, еже ей ей, сказал в правду: Купил я, Никифор, у Архангелского города на Бору у горожанина у Ивана Матвеева сына Звягина дворовое место, да по челобитью моему отведено мне длины и поперег, и в котором году куплено, того я, Никифор, сказать не упомяну, для того что у меня на то место купчая лежит в закладе в засных денгах Аглинской земли у иноземца Самойла Андреева сына Вякса. И на том месте поставлено у меня хоромного строения в прошлых годах три горницы на анбарах, баня, а ныне по переписке провиант-мейстера Алексея Григорьевича Мятлева явилось мерою длины семь сажени, поперег по лицу шеснатцать сажени, в другом конце двенатцать сажени, хоромного строения против вышеписанного. И с того я своего двора великого государя подати плачу по вся годы в Земскую избу и службы служил в ряд с мирскими людьми по прошлой 707-й год, а прошлого 707-го года по нынешней 711-й год и в нынешнем 711-м году подати не плачу и службы не служу, за увечьем отставлен. А вышепомянутым // двором и хоромным строением не владею, для того что в закладе у него, Самойла Вякса, двор. А живу я, Никифор, в вышеписанном дворе для сбережения у него, Самойла, на подворье, а великого государя подати платил ли или нет с того двора он, иноземец, про то я сказать не ведаю. А купчая у меня в Архангелогороцкой канцелярии не явлена и в книгу не записана. А из вышеписанных хором в отдачу он, Самойло Вякс, и я, Никифор, не отдаем. А буде я, Никифор, в сей скаске сказал ложно или что утаил, и за ложную мою скаску и за утайку указал бы великий государь взять на мне штраф, а штрафу что великий государь укажет.

л. 113

л. 113 об.

К сей скаски вместо Никифора Мерзлого по его велению пенежанин Василий Фатьев руку приложил. //

Список с купчей:

Лета 1710-го августа в 30 день. Архангелского города посадкой человек Иван Афанасьев сын Матвеевых продал ссмы и поступился своего владенья того ж города посадкому ж человеку Мартемьяну Яковлеву сыну Петровых по купчей 701-го года генаря 15-ю дня продажи горожанина Дмитрия Глазанова у Архангелского города на Бору двор в Новопосадской слободе, а в нем строения изба плоская с сенни, и с клетью, и з двором, и з дворовыми заплоты, да нового своего строения баня и хлев. И все те хоромы с кровли, и с потоки, с крюки, и с пробой, и с окончины, и з двери, и со ставни, и со всяким нутряным строением, и с подворною землею, длинника с ботного (?) переднего угла в мох ко двору того Дмитрия Глазанова к сыновнему владению Петрова пол-осмы сажени, а поперег с моховую сторону шесть сажени, а с речную сторону поперег же в длину полторы сажени трехаршинных. В межах стоит тот двор с верхнюю сторону проезжая болшая дорога ко двору Лариона Пестова. А цены взял я, Иван, за тот свой двор, и за все хоромы, и за подворную землю у него, Мартемьяна, десять рублей, денги принял все сполна. И по сей моей продаже ему, Мартемьяну, тем двором со всеми хоромы и с подворною той вышепомянутой // меры землею владеть вечно, и волно продать и заложить, и вновь, буде похочет, строитца свободно. А иному никому у меня, Ивана, тот двор со всеми хоромы и с подворною землею ничто, опроче ево, Мартемьяна, не продано и не заложено. От всяких крепостей и спора той своей продажи и от невыплаток по сее число податей в очищенье я, Иван, а впредь подати платить и службы служить Мартемьяну и в той продаже убытка не привест. В том и сее купчую дал и старую крепость отдал к нему ж, купцу.

л. 114

л. 114 об.

К подлинной купчей вместо Ивана Матвеевых, что он Мартемьяну Петровых двор со всеми хоромы и с подворною землею продал, а цены взял десять рублей, а что на первой странице по скребенному пол-ось да полторы сажени писаны, того им не спорить, по ево велению Петр Конарской Большой руку приложил. Свидетель крепостных дел подьячий Ефим Жехов руку приложил. Купчую писал у Архангелского города крепостных дел подьячий Степан Тайнов.

У подлинной же купчей в конце подписано: 1710-го августа в 30 день пошлин десять алтын, печатных полполтины, писшего гривна, // записного и со страницы два алтына взято и в книги у крепостных дел записано, подлинно подписал Кирило Брангин, надсмотрщик.

л. 115

К сему списку Мартемьян Петровых руку приложил. //

1711-го году ноября в 26 день. Горожанин Мартемьян Яковлев сын Петровых, выслушав великого государя указ, по святей непорочной евангелской заповеди Господни, еже ей ей, сказал в правду: В прошлом 710-м году купил я, Мартемьян, у Архангелского города на Бору у посацкого человека Ивана Афанасьева сына Матвеева двор мерою длины шесть, поперег по лицу полторы сажени, в другом конце шесть сажени, хоромного строения изба на анбаре, бане. А с того двора я великого государя подати плачу в Земскую избу и службы служу с мирскими людьми в ряд. А тое избы никому в оброк не отдаю. А для свидетельства, какова мне от него, продавца, дана во владение, список написан выше сего. А подлинную купчую я, Мартемьян, к себе взял. А подлинная купчая в Архангелогороцкой канцелярии не явлена и в книги не записана, а записана у крепостных дел. А буде я, Мартемьян, в скаски сказал // ложно или что утаил, и за ложную мою скаску и за утайку указал бы великий государь взять на мне штраф, а штрафу что великий государь укажет.

л. 115 об.

К сей скаски Мартемьян Петровых руку приложил. //

1711-го году декабря в 4 день. Горожанин посадкой человек Василей Михайлов сын Белокуров, выслушав великого государя указ, по святей непорочной евангелской заповеди Господни, еже ей ей, сказал в правду: В прошлом 710-м году купил я, Василей, у Архангелского города на Бору у горожанина Андрея Данилова сына Белокурова дворовое пустое место мерою длины шесть сажени, поперег по лицу три сажени, позади тож, да у него ж, Андрея, купил я, Василей, по другую сторону дороги пустое ж порозжее место мерою длины девять, по задней улице ... сажени, а с нижнего боку длины ж пять сажени, поперег четыре сажени. И на том двором месте в прошлом 710-м году поставил я, Василей, хоромного строения две горницы на анбарах, баню, и с того двора великого государя подати по вся годе плачу в Земскую избу и службы служу в ряд с мирскими людьми. А из вышеписанных хором в отдачу не отдаю. А для свидетельства а подлинная купчей список писан выше сего. А подлинную купчую я, Василей, к себе взял, а та купчая в Архангелогороцкой

л. 116

канцелярии не явлена и в книги не записана. А буде я, Василей, в сей скаски сказал ложно или что утаил, и за ложную мою скаску и за утайку указал бы великий государь взять на мне штраф, а штрафу что великий государь укажет. А список с сей купчей подал пенезанин Василей Фатьев, потому что Василей Белокуров в отлучке.

Пинежанин Василей Фатьев руку приложил. //

л. 116 об. Список с купчей, а в ней писано:

Лета тысяча семьсот девятого апреля в 29 день. Архангелсково города посадкой человек Андрей Данилов сын Белокуров продал есмь и поступился того ж города посадкому человеку брату своему двуродному Василью Михайлову сыну Белокурову своего владения у Архангелсково города по купчей нынешняго 710-го года апреля 21-го дня продажи того ж Архангелсково города Василия Иванова сына Никонова на Бору дворишной земли длиннику от Матвеева двора Глазанова в мох с нижнего боку до проезжей дороги семь сажень, а с верхнего боку длиннику ж от Матвеевы ж избы Глазанова ж подле дорогу в мох до заворот девять сажень, а поперег моховой конец сажень, а посредине той дворишной земли поперег же от Ларионова двора Пестова в верхний конец до той же дороги четыре сажени, а с речного конца от Ларионова ж тына Пестова верхний же конец с Матвеевым постеном (?) Глазанова поперег пять сажень, и против той дворишной земли за вышеозначенной проезжей дороги своего ж владения продал ему ж, Василью Белокурову, дворишной же земли, которая с вышеписанною дворишною // землею в моем владении была, и поперег по той моей земле учинена миром дорога, и той дворишной земли за дорогой мерою длинника с верхнего боку подле брата моего Андреева Григорья Белокурова ж меж в мох до

п. 117 задней улицы девять сажень, а с нижнего боку длины ж до Степанова двора Звягина пять сажень, а поперег посредине четыре сажени, обоя чрез дорогу, по вышеписанной меры земли по старым и по нынешним межам. А цены я взял, Андрей, у него, Василья, за те две места дворишной земли двадцать рублей денег, и то число денги принял все при отдаче сей купчей сполна. И по сей моей, Андреевы, продажи в двух местах землями Василью Белокурову владеть вечно, и хоромами строитьца свободно, и волно продать и заложить, и государевы всякие подати платить, что надлежит, от сего вышеозначенного числа, и службы с мирскими людьми в ряд служить ему, Василью, и впредь по вся годы. А иному никому тех двух мест земли по вышеозначенной мере, опроче ево, Василья Белокурова, не проданы и не заложены. От всяких крепостей, и спора, и от сродцов своих, и от невыплаток старых податей по се число во очищении я, Андрей, а ему, Василью, убытка не учинить в том. И сее // купчую дал, и старую купчую Васильева продажи Никонова с сего же купчей отдал.

л. 117 об. У подлинной купчей под статьею пишет: Вместо Андрея Белокурова, что он Василью Белокурову ж в две места дворишной земли по вышепомянутой мере продал, цены взял двадцать рублей денег, по его вельенью горожанин Петр Конарской Меншой руку приложил. Свидетель горожанин Иван Савинов сын Дьяконов руку приложил. Подлинную купчую писал у Архангелсково город крепостных дел подьячий Ефим Жехов 1710-го апреля в 29 день. Пошлин двадцать алтын, печатных полполтины, писчаго гривна, записного и со страницы два алтына взято и в книги у крепостных дел записано. Подписал надсмотрщик Кирило Брангин. //

л. 118 1711-го года ноября в 23 день. Архангелского города посадкой человек Ларион Семенов сын Пестов, выслушав великого государя указ, по святей непорочной евангелской заповеди Господни, еже ей ей, сказал в правду: В прошлом 7205-м году купил я, Ларион, у Архангелского города на Бору у стрелца Матвея Лукоянова сына Пономарева избу и с подворной землею, мерою того дворища длиннику двенадцать, поперег по лицу восемь, в другом конце то ж сажень. Да в прошлом 209-м году поставлено у меня две горницы, в том числе одна на жилом подклете. Из вышеписанных хором в отдачу у меня одна горница с прошлого 705-го году по нынешний 711-й год по вся годы, ценою по полтине на год емлю, и с того числа великому государю четвертую долю по четверти алтына з денгою плачу, и отписи в том есть на 705-й, и на 708-й, и на 709-й, и на 710-й годы, а на прошлый 706-й, и на 707-й, и на нынешний 711-й годы плачено, а отписи небрежением и простотою своею утерял. А из вышеписанных хором великого государя подати в Двинскую Земскую избу по вся годы плачу и службы в ряд с мирскими людьми служу, также и банья ж // денги по вся годы плачены, и тому свидетелствуют записные в Земской избе книги. А по какой я, Ларион, крепости двором владею, и тому свидетелствует же список с подлинной крепости, какова мне дана от него, продавца, за ево рукою. А та купчая в Архангелогороцкой канцелярии не явлена и в книги не записана, а которые отписи ныне налицо есть, и с тех отписей списки писаны ниже сего. А буде я, Ларион, в сей скаски сказал ложно или что утаил, и за ложную мою скаску указал бы великий государь взять на мне штраф, а штрафу что великий государь укажет.

л. 118 об. Список с купчей:
Се яз, Архангелского города приказу полковника Семена Дмитриевича Ружанского стрелец Матвеев Лукоянов сын Пономарев, продал есмь и поступился Архангелсково города посадкому человеку Лариону Семенову сыну Пестову у Архангелсково города на Бору избу свою на подполье и с клетью, и с сенми, и з дворовою землею, а тое избу, и клеть, и с сенми продал с кровлями, и с потоки, и с мосты, и з дверми, и с крюки, и с пробои, и со всем строением, и с нутряным лесом без вывета. А мерою земли того дворища продал ему, Лариону, длинника восемь сажень, а попережника десять сажень, а сажени мера три аршина. А стоит та изба на тяглой земли в межах, с верхнего конца дворище Григория Данилова, а от реки двор Дмитрия Емельянова Глазанова, да от реки дворище Костянтина Дмитриева Чюлова, да с нижнюю сторону двор вдовы Марьи Захаровы дочери, а ото мху дворища ж Логина Пономарева, а продал есмь и поступился тое избы и подворною землею и дворишною землею вдернь // и в веки без выкупа. А взял я, Матвей, за ту свою за всю продажу, за хоромы, и за дворишную землю у него, Лариона, девять рублей шеснацать алтын четыре денги, а денги взял все вручь без остатка, а в снимки и в очищении тое продажи от иных купчих, и от закладных, и от всяких писмянных крепостей я, продавец Матвей, своими денгами и животы, а до нево, Лариона, в той продаже убытка не довести никоторого. В том я, Матвей, ему, Лариону, на ту свою продажу и купчую дал. А на то послух площадной подьячий Гаврило Слобожанинов. Писал купчую у Архангелсково города площадной подьячий Ивашко Богданов Устюгов лета 7205-го ноября в 18 день.

У подлинной купчей позади пишет: К сей купчей продавец стрелец Матюшка Лукин руку приложил. Послук Гашко Слобожанин руку приложил. Гороженина Лариона Семенова сына Пестовых... //

л. 120 1710-го году декабря в 5 день. Горожанин посадкой человек Михайло Данилов сын Зобухин, выслушав великого государя указ, по святей и непорочной евангелской заповеди Господни, еже ей ей, в правду сказал: В прошлом 706-м году по указу великого государя и по челобитью моему отведено мне из Земской избы от бурмистра дворовое место, длиною того места мерою десять сажень, поперег по лицу шесть сажень, позади тож. Хоромного строения на том месте изба на анбаре. А вешеписанных хором в отдачу в наем никому не отдаю. И с того дворового всякие великого государя подати в Земскую избу плачу и службы служу. А буде я в сей скаске сказал ложно, и за тое мою ложную скаску указал бы великий государь взять на мне штраф, а штрафу что великий государь укажет.

К сей скаски вместо Михаила Данилова сына Зобухина по ево вельенью Архангелогороцкой таможни подьячий Иван Борисов руку приложил. //

л. 120 об. Список з данной памяти:

Лета 1706-го мая в 28 день. По указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, Архангелсково города земских дел бурмистр Андрей Гоголев дал сию владетельную

память горожанину посацкому человеку Михайлу Данилову сыну Зобухину на пустое порозжее место у Архангелсково города на берегу, идучи с верхнего конца по мостовой моховой дороге на левой стороне, по его, Михайлову, челобитью для дворовой вновь ему постройки. А по досмотру и по мере Архангелского города денежного зборщика Кирила Пшеницына и посацких людей Лариона Семенова Пестова, Стефана Матвеева сына Звягина с товарищи написано мерою того порозжего места с мохового заднего конца от огорода горожанина Ивана Михайлова сына Белокурова вниз к проезжей дороге возле мостовую проезжую дорогу длины десять сажен, да от мостовой же проезжей дороги в горней конец поперешнику шесть сажен в троеаршинную сажень. И у досмотру по скаске их, денежного зборщика и посацких людей, вышепомянутое место порозже и пусто, и строения никакова нет, и писмянных крепостей к досмотру на то место никто не положил, и спорщиков не было, а ему де, челобитчику Михайлу, постройте на том месте двором мошно, и утеснения от того никому не будет. И по указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, и по приказу бурмистра Андрея Гоголева велено челобитчику Михайлу на том вышепомянутом месте двором строитца, и по досмотру и по мере владеть, и с того места великого государя всякие подати платить и службы служить с посацкими людьми в ряд. А того вышеявленного места беломесцом не продавать и не закладывать.

У подлинной даной памяти закрепла бурмистра Андрея Гоголева. //

Лета 1705-го году марта в 19 день. По указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, Архангелского города земских дел бурмистр Иван Звягин дал даную память горожанину посацкому человеку Федору Ларионову з братом Петром на порозжее место у Архангелского города на Бору возле даное место Меркурья Слащева, по ево, Федорову, з братом челобитью, для дворовой их вновь постройки. А по досмотру и по мере денежного зборщика Якима Чебоксарова и посацких людей Глазанова, Ивана Матвеева Звягина, Григорья Белокурова, Лариона Пестова с товарищи тое вышеписанные земли мерою от одного даново места Меркурья Слащева и от проезжей моховой дороги вниз длиннику одинатцать сажен, да возле проезжую моховую дорогу поперешника в мох шеснатцать сажень в троеаршинную сажень. А у досмотру посылали их денежного зборщика и посацких людей, та земля порозжая, и спорщиков не было, и утеснения никому и спору ни от кого не будет, а постройтеца ему, Федору, з братом на том месте будет мошно. И по указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, и по приказу бурмистра Ивана Звягина, и по сей даной памяти челобитчику Федору Ларионову з братом на вышеписанном месте двором постройтеца, по досмотру // и по мере владеть, и с той подворной земли всякие великого государя подати платить и службы служить с посацкими людьми в ряд. А того места и дворового строения беломесцам не продавать и не закладывать.

У подлинной памяти записано: К сей памяти Архангелского города земских дел бурмистрская печать приложена.

К сему списку вместо горожанина Федора и брата ево Петра Ларионовых по их велению горожанин Иван Трофимовых руку приложил.

1711-го году ноября в 20 день. Архангелского города посацкой человек Федор да Филат Ларионовы дети Калинина, выслушав великого государя указ, по святей непорочной евангелской заповеди Господни, еже ей ей, сказали в правду: Отведено нам из Земской избы по челобитью нашему пустое порозжее место мерою по лицу дватцать две сажени, позаде дватцать три сажени, длины шесть сажен. И на том двором месте поставлено у нас хоромного строения четыре избы, в том числе две на анбарах, баня. А из вышеписанных хором в оброк, в отдачу не отдаю, а с того двора в Земскую избы в ряд с посацкими людьми великого государя всякие подати платил и службы служил. А для подлинного свидетельства список с подлинной памяти, какова нам дана з Земской избы за бурмискою печатью, // писана выше сего. А буде я, Федор, в сей скаски сказал ложно или что утаил, и за ложную мою скаску и за утайку указал бы великий государь взять на мне штраф, а штрафу что великий государь укажет.

К сей скаске вместо Федора Калинина по его велению горошкой пушкарь Осип Чуркин руку приложил. //

1711-го году ноября в 24 день. Холмогорец посацкой человек Иван Иванов сын Сорокин, выслушав великого государя указ, по святей непорочной евангелской заповеди Господни, еже ей ей, сказал в правду: В прошлом 710-м году купил я, Иван, з дядею своим у города Архангелского на Бору позади нововыставочной посацкой слободы на государевы оброчной земли ветрянную мельницу, ветху, с мелничным поворотом. И на том мелничном месте строитца у нас дворное строение, а с тое мельницы оброчные денги плачены в Архангелогорошкую канцелярию на нынешней 711-й год, и отпись в тех денгах взята за целовальническою рукою, а у кого имяны тое вышеписанную мельницу купили и какову у него, продавца, купчую во владение взяли, список с подлинной купчей писан выше сего. А подлинную купчую я, Иван, себе взял, также и с подлинной отписи список писан выше сего. А буде я, Иван, в сей скаски сказал ложно или что утаил, и за ложную мою скаску и за утайку указал бы великий государь взять на мне штраф, а штрафу что великий государь укажет.

К сей скаске Иван Сорокин руку приложил. //

Список с купчей:

Лета 1710-го сентября в 17 день. Архангелского города посацкой человек Степан Матвеев сын Звягин продал есмь и поступился колмогорцом посацким людям Борису Васильеву сыну и племяннику его Ивану Иванову сыну Сорокиным своего владения у Архангелского города на Бору позади нововыставочной посацкой слободы на государевы оброчной земли мельницу ветрянную, обетчаную, со всем строением и с мелничным поворотом, в межах с верхнюю сторону дворы горожан Григория Скокушина, а с нижнюю сторону Михайла Артемьева. А цены взял я, Степан, за ту свою ветхую мельницу у них, Бориса и Ивана, семь рублей денег, принял все вручь при отдаче сей купчей сполна. И государевою помелнишною землею длиннику по мелнишному повороту от двора Григория Скокушина в мох ко двору ж вышеозначенного Михайла Артемьева пятнатцать сажен с полусаженью, поперег от проезжей мостовой дороги вверх до огородишного частокола иноземца Вилима Беля двенатцать сажен, все в троеаршинную сажень, безденежно из оброку поступился же. И по сей моей Степановы продаже тою ветхую ветрянную мельницею владеть им, Борису и Ивану, вечно, и волно та мельница снести, и хоромами строитца, и продать, и заложить свободно, а государевою землею поступитца, и государевы оброчные по гривне да с помолу четвертую долю, по восьми гривен, обоено по трицати алтын на год по записным книгам, буде спросят, платить на семейот одиннатцатой год и впредь по вся годы, а иному никому та мельница, опроче их, Бориса и Ивана, не продана и не заложена, а землею // не поступлено. От всяких крепостей, и спора, и от невыплаток старых минувших годов оброчных и помолных денег в очищении я, Степан, а им, купцом, в той продаже никаких изъянов не учинить. В том и сее купчую для ведения дал.

К подлинной купчей вместо Степана Звягина, что он Борису и племяннику ево Ивану Сорокиным мельницы ветрянную ветхую со всем строением продал, а цены взял семь рублей денег, государевою помелнишною землею по вышеобъявленной меры безденежно поступился, по его велению горожанин Петр Иванов сын Конарской Большой руку приложил. Свидетель крепостных дел подьячий Степан Тайнов руку приложил. Подлинную купчую писал у Архангелского города крепостных дел подьячий Ефим Жехов.

У подлинной купчей в конце писано: 1711-го году сентября в 18 день пошлин семь алтын, печатных полполтины, писчего гривна, записного и со страницы взято два алтына и в книги у крепостных дел записано. Подлинно подписал надсмотрщик Кирило Брангин. Подписного шесть денег.

л. 121

л. 121 об.

л. 122

л. 123

л. 124

л. 124 об.

Список с отписи:

1711-го году августа в ... день. По указу великого государя взято в ево, великого государя, казну у колмогорца посацкого человека у Ивана Иванова сына Сорокина с ветряной ево мелницы четвертой доли дватцать шесть алтын четыре денги да оброку гривна, а на вышеписанные доходы пять денег. Принял те денги целовальник Иван Москвин, в том и отпись дал. Подлинную отпись писал своею рукою.

К сим спискам Иван Сорокин руку приложил. //

л. 125 1711-го года ноября в 27 день. Архангелского города житель Роман Аврамов сын Ивойлов, выслушав великого государя указ, по святей непорочной заповеди Господни, еже ей ей, сказал в правду: В прошлом 704-м году отведено мне, Роману, на мху пустое порожнее место мерою длины двенадцать, поперег десять, в другом конце восемь сажен. И на том месте в прошлом 705-м году построил я, Роман, хоромного строения избу да баню. И с прошлого 703-го году по 708-й год великого государя всякие подати платил в Земскую избу и службы служил в ряд с мирскими людьми, а в 708-м году заложил я, Григорий, вышеписанный двор архангелогородцу Осеею Афонасьеву сыну Кирову в заемных денгах, а с 708-го году великого государя подати не плачу и службы не служу, кормлюсь в мире Христовым именем. А по какой памяти я, Роман, владел вышеписанным пустым местом, и та память у меня в Архангелогороцкой канцелярии не явлена и в книгу не записана, и та вышепомянутая отводная память отдана к нему, Осеею. А буде я, Роман, в сей скаске сказал ложно или что утаил, и за ложную мою скаску и за утайку указал бы великий государь взять на мне штраф, а штрафу что великий государь укажет.

К сей скаске вместо Романа Ивойлова по ево велению с Бору Успенской церкви трапезник Матфей Смирных руку приложил. //

л. 126 Список з закладной:

Лета 1708-го года октября в ... день. Анбурха города торговой иноземец Андрей Иванов сын Албрехт занял есмь Архангелсково города у посацкого человека у Якова Иванова сына Соройлова шестьсот восемь рублей дватцать алтын денег московских серебряных прямых без приписи, а заплатить те денги к нему, Якову, на срок октября месяца в 13 число 709-го году все сполна. А в тех заемных денгах заложил я, иноземец Андрей, к нему, Якову, в платеже тех заемных денег до того вышеписанного срока владения своего и строения у Архангелского города на данной государевы земли на Бору по данной памяти из Двинские Приказные полаты прошлого 706-го году июля месяца 15 дня за печатью столника и воеводы князя Данила Григорьевича Черкасского, за приписью дьяка Матвея Алексеева, на том месте двор огорожен заплоты в столбах и всякое хоромное строение — горницы с мосты, и с кровли, и что есть нутряного строения, и с окончины, и с печми, и со всяким железным прикладом, и то все в заемных денгах до того вышеписанного срока заложил я, иноземец, к нему, Якову. В межах тот двор и всякое строение — с верхнего конца двор иноземца Дениса Гоутевала, а с нижнюю сторону дворовые ж заплоты от Адмиралтейства комисарьяса Елизарья фон Избранта Идеса, а спереди проезжая улица и двор Гостиной сотни Осипа Баженина. И буде я, займщик Андрей Албрехт, на тот срок тех заемных денег не заплачу и сего своего // закладу двора не выкуплю, и после сроку тот двор ему, Якову. И сию закладную кабалу записать у крепостных дел в книги, и пошла по указу заплатить, и тем двором и подворною землею владеть ему, Якову, за те заемные денги вечно, и волно ему, Якову, тот двор продать, и заложить, и местом поступитца. И сию кабала буди купчая и дерная. Впредь мне, Андрею, в тот двор и в подворную землю не вступатца, а буде до сроку тот двор згорит или розломают, и мне, Андрею, заемные денги к нему, Якову, платить сполна, а буде по сроце он, Яков, не запишет у крепостных дел в книги и пошлины по указу не заплатит, и сия крепость ему не в крепость, а данная память на подворную землю осталась за мною, Андреем. А кроме сей крепости тот мой двор новопостроенной ни в какие крепости никому ни в чем не укреплен. В очищенные во всем я, иноземец.

У подлинной закладной к конце рука по немецки ево, Андреева, и свидетели горожанин Василей Мякинин, Семен Чирцов, Марк Савиных, низовец, Петр Афонасьев руки приложили. Писал закладную архангелогороцких дел крепостных дел надсмотрщик Василей Погарелской.

Писчево взято в казну великого государя дватцать два алтына, со страницы десять денег и в книги записано, от записи взято гривна. А буде займодавец посроце сей крепости у крепостных дел не запишет, и та крепость не в крепость.

Подписал надсмотрщик Погарелский. Подписного 6 денег. //

л. 127 1711-го году декабря в 11 день. Горожанин посацкий человек Яков Иванов сын Соройлов, выслушав великого государя указ, по святей непорочной евангельской заповеди Господни, еже ей ей, сказал в правду: В прошлом 708-м году занял у него, Якова, Анбурской земли иноземец Андрей Албрехт в заем денег до сроку октября месяца до третьяго на десять числа 709-го года. А в тех заемных денгах в платеже вместо поруки заложил он, иноземец, к нему, Якову, двор своего владения на государевой даной земле по данной памяти из Архангелогороцкой Приказной полаты 706-го году за печатью столника и воеводы князя Данила Григорьевича Черкасского, за приписью дьяка Матвея Алексеева, которой стоит у Архангелского города в межах с верхнего конца двор иноземца Дениса Гоутевала, а с нижнюю сторону дворовы заплоты от Адмиралтейства комисарьяса Елизарья фон Избранта Идеса, а спереди проезжая улица и двор Гостиной сотни Осипа Баженина. И в том на себя дал от крепостных дел закладное письмо. И тех заемных денег он, займщик //

л. 127 об. иноземец, на срок к нему, Якову, не заплатил, и после сроку ту вышеозначенную крепость на тот двор записал он, Яков, у крепостных дел в книги с платежем пошлин, и по той крепости тем двором владеет с прошлого 710-го года февраля с 16 числа. А ныне по переписке правянтмейстера Алексея Григорьевича Мятлева явилось того двора мерою длины пятьдесят сажен, поперег сорок восемь сажен, в другом конце сорок девять сажен, а на том дворе строенья пять горниц, изба черная, пивоварня, анбар. А в том дворе ныне живет безденежно Англицкой земли иноземец Самойло Гарцын, для того что он, Яков, ему, Самойлу, должен и тот двор ему, Самойлу, заложил, а в скольких числом денег, тому свидетельствуют у крепостных дел записные книги. И тех вышеписанных хором в наем он, Яков, никому не отдает, а с того двора он, иноземец Андрей, оброк куда платил и по чему на год, того он, Яков, не ведает. А он, Яков, с того двора великого государя подати платит на гороцкой Земской двор и службы служит с мирскими людьми в ряд. А буде в сей скаске он, Яков, сказал что ложно, и за то указал бы великий государь взять на нем штраф, а штрафу что великий государь укажет.

К сей скаски Яков Соройлов руку приложил. //

л. 128 1711-го ноября в ... день. Анбурской земли торговой иноземец Иван Яковлев сын Аман, выслушав великого государя указ, сказал: В прошлых годах купил я у города Архангелского двор, а в котором году купил и сколько сажен длиннику и попережнику, того подлинно сказать не упомяну, потому что крепости ныне у меня на Москве, а по мере ныне провиантмейстера Алексея Григорьевича Мятлева явилось у меня поперег по лицу девятнадцать сажен, в длину дватцать сажен, позади девятнадцать сажен, хоромного строения шесть горниц, изба приворотная. А вышеписанных хором в отдачу в наем никому не отдаю, а положенный оброк с того двора по вся годы плачу в Земскую избу и тому свидетельствую в Земской избе приходные книги.

Рука Ивана Амана. //

л. 129 об. Список с купчей:

Лета 1706-го декабря в 31 день. Архангелсково города посацкий человек Логин Степанов сын Прилуцких продал есмь и поступился заостровцу Ивану Гнатьеву сыну Корелы у Архангелсково города за Салным берегом против проез-

жей дороги на мху своего строения двор, а во дворе хоромов изба на анбаре, сени на подсенье, клеть на подклете, и хлев, и дворовые заплоты, и с кровлями, и с мосты, и со всем внутренним хоромным строением, с крюки, и с пробой, чем я владел без вывета. В межах с нижнюю сторону двор новокрещена Савы Леонтьева, жены ево Олисавы с детьми, а с верхнюю сторону двор Ивана Данилова з братом на государевы данной земли. А цены взял я, Логин, у него, Ивана Корелы, за тот своего строения и владения двор, и за огородное колье, и за насор той подворной земли семьдесят рублей денег, все у сей купчей без остатку, и подворною землею по данной приказной памяти 7203-го года октября 29 дня длинником от проезжей дороги от мосту в мох дватцать саженми, а поперешиником по переднему концу полусемями саженми, а по заднему концу полусемями саженми трехаршинными ему, Ивану, безденежно во владение поступился, и ему, Ивану, по сей моей продаже тем двором, и всем дворовым строением, и огородным кольем владеть вечно, и вновь, что похочет, строить хоромов поволно, и государевы подати, и с постою, чего по указу спросят, платить генваря с 1-го числа предбудущего 707-го году впредь по вся годы и волно владеть. А мне, Логину, в ту свою продажу не вступатца. И кроме сей купчей тот двор никому иному не продан и не заложен, и подворною данною землею никому не поступлено. В очищение той своей дворовой продажи от всяких крепостей и от сторонних людей я, Логин, и от невыплаток // старых податей своими денгами, а ему, Ивану, в той продаже никакова убытка не привезть. В том на ту свою продажу и сею купчую дал, а даная приказная память для бережения и положена агличанина Николая Кола, а ныне у прикащика ево Якова Буфоя.

л. 130

К подлинной купчей вместо Логина Степанова сына Прилуцких, что он двор свой Ивану Корелы продал, цены взял семдесят рублей денег и подворною даною землею безденежно поступился, по его велению соломбалец Иван Семенов сын Коптяков руку приложил. Свидетель горожанин Иван Дорофеев Яшнев руку приложил. Свидетель кашинец Иван сын Поясницын руку приложил. Писал купчую Архангелского города крепостных дел подьячий Степан Тайнов.

У подлинной же купчей в конце писано: 1706-го декабря в 31 день по указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, и по грамоте, и по новосостоятельным крепостных дел статьям сия купчая у Архангелского города у крепостных дел в книги записана и пошлины по указу с рубля по алтыну, итого два рубля три алтына две денги, печтных же восемь алтын две денги, писчего четыре алтына четыре денги, з другой страницы за письмо же десять денег, записного три алтына две денги взято в казну великого государя. Подписал крепостных дел надсмотрщик Яков Писарев. Подписного четыре денги. //

1711-го декабря в 11 день. Гороцкого полку маеор Василей Савин сын Барш, выслушав великого государя указ, сказал: В прошлом 200-м году купил отец мой дворовое место и с огородною землею у вдовы Палагии Дементьяновской жены Мырцова на Салнем берегу, и да в вышеозначенном же году по указу великого государя и по челобитью отца моего дано из Приказной полаты пустое порозжее болотинное место на мху позаде купленного дворового места. А сколько тое дворовых мест мерою длиннику и поперешинику сажен, тому свидетелствуют с подлинных купчей и данной списки под сею скаскою. Хоромного строения на тех местах пять горниц, две поварные избы, приворотная изба, погреб, баня, анбар, а из вышеписанных хором в отдачу в наем никому не отдаю, а оброк с тех дворовых мест платил отец мой в Приказную полату, а по чему платил, и о том свидетелствуют в Приказной полате приходные книги. //

л. 131

Се Архангелского города вдова Пелагея Федорова дочь, а Дементьяновская жена Мырцова продала есми и поступилась Саве Леонтьеву сыну новокрещену подворную землю и с огороднишною землею, и с частоколом, в межах с верхнего конца двор мезенца Дениса Янжина, а с нижнего конца двор упокойного Ивана Арбатова, а ото мху порозжее место. А та земля у Архангелского города на Бору на Салнем берегу, и преж сей купчей та земля никому иному не продана и не заложена, от иных купчих, и от закладных, и от всяких писменных крепостей, и от своих детей, и от сторонних людей в снимке и в очищение я, Пелагея, своими денгами и животы, а до него, Савы, убытка в той продаже не довести никоторого. А цены взяла я, Пелагея, за ту вышеписанную землю дватцать пять рублей денег, а денги взяла у сей купчей все вручь без остатка. А что мой, Пелагеин, з детьми двор на той земле стоит, и тот нам двор мне, Пелагее, з детьми с того места снести и то место очистить, как ему, Саве, понадобится и как он, Сава, почнет на том месте двором строитца, и ему, Саве, оставить на проезжую дорогу от межи от двора Дениса Янжина три саженми троюаршинных. А с тое подворной и огородишной земли тягло платить с мирскими людьми с сее числа впредь ему, Саве, а старые невыплаты платить мне, Пелагее, з детьми, // в том и сию купчую дала, да и старую купчую на ту землю отдала с сею купчею ему ж, Саве Леонтьеву. А на то послух Семен Терской. Подлинную купчую писал на площади Ивашко Иванов Устюгов лета 7200-го апреля в 18 день.

л. 131 об.

У подлинной купчей на другой стороне написано: Вместо продавца Пелагеин Федоровской дочери по ее велению таможенной подьячий Гераско Тропин руку приложил. Послух Сенка Терской.

7200-го апреля в 20 день. По указу великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцев, ближней столник и воевода Андрей Артемонович Матвеев да дьяк Прокофей Деревнин дали даную память новокрещенному Саве Леонтьеву х купленному ево, Савину, дворовому месту на прибавочное пустое порозжее болотинное место на сорок сажен, что у Архангелского города на мху по нижнюю сторону Салного берегу, для того в нынешнем в 200-м году апреля в 19 день бил челом великим государем, а на Колмогорех в Приказной избе ближнему столнику и воеводу Андрею Артемоновичу Матвееву да дьяку Прокопию Деревнину подал челобитную он, Сава, // а в челобитной ево написано: Купил де он у Архангелского города у вдовы у Пелагеинцы Федоровы дочери, а Дементьевой жены Мырцова у Архангелского города за Салним берегом на мху подворную землю. В межах с верхнего конца от двора мезенца Дениса Янжина, а снизу от двора Ивана Арбатова, а к той де ево покупной земле есть смежной в мох пустое порозжее место, лежит в пуге и никто тем местом не владеет. И великие государи пожаловали б ево, Саву, велели то пустое порозжее место к той ево покупной земле в прибавку для дворовой постройки и в мох дать сорок сажен, а с того де прибавочного места учнет он, Сава, в казну великих государей в Приказную полату оброку платить по шти алтын по четыре денги на год. И по указу великих государей ближней столник и воевода Андрей Артемонович Матвеев да дьяк Прокофей Деревнин, слушав челобитье новокрещена Савы Леонтьева, приказали тем вышепомянутым болотинным пустым местом для дворовой ево постройки х купленному ево дворовому месту владеть в мох в длину и поперег сорока саженями, и на том болотинном месте постройтца ему, Саве, двором, и для владения тово места дать ему ис Приказной полаты даную память. И по сей данной памяти новокрещенному Саве Леонтьеву вышеписанным болотинным местом, что у Архангелского города за Салним берегом, от купленного его дворового места в мох в длину и поперег сорокью саженми владеть, и двором строитца, и то место пригородить к той купленной его земле. А с того места в казну великих государей на Двине в Приказную полату оброку платить // ему, Саве, по шти алтын по четыре денги на год по вся годы беспереводно.

л. 132 об.

л. 133

К той данной памяти ближней столник и воевода Андрей Артемонович Матвеев печать свою приложил.

У подлинной данной помета дьяка Прокофья Деревнина.

Справа подьячего Федора Блезнина. //

Лета 7174-го июня в 28 день. По государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, указу память Архангелского города городничему Ивану Емельяновичу Некрасову. В нынешнем во 174-м году июня в 26 день бил челом великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичу,

л. 135

всё Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу, на Холмогорах в Съезжей избе думному дворянину и воеводе Ивану Ивановичу Чаадаеву да дьяку Тимофею Савлукову подал челобитную Архангелсково города жилец Сенка Федоров сын Лодмянинова. А в челобитной ево написано, есть де у Архангелсково города на Бору пустое место пониже церкви Успения Пресвятыя Богородицы у другово ручья с нижнюю сторону, а он де, Сенка, великого государя всякие подати платит и службы служит в ряд с посацкими людьми. И ныне де он, Сенка, живет без двора. И великий государь пожаловал бы ево, Сенку, велел ему на том пустом месте дворенком поставитца с верхнюю сторону городского жилца Фетки Круглово. И как к тебе ся память придет, и тебе бы то пустое место под двор ему, Сенке, отвесь, будет порозжее и спору не с кем // не будет.

л. 135 об.

К сей памяти думной дворянин и воевода Иван Иванович Чаадаев печать свою приложил.
На подлинной пишет: Дьяк Тимофей Савлуков.

188-го года октября в 19 день. Архангелсково города таможенной подьячий Сенка Лодмянинов дал есмь сию поступную Архангелсково города посацкому человеку Дмитрею Филатову сыну Микулину в том, в прошлом во 174-м году июня в 28 день по указу блаженныя памяти великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича, всё Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, и по памяти за печатью думного дворянина и воеводы, что ныне околничей, Ивана Ивановича Чаадаева, за приписью дьяка Тимофея Савлукова дано мне, Сенке, под дворовое строенье на Бору пустое место пониже церкви Успения Пресвятыя Богородицы у другово ручья с нижнюю сторону, а с верхнюю сторону от двора горожанина Федора Круглово, а двором на том месте за скудостью своею не построился и ныне тем дворовым местом поступил я, Сенка, ему, Дмитрею Филатову, под дворовое строение, потому что построился я, Сенка, двором у Архангелсково же города на монастырской Архангелской земле, и впредь мне, Сенки, по данной памяти до того дворового места дела нет, // и не вступатца никоими делами, и убытка в том не учинить. Да и даную память на то дворовое место отдал с ею поступною ему же, Дмитрею.

л. 136

Писал поступную я, Сенка, свою рукою.

Лета 7189-го сентября в 26 день. По государеву цареву и великого князя Федора Алексеевича, всё Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, указу память полуполковнику Томасу Баленревичу Янгару. В прошлом во 174-м году июня в 20 день по указу блаженныя памяти великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича, всё Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, и по памяти за печатью думного дворянина и воеводы, что ныне околничей, Ивана Ивановича Чаадаева, за приписью дьяка Тимофея Савлукова, а по челобитью Архангелсково города жилца Сенки Лодмянина велено ему, Сенке, отвесь под дворовое строение пустого места у Архангелсково города пониже церкви Успения Пресвятыя Богородицы, у другова ручья с верхнюю сторону городского жилца Федки Круглово. И в прошлом во 188-м году августа в 11 день бил челом великому государю царю и великому князю Федору Алексеевичу, всё Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу, Архангелсково // города посацкой человек Митка Филатов, а у Архангелсково города в Съезжей избе думному дворянину и воеводе Богдану Ивановичу Ордину-Нашокину да дьяку Дмитрею Стефанову подал челобитную, а в челобитной ево написано, что де горожанин Сенка Лодмянинов по отводной памяти на пустом месте пониже церкви Успения Пресвятыя Богородицы у другова ручья двором не строился и тем пустым местом поступил я, Митке, и великий государь пожаловал бы ево, Митку, велел то пустое место измерить и отвесь ему, Митке, под дворовое строение и под огород и дать ему на то место даную память. А в поступной, какову дал Сенка Лодмянин Митке Филатову в прошлом во 188-м году октября в 19 день, написано, что он, Сенка, поступил дворовым местом Митке Филатову под дворовое строение, потому что он на том месте двором не строился за своею скудостью, а построился де двором у Архангелсково города на монастырской Архангелской земле. А по досмотру Съезжей избы подьячево Леонтия Андреева у Архангелсково города пониже церкви Успения Пресвятыя Богородицы на Бору порозжего места, о котором бьет челом великому государю горожанин Митка Филатов, мерою от другово ручья в нижнюю сторону до огорода горожанина Федки Круглышкова по пригору сорок сажень, а с пригору от дороги до лесу тридцать семь сажень, а сажени мера три аршина. И по указу великого государя, // и по приказу думного дворянина и воеводы Богдана Ивановича Ордина-Нашекина, и по помете на выписки дьяка Дмитрея Стефанова велено на том пустом месте двором постройтца горожанину Митке Филатову и дать ему о том отводную память.

л. 136 об.

л. 137

И как к тебе ся память придет, и ты б то порозжее место пониже церкви Успения Пресвятой Богородицы на Бору от другова ручья вниз до огорода горожанина Федки Круглово отвел горожанину Митке Филатову под дворовое строение и под огород и тому отводу учинил записку за своею рукою, подал в Съезжей избе думному дворянину и воеводе Богдану Ивановичу Ордину-Нашекину да дьяку Дмитрею Стефанову. А прочесть сию память отдал челобитчику Митке Филатову, почему ему, Митке, тем местом владеть и двором постройтца.

К сей памяти думной дворянин и воевода Богдан Иванович Ордин-Нашекин печать свою приложил.

На подлинной памяти позади пишет: Дьяк Дмитрей Стефанов.

Справил Левка Андреев.

л. 137 об.

Лета 7200-го году августа в 10 день. По указу великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича, всё Великия и Малыя и Белья Росии самодержцев, // ближней околничей и воевода Андрей Артамонович Матвеев да дьяк Прокопей Деревнин дали даную память горожанину Дмитрею Филатову сыну Микулину на пустое порозжее место, что у Архангелсково города на Бору за ево, Дмитревым, двором и салним двором к данному ево дворовому месту для огорода в прибавку, для того в нынешнем 200-м году августа в 23 день бил челом великим государем у Архангелсково города в Приказной полате ближнему околничему и воеводе Андрею Артамоновичу Матвееву да дьяку Прокофью Деревнину подал челобитную он, Дмитрей, а в челобитной ево написано: В прошлом де во 189-м году по указу блаженныя памяти великого государя царя и великого князя Феодора Алексеевича, всё Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, и по воеводской памяти, и по поступному писму дано ему у Архангелсково города на Бору от ручья вниз до огорода горожанина Федки Круглово под дворовое строение земли мерою по пригору сорок сажень, а в длину в Бор тридцать семь сажень. И на том даном месте построен у него, Дмитрея, для салного промыслу двор, а позади де тово ево места за салним ево двором есть смежно в Бор пустое порозжее место, лежит извечно в пуге и никто // тем местом не владеет. И великие государи пожаловали бы ево, Дмитрея, велели то пустое место за данным ево дворовым местом для огорода дать в прибавку. А по досмотру и в чертеже, каков подал в Приказной полате подьячий Самойло Невезин, написано: У Архангелсково города на Бору за данным ево, Дмитрея, местом, что дано было ему под салней двор в прошлом во 189-м году к ево, Дмитреву, двору, смежно Бор, место пустое, земля государева выгонная, лежит в пуге и строения никакова нет на том месте и не бывало. А мерою тое земли, о которой он бьет челом, поперег против данного ево места ззиди сорок сажень, а в длину в Бор пятьдесят сажень в троесажинную сажень. А у досмотру Архангелсково города денежной зборщик Василей Цыварев и посацкие люди Федор Миронов с товарищи сказали, что де то место пусто и никто им не владеет. И буде великие государи укажут, то место ему, Дмитрею, под огород отдать. И им, посацким людям, утеснения от того огорода никому не будет. И по указу великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича, всё Великия и Малыя и Белья Росии самодержцев, ближней околничей и воевода Андрей Артамонович Матвеев да дьяк Прокофей Деревнин, // слушав челобитье горожанина Дмитрея Филатова, и по досмотру приказали против чертежа и досмотру тем пустым местом в прибавку к ево, Дмитреву, дворовому месту по вышеписанной мере владеть ему, Дмитрею, и тое землю для огорода пригородить, потому что то место пус-

л. 138

л. 138 об.

тое, и для владения дать ему даную, и горожанину Дмитрею Филатову по сей даной памяти вышеписанным местом, что объявлено выше сего, по вышепомянутой мере владеть и к прежней даче к дворовому своему месту в прибавку для огорода пригородить, для того что и по скаске, и по досмотру посацких людей то место пустое и никто им не владеет.

К сей даной памяти ближней околничей и воевода Андрей Артамонович Матфеев печать свою приложил.

На подлинной сзади пишет: Дьяк Прокофий Деревнин.

Смотрел Самошка Невежин.

Лета 7206-го ноября в 25 день. По указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича, всея Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, ближней столник и воевода Федор Матфеевич Апраксин да дьяк Андрей Юдин // дали даную Архангелского города посацкому человеку Дмитрею Филатову сыну Микулину на пустое болотинное место, что у Архангелского города ниже Успенской церкви на Бору за ево, Дмитриевым, двором, для того в нынешнем 202-м (?) году ноября 9 дня бил челом великому государю, а у Архангелского города в Приказной полате ближнему столнику и воеводе Федору Матфеевичу Апраксину да дьяку Андрею Озерову подал челобитную он, Дмитрий, а в челобитной ево написано, есть де на Бору позади ево, Дмитриева, салного двора пустое место и лежит извечно в пусте, и никто де тем местом не владеет, а в межах то место промеж дворов Николая Кола да Микулая Тембоузена, и великий государь пожаловал бы ево, Дмитрея, велел того пустого порожжего места дать ему под огородец во владение, в длину от ево двора в мох пятьдесят пять сажен, а поперек против ево двора, и для владения на то место дать бы ему даную. А в досмотре за руками города Архангелского соцких Ивашка Тыркина да Сенки Афанасьева и посацких людей Ивашка Попова, Матюшки Озерова с товарищи написано то место, о котором бьет челом великому государю Дмитрей Филатов, за ево, Дмитриевым, салным двором, что на Бору с моховую сторону меж дворами иноземцов — с нижнюю сторону аглечанина Микулая Кола, а с верхнюю // сторону Микулая Тембоузена, лежит в пусте, потому что место болотинное и растет на том месте лес небольшой, а мерою того пустого места от дворовой заплоты ево, Дмитриевы, в лес до кирпичного сарая горожан Сенки Мырцова з братьями длиннику пятьдесят пять сажен, а поперечнику меж вышеписанными иноземскими дворами дватцать семь сажен. А у досмотру соцкие и посацкие люди сказали, что де то место болотинное, лежит в пусте, и буде великий государь укажет отдать то место под огородец Дмитрею Филатову, и никому де от того утеснения не будет, потому что за тою дачею того болотинного места пустого остатца многое число. И в нынешнем 206-м году ноября 16 дня по указу великого государя, и по приказу ближнего столника и воеводы Федора Матфеевича Апраксина, и по помете на досмотре дьяка Андрея Озерова велено то порожжее место отдать ему, Дмитрею, ко двору ево под огород и дать ему на то место даную. И по сему великого государя указу и даной вышеписанной пустым болотинным местом горожанину Дмитрею Филатову Микулину по вышеписанной мере в длину пятьдесят пять сажен, а поперек против ево, Дмитриева, дворового места меж дворовыми заплоты иноземцов Микулая Кола да Микулая Тембоузена владеть безпенно и огород строить, а никому в то ево данное место без указа не вступатца и тесноты ему, Дмитрею, не чинить.

л. 139

л. 139 об.

К подлинной даной ближней столник и воевода Федор Матфеевич Апраксин печать свою приложил.

У подлинной назади пишет: Дьяк Андрей Озеров. //

1711-го года декабря в ... день. Горожанин посацкой человек Иван Михайлов сын Клишкин, выслушав великого государя указ, по святей непорочной евангелской заповеди Господни, еже ей ей, сказал в правду: В прошлом 7200-м году купил отец мой Михайло у города Архангелского на Бору у посацкого человека Пантелея Иванова сына Безбородова дворовое место мерою длины тридцать пять сажен, по лицу семь сажен. И на том дворовом месте в прошлых годах поставлено хоромного строения горница на анбаре, изба, баня. А с того я двора з братом своим Василием великого государя подати в Земскую избу по вся годы платил и службы с мирскими людьми служил, а из вышеписанных хором в отдачу не отдаю. А с подлинной крепости список написан ниже сего, а подлинную крепость я, Иван, к себе взял, а купчая в Архангелогороцкой канцелярии не кладена и в книгу не записана. А буде я, Иван, в сей скаске сказал ложно или что утаил, и за ложную мою скаску и за утайку указал бы великий государь взять на мне штраф, а штрафу что великий государь укажет.

л. 140

К сему писму Иван Белокуров руку приложил. //

Список с купчей:

Се аз, Архангелского города посацкой человек Пантелей Иванов сын Безбородова, продал есми и поступился того ж города посацкому человеку Михайлу Кузмину сыну Белокурову на Бору у Архангелского города подворную свою землю, у кого я, Пантелей, купил у колмогорского стрелца у Михаила Данилова сына Сидоровых, а ему, Михайлу, бытъ по указу великих государей отдано по приказу по даной памяти за печатью столника и воеводы Кондратя Фомича Нарышкина, а за приписью дьяка Максима Бурцова и с оценкой Архангелского города Еремея Ершева с товарищи, а межа той подворной земли с верхнюю сторону Дмитрея Чюпа, а с нижнюю сторону двор Нефедя Кузмина, а той тяглой подворной земли мерою в ширину семь сажен с аршином, а в длину и с огородом тридцать пять сажен трехаршинных, а на той моей подворной земли ныне стоит двор и со всяким дворовым строением, и те хоромы, что есть, с той подворной земли снести и место к нему, Михайлу, очистить на срок в пять недель, и с тех местех очистить. А которое у меня, Пантелея, на той моей подворной земли жито насеено, и как то жито поспеет, мне, Пантелею, самому собою на себя снить. А та моя подворная земля, опричь ево, Михаила, иному никому не продана и не заложена. В снимки и в очищенье той своей продажи от купчих, и от закладных, и от всяких письменных крепостей я, продавец Пантелей, а ему, Михайлу, в том убытка никоторого не учинить. А цены взял я, Пантелей, у него, Михаила, за ту свою подворную землю дватцать пять рублей денег, а денги взял у сей купчей все // наперед без остатка. А впредь с секова числа, как ся купчая писана, тягло с той подворной земли с мирскими людьми в ряд ему, Михайлу, тянути, а старые невыплаты платить мне, Пантелею, самому собою. В том я, Пантелей, на ту свою подворную землю сию купчую дал, да и старую купчую, и отводную память я с сею новою купчею ему ж, Михайлу, отдал.

л. 140 об.

л. 141

А на то послух Матвей Авксентиев. Писал купчую у города на площади Сенка Терской лета 7200-го году июня в 16 день.

Позади подлинной купчей пишет: К сей купчей вместо продавца Пантелея Иванова по его велению горожанин Мишка Юрьев руку приложил. Послук Матюшка Авксентьев руку приложил. К сему списку Василей Белокуров руку приложил. //

Список с купчей с подлинной:

Се аз, Архангелского города посацкой человек Матфей Григорьев сын Озеро, продал есми и поступился по купчей 203-го года мая 29 числа того ж города посацкому ж человеку Семену Леонтьеву сыну Телицыну двор и с подворною землею, а во дворе хоромов изба на подполье, сени, и клеть, и баня, и позаде того двора огородец, и все те хоромы с кровли, и с потоки, с крюки, и с дверми, и с тяги, и с пробой, и с окончины, каковы есть в окнах, и у ворот с малою избею. А цены я, Матфей, взял за всю свою продажу у него, Семена, за вышеписанное владение семь рублей, денги взял у сей купчей все без остатка. Да еже Семену вышеписанного огорода дати мне, Матфею, безденежно мерою поперешника два аршина со мховую сторону того двора, а в длину ото мху того огорода до Ивановы клетки Колдина. И впредь ему, Семену, за ту огородишную владьчную землю на мне, Матфее, цены денег и никакой пражги не спрашивать. А стоит тот двор у Архангелского города великих государей на тяглой земле, в межах с верхнюю сторону двор Ивана Бори-

л. 142

сова сына Колдина, а с нижнюю сторону ручей Успенской Пресвятыя Богородицы. От иных купчих, и от закладных, и от всяких писмянных крепостей в снимке и в очищении я, Матфей, своими денгами и животы, а до него, Семена, в том убытка не довести, а тягло тянуть с тое земли // и службы служить впредь ему, Семену, в том и сию купчую дал.

А на то послух Матфей Ахсенов.

Писана купчая на площади Ивашко Усиягов лета 7204-го декабря в ... день.

У подлинной купчей Матфея Озерова рука приложена. У послуха Матфея Оксенова рука приложена. К сему списку вместо Ивана Семенова сына Телицына по его велению горожанин Осип Попов руку приложил.

1711-го года ноября в 10 день. Архангелогородец посацкий человек Иван Семенов сын Телицын, выслушав великого государя указ, по святей непорочной заповеди Господни, еже ей ей, сказал в правду: В прошлом 204-м году купил я, Иван, у Архангелского города Матфея Григорьева сына Озера двор длины восемь сажен, поперек по лицу пять, позади две сажени, хоромного строения на том дворе горница, да изба, да баня. И с того я своего двора великого государя всякие подати плачу и службы служу в ряд с мирскими людьми, а из вышеписанных хором в оброк и в отдачу нет, а список с подлинной купчей, какова мне дана от него, Матфея, во владение, писан выше сего. А подлинная купчая в Архангелогороцкой канцелярии и в Земской избе в книги не записана. А буде я, Иван, в сей скаски сказал ложно или что утаил, и за ложную мою скаску и за утайку указал бы великий государь взять на мне штраф, а штрафу что великий государь укажет.

К сей скаски вместо Ивана Телицына по ево велению Иван Дьяконов руку приложил. //

л. 143 Лета тысяча семьсот девятого сентября в 20 день. Вдова Улита Дмитриева дочь, а бывшего Архангелского города Успенской церкви священника Иосифа Анфимова сына Митусова жена, да сын ея Иван Осипов сын Митусов продали есмь и поступились тое ж Успенской церкви вкладчиком Гостиной сотни Осипу Андрееву сыну Баженину, церковному приказчику Осее Афанасьеву сыну Кирову на Бору тое ж Успенской церкви на земли строение. Я, Улита, мужа своего, а я, Иван, отца своего Осифа и своего владения горницу на жилом подклете с исподними и с верхними сенми, и с подволоки, и с чуланы, и с окончины, и со всяким нутряным строением, да позади сеней струбы рубленые шесть рядов. А цены взяли мы, Улита и Иван, у них, вкладчиков, у Осее Баженина да у церковного приказчика Осее Кирова, из церковной Успенской казны тридцать шесть рублей денег, все у сей купчей без останка. А купили оне то наше владение, горницу и з сенми, жьть тое Успенской церкви священнику Ананию з домом и по нем впредь будем тое ж церкви священником. А нам, Улиты и Ивану, в то свое владение не вступатца, а опроче их, // вкладчиков Осипа Баженина да церковного приказчика Осее Кирова, у нас, Улиты и Ивана, то наше владение горница, и с подклетом, с сенми, и с волюки, и со всяким строением иному никому не продано и не заложено. В очищение той своей продажи от всяких крепостей и спору мы, Улита и Иван, а до них, Осипа и Осее, в той своей продаже убытков никаких не привест.

л. 143 об.

А у подлинной купчей вместо вдовы Улиты Дмитриевы дочери, что она с сыном своим Иваном вкладчиком Осипу Баженину да церковному приказчику Осее Кирову горницу на жилом подклете с сенми, со всяким строением (продала), цены взяла из церковной казны тридцать шесть рублей, в том по ее велению горожанин Алексей Филатов руку приложил. Иван Осип Митусов продал, и денги взял, и руку приложил. Свидетель крепостных дел подьячий Евсей Митрофанова руку приложил.

А подлинную купчую писал у города Архангелсково крепостных дел подьячий Алексей Беляев.

А той же купчей пишет: 1709-го года сентября в 9 день пошлин порублевых тридцать шесть алтын, печатных восемь алтын две денги, писчаго и записного пять алтын взято и в книги у крепостных дел сия купчая записана. Подписал надсмотрщик Кирило Брангин. Писчево шесть денег. Список писал я, священник Ананья Яковлев, своею рукою. //

л. 144 1711-го года декабря в 11 день. Церкви Успения Пресвятой Богородицы священник Ананья Яковлев сын, выслушав великого государя указ, по святей непорочной евангелской заповеди Господни, еже ей ей, сказал в правду: В прошлом 709-м году купили мне, священнику Ананью, тое ж церкви вкладчики Осип Андреев сын Баженин, церковный приказчик Осей Афанасьев сын Кирова вешепомянутой же церкви у бывшего священника Иозиняра Анфимова, у жены ево Улиты Дмитриевы дочери да у сына ея Ивана Осипова Митусова на церковной земли двор, а на нем что хоромного строения, и то писано в списке подлинно выше сего. А мерою длины и поперек в обоих концах того в купчей не написано. А цены дали оне, вкладчики, за вышеписанный двор из церковной казны денег тридцать шесть рублей. А ныне по переписке провиант-мейстера Алексея Григорьевича Мятлева явилось вышепомянутого двора мерою длины тридцать одна сажень, по лицу девять сажен, в другом конце восемь сажен, хоромного строения две горницы на жилых подклетах, баня. А из вышеписанных хором в отдачу не отдаю. А с подлинной купчей список написан выше сего, и та купчая в Архангелогороцкой канцелярии не явлена и в книгу не записана, а записана в книгу у крепостных дел. А буде я, священник Ананья, в сей скаски сказал ложно или что утаил, и за ложную мою скаску и за утайку указал бы великий государь взять на мне штраф, а штрафу что великий государь укажет.

Священник Ананья Яковлев руку приложил. //

л. 146 Список с купчей:

Лета тысяча семьсот первого на десять года октября в 11 день. Архангелского города житель Иван Максимов сын Трофимова продал есмь и поступился своево новаго строения и владения Галанской земли иноземцу Аресу Иванову сыну Маеорову у города Архангелского на Бору на государеве даной мне земли за крепкою бурмистра Андрея Гоголева с товарищи двор свой, а в нем строения изба ветхая на подполье с сенми и с чуланом, позаде тое избы изба ж белая с сенми и с чуланом, да посторонь от ветхой избы подле ворота изба на анбаре белая ж с сенми, да позаде тех изб на дворе хлев, да сенник, да баня. И все те хоромы с кровли, и с потоки, с мосты, и крюки, и с пробои, и с окончины, и з заплоты, и с ворота, каково есть, все без вывета. А в межах тот мой двор стоит с верхнюю сторону двор москвитина Огородной слободы Ивана Стрежнева, с нижнюю сторону от проезжей большой мостовой дороги и от двора иноземца Андрея Уля. А цены взял я, Иван Трофимов, у него, у иноземца Ареса, за тот свой двор и за все строение восемьдесят рублей денег, и денги принял все при сей купчей вруч сполна. И государевою даною подворною землею длинником з горную сторону проезжей мостовой большой дороги в моховый конец длинником шеснатцетью, а поперешником от двора вышеписанного Ивана Стрежнева к дороге восьмью саженми троюаршинными безденежно во владение ему, иноземцу, поступился. И по сей моей продаже тем моим // двором и со всем строением владеть, и волно продать, и заложить свободно, и государевою даною подворною землею безденежно поступитца же, а мне, Ивану Трофимова, в ту свою дворовую продажу не вступатца. В очищение от всяких крепостей и спора я, Иван, а до него, купца Ареса, никакова убытка не учинить. И с того двора, что по указу спросят, и з бани новоскладной оброк все платить ему, иноземцу Аресу. В том и сее купчую дал и на ту подворную землю даную память с сею купчею к нему же, иноземцу, отдал. Иван Максимов сын Трофимовых иноземцу Аресу Иванову сыну Маеорову двор свой продал и со всем строением без вывету, цены взял восемьдесят рублей денег и подворною своею землею безденежно поступился, в том к сей купчей и руку приложил.

л. 146 об.

У подлинной купчей свидетель крепостных дел подьячий Ефим Жехов руку приложил. Свидетель чаронец Ульян Никифоров сын Жданов руку приложил. Свидетель горожанин Петр Иванов сын Конарской Меншой руку приложил. Писал подлинную купчую у города Архангельского крепостных дел подьячий Евсей Митрофанов 1711-го октября в 11 день.

Пошлин два рубля четыре гривны, печатных полполтины, писцаго и от записки в книги тож число взято и в книги записано. Подлинную купчею потписал надсмотрщик Кирил Брангин. //

1711-го октября в 29 день. Гостиной сотни Осип Андреев сын Баженин, выслушав великого государя указ, по святей непорочной евангелской заповеди Господни, еже ей ей, сказал в правду: В прошлом 706-м году дана мне у города Архангельского на Бору пониже Успеня церкви пустое место по грамоте великого государя царя из Новогороцкого при- казу, по даной из Приказной полаты, в длину того дворового места шездесят восемь сажень, поперег по лицу дватцать од- на сажень, в другом конце позади дватцать восемь сажень, хоромного строения четыре горницы, поваренная изба, при- воротная изба, баня, а с вышеписанного дворового места плачу в казну великого государя в Приказную полату по две гривны на год, а в отдачу в оброк из вышеписанных хором нет. А с которого году вышеписанным дворовым местом по каким крепостям владею, и тому свидетелствуют под сею скаскою списки с подлинных грамот и даной. А буде я сказал ложно или утаил, и за ложную мою скаску и за утайку указал бы великий государь взять на мне штраф, а штрафу что великий государь укажет.

л. 147

К сей скаске Осип Баженин руку приложил. //

Список великого государя с грамоты:

л. 147 об.

От великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, на Двину столнику нашему и воеводе Матвею Алексееву. В нынешнем 706-м году февраля в 28 день в нашей, великого государя, грамоте на Двину к вам писано и велено против челобитья Гостиной сотни Осипа Баженина у Архангельского города на Бору пониже Успенские церкви пустое место осмотреть и измерять, и буде то место лежит в пуге и никому вперед сего не отдано, отдать ему, Осипу, из оброку под дворовое строение, и что учинено будет, о том велено к нам, великому государю, писать. И мая в 16 день писали вы к нам, великому государю, что у города Архангельского ис При- казной полаты посылали вы для досмотру и меры пугого места подьячего Алексея Подошевникова. А по осмотру и по чертежу того подьячего, каков он подал в Приказной полате, то место ниже Архангельского города в урочище на Бору ниже Успенской церкви меж дворов иноземца Андрея Бакиря да тое Успенской церкви священника, а по мере того места по проезжей улице, что по Двине реке от двора вышепомянутого иноземца Андрея Бакиря до двора священнико- ва, поперег тритцать сажень, а позади священникова двора с моховую сторону сорок сажень, в длину от вышепомянутой же проезжей улицы в мох к мосту Елизарья Избранта восьмьдесят сажень. А на то де место при том досмотре и описи спору и челобитья ни от кого не было, и крепостей никаких никто не положил, и не бил челом, и никто не спорил. И то место ему, Осипу, вы в оброк // отдали и даную ему дали. А ныне нам, великому государю, бил челом он же, Осип Баженин. По нашему, великого государя, указу и по грамоте, а по его челобитью у города Архангельского дали вы ему на порожнее место на Бору ниже Успенской церкви и велели ему тем местом владеть из оброку, а оброку платить по две гривны на год, для того что то место лежало пуго и во время отдачи и по се число ни от кого спору и челобитья о том месте нет. И нам, великому государю, пожаловать бы его, велеть о владении того места дать ему нашу, великого госуда- ря, грамоту с прочетом.

л. 148

И как к вам ся наша, великого государя, грамота придет, и вы б по прежней и по сей нашей, великого государя, грамоте вышеписанным порожним местом Гостиной сотни Осипу Баженину владеть велели, а оброку велели ему в на- шу, великого государя, казну платить по две гривны на год. А прочет се нашу, великого государя, грамоту и списав с нее список, отдали ему, Осипу Баженину, впредь для владенья того места.

Писана на Москве лета 1706-го мая в 20 день. А у подлинной великого государя грамоты припись дьяка Ивана Волкова. Справа подьячего Андрея Иванова. //

Лета 1706-го апреля в 17 день. По указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, столник и воевода князь Данило Григорьевич Черкасской да дьяк Матфей Алексе- ев дали сию даную из Двинской Приказной полаты на пугое порожнее нижепомянутое место Гостиной сотни Осипу Баженину, для того в нынешнем 706-м году марта в 26 день в грамоте великого государя на Двину к нему, столнику и воеводе князю Данилу Григорьевичю, да к дьяку Матфею Алексееву из Новогороцкого приказу за приписью тайного секретаря Петра Шафирова написано: Бил челом великому государю вышепомянутой Гостиной сотни Осип Баженов, у Архангельского де города на Бору пониже Успенской церкви подле двора Андрея Бакиря есть пугое место, длиннику того места до мосту Елизарья Избранта восьмьдесят сажень, поперешнику сорок сажень. И тем местом никто не владеет, лежит в пуге, и великий государь пожаловал бы ево, Осипа, велел вышписанное место отдать ему под дворовое строение из оброку, а оброку станет он платить с того места по шти алтын по четыре денги на год. И против его чело- битья велено // то вышепомянутое место осмотреть и измерить, и буде то место лежит в пуге и никому наперед сего не отдано, отдать ево вышеписанноиу челобитчику Осипу Баженину из оброку под дворовое строение. И по той великого государя грамоте у города Архангельского ис Приказной полаты для осмотру меры тово места послан Двинской Приказ- ной полаты подьячей Алексей Подошевников, а по осмотру и мере ево и по чертежу, каков он подал в Приказной по- лате за своею рукою, то место у города Архангельского пониже Успенской церкви меж дворов с одну сторону тое Успен- ской церкви священника, з другую сторону подле иноземца Андрея Бакиря, а по мере того места по проезжей улицы, что от реки от двора Андрея Бакиря до священникова двора, поперег тритцать сажень, а позади священникова двора с моховую сторону сорок сажень, в длину от проезжей улицы в мох к мосту Елизарья Избранта восьмьдесят сажень. А на то пугое место с вышепомянутого марта с 26 числа сего апреля по вышеписанное число никаких крепостей никто не положил, и у осмотру и у меры тово места никто ни в чем не спорил. И по указу великого государя и по вышепомянутой грамоте столник и вое- вода // князь Данило Григорьевич Черкасской приказал то место Гостиной сотни Осипу Баженину отдать под дворовое строение во владенье впредь без перекупки, как об отдаче того места вышепомянутая грамота прислана, а оброку с того места платить ему, Осипу, по шти алтын по четыре денги на год в казну великого государя по вся годы без доимки.

л. 148 об.

л. 149

л. 149 об.

Сею даную память столник и воевода князь Данило Григорьевич Черкасской вместо печати закрепил своею рукою. Осип Баженин руку приложил. //

Список с купчей:

л. 155

Се яз, Архангельского города посацкой человек Антипа Федотов сын Арбатов, продал есми и поступилс того ж го- рода посацкому человеку Семену Дементьянову сыну Мырцову подворную свою землю и с огородцом пониже церкви Успеня Пресвятыя Богородицы на Бору, а межн тому моему дворишному месту и огородцу по верхнюю сторону про- езжая дорога, а по нижнюю сторону Степана Карпова Лебедева. А продал есми ту свою подворную землю и с огородцем по купчей своей, у кого я, Антипа, купил того ж города у бывшего сотника стрелецкого Ивана Юрьева сына Нешикина. А та моя подворная земля и с огородцом опрчь ево, Семена, никому иному не продана и не заложена. В снимки и в очишение от купчих, и от закладных, и от всяких писменных крепостей я, продавец Антипа, своими денгами и животы, а ему, Семену, в том убытка никоторово не учинить. А цены взял я, Антипа, за тое свою подворную землю и с огород- цом у него, Семена, три рубли денег, все наперед без остатка. С сего числа, как ся купчая писана, с той подворной зем- ли тягло тянуть с мирскими людьми в ряд Семену, а старые невыплаты на мне, Антипе. В том я, Антипа, // на ту свою подворную землю и огородец сию купчую дал и старую купчую ему, Семену, отдал. На то послух Алексей Федоров. Подлинную купчую писал Архангельского города на площади Сенка Терской лета 7200-го года апреля в 29 день.

л. 155 об.

На другой стороне пишет: К сей купчей продавец Антипа Федотов руку приложил. Послух Олешка Федоров руку приложил.

К сему списку вместо Семена Дементьянова сына Мырцова по его велению горожанин Тарасий Тропин руку приложил. //

л. 155 об. 1711-го года ноября в 8 день. Архангелогородец посацкой человек Семен Дементьянов сын Мырцов, выслушав великого государя указ, по святей непорочной евангелской заповеди Господни, еже ей ей, сказал вправду: Купил я у города Архангелского на Бору пониже церкви Успения Пресвятой Богородицы на берегу Двины реки двор в прошлом 200-м году, мерою в длину тридцать, поперег по лицу восемь, в другом конце позади три сажени, хоромного строения на том моем дворе изба да баня. А купчая на тот мой двор в приказе не явлена и в книгу не записана. И с того я своего двора дворовые денги на прошлые и на нынешней 711-й год всякие великого государя подати плачу и службы служу. А на том моем дворе хоромного строения изба да баня. А мерою поперег по лицу восемь сажен, в длину тридцать, позади три сажени. А с вышеписаннова строения в оброк нет. А по какой крепости я, Семен, владею тем двором, и тому свидетелствуют списки под сею скаскою. А буде я, Семен, в сей скаске сказал ложно или что утаил, и за ложную мою скаску и за утайку указал бы великий государь взять на мне штраф, а штрафу что великий государь укажет.

К сей скаске вместо Семена Мырцова по его велению горожанин Алексей Борисов руку приложил. //

л. 157 1711-го ноября в 1 день. Архангелогородец посацкой человек Осей Афанасьев сын Кирова, выслушав великого государя указ, по святей непорочной евангелской заповеди Господни, еже ей ей, сказал вправду: В прошлых 708-м и в 710-м годах заняли у меня посацкие же люди Роман Аврамов сын Ивойлов да Мартын Микулин сын Кривоногова, а в тех заемных денгах заложили мне до сроков дворов свои и с хоромным строением, а что мерою длины, и поперег, и хоромного строения, и подле кого имяны те вышеозначенные дворы стоят, и то писано выше сего в закладных заемных крепостях. А тех заемных денег оне, займщики, мне, Осею, на срок не заплатили, и ныне владею я, Осей. А с тех вышеписанных дворов великого государя подати плачу и службы в ряд с мирскими людьми служу. А те вышепомянутые крепости в Архангелогороцкой канцелярии не явлены и в книги не записаны, а записаны в книги у крепостных дел. А буде я, Осей, в сей скаске сказал ложно или что утаил, и за ложную мою скаску и за утайку указал бы великий государь взять на мне штраф, а штрафу что великий государь укажет.

К сей скаске вместо Осей Кирова по его велению Лука Барабанской руку приложил для того, что он, Осей, болен.

Список с заемной и поступной крепости:

Лета 1708-го ноября в 12 день. Архангелского города посацкой человек Роман Аврамов сын Ивойловых занял сьмь того ж Архангелского города у посацкого человека у Осей Афанасьева сына Кирова тринадцать рублей денег московских серебряных без приписи до срока до Филипова заговенья 710-го. А в вере я, займщик, заложил и подписал до того срока вместо поруки у Архангелского города на Бору своего нового строения двор, а в нем строения изба // на анбаре, сени рыбинные на подсенье рыбинном же и клеть на подклете рыбинные ж, со всем хоромным и нутряным строением без вывета, стоит тот двор на государеве данной земли по данной прошлово 704-го году декабря числа за рукою бурмистра Федора Барабанского памяти, мерою тово места земли длинника в мох от проезжей Избрантовой дороги двенадцать сажен, поперег от отводного Ивана Озерова места в нижней конец восемь сажен в тросаршинную сажень. А буде я, займщик, на тот вышеписанный срок того числа денег к нему, Осею, не заплачу, и по сроце ему, Осею, тем моим двором с подворною землею владеть вечно, и волно тот двор продать, и заложить, и землею поступитца, а иному у меня, Романа, тот двор не заложен и не продан, и не землею не поступлено. В очищение от всяких крепостей я, Роман. А буде он, Осей, по сроце сее закладной у крепостных дел не запишет и пошлин не заплатит, а учнет владеть, и та закладная не в крепость. И до того моего двора и до подворной земли ему, Осею, дела нет и не вступатца, взять тогда те пошлины х крепостным делам на мне, Романа. В том и сее для веры закладную дал и вышепомянутую даную к нему, к Осею, в береженье до срока отдал.

л. 157 об. *У подлинной закладной писано:* Вместо Романа Ивойлова, что он у Осей Кирова тринадцать рублей денег занял, а в тех денгах для веры заложил двор со всем строением, в том по его велению горожанин Василей Мекенин руку приложил. Свидетель крепостных дел подъячей Степан Тайнов руку приложил. Писал подлинную закладную кабалу у города Архангелского крепостных дел подъячей Евсейей Митрофанова.

1708-го года ноября в 12 день за писмо от записки и со страницы взято три алтына четыре денги и в книги записано. Подписал крепостной надсмотрщик Василей Погорелской. //

л. 158 *У вышеписанной же закладной крепости в конце пишет:* 1710-го августа в 30 день сия закладная у крепостных дел явлена и в книги записана, и от записки в книги пошлин тринадцать алтын, печатных полполтины, записного десять денег взято. Подписал надсмотрщик Кирило Брангин.

Список з закладной:

Лета 1710-го сентября в 27 день. Архангелского города посацкой человек Мартын Микулин сын Кривоногов занял сьмь того ж города у посацкого человека у Осей Афанасьева сына Кирова дватцать рублей денег московских серебряных без приписи до срока до Успеньева дни Пресвятей Богородицы семьсот одиннадцатого года, а в вере я, займщик, заложил к нему, Осею, подписал до того срока своего строения у Архангелского города на Бору в нововыставочной слободе двор, а в нем строения изба на анбаре, сени на подсенье, горенка на анбаре, и баня, и с подворною, и с подбанною землею, со всем без вывета. А стоит тот двор в межах с верхнюю сторону боольшая проезжая в Борки дорога, а с нижнюю сторону двор горожанина Степана Звягина, позади двор горожанина же Василя Филатова, а поперег проезжая дорога. А буде я, займщик, на тот вышеписанный срок к нему, Осею, тех денег не заплачу и двора не выкуплю, и по сей закладной тем двором со всеми хоромы, и с подворною, и с подбанною землею по сроце владеть ему, Осею, вечно и волно продать и заложить. А иному у меня, Мартына, никому тот двор со всеми хоромы и с подворною землею по се число не продан и не заложен. От всяких крепостей и спора в очищение я, Мартын, а до нево, Осей, в том закладе убытка не учинить.

У подлинной закладной писано: Вместо Мартына Кривоногова, что он у Осей Кирова дватцать рублей денег занял, а заложил до срока двор свой со всеми хоромы, и с подворною землею, и с подбанною землею, по его велению горожанин Петр Конарской Болшей руку приложил.

Подлинную закладную писал у Архангелского города крепостных дел подъячей Степан Тайнов.

л. 158 об. *У подлинной же вышеписанной крепости в конце пишет:* 1710-го году сентября // в двадесять седмый день писчаго, и от записки в книгу пять алтын взято, и у крепостных дел в книгу записано перечнем, а по сроки записать у крепостных же дел подлинно, а буде по сроки записано не будет, и она не в крепость. Подписал надсмотрщик Кирило Брангин. //

л. 159 1711-го года октября в 29 день. Архангелского города посацкой человек Осей Афанасьев сын Киров, выслушав великого государя указ, по святей непорочной евангелской заповеди Господни, еже ей ей, сказал вправду: Купил я у города Архангелского на Бору пониже Успенской церкви на берегу Двины реки двор мерою в длину тридцать пять сажен, поперег по лицу семнатцать сажен два аршина, в другом конце позади девять сажен. Хоромного строения на том дворе четыре горницы, в том числе две на жилых подклетах, изба черная, два анбара, баня. А с того своего двора всякие вели-

кого государя подати плачу и службы служу, а в отдачу в оброк из вышеписанных хором и из анбаров нет. А с которого году вышеписанным двором владею и по каким крепостям, и тому свидетелствуют с подлинных крепостей под сею скаскою списки. А буде я в сей скаске сказал что ложно, и за ту мою ложную скаску указал бы великий государь взять на мне штраф, а штрафу что великий государь укажет. //

Се аз, Архангелского города посацкой человек Афанасей Сидоров сын Мякотихин, продал есми и поступился своево владения двор и с подворною землею того же города посацкому человеку Осею Афанасьеву сыну Кирову. А мерою тово дворишного места в длину от погреба спереди до банного заднего угла шестнадцать сажен два аршина, а поперег мерою от Дмитрия Филатова от тына в проулок четыре аршина, а от проулка и от ручья по поперешнику до Степанова двора Лебедева мерою шесть сажен два аршина. А стоит тот мой двор у Архангелского города на Бору, а во дворе хоромам изба поземная, клеть на подклете да баня, а позади бани двор Матвея Арбатова. А цены я, Афанасей, взял у него, Осея, за тот двор и за подворную землю — за все восемь рублей с полтиною, а денги взял у сей купчей все вручь без остатка. А продал я тот двор и с подворною землею ему, Осею, вдернь без выкупа. И с того двора и с подворной земли великих государей службы // служить и тягло тянуть с мирскими людьми в ряд ему, Осею, с сего числа, как купчая писана, а старые невыплаты платить соцкому мне, Афанасию. А тот мой двор, кроме сее купчей, не продан и в заклад не заложен. А в снимки и в очищение от всяких писмянных крепостей, и от купчих, и от закладных кабал я, продавец, своими денгами и животы, а до него, купца, в той своей продаже убытка не учинить не которого, и старую купчую отдал к нему, Осею, с сею новою купчею. На то послух площадной подьячей Перфирий Тайнов.

л. 159 об.

Писал купчую у Архангелского города на площади Матюшка Оксенов лета 7203-го года июля в 25 день. 203-го августа в 8 день. По указу великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцев, и по приказу ближняго столника и воеводы Федора Матфеевича Опраксина да дьяка Ондreja Озерова сия купчая у Архангелского города в Приказной полате в книги записана, и пошлин по указу с рубля по шти денег взято, и в приход записано.

л. 160

К сей купчей продавец Афонка Мякотихин продал подворную землю и з двором, денги взял и руку приложил. Пишет дьяк Андрей Озеров. Справа Федора Блезнина. Послуха Порфирия Тайнова руку приложена. //

Се аз, Архангелского города посацкой человек Степан Карпов сын Лебедев, занял есми тово же города у посацкого человека у Осея Афанасьева сына рубль денег московских числом прямых без приписи до срока до Семена дни Летоначатца 206-го года, а в вере я, Стефан, к нему, Осею, в тех денгах заложил и подписал своего владения двор свой и с подворною землею, а в том дворе хоромам изба, и сени, и двор с тыны, и з заплоты, и баня, и под банею земля со всем без вывета. А стоит тот мой двор у Архангелского города на Бору, в межах с верхнего конца Семена Дементьянова двор, а позаде ево ж, Осеево, дворище. А по сроце по сей закладной кабале денги платить сполна. А буде на срок денег не заплачу, и после срока на тот мой двор и на подворную землю есть закладная и отступная, волно ему, Осею, тем всем владеть и продать. А тот мой двор и с подворной землею никому не продан и не заложен, опроче сей закладной кабалы. А в снимке и в очищение от всяких писмянных крепостей и от спору я, заимщик, своими денгами и животы, а до него, Осея, никаких убытков не довести. А буде волею Божию до сроку тот мой двор згорит и не разломают, и мне, заимщику, по тому ж денги платить сполна. А хто с сею кабалою станет, тот по ней и истец. На то послух Иван Богданов.

л. 160 об.

Закладную кабалу писал у города на площади Никитка Леонтьев лета 7205-го мая в 5 день. //

Лета 207-го ноября в 16 день. По указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, и по приказу боярина и воеводы князя Михаила Ивановича Лыкова да дьяка Еремея Полянского ся закладная у Архангелского города в Приказной полате в книги записана, и пошлин по указу с рубля шесть денег взято, и в приход записаны.

л. 161

Дьяк Еремей Полянской. Справил Мишка Андреев. Послух Ивашко Богданов руку приложил.

Лета тысяча семьсот десятого ноября в 21 день. Архангелского города посацкой человек Герасим Дементьянов сын Мырцов продал есми и поступился своево владения двор и с подворною землею, а в нем строения изба поземная с сенями, ветхое, в межах с верхнюю сторону от двора братьев моих Ксенифонта, Федора да Матвея Дементьяновых детей Мырцовых, а с нижнюю сторону от ево, Осеева, двора, а подворной земли длинника от проезжей дороги в мох тридцать пять сажен, поперешника с лица от ево же, Осеева, двора пять сажен два // аршина, а позаде ж поперешника ж три сажени с аршином, вся та земля мерою сажени троесаршинной. А цены взял я, Герасим, у него, Осея, за тот свой двор и за подворную землю десять рублей денег, все при сей купчей вручь сполна, и ему, Осею, по сей моей продаже тем двором и с подворною землею владеть вечно, и волно продать, и что похочет строитца на том месте поволно, и от всяких писмянных крепостей и спора, и от вышеписанных братьев своих, и сротцев, и сторонных людей в очищение я, Герасим, а ему в той своей продаже убытка никакова не учинить. А с того моего вышеписанного двора и с подворной земли службы служить и тягло платить с мирскими людьми в ряд ему, Осею, а старые невыплаты тягла платить мне, Герасиму, в том для владения я, Герасим, ему, Осею, и сею купчую дал. А старые крепости на тот свой двор и на все строение остались за мной, Герасимом, а х каково дело понадобитца, те крепостные казати и на список давать без задержания.

л. 161 об.

Писал купчую у Архангелского города крепостных дел подьячей Евсейей Митрофанова 1710-го ноября в 21 день. Пошлин // десять алтын, печатных полполтины, пишущаго гривна, записново и со страницы два алтына взято и в книги записано. Подписал Кирило Брангин. Вместо продавца Архангелского города посацкого человека Герасима Мурцова, что он Осею Кирову двор своево владения и с подворною землею мерою длинника и поперешника, что в сей купчей писано, продано, цены взял денег десять рублей, все вручь, при сей купчей по ево велению лисостровец Иван Окулов руку приложил. Свидетель брат его Герасимов Матфей Мырцов же руку приложил. //

л. 162

Се аз, Архангелского города посацкой человек Матфей Иванов сын Арбатов, продал есми и поступился того же города посацкому человеку Осею Афанасьеву сыну Кировых своево владения по купчим своим, что я, Матфей, купил тово же города у посацкова человека у Афонасия Сидорова сына Мякотихина и у сына ево Федора огородишное место продажи 202-го года декабря в 27 день да по купчей же ево же, Афонасия Сидорова сына Мякотихина, салное место продажи Куростровской волости Василия Терентьева сына Лопаткина 203-го года июля в 13 день, длинника того места от ево, Осеева, дворового заднего тына в мох да тына тово ж города посацкова человека Дмитрия Филатова сына Микулиных мерою дватцать три сажени, а по заднему концу моховому поперешника от Дмитриева тына до заднево конца Мырцова огорода шесть сажен, а посреди того места от Дмитриева же тына до Мырцовых огорода мерою восемь сажен, а по переднему концу от ево, Осеева, огорода до проезжей дороги мерою семь сажен, а проезжей // дороги до тына Дмитрия Филатова поперешника четыре аршина. А то вышеписанное дворишное место продал я, Матфей, ему, Осею, ввек владения вдернь, без выкупки. А цены взял я, Матфей, у него, Осея, десять рублей с полтиною денег, а денги взял у сей купчей все вручь без останка. А с того дворища ему, Матфею, свое дворовое и хоромное строение снести. А то, Матфеево, дворишное место опроче сей купчей иному никому не продано и не заложено. И в снимки и в очищение от иных купчих, и от закладных, и всяких писмянных крепостей, и от всякого спора я, Матфей, продавец, своими денгами и животы, а до него, Осея, в той продаже убытка не довести никакова никоемы дела и вымыслы. А того проданного

л. 163

л. 163 об.

места тягло платить и службы служить с мирскими людьми в ряд с сего числа, как ся купчая писана, а старые невыплаты платить ему, Матфею, кроме меня, Осея. Да в том я, Матфей, Осею купчую дал и старые купчие с сего новою купчею отдал. И то дворишная земля мерить тросаршинной саженью. А на то послух площадной подьячей Никита Леонтьев.

Купчую писал у Архангелского города площадной подьячей Гашко Саробивнин лета 7205-го года июля в 24 день. //

л. 164 Се яз, Архангелского города посацкой человек Стефан Карпов сын Лебедев, продал есми того же Архангелского города посацкому человеку Осею Афанасьеву сына Кировых своево владения у Архангелскова же города на Бору своево дворишного места по купчей своей, что я, Стефан, то дворишное место купил я и с огородишным местом у ухтоостровца у Родиона Анкидинова сына Сабакзина. А того дворишного места я, Стефан, ему, Осею, продал позаде двора своего за банею огородишное место, длинника четырнатцать сажен, отмеря от бани назаде, а промеж тем местом и промеж бани промешка два аршина, а поперег того проданного места полшесты сажени, а сажени мера три аршина. А в межах то проданное места с верхнего конца подле дворишного же место Ксенифонта Дементьянова сына з братьею, а с нижнюю сторону и позаде дворишное место тово ж города посацково человека Матфея Иванова сына Арбатова. А продал и поступился ввек во владение. А цены за покупку того дворишного места я, Стефан, у него, Осея, взял три рубли дватцать алтын, а те денги взял у сей купчей все сполна без остатка. А то мое дворище у меня, Стефана, никому не продано, и в заклад не заложено, и ни в какие // крепости не написано, а опроче купчей. А в снимки и в очищение того дворишного места от всяких писмянных и иных крепостей и от спора я, Стефан, своими животы, а до него, Осея, никаких убытков не доведеть. А с того дворишного места тягло тянуть с мирскими людьми по окладу с сего числа, как ся купчая писана, ему, Осею, а старая невыплата платить мне, Стефану, а до него, Осея, никаких убытков не доведеть. А на то место старая купчая осталась у меня, Стефана, для двора моего и досталного дворишного места. А чему буде ему, Осею, та купчая понадобится, и мне, Стефану, ему, Осею, назад и на список давать безубыточно. В том и сию купчую дал. На то послух Гаврило Слобоженин. Купчую писал у города на площади, а подлинныя крепости себе взял. //

л. 164 об.

л. 167 1711-го года декабря в ... день. Горожанин посацкой человек Иван Андреев сын Звягин, выслушав великого государя указ, по святей непорочной евангелской заповеди Господни, еже ей ей, сказал вправду: В прошлом 201-м году по указу великих государей отведено нам у города Архангелского на Бору пустое порозжее место мерою длины шездесят сажен, по лицу и в другом конце по тритцати сажен. И на том двореком месте в прошлых годах поставлено хоромного строения горница, изба, баня, семь анбаров. А ныне, по переписке провиант-мейстера Алексея Григорьевича Мятлева, явилось мерою вышеписанного дворового места длины шездесят девять сажен, по лицу тритцать сажен, в другом конце тож. А из вышеписанных хором в отдачу не отдаю. А с того двора великого государя подати плачу в Земскую избу и службы в ряд с мирскими людьми служу.

А с подлинной даной памяти список писан выше сего, а та даная память в Архангелогороцкой канцелярии не явлена и в книгу не записана. А буде я, Иван, в сей скаске сказал ложно или что утаил, и за ложную мою скаску и за утайку указал бы великий государь взять на мне штраф, а штрафу что великий государь укажет. К сей скаске вместо отца своего Ивана Звягина сын ево Андрей руку приложил. //

л. 168

Список:

Лета 7201-го мая в 4 день. По указу великих государей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцев, Архангелского города голова стрелецкой масор Карлус Алферьевич Шневенц дал даную память Архангелского города посацким людям Митке да Ивашку Андреевым детям Звягиным на порозжее пустое место у Архангелского города на Бору, для того в нынешнем 201-м году мая в ... день бил челом великим государем, а у Архангелского города в Судной избе подали челобитную он, Митка и Ивашко, голове стрелецкому и маору Карлусу Алферьевичу Шневенцу. А в челобитной их написано, есть де у Архангелского города на Бору пустое порозжее место, в межах с нижнюю сторону от дворишного места Архангелского города посацково человека Устина Суботина, вверх по горе к Рождественским кирпичным обжигальным сараем. И на том бы месте им, Митке и Ивашку, построица двором. А по досмотру у Архангелского города денежного зборщика Степана Чирцова да посацких людей Федора Миронова, Устина Суботина, Дмитрея Белкова с товарищи то вышеписанное пустое место порозжее, а мерою того места от дворишного места Устина Суботина вверх к Рождественским кирпичным сараем обжигальным по горе поперешника тритцать сажен, а в длину от пригора // от прохожей дороги в мох шездесят сажен, а сажени мера трехаршинная. И по скаске денежного зборщика и посацких людей, то место пустое и строения на том месте никакова нет, лежит впусе, и утеснения никому никакова не будет, и двором им, Митке да Ивашку, на том месте построица мочно, и то место иному никому не отдано. И по указу великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцев, и по приказу головы стрелецкого масора Карлуса Алферьевича Шневенца, и по сей даной памяти Митке да Ивашку Звягиным вышепомянутым местом, что на Бору, от дворишного места Устина Суботина вверх к Рождественским сараем по вышеписанному досмотру против меры на том месте двором построица и с того места с мирскими людьми тягло платить и службы служить в ряд.

л. 168 об.

У подлинной даной памяти позади пишет: Голова стрелецкий Карлус Шневенц. //

Архив СПб. ФИРИ РАН, ф. 10, оп. 4, д. 14

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

Челобитные и купчие голландских "иноземцев"

л. 1 (1711-го) в 13 день бил челом великим государем у Архангельского городу в Приказной полате ближнему okolничему и воеводе Андрею Артемоновичю Матвееву да дьяку Прокофью Деревнину подал челобитную он, иноземец Павел, за рукою, а в челобитной ево написано: Есть де у Архангельского города на мху пустое порозжее место в межах с верхнюю сторону от ево, челобитчикова, двора, а с нижнюю сторону от дворового ж тына Галанской земли торгового иноземца Андрея Андреева сына Бодышки мерою поперег три сажени, а в длину от забора до забора пятьдесят пять сажен. И великие государь пожаловали б ево, велели то пустое порозжее место отвесьть ему, Павлу, под дворовое ево строенье и дать из Приказной полаты отводную ему память. А по досмотру и по чертежу у Архангельского города то пустое порозжее место, о котором он, иноземец Павел Елизарьев, великим государем бьет челом, в межах с верхнюю сторону от ево, челобитчикова Павлова, дворового тыну, а с нижнюю сторону от дворового тына иноземца Андрея Бодышки меж их, иноземскими, творами лежит в пусе, а проезду тем местом и проходу никакова нет, потому что с обех концов тыны загорожены наглухо. Мерою того пустого порозжего места в длину от передней ево, Павловы, воротней заплоты до дворовой же иноземца Андрея Бодышки заплоты самнатцать сажен полтора аршина, а от того длиннику в поворот того ж пустого места до заднего забора тритцать шесть сажен полтора аршина, а поперег того пустого места с переднего конце три сажени // с аршином, а по заднему забору поперешника же три сажени с полуаршином, обоено длиннику того места от переднего конца в поворот до заднего забора пятдесят три сажени три аршина в тросаршинную сажень, и по тому

л. 1 об.

пустому месту выкопан для осушки ручеек. И по указу великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеви-ча, Петра Алексевиича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцев, ближней околничей и воевода Андрей Артемонович Матвеев да дьяк Прокофей Деревнин, слушав того ево, Павлова, челобитья и досмотру и смотря чертежи, приказали тем местом владеть ему, Павлу, к дворовому ево строению, а с того места великих государей в казну на Двине в Приказную полату платить ему, Павлу, оброку по три алтына по две денги да пошлин по денге на год безпереводно, и дать на то место даную память. И по сей данной памяти тем вышеписанным пустым порожжим по мере местом ему, челобитчику Анбурха города торговому иноземцу Павлу Елизарьеву, владеть к дворовому ево строению по дворовой же тын иноземца Андрея Бодышки. А с того места в казну великих государей на Двине в Приказную полату платить ему, Павлу, оброку с сего вышеписанного числа по три алтына по две денги да пошлин по денги на год, обоено платить оброку и пошлин по пол-четверта алтына на год ему, Павлу, по вся годы безпереводно, а тое оброчной земли ему, Павлу, не продать и никому не отдать.

К сей данной памяти ближней околничей и воевода Андрей Артемонович // Матвеев печать свою приложил. При- л. 2
пись дьяка Прокофья Деревнина. Справил подьячей Коземка Евсинов.

1708-го мая в 31 день. По указу великого государя царя и великого князя Петра Алексевиича (далее полный титул) ближней стольник и воевода князь Петр Алексевиич Голицын приказал дать сию даную из Двинской Приказной полаты за приписью дьяка Матвея Алексеева на пустое болотинное место топкое, нижепомянутое порозжее место иноземцу Ананью Пелю з братьями, для того в нынешнем 708-м году генваря в 1 день великому государю били челом у города Архангельского в Приказной полате, ближнему стольнику и воеводе князю Петру Алексевиичу подали челобитную они, Онанья з братьями, а в челобитной их написано: У Архангельского де города за их купленным двором есть пустое боло-тинное топкое место, из давних лет лежит в пуге, и никто не владеет, а двор де их не пространен и постройка негде, и чтоб позади того их двора того пустого места никто не занял, и великий государь пожаловал бы их, иноземцов, велел то вышепомянутое пустое место поперег против двора их сколько по мере явйтца, а в длину в мох сто сажень, отдать под дворовое строение из оброку, а оброку с того пустого места учнут оне // платить в казну великого государя по шесна-цати алтын по четыре денги на год, и для владенья дать им ис Приказной полаты даную. И по указу великого государя, и по приказу ближнего стольника и воеводы князя Петра Алексевиича, и по помете на челобитной дьяка Матвея Алек-сеева, а по челобитной иноземцов Ананья Пеля з братьями велено то вышепомянутое пустое место осмотреть, и изме-рить, и, измеря, учинить чертеж, и для того осмотру и меры послать по Приказной полате подьячего, а для осмотру и меры того места послан ис Приказной полаты Михайло Андреев. А по осмотру, и по мере, и по чертежу, каков он по-дал в Приказной полате, то пустое место у города Архангельского за их, челобитчиковым, двором мерою против двора их поперешника тридцать одна сажень два аршина, длиннику в мох сто сажень. А у досмотру и у меры Галанской земли торговые иноземцы Иван Ферколе Николай Рохсвинкель, Иван Фанбасен, анбурец Андрей Шхунеман сказали, пустое де место, о котором великому государю бьет челом Ананья Пель з братьями, позади их двора от болота ко двору их смежно и лежит в пуге, и никому тесноты им никакой не будет. И по указу великого государя ближней стольник и воевода князь Петр Алексевиич приказал то место иноземцом Ананью Пелю з братьями отдать под дворовое строе-ние // во владенье впредь, а оброку с того места в казну великого государя платить им по дватцати по три алтына по л. 3
две денги на год по вся годы без доимок.

У сей данной памяти ближнего стольника и воеводы князя Петра Алексевиича печать. Припись дьяка Матвея Алек-сеева. Смотр подьячего Алексея Иванова. Рука Данила Пеля. //

1711-го ноября в ... день. Галанской земли иноземец торговой Николай Иванов сын Ромсвинкель, взыскав великого л. 4
государя указ 1696 года, сказал: В прошлом 206-м году по указу великого государя ис Приказной полаты дана мне на купленной мой двор и на пустое болотное место даная. И на том моем купленном дворе и на пустом болотинном месте хоромного строения восемь горниц, две поваренные избы, две приворотные избы для рабочих людей, баня, шесть ан-баров о дву ... А по каким крепостям владею и сколько длиннику и поперешнику сажень, тому свидетельствует с под-линной даной под сею скаскою список, а по чему глачю в Приказную полату и в таможеню оброку, тому свидетельст-вуют в Приказной полате и в таможене приходные книги.

Рука Николая Ромевенкеля. //

Список даной, какова писана на столицах:

Лета 7206-го ноября в 22 день. По указу великого государя царя и великого князя Петра Алексевиича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, ближней стольник и воевода Федор Матвеевиич Апраксин да дьяк Андрей Озе-ров дали даную Галанской земли торговому иноземцу Микулаю Иванову сыну Ромсвинкелю на купленной ево двор со всяким дворовым строением, и на подворную землю, и на пустое болотинное место, которое позади того ево купленного двора, для того в нынешнем 206-м году ноября в 21 день бил челом великому государю, а у Архангельского города в Приказной полате ближнему стольнику и воеводе Федору Матвеевиичу Опраксину да дьяку Андрею Озерову подал чело-битную он, иноземец Микулай Ромсвинкель, а в той челобитной написано: В прошлом де в 204-м году купил он, ино-земец Галанской земли, у торгового иноземца у Андрея Бодышки вышепомянутой ево двор со всяким дворовым строе-нием и с подворною землею, что у Архангельского города по нижнюю сторону гостиного каменного Немецкого двора, // и на тот двор, и на то строение, и на подворную землю дал он, Андрей, ему, Микулаю, купчую за своею рукою в нынеш-нем в 206-м году ноября в 20 день и оброку в казну великого государя с подворной земли, которая дана была ис При-казной полаты прежнему владельцу иноземцу Андрею Пыссику, платили они в Приказную полату по девяти алтын на год, а с прибавошной даней и с прикупной земли, что ему, Андрею Бодышке, дано по отводной памяти полковника Семена Ружинского и что купил прежней владелец иноземец Иван Грим, платил он, Андрей, посадцкое тягло городским зборщиком с товарищи. Да позадь же того ево, Микулаева, купленного двора с моховую сторону есть пустое болотинное место, лежит в пуге, и на том месте растет лес, и великий государь пожаловал бы ево, Микулая, велел тое ево купчую в Приказной полате записать в книги и пошлины взять по указу, а тот двор и подворную землю измерить и позади того его двора пустого болотинного места досмотрять, // и потому ж измерить, и дать того места к тому ево двору в прибавку л. 6
длиннику в лес восемьдесят сажень, а поперег от дворовой заплоты иноземца Павла Пеля вниз до дворовой же заплоты иноземца Исака ... семьдесят восемь сажень, а с прежней вышепомянутой даной и прикупленной земли, также и болотин-ного пустого места в казну великого государя в Приказную полату учнет он, иноземец, платить сверх прежняго оброку по дватцати по три алтына по две денги на год, и на тот двор, и на подворную землю, и на пустое болотинное место для владения дать ему ис Приказной полаты даную, а от платежу посадцкого тягла для ево иноземчества свободить, потому что ему с ними, посадцкими людьми, быть в тягле неприлично, а прежней владелец Васка Никонов, которой продал двор и с подворною землею иноземцу Ивану Гриму, построил двор в сем месте и с того двора и с промысла тягло и всякие подати платил с посадцкими людьми вряд, а полковник Семен Ружинской отвел для владения прежнему владель-цу Андрею Бодышке // пустое болотинное место земли, а не посадцкое тяглое, а в купчей за рукою иноземца Андрея Бодышке, какову он, Микулай Ромсвинкель, подал в Приказной полате, написано: Галанской земли торговой иноземец Андрей Бодышка продал и поступился ему, Микулаю Ромсвинкелю, у Архангельского города позади Немецкой слобо-ды по нижнюю сторону гостиная каменного Немецкого двора двор свой со всяким дворовым строением, в межах тот двор с речную сторону от двора иноземца умершего Корнила Эвоца, а с моховую сторону двор иноземца ж анбурца Павла

л. 6 об.

- Пеля, что был новокрещеного Савы Левонтьева, а с нижнюю сторону двор Галанской земли торгового иноземца Ивана Ферколена, что был иноземской вдовы Ивановской жены Эжбигна, мерою подворной земли длинника и поперешика против прежних даных памятей и купчей, а взял он, Андрей, у ево, Микулая, за тот двор со всеми дворовыми строениями и за подворную землю взял двести рублей сполна, а по досмотру пустое порозжее место, о котором бьет челом великому государю он, Микулай Ромсвинкель. // позади ево, Микулаевы, дворовой заплоты болотинное, и на том месте растет лес, а строения никакова нет, и лежит то болотинное место извечно в пуге, мерою того порозжего места от дворовой заплоты иноземца Павла Пеля вниз позади ево, Микулаевы, также Ивана Ферколена заплоты ж, до двора и заплоты ж иноземца Исака Киньсьюса поперешику семьдесят восемь сажень, длиннику от ево, Микулаевы, заплоты в (лес) восемьдесят сажень. А на тою дачею в остатке того болотинного порозжего места в лес многое число верст, а дворовое место ево, Микулая Ромсвинкеля, мерою по одному концу, которой от двора иноземца Корнила Эвоца, поперег пятьдесят сажень, а по другому заднему концу, что с моховую сторону, тридцать четыре сажени, посредине дворища пятьдесят три сажени, а в длину от того ево, Корнилова, двора, Эвоца, до задней ево, Микулаевы, заплоты, что ото мху, восемьдесят сажень в тросаршинную сажень.
- И в нынешнем в 206-м году ноября в 22 день по указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, и по приказу ближнего // стольника и воеводы Федора Матвеевича Опраксина, и по помете на выписки дьяка Андрея Озерова против челобитья Галанской земли торгового иноземца Микулая Ромсвинкеля и досмотру велено по продаже и по отступке иноземца ж Андрея Бодышке двор ево со всяким дворовым строением и подворную землю в Приказной полате в книги записать за ним, Микулаем Ромсвинкелем, и пустое болотинное место, что позади того его купленного двора, против вышепомянутой меры отдать ему из оброку, а оброку ему сверх прежнего десяти алтын с того болотинного, также и с прежнего, да и с прикупного места платить по дватцати по три алтына по две денги на год, а посадского тягла в мир городским зборщиком с товарищи ему, Микулаю, для ево иноземчества платить не велено, да и для того, что прежней владелец Васка Никонов, которой двор свой и дворовое место продал иноземцу Ивану Гриму, построил себе двор в ином месте и с того двора и с промысла тягло и всякие подати с посадскими людьми в ряд, а полковник // Семен Ружинской отвел для владения пустое болотинное место, а не тяглое. И ныне для того на те места сверх прежнего вновь положен вышепомянутой оброк, и дать ему, Микулаю, для владения того двора и дворовых, также и пустого болотинного мест ис Приказной полаты даную.
- И по указу великого государя и сей даной Галанской земли торговому иноземцу Микулаю Ромсвинкелю вышеописанным купленным двором со всяким дворовым строением и дворовыми месты против купчей, также и вновь данью пустым болотинным местом, что позади ево, Микулаева, двора против меры, какова мера писана в сей даной и в досмотре выше сего, владеть и оброку ему, Микулаю, с того двора и с дворового места великого государя в казну на Двине в Приказную полату на нынешней на 206-й год прежнего десять алтын да с данных же с прежнего, и с нынешнего, и с прикупного мест дватцать три алтына две денги, обоево старого и нового оброку рубль заплотить и впредь тот оброк платить по вся годы безпереводно, а вышеупомянутой двор со всяким // дворовым строением и подворная земля по купчей у Архангельского города в Приказной полате в книги записана за ним, Микулаем Ромсвинкелем, а пошлины у него с той записке по указу взяты сполна, а посадского тягла в мир городским зборщиком с товарищи с дворовых мест ему, Микулаю, ныне и впредь не платить, потому что на те места, с которых тягло плачено, ныне с них оброк положен.
- У той памяти писано ж:* К сей даной ближней стольник и воевода Федор Матвеевич Опраксин печать свою приложил. У даной припись по оклейкам дьяка Андрея Озерова. //
- 1711-го ноября в ... день. Галанской земли торговой иноземец Андрей Иванов сын Гоутман, выслушав великого государя указ, сказал: В прошлых годах по указу великого государя дано отцу моему у города Архангельского ис Приказной полаты дворовое место по стороне гостина каменново Немецкого двора подле проезжую дорогу, и по мере и по переписке провиант-мейстера Алексея Григорьева сына Мятлева ныне явилось того дворового места поперег по лицу по проезжей улице шесть сажень, в длину дватцать семь сажень, в другом конце поперег позади шесть сажень, хоромного строения две горницы, изба поваренная, изба приворотная, а из вышеписанных хором в отдачу в наем никому не отдаю. Да в прошлых же годах дано пустое место отцу моему против двора ево по правую сторону от проезжие улицы, а по другую сторону подле двора иноземца Франца Гизла, мерою в длину пятнадцать сажень, от двора верхном конце одна сажень, в другом конце от реки четыре сажени с двумя аршинами. А в котором году вышеписанные места даны и сколько сажень в длину и в ширину, того сказать подлинно не упомяну, потому что даная на те мести ныне на Вологде у отца моего, и о том свидетельствуют в Приказной полате отдаточные книги, в котором году дана отцу моему даная, и после и дачи, как даны те места отцу моему, в прошлом 702-м году взято ис тех дворовых мест под проезжую дорогу две // сажени, а положенной оброк по вся годы плачу сполна в Архангелогороцкую таможную, о том свидетельствуют в Архангелогороцкой таможене приходные книги.
- Рука Андрея Гоутма. //
- Лета 7199-го июня в 15 день. По указу великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцев, // ближней стольник и воевода Андрей Артемонович Матвеев да дьяк Степан Резанцов дали даную память Галанской земли торговому иноземцу Корнилу Иевлеву на пустое прозжее место, что у Архангельского города по нижнюю сторону каменново Немецкого гостина двора за рвом подле огорогца иноземца ж Данила Артмана, да ... в нынешнем во 199-м году июня в 13 день бил челом великим государем, а у Архангельского города в Приказной полате ближнему стольнику и воеводе Андрею Артемоновичу Матвееву да дьяку Степану Резанцову подал челобитную он, Корнило, а в челобитной ево написано: Есть де у Архангельского города по нижнюю сторону каменного Немецкого двора за рвом подле огорогца иноземца Данила Артмана пустое порозжее место, и лежит то место изо многих лет в пуге, а ему де, Корнилу, то место ко двору ево смежно, а никто тем местом не владеет, и великии государи пожаловали бы ево, Корнила, велели то пустое порозжее место под огородец отдать ему, а с того места в казну великих государей учнет он платить у Архангельского города в Приказную полату вновь оброку по шти алтын по четыре денги на год. А мерою то место от ево, Корнилова, двора поперег в две, с верхнюю сторону семь сажень, а по другому концу подле огорогца Данила Артмана десять сажень и в длину то место подле ево, Корнилова, забору одиннадцать сажень тросаршинных, а по справке в Приказной полате, что то место в даче, в тягле и на оброке ни за кем не написано. И по указу великих государей, и по приказу ближнего стольника и воеводы // Андрея Артемоновича Матвеева да дьяка Степана Резанцова, и по сей даной памяти Галанской земли торговому иноземцу Корнилу Иевлеву тем вышеписанным местом, что объявлено выше сего, владеть, а оброку ему, Корнилу, с того места в казну великих государей у Архангельского города в Приказную полату платить по шти алтын по четыре денги на год по вся годы непременно.
- У подлинной даной в конце печать ближнего стольника и воеводы Андрея Артемоновича Матвеева. Позади припись дьяка Степана Резанцова. Рука вдовы Анны. //
- 1711-го ноября в ... день. Галанской земли иноземец Иван Иванов сын Ферколин, выслушав указ великого государя, сказал: В прошлом 7201-м году по указу великого государя дано мне ис Приказной полаты дворовое место, мерою того места поперег на лицо по проезжей улице сорок две сажени, в длину сто семьдесят одна сажень, позади поперег тридцать две сажени. Хоромного строения на том месте шесть горниц, изба поваренная, приворотная изба, четыре амбара,

баня, два погреба. А из вышеписанных хором в отдачу в наем никому не отдаю. А вышеозначенным местом владею я по да(но)й ис Приказной избы, и тому свидетельствует с подлинной даной под сею скаскою список. А оброку того сво-во двора по вся годы по рублю по тринадцати алтын по четыре деньги плачу в таможду сполна, тому свидетельствуют в таможде приходные книги.

Список:

Лета 1711-го ноября в 4 день. По указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, ближней околничей и воевода Андрей Артемонович Матвеев // да дьяк Прокофей Деревнин дали даную Галанской земли торговому иноземцу Ивану Иванову сыну Ферколину на двор ево и на дворовые места, что у города Архангельского в Немецкой слободе, и на пустое болотинное место, что позади ево, Иванова двора, для того в нынешнем в 201-м году ноября в 1 день бил челом великим государем у Архангельского города в Приказной полате ближнему околничему и воеводе Андрею Артемоновичю Матвееву да дьяку Прокофью Деревнину подал челобитную он, Иван, а в челобитной ево написано: В прошлом де в 200-м году иноземка вдова Анна Елизарьева дочь, иноземца Ивана Элбина бывшая жена, поступилась ему, Ивану, двором своим и со всем дворовым строением, что у Архангельского города в Немецкой слободе подле двора с верхнюю сторону Галанской же земли торгового иноземца А... Гутмана, а с нижнюю сторону иноземца Иванова двора Логинова, и на тот же двор и на все дворовое строение она, иноземка, дала ему, Ивану, поступное письмо за своею рукою и прежние на тот двор и на дворовые места данные памяти и прежние поступные. А оброк с того двора и з дворового места великих государей в казну в Приказную полату на прошлые годы платила она, иноземка, а на двусотый год те оброчные денги платит он, Иван, сполна. А данные де на тот двор и на дворовое место ему, Ивану, ис Приказной полаты не дано, и в оброчные книги тот двор и дворовое место за ним не написаны. Да позат же того ево двора с моховую сторону меж двора торговых иноземцов Андрея Стелца да Андрея Бодышки есть пустое болотинное место, // и тем де местом никто не владеет, лежит в пусте, и великие государи пожаловали бы его, иноземца Ивана, велели по той поступной тот двор и з дворовым местом в Приказной полате в оброчные приходные книги записать за ним, Иваном, а пустое болотинное место, что позади ево двора, дать ему к тому ево двору в прибавку под огородец, а оброку с того пустого места в казну великих государей учнет он платить по шти алтын по четыре денги на год, и дать бы ему на двор ево, и на дворовое, и на пустое болотинное место ис Приказной полаты даную. А в списке с поступной за руками ево, Ивана Ферколина, да перевотчика Тимофея Алгажа, которой переведет на русской язык, написано: Лета от Рожества Христова 1692-го году июля 4 числа вдова Анна умершаго Ивана Элбина дом свой со строением, стоящие у Архангельского города, поступилась за семсот дватцать за пять рублей Галанской земли торговому иноземцу Ивану Ферколину по старым крепостям. А в Приказной полате в приходных книгах написано: Двор иноземца Елизарья Ульянова, владеет тем двором зять ево, Елизарьев, иноземец Иван Элбин, оброку с того двора рубль, да ему ж, Ивану Элбину, дано к тому ево двору в прибавку дворовое место иноземца Рамана Николаева, что позади того // двора, оброку семь алтын, а пустое болотинное место позади того дворового места на мху меж дворами иноземцов — с верхнюю сторону Андря Бодышки, а с низу Андрея Стелца — и порозже, а мерою то пустое место в длину от ево, Иванова двора в мх сорок две сажени, а поперег по одному концу подле ево, Иван, двор тритцать четыре сажени, а по другому, заднему концу от ... дватцать семь сажень в троершинную сажень.

л. 13 об.

л. 14

л. 14 об.

И в нынешнем 201-м году ноября в 3 день по указу великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцев, ближней околничей и воевода Андрей Артемонович Матвеев да дьяк Прокопей Деревнин, слушав челобитье Галанской земли торгового иноземца Ивана Ферколи-на и выписки, приказали: По поступке иноземки вдовы Анны Ивановской жены Элбина двор ее со всем строением записать за ним, Иваном Ферколиным. А по мере пустое место отдавать ему из оброку, а оброку ему платить с того места по шти алтын по четыре денги на год, и дать ему, Ивану, для владения того двора и дворовых мест ис Приказной полаты даную. И Галанской // земли торговому иноземцу Ивану Ферколину вышеписанным двором и дворовым местом также и пустым болотинным местом владеть ему, Ивану, по сему великих государей указу, и по даной, и по писменным крепостям. А оброку с того двора и з дворового места великих государей в казну в Приказную полату платить ему, Ивану, по рублю по семи алтын, а с пустого болотинного прибавочного места по шти алтын по четыре денги на год. А на тот ево двор и на дворовое строение поступное письмо, которое дала ему, Ивану, иноземка вдова Анна Иванова жена Элбина, у Архангельского города в Приказной полате в книги записана.

л. 14 а

К сей даной ближней околничей и воевода Андрей Артемонович Матвеев печать свою приложил. У подлинной даной позади припись дьяка Прокофья Деревнина, справа подьячего Михаила Андреева. Рука Ивана Ферколина. //

1711-го ноября в ... Галанской земли торговой иноземец Андрей Андреев сын Бодышка, выслушав великих государей указ, сказал: В прошлом 205-м году купил я у города Архангельского двор в Немецкой слободе у иноземца Исака Ронсфелта, а в купчей той длиннику и поперешнику сколько сажень тому двору, того не написано, а по мере провиант-мейстера Алексея Мятлева поперег по лицу осмнатцать сажень, позади поперег осмнатцать сажень, хоромного строения на том дворе восьмь горницы, поваренная изба, приворотная изба, амбар, погреб. Да в прошлом 710-м году по указу великого государя, а по челобитью моему дано мне пустое болотинное место на Бору под хоромное строение мерою в верхнем и в нижнем концах поперешнику пятьдесят сажень, в длину сто сажень, да напереди того моего пустого места дворовое ж место, которое досталось мне после шурина моего иноземца ж Дениса Гоутовала в нынешнем в 711-м году, а сколько того дворового места мерою сажень, того сказать не упомяну, а по мере ево ж, провиант-мейстера, в длину шездесять семь сажень, в ширину поперег пятьдесят сажень, а ныне на вышепомянутых местах хоромного // строения две горницы, приворотная изба, четыре амбара о дву житях, да в том же году достался мне другой двор в Немецкой слободе после ево ж, шурина моего, а сколько того двора мерою, а сажень, и по каким крепостям владел, того я сказать не упомяну, потому что на тот ево двор и на дворовое место крепости у него згорели, а по мере ево ж, провиант-мейстера, поперег по лицу семнатцать сажень, в длину дватцать две сажени, позади поперег дватцать девять сажень, хоромного строения четыре горницы, приворотная изба, амбар, баня, три погреба. А из вышеписанных дворов, и из хором, и из амбаров в отдачу в наем никому не отдаю. А я своим купленным двором и отданным пустым болотным местом владею по купчей и по даной ис Приказной полаты, и тому свидетельствуют под сею скаскою списки, а оброку с тех дворов плачу великого государя в казну в Приказную полату и в Архангелогородскую таможду по два рубли по дватцати алтын на год, и тому свидетельствуют в Приказной полате и в таможде приходные книги.

л. 15

л. 15 об.

Рука Якова Бодышки. //

Список:

Се яз, Галанской земли торговой иноземец Исаак Вилимов сын Ромелт, продал есми и поступился той же Галанской земли торговому иноземцу Андрею Андрееву сыну Бодышке у Архангельского города в Немецкой слободе двор свой по купчей 203-го года октября тридесятого числа и по данным памятям ис Приказной полаты 203-го году, что я тот двор купил Галанской земли у иноземца у Ивана Логинова сына, а под тем двором великого государя оброчная земля, и тою подворною землею по данным поступился ему ж, Андрею. А в том дворе строитца три горницы, два подклета, да промеж горницами сени, в сенях поварня, переднее крыльцо, да позаде горницы ж крыльцо, да во дворе и у ворот черная изба, ворота большие, а другие маленькие, покрыты тесом, позади горниц огород и со всяким хоромным строением, и с крыжками, и с пробои, и с тыны, и з заплоты, и с окончины, каковы есть в окнах, и со ставнями. А мере того двора по купчей

л. 16

Ивана Логинова длинника и поперешика по обоим концам следует купчая Ивана Логинова, а тот мой, Исаков, двор, опроче сей купчей, ево, Андрея Бодышки, никому не продан, и нигде в заклад не заложен, и ни в каких крепостях не укреплен, а буде хто в тот мой проданой // двор учнет по каким ни будут писмянным крепостям вступатца, и мне, Исаку Рейнифилту, в том своем проданом дворе ево, Андрея Бодышку, очищать и убытков и протчей в той продаже никаких не учинить, потому что в снимке и в очишение того двора от иных купчих, и от закладных, и от всяких писмянных крепостей я, Исак. А продал и поступил я, Исак, тот двор свой, и все хоромное строение, что письмо выше сего, и по дворною землею ему, Андрею Бодышки, поступился всем без выкупа, и впредь мне, Исаку, и иному никому до того дела нет, не вступатца ни во что. А взял я, Исак, за тот свой двор, и за все хоромное строение, и за поступку подворную землю у нево, Андрея, четыреста семдесят пять рублей денег русских, а денги взял у сей купчей все сполна. И впредь мне, Исаку, за тот двор иных денег у нево, Андрея, не спрашивать, а оброчные денги в казну великого государя с того двора и подворной земли на Двине в Приказную полату платить с сего числа, как ся купчая дана и писана, ему, Андрею, а старые невыплаты платить мне, Исаку. А вышеписанная купчая, какову на тот двор дал мне прежней того двора продавец иноземец Иван Логинов сын, и та купчая у Архангельского города в Приказной полате в книги записана, и пошлины з записку с той купчей я, Исак, платил.

И на той купчей // подписано и закреплено дьячьё рукою, и та купчая на тот двор, данные памяти ныне у меня, Исака, на Москве, а поставит купчую и данные у Архангельского города в нынешнам 205-м году по зимнему пути и отдать ему, Андрею, безо всякого перевода, и в том мне, Исаку, ему, Андрею, никакого убытка не учинять, а буде ему в том какие убытки будут, и те убытки платить мне, Исаку, в том ему, Андрею, я, Исак, и даную на тот свой двор, и на все строение, и на подворную землю и сию купчую дал.

На то послуши Архангельского города площадные подьячие Григорей Устюгов, Василий Антипин. Купчую писал у Архангельского города на площади Никита Леонтьев лета 7205-го ноября в 27 день.

У подлинной купчей позади пишут: Рука Исака Ромелта. Послух Василей Леонтьев руку приложил.

Список:

1710-го ноября в 25 день. По указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, ближней стольник и воевода князь Петр Алексеевич Голицын приказал дать сию даную // Галанской земли торговому иноземцу Андрею Бодышки на пустое порозжее болотное место, для того в нынешнем 710-м году июля в 24 день бил челом великому государю, а у города Архангельского ближнему стольнику он, Андрей, подал челобитную, а в той челобитной написано, чтоб великий государь пожаловал ево, Андрея, велел пустое порозжее болотное место, которое есть у города Архангельского на Бору за двором Галанской земли Дениса Гоутевалова, отвесь для пожарного случая под анбарное и другое строение, в длину в мох двести сажен, поперешику в верхнюю сторону от Тугаева Денисова ж тына, в нижнюю сторону до оставленной межи ево, Денисовы ж, и меж бывшего иноземца Андрея Албрехта дворовым местом до дороги пядьдесят сажен трехаршинных и до дороги то, что есть меж тынами для хождения и проезду быть бы, и о том для владения дать даную память, а оброку он, Андрей, платить будет с того пустого места по шеснатцати алтын по четыре денги на год.

И по тому челобитью вышеписанное место осматривано, измерено и чертеж учинен, и по осмотру лежит то место в пуге и строения никакова нет, а мерою в длину в мох от двора иноземца Дениса Гоутевалова двести сажен, поперег с верхнюю сторону позади Денисова двора от угла // до оставленной дороги пядьдесят сажен, и если ему, Андрею, на том месте хоромным строением построицца, утеснения никому не будет, и то место никому не в отдаче и не в оброке.

И по указу великого государя, и по приказу ближнего стольника князя Петра Алексеевича Голицына, и по помете велено ему, Андрею Бодышке, из вышеписанного места дать под вышеписанное строение в длину сто, поперешику пядьдесят сажен, и с того места платить ему, Андрею, в Архангелогородскую Приказную полату оброчных денег по шеснатцати алтын по четыре денги по вся годы сполна без доимки, и на то место дать даную. И по тому его великого государя указу ему, Андрею, ся даная впредь для владения.

У подлинной даной в конце печать ближнего стольника князя Петра Алексеевича Голицына. Припись дьяка Матвея Алексева. //

1711-го ноября в ... Галанской земли иноземец Исак Михайлов сын Киниус, выслушав великого государя указ, сказал: В прошлых годех по указу великого государя даны мне дворовые болотинные места да поступился мне двором и дворовым местом тесть мой, а мерою того места поперег по лицу трицать сажен, в длину сто сорок две сажени, позади поперег сорок одна сажень, хоромного строения восемь горниц, поваренная изба, приворотная изба, пивоварня, три анбара, баня. А из вышеписанных хором и анбаров в отдачи в наем никому не отдаю, а оброку с тех мест плачу я по два рубли по есми гривен по пяти денег на год все сполна в Архангелогородскую таможную и в Земскую избу, и тому свидетельствуют приходные книги.

Список:

Лета 7207-го декабря в 7 день. По указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, боярин и воевода князь Михайло Иванович Лыков да дьяк Еремей Полянской дали даную Галанской земли торговому иноземцу Исаку Михайлову сыну Кинсьюсу на прежнее даное, что отведено из миру, // и на пустое болотное место, что позади дворовой ево заплоты, для того в нынешнем в 207-м году ноября в 16 день бил челом великому государю царю и великому князю Петру Алексеевичу, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу, а у Архангельского города в Приказной полате боярину и воеводе князю Михайле Ивановичю Лыкову да дьяку Еремоу Полянскому подал челобитную он, иноземец Исак Кинсьюс, а в челобитной ево написано, тесть де ево, Исаков, Анбурха города торговой иноземец Логин Николаев поступился ему, Исаку, данным подворным да из миру отводным местом у Архангельского города, и з даного де места оброк платит он в Приказную полату, а с отводного из миру места сошкой Архангельского города спрашивает на нем, Исаке, тягла, а ему де того тягла в мир платить для ево иноземчества невозможно, да позадь того места и дворовой заплоты есть пустое болотинное место, лежит в пуге, и великий государь пожаловал бы ево, иноземца Исака, велел теми вышеписанными данными из миру отводными и пустым болотинным местом владеть ему, Исаку, а от платежу тягла в мир ево свободить, а с тех мест оброку великого государя в казну на Двине в Приказную полату учнет // он платить по десяти алтын на год, и дать бы ему даную. А по осмотру прежнее даное место, что дано из Приказной полаты Свейской земли иноземцу Ивану Иванову в прошлом во 178-м году, мерою в длину трицать сажен, а поперег дватцать две сажени, а оброку с того места велено платить по семнатцати алтын по три денги на год, да позади того места пустое место огорожено заплотою, которое отвели горожана мирские люди иноземцу Логину Николаеву, в длину пядьдесят одна сажень, а поперег по заднему концу от ево, Исаковых, хором осмнатцать же сажен с аршином, да позадь того места и дворовой заплоты в мох пустое болотинное в длину трицать сажен, а поперег осмнатцать сажен в троесаршинную сажень. И в нынешнем в 707-м году ноября в 25 день по указу великого государя, и по приказу боярина и воеводы князя Михайла Ивановича Лыкова, и по помете на выписке Еремея Полянского велено иноземцу Исаку Кинсьюсу поступным местом, что поступился тесть ево Логин Микулаев, владеть ему, Исаку, и к тому ж месту дать ему велено в прибавку вновь на оброк топкого порозжего места болота против чертежа длиннику трицать сажен, а поперешику осмнатцать сажен, а с тех оных мест платить ему оброку в Приказную полату по тринатцати алтын по две денги на год и дать ему на те места даная.

И галанцу ... земли торговому иноземцу Исаку Кинсьюсу вышеписанным даным, и поступным, и пустым болотным топким месты против чертежа по вышепомянутой мере владеть по сему великого государя указу и дано оброку в казну великого государя на Двине в Приказную полату платить с прежняго даного места по семнадцати алтын // по три денги, да с поступного, и з болотного мест по тринадцати алтын по две денги, обоево по тринадцати алтын по пяти денг на год по вся годы без доимки, а города Архангельского сощкому в мир тягла с вышеписанного поступного места не платить, потому что на то место оброк положен.

л. 20 об.

У подлинной даной в конце печать боярина и воеводы князь Михайла Ивановича Лыкова. Припись дьяка Еремея Полянского. Справа подьячего Михаила Андреева.

Список:

Лета 1708-го октября в 30 день. По указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, ближней стольник и воевода князь Петр Алексеевич Голицын приказал отдать вновь на оброк пустое место у Архангельского города против Немецкой слободы на мху Галанской земли иноземцу Исаку Михайлову сыну Кеньюсу под дворовое строение, для того сего октября в 7 день великому государю бил челом, а у города Архангельского в Приказной полате ближнему стольнику и воеводе князю Петру Алексеевичу Голицыну подал челобитную он, иноземец Исаак Кинсьюс, а в челобитной ево написано: Есть де у города Архангельского подле двор ево, Исаков, по левую сторону в мох пустое порозжее болотинное место, а на том месте никакова строения нет, а ему де во дворе строении нужда, и великий государь пожаловал бы ево, Исаку, велел то вышепомянутое пустое // болотное место, которое подле ево, Исаков, двор, оддать ему под дворовое место, от тына ево, Исакова, до тына ж иноземца Петра Мар...ки, поперешнику девят(над)цать сажен, а длиннику в мох сорок семь сажен. И по тому его челобитью по осмотру то место против Немецкой слободы по левую сторону ево, челобитчикова, двора, а по другую сторону иноземца Петра Марнисика, то место болотное и топкое, и строения никакова на том месте нет и не бывало, а мерою того места от двора иноземца ж Еремея Шхунемана до конешного тына Петра Бременца в мох сорок семь сажен, поперешнику от тына челобитчикова до тына ж Петра Бременца девятнадцать сажен. А за тою даю я длинника в мох болотного места многое число.

л. 21

И по указу великого государя, и по приказу ближняго стольника и воеводы князя Петра Алексеевича Голицына, и по помете на выписке велено то пустое болотное место отдать под дворовое строение вышепомянутому челобитчику, иноземцу Исаку Кинсьюсу, поперешнику девятнадцать сажен, а длиннику в мох сорок семь сажен. А оброку с того места велено ему платить в ево, великого государя, казну в Приказную полату по десяти алтын на год всегда бездоимочно. И по сему великого государя вышепомянутому указу иноземцу Исаку Михайлову сыну Кинсьюсу, и детям, и правнучатам, и сродним ево тем вышепомянутым местом по вышепомянутой мере длинника // в лес сорок семь сажен, поперешнику девятнадцать сажен, и во всякое дворовое строение на месте строить беспенно, и вышеписанный оброк по десяти алтын на год платить всегда погодно без доимки, также и на нынешний 708-й год тот вышепомянутой оброк заплатить же.

л. 21 об.

В конце подлинной даной ближняго стольника и воеводы князя Петра Алексеевича Голицына печать. Припись дьяка Матвея Алексеева. Справа подьячего Алексея Иванова.

Список:

Мы, нижепоимянованные Андрей Стелц да Яков Пендек, поступились Исаку Михайлову сыну Кинсьюсу двор, лежит по летную сторону подле ево, Исакова, двора, да вдовы Марьи Е...виковы дочери, мерою длина и ширина, против поступочного писма, каково дал нам иноземец Иван Грим.

У подлинного поступочного писма руки Андрея Стелца да Якова Пендека. А подлинное поступочное писмо писано по-немецки в прошлом 701-м году декабря в 3-м числе.

Рука Исака Кинсьюса. //

1711-го ноября в ... день. Галанской земли иноземец Иван Михайлов сын Янблуд, выслушав великого государя указ, сказал: В прошлом 208-м году купил я у города Архангельского на Салном берегу дворовые места у посацких людей — у Карпа Фокина, у Ивана Ваганова, а сколько мерою длиннику и поперешнику, тому свидетельствуют с крепостей под сею скаскою списки. Хоромного строения шесть горниц, в том числе две на жилых подклетах, поваренная изба. Да в прошлом же 702-м году купил я два дворовые места на Сальном же берегу, а сколько мерою длиннику и поперешнику сажен, тому свидетельствуют под сей скаскою с крепостей списки. Хоромного строения две горницы, поваренная изба. Да в прошлом же 703-м году купил я двор позаде тех своих дворов у кегостровца Ивана Каржавина, а сколько мерою длиннику и поперешнику сажен, тому под сею скаскою с подлинной крепости список. Хоромного строения одна горница да приворотная изба.

л. 30

А вышеписанных дворов и хором в отдачу в наем никому не отдаю, а оброку с тех дворов плачу в Земскую избу по два рубля по шти алтын по четыре денги на год все сполна, тому свидетельствуют в Земской избе приходные книги. //

Список с купчей слово в слово:

л. 31

Се яз, Архангельского города Карп Фокин сын Гребенев, продал есми и поступился Галанской земли иноземцу Ивану Михайлову сыну Блуду двор свой и со всеми хоромы по купчей своей, что я, Карп, купил того ж города у посадского человека у Василья Афанасьева сына Мякотихина, а во дворе хоромов изба на подполье, сени на подсенье, а в сенях два чулана, да баня, да хлев, да анбарец и с воротами, и сарай, и с частоколом, и с подворною землею, а подворной земли мерою в длину пятнадцать сажен без аршина, а поперег шесть сажен, сажени мера три аршина. А продал те свои хоромы и с подворною землею ему, Ивану Михайлову, в дернь и в век без выкупа, а взял есми за те свои хоромы, и за все про все, и с подворною землею тридцать четыре рубли денег. У сей купчей все вручь без остатка, а от иных купчих, и от закладных, и всяких писменных крепостей в снимки и в очищение той своей продажи я, Карп, своими денгами и животою, а до него, Ивана, в том убытка не довести. А с той подворной земли великих государей всякие подати и мирские расходы платить с сего числа, как ся купчая писана, ему, Ивану Михайлову, а старая невыплата моя, продавцова. А продал тот свой двор с кровли, и с потоки, и с кроки, и с пробои, и с мосты совсем без вывета, а стоит тот двор у Архангельского города великих государей на тяглой земли, в межах с верхнюю сторону двор ево ж, Ивана Михайлова, а с нижнюю сторону проезжая дорога. А с той подворной земли великих государей службы служить ему ж, Ивану Михайлову. В том ему и сию купчую дал, да и прежнюю купчую, что шла от Василья Мякотихина, отдал ему ж, Ивану Михайлову.

На то послуши Иван Богданов, Иван Видякин.

Купчую писал у Архангельского города на площади Першка Тайнов лета 7203-го октября в 30 день.

У той же купчей позади пишет: В сей купчей вместо Карпа Фокина по его велению горожанин Мишка Дмитриев руку приложил. Послух Ивашко Богданов руку приложил. Послух Ивашко Видякин руку приложил. //

Список с купчей слово в слово:

л. 31 об.

Се аз, Архангельского города посадской человек Иван Сидоров сын Ваган, продал есми и поступился Галанской земли иноземцу Ивану Михайлову сыну Облуде двор свой, и со всеми дворовыми хоромы, и с подворною землею по от-

водной своей, что дана у Архангельского города и Стрелецкого приказа. А во дворе хоромов изба на подполье, да сени на подсенье, да и с частоколом, а подворной земли мерою в длину восемнадцать сажень, а поперег пять сажень, а сажени мера три аршина. А стоит тот мой двор у Архангельского города великих государей на тяглой земле на Салнем берегу, в межах с верхнюю сторону двор ево ж, Ивана Михайлова сына Облуда, а с нижнюю сторону двор посадцкого человека тово ж Архангельского города Карпа Фокина сына Гребенева. А продал есми я, Иван Сидоров, тот свой двор и со всеми хоромы, и с подворною землею ему, Ивану Михайлову, в дернь и в век без выкупа, а взял есми на той своей продаже тридцать рублей денег. Деньги взял у сей купчей все вручь без остатка. А взял есми деньги все без остатка. А с той подворной земли великих государей всякие подати и в мирские расходы платить с сего числа ему, Ивану Михайлову, как ся купчая писана. А старая невыплата моя, продацова. А на ту подворную отводная память осталась за мною, Иваном Сидоровым, и та отводная память отдать мне, Ивану Сидорову, ему, Ивану Михайлову, когда ему понадобится, в том ему, Ивану Михайлову, и сию купчую дал. А прежних купчих никаких на то дворище нет, потому что я, Иван Сидоров, те хоромы строил своею силою.

На то послухи Иван Богданов, Иван Видякин.

Писал купчую у Архангельского города на площади Першка Тайнов лета 7203-го октября 30 дня.

У той же купчей позади пишет: К сей купчей вместо Ивана Сидорова по ево велению горожанин Михайло Дмитриев руку приложил. Послух Ивашко Богданов руку приложил. Послух Ивашко Видякин руку приложил. //

л. 34 Список с купчей слово в слово:

Лета тысяча семьсот десятого февраля в 26 день. Кегостровец Иван Парфенов сын Каржавин продал есми и поступился Галанской земли иноземцу Ивану Михайлову сыну Анблуду у города Архангельского на Бору нового своего строения и владенья на государево даной земли двор со всем строением по купчей прошлого семсот восьмидесяти года, каково есть все без вывета, в межах от проезжей мостовой дороги против бывшего черногогорского двора, а с нижнюю сторону от двора горожанина Романа Ивойлова. Цены взял я, Иван, у него, иноземца, за тот свой двор и за все строение дватцать рублей, все у сей купчей без останку сполна, и подворною государевою даною землею длинником в мх дватцатью, попережником десятию саженьми тремяаршинными безденежно поступился и ему, иноземцу, по сей моей продаже тем моим нового строения двором и со всем строением владеть вечно, и вольно продать и заложить, и государевою даною землею безденежно поступитца, а мне, Ивану, в ту свою продажу ни во что не вступатца. И опроче сей моей продаже тот мой двор и со всем строением никому не продан и не заложен. В очищенье от всяких писменных крепостей и спора я, Иван, а до него, иноземца, в той своей продаже никакова убытки ни учинить. В том на ту свою дворовую продажу для владенья и сее купчую дал. А чего с того двора спросят, платить ему, иноземцу, мимо меня, // Ивана Парфенова.

л. 34 об.

Иван Парфенов сын Каржавин двор свой нового строения у города на Бору продал иноземцу Ивану Янблуду, цены взял дватцать рублей денег все сполна, сей купчей руку приложил. Свидетель кегостровец Гаврила Каржавин руку приложил. Свидетель горожанин Григорий Белоруков руку приложил. Писал купчую у города Архангельского крепостных дел подьячий Евсей Митрофанова 1710-го февраля в 26 день. Пошлин дватцать алтын печатных, полполтины писшаго, гривна записного, шесть денег взято, в книги у крепостных дел записано. Подлинно подписал надсмотрщик Кирило Брагин. //

л. 35

1711-го ноября в ... день. Галанской земли иноземец Николай Петров сын Шхунеман, выслушав великого государя указ, сказал: В прошлом 711-м году взял я за женою своею у города Архангельского двор на Сальном берегу в приданные, а по каким крепостям тесть мой и теща владели, также ныне и я владею, и сколько сажень в длину и в ширину, тому свидетельствует с подлинной крепости под сею скаскою список. Хоромного строения три горницы, поваренная изба, приворотная изба. А из вышеписанных хором в отдачу в наем никому не отдано. А оброк положенной и тягло плачу в Земскую избу с мирскими людьми, а по чему плачу, тому свидетельствуют в Земской избе приходные книги.

Руку Николая Шхунемана. //

л. 36

Список с купчей:

Архангельского города посажкой человек Иван Игнатьев сын Пучинин продал есми и поступился Галанской земли иноземке Катерины Матвеевы дочери, а бывшего иноземца Давыда Логинова жене ево, двор свой и с подворною землею, а во дворе хоромов изба на подполье, сени на подсенье, клеть на подклете да баня, а стоит тот мой двор у Архангельского города на Бору великих государей на тяглой земле, а мерою тое дворишной земли по указу великих государей по памяти 200-го года за рукою осадного Кирила Алексеевича Аничкова и по купчей 203-го года сентября 11 числа длиною двенатцать сажень, а поперег двенатцать же сажень в трое аршинную сажень, а межи следует старая купчая. А продал я тот свой двор и с подворною землею, с кровли, с крюки, с тяги, и с пробой, и со всем дворовым строением что ни есть без вывета. От иных купчих, и от закладных, и от всяких писмянных крепостей, и от людей в снимки и в очищени я, продавец, своими денгами и животы, а до нея, Катерины, в той продаже убытков не учинить, а тягло тянуть с тое продажи и с подворной земли с мирскими людьми в ряд ей, Катерины, а старые невыплаты платить мне, продавцу Ивану. В том я, Иван, к ней, Катерине, и сию крепость дал да и старую купчую и память отводную отдал к ней, Катерине, с сею купчею. А цены взял за все свое вышеписанное владение дватцать рублей денег, а деньги взял у сей купчей вручь все без останки, а к какому делу та память понадобится, и ей, Катерине, казать и на список давать без убыточно.

А на то послух Никита Лентьев. Писал купчую на площади Ивашко Устюгов лета 7203-го июля в ... день.

л. 36 об.

У подлинной купчей // на другой стороне писано: К сей купчей продавец Ивашко Игнатьев руку приложил. Послух Никитка Лентьев руку приложил.

Рука Николая Шхунемана. //

л. 48

1711 года ноября в ... Галанской земли иноземец Иван Иванов, выслушав великого государя указ, сказал: В прошлом 710-м году купил я двор у города Архангельского на Бору у посадцкого человека у Лаврентья Яфанова, а сколько того двора мерою длиннику и попережнику сажень, тому свидетельствуют с подлинной крепости список под сею скаскою. Хоромного строения две горницы, приворотная изба. А вышеписанных хором в отдачу в наем никому не отдаю, а оброку с того двора великого государя и казну не плачивал ничего. //

л. 48 об.

Того ж числа он же, Иван, сказал: Позади двора моего двор зятя моего иноземца Ивана Иванова, а в котором году куплен, и сколько длиннику и попережнику сажень, и по каким крепостям владеет зять мой, и сколько оброку платит, и в которой Приказ, того сказать не знаю. А зять мой съехал за море и подлинные крепости с собою взял.

(Подпись) //

л. 49

Список с купчей:

Лета 1711-го июня в 24 день. Архангельского города посадцкий человек Лаврентей Яковлев сын Яфанов продал есми и поступился Галанской земли иноземцу Ивану Иванову своею владенья по купчей 710-го августа 28 дня продажи горожанина Якова Замираева у Архангельского города на Бору позади салних дворов в ново выставочной слободы избу поземную с сенми, и с клетью, и позади баня, и з дворовыми заплоты, и с вороты, с кровли, и с потоки, и с огородишными заборами, и с подворною и огородишною землею, со мху, к Двины реки мерою двенатцать сажень с аршином, поперег по заднему концу четыре сажени без полуаршина, а по переднему концу три сажени с аршином, и с улишным

простором по старым межам, каковы межи в вышеозначенной купчей написаны к ево, Иванову, двору в межство. А цены ваял я, Лаврентей, у него, Ивана Иванова, за ту свою избу со всем строением и за подворную и огородишную землю восемь рублей, денги принял все сполна. И по сей моей продаже тем вышеписанным всем владеть вечно и вольно продать и заложить. А иному никому та у меня, Лаврентьева, изба и з дворишною и огородишною землею, опроче ево, купца, не продано. От всяких крепостей и спора в очищении я, продавец, а до него, Ивана, убытков не учинить. И старую крепость с сей купчей отдал.

У подлинной купчей в конце писано: Лаврентей Яфанов избу со всем строением и с подворною и огородишною землею продал, цены взял восемь рублей, в том и руку приложил. // Свидетель крепостных дел подьячий Ефим Бахов руку приложил, подлинную купчую писал у Архангельского города крепостных дел подьячий Степан Тайнов 1711-го июня в 24 день.

л. 49 об.

Пошлин восемь алтын, печатных полполтины, писцаго гривна, записного шесть денег взято и в книги записано подлинно. Подписал подлинную купчую надсмотрщик Кирило Брангин.

(Подпись иноземца) //

1711-го года декабря в ... день. Галанской земли иноземец Иван Яковлев сын Косси, выслушав великого государя указ, сказал: В нынешнем 711-м году купила двор сестра моя вдова иноземка Якоба у горожанина Яким Котлова, сколько тово двора мерою длиннику и поперешинику сажень, тому свидетельствует с подлинной купчей под сею скаскою список. Хоромного строения на том дворе две горницы, а вышеписанных хором в отдачу в наем никому не отдаю, а оброку с тово двора ничево не плачивал.

л. 71

Список:

Лета 711-го марта в 14 день. Горожанин посадцкий человек Яким Антонов сын Котлов продал есмь и поступился Галанской земли иноземке вдове Якопы Яковлевой дочери треть своею строения и владения у Архангелсково города на Бору в новопоставленной посадской слободе избу на анбаре, сени на подсенье, клеть на подклетье, со всем строением, каково ныне есть без вывета. В межах с речную сторону двор Филипа Лукина сына Исаковик, с моховую сторону, что от Борков, Федора Феклистова двор, а цены взял я, Яким, за ту избу со всем строением у ней, у Якопы // Яковлевы, пятнадцать рублей денег, а принял все сполна, и подворною землею по данной памяти прошлово 707-го года марта 20-го дня за закрепкою бурмиистра Алексея Бусинова, длиннику от проезжей большей дороги длиннику двенадцать сажень, поперешинику от Филипова двора Исаковик в моховой конец восемь сажень в тросаршинную сажень безденежно поступился. И по сей моей, Якимове, продаже тою избою со всем строением владеть ей, Якопы Яковлевы, вечно и вольно продать и заложить, а государевою по вышеписанной меры землею поступитца, и оброк или чего с той земли спросят, платить ей, Якопы, и впредь по вся годы. А иному та изба никому со всем строением не продана и не заложена, а землею не поступлялось. От всяких крепостей и спора в очищении я, Яким, и от невыплаток старых податей, а ей, Якопы, убытков никаких не учинить. В том и сее купчую дал, и вышеозначенную даную память ей же, Якопы Яковлевы, с сею купчей отдал.

л. 71 об.

У подлинной купчей пишет: В место Яким Котлова, что он иноземке Якобе Яковлеве дочери избу со всем строением продал, цены взял пятнадцать рублей и подворною землею без денег поступился, по его велению горожанин Иван Романов сын Попова руку приложил. // Свидетель куростровец Яков Гурьев руку приложил. Писал купчую у Архангелсково города крепостных дел подьячий Ефим Жохов.

л. 72

У купчей подлинно в конце пишет: 1711-го году марта в 14 день пошлин пятнадцать алтын, печатных полполтины, писцаго гривна, записного шесть денег взято и книги записано у крепостных дел. Подлинно подписал надсмотрщик Кирило Брангин. //

1711-го года ноября в ... день. Галанской земли иноземец Корнило Иванов сын Сторму, выслушав великого государя указ, сказал: В нынешнем 711-м году купил я у города Архангелского на Бору двор у горожанина Семена Звягина, а сколько тово двора мерою длинника и поперешиника сажень, тому свидетельствует с подлинной крепости под сею скаскою список. Хоромного строения на том дворе две горницы на жилых подклетах, черная изба. А оброку с того двора по чему прежней продавец платил, того я не ведаю, потому что купил недавно. А вышеписанных хором в отдачу в наем никому не отдаю.

л. 80

Корнилиус Шторм. //

Список с купчей:

Лета 1711-го марта в 5 день. Горожанин Семион Иванов сын Звягин поступился Галанской земли иноземцу Корнилу Иванову сыну Сторму дворовую своею землею у Архангелсково города на Бору, длиннику той моей дворовой земли от мостовой проезжей в Борки дороги в нижней конец дватцать сажень, а поперешинику от тына брата моего Андреяна Звягина ж в мох ко двору брата ж моего Егора пять сажень, все в тросаршинную сажень, которую вышеписанною землею по вышеписанной меры поступился мне, Ивану, брат мой родной Андреян Звягин в нынешнем же 711-м году генваря в 16 числа, а утверждения той своей вышеписанной дворовой земли и за дворовое свое строение, что на той моей дворовой земли, какова строения ныне есть, взял я, Семион, у него, Корнила, тридцать рублей. А вышеписанною землею поступился безденежно. А опроче ево, Корнила, та моя вышеписанная дворовая земля никому не поступлена, а дворовое строение никому не продано и не заложено. В очищение от всяких крепостей и спора я, Семион, а ему, Корнилу, убытка никакова не учинить. А оброку и всякие подати с той моей дворовой земли с сей поступной, чево спросят, платить ему, Корнилу, а за прошлые годы оброк и всякие подати с той земли недоплаты, чего спросят, и то платить мне, Семиону. А поступное брата моего Андреяна письмо на ту вышеписанную дворовую землю для ведения отдал ему ж, Корнилу.

л. 81

К подлинной купчей вместо Симиона Иванова сына Звягина, что он вышеписанною дворовую землею иноземцу // Корнилу Сторму безденежно поступился, а за утверждение той земли и за дворовое строение взял я, Семион, у него, Корнила, денег тридцать рублей, в том по ево велению горожанин Осип Дмитриев Попов руку приложил. Свидетель колмогорец Яков Дмитриев сын Мансуров руку приложил. Писал поступную у Архангелского города крепостных дел подьячий Ефим Мехов.

л. 81 об.

У подлинной же купчей в конце подписано: 1711-го года марта в 5 день пошлин тридцать алтын, печатных полполтины, писцаго гривна, записного десять денег взяты и в книги у крепостных дел записаны. Подлинно подписал Кирило Брангин. //

1711-го года декабря в 3 день. Галанской земли иноземец Еремей Логинов сын Шхунеман, выслушав великого государя указ, сказал: В прошлом 710-м году купил я у города Архангелсково на Бору, в Борки, в нововыставленной посадской слободе двор у посадцкого человека Андреяна Звягина, а сколько тово двора мерою длиннику и поперешинику сажень, тому свидетельствует с подлинной купчей под сею скаскою список. Хоромного строения на том дворе две горницы на подклетах. А вышеписанных хором в отдачу в наем никому не отдаю, а оброку с тово ничего по вышеписанное число ничего не выплачивал.

л. 82

Германис Шхунеман. //

л. 82 об.

Список с купчей:

Лета 1711-го декабря в 4 день. Архангельского города посацкой человек Андреев Иванов сын Звягин дал сие купчую иноземцу Галанские земли Еремею Логинову сыну Шхунеману в том: Прошлого 710 года я, Андреев, ему, Еремею, продал своего нового строения и владения у Архангельского города на Бору в нововыставленной посадской в Борки слободы двор свой со всяким дворовым строением и хоромным, каково есть, с кровли, и с потоки, с тыны, з заплоты, с крюки, и с пробой, все без вывета. В межах стоит тот двор с речную сторону двор Якова Муракина, а в моховую сторону от новопостроенного двора иноземца Якова Строма, а цены взял тогда я, Андреев, договорились, за тот свой двор и за все хоромное строение у него, Еремея Шхунемана, шездесят рублей денег, и те деньги ныне при отдачи сей купчей принял сполна и государевою подворною и порозжее землею, которая затынена, и по данной памяти прошлого 1707-го году декабря 22 дни, которая дана от бурмистра Алексея Бусинова, поперешником с речную сторону в мох к вышеозначенному иноземческому двору подле проезжую в Борки дорогу пятнадцатую сажени, длинником от вышеозначенной проезжей мостовой дороги в нижний конец дватцать сажен, все в тросаршинную сажень, безденежно поступился. И по прежней моей запродаже, и по сей купчей тем моим дворовым и хоромным строением всем без вывета ему, Еремею, владеть вечно и вольно продать и заложить, а подворною вышепомянутой меры землею потому ж поступитца, и с того двора всякие подати платить, и по переписки дворовой сего 712-го года провианта Алексея Мятлева и с подворной землею, чего спросят, платить ему, Еремею, впредь по вся годы. А иному никому наперед сего тот мой двор и все строение, опроче ево, Еремея, не продано, и не заложено, и ни в какие крепости не укреплено, а землю не поступлено. И от всяких крепостей и спора в очищении во всем я, продавец, а ему, купцу, никаких убытков не привести. В том и сие купчую я дал. А вышепомянутая данная память остались за мной, Андреевом, и х какову делу понадобится, и мне та память класть и на список давать бесспорно.

У подлинной купчей в конце писано: Андреев Звягин иноземцу Еремею Шхунеману двор свой со всем своим строением продал весь и взял шездесят рублей, а подворною землею поступился безденежно. В том и руку приложил. Свидетель горожанин Гаврила Кочаров руку приложил. Писал купчую у Архангельского города крепостных дел подьячий Ефим Жехов. //

л. 145

1711-го года ноября в ... день. Галанской земли иноземец Арес Иванов сын Маеоров, выслушав великого государя указ, сказал: В нынешнем 711-м году купил я у города Архангельского на Бору двор, а сколько того двора мерою длиннику и поперешнику сажен и по каким крепостям владею, тому свидетельствует с подлинной купчей под сею скаскою список. Хоромного строения на том дворе одна горница, две черные избы, одна на жилом подклете, баня. А оброк с того двора положен или нет, того я не сказать не знаю, потому что купил недавно, а оброку не плачивал.

Рука Ареса Маеорова. //

л. 152

1711-го ноября в ... день. Галанской земли иноземец Андрей Иванов сын Бакирь, выслушав великого государя указ, сказал: В прошлом 207-м году купил я двор у города Архангельского на Бору двор той же земли у иноземца у Аврама Горгина, а сколько того двора длиннику и поперешнику сажен, тому свидетельствует под сею скаскою с подлинного данного письма список. Хоромного строения в том дворе четыре горницы, поваренная изба, приворотная изба для работных людей. А из вышеписанных хором в отдачу в наем никому не отдаю, а оброку с того двора плачу по рублю в Земскую избу на год сполна, и тому свидетельствуют в Земской избе приходные книги. //

л. 153

Великому государю царю и великому князю Петру Алексеевичу, всеа Великия и Малыя и Белья Росия самодержцу, бьет челом Галанские земли иноземец Андрюшка Бакирь. В прошлом, государь, в 203-м году декабря в 3 день по твоему, великого государя, указа и по данной памяти за печатью ближнего столника и воеводы Федора Матвеевича Опраксина, за приписью дьяка Андрея Озерова велено Галанской земли торговому иноземцу Обрам Горгину владеть двумя закладными дворами и подворною землею, что у Архангельского города на Бору, умершего Еремки Ершова, за заемные денги за сто за десять рублей. И ныне он, Обрам Горгин, теми двумя дворами и с подворною землею поступился мне, иноземцу, во владенье и дал в том поступное письмо своею рукою и вышепомянутую данную память мне отдал, а с кем те дворы и подворная земля в межах и сколько той подворной земли, того я, иноземец, не знаю. Милосердный великий государь царь и великий князь Петр Алексеевич, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержец! Пожалуй меня, иноземца, вели, государь, те дворы описать и подворную землю измерить из Приказной полаты подьячему и по той описи и меры те дворы и дворовые места записать // в Приказной полате за мною, иноземцем, чтоб впредь спору от иных людей в том не было. Великий государь, смилуйся.

л. 153 об.

У подлинной челобитной на другой стороне помета дьяка Андрея Озерова, а в той помете пишет: 206-го ноября в 21 дань в казне допросит. И по сей помете Голанской земли торговой иноземец Обрам Горгин смазал: В прошлом де в 205-м году по указу великого государя и по данной памяти ис Приказной полаты велено ему владеть по закладной кабале горожанина умершего Еремки Ершева за заемные денги дачи ево, Обрамовы, ево и з подворною землею, что у Архангельского города на Бору, чим он, Еремка, владел в нынешнем в 206-м году. Он, Обрам, те два двора и с подворною землею продал, и поступился Галанской же земли иноземцу Андрею Бакирю, и дал ему в том письмо за рукою.

У подлинного допросу на той же стороне рука Обрама Горгина приложена, а письмо писано по немецки. //

л. 154

И 206-го ноября в 23 день по указу великого государя и по приказу ближнего столника и воеводы Федора Матвеевича Опраксина да дьяка Андрея Озерова Приказной полаты подьячей Михайло Андреев против челобитья Галанской земли иноземца Андрея Бакиря дворы ево, которые он купил Галанской земли у торгового иноземца у Обрама Горгина, и подворную землю описывал и мерил, а сколько той земли мерою длинника и поперешника, и то написано ниже сего.

л. 154 об.

У Архангельского города на Бору ниже двора и огорода Успенского священника Ивана Исакова два дворенка ветхие, что были горожанина Еремки Ершова, которые отданы ис Приказной полаты за ево, Еремки, долг иноземцу Обрам Горгину по закладной кабале в прошлом в 203-м году, а в межах те дворенка от Двине реки от пригора проезжая дорога, а с верхнюю сторону Успенского священника Ивана Исакова огород, а в том огороде пашенная земля, а с нижнюю сторону // дорога, которая иноземца Николая Тембоуэна. А за теми дворенками огород от тех дворенков к заплоты иноземца Николая Тембоуэна. А мерою те подворные и огородишные места от пригору отступя от большей проезжей дороги две сажени, и от того места посредине дворишних мест до заплоты Николая Тембоуэна длиннику в гору тритцать восемь сажен, а поперешнику по одному концу, которой от пригору, и от большей дороги отступя от священниковы вышеписанной изгороди вниз дороги, которая ко двору Николая Тембоуэна, дватцать четыре сажени, а по другому по заднему концу подле вышеписанную иноземскую заплоту от вышепомянутой священниковой изгороди вниз до Никулавы дворовой дороги девятнадцатая сажень в тросаршинную сажень. //

л. 165

1711-го декабря в ... день. Вдова иноземка Авдотья Балсырева дочь Елизаревская жена Избранта, выслушав великого государя указ, сказала: В прошлых годах купил муж мой двор на Салнем берегу да позади того моего двора купленное же дворовое пустое место. Хоромного строения на том дворе десять горниц, две поваренные избы, приворотная изба да недостроенные каменные полаты, баня, два анбара, сарай, пивоварня да ево ж // на том же Салнем берегу двор конатной, которой в прошлых годах муж мой купил из Адмиралтейского приказа и по данной на порозжее место ис Приказные полаты. Хоромного строения на том дворе три горницы, поваренная изба, семь изб для работных людей, баня, са-

л. 165 об.

рай да восемь амбаров смолных. А сколько тех мест мерою в длину и в ширину, и по каким крепостям муж мой владел, и по чему с тех мест оброку платил, того я сказать // не помню, потому что крепости на те места и платежные отписи ныне по указу великого государя из Архангелогородской канцелярии за долговые государевы денги запечатаны в доме моем, а стоялцов не бывает и в наем избы и амбаров никогда не отдаю.

Рука вдовы Авдотьи Избрантовы. //

л. 166

1711-го ноября в ... день. Галанской земли торговой иноземец Аврам Николаев сын Тембоузин, выслушав великого государя указ, сказал: В прошлых годах куплены у меня три дворовых места, два в Немецкой слободе, а третье на Салнем берегу разных чинов у людей. На одном дворе хоромного строения девять горниц, поваренная изба, черная изба. И из вышеписанного двора после дачи и купленного места взято в 702-м году под проезжую дорогу две сажени полтора аршина. На другом дворе хоромного строения нет, только одна пивоварня, два амбара. На третьем дворе приворотная изба на амбаре да пивная поварня. А из вышеписанных хором в отдачу в наем никому не отдаю, а оброку с тех дворов плачу в таможенную рубль четыре алтына две денги, и тому свидетельствуют в таможене книги приходные.

л. 175

Да он же, Аврам Николаев, сказал: В прошлом 700-м году купила двор сестра моя Сара Николаева дочь Аврамовская жена Корса у города Архангелского в Немецкой слободе. Хоромного строения шесть горниц, поварня, две приворотные избы. А из вышеписанных хором в отдачу в наем никому не отдаю, а оброку с того двора в таможенную плачу по десяти алтын на год. А по каким крепостям владеем, и с которых годов, и сколько длиннику и поперешнику сажени, // и тому под сею скаскою с подлинных крепостей списки. //

л. 175 об.

Списки с крепостей:

л. 176

Лета 7202-го ноября в 23 день. По указу великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцев, ближней столник и воевода Федор Матвеевич Опраксин да дьяк Прокофий Деревнин дали даную Галанской земли иноземцу Микулаю Тембоузину на двор ево и на подворную землю, что у Архангелского города по нижнюю сторону гостинного каменного Немецкого двора меж дворами переводчика Андрея Крефта да иноземца Козмы Дебоса, подле мостовую большую дорогу, для того в нынешнем в 202-м году ноября в 20 день бил челом великим государем, а у Архангелского города в Приказной полате ближнему столнику и воеводе Федору Матвеечу Опраксину да дьяку Прокофью Деревнину подал челобитную он, Микулай, а в той ево челобитной написано, владеет де он по поступному письму иноземца Павла Елизарьева подворною землею у Архангелского города, в межах с верхнюю сторону двор переводчика Андрея Крефта, а с нижнюю сторону двор иноземца Козмы Дебоса. И та де ево подворная земля не мерена, и великие государи пожаловали б ево, Микулая, велели тое ево подворную землю измерить, сколько будет длинника и поперешника, и по той мере дать ему для подтверждения ис Приказной полаты даную, чтоб ему впредь тое подворною землею владеть было крепко, а с тое подворной земли учнет он великих государей в казну платить оброку по шестнадцати алтын по четыре денги на год. И против того ево, Микулаева, челобитья подворная ево земля измерена, а мерою под тем ево двором земли длиннику от двора переводчика Андрея Крефта до переулка, что подле дома иноземца Козмы Дебоса, девять сажени с полусаженью, а поперешнику с верхнего конца десять сажени, а по другому по нижнему концу подле вышеписанной переулоч двенадцать сажени, а Галанской // земли иноземец Павел Елизарьев в Приказной полате сказал, что де в пришлых годах иноземцу Николаю Тембоузину у города двором своим поступится и поступное письмо ему, Микулаю, за своею рукою на тот двор он, Павел, дал. И в нынешнем в 202-м году ноября в 22 день по указу великих государей, и по приказу ближнего столника и воеводы Федора Матвеевича Опраксина, и по помете на выписке дьяка Прокофья Деревнина велено иноземцу Микулаю Тембоузену по поступке иноземца Павла Елизарьева дворовую землею владеть из оброку, велено ему платить по полтине на год и дать ему впредь для владения даную. И Галанской земли иноземцу Николаю Тембоузену вышеписанною дворовую землею и двором, что у Архангелского города по нижнюю сторону гостина каменного Немецкого двора меж дворами переводчика Андрея Крефта да иноземца Козмы Дебоса подле проезжую большую дорогу, по вышеписанной мере владеть по сему великих государей указу, и по данной, и по поступному письму иноземца Павла Елизарьева. А с той подворной земли платить ему, Николаю, оброку великих государей в казну на Двине в Приказную полату с нынешнего 202-го года по шестнадцати алтын по четыре денги на год, и тот оброк платить ему по вся годы сполна без доимки.

л. 176 об.

К подлинной данной ближней столник и воевода Федор Матвеевич Опраксин печать свою приложил. У подлинной данной припись дьяка Прокофья Деревнина. Писал подьячий Михайло Андреев. //

Посолского приказу переводчик Андрей Юрьев сын Кревет продал есми и поступился Галанской земли иноземцу Микулаю Родионову сыну Тембоузину по данной памяти 201-го года ноября 16 числа за печатью ближнего околничьего и воеводы Андрея Артемоновича Матвеева за приписью дьяка Прокофья Деревнина двор убитого иноземца Якова Снига, что у Архангелского города по нижнюю сторону гостинных дворов каменных, со всяким дворовым строением и с подворною землею, а мерою под тем двором земли в длину от двора его, Микулая, до проезжей дороги, что к наутолной башне, которая от Двины реки, полдевяти сажени, а поперег подле ево ж, Микулаев, двор, Тембоузина, до проезжей дороги девять сажени, по другому концу подле проезжую дорогу, что от вышеписанной угловой башни, четыре сажени в тое аршинную сажень. А цены взял я, Кревет, за тот двор, и за все строение, и за подворную землю у него, Микулая, семдесят рублей денег, а денги выал у сей купчей все вруч без останка. Опроче сей купчей тот двор иному никому не продан и не заложен. В снимке и в очищении от иных купчих, и от закладных, и от всяких письменных крепостей, и от сторонних людей я, Андрей Кревет, а ему, Микулаю, в том убытка не учинить. В том ему, Микулаю, на тот двор и на подворную землю и сию купчую дал, и данную память отдал я, Андрей Кревет, к нему, Микулаю, с сею же купчею.

л. 177

А на то послуси площадные подьячие Василей Яковлев, Василей Антипин, Иван Видянин, Гавриле Слобожанин. Писал подлинную купчую у Архангелского города площадной подьячий на площади Ивашко Устюгов лета 7206-го ноября // в 20 день.

л. 177 об.

У подлинной купчей на другой стороне писано: 206-го ноября в 22 день по указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, и по приказу ближнего столника и воеводы Федора Матвеевича Опраксина, и по помете на челобитной дьяка Андрея Озерова ся купчая на Двине в Приказной полате в книге записано и пошли(ны) по указу с рубля по алтыну взяты и в книгу записаны.

В конце припись дьяка Андрея Озерова.

Ниже писано: Андрей Кревет двор свой продал и к сей купчей руку приложил, тут же по-немецки приписано.

Справа подьячего Федора Блезнина. Послух Василей Яковлев руку приложил. Послух Ивашко Видякин руку приложил. Послух Василей Антипин руку приложил. Послух Гаврила Слобожанинов руку приложил. //

1703-го генваря в 5 день. Гостиной сотни Дмитрий Филатов сын Микулин да колмогорец посацкой человек Петр Никитин сын Старостин и вместо я, Петр, сестер своих, двух девиц Варвары и Авдотьи Никитиных же дочерей Старостина, продали есми и поступились Галанские земли торговому иноземцу Авраму Микулаеву сыну Тембоузину свое владение у Архангелского города на Салном берегу — двор свой салный на государеве оброчной земли, что купили в прошлом во 185-м году октября в 21 день дед мой, Петров, и сестер моих колмогорец же Глинского посаду Михайло Фокин сын Старостина да // Загорского стану крестьянин Григорий Степанов сын Нагибин Галанские же земли у торгового иноземца Матвея Вахрамеева, а мне, Дмитрею, половина того салного двора по указу преосвященного Афона-

л. 178 об.

л. 179

сия, архиепископа Холмогорского и Важского, отведена против челобития моего от жены его Григорьевы вдовы Устины Васильевы дочери по закладной кабале за заемные ее денги во владение по данной памяти за ево, архиепископскою, Судного приказа печатью и за приписью дьяка Карпа Андреева прошлого 199-го года декабря 14 числа. А во дворе хормная изба на анбаре, клеть на подклете, сени на подсенье, рубленые с крыльцом и десницею, анбар кладовой, рублен о трех житях с крыльцом и с десницею, два амбара рубленых же из барочного брусья, которых были бочки солные и всякие того салнего третья заводы кладены. И все те вышеписанные хоромы — и анбары с мосты, и с кровли, и с дверми, и с затворы, и с крюки, и с тяги железными, и с заплоты, и с оконницы слюдными ветчаными шитыми, каковы и сколько их есть, и ледник с мостом, да пять ям салных, в них струбы бревенные рубленые с исподными мосты и с верхними впушены в четырех ямах, по двое перебраны в столбы, два тчана салных же в землю же пущены, и дворовые в столбах заплоты, и ворота на прохожей ко нижнюю сторону тово двора проулок к Ахтаеву двору Меврела, и против же двора от реки обруб со звоном. А в межах ныне вновь соседи того всего вышеписанного строения — с верхнюю сторону двор сестры ево, Аврамовы вдовы Сарры Николаевы же дочери, торгового же иноземца Аврама Корса бывшего жены, а с горнюю сторону двор иноземца жэ Ивана Логинова. А цены взяли мы, Дмитрий и Петр, за все тое свое вышеписанное хоромное, и салних ям, и дву чанов, и ледник, и с дворовых заплот, и ворот, и обрубное строение у него, Аврама, двести рублей денег все у сей купчей без остатку. // А подворною оброчною землею безденежно владеть ему из государева оброка поступились. И ему, Авраму, по сей нашей продаже тем хоромным и анбарным строением, и салних ям, и чанов, и ледника, и дворовых заплот, и обрубным того двора — всем строением владеть вечно и с подворной земли великого государя в казну прежней оброк, что мы платили на Двине в Приказную полату по четырнатцати алтын з денгою на год или что вновь по указу с тое государевы оброчной земли спросят, платить ему, Авраму, по вся годы сполна. А старые оброки невыплаты очищать нам, Дмитрею и Петру, и волно ему, Авраму, с тое оброчной земли все вышепоманутое строение продать и снести, а нам, Дмитрею и Петру, в то ни во что не вступатца никоими делы. И кроме сей продажи то вышеписанное салнего всего двора строение у нас иному никому не продано и тою подворною оброчною землею не поступлено. В очищении от купчих своих, где буде за нашими руками явитца, мы, Дмитрий и Петр, и от сестер своих Варвары и от Овдотьи я ж, Петр, своими денгами, а ему, Авраму, в том никакова убытка не учинить. В том на ту салнего дворового всего вышеписанного строения продажу ему, Авраму, и сее купчую дали и старые крепости — купчую 176-го году продажу Сийского монастыря игумена Феодосия з братиею, и вышепоманутые иноземца Матвея Вахромеева продажи купчую ж, и архиепископья Судного приказу данную память для владения на то салнего двора строение ему же, Авраму, отдали. И как мне, Дмитрею, та данная память для владения медного котла понадобится, и ему, Авраму, казать и на список давать без задержания. Во свидетелех у сей купчей колмогорец // Иван Давыдов да горожанин Ларион Попов, Максим Сергеев сын Серебров да курянин Леонтьев Фефалов сын Тимановых.

Купчую писал и подписал крепостных дел надсмотрщик Яков Писарев. ... //

л. 179 об.

л. 180

л. 181

1711-го ноября в ... день. Галанской земли вдова иноземка Елена Таблиева дочь Адамовская жена с сыном Таблеем, выслушав великого государя указ, сказали: В прошлых де годах куплены два дворовые места да два ж дворовые места даны ис Приказной полаты, мерою тех дворовых мест поперег по лицу тридцать три сажени, в длину дватцать три сажени, позади осмнатцать сажень полтретья аршина. Хоромного строения восемь горниц, две поваренные избы, приворотная изба, погреб. А из вышеписанных хором в отдачу в наем никому не отдаю, а оброку с тех мест платим в таможду по рублю по семи алтын по две денги на год и тому свидетельствуют в таможде приходные книги. А по каким крепостям и по даным и с которого году куплено и даны, и тому свидетельствуют с подлинных крепостей под сею скаскою списки. //

л. 182

Список с поступного писма:

Лета тысяча семьсот девятого генваря в 22 день. Галанские земли торговой иноземец Володимер Иевлев сын Эвоц дал сие на покупной свой двор и на подворную и огородную землю поступное писмо племяннику своему Галанские земли иноземцу Табею Адамову сыну Петлину, которым своим двором, и подворною и огородишною землею, и всеми хоромы, и всяким дворовым и огородичным строением, и окончинами, и печными железными заслоны в прошлом семь тысяч двусотом году в апреле месяце поступился я, иноземец Володимер Эвоц, ему, племяннику своему иноземцу Табею Петлину, у Архангельского города по купчей своей того же двусотого году ноября дватцать пятого дня, что купил я Галанские же земли у иноземца же у Елизарья Елизарьева сына Блока, и та купчая на Холмогорах в Приказной полате в книги того ж года ноября же месяца в тридцатом числе записана и пошлины по указу плачены. А при той покупке своей взял я, Володимер, у него, племянника своего Табея, за тот свой двор, и за все хоромное строение, и за подворную и огородишную землю двести рублей денег все сполна, и от того времени повелено ему от меня тем двором владеть и строить. А поступного писма по се время ему не дано, и ему, Табию, за те вышепоманутые денги // по сей моей поступной тем двором у Архангельского города и по вышепоманутой моей купчей Елизарьевы продажи Блока, какова в Приказной полате в книгах записана, и всеми хоромы, и подворною и огородичною землею по старым межам, каковы межи в вышепоманутой Елизарьеве продажи купчей и в старых крепостях написаны, и дворовым и огородичным строением владеть и строить ныне и впредь вечно, и с той подворной и огородичной земли в государеву казну оброчные денги, куда спросят, по вся годы платить и волно тот двор со всем строением, и с подворною землею, и с огородичною ему, Табию, продать, а мне, Володимеру, в тот двор и ни во что не вступатца, и детям моим дела нет. И кроме ево, Табея, тот двор и придворная и огородичная земля иному никому у меня, Володимера, не продано, не поступлено, в очищение своей поступи от всяких крепостей, буде где явятца, за мою рукою, я, Володимер, своими денгами, а ему, племяннику своему Табею, никакова убытки не учинить. В том на тот свой купленной двор и на подворную и огородишную землю я, Володимер, и сее поступную за своею и за свидетельскими руками и с Елизарьевой купчей Блока список дал. А вышепоманутая та, Елизарьевы продажи, купчая на тот двор у меня в доме на Вологде и со старыми крепостями. А дать мне ему, племяннику своему Табею, для владения в нынешнем семьсот девятом году. // У подлинного поступного писма в конце рука иноземца Володимера Эвоца, писана по немецки. Руки свидетелей Галанские же земли иноземцев Михаила Всалимова сына Фетина да Андрея Андреева сына Елена, писаны по немецки.

л. 182 об.

л. 183

Свидетель крепостных дел подьячий Евсейей Митрофанова руку приложил. Подлинную купчую писал у Архангельского города крепостных дел надсмотрщик Яков Писарев 1709-го генваря 22 дня.

По указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, и по грамоте, и по новосоставленным крепостных дел спискам сия купчая у крепостных дел в книги записана и пошлины по указу с рубля по алтыну, итого шесть рублей, печатных восемь алтын две денги, писчего десять алтын з двух страниц, за писмо же гривна, записного три алтына две денги взято. Подписал он, Яков Писарев. //

л. 184 об.

Список с памяти:

Лета 7206-го июня в 25 день. По указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, боярин и воевода князь Михайло Иванович Лыков да дьяк Еремей Полянской дали данную Галанской земли иноземки вдове Олене Табееве дочери Адамовской жены Путелига на пустое порозжее место, что у Архангельского по нижнюю сторону гостина каменного Немецкого двора на берегу подле ее, иноземкин, двор, для того в нынешнем в 206-м году июня в 20 день била челом великому государю, а у Архангельского города в Приказной полате боярину и воеводе князю Михаилу Ивановичю Лыкову да дьяку Еремею Полянскому подала челобитную она, иноземка, а в той ее челобитной написано, есть де подле ее двор берег к Двине реке пустой место, морскими водами

понимает, и великий государь пожаловал бы ее, иноземке, веле того пустого места берегу дать ей под дворовое строение длиннику девятнадцать сажен, а поперешнику осмнадцать сажен. А с того пустого места оброку великого государя в казну учтет она платить по пяти алтын на год. А по досмотру то место порозжее, берег подле Двину реки, и водою // то место понимает, и строения никакова на том месте нет. А мерюю то место от двора и от переулка иноземца Романа Диконса двора и иноземца же Володимера Фоневера длиннику по берегу вниз осмнадцать сажен, а поперешнику от ее, иноземкина, двора к Двине реки осмнадцать же сажен в троесаршинную сажень. И в нынешнем в 206-м году июня в 22 день по указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, и по приказу боярина и воеводы князя Михаила Ивановича Лыкова, и по помете на досмотре дьяка Еремея Полянского велено то порозжее место отдать на оброк ей, иноземке, будет никому от ней утеснения и в том челобитья на нее ни от ково не будет. А оброку с тово места имать вновь по пяти алтын на год и дать ей на то место даную. И по сему великого государя указу и дано иноземке вдове Алене Табееве дочери Адамовской жене Путелига вышеписанным // порозжим местом, буде кому утеснения и ни от кого челобитья не будет, владеть против вышеписанной меры и оброку с того порозжего места в казну великого государя на Двине в Приказную полату платить по пяти алтын на год по вся годы без доимки. л. 185

У подлинной даной памяти боярин и воевода князь Иван Михайлович Лыков повелел печать свою приложить. л. 185 об.

На подлинной памяти даной на другой стороне припись дьяка Еремея Полянского. //

Архив СПб. ФИРИ РАН, ф. 10, оп. 4, д. 14

ПРИЛОЖЕНИЕ 5

Купчие и памяти на дворы гамбургских "иноземцев"

1711-го ноября в ... день. Анбурской земли девицы Катерина да Марья Крестьяновы дочери Альбрехта, выслушав великого государя указ, сказали: В прошлом во 199-м году купил отец наш покойной в Немецкой слободе двор, а сколько того двора мерюю длиннику и поперешнику сажен и по каким крепостям отец наш владел, и тому под сею скаскою с подлинной крепости список. Хоромного строения на том дворе шесть горниц, приворотная изба, поваренная изба, анбар, баня, а из вышеписанных хором в отдачу в наем никому не отдаем. А положено оброк с того двора платить в таможду, и тому свидетельствуют в таможене или в Приказной избе приходные книги. л. 22

Рука Николая Шхунемана. //

Список:

Се яз, вдова Анбурха города иноземка Дарья Белвинова дочь, а Матфеевская жена Иванова поступилася есми тово ж Анбурха города торговому иноземцу зятю своему Крестьяну Иванову сыну Албрехту да дочери своей Марье Матфеевы дочери у Архангельского города двора своего и со всеми дворовыми хоромы и с поддворною землею, а во дворе хоромов три горницы белых, да поварня, да черная изба, да баня, и сарай, и конюшня, и хлев, да огородец, и с частоколом, и все те хоромы и с крышми, и с потоки, и дверми, и с крюки, и с пробои, и с тяги, и стены, и заплоты, и с воротами, и с мосты, и со всяким дворовым строением со всем без вывета. А в межах тот двор по верхнюю сторону от двора вдовы иноземки Анны Елизаровы дочери, а Ивановской жены Элбина, а с нижнюю сторону двор Аглинской земли торгового иноземца Андрея Рышарева. А что есть остатков мужа моего Матфея Иванова платья, и медного, и железного, и оловянного в блюдах и в торелех, и всякого домашнево заводу — и того всего поступилася ему, к зятю своему Крестьяну, и дочери своей Марье, а за тот двор, и за платье, и за медное, и железное, // и за оловянное, и за серебряное ему, зятю моему Крестьяну, и дочери моей Марье меня, Дарью, кормить, и поить, и обувать, и одевать, и всем покоить до моей, Дарьины, смерти. Да в том я, Дарья, на тот свой двор, и на все дворовое строение, и на платье, и на медное, и на железное, и на оловянное, и на серебряное, и на подворную землю и сие поступное письмо дала. А на тот мой двор иных писмянных крепостей нет, потому что я, Дарья, тот двор сама собою строила, а по смерти моей вольно ему, зятю моему Крестьяну, и дочери моей тот двор продать, и заложить, и самим вечно владеть. л. 23

На то послух площадной подьячей. Писал поступное письмо у Архангельского города на площади столника и головы стрелецкого Ивана Ивановича Неелова стрелец Першка Гайнов лета 7199-го июля в 2 день.

На подлинном поступном письме на другой стороне приписано: 199-го августа в ... день. По указу великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцев, и по приказу ближнего столника и воеводы Андрея Артемовича Матфеева, дьяка Стефана Рязанцева сие поступное письмо у Архангельского города в Приказной полате в книги записано.

Справа подьячего Козмы Феофилактова.

На подлинном же письме иноземки Дарьи Бол... дочери рука приложена по немецки.

Послух Васка Миронов руку приложил. //

1711-го ноября в ... день. Аглейской земли торговой иноземец Вилим Иванов сын Парсонс, выслушав великого государя указ, сказал: Двор великобританского концеля Карлуса Христофорова сына Гутфеля, а по каким крепостям он владеет и сколько в длину и ширину сажень, того сказать я не упомяну, потому что крепости на Москве у него, Карлуса Гутфеля, а по мере провиант-мейстера Алексея Мятлева явилось поперег по лицу пятнадцать сажен, а в длину тридцать девять, позади пятнадцать сажен, хоромного строения шесть горниц, приворотная изба, два погреба, баня. А из вышеписанных хором в отдачу в наем никому не отдаем. А положенной оброк с того двора плачу по вся годы в Архангелогороцкую таможду и в Земскую избу. А чему плачу, того сказать не упомяну, тому свидетельствуют в таможене и в Земской избе приходные книги. л. 25

Рука Вилима Парсенса. //

1711-го ноября в 7 день. Бременской земли торговой иноземец Петр Иванов сын Мартисин, выслушав великого государя указ, сказал: В прошлом 704-м году купил я у города Архангельского у вдовы иноземки Марьи Ивановы дочери бывшего торгового иноземца Анбурха города у Ивановской жены Адахова сына Грима на Бору, со всем дворовым и хоромным строением, мерюю того двора поперег по лицу по проезжей улице тридцать две сажени, в длину сто семдесят три сажени, в другом конце позади поперег шездесят четыре сажени, на том дворе хоромного строения десять горниц, три поваренные избы, девять анбаров, сарай. А из вышеписанных хором в отдачу в кортому никому не отдаю. А по какой крепости владею тем своим двором, тому свидетельствует под сею скаскою с подлинной крепости список. А оброк с того двора плачу в Архангелогороцкую таможду и за тягло в Земскую избу, а по чему плачу, того сказать не упомяну, а тому свидетельствуют в таможене и в Земской избе приходные книги. //

Список с крепости:

Лета 1704-го году сентября в 24 день. Иноземка вдова Марья Иванова дочь, бывшего торгового иноземца Анбурха города Ивана Адолова сына Грима жена, продала есмь Бремена города торговому иноземцу Петру Иванову сыну Мартисену у Архангельского города на Бору дом и двор с печми и с окончинами, статки его, мужа своего Ивана, и свое л. 27

ладение по купчей прошлого 1692-го году апреля 29 дня продажи Анбурха города торгового ж иноземца Логина Шхунемана и жены его иноземки ж Маргариты Стюрманс, статки первого мужа ее Любка города торгового иноземца Ивана Петрова, и по старым крепостям и со всеми хоромы стоящей в Немецкой слободе на покупной тяглой земле, государеве оброчной земле, сколько каких старых и новопостроенных в том дворе моего владения всяких хором есть со всяким нутряным и вонным строением, с кровли, и с мосты, и з заплоты, и с ворота, какова строения ныне есть, все без вывета и крепостною, и по двум прошлых 200-го и 201-го годов данным памятям за печатью ближняго околничего и воеводы Андрея Артемоновича Матвеева за приписью дьяка Прокофья Деревнина, подворною землею, мерою что в тех памятях и в крепостях написано, ему ж, Петру, поступилась, а цены я взяла, иноземка Марья, у него, иноземца Петра, за тот свой весь дом, и двор, и за все в тех во всех хоромех нутряное и вонное в том дворе всякое строение пятьсот рублей денег московских // серебряных у сей купчей без остатку. И сему иноземцу Петру по сей моей продаже и по вышепомянутой, и по старым купчим, и по данным памятям тем домом и двором моим и всеми хоромы, сколько каких в том дворе есть, и всяким строением владеть и в посад урочное по мирским скаскам, каковы за рукою соцких и посацких людей прежнему владельцу Ивану Адалову даны, тягло и в государеву казну с подворной земли оброк по данным памятям платить по вся годы против прежнего сполна. И волно тот дом и двор со всяким строением ему, иноземцу Петру Мартисену, продать и с подворною землею по тем данным памятям из оброку ж и по крепостям поступитца. А мне, иноземке вдове Марье, в ту свою продажу ныне и впредь не вступатца, и сродником моим никому дела нет, кроме ево, иноземца Петра Мартисина. Тот мой двор никому не продан, и не заложен, и ни в каких крепостях не укреплен, и подворною куплено и даною землею никому не поступлено. В очищение той своей продажи от купчих, и от закладных кабал, и от всяких крепостей, каковы где вылягут, и от сродников, и от посторонных людей, и от невыплаток прошлых лет посацкого тягла и государева оброку я, вдова иноземка Марья, своими денгами и животы, а ему, иноземцу Петру Мартисину, никакова убытка в той продаже не учинить, в том я, иноземка вдова Марья, на ту // свою дома и двора продажу сею купчую на крепостную и на данную ту подворную оброчную землю поступную ему, иноземцу Петру, дала, и вышепомянутую купчую, и старых три купчих, и две приказные даные памяти, и гороцких соцких и посацких людей о платеже урочного тягла три скаски, и платежные оброка приказные ж и тягла мирские прошлых лет все отписки на тот дом и двор свой и на подворную даную землю с сею ж купчею я, иноземка Марья, ему, Петру, отдала и для владения ко утверждению сию купчую при нижеписанных свидетелех рукою своею я, Марья, подписала.

л. 27 об.

л. 28

Свидетели у сей купчей Анбурха города торговой иноземец Иван Петров сын Твеск да Галанской земли торговой же иноземец Данило Иванов сын Скарботер. Писал купчую у города Архангельского крепостных дел подьячей Гаврило Попов.

У подлинной купчей позади пишут: 1704-го сентября в 24 день. По указу великого царя и великого князя Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, и по грамоте, и по новосостоятельным крепостных дел статьям, и по приказу столника и воеводы Василья Андреевича Ржевского сия купчая у Архангельского города // в Приказной полате у крепостных дел в книги записана и пошлины по указу с рубля по алтыну, и того пятнадцать рублей, печатных восемь алтын две денги, пишего восмнатцать алтын две денги, да с подставочного столпца писчего десять денег, записного три алтына две денги, в казну великого государя взято. Подписал крепостных дел надсмотрщик Яков Писарев.

л. 28 об.

Вдова иноземка Марья Иванова дочь, а Ивана Грима бывшая жена, у города Архангельского дом и двор свой иноземцу же Петру Мартисену продала и для цены взяла пятьсот рублей, и подворною поступилась землею, и к сей купчей руку приложила.

Рука свидетеля иноземца Ивана Твеска.

Рука свидетеля иноземца Данила Шхарботура.

Рука Петра Мартисина. //

л. 29

1711-го ноября в ... день. Анбурской земли торговой иноземец Юрья Иванов Конов, выслушав великого государя указ, сказал: В прошлых годех купил я у города Архангельского двор з дворовою землею и с хоромным строением, а в котором году вышеписанной двор купил и сколько сажень в длину и в ширину, того подлинно сказать не упомню, потому что крепость ныне у меня на Москве, а по мере провиант-мейстера Алексея Мятлева того двора по лицу поперег по проезжей улице сорок шесть сажень, в длину девяносто три сажени, позади сорок сажень. Хоромного строения на том дворе восемь горниц, две поваренные избы, приворотная изба, поварня, четыре анбара, погреб. А из вышеписанных же хором в отдачу в наем никому не отдаю. Да моево даное пустое место, а в котором году дано и сколько сажень в длину и в ширину, того сказать не упомню, потому что даная на то мое место ныне на Москве, а тому свидетельствуют в Приказной полате оддаточные книги. А положеной оброк с того двора и с пустого данова места по вся годы плачено в Земскую избу сполна, тому свидетельствуют в оной Земской избе приходные книги.

Рука Юрья Конова. //

л. 104

1711-го года декабря во 2 день. Анбурской земли иноземец Андрей Кениман, выслушав великого государя указ, сказал: В нынешнем 711-м году купил я у города Архангельского двор у иноземца ж у Ивана Геки в Немецкой слободе, а сколько того двора мерою длиннику и поперешнику сажень, тому свидетельствует под сею скаскою с подлинной купчей список. Хоромного строения на том дворе три горницы, приворотная изба, поварня. А из вышеписанных хором в отдачу в наем никому не отдаю, а оброку с того двора плачу в Земскую избу по рублю на год, и тому свидетельствуют в Земской избе приходные книги.

Андрей Кинеман. //

л. 105

Список с купчей с подлинной слово в слово:

Лета тысячи семьсот одиннадцатого мая в 26 день. Анбурские земли иноземец Ивана Гек продал анбурцу же Андрею Кениману дворовое свое и хоромное всякое строение на государевы земли на Бору в межах подле двора горожанина Семена Афанасьева, а по другим трем сторонам проежие улицы, которой двор купил я, Иван, у иноземки вдовы Сарры Микулаевы дочери, а мерою той моей дворовой земли под тем вышеписанным дворовым и хоромным строением длинника шестнатцать сажень, поперешнику шесть сажень. А цены взял я, Иван, у него, Андрея, за то свое вышеписанное дворовое и хоромное всякое строение денег девяносто рублей, а дворовою землею по вышеписанной мере поступился безденежно. И волно ему, Андрею, тем моим вышеписанным дворовым и хоромным строением по сей моей продаже самому владеть, или продать, или заложить, а дворовою землею по тому и поступитца. А того моего двора старая крепость, по чему я, Иван, тем двором владел, воровские люди с пожитками моими покрали и на ту покражу свидетельствует в Приказной полате явочное мое челобитье. И буде впредь те мои дворовые крепости где у кого явятца, и оне не в крепость. Крепок тот мой двор по сей моей продаже ему, Андрею.

Писал купчую у Архангельского города крепостных дел подьячей Федор Жехов.

У подлинной купчей продавцов и иноземцов руки приложены. 1711-го мая в 26 день пошлин два рубли семь гривен, печатных полполтины, писшаго пять алтын, записного и со страницы две гривны взято и в книги у кре//посных дел записано. Подлинно подписал надсмотрщик Кирило Брангин. Потписного шесть денег, еще по пяти денег с рубля, итого три алтына взято ж. //

л. 105 об.

1711 года ноября в 26 день. Анбурской земли иноземец Яков Федоров сын Пуш, выслушав великого государя указ, сказал: В прошлом 710-м году купливал я у города Архангелского на Салном берегу двор у заостровца Якова Корелы, а сколько того двора мерою длиннику и попережнику сажень, тому свидетельствует под сею скаскою с подлинной крепости список. Хоромного строения на том дворе пять горниц, поваренная изба, погреб, а из вышеписанных хором в отдачу в наем никому не отдаю. А оброку с того двора плачено в Земскую избу по два рубли с полтиной на год все сполна и тому свидетельствуют в таможене и в Земской избе приходные книги. // л. 129

1711-го года декабря в ... день. Агленской земли торговой иноземец Самойло Андреев сын Мекс, выслушав великого государя указ, сказал: В прошлом 705-м году достался мне двор после иноземца же Вилима Иванова сына Беля, а по каким крепостям вышеозначенной иноземец владел, того я сказать не упомяну, потому что крепости те у меня на Москве. Хоромного строения на том дворе пять горниц, поваренная изба, приворотная изба, анбар. А из вышеписанных хором в отдачу в наем никому не отдаю. А оброку с того двора плачу по шти рублей на год, тому свидетельствуют в Земской избе приходные книги. // л. 133 об.

А подлинно по чему вышеупомянутой умершей иноземец тем двором владел и по каким крепостям или писмам, тому свидетельствуют отдаточные в Приказной полате книги.

Самуель Мекс. //

1711-го ноября в ... день. 3 Анбурской земли иноземец Иван Иванович сын Твеск, выслушав великого государя указ, сказал: В прошлом 710-м году декабря в 20 день купил я у города Архангелского двор на Бору у москвитина Мещанской слободы у Ивана Иванова сына Пружинского с хоромным и с дворовым строением, и с подворною землею, мерою того двора поперег по лицу по проезжей улице двадцать сажень, в длину девяносто одна сажень, позади в другом конце поперег двадцать шесть сажень. Хоромного строения шесть горниц, поваренная изба, приворотная изба. А из вышеписанных хором в отдачу в наем никому не отдаю. А вышеписанному моему двору с подлинной крепости под сею скаскою список. А положенной оброк с того двора по вся годы плачу в Приказную полату, а по чему плачу, тому свидетельствуют в Приказной полате приходные книги. А которая явилась излишняя земля сверх купчей крепости моей по мере провиант-мейстера Алексея Мятлева, и та излишняя земля прибавлена под тот двор у преждево продавца для подвою Двины реки. л. 150

Список с крепости:

Лета 1710-го декабря в 20 день. Москвитин Мещанской слободы Иван Иванов сын Пружинской продал есмь и поступился своєю владения архангелогородецкому жителю города Анбурха торговому иноземцу Ивану Иванову сыну Твеску у Архангелского города по поступной прошлого 707-го года декабря 27 дня поступки Гостиной сотни Осипа Баженина порожжим местом на Бору по государевой жалованой даной к нему, Осипу, грамоте из Новгороцкого // приказу 706-го года мая дватцатого числа за приписью дьяка Ивана Волкова, за справою подьячево Андрея Иванова и по даной из Двинской Приказной полаты наперед той грамоте памяти того ж 706-го году апреля 17 числа, понижке Успенской церкви, длиннику от Двины и от проезжей дороги в мох к мосту Елизарья Избранта, который умре, восьмидесят сажень, а поперег от Андреева двора и дворишной земли в верхней конец по переднему и заднему концам дватцать сажень, все в тросаршинную сажень, и пустой моей, Ивановы, дворовой земли со всякими хоромы и строением, каково ныне без вымета. А денег взял я, Иван, за то место, и за чищенное, и за насор, и за иное той земли утверждение, и за хоромное строение тысячу рублей, денги принял все при отдачи сей купчей сполна и по сей моей продажи ему, Ивану Твеску, тое землею по вышеписанной мере, землею и хоромным строением, владеть вечно, и волно продать, и заложить, и поступитца, и оброк в казну государеву с того места платить против моего, Иванова, владения Пружинского по гривне в год и впредь по всягодно. А буде сверх старого гривенного оброку, каких прибавочных оброку с той земли буде по указу, чего спросят, то платить ему, Ивану Твеску. л. 150 об.

У подлинной крепости в конце пишут: Иван Иванов сын Пружинской по сей купчей Ивану Твеску дворовую землю и с хоромным строением поступился, тысячу рублей денег принял и руку приложил. Вместо отца сво Ивана Григорьева сына Пружинского, что он при поступке и при продаже дворовой земли и хоромного строения свидетелем был, в том по ево велению // человек ево Степан Волков руку приложил. Солоняников Ульян Петров у сее купчей свидетелем был и руку приложил. Писал купчую у Архангелского города крепостных дел подьячий Ефим Жехов 1710-го декабря в 20 день. л. 151

Пошлин порублевых по алтыну с рубля, итого тридцать рублей, печатных пошлин по полтины, пищега рубль, от записки в книгу шесть алтын четыре денги, со страницы гривна взято и в книгу крепостных дел сия купчая записана.

Подлинно подписал надсмотрщик Кирило Брангин. Подписново шесть денег. //

В 1711-й год ноября ... в день. Анбурской земли иноземец Ефрем Соломонов сын Рейр, выслушав великого государя указ, сказал: В прошлом 709-м году купил я двор Гостиной сотни у Осипа Андреева сына Баженина подле гостина Немецкого двора со всем хоромным строением, мерою того двора поперег по лицу семнатцать сажень без аршина, в длину дватцать сажень, позади пятнатцать сажень. Хоромного строения на том дворе пять горниц, в том числе две горницы на жилых подклетах, три горницы на анбарах кладовых, изба поваренная, приворотная изба, а из вышеписанных хором в отдачу в наем никому не отдаю, а плачу с того двора оброк в таможеню по шти алтын по четыре денги на год, да с питейной продажи плачу по десять рублей на год же. Да у меня же два даные из Приказной полаты в нынешнем 711-м году места на Бору, мерою тех мест поперег по лицу сорок четыре сажени, в длину сто десять сажень, позади поперег шездесят пять сажень. Хоромное строение вновь строю, а оброку с тех мест плачу я, Ефрем, в Приказную полату по рублю на год, и о том свидетельствуют в Приказной полате приходные книги. // Лета 1709-го октября в 19 день. Гостиной сотни Осип Андреев сын Баженин продал из Анбурха города иноземцу Ефрему Соломонову сыну Рейру двор свой, и с подворною землею, и со всем дворовым и хоромным строением, что на том моем дворе какова строения ныне есть, все без остатка, которой двор достался мне, Осипу, з делу от брата своего Федора Андреева сына Баженина по разделному писму прошлого 707-го года января 5 числа, а подворною землею того своего вышеписанного двора владел я, Осип, по даной отводной памяти, которая, данная память, по указу великого государя и по приказу ближнего столчника Федора Матвеевича Опраксина дана мне, Осипу, для владения ис Приказной полаты на то дворовое порозжее место для дворового и хоромного строения из оброку в прошлом 206-м году в феврале месяце. А в межах стоит тот двор понижке гостина Немецкого двора против Галанской земли иноземца Романа Динотца от дороги, которая на горе, подле двор иноземца Николая Тембоузена, в другую сторону на реку подле проезжую дорогу, что подле анбара, в котором стоят в ярмонку гостинные товарищи, которые бывають у таможенного збору. И от того места за ворота вниз пустое место берегу, а мерою той моей дворовой земли по вышеписанной отводной памяти, которая, память, и ныне свидетельствует, сверх // от проезжей дороги, которая от угловой башни под гору на Двину реку, до данной земли иноземца Романа Динотца под гору шесть сажень, да в заворот от той же дороги по берегу вниз мимо двора Романа Динотца до дворовой городбы иноземки вдовы Алены Адамовской жены Путлинги дватцать одна сажень трехаршинных, да по той же вышеписанной отводной памяти, что отведено мне, Осипу, под тесовую кладь, в заворот берегу пятнатцать сажень, попережнику по заворот тому берегу десять сажень. И тот свой вышеписанный двор и с вышеписанною землею по вышеписанной отводной памяти и хоромное и иное ... ему, Ефрему, продал, а денги взял я, Осип, у него, Ефрема, за тот свой вышеписанный двор, и за землю, и за всякое дворовое строение денег тысячу триста рублей, денги принял все сполна. И тот мой вышеписанный л. 169

И тот мой вышеписанный двор и с вышеписанною землею по вышеписанной отводной памяти и хоромное и иное ... ему, Ефрему, продал, а денги взял я, Осип, у него, Ефрема, за тот свой вышеписанный двор, и за землю, и за всякое дворовое строение денег тысячу триста рублей, денги принял все сполна. И тот мой вышеписанный л. 170

И тот мой вышеписанный двор и с вышеписанною землею по вышеписанной отводной памяти и хоромное и иное ... ему, Ефрему, продал, а денги взял я, Осип, у него, Ефрема, за тот свой вышеписанный двор, и за землю, и за всякое дворовое строение денег тысячу триста рублей, денги принял все сполна. И тот мой вышеписанный л. 170 об.

двор со всем строением и з землею наперед сей купчей кроме ево, Ефрема, иному никому не продан, не заложен, и ни у ково ни в чем ни в каких крепостях не укреплен и не написан. А буде кто в тот мой вышеписанный двор учнет вступатца по каки писмянным крепостям, и мне, Осипу, тот свой вышеписанный двор и землю очищать и убытка ему, Ефрему, никакова не учинить. А буде ему, Ефрему, в тот моем вышеписанном дворе в мосм, Осипове, не очищеные учинятца от того какие убытки, ему, Ефрему, взяты на мне, Осипе, те свои убытки сполна или тому вышеписанному двору очистка. А владеть ему, Ефрему, тем двором со всеми хоромы и дворишкою по данной памяти землею, и жене, и детям ево, и наследником вечно, и по две гривны оброку и другое, что по указу спросят, от сего числа платить впредь ему, Ефрему. А от старых невыплаток я, Осип. И данную память на дворишную землю к нему, Ефрему, отдал.

Гостиной сотни Осип Баженин двор свой у города Архангелсково с подворной землею Ефрему Соломонову продал, цены взял тысячу триста рублей и руку приложил. Свидетель устюжанин посацкий человек Андрей Михайлов Смолников руку приложил. Свидетель Бременской земли иноземец Петр Матфеев по немецки руку приложил. Свидетель каргополец посацкий человек Алексей Меркушев руку приложил. Свидетель крепостных дел подьячий Алексей Беляев руку приложил. Писал купчую у Архангельского города крепостных дел подьячий Степан Тайнов.

1709-го октября в 19 день пошлин порублевых 19 рублей с полтиною, писшаго один рубль 10 алтын, записного 4 гривны з 2 страниц, 4 гривны взято и в книги сия купчая у крепостных дел записана. Подлинно подписал крепостных дел надсмотрщик Кирило Григорьев сын Брангин. Подписного шесть денег. //

л. 171 1206-го февраля в ... день. По указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, ближней столник и воевода Федор Матфеевич Опраксин дал даную колмогорцу посацкому человеку Осипу Андрееву сыну Баженину на пустое место, что у Архангелского города пониже гостина двора Немецкого против двора Галанские земли иноземца Романа Диконса от дороги, которая на горе, подле двора иноземца Микулая Тембузена, под гору на реку подле проезжую дорогу, что подле анбара, в котором стоят в ярмоношное время гостиные товарищи, которые бывають у таможенного збора. И от того места в заворот вниз пустое ж место берег. Для тово в нынешнем 206-м году генваря в 27 день бил челом великому государю, а на Колмогорах в Приказной полате ближнему столнику и воеводе Федору Матфеевичу Опраксину подал челобитную он, Осип, чтоб великий государь пожаловал его, велел то вышеписанное порожнее место дать ему для дворовой постройкы // и тесового промыслу, а с того места учнет он платить оброку в казну великого государя в Приказную полату по шти алтын по четыре денги на год. И для владения дать бы ему на то место даную. А по досмотру и по чертежу, каков подал Приказной полаты подьячий Алексей Сиской, написано: То вышеписанное место, о котором бьет челом великому государю колмогорец Осип Баженин, пониже гостина двора Немецкого против двора Галанские земли иноземца Романа Диконса, порожнее и строения на том месте нет. А мерою то порожнее место сверху от проезжей дороги, которая от угловой башни под гору на Двину реку, до данной земли иноземца Романа Диконса, под гору шесть сажен, да того же порожнего места в заворот от той же дороги по берегу вниз мимо двора Романа Диконса да дворовой городьбы иноземки вдовы Алены Адамовской жены Путелига дватцать одна сажень троеаршинных. И в нынешнем же 206-м году февраля в 1 день по указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, и по приказу ближнего столника и воеводы Федора Матфеевича Опраксина, // и по помете ево на досмотре велено вышеписанным местом владеть челобитчику Осипу Баженину да ему же дать под тесовую ево кладь в заворот берегу пятнатцать сажен, и всего дватцать пять сажен, а поперешнику по заворотному берегу десять сажен, и для владения на то место велено дать даную. И по сему великого государя указу и данной колмогорцу Осипу Баженину вышеписанным порожним местом от проезжей дороги, которая з горы, от двора Микулая Тембузина под гору на Двину реку подле проезжую дорогу, которая подле анбара гостиных товарищей, против данного места иноземца Романа Диконса по пригору вниз шесть сажен, а на Двину реку на берег десять сажен, и от той дороги в заворот вниз по берегу длиннику подле даную землю иноземца Романа Диконса пятнатцать сажен, а поперег десять сажен, и на том месте двор ему, Осипу, построить и тес класть беспенно, а оброку с тово места платить в казну великого государя по шти алтын по четыре денги на год по вся годы сполна без доимки. К сей данной ближней столник и воевода Федор Матфеевич Опраксин печать свою приложил. //

л. 171 об.

л. 172 1711-го марта в 12 день. По указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, ближней столник князь Петр Алексеевич Голицин из Архангелогороцкой Приказной полаты дал сию даную Анбурской земли торговому иноземцу Ефрему Соломонову сыну Рейру, для того сего марта в 7 день великому государю бил челом он, Ефрем, а в челобитной ево написано, порожнее де место подле кирпичных сараев горожанина посацкого человека Осея Кирова в Борках, и то де порожнее место никому не отдано, и чтобы того порожнего места под дворовое хоромное строение отдать ему, Ефрему, сколько великий государь укажет. И по помете на той челобитной полковника Михайла Матвеевича Еропкина велено того порожнего места осмотреть, и описать, и учинить чертеж, а осмотру подьячего Сергея Волкова, идучи из Немецкой слободы Новопоселенною слоботкою, и от той Новопоселенной слоботки к кирпичным сараям посацкого человека Осея Кирова, и против тех сараев на правой стороне до холмков порожнего места, о котором бьет челом вышепомянутый челобитчик, мерою, // например, с десяти сажен с лишним, а от сараев дватцать пять сажен, и о том месте учинен чертеж, а сколько сажен длиннику и поперешнику под дворовое и хоромное строение отвести и что с того места оброку платить будет, того в челобитной ево не написано, а у выписи он, Ефрем Рейр, сказал, вышеписанного де порожнего места под дворовое, и хоромное, и огородное строение надобно ему, Ефрему, длиннику от сараев холмкам ко мху пятьдесят шесть сажен, по поперешнику в переднем конце против дороги и в заднем от мху по сороку по четыре сажени, а с того де места он, Ефрем, в казну великого государя в Приказную полату платить будет по полтине на год. Впредь для владения на то место из Приказной полаты дать ему, Ефрему, даную. Да к той скаски он, Ефрем, и руку приложил. А по справке в Архангелогороцкой Приказной полате вышеписанное порожнее место под дворовое ни под какое строение никому не отдано и лежит порожжно. И марта в 8 день по указу великого государя, и по приказу ближнего столника князя Петра Алексеевича Голицина, и по помете на выписи дьяка Федора Зуева велено // челобитчику торговому иноземцу Ефрему Рейру вышеписанного порожнего места под дворовое и хоромное строение и огородное строение отмерить длиннику, уступя от дороги, что у сараев, дватцать пять сажен, холмками пятьдесят шесть сажен, поперешнику конце против кирпичных сараев и дороги и в заднем конце от мху по сороку по четыре сажени. А с того дворового места в казну великого государя в Архангелогороцкую в Приказную полату велено ему, Ефрему, оброку платить по шестнатцати алтын по четыре денги на год по вся годы сполна, без доимки, и о том платеже велено у него, Ефрема, взять скаску с подкреплением. И впредь для владения на то дворовое место ис Приказной полаты дать ему, Ефрему, даную. И по указу великого государя челобитчику торговому человеку иноземцу Ефрему Рейру вышеписанным дворовым и огородным местом владеть по сей данной, а с того места оброчные денги в Архангелогороцкую Приказную полату по вся годы сполна без доимки.

л. 172 об. 1711-го марта в 12 день. По указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, ближней столник князь Петр Алексеевич Голицин из Архангелогороцкой Приказной полаты дал сию даную Анбурской земли торговому иноземцу Ефрему Соломонову сыну Рейру, для того сего марта в 7 день великому государю бил челом он, Ефрем, а в челобитной ево написано, порожнее де место подле кирпичных сараев горожанина посацкого человека Осея Кирова в Борках, и то де порожнее место никому не отдано, и чтобы того порожнего места под дворовое хоромное строение отдать ему, Ефрему, сколько великий государь укажет. И по помете на той челобитной полковника Михайла Матвеевича Еропкина велено того порожнего места осмотреть, и описать, и учинить чертеж, а осмотру подьячего Сергея Волкова, идучи из Немецкой слободы Новопоселенною слоботкою, и от той Новопоселенной слоботки к кирпичным сараям посацкого человека Осея Кирова, и против тех сараев на правой стороне до холмков порожнего места, о котором бьет челом вышепомянутый челобитчик, мерою, // например, с десяти сажен с лишним, а от сараев дватцать пять сажен, и о том месте учинен чертеж, а сколько сажен длиннику и поперешнику под дворовое и хоромное строение отвести и что с того места оброку платить будет, того в челобитной ево не написано, а у выписи он, Ефрем Рейр, сказал, вышеписанного де порожнего места под дворовое, и хоромное, и огородное строение надобно ему, Ефрему, длиннику от сараев холмкам ко мху пятьдесят шесть сажен, по поперешнику в переднем конце против дороги и в заднем от мху по сороку по четыре сажени, а с того де места он, Ефрем, в казну великого государя в Приказную полату платить будет по полтине на год. Впредь для владения на то место из Приказной полаты дать ему, Ефрему, даную. Да к той скаски он, Ефрем, и руку приложил. А по справке в Архангелогороцкой Приказной полате вышеписанное порожнее место под дворовое ни под какое строение никому не отдано и лежит порожжно. И марта в 8 день по указу великого государя, и по приказу ближнего столника князя Петра Алексеевича Голицина, и по помете на выписи дьяка Федора Зуева велено // челобитчику торговому иноземцу Ефрему Рейру вышеписанного порожнего места под дворовое и хоромное строение и огородное строение отмерить длиннику, уступя от дороги, что у сараев, дватцать пять сажен, холмками пятьдесят шесть сажен, поперешнику конце против кирпичных сараев и дороги и в заднем конце от мху по сороку по четыре сажени. А с того дворового места в казну великого государя в Архангелогороцкую в Приказную полату велено ему, Ефрему, оброку платить по шестнатцати алтын по четыре денги на год по вся годы сполна, без доимки, и о том платеже велено у него, Ефрема, взять скаску с подкреплением. И впредь для владения на то дворовое место ис Приказной полаты дать ему, Ефрему, даную. И по указу великого государя челобитчику торговому человеку иноземцу Ефрему Рейру вышеписанным дворовым и огородным местом владеть по сей данной, а с того места оброчные денги в Архангелогороцкую Приказную полату по вся годы сполна без доимки.

л. 173

л. 173 об.

У подлинной данной припись дьяка Федора Зуева. //

л. 174 1711-го июня в 11 день. По указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, из Архангелогороцкой Приказной полаты дана сия даная Анбурской земли торговому иноземцу Ефрему Соломонову сыну Рейру, для того июня в ... день великому государю бил он, Ефрем, а в челобитной ево написано: Порожнее место подле кирпичных сараев горожанина посацкого человека Осея Кирова в Борках, и то де порожнее место никому не отдано, чтоб того порожнего места под дворовое и хоромное строение отдать бы ему,

сколко великий государь укажет. И по помете на той челобитной полковника Михаила Матвеевича Еропкина велено того порожжего места осмотр и описать и учинить чертеж, а по осмотру подьячего Михаила Окулова, идучи из Немецкой слободы новопоселенною слоботкою, и от той новопоселенной слоботки к кирпичным сараем посацкого человека Осея Кирова, против тех сараев на правой стороне до холмцов порожжего места, о котором бьет челом вышеписанной челобитчик, мерою от дворового ево места вверх с летной стороны розлог и горбоватое место длинником тридцать сажен, поперешника сорок четыре сажени печатных, и о том месте учинен чертеж, а сколько сажен длиннику и поперешнику того порожжего места под дворовое и хоромное строение отвести и что он с того места оброку платить будет, того в челобитной его не написано. А у выписки он, Ефрем Рейр, сказал, с вышеписанного де порожжего места под дворовое и хоромное строение и огородное строение надобно ему, Ефрему, от двора ево сверх на летную сторону длиннику тридцать сажен, поперешнику сорок четыре сажени, а с того места он, Ефрем, в казну великого государя в Приказную полату платить будет по полтине на год, // и впредь для владения на то место из Приказной полаты дать ему, Ефрему, даную. Да к той скаске он, Ефрем, и руку приложил. А по справке в Приказной полате вышеписанное порожжее место под дворовое и на по какое строение никому не отдано и лежит порожжее. Июня в ... день по указу великого государя и по помете на выписке полковника Михаила Матвеевича Еропкина велено челобитчику торговому иноземцу Ефрему Рейру вышепомянутого порожжего места под дворовое, и хоромное, и огородное строение, буде кому не отдано, и не кому не крепко, и лежит порожжее, отвести длиннику тридцать сажен, поперешнику сорок четыре сажени. А с того дворового места в казну великого государя в Приказную полату велено ему, Ефрему, оброку платить по полтине на год по вся годы сполна без доимки неотложно и о том платеже велено у него, Ефрема, взять скаску с подкреплением, и впредь для владения на то дворовое место ис Приказной полаты ему, Ефрему, дать даную. И по указу великого государя челобитчику торговому иноземцу Ефрему Рейру вышеписанным дворовым и огородным местом владеть по сей даной, а оброчные денги с того места в Приказную полату по вся годы платить без доимки сполна.

л. 174 об.

У подлинной даной закрепа полковника Михайла Матвеевича Еропкина.

Смотрил подьячей Михайло Волков.

Рука Ефрема Рейра. //

Бременской земли иноземец Аврам Андреев сын Корц продал есми и поступился Галанской земли иноземцу Родиону Микулаеву сыну Тембоузену по поступной 201-го года мая 3 числа, // что поступились Архангелсково города сотники стрелецкие Логин Шумаев да Никита Нешейкин Анбурха города иноземцу Давыду Логинову сыну Фармелену и по поступной же прошлого 202-го года августа 31-го числа, что поступилась жена ево, Давыдова, иноземка Катерина Матвеева дочь мне, иноземцу Авраму, и 201-го года июня 4 числа по памяти за печатью ближнего okolничего и воеводы Андрея Артемоновича Матвеева кирпичной сарай, и анбар, и с клеткою, и частокол, и огороженное место в огороде стоячим честоколом мерою в длину дватцать две сажени, а поперег по заднему концу дватцать одна сажень, и по вышеписанной памяти, и по досмотру позаде того огорода пустое место, и того места мерою от того огорода в мох до лесу в длину пятьдесят сажен, а поперег от огорода же Успенского священника Ивана Исакова до дороги, что меж тем пустым местом и меж даною землею горожанина Митрея Филатова по одному концу, что от вышеписанного огорода, девятнадцать сажень, а по заднему концу дватцать одна сажень в троеаршинную сажень. А продал я, иноземец Аврам, ему, Родиону Тембоузену, по тем поступным и по памяти вышеписанное свое владение в дернь и в век без выкупа, а цены взял за все сорок рублей денег, а денги взял я, Аврам, у него, Родиона, у сей купчей все вручь наперед без остатка. А от иных купчих, и от поступных, и от всяких писмянных крепостей, и от сторонних людей в снимки и в очищенья я, продавец Аврам, своими денгами и животы, а до него, Родиона, в той продажи // убытка неведость никоторого. А по вышеписанным крепостям и по сей купчей в Приказную полату оброку платить с того владенья по памяти впредь ему, купцу Родиону, а старые невыплаты платить мне, продавцу Авраму, да с сею же купчею старые две поступные и память на то владение отдал я, Аврам, ему же, Родиону, в том я, Аврам, ему, Родиону, и сию купчую дал.

л. 178

л. 178 об.

А на то послуши площадные подьячие Никита Леонтьев, Матвей Авксентьев. Купчую писал у Архангелского города площадной подьячей Гришка Устюгов лета 7203-го года сентября в 26 день. У подлинной купчей на другой стороне писано по-немецки, рука Аврамова.

Да послух Никита Лентьев руку приложил. Послух Матвей Авксентьев руку приложил.

Архив СПб. ФИРИ РАН, ф. 10, оп. 4, д. 14

Глава 3

ПУТЬ К ОКЕАНУ

В ИСТОРИИ РУССКОГО ВОЕННОГО ФЛОТА НА ДОЛЮ АРХАНГЕЛЬСКА ВЫПАЛА СКРОМНАЯ И ПОЧТЕННАЯ РОЛЬ: СТРОИТЬ ВОЕННЫЕ СУДА И ПОПОЛНЯТЬ ИМИ КОМПЛЕКТ ФЛОТА, СОСРЕДОТОЧЕННОГО В БАЛТИКЕ.

С. Ф. Огородников
История Архангельского порта
1875. С. 11

Географическое положение Архангельского Севера (напомним, что под этим топонимом мы понимаем территорию бывшей Архангелогородской губернии — от Варангер-фиорда до Карской губы) давало возможность свободного морского выхода: на запад — в Атлантику, на север — в воды высокоширотной Арктики и на восток — до Новой Земли и далее в Сибирь. На разных этапах освоения этих территорий русскими промышленниками характер контактов с соседними территориями имел различную интенсивность. Различными были и сами связи и взаимовлияния.

По мере развития морских промыслов, торгового и военного мореплавания возрастала роль контактов на море. Нам хотелось бы затронуть один из важнейших аспектов этого взаимодействия — гуманитарные контакты во время морских бедствий и кораблекрушений. О трагедиях на море и гибели судов довольно часто рассказывают письменные источники. Правда, не всегда можно установить точные координаты гибели того или иного судна и реально оценить перспективность подводных археологических раскопок.

Исторически сложилось так, что именно дельта Северной Двины стала тем микрорегионом Поморья, где на протяжении нескольких столетий формировались поселенческие структуры, жители которых активно осваивали побережье Арктики и “холодные” моря. Из Двинской губы начинались далекие походы “на свеев”, сюда же, на острова дельты Двины, были нацелены и ответные набеги мурман.

Письменные документы XVI — начала XVII в. дают широкую номенклатуру поморских промысловых судов для различных районов арктических морских рыбных и звериных промыслов (транспортные промысловые суда — лодьи и кочи, малые суда — карбасы, шняки, соймы). Флот этот был многочисленным (для второй

половины XVIII в. беломорская промысловая флотилия насчитывала, по некоторым архивным данным, 213 кочей и 333 лодьи). Основными районами морских промыслов были Беломорский, Мурманский, Новоземельский и Шпицбергенский. Морские суда типа коча ходили в “златокипящую государеву вотчину” — Мангазею, перевозя продукты питания, торговые товары и людей для пушного промысла.

С конца XVII в. и на протяжении XVIII столетия Архангельск, располагая несколькими купеческими верфями и государственным Адмиралтейством, стал одним из главных торговых и военных портов России, имеющих собственную судостроительную промышленность. В это время продолжало функционировать и крестьянское поморское судостроение, обеспечивавшее судами рыбные и звериные промыслы, и именно в этом судостроении отчетливо прослеживается северная народная судостроительная традиция, оказавшаяся достаточно живучей несмотря на петровские указы об обязательном строительстве “новомастерных” судов. Архангельское Адмиралтейство строило прежде всего военные корабли, которые совершали регулярные рейсы вокруг Скандинавии, между Архангельском и Кронштадтом, перевозя вооружение и другое снаряжение, комплектуя кораблями и экипажами российский флот на Балтике. Вышедшие из устья Северной Двины военные корабли неоднократно, о чем свидетельствуют письменные источники, терпели бедствия или вблизи российских берегов, или же пройдя значительную часть длинного и сложного пути между Архангельском и Балтикой, у берегов скандинавских. Достаточно указать, что за 20 лет (1873—1893 гг.) в Беломорско-Баренцевском районе Ледовитого океана потерпели аварию более 200 российских судов.

По мере развития морских промыслов, международной торговли и военного мореплавания в северном районе Европы возрастает роль контактов на море. Уже с первых лет XVIII в. Архангельск начинает играть важную роль в формировании российского военного флота, главным образом Балтийского. Кратко напомним, что до 1800 г. из 106 военных судов ранга "корабль" только в Архангельске было построено 102, из 106 фрегатов — 45, из 30 пинков в 1715—1782 гг. с архангельских верфей спущено 28 (и только 2 в Санкт-Петербурге!). Архангельские верфи как бы специализировались на перечисленных типах военных судов, в то время как верфи Санкт-Петербургского Адмиралтейства, Олонекские, Новолодожские, Лодейнопольские строили преимущественно "бомбардирские корабли", шняки, бриги, шхуны, клипера, яхты, прамы. Создается представление, что в современной исторической литературе еще не преодолено представление об Архангельске как о некоем провинциальном и малозначительном центре российского судостроения. Между тем Кронштадт, Ревель и Архангельск на протяжении XVIII в., особенно его второй половины, были главными военно-морскими центрами России. Архангельск как бы "пропускал" через себя офицерский морской корпус на Балтике: спускаемые со стапелей Архангельского Адмиралтейства военные суда принимали офицеры из Ревеля и Кронштадта, из этих же портов привозили пушечное вооружение для новых единиц флота, между Балтийскими портами и Архангельском ежегодно курсировали как эскадры, так и небольшие отряды русских военных кораблей. В обеспечении русского военно-морского присутствия в Северной Атлантике и в Балтийском регионе Архангельск был вторым после балтийских военных портов, поэтому морские дороги вокруг Скандинавии, и прежде всего вдоль норвежского побережья, играли в это время огромную как экономическую, так и военно-стратегическую роль. Нередко на этих морских дорогах и в водах высокоширотной Арктики разыгрывались трагедии.

Северная морская "тропинка" из Русского Поморья в страны Северной Европы протянулась из промысловых становищ Кольского полуострова еще до основания Архангельского города и порта. Но только с 80-х годов XVI в. Россия по-настоящему распахнула северные "двери" на Запад. И этой дорогой, которая очень быстро стала широкой и торной, пошли в Россию не только товары от изысканных вин до пушек и колоколов, но и потянулись нескончаемой чередой военные специалисты, инженеры и строители, ремесленники самых различных специальностей, принося в Московское государство не только свои профессиональные навыки и знания, но и свое видение мира, свой менталитет. Многие из них верой и правдой служили стране, которая стала для них новым Отечеством, но это уже особая тема.

Конечно, Архангельский порт постоянно привлекал всевозможных прожектеров, иногда с вполне реалистическими, а порой с фантастическими проектами. Сохранились копии с писем иностранцев о предоставлении им льгот при постройке судов и заводов, при отдаче им рыбных и китоловных промыслов в Белом море, о дозволении рубить мачтовые леса, свободно торговать в России и проездом в Китай и Персию, были и предложения об устройстве банка в Архангельске (1712 г.)¹. Поданное в 1724 г. предложение ирландца

Джейсома Вейта о торговле треской, семгой, о моржовом и тюленьем промысле кажется вполне жизненным по сравнению с проектами организовать торговлю неграми или принять в российское подданство морских пиратов². Российские морские офицеры иногда также выступали с проектами коммерциализации военного флота: например, капитан 1 ранга Корнилов предлагал в 1801 г. использовать суда линейного российского флота для рыбных промыслов на Белом море и коммерческих перевозок³. Правда, во второй половине XIX в. (1859—1860 гг.) Архангельский военный порт выделял военные суда для надзора за рыбопромышленниками на Мурманском побережье⁴.

С. Ф. Огородников, который с достоинством, но весьма сдержанно (см. эпиграф к данной главе) отозвался о роли Архангельска в формировании российского военного флота, создал в то же время наиболее полное и никем не превзойденное по источниковедческой базе, широте диапазона рассматриваемых проблем исследование об Архангельском военном порте. Автор уникальной книги по морской истории Архангельска, впервые поднявший необычайно широкий пласт письменных документов, был прав, когда писал, что история российского военного флота будет более полной, если "предварительно составятся частные истории наших адмиралтейств и портов".

Занимаясь лишь локальными вопросами истории промыслового и военного флота на Севере и Балтике (археологические и историко-культурные аспекты катастроф российских судов в морях Ледовитого океана и Северной Атлантике), мы, естественно, опирались на фундаментальное исследование С. Ф. Огородникова при рассмотрении исторической обстановки в Белом море и Архангельске как морском порте при создании историко-археологических "биографий" попавших в катастрофу судов. В тех случаях, когда в нашем распоряжении оказывались документы, которые могли дополнить данные, опубликованные С. Ф. Огородниковым, или появлялась возможность обратить внимание читателя на новые ракурсы этой проблематики, мы старались указать характер и источник этих сведений. Поскольку в реестре кораблекрушений, рассматриваемых нами, упомянуты и промысловые, и военные суда, те и другие оказались в сфере нашего внимания.

Если уже в XVII в., а особенно в конце столетия, европейские ("иноземные", "немецкие") влияния в разных сферах и областях российской жизни того времени решительно заявили о себе, то XVIII в. дает возможность особенно явственно почувствовать столкновение "века нынешнего" и "века минувшего". В Архангельском Поморье это столкновение двух морских культур, двух традиций происходило прежде всего в одной из важнейших сфер жизнедеятельности поморского населения — в промысловом судостроении (термин "промысловый" в данном случае мы понимаем как "производственный" — зверобойный, рыболовный, транспортный, извозный). И если в купеческом (коммерческом) и военном судостроении само участие голландских, английских, а чуть позднее и российских кораблестроителей подразумевало адаптацию к условиям России европейской практики судостроения и мореплавания, то в строительной истории промыслового флота на Севере можно отчетливо видеть довольно продолжительное по времени "борение" этих двух традиций.

Эта долгая традиция “шитых” судов

I.

Трудно говорить о поморских региональных судостроительных традициях, не принимая во внимание многовековые традиции судостроения Древней Руси. В этом случае мы прежде всего должны внимательно присмотреться к судостроению начальной поры Древнерусского государства. К настоящему времени в нашем распоряжении имеются письменные источники и археологические материалы. Безусловно, они не дают детальной картины практики древнерусского судостроения, но все же благодаря им есть возможность уже сейчас сделать некоторые выводы.

В Древней Руси, как свидетельствуют письменные источники, существовало два термина для обозначения судов: “корабль” и “лодья”. Например, в Повести временных лет под 882 г. сказано, что князь Олег “похорони вои в лодьях”⁵, а при описании похода Аскольда и Дира 866 г. летописец говорит о “двою сот корабль”⁶. Передавая события, связанные с походом князя Олега на Константинополь в 907 г., когда Олег поставил свой флот на колеса и на всех парусах прикатил к стенам Константинополя, летописец все русские суда назвал кораблями⁷. При описании аналогичного похода князя Игоря в 941 г. летописец уже называет все суда лодьями⁸. Любопытно, что в рассказах о походах употребляется только один термин для обозначения судна, но в договоре Руси с греками 945 г. уже присутствуют оба названия — “лодья” и “корабль” употреблены в одном тексте⁹. Совстречаемость двух терминов для обозначения судов характерна для летописных рассказов и позднее, например в описании похода Володимера в 1043 г.¹⁰ В договорных грамотах Новгорода XII—XIV вв. основным термином для обозначения судна является “лодья”, и этот термин эквивалентен “кораблю”¹¹.

По нашей просьбе Т. В. Рождественская так прокомментировала эту ситуацию: “И то, и другое слово было употребительным уже в эпоху первых памятников письменности, даже в пределах одного контекста. Но в устойчивых сочетаниях, связанных с общим византийско-христианским топонимом (*жизнь — море; человек, человеческая душа — корабль*) употребляется слово “корабль”, а не “лодья”. Контексты, в которых присутствует “корабль”, — книжные. Видимо, в прямом значении, в отношении собственно древнерусских реалий, чаще употреблялось слово “лодья” (которое имеет несомненно славянскую этимологию), а в символическом значении, в гимнографии, богослужебных текстах чаще — слово “корабль”. Может быть, это связано с тем, что даже если слово “корабль” и вошло в древнерусский язык в дописьменную эпоху, то утвердилось в нем в основном через книжную традицию (церковнославянскую), и присутствие этого слова в устойчивых словесных формулах выдвигало на первый план его символическое, переносное значение. В какой-то степени можно говорить о том, что “корабль” было чужим словом; т. е. если и не по происхождению, то по сфере распределения в текстах. Некая аура христианско-книжного, судя по типу иллюстраций в словарях, у этого слова была. То есть есть какая-то специализация значений, отрабатываемая разными контекстами”.

Большой интерес представляют миниатюры Радзивилловской летописи с изображениями судов, иллюстрирующие упомянутые нами морские походы. Мы понимаем, что иконографическое изучение этих рисунков — тема сложная и особая, поэтому ограничимся лишь некоторыми наблюдениями. В миниатюрах, посвященных походу князя Олега в 907 г., корабли изображены с фигурными штевнями, а на бортовой обшивке отчетливо читаются вертикальные полосы и заклепки, расположенные рядами¹². Любопытно, что на миниатюре, изображающей отплытие флота князя Олега от Константинополя, художник великолепно нарисовал мачту и парус, но не изобразил детали бортовой обшивки¹³. Что это — отказ от разработки деталей рисунка или за этим стоят какие-то реалии? Обратимся к миниатюрам, иллюстрирующим поход князя Игоря на Константинополь в 941 г. На крайней правой лодье миниатюрист довольно четко показал клинкерный характер бортовой обшивки лодьи и четкие вертикальные ряды заклепок¹⁴. На двух других лодьях этого рисунка рядов вертикальных заклепок не видно. Наконец, миниатюра, изображающая применение против русского флота “греческого огня” (нефти). В результате пожаров русские суда понесли значительный урон. На этой миниатюре художник представил, по существу, два типа судов. Правый корабль имеет клинкерную бортовую обшивку и, безусловно, четкие, хорошо видимые вертикальные ряды заклепок¹⁵. Левая лодья не имеет заклепок и даже разметки под такие заклепки (дело в том, что на некоторых миниатюрах художник сделал такую разметку — провел несколько вертикальных линий, но не нарисовал сами заклепки).

Не будем сейчас утверждать, что изображение рисовальщиком на одной миниатюре двух типов судов (1 — клинкерная обшивка с креплением бортовых досок при помощи металлических заклепок и 2 — несомненно, также клинкерная бортовая обшивка, но с иным способом крепления досок) отражает реальное наличие в русском флоте того времени двух типов судов. Нам представляется, что это было бы идеальное совпадение. Могло ли это быть на самом деле во время описываемых походов на Константинополь? Мы не исключаем такую возможность, и вот почему. Летописец сам указал на наличие в составе флота князя Олега двух частей: “...и воспяша Русь парусы наволочиты, а словене кропильны...”¹⁶ “Русь” — это варяжская часть княжеского флота, а “словене” — славянская. Скорее, таким образом, можно уверенно говорить о существовании на Руси в IX—X вв. двух кораблестроительных традиций и, соответственно, двух типов кораблей, что отражало определенную структуру и культуру русского общества того времени.

Первый тип лодьи — с креплением бортовой обшивки при помощи металлических заклепок (лодья “варяжского” облика) — мы склонны связывать с варяжской культурной традицией и варяжской частью русского общества того времени. Второй тип лодьи — назовем его условно лодья “славянского” облика — судно с клинкерной обшивкой, но с иным креплением бортовых досок — безусловно, отражает местные славянские традиции судостроения, которые существовали в то время наряду со скандинавскими, а в постваряжский период снова заняли господствующее положение в русском судостроении. И именно эта традиция переходит в позднее средневековье. Это произошло

шлгови . непогоу бланградан мємъ пода ть ꙗко рѣ
 хоуещи . ноу ста вкѣ лѣтѣ во ꙗ :

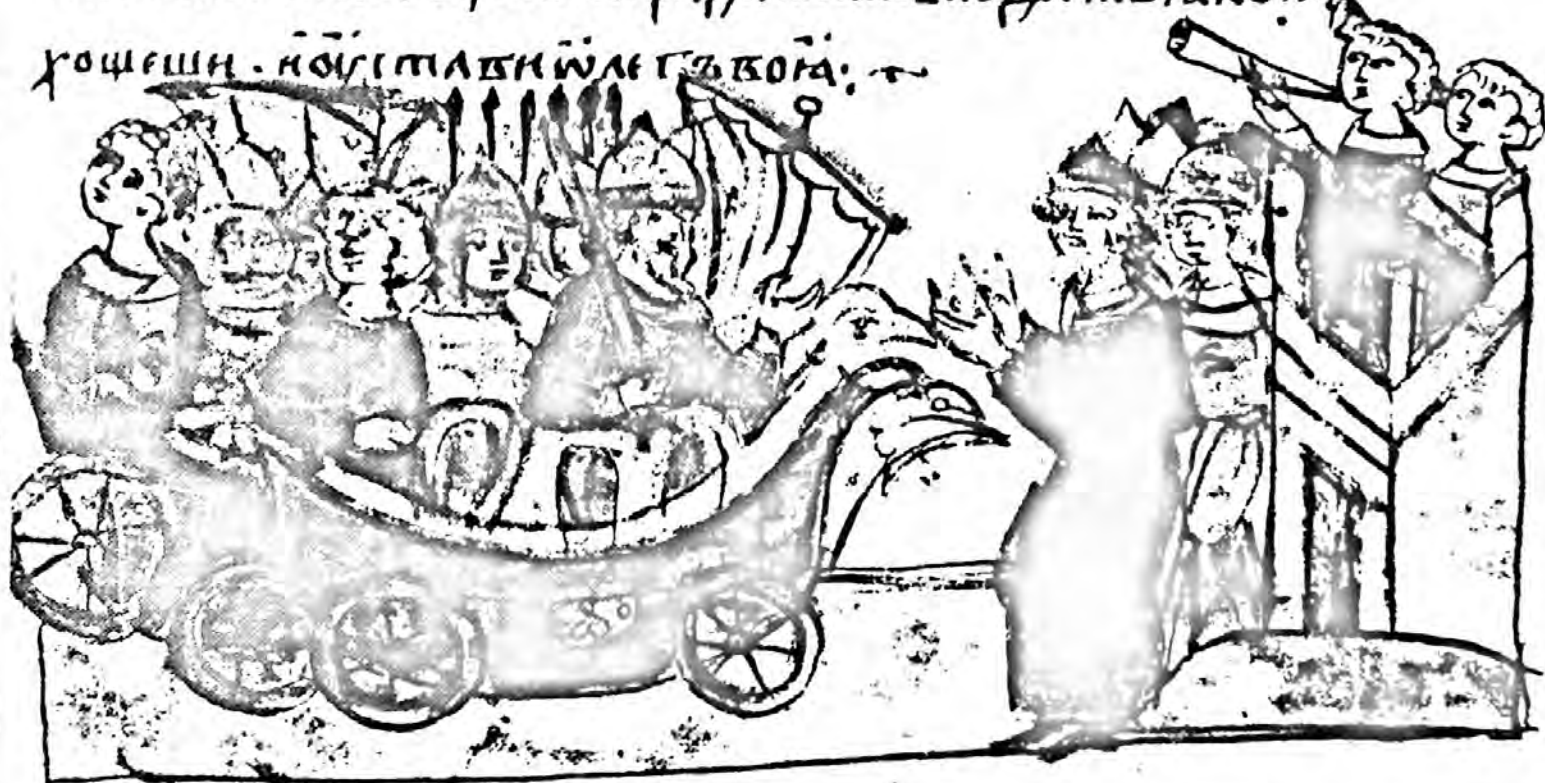

Рис. 1. Поход князя Олега на Константинополь. 907 г.
 Радзивилловская летопись

Рис. 2. Вверху — отплытие флота князя Олега от стен Константинополя. 907 г. Радзивилловская летопись;
 внизу — поход князя Игоря на Константинополь. 941 г. Радзивилловская летопись

в связи с тем, что уже с начала IX в. на Руси “затухает” техника строительства лодей с металлическим креплением бортовой обшивки. Объясняется данное явление интенсивным “размыванием” варяжско-норманнского элемента в древнерусском обществе, о чем свидетельствует исчезновение в курганных захоронениях после X в. погребений в лодьях и исчезновение, соответственно, металлических заклепок от сожженных лодей.

Нам представляется, что оба типа кораблей в Древней Руси были во многом похожи и мало отличались друг от друга своими мореходными качествами: они могли иметь приблизительно одинаковое сечение корпуса, его размеры, парусную оснастку. Основное отличие их могло быть, скорее, в характере обработки бортовых досок, декоративном оформлении корпуса. Вероятно, одинаков мог быть и состав экипажа: во время удачного похода князя Олега 907 г. на Константинополь он потребовал у греков дани: “...дани даяти на 2000 корабль, по 12 гривен на человека, а в корабли по 40 муж” (или “по 12 гривен на ключ”¹⁷, т. е. на уключину — на весло). В договорных грамотах Новгорода XIII—XIV вв. со своими западными соседями термин “лодья” является полным эквивалентом “кораблю”¹⁸. Нам известно, сколько человек команды находилось в лодье того времени. В новгородской грамоте 1373 г. Любеку о возврате товаров, награбленных морскими разбойниками у новгородцев, новгородцы писали: “Братей нашей побито на море 12 человек в единой лодьи”¹⁹. Такая численность экипажа торговой лодьи вполне объяснима — по сравнению с военной лодьей на торговой находилось гораздо больше груза-товара.

Высказанные нами соображения, безусловно, носят предварительный характер, но мы уверены, что миниатюрист XV в., иллюстрировавший события IX—X вв., возможно, имел какие-то наброски рисунков, относящиеся к более раннему времени, по крайней мере, он хорошо разбирался в истории и культуре той эпохи, которую изображал в своих миниатюрах.

Важность некоторых наших наблюдений еще и в том, что проблемы истории древнерусского морского судостроения разработаны пока недостаточно. Совершенно прав был Б. А. Колчин, когда писал: “Источники по истории и технике древнерусского кораблестроения в настоящее время все еще слишком мало численны. Письменные свидетельства случайны и отрывочны, а археологические материалы только еще начинают накапливаться”²⁰. Б. А. Колчин в этой же работе сделал краткую сводку археологических находок деталей судов и лодок — они весьма немногочисленны²¹. А наибольшую коллекцию судовых деталей представляют находки из Новгорода, опубликованные Б. А. Колчиным в упомянутой работе.

Раннего времени в Новгороде обнаружены лишь корабельные доски XII в.: доска длиной 220 см, шириной 32 см, толщиной 7 см, на доске имелось два ряда отверстий с расстоянием между рядами 102 см²². В слоях XIV—XV вв. найдены доски длиной до 11,5 м, шириной до 45 см с отверстиями для нагелей, расстояние между которыми (шпации) 60—110 см²³. Предложенная Б. А. Колчиным реконструкция новгородского корабля²⁴, конечно, во многом условна. На наш взгляд, эти находки важны прежде всего документальным подтверждением мысли о том, что в постваряжский период древнерусское судостроение в своей практике опиралось на собственные традиции, которые в эпоху позднего средневековья (вплоть до XVIII столетия) дали непрерывную линию развития так называемых “шитых” судов.

Сложение обширных промысловых районов вдоль арктического побережья, а порой и далеко отстоящих от материка, несомненно, требовало соответствующего развития и многообразия морских транспортных средств. Промысловый флот обязан отвечать многим требованиям — промышленники должны располагать набором надежных судов различных типов, соответствующих структуре и приемам промысла, срокам промысла и его местоположению. Как мы уже отмечали,

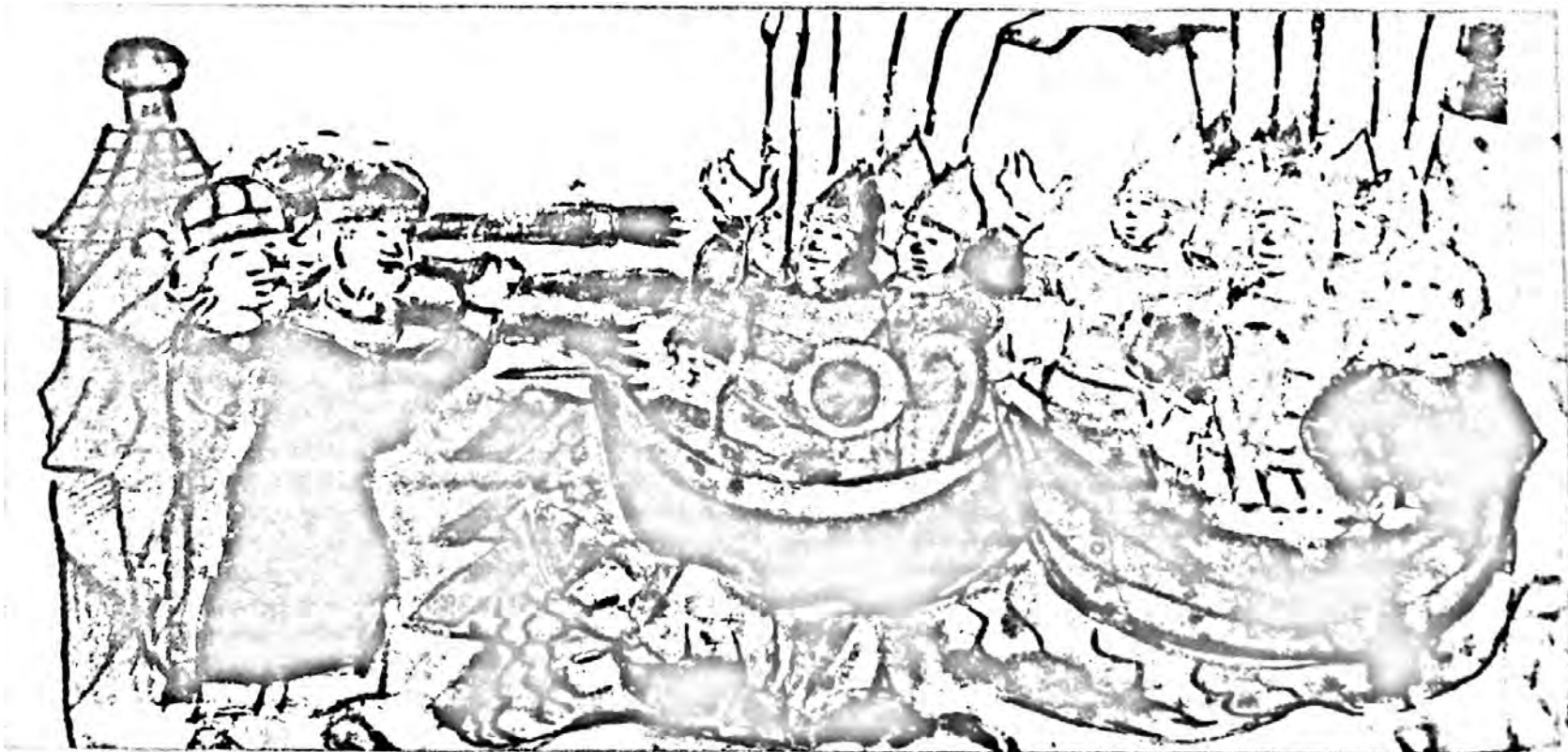

Рис. 3. “Греческий огонь” и гибель части русской флотилии. Радзивиловская летопись

признание традиционной стабильности или определенной консервативности того или иного явления культуры порой приводит исследователя к не всегда правомерному выводу об их “многовековой” неизменности. Авторы уверены в том, что в ходе длительной практики в промысловом хозяйстве (как и в любом другом виде человеческой деятельности) были выработаны наиболее рациональные и отвечающие реальной обстановке стереотипы или модули, вариации которых оказались характерными для того или иного промыслового района или типа промысла.

Безусловно, очень трудно говорить о морских средствах транспорта эпохи первоначального сложения промысловых арктических регионов. Надо полагать, что морские пути в районы промыслов в то время еще только прокладывались, а сам выход в районы промыслов проходил по сложным маршрутам, в которых морской путь мог составлять лишь небольшую часть дороги. Большая часть маршрута пролегла по системе речных водных путей и волоков, по которым перетаскивали свои небольшие суда — ушкуи — промысловые ватаги и отряды, шедшие на сбор даней.

Пока археологам не удалось найти сами остатки таких судов, сохранилось лишь краткое их описание конца XV столетия: новгородцы, по Олаусу Магнусу, “строят... нечто вроде длинных и легких лодей, сделанных из выдолбленных сосновых стволов, которые в состоянии вместить от 20 до 25 человек”²⁵. Ушкуи использовали не только в качестве промысловых, но и военных судов. В 1320 г. двиняне во главе с Лукой и атаманом ушкуйников Игнатом Малыгиным предприняли военный поход на мурман, но были разбиты: “...а немцы избиша оушкой Игната Малыгина”²⁶.

В 1419 г. “пришедши Моурмане войною в 500 человек с моря, в боусах и в шняках, и повоеваша в Варзуге погост Корельский и в земли Заволоцкой погосты: в Неноксе, в Корельском монастыре святого Николы, Конечный погост, Яковлю коурью, Ондриянов берег, Киг остров, Кяр остров, Михайлов монастырь, Циглоним, Хециинема; три церкви сжгли, а крестьян и черноризцев посекали; и Заволочане две шнеки Мурман избиша, а инии оубежаша на море”²⁷. Поскольку первым объектом нападения стала Варзуга, можно предполагать, что в Белом море свейские шняки и боусы появились, пройдя систему волоков из Северной Ботнии в Кандалакшский залив. Вероятно, это был кратчайший путь из Остерботнии — комбинированный сухопутно-водный речной и морской путь из средней Скандинавии в район Беломорья (как торговый, так и военный) был к тому времени уже достаточно хорошо известен. Этим путем, надо полагать, был совершен новый набег в 1446 г., когда “приходиша Своя Моурмане безвестно за Волон на Двину ратью, на Неноксу, повоевав и пожгоша и людей посекаша, а иных в полон поведоша. Оуслышавше то Двиняне, придоша в борзе, иных посекоша, а иных прислаша в Новгород, а воеводы их, Ивора и Петра и третьего, оубиша, инии же, мало вметавшеся в корабли, отбегоша”²⁸.

Весьма крупный морской поход был предпринят русским военным отрядом в 1496 г., когда московские воеводы князь Иван Ляпун и Петр Ушатый “ходили з Двины морем акианом через Мурманской нос”²⁹. К сожалению, летопись не называет тип судна, на котором осуществлялся этот последний морской поход. Несомненно, плавание было предпринято на таком

судне, использование которого в данном регионе Беломорья уже стало традицией.

Вполне возможно, что судно, упоминаемое в летописи как “ушкой”, позднее (в XV—XVI вв.?) претерпело изменения в связи с изменившейся обстановкой в северном регионе. Нельзя исключать и того, что реально существовавший тот же тип судна получил другое название (это могло произойти в ходе формирования постоянного населения в данном регионе или в результате заимствования из другого языка, например, если новгородский ушкой однотипен скандинавскому шняку).

Для XVI—XVII вв. неизвестно общее число судов беломорской промысловой флотилии, но для 1772—1782 гг. впервые М. И. Белов на основании изучения архивных документов привел данные по Архангельскому порту: 213 кочей и 333 лодьи³⁰. Нам представляется, что эта цифра дает суммарное число за десять лет и не очень точна, но, вероятно, достаточно близка к реальности, потому что складывается из подсчета монастырских, купеческих, крестьянских судов.

Поскольку в литературе имеются противоречия по данному вопросу, а также неясности с терминологией различных конструктивных деталей поморских судов, необходимо остановиться на них более подробно. В центре внимания авторов находятся три поморских судна: лодья, коч, карбас, которые, по мнению авторов, играли главную роль в поморских морских рыбных и звериных промыслах.

Лодья. XVII в.

Общепризнанно, что судно типа “лодья” — морское (река—море) транспортное судно, на Поморском Севере оно продолжало древнерусские судостроительные традиции. Лодьи в письменных документах часто атрибутированы: “онежская лодья”, “лодья корелка”, “лодья двинянка”, “мурманская лодья”. Чтобы избежать путаницы, мы предлагаем различать терминологию судов, связанную о местом их постройки и типом лодьи: “корелка”, “двинянка”, “лодья онежского дела” и т. д., от терминологии по принадлежности лодьи к тому или иному промыслу: “онежская”, “летносторонская”, “мурманская” и т. д. К сожалению, до сих пор для поморских лодей (как и для других типов судов) это различие не фиксировалось. Пока мы не можем достаточно определенно говорить о том, имели ли упомянутые типы лодьи принципиальные конструктивные особенности (кроме размеров) и в чем эти различия проявлялись.

Приходно-расходные книги Холмогорского архиерейского дома дают “словесный портрет” лодьи XVII в., что важно для понимания данного типа судна. Приведем его: “Строение домовою мурманского промыслу первой лодьи... Холмогорского уезду с Пенеге Валдокурского погоста крестьянин Антошка Пыхунов зделал в дом ево архиерейский в мурманской промысел лодью новую двинянку на трех колодах из своего сухого соснового лесу по убожеству и приприводил в дом ево архиерейской на Холмогоры. А мерою та лодья от корга до корга одиннатцать сажень с локтем. А поперег в матерых набоях четыре сажени, а сажени мера щепяная пол-третья аршина, а в глубину два аршина с четвертью. И упруги и курицы положил добрые, как водитца, и все зделал на готово. А конопать, и смола, и скобы, и гвоздь, и скалы, и рогожная прядь к тое лодьи — все кладено домовое казенное. А от дела тое лодьи и за лес дано ему, Антошке, по

ряде на работу и на хлеб, и на харч 25 рублей”³¹. Перед нами как бы “словесный портрет” морской лодьи, ходившей из Двинской губы на Мурманский берег в район Колы. Это было судно длиной немногим более 18 м, с высотой бортов около 1,5 м. Мастер сделал ее “на трех колодах”, т. е. килевая балка состояла из трех составных частей. К сожалению, подрядные на постройку лодей среди архивных документов встречаются очень редко, поэтому остановимся подробнее на содержании еще одного документа о постройке, а точнее — о “непостройке” лодьи “холмогорским посадским человеком Михалкой Никитиным сыном Дурниным вместе со своим сыном Семкой”, который подрядился в 1623 г. построить для перевозки поморской соли из Неноксы в Кирилло-Белозерский монастырь “лодью своего елового леса”, причем в документе оговаривалось, какой должна быть эта лодья: “...а учинить было ему та лодья двое парус о дву деревьях, на образец ей такоже, как сделана Спасского монастыря у старца Феофилом”³². В средние века изготовление вещи или здания “на образец” было делом широко распространенным — “на образец” строили деревянные и каменные церкви, дома, ковали кузнечные и лили ювелирные изделия. Холмогорцы Дурнины по каким-то причинам не смогли выполнить монастырский заказ, но некоторые сведения о деталях морского судна любопытны. Во-первых, заказчики оговаривали его размеры — лодья должна быть “на трех колодах” (таким образом задавалась общая длина килевой балки), с двумя парусами на двух мачтах (“о дву деревьях”). Представляется, что в XVI—XVII вв. лодью как тип морского судна на Севере не путали ни с каким другим судном и вряд ли называли “кочем”, как это предположил М. И. Белов. Основным морским судном на всем Беломорье на протяжении нескольких веков оставалась именно лодья. Можно ли лодью назвать промысловым судном? Поскольку лодья обязательно организационно входила в структуру морского промысла, то, конечно, мы можем ее называть промысловым судном: на лодьях в район промыслов (например, в район мурманских промыслов) доставлялись промышленники, запасы продуктов и снаряжение, а потом вывозился рыбный улов. Можно сказать, что лодья участвовала в промысле только как транспортное судно. Это отчетливо видно из документов.

Роль лодьи в структуре беломорских рыбных промыслов из приведенных нами документов вырисовывается очень четко: каждая лодья имела на своем борту три промысловых карбаса. В состав лодейного экипажа входили лодейный кормщик, два карбасника и рядовые покрученники, что автоматически составляло экипажи трех промысловых карбасов. В состав каждого из них входили три рядовых покрученника и карбасник (всего четыре человека), карбасником в одном из карбасов был лодейный кормщик. Вероятно, такая четкая структура рыбного промысла была отработана в течение определенного времени и признана наиболее рациональной.

Насколько позволяют судить письменные источники XVI—XVII вв., районы плавания лодей — это акватория Белого моря и на восток не далее Пустозерска, а также все Мурманское побережье Баренцова моря и, может быть, север Скандинавии.

Была ли лодья приспособлена для плавания в ледовых условиях? Нам представляется, что судно этого типа не имело никаких специальных приспособлений

Рис. 4. Русское промысловое судно в Ледовитом океане. XVI в. (по: Сигизмунд Герберштейн, 1866)

для ледовых нагрузок и в лодье не было заложено никаких дополнительных конструктивных деталей для плавания во льдах. Впрочем, в литературе уже высказана точка зрения М. И. Белова, признававшего “полярность” лодьи: “Другим морским полярным судном была лодья. По своему устройству и оснащению она во многом напоминала коч. Лодья также имела ледовые обводы. Однако между кочем и лодьей были существенные различия, особенно в архитектуре надводной части”³³. М. И. Белов видит такие различия в “архитектуре надводной части”: лодья, по его мнению, была в два раза длиннее коча, у нее были повыше борта и она имела “двухпалубную конструкцию..., что вполне понятно при применении нескольких килевых балок”³⁴. Даже после приведенных аргументов мы остаемся при своем убеждении, что лодья, упоминаемая в письменных источниках XVI—XVII вв., это обычное морское судно большой грузоподъемности, рассчитанное на преодоление значительных морских расстояний с большим грузом.

Лодейные походы на восток от Архангельска нам пока мало известны. Например, в июле 1691 г. три лодьи с семьей опального князя Василия Голицына и сопровождавшей их охраной вышли из Архангельска и взяли курс на Пустозерск и почти сразу попали в жестокий шторм. Лодья потерпела крушение около о. Моржовца: “...било нас у Моржовского острову и лодью на песок кинуло и роздробило...”³⁵ Вероятно, более привычным был путь в Пустозерск из Мезени (в 1666 г. этим путем сюда был привезен “сотоварищ” протопопа Аввакума поп Лазарь³⁶).

Таким образом, письменные документы XVI—XVII вв. дают основание считать, что в Беломоро-Мурманском морском промысловом регионе использовалось преимущественно судно типа “лодья”.

Коч. XVII в.

Пожалуй, судно типа “коч” — одно из загадочных в истории русского судостроения. Может быть, это произошло из-за того, что в современной литературе о нем высказаны противоречивые, а порой даже странные суждения. В 1980 г. М. И. Белов повторил свое прежнее высказывание о “собирательном” значении

термина “коч”: “В Русском Поморье, где впервые, если не считать строительства древнеславянских кораблей, зародилось морское судостроение, перекочевавшее в Сибирь, создавались те же самые кочи и лодьи, что и на Европейском Севере. Строителями их были поморы. Возможно, разнообразие в производстве морских судов существовало, потому что в письменных источниках, а они до недавнего времени являлись главными, коч представлялся собирательным типом судна”³⁷.

В этой короткой цитате много положений, с которыми можно поспорить, но нас сейчас волнует вопрос: действительно ли под термином “коч” поморы могли подразумевать разные типы судов? Существуют письменные документы XVII в. (кстати, они были хорошо известны и М. И. Белову), которые, на наш взгляд, дают исчерпывающий и однозначный ответ. Приведем сведения некоторых из них.

1. В 1695 г. по указу архиепископа Холмогорского и Важеского Афанасия “волока пенежского Сомпальской деревни крестьянин Елфимка Федоров сын Тарасовых сделал в его архиепископской новоземельской промысел коч из своего сухого соснового лесу по ужоеству и припроводил в дом его архиерейский на Холмогоры. А мерою тот коч в длину по колоды девять сажен с локтем. Одна сажен мера пол-третья аршина без дву вершков. А поперег в матерых набоях три сажени с локтем, а в глубину полтора аршина, а поверху курицы в 8 местах да перешва. А конопать, и смола, и скобы, и на кровлю скалы, и рогожины к тому кочю — все кладено домовое казенное. От дела того коча и за лес дано ему, Елфимке, по ряду 12 рублей”³⁸.

2. В 1696 г. по указу архиепископа для архиерейских промыслов “пенежского Николаевского прихода крестьяне Тимошка да Игнашка Федоровы дети Кулакова по подряду своему сделали новоземельский промышленной коч из своего сухого соснового лесу по ужоеству и припроводили вдвоем его на Холмогоры, а мерою тот коч в длину по колоды 9 сажен, поперег 3 сажени, в вышину от колоды по 20 набоев на сторону матерых, а в том кочи кладено упругов в 13 местах, да 2 коряника в носу, да копыги в коргу, да десятиры курицы. Да он же, Тимошка, с братом добыли к тому кочю 2 тесницы на перешву, да сощовый корень, да бревно на дерево. А конопать, и смола, и скобы, на кровлю скалы и рогожи к тому кочю — все кладено казенное...” (строителям дано 9 рублей)³⁹.

Все “отпуски” — походы и вновь построенных, и старых кочей довольно полно отражены в документах, дающих представление об организации новоземельского морского промысла и, что весьма ценно, поименно называющих и кормщиков, и рядовых покрученников. Как правило, это крестьяне домовых архиерейских станов, но встречаются покрученники и из других уездов и волостей Севера. Сохранились сведения об отпуске на Новую Землю пяти кочей с полным перечислением экипажей.

Летом 1696 г. “отпущены к морю на Новую Землю на звериной моржовый промысел домовой ево архиерейской коч ради поживления”, а на том коче кормщиком Никита Тушин с сыном и рядовые промышленники (всего 14 человек). Во главе второго коча новоземельского стояли кормщики Максимко Дьяканов и Лучка Рахов и рядовые промышленники (всего 15 человек). Этому новому промысловому судну не повезло уже на пути к промыслам: “И тот коч на море на Ка-

нине носу во время бури розбило, и снасти и припасы все погибли без остатка, только промышленные люди спаслись выездом в карбасе на земле”⁴⁰.

В следующем, 1696 г. на новоземельский моржовый промысел вышли уже три коча, снаряженные архиерейским домом⁴¹. На первом коче кормщиком был крестьянин Быстрокурской волости (окрестности Холмогор) Кирилко Романов сын Гурьевых; рядовые покрученники (крестьяне каких волостей — не указано, 15 человек); на втором коче кормщиком пошел холмогорец Нижнего посада Мишка Иванов сын Кишкин; рядовые покрученники (всего 15 человек). Кормщиком третьего коча был Никифорко Евдокимов сын Собинин; рядовые покрученники (всего 15 человек).

Приведенные документы важны прежде всего тем, что дают представление о крупных промысловых артелях, организованных мощным экономическим центром (архиепископским домом) из жителей архиерейских вотчин. Новоземельский морской звериный промысел архиепископского дома был частью большого, хорошо отлаженного хозяйства. Безусловно, население Двинских уездов активно участвовало в новоземельских промыслах. В XVI—XVII вв. в связи с расширением спроса на продукты морских промыслов (шкуры, сало морских животных и моржовый клык) новоземельские звериные промыслы начинают приобретать большое значение. Крупные транспорты “рыбьего зуба” поступают с Мезени “в государеву казну” уже с начала XVII в. Только в 1614 г. с морских промышленников было собрано “кости рыбья зуба большие статьи 3 пуда, да средние статьи 20 гривенок, меньшие 28 гривенок” и оценено в Москве в 57 рублей 2 алтына 5 денег⁴². Крестьяне Пустозерского острога, прося царя освободить их от поездок на промысел на остров Вайгач, в 1666 г. писали: “А летом ходят на море на Новую Землю и по морским островам в больших судах для моржового промыслу мезенцы, а пенежане на Югорский шар и Вайгач остров, и всякие морские острова ведают”⁴³. Еще М. И. Белов кратко приводил данные о значительном числе кочей, пришедших из района новоземельских промыслов в 1682—1683 гг. и принадлежавших холмогорцам, куростровцам, пинежанам⁴⁴. На наш взгляд, эти архивные материалы заслуживают большего внимания и позволяют сделать еще одно очень интересное наблюдение. Вот лишь подборка архивных документов за 1683 г., здесь речь идет о записях целовальника Усть-Пинежской таможенной заставы: пинежанин Прокопий Яковлев сын Афонасьев проводил новоземельский коч “без товару куростровца Евдокима Афонасьева сына Верещагина”, делал осмотр “новых кочей без товару”, плывущих к Холмогорам, осмотр нового коча кузонемца — и еще несколько таких же сведений⁴⁵. Несомненно, речь идет о судостроительном центре в районе начала среднего течения р. Пинеги. В тех же записях 1683 г. есть данные и о новых лодьях, которые перегоняли на Северную Двину⁴⁶, и о “новой сойме”⁴⁷. О том, что наше предположение реально, свидетельствуют и места построек лодей и кочей — это тоже Пинежская волость. Там, где Пинега — самый крупный из восточных притоков Двины — меняет свое широтное течение на меридиональное и наиболее близко подходит к реке Кулой, издревле существовал волок на Кулой. Этот волок связывал Северную Двину с Мезенью, а обе эти реки с помощью других волоков — с далекой Печорой. Именно на стыке водных

магистралей в районе печорских, а потом и новоземельских промыслов функционировал этот “волокопинский” судостроительный центр Нижнего Подвинья. Несколько позднее мы еще раз вернемся к нему.

Таким образом, Печорско-Новоземельский промысловый район имел специфический для него тип промыслового судна — коч, который в XVI—XVII вв. на промыслах Белого моря и Мурманского побережья, насколько позволяют судить письменные документы, не использовался.

В литературе прочно утвердилось мнение о коче как о судне, имеющем “ледовые обводы” и специфические конструктивные особенности, позволявшие кочу плавать в тяжелых ледовых условиях. М. И. Белов был уверен, что ему посчастливилось установить следующее: “Название этого судна происходит от понятия “коца”, которое закрепилось в Новгородской земле за любой ледовой защитой, в том числе саней, лыж и судов. “Коца” на судах новгородско-поморского происхождения — это “шуба льдяная”, как назвал ее холмогорский промышленник Пантелей Орлов в челобитной по случаю “разрушения коцы” — “шубы льдяной” его судна, прибывшего на Новую Землю. Без “шубы льдяной” Пантелей Орлов не представлял себе, как будет возвращаться в Холмогоры”⁴⁸. Вот это и есть то единственное упоминание в письменных источниках о “коце — льдяной шубе”, которое дало основание М. И. Белову считать, что “шуба льдяная” — конструктивное приспособление, “вторая ледовая обшивка, расположенная в районе ватерлинии”, и именно это — важнейшая особенность судов типа “коч”⁴⁹. Приведенная цитата напоминает известное “казнить нельзя помиловать” — можно понимать, что и первая обшивка у коча тоже ледовая или только “вторая” — ледовая обшивка? В. А. Одинцов и В. Ф. Старков считают, что роль “коцы” — шубы выполняли упоминаемые в порядных на постройку кочей порубни: “Ниже ватерлинии к бортовой обшивке крепились ряды распиленных вдоль древесных стволов-порубней, которые своими концами примыкали к штевням. Порубни выполняли роль пояса, защищавшего корпус от натиска льдов. Этот пояс (по-поморски “коца”) являлся вторым важнейшим конструктивным элементом судна”⁵⁰. То есть эти исследователи как бы совместили порубни и “коцу”, поместив всю эту конструкцию ниже ватерлинии. М. И. Белов правильно определил, что порубни — это, конечно же, стрингеры, но он также поместил их вдоль ватерлинии.

Нам представляется, что идея М. И. Белова о “шубе льдяной” — “второй обшивке” судна возникла просто как недоразумение, основанное на непонимании рассказа холмогорского промышленника Пантелея Орлова о “шубе льдяной” на его судне. По всей вероятности, поврежденное судно добралось до берега благодаря тому, что обледенело, а когда своеобразный ледяной “пластырь” растаял, то выйти в море, конечно, было уже невозможно. Поморы попали в уникальную ситуацию, и поэтому образно названная ими ледяная шуба — “коца льдяная” — никогда и нигде в письменных источниках не повторяется. Да и вряд ли судно с двойной наружной обшивкой (частичной или сплошной) можно было перетаскивать по волокам.

Вот так в Поморье в конце XIX в. определяли коч: “коча, коч — старинное, уже почти вышедшее из употребления мореходное, палубное об одной мачте

судно. Некогда эти суда отправлялись из Архангельска к Новой Земле и к Обской губе... На кочах же шли из Архангельска стрельцы к Соловецкому монастырю во время его осады в 1674 г.”⁵¹ Никаких специфических конструкций в этом определении не указано.

В приведенных нами документах о строительстве лодьи и коча наряду с другими конструктивными деталями упомянуты упруги, которые, как видно из этих описаний, являются северным наименованием шпангоута. Недоразумением можно считать идентификацию шпангоута и кекоры (кокоры). Этот термин в свое время ввел в литературу М. И. Белов и постоянно употреблял только в значении шпангоута⁵². Сейчас эту точку зрения разделяют В. А. Одинцов и В. Ф. Старков: “...для усиления прочности бортов к килевой балке крепились поперечные кекоры-шпангоуты”⁵³. “Словарь областного Архангельского наречия...” четко различает два термина — “кокоря” и “кекоря”: если “кокоря” — это корень дерева с корневищем, то “кекоря” — это кнуса (кница), посредством которой связывают палубные балки со шпангоутами, скрепляя их нагелями или болтами⁵⁴.

Древняя Мангазея была и морским портом — сюда приходили кочи из Архангельского Поморья, проделав длительный путь от Белого моря или устья реки Печоры. Одновременно здесь заканчивался путь река—море—река (Обь—Обская губа—р. Таз). Неудивительно, что в Мангазейском затоне каждый год скапливалось значительное количество морских судов. За четыре года археологических раскопок по всем раскопам было собрано несколько сот фрагментов бортовой обшивки, иногда извлекались крупные фрагменты, “сшитые” между собой. К сожалению, доски из бортовых обшивок не сохраняли свою первоначальную длину, ведь они были уже использованы для настила полов и их длина соответствовала размеру избы — не более 6 метров. Ширина и толщина оставались первоначальными — около 30 см ширины при толщине 7,5 см. Пожалуй, впервые были обнаружены фрагменты килей кочей, ахтерштевня, часть пера руля. Поражает соединение бортовых досок — они были буквально сшиты друг с другом перекрученной вицей, а чтобы последняя не двигалась в пазу, отверстие с вицей было наглухо “заклепано” толстыми деревянными нагелями. Несомненно, что найдены были матерые, т. е. основные, набои — бортовая обшивка, доски которой набраны “внахлест”. Внутри одного из жилищно-хозяйственных комплексов был обнаружен и фрагмент рулевого управления — кусок “пера”. Набранные доски тут плотно сидели в пазах кокоры (под “кокорой” здесь мы понимаем криволинейный кусок корневища). В письменных документах для определения основы пера руля употреблен термин “сопцовый корень”, сам руль — “сопец”.

Мангазейские находки впервые дали возможность увидеть, как заделывались пазы между набоями — бортовыми досками изнутри судна. Это важно, т. к. письменные источники, в том числе и приведенные здесь ранее, упоминают сотни и тысячи судовых железных скоб. Невольно создается впечатление об употреблении этих скоб для сшиваний бортовых досок — разве нельзя в таких случаях говорить о своеобразном использовании металла в конструкции судна? Ведь на Западе бытовали суда “клепаные” (доски бортовой обшивки соединены между собой железными заклепками с клиншайбами), а на Руси пользовались для

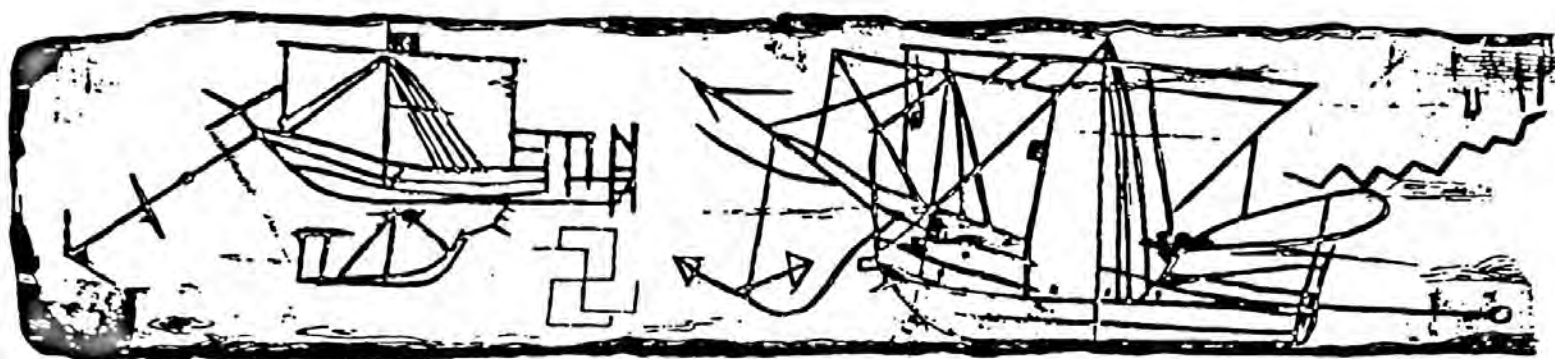

Рис. 5. Мангазея. Фрагменты досок с изображением судов. XVII в.

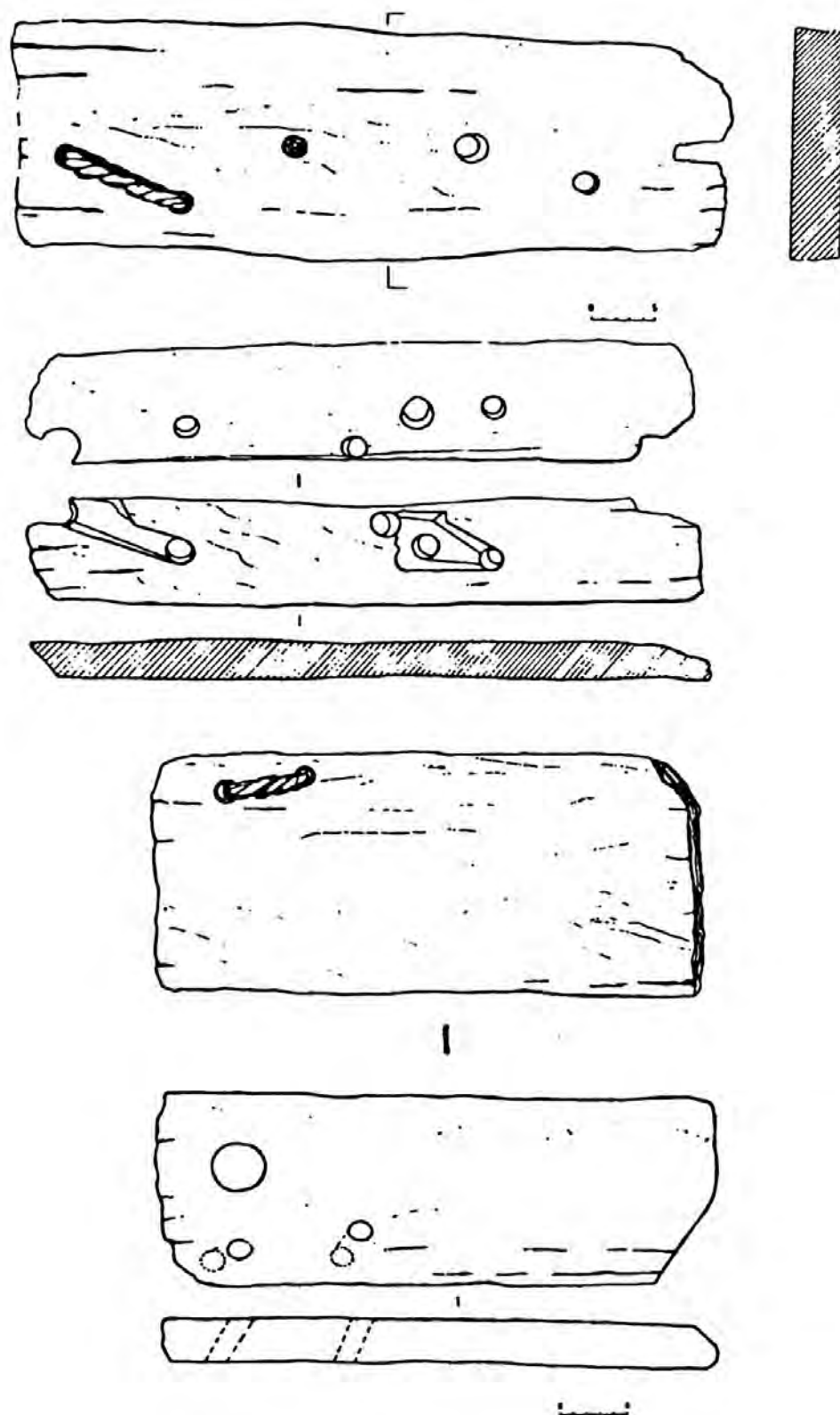

Рис. 6. Мангазея. Фрагменты судовых деталей. XVII в.

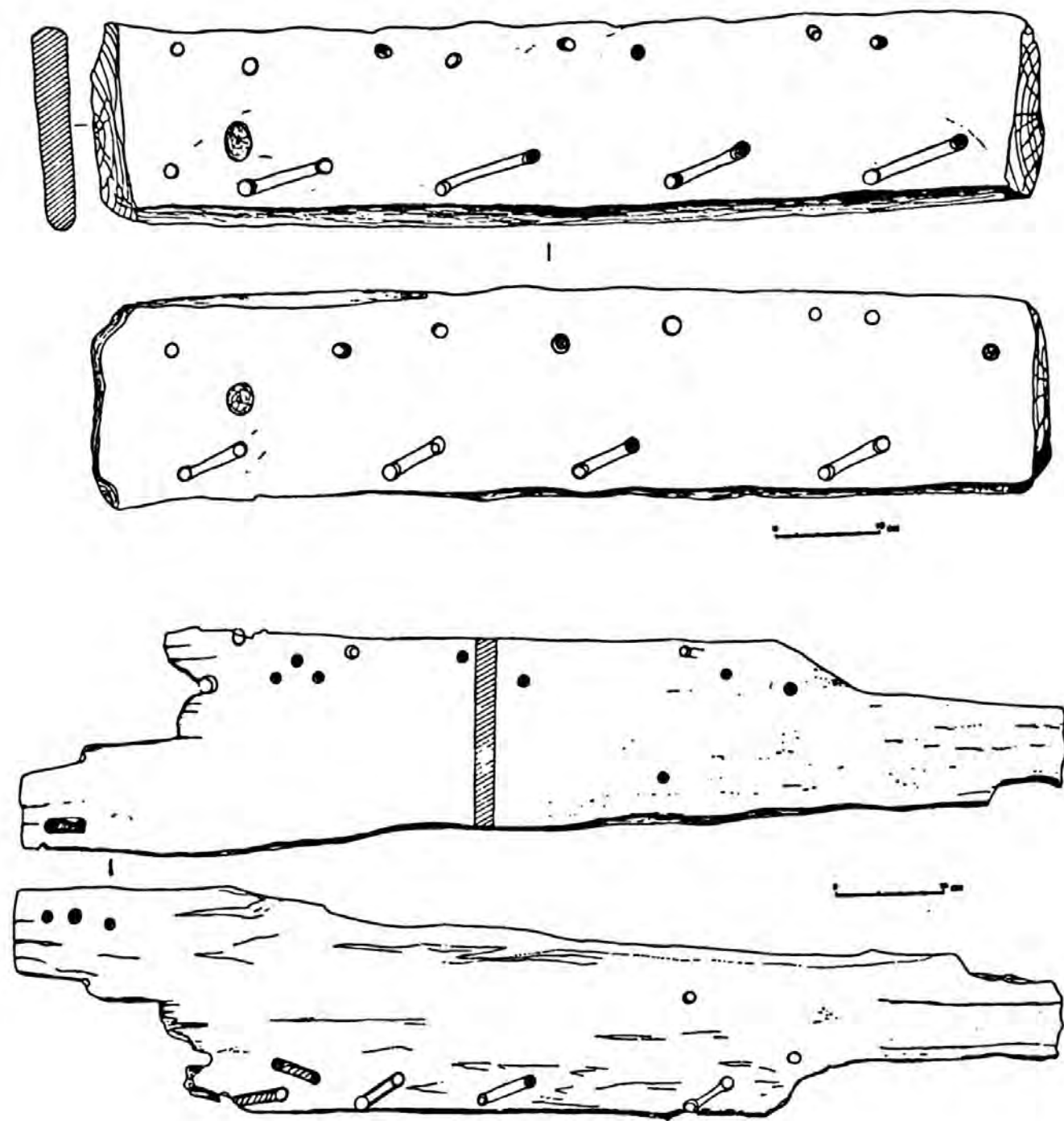

Рис. 7. Пустозерск. Фрагменты судовых деталей. XVII в.

этого железными скобами! Но оказалось, что речь идет о небольших скобках — длиной 3—4 см, которые не способны “прошить” насквозь толстую бортовую обшивку (даже в одну доску!). В Мангазее удалось точно определить, как использовались в бортовой обшивке коча железные скобы — они служили для крепления треугольной тонкой деревянной планки, прикрывавшей паз между бортовыми досками изнутри. Все судовые крепления — шпангоутов, матерых набоев и палубных досок осуществлялись при помощи деревянных “гвоздей”-нагелей. Таким образом, можно говорить о том, что поморские суда принадлежали к таким кораблям, которые в истории мирового судостроения получили название “шитых”. Ведь до сих пор в обиходе населения, тесно связанного с речными лодками, с небольшими морскими судами, бытует термин “сшить” — “сшить лодку”, “сшить карбас”.

Как порой мы не задумываемся над тем, что говорим: лодка, собранная на металлических заклепках, в нашем языке фигурирует как “сшитая”, а ведь в этом выражении есть и первоначальный, буквальный смысл — “сшить” лодку в глубокой древности или в этнографии отдельных народов значило “простегать” ее кожаную основу или основу из коры. Затем это выражение перешло и в деревянное судостроение, т. е. набор бортов очень напоминал “сшивание” кожи или ткани: сквозь просверленные пазы продевалась хорошо распаренная вица, а места соединения заклинивались деревянными гвоздями-нагелями, чтобы люфт древесной “нитки” не порвал “стежок”. Безусловно, подобная техника была эффективной лишь при определенных размерах судов. Металлическое крепление конструкции могло утяжелить общий вес корабля, но оно позволяло и значительно увеличить его размеры, тем самым повысить эффективность при дальних рейсах. Для поморских лодей и кочей металлические соединения не требовались — в них ценился довольно легкий общий вес, а для кочей и возможность транспортировки на волоках небольшими экипажами. И если, как считают некоторые западные исследователи судостроения, на севере Европы “шитые” суда в небольшом количестве встречаются вплоть до XV столетия, то на севере России прием “шитья” судов как бы законсервировался вплоть до начала XVIII в. Конечно, это явление, с одной стороны, можно рассматривать как некий

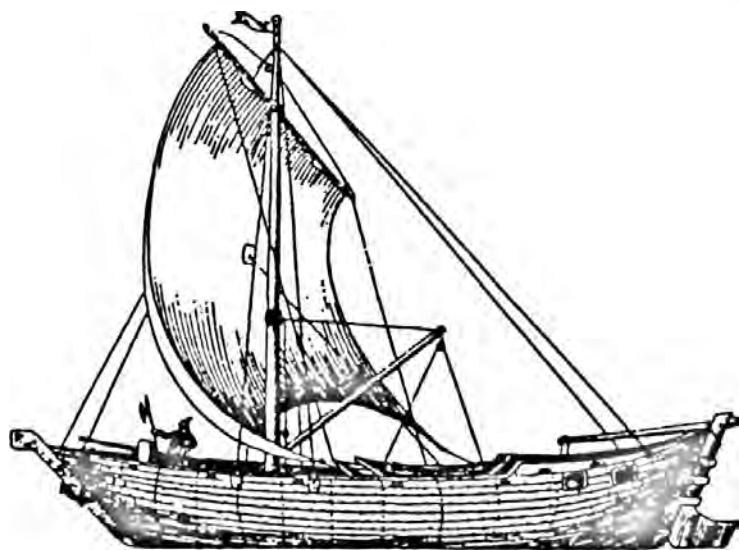

Рис. 8. Мангазейский коч. XVII в.
Реконструкция М. И. Белова. 1969 г.

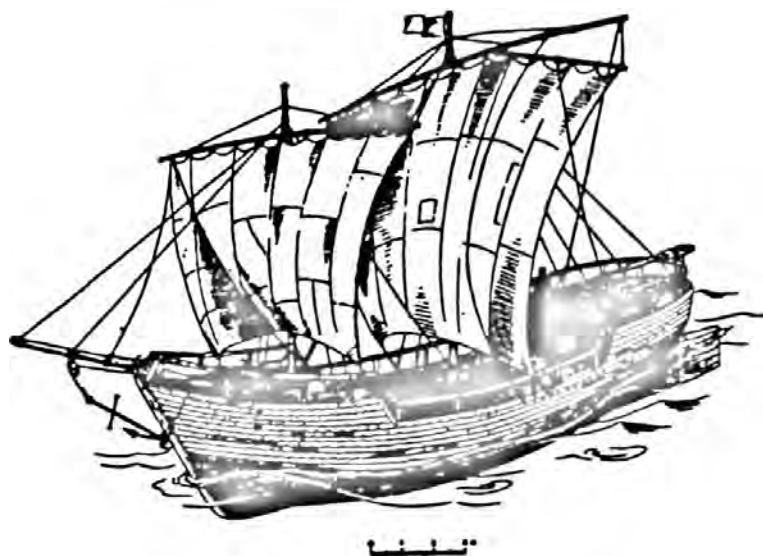

Рис. 9. Мангазейский коч. XVII в.
Реконструкция М. И. Белова. 1980 г.

консерватизм или отсталость русского северного судостроения. Но давайте вспомним, куда плавали поморы на этих судах, сколько товаров они перевозили и сколько человек насчитывала команда! Это и есть “другая сторона” вопроса — поморы плавали в районы своих промыслов, и их плыло столько человек, сколько наиболее рационально можно было использовать на промысле, и объем продуктов их промыслов всегда можно было увезти на судне. То есть мы подошли к выводу, что поморские суда занимали определенное место во всей структуре промыслового хозяйства Русского Севера и на определенном этапе они полностью отвечали всем требованиям этого хозяйства и всего промыслового уклада эпохи средневековья.

Наконец, насколько “консервативен” сам прием “шитья” корпуса корабля? Напомним, что соединение бортовых досок и шпангоутов деревянными нагелями осуществлялось и в “клепанных” судах, значит, это считалось рациональным и конструктивно оправданным. Далее, в “клепанных” судах обшивка в области днища, как правило, осуществлялась при помощи “шитья”, что обеспечивало кораблю нужную гибкость и живучесть.

И вот эти небольшие фрагменты сосновых досок лежали на полу одного из разрушенных мангазейских домов. Они лежали среди других досок, прикрывавших разрушенный пол жилища. Вот небольшой кусок доски, на котором мангазеец ножом вырезал строгий силуэт корабля: форштевень (нос) и ахтерштевень приподняты, доски бортовой обшивки показаны плавными глубокими вырезанными линиями и наглядно передают овальность обвода судового корпуса. Руль на корме вынесен далеко назад и является, по всей видимости, крепкой и хорошо подогнанной конструкцией — именно ему люди вручают судьбу корабля, груза и экипажа. Мачта одна, она растянута вантами. С носа судна брошен якорь. Создается впечатление, что несколько запасных якорей помещено в носовой части коча. Пожалуй, это самое реалистичное изображение судна типа “коч”, оно живо напоминает те графические изображения русских судов, которые делали западноевропейцы в XVI столетии. Поражает прежде всего соотношение длины судна и его ширины: оно приблизительно три к одному, т. е. действительно его можно назвать “круглым”, как это сделал в свое время Н. Витсен.

Два слова о корабельных мачтах. В письменных источниках и лодья, и коч выступают как одномачтовые суда — в подрядных упоминается лишь одно “дерево” (так в Поморье в XVI—XVII вв. называли мачты). На наш взгляд, нет никаких оснований считать коч двухмачтовым судном (М. И. Белов также пишет об этом, но тут же добавляет, что, “во всяком случае, на мангазейских кочах имелось две мачты — грот и фок, — была разработана система управления парусами с помощью “ног” (вантов) и “возжей” (шкотов)”⁵⁵). Вероятно, можно было бы дискутировать и с другими высказываниями М. И. Белова (например, о транцевой корме у коча и т. д.), но вряд ли это целесообразно делать сейчас.

Карбас. XVII в.

Наряду с большими морскими судами на Севере в XVI—XVII вв. были широко распространены суда “малого флота”. Характерный представитель его — карбас, который применялся практически во всех областях поморской жизни (морские рыбные и звериные промыслы, транспортировка продуктов питания, строительных материалов и людей). Даже краткий перечень сведений об этом судне существует.

1. В сентябре 1694 г. в дом холмогорского архиепископа “Шенкурской четверти деревни Пинежки Богословского монастыря крестьянин Игнашко Григорьев сын Носовых подрядился сделать карбас в новоземельской кочевой промысел из доброго соснового леса длиною по колоде 3 сажени... (*часть текста не сохранилась*) ...колоды по семи набоев на стороне, верхнему набою от корга до корга 4 сажени с аршином, сажени мера пол-третья аршина 2 вершка, и учинить в том карбасе 9 упругов, и порубни, и поколени сделать, и высмолить с обе стороны ему, подрядчику, своею смолою, и конопать положить своя, и приплавить тот карбас на Холмогоры... на срок на Николин день Вешней нынешнего 203 (1695 г.) года”⁵⁶.

2. В 1691 г. для промыслов Антониева-Сийского монастыря “Хоробрицкой волости Филат Иванов сын Ваймугин с товарищем сделали про монастырской обиход карбас извозной крытой длиною семь сажени в береговую сажень, и сопец, и дерево парусное, и четыре весла сделали же, дано им от того 5 рубли”⁵⁷.

Имеются сведения о покупке карбасов. Так, в 1690 г. Сийским монастырем был куплен у монастырского крестьянина “Федора Шестаков крытой карбас новый”⁵⁸. На Двине, в Кехте, в 1692 г. у Макара Черепанова в монастырь был куплен “карбас новой новоземельской, дано за него рубль алтын 4 деньги”⁵⁹. Еще один вид карбаса указан в 1683 г. — был куплен “карбас завозня большая”⁶⁰ (наименование “завозня” карбас получил потому, что использовался при расстановке-вывозе рыболовных снастей в море или для буксировки лодьи)⁶¹.

Приведенные данные, на наш взгляд, ставят карбас как морское судно в один ряд с поморскими лодьями и кочами. Размеры промыслового карбаса приблизительно только в два раза меньше лодьи или коча. Вероятнее всего, что промысловые карбасы подобных размеров шли в район промыслов своим ходом.

* * *

Рассмотренные документы дают нам основания считать поморские суда типа лодьи большими морскими судами, что позволяло осуществлять на них зна-

чительные передвижения и перевозки грузов по морю. Эти суда, отличаясь, по всей вероятности, между собой размерами, характером палубной кровли, имели единую принципиальную конструктивную схему. Безусловно, никаких “ледовых” обшивок они не могли иметь и не имели. Одномачтовое, однопалубное судно, “шитое” по характеру сборки бортового набора, являлось в XVI—XVII вв. непосредственным продолжателем русских лодей Новгородско-Балтийского региона предшествующего времени. Несомненно также, что наряду с большими морскими лодьями были суда, плавающие как по морю, так и по северным рекам. Бассейн Белого, Баренцова морей — на западе, Мезень и, реке, Пустозерск на Печоре на востоке — вот районы использования (по письменным источникам XVI—XVII вв.) поморских лодей.

Поморские суда типа коча — одномачтовые, однопалубные, с плавными “круглыми” обводами (конечно, нетранцевой кормой) — имели свои районы использования. В первую очередь это район морских промыслов около Новой Земли (преимущественно западное побережье архипелага), и затем (во второй половине XVI — первой четверти XVII в.) — на трассе, получившей наименование “мангазейский морской ход”. Можно предполагать, что названные поморские промысловые суда, являясь, по существу, судами река—море (часть пути в район промыслов они шли по рекам и через несколько волоков), были удачно использованы поморами для преодоления второй части “мангазейского морского хода” — собственно мангазейского отрезка пути: от пролива Югорский Шар до устья реки Таз. Относительно небольшие размеры и относительно малый собственный вес судна способствовали его использованию на волоковых путях. Удачно найденные пропорции корпуса, конфигурация его обводов позволяли кочу преодолевать открытые морские пространства и одновременно противостоять сжатию льдов при неблагоприятной ледовой обстановке. Никакой второй ледовой обшивки коч никогда не имел, да и вряд ли это была бы надежная защита.

Эту триаду судов замыкал карбас — судно, которое широко использовалось в морских промыслах, перевозке грузов и людей.

Использование нами сведений XVII в. преимущественно о судах, принадлежавших крупным экономическим структурам, объясняется исключительно состоянием источниковедческой базы (в приходно-расходных книгах архиепископского дома, монастырей сохранился огромный пласт погодных сведений об их экономической жизни). Частных актов о купле-продаже морских судов посадскими людьми или крестьянами очень мало, однако даже по немногочисленным и порою отрывочным сведениям можно говорить об участии посадского населения, в первую очередь в морских промыслах, на своих судах. Обычно владелец судна собирал промысловую артель, ведущую промыслы на долевом участии (“на паях”).

Несколько слов о ремонте судов. Хотя эти сведения краткие, но они многочисленны и важны потому, что содержат интересные детали. Вероятно, очень часто портились мачты и рули. В апреле 1695 г. холмогорец Елизарко Вайгачев “делал к двум дощаником два сопца да дерево. И те оба дощаника он скобил и на одном дощанике из тех покрасовал палубы”⁶². В том же году он “делал к павоску кирпичной воски сопец да дерево”⁶³. К сделанному им сопцу “купили у Павла Дуди-

на четыре тяги деревянные”⁶⁴, затем он еще “починивал на домовом дощанике... полубы и сопец, и тот дощаник конопатил и поставил на тот дощаник дерево”, а потом “вставил в дощаничное дерево колесо”⁶⁵. В 1695 г. холмогорцы Елизарко Вайгачев да Стенька Белоряс к лодье и к мелкому кочю “делали дерева и сопцы”⁶⁶. Записи об изготовлении или покупке к дощаникам сопцов (“куплен сопец к дощанику”, “делан сопец”, “делано два сопца да два дерева”) встречаются часто⁶⁷.

Любопытны и некоторые детали, связанные с рулевым управлением: в 1686 г. были куплены петли “на прибавку к тому сопцу тяг сопцовых”⁶⁸. Иногда отдельно к сопцам покупались тяги⁶⁹. В этом же году в архиерейский дом у жителя Глинского Холмогорского посада Михаила Старостина было куплено к сопцам восемь тяг “дощаничных и лодейных”⁷⁰. Можно понять, что к сопцу деревянные тяги прикреплялись при помощи петель. Упоминается “сопцовая оглобля”⁷¹.

Из письменных документов становятся известны и некоторые детали, связанные с корабельными мачтами, которые в документах того времени назывались “дерево”. В 1686 г. у Михаила Старостина была куплена спица — “за спицу в дощаничное дерево косяную шесть денег дано”⁷². Спица — это ось, спицы использовались и в воротах (например, было куплено на “два дощаника в ворота два колеса кореневых, ...за спицу в то колесо”⁷³). Тогда же было “куплено на дощаник в дерево два колеса кореневые...”⁷⁴ Вероятно, мачту с одного судна можно было переставить на другое, потому что “на дощаник куплено лодейное дерево”⁷⁵. Использовали и карбасы с разных судов: в 1685 г., например, “у холмогорца Ивана Собакина куплен карбас лодейной к дощаникам для припасной от Архангельского города возки”. Ранее мы приводили размеры лодий и кочей, размер дощаника, его длина указана при покупке в 1686 г.: у вологжанина был “куплен дощаник новой, длиною 13 сажен с аршином, да с тем дощаником якорь”⁷⁶. Упомянем еще одну любопытную судовую деталь — в 1686 г. холмогорскому стрельцу Алешке Галашеву “за дощаничную райну” было дано 2 алтына⁷⁷.

О покупке парусов имеется много данных, причем приобретали не только новые, но и, как правило, “держанные паруса (лодейные)”⁷⁸. Имеется также запись о том, что в 1696 г. было “куплено на шитье парусов 20 иголок гранок”⁷⁹.

В 1696 г. в архиерейском доме появилась очень интересная деталь судна, которая свидетельствует о том, что уже в XVII в. сложилась своеобразная служба оповещения на море: “У холмогорца Ивана Собакина куплены двой роковые подъемные шары”⁸⁰.

А приходно-расходных книгах архиерейского дома много записей о покупке якорей весом 3 п. 19 ф., 3 п. 7 ф., 2 п. 7 ф.⁸¹ В апреле-мае 1695 г. большой заказ выполнял холмогорский кузнец Афонька Осипов сын Нагибин: “...на морские и речные суды в прибавок к старым и вместо утеренных и изломанных якорей в домовой кузницы домовыми работниками” зделал семь новых якорей: 4 п. 30 ф., 3 п. 22 ф., 3 п. 1 ф., 2 п. 13 ф., 2 п., 1 п. 18 ф., 1 п. 13 ф.⁸²

Во время археологических раскопок русских средневековых городов, особенно тех, которые расположены на важных речных и морских путях, в городской застройке часто использовалась судовая древесина, преимущественно для настила полов, в качестве балок,

иногда для поделок из дерева. Приведем два примера. В 1686 г. “крестьянину Гераске Потанину продано домового архиерейского дощаника днище, которое унесло с Холмогор половодною водою”⁸³, а в 1688 г. “холмогорского Спасского собора сторон Митрошка Яковлев с товарищи розбивали домовые архиерейские барки”⁸⁴.

Рассмотренные нами судовые детали характерны для всех типов поморских морских и речных судов рассматриваемого периода. Для нас в первую очередь важно то, что каждый из двух представленных письменными документами XVI—XVII вв. промысловых районов (Беломорско-Мурманский и Новоземельский) имел в качестве основного (грузового) промыслового судна свой, характерный тип корабля — лодью или коч. В этом мы видим и стабильность традиций в поморском судостроении, и отражение специфики промысловых районов восточноевропейской Арктики в XVI—XVII вв.

2.

XVIII столетие — это, конечно, не та резкая черта, которая отделила в истории и экономике Поморья “век нынешний и век минувший”. В начале XVIII в. продолжали жить, плавать, строить так же, как и в последние годы предыдущего столетия, но тенденции нового времени постепенно стали сказываться на всех сторонах жизни поморцев. Увеличение населения, возросший спрос на все продукты морских промыслов и вовлечение в промыслы населения новых регионов Севера — вот лишь некоторые, но весьма существенные черты этого времени. Если раньше в промыслах участвовало преимущественно население тех районов Севера, которые непосредственно примыкали к морскому побережью, то теперь все чаще и чаще это “старое” промысловое население выступает в качестве кормщиков, подрядчиков, а рядовые покрученники-крестьяне набираются с Онеги, Ваги, даже Вычегды, а также из городских жителей.

На протяжении XVIII в. постоянно менялась структура морских промыслов. Уже в конце XIX в. исследователи обратили внимание на явную “чехарду” в организации рыбных, зверобойных и китоловных морских северных промыслов, когда одна реформа следовала за другой на протяжении почти всего столетия⁸⁵. Если до Петра I лов рыбы и морских зверей на Белом море (где были оброчные и владельческие тони — места промыслов, а после промыслов платились еще таможенные пошлины) и в районе архипелага Новая Земля (где оброчных и владельческих угодий не было и после промыслов с добычи также уплачивались таможенные пошлины) велся “вольно”, то уже в 1703 г. китоловные, тресковые, сельдяные и другие промыслы на Белом и Ледовитом морях были отданы “в компанию” князю Меншикову и братьям Шафировым. Проведенная реорганизация особой выгоды казне не принесла и не привела к увеличению объема самих промыслов, т. к. “компания” преимущественно перекупала продукцию промыслов у мелких промышленников, а затем перепродавала их уже на монопольных правах. Петровский указ от 21 февраля 1721 г. отдавал морские промыслы “в компанию” архангельскому купцу Евреину, который получал право поставлять продукты этих промыслов как на внутренний российский рынок, так и за границу. Однако это начинание также окон-

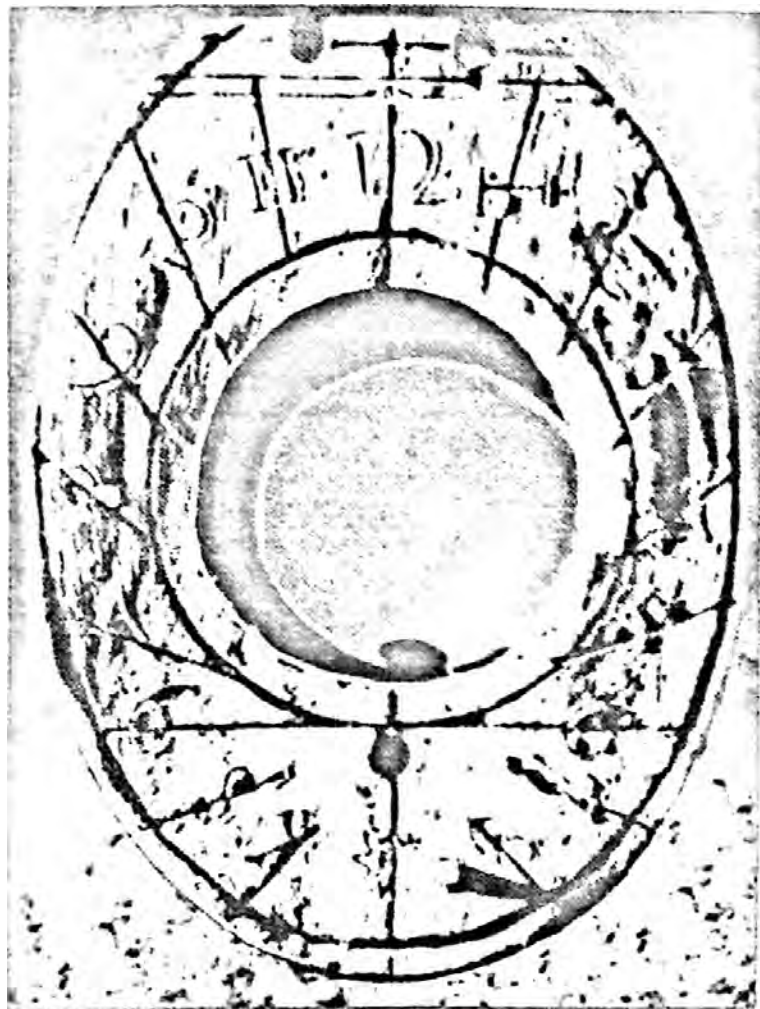

Рис. 10. Мангазея. Компас — солнечные часы. XVII в.

чилося неудачей, и вскоре состояние промыслов вернулось к положению до 1721 г. Делается попытка организовать китовые промыслы, для чего у Архангельского города строятся специальные корабли. По указу императрицы Сенат приказал «на зделанные у города Архангельска карабли для китового промыслу кому ими командовать и штирманов обыкновенных, также матросов выбрать ис таких, кои браны из Архангелогородской губернии ис поморских мест, человеку до тридцати бывалых на рыбных и звериных морских промыслах, и отправить к городу Архангельскому»⁸⁶. Тем же указом предписывалось «для ловления тех китов зделать против образцов линий при Адмиралтействе, а инструменты на Сестрорецких заводах и, зделав, отправить в Кольский острог наступающим зимним путем на наемных подводках, чтоб в будущую ж весну в ловле китовом ни за чем остановки не было».

Тем не менее эксперименты продолжались: в 1731 г. китоловный промысел, не приносящий доходов казне, был сдан «в компанию» архангельскому купцу Евреинову, чтобы тот вел бой китов, а убытки от этого промысла покрывал за счет других промыслов — рыбного и зверобойного. Однако китоловный промысел продолжал приносить убытки казне и вскоре был передан сначала барону Шафирову, а потом генерал-бергу барону Шембергу. Все эти проведенные реформы мало способствовали улучшению дел в морских промыслах, и промыслы эти были взяты обратно в казну, для чего в Архангельске учредили Коммерц-контору, которая стала подчиняться Коммерц-коллегии. Новая реформа грянула в июне 1748 г., когда поморские рыбные и звериные промыслы на 29 лет отдали «в со-

держание» графу Шувалову: «...всемиловнейше пожалованы ему и наследникам ево у града Архангельского и в Коле казенные сальные промыслы для лучшего тех промыслов произведения и приращения ея императорского величества интереса»⁸⁷, причем на его усмотрение было предоставлено решение вопросов о целесообразности дальнейшего ведения китоловных промыслов. В 1768 г. по истечении срока монополии звериные промыслы были возвращены промышленникам и оставались «вольными» до начала XIX в.

В первой четверти XVIII в. старинной поморской судостроительной традиции пришлось выдержать очень серьезное испытание: по царским указам 1715—1726 гг. было «велено объявить всем промышленникам, которые ходят на море для промыслов своих на лодьях и кочах, дабы они вместо тех судов делали морские суда галиоты, краеры, флейты, кто из них какие похочет, и до того... сроку на старых доходят только на два года, а по нужде три года, а по прошествии того срока, конечно, все старые суда переделать». Регламентировались наказания за ослушание: «...кто станет делать после одного указа те сказанные суда, ссылат на каторгу и суда изрубивать»⁸⁸. В связи с указами о «новоманерных» судах предписывалось «на тех новостроенных кораблях подписывать, в котором месте строен и звание, а как по спуску готовитца, объявлять в ратуше и записывать все обстоятельство того корабля, число ластов, глубина, ширина и длина машты, знаки, имя корабельного мастера и тому подобное, с которой записи давать во свидетельствованные письма за подписками и за печатью городов, для того, когда такой корабль кому продан будет, то помянутому письму надлежит быть у купца на том корабле»⁸⁹. В 1728 г. опять следует повторение указа: «...велено по Белому или Мурманскому морю поморским жителем для ходу малым морем от Соловков до города Архангельского и по реке Двине делать галиоты, гукоры, краеры и эверсы, а для рыбных и звериных промыслов делать шербот болше и малые... такие, как в Санкт-Петербурге делаютца»⁹⁰.

Однако попытка государства улучшить состояние поморских морских промыслов путем реорганизации промыслового флота, за счет крестьянского населения в первую очередь, натолкнулась на упорное сопротивление самого этого населения.

Итак, проследим по письменным документам некоторые этапы этого противостояния. Императорский указ от 28 декабря 1715 г. был получен в Архангельске 19 января 1716 г., и по этому указу велено было «объявить всем промышленникам, которые ходят на море для промыслов своих на лодьях и кочах, дабы они вместо тех судов делали морские суда галиоты, гукоры, каты, флейты, кто у них такие похочет (пока они новыми морскими судами исправятца), даецца им сроку на старых доходить только два года, а по нужде три года, а вновь кочей и лодей делать не велеть под штрафом»⁹¹. Уже следующий указ от марта 1719 г. вносит некоторые послабления, «дабы впредь для морского ходу делали галиоты, гукоры, краеры и эверсы для ходу только малым морем от Соловков до города Архангельского и по реке Двине, и для того старые их суды лодьи, карбасы, соймы, кочи и протчие велено переорлить и дать им на тех заорленных доходить, а вновь отнюдь не делать, а буде кто станет делать после одного указа, тех с наказанием ссылат на каторгу и суды их изрубивать»⁹².

Строгая регламентация, содержащаяся в императорских указах, по существу, означала полную замену, причем в короткий срок, всего промыслового и каботажного флота Поморья, что практически было мало реально.

20 сентября 1728 г. а Архангельск посылается новый указ: "Велено по Белому или Мурманскому морю поморским жителем для ходу малым морем от Соловков до города Архангелского и по реке Двине... делать галиоты, гукоры, краеры и эверсы, а протчим и особливо рыбным и звериным промышленником для рыбных промыслов и воски припасов позволяется делать щерботы большие и малые, такие как в Санкт-Петербурге делаютца" ⁹³.

Поморье не было исключением — замысел Петра о коренной переделке русского судостроения, речного и морского, коснулся всех регионов России — в Астрахани, Нижнем Новгороде администрация не знала, можно ли подвозить припасы по рекам на староманерных судах, поскольку в указах, полученных ими, "с сего 724 году, конечно, на староманерных судах ходить не велено" ("а новоманерными судами к сему году не исправилась") ⁹⁴. На это "собственно его императорского руки" была сделана резолюция — "отсрочить на год" ⁹⁵.

О бедственном положении поморов в связи с запрещением строить староманерные суда писал и архангелогородский вице-губернатор Лодыженский: на Двине "которые мастера оные гукоры строили, те к новоманерным судам мастерством подлинно не обучались, и чтоб для обучения и смотра в строении оных новоманерных судов прислать к городу Архангелскому мастеров" ⁹⁶. На документе имеются две резолюции — от партикулярной Санкт-Петербургской верфи "для оного мастеров с партикулярной верфи послать ныне некого, понеже разсланы в Новгородской и в другие уезды" и вторая, уже императорская резолюция "самим выписать из Голландии" ⁹⁷. Пока поморским судостроителям смотреть было практически не на что, они сами пытались освоить новоманерную практику (как мы увидим из дальнейшего, присланные мастера все же имелись в Поморье), пытались также создать некий гибридный тип судна, сочетающий в себе и традиционные староманерные черты, и новоманерные. Однако обмануть бдительность местных архангельских властей не удалось, и они доносили в Санкт-Петербург: "...а по осмотру и по свидетельству оные суда явились по гукорному, токмо по которых мест в грузу бывают шиты вичью, а которые мастера оные гукоры строили, те к новоманерным судам мастерством подлинно не обучались" ⁹⁸. Подобная судостроительная практика, можно полагать, встречаться стала нередко, поэтому Архангелогородская канцелярия в 1722, 1723, 1728 гг. неоднократно писала в Сенат запросы — как быть с подобными гибридными судами, "именуемые гукоры, токмо явились шитые" ⁹⁹. Однако Сенат молчал, и поэтому Архангелогородская губернская канцелярия в 1722 г. была вынуждена сделать определение подобным судам: "Морские суда, которые прежде сего были в 719-м году не орлены за отлучением, а другие и вновь построенные, именуемые гукоры, токмо явились шитые, переписываны и орлены штрафным клеймом, в котором значитца 722 год" ¹⁰⁰.

Таким образом, в группу "штрафных" судов попали суда, в течение шести лет не прошедшие регистрацию, и суда, построенные не по-новоманерному образцу.

Все поморские суда должны были пройти "освидетельствование" в Архангелогородской ратуше, результатом чего был документ, называемый "свидетельствованное письмо", содержащий подробное описание судна, место и время его постройки, имя мастера, построившего это судно, имя хозяина судна, дату освидетельствования, характер и место клейма. Судовладелец обязан был предъявлять данный документ каждый раз, когда он отправлял корабль с грузом или на промыслы и просил разрешения выйти в море ¹⁰¹.

В связи с этим интересен уже упомянутый нами довольно обширный документ под названием "Прошения судовладельцев о разрешении постройки судов и выдаче разрешений на выезд в море". Документ охватывает период навигации одного 1729 г. с 19 июня по 19 сентября и содержит сведения, вероятно, о всех или почти всех судах, которые намеревались выйти в море или пришли с моря в этот период. Но возможно, что данный документ отразил лишь часть вероятных "отпусков" в море. Тем не менее он содержит ряд уникальных сведений о состоянии поморского судостроения и ситуации в морских промыслах до событий, происшедших в 1749 г.

Что же произошло? Оказывается, что "в звериных и кожных промыслах не токмо помешательства, но и весьма великое умаление чинится от того, что староманерные суда строить тем указом запрещено" ¹⁰². Об этом были прошения архимандрита Соловецкого монастыря и мезенских промышленников, писавших, что за "мелкостию вверх по Двине реке и приморских берегах, и решных устьях, и в протчих местах на новоманерных судах ходить не возможно и оных новоманерных судов им, мезенцам, строить за скудостью нечем" ¹⁰³. Соответственно поданным челобитным Правительствующий Сенат только в 1749 г. принял решения:

1) по челобитью 1730 г. архимандрита Соловецкого монастыря "тому монастырю для потребностей монастырских и крестьянских... староманерные суды строить позволить";

2) по челобитью мезенцев 1731 г. "велено им, мезенцам, для привозу хлебных припасу и лову зверей староманерные суды строить" ¹⁰⁴.

3) Третий указ касался уже архангелогородцев, холмогорцев, а также Двинского и Олонешкого уездов промышленников: "в строении староманерных судов позволить", как и мезенцам и Соловецкому монастырю, но при условии, что они "ворванье сало и кожи и другие принадлежащие к тем промыслам товары" будут привозить в кампанию графа Шувалова.

Таким образом, указы Сената, изданные в 1749 г., значительно смягчили жесткие требования первоначальных петровских и послепетровских указов о новоманерном судостроении в Поморье.

Оговорки же сенатских указов о том, чтобы "кроме тех салных промыслов и звериной ловли и привозу ворванье сала, кожи и других принадлежащих к тем промыслам товаров, других сторонних товаров на тех староманерных судах не возили, а имели для того такие новоманерные суда, какие указами позволено" ¹⁰⁵, возможно, никогда уже практического значения не имели. Однако письменные документы первой половины XVIII в., и особенно первых десятилетий этого столетия, важны прежде всего как источник представлений о новых веяниях в поморском традиционном судостроении. Трудно поверить, что после 1749 г. помор-

ское судостроение во всем вернулось к практике конца XVII в. Несомненно, период внедрения новоманерных судов оказал влияние на поморские судостроительные традиции. Проблема в том, насколько точно письменные источники позволяют нам определить, что нового было привнесено в этот период, от чего постепенно поморы начали отказываться, а что прижилось и осталось на долгие годы.

Документ об отпуске судов на промысел в 1729 г. дает довольно широкий перечень поморских судов, из которых определенно выделяется группа традиционных, староманерных: кочмара, сойма, карбас. Вторая группа представлена судами: гукор, галиот, буер, доншкот, шербот, шкута, яхта.

I группа судов

Кочмара. Упоминается только два раза: "кочмара" и "кочмарка малая", оба раза кочмара использовалась как транспортное судно для перевозки хлебных запасов по Белому морю из Архангельска в Соловецкий монастырь и Кемский городок¹⁰⁶. Этимология названия судна не совсем ясна, но, возможно, связана с кочем. Размеры судна могли варьироваться.

Сойма. Как правило, это большое, традиционное для Беломорья транспортное судно, очень широко распространенное в регионе — в документе упоминается 16 раз и характеризуется так: "большая, староманерная, строения давних лет"¹⁰⁷. Любопытно, что только 4 соймы из 16 принадлежали владельцам, жившим в Двинской волости, остальные имели "прописку" в Западном Беломорье — в Кемском и Сумском городках, Сорочкой, Шуерецкой, Онежской волостях, а также в Коле. К сожалению, документ 1729 г. не дает представления о точных параметрах этого типа судна. Соймы так понравились Петру I, когда он был в Архангельске, что, готовя военные операции на Балтике, он предлагал князю Меншикову "сделать тысяч на десять человек, а то и больше, то лутче, соймов, что на Мурманское ходят (чаю тебе в память, которые нас провожали от Соловков), и ныне, како их полутче и покрепче сделать, прибавя своего маниру к оным" (было заложено около 300 сойм)¹⁰⁸.

Карбас. Упоминается в документе 16 раз. Как правило, карбасы принадлежали жителям низовья Двины — холмогорцам и архангелогородцам, один случай, когда карбас принадлежал жителю Кольского острова¹⁰⁹. Карбасы — "староманерные, строения прошлых лет суда" названы извозными¹¹⁰. Они использовались для перевозки хлебных запасов по Белому морю, для догрузки товарами больших торговых кораблей, для перевозки богомольцев из Архангельского города в Соловецкий монастырь (различные карбасы перевозили 29—42, 52—57 человек)¹¹¹. Встречаются карбасы, которые названы "карбас морской" и "карбас большой морской", которые также предназначались для транспортировки хлебных запасов в поморские волости из Архангельского города¹¹². Эти же карбасы использовались и для рыбного морского промысла¹¹³. Команда на таком карбасе могла быть до 9 человек — кормщик и работные люди¹¹⁴. Можно с уверенностью говорить о том, что часть карбасов имела палубы — об этом упоминается в письменном документе: например, карбас Матвея Балукова был заорлен "орловым клеймом на переднем оставу, на котором палубы утверждены", извозный карбас двинянина Алексея Банева был "заорлен в палубах на носу над забором внизу кровли"¹¹⁵.

II группа судов

Гукор. Одним из основных типов новоманерных судов, которые начали строить в Поморье по новым петровским указам, были гукоры. Документ 1729 г. упоминает 15 кораблей этого типа, из них 5 кораблей имеют подробное описание, зафиксированное в свидетельствованных письмах. Эти данные очень важны, поэтому мы полностью приводим их.

Гукор "Святой Николай": грузу — 8 ластов, длина по палубе 34 фута с половиною, ширина 10 футов, глубина 5 футов, одна мачта длиной 34 фута англ.;

Гукор "София": грузу — 12 ластов, длина по палубе 49 футов, ширина 30 футов, глубина 7 футов, имеет две мачты: грот — 47 футов, безань — 34 фута англ.

Оба гукора различаются размерами, парусной оснасткой, хотя и построены они были одним мастером — "мастером Кемского городка Саввой Мартыновым сыном Яковлевым", зарегистрированы в 1727 г. и принадлежали одному владельцу — жителю Лопского Падоского погоста Садальской деревни Константину Степановых¹¹⁶. Оба судна предназначались для перевозки хлебных запасов и для рыбных и звериных промыслов. Вполне возможно, что Саввой Яковлевым был построен еще один гукор — "Зосима", спущенный на воду также в Кемском городке, но в 1728 г.: "грузу — 11 ластов, длина по палубам 43 фута, ширина по палубам 13 футов голланд". Гукор принадлежал жителю Кемского городка Федору Жилину и предназначался для доставки хлебных припасов из Архангельска в поморские волости¹¹⁷.

Гукор "Святой Апостол Павел": грузу — 30 ластов, длина 50 футов, ширина 19 футов, глубина 10 футов, две мачты: грот с крьюсом — 57 футов, стеньг — 34 фута, безань — 40 футов, крус стеньг — 16 футов англ. Судно было построено в Мезенском уезде в 1727 г. мастером Двинского уезда Ровдогорской волости Осипом Карлуковым и освидетельствовано в 1728 г.¹¹⁸ Эти четыре гукора были построены местными северными мастерами, причем для жителей Западного Беломорья строили свои мастера, а для жителей Подвинья — мастера из подвинских волостей. Это свидетельствует о том, что в XVIII в. продолжали развиваться локальные судостроительные центры, сложившиеся, по всей вероятности, еще в XVII столетии.

Гукор "Санкт Абас Савватий": грузу — 33 ластва, длиною 52 фута, шириною 17 футов, глубиною 8 футов, две мачты: грот со стеньгом — 81 фут, безань — 43 фута голланд. Судно было построено на Соловецком острове мастером ладожанином Кириком Плещуковым в 1729 г.¹¹⁹ Постройка последнего из описанных нами гукоров ладожским мастером убеждает нас в том, что правительство все-таки заботилось о строительстве новоманерных судов на Севере России. Делались неоднократные попытки вывезти корабельных мастеров, в первую очередь для государственных верфей, из-за рубежа. Например, в 1705 г. Адмиралтейство извещало, что "иноземец торговый человек Андрей Прень из за моря пришел да вывез на государя корабельного мастера, ...самого доброго корабельного мастера, что он гораздо умеет карабли строить и буеры и яхты"¹²⁰.

Наряду со строительством новоманерных гукоров появлялись своеобразные гибридные суда, при строительстве которых использовались староманерные и новоманерные приемы. Так, гукор подвинца Никифора Беляева, построенный в 1718—1720 гг. крестьянином

Кузнецкого стана Борисом Плотниковым, был заклеен в носу "в коргу" штрафным клеймом 1722 г., т. к. оказался шитым¹²¹. Таким же был и архиепископский гукор, предназначенный для промысла рыбы: "...явился строением прошлых лет и строен и оснащен наподобие новоманерных судов, как строения гукоры, только шит вичью и гвоздем и заклеен учиненным в 722-м году штрафным клеймом, которое значит 1722 г."¹²² Любопытный случай произошел с гукором, который в виде вклада в Истринский монастырь вложил двинянин Иван Уских, но оказалось, что построенный в 1723 г. гукор "строен по-гукорному стыком край в край, на петниках и на гвоздях и коло него обведено баркотами, а дерево и снасть на оном гукоре по прежнему обычаю". Судно было переоснащено и вновь осмотрено; по определению Архангелогородской губернской канцелярии "посланы были для осмотра бывшие Осипа Баженина карабельные мастера Курейской волости крестьяне Василей Плотников, Егор Уских, Чюхченемской волости Ларион Трескин. И по осмотру их оной гукор явился оснащен по-гукорному, как таковые гукоры снастяца и по заморскому обычаю"¹²³.

В документе 1729 г. имеются два упоминания галиотов.

Галиот "Сокол": грузу — 35 ластов, длиною по киллю 48 футов, шириною 15 футов, глубиною 7 футов 3 дюйма, мачта одна, длиной 8 футов, гавел длиной 26 футов, поставлен стен марсел — 15 футов¹²⁴. Судно принадлежало Выгорецкому старообрядческому обществу и предназначалось для морских звериных и рыбных промыслов, было отправлено в Датскую землю.

Галиот новоманерный "Святой Николай": грузу — 35 ластов, длиною 40 футов англ.¹²⁵ Судно принадлежало архангелогородцу Ивану Андрееву сыну Звягину, а построено было в 1724 г. в Двинском уезде Чугозерской волости на Пинеге реке мастером Двинского уезда Ровдогорской волости крестьянином Иваном Ивановым сыном Карлуковым. Освидетельствованный в 1725 г. галиот предназначался для отпусков на море на рыбные промыслы.

Любопытную группу судов представляют буеры, упомянутые в документе 1729 г. пять раз. Эти упоминания важны, т. к. содержат подробное описание судов.

Буер "Горлица": грузу — 8 ластов, длина 33 фута, ширина 12 футов, глубина от палубы 6 футов, одна мачта длиной 36 футов англ.¹²⁶ Принадлежал корабль крестьянину Заостровской Двинской волости Ивану Кондакову, строен был в Двинском уезде в Вождорминской деревне недалеко от Холмогор при реке Двине мастерами Быстрокурской волости Трофимом Медведевым и Васильем Филиповым в 1726 г.

Буер "Лебедь": грузу — 8 ластов, длина — 33 фута, ширина 12 футов, глубина от палубы 6 футов, одна мачта длиной 38 футов англ.¹²⁷ Этот новоманерный буер, как и предыдущий, построен в 1726 г. теми же мастерами Быстрокурской волости Трофимом Медведевым и Васильем Филиповым в Вождорминской деревне. Буер "Лебедь" также принадлежал заостровскому крестьянину Ивану Кондакову. Оба судна предназначались для рыбного промысла и перевозки хлебных запасов в поморские волости из города Архангельского.

Буер "Святой Федор Стратилат": грузу — 8 ластов, длина по палубам 38 футов 11 пальцев, ширина 12 футов 11 пальцев, глубина 5 футов 9 пальцев, мачта длиной 38 футов англ.¹²⁸ Новоманерный буер был по-

строен в 1729 г. в Двинском уезде при реке Пинеге в Кузнецком стана в деревне Гбаче "мастером тое ж деревни Савой Кулаковым". Принадлежало судно холмогорцу Тимофею Кулакову, должно было ходить "к морю для рыбного промысла и поморские места для подрядов". Тимофей Кулаков имел и второй, новопостроенный буер "Святая Троица", но судно было продано крестьянину Золотицкой волости Алексею Тимофееву сыну Васильевых¹²⁹. Вполне вероятно, что второе судно было построено Савой Кулаковым.

Буер "Святой Апостол Петр": грузу — 5 ластов, длина 29 футов, ширина 8 футов, глубина 4 фута с половиною, мачта длиной 34 фута англ.¹²⁹ "Буер строен и оснащен по новоманерному, как таковые буеры строения" в 1726 г. мастером Тетринской деревни Дмитрием Тарабариним, который и владел этим судном.

В нашем распоряжении имеются описания трех яхт.

Яхта "Святая Мария": грузу — 20 ластов, длиною 53 фута, шириною 15 футов, глубиною 8 футов, одна мачта длиной 59 футов англ.¹³⁰ Новоманерная яхта предназначалась для рыбного промысла и перевозки хлебных запасов и принадлежала Антониеву-Сийскому монастырю. Яхта была построена в 1724 г. в Двинском уезде на Вавчужской купеческой верфи мастером Никифором, сыном Федора Баженина.

Яхта "Святой Николай": грузу — 27 ластов, длиною 60 футов, глубиною 7 с половиною футов, одна мачта длиной 56 футов англ.¹³¹ Яхта принадлежала архангелогородскому горожанину Ивану Звягину и была, как записано во свидетельствованном письме, построена в 1726 г. в Двинском уезде в Заостровской волости мастером того ж уезда крестьянином Иваном Курлуковым.

Яхта "Святой Николай": грузу — 23 ластов, длина по палубам 40 футов 9 пальцев, ширина 14 футов, глубина 7 футов, одна мачта длиной 48 футов англ.¹³² Новоманерная яхта принадлежала Николо-Корельскому монастырю, где и была построена "мастером Ровдогорской волости (около Холмогор) крестьянином Петром Долиным" и освидетельствована, вероятно, вскоре после постройки, в 1727 г. Судно использовалось для перевозки хлебных запасов для монастырских промыслов. Довольно подробное описание яхты "Святой Николай" было сделано в 1731 г.:

Реестр судовой и снастем. 1731 году июня 9 дня яхта, имянуемый "Николай", Корельского монастыря и что на ней обретается снастей и каких, и то писано ниж сего порознь. Машта, на ней флюгор древо железное. По вонную сторону яхты на корме образ Николая Чудотворца.

В казенки.

Шесть образов: образ Николая Чудотворца Можайский, верхняя цапа серебряная золоченая; образ Ильи Пророка; образ Дмитрия Селунского; два образа Богородичные; образ Благовещения Богородицы. Пред образами пять подвешников железных, листы в рамках соловещих чудотворцев в чудесах (на палях Старинка).

На верху на корме крест деревянной малой, на красках. Два компаса в ставках, третьей на дугах, лот железной пол семь фунта весом.

Восемь ног с юнфарами, две тальи.

На носу штах с юнфаром.

Грот фал с тальею, сковано железом.

Фок фал кливерный фал.

Три паруса, у большого паруса шкот з двойным блоком.

Дерек фал с тальею.

На казенки флак гарусной с яблоком.

Котел пять фунт с четвертью.

(и) Кормщику дан топор плотничий широкой.

Шесть лопаток конопатых, одна шкрапка.

Молот железной большой.

Да три молота конопатых.

Храпы с гойтяном, лом железной о двух латках. Скобель, до- лото. Четыре напарья больших (одной нет). Сверло, компас и лаг з двумя стеклами. Крюк ножной малой. Две спицы розщелные снастные (одной нет). Багор (нет) железной, три пробоя с коль- цами (издержанные), семь гвоздей железных больших старых (издер...) да новых сем же гвоздей больших же. Талья запасная новая железная (у дела) з двумя крюками, безмен трепудовый с ремнем. Гирия и трубка медная, медник варовой з дутой желе- зною весом, на нем кровля железная особая.

Водяной снасти.

Якорь большой весом 10 пуд, клеймо монастырское "М". Другой якорь большой же девять пуд, клеймо монастырское ж. Третей якорь, что в Колы взят у Еремеева. Четвертый якорь 5 пуд. Пятой якорь завозной пол-третья пуда, на тех якорях клейма монастырские ж.

Снасти конатные.

Шейма большая, подержаная, за глухими концами, смоляная. Другая шейма деветерная, подержаная ж, смоляная ж. Два спуска тяглых поупки 730 году, под монастырем лдом перерезало, и срошен по одному месту, сгнил и по многим местам срошен. Старой шеймы конец сеченой вологодского дела, пятьдесят три сажени.

Деревянной посуды.

Два ушата, два ведра водоносных, бочка сороковая дубовая по воду, бочка квасная краснопитейная, чаша, блюдо, ставец держаные, клейма монастырские, катка квасная с кровлею...¹³³

Есть сведения о постройке двух яхт: в 1754 г. и в 1758 г.¹³⁴ Таким образом, все известные нам яхты бы- ли построены в нижнедвинских волостях, одна на ку- печеской верфи, а остальные на крестьянских плотби- шах.

Не совсем понятно, почему такие суда, как шербо- ты, шкуты и доншкоты, строились преимущественно в Западном Беломорье.

Шербот "Гликерия": грузу — 8 ластов, длину по палубам 42 фута 10 пальцев, шириною 15 футов 10 пальцев, глубиною от киля до палуб 6 футов 4 пальца, одна мачта длиной 42 фута 9 пальцев¹³⁵. Новоманер- ное судно строено в 1729 г. "в вотчине Соловецкого монастыря в Подужеской деревне мастером тое ж де- ревно Матфеем Ивановым сыном Демидовых, а ходить будет к морю в Кольский острог и в другие примор- ские места с хлебными припасы и для рыбных и зве- риных промыслов". Об этом писал в прошении о про- пуске шербота в море его владелец Лисестровской около Архангельска волости крестьянин Иван Игнать- ев сын Корела. Подробных сведений о шерботе "Ни- колай", который принадлежал Афанасью Фомину сы- ну Ратманова, пока нет¹³⁶.

Упоминание о шкутах встречено в документе 1729 г. три раза, из них два описания достаточно подробны.

Шкут "Преподобный Савватий": грузу — 55 ластов, длина по килю 56 футов, ширина по палубам 18 футов 6 дюймов, три мачты: грот — 70 футов, солтен марсе- лем — 70 футов, фок — 38 футов англ.

Шкут (шкута) "Святой Зосима": грузу — 20 ластов, длина 30 футов, ширина 13 футов, глубина до палуб 7 футов, одна мачта длиной 42 фута англ.¹³⁷ Новоманерная шкута принадлежала Лопского Падонского погоста Садальской деревни Константину Степановых, а построена была в вотчине Соловецкого монастыря в Кемском городке мастером Олонцкого уезда Пано- зерской волости Афанасьем Антипиным. Судно полу- чило свидетельствованное письмо в 1726 г. В докумен- те очень кратко упоминается еще об одном шкуте — новоманерном шкуте "Авва Зосима Чудотворец", ко- торый принадлежал Соловецкому монастырю¹³⁸.

В документе 1729 г. упоминаются также два судна типа доншкот. Один из них — новопостроенный дон- шкот "Иаков" — принадлежал жителю Сумского ос-

трога Киприяну Аникиеву сыну Коновалову и отпра- влялся с хлебными припасами в Поморские волости¹³⁹. Второй доншкот характеризуется довольно подробно.

Доншкот "Андрей Первозванный": грузу — 10 лас- тов, длина 36 футов, глубина 7 футов, одна мачта 40 футов англ.¹⁴⁰

Как можно расценить стремление Петра поставить поморское судостроение на качественно новую сту- пень, во многом соответствующую европейскому опы- ту? Безусловно, местное поморское строительство су- дов ориентировалось прежде всего на нужды промы- слов и как один из элементов традиционной промы- словой культуры северного региона отвечало нуждам этих промыслов. Но "на дворе" стояло новое столе- тие — XVIII в., перед государством возникли пробле- мы, не стоявшие ранее, и для решения этих проблем, конечно, нужен был новый торговый и новый промы- словый флот.

Лодья. XVIII в.

Петровские указы давали промышленникам неболь- шую "передышку" — они разрешали пользоваться ста- рыми типами судов еще несколько лет, но, естествен- но, процесс замены "староманерных" судов на "ново- манерные" растянулся на гораздо более длительный промежуток времени. Крупнейшие двинские купечес- кие корабельные верфи Поморья, солombsьское Адми- ралтейство в Архангельске начали решать круг государ- ственных проблем, связанных с заморской торговлей.

Весь промысловый флот по отношению к большим русским торговым и военным кораблям как бы стано- вился "малым" флотом. Да, строили промысловые су- да новых типов, называя их галиотами, буярами и т. д., но не так быстро поморские судостроители отказыва- лись от своих традиционных приемов сооружения промыслового судна, тем более что сам-то промысел, его регламентация, орудия лова практически не могли измениться сразу, да и не изменялись. Более того, имеются письменные свидетельства, что с прежним поморским судостроением, по сути, и не было покон- чено "вдруг", так что лодья как основной тип про- мыслового судна в Беломорье и на Мурмане использо- валась на протяжении почти всего XVIII в. Приведем некоторые описания, которые представляют источни- коведческий интерес.

1. "Роспись архиепископа Холмогорского дому, ло- дьи, и лодейным снастям, и на нех посланным хлеб- ным и харчовым припасом, и соли, и промышленным снастям...

Описание лодьи и на нех лодейных потреб и сна- стей. Лодья двинянка самой большой меры, в про- шлом 1703-м году была к водотечи плотна. А в ней святые образы: Преображения Господня, Богоматере, Иоанна Богослова, на особых диках писаны краски, пяднишны; да складни на трех дуках, оправлены ме- дью; образ Вседержителей, пяднишной, писан краски, венец у образа сребрен позолочен, басмяной. Три мат- ки в ставках, в том числе одна большая на дугах. Два фонаря, в них з двумя сторон слюда, а з других дву сторон доски деревянные. На той лодье снастей: якорь большой весом 80 пуд, якорь весом 5 пуд, якорь весом 8,5 пуд, якорь весом 3 пуд, якорь весом 2 пуд 10 фунт. Завоз большой, завоз метный, оба мало держаны; тре- тий завоз подметным. И те четыре завоза все подержа- ны. Вожы, 81 ног и с переметами, а в переметных во шти ногах 13 векош железные. Парус ветх, в то число

дано на новый парус холстов новых, а сколько мерою, числом и что за них дано цены, и то писано ниже сего. Два топора, храп, долото, два скобели, две напарьи, две бочки дубовых под квас и под воду. Карбас лодейной. Посуда медная: 3 котла красной меди з дугами железными, весу в них 20 фунт; 2 спицы железных с рашивални; 3 ведра з дугами, новых; 2 крюка весновальных; векша калитная запасная; 2 тяги собцовые новые. И той вышеписаной лодьи со снастями и со всеми потребы домовые приказные люди оценить не знают, для того что те снасти и потребы покупаны были в разные годы" 141.

2. В ноябре 1784 г. Архангельской округи Терпиловского стана крестьянин Михайло Иванов сын Вологдин подал ходатайство: "Желаю я, именованный, по имеющейся для рыбного промысла надобности построить мореходное судно лодью в Архангельской округи в Заостровской волости крестьянами из негодных к карабельному строению лесов длиною по килю сорок семь, шириною восемнатцать фут, но того судна без повеления наместническаго правления строить смелости не имею и прошу... мне построить позволить..." 142 Архангельское наместническое правление разрешило Вологдину построить лодью, "но с тем, что он на постройку оной покупал лес от волных людей, в вырубке и к продаже онаго законное дозволение имеющих, а в государственных дачах отнюдь бы не вырубал без повеления Архангельской казенной палаты..." 143

3. В сентябре 1784 г. архангельский купец Сергей Жебелев подал в Архангельское наместническое правление доношение: "Желюю я, именованный, по купечеству своих надобностей построить мореходное судно лодью в Пинежской округе в Кузонемской волости Островской деревни крестьянами Алексеем Иконниковым с товарищи из негодных к карабельному строению лесов длиною по килю пятидесяти четырех фут, но того судна без повеления наместническаго правления строить смелости не имею" 144. Насколько стандартно было написано в "доношении", настолько же стандартно (см. предыдущий документ) был дан ответ: "По силе прописанных законов показанному купцу Жебелеву в Пинежской округе лодью построить позволить, о чем дать ему со взятием печатных пошлин указ, но с тем, чтобы он на постройку оной покупал лес от вольных людей и вырубки с продажею онаго законное дозволение имеющим..." 145

Таким образом, получается, что лодья как бы "преодолела" все преграды новых узаконений и оставалась по-прежнему крупным морским судном. В своем "объяснении" архангельские купцы указывали в 1801 г.: "На Новую Землю, а годами и на Шпицберген отправляется от меня мореходное судно лодья" (Оконнишников) 146; "На Новую Землю и на Шпицберген отправляется от нас мореходное судно лодья" (Плотников) 147. Характерно, что в 80—90-е годы XVIII в. при отправке судна владельцы, как правило, не указывали тип судна, а просто писали "мореходное судно". Об указании типов судов, отправляемых на Новую Землю и Шпицберген, известны единичные случаи: в 1797 г. от Выгорецкого общежитства были отправлены два судна — крытый бот "Святой Никола" под № 174 и лодья "Святой Николай" под № 307 148. Возможно, в это время уже не было важным, какой тип промышленного "мореходного судна" отправлялся на Мурман, Шпицберген или на Новую Землю: все эти суда уже были "заклеймены", имели свои "паспорта", в

Рис. 11. Рыбачья шнява на промысле в открытом море. Открытка начала XX в.

которых были указаны их размеры, грузоподъемность, кем и где они были сделаны.

На наш взгляд, в "Рапорте" 1801 г. (см. Приложение) об этом и говорится: "1-мореходныя для рыбного и зверинаго промыслов суда имеют разные тамошней губернии купцы, мещане и крестьяне в городах — Архангельске, Холмогорах, Мезени, Онеге, Кеме и Коле и их округах, величина оных судов по килю длиною от 33-х до 85-ти фут, также от 14 до 60 ластов, а ширина и глубина соответственно оной длине, а для управления ими в году и на промыслах бывает работников хотя и одинаковой величины на судах, не поравному количеству; а судя по отдаленности вояжа и по качеству промыслов, так что на Гренланд, Новую Землю и Шпицберген отпускается на легких судах от 6 до 10, а на больших от 12 до 40 человек; на Мурманской российской берег отпускаются таковые суда для отвозу их промышленникам хлебных припасов и для привезения оттуда к портам Архангельскому и Онежскому с 4, 6 и 8-мью работниками" 149. Согласно "Рапорту" большие промысловые суда и корабли для заграничных вояжей строились на купеческих верфях. Данные "Рапортов" из различных городов Архангелогородской губернии были обработаны и посланы в Государственную Коммерц-коллегию. Сообщалось, что "купцы, к сим промыслам приобьикшие, отправляют каждой от своего имени на собственных своих больших мореходных судах, имянуемых бриками, лодьями, наемных промышленников как на Мурманской берег, так и в отдаленные части Ледовитого моря или Северного океяна на разныя острова, из числа коих главные и отдаленные в Ледовитом море считают называемые Грумант или Шпицберген и Новая Земля" 150.

Нет сомнения, что в поморском промысловом флоте во второй половине XVIII в. сложилась противоречивая ситуация — "мореходные суда" продолжали строить на крестьянских верфях (лодья и более мелкие суда); суда военные, суда для заграничных плаваний и китоловного промысла, а может быть, и большие лодьи строились на постоянно действующих "регулярных" верфях. Стоит отметить, что несколько раньше, в первой половине XVIII в., ситуация была иной. Это касается прежде всего репертуара самих типов судов — петровский указ о строительстве буюров, краеров, га-

лиотов, эверсов, предоставляя владельцам выбирать тип судна, в определенной степени искусственно внедрял в сложившиеся народные судостроительные традиции Поморья элементы западноевропейской морской культуры.

Интересно, на наш взгляд, небольшое архивное дело, связанное с отправкой на Грумант трех судов Выгорецкого раскольнического общежительства в первой половине XVIII в.: буюра "Лебедь", шербота "Гликерия" и галиота "Морж"¹⁵¹. Архивное дело содержит описание основных размеров судов: они различаются длиной, шириной корпуса, высотой единственной мачты. Размеры "новоманерного судна буюра", построенного в 1755 г. в Двинском уезде на Пинеге крестьянином Иваном Иконниковым, напоминают упомянутый нами галиот "Морж"¹⁵². В "Атласе Архангелогородской губернии" 1797 г. перечислены все суда, которые в этот год вернулись с промыслов: 124 лодьи, 97 кочмар, 2 брика, 2 бота, 1 галиот, 74 весновальных карбаса и 15 шняк (на всех судах находилось 2082 человека)¹⁵³. Таким образом, к концу XVIII в. большинство "новоманерных" типов судов как бы растворяется среди традиционных лодей и карбасов, хотя в той же энциклопедии указано, что "для звериных промыслов на Грумант и Новую Землю отправляются большие мореходные суда, как то: гукоры, галиоты и лодьи"¹⁵⁴.

Важно, что в XVIII в. лодья продолжала оставаться одним из основных мореходных судов практически во всех промысловых районах Европейской Арктики: Печорско-Новоземельском, Мурманском, а также фиксируется в районе Шпицбергена. Как было видно из письменных документов XVII в., район Шпицбергена как один из промысловых районов жителей Поморья не упомянут вообще, тем более не встречается в них и выражение "грумантландский морской ход" (это название, по аналогии с "мангазейским морским ходом", придумано и введено в научную литературу В. Ф. Старковым¹⁵⁵). Само выражение "морской ход" или просто "ход" созвучно поморским лоджиям (например, "ход из Сумы в Архангельск", "ход по норвежскому берегу" и т. д.)¹⁵⁶. К сожалению, ни в одной из поморских лоджий нет "хода на Грумант". И это не случайно.

Карбас. XVIII в.

Использование судов типа "карбас" в течение XVIII в. продолжалось, но по сравнению с предыдущим временем произошли некоторые изменения. Одна из важнейших тенденций этих изменений — увеличение размеров промысловых карбасов и превращение их в самостоятельные промысловые суда. Приведем один из наиболее интересных документов.

1710 года ноября в 20 день. Преосвященный Рафаил, архиепископ Холмогорский и Важеский, указал для своего архиерейского домового рыбного мурманского промысла подрядить добрых мастеров сделать к морскому ходу судно по ужоеству, которое б подняло грузу тысячи з две или с пол-трети пудов. И по тому его, преосвященнаго архиепископа, указу для подряда такого морского судна призваны и подряжены Двинского уезда с Пенеге Кузонецкого стану Островской деревни крестьяне Иван Михайлов сын Батаков да Тимофей Иванов сын Кармакулов. Зделать им для архиерейского домового мурманского рыбного промыслу карбас морской крытой мерою по колоде пол-девяти сажени с локтем, поперек трех сажени с локтем таких же и ширина сделать против длины по ужоеству. А корма у того карбаса сделать с розводом по карабельному, с казенкою, а лес к тому карбасному делу класть самой доброй и годной, ядреной, а негнилой, и не шеловатой, и не суковатой, и шить тот карбас вичь-

ем самым словом, добрым и крепким... А набой пришивать плотно самым добрым мастерством, и набой припушать больши, а вышина сделать... по ужоеству, а вичье класть доброе и коренное и отспичивать во швах всякий шов плотно. И упруги в тот карбас класть плотные и с кореники чаще, а не ретко, ушить их пятниками, убить плотно ж, чтоб меж всяким упругом было по три и по четыре вершка. И казенка сделать по ужоеству, и тес дать дошаной плотной, и подскальники, и палубы покрыть тот карбас скалами наплотно и наверху, и ветреницы пришить те ветреницы х курицам и перешвы. И все это карбасное дело сделать добро безоухло самым добрым мастерством. А к тому строению конопать, скобы, гвоздь железное, смола, скалы — все домовое, сколко понадобится, а лес весь их, подрядчиков. А сделать тот карбас совсем наготово, и пригладить на Холмогоры им, подрядчикам, собою в предбудущем 1711 году весною по первому водяному пути и спустя времени июня в первых числах, и поставить на указанное место, где преосвященный архиепископ укажет. А делать тот карбас им, Ивану и Тимофею, за своим хлебом и харчем своею силою и лес к тому делу возить на своих лошадах. И рязено им, Ивану и Тимофею, от того карбасного дела за лес и за работу, что выше объявлено, из домовой архиерейской казны двадцать рублей, а наперед им в ту работу дано тех наемных денег дано им десять рублей, а достальные деньги им, подрядчикам, взять из архиерейской казны, как они тот карбас сделают наготово, и поставят на Холмогорах на указанном месте, и отведут против сей записки, в то время достальные деньги из его, архиерейской, казны будут выданы. А буде они, подрядчики Иван и Тимофей, тот карбас сделают непотрив подряду и договору, и в готовности на указанный срок не отведут, и к промыслу тот карбас неспосеет, и те взятые деньги взять на них, подрядчиках, вдвое и с убытки безо всякие пошады. А на сопец дерево с корнем угодное, корень доброй по ужоеству, и иной лес к тому сопцу, и оглобля сопцовая березовая с корнем добыть им, подрядчиком, и привезти на Холмогоры с тем карбасом вместе. А порукою в том карбасном деле, и в поставке на Холмогоры, и во взятых задаточных деньгах по ним, Иване и Тимофее, Холмогорского Глинского посаду Троицкой церкви диакон Федор Семенов сын Безшочкин, а привальное и отвальное и пошлина с того карбаса буде спросят, платить из домовой архиерейской казны.

1711 июня в 9 день выше писанные подрядчики Иван Михайлов Батаков да Тимофей Иванов Кармакулов сделали тот вышеписанный карбас морской по подряду и привели его на Холмогоры в дом его архиерейской в целости весь по ужоеству, как писано в сей записки выше сего. И по тому их подряду достальные деньги из домовой архиерейской казны им, подрядчикам, выданы десять рублей. Вместо Ивана Батакова да Тимофея Кармакулова по их веленью нижеподокурец Якоп Попов руку приложил.

К тому же новому мурманскому карбасу чюхченемец Зенон Худощубник делал дерево новое наготове да сопец. И то дерево ставил и около того дерева вы... и бот, и иные всякие мелкие поделки ему, Зинову, рубль дано. Да к тому же карбасу колмогорец кузнец Иван Востроносков наваривал к якорю лапу. Дано ему за тое работу 16 алтын 4 деньги дано. Да к тому дереву куплена спица сандилная, денгу дана 6 алтын. Да к тому ж карбасу у колмогорца Курцевского посада у Василья Петрова сына Поваровых водолейная бадья новая, денег за тое бадью 10 алтын дано¹⁵⁷.

Приведенный документ обладает редкой для XVIII в. подробностью и поэтому очень важен для понимания конструкции морского промыслового карбаса как крупного морского типа судна¹⁵⁸. Несомненно, в иерархии поморских промысловых судов карбас из вспомогательного судна, каким он был в XVII в., по величине и важности на промыслах начинает входить в группу самостоятельных промысловых судов.

Вопрос о строительных материалах для кораблестроения стоял особенно остро в тех районах Севера, где не было даже и "негодного леса". Так, в 1798 г. "всеподаннейшее ходатайство" от имени кольских мещан подал "кольский мещанин Филипп Алексеев сын Голодной": жители Колы просили соснового леса "для построения новых 35 промысловых лодок, называемых шняки, могущих нести груз около 150 пуд"¹⁵⁹. Лес требовался колянам и на починку домов, а "поморцы

же, управляющиеся при промыслах, привозят дрова на лодьях из свежих мест”, коляне ездят за дровами за 60 верст. Любопытны сведения о том, что “в городе Коле, хотя и не имелось никогда лодейного строения, но жители имеют небольшие лодки, называемые кочмары, кои покупают в городе Архангельском”. О шняках: “...лотки же сеи строятся топорною работою, каждая из 12 деревьев... пилить же оных совсем не можно, всегда употреблялися кривые, выгесанные по шнечному лекалу”¹⁶⁰. Построить новые суда колянам было необходимо, т. к. ежегодно в марте поморцы приходили на промысел на 400 лодках, а “колские же жители на 60”. О большом значении рыбного промысла для колян свидетельствует и Обывательская книга г. Колы 1786 г. — большинство населения “питается от морского рыбного промысла”¹⁶¹.

Можно предположить, что судно типа шняки в структуре морских промыслов, по существу, заняло роль карбаса, который, как мы говорили, в XVIII в. постепенно становится самостоятельным промысловым судном. Недаром в навигацию 1800—1801 гг. большинство промысловых судов, которыми владели крестьяне Летнего и Зимнего берегов Белого моря, составляли карбасы¹⁶². Следует отметить такой нюанс: карбас становится самостоятельным судном прежде всего во внутреннем Беломорском бассейне и на новоземельских промыслах. Почти полностью исчезает из промысловой структуры карбас на мурманских промыслах, здесь-то его и заменяет небольшое судно — шняка. В Приложении публикуются “доношения” и “объяснения” некоторых архангельских купцов: Михаил Куницын, отправляющий по тракту через Колу “на Мурманской российской берег” 26 человек промышленников, писал о “пяти небольших судах, называемых шняками”, на которых рыбаки выезжали в море по четыре человека в шняке¹⁶³. Обратное в Архангельск рыбаки возвращались вместе с уловом на его собственном или арендуемом им мореходном судне. Плотников с сыном отправлял на Мурманский берег 36 промышленников, которые выезжали в море на девяти “небольших судах, называемых по тамошнему шняками”, в каждой шняке по четыре человека¹⁶⁴. У Петра Болотного в море на трех небольших судах, “называемых по тамошнему шняками”, выезжали двенадцать человек¹⁶⁵. У Василия Оконнишникова — восемь человек на двух судах, “называемых по тамошнему шняками”¹⁶⁶. Следует обратить внимание на настойчивое выражение всех упомянутых купцов — “называемых по тамошнему шняками”. Не является ли это свидетельством, что данный тип судна появился прежде всего в западной части “Мурманского российского берега” и связан с влиянием судостроительных традиций соседей?

Для морских звериных и рыбных промыслов строились и суда типа яхты: есть сведения о постройке двух таких судов в 1754 и 1758 гг.¹⁶⁷ То, что они строились и в первой половине XVIII в., несомненно; доказательство тому — яхта “Николай”, построенная, возможно, около 1730 г.¹⁶⁸ (в Приложении приводится описание яхты, в скобках — более поздние пометы на полях документа). Сведения о постройке одной из первых в Подвинье яхт относятся к 1693 г., когда по приказу Петра голландские корабли Питер Бас и Гербрант Янсенс построили в Архангельске яхту “Святой Петр” (длиной 60 голл. ф., шириной 20 голл. ф.)¹⁶⁹.

Мы полагаем, что в XVIII в., по крайней мере после первой четверти столетия, из новоземельского

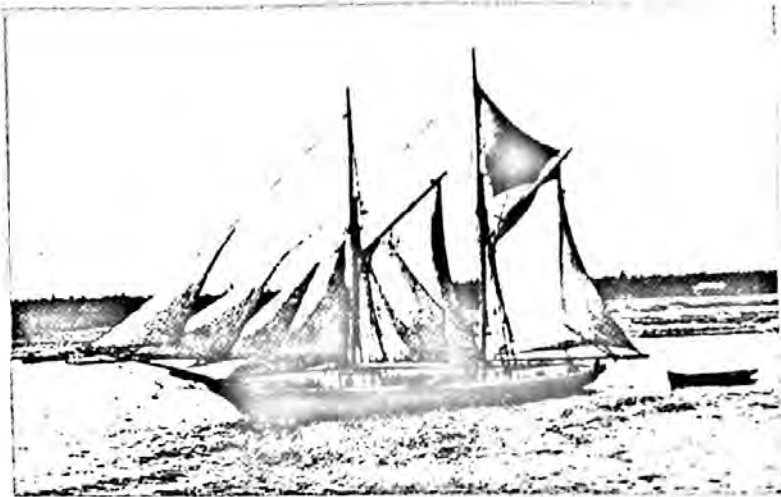

Рис. 12. Парусник. Поморское судно, на котором перевозится рыба. Открытка начала XX в.

промыслового района исчезает характерное для него промысловое судно типа коча. Об одном, возможно последнем, случае строительства такого судна (правда, для научных — экспедиционных целей) упоминал М. И. Белов¹⁷⁰.

Во время снаряжения Великой северной экспедиции посчитали, что для одного из ее отрядов, а именно Двинско-Обского, который должен был проводить съемку морского берега от Архангельска до устья Оби, наиболее приемлемым средством передвижения может быть судно типа коча. В этом экспедицию убедил мезенский помор Дмитрий Откупщиков, проплававший в океане около 60 лет. Он заявил: “Для осмотра берега, где имеются неизвестные и безопасные места, судами быть вышеупомянутым кочам, только сверху дек укрепить, как у регулярных морских судов крепится, того ради, что оные кочи регулярных судов легче, а часто случается, что от северных ветров наносит льды и теми льдами суда затирает, что лутчее спасение судам получают тем, что вышед на лед, и стягами судно выжимают, так что все его облегчить могут на лед...” Подряд в 1734 г. на строительство кочей для экспедиции взяли новоземельские промышленники — мореходы Федор и Тимофей Кармакуловы, которые взялись построить кочи длиной по 9, а шириной по 3,5 сажени, а “упруги класть друг от друга небольшие, поларшина, и палубы крепить кокорами...” Опять перед нами традиционное, столь характерное для старинных кочей соотношение длины и ширины корпуса, так же четко регламентированное расположение упругов-шпангоутов, и совершенно ясно, что кокоры-книси использовались для крепления палуб. Так в 1734 г. и был построен по старому “образцу” поморский коч.

Мы убеждены, что и в конце XVII в., и в XVIII в. наиболее отдаленный “морской” промысловый район — архипелаг Шпицберген осваивался большими мореходными судами (лодья, а позднее боты, галиоты, яхты). Но в письменных документах нам все же удалось найти единственный зафиксированный пример использования коча в районе Шпицбергена: в 1799 г. Семен Пушкин отправлял суда от Выгорецкого старообрядческого обществства, и отправил 13 человек на судне “Святой Иоанн Креститель” под № 379, и назвал судно кочем¹⁷¹. Номер судна явился своеобразным “ключом” для других случаев отправки “Святого Иоанна Крестителя” на промыслы: в 1797 г. во главе с кормщиком Федотом Рахманиным и командой в 9 че-

ловека на Новую Землю¹⁷², в 1798 г. с командой в 11 человек судно ходило для звериных и сальных промыслов вновь на Новую Землю¹⁷³. В 1802 г. Семен Пушкин опять собирался отправить уже шесть (в том числе и № 379) судов “на Грумант и Новую Землю для звериных сальных и китоловных промыслов”¹⁷⁴. Вряд ли это был старинный коч, который “дожил” до рубежа XVIII—XIX вв., скорее это проявление живучести некоторых традиций в судостроении: возможно, в этом конкретном судне они проявились наиболее ярко и оно значилось под именем более архаичных судов — кочей. Мы подробно остановились на этом, как нам представляется, казусном случае, потому что он явно выпадает из общей тенденции развития промыслового поморского судостроения.

В связи с этим можно сказать несколько слов о находке на Шпицбергене остатков судна, которые В. Ф. Старков определил как остатки коча, имеющего “сходство с кочами новоземельского типа”¹⁷⁵. Заметим, что приведенный им документ — “акт о приемке судна”¹⁷⁶ — относится в действительности не к 1595 г., а к 1695 г. Кроме того, в приведенном им отрывке содержатся ошибки даже по сравнению с текстом М. И. Белова, откуда он взят¹⁷⁷. Мы не хотим придирааться к мелочам, но подобные описания кочей единичны и исследователь не вправе строить выводы на фактических ошибках. Это относится и к документу 1667 г. о пустозерских крестьянах, смысл которого (документ цитирован нами в начале главы) не соответствует интерпретации В. Ф. Старкова.

Возможно, обнаруженные остатки действительно принадлежат русскому судну, но все дело в том, к какому типу судна и к какому времени относятся эти остатки. На наш взгляд, приведенные в рисунках детали шпицбергенского судна не могут служить иллюстрацией к описаниям кочей или лодей XVII в. По характеру шпангоутного набора они, скорее, относятся к XVIII в., потому что только в первые десятилетия XVIII в. так начинали строить на Архангельской Соломбальской адмиралтейской верфи большие морские корабли: в декабре 1712 г. Федор Баженин доносил из Архангельска, что ему велено строить три корабля и “то корабельное строение строится... изрядно, у тех кораблей сделано по се нижеписанное число, корпусы их во основании из сосновых изрядных кокор, крепостию супротив заморских военных кораблей, наипаче чему заморские иноземцы разных чинов удивлялися...”¹⁷⁸ То есть речь впервые шла об усилении корпуса кораблей “супротив” — аналогично иноземным военным судам. Как мы понимаем, в документах XVII в. шпация была довольно значительна, по документам XVIII в. поморские промысловые суда имели шпацию только 3—4 вершка¹⁷⁹. Нами высказаны соображения об элементах судового набора того или иного типа промыслового судна лишь в порядке дискуссии. Письменных источников привлечено к решению подобных вопросов очень мало, и любой новый документ будет представлять несомненный интерес.

Вместо заключения

Цель нашей работы состояла не в написании истории поморского судостроения XVII—начала XIX в. — мы хотели проследить роль морских судов различных типов в практике морских промыслов разных районов

восточноевропейской Арктики. В этом плане (изучения промыслов и судов) мы не можем назвать ранее известные разработки или исследования, кроме, пожалуй, тех описаний морских промыслов, которые были сделаны еще в конце XVIII в. и которые, по всей вероятности, нужно связывать с именем архангелогородского историка В. В. Крестинина¹⁸⁰.

Принципиальная, генеральная схема организации морских промыслов, по существу, одинакова для всех промысловых районов: крупное морское (транспортное) судно отвозит в район промыслов артель промышленников, орудия лова, запасы продовольствия; в районе промысла прибывшая артель разбивается на несколько команд и на малых — промысловых уже в собственном смысле этого слова — судах ведет морской рыбный или звериный промысел, после чего с полученной добычей возвращается назад домой. Уже в рамках этой схемы в каждом из промысловых районов на протяжении длительного хронологического отрезка происходят специфические для них изменения.

Беломорско-Мурманский район, а с XVII в. можно говорить уже о двух самостоятельных промысловых районах (Беломорском и Мурманском) — самый древний, освоение его происходило раньше других — непосредственно с момента выхода русского населения к берегам Белого моря. Для Мурманского региона в XVII в. характерно использование крупных морских судов типа “лодья” в качестве транспортно-грузового судна. Непосредственно на промысле использовалось вспомогательное промысловое судно типа “карбас” (команда-артель одной лодьи составляла три промысловых команды на три карбаса, каждый из которых возглавлялся карбасником, кроме него в карбасе было еще три промышленника). В XVIII в. в район мурманских промыслов промышленные артели отправлялись из Архангельска, Коми и Онеги пешком до Колы, где обычно зимовали промысловые карбасы, имевшие “тамошнее название” “шняки”. Иногда, когда на Колыском заливе лежал ровный лед, под киль шняки “подделывали особливые из смолистого дерева... помочи, называемые кренс”, и, поставив парус, достигали в море открытой воды. В каждой шняке-карбасе находилось по четыре человека (“в том числе один кормщик, другой тяглец, вытягивающий из воды рыболовные снасти, третий весельник, или гребец, и четвертый наживальщик, то есть насаживающий на уды морских червей или что иное для приманки рыбы”¹⁸¹). Все это время основным транспортным судном оставалась лодья, но лодья в XVIII в. — большое (по килю 30—40 футов), уже трехмачтовое судно.

В Печорско-Новоземельском промысловом районе основным транспортным судном в XVI—XVII вв. был коч (по месту промысла он так и назывался — “новоземельский промышленный коч”), а непосредственно звериные промыслы велись при помощи карбасов. Команда-артель каждого коча составляла, как правило, 15 человек. В письменных источниках четкой регламентации количества карбасов на коче не встречается. Посылаемые в XVIII в. на Новую Землю большие транспортные суда были гукоры, галиоты и лодьи; по величине “они по килю бывают такой же величины, как и мурманские лодьи, по строению имеют различную оснастку...”¹⁸² На каждом судне “имеется по одному и по два карбаса, а для близких выездов на стрельяние морских зверей по одной и по две небольших и легких лодок, которых два человека удобно из воды на

лед вытащить и чрез оной переволочь могут”¹⁸³. Участие больших морских транспортных судов в новоземельских промыслах, естественно, заставило изменить маршрут: раньше, в XVI—XVII вв., холмогорцы, пинежане шли в район промыслов системой речных волоков (Северная Двина — Пинега — Кулой — Мезень). Однако поменялся и состав самих промысловых артелей — в район Новой Земли стали ходить преимущественно мезенцы, а большие суда из Архангельска, посылаемые крупными купцами, шли в район промыслов уже открытым “большим” морем. Кроме того, мезенцы значительно расширили район промыслов и кроме лодий на Новую Землю отправляли на Канин нос “большие мореходные”, или еще их называли “промышленные, карбасы, поднимающие грузы от 150-ти до 200 пуд, на которых бывает промышленников от 10 до 12 человек”¹⁸⁴.

Пожалуй, наименьшая информация о промысловом флоте — о районе архипелага Шпицберген. Во-первых, это связано с тем, что для XVI—XVIII вв. мы пока не имеем письменных источников о практике шпицбергенских промыслов вообще и о типах промысловых судов, в частности. Остатки промысловых судов, обнаруженные во время археологических раскопок русских становищ на Шпицбергене, не дают нам представления о *типе* промыслового судна. Для нас это понятно — остатки слишком фрагментарны, во-первых; конструктивные детали всех типов судов и техника, в которой они выполнены, похожи и различимы лишь в исключительных случаях, это во-вторых; и, в-третьих, в один промысловый сезон в становище одновременно должны были быть, по крайней мере, три типа промысловых судов.

Логично предположить, что в промысловом районе Шпицбергена, который сложился, безусловно, позднее мурманского, уже были использованы проверенные практики и временем организационные принципы проведения промысла: подготовительная стадия, доставка к месту промыслов, собственно промысел и возвращение промышленников с добычей на материк.

Логично также предположить, что единственным крупным морским транспортным судном для отправки на промысел в этот район могла быть во второй половине XVII в. лодья. Не будем гадать, какими типами на Шпицбергене в то время были представлены малые промысловые суда (вероятнее всего, это в первую очередь карбасы). Наличие их на промысле было обязательным, т. к. транспортное судно — это единственный способ вернуться на материк, и поэтому это судно, несомненно, берегли “как зеницу ока”. В конце XVIII и в начале XIX в. уже достаточно отработанная структура промыслов на архипелаге, что хорошо видно из письменных источников, выглядела так: транспортные морские суда — гукоры, галиоты, лодьи (грузоподъемностью до 10 тысяч пудов), на каждом судне один-два карбаса и по одной-две лодки непосредственно для промысла зверя. В Атласе 1797 г. прямо сказано, что небольшие и легкие лодки предназначены “для близких выездов”¹⁸⁵, а из “объяснений” архангельских купцов мы знаем, что в промышленных карбасах ходили до 150 верст от берега и далее¹⁸⁶.

Письменные источники XVII в. позволяют лишь в самых общих чертах судить о технических сторонах судостроения. Тем не менее совершенно ясно, что так называемые “шитые” суда — матерые (основные) набои в клинкерной технике (“нахлест”) — прошиваются

по круглым пазам скрученной вицей, и эти пазы в набоях заклиниваются большими деревянными нагелями. Металлические детали используются при проконопачивании стыков матерых набоев — это “скобы конопатные”, которыми крепились треугольные планки, закрывающие стыки бортовой обшивки. Деревянными нагелями крепились между собой не только набои, но и вся бортовая обшивка к упругам (шпангоутам). Это были основные принципы крестьянского поморского судостроения по XVIII в. включительно.

В XVIII в., особенно после петровских указов о строительстве “новоманерных судов”, ситуация усложняется: если на государственных и купеческих верфях строятся корабли, несомненно, соответствующие европейским стандартам, то промысловое, по сути своей крестьянское, судостроение продолжает широко использовать предшествующий опыт, но также начинает испытывать влияние “большого”, регулярного судостроения (в отношении конструкций, технологии и терминологии). Возможно, чем выше был класс судна, тем это влияние сказывалось сильнее. В первую очередь это относится к большим морским транспортным судам XVIII в., отвозившим промышленников, съестные припасы, орудия лова в места промыслов, — т. е. гукорам, галиотам, лодьям. Соответственно большую приверженность традициям должны были представлять суда “малого” флота — карбасы, шняки, соймы, лодки. Конечно, говорить о “соотношении” этих двух традиций северного судостроения можно только в том случае, если мы знаем характер всей продукции, прежде всего купеческих верфей, в Поморье и насколько значителен был вклад этих верфей в северный промысловый флот. Пока можно только предполагать, что этот вклад был незначительным и что основная масса промыслового флота — продукция крестьянского судостроения. Например, на верфи купцов Бажениных в Вавчюге (они сами являлись корабельными мастерами) успешно строили большие морские корабли европейского класса: в 1748 г. флейт “Святой Апостол Петр”¹⁸⁷, в 1757 г. фрегат “Санкт-Андрей”, в 1758 г. пинк “Денорман”¹⁸⁸, флейт “Дефру Магдалена”, который был продан голландскому купцу Якову Пулю¹⁸⁹, и др.

Соотношение традиций поморского судостроения и влияния европейской морской культуры, которая в определенный период насильственно насаждалась на Севере, — это самостоятельная тема. В связи с этим большое значение приобретает исследование местных региональных центров судостроения на севере Поморья.

Речь идет прежде всего о пинежском судостроительном районе или центре, который, как мы считаем, достаточно определенно заявил о себе уже в XVII в. Недаром еще в 1610 г. двинской воевода отписывал верхотурскому воеводе, что согласно царскому указу он направляет в Верхотурье плотника “для морского кочевого дела в уставщики” — этим плотником был пинежанин Селиван Мелентьев¹⁹⁰. В 1675 г. Сийский монастырь “приговорили лодейного мастера” Тимофея Ортемьева, пинежанина, “сошить лодя новая двинянка”¹⁹¹. В 1695 г. Волокопинежской волости крестьянин Елфимка Федоров сын Тарасовых построил коч, а в 1696 г. коч построили пинежане Тимошка и Игнашка дети Кулакова. Напомним также, что пинежский крестьянин Антошка Пыхунов делал в 1695 г. лодью двинянку. В следующем, XVIII столетии на средней Пинеге продолжалось строительство морских судов.

Рис. 13. Дошаник XVIII в. Общий вид остатков корпуса

Так, в 1710 г. "карбас морской крытой" делали для рыбного промысла Кузонемского стана крестьяне Иван Михайлов сын Батаков и Тимофей Иванов сын Кармакулов. Пинежский судостроитель Иван Батаков, как нам удалось выяснить, приходится отцом Василию Иванову сыну Батакову. Последний был известным корабельным мастером на Соломбальской корабельной верфи. Полагают, что он родился в 1703 г. в Санкт-Петербурге, прошел хорошую выучку и в 24 года стал корабельным подмастерьем и помощником выдающегося российского корабельного мастера англичанина Ричарда Кошценца¹⁹². Нам думается, что Василий Батаков родился все-таки у себя на родине, на Пинеге, потому что, как мы видели, его отец в 1710 г. еще строил карбас для архиерейского дома на Холмогорах. Однако сам факт, что сын крестьянского судостроителя с Пинеги становится после хорошей выучки корабелом на государственной верфи, весьма символичен, ибо наглядно демонстрирует в персонифицированном виде преемственность народных поморских традиций в кораблестроении. Можно предполагать, что отец его Иван Батаков в числе поморских мастеровых людей-плотников по мобилизации был взят в Санкт-Петербург¹⁹³, что и решило судьбу сына, будущего корабела.

В Волокопинежской волости в XVIII в. работала еще одна группа крестьян, объединенная фамилией Иконниковы. В 1755 г. крестьянин Иван Иконников построил два буюра для холмогорских промышленников, чтобы "ходить по Двине, и при реках, и на морской берег"¹⁹⁴. В 1771 г. он построил лодью "Святой Николай" для архангельского купца Федора Шульгина¹⁹⁵. В 1794 г. крестьянин Кузонемской волости Пинежской округи Алексей Иконников "с товарищи" построил судно для архангельского купца Сергея Жебелева¹⁹⁶.

В Чертежной книге Семена Ремезова есть карта-чертеж с изображением побережья Кольского полуострова, Белого моря, устья Северной Двины и нижнего течения р. Пинеги, и там, где Пинега поворачивает к

юго-востоку, помечен волок на р. Кулой и на чертеже есть надпись: "делают тут кочи". Таким образом была зафиксирована на карте-чертеже XVIII в. традиционная деятельность крестьян этого района. Вполне возможно, что в дальнейшем могут быть выявлены аналогичные микрорайоны крестьянского судостроения в Северном Поморье и конкретные крестьянские судостроительные династии.

Археологическая находка в устье Северной Двины

Значительная концентрация производств, связанных с судостроением (государственное Соломбальское Адмиралтейство, купеческие верфи, наличие крестьянских плотбищ, на которых осуществлялось строительство промысловых "шитых" судов), позволяет поставить вопрос о подводных археологических поисках в районе Двинской дельты. Нельзя исключать и интересные случайные находки древних судов.

Одна из таких находок была сделана весной 1991 г. в районе г. Северодвинска в урочище Пыраниха на берегу Никольского залива (Никольский рукав Северной Двины в районе бывшего Николо-Корельского монастыря). Остатки судна были зафиксированы сотрудниками Беломорского центра комплексных подводных исследований Северодвинска под руководством А. Н. Емельянова¹⁹⁷.

Остатки судна были вымыты из края береговой дюны, их номенклатура представлена почти целой килевой частью и четырьмя деталями, которые можно интерпретировать как шпангоуты.

Наиболее интересна в этом судовом наборе находка килевая часть: длина ее 15 м, ширина в средней части 1,2 м, толщина всей этой конструкции около 40 см. По существу, это не собственно килевая балка (судно было плоскодонным), а мощная килевая конструкция, которая в северорусских шитых плоскодонках была

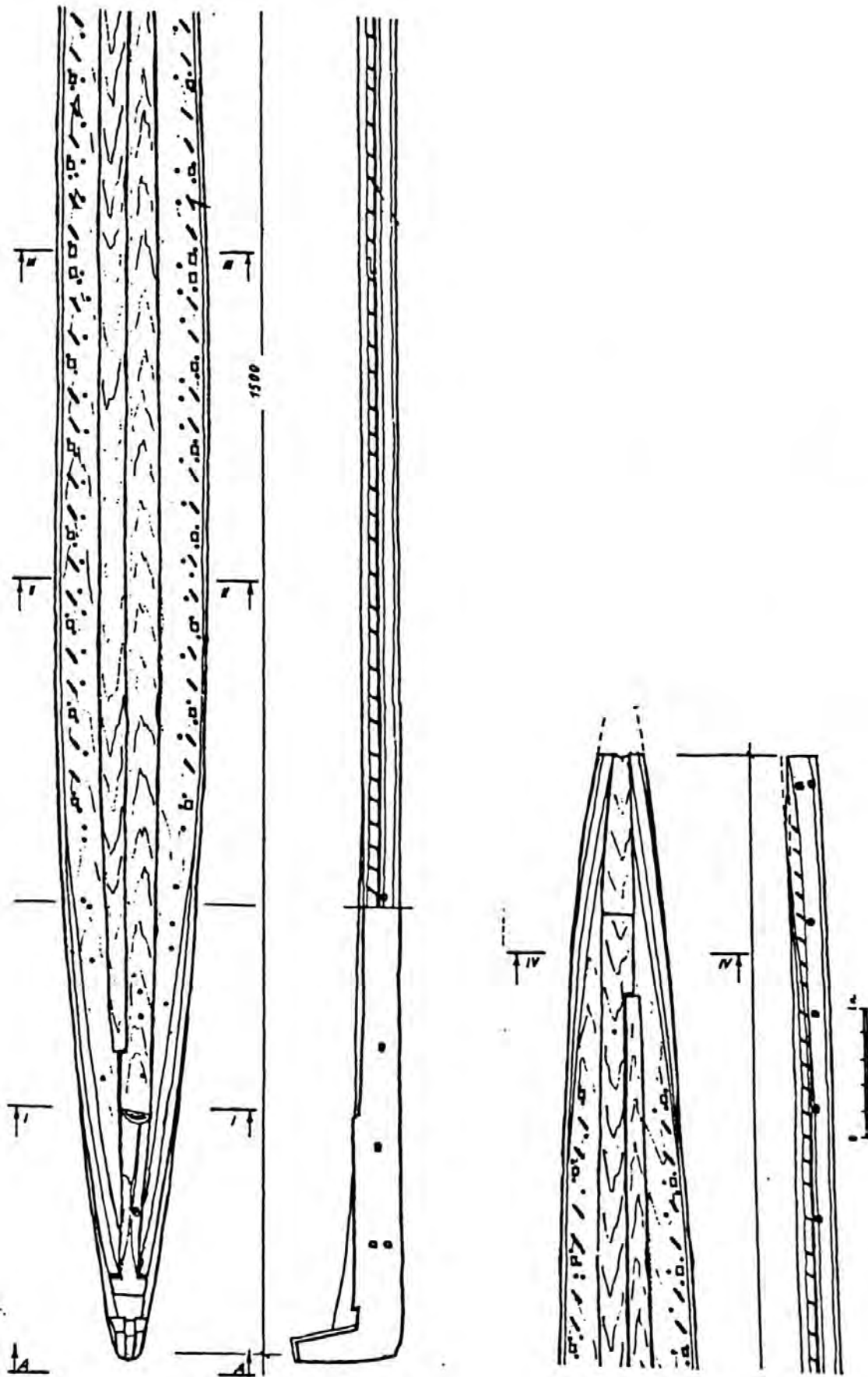

Рис. 14. Дошаник XVIII в. Обмер остатков корпуса

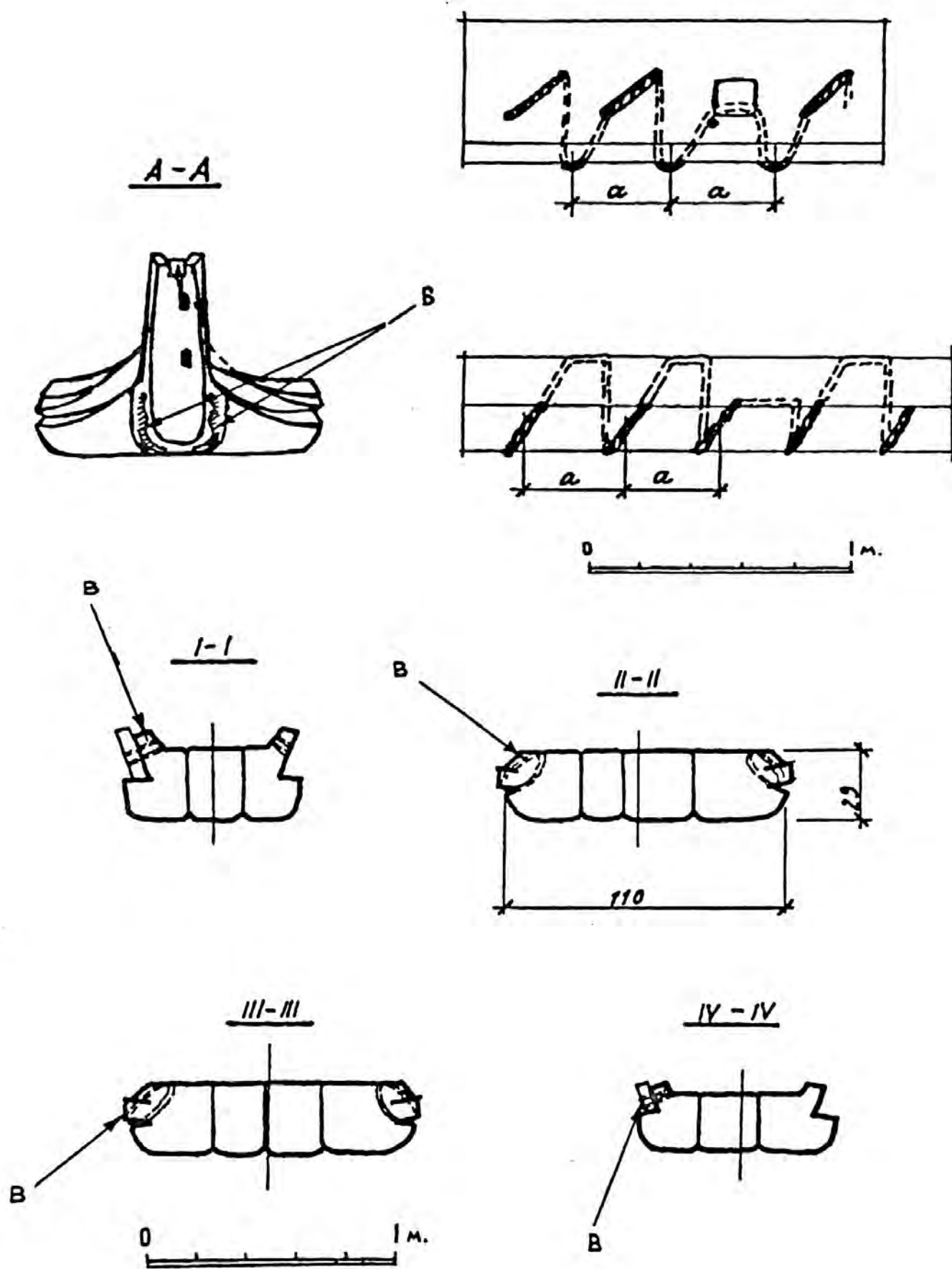

Рис. 15. Дошаник XVIII в. Профили остатков корпуса. Шаг "шитья"

очень своеобразной. Она, как можно судить по найденным остаткам, отличалась от европейской конструкции киля (киль-кильсон), представляя собой мощную платформу, в данном случае из четырех "килевых" балок (в терминологии русских письменных источников XVI—XVII вв. — "колод"). Собственно от этой конструкции, опираясь в ее пазы, начиналась бортовая обшивка судна. Подобная конструкция была достаточно прочной для укрепления штевней.

Обнаруженные остатки интересны тем, что дают представление о самом характере "шитья" бортовой обшивки — видны пазы для вицы и "шаг" этих пазов по всей длине судна. Относительно шпангоутов, обнаруженных по соседству с местонахождением основной части — возможно, они принадлежали другому, более мелкому судну, ибо трудно представить, чтобы бортовая обшивка этого судна сочеталась с этими тонкими дугами. Судя по деталям обнаруженной конструкции, можно предполагать тип судна — это остатки дощаника. Данный тип судна широко использовался на реках России и имел длину 12—25 м, ширину до 6 м, высоту бортов 2 м при осадке до 1,5 м. Дощаники имели грузоподъемность до 5 тысяч пудов.

На Северной Двине дощаники использовались для транспортировки товаров из Вологды и Устюга Великого в Холмогоры и в Архангельск, а обратно, "вверх", они везли, как правило, соль. Можно предполагать, что на Севере России это было судно типа река—море. Они использовались для разгрузки и догрузки больших торговых купеческих судов, стоявших на Архангельском рейде. Дощаники возили соль, продукты морских промыслов и хлеб между Архангельском, Соловешскими островами, Кемью, Кандалакшей. Обычно в средней части дощаника находился грузовой трюм, а в носовой и кормовой частях — помещение для команды и кормщика. Первоначально дощаник имел прямой парус, впоследствии — косой, рейловый. На

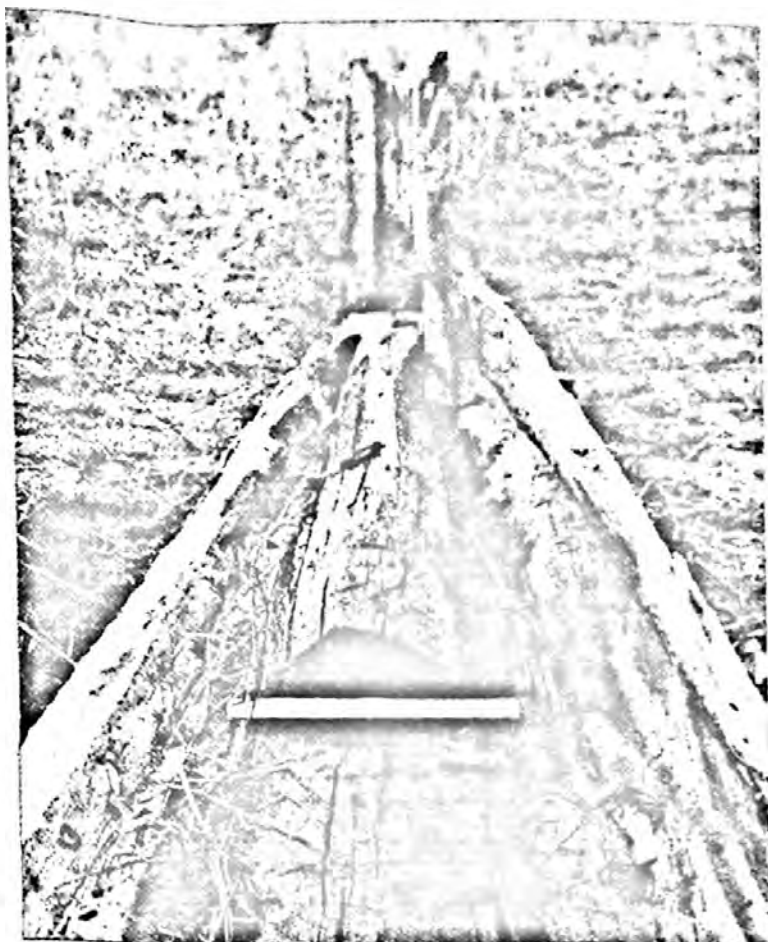

Рис. 16. Дощаник XVIII в. Носовая часть корпуса

Севере термин "дощаник", характеризующий определенный тип судна, использовался до конца XVIII—начала XIX в. Около середины XIX в. суда аналогичного типа стали называться барками или полу-барками. Данную находку можно датировать пока что

Рис. 17. Дощаник XVIII в. "Шитье" первого ряда бортовой обшивки

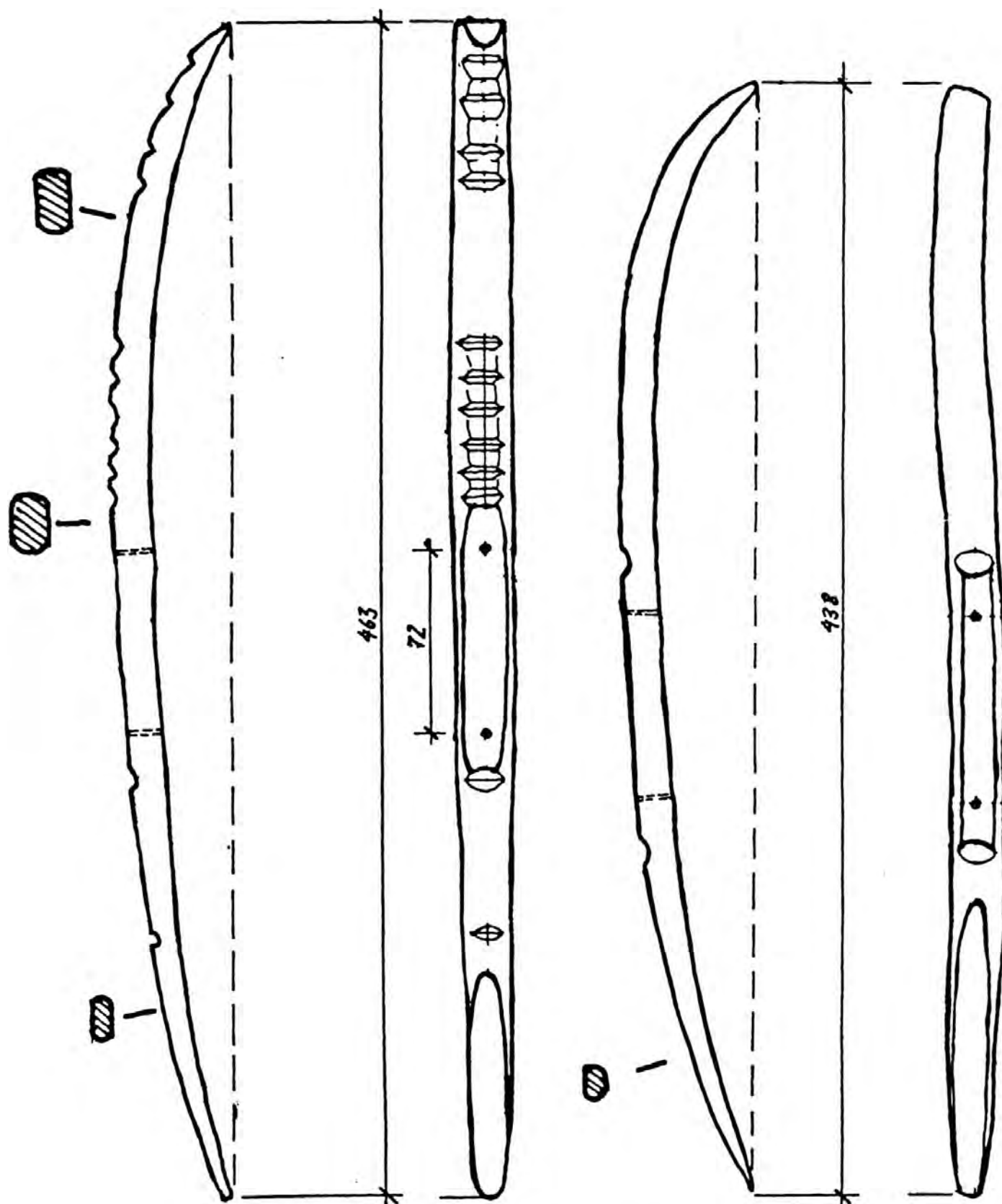

Рис. 18. Дошаник XVIII в. Шпангоуты

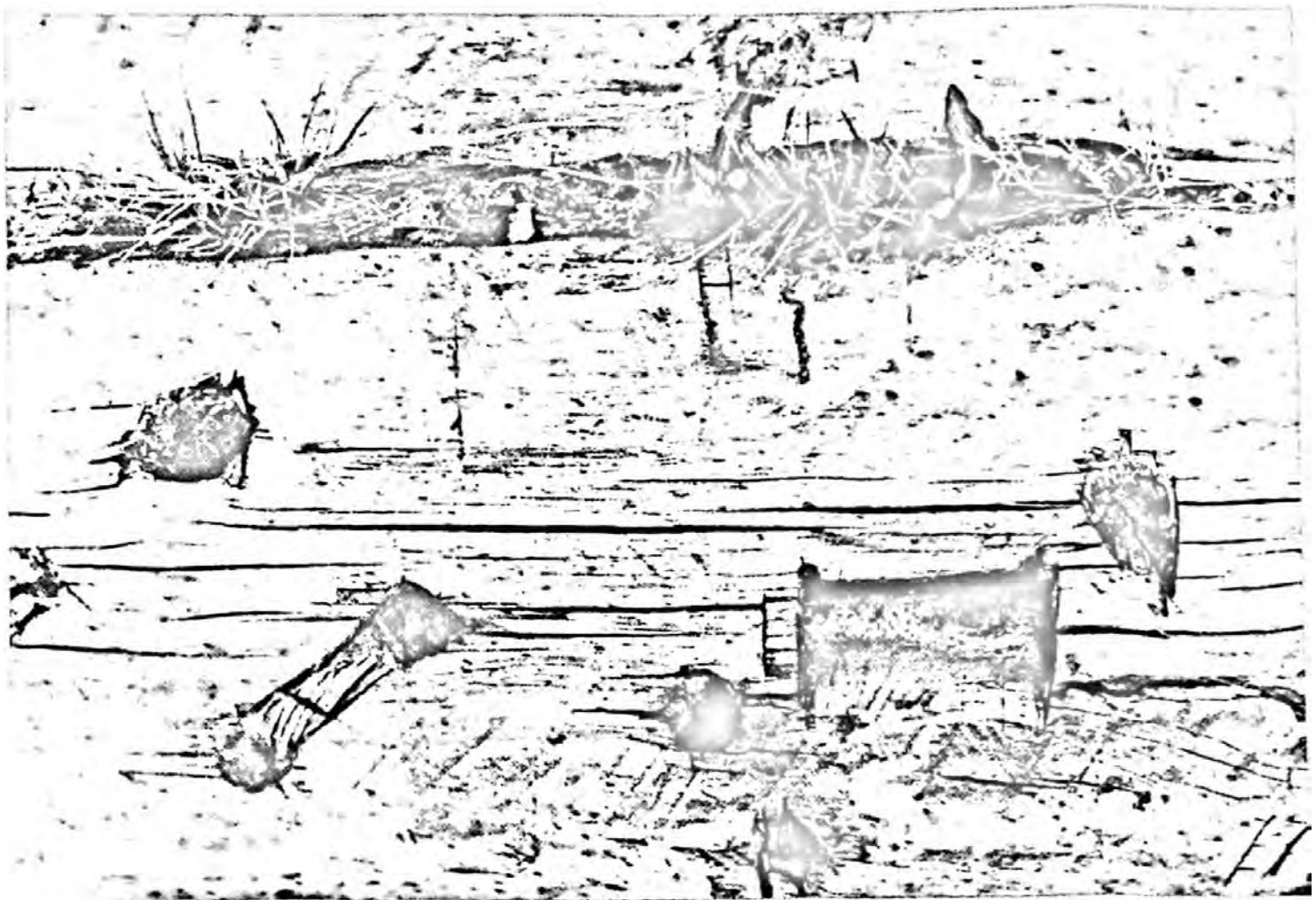

Рис. 19. Дошаник XVIII в. Фрагмент килевой колоды

приблизительно концом XVIII—самым началом XIX в. на основании того, что в конструкции основного судового набора использован еще старинный, традиционный для Поморья способ “шитья” вицей и отсутствуют металлические крепления в набор, что становится характерным уже для более позднего времени. Особенно важно отметить тот факт, что оказались весьма живучи традиции северного народного судостроения, связанные с “шитыми” судами.

Архангельский порт

Условия плавания по атлантической “трассе Архангельск — российские порты на Балтике” (включая, естественно, и более короткие маршруты в Скандинавию, прежде всего в Норвегию), катастрофы на этих маршрутах, конкретные случаи гибели судов — все это важно для истории северного мореплавания. Естественно, что в нашу задачу не входит составление подробного реестра морских катастроф в этом регионе в XVIII—XIX вв., поэтому мы ограничимся констатацией значительного архивного материала по данной проблеме. Укажем лишь некоторые примеры: в 1725 г. из Архангельска в направлении Колы отправились три купеческих судна, из которых одно село на мель за Баром Северной Двины, другое разбилось у Зимнего (восточного) берега Двинской губы, а третье исчезло бесследно¹⁹⁸; в 1749 г., во время стоянки на якорях в устье Северной Двины (на Баре), перевернулся корабль “Варахаил”¹⁹⁹; в 1788 г. потерпел крушение на Баре гукор “Св. Павел” и рассматривались меры по

его поднятию²⁰⁰; в 1798 г. недалеко от о. Мудьюг, близ Бара, потерпело крушение транспортное судно российского военного флота, присланное для картографических работ на Белом море²⁰¹. Кроме того, интересные материалы содержат подборки дел, которые называли “О рассмотрении обстоятельств крушения судов” (1779 г.)²⁰²; “О судах, потерпевших крушение” (1811, 1845, 1847, 1856—1859, 1873 гг. и т. д.)²⁰³.

В 1732—1738 гг. в связи с возобновлением строительства военных судов в Архангельске начали собираться сведения за 1700—1731 гг. и составляться документы о выборе удобного места для верфи близ Архангельска, состоянии старой Соломбальской верфи и находившихся при ней строений, о возможности постройки модель-камеры в урочище Бык, подробное описание Соломбальской верфи и строений при ней²⁰⁴. Для Соломбальского Адмиралтейства планировалась копка канала²⁰⁵, а потом речь шла и о двух каналах, об углублении речек Курьи и Соломбалки, а также о починке повреждений, которые получила верфь во время разлива Северной Двины (1742—1750 гг.)²⁰⁶. В 1740—1754 гг. говорилось “о построении на Соломбальском острове церкви во имя свят. Николая”²⁰⁷. Работы по ремонту и строительству гидросооружений на территории Адмиралтейства и зданий велись постоянно (сохранились документы 1760—1761 гг. о постройке на речке Черной Курье плотины, исправлении пристаней вдоль Соломбалки и Курьи и т. д.)²⁰⁸. Подобного рода работы велись на протяжении практически всего XIX в. до закрытия Адмиралтейства (исправление строений, деревянных пристаней и обрубов, корабельных эллингов, план построения артил-

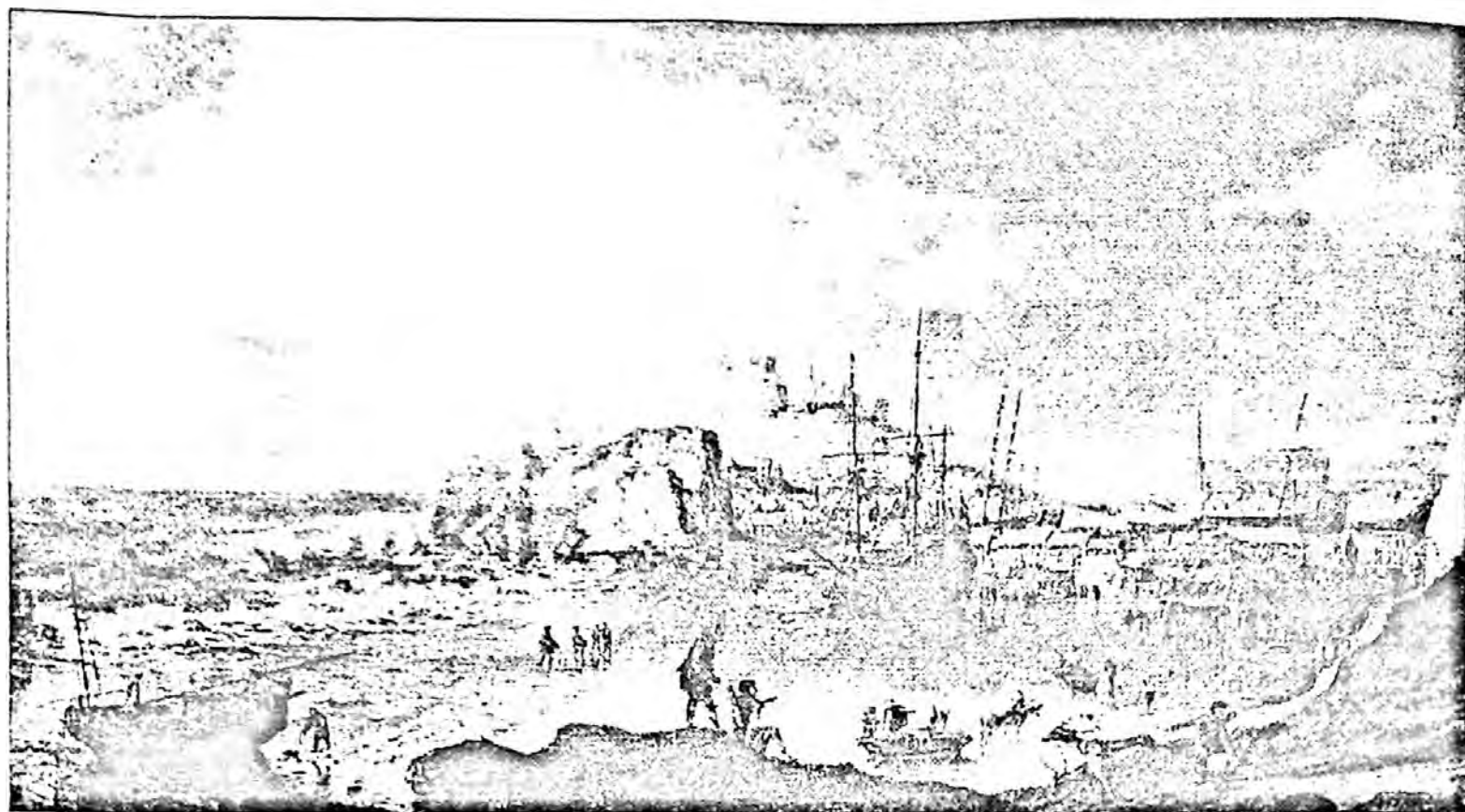

Рис. 20. Архангельск в XVII в. Гравюра Bonaventura Peeters.
Морской национальный музей. Лондон (по: Arlov Thor B., 1996)

лерийской батареи — 1808—1809 гг.)²⁰⁹. Особое внимание уделяли гидротехническим работам (прорытие в Соломбале канала для соединения речек Курьи и Соломбалки купцом Ермолиным, углубление этих речек, устройство мостов, укрепление камнем Моисеева острова, расположенного напротив Адмиралтейства)²¹⁰.

В начале XIX в. благоустройство Соломбалы продолжалось: строились казармы, тротуары, площади²¹¹.

В 1811—1828 гг. начинается обсуждение строительства двух мостов через р. Курью (“Безсмертного” и Никольского), а также строительство дорог, проспектов²¹²; в 1842—1845 гг. снова ремонтируют набережную р. Курьи²¹³.

Течение Северной Двины в период ледоходов, а также приливные течения разрушали в пределах Архангельска коренные берега реки, и они начали

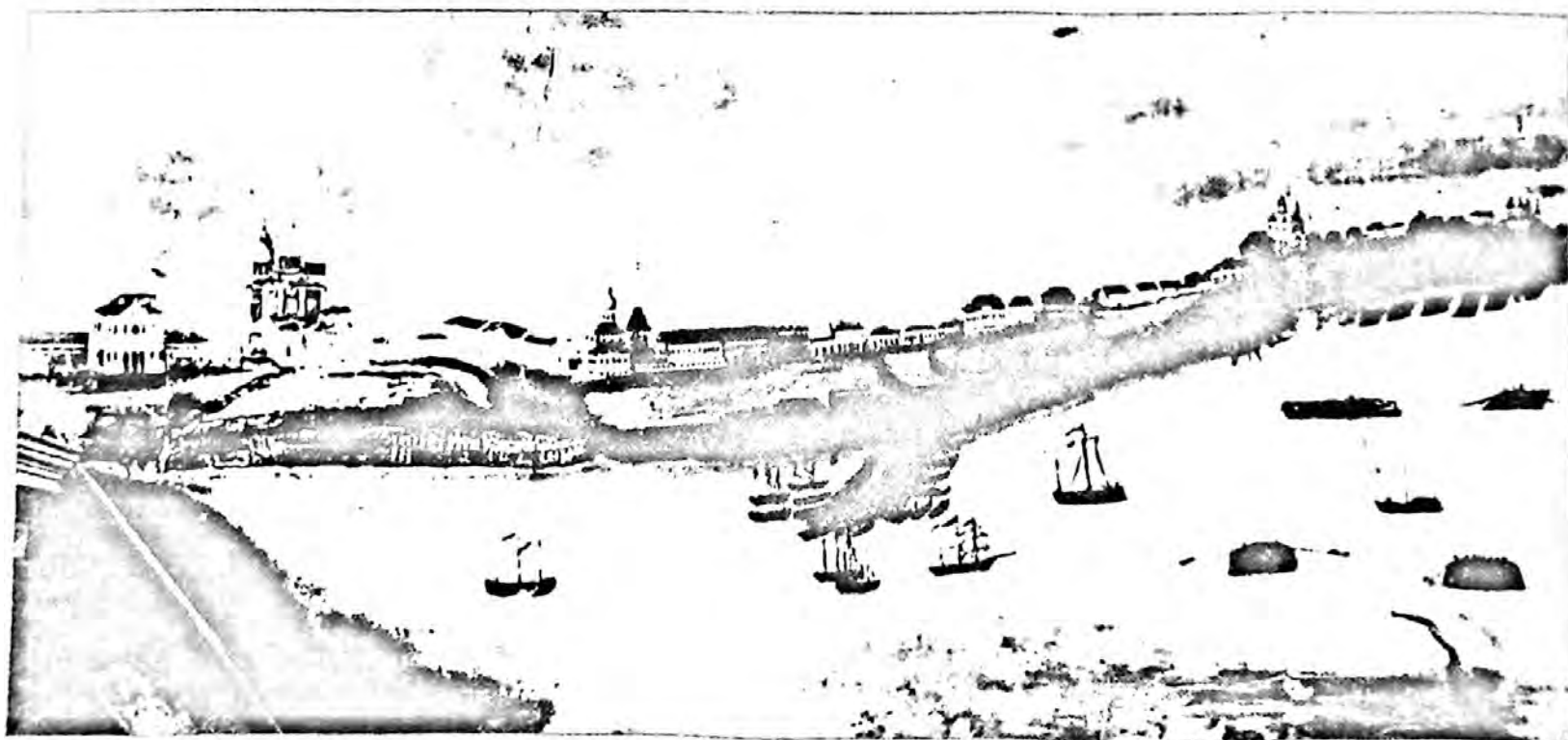

Рис. 21. Вид части набережной Архангельска в середине XVIII в.
Фрагмент фрески из кафедрального Троицкого собора

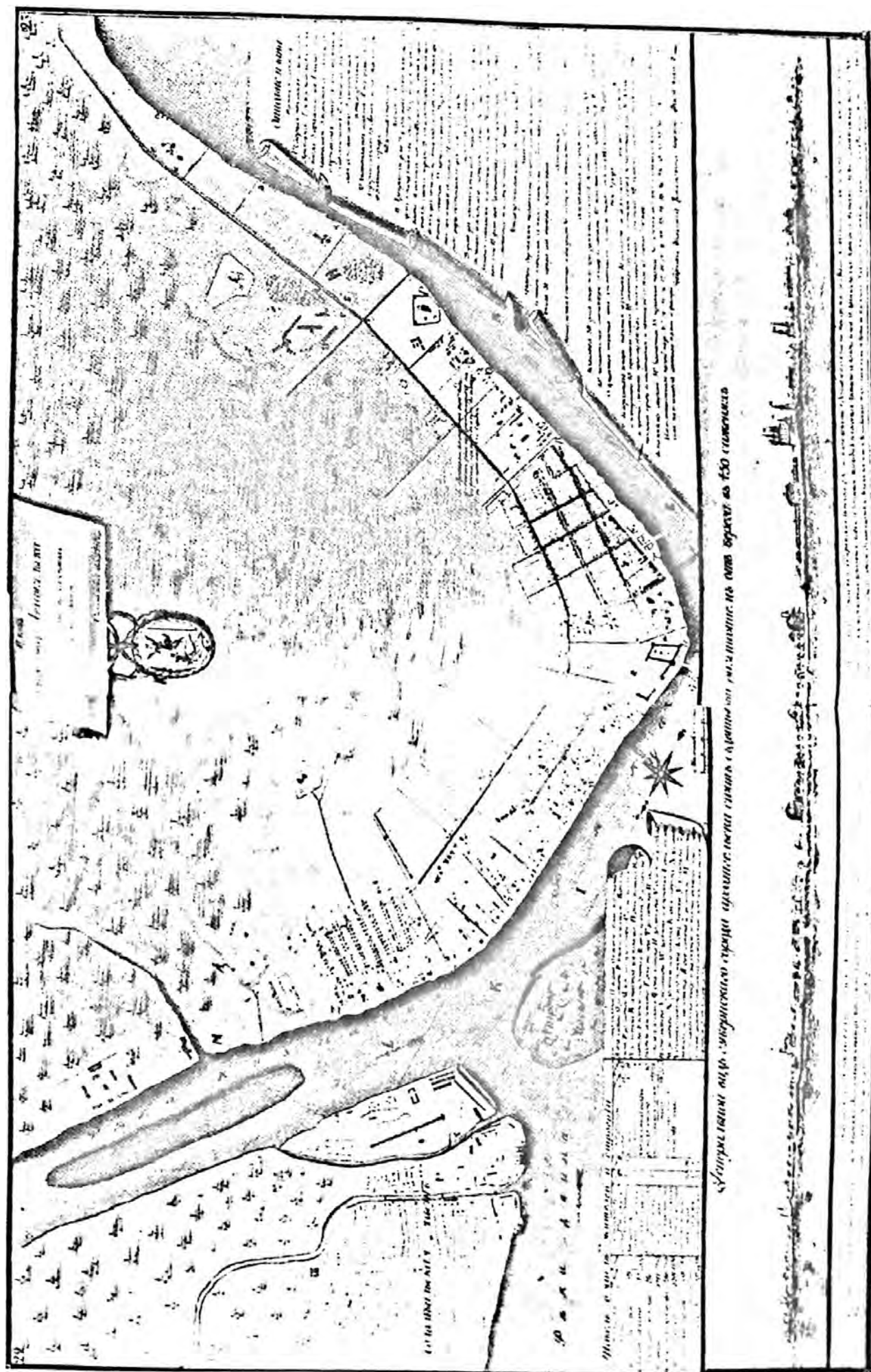

Рис. 22. План Архангельска (Атлас губернии, 1797)

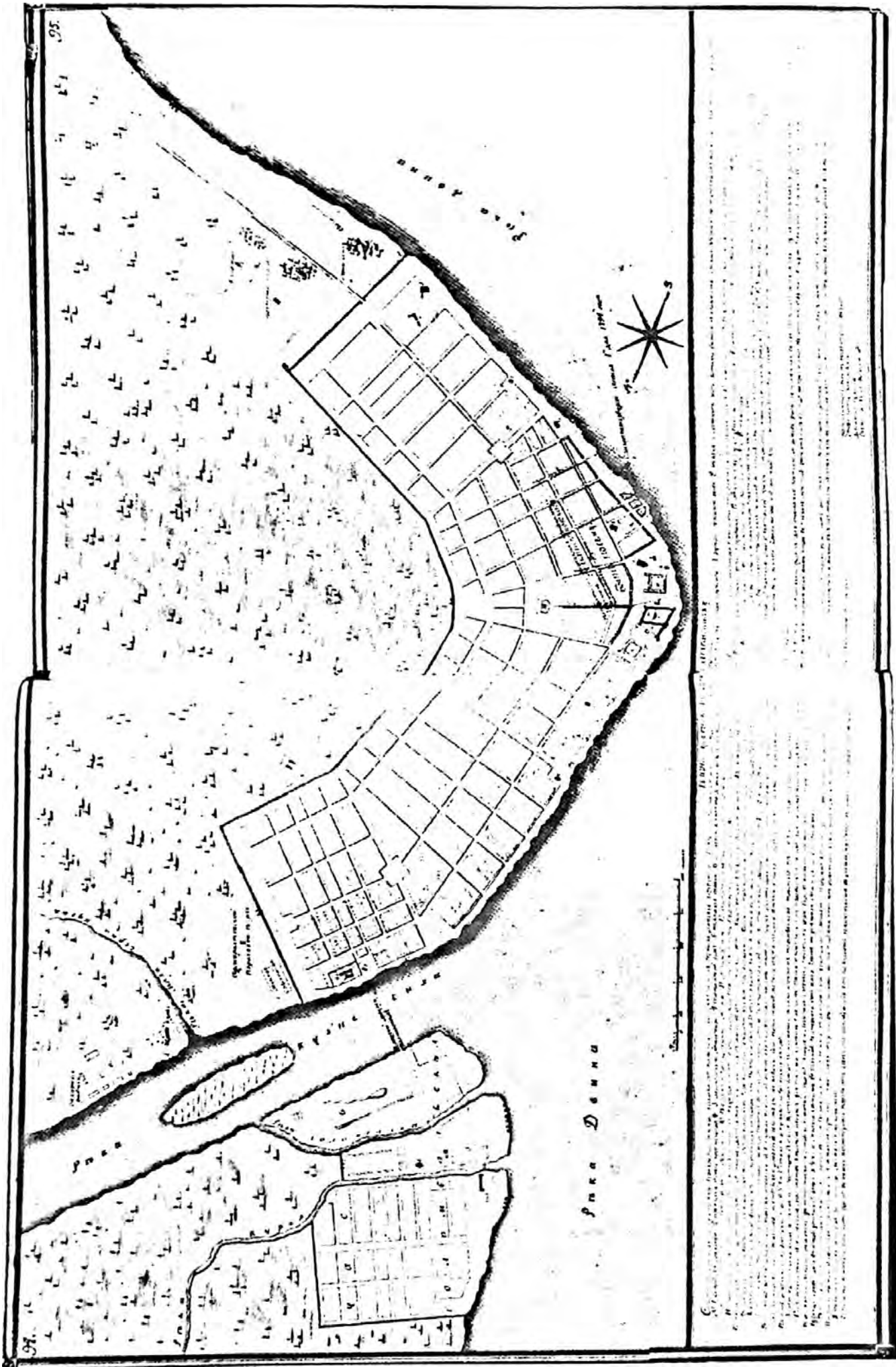

Рис. 23. План Архангельска (Атлас губернии, 1797)

укреплять с момента возникновения "города". Эти работы более или менее периодически продолжались и все последующее время. Например, в 1836 г. шла речь об укреплении "реки Северной Двины, где находится Купеческая гавань, и постановлении на берегу ее 270 новых пал" ²¹⁴. В 1838 г. производилась починка обрубков на набережном участке Архангельска ²¹⁵. Под угрозой размыва с первой половины XIX в. оказался Моисеев остров (в настоящее время его нет), берега которого также укреплялись деревянными конструкциями ²¹⁶.

Архангельский порт занимал огромную территорию, в которую были включены Лапоминская и Повракульская гавани и Ширшемский завод. С. Ф. Огородников особое внимание обратил на Лапоминскую гавань и так описал ее: "...с давних пор купеческия и военныя суда находят спокойное и безопасное от весенних льдов убежище на зиму, закрытое берегами со всех сторон, кроме юго-запада" ²¹⁷.

В 1790 г. Архангельск и порт начали переводить на "осадное" положение в связи с войной со Швецией: кроме крейсерования русских военных судов в районе Зимние горы — о. Моржовец и блокирования отдельных судоходных участков двинской дельты, приводились в состояние боевой готовности прежние и строились новые батареи — на о. Мудьюг, в Лапоминской гавани (на мысе у входа и в глубине залива), на Пудожемском устье (на мысе о. Нижние Ягры и о. Лясмин), на Никольском устье (о. Нижние Ягры), на Мурманском устье (о. Кумбыш и о. Сокольский), а также на Соловецком острове ²¹⁸.

Позднее земляные батареи появились и в непосредственной близости к городу — в устье Маймаксы, на двинских берегах. К сожалению, до наших дней эти укрепления во многих местах не сохранились, а где и сохранились, то лишь фрагментарно. Характер оборонительных сооружений конца XVIII в. удалось выяснить во время археологических раскопок на Большом Соловецком острове в 1976 г. ²¹⁹: были обследованы остатки редутов в трех пунктах. Земляные батареи, построенные в 1790 г. прибывшей на Соловки командой (175 человек солдат, офицеров и инженеры во главе с премьер-майором Беляевым), прикрывали подступы к монастырю с севера. Редуты-батареи представляли собой опорные пункты, протянувшиеся от озера Святого (редут, поставленный в местечке Таборском, перекрывал дорогу, идущую к пустыне Реболдовской), далее — у озера Гагарьевского (следы земляной батареи не сохранились). Последний редут находился между озером Гагарьим и морем. Редуты с батареями входили в систему земляного вала, который и соединял эти пункты. Возможно, построенные в 1790 г. укрепления претерпели изменения во время ремонтных работ 1799 г., когда на Соловки была послана артиллерийская команда (поручик, 3 фейверка, 23 канонира). Земляные батареи представляли собой четырехфасовые редуты в форме подковы, окруженные с напольной, приступной стороны рвом; размеры сооружений приблизительно 24×20 м (ширина рвов до 5,5 м). Редут имел площадку для помещения орудий, прикрытую бруствером, в толще которого были сделаны бойницы для орудийных стволов. Раскопки выявили два этапа строительства: первый (вероятно, 1790 г.) связан с каменной, первоначальной наброской в основании насыпи, второй этап (1799 г.) свидетельствует о реконструкции укреплений — на первоначальный слой разрушенных

фашин был насыпан слой плотной глины, который снова закрыли фашинами.

Устье Северной Двины и подступы к Архангельскому порту охраняла целая система построенных в конце XVIII в. дерево-земляных батарей, которые на протяжении более чем полувека поддерживались в "рабочем состоянии" (в 1807—1813 гг. меры безопасности порта и города были особенно усилены) ²²⁰.

Строительные работы в Лапоминской гавани велись практически постоянно — известно, что в 1763 г. там находились построенные "казенные покои", которые "исправлялись" в связи с обветшанием ²²¹.

Лапоминская гавань служила основным местом зимовки для построенных на Адмиралтейских верфях военных судов (1782, 1785, 1786 гг.) ²²². Постоянно ремонтные работы велись и на протяжении первой половины XIX в.: в 1832—1836 гг. в гавани была разобрана старая деревянная пристань и построена новая ²²³. Пристань, судя по документам, строилась "на ряжах с мостом". Любопытно, что в Лапоминской гавани, наряду с военными судами, зимовали и коммерческие, с последних взималась плата: за зимовку — с судов, а с команд — "за проживание в находящихся там казенных зданиях и частных домах" ²²⁴. В Лапоминке существовал комплекс гидротехнических сооружений, что было необходимо в связи с мелководьем, которое, несомненно, угрожало этому пристанищу кораблей уже в то время: в 1860 г. были отпущены бревна для сооружения шлюза в Лапоминке ²²⁵. О поддержании Лапоминской гавани в хорошем состоянии постоянно заботились (см. документы "О благополучии Лапоминской гавани с 1831—1837 гг." ²²⁶). Постановка судов в гавани осуществлялась по определенному плану даже в конце эксплуатации этого водоема (например, сохранилась схема расположения судов на зиму в 1861—1862 гг. ²²⁷).

Ширшемский завод возник в XVIII в. для снабжения Адмиралтейских верфей пилеными досками, а затем и для оснащения якорями строящихся на Адмиралтействе в Соломбале российских военных судов. Позднее якорное производство было переведено в Соломбалу на территорию Адмиралтейства, а комплекс из нескольких плотин, пильных и кузнечных мельниц использовался до начала второй половины XIX в. Для своего времени это было крупное государственное заводское производство, несомненно, с высоким промышленным потенциалом, одно из крупнейших по своим объемам на севере Российского государства. Впоследствии об этом "промышленном первенце" Поморья XVIII в. почти совсем забыли. К тому же предполагалось, что современное крупное бумагоделательное производство рядом с Ширшемским комплексом совершенно разрушило следы тех промышленных и гидротехнических сооружений, которые здесь были ранее. К счастью, оказалось, что это не совсем так.

Еще в 60—80-е годы нашего века известный архангельский краевед А. А. Гасконский настоятельно призывал обследовать место бывшего Ширшемского завода. К сожалению, Архангельская Арктическая экспедиция (начальник О. В. Овсянников) смогла осуществить первоначальные рекогносцировочные работы лишь в 1994 г. Цель работ заключалась в исследовании всего заводского комплекса, а также в определении возможности, перспективности и целесообразности археологического исследования и музеефикации всего комплекса. О размерах Ширшем-

ского завода можно было судить по письменным и графическим документам, которые удалось найти в архивах. Однако натурный осмотр памятника превзошел все ожидания — Ширшемский Адмиралтейский якорный завод представлял собой поистине гигантский промышленный комплекс, состоящий из двух обширных водохранилищ (озера Золотицкое и Ширшемское), двух водосливных плотин (в них были вмонтированы кузнечные и пильные механизмы), а также значительного числа производственных, складских и жилых строений. Детально разобраться в системе заводских мастерских, плотин, водосливных устройств, в отводных водоканалах, облицованных булыжным камнем участков берега водохранилища, определить планировочную структуру и время создания остатков сооружений, стоявших на сваях, практически невозможно без тщательного изучения письменных и графических материалов и детальной топографической съемки всего комплекса Ширшемского Адмиралтейского завода. Тем не менее уже сейчас можно подвести некоторые итоги рекогносцировочных экспедиционных работ 1994 г.:

1. Общая удовлетворительная сохранность комплекса; фрагментарная, но достаточно информативная степень сохранности насыпного тела основной водосливной плотины, разделяющей озера Золотицкое и Ширшемское. В настоящее время, после спуска воды и прекращения деятельности комплекса, дно бывшего водохранилища представляет собой ровное заболоченное место с нешироким руслом р. Ширши. Весенний и осенний паводки, поднимающие уровень Ширши, как бы «восстанавливают» сохранность старинных деревянных сооружений.

2. Довольно хорошо сохранилась насыпная дамба, разделяющая озеро Ширшемское от нижнего течения р. Ширши — хорошо видны шпунтовые укрепления берега перед этой плотиной, сама плотина и шпунтовые укрепления берега за плотиной.

3. Можно предполагать, что небольшие современные поселения вдоль берегов водохранилища лишь частично «закрывают» пятна старых заводских поселений, которые были зафиксированы на планах конца XVIII в., и поэтому эти поселения могут представлять интерес для дальнейших полевых исследований.

Поражает то, что до настоящего времени в промышленной зоне современного Архангельска практически сохраняется структура одного из первенцев промышленного производства региона, с самостоятельными комплексами гидротехнических сооружений и технических производств, что представляет несомненный интерес для истории развития техники на севере России.

С целью помощи дальнейшему изучению истории Ширшемского завода мы публикуем сведения о некоторых архивных документах, которые были выявлены при подготовке полевых работ на р. Ширше:

1. РГА ВМФ, ф. 326, оп. 1, д. 223. Адмиралтейство Ширшемское, план 1778 г.

2. Там же, ф. 330, оп. 1, д. 1809. Наряд о постройке при Ширшемских пильных мельницах церкви во имя Дмитрия Ростовского Чудотворца. 1779—1780 г.

3. Там же, ф. 326, оп. 1, д. 224. Адмиралтейство Ширшемское. Амбары пильные: план, профиль, разрез. Конец XVIII в.

4. Там же, д. 225. Адмиралтейство Ширшемское. Амбар смоляной. 1770 г.

5. Там же, ф. 330, оп. 1, д. 3691. Канцелярия Ширшемского завода. О новых постройках и исправлениях в заводе казенных зданий и мастерских. 1825 г.

6. Там же, ф. 326, оп. 1, д. 611. Завод Ширшемский. Генеральный план. 1826 г.

7. Там же, ф. 330, оп. 1, д. 17 810. О предполагаемом углублении речки Ширши и возведении новых зданий для механизмов и о построении двухэтажного здания. 1825—1832 гг.

8. Там же, ф. 326, оп. 1, д. 612. Завод Ширшемский. Генеральный план с обозначением всех воинских зданий морского ведомства. 1828 г.

9. Там же, д. 612—615. Завод Ширшемский. Генеральные планы. 1829 г.

10. Там же, д. 616—618. Завод Ширшемский. Генеральный план. 1830 г.

11. Там же, д. 619—646. Завод Ширшемский. Генеральные планы. 1830—1848 гг.

12. Там же, д. 648—658. Завод Ширшемский. Генеральные планы. 1850—1857 гг.

13. Там же, ф. 330, оп. 4, д. 62. Описи зданиям: магазинам, заводам и мельницам на р. Ширше. 1851 г.

14. Там же, оп. 1, д. 4239. О доставлении Конторы над портом документов по предмету перенесения Ширшемского завода в Соломбалу (письмо капитана над портом начальнику Ширшемского завода Корсакову; ответ Корсакова; рапорт инженер-механика о том, что нужно для перенесения завода в Соломбалу). 1858—1859 гг.

15. Там же, оп. 4, д. 3. О прекращении деятельности Ширшемского завода. 1860—1861 гг.

Для нормального и безопасного мореплавания необходимо было установить на трассе Белого и Баренцова морей сигнальную систему, которая начиналась с установки сигнальных деревянных башен, кроме о. Мудьюга, на мысах Орлове, Пулонгском, Святом Носе и о. Сосновец²²⁸, а позднее и четырех каменных маяков²²⁹. Одновременно вводилась в действие и система створных знаков (например, в 1830—1832 гг. решался вопрос о постановке таких знаков на о. Мудьюг в устье Северной Двины²³⁰). Маяки строились сразу как автономный жилой и хозяйственный комплекс, состоявший из жилых флигелей или казарм, с кухнями, кузницами²³¹. Уже в начале XIX в. (1817 г.) шла речь «об устройстве на Лапландском берегу Белого моря специальных знаков для обеспечения безопасного плавания судов»²³².

Для мореплаваний имелись необходимые карты и атласы — например, карта Баренцова, Гренландского и Норвежского морей (1774 г.) и отдельных частей Севера: карта о. Кильдина (1779 г.), карта залива Гаммерфест (1779 г.)²³³. Любопытен «Атлас Северного океана от города Архангельска до Копенгагена» 1799 г., состоящий из 342 листов, картами которого, несомненно, пользовались военные суда²³⁴. Вполне понятно использование русскими судами большого числа карт северных морей («Морской Атлас для плавания из Белого моря к Английскому каналу» 1800 г.; «Атлас Белого моря и Норвежского берега» 1862 г. и др.)²³⁵. В 1800 г. в Адмиралтейскую коллегию поступило «Высочайшее повеление», которое называлось «О составлении генеральной и частной карт Белого моря и находящихся в русских пределах берегов океана, со всеми входами в заливы, порты, в устья реки Двины до г. Архангельска, а также других судоплавательных рек, о составлении и напечатании общего морского атласа из

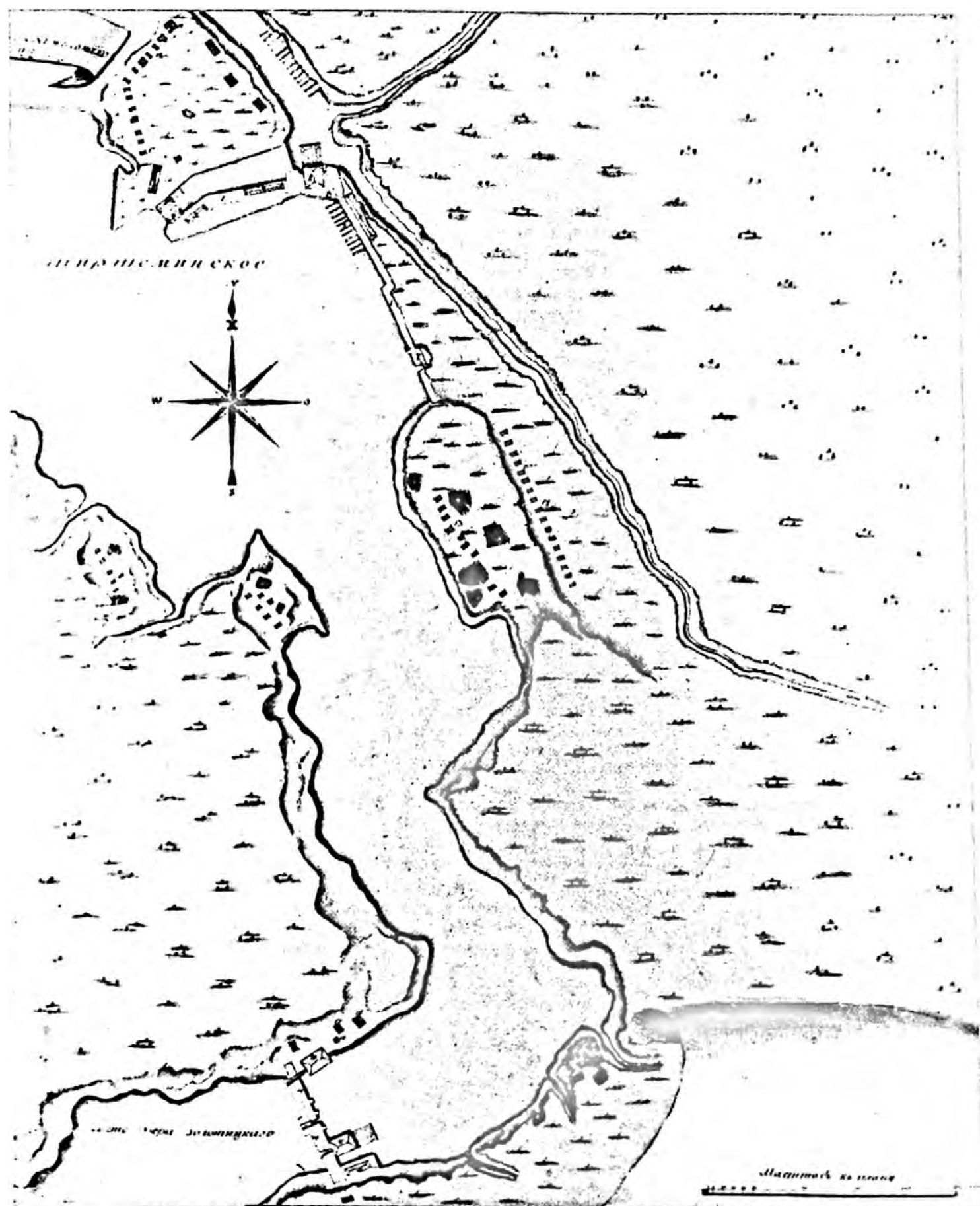

Рис. 24. Ширшемский Адмиралтейский завод.
План постройкам и плотинам (Атлас губернии, 1797)

выписанных чужестранных карт и атласов, о разделении онаго на четыре части и об объявлении высочайшего благоволения лицам, составлявшим морской атлас "Плавание из Белого моря к Английскому каналу и в Балтийское море" ²³⁶.

Двинская лоцманская артель XVII — XVIII вв.

Формирование двинской "лоцманской артели" как особого корпоративного объединения лоцманов-профессионалов связано с историей Архангельска как крупного международного торгового порта. На эту артель корабельных вожей обратил внимание еще в конце XIX в. крупнейший знаток истории Архангелогородского порта С. Ф. Огородников — опубликованная им статья содержит любопытную подборку сведений об архангельских лоцманах XIX в., а в приложении к статье Огородников опубликовал два документа XVII в. ²³⁷

Лоцманское дело, по мнению С. Ф. Огородникова, "составляет частную промышленность приморских жителей, и история ее теряется в давно прошедшем времени. Члены ее получают плату по добровольному соглашению с судовладельцами". Древнейшее пока свидетельство о корабельных жожах на Двине Огородников относит к 1653 г. (эта дата упоминалась в одном из опубликованных им документов XVII в.), а с 1671—1685 гг., как он отмечал, лоцманский промысел стали отдавать на откуп. Но сейчас мы знаем имена архангелогородских лоцманов, относящиеся к первой четверти XVII в., — они зафиксированы в Писцовой книге Архангелогородского посада 1622/1624 г.: "...дворы корабельных вожов: двор — Ивашка Семенов сын Ильин, у него сын Олешка; двор — Завьял Кобрев". Упоминается двор, купленный у "карабелнова жожа" Якунки Данилова сына, матигорца ²³⁸. В Строельной книге Архангелогородского посада 1649/1650 г. упомянут еще один "карабелной жожа" — Ивашка Данилов ²³⁹. Таким образом, пока мы имеем четыре наиболее ранние из известных фамилии двинских лоцманов. К этим именам можно добавить "карабельных вожов" по Переписной книге Архангелогородского посада 1649 г. — Вторышка Федоров Игумнов, Ивашко Юрьев ²⁴⁰. Лоцманский промысел был, несомненно, и престижен, и выгоден, т. к. "карабелные жожи" ежегодно требова-

лись для проводки прежде всего иноземных торговых судов.

Опубликованные С. Ф. Огородниковым документы принадлежат к двум очень интересным группам источников, относящимся к более позднему времени (XVIII в.), в которых документы XVII в. фигурируют лишь в качестве копий—"списков" (см. Приложение). Поэтому мы посчитали необходимым вторично опубликовать эти источники, но уже в контексте всех документов, с которыми они связаны (см. Приложение 1—2). Это было тем более необходимо, что Огородников не совсем точно воспроизвел эти документы. К тому же О. В. Овсянников опубликовал часть документа второй группы документов, где приводится список лоцманской артели 1741 г. ²⁴¹ Сейчас мы публикуем эти уникальные для истории лоцманского дела документы полностью.

К первой группе документов к XVII в. относится Список с памяти 1674 г. "карабелным жохам Пронке Игумнову, Ермилке Дяткину, Ермолке Рокитину с товарищы". Он связан с эпизодами конкурентной борьбы между архангельской и холмогорской артелями вожей. В 1671 г., "будучи на Москве, Архангелскаго города карабелные жожи Пронка Ефимов с товарищы давали с того карабелного вожевого промыслу по десяти рублей на год". Однако уже в следующем, 1672 г. приезжали в Москву "колмогорец Ермолка Рокитин с товарищы, с того ж промыслу давали по тридцати рублей на год и с Москвы съехали".

В условиях такой конкуренции Москва решила провести оброчные торги: "...по указу великого государя и по грамоте велено с карабелном вожевом промысле Проньке Ефимову с Ермолкою Рокитиным с товарищы дать торг, да кто больше оброку даст, и тем жохам велено карабли водить из оброку с поручною записью". Такие торги были проведены 30 июля 1672 г., и "с торгу отдано то карабелное воженье Ермолке Рокитину с товарищы, а броку с них в государеву казну на 180 год взято сорок рублей двадцать пять алтын". Но на этом дело не кончилось, т. к. в следующем, 1673 г. "подал челобитную прежней отказной жожа Ивашко Хабаров", который написал, что с 1653 г. "водил он, Ывашко, карабли с моря к Архангелскому городу и от города на море", и предложил по сравнению с холмогорцами новую цену оброка — "написал сверх прежнего оброку рубль, хотя их тем изгонить" (т. е. тех, кто откупил оброк ранее). В Москве отреагировали на это, и в 1674 г. последовал на Двину новый указ — "карабелным жохам Пронке Ефимову, да Ермолке Дяткину, да Ермолке Рокитину с товарищы в нынешнем во 182-м году с моря к Архангелскому городу и от города на море карабли водить против прежнего, а оброку им с того карабелного промыслу в казну великого государя, в Съезжую избу старого и новоприбыльного по сороку по два рубли на год".

Итак, цены довольно значительно возросли. Кроме того, новый указ строго регламентировал жохам-лоцманам время появления на иноземных судах — только после таможенного досмотра последних: "А на карабли вам, жохам, ездить для воженья в то время, как для допросу на карабли съездят сотники и стрелцы. А прежде сотника и стрелцов вам отнюдь на карабли не ездить. А буде вы учнете на карабли ездить для воженья преже сотника и стрелцов и карабль проведете в Двинское устье без роспросу и без записки, и вам за то по указу великого государя быть в жестоком наказанье

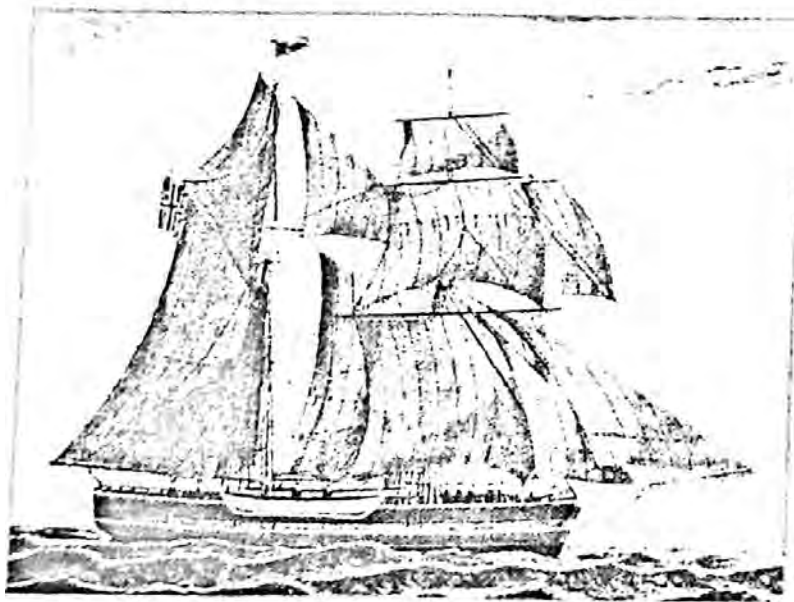

Рис. 25. Судно "Шпицберген" из Хаммерфеста. Было куплено в Архангельске судовладельцем Финкенхагеном (Finckenhagen) в конце XIX в. (по: Arlov Thor B., 1996)

безо всякие пощады". Любопытно, что в этом документе упомянуты и архангелогородские, и холмогорские вожи — принцип региональности артели вроде бы уже не существовал, но сам откупной оброк продолжал взиматься до 1685 г., а потом его отменили: "...вожей, которые Двиною рекою торговые корабли с моря в верх до Архангелскаго города проводят, также теж карабли и от города на море отводят, нанимать голанцом и анбурцом, торговым иноземцом, доброволно, ково они похотят поволною ценою, как бывало изстари до откупу, а откупщикам и подрядчиком в жожах ныне и впредь не быть..." Таким образом, указ 1685 г. отменил откуп и оброк и выделил только ту группу лоцманов, которая работала с иноземцами: "А ведать вожей, которые у иноземцев наймуются во всяких целях, по Новому торговому уставу, в таможене гостем с товарищы, которые в таможене бывают, а в Приказной избе вожей, которых иноземцы нанимать учнут, ни в чем ведать не велено".

Нам представляется, что нет никаких оснований считать, что указ от 2 августа 1690 г. устанавливал единую, как полагают В. В. Брызгалов и А. М. Ильющенков²⁴², таксу оплаты лоцманских услуг. Наоборот, напоминая об отмене оброка, указ говорит, что иноземцы могут нанимать лоцманов "доброволно, ково они похотят поволною ценою, как бывало изстари до откупу".

Называя этот документ "указом", мы должны помнить, что указная-то его часть, после перечисления тех изменений в лоцманском деле, которые произошли в 1685 г., состоит в подтверждении обязательности выполнения архангелогородскими лоцманами в 1690 г. условий договора ("записи"), подписанного артелью вожей во главе с Ивашкой Антуфьевым и Коземкой Котцовым в 1686 г. с торговыми иноземцами. Вожи обратились в Москву, по всей видимости, за помощью, ибо царская грамота подтверждает обязательность выполнения архангелогородскими лоцманами условий выполнения этого договора: "...и о цене сверх договору своего и записи никакой тесноты иноземцам не чинить и никаких иных откупщиков подле себя не держать".

Еще С. Ф. Огородников отмечал, что лоцманы набирались из числа крестьян на определенных условиях. Документ — указ от 22 января 1742 г. — подчеркивал: "...ис чернососных крестьян лоцманов и их детей, кои к тому делу достойны, ...в рекруты брать не велено, а определено принимать за них в склатку, по силе состоявшася о наборе рекрутов указу, денгами..."

Лоцманы, которые поименованы в списке 1742 г., уже числились к этому времени в Архангелогородском Адмиралтействе и обслуживали все морские суда — "для проводки казенных государевых караблей и других судов от верфи за Бар, также и приходящих иностранных российских купецких судов с моря к порту и обратно от порта в море..."

Некоторые лоцманы, имена которых упоминаются в публикуемых нами документах, известны и по пере-

Рис. 26. Гавань Тронхейма. 1796 г.
(по: Steinar Supphellen, 1997)

писным книгам Архангельска начала XVIII столетия. Так, Ермил Дяткин (полное имя — Ермил Дмитриев сын Дяткин), согласно Переписной книге 1702 г., имел свой двор, в котором проживал вместе с сыновьями Константином и Федором, но к моменту переписи умер ("умре в 1679")²⁴³. В переписи 1702 г. упомянут и другой архангельский лоцман — Прокопий Ефимов (полное имя — Прокопий Ефимов сын Попов), который к моменту переписи был уже "на Москве, шол во 1676 году"²⁴⁴.

На наш взгляд, письменные документы второй половины XVII—первой половины XVIII в. полностью подтверждают мысль, впервые высказанную С. Ф. Огородниковым, о фамильной корпоративности лоцманского промысла. Следует отметить и то, что архангельские околородные лоцманы с первых десятилетий XVIII в. окончательно вытесняют лоцманов из Холмогорской округи — это отражает общую тенденцию уменьшения роли Холмогор, и холмогорцев прежде всего, в ремесленной и торговой деятельности. Территориально так называемый лоцманский стан, по С. Ф. Огородникову, располагался на двинских островах в дельте Северной Двины у Архангельска и ниже города по течению, в семи деревнях, составлявших довольно компактный куст: Верхние и Нижние Хвосты, Кальчино, Кавкала, Пустошь, Ильины Пески, Залохотье.

Определенная замкнутая корпоративность (компактность проживания, наследственность лоцманской профессии — на вакантные места выбирались "братским советом на отцово или братне место") способствовала сохранению профессионализма и накоплению опыта. В 1711 г. лоцманов насчитывалось 32 человека, и с этого года они были под началом Губернской канцелярии (до 1826 г.). В 1742 г., согласно составленному списку (см. Приложение 2), насчитывалось уже 40 человек и проживали "оные лоцмана... в Кавколоской, Федорковой, Хвостянской и Калченской деревнях, разстоянием от города Архангелскаго около осми верст, а от Адмиралтейства четырех верст".

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

- л. 2 По челобитью горожанина Ивана Мамаева о определении ево вместо умершаго отца ево для приводу к городу и отводу в море иностранных купеческих караблей в карабельные вожи. 1711 году.
- Державнейший царь, государь милостивейший, в прошлом, государь, 182-м году марта 20 дня по указу отца твоего, государева, блаженныя памяти государя царя и великого князя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, и по памяти ис Колмогорской съезжей избы за печатью думного дворянина и воеводы Федора Полуектовича Нарышкина, за приписью дьяка Афанасия Зыкова, а против челобитья отца моего горожанина Прокопья Игумнова с товарищи велено против прежних лет возить им с моря к Архангелскому городу и от города на море выводить торговья карабели без всякие остановки. И он, отец мой Прокопей, с товарищи по тому вышеписанному указу и по воеводским памятем торговые разных земель карабели с моря к Архангелскому городу водили и от города на море выводили из найму. И с того промыслу всякие подати платили и службы служили. И в прошлом 203-м году, он, отец мой Прокопей, умре, а я к тому карабельному воженью в вожи не приверстан. И ныне на мне, нижайшем, всяких твоих, великого государя, податей спрашивают и правят. А мне платить нечим, потому что у меня никаких торгов и промыслов нет. И от того я, нижайший, разоряюсь.
- л. 2 об. Всемилоостивейший государь, прошу вашего величества, пожалуй меня, вели, государь, быть мне у Архангелского города во время карабельного приходу // вместо упокойного отца моего в жожах, чтоб мне твоих, великого государя, податей и служб не отбыть и в конец не разоритца.
- Вашего величества нижайший раб горожанин Иван Прокопьев сын Мамаев. Сего 1711-го июля в 20 день. Вместо Ивана Прокопьева сына Мамаева по ево велению Гаврило Поповых руку приложил.
- Выписать.
- И против сей помете в Архангелогородской приказной полате выписать не из чего. А челобитчик Иван Мамаев к сему прошению с подлинного указу, каков дан из Архангелогородской приказной полаты отцу ево, Прокофью, во 182-м году, подал список. И ис того списку выписано.
- л. 3 В прошлом во 182-м году бил челом великому государю горожанин Прокопей Мамаев, чтобы быть ему у города Архангелскаго в карабельных жожах з другими жожами вместе. И по тому ево прошению // из Архангелогородской приказной полаты указ за дьячьєю приписью дан, с которого указу под сим прошением список.
- л. 3 об. И ныне великому государю бьет челом Иван Мамаев, чтоб великий государь пожаловал велел ему быть во время карабельного приходу на место отца своего в карабельных жожах з другими жожами вместе, для того что он тому заобычен, и о том дать ему из Архангелогородской приказной полаты указ, а службы служить и всякие подати платить будет он с мирскими людьми в ряд попржнему. А города Архангелского карабельных лоцманов староста Двинского уезда Низовской волости Калченской деревни крестьянин Дмитрий Хабаров с товарищи сказали: По Двине реке для приводу карабелей от взморья к городу и назад до морского свободного пути работают в лоцманах разных волостей тритцать два человека без жалованья. А верстаютца же оне на убылые места между собою без приказного поведения брацким советом на отцово или братне место, которого с такого дело станет, и кто знает карабельный ход, // и при них для учения держался. А за привод к городу дают им иноземцы со всякого карабля по два рубли, а за отвод на морской ход по шти рублев с карабля. А вышеписанного челобитчика Ивана Мамаева отец был ли, и по какому указу он был, и в котором году умер, того они не ведают, для того что он, Дмитрий, его, Прокофья, у той работы не застал. А он де, Иван Мамаев, х карабельному приводу и отводу не заобычен и в нынешнем году галанский карабль от города вел до Саламбалского острова и посадил на песок. И от такова ево незнания они опасны всякими гибели себе и разорения. Да он же непрестанно пьянствует.
- К сей скаски вместо старосты Дмитрея Хабарова и лоцманов Пусташной деревни Матфея да Калченской деревни Василья Хабарова по их велению Волока Пенезского Иван Поряднев руку приложил. //
- л. 4 Список с памяти:
- Лета 7182-го марта в 20 день по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, указу память карабельным жохам Пронке Игумнову, Ермилку Дяткину, Ермолке Рокитину с товарищи. В нынешнем во 182-м году марта в ... день били челом великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичу, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу, а на Колмогорах в Съезжей избе думному дворянину и воеводе Федору Полуехтовичю Нарышкину да дьяку Афанасью Зыкову подали вы, Пронка с товарищи, челобитную, а в челобитной написано, в прошлых де годех водили вы с моря к Архангелскому городу и от города на море карабели, и с того карабельного воженья в государеву казну оброк платили два года. Чтоб великий государь пожаловал велел вам о том карабельном воженье дать память против прежнего своего государева указу и по грамотам. А в прошлом во 180-м году мая в 10 день в государеве цареве и великого князя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, грамоте из Новгородского приказу за приписью дьяка Афонасья Ташлыкова на Двину к думному дворянину и воеводе к Афанасью Ивановичу Нестерову да дьяку х Константину Михайлову писано: В прошлых годех по 180-й год у Архангелского города в карабельную пристань водили торговые карабели // с моря Двиною рекою к Архангелскому городу и от Архангелского города на море карабельные вожи холмогорцы и Архангелского города посацкие люди, оброку великого государя в казну не платили. А в прошлом во 179-м году будучи на Москве Архангелского города карабельные вожи Пронка Ефимов с товарищи давали с того карабельного вожевого промыслу по десяти рублев на год. А во 180-м году холмогорцы Ермолка Рокитин с товарищи с того промыслу давали по тритцати рублев на год и с Москвы съехали. И по указу великого государя и по грамоте велено с карабельном вожевом промысле Пронке Ефимову с Ермолкою Рокитиным с товарищи дать торг, да хто болшы оброку даст, и тем жохам велено карабели водить из оброку с поручною записью. И в прош(ло)м же во 180-м году июля в 30 день карабельным жожем Пронке Ефимову и Ермолке Рокитину с товарищи о карабельном вожевом промыслу даван торг, и с торгу отдано то карабельное воженье Ермолке Рокитину с товарищи, а оброку с них в государеву казну на 180-й год взято сорок рублев дватцать пять алтын. И в прошлом же во 181-м го-

ду мая в 29 день бил челом великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичю, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу, а в Съезжей избе // боярину и воеводе князю Дмитрею Алексеевичю Долгорукову да дьяку Афонасью Зыкову подал челобитную Вознесенского приходу Ивашка Хабаров, а в челобитной ево написано: В прошлых де годех со 161-го году по указу великого государя и по грамотам водил он, Ивашко, карабли с моря к Архангелскому городу и от города на море. И в прошлом же во 180-м году по указу великого государя и по грамоте водили карабли низовцы Ермолка Рокитин з братьею да Ермилка Дяткин из оброку, а ево де, Ивашка, от карабленого воженья отбыли, и чтоб великий государь пожаловал ево, Ивашка, велел ему с моря к Архангелскому городу и от города на море карабли водить, а он де, Ивашко, от того карабленого воженья сверх старого оброку вновь учнет платить по рублю в год. Да июня 7 числа били челом великому государю, а в Съезжей избе боярину и воеводе князю Дмитрию Алексеевичю Долгорукову да дьяку Афонасью Зыкову подали челобитную карабленные вожи Архангелского города посадцкие люди Пронка Ефимов да Ермилко Даткин, Вознесенского прихода Ермолко Рокитин с товарищи, // а в челобитной их написано: В прошлом де во 180-м году по указу великого государя и по грамоте отдано им карабленное воженье на оброк, а оброки платили в государеву казну сорок рублей дватцать пять алтын. И в нынешнем во 181-м году подал челобитную по ненависти прежней отказной вож Ивашко Хабаров, а в челобитной написал сверх прежнего оброку рубль, хотя их тем изгонить, и чтобы великий государь пожаловал их, Пронку с товарищи, велел им попрежнему своему великого государя и по грамоте быть в карабленных жожах на пять лет без перекупки, а они де с того карабленого воженья сверх ево, Ивашкова, рубля дадут по полтине на год. И боярин и воевода князь Дмитрий Алексеевич Долгорукову да дьяк Офонасий Зыков, слушав те их челобитья, приказали тот карабленный промысел отдать на оброк Пронке Ефимову да Ермолке Рокитину с товарищи и ... дать им о том память. // И по указу государя царя и великого князя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, карабленным жохам Пронке Ефимову да Ермилке Дяткину да Ермолке Рокитину с товарищи в нынешнем во 182-м году с моря к Архангелскому городу и от города на море карабли водить против прежнего, а оброку им с того карабленого промыслу в казну великого государя в Съезжую избу старого и новоприбыльного по сороку по два рубли на год. А на карабли вам, жожем, ездить для воженья, в то время как для допросу на карабли съездят сотники и стрелцы. А прежде сотника и стрелцов вам отнюдь на карабли не ездить. А буде вы учнете на карабли ездить для воженья преже сотника и стрелцов и карабль проведете в Двинское устье без допросу и без записки, и вам за то по указу великого государя быть в жестоком наказанье безо всякие пощады. А хто буде учнет мимо вас карабли водить и ... вам тех людей приводить в Съезжую избу к думному // дворянину и воеводе к Федору Полуехтовичю Нарышкину да к дьяку Афонасью Зыкову.

л. 5

л. 5 об.

л. 6

л. 6 об.

У подлинной памяти думной дворянин и воевода Федор Полуехтович Нарышкин печать свою приложил. На другой стороне поставил пропись дьяка Афонасья Зыкова. Справа подьячего Ивана Ростегаева. К сему списку вместо Ивана Мамаева Алексей Беляев руку приложил. А подлинной указ он, Иван Мамаев, к себе взял.

Да в нынешнем 712-м году июня в 23 день бил челом великому государю, а в Архангелогородицкой канцелярии вице губернатору Алексею Александровичу Курбатову горожанин Иван Мамаев подал челобитную. А в ней пишет: //

Державнейший царь, государь милостивейший.

л. 7

В прошлых и во 198-м годех по вашим, государевым, указом, и по грамотам, и по воеводским памятем, каковы даны ис Приказной палаты отцу моему упокойному в бытность его горожанину посадцкому человеку Прокопью Мамаеву с товарищи, по которым велено и был он с моря к городу и от города на море карабелным жожем лет тридцать без всякого в том деле торгу, ис того промысла всякие подати платил и службы служил сполна без доимки. И после его я, нижайший сын ево, остался в малых летех и ныне в посадцком тягле положен, а без промысла в одиночестве живу ... нужде. А у помянутого карабелного промысла жожами промышляют ныне семейные крестьяне, а от семейных такие же бобыли без тягла, свойственные меж собою люди. А меня, нижайшево, к тому промыслу без указа собою не принимают. А карабелному жожеству я, нижайший, заобычен и бываю от них, жожев, в наймах на время за малую цену, также и Гостиной сотни у Осипа и Федора Бажениных от города на море карабли их вывожу повсегодно, чему они, господа Баженины, и свидетели. И в прошлом, государь, 711-м году тебе, государю, бил челом, а в Архангелогородицкой канцелярии подавал я, нижайший, о том челобитную, по которой по помете на деле с указов выписано, а указу в том не учинено.

Всемилоостивейший государь, прошу вашего величества, вели, государь, по вашим государевым указом, и по грамотам, и по воеводским вышепомянутым памятем вместо отца моего быть мне карабелным жожем и о том свой государев указ учинить, чтоб мне, нижайшему, без промысла в посаде не разоритца. //

Вашего величества нижайший раб горожанин посадцкой человек, а онога карабелного жожа Прокопья сын Мамаев. 1712-го июня в 23 день. Вместо горожанина Ивана Прокопьева по ево велению горожанин Леонтей Чунов руку приложил.

л. 7 об.

Взять ко учиненной выписке и предложить ко учинению указа.

На сей челобитной помета вице губернатора Алексея Александровича Курбатова такова: Взять ко учиненной выписке и предложить ко учинению указа.

По указу великого государя вице губернатор Алексей Александрович Курбатов указал взять у него, челобитчика, ведомость, кто имени о нем сведом и(з) здешних горожан купецких людей, // что он сведущ того лоцманского дела при корабельных к городу и от города путях. А о ком укажит, тем о нем писменно и отвечать. Да особливо выписать о всех лоцманах, по каким содержащим указам и свидетельствам они у того дела, и кто их ныне налицо, и ис каких чинов.

л. 8

1712-го июля 14. //

Июля 18 дня нынешняго 1712-го году челобитчик Иван Мамаев к сему делу подал доношение.

л. 8 об.

А в нем пишет: // Доношение горожанина Ивана Мамаева, которой бьет челом в лоцманы, и кто про ево лоцманской (род?) известен, тому ниже сего роспись.

л. 9

Гостиной сотни Осип да Федор Баженины.

Посацкие:

Иван Звягин
 Андрей Гоголев
 Лука Брабанской
 Филип Омосовых
 Яков Мостовых

Михаило Галкин
 Иван Федоров Попов
 Никифор Лебедев
 Кирил Пшаницын
 Леонтей Чюпов

Экипажмейстер Федор Баженин писал, вышеписанной Мамаев на ево, Федоровых, караблях по многие годы лоцманом ходил и выводил на море изрядно. Федор Баженин, Андрей Гоголев руку приложил. Вместо Ивана Звягина по его велению горожанин Григорей Околнишников руку приложил. Вместо Михайла Галкина по ево велению городской воротник Василей Яшнев руку приложил. Иван Федоров сын Попов и вместо Никифора Лебедева по ево велению руку приложил. //

л. 9 об. 1712-го июля 18 дня вице губернатор Алексей Александрович Курбатов приказал взять сие известие к делу и, расписав, поднести.

На сем доношении помета дьяка Козмы Перфильева такова:

1712-го июля 18 дня вице губернатор Алексей Александрович Курбатов приказал взять сие известие к делу и, расписав, поднести.

И по сей помете из вышеписанного доношения расписано:

л. 10 Города Архангелского жители экипажа мейстер Федор Баженин да посацкие люди Иван Звягин, // Андрей Гоголев, Михайло Галкин, Иван Федоров сын Попов, Никифор Лебедев в скаске объявили:

Вышеписанной Иван Мамаев на ево, Федоровых, караблях лоцманом ходил многия годы и выводил на море изрядно. А против вышеписанной пометы дьяка Ивана Хрипунова о всех лоцманах же особая выписка готовится.

Смотрил Алексей Иванов. //

л. 10 об. По указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья России самодержца, вице губернатор Алексей Александрович Курбатов приказал по вышеписанному прошению челобитчику горожанину Ивану Мамаеву во время карабельного приходу как с моря к городу, так и от города Архангелского на море на месте отца ево Прокофья Мамаева быть в вожах карабельных для того, что по прежнему его, великого государя, указу, каков дан отцу ево, Иванову, из Холмогорской Съезжей избы, тот отец ево в вожах карабельных был, да и потому ему, Иванову, в тех карабельных вожах на месте отца

л. 11 ево быть же. В вышеозначенной скаске // карабельных вожев старосты Дмитрия Хобарова с товарищи написано: Верстаются они на убыльях места собою брацким советом иа отцово или на братне место, котрым такое дело станет и кто знает карабельной ход. А свидетели ево карабельного привоуду и отвоуду горожания экипажа мейстер Федор Баженин да посацкия люди Иван Большой Звягин, Андрей Гоголев, Михайло Галкин, Иван Федоров сын Попов, Никифор Лебедев сказали, что де Иван Мамаев на ево, Федоровых, караблях лоцманом ходил многия годы и выводил на море изрядно их. И будучи ему, Иванову, во время карабельного приходу разных земель торговья карабли к городу Архангелскому с моря выводить и от города на море отводить без всякия остановки, как и ево братья чинят, и никакия хитрости над теми карабли не учинить, // и на мель на песок не наводить, опасая себя за неисправление жестокого наказания со лишением всего своего имени. И о том ему, Иванову, для подлинного свидетелства дать ис канцелярии Архангелгородской его великого государя указ, а к вышеписанному старосте Дмитрею Хобарову с товарищи послать для ведома указ же.

1712-го июля в 30 день.

Записать.

В книгу записан. //

л. 12 По указу великого государя Архангелского города посадскому человеку Ивану Мамаеву. В нынешнем 712-м году (ию)ня в 20 день в челобитье твоём написано: В прошлом во 192-м году по указу блаженные памяти великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белья России самодержца, за печатью думного дворянина Федора Полуехтовича Нарышкина, за приписью дьяка Афонася Зыкова против челобитья отца ево, Прокофья Мамаева, с товарищи велено против прежних лет водить им с моря к Архангелскому городу и от города на море выводить торговые карабли баз всякие остановки. И отец твой с товарищи по тому указу карабли с моря к Архангелскому городу водили и от города на море выводили из найму и с того промыслу всякие подати платили и службы служили. И в прошлом 203-м году отец твой умре, а ты к тому карабельному воженью в вожи // не приверстан. И ныне всякие ево, великого государя, подати спрашивают и правят на тебе, а платить тебе нечим, потому де что у тебя промыслов никаких нет. И великий государь пожаловал бы тебя, велел у Архангелского города во время карабельного приходу на отцовском месте быть в вежах, чтоб тебе податей и служб не отбыть и в конец не разоритца.

л. 12 об. Сего июля в ... день по указу великого государя и по по выписке за пометою вице губернатора А(лексея) А(лександровича) Курбатова велено тебе, Мамаеву, во время карабельного приходу как с моря к городу, так и от города Архангелского на море на месте отца твоего Прокофья Игумнова быть в вежах карабельных, для того что по прежнему его, великого государя, указу, каков дан отцу твоему ис Холмогорской съезжей избы, то отец твой в вожах карабельных был, да и потому тебе // в тех карабельных вожах на месте отца ево быть же. В скаске карабельных вожев старосты Дмитрия Хабарова с товарищи написано, верстаюся де они на убыльях места собою брацким советом на отцово или на братне место, которой с такое дело станет и кто знает карабельной ход. А свидетели карабельного привоуду и отвоуду горожания экипажмейстер Федор Баженин да посацкия люди Иван Большой Звягин, Андрей Гоголев, Михайло Галкин, Иван Федоров сын Попов, Никифор Лебедев сказали, что он, Иван Мамаев, на ево, Федоровых, караблях лоцманом ходил многия годы и выводил на море изрядно. И будучи тебе, Иванову, во время карабельного приходу разных земель торговые карабли к городу Архангелскому с моря выводить и от города на море отводить без всякия остановки, как твоя братья чинят, никакие хитрости над теми карабли // не чинить и на песок не наводить, спасая себя за неисправление жестокого наказания со лишением всего своего имени. А о бытности твоей в лоцманах

л. 13 об. к помянутому старосте Дмитрею Хобарову с товарищи его, великого государя, указ послан.

Июля 31-го 712-го.

С сего указа $\frac{\text{П} | \text{Д}}{\text{ИВ} | \text{Х}}$ печатных пошлин 8 рублей 2 денги приняты и браны в приход расходчику Афонасью

Побегалову августа в 3 день.

По указу великого государя, царя и великого князя Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержжда, архангелогородским карабелным лоцманом с товарищи. По его, великого государя, указу и по приказу вице губернатора Алексея Александровича Курбатова велено горожанину посацкому человеку Ивану Мамаеву быть в карабелных лоцманах на месте отца ево Прокофья // Мамаева с вами вместе*, и старосте Дмитрию Хабарову с товарищи о сем ведать и ево, Ивана, в Роспись в лоцманы написать с ево братьею вместе по сему его, великого государя, указу.

л. 14

Июля 17 дня 1712 году. //

$\frac{\text{П} | \text{Д}}{\text{ИВ} | \text{Х}}$

Архив СПб. ФИРИ РАН, ф. 10, оп. 2, д. 755

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Об архангелогородских вожах и лоцманах. 1742 г.

Находящиеся при Архангелогородском порте для проводки казенных караблей и других судов, отходящих от верфи в море и приходящих с моря к верфи, также и партикулярных иностранных и российских купецких судов, с моря к порту и обратно от порта в море, ис крестьян лоцманы сорок человек содержатся в силу "Морского регламента" второй части "О должности капитана над штурманами" 7-й главы 1-го пункта; а в 1732 году июля 14 дня оные лоцмана бывшему тогда при здешнем порте на далной брантвахте капитану Клатеру скаскою объявили: Имеется их при Архангелогородском порте по данной памяти из Архангелогородской таможни за рукою гостя Алексея Филатьева и по договору с торговыми иноземцами с 7198 году сорок человек. И со оной памяти тогда взята копия, с коей у сего прилагается точной список. А приняты оные лоцманы от архангелогородского губернатора по данной от государственной Адмиралтейской коллегии 1726 году февраля 9 дня в команду бывшего тогда здесь от флота капитану Андрею Диоперу, с котораго времени и поныне под ведомством канторы главного командира находятся. //

л. 408

Копия

1690-м

л. 409

Лета 7198-го августа во 2-й день. По указу великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцев, память карабелним вожам Ивашку Антуфьеву да Коземки Котцову с товарищи. Быть вам во время ярмонги нынешняго 198 году в карабелных вожах, для того в нынешнем во 198 году в указе великих государей и в наказе ис Приказу Большой казны, каков дан гостю Алексею Филантьеву с товарищи для збору Архангельского города таможенных пошлин, написано: Вожей, которые Двиною рекою торговые карабли с моря вверх до Архангельского города проводят, также те ж карабли и от города на море отводят, нанимать галанцом и анбурцом, торговым иноземцам добровольно, ково они похотят поволною ценою, как бывало изстари до откупу, а откупщиком и подрядчиком в вожах ныне и впредь не быть и откупных денег, которые с вожей с того промыслу в казну великих государей иманы по 193 год, впредь не имать и из окладу тот откуп выложить. А ведать вожей, которые у иноземцев наймуются во всяких делах, по Новому торговому уставу, в таможене гостем с товарищи, которые в таможене бывают, а в Приказной избе вожей, которых иноземцы нанимать учнут, ни в чем ведать не велено.

И в прошлом 194 году били челом великим государем торговые иноземцы Кондратей Канепитер да Андрей Брюст с товарищи: Подрядили оне, иноземцы, // у города Архангельскаго карабелних вожей — вас, Ивашку Антуфьева да Коземку Котцова с товарищи, и взяли на вас запись в том, что, будучи вам у города Архангельскаго со 194 года впредь по вся годы, покамест они, иноземцы, вас у себя в вожах держать похотят, провожать их иноземские карабли с моря к Архангельскому городу, также и от города на море выводить, а рядили оне, иноземцы, вам от проводу караблей с моря к Архангельскому городу по два рубли, а от выводу от города на море по шести рублей со всякого карабля. И вам, карабелним вожам Ивашку Антуфьеву да Коземки Котцову с товарищи, которые имяны в вышепомянутой записи у иноземцев писаны, в нынешнем 198 году во время нынешней ярманки торговые карабли, которые с моря учнут к устью приходить, провожать к городу Архангельскому, и ставитца с ними на прежней пристани, и после ярмонки от города на море провожать со всяким береженьем, и о цене сверх договору своего и записи никакой тесноты иноземцам не чинить, и никаких иных откупщиков подле себя не держать. К той подлинной памяти Архангельскаго города карабелние пристани таможенная печать приложена на воску. //

л. 409 об.

В Морском регламенте второй части о должности капитана над штурманами главы "7" в 1-м пункте напечатано:

л. 410

Капитан над штурманами должен фарватер, начав от Кроншлота, даже до Варивалдаи всегда во осмотрении иметь и бакан тоны ставить. Он же должен от Варивалдаи даже до Дагерворта посылать своих офицеров с штурманами и учениками, дабы непрестанно сей опасной фарватер меряли во все лето, и где найдут какия новыя мели, исправно на карту ставили; також и в прочих российских гаванех, где ему опре-

* Между строк вставка: "чинить по указу, каков дан ему из Архангелогородской канцелярии за дьячьєю приписью".

делено будет, для смотру фарватеров посылать штурманов и учеников. Он же должен иметь доволное число лоцманов во всех российских пристанях в синус, финикус, где сколко пристойно, // для провожания караблей и ставленья баканов, и в том всякое попечение иметь и ответ держать. //

л. 411 Копия

Указ ея императорского величества самодержицы всероссийской из Адмиралтейской коллегии по Экспедиции комисариатской в Архангелогородскую кантору над портом декабря 29 числа 741 году.

По ея императорского величества указу и по определению Адмиралтейской коллегии велено по присланному из правительствующаго Сената указу, что обретающихся при Архангелогородском порте записных Двинского уезда ис черносошных крестьян лоцманов и их детей, кои к тому делу достойны, в рекруты брать не велено, а определено принимать за них в склатку, по силе состоявшагося о наборе рекрут указу, денгами, во оную кантора послать указ и велеть исполнять по силе онаго сенатскаго указа; и в Архангелогородской канторе над портом учинить о том по ея императорского величества указу генваря 22 дня 1742 года.

На подлинном подписал князь Иван Волконской, скрепил секретарь Федор Нелюбов, справил канцелярист Гаврила Камаров. //

л. 412 Список имеющимся при Архангелогородском адмиралтействе для провотки казенных государевых караблей и других судов от верфи за Бар, также и приходящих иностранных и российских купецких судов с моря к порту и обратно от порту в море лоцманам, а кто имяны и коликих лет, обозначит ниже.

	От роду лет
Иван Васильев сын Хабаров	48
Василей Евдокимов сын Хабаров	31
Ефим Иванов сын Котлов	21
Алексей Лужин сын Хабаров	25
Федор Евдокимов сын Хабаров	45
Егор Васильев сын Хабаров	44
Дмитрей Иванов сын Котлов	25
Иван Яковлев сын Котлов	59
Андрей Иванов сын Амосов	42
Михайло Иванов сын Пустошной	67
Иван Иванов сын Котлов	44
Яков Иванов сын Котлов	34
Егор Иванов сын Котлов	31
Иван Васильев сын Котцов	31
Григорей Сидоров сын Амосов	40
Филип Яковлев сын Котлов	42
Михайло Григорьев сын Котцов	37
Илья Григорьев сын Котцов	35
Матвей Петров сын Пустошной	25
Степан Петров сын Пустошной	42
Семен Петров сын Пустошной	35
Степан Васильев сын Пустошной	40
Сергей Иванов сын Амосов	40
Иван Иванов сын Амосов	37
Дмитрей Петров сын Котцов	57
Самсон Дмитриев сын Котцов	34
Андрей Тимофеев сын Котцов	37
Данила Тимофеев сын Котцов	43
Петр Екимов сын Котцов	34
Филип Иванов сын Урпин	35 //
л. 412 об. Афонасей Яковлев сын Котцов	30
Семен Иванов сын Котцов	61
Яков Михайлов сын Варакин	43
Федор Алексеев сын Варакин	30
Алексей Васильев сын Варакин	40
Яков Григорьев сын Котцов	34
Яков Иванов сын Урпин	42
Иван Иванов сын Котцов	28
Михайло Иванов сын Урпин	30
Петр Иванов сын Хабаров	31
Итого 40 человек	

Оные лоцмана жительство имеют Архангельскаго наместничества в Кавколской, Федорковой, Хвостянской и Калченской деревнях, разстоянием от города Архангельскаго около осми, а от Адмиралтейства четырёх верст. //

Архив СПб. ФИРИ РАН, ф. 36, Воронцовы, оп. 1, д. 477

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Указ ея императорскаго величества самодержицы всероссийской из правительствующаго Сената Адмиралтейской коллегии. По указу ея императорскаго величества, состоявшемуся на поднесенном ея императорскому величеству от правительствующаго Сената докладе, в котором представлено: л. 83

Ея императорское величество соизволила прислать в Сенат поднесение ея величеству от Адмиралтейской коллегии обще с Комиссиею о комерции о притчинах, препятствующих архангелогородскому купечеству в отправлении с надлежащею пользою морем комерции доклад для рассмотрения и представления ея величеству со мнением. А в том докладе написано: Ея императорское величество в прошлом 1768-м году на поднесенной от действительнаго тайнаго советника и кавалера графа Миниха доклад о помянутых притчинах всевысочайше повелеть соизволила Комерц комиссии, зделав положение обще с Адмиралтейскою коллегиею, ея императорскому величеству представить.

Во исполнение сего высочайшаго ея величества повеления Адмиралтейств коллегия обще с комиссиею о комерции по тому поднесенному докладу и учиненной из законов выписки имели разсуждение и усмотрели две главнейшия и справедливыя притчины, кои не токмо одному архангелогородскому, но всему отправляющему морем комерцию российскому купечеству вредны и настоят в отправлении оной действительным препятствием: 1. Нет российских шиперов, котрым бы суда вверять можно было, для чего российское купечество нанимает иностранных. 2-е. Положение в регламентах как 724-го, так и 765-го годов о давании оному матрозов при отяготительных условиях, причем необходимость найма иностранных шиперов причиняет во управлении карабля и экипажа беспорядок, а от того и купечеству вред и убытки, а иногда и самую гибель карабля. И коллегия обще с комиссиею ко отвращению сих неудобностей, а ко учинению впредь таких постановлений, кои бы обще // всей морем отправляемой российской комерции не токмо навсегда полезны были, но и со временем собственными шиперами, штурманами, боцманами и матрозами караблеглавание оной отправлялось, положили нижеследующее: л. 83 об.

1. Для снабдения шиперами и штурманами купеческих караблей нет инаго средства, как для обучения мореплавания учредить в Санкт-Петербурге, на Олонце, у города Архангельскаго, в Астрахане и в Иркутске навигацкие школы на таком основании, дабы казне неотяготительно было на коште тех купцов, которые от сей навигации пользу свою получать могут, в которыя школы могут определяться ис купеческих детей или из других свободных людей, таже и из государственных, экономических и из других коронных крестьян, кто пожелает, на таком основании, как в следующем 2-ом пункте положено. Сии школы коллегия Адмиралтейская, вспооществуя сей общей пользе, может снабдить искусными в мореплавании учителями, а как комерция отправляется в разныя места, то по неупотреблению во оных российского языка необходимо кажется надлежит обучать в сих школах галанскому и аглинскому языкам, только в Санкт-Петербурге у города и на Олонце. Обучавшиеся в школах теории для приобретения потребнаго знания в морской практике могут принимасмые быть и на военныя ея императорскаго величества суда на казенную порцию с содержанием против штурманских учеников, употребляя их единственно при штурманской должности. Таковыя по изучении потребной теории и практики экзаминованы быть должны по разсмотрению Адмиралтейской коллегии определяемыми на то комиссиями, и когда найдутся ко вверению караблей или ко исправлению штурманской должности достойными, тогда коллегия // имеет им дать о их искусстве аттестат, с которым уже они без всякаго сомнения могут определяемы быть на российския купеческия суда шиперами или штурманами. л. 84

И когда сие всеподданнейшее мнение высочайшей ея императорскаго величества конфирмации удостоится, то Адмиралтейская коллегия по сношению с Комиссиею по комерции учинит всему тому и учреждение, котрое и примет смелость поднести на высочайшее ея императорскаго величества усмотрение. Но пока таковое учреждение произведет от себя ожидаемые плоды (что уповательно времени немалаго еще требовать может), то дабы между тем мореплавание купеческих российских караблей час от часу умножалось, позволить российским купцам нанимать на свои карабли иностранных шиперов и штурманов безпрепятственно. При том Адмиралтейская коллегия, не оставляя и с своей стороны, что ко вспомоощствованию и пользе комерции служить может, долженствует давать для управление купеческих караблей из военнослужащих искусных в том деле людей, и когда ей самой во оных нужды не будет, а особливо в мирное время, однакож по собственному желанию купцов, на их купеческое содержание, как таковых Астраханская компания по указу Сената во определении имеет. Сим способом морем отправляемая российская комерция кораблеплавателями своего народа снабдена будет, а за сим следует, каким образом удовлетворять еще и матрозами.

2-е. На каждой российской карабль принимать из молодых российских подданных для обучения числом по пропорции каждого карабля, каковое в навигации за правило признаваться может от одного, а не более трех человек, в карабельные юнги таких, которые б были от тринатцати до семнатцати лет, кого они, мореплаватели, сами пожелают, с тем обязательством, чтоб каждой купеческой карабль российской неотменно таких // обучающихся юнгов имел, сих молодых людей с согласия отцов их или из находящихся в сиротстве сами купцы приискивать должны в дворцовых, духовых, черносошных и других свободных от помещиков людей, каковым давать из мест, ими управляющих, и отпуски на те карабли, таже ежели помещики уволить похотят или из отпущенных уже от помещиков отцы детей своих отдать пожелают. Оных детей содержать хозяевам караблей должны по уговору на урочные годы, но не меньше однако ж десяти лет, учиненном с отцами или родственниками, в чьей они состоять будут воле. А для споспешествования в сем деле узаконение о даче пашпортов увольняющимся от мест своих распространить на толикое время, на сколько оные молодые люди на обучение приниматься будут по договору. И те пашпорты давать от портов, а в те правления мест, из которых они приняты, сообщать о том. Но чтоб и сим не затворить путь к происхождению в шиперы и штурманы, или по крайней мере в боцманы, то они по выслужении положенных лет с полученными аттестатами от своих шиперов и хозяев должны явиться для экзамену в Адмиралтейскую коллегию, по которому и по получении аттестатов равное право с произшедшими чрез школы уже иметь должны. Таковых определенных как в школы, так и обученных на купеческих караблях, ежели л. 84 об.

иметь будут от коллегии Адмиралтейской атестаты, делать свободными и от всех податей, почему и в ревизию в число крестьян и дворовых людей их и рожденных от них детей не ставить и о том куда надлежит чинить представлении. Однако ж, чтоб оныя обучившиися и свободенныя и дети // их не служили инако, как на российских толко торговых караблях.

л. 85

От такового учреждения произойдет новой род морских служителей для российских купеческих караблей, из чего и та государственная польза последует, что во время нужды можно будет иметь и для воинских ея императорскаго величества караблей добрых шиперов, штурманов и матрозов, как таковые и в других государствах во время нужды на военные карабли берутся. Но как человеческия силы имеют свои пределы, которые еще более истощаются трудной в морской службе, то полагаются службы их на море лета, то есть по получении атестата выслужить дватцать пять лет, после которых, есть ли пожелают, могут переменять свое состояние, переходя в купечество или в какое другое звание. Сие самое послужит великим поощрением к добровольному определению от самих отцов малолетних детей. Сими положениями, есть ли оныя высочайшей конфирмации удостоятся, прежняя о сем узаконения уже отменяются. Но чтоб не лишить комерцию нужного иногда, а особливо по нынешнему недостатку вольных матрозов, вспомоществования, то коллегия обще с комиссиею рассуждает, пока оне учреждение произведет от себя ожидаемыя плоды, то дабы между тем мореплавание купеческих караблей час от часу умножалось, позволить российским купцам нанимать на свои карабли иностранных матрозов, а ежели бы купец на свой карабль потребовал и от Адмиралтейства матрозов, оному давать не больше пятой части, когда Адмиралтейская коллегия сама в оных нужды иметь не будет, а особливо в мирное время, однако ж по собственному желанию купцов, на их // содержание. Буде шипер из находящихся российских матрозов умышленно кого оставит в иностранном государстве, то оныя подвергаются изображенному в коллежской должности по 12-му пункту штрафу. Также ежели из тех матрозов кто сбежит от шиперскаго притеснения, в чем чинить чрез подчиненных его обыск, в таком случае учинить с него взыскание в штраф сто пятьдесят рублей. А ежели побег матроза произойдет не от шиперскаго притеснения, в таком случае от всякаго штрафа оной свободается. Однако ж каждой шипер российских купеческих караблей по возврате своем к российским портам в самих портах или будучи еще в иностранном месте российскому резиденту или консулю должен о том отлучившемся матрозе по каким имянно причинам оной бежал или остался, по силе Адмиралтейскаго регламента 12-й главы 10-го пункта, объявить и (в) том, что из обстоятельств тогда найдется, свидетельство от него взять для своего оправдания, которое по прибытии к российским портам объявить, а от оных в коллегию Адмиралтейскую давать немедленно знать.

л. 85 об.

Все сие коллегия обще с комиссиею предала на собственное ея императорскаго величества пронизательное рассмотрение. Сенат, рассмотрев сей доклад, приемлет смелость ея императорскому величеству представить, чтоб он заведение школ для обучения наукам, к мореплаванию служащим, в объявленных от Адмиралтейской коллегии и Комиссии о комерции городах российских купеческих детей, хотя сколько нужным, столько и полезным почитает, однако ж, с одной стороны, предвидя, что такое заведение вдруг в пяти местах востребует на построение свое и содержание учащих и учащихся немалого иждивения, а с другой, не видя еще точных оснований и положений, на каковых оныя построены и учреждены быть должны, какое как на оныя, так равно и на содержание учителей, учеников и приставов // иждивение потребно, на одних ли тех купцов, которые прямо иностранным торгом пользуются, иждивение, потребное на сие, расположится или на все российское купечество? Какая сумма, по мнению их, к расположению на купечество может быть достаточною? И не будет ли она по состоянию и обстоятельствам здешних торговцев отяготительнее и самой обещаемой им от сего нужного заведения пользы, а по всему тому прежде времени не полагая надежды, чтоб положение их без казеннаго убытка могло получить желаемые успехи, и не сообразя подробных всему ныне представляемому от них генеральному мнению положений, не может точнаго о сем донести своего мнения.

л. 86

Чего для всеподданнейше представляет: как Адмиралтейская коллегия и Комиссия о комерции, испрашивая высочайшей ея величества на свой доклад конфирмации, сами обещают, сочиня всему тому учреждение, поднести ея императорскому величеству на высочайшее рассмотрение, не угодно ли будет помянутым коллегии и комиссии, снесясь между собою, повелеть сочинить обещаемое ими учреждение, план и штат учащим, учащимся и будущим при них надзирателям и служителям предварительно, и оныя взнестъ на рассмотрение Сената, дабы оной, сообразя все их положения с ожидаемою от сего учреждения пользою и с самим состоянием тех, на которых все потребное на то иждивение расположено быть должно, мог совокупно обо всем ея величеству представить свое всеподданнейшее мнение. И сие предав в высочайшее ея императорскаго величества благоволение, просит указа, на котором докладе сего июня в 7 день ея императорское величество собственноручно подписать соизволила тако: *Соглашаюся на мнение // Сената.*

л. 86 об.

Правительствующий Сенат приказали: о должном по оному ея императорскаго величества высочайшему повелению исполнении в Адмиралтейскую коллегию и в Комиссию о комерции послать указы. Каков указ в комиссию о комерции из Сената и послан.

Июня 21 дня 1770 года.

Обер секретарь Иван Артемьев.

Секретарь Панкрат Полонской.

Регистратор Петр Беляев.

Получен в 23 день июня. //

РГА ВМФ, ф. 212, отд. II, Указы, д. 40

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

В. В. Брызгалов, О. В. Овсянников

Донесение стольника Г. А. Племянникова о постройке флейтов на Соломбальской верфи в 1701 г.

После взятия Азова Русское государство получило выход в Черное море. Однако основные торговые связи с Западной Европой проходили через северный порт — Архангельск. Для усиления российской торговли с европейскими странами Петр I создает свой транспортный флот и принимает решение строить морские торговые суда в Архангельске, на Соломбальской верфи. В 1698 г. по царскому указу на верфи начали подготовку стапелей и заготовку разнообразных необходимых материалов для постройки парусников²⁴⁵.

В 1700 г. по указу царя Петра I “у Архангельского города, на Соломбальской верфи, государственных шесть кораблей больших основали и делать начали”²⁴⁶. Летом 1701 г. все шесть судов спустили на воду и приступили к их достройке, вооружению такелажем, снастями, артиллерией и т. д.²⁴⁷ В августе 1701 г. по указу государя Петра I в Архангельск прибыл стольник Григорий Андреевич Племянников, которому поручили тщательно осмотреть и принять в казну ново-построенные суда у кораблестроителя Елизара Елизаревича (Идеса Эверта) Избранта. Г. А. Племянников, исполняя возложенное на него царское поручение, самым тщательным образом осмотрел и описал шесть первых русских новоманерных торговых кораблей.

Впервые описание соломбальских парусников, сделанное Г. А. Племянниковым в августе 1701 г., обнаружил в архиве и кратко изложил в своей работе “История Архангельского порта” Степан Федорович Огородников²⁴⁸. Впоследствии все исследователи истории Российского флота ссылались на эту монографию С. Ф. Огородникова²⁴⁹. Долгое время считалось, что глухая ссылка на архив, сделанная С. Ф. Огородниковым, не позволяет найти и опубликовать этот интересный документ полностью²⁵⁰.

Однако авторам данной публикации удалось обнаружить это донесение Г. А. Племянникова в Российском государственном архиве Военно-Морского Флота²⁵¹. При сравнении архивного документа и публикации его С. Ф. Огородниковым в “Истории Архангельского порта” выяснилось, что Степан Федорович сделал только самую краткую его аннотацию, причем все размеры судов в таблице даны только в целых футах, без дюймов, и не сказано, в каких футах — английских или голландских — приведены размеры парусников²⁵².

Частично этот же документ использовал П. А. Кротов в статье “Соломбальская верфь в начале XVIII столетия”²⁵³.

Но самое интересное другое. В монографии С. Ф. Огородникова текст “Сверх того числа на некоторых кораблях было до 34 орудий: 8 пушек 6 фунт. и 26 — 4 фунт., а другие корабли имели не более 8 орудий...” взят не из донесения Г. А. Племянникова, а из какого-то другого архивного документа²⁵⁴. В описании соломбальских судов Г. А. Племянников отмечает, что на каждом из шести торговых кораблей имеется по “шесть окон” на средней палубе (“в среднем житье”) и приготовлено по “три пушки железные дробовые, имянуютца басы” для четырех парусников, а для двух артиллерии еще нет.

Стольник Г. А. Племянников тщательнейшим образом описал конструкцию и рангоут судов, снасти стоячего и бегучего такелажа, парусное вооружение, артиллерию, якоря, флаги и навигационное оборудование по отдельности каждого из шести первых русских торговых кораблей. Их можно отнести к западноевропейским, в том числе и голландским, парусным торговым кораблям типа “флейт”. В донесении все размеры парусников приводятся в голландских футах, что оговаривается в описании каждого из них и особо выделено отдельной строкой в конце документа.

Для описания конструкции и устройства, а также отдельных элементов судов применяются традиционные поморские термины, такие как “нижнее и среднее жития” (нижняя и средняя палубы); “порубня” (толстый брус или распиленное бревно, которое крепится вдоль ватерлинии судна); “творило” (люк); “затвор” (крышка люка и крышка пушечного порта); “окна” (бойницы, пушечные порты); “крышка” (палуба); “крышка”, которая “именуется ют”; “сопец” (руль); “чюланы” (разные помещения на судне); “казенка” (каюта на судне); “поварня” (помещение для приготовления пищи на судне, или камбуз); “печь” (печь на камбузе); “поставец” (полка или шкафчик для посуды); “ворот” (вращающийся вал с цепью или веревкой); “насосы” (пумпы или помпы); “кляповое, наклеповое дерево” (наклонное дерево или бушприт); “райны” (рей); “векши” (блоки); “пол” (палуба); “кривули” (коленчатые бревна или брусья для скрепления различных частей судна, шпангоуты); “кокоры” (нижние части шпангоутов, соединяемые с килем); “балки” (брусья, бревна, используемые к качеству бимсов); “тесницы” (доски на обшивку корпуса судна).

Кроме поморских морских и судостроительных терминов, в донесении Г. А. Племянникова при описании новоманерных парусников применяются и голландские морские и судостроительные термины. Особенно много их используется для описания такелажа, канатов, тросов и парусов.

Для всех шести судов был заготовлен стандартный набор якорей “заморского амстрадамского дела” весом в 45, 37, 31, 8 пудов и 3 пуда 10 фунтов. Якоря были закуплены в Голландии и доставлены на иностранном торговом корабле в Архангельск. На этих же парусниках имелось штурманское оборудование и принадлежности, отмеченные С. Ф. Огородниковым²⁵⁵. В этот, по всей видимости стандартный, западноевропейский штурманский комплект оборудования и принадлежности для морского торгового судна входят: “книги печатные... для морского хождения” (лоции); “чертеж для морского хождения” (морская карта); “шыркаля медные” (ширкули для измерения пройденного пути по карте); “два грат бога как ходят на море и размеривают сонца” (градшток или старинный секстан для взятия и измерения высоты солнца и звезд при определении местоположения судна в море); “стекло градское” (подзорная труба); набор из восьми разных компасов, один из которых размещается в каюте капитана (шкипера) судна; набор песочных часов (склянок), из них одни (большие) рассчитаны на четыре часа или на время одной вахты, а семь малых — на полчаса. Весь этот штурманский инструментальный был приобретен также за границей, по всей видимости в Голландии, и доставлен морским путем в Архангельск.

В публикуемом документе Г. А. Племянников не приводит ни одного названия построенных новоманерных судов. Однако в своей работе “История Архангельского порта” С. Ф. Огородников дает имена этих парусников, ссылаясь на один из найденных им архивных документов: “Святой Апостол Андрей”, “Святой Павел”, “Экс-бой”, “Зеленый дракон”, “Рычард Энжен”, “Меркуриус”²⁵⁶. В начале XVIII в. названия судам традиционно давали только после полной отделки, вооружения и оснащения корабля, подготовленного к выходу в море²⁵⁷.

В своем донесении Петру I стольник Григорий Андреевич Племянников сделал описание Соломбальской верфи в 1701 г., которое отличается от опубликованного С. Ф. Огородниковым в “Истории Архангельского порта”, хотя последний и дает ссылку на документ Г. А. Племянникова²⁵⁸. Описание Соломбальской верфи, приведенное С. Ф. Огородниковым, датируется 1702 г.²⁵⁹ В донесении стольник Г. А. Племянников также информирует царя о лесных и железных припасах, заготовленных и хранящихся на Соломбальской верфи для постройки судов, об инструментах и приспособлениях, которые необходимы для кораблестроения и имеются на этой верфи.

Ценность публикуемого архивного документа в том, что в нем дается достаточно полное описание корпуса, рангоута, снастей стоячего и бегучего такелажа, парусов и артиллерийского вооружения торгового парусного судна начала XVIII в. типа “флейт”. Аналогичные опубликованные материалы дают описание корабля “Орел” и яхты, построенных в

Видъ Губернъ Архангельска Сѣверо-восточной части съ сѣверо-восточной стороны изъ пункта D.

Видъ Губернъ Архангельска Сѣверо-восточной части съ сѣверо-восточной стороны изъ пункта D. Видъ Губернъ Архангельска Сѣверо-восточной части съ сѣверо-восточной стороны изъ пункта D. Видъ Губернъ Архангельска Сѣверо-восточной части съ сѣверо-восточной стороны изъ пункта D.

Видъ Губернъ Архангельска Сѣверо-восточной части съ сѣверо-восточной стороны изъ пункта E. видъ Губернъ С. др. стороны H.

Видъ Губернъ Архангельска Сѣверо-восточной части съ сѣверо-восточной стороны изъ пункта E. видъ Губернъ С. др. стороны H. Видъ Губернъ Архангельска Сѣверо-восточной части съ сѣверо-восточной стороны изъ пункта E. видъ Губернъ С. др. стороны H. Видъ Губернъ Архангельска Сѣверо-восточной части съ сѣверо-восточной стороны изъ пункта E. видъ Губернъ С. др. стороны H.

Рис. 28. Архангельское Адмиралтейство (Атлас губернии, 1797)

селе Дединово в 1667—1670 гг.²⁶⁰, описание военных кораблей (баркарола, галеры и 24-х, 28-ми, 30-ти и 36-ти пушечных кораблей, спущенных в 1696—1699 гг.)²⁶¹ и других типов судов (шнау, спущенных в 1702—1704 гг.)²⁶², сооруженных на Воронежской и Ступинской верфях.

Опись стольника Г. А. Племянникова купеческих кораблей, построенных в Архангельске. 1701 г.

- л. 2 1. 1701-го августа в ... день. По имянному великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, указу и по наказу из Приказу воинских морских дел за приписью дьяка Якова Борина велено столнику Григорью Андреевичю Племянникову, приехав к городу Архангелскому купечские карабли, которые по имянному великого государя указу у Архангелского города строит Елизарей Елизарьев сын Избрант, досмотря, описать и что тех караблей построено и на воду спущено, и что на котором карабле пушек и всяких карабелных припасов, и которые карабли не в отделке сколько которого карабля зделано, и как мочно тому караблю к водяному морскому хождению вскорости быть, и что на те карабли всяких к ним против других караблей и надлежащих припасов есть, и сколько каких припасов. И у Елизарья ж Избранта что в готовности // карабелных парусов и парусных полотен, опричь того что на те вышеписанные карабли надобно, и на построенные ж карабли, собрав торговых и карабелных промышленников иноземцов и города Архангелского торговых русских людей, кому то дело за обычей, тех караблей, которые в готовности, и к ним надлежащих припасов досмотрить и их карабелщиков допросить, те карабли против ли заморских торговых караблей зделаны и к морскому ходу удобны ль, да те ж карабли и карабелные припасы сметя во сколько рублей которой карабль ценою порознь стал, и того что будет карабелного строения и к ним надлежащих припасов, осмотра и описав, велено оценить.
- л. 2 об. И по тому вышеписанному великого государя указу столник Григорей Андреевич Племянников те карабли осматривал и, надлежащие к ним припасы переписав и карабелщиков // розных государств взяв с собою на те карабли и с ними досмотря караблей, и их допрашивал. А что чего построено караблей, и на них какова строения, и чего недостроено и на карабли ж изготовлено лесов, и что к тому карабелному заводу деревянного строения и железных всяких удобных к тому делу вещей построено. И что карабелщики розных государств сказали, и то писано ниже сего.
- л. 3 Первой карабль длиною сто дватцать фут шесть палцов с полупалцом, шириною дватцать восемь фут, в вышину в нижнем житье двенатцать фут, в среднем житье шесть фут семь палцов, да сверх того на корму в малом верхнем каютце шесть фут. В воде ходу будет и з грузом с кормы двенатцать фут, с носу десять фут галанских. Снаружи и внутри около того карабля до верху обито досками сосновыми, снизу с водную сторону по порубню // выконопачено и смолено густою смолою, а от порубня до верху не конопачено, а высмолено живою смолою.
- л. 3 об. В том же карабле в нижнем житье положен нутряной киль, и пол выконопачен и высмолен, и то житье под крышкою, и в нем балки и кривули из боков высмолено. Ис того ж первого житья зделано в среднее житье для выходу и свету три творила об одном затворе. И те затворы зделаны и высмолены ж. В том же нижнем житье на корму зделано окно для тосканья запасного лесу, как ходят на моря, и брусья в носу и в корме положены ж, где быть местам маштовым.
- л. 4 В среднем житье зделано шесть окон, // где быть пушечному бою или для свету, и затворы в те окна поделаны и на железные петли навешены. И то другое житье все под крышкою ж, и на крышке посреди зделано для свету два творила о дву затворех да творило об одном затворе. И затворы поделаны ж и высмолены, и балки и кривули из боков от каюту высмолены.
- В третьем житье наверху другой крышки поставлен ворот, по-галански высмолен, совсем в отделке, от того ж ворота поставлен столб, где быть векшам для подъему, имянуетца кнехт. В том же житье на корме зделана небольшая крышка длиною осмнатцать фут галанских, имянуетца ют, и та крышка выконопачена и высмолена.
- л. 4 об. Да около того карабля снаружи по обе стороны прибито по три доски, имянуютца руст, где быть юнфором для оснаски. // К тому ж караблю вырезано резьбы лев да на корму шпендер, а х караблю не прибиты. Зделан сопец и железными крючьи обит, а х караблю не навешен.
- А недоделки на том карабле в первом житье к окну затвору, в среднем житье, где быть каюту, и в том каюте поставцов, и стола, и стулов не зделано, в третьем житье, где быть иту, не зделано ж и досками не забрано. И на ту доделку кривули и доски пилные в готовности. На носу вороту, и столбов, и забирки, на что якори болшие подымают, и казенок, и поварни, и печей, где быть удобно, и того не зделано ж. Машт и раин не зделано, и резьбы где быть, и марсов на машты не поставлено, и насосов не зделано. А лес в готовности. // Да к тому ж караблю в готовности окованных юнфоров, а х караблю не прибиты. К средней маште четырнатцать юнфоров окованных, четырнатцать неокowanych, повыше того на круг, имянуетца марс, восемь окованных, восемь неокowanych, повыше ж того на двоенаставошную машту четыре окованных, четыре неокowanych. На переднюю машту, имянуетца фок машт, десять юнфоров окованных, десять неокowanych, повыше того на круг, имянуетца марс, восемь окованных, восемь неокowanych, повыше ж того на двоенаставошную машту четыре окованных, четыре неокowanych. На кормовую машту, имянуетца безан машт, восемь юнфоров окованных, восемь неокowanych, повыше того, на круг, имянуетца марс, шесть окованных, шесть неокowanych, на тое ж двоенаставошную // машту, имянуетца бовет блинд, четыре окованных, четыре неокowanych.
- л. 5 об. На наклепое дерево, имянуетца бец сприт, четыре юнфора окованных, четыре неокowanych. Два болших юнфора, имянуютца грот стах. Два юнфора на безан стах. Два юнфора на фок стах. Два юнфора под болшой стах. И к тем окованным болшим юнфором, боут и площадки, и колца, и закрепки железные, как быть у карабля, все в готовности ж.
- л. 6 Да на тот же карабль в готовности ко оснащению блоков и талий двуколесных и одноколесных, болших и малых двести восьмьдесят четыре блоки, а в тех блоках и талии колеса поскоутового дерева, к тем же талием и блоком крюки железные болшие и малые все в готовности ж. // А те юнфоры, и блоки, и талии, окованные и неокowane, все амстрадамского дела. Да на тот же карабль изготовлено порусов совсем в отделку, а конатами не обшиты. Два паруса болших на середнюю машту, имянуютца грот сеил, длиною по

пятнадцати аршин с четвертью, шириною по осмнатцати полотен. Два паруса на среднюю верхнюю машту, имянуютца грот марс сеилс, длиною по пятнадцати аршин, шириною вверху по одиннатцати полотен, пониже по семнатцати полотен. Два паруса на передней машту, имянуютца фока сеилс, длиною по двенатцати аршин с полуаршином, шириною по пятнадцати полотен. Два паруса на переднюю ж верхнюю машту, имянуютца формарс сеил, длиною по двенатцати аршин с полуаршином, шириною вверху по девяти полотнищ, внизу по четырнатцати полотнищ. // Два паруса на кормовую машту, имянуютца безанс сеилс, длиною по шеснатцати аршин, шириною по двенатцати полотнищ. Один парус, имянуецца грот бленде, длиною семь аршин без четверти, шириною двенатцать полотнищ. Один парус, имянуецца боден блинд, длиною одиннатцать аршин, шириною вверху дватцать, внизу дватцать восемь фут галанских. Один парус, имянуецца крюс сеилс, длиною девять аршин с полуаршином, шириною вверху семь полотнищ, внизу одиннатцать полотнищ. Один парус, имянуецца грот стах сеил, длиною тринатцать аршин, шириною одиннатцать полотнищ. Два паруса, имянуютца бот сеил и фок, длиною один двенатцать аршин, шириною восемь полотнищ, другой длиною десять аршин, шириною два полотнища с четвертью. // А те парусы шиты из немецкого полотна. л. 6 об.

К тому ж караблю изготовлено флагов:

На корму флаг длиною тринатцать аршин без четверти, шириною девять полотнищ. Один флаг, имянуецца гуйзен, на буц прит на ноставошную машту длиною шесть аршин, шириною полпята полотнища. Один вымпел длиною дватцать четыре аршина, шириною три полотнища. Шесть флюгелев, и в них длиною два по пяти аршин с четвертью, шириною по три полотнища, два по четыре аршина, шириною по три полотнища, два по три аршина, шириною по три ж полотнища. А те флаги, и вымпелы, и флюгелы шиты трех цветов — белой, синей, красной.

На тот же карабль изготовлено конатов смолных и несмолных и веревочек малых: //

Один канат, имянуецца тейтоу, толщиною одиннатцать палцов с полупалцом, длиною сто десять сажен. Один конат, имянуецца кабелтоу, толщиною шесть палцов с полупалцом, длиною сто дватцать сажен. Один конат, имянуецца стах, толщиною одиннатцать палцов с полупалцом, длиною дватцать три сажени. Один конат, имянуецца фок стах, толщиною девять палцов, длиною четырнатцать сажен. Два коната, имянуютца вантрос, толщиною по шти палцов с полупалцом, длиною по штидесяти по пяти сажен. Один канат, фок вантрос, толщиною пять палцов с полупалцом, длиною сто дватцать сажен. Два коната, имянуютца грот смейтен, толщиною по шти палцов с полупалцом, длиною по дватцати сажен. Два каната, имянуютца фок смейтен, толщиною по шти палцов без четверти, длиною по сту по осмидесят сажен. Два каната, имянуютца марсхов, толщиною по четыре палца без четверти, длиною по дватцати по три сажени. // Два коната, имянуютца марс шхот, толщиною по четыре палца с четвертью, длиною по дватцати по одной сажени. Один конат, имянуецца факарден, толщиною четыре палца, длиною шездесят сажен. Одна веревка, имянуецца трос, толщиною три палца с полупалцом, длиною девяносто сажен. Одна веревка, имянуецца трос, толщиною три палца с четвертью, длиною шездесят сажен. Одна веревка, имянуецца трос, толщиною три палца, длиною восьмидесят сажен. Две веревки, имянуютца тросы, толщиною по три палца без четверти, длиною по сту сажен. Три веревки, имянуютца тросы, толщиною по два палца с полупалцом, длиною по сту сажен. Три веревки, имянуютца тросы, толщиною по тритати прядей, длиною по сту сажен. // Три веревки, имянуютца тросы, толщиною по дватцати по семи прядей, длиною по девяносту сажен. Две веревки, имянуютца тросы, толщиною по дватцати по четыре пряди, длиною по сту сажен. Три веревки, имянуютца тросы, по дватцати по одной пряди, длиною по сту сажен. Три веревки, имянуютца тросы, толщиною по осмидесят прядей, длиною по сту сажен. Две веревки, имянуютца тросы, толщиною по пятнатцати прядей, длиною по сту сажен. Четыре веревки, имянуютца тросы, толщиною по двенатцати прядей, длиною по сту сажен. Три веревки, имянуютца тросы, толщиною по девяти прядей, длиною по семидесят сажен. Четыре веревки, имянуютца тросы, толщиною по шти прядей, длиною по осмидесят сажен. Тритцать веревочек, имянуютца лейн, толщиною по двенатцать прядей, длиною по тритцати сажен на лесницы. Тритцать веревочек, имянуютца леин же, толщиною по девяти прядей, длиною по тритцати сажен. // Тритцать веревочек, имянуютца леин же, толщиною по шти прядей, длиною по тритцати сажен. Двенатцать пучков, имянуютца гюсин и марлис. Пятдесят клубков, имянуютца шуймас. Двенатцать веревочек белых, имянуютца ветлейн, по двенатцати прядей. Двенатцать веревочек белых, имянуютца ветлейн, по девяти прядей. Двенатцать веревочек белых, имянуютца ветлейн, по шти прядей. Двенатцать рыболовных веревочек, имянуютца виш лейн. Одна веревка длиною восьмидесят сажен, толщиною в четыре палца. л. 7 об.

Да на тот же карабль в готовности:

Две книги печатные, и в том числе одна большая для морского хождения, другая малая. Чертеж для морского ж хождения. Два грат бога, как ходят на моря и размеривают сонца. // Одно стекло градусное. Три цыркаля медные. Два компаса на четыре угла длиною по девяти палцов. Два компаса круглых длиною по девяти ж палцов. Один компас круглой же длиною в восемь палцов. Один компас на четыре угла длиною семи ж палцов. Один компас висячей, что бывает в каюте. Один компас стоячей. Одни часы песочные по четыре часа. Семь часов малых по получасу. Три кожи подошевные на насосы, имянуютца пумпы. л. 9 об.

Да на тот же карабль в готовности в запасе на починку парусов: Три тюка немецкого полотна мерою по сороку по пяти аршин в тюке.

Да на тот же карабль в готовности якорей: //

Первой якорь весом сорок пять пуд. Второй в тритцать в семь пуд. Третьей в тритцать в один пуд. Четвертой в восемь пуд. Пятой в три пуда в десять фунтов. А те якори заморского амстрадамского дела. л. 10

К тому ж караблю в готовности и совсем в отделке бот, и на тот бот машты, и раины, и парусы, и весла, все в готовности ж. А тот бот заморского амстрадамского дела. На тот же карабль в готовности к оснащению крюки, и конца х конатом, и свайки, сросщиванные и розщиванные, и всякая удобная к тому караблю потребность, что надлежит, вся в готовности ж. Да на тот же карабль в готовности три пушки железные дробовые, имянуютца басы. //

Второй карабль длиною сто дватцать восемь, шириною дватцать восемь фут, а в вышину в нижнем житье двенатцать фут, в среднем житье семь фут, да сверху того на корму в малом верхнем каютце шесть фут галанских. В воде ходу будет и з грузом с кормы двенатцать фут, с носу десять фут. Снаружи и внутри около л. 10 об.

того карабля до верху обито досками сосновыми, снизу с водную сторону по порубню выконопачено и смолено густою смолою, а от порубню до верху не конопачено, а высмолено житкою смолою.

В том карабле в нижнем житье положен нутряной киль и пол выконопачен и высмолен. И то житье под крышкою, и в нем балки и кривули из боков высмолено. Ис того ж первого житья сделано в среднее житье для выходу и свету три творила об одном затворе, да творило о дву затворех, и те затворы сделаны ж и высмолены. В том же нижнем житье на корму сделано окно для тосканья запасного лесу, как ходят на моря, и брусья в носу и в корме положены ж, где быть местам маштовым. //

л. 11 В среднем житье сделано шесть окон, где быть пушечному бою или ради свету, и затворы в те окна поделаны и на железные петли навешены. И то другое житье все под крышкою ж, и на крышке посреди сделано для свету два творила о дву затворех да творило об одном затворе, и затворы поделаны ж и высмолены, и балки, и кривули из боков от каюту высмолены.

В третьем житье на верху другой крышки поставлен ворот погалански, высмолен и совсем в отделке, от того ж ворота поставлен столб, где быть векшам, для подъему, имянуется кнехт. В том же житье на корме сделана небольшая крышка длиною осмнатцать фут галанских, имянуется ит, и та крышка выконопачена и высмолена.

л. 11 об. Да около того карабля снаружи по обе стороны прибито по три доски, имянуется руст, где быть юнфором, для оснаски. // К тому ж караблю вырезан лев да на корму шпендер, а х караблю не прибит. Да по обе стороны карабля з боков прибито по одной штуке, где насосами воду льют. Зделан сопец и железными крючьи обит, а х караблю не навешен. А недоделки на том карабле в первом житье к окну затвору, в среднем житье, где быть каюту, и в том каюте поставцов, и стола, и стулов не сделано ж и досками ничего не забрано. А на ту доделку кривули и доски пилные в готовности. На носу воротов, и столбов, и забирки, на что якори большие поднимают, и чуланов, и казенок, и поварни, и печей, и резбы, и марсов на машты, где быть удобно, ничего не сделано ж, и насосов в готовности нет же, а лес в готовности.

К тому же караблю в готовности машты и раины:

л. 12 Средняя большая машта длиною семдесят восемь фут галанских, толщиною осмнатцать палцов с четвертью. // Передняя машта длиною семдесят одна фута, толщиною шеснатцать палцов с четвертью. Кормовая машта, имянуется безанмашт, длиною пятьдесят восемь фут, толщиною тринатцать палцов без четверти. Кляпое дерево, имянуется бут сприт, длиною сорок шесть фут, толщиною семнатцать палцов с четвертью. На средней машту наставошная машта длиною сорок семь футов, толщиною одиннатцать палцов. На переднюю наставошная машта длиною сорок фут, толщиною девять палцов с четвертью. На кормовую наставошная машта длиною дватцать шесть фут, толщиною одиннатцать палцов. На носовое кляпое дерево наставошная машта длиною тритцать фут, толщиною полшеста палца. На средней троснаставошная машта длиною девятнатцать фут, толщиною пять палцов без четверти. На переднюю троснаставошная машта длиною шеснатцать фут, толщиною четыре палца с четвертью. // На средней машту раина длиною пятьдесят шесть фут, толщиною по середке двенатцать палцов, а на концах полпята палца. На переднюю машту раина длиною сорок восемь фут, толщиною по середке десять палцов с полупалмом. На кормовую машту раина косая длиною пятьдесят шесть фут, толщиною по середке полдевята палца. На кляпое дерево раина исподняя длиною тритцать шесть фут, толщиною по середке семь палцов. На наставошную машту на кляпое дерево раина длиною дватцать одна фута, толщиною по середке четыре палца. На средней двоенаставошную машту раина длиною тритцать шесть фут, толщиною по середке пол-осма палца. На тое ж машту раина длиною девятнатцать фут с полуфутутом, толщиною по середке четыре палца без четверти. На переднюю двоенаставошную машту раина длиною тритцать фут, толщиною по середке полсема палца.

На тое ж машту троснаставошная раина длиною шеснатцать фут с полуфутутом, толщиною полчетверта палца. //

л. 13 К тому ж караблю окованных юнфоров и неокowanych, а х караблю не прибиты:

л. 13 об. К средней маште четырнатцать юнфоров окованных, четырнатцать неокowanych, повыше того на круг, имянуется марс, восемь окованных, восемь неокowanych, повыше того на двоенаставошную машту четыре окованных, четыре неокowanych. На переднюю машту, имянуется фок машт, десять шиферов окованных, десять неокowanych, повыше того на круг, имянуется марс, восемь окованных, восемь неокowanych, повыше того на двоенаставошную машту четыре окованных, четыре неокowanych. На кормовую машту, имянуется безан машт, восемь юнфоров окованных, восемь неокowanych, повыше того на круг, имянуется марс, шесть окованных, шесть неокowanych, на тое ж двоенаставошную машту, имянуется бовет блинд, четыре окованных, четыре неокowanych. Два большие юнфора, имянуется грот стах. // Два юнфора на безан стах. Два юнфора на фок стах. Два юнфора под большой стах. И к тем окованным большим юнфором боуты, и площадки, и колца, и закрепи железные, как быть у карабля, все в готовности ж.

Да на тот же карабль в готовности к оснащению блоков и талий двуколесных и одноколесных, больших и малых двести восемьдесят четыре блоки, а в тех блоках и талий колеса поккоутова дерева, к тем же талием и блоком крюки железные, большие и малые, все в готовности ж. А те юнфоры, и блоки, и талии, окованные и неокowane, все заморского амстрадамского дела.

л. 14 Да на тот же карабль изготовлено парусов совсем в отделку, а конатами не обшиты. Два паруса больших на средней машту, имянуется грот сбил, длиною по пятнатцати аршин с четвертью, шириною по осмнатцати полотен. // Два паруса на средней верхнею машту, имянуется грот марс сеил, длиною по пятнатцати аршин, шириною сверху по одиннатцати полотен, пониже по семнатцати полотен. Два паруса на переднюю машту, имянуется фок сеил, длиною по двенатцати аршин с полуаршином, шириною по пятнатцати полотен. Два паруса на тое ж верхнею машту, имянуется формарс сеил, длиною по двенатцати аршин, шириною сверху по девяти полотнищ с четвертью, внизу по четырнатцати полотнищ. Два паруса на кормовую машту, имянуется безанс сеиле, длиною по шеснатцати аршин, шириною по по двенатцати полотнищ. Один парус, имянуется грот блинде, длиною семь аршин без четверти, шириною двенатцать полотнищ. Один парус, имянуется ботен блинд, длиною одиннатцать аршин, шириною сверху дватцать, внизу дватцать восемь фут галанских. Один парус, имянуется крос сеиле, длиною девять аршин, шириною

л. 14 об. сверху семь полотнищ, внизу одиннатцать полотнищ. // Один парус, имянуется грот стах сеил, длиною

тринадцать аршин, шириною одиннадцать полотнищ. Два паруса, имянютца бот сеил и фок, длиною один двенадцать аршин, шириною восемь полотнищ, другой длиною десять аршин, шириною два полотнища с четвертью. А те парусы шиты из немецкого полотна.

К тому ж караблю изготовлено флагов:

На корму флаг длиною тридцать аршин без четверти, шириною девять полотнищ.

Один флаг, имянуетца гюйзен, на буц сприт, на наставошную машту длиною шесть аршин, шириною полпята полотнища. Один вымпел длиною двадцать четыре аршина, шириною три полотнища. Шесть флюгелев, и в них длиною два по пяти аршин с четвертью, шириною по три полотнища, два по четыре аршина, шириною по три полотнища, два по три аршина, шириною по три ж полотнища. // А те флаги, и вымпелы, и флюгелы шиты трех цветов — белой, синей, красной. л. 15

На тот же карабль изготовлено канатов смолных и несмолных и веревочек малых: Один конат, имянуетца тейтоу, толщиною одиннадцать палцов с полупалцом, длиною сто десять сажен. Один конат, имянуетца кабелтоу, толщиною шесть палцов с полупалцом, длиною сто двадцать сажен. Один конат, имянуетца стах, толщиною одиннадцать палцов с полупалцом, длиною двадцать три сажени. Один конат, имянуетца фок стах, толщиною девять палцов, длиною четырнадцать сажен. Два коната, имянютца вантрос, толщиною по шти палцов с полупалцом, длиною по штидесят по пяти сажен. Один конат, фок вантрос, толщиною пять палцов с полупалцом, длиною сто двадцать сажен. Два коната, имянютца грот смейтен, толщиною по шти палцов с полупалцом, длиною по дватцати сажен. // Два коната, имянютца фок смейтен, толщиною по шти палцов без четверти, длиною по сту по осмидесят сажен. Два коната, имянютца марс хот, толщиною по четыре палца без четверти, длиною по дватцати по три сажени. Два коната, имянютца марс шхот, толщиною по четыре палца с четвертью, длиною по дватцати по одной сажени. Один конат, имянуетца фокарден, толщиною четыре палца, длиною шездесят сажен. Одна веревка, имянуетца трос, толщиною три палца с полупалцом, длиною шездесят сажен. Одна веревка, имянуетца трос, толщиною три палца, длиною шездесят сажен. Одна веревка, имянуетца трос, толщиною три палца, длиною шездесят сажен. Одна веревка, имянуетца трос, толщиною три палца, длиною шездесят сажен. Три веревки, имянютца тросы, толщиною по три палца без четверти, длиною по сту сажен. // Три веревки, имянютца тросы, толщиною по два палца с полупалцом, длиною по сту сажен. Три веревки, имянютца тросы, толщиною по тритцати прядей, длиною по сту сажен. Три веревки, имянютца тросы, толщиною по дватцати по семи прядей, длиною по девяносту сажен. Две веревки, имянютца тросы, толщиною по дватцати по четыре пряди, длиною по сту сажен. Три веревки, имянютца тросы, толщиною по дватцати по одной пряди, длиною по сту сажен. Три веревки, имянютца тросы, толщиною по осмидесят прядей, длиною по сту сажен. Две веревки, имянютца тросы, толщиною по пятнадцати прядей, длиною по сту сажен. Четыре веревки, имянютца тросы, толщиною по двенадцати прядей, длиною по сту сажен. Три веревки, имянютца тросы, толщиною по девяти прядей, длиною по семидесят сажен. Четыре веревки, имянютца тросы, толщиною по шти прядей, длиною по осмидесят сажен. // Тритцать веревочек, имянютца леин, толщиною по двенадцати прядей, длиною по тритцати сажен, на лесницы. Тритцать веревочек, имянютца леин же, толщиною по девяти прядей, длиною по тритцати сажен. Тритцать веревочек, имянютца леин, толщиною по шти прядей, длиною по тритцать сажен. Двенадцать пучков, имянютца гюсин и марлис. Пятдесят клубков, имянютца шуимас. Двенадцать веревочек белых, имянютца ветлеин, по двенадцати прядей. Двенадцать веревочек белых же, имянютца ветлеин, по девяти прядей. Двенадцать веревочек белых, имянютца ветлеин, по шти прядей. Двенадцать рыболовных веревочек, имянютца виш лейн. Один конат длиною восьмидесят сажен, толщиною четыре палца. л. 15 об.

На том же карабле в готовности: // Две книги печатные, и в том числе одна книга большая для морского хождения, другая малая. Чертеж для морского ж хождения. Два грат бога как ходят на моря и размеривают сонца. Одно стекло градусное. Три цыркаля медные. Два компаса на четыре угла длиною по девяти палцов. Два кумпаса круглых длиною по девяти ж палцов. Один компас круглой длиною восемь палцов. Один компас на четыре угла длиною осми ж палцов. Один компас всячей, что бывает в каюте. Один компас стоячей. Одни часы песочные по четыре часа. Семь часов малых по получасу. // Три кожи подошвенные на насосы, имянютца пумпы. На тот же карабль в готовности в запасе на починку парусов три тюка немецкого полотна мерою по сороку по пяти аршин в тюке. л. 16

На том же карабле в готовности: //

Две книги печатные, и в том числе одна книга большая для морского хождения, другая малая. Чертеж для морского ж хождения. Два грат бога как ходят на моря и размеривают сонца. Одно стекло градусное. Три цыркаля медные. Два компаса на четыре угла длиною по девяти палцов. Два кумпаса круглых длиною по девяти ж палцов. Один компас круглой длиною восемь палцов. Один компас на четыре угла длиною осми ж палцов. Один компас всячей, что бывает в каюте. Один компас стоячей. Одни часы песочные по четыре часа. Семь часов малых по получасу. // Три кожи подошвенные на насосы, имянютца пумпы. На тот же карабль в готовности в запасе на починку парусов три тюка немецкого полотна мерою по сороку по пяти аршин в тюке. л. 17

Да на тот же карабль в готовности якорей:

Первой якорь весом сорок пять пуд. Второй тритцать семь пуд. Третьей тритцать один пуд. Четвертой восемь пуд. Пятой три пуда десять фунтов. И те якори заморского амстрадамского дела.

К тому ж караблю в готовности и совсем в отделке бот, и на тот бот машта и раины, и парусы, и весла, как быть удобно, все в готовности ж. // Да на тот же карабль в готовности к оснащению крюки, и кольца х канатом, и свайки сращиванные и розщиванные, и всякая удобная к тому караблю потребность, что надлежит, вся в готовности. На тот же карабль в готовности три пушки железные дробовые, имянютца басы. // л. 18

Третьей карабль длиною сто двадцать девять фут, шириною двадцать восемь фут галанских. А в вышину в нижнем житье двенадцать фут с полупутом. В среднем житье шесть фут три палца. Да сверх того в малом верхнем каютце шесть фут три палца галанских. В воде ходу будет и з грузом с кормы двенадцать, с носу десять фут. Снаружи и внутри около того карабля до верху обито досками сосновыми, как быть удобно, снизу с водную сторону по порубню выконопачено и смолено густою смолою, а от порубню до верху не конопачено, а высмолено житкою смолою. В том же карабле в нижнем житье положен нутряной киль, и то житье под крышкою, и в нем балки и кривули из боков высмолено. Ис того ж первого житья сделано в среднее житье для выходу и свету три творила об одном затворе да творило о дву затворех, и те затворы зделаны // и высмолены. В том же нижнем житье зделано на корму окно для тосканья запасного лесу, как ходят на моря. И брусья в носу и в корме положены ж, где быть местам маштовым. В среднем житье зделано шесть окон, где быть пушечному бою, или для свету. И затворы в те окна поделаны и на железные петли навешены. И то другое житье все под крышкою, а на крышке зделано для свету два творила о дву затворех да творило об одном затворе. И те творила поделаны ж и высмолены, и балки и кривули из боков л. 18 об.

от каюты высмолены. В третьем житье на верху другой крышки поставлен ворот по-галански, высмолен, совсем в отделке. От того ж ворота поставлен столб, где быть векшам для подъему, имянуется кнехт. В том же житье на корме зделана небольшая крышка длиною шеснатцать фут галанских, имянуется ит. //

- л. 19 об. Да около того карабля снаружи по обе стороны прибито по три доски, имянуюцца руст, где быть юнфором для оснаски. К тому ж караблю вырезан лев да на корму шлендер, а х караблю не приделаны. Зделан сопец и железными крючьи обит, а х караблю не навешен. Да по обе стороны карабля прибито по одной штуке, где насосами воду льют. А недоделки на том карабле — в первом житье к окну затвору, в среднем житье, где быть каюту, и в том каюте поставцов, и стола, и стулов не зделано, в третьем житье, где быть иту, крышка не конопачена и досками не забрано. А на ту доделку кривули и доски в готовности. На носу вороту, и столбов, на что якоря болшие подымают, и чуланов, и казенок, и поварни, и печей, и резбы, и марсов на машты, где быть удобно, ничего не зделано ж. // И насосов в готовности нет же.

К тому ж караблю в готовности машт и раин:

- Средняя болшая машта длиною семдесят восемь фут галанских, толшиною осмнатцать палцов с четвертью. Передняя машта длиною семдесят одна фута, толшиною шеснатцать палцов с четвертью. Кормовая машта, имянуется безан машт, длиною пятдесят восемь фут, толшиною тринатцать палцов без четверти. Кляпое дерево, имянуется бут сприт, длиною сорок шесть фут, толшиною семнатцать палцов с четвертью. На переднюю машту наставошная машта длиною сорок семь фут, толшиною одиннатцать палцов. На переднюю наставошная машта длиною сорок фут, толшиною девять палцов с четвертью. На кормовую наставошная машта длиною дватцать шесть фут, толшиною одиннатцать палцов. На носовое кляпое дерево наставошная машта длиною тринатцать фут, толшиною полшеста палца. // На среднюю троенаставошная машта длиною девятнатцать фут, толшиною пять палцов без четверти. На переднюю троенаставошная машта длиною шеснатцать фут, толшиною по середке двенатцать палцов, а на концах полпята палца. На переднюю машту раина длиною сорок восемь фут, толшиною по середке десять палцов с полупалмом. На кормовую машту раина косая длиною пятдесят шесть фут, толшиною по середке полдевята палца. На кляпое дерево раина исподняя длиною тритцать шесть фут, толшиною по середке семь палцов. На наставошную машту на кляпое дерево раина длиною дватцать одна фута, толшиною посередке четыре палца. На среднюю двоенаставошную машту раина длиною тритцать шесть фут, толшиною по середке полуосма палца. На тое ж среднюю троенаставошную машту раина длиною девятнатцать фут с полуфутутом, толшиною по середке четыре палца без четверти. // На переднюю двоенаставошную машту длиною тритцать фут, толшиною по середке полсема палца. На тое ж машту троенаставошная раина длиною шеснатцать фут с полуфутутом, толшиною полчетверта палца.

Да к тому ж караблю окованных и неокowanych юнфоров, а х караблю не прибиты:

- К средней маште четырнатцать юнфоров окованных, четырнатцать неокowanych, повыше того на круг, имянуется марс, восемь окованных, восемь неокowanych, повыше ж того на двоенаставошную машту четыре окованных, четыре неокowanych.
- На переднюю машту, имянуется фок машт, десять юнфоров окованных, десять неокowanych, повыше того, на круг, имянуется марс, восемь окованных, восемь неокowanych, повыше ж того на двоенаставошную машту четыре окованных, четыре неокowanych. На кормовую машту, имянуется безан машт, восемь юнфоров окованных, восемь неокowanych, повыше того на круг, имянуется марс, шесть окованных, шесть неокowanych. // На тое ж двоенаставошную машту, имянуется бовет блинд, четыре окованных, четыре неокowanych. На кляпое дерево, имянуется буц сприт, четыре юнфора окованных, четыре неокowanych. Два болшие юнфора, имянуюцца грот стах. Два юнфора на безан стах. Два юнфора на фок стах. Два юнфора под болшой стах. И к тем окованным болшим юнфором боуты, и площадки, и колца, и закрепки железные, как быть у карабля, все в готовности ж. Да на тот же карабль в готовности к оснащению блок и талий двуколесных и одноколесных, болших и малых двести восьмьдесят четыре блоки, а в тех блоках и талии колеса покхаутова дерева, к тем же талием и блоком крюки железные болшие и малые, все в готовности ж. А те юнфоры, и блоки, и талии, окованные и неокowane, все амстрадамского дела. //

- л. 22 На тот же карабль изготовлено парусов совсем в отделку, а конатами не обшиты:

- Два паруса на среднюю верхнюю машту, имянуется грот марс сеил, длиною по пятнатцати аршин, вверху по одиннатцати полотен, пониже по семнатцати полотен. Два паруса на переднюю машту, имянуюцца фок сеилс, длиною по двенатцати аршин с полуаршином, шириною по пятнатцати полотен. Два паруса на переднюю верхнюю машту, имянуюцца формарс сеил, длиною по двенатцать аршин с полуаршином, шириною вверху по девяти полотнищ с четвертью, внизу по четырнатцати полотнищ. Для паруса на кормовую машту, имянуется безанс сеилс, длиною по шеснатцати аршин, шириною по двенатцати полотнищ. Один парус, имянуется грот бленде, длиною семь аршин без четверти, шириною двенатцать полотнищ. Один парус, имянуется бовен блинд, длиною одиннатцать аршин, шириною вверху дватцать, внизу дватцать восемь фут галанских. // Один парус, имянуется крюс сеилс, длиною девять аршин с полуаршином, шириною вверху семь полотнищ, внизу одиннатцать полотнищ. Один парус, имянуется грот стахсеил, длиною тринатцать аршин, шириною одиннатцать полотнищ. Два паруса, имянуюцца бот сеил и фок, длиною один двенатцать аршин, шириною восемь полотнищ, другой длиною десять аршин, шириною два полотнища с четвертью. А те паруса шиты из немецкого полотна.

К тому ж караблю изготовлено флаг:

- На корму флаг длиною тринатцать аршин без четверти, шириною девять полотнищ. Один флаг, имянуется гуйзен, на буц сприт на наставошную машту длиною шесть аршин, шириною полпята полотнища. Один вымпел длиною дватцать четыре аршина, шириною три полотнища. Шесть флюгелев и в них длиною два по пяти аршин с четвертью, шириною по три полотнища, два // по четыре аршина, шириною по три полотнища, два по три аршина, шириною по три ж полотнища. А те флаги, и вымпелы, и флюгелы шиты из трех цветов — из белого, из синего, из красного.

На тот же карабль изготовлено конатов смолных и несмолных и веревочек малых:

- Один конат, имянуется тейтоу, толшиною одиннатцать палцов с полупалмом, длиною сто десять сажен. Один конат, имянуется кабелтоу, толшиною шесть палцов с полупалмом, длиною сто дватцать сажен. Один конат, имянуется стах, толшиною одиннатцать палцов с полупалмом, длиною дватцать три сажени.

Один конат, имянуетца фок стах, толшиною девять палцов, длиною чотырнатцать сажен. Два коната, имянуотца вантросы, толшиною по шти палцов с полупалцом длиною по штидесят по пяти сажен. Один конат, имянуетца фок вантрос, толшиною пять палцов с полупалцом, длиною сто дватцать сажен. // Два коната, имянуотца грот смейтен, толшиною по шти палцов с полупалцом, длиною по дватцати сажен. Два коната, имянуотца фок смейтен, толшиною по шти палцов без четверти, длиною по сту по осмидесят сажен. Два коната, имянуотца марсхов, толшиною по чотыре палца без четверти, длиною по дватцати по три сажени. Два коната, имянуотца марс шхов, толшиною по чотыре палца с четвертью, длиною по дватцати по одной сажени. Один конат, имянуетца факарден, толшиною чотыре палца, длиною шездесят сажен. Две веревки, имянуотца тросы, толшиною по три палца с полупалцом, длиною по девяносту сажен. Одна веревка, имянуетца трос, толшиною три палца с четвертью, длиною шездесят сажен. Одна веревка, имянуетца трос, толшиною три палца, длиною восьмидесят сажен. // Две веревки, имянуотца тросы, толшиною по три палца без четверти, длиною по сту сажен. Три веревки, имянуотца тросы, толшиною по два палца с полупалцом, длиною по сту сажен. Три веревки, имянуотца тросы, толшиною по тритцать прядей, длиною по сту сажен. Три веревки, имянуотца тросы, толшиною по дватцати по семи прядей, длиною по девяносту сажен. Две веревки, имянуотца тросы, толшиною по дватцати по чотыре пряди, длиною по сту сажен. Три веревки, имянуотца тросы, толшиною по дватцати по одной пряди, длиною по сту сажен. Три веревки, имянуотца тросы, толшиною по осмидесят прядей, длиною по сту сажен. Две веревки, имянуотца тросы, толшиною по пятнатцати прядей, длиною по сту сажен. Чотыре веревки, имянуотца тросы, толшиною по двенатцати прядей, длиною по сту сажен. Три веревки, имянуотца тросы, толшиною по девяти прядей, длиною по семидесят сажен. // Чотыре веревки, имянуотца тросы, толшиною по шти прядей, длиною по осмидесят сажен. Тритцать веревочек, имянуотца леин, толшиною по двенатцати прядей, длиною по тритцати сажен, на лесницы. Тритцать веревочек, имянуотца леин же, толшиною по девяти прядей, длиною по тритцати сажен. Двенатцать пучков, имянуотца гюсин и марлис. Пятдесят клубков, имянуотца шуимас. Двенатцать веревочек белых, имянуотца ветлеин, по двенатцати прядей. Двенатцать веревочек белых же, имянуотца ветлеин, по девяти прядей. Двенатцать веревочек белых, имянуотца виш леин. Один конат смолной толшиною чотыре палца, длиною восьмидесят сажен. //

На тот же карабль в готовности:

Две книги печатные, и в том числе одна большая для морского хождения, другая малая. Чертеж для морского ж хождения. Два грат бога, как ходят на море и размеривают сонца. Одно стекло градусное. Три цыркаля медные. Два компаса на чотыре угла длиною по девяти палцов. Два компаса круглых длиною по девяти ж палцов. Один компас круглой длиною восьмь палцов. Один компас на чотыре угла длиною восьмь палцов. Один компас висячей, что бывает в каюте. Один компас стоячей. Одни часы песочные по чотыре часа. Семь часов малых по получасу. Три кожи подошвенные на насосы, имянуотца пумпы.

На тот же карабль в готовности в запас на починку парусов три тюка немецкого полотна мерою по сороку по пяти аршин в тюке. //

На тот же карабль в готовности якорей:

Первой якорь весом сорок пять пуд. Второй тритцать семь пуд. Третьей тритцать один пуд. Четвертой восьмь пуд. Пятой три пуда десять фунтов. И те якори заморского амстрадамского дела.

На тот же карабль в готовности к оснащению крюки и колца х конатом, свайки сращиванные и розщиванные и всякая удобная к тому караблю потребность, что надлежит, вся в готовности ж. Да на тот же карабль в готовности три пушки железные дробовые, имянуотца басы. К тому ж караблю зделан бот, совсем в готовности, и тот бот заморского дела. //

Четвертой карабль длиною сто тритцать две футы с полуфутом, шириною дватцать восьмь фут, а в вышину в нижнем житье двенатцать фут, в среднем житье шесть фут с полуфутом, да сверх того на корму в малом верхнем каюте пять фут с полуфутом галанских. В воде будет ходу и з грузом с кормы двенатцать фут, с носу десять фут. Снаружи и внутри около того карабля до верху обито досками сосновыми, с исподи с водную сторону по порубню выконопачено и смолено густою смолою, а от порубню до верху не конопачено, а высмолено житкою смолою. В том карабле в нижнем житье положен нутряной киль, и то житье все под крышкою, и в нем балки и кривули из боков высмолено. Ис того ж первого житья зделано в среднее житье для выходу и свету три творила об одном затворе да творило о дву затворех. В том же житье на корму зделано окно для тосканья запасного лесу, как ходят на моря, и брусья // в носу положены, где быть местам маштовым. В среднем житье зделано шесть окон, где быть пушечному бою или для свету, и то другое житье все под крышкою, и на крышке посреди зделано для свету два творила о дву затворех да творило об одном затворе. И балки, и кривули из боков от каюту высмолены. В третьем житье на верху другой крышки поставлен столб, где быть векшам для подъему, имянуетца кнехт. К тому ж караблю вырезан лев, а х караблю не прибит. А недоделки на том карабле — в первом житье к окну затвору, в том же житье на крышке творил и в среднем житье на крышке творил же, и где быть каюту, и в том каюте поставцов, и стола, и стулов, и затворов ко шти окнам, и в третьем житье вороту по-галански, // и крышки, где быть иту, и досками нечего не забрано, и не зделано, и в готовности нет. А на ту доделку лес в готовности. И около того карабля снаружи и по обе стороны не прибито по три доски, имянуетца руст, где быть юнфору для оснаски. И сопца на корму в готовности нет же.

На носу вороту, и столбов, и забирки, на что якоря большие подымают, и чюланов, и казенок, и поварни, и печей, и резбы на корму и на иные карабелные потребы, и марсов на машты, где быть удобно, ничего не зделано ж, и насосов в готовности нет же, машт и раин в готовности ничего нет, а лес в готовности.

Да на тот же карабль в готовности окованных юнфоров, а х караблю не прибиты: К средней маште чотырнатцать юнфоров окованных, чотырнатцать неокowanych, повыше того на круг, имянуетца марс, восьмь окованных, восьмь неокowanych, повыше ж // того на двоенаставошную машту чотыре окованных, чотыре неокowanych. На переднею машту, имянуетца фок машт, десять юнфоров окованных, десять неокowanych, повыше того на круг, имянуетца марс, восьмь окованных, восьмь неокowanych, повыше того на двоенаставошную машту чотыре окованных, чотыре неокowanych. На кормовую машту, имянуетца безан машт, восьмь юн-

форов окованных, восемь неокowanych, повыше того на круг, имянуетца марс, шесть окованных, шесть неокowanych, на тое ж двоенаставошную машту, имянуетца боден блинд, четыре окованных, четыре неокowanych. На кляпое дерево, имянуетца буц сприт, четыре юнфора окованных, четыре неокowanych. Два болшие юнфора на безан стах. Два юнфора на фок стах. Два юнфора под болшой стах. // И к тем окованным болшим юнфором боуты, и площадки, и колца, и закрепки железные, как быть у карабля, все в готовности.

л. 28 Да на тот же карабль в готовности к оснащению блоков и талий двуколесных и одноколесных, болших и малых двести восьмьдесят четыре блока, а в тех блоках и талии колеса поккаутова дерева. К тем же талием и блоком круги железные, болшие и малые, все в готовности ж. А те юнфоры, и блоки, и талии, окованные и неокowane, все амстрадамского дела.

л. 28 об. Да на тот же карабль изготовлено парусов совсем в отделку, а конатами не обшиты: Два паруса болших на середнею машту, имянуетца грот сеил, длиною по пятнатцати аршин с четвертью, шириною по осмнатцати полотнищ. Два паруса на середнею верхнею машту, имянуютца грот марс сеил, длиною по пятнатцати аршин, шириною вверху // по одиннатцати полотнищ, пониже по семнатцати полотнищ. Два паруса на переднею машту, имянуютца фока сеилс, длиною по двенатцати аршин, шириною по пятнатцати полотнищ. Два паруса на переднею ж верхнею машту, имянуютца формарс сеилс, длиною по двенатцати аршин с полуаршином, вверху по девяти полотнищ с четвертью, внизу по четырнатцати полотнищ. Два паруса на кормовую машту, имянуютца безанс сеилс, длиною по шеснатцати аршин, шириною по двенатцати полотнищ. Один парус, имянуетца грот бленде, длиною семь аршин без четверти, шириною двенатцать полотнищ. Один парус, имянуетца болен блинд, длиною одиннатцать аршин, шириною вверху дватцать, внизу дватцать восемь фут галанских. Один парус, имянуетца крюс сеилс, длиною девять аршин с полуаршином, шириною вверху семь полотнищ, внизу одиннатцать полотнищ. // Один парус, имянуетца грот стах сеил, длиною тритцать аршин, шириною одиннатцать полотнищ. Два паруса, имянуютца бот сеил и фок, длиною один двенатцать аршин, шириною восемь полотнищ, другой длиною десять аршин, шириною два полотнища с четвертью. А те парусы шиты из немецкого полотна.

К тому ж караблю в готовности флаг.

л. 29 об. На корму флаг длиною тринацать аршин без четверти, шириною девять полотнищ. Один флаг, имянуетца гуйзен, на буц сприт на наставошную машту длиною шесть аршин, шириною полпята полотнища. Один вымпел длиною дватцать четыре аршина, шириною три полотнища. Шесть флюгелев, и в них длиною два по пяти аршин с четвертью, шириною по три полотнища, два по четыре аршина, шириною по три полотнища, два по три аршина, шириною по три ж полотнища. // А те флаги, и вымпелы, и флюгелы шиты трех цветов — белого, синего, красного.

На тот же карабль изготовлено конатов смолных и несмолных и веревочек малых:

л. 30 Один конат, имянуетца тейтоу, толшиною одиннатцать палцов с полупалцом, длиною сто сажен. Один конат, имянуетца кабелтоу, толшиною шесть палцов с полупалцом, длиною сто дватцать сажен. Один конат, имянуетца стах, толшиною одиннатцать палцов с полупалцом, длиною дватцать три сажени. Один конат, имянуетца фок стах, толшиною девять палцов, длиною четырнатцать сажен. Два коната, имянуютца вантросы, толшиною по шти палцов с полупалцом, длиною по штидесят по пяти сажен. Один конат, фок вантрос, толшиною пять палцов с полупалцом, длиною сто дватцать сажен. Два коната, имянуютца грот смейтен, толшиною по шти палцов, длиною по дватцати сажен. // Два коната, имянуютца фок смейтен, толшиною по шти палцов без четверти, длиною по сту по осмидесят сажен. Два коната, имянуютца марс хот, толшиною по четыре палца без четверти, длиною по дватцати по три сажени. Два коната, имянуютца марс шхот, толшиною по четыре палца с четвертью, длиною по дватцати по одной сажени. Один конат, имянуетца фокарден, толшиною четыре палца, длиною шездесят сажен. Одна веревка, имянуетца трос, толшиною три палца с полупалцом, длиною девяносто сажен. Одна веревка, имянуетца трос, толшиною три палца с четвертью, длиною шездесят сажен. Одна веревка, имянуетца трос, толшиною три палца, длиною шездесят сажен. Одна веревка, имянуетца трос, толшиною три палца, длиною восьмьдесят сажен. Два веревки, имянуютца тросы, толшиною по три палца без четверти, длиною по сту сажен. // Три веревки, имянуютца тросы, толшиною по два палца с полупалцом, длиною по сту сажен. Три веревки, имянуютца тросы, толшиною по тритцати прядей, длиною по сту сажен. Три веревки, имянуютца тросы, толшиною по дватцати по семи прядей, длиною по девяносту сажен. Два веревки, имянуютца тросы, толшиною по дватцати по четыре пряди, длиною по сту сажен. Три веревки, имянуютца тросы, толшиною по дватцати по одной пряди, длиною по сту сажен. Три веревки, имянуютца тросы, толшиною по осмидесят прядей, длиною по сту сажен. Два веревки, имянуютца тросы, толшиною по пятнатцати прядей, длиною по сту сажен. Четыре веревки, имянуютца тросы, толшиною по двенатцати прядей, длиною по сту сажен. Три веревки, имянуютца тросы, толшиною по девяти прядей, длиною по семидесят сажен. Четыре веревки, имянуютца тросы, толшиною по шти прядей, длиною по осмидесят сажен. // Тритцать веревочек, имянуютца леин, толшиною по двенатцати прядей, длиною по тритцати сажен, на лесницы. Тритцать веревочек, имянуютца леин же, толшиною по девяти прядей, длиною по тритцати сажен. Тритцать веревочек, имянуютца леин же, толшиною по шти прядей, длиною по тритцати сажен. Двенатцать пучков, имянуютца гюсин и марлис. Пятдесят клубков, имянуютца шуимас. Двенатцать веревочек белых, имянуютца ветлейн, по двенатцати прядей. Двенатцать веревочек белых же, имянуютца ветлейн, по девяти прядей. Двенатцать веревочек белых, имянуютца ветлейн, по шти прядей. Двенатцать рыболовных веревочек, имянуютца виш ветлейн. Один конат смолной толшиною четыре палца, длиною восьмьдесят сажен. //

л. 31 об. Да на тот же карабль в готовности:

л. 32 Две книги печатные, и в том числе одна книга болшая для морского хождения, другая малая. Чертеж для морского хождения. Два грат бога, как ходят на моря и размеривают сонца. Одно стекло градное. Три цыркаля медные. Два компаса на четыре угла, длиною по девяти палцов. Два компаса круглых, длиною по девяти ж палцов. Один компас круглой же, длиною восемь палцов. Один компас на четыре угла, длиною осми ж палцов. Один компас висячей, что бывает в каюте. // Один компас стоячей. Одни часы песочные по четыре часа. Семь часов малых по получасу. Три кожи на насосы подошвенные, имянуютца пумпы.

Да тот же карабль в готовности в запас на починку парусов три тюка немецкого полотна мерою в них по сороку по пяти аршин в тюке.

На тот же каравль в готовности якорей:

Первой якорь весом сорок пять пуд. Второй тридцать семь пуд. Третьей тридцать один пуд. Четвертой восемь пуд. Пятой три пуда десять фунтов. И те якоря заморского амстрадамского дела. //

К тому ж каравлю в готовности и совсем в отделке бот заморского дела.

л. 32 об.

На тот же каравль в готовности три пушки железные дробовые, имянуетца басы. //

Пятой каравль длиною сто дватцать восемь фут с полуфутом, шириною дватцать восемь фут галанских, в вышину в нижнем житье двенатцать фут, в среднем житье шесть фут, да сверх того на корму в малом верхнем каютце пять фут с полуфутом, в воде ходу будет и з грузом с кормы двенатцать фут, с носу десять фут галанских. Снаружи и внутри того каравля до верху обито сосновыми досками, как быть удобно, с водную сторону по порубню выконопачено и высмолено густою смолою, а от порубню до верху не конопачено, а высмолено житкою смолою. В том каравле в нижнем житье положен нутряной киль, и пол выконопачен и высмолен, и то житье под крышкою, и в нем балки и кривули из боков высмолено. Ис того ж первого житья зделано в среднее житье для выходу и свету три творила об одном затворе да творило о

л. 33

дву затворех, и те затворы зделаны и высмолены. // В том же нижнем житье на корму зделано окно для тосканья запасного лесу, как ходят на моря, и брусья в носу и в корме положены, где быть местам маштовым. В среднем житье зделано шесть окон, где быть пушечному бою или для свету, и затворы в те окна поделаны и на железные петли навешены. И то другое житье все под крышкою, и на крышке посреди зделано для свету два творила о дву затворех да творило ж об одном затворе, и затворы поделаны ж и высмолены, и балки и кривули из боков высмолены. В третьем житье на верху другой крыши поставлен ворот по-галански, высмолен, совсем в отделке. От того ворота поставлен столб, где быть вежкам для подъему, имянуетца кнехт. В том же житье на корме зделана небольшая крышка длиною шеснатцать фут галанских, имянуетца ит. // Да около того каравля снаружи по обе стороны зделано по три доски, имянуетца руст, где быть юнфором для оснаски. К тому ж каравлю вырезано резбы лев, а х каравлю не приделан. На корме шплендер из боков по обе стороны и подзор прибиты, а где быть окнам в каюте, резбы нет, да по обе ж стороны каравля прибито по одной штуке, где насосами воду льют. Зделан сопец и железными крючьи обит, а х каравлю не навешен.

л. 33 об.

А недоделки на том каравле:

В первом житье к окну затвору, в среднем житье, где быть каюту, и в том каюте поставцов, и стола, и стулов не зделано, в третьем житье, где быть иту, не зделано ж и досками не забрано. А на ту доделку кривули и доски пилные в готовности. На носу вороту, и столбов, и заборки, на что якоря болшие подымают, и чюланов, и казенок, и поварни, и печей, // и где быть удобно, ничего не зделано. Машт, и раин, и резбы, где быть удобно, и марсов на машты, и насосов в готовности нет, а лес в готовности.

л. 34 об.

Да к тому ж каравлю в готовности окованных и неокowanych юнфоров, а х каравлю не прибиты:

К средней маште четырнатцать юнфоров окованных, четырнатцать неокowanych. Повыше того на круг, имянуетца марс, восемь юнфоров окованных, восемь неокowanych. Повыше ж того на двоенаставошную машту четыре окованных, четыре неокowanych. На переднюю машту, имянуетца фок машт, десять юнфоров окованных, десять неокowanych. Повыше того на круг, имянуетца марс, восемь окованных, восемь неокowanych. Повыше того на двоенаставошную машту четыре окованных, четыре неокowanych. На кормовую машту, имянуетца безан машт, восемь юнфоров окованных, восемь неокowanych. Повыше того на круг, // имянуетца марс, шесть окованных, шесть неокowanych. На тое ж двоенаставошную машту, имянуетца бовет блинд, четыре юнфора окованных, четыре неокowanych. На кляпое дерево, имянуетца буц сприт, четыре юнфора окованных, четыре неокowanych. Два болшие юнфора, имянуютца грот стах. Два юнфора на безан стах. Два юнфора на фок стах. Два юнфора под болшой стах. И к тем окованным болшим юнфором боуты, и площадки, и колца, и закрепки железные, как быть у каравля, все в готовности ж.

л. 35

Да на тот же каравль в готовности к оснащению блоков и талий двуколесных и одноколесных, болших и малых двести восмдесят четыре блоки, а в тех блоках и талии колеса поккоутова дерева, к тем же талием и блоком крюки железные, болшие и малые, все в готовности ж. // А те юнфоры, и блоки, и талии, окованные и неокowane, все амстрадамского дела.

л. 35 об.

Да на тот же каравль изготовлено парусов совсем в отделку, а канатами не обшиты: Два паруса болших на средней машту, имянуютца грот сеил, длиною по пятнатцати аршин с четвертью, шириною по осмнатцати полотен. Два паруса на переднюю ж машту, имянуютца грот марс сеил, длиною до пятнатцати аршин, шириною вверху по одиннатцати полотнищ, внизу по семнатцати полотнищ. Два паруса на переднюю машту, имянуютца фока сеилс, длиною по двенатцати аршин с полуаршином, шириною по пятнатцати полотнищ. Два паруса на переднюю верхнюю машту, имянуютца формарс сеил, длиною по двенатцати аршин с полуаршином, шириною вверху по девяти полотнищ с четвертью, внизу по четырнатцати полотнищ. Два паруса на кормовую машту, имянуютца безанс сеилс, длиною по шеснатцати аршин, шириною по двенатцати полотнищ. // Один парус, имянуетца грот блинде, длиною семь аршин без четверти, шириною двенатцать полотнищ. Один парус, имянуетца боден блинд, длиною одиннатцать аршин, шириною вверху дватцать, внизу дватцать восемь фут галанских. Один парус, имянуетца крос сеилс, длиною девять аршин с полуаршином, шириною вверху семь полотнищ, внизу одиннатцать полотнищ. Один парус, имянуетца грот стах сеил, длиною тринацать аршин, шириною одиннатцать полотнищ. Два паруса, имянуютца бот сеил и фок, длиною один двенатцать аршин шириною восемь полотнищ, другой длиною десять аршин, шириною два полотнища с четвертью. А те парусы шиты из немецкого полотна.

л. 36

К тому ж каравлю изготовлено флаг:

На корму флаг длиною тринацать аршин без четверти, шириною девять полотнищ. // Один флаг, имянуетца гуйсен, на буц прит на наставошную машту длиною шесть аршин, шириною полпята полотнища. Один вымпел длиною дватцать четыре аршина, шириною три полотнища. Шесть флюгелев и в них длиною два по пяти аршин с четвертью, шириною по три полотнища, два по четыре аршина, шириною по три полотнища, два по три аршина, шириною по три ж полотнища. А те флаги, и вымпелы, и флюгелы шиты трех цветов — белого, синего, красного.

л. 36 об.

На тот же каравль изготовлено конатов смолных и несмолных и белых веревочек: Один конат, имянуетца тейтоу, толшиною одиннатцать палцов с полупалмом, длиною сто десять сажен. Один конат, имянуетца

- л. 37 стца кабелтоу, толшиною шесть палцов с полупалцом, длиною сто дватцать сажен. // Один конат, имянутца стах, толшиною одиннатцать палцов с полупалцом, длиною дватцать три сажени. Один, имянутца фок стах, толшиною девять палцов, длиною четырнатцать сажен. Два коната, имянутца вантросы, толшиною по шти палцов с полупалцом, длиною по штидесят по пяти сажен. Один конат, имянутца фок вантрос, толшиною пять палцов с полупалцом, длиною сто дватцать сажен. Два коната, имянутца грот смейтен, толшиною по шти палцов с полупалцом, длиною по дватцати сажен. Два коната, имянутца фок смейтен, толшиною по шти палцов без четверти, длиною по сту по осмидесяти сажен. Два коната, имянутца марсхот, толшиною по четыре палца без четверти, длиною по дватцати по три сажени. Два коната, имянутца марсшхот, толшиною // по четыре палца с четвертью, длиною по дватцати по одной сажени. Один конат, имянутца фокарден, толшиною четыре палца, длиною шездесят сажен. Одна веревка, имянутца трос, толшиною три палца с полупалцом, длиною девяносто сажен. Одна веревка, имянутца трос, толшиною три палца, длиною шездесят сажен. Одна веревка, имянутца трос, толшиною три палца, длиною шездесят сажен. Одна веревка, имянутца трос, толшиною три палца, длиною шездесят сажен. Одна веревка, имянутца трос, толшиною три палца, длиною шездесят сажен. Две веревки, имянутца тросы, толшиною по три палца без четверти, длиною по сту сажен. Три веревки, имянутца тросы, толшиною по два палца с полупалцом, длиною по сту сажен. Три веревки, имянутца тросы, толшиною по тритцати прядей, длиною по сту сажен. Три веревки, имянутца тросы, толшиною по дватцати по семи прядей, длиною по девяносту сажен. // Две веревки, имянутца тросы, толшиною по дватцати по четыре пряди, длиною по сту сажен. Три веревки, имянутца тросы, толшиною по дватцати по одной пряди, длиною по сту сажен. Три веревки, имянутца тросы, толшиною по осмидесяти прядей, длиною по сту сажен. Четыре веревки, имянутца тросы, толшиною по двенатцати прядей, длиною по сту сажен. Три веревки, имянутца тросы, толшиною по девяти прядей, длиною по семидесяти сажен. Четыре веревки, имянутца тросы, толшиною по шти прядей, длиною по осмидесяти сажен. Тритцать веревочек, имянутца леин, толшиною по двенатцати прядей, длиною по тритцати сажен, на лесницы. Тритцать веревочек, имянутца леин же, толшиною по девяти прядей, длиною по тритцати сажен. //
- л. 38 об. Тритцать веревочек, имянутца леин, толшиною по шти прядей, длиною по тритцати сажен. Двенатцать пучков, имянутца гюсин и марлис. Пятдесят клубков, имянутца шуимас. Двенатцать веревочек белых, имянутца ветлеин, по двенатцати прядей. Двенатцать веревочек белых же, имянутца ветлеин, по девяти прядей. Двенатцать веревочек белых же, имянутца ветлеин, по шти прядей. Двенатцать веревочек рыболовных, имянутца виш леин.

Да на тот же карабль в готовности:

- л. 39 Две книги печатные, одна большая для морского хождения, другая малая. Чертеж для морского ж хождения. Два грот бога, как ходят на моря и размеривают сонца. Одно стекло градусное. Три цыркаля медные. // Два компаса на четыре угла длиною по девяти палцов. Два компаса круглых по девяти ж палцов. Один компас круглой же длиною восемь палцов. Один компас на четыре угла длиною осми ж палцов. Один компас висячей, что бывает в каюте. Один компас стоячей. Одни часы песочные по четыре часа. Семь часов малых по получасу. Три кожи подошевные на насосы, имянутца пумпы.

На тот же карабль в готовности в запас на починку парусов три тюка немецкого полотна мерою по сороку по пяти аршин в тюке.

На тот же карабль в готовности якорей:

- л. 39 об. Первой якорь весом в сорок пять пуд. Второй тритцать семь пуд. // Третьей тритцать один пуд. Четвертой восемь пуд. Пятой три пуда десять фунтов. А те якоря амстрадамского дела.

На тот же карабль в готовности к оснащению крюки, и колца х конатом, и свайки сращиванные и розшиванные, и всякая удобная к тому караблю потребность вся в готовности ж.

К тому ж караблю зделан бот совсем в готовности, и машты, и раины на тот бот в готовности ж. А тот бот заморского дела. //

- л. 40 Шестой карабль длиною сто дватцать девять фут с полуфутом, шириною дватцать восемь фут. А в вышину в нижнем житье двенатцать фут, в среднем житье шесть фут семь палцов, да сверх того на корму в малом каютце пять фут с полуфутом галанских. В воде ходу будет и з грузом с кормы двенатцать фут, с носу десять фут галанских же. Снаружи и внутри около того карабля до верху обито досками сосновыми, как быть удобно, снизу с водную сторону по порубню выконопачено и высмолено густою смолою, как в воде ходу быть. А от порубню до верху с обе стороны не конопачено, а высмолено житкою смолою. В том карабле в нижнем житье положен нутряной киль и пол выконопачено и высмолено, и то житье под крышкою, и в нем балки и кривули из боков высмолено. Ис того ж первого житья для выходу и свету зделано три творила об одном затворе, да творило о дву затворех. И те затворы зделаны и высмолены. //
- л. 40 об. В том же нижнем житье на корму зделано окно для тосканья запасного лесу, как ходят на моря. И брусья в носу и в корме положены ж, где быть местам маштовым. В среднем житье зделано шесть окон, где быть пушечному бою или для свету, и затворы в те окна поделаны и на железные петли навешены. И то другое житье все под крышкою ж, и на крышке посреди зделано для свету два творила о дву затворех да творило об одном затворе. И затворы поделаны ж и высмолены, и балки и кривули из боков от каюту высмолены. В третьем житье на верху другой крышки поставлен ворот по-галански совсем в отделке. От того ж ворота поставлен столб, где быть векшам для подъему, имянутца кнехт. В том же житье на корме зделана небольшая крышка длиною шеснатцать фут галанских, имянутца ит, и та крышка выконопачена и высмолена. // Да около того карабля снаружи по обе стороны прибито по три доски, имянутца руст, где быть юнфором для оснаски. К тому ж караблю вырезано резьбы лев и х караблю приделан. Зделан сопец и железными крючьи обит, а х караблю не навешен.

А недоделки на том карабле:

В первом житье к окну затвору, в среднем житье, где быть каюту, и в том каюте поставцов, и стола, и стулов не зделано ж, и досками ничего не забрано. А на ту доделку кривули и доски пилные в готовности. На носу вороту, и столбов, и забирки, на что якоря большие подымают, и чуланов, и казенок, и поварни, и печей, и резбы на корму, и на иные карабелные потребы, и марсов на машты, и где быть удобно, и того не зделано. //

- л. 41 об. К тому ж караблю в готовности машты и раины:

Средняя большая машта длиною семдесят восемь фут галанских, толщиною осмнатцать палцов с четвертью. Передняя машта длиною семдесят одна фута, толщиною шеснатцать палцов с четвертью. Кормовая машта, имянуется безан машт, длиною пятдесят восемь фут, толщиною тринацать палцов. Кляпое дерево, имянуется бут сприт, длиною сорок шесть фут, толщиною семнатцать палцов с четвертью. На средней машту наставошная машта длиною сорок семь фут, толщиною одиннатцать палцов. На передней машту наставошная машта длиною сорок фут, толщиною девять палцов с четвертью. На кормовую наставошную машта длиною дватцать шесть фут, толщиною одиннатцать палцов. На носовое кляпое дерево наставошная машта длиною тринацать фут, толщиною полшеста палца. На средней троенаставошная машта длиною девятнатцать фут, толщиною пять палцов без четверти. // На передней троенаставошная машта длиною шеснатцать фут, толщиною четыре палца с четвертью. К средней маште раина длиною пятдесят шесть фут, толщиною по середке двенатцать палцов, а на концах полпята палца. На передней машту раина длиною сорок восемь фут, толщиною по середке десять палцов с полупалцом. На кормовую машту раина косая длиною пятдесят шесть фут, толщиною по середке полдевята палца. На кляпое дерево раина исподнея длиною тритцать шесть фут, толщиною по середке семь палцов. На наставошную машту на кляпое дерево раина длиною дватцать одна фута, толщиною по середке четыре палца. На средней двоенаставошную машту раина длиною тритцать шесть фут, толщиною по середке пол-осма палца. На тое ж средней троенаставошную машту раина длиною девятнатцать фут с полфутутом, толщиною по середке четыре палца без четверти. На передней двоенаставошную машту раина длиною тритцать фут, толщиною по середке полсема палца. // На тое ж машту раина длиною шеснатцать фут с полфутутом, толщиною полчетверта палца.

л. 42

л. 42 об.

Да к тому ж караблю окованых и неоккованых юнфоров, а х караблю не прибиты:

К средней маште четырнатцать юнфоров окованых, четырнатцать неоккованных. Повыше того на круг, имянуется марс, восемь окованых, восемь неоккованых. Повыше ж того на двоенаставошную машту четыре окованых, четыре неоккованых. На передней машту, имянуется фок машт, десять юнфоров окованых, десять неоккованых. Повыше того на круг, имянуется марс, восемь окованых, восемь неоккованых. Повыше ж того на двоенаставошную машту четыре окованых, четыре неоккованых. На кормовую машту, имянуется безан машт, восемь юнфоров окованых, восемь неоккованых. Повыше того на круг, имянуется марс, шесть окованых, шесть неоккованых. Повыше того на двоенаставошную машту, имянуется бовет блинд, четыре окованых, четыре неоккованых. // На наклепое дерево, имянуется буц сприт, четыре юнфора окованых, четыре неоккованых. Два большие юнфора, имянуются грот стах. Два юнфора на безан стах. Два юнфора на фок стах. Два юнфора под большой стах. И к тем окованым большим юнфором боуты, и площадки, и колца, и закрепи железные, как бытъ у карабля, все в готовности ж.

л. 43

Да на тот же карабль в готовности к оснащению блоков и талий двуколесных и одноколесных, больших и малых, двести восьмдесят четыре блока. А в тех блоках и талий колеса поккоутова дерева. К тем же талием и блоком крюки железные, большие и малые, все в готовности ж. А те юнфоры, и блоки, и талии, окованые и неоккованые, все амстрадамского дела.

На тот же карабль изготовлено парусов совсем в одделку, а канатами не обшиты: //

Два паруса больших на средней машту, имянуются грот сеил, длиною по пятнатцати аршин с четвертью, шириною по осмнатцати полотнищ. Два паруса на средней ж верхней машту, имянуются гротмарс сеилс, длиною по пятнатцати аршин, шириною вверху по одиннатцати полотнищ, внизу по семнатцати полотнищ. Два паруса на передней машту, имянуется фока сеилс, длиною по двенатцати аршин с полуаршином, шириною по пятнатцати полотнищ. Два парус на передней верхней машту, имянуются формарс сеил, длиною по двенатцати аршин с полуаршином, шириною вверху по девяти полотнищ с четвертью, внизу по четырнатцати полотнищ. Два паруса на кормовую машту, имянуются безан сеилс, длиною по шеснатцати аршин, шириною по двенатцати полотнищ. Один парус, имянуется грот блинде, длиною семь аршин без четверти, шириною двенатцать полотнищ. // Один парус, имянуется боден блинд, длиною одиннатцать аршин, шириною вверху дватцать, внизу дватцать восемь фут галанских. Один парус, имянуется крос сеилс, длиною девять аршин с полуаршином, шириною вверху семь полотнищ, внизу одиннатцать полотнищ. Один парус, имянуется грот стах сеил, длиною тринацать аршин, шириною одиннатцать полотнищ. Два паруса, имянуются бот сеил и фок, длиною один двенатцать аршин, шириною восемь полотнищ, другой длиною десять аршин, шириною два полотнища с четвертью. А те парусы шиты из немецкого полотна.

л. 43 об.

л. 44

К тому ж караблю изготовлено флаг:

На корму флаг длиною тринацать аршин без четверти, шириною девять полотнищ. Один флаг, имянуется гуйзен, на буц прит на наставошную машту длиною шесть аршин, шириной полпята полотнища. // Один вымпел длиною дватцать четыре аршина, шириною три полотнища. Шесть флюгелев, и в них длиною два по пяти аршин с четвертью, шириною по три полотнища, два по четыре аршина, шириною по три полотнища, два по три аршина, шириною по три ж полотнища. А те флаги, и вымпелы, и флюгелы шиты трех цветов — белого, синего, красного.

л. 44 об.

Да на тот же карабль изготовлено конатов смолных и несмолных и веревочек малых:

Один конат, имянуется теитоу, толщиною одиннатцать палцов с полупалцом, длиною сто десять сажен. Один конат, имянуется кабелтоу, толщиною шесть палцов с полупалцом, длиною сто дватцать сажен. Один конат, имянуется стах, толщиною одиннатцать палцов с полупалцом, длиною дватцать три сажени. Один конат, имянуется фок стах, толщиною девять палцов, длиною четырнатцать сажен. // Два коната, имянуются вантросы, толщиною по шти палцов с полупалцом, длиною по штидесять по пяти сажен. Один конат, имянуется вантрос, толщиною пять палцов с полупалцом, длиною сто дватцать сажен. Два коната, имянуются грот смейтен, толщиною по шти палцов с полупалцом, длиною по дватцати сажен. Два коната, имянуются фок смейтен, толщиною по шти палцов без четверти, длиною сто восьмдесят сажен. Два коната, имянуются марсхов, толщиною по четыре палца без четверти, длиною по дватцать по три аршина. Два коната, имянуются марс шхов, толщиною по четыре палца с четвертью, длиною по дватцати по одной сажени. Один конат, имянуется фокарден, толщиною четыре палца, длиною шездесят сажен. Одна веревка, имянуется трос, толщиною три палца с четвертью, длиною девяносто сажен. Одна веревка, имянуется трос, толщиною три палца с четвертью, длиною шездесят сажен. // Одна веревка, имянуется трос, толщи-

л. 45

л. 45 об.

ною три палца, длиною шездесят сажен. Одна веревка, имянуетца трос, толшиною три палца, длиною восьмьдесят сажен. Две веревки, имянуетца тросы, толшиною по три палца без четверти, длиною по сту сажен. Три веревки, имянуетца тросы, толшиною по два палца с полупалцом, длиною по сту сажен. Три веревки, имянуетца тросы, толшиною по тритцати прядей, длиною по сту сажен. Три веревки, имянуетца тросы, толшиною по дватцати по семи прядей, длиною по девяносту сажен. Две веревки, имянуетца тросы, толшиною по дватцати по четыре пряди, длиною по сту сажен. Три веревки, имянуетца тросы, толшиною по дватцати по одной пряди, длиною по сту сажен. Три веревки, имянуетца тросы, толшиною по осмидесят прядей, длиною по сту сажен. Две веревки, имянуетца тросы, толшиною по пятнатцати прядей, длиною по сту сажен. // Четыре веревки, имянуетца тросы, толшиною по двенатцати прядей, длиною по сту сажен. Три веревки, имянуетца тросы, толшиною по девяти прядей, длиною по семидесят сажен. Четыре веревки, имянуетца тросы, толшиною по шти прядей, длиною по осмидесят сажен. Тритцать веревочек, имянуетца лейн, толшиною по двенатцати прядей, длиною по тритцати сажен, на лесницы. Тритцать веревочек, имянуетца лейн же, толшиною по девяти прядей, длиною по тритцати сажен. Тритцать веревочек, имянуетца лейн, толшиною по шти прядей, длиною по тритцати сажен. Двенатцать пучков, имянуетца гюсин и марлис. Пятдесят клубков, имянуетца шуимас. Двенатцать веревочек белых, имянуетца ветлейн, по двенатцати прядей. Двенатцать веревочек белых же, имянуетца ветлейн, по девяти прядей. Двенатцать веревочек белых же, имянуетца ветлейн, по шти прядей. // Двенатцать рыболовных веревочек, имянуетца виш лейн.

л. 46

л. 46 об.

Да на тот же карабль в готовности:

Две книги печатные, одна болшая для морского хождения, книга малая. Чертеж для морского ж хождения. Два грат бога, как ходят на моря и размеривают сонца. Одно стекло градное. Три цыркаля медные. Два компаса на четыре угла, длиною по девяти палцов. Два компаса круглых, длиною по девяти ж палцов. Один компас круглой же, длиною восьмь палцов. Один компас на четыре угла, длиною осми ж палцов. Один компас висячей, что бывает в каюте. Один компас стоячей. Одни часы песочные по четыре часа. Семь часов малых по получасу. // Три кожи подошвенные на насосы, имянуетца пумпы.

л. 47

На тот же карабль в готовности на починку парусов три тюка немецкого полотна, мерою в них по со року по пяти аршин в тюке.

На тот же карабль в готовности якорей:

Первой якорь весом сорок пять пуд. Второй тритцать семь пуд. Третьей тритцать один пуд. Четвертой восьмь пуд. Пятой три пуда десять фунтов. И те якори заморского амстрадамского дела.

л. 47 об.

На тот же карабль в готовности к оснащению крюки, и колца х конатом, и свайки сращиванные и розщиванные, и всякая удобная к тому караблю потребность, // что надлежит, вся в готовности ж.

К тому ж караблю зделан бот совсем в готовности, и тот бот заморского амстрадамского дела. А мерены те карабли галанскими футы. //

л. 49

А смотря вышеписанных шти караблей, которые зделаны и на воду спущены, карабелшики розных государств — аглинской Александр Ротворт, из Анбуриса Фока Файлар, галанской из Амстрадама Клас Байс сказали, те де купецкие карабли, которые по имянному ево, великого государя, указу строил у Архангелского города карабелного строения камисар Елизарей Избрант, зделаны тверды и водяному морскому хождению всем удобны, против иных же их заморских торговых караблей, которые строят за морем в розных государствах, а за морем такие торговые карабли становятца по одиннатцати тысяч и по одиннатцати ж тысяч по шти сот ефимков. Толко ж у них карабли делают за морем из дубового лесу. А торговые русские люди холмогорские и города Архангелского бурмистры Карп Кустов, Логин Васильев с товарищи сказали, что они морского хождения и цены тем вышеписанным караблям, во что которой // карабль стал, не знают, для того что они таким промыслом не промышляют. А деланы вышеписанные шесть караблей из соснового лесу и стояли спущены на реке Двине ниже острова, на котором пилная мельница, у деревни Сонбулы, а ныне те карабли для зимняго времени сведены на реку Маймаксу, которая течет из реки Двины особо на правую сторону. А опричь вышеписанных шти караблей, иных в строенье караблей нет.

л. 49 об.

А изготовлено ж на карабли впредь лесов и иных припасов, а что чего изготовлено, и то писано ниже сего:

л. 50

Двенатцать брусков на кили длиною по штидесят фут. // Двенатцать брусков на насосы и на стевенги. Триста бревен четырех сажен на исподние бук стук. Двести бревен длиною шесть сажен на те ж бук стук. Тысеча восьмь сот земляных кокор. Тысеча сто бревен длиною трех и четырех сажен на боковые кривули. Семь сот восьмьдесят два бревна длиною пять сажен, в отрубе одиннатцать и двенатцать вершков, на средние и на верхние балки. Пять сот бревен длиною пяти сажен, в отрубе в пять и в шесть вершков, на такие ж балки. Три тысяч дватцать тесниц тесаных длиною в шесть и в семь сажен, шириною в отрубе в восьмь и в девять вершков, толшиною в три вершка. Тысеча двести десять тесниц, пилных длиною по тритцати и по тритцати по шти фут, // толшиною в два, и в три, и в четыре палца. Двести тесниц тесаных длиною четырех сажен, шириною в восьмь вершков, толшиною в три палца. Семьдесят четыре бруса длиною в восьмь и в девять сажен, толшиною и шириною в шеснатцать и в семнатцать палцов. Сто дватцать бревен лисвенишных длиною по четыре сажени. Сто двенатцать бревен длиною по одиннатцати и по двенатцати сажен на машты и на всякия карабелные росходы. Сто бревен длиною в девять сажен, толшиною в восьмь и в девять вершков, на верхние машты и райны. Триста бревен длиною по шти сажен, в отрубе в шесть вершков, на всякую поделку. А тот вышеписанный лес весь сосновой.

л. 50 об.

Да з железных припасов в готовности ж: //

л. 51

Тысеча пуд железа круглово в прутьях. Пять сот пуд гвоздя разных рук. И всякие карабелные к тому надлежащему делу подъемы, и цепи, и колца, и таганы, и напарьи, и буравы, и коловраты, и пилы, и ломы, и молоты болшие и малые, и потесы, и всякие мелкие карабелные припасы в готовности ж. А по скаске Елизарьева прикащика Избранта Матвея Барса, тех де вышеписанных лесов будет на шесть караблей. А опричь того сверх вышеписанных шти караблей парусов и парусных полотен в готовности нет.

Да у карабелной же пристани, где карабли строят, построено:

Две мастеровые светлицы поземные, меж ими сени да поварня. И в тех светлицах живут всякие карабелные мастера, и боцманы, и матросы. // Сарай длиною пятнатцать сажен, шириною пять сажен трех

л. 51 об.

аршинных, где в ненасные дни лес на карабли тешут. Сарай кузнечной длиною пятнадцать сажен с полусаженью, шириною девять сажен с полусаженью трех аршинных, а в том сарае двенадцать горнов с мехи, и с наковални, и с молоты большими и малыми. У того ж кузнечного сарая светлица поземная да поварня, а в ней живет кузнечной мастер. Анбар о дву житях длиною и шириною четырех сажен трех аршинных, в высоту тридцать четыре ряда. А в ней карабелные всякие припасы железные, и конаты, и веревки, и юнфоры, окованы и неокрованы.

Конатной двор, на нем построено:

Баня, что конаты сушат, длиною и шириною четырех сажен трех аршинных. // У той же бани сарай л. 52
длинною дватцать сажен, шириною четыре сажени. Да в том же сарае котел медной весом десять пуд тридцать пять фунтов, что конаты смолят. Анбар длиною трех сажен с полусаженью, шириною шти сажен трех аршинных. У того ж анбара сарай длиною сто восемьдесят сажен, шириною четырех сажен с полусаженью, что конаты спускают и пряжу прядут. //

РГА ВМФ, ф. 177, оп. 1, д. 15

ПРИЛОЖЕНИЕ 5

В. В. Брызгалов, М. Э. Ясински

Якорные мастера города Архангельска

В 1769 г. было решено заложить на Соломбальской верфи четыре 66-пушечных линейных корабля вместо двух²⁶³. Для них требовалось заготовить необходимое количество якорей, соответствующее штатному положению для данного класса кораблей. Четыре якоря, весом 154 и 153 пуда, уже имелись в наличии. Чтобы не тратить средств на перевозку остальных 18 якорей из Кронштадта в Архангельск на транспортных судах, решили заготовить недостающее число якорей на месте, в Архангельске. Однако своего якорного завода Архангелогородское Адмиралтейство не имело²⁶⁴, и решено было заказать изготовление этих недостающих до комплекта якорей на одном из купеческих якорных заводов.

Указом от 18 августа 1764 г. для развития российского купеческого судостроения было запрещено привозить из-за границы на русских и иностранных коммерческих судах предметы оснастки и снаряжения для строящихся в России торговых парусников, в том числе и якоря²⁶⁵. Поэтому на Севере возникают специализированные якорные заводы для удовлетворения нужд купеческого и поморского судостроения, однако на этих якорных заводах ковались якоря весом до 120 пудов.

Публикуемые нами архивные документы рассказывают о попытке Архангелогородского Адмиралтейства изготовить партию якорей в городе Архангельске для строящихся на Соломбальской верфи четырех 66-пушечных линейных кораблей²⁶⁶. Братья Иван Федорович, Владимир Федорович и Осип Федорович Денисовы подряжались изготовить необходимое число якорей на своем якорном заводе, расположенном на реке Лае²⁶⁷. Эту же работу предлагал исполнить и якорный мастер Шрейбер, родом из Гамбурга.

Рассмотрев предложения братьев Денисовых и мастера Шрейбера, Адмиралтейская коллегия отказалась от услуг подрядчиков из-за высоких цен на якоря, продолжая доставлять их из Кронштадта в Архангельск морским путем на военном транспорте.

Ценность публикуемых документов в том, что они показывают развитие железоделательных мануфактур Архангельска во второй половине XVIII в. и их технические возможности.

Копия

1767 года апреля ... дня в журнале Архангелогородской губернской канцелярии записано:

л. 2

Из государственной Адмиралтейской коллегии по экспедиции интенданской от 19 марта сего года под № 1045-м, коим повелено, что, как де неизвестно оной коллегии, что у города Архангелского ежегодно строение партикулярных судов производитца и якоря делаютца близь города Архангелского до ста дватцати пуд, то Архангелогородской канторе над портом обще со здешною губернской канцелярией рассмотреть и к делу на повеленные строением четыре карабля по сту по сороку пуд осми якорей отыскивать желающих заводчиков из их железа и материалов. И кто отыщутся и по чему последними ценами просить будут или к зделанию оных желающих не отыщутца, прислать во оную коллегияю репорт.

Приказали: о вызове к зделанию оных якорей желающих в здешнем городе чрез полицмейстерскую кантору, послав туда указ, публиковать, с тем дабы охочие к тому для торгу и в цене договору явились в Архангелогородской губернской канцелярии, а как явятся, то со оными в губернской канцелярии Канторы над портом с господами присутствующими тем явившимся // дать торги, и что оной Канторы над портом л. 2 об.
господа присутствующие к тому приступить благоволили, в Кантору над портом с показанием сей резолюции послать промеморию, которою и сего уведомления требовать, сколько каких якорей и каких весов потребно, благоволила б Кантора над портом в губернскую канцелярию непродолжительно дать знание, чтоб явившимся можно было при явке их о том объявить, а в Государственную Адмиралтейскую коллегияю о получении указа с показанием оной резолюции отрепортовать.

Подлинной подписанием тако: Егор Годовцын, Андрей Сорокин. Секретарь Герасим Павлов. В должности протоколиста Иван Шиварин. //

1769 году апреля 15 дня якорного дела мастер Шрейбер против учиненных в здешнем городе по силе л. 9
присланного из Государственной Адмиралтейской коллегии указа публикацией, явясь в губернской канцелярии, объявил, что он потребные к Архангелогородскому адмиралтейству якори по сту по сороку восемь, по тридцати по пяти четыре, по пятнадцати пуд четырех и по десяти пуд два из всех своих материалов желает подрядится зделать, а ценою возмет за первые восемь по три рубли пуд, а за протчие все три сорта по два рубли по пятидесяти копек за пуд (на левом поле приписка: имею ... якори поставить к Адмиралтейству на адмиралтейской брак. Шрейбер), и ту работу имеет он исправить со всякою поспешностию, так что и последние имеет быть зделаны будущаго 770 году апреля к 1-му числу, и как скоро котораго весу им, Шрейбером, якорь зделан будет, // то даст он тогда ж Канторе над портом знать, почему в то время ему л. 9 об.

по принятии каждого и денги б, что за которой подлежит, плачены были. А ежели кто другие к тому под-
ряжатца желают, то и с ними торговатца будет.

Подпись
Подпись //

л. 10 Получили 15 апреля 1769 года. К докладу.

Промемория

из Архангелогородской канторы над портом в Архангелогородскую губернскую канцелярию.

В присланной из оной канцелярии промемории объявлено: в полученном де из Государственной Адмиралтейской коллегии по экспедиции интендантской указе написано: Как неизвестно оной коллегии, что близь города Архангельскаго якори делаются до ста дватцати пуд, то Архангелогородской канторе над портом обще со оною канцелярией рассмотреть и к делу на повеленные строением четыре карабля по сту по сороку пуд семи якорей отыскивать желающих заводчиков из их железа и матриалов, и кто отыщутца и по чему последними ценами просить будут или желающих не отыщутца, прислать в коллегию репорт. И от оной канцелярии определено: В Архангелогородскую полицместерскую кантору послать и послан указ, и велено публиковать с тем, дабы охочие к тому для торгу и в цене договору явились в той губернской канцелярии, а как явятца, то в реченной канцелярии и Канторы над портом с присутствующими тем яви(в)вшимся дать торги. И тою промемориею требуетца, чтоб Канторы над портом присутствующие к тому приступить благоволили, а сколько каких якорей и каких весов потребно во оную канцелярию, дать знание. А по справке из оной же коллегии из экспедиции марта от 20, а полученному сего апреля 12 чисел велено на повеленные в силу имянного ея императорскаго величества высочайшаго указа строением четыре бб-пушечные карабля на зделание камбузных котлов медные листы подрядить и котлы сделать здешними адмиралтейскими служители. А подлежащие по штату на оных четыре карабля якори наличные здесь по сту по пятидесят по четыре и по сту по пятидесят по три пуда четыре употребить на те карабля з заменой. // А затем о достальных по сту по сороку пуд осми, как де неизвестно, что якори делаются близь города Архангельскаго до ста дватцати пуд, здешней Канторе обще з губернской канцелярией рассмотреть и к делу на те карабля осми якорей отыскивать желающих заводчиков из их железа и материалов, и по чему последними ценами просить будут или к зделанию не отыщутца, прислать репорт. А понеже сверх оных болших семи якорей на вышеписанные ж повеленные строением вновь четыре карабля вдобавок по штату требуетца якорей по тридцати по пяти пуд четыре, по пятнатцати пуд четыре, по десяти пуд два. Итого десять. А всех осмнатцать. Листов медных на дело камбузных, которых на каждой карабль по осми, а на четыре карабля тридцать два листа, в том числе донных длиною по три, шириною по три с половиною фута, толщиною в одну осмину дюйма восемь. На крышки той же длины и ширины толщиною против донных вполы восемь же. Боковых длиною по три фута по семи дюйм, шириною по два фута по два дюйма, толщиною против обраца шеснатцать.

л. 10 об.

По справке же в прошлом 1766-м году генваря 14 дня в Канторе над портом архангелогородской посацкой человек Иван Денисов доношением объявил, ежели де к здешнему Адмиралтейству на карабля и протчие суда якорей сколько когда потребуетца, то он делать желает на своем заводе, обстоящем по Лае реке в разстоянии от города Архангельскаго в дватцати верстах, ис казеннаго железа, а ценою просил от десяти до штидесяти пуд по одному рублю по семи копеек, от штидесяти до ста пуд по одному рублю по тридцати копеек, от ста до ста пятидесяти пуд по одному рублю по семидесят копеек за пуд с вычетом за явшейся при деле утар из заработных ево денег. Да оного Ивана Денисова брат родной Володимер Денисов в силе учиненнаго Канторы // над портом обще з господином архангелогородским губернатором Головцыным определении, а во исполнение полученнаго из интендантской экспедиции по Экипажному департаменту генваря от 5 числа сего ж 769-го году указа ковал ис казенной меди на вышеписанном их заводе на дело камбузного котла на строящейся ныне на стапеле бб-пушечной карабль листы медные в вышеписанную меру ... (одно слово не прочитано), и по оному указу Канторю над портом определено: Чтоб к деланию показанных медных листов и якорей желающих явились, об оном чрез Архангелогородские губернскую канцелярию и полицместерскую кантору произвесть и произведены публикации апреля 14 числа, а показанных архангелогородцов призвать и о вышеписанном спросить, что покажут, взять подписку и доложить. А того ж 14 числа во общее Канторы над портом архангелогородскаго губернаторскаго товарищи присутствие из вышеписанных купцов Володимер Денисов по повеске в Кантору над портом явился и присутствию объявил, что он показанные якори и медные листы на вышеозначенном заводе обще з братом родным Иваном Денисовым зделать желает, токмо о цене объявить ныне он без согласия онаго своего брата не может. А напредь сего по указу из Государственной Адмиралтейской коллегии августа от 24, а полученному сентября 12 чисел прошлаго 1758 году велено о поставке х компании 1759 году морских провизей и на варение збитня, уксусу с явшимися торги производить обще з губернской канцелярией, о чем ис коллегии в губернскую канцелярию указ послан. Но в силу онаго указа о заготовлении провизии торги производились и приговоры подписываны обще з господином архангелогородским губернатором в присутствии в Архангелогородской канторе над портом, да и после онаго о всяких вещах торги производились з господами губернаторами и их товарищами, а в Архангелогородской губернской канцелярии о потребных к Адмиралтейству // вещах, чтоб торги когда производились, не отыскано. И Канторю над портом определено: В предписанную губернскую канцелярию с прописанием вышеписанного послать промеморию и требовать, дабы от оной канцелярии благоволено было в силе вышеозначеннаго указа о потребных к Адмиралтейству якорях и медных листах рассмотрение и торги чинить во общем присутствии в Канторе над портом, как и напредь (сего) все подряды о адмиралтейских вещах чинились, были обще з господами губернаторами и их товарищами, ибо Кантора над портом учреждена на основании законов и единственно состоит под указами Государственной Адмиралтейской коллегии, и о потребных к адмиралтейству вещах чтоб в других присутственных местах торги и по канцелярскому обряду дела производить, кроме своей канторы, занеудобностию ради справок и протчаго, приступить не может. И Архангелогородская губернская канцелярия о вышеписанном благоволит ведать и учинить по ея императорскаго величества указу апреля 15 дня 1769 году.

л. 11 об.

По докладному регистру № 578-й.
Докладывано того ж числа.

Василей Чичагов.

Секретарь Никита Петров.
Канцелярист Иван Хапов. //

Промемория

л. 16

из Архангелогородской губернской канцелярии в Архангелогородскую кантору над портом.

Сего апреля 15 дня присланною она кантора над портом промемориею требовала, чтоб о силе Государственной Адмиралтейской коллегии указа о потребных к Адмиралтейству якорях и медных листах рассмотрение и торги чинить в общем присутствии в Канторе над портом, как де и напредь сего все подряды о адмиралтейских вещах чинены были обще з губернаторами и их товарищами, ибо Кантора над портом учреждена на основании законов и единственно состоит под указами Государственной Адмиралтейской коллегии и о потребных к Адмиралтейству вещах чтоб в других присутственных местах торги и по канцелярскому обряду дела производить, кроме своей канторы, оногоне занеудобности ради справок и протчаго приступить она кантора не может. А сколко тех якорей потребно, она кантора над портом в той промемории объясняет, что сверх тех по 140 пуд осми, о которых Государственная Адмиралтейская коллегия рассмотреть обще з губернской канцелярией определила, еще на повеленные строением вновь четыре карабля вдобавок по штату по 35 пуд 4, по 15 пуд 4 ж, по 10 пуд 2, итого 10, а всех с вышеписанными 18, а сего ж апреля 15 числа в Архангелогородской губернской канцелярии // якорняго дела мастер Шрейбер против учиненных в здешнем городе по силе присланного из государственной Адмиралтейской коллегии указа публикацей явился и объявил, что он те потребные к Архангелогородскому Адмиралтейству все восемнатцать якорей из всех своих материалов желает подрядитца сделать, а ценою возмет за первые восемь по три рубли пуд, а за протчие все три сорта по 2 рубли по 50 копеек за пуд за адмиралтейской брак, и впредь с желающими торговатца будет. А как по указу Государственной Адмиралтейской коллегии велено Архангелогородской канторе над портом обще з губернской канцеляриею рассмотреть и к делу на повеленные строением четыре карабля по сту по сороку пуд семи якорей отыскивать желающих заводчиков из их железа и материалов, и по чему последними ценами просить будут или к зделанию оных никого не отыщется, прислать репорт, а чтоб о медных листах рассмотрение учинить, того в том указе не значит. А при подаче той промемории оной Канторы над портом копейист Черкизов объявил, что с завтнешняго числа производимы будут торги об якорях, почему присутствующим губернской канцелярии к тем торгам уже и повеску учинил.

л. 16 об.

И по указу ея императорскаго величества в Архангелогородской губернской канцелярии определено: В Архангелогородскую кантору над портом // послать промеморию, которою объявить, что по тому Государственной Адмиралтейской коллегии указу велено обще Канторою над портом з губернской канцеляриею о тех единственно ... (одно слово не прочитано) якорях рассмотрение учинить и отыскивать желающих, вследствие чего губернская канцелярия, которая составляется из присутствующих губернатора и ево товарищей, рассмотрение учинить и определила иметь во оной губернской канцелярии и з желающими торги производить, чего для и чтоб и с стороны Канторы над портом господа присутствующие к тому приступили и посланною промемориею требовано, а желающие публикациями и вызывающца, по каковом, как выше значит, один уже явился и подписку о делании тех якорей дал. Итак, губернская канцелярия никакого долгу для присутствия по тому делу, оставя нужнейшие дела, и в завтнешнюю почту в Кантору над портом быть не может. А в прописанной от Канторы над портом в промемории, яко и в других вещах, подряды во оной Канторе над портом обще з губернаторами и их товарищами учинены бывали резон, примером сему не служит, ибо по указу правительствующаго Сената повелено архангелогородскому губернатору при подрядах присутствовать во оные // Канторе над портом, следовательно, одной персоне, а не канцелярии, по содержанию чего губернатор, когда ему от возложенных дел свободасть дозволяет, в присутствии бывает, а по случаю несвободности вместо ево, губернатора, из губернаторских товарищей по наряду ево, губернатора, к присутствию, и то по одному, а не все ездят же. И если б по указу Государственной Адмиралтейской коллегии и в сем деле также губернатору, а не губернской канцелярии рассмотрение в общем в Канторе над портом присутствии, как во обыкновенных подрядах происходит, учинить определено было, то б губернатор в присутствии в Кантору над портом товарища послать не отрекся. Что же она кантора над портом в промемории своей пишет, что она учреждена на основании законов и под указами Государственной Адмиралтейской коллегии состоит и что в других местах торги производить занеудобности ради справок и протчаго приступить не может, но как по оному указу Адмиралтейской коллегии велено отыскивать желающих и по чему просить будут или никого не явится, прислать репорт, а контрактов // и заключать не велено, следовательно, никаким далним справкам и быть неможно, а что по торгам окажется, то со всего того дела Канторы над портом господа присутствующие могут взять копию. А что Кантора над портом под указами коллегии состоит, о том губернская канцелярия довольно знает. А к сему делу она кантора к присутствию призываетца в силу Адмиралтейской коллегии указа, а не по какому от губернской канцелярии наряду. Следственно, и оной канторе чрез то никакого уничтожения не наноситца. Губернская же канцелярия состоит под указами правительствующаго Сената. Итак, присутствия в Канторе над портом, как она желает, опасаясь взыскания ответу, иметь не может. И что учинено будет, благоволила б Кантора над портом губернской канцелярию уведомить непродолжително, дабы могла губернская канцелярия з будущею почтою в Адмиралтейскую коллегия // репортовать. И Архангелогородская кантора над портом о вышеписанном благоволила чинить по ея императорскаго величества указом.

л. 17

л. 17 об.

л. 18

л. 18 об.

Апреля 15 дня 1769 года.

Такова промемория за подписанием господина генерал маюра и губернатора по листом за скрепою секретаря Г. Павлова послана от записки исходящих дел. //

1769 году апреля 16 дня. В Архангелогородской губернской канцелярии явился архангелогородец по- л. 20
сацкой человек Иван Федоров сын Денисов и объявил, что он, Иван, з братьями ево родными Владими-

ром и Осипом Денисовыми по объявленному в публикациях Государственной Адмиралтейской коллегии указу потребные к Архангелогородскому адмиралтейству на карабли якори по сту по сороку пуд восемь и сверх того числа и других препорцей, как они чрез Кантору над портом небезызвестны, надобность есть сделать, о чем и в губернской канцелярии ныне ему объявляетца еще десять якорей весом по тридцати по пяти пуд четыре, по пятнадцати пуд четыре ж, да по десяти пуд два, а с оными всего восемнадцать якорей. Все оные желают они, Денисовы, из своего железа всем своим коштом подрядитца сделать на своем их собственном кузнечном заводе на водяном, имеющейся в Двинском уезде на реке Лае кузнице, разстоянием от города верстах в дватцати, и поставить годные в отдачу на адмиралтейской брак, делав со всякою поспешностию не в одно время, но не далее, и последние имеет быть сделаны в будущем 1770-м году, а от заключения контракта в девять месяцев. И как скоро которого весу якори ими, Денисовыми, сделаны будут, то дают они тогда ж Канторе над портом знать, почему б в то время при заводе их при браке подъем и вывозка в Адмиралтейство совсем учинено было адмиралтейскими служители, а не их уже, Денисовых, работными людьми и коштом, а за сделание тех якорей возмут они, Денисовы, ценою за первые болшие восемь по два рубли // по девяносту копеек, а за протчие три сорта по два рубли по сороку копеек за пуд. И на то денег наперед не требуют, а плачены б были им такие денги в то самое время, когда которой якорь ими сделан и объявлен будет и на заводе приметца, что за которой по объявленным ценам подлежит безудержно. И з другими к тому подрядитца желающими он, Иван, или братья сво в единственной силе, которой-нибудь один за всех торговатца и всякое обязательства чинить будут. Вместо архангелогородца Ивана Денисова по сво прошению архангелогородец посацкой человек Алексей Данилов сын Трапезников руку приложил.

По докладному реестру № 575-й. //

л. 20 об. Копия

1769 года 16 дня. По указу ея императорскаго величества генерал майор Архангелогородской губернии губернатор и кавалер Головцын в общем присутствии з губернской канцеляриею, слушав производящегося в той канцелярии во исполнение полученного сего апреля 11 числа из Государственной Адмиралтейской коллегии по экспедиции интендантской отпущенного от 19 марта указа о потребных на повеленные строением при здешнем адмиралтействе карабли якорях дела, в котором явствует: Предписанным полученным из Государственной Адмиралтейской коллегии указу повелено, что как де небезызвестно той коллегии, что у города Архангелского ежегодно строение партикулярных судов производится и якори делаются близ города Архангельского до ста дватцати пуд, то Архангелогородской канторе над портом, в которую де указ послан, обще з губернской канцеляриею рассмотреть и к делу на повеленные строением четыре карабля по сту по сороку пуд всеми якорей отыскивать желающих заводчиков из их железа и материалов, и кто отыщутся и по чему последними ценами просить будут или к сделанию оных желающих не отыщется, прислать во оную Государственную Адмиралтейскую коллегию репорт. И по тому ея императорскаго величества указу в Архангелогородской губернской канцелярии определено о вызове к сделанию оных якорей желающих в здешнем городе чрез полицмейстерскую кантору, послав туда указ публиковать, с тем дабы охочие к тому люди для торгу и цен договору явились в означенной губернской канцелярии, и как явятся, то со оными в той губернской канцелярии Канторы над портом з господами присутствующими тем явшимся дать торги, и чтоб // оной над портом Канторы господа присутствующие к тому приступить благоволили, в реченную Кантору над портом послать промеморию, которая сего ж апреля от 13 и послана и оною требовано и сего уведомления, сколько каких якорей весом потребно, благоволила б та Кантора над портом в губернную канцелярию непродолжительно дать знание, чтоб явшимся можно было при явке их о том объявить, о чем о получении предписанного указа от того и 13 числа из Государственной Адмиралтейской коллегии репортом донесено, а в полицмейстерскую кантору о публикации указом предписано, на которой указ от той полиции и репортовано, что в оном городе Архангелском опубликовано и обывателем за известие чрез соцких и десяцких объявлено. А 15 сего ж апреля в губернную канцелярию Архангелогородская кантора над портом присланною промемориею на вышеписанную посланную от канцелярии промеморию ж, представляя, требовала, чтоб по объявленному Государственной Адмиралтейской коллегии указу о потребных к адмиралтейству якорях и медных листах рассмотрение и торги чинить в общем присутствии в Канторе над портом, как де и напредь сего все подряды о адмиралтейских вещах чинены были обще з губернаторами и их товарищами, и буде Кантора над портом учреждена на основании законов и единственно состоит под указами Государственной Адмиралтейской коллегии и о потребных к адмиралтейству вещах чтоб в других присутственных местах торги и по канцелярскому обряду дела производить, кроме своей канторы, оного де за неудобностию ради справок и протчаго приступить та кантора не может, а сколько тех якорей потребно, оная Кантора над портом в той промемории уяснила, что сверх тех по сту по сороку пуд осми, с которых Государственная Адмиралтейская коллегия рассмотреть обще з губернской канцеляриею определили, еще на повеленные строением вновь четыре

л. 27 об. карабля вдобавок потребно по тридцати по пяти пуд четыре, по пятнадцати пуд четыре ж, // по десяти пуд два, итого десять, а всех с вышеписанными восемнадцать якорей. А между тем того ж 15 числа в Архангелогородской губернской канцелярии явился якорного дела мастер гамбурец Шрейбер против учиненных в здешнем городе по силе предписанного из Государственной Адмиралтейской коллегии указа публикации к подряду и объявил, что он те потребные к здешнему Архангелогородскому адмиралтейству все восемнадцать якорей из всех своих материалов желает подрядитца сделать, а ценою возмет за первые восемь по три рубли пуд, а за протчие все три сорта по два рубли по пятидесяти копеек за пуд и отдаст на адмиралтейской брак и впредь з желающими торговатца будет. А как по указу Государственной Адмиралтейской коллегии велено Архангелогородской канторе над портом обще з губернской канцеляриею рассмотреть и к делу на повеленные строением четыре карабля по сту по сороку пуд всеми якорей отыскивать желающих заводчиков из их железа и материалов и по чему последними ценами просить будут или к сделанию оных никого не отыщется, прислать репорт, а чтоб о медных листах рассмотрение учинить, того в том указе не значит, а при подаче той промемории оной Канторы над портом копеист объявил, что в завтрашняго де (т. е. 16) числа производимы будут торги о якорях, почему присутствующим губернской канцелярии к тем

торгам уже и повеску учинил. И того ж 17 дня по определению Архангелогородской губернской канцелярии в частореченную Кантору над портом послана промемория, которой объявлено, что по оному Государственной Адмиралтейской коллегии указу велено обще Канторе над портом з губернской канцеляриею о тех единственно одних якорях рассмотрение учинить и отыскивать желающих, вследствие чего губернская канцелярия, которая составляется из присутствующих губернатора и его товарищей рассмотрение учинить, и определила иметь во оной // губернской канцелярии и з желающими торги производить, чего для и чтоб и с стороны Канторы над портом господа присутствующие к тому приступили, и посланною промемориею требовано, а желающие публикациями и вызываюцца, по каковым, как выше значит, один уже того 15 числа и явился и подписку о зделании тех якорей дал, и та б губернская канцелярия никакого долгу для присутствия по тому делу, оставя нужнейшие дела и тогдашнюю почту в Кантору над портом быть не может, а прописанной от той Канторы над портом в промемории, яко и в других вещах подряды во оной Канторе над портом обще з губернаторами и их товарищами чинены бывали резон примером сему не служит, ибо по указу правительствующаго Сената повелено архангелогородскому губернатору при подрядах присутствовать во оной Канторе над портом, следовательно, одной персоне, а не канцелярии, по содержанию чего губернатор, когда ему от возложенных дел свобода доставляет, в присутствии бываает, а по случаю несвободности вместо ево, губернатора, из губернаторских товарищей по наряду ево, губернатора, к присутствию и то по одному, а не все ездят же, и естлиб по указу Государственной Адмиралтейской коллегии и в сем деле также губернатору, а не губернской канцелярии рассмотрение в общем в Канторе над портом присутствии, как во обыкновенных подрядах происходит, учинить определено было, тоб губернатор в присутствии в Кантору над портом быть или вместо себя губернаторского товарища послать не отрекся, что же оная Кантора над портом в промемории своей пишет, что она учреждена на основании законов и под указами Государственной Адмиралтейской коллегии состоит, и чтоб в других местах торги производить за неудобностию ради справок и протчаго, приступить не может. Но как по оному указу Адмиралтейской коллегии велено отыскивать желающих // и по чему просить будут или никого не явится, прислать репорт, а контрактов и заключать не велено, следовательно, никаким далним справкам и быть не можно, и что по торгам скажется, то со всего того дела Канторы над портом присутствующие могут взять копию, а что Кантора над портом под указами коллегии состоит, с том губернская канцелярия доволно знает, а к сему оная кантора к присутствию призывается в силу Государственной Адмиралтейской коллегии указу, а не по какому от губернской канцелярии наряду, следственно, оной канторе чрез то и никакого уничтожения не наноситца, губернская же канцелярия состоит под указами правительствующаго Сената. Итак, присутствия в Канторе над портом, как оная желает, опасаясь взыскания ответу иметь, не может. А после посылки той в Кантору над портом промемории сего ж апреля 16 в губернской канцелярии явился архангелогородец посацкой человек Иван Федоров сын Денисов и объявил, что он, Иван, з братьями ево родными Владимиром и Осипом Денисовыми по объявленному в публикациях Государственной Адмиралтейской коллегии указу потребное к Архангелогородскому адмиралтейству на карабли якори по сту по сороку пуд и сверх того числа и других препорцей еще десять якорей весом по тритцати по пяти пуд четыре, по пятнатцати пуд четыре ж, да по десяти пуд два, а со оными всего восемнатцать яворей, все оные желают они, Денисовы, из своего железа всем своим коштом подрядитца зделать на своем их собственном кузнечном заводе, на водяной, имеющейся в Двинском уезде на реке Лае, кузнице, разстоянием отсель от города верстах в дватцати, и поставя годные в отдачу на адмиралтейской брак, делав со всякою поспешностию не в одно время, но не далее, и последние имеют быть зделаны в будущем 177-м году, а от заключения контракта в десять месяцев. И как скоро которого весу якори ими, Денисовыми, зделаны будут, то дадут они тогда же Канторе над портом знать, почему в то время при заводе их // при браке подъем и вывозка в Адмиралтейство совсем чинено было адмиралтейскими служители, а не их уже, Денисовых, работными людьми и коштом, а за зделание тех якорей возмут они, Денисовы, ценою за первые болшие восемь по два рубли по девяносту копеек, а за протчие три сорта по два рубли по сороку копеек за пуд, и на то денег наперед не требуют, а плачены б были им такие денги в то самое время, когда которой якорь ими зделан и объявлен будет и на заводе приметца, что за которой по объявленным ценам надлежит безудержно. И з другими к тому подряжатца желающими он, Иван, или братья ево в единственной силе, которой ни будь один за всех торговатца и всякое обязательство чинить будут. Почему того ж числа по определению вышереченной губернской канцелярии в Кантору над портом тогда ж за известие и промемориею сообщено, при которой с той явшагося архангелогородца Денисова подписки и точная копия приложена, а в Архангелогородскую полицмейстерскую кантору с объявлением показанных просимых цен о публикации здесь, у города Архангелского, о явке желающим к деланию таковых якорей в губернской канцелярии чрез полицмейстерскую кантору послан во оную кантору указ. Но того ж числа Архангелогородская кантора над портом промемориею от показанного бытия к присутствию о том, то есть к рассмотрению и торгам о якорях, быть в губернскую канцелярию еще отреклася, изясняя при том, что от оной канторы в Государственную Адмиралтейскую коллегию отрепортовано, и повелено ль будет о принадлежащих вещах торги производить в губернской канцелярии, об оном требовала указу.

Приказали: С прописанием вышеобъявленного обстоятельства представить Государственной Адмиралтейской коллегии от губернской канцелярии репортом с требованием от оной в тое губернскую канцелярию указного определения, дабы соизволила повелеть // для предписанного единственно о якорях и подрятчиках явльшихся к зделанию оных якорей по положенным от них в губернской канцелярии подписками обязательствам яко гражданских людей, и о могущем коснуться по их заводам к тому якорному делу в силу означенного Государственной Адмиралтейской коллегии указа рассмотрения, и о даче торгов в губернской канцелярии повелеть господам присутствующим канторы над портом возиметь приезд в ту канцелярию как то дело и действительно следует быть о рассмотрении и о торгу особливое, з другими подрядами немешанным, всему же губернской канцелярии присутствию для того толко отъезжать в кантору над портом, оставя все свои по губернии дела, почитает та губернская канцелярия иметь за невозможность и в отмену прежних указов, как толко губернатор бывал или ис товарищей по одному туда посылал, ныне бес точнаго о том повеления и опасна, и от правительствующаго Сената взыскания ответа и чрез тот репорт от Государственной Адмиралтейской коллегии просить о том увольнения. А ежели оную Государственную

л. 28 об.

л. 29

л. 29 об.

л. 30

Адмиралтейскою коллегией той канторе над портом к присудствию въезжать за чем-либо разсуждено не будет, тоб оное разсмотрение о якорях повелеть учинить одной той канторе, ибо о ценах чего явльшиися желающие за зделание тех якорей просили, в тое кантору над портом от губернской канцелярии знание уже дано, о чем и от губернатора в тое коллегию сообщить.

Подлинной протокол скреплен тако:

Егор Головцын
 Андрей Сорокин
 Секретарь Герасим Павлов
 Подписан апреля 17 дня 1769 году. //

л. 33 Получено 6 июля 1769 года. Записав, отдать к делу, сообща в докладе.

Промемория

из Архангелогородской канторы над портом в Архангелогородскую губернскую канцелярию.

В присланном из Государственной Адмиралтейской коллегии по экспедиции интендантской минувшаго мая от 18, а полученном в Канторе над портом 31 чисел указе объявлено: Адмиралтейств коллегия по докладу интендантской экспедиции на посланной от здешней канторы рапорт о явшихся здесь к делу потребных ко удовольствию четырех 86-ти пушечных караблей якорей по сту по сороку пуд семи, по тридцати по пяти пуд четырех, по пятнадцати пуд четырех, по десяти пуд двух архангелогородцах Иване и Володимере Денисовых да гамбурце якорном мастере Шрейбере, кои обязывались зделать — Денисовы ис казеннаго железа ценою за болшие восемь по рублю по шестидесят по семи копеек с пуда, за меньшие всех весов по рублю по пяти копеек с пуда, а гамбурец Шрейбер из ево железа и матриалов ценою за болшие восемь по три рубли за пуд, а за протчие все по два рубли по пятидесят копеек. Да во оной канцелярии вышеозначенной архангелогородец Иван Денисов обязался зделать // из своего железа ценою за болшие по две рубли по девяносту копеек, а за протчие три сорта по два рубли по сороку копеек за пуд. По дороговизне оных просимых ими цен деланием здесь у города Архангелскаго не подряжать. И сего июня 2 дня Канторю над портом определено: В реченную губернскую канцелярию с прописанием помянутого коллежскаго указа сообщить промеморию, чего ради сею и сообщается.

л. 33 об.

Июня 5 дня 1769 году. По докладному регистру № 824.

Канцелярист Иван Хапов. //

ГАО, ф. 1, оп. 1, д. 8389. Подлинник

ПРИЛОЖЕНИЕ 6

Географическое описание города Архангельского с уездом. 1787 г.

л. 391 Город Архангелской чтоб герб имел, того нигде по делам не отыскалось, а огражден каменною стеною, которая имеет длины по набережной стороне 215, по другой стороне 193, поперешнику от собора 110, от Немецкой слободы 100 сажен, толстоты от 3-х до 6-ти сажен, вышины 4 сажени 6 1/2 вершков, кроме башен, коих состоит шесть высокого строения. При том каменном городе с набережной стороны земляной вал, которой в некоторых местах обвалился, вышиною 1, шириною 2 сажени. Построен в 1682 году. А на строение всего оногo значит по партикулярным описаниям во употреблении денег 119 797 рублей 66 1/2 копеек. //

л. 391 об. Во оном городе состоят: губернская канцелярия, портовая таможня, Руской и Немецкой для поклажи казеннаго вина и купеческих товаров гостиные дворы, а внутри оногo, кроме караульных изб, тюремнаго острога, важни и поташных 3-х анбаров, жилаго деревяннаго строения нет. Оной же город состоит на берегу реки Двины, по компасу на восточной стороне, река ж Двина течет в Белое море тремя устьями — Березовским, Мурманским и Пудожемским. А начало течения Двины составляет из двух рек — Сухоны и Юга, которые реки соединились под городом Устюгом Великим, состоящим от города Архангельского в 636-ти верстах. Жилье всего здешняго города состоит по течению Двины реки по одной правой стороне, //

л. 392 и простирается длиною на 6, шириною от реки в гору и в самом широком месте на 1 версту, а место, как под градским селением, так позади оногo и около, самое болотистое и топкое, по коему болоту позади того строения частию местами кочки с кустарником. Протекает те же означенные около города болотистые места речка Юрас, которая из Двины реки позади всех тех болот протекает по примеру верст на 13, на другой же стороне города Архангелскаго Двинскаго уезда волости и деревни.

л. 392 об.

В городе торговой день в каждой неделе вторник, а ярмонга бывает всегда в летнее время, в которое по Двине реке приезжают из разных городов, то есть Устюга, Вологды, Тотмы, Соли Вычегоцкой, Яренска, с Вятки, Ваги, Кевроли, Мезени и ис протчих мест, купцы и крестьяна на барках, павосках и протчих судах и на плотах // с разными товарами и хлебными припасами и производят торги с архангелогородскими, тако ж и иностранными в городе живущими купцами. А начинается съезд оным обыкновенно по вскрытии Двины реки с половины мая и продолжается сентября до последних чисел.

А в летнее время приходят к порту Архангелскому из Англии, Голландии, Дании, Швеции, Норвегии, Гамбурга, Бремена и протчих мест корабли и суда, и бывает оных от 50 до 70, 80-ти и до 100 разная величины, и привозят всякия виноградные вина, ром, вотку французскую, сахар всех сортов, сандал, свиней, олово в деле и не в деле, шпи...тер*, разные сукна, шерстяные товары, ягоды, всякие пряные зелья, кофе,

* Не прочитаны одна-две буквы.

железо листовое, краску брусковую и прочее, да на платеж пошлин ефимки и некоторую часть золота // и серебра в литрах, серебра ж в посуде, и полотна немецкие, также всякие фрукты и конфеты сухие; и на оных приходящих и на новостроющихся в здешних партикулярных верфях кораблях от города Архангелского отвозят в разныя иностранныя места привозимые из вышеизъясненных российских городов товары и хлебные припасы, яко то рожь, пшеницу, семя лняное, сало говяжье и ворвань, свечи салние, смолу, пек, пенку, лен, рогожи, разные полотна, мяхкую руглядь, щетину, юфть, веревки пенковые и паколние, воск, мед, гриву конскую, железо полосное, клей, масла лняное, конопляное и коровье, мясо говяжье и свиное и прочие российского продукта мелочные товары. //

л. 393

А в каждое же лето приплавляетца сюда из верховых деревень немалое число с хлебом, рогатым скотом и смолою плотов блевого лесу, из коих лес по большей части по продаже в народ привезенного употребляется на дрова, частью же и на строение.

л. 393 об.

Сверх того во оное же лето приходят к здешнему городу Двинского уезда и поморских волостей и ис Колского острога по акияну и Белому морям промышленничьи российские земли живущих обитателей разных званий суда, и бывает оных в каждое лето до 300-т, а привозят своего промысла рыбу семгу, треску и палтасину соленую и вяленую, рыбье и звериное сала, а отсюда отвозят на свое пропитанье хлебные припасы и некоторые // для крестьянских надобностей мелкия товары.

л. 394

Архангелогородское же купечество промыслы имеет: некоторые производят з заморскими вышеозначенных мест купцами торги хлебом, холстиною хрящевой, полотнами гладкими и салфеточными; прочие же имеют ластовые и мореходные и для звериных морских промыслов суда, которые и промышляют (чрез крестьян) * болшею частью зверей, моржов, тюленей, лысунов, серок, белуг, белых медведей, а иные канатные фабрики, кожевенные и солодовенные заводы.

Ремесло у жителей живописное, малярное, серебряное, медное, кузнечное, кожевенное, // чеботное и портное, оконное, шапочное, костяное, красилное набойкою на полотне, замшевое, столярное и плотничное; более же находятся в работе при канатных фабриках, а в летнее ярмоночное время при выгруске и нагруске кораблей и прочих судов.

л. 394 об.

При городе состоят карабелного строения верфи:

1-я — на острову Двины реки казенная, званием Соломбалская, тож и Архангелогородское адмиралтейство, в коем строение караблей производится по асигнациям Государственной Адмиралтейской коллегии. В 760-м году построено и отпущено караблей: 66-ти пушечной, 54-х пушечной и 32-пушечной фрегат и два пинка. //

Партикулярныя купецкие состоящия от города вверх по Двине реке по течению на правой стороне:

л. 395

2-я — архангелогородца Петра Крылова на 5-й версте.

3-я — аглинского купца и лесного в Лампландии торгу содержателя Вилима Гомма на 7-й версте.

4-я — архангелогородца Ивана Баженина в уезде при устье реки Вавчуги, которая впала в Двину ж реку в 70 верстах, при которых трех строятся купецкие торговые мореходные суда по позволительным указом не в каждой год у каждого равное число, но когда сколко случитца в подряде, однако не более каждому повеленного числа, кое на всех верфях положено, так в каждое лето строить не более 10-ти судов. //

Лес же на строение рубитца по силе указа правительствующаго Сената 764 года единственно сосновой в дозволенных по указом Архангелогородской г(ородовой) кан(целярии) местах подрядами, потребныя ж ко оному строению брусья и доски пилятца из оною же соснового лесу на состоящих при оных верфях пилних мельницах.

л. 395 об.

На другой же стороне реки Двины по примеру от города верстах в 15-ти при реке Ширшемке стоит пилняная вододействующая Архангелогородскаго адмиралтейства казенная мельница, на которой пилование происходит, что потребно на строение караблей и прочаго ко оному адмиралтейству.

На оной же стороне при реке Заостровке в деревне Валдушке от города же в 10-ти верстах // находятся Шаховские плавильные заводы в пусе без действия, на коих с прошлого 1737 года бывшей генерал берг-директор Шенберг по данной ему тогда привилегии плавил руды серебряную, медную и свинцовую, которые доставаны были Двинскаго уезда в поморских разных местах, чего ж для и в котором году тот завод в запустение пришел, о том в губернской канцелярии никакого знания нет, ибо тогда была здесь по рудным делам особливая кантора. А Двинскаго уезда Сумского острога // в деревне Войце и поныне рудокопной завод в действии, которой и состоит в ведомстве Берг-коллегии, где медную и золотую руды достают; тако ж не в дальности от того Сумского острога Кольского уезда в селах Керети и Кандалакши крестьяне промышляют слюду. А за всем тем Двинскаго уезда во многих местах, где болота и тундры, и железная руда имеется. //

л. 396

л. 396 об.

Да от города вниз по Двине реке на речке Лас, впадающей во оную же Двину, разстоянием от города по примеру верстах в 30-ти, состоит архангелогородца Ивана Денисова з братьями якорной вододействующей завод и при том для пилования лесов мельница.

л. 397

От города ж Архангельского (вниз же к Белому морю находится) **: в 20-ти верстах Архангелская Новодвинская крепость регулярного каменного строения с наружными пристройками, водяным рвом и открытым путем и гласисом. //

Да во оной же от города в 42-х верстах в Ненокоцком, тако ж Унском и Луцком посадах состоят соляные варницы, где и варится соль тутошними жители, а в Ненокоцком усолье и казною немалым количеством, которой и происходит поставка на продажу к городу Архангелскому, в Устюг и прочие места Архангелогородской губернии.

л. 397 об.

А Двинскаго уезда Сумского острога в реке Суме (да по смежности ко оной Новгородской губернии) *** Олонецкого уезда в подсеверной стороне в реках Чюлможе, Повенечье, Курсе и от Курсы в реке Вицке и в ручье Горле, // тако ж здешней губернии около города Колского острога, в некоторых реках и ручьях лов бывает жемчугу. // Города ж Архангельского в Двине и в прочих впадающих в нее реках и реч-

л. 398

л. 398 об.

* Приписано на полях.

** Приписано на полях.

*** Приписано на полях.

как ловится рыба семга (но ныне оной против прежнего умалилось), нелмы, шуки, лещи, головли, язи, окуни, налимы, наваги, корюхи, селди, камбалы, сороги и ерши, да в озерах караси и протчих разных родов мелкая. А в Белом и в акияне морях семга ж, палтасина, треска, пикши да называемая по здешнему месту морская щука, а по-галански треска, называемая ленк, (см)ушели и селди, да морские разных родов звери, моржи, тюлени, лысуны, серка, зайцы, медведи белые и белуги, и видимы бывают // в окиане и киты, которые иногда и в Белое море заходят; тако же болшие и малые раковины и куриозные разных видов животные, и разных же родов по берегам морским птицы, как то гайки, алейки, кривцы, чистики и гагарки, кречатые тупики, петушки, чирки, бакланы, доворотейки и чайки. У оной реки Двины нагорная сторона, на которой стоит город, по течению реки на правой, а луговая на левой стороне. //

л. 399

л. 399 об.

При городе две судовые пристани да третья при вышеозначенной Соломбалской верфи, где и карабли стоят всегда на рейде, что и почитается гаванью. А настоящая для зимования караблей и стояния всяких судов казенная адмиралтейская гавань разстоянием от оной Соломбалской верфи в 30-ти верстах близ взморья при урочище Лапоминке, почему Лапоминскою гаванью и именуется.

л. 400

Двина река замерзает в октябре и в ноябре, // выходит апреля в последних и мая в первых числах, вешняя вода прибывает до полуторых сажен.

Пограничные города от города Архангелского и уезда разделяет реками с Шенкурским Вагою, с Кеврольским Пинегою, с Мезенским оною ж Пинегою и Кулою, с Колским океяном морем.

До сих городов состоит верст до Ваги 389, до Кевроли 345, до Мезени 346, до Колы 1021.

л. 400 об.

В Двинском уезде сеется хлеб рожь, ячмень и овес, токмо по небольшому числу пашен хлеба родится немного, // которой иногда, по холодному климату, позябает; естли в которое лето благополучная жатва, родится изобилно, а особливо ячмень, так что на хороших землях и сам-тридцать приходит, но таковых к хлебопашеству земель, как выше значит, по числу обитателей, за тундряными и болотными местами, мало. Но здешняго Двинскаго уезда, тако ж и живущие в отдаленных от города Архангелского приморских местах, в которых хлеба за холодным (климатом) или малым в посеве никогда не бывает, крестьянство хлебные неурожаи // достаточно награждают инжеследующим: некоторые отходят в Санкт-Петербург, Москву и другие города, где и выработывают портным, и сапожным, столярным, плотничным, медным, каменщицким и купорным мастерствами, извозами, послугою, кучарами, лакеями и тому подобным немалое число денег. А иные в Санкт-Петербурге будучи ... * канторах находятся артелщиками, которая из протчих работ самую годнейшею почитается.

л. 401 об.

А оставшие при домах околгородных волостей упражняются в работах, в летнее ярмоночнее время при выгрузке и нагрузке караблей и протчих судов, в купорах и при верфях в плотниках и других работах, // тако ж продажею дров, угля, смолы и протчаго, а женской пол в выработывании изо лну пряжи и ниток простых и (п)олотничных, а ис пряжи тонких полотен и салфеток и тому подобного, которое и продают, как для внутренняго доволствия, так и для заморского отпуска. И сверх того крестьяне, как из Санкт-Петербурга, так и от города Архангелского, нанимаются кормщиками, матросами и работниками для морских звериных промыслов, а некоторые крестьяне и собственные свои суды имеют, на которых, отъезжая из жилищ своих и от города Архангелского по океяну морю на Новую Землю и на разные острова, где, зимую, промышляют моржей, тюленей, лысунов, серку, белугу, белых медведей и зайцев. А на островах стреляют оленей, ис коих и на пищу употребляют, тож стреляют голубых и белых пещов. А летом, отъезжая по оному ж акьяну морю в разные становища, некоторые промышляют же рыбу треску и палтасину, с которыми зверьями и рыбою и возвращаются, как выше значит, к городу // Архангелскому. А в приморских местах оставшие при домах своих крестьяне, выезжая близ жилищ своих в малых судах, бьют таких же зверей и ловят рыбу наваги, селди и тому подобные.

л. 402

В городе Архангелском и уезде содержат скота знатных и славных немецких коров и быков, именуемых холмогорскими, которая порода ныне, по высочайшему ея и. в. к архангелогородским жителям особливому милосердию чрез три года продолжаемыми на караблях вывозами из лутчих пород коров и быков голштинских, знатно приумножена, ибо от оных вывезенных и смешавшихся с здешними лутчими породами, уже поныне хорошей и немалой приплод оказался. Лошадей потому же имеют, хотя ростом невеликих, но широких, плоских и крепких, называемых мезенской породы, // которым для умножения хороших и рослых лошадей тож от ея и. в. в 1768-м году несколько казенных конюшен весьма хороших пород жеребцов пожаловано ж.

Да при том же содержат овец, коз и баранов, а чтоб и овцы голштинские размножиться могли, то от ея ж и. в. обще з голштинскими коровами из Голштинии трехкратной же привоз имеется.

В лесах водятся звери — белки, куницы, лисицы, зайцы, горностаи, ласки, бобры, выдры, норки, рыси, росомаки, волки и медведи, олени лесные и ручные езжалые; по рекам, озерам и лесам птицы — лебеди, гуси, утки, тетеревы разных родов, рябчики, куропатки белые, голуби здешняго простаго рода и чижи, чечеты, дрозды, клесты, серушки, стрижи, грачи, вороны, галки и сороки. //

л. 403

В городе и в уезде много знатных высоких гор нет, выключая Красногорскую по Пинеге реке гору, на которой того имени и монастырь стоит; протчие по большей части ровные места, болота и тундры. Леса ...** лиственница, сосна, ель, береза, осина, ольха, талник, черемха, рябина, малая часть шипишника и можжевельника, тако ж малинник и смороденик, черной и красной. Гром слышан бывает с мая по сентябрь и по октябрь месяцы, в зимнее время по ночам бывает часто северное сияние, что по здешнему называется сполохами.

В городе Архангельске из давних лет две кирхи деревянного строения — лютеранская да калвинская. //

л. 403 об.

Третья вновь строится каменная лютеранская. Во оном же городе находится иностранных купеческих семь кантор, которые корреспонденцию имеют, болшую частью в Голландию и в Гамбург, а при том и в Англию, Ирландию, Францию, Данию и Швецию и в некоторые порты Германии, как то Бремен и Штетин, и торгуют российскими товарами — хлебом, семенем лняным, смолою, салом говяжьим и ворванным, маслом коровьим и лняным, железом полосным, пенкою, рогожами, шетиною, воском, свечами салными, всякою мяхкою рухлядью, полотном гладким парусным, равендуком, фламским и салфетошным, мылом, лном и пенкою, иностранными // винами, сан-

л. 404

* Два-три слова не прочитаны.

** Одно слово не прочитано.

далом, сахаром всяких рук, маслом деревянным, краской брусковой, свинцом, оловом, шпи...тером (?), сукнами и всякими шерстяными мануфактурами, разными ягодами и фруктами, квасцами и прочим.

К городу Архангелскому приписанной Холмогорской посад, состоящей от города вверх по Двине по течению на левой стороне в 70-ти верстах. В том посаде торговой день в неделе четверток, и в те дни приезжают из ближних к тому посаду деревень крестьяне с хлебом, рыбой, // с мясами и прочими съестными припасами, а в летнее время с полотнами гладкими и салфеточными. А учрежденных ярмонок в том посаде не бывает.

л. 404 об.

Да в разстоянии от того посада во 120 верстах Двинского уезда в Волокопинежской волости бывает каждой год две ярмонки, называемые: первая, марта в 25, Благовещенская, 2-я, декабря с 6, Николская, на которые съезжаются из разных Двинского, Кевролского, Мезенского и Важеского и поблизости из других смежных уездов крестьяне, частью архангелогородские и прочих мест купцы, где продается хлеб, рыба, мясо говьяжье // и прочие съестные припасы, тако ж лошади, быки и коровы, лняная пряжа и холст разных рук и мягкая рухлядь.

л. 405

В городе Архангелском народ живет по болшей части христианского закона греческого исповедания, да несколько иностранцев лютеранского и калвинского законов, а в уезде онаго города народ одново греческого исповедания. //

Архив СПб. ФИРИ РАН, ф. 36, Воронцовы, оп. 1, № 477

ПРИЛОЖЕНИЕ 7

Краткое историческое известие о заведении, продолжении и запустении купецких верфей на Двине в Архангелогородской губернии

л. 375

§ 1.

Самая первая купецкая верфь на Двине, лежащая против города Холмогор, называемая по деревне Вавчугская верфь, заведена холмогорскими, записавшимися во время первых ревизии в Архангелогородский посад купцами Осипом и Федором Бажениными. Петр Великий, всероссийский император, котораго высокою милостию сии два родные и единосемейные братья пользовались, снабдил сей новый и самый первый в России корабельный завод частных купцов привилегиею 1700-го года. Жалованною сею грамотою освобождены заводчики и хозяева Вывчугской верфи от всех платежей таможенной пошлины, собираемой в казну с товаров внутренних и внешних, на строение и украшение кораблей принадлежащих. Таковым преимуществом снабденная Вавчугская верфь приведена в цветущее состояние, к чему много способствовало искусство и благонравие первых хозяев, которые при корабельных подрядах с купцами часто, а с работными людьми при корабельном строении справедливо и щедро поступали. Наследники первых основателей Никифор и Денис Федоровы сыновья и сын Никифоров Иван Баженины не отступали от сих начальных правил основателей Вавчугского корабельного завода, почему иностранные охотно покупали корабли вавчугского строения посредством предварительных подрядов. Баженинской дом сделался оттого богатым и знатным. Строение кораблей на Вавчугской верфи продолжалось // непрерывно более семидесяти лет, даже до окончания американской войны.

л. 375 об.

§ 2.

Во время жизни первых основателей Вавчугской верфи происходил в силу по торговым делам холмогорской купец, записавшийся напоследок в архангелогородские купцы, Никита Крылов, сын бедного отца, жителя Кулойской деревни, названной посадом по соляным варницам. Никита Крылов по природному свойству был разумный человек, постоянный, трудолюбивый, в коммерческих делах купец прозорливый. Будучи нарочито богатым, около 1730-го года отправил он в Голландию племянника своего Петра Крылова и там на собственном иждивении обучил его корабельной архитектуры, а в 1734-м годе получил из государственной Коммерц-коллегии привилегиею на строение кораблей в Быковской деревне, за 5-ть верст от города Архангельскаго лежащей, где построенная его иждивением верфь названа Быковскою. Корабельной мастер, заводчиков племянник Петр Крылов, строил на сем заводе торговые корабли около пятнадцати лет непрерывно, продаваемые за море по предварительным договорам. Напоследок перестали заморские купцы покупать корабли Крыловской верфи по причине ненадежных в строении оных крепости. Сам хозяин был виною сего упадка. Никита Крылов по свойству своего нрава наблюдал исполнение своих договоров, заключенных с купцами и с поселянами, по точности и по словам, изображенным на бумаге, без всякаго упущения. Но из тех самых людей, которые с ним письменныя обязательства заключали, не всяк мог предвидеть и ограничить затруднения, могущие случится в исполнении договорных // статей, понимаемых букварически. По сим правилам поступал Никита Крылов с наемными работниками корабельного строения сурово и без снисхождения в их слабостях, делал в денежных розчетах вычеты за прогульные дни, за что мстили ему корабельные его работники подложными болтами и другими опасными во внутреннем строении кораблей повреждениями, от сего весь кредит Быковской верфи разорился. Крылов не знал сего правила: "Никого не презирай".

л. 376

§ 3.

Около 1760-го года поселился в городе Архангельском новоприезжий в Россию из Кенигзберга англичанин Генрик Фразер, человек естественными дарованиями, политическими знаниями и коммерческою практикою отличный. Он заключил с Никитою Крыловым договор, по которому обязался возобновить собственным иждивением обветшавшее строение Быковской верфи и платить чрез несколько лет хозяину сего опустевшаго завода по сту рублей на год; напротив того, Крылов передал Фразеру

л. 376 об.

на несколько лет хозяйственное право в строении кораблей на Быковской верфи. Вследствие сего договора, которой был судебным местам не известен, открылось основательное предуготовление к новому строению кораблей на крыловской верфи, подкрепляемое великою надеждою прибытка. Сие возбудило зависть в сопернике Генрика Фразера, ревельском купце Беренде Родде, жителе архангелогородском, которой в сие время был в числе первых в городе Архангельском комиссионеров заморских купцов. Родде склонил Крылова коммерческими интересами к нарушению заключенного с Фразером договора. Крылов сделал отказ Фразеру в содержании Быковской верфи, // отчего последовал между ими долговременный спор нотариальными актами, но тяжба о сем деле не произведена в судебных местах, где не мог Фразер ожидать успеха по причине неутвержденного судебною властью предреченного договора о содержании в срочные годы Быковской верфи под его хозяйством. Огорченный сею неустойкою Фразер, человек в замыслах изобильный, нашел новый путь к открытию торговли кораблями из российского леса.

§ 4.

л. 377

Около сего времени архангелогородской купец Прокопей Пругавин, человек к торговым предприятиям способный, но знаниями не просвещенный, гражданин небогатый, пользуясь помощью главного командира Архангелогородского порта Вакселя, построил новую верфь при реке Маймаксе, от города Архангельского вблизи. Новые его корабли, проданные иностранным купцам, оказались в самом начале, почитай, таковыми же кораблями, каковые строены были в последние годы на Быковской верфи под хозяйством Никиты Крылова. Затем все труды и капитал сего заводчика, употребленный для новья его верфи, переменились в пустоту. По сей причине владение сим заводом перешло в руки архангелогородского купца Алексея Голубина, вышедшего наконец из торгов в банкротство с неоплаченными долгами по причине обширнейшей его тяжбы с шенкурским купцом Иваном Дементьевским. Затем она верфь, проданная с молотка за долей Голубина, оказалась под владением в третьих руках нового хозяина, санктпетербургского купца, архангелогородского уроженца и жителя Аврама Бранбрина и его сыновей. Голубин потерял еще своим банкротством тесопильный завод, лежащий от города // Архангельского недалеко в Кехотской волости при реке Смердье, впадающей в Двину. Сей последний завод, равным образом проданный с молотка, достался в руки того же Бранбрина, купца богатого и сильного в заморской торговле по комиссиям.

§ 5.

По заключенному в правительствующем Сенате договору о распространении российским лесом внешней торговли, имел право Виллиам Гом, сильный английский купец в Санкт-Петербурге, заводить кораблестроение в разных приморских местах Архангелогородской губернии. Сим правом воспользовался Фразер под именем и по дозволению Гома, почему в самом ближнем соседстве с Быковской верфи открылась новая, фрезеровская верфь, превосходная соперница во всех частях против верфи Никиты Крылова. Сие было поражением интересов для Беренда Родде. Зависть последнего, вооружившаяся мщением, ввергнула Фразера в банкротство, последовавшее в 1766-м годе. К сему служили основанием выписанные из-за моря нарочно на Фразера вексели прежних годов. Упадком сего купца фразеровская верфь приведена в недействительность, а по падении купца Гома взята сия верфь под коронное ведомство. Затем несколько лет корабельный фразеровский завод находился без всяких работ в запустении.

§ 6.

л. 377 об.

В 1780-м годе фразеровская верфь препоручена в содержание знатному архангелогородскому купцу Алексею Свешникову по заключенному с ним договору в казенной палате Вологодского наместничества. По содержанию сего договора, дозволила казна купцу Свешникову пользоваться фразеровскою верфию неограниченно и безсрочно; казна в случае обратного под казенное содержание возвращения сего корабельного завода обещала заплатить исправно Свешникову денги // за все строение на сем заводе по оценке, произведенной перед самою отдачею сея верфи из казенного ведомства в Свешникова руки. Алексей Свешников пользовался строением кораблей на фразеровской верфи три года: в 1780-м, 1781-м и 1782-м годах до окончания аглинской войны с Америкою.

§ 7.

Военные дела, междоусобная брани великобританцев и аглинских американцев произвели в городе Архангельском большие подряды для заготовления кораблей на шет воюющих народов. Известные заморских купцов в городе Архангельском комиссионеры подряджали российских купцов строить множество кораблей на разных местах. Подрядчики и неподрядчики, архангелогородские, устюжские и вологодские купцы, строили корабли в ближних и отдаленных местах от города Архангельского, на берегах Двины, Пинеге, Вычегды и Лузы, рек, соединяющих свои воды с Двиною рекою. Купцы реченных городов не могли употреблять мастеров в строении и прикащиков в надзирании над строением сих кораблей, равно искусных и равно верных людей в исполнении своей должности. Затем не все корабли по постройке оказались за морем крепкими и надежными в мореплавании, выключая суда, построенные искусным и верным корабельным мастером Степаном Негодяевым, ровдогорцем. Худое строение кораблей, построенных по торговым подрядам, оказалось доказательно бывшею в прежнем губернском магистрате тяжбою между купцами Егерсом и Бусиновым. Неисправность в строении единого или двух кораблей, угрожающая смертоносною на море опасностью, могла опровергнуть весь кредит, относимый к вышеименованным верфям нашего города Архангельского. //

л. 378

§ 8.

В 1782-м годе последовавшее окончание американския войны оказалось начатком ныняшняго опустения всех купецких верфей на Двине, старых и новых. После заключенного между Англиею и Соединенными Американскими областями мира заморские кунцы, якобы по некоторому между ими постановле-

нию, перестали вообще выписывать на свой счет новые корабли двинского строения на купецких верфях. Всякому, почитай, известно, что по причине сего перерыва в торговле кораблями наши российские купцы разных городов, торгующие при Архангелогородском порте, обыкновенно сами собою не могут привести в движение внешнюю торговлю кораблями, построенными из российского леса, для продажи иноземцам. Не к тому ни же силы, ни же надежды в нынешних наших купцах*. Коммерческая надежда ободряется прибытками; торговля без корыстей, разорительна. Низпадный кредит в товаре, составляющем корабли, продаваемые и покупаемые из одного государства в другое, воскресить в скором времени не можно. // Того ради все корабельные на Двине заводы — Вавчугской, Быковской, фразеровской, пругавинской в другое упражнение переменились. Премину сию должно почитать для нашего купечества неблагополучною, о чем последующее явит слово. л. 378 об.

§ 9.

Заморские купцы, которые после американской войны перестали покупать двинские корабли, начали по своим в коммерции замыслам производить на нынешних годах обширную торговлю лесом, разгущим в Архангелогородской губернии и в Устюжской области Вологодского наместничества. Сие доказывают отпускаемые в нынешнее время от города Архангельского за море и в превосходном числе против прежних годов махтовые деревья, брусья и доски соснового дерева, с которых платеж пошлин невелик по нынешнему тарифу. В последнем 1792-м годе нагружено было сим товаром более ста иностранных кораблей, по большей части отправившихся в Англию. Приготовленными брусьями и досками в отпуск за море на 1793-й год занимаются окрестности города Архангельского. // Великой вывоз соснового леса, производимый от города Архангельского в чужие земли, преобразил все корабельные верфи на Двине в тесопильные заводы. К сим заводам приплавливают по Двине реке бревна из лесов, растущих на берегах Двины и впадающих в Двину рек Пинеги, Емцы, Вычегды, Лузы, протекающих знатное пространство земли в Архангелогородском и Вологодском наместничествах. л. 379

§ 10.

Большие леса в северных губерниях российских разделяются по государственным уставоположениям на государственные и дворянские. Государственные леса состоят в дачах волостей государственных крестьян, дворянские же леса состоят в помещичьих дачах, ограниченных государственными межевыми планами чрез изданные по межевой инструкции планы. Государственные леса, находящиеся в Архангелогородской губернии и в Устюжской области Вологодского наместничества, исключены из внешней торговли и к заморскому отпуску от города Архангельского по казенным правам не принадлежат, ибо оные присвоены к военному Архангелогородскому адмиралтейству, которое подрядами покупает листовичьи и сосновые бревна на строение кораблей из рук деревенских жителей — поселян государственных волостей. Напротив того, благородные дворяне имеют право продавать из своих дач собственные леса как в заморской отпуск, так и в Адмиралтейство на строение всяких кораблей российских. Сие сказать должно наперед, по необходимости нынешнее употребление лесов во внешней архангелогородской торговле подает причину разсуждать следующее: из дворянских ли или из государственных дач, по запуску // на Двине купецких верфей, вывезены и вывозятся на нынешних годах от города Архангельского в чужестранные земли в превосходном количестве корабельные леса, брусья, доски, мачты. Кажется, решить сей вопрос посредством топографии нетрудно. Кто основательно ведает родящиеся и вырабатываемые из царства растений во внутренности Вологодского наместничества товары, тот не поверит, чтоб из дворянских дач вологодских помещиков не во многие годы высечено было на счет внешней торговли столько дерев, сколько оных под именем дворянских лесов действительно из России от города Архангельского вывезено в чужестранные земли. Так мыслить вологодская топография наставляет. По начертанию оных, в области губернского города Вологды разгущие около вершин Ваги и Сухоны рек, текущих в Двину, густые леса в дворянских дачах, не столь обширные к объятию столь великого капитала, каков обращается в цене продажных лесов Вологодского наместничества. Напротив того, купцы внутренних городов — вологодские, вятские и соливычегодские, торгующие лесом, вывозимым в чужие земли, — могут опровергать предидущее мнение канцелярскими аттестатами капитанов исправников, признающих и объявляющих вывозимые от города Архангельского за море деревья за дворянской товар Вологодского наместничества. По сим аттестатам Архангелогородская портовая таможня отпускает за море леса без всякого сомнения, но в самом деле реченные аттестаты не можно признавать равными доводами против геометрических доказательств, которые, по сочиненным правилам межевой инструкции, представляются на планах, // означивающих каждого вологодского дворянина недвижимое имение. л. 379 об.

Юстиция, может быть, не в продолжительное время покажет себя совершенным судиею в разсуждении сего спора, частью топографического, частью коммерческого, разыскание сие оказалось необходимым по причине фискальских доносов.

* В младенчестве своем наши купцы проходили обучение коммерческой науки под наставлением комиссионеров заморских купцов, архангелогородских жителей. В отрочестве своем наши купцы проходили обучение коммерческой науки под наставлением самих заморских купцов, которые посредством непосредственной корреспонденции и мореплавания принимали от российских купцов для продажи за морем российские товары, а напротив того, заморские товары по письмам и на счет российских купцов отправляли в Россию. Недавно начали вступать наши купцы в третий класс коммерческого возраста или в юношество. Но естественное непостоянство юношеского возраста обуреваются на житейском море завсегда тревожениями страстей; молодцы часто обманываются, пленяемые без предусмотрения скоропреходящими утехами, переменяющимися в долговременные беды. Равного рода нынешния деяния наших купцов, сообразные сему состоянию человеческого возраста, нетрудно доказать самими опытами. Но как юноши начинают уже сообразоваться мужам во внешних своих поступках, так и наши купцы в нынешнее время начинают уже не без успеха разделять дела и корысти внешняя их торговли с комиссионерами заморских купцов, прежними своими наставниками и прочая. Город Архангельский свидетель сих перемен в делах человеческих. Сие примечание городского историка утверждается на словах Петра Великого: "Наш народ яко дети неучения ради" в книге указов Петра Великого.

Такое влияние в коммерцию нашего Севера достойно примечания. История города Архангельского не долженствует скрывать оное в молчании. Перемена купецких верфей Вавчужской, Быковской, Маймаксанской, фразеровской и нынешнее их состояние, описанная выше, достойна сведения наших потомков, будущих архангелогородских граждан.

Архангельск, марта 20-го дня 1793-го года. //

Архив СПб. ФИРИ РАН, ф. 36, Воронцовы, оп. 1, № 1155

ПРИЛОЖЕНИЕ 8

л. 35 Подано августа 31 дня 1748 году.

Всепресветлейшая державнейшая великая государыня императрица Елисавет Петровна, самодержица всероссийская, государыня всемилостивейшая, бьет челом архангелогородец Гостиной сотни Денис Федоров сын Баженин, а о чем, тому следуют пункты:

1.

Отпускаю я, именованный, от города Архангельского в Голландию и другие иностранные государства новопостроенной в нынешнем 748-м году на собственной моей Вавчужской верфи флейт, имянуемый "Святой апостол Петр", который от Архангелогородского губернского магистрата свидетельствован и учрежденного печатью гербом заклеямен. И дано мне на оной флейт ис того магистрата свидетельствованное письмо с российскими товарами, нагруженными с таможенного ведомства, а на оном флейте шхипор и прочие служители, кто имени, тому объявляю при сем челобитье реестр, которые имеютца быть иностранные везжие из моря в нынешнем 1748 году, // а о свободном означенного флейта и на нем служителей мимо Архангельскую Новодвинскую крепость и брант вахту указу в окрестных государствах пасую не имею. И дабы высочайшим вашего императорского величества указом повелено быть о пропуске оного флейта и с обретающимися на нем служители дать в Архангельскую крепость указ, а в иностранные государства пас, и на помянутом данном мне свидетельствованном письме подписать Архангелогородской губернской канцелярии явку и отдать мне, именованному, оное обратно, а что же на помянутом флейте отправляютца все иностранные служители, и то для того, что к тому из российских достойных и в карбельном чрез море ходу надежных ныне сыскать не мог. А незнающих к тому недостойных на том флейте отправить предопасно и невозможно. //

л. 35 об.

л. 36 Всемилоостивейшая государыня, прошу вашего императорского величества о сем моем челобитье решение учинить августа дня 1748 году. Челобитную писал салдатский сын Иван Гаврилов сын Рязанов. К поданию надлежит в Архангелогородскую губернскую канцелярию.

л. 36 об.

Реестр служителем, выезжие в нынешнем 1748 году в июне на российском карабле, имянуемом "Святой Николае", адресованном ко мне, Баженину: карабельщик Рейн Идцес, стюрман Ян Питерсен кеппер; матрозы: Якоб Юрьянсен, Клас Питерсен, супелсине, Клас Класен, Ян Фредриксен, Дирк Питерсен, Дирк Гробе, Якоб Корнелисен, Питер Лауренсен, Питер Питерсен, // Ян Янсен, Карст Питерсен, Ян Гедриксен, Гендрик Дрингерн, Андрис Внихарт, Итс Дудес, Питер Питерсен. Итого 18 человек. К реестру Денис Баженин руку приложил. //

л. 37 По указу ея величества государыни императрицы Елисавет Петровны, самодержицы всероссийской, и проча, и прочая, прочая.

По силе имянных блаженныя и вечностойныя памяти их императорских величеств Петра Первого и Петра Второго прошлых 1724, 1729 годов указов из Архангелогородского губернского магистрата дано сие свидетельствованное письмо Архангелогородцу Гостиной сотни Денису Федорову сыну Баженину по прошению сво на новопостроенной в нынешнем в 748 году в Двинском уезде при собственной ево родовой Вавчужской верфи флейт, имянуемый "Святой апостол Петр", который грузу имеет 180 ластов, длиною чрез штивно 138, глубиною в ынтрюме 14, меж деком 7, шириною 31 фут. Да на оном флейте прорубленных по обем сторонам по верхнему деку по 5 пушечных окон на стороне, о 3 мачтах, длиною первая грот-мачта 77, фокомачта 72, бизань мачта 71 фут галанских, знак на нем ныне имеет быть российской, строен мастером им, Бажениным, ходить будет в Российском и в других иностранных государствах, на нем имеетца ныне карабельщик один, стирман один, работных людей 16 человек, а по годом впредь болше и менше, и тот флейт от Архангелогородского магистрата // свидетельствован и учрежденным клеймом гербом, на котором изображены по краям литеры "К, А, М, П", в исходе 1748 заклеямен и для ведома ему, Баженину, с сим писмом явитца в Архангелогородской губернской канцелярии в Канторе над портом и в портовой таможе, ежели тот флейт кому другому продан будет, то сему писму надлежит быть у того купца при том карабле, того ради во уверение при сем свидетельствованном письме.

л. 37 об.

Ея императорского величества Архангелогородского губернского магистрата печать, август 9 дня 1748 году.

На подлинном письме подписание рук тако:

Бургомистр Василей Мачехин.

Бургомистр Григорей Очапов.

Ратман Андрей Стукачев.

Подканцелярист Андрей Костогоров.

Печатних пошлин и на расходы 25 копеек $\frac{1}{2}$ взято.

ГААО, ф. 1, оп. 1, д. 4160

л. 5 По указу ея величества государыни императрицы Елисавет Петровны, самодержицы всероссийской, и прочая, и прочая, и прочая.

По силе именных блаженныя и вечнодостоинныя памяти их императорских величеств Петра Перваго 1724 сентября 26 и Петра Втораго 1729 года мая 16 числа указов из Архангелогородского губернского магистрата дано сие свидетельствованное письмо архангелогородцу Гостиной сотни Денису Федорову сыну Баженину по прошению ево на новостроенной в нынешнем 1758 году в Двинском уезде при собственной родовой Вавчюжской верфе пинк с шестнадцатью пушечными окнами, именуемая "Денорман", который грузу имеет 270 ластов, длиною чрез штивни 128 фут с половиною, глубиною в ынтрюме 30 футов, меж доком 5 фут, шириною 33 фута 2 дюйма; о трех мачтах, длиною грот мачта 78 фут, фок мачта 74 фута, безань мачта 71 фут аглинских, знак на нем российской, строен мастером оным Денисом Бажениным, а ходить оной будет в Российском и в других иностранных государствах, а на оном пинке имеетца карабелщик один, штурманов два, боцман один, работных людей дватцать четыре человека, а по годом спредь болше или менше. // Тот пинк от Архангелогородского губернского магистрата бургомистром Андреем Стукачевым и архангелогородского купечества старостою и знающими посадскими людьми свидетельствован и учрежденным клеймом — гербом, на котором изображены по краям герба литеры К:А:П:М, которое значат клеймо архангельского порта магистрата, в ысход 1758 год, значит же, заклеямен, а для ведома с сим свидетельствованным письмом явитца в Архангелогородских губернской канцелярии Канторы над портом и в портовой таможи, а ежели тот пинк кому другому продан будет, то сему письму надлежит быть у того купца при том пинке, того ради во уверение при сем свидетельствованном письме ея императорскаго величества Архангелогородского губернского магистрата с приписанием рук печать приложена июля 24 дня 1758 года. У подлинного свидетельствованного письма ея императорскаго величества архангелогородского губернского магистрата на красном сыргуче печать приложена.

У того ж письма подписание рук тако:

Президент Григорей Очаков.

Бургомистр Андрей Стукачев.

Бургомистр Сергей Паханов.

Канцелярист Христофор Полянской.

Начальных пошлин и с расходы 25 копеек с $\frac{1}{2}$ взяты.

С подлинным читал копиист Яков Воронов. //

Таково подлинное письмо Архангелогородской Гостиной сотни Денису Баженину отдано. //

л. 5 об.

л. 6

По указу ея величества государыни императрицы Елисавет Петровны, самодержицы Всероссийской, и прочая, и прочая, и прочая. л. 7

По силе именных блаженныя и вечнодостоинныя памяти их императорских величеств Петра Перваго и Петра Втораго прошлых 1724 и 1729 годов указов сего июля 17 дня по определению Архангелогородского губернского магистрата дано сие свидетельствованное письмо архангелогородцам Гостиной сотни Кирилу и Ивану Никифоровым детям Бажениным и по прошению их на новостроенной флейт сквартер, и именуемый "Деюфру Магдалена", которой грузу имеет 300 ластов, длиною по килю 132 фута, шириною без досок 35 фут 2 дюйма, глубиною в ынтрюме от боков делинга до палубы 30 фут 10 дюймов, между декам 6 фут 4 дюйма. О трех мачтах, первая грот мачта 83 фута, вторая фок мачта 77 фут, третья безань мачта 73 фута галанских, знак на нем российской, строен в нынешнем 1758 году в Двинском уезде при собственной родовой Вавчюжской верфи мастерами ими Кирилом и Иваном Бажениным, на нем работных людей: шхипер один, штурман один, матрозов 20 человек, а по годам впредь болше и менше ходить будет в Российском и в других иностранных государствах, и тот флейт от Архангелогородского губернского магистрата бургомистром Сергеем Пахомовых и Архангелогородского посада старостою и знающими в том строении силу посацкими людьми // свидетельствован и по свидетельству в надлежащем удобном и безопасном месте учрежденным клеймом-гербом, на котором изображены по краям герба литеры К:А:П:М — клеймо архангелогородского порта магистрата — под 1758 заклеямен, а для ведома с сим свидетельствованным письмом явится и в Архангелогородских губернской канцелярии в Канторе над портом и в портовой таможе, а ежели тот флейт кому другому продан будет, то сему письму надлежит быть у того купца при том флейте, того ради во уверение при сем свидетельствованном письме ея императорскаго величества архангелогородского губернского магистрата печать июля 21 дня 1758 года.

При том подписи тако:

Президент Григорий Очаков.

Бургомистр Андрей Стукачев.

Бургомистр Сергей Пахомов.

Подканцелярист Гагарин.

У того свидетельствованного письма Архангелогородского губернского магистрата на красном сыргуче печать. Печатных пошлин и расход 25 коп. $\frac{1}{2}$.

На том свидетельствованном письме на обороте подписано тако: По сему свидетельствованному письму вышеписанной флейт Архангелогородскими купцами Гостиной сотни Кирилом и Иваном Бажениными продан // галанскому купцу Якову Пулю и со всем обретающемся на нем действительном такелажем, за которой и денги исправно получены. Подписано у города Архангельского июля 25 дня 1758 году. При том подписано тако: Кирило, Иван Баженины...

л. 7 об.

л. 8

По указу ея величества государыни императрицы Елисавет Петровны, самодержицы всероссийской, и прочая, и прочая, и прочая. л. 9

По силе именных блаженныя и вседостойныя памяти их императорских величеств Петра Перваго 1724 26 сентября и Петра Втораго 1729 годов мая 16 чисел указов из Архангелогородского губернского магистрата дано сие свидетельствованное письмо Архангелогородской гостиной сотни Кирилу и Ивану Никифоровым Бажениным по прошению их на новопостроенной в нынешнем 1757 году в Двинском уезде при собственной родовой Вавчюжской верфи фрегат, именуемый "Санкт Андрей", которой грузу имеет 100 ластов, длиною чрез штивень 102 фута с половиною, шириною 26 фут, глубиною в ынтрюме 11 фут с половиною, между деком 5 фут 2 дюйма, о трех мачтах, длиною: первая — грот мачта 67 с половиною, вто-

рая — фок мачта 65 с половиною. Безань мачта — 64 фута аглинских. Знак на нем российской, строен мастерами, показанными Кирилом и Иваном Бажениным, а ходить будет оной фрегат в Российском и в других и иностранных государствах, а на оном фрегате ныне иметца шхипор один, штурман один, матрозов двенадцать человек, а по годам впредь болше и менше. И тот фрегат от Архангелогородского губернского магистрата бургомистром Сергеем Пахомовым со старостой и посацкими людьми свидетелствован и учрежденным клеймом // гербом, на котором изображены по краям герба литеры К:А:П:М, которые значат клеймо Архангелогородского порта магистрата, в ысходе год 1757 заклеямен, а для ведома им, Баженинам, в сим свидетелствованном писмом явитца в Архангелогородских губернской канцелярии в Канторе над портом и в портовой таможене. А ежели тот фрегат кому другому продан будет, то сему надлежит быть у того купца при том фрегате, того ради при сем свидетелствованном писме ея императорскаго величества Архангелогородского губернского магистрата с подписанием присутствующих печать приложена июля 8 дня 1757 году. У подлинного свидетелствованного писма ея императорскаго величества Архангелогородского губернского магистрата на красном сыргуче печать.

У того же писма подписание рук тако:

Президент Григорей Очаков.

Бургомистр Андрей Стукачев.

Подканцелярист Егор Кочнев.

Печатных пошлин о расходы 25 копеек с половиною взяты.

С подлинным читал канцелярист Андрей Рязанов. //

л. 9 об.

л. 10 По указу ея величества государыни императрицы Елисавет Петровны, самодержицы всероссийской, и прочая, и прочая, и прочая.

По силе именных блаженныя и вечнодостоинныя памяти их императорских величеств Петра Перваго и Петра Втораго прошлых 1724 и 1729 годов указов сего июля 7 дня 1757 году по определению Архангелогородского губернского магистрата дано сие свидетелствованное писмо Архангелогородского посаду Гостиной сотни Денису Федорову сыну Баженину по прошению ево на новопостроенный карабль, имянуемый "Мезень", который грузу имеет 240 ластов, длиною чрез штивни 40, глубиною в ынтрюме 14, меж деками в среднем 7, в третьем половинном деке 5, шириною 34 фута; о трех мачтах, длиною первая грот 80, фок 76, безань мачта 75 футов галанских. Знак на нем имеет быть российской, строен в нынешнем 1757-м году в Двинском уезде при собственной ево родовой Вавчюжской верфи мастером им, Денисом Бажениным, ходить будет в Российском и иностранных государствах, а на оном карабле иметца ныне: карабельщик один, стирман один, подстирман один, матрозов четырнатцать человек, и того семнатцать человек, а по годом болше и менше. И тот карабль от Архангелогородского губернского магистрата бургомистром Сергеем Пахомовым и Архангелогородского посада старостою и знающий в том строении силу посацкими людьми свидетелствован и учрежденным клеймом гербом, на котором // изображены по краям литеры: К:А:П:М, клеймо Архангелогородского порта магистрата, в ысходе 1757 заклеямен, а для ведома означенном Баженину с сим свидетелствованым писмом явитца в Архангелогородской губернской канцелярии в Канторе над портом и в портовой таможене. А ежели тот карабль кому другому продан будет, то сему писму надлежит быть у того купца при том карабле, того ради во уверение при сем свидетелствованном писме ея императорскаго величества Архангелогородского губернского магистрата печать июля 11 дня 1757 года. У подлинного свидетелствованного писма ея императорскаго величества Архангелогородского губернского магистрата на красном сыргуче печать приложена.

л. 10 об.

У того ж писма подписание тако:

Президент Григорей Очаков.

Бургомистр Андрей Стукачев.

Ратман Федор Прутавин.

Подканцелярист Егор Кочнев.

Печатных пошлин и с расходы 25 копеек с 1/2 взяты. С подлинным читал. //

л. 11 По указу ея величества государыни императрицы Елисавет Петровны, самодержицы всероссийской, и прочая, и прочая, и прочая.

По силе именных блаженная и вечнодостоинныя памяти их императорских величеств Петра Перваго и Петра Втораго прошлых 1724 и 1729 годов указов сего июля 7 дня 1757 году по определению Архангелогородского губернского магистрата дано сие свидетелствованное писмо архангелогородцам Гостиной сотни Кирилу и Ивану Никифоровым детям Бажениным по прошению их на новопостроенной, флейт имянуемый "Онега", которой грузу имеет 250 ластов, длиною чрез штивни 140, шириною 34, глубиною в ынтрюме 14, меж деком 7 фут; о трех мачтах, первая грот 80, вторая фок 71, третья бизань мачты 74 фута голанских. Знак на нем российской, строен в нынешнем 1757 году в Двинском уезде при собственной родовой их Вавчюжской верфи мастерами ими, Кирилом и Иваном Бажениными, на нем работных людей: шхипор один, штурман один, матрозов пятнатцать человек, а по годом пред болше и менше, а ходить будет в Российском и в других иностранных государствах. И тот флейт от Архангелогородского губернского магистрата боргомистром Сергеем Пахомовым и архангелогородского посада старостою и знающими в том строении силу посадскими людьми свидетелствован и учрежденным клеймом гербом, на котором изображены по краям герба литеры: К:А:П:М, клеймо архангелогородского порта магистрата, // в исходе 1757 заклеямен, а для ведома означенным Бажениным с сим свидетелствованым писмом явитца в Архангелогородской губернской канцелярии в Канторе над портом и в портовой таможене, а ежели тот флейт кому другому продан будет, то сему писму надлежит быть у того купца при том флейте, того ради во уверение при сем свидетелствованном писме ея императорскаго величества Архангелогородского губернского магистрата печать июля 11 дня 1757 году. У подлинного свидетелствованного писма ея императорскаго величества Архангелогородского губернского магистрата на красном сыргуче печать прикреплена.

л. 11 об.

У того ж писма подписание рук тако:

Президент Горигорей Очаков.

Бургомистр Андрей Стукачев.
 Ратман Федор Пругавин.
 Подканцелярист Иван Гагарин.
 Печатных пошлин и о расходы 25 копеек с 1/2 взяты.
 Секретарь Василей Иванов. //

По указу ея величества государыни императрицы Елисавет Петровны, самодержицы всероссийской, и прочая, и прочая, и прочая. л. 12

По силе именных блаженныя и вечнодостойныя памяти их императорских величеств Петра Перваго 1724 сентября 26, Петра Втораго 1729 годов мая 16 дней указа из Архангелогородского губернского магистрата дано сие свидетельствованное письмо архангелогородцу Гостиной сотни Денису Федорову сыну Баженину на новопостроенной в нынешнем 1757-м году в Двинском уезде при собственной родовой Вавчужской верфи фрегат, имянуемый "Св. апостол Петр", которой грузу имеет 120 ластов, длиною чрез штивень 110 фут, шириною 27 фут, глубиною в ынтрюме 11 фут с половиною, меж деком 5 фут о трех маштах, длиною первая грот мачта 71 фут, вторая фок мачта 66 футов, третья бизань мачта 64 фута аглинских, знак на нем российской, строен мастером им, Денисом Бажениным, а ходить будет оной фрегат в Российском и в других иностранных государствах. А на оном фрегате ныне имеетца: шхипор один, штурман один и матрозов всего шестнатцать человек, а по годом болше и менше. И тот фрегат от Архангелогородского губернского магистрата бургомистром Сергеем Пахомовым со старостой // и посацкими людьми свидетельствован и учрежденном клеймом гербом, на котором изображением по краям герба литеры К:А:П:М, которые значат клеймо Архангелогородского порта магистрата, в ысходе год 1757 заклеямен, а для ведома ему, Баженину, с сим свидетельствованным писмом явитца в Архангелогородских губернской канцелярии в Канторе над портом и в портовой таможене, а ежели тот фрегат кому другому продан будет, то сему писму надлежит быть у того купца при том фрегате. Того ради при сем свидетельствованном писме ея императорскаго величества Архангелогородского губернского магистрата с подписанием присутствующих печать приложена июля 8 дня 1757 году. л. 12 об.

При подлинном приписании руку тако:

Президент Григорей Очаков.
 Бургомистр Андрей Стукачев.
 Ратман Федор Пругавин.
 Подканцелярист Егор Кочнев.

На том свидетельствованном писму на обороте подписано тако.

По сему свидетельствованному писму вышеобъявленной фрегат показанным Денисом Бажениным продан высокопревосходителного господина генерал фельдцеймейстера, сенатора, государственного межешника, ея императорскаго величества генерала адъютанта, действительного камергера, лейб-компаницаго поруччика, обоих российских орденов, Белого орла и Святыя Анны, // кавалера сиятельного графа Петра Ивановича Шувалова в Архангелогородскую промысловую кантору со всем находящимся на нем такелажем, за которой денги из оной канторы от директора Данила Киня получены сполна. Подписано у города Архангелского июня 9 дня 1757 года. л. 13

При том подписание рук тако:

Денис Баженин.
 Директор Данила Кинь.
 С подлинным читал канцелярист Андрей Рязанов. //
 ГААО, ф. 1, оп. 1, д. 5126

В Архангельское губернское правление от исправляющего в сем правлении архивариускую должность канцеляриста Леонтьевского л. 3

Рапорт.

В исполнение его императорскаго величества указа Архангельскаго губернскаго правления от 27-го числа сего февраля под № 2616-м, повелевающаго выправить в делах бывшей Архангелогородской губернской канцелярии, какого именно роду посылаемы были ... для китоловной ловли казенныя суда, в какое место, сколько на них находилось служителей и какой успех оне имели. По выправке в архивы з делами бывшей губернской канцелярии оказалось в присланной из Грунланской китоловной канторы во оную губернскую канцелярию 1728-го года в четной выписки значитце по именованному блаженныя и высокочлавыя памяти императорскаго Сената указу, в 1724-ом году построены у города Архангельска китоловные корабли мастером архангелогородцом Никифором Бажениным: 1-й корабль "Валфиш", 2-й — "Гроторофирей", 2 бота, // 6 шлюпок, 3-й — "Ерценкгиль Михаил" и 6 шлюпок, оной куплен в Ганбурге, которым какой были по инструкцию поделан, незначитце, и отправляемая оные на Грунланской китоловной канторы в Грунландию на китоловные и зверинныя промыслы на оных караблях находилось разных чинов служителей всех 179 человек. 1726 году продано было казеннаго разного промыслу по контракту галанцу Ивану Гермергензену сала 5199 бочек и 3 пуда 15 фунтов по 3 р. 75 коп. бочка на 19 498 рублей 5 копеек; зубов моржовых 689 весом 28 пуд 9 фунтов на 257 рублей 38 3/4 копейки; моржины 11 зверей на 219 рублей 10 копеек; китовых костей 8 штук весом 9-ть пуд 30 фунтов по 40 пуд на 3 рубли 90 копеек; трески сухой 7182 пуд 18 фунтов по 33 пуд на 2370 рублей 28 копеек, и того в продаже всего на 22 348 рублей 71 3/4 копейки. И в 1727 году продано сала ворваннаго купцу Ернету Говерсу 5844 бочки по 3 руб. 75 копеек бочка на 81 918 рублей; врознь 96 пуд 37 фунтов на 59 рублей 25 1/4 копеек, харавин ворванных 333, резней 17, серунов 158, голуш 2334, нерп 386 разными ценами на 186 рублей 63 копеек, моржовых зубов 939 весом 21 пуд 34 фунта на 103 рубли 64 копейки, моржин 335 зверей в лафтаках на 723 рубли 50 копеек, // поспок моржовых 207 на 39 рублей 33 коп., трески сухой 18 285 пуд 2 фунта на 6240 рублей 45 1/4 копеек, китовых костей 3 штуки весом 15 пуд 10 фунтов по 20-ти копеек пуд на 3 рубли 5 копеек, и того в том году продано всего на 29 270 рублей 85 1/2 копеек, а что касаетца достроения оных кораблей и отправления для китоловнаго промыслу, сколько употребляемо было на находящихся на оных разных служителей провизии, насколько л. 3 об. л. 4 об.

ко именно и какой в промысле успех происходил особенно других годов таковых дел в архивы в описях незначитце о чем губернскому правлению имею честь донести сим рапортом. Канцелярист Илья Леонтьевской.

Март 2-го дня 1799 года. //

ГАО, ф. 4, оп. 3, д. 310

л. 88 Получено 5 декабря 1782 года по почте.

Сиятельнейший граф, высокомилолюбивой государь мой!

Письмо вашего сиятельства, отправленное от 7-го сего месяца, а я со всепокорнейшим моим почитанием имел щастие удостоится получить 19-го числа, на которое для исполнения вашего сиятельства повелений со всепокорностию моею имею честь донести: строящиеся здесь первыя два карабля и два фрегата точно в свое время будут готовы. А чтоб все было сделано самую прочною работою, об оном я прилагаю крайнее старание, и ныне до кого оно принадлежит по должности, тем по силе вашего повеления накрепчайше подтверждено.

л. 88 об.

На верфи покойной тещи мастера Портнова, а ныне шурина ево, Крылова, строится три судна, над которыми сверх находящагося // при том строении аглинскаго тимермана имеет надсматривание оной господин Портнов. Мастеров же иностранных, которыхы бы знание имели в строении караблей, здесь ни на которой верфи не имеется, и есть на двух верфях аглинских тимерманов толко два человека. По болшей же части производят строение судов российские мужики, которые из давних времен употребляли себя прежде при строениях казенных караблей, чрез что по данным им чертежам строят суда порядочно. А сколько поблизости здешняго города строится судов на партикулярных верфях и кому оныя принадлежат, при сем вашему сиятельству со всепокорностию моею представляю регестр. //

л. 89

Регестр,

коликое число имеется поблизости Архангелскаго города партикулярных верфей и сколько на оных ныне судов строится.

Купца Ивана Баженина.

Верфь имеется на Двине реке, в расстоянии от города 80-т верст, на которой строится шесть судов длиною 130-ти, 125, 120, 110, 105 и 100-та фут. Мастер Архангелскаго области крестьянин. Все оныя суда строятся аглинских купцов здесь находящихся Едмут Егерс с компаниею.

Купца Алексея Свешникова.

Верфь, которая прежде была Гомовская, имеется на Двине реке, в расстоянии от города 5 верст, на которой строится три судна. Мастер тимерман аглинской Вели. Все оныя суда строятся от канторы аглинских купцов здесь находящихся Артур Кеили с компаниею.

Купца Семена Крылова.

Верфь имеется на Двине реке, от города в расстоянии 5-ть верст, на которой строится три судна. Мастер аглинской тимерман Терпхитон, а над оным надсматривает мастер Портнов.

Купца Алексея Голубина.

л. 89 об.

Верфь имеется на реке Маймаксе, от города в расстоянии 5-ть верст, на которой строится три судна длиною 120, 100 и 95-ть фут. Мастер крестьянин. // Все оныя суда строятся от находящагося здесь немецкаго купца Фанбрина.

У него ж, Голубина.

Верфь имеется на реке Кехте, от города в расстоянии 25 верст, на которой ныне будут закладывать и строить два судна.

Крестьянина Дубленнаго.

Верфь имеется на реке Заостровке, от города расстоянием 5 верст, на которой строятся два судна длиною 100 и 95 фут. Мастер крестьянин.

Верфь на реке Пинеге, от города расстоянием 280 верст, на которой строится три судна — длиною два по 100-ту, а третьей 95-ти фут. Мастер крестьянин. Оное строение от устюжскаго купца Наледина.

Ноября 25 1782. //

л. 90

Приношу вашему сиятельству всенижайшее благодарение, что соизволи благоволить команды отправить сюда в порт ранее прежних лет, которыми я буду стараться сколько возможно требующиеся для Адмиралтейства поправления делать, да осмеливаюся же со всепокорностию моею донести о рекрутах. Здешней господин обер комендант писменно уведомлял меня, что он повеление имеет принимать здесь рекрут и отдавать в Адмиралтейство, и требовал, чтоб для оных рекрут прислан был приемщик. Но я хотя и имею от Государственной Адмиралтейств коллегии о приеме оных рекрут повеления, точною как // ваше сиятельство соизволили мне предписать, что определено в здешней порт послать рекрут 750 человек, почему и осмеливаюся набираемых здесь рекрут от господина обер коменданта принимать с несумненным упованием, что архангелогородския рекруты будут определены для здешняго Адмиралтейства.

И препоручая себя в высокомилолюбивое вашего сиятельства покровительство пребываю со всеглубочайшим и искренним моим высокопочитанием и преданностию.

Вашего сиятельства высокомилолюбиваго государя всенижайший слуга Алексей Мусин-Пушкин в 25 день ноября 1782 года.

Г. Архангелск. //

РГА ВМФ, ф. 172, оп. 1, д. 46, 1782 г.

л. 1

Архангельское губернское правление, 1 экспедиция, 1 стол.

Сведения о корабельных верфях, их местонахождении и корабельных дел мастерах по Архангельской губернии, составленные по запросу Государственной Комерцколлегии.

Начато 6 марта 1806 года.

Окончено 26 июня 1807 г.

Из Государственной Комерц Коллегии.

В Архангельское губернское правление.

Комерц Коллегия, слушав рапорт члена ея г-на действительнаго статскаго советника и кавалера Масальскаго, коим в следствие резолюции сей Коллегии, состоявшейся 16 ноября 1807 года, доносит, что представленной от Архангельских купцов Поповых чертеж для построения по оному одного мореходнаго

судна, им, г-м Масальским, рассматриван и найден в конструкции подводной и надводной части не безудобным, по которому произвести построение одного судна позволить не препятствует, но с тем, чтоб при постройке вся была сохранена точность чертежа с достаточным для мореплавания укреплением, каковые и могут быть внутренняя практически расположения и укрепления, того на оном чертеже не означено, о каковом расположении весьма не безнужно иметь рассмотрение и суждение, в должных ли местах оно учинено и достаточна ли для предполагаемого к построению судна составится крепость, а к мореплаванию надежность и удобность; по постройке и по сему апробованному чертежу должно расположить на оном всю учиненную в построении практику и с назначением укрепления доставить оной в Коллегию; а как сочинитель чертежа купецких судов мастер Лобанов, поднимаемого тем судном груза на чертеже показал 571 86/94 тонов, что и по вычислению его, г-на Масальского, без вооружения, экипажа и провизии будет сходственно; естли же из онаго количества тонов исключить на вооружение, экипаж и провизию $\frac{1}{6}$ часть, то составится настоящий груз 476 86/94 тонов, противу какового настоящего груза в лобановом положении показано излишних 95 тонов, то о таком излишнем в грузе показании, представляет сей Коллегии, не благоугодно ли будет чрез Архангельскую таможду от онаго Лобанова истребовать объяснение, для каких обстоятельств без исключения на вооружение, экипаж и провизию показано им полное число тонов, а сверх того, по мнению его, г-на Масальского, не без нужно бы было Коллегии иметь сведение, по каковому праву оной Лобанов называет себя купеческих судов мастером; естли же он на сие звание утверждён правительством, то должен иметь данной от Присутственного места акт, с которагоб чрез оную таможду и доставил в Коллегию засвидетельствованную в должном порядке копию, ибо в постановлении сей Коллегии 1800 года 13 сентября по третьей экспедиции предписано, что сей экспедиции подчиняются купеческие верьфи и на ея попечении будет устроить их на лучшем основании, а потому он, г-н Масальский, и полагает, что находящиеся при верьфях мастера или строители должны быть Коллегии сведомы; а как построенные в России коммерческие мореходные суда, по мнению Коммерц Коллегии, состоявшемуся 1800 года ноября 1-го пользуются за вояжи премиею, то и за сии излишне положенныя Лобановым 95 тонов купцы Поповы уповательно воспользовались бы получением не следуемой им казенной суммы, по каковому, открывающемуся излишеству груза, представляет сей Коллегии, не благоугодно ли будет войти в рассмотрение и о строяемых по Черноморскому правлению судах, чтоб хозяева оных при прозьбах своих о выдаче премии за учиненные начально при постройке вояжи пред//ставляли в Коллегию те самые апробованные правительством чертежи, по которым будет каждое мореходное судно построено, ибо сии чертежи к рассмотрению и сверению показуемого в аттестатах и крепостях груза иметь на виду не безнужно, и сверх того Коллегия будет не безызвестны, какового рода и конструкции находятся в том краю и построении коммерческая суда; естли же от оных просителей чертежей представлено не будет, то таковым и выдачи просимой премии не производить, а по справке в Коллегии оказалось, что по прошению Архангельского купца Алексея Попова сыновей с представлением на рассмотрение сей Коллегии чертежи на постройку им одного мореходного судна резолюцією Коллегии 16 Ноября истекшаго 1805 года заключено было: представленный чертеж препоручить рассмотрению члену сей Коллегии г-ну действительному статскому советнику и кавалеру Даниле Афонасьевичу Масальскому с тем, чтобы он по рассмотрении представил оной чертеж в Коллегию при рапорте с своим мнением. Определила: представленный от члена сей Коллегии г-на действительного статского советника и кавалера Данила Афонасьевича Масальского чертеж на построение по оному архангельским купцам Поповым одного коммерческого судна, длиною по килю 105, шириною 31, глубиною в интрюме 14, между деками 7 фут аглинской меры возратить поверенному их, Поповых, учиня на оном надпись, что сею Коллегиею рассматриван и апробован, и чтобы им, Поповым, по построения по оному чертежу показаннаго судна предъявить обще с судном к свидетельству, где следует, и потом по расположении на оном чертеже практического укрепления доставить в сию Коллегию; что самое и утвердил бы подписание мастер, строивший то судно; в каковой надписи изъяснить и поднимаемую тем судном тяжесть вместо 571 86/94 тонов за исключением $\frac{1}{6}$ части, на вооружение, экипаж и провизию по изчислению его, г-на Масальского, всего 476 86/94 тонов; а как из онаго ж рапорта г-на Масальского усматривается, что на сделанном купецких судов мастером Лобановым чертеже, в разсуждении поднимаемого груза предполагаемым к строению купцами Поповыми судном, вышло разницы 95 тонов, за кои бы по построении того судна и по учинении им рейсов следовало бы платить излишняя премии, то Коллегия, согласно его, г-на Масальского, представлению, считает за нужное сообщить в Государственную Адмиралтейств Коллегию, дабы она объявила всем строителям коммерческих судов, которая в тамошнем краю находятся и которым будет причитаться за делаемя их судами рейсы премия, чтобы они при требовании оной доставляли в сию Коллегию при прочих документах и те самая чертежи, по которым произведено построение их судов, дабы Коллегия в случае каких либо подобных сему несходствий в тяжести могла делать с крепостями и аттестатами сличение и тем сохранить излишне-подлежащую к выдаче сумму, без чего те судостроители и не могут пользоваться оною; архангельской же таможде предписать указом, чтобы она от помянутого купецких судов мастера Лобанова истребовала объяснение, по чему им на вышеписанном чертеже показана вмещаема судом тяжесть 571 86/94 тонов без исключения из оных $\frac{1}{6}$ части на вооружение, экипаж и провизию; каковое объяснение, равно и засвидетельствованную копию с того акта, который он имеет на сие звание, // представила бы в сию Коллегию; поелику же строение коммерческих судов, кроме Архангельска, производится в губерниях Санктпетербургской, Эстляндской, Финляндской, Лифляндской, Новгородской, Олонейской и Вологодской, то Коллегия полагает сообщить и в тамошния Губернская правления, дабы она благоволила сию Коллегию уведомить, в каких имяно местах и какия находятся верьфи, кому она принадлежат, какия при них состоят мастера и какими те мастера снабжены от начальства аттестатами или другими письменными видами на постройку коммерческих судов, с коих бы и доставили для сведения в Коллегию засвидетельствованная копии. Февраля 26 дня 1806 года.

Давыд Вороновский.
Секретарь Фролов.
Повыгчик Аничков.
26 марта 1806 года.

л. 1 об.

л. 2

Справка

По имеющимся в Губернском правлении делам оказалось, что по собранным в 1799-м году во исполнение высочайшего именного указа, изображенного в указе ж правительствующего Сената от 22 марта 1799 года, сведениям значится:

1-я на выгонной земле города Архангельска на берегу реки Двины на ровном и крепком местоположении о трех доках или эленгах, построена в 1732 году архангельским купцом Никитою Крыловым по указу, в 1734 году данному из Государственной коммерц-коллегии. А ныне она принадлежит правнучке основателя ее дочери умершего купца Семена Крылова;

л. 2 об. 2-я в предместии Архангельска, называемая Фразарскою, с тремя эленгами стоит при конце городского выгона на берегу // той же Двины реки несколько на возвышенном месте от города на 7-ой версте, а когда и кем именно заведена, о том достоверного сведения не имеется, кроме того, что она в 1788 году с прочими имеющимися при ней строениями от бывшего архангельского купца Алексея Свешникова поступила и ныне состоит в ведомстве Приказа общественного призрения, особенных привилегий никаких она не имеет;

3-я в Архангельской округе разстоянием от города в 7-ми верстах при речке, впадающей в Двину, Маймаксе на тундристом месте, о трех доках, заведена в 1766 году архангельским купцом Прокопием Пругавиным, ныне ж принадлежит архангельскому купцу Вернауту Еранбрину, особой привилегии никакой не имеет;

л. 3 4-я в Холмогорской округе разстоянием от города Холмогор в 1...-ти верстах // при реке Двине на гористом месте, принадлежит архангельским купцам Бажениным, построена в 1700-м году предками их, Бажениных, которым за рачетельность и тщание к корабельному строению пожалована в том году блаженная и вечно достойная памяти государем императором Петром Великим грамота.

Секретарь Варзунин.

Марта ... дня 1806-го. //

л. 3 об. Марта 13-го дня. По справке приказали: с приписанием справки реченную Коллегию известить, а поелику по замечаниям известно правлению, что занимаются здесь постройкою купеческих кораблей только двое помянутых в сообщении Коллегии — Лобанов и Холмогорской округи крестьянин Негодяев и сего сын, особых же мастеров при оных верфях нет, то о спросе из сих последнего не имеет ли от начальства по сей части аттестатов или прочих писменных видов на постройку судов и, буде имеет, о доставлении с оных копий предписать Холмогорскому нижнему (суду), а на случай, так как он занимается при постройке судов в здешней округе, о выполнении сего известить земским судом. (...)

л. 5 Архангельскому губернскому Правлению Холмогорскаго нижняго земскаго суда
Рапорт в получении указа.

Его императорскаго величества указ из онаго губернскаго правления 16 сентября под № 2142, каким с сообщения Государственной Коммерц Коллегии предписывает спросить крестьянина здешней округи Равдогорской волости Степана Негодяева, не имеет ли он или сын его данных от начальства аттестатов или других писменных видов на постройку при верфях коммерческих судов, а буде имеет, доставить с засвидетельством точныя копии. В сем суде 19 числа сего месяца получен и по оному его императорскаго величества указу в сем суде определено, как сему суду известно, что крестьянин Негодяев // находится при строении кораблей Архангельской округи велеть так называемом Маймаксе об отобрании означеннаго от него сведения сообщить его писанием сего указа тамошнему земскому суду с требованием уведомления, и что по тому откроется тогда со исполнением, а ныне о получении Губернскому правлению отрапортовать.

л. 5 об. Дворянский заседатель Иван Михайлов.

Секретарь Дмитриев.

Марта 21 дня 1806 года. //

л. 8 Подано 4 мая 1806 года.

Архангельскому нижнему земскому суду Холмогорской округи Ровдогорской волости ретьянина Степана Негодяева

Объяснение.

Во исполнение указа Архангельскаго губернскаго правления по учиненному от меня требованию онаго суда сим объясняюсь: строение коммерческих судов у разных купцов, торгующих при Архангельском порте на имеющихся в Архангельске и уезда онаго при реке Маймаксе верфях, произвожу я из давних лет; на имя карабельнаго мастера аттестатов от начальства я не получал; а от всех тех купцов, коим строил я коммерческие суда и кои находящимися при Архангельском адмиралтействе в государственной службе мастерами в правильной постройке и прочности свидетельствованы, снабжен я аттестатами, которые при прошении моем в прошлом 1802-м году и представлены в Государственную Коммерц Коллегию, которая в том же году в присланном в Архангельское губернское правление отношении изъяснила, что оная коллегия утвердить // меня корабельным мастером на прописанном в прошении моем положении не может, о чем и просил бы я, где следует, что касается до позволения мне строить новыя и починивать старые суда, то как уже мне по первому прошению в 1801-м году господином архангельским гражданским губернатором к господину президенту Коммерц Коллегии препровожденному позволение от оной коллегии уже дано. Буде купцам или кому надобность во мне настоять будет, иметь мне смотрение за оными по условленной с хозяевами плате, о чем сверх отношения к гражданскому губернатору от 29-го апреля 1801 года сообщено в Губернское правление в 1802-м году, чтобы оные о допущении меня к безпрепятственному производству строения благоволила кому следует предписать, о чем мне чрез земской суд и объявлено, по каковому Государственной Коммерц Коллегии дозволения и произвожу я с сыном у купцов строение коммерческих судов, мая ... дня 1806 года.

К сему объяснению Холмогорской округи Ровдогорской волости крестьянин Стефан Матвеев сын Негодяев Кочнев. //

л. 9 об. Справка: Приказали: как из объяснения реченнаго Негодяева видно, что аттестаты, какие у него имелись на искусство в строении кораблей, представлены онаыя были в прошлом 1802-м году при прошении в

Государственную Коммерц Коллегию, то сие его объяснение, оставя к делу копию, отослать на рассмотрение во оную Коллегию при сообщении.

Исполнено 11-го мая. //

Копия.

л. 10

Холмогорскому нижнему земскому суду жительствующего при Вавчуской верфи архангельского купца Стефана Баженина

Объяснение.

Во исполнение его императорского величества указа, присланного из Архангельского губернского правления во оный земской суд от 11-го числа минувшего мая под № 4010-м, а мне объявленнаго того ж суда чрез дворянского заседателя Михайлова, сим честь имею объяснить, что на верфь, состоящую при Вавчуском селении во владении Бажениных, никакого плана не имеется, каковой я ныне со своей стороны и согласен учинить представить, но как она верфь состоит во владении ни за одним мною, а мне толко из оной принадлежит четвертая часть, // протчие три архангельскому купцу Ивану Кирилову сыну Баженину и племянницы нашей Катерине Андреевой дочери Бажениной же, жительствующим ныне в Архангельске, то и прошу правительства, дабы благоволено было означеннаго моего брата и племянницу к сочинению требуемаго на верфь плана понудить их, со своей стороны, как и выше явствует, объявляю себя готовым.

л. 10 об.

Подлинной подписал тако: Стефан Баженин.

Июля 19-го дня 1806-го года. //

1806 года июля 31-го дня записано.

л. 11

Приказали: с приложением означеннаго объяснения, состава с онаго к делу копию, предписать здешней городской полиции, чтобы она к составлению на состоящую при Вавчуском селении верфь потребнаго плана с экспликациею неослабно реченных Бажениных понудила и потом доставила оные в сие правление немедленно.

Исполнено 2-го августа. //

В Архангельский первочастной суд Архангельского купца ... купеческой дочери Катерины Бажениной

л. 12

Объяснение.

По понуждению онаго к скорейшему сочинению в Вавчускую верфь плана и экспликации имею честь объяснить, что означенной план на помянутую верфь и с потребной экспликацией нарочно отряженным от Архангельского губернского правления уездным землемером господином Вырупаевым прошлаго 1805-го года надлежащим образом сочинен и представлен в уездную казенную палату.

Иван Баженин.

Катерина Баженина.

Августа 8-го дня 1806-го года. //

7 сентября 1806-го года.

л. 14

В Архангельское губернское правление из Архангельской казенной палаты.

Казенная палата слушав со оз... правления о доставлении во оное составленнаго уездным землемером Ворыпаевым (плана на) стоящую в Вавчуском селении (верфь) и учиненную на оное в Хозяйственной экспедиции справку, по коей оказалось: при рапорте уезднаго землемера Ворыпаева 20-го числа марта сего года представлено в сию палату геометрической специальной план с экспликациею дачам, сколько во владении за купцами Бажениными состоит земель и с оброчными казенными статьями, и какое количество земли у крестьян в Вавчуском селении, на котором по состоянию на владеемой Бажениными земле корабельной верфи и мельниц показаны и оные, но весьма в уменьшительном виде, с изъяснением количества состоящей под ними земли, каково план по производству дела о просимых теми Бажениными землях нужно иметь сей палате.

Определили: с прописанием означенной справки Архангельскому // губернскому правлению дать знать сообщением, при котором препроводить и вышеупомянутый имеющийся в сей палате о землях, за Бажениными и вавчускими крестьянами состоящих, план с тем, как по производству о тех землях дела палата имеет в оном плане надобность, то и соблаговолило б губернское правление о снятии с него копии, подлинной доставить обратно в сию палату, о чем оному правлению с препровождением плана сим и сообщает.

л. 14 об.

Советник Позняков.

Столоначальник ...

Сентября 6 дня 1806 года. //

1806 сентября 10 дня записа(но).

л. 15

Приказали: отослать оный план к губернскому землемеру Ордину при указе, чтобы он снял из онаго только ту часть, на которой корабельная верфь и мельницы в приличном размере и с экспликациею на оном плане, доставив в сие правление, возвратив вместе и сей план.

11-го сентября.

Исполнено 12-го сентября. //

Получен 5 октября 1806 г. К докладу со справкой. В Архангельское губернское правление губернского землемера Ордина

л. 16

Рапорт.

В следствие указа его императорского величества из онаго Правления от 13-го сентября сего года под № 8166-м учиненной мной специальной план безспорной Вавчугской дачи, на которой состоит корабельная верфь и мельницы купцов Бажениных, что при сем в Архангельское губернское правление честь имею представить с возвращением плана оной же Вавчугской дачи с крестьянскими землями и с казенными оброчными статьями, на сем последнем состоящими.

Губернский землемер Ордин.

По докладному № 716.

Октября 5-го дня 1806 года. //

л. 18 22 октября 1806 года.

В Архангельское губернское правление из Архангельской городской полиции рапорт о получении указа со справкою.

Его императорского величества указ из онаго Губернского правления сего октября от 16-го под № 9071-м о доставлении в оное в следствие предписаний на Крыловску корабельную верфь плана в скорейшем времени 17-м числом полициею получен.

И по тому его императорского величества указу, по справке в полиции, оказалось, что по сему предмету, в следствие Губернского правления предписаний, вторая часть на предписание полиции минувших мая 26-го и июля 17-го числ рапортом того же июля 30-го донесла, что от попечителя Крыловскаго имения господина коллегскаго советника Пономарева и был требован на оную верфь план, но он объявил, что с верфи купца Крылова плана с экспликацией не имеет, а имеет на оной узаконенную // крепость, по чему оной части того же июля 30-го и сентября 13-го числ предписано было, как вышеозначенный господин коллегской советник Пономарев имеет на Крыловскую верфь крепость, да и все имение из опеки его еще не вышло, а состоит под его ведением, то немедленно онаго Пономарева к сочинению на оную верфь требуемого плана с экспликацией понудить и получа, представить оной в полицию в самоскорейшем времени. Предписанием от 13-го числа сентября требовалось, почему ею по сие время прежнее предписание не исполнено объясниться рапортом, но от оной части и поныне ни плана, ни рапорта полиция в получении не имеет. И для того определено: второй части предписать (и предписано) немедленно по прежде посланным предписаниям господина коллегскаго советника Пономарева к сочинению на верфь Крыловскую плана с экспликацией деятельнейшим образом понудить и, получив, представить в полицию в скорейшем времени, а почему по прежним предписаниям повеленное по сие время не исполнено, рапортом // донести ныне же, и тогда губернскому правлению план с экспликацией, когда получится, представить при рапорте, а ныне с прописанием вышеписанного о получении сего указа отрапортовать, и рапортуется сим.

Полицмейстер Реутовской.

Октября 19 дня 1806 года.

Губернский секретарь Павловский. //

л. 20 Приказали: из оных планов первый отослать в здешнюю казенную палату при сообщении, а последний хранить в правлении впредь до получения такового же от городской полиции на Крыловскую и Маймаксую верфи, ожидаемых в скорейшем ко их сюды доставлении с след писанных от сего правления предписаний, паки оной полиции учинить под то суждение.

л. 26 Справка.

От 13-го марта прошлаго 1806-го года Государственная Коммерц-коллегия присланным в сие правление отношением требовала доставить к ей с экспликациями всем состоящим в здешней губернии купеческим верфям, вследствие чего правление истребовало таковые планы имеющимся здесь верфям, и имянно: 1-й, Фразерской, от Приказа общественного призрения, 2-й, состоящей при реке Маймаксе, от купцов Фанбриных и 3-й, в Холмогорском округе, купцов Бажениных, по отзыву сих не имеют от здешней казенной палаты, скопированной губ. землемером, а затем ожидался последней план на верфь Крыловскую.

Секретарь Варзунин.

1807 января 3 дня.

л. 26 об. По справке. Приказали: предписать по отзыву реченнаго Пономарева губернскому землемеру Ордину, чтоб он по наступлении перваго удобнаго времени снял с натуры местоположение означенной верфи, за счет наследников Крыловскаго имения план, назначив на нем принадлежащей пространство к оному заводу земли и состоящая на оной строения, доставить потом оный и с экспликацией в сие правление. А // между тем означенные в справке планы, которые оставались в правлении за ожиданием последняго на Крыловскую верфь плана, отослать ныне же в Государственную Коммерц-Коллегию при сообщении.

Исполнено 10-го числа января. //

ГААО, ф. 4, оп. 3, д. 418

В морской пучине

История российского пинка "Единорог"

Из Реляции Государственной Адмиралтейской коллегии в Государственную Коллегию иностранных дел:

Из Государственной Адмиралтейской коллегии в Государственную Коллегию иностранных дел.

В прошедшем 1760 г. летом отправлены были от Архангельского к здешним портам два корабля и один флейт, да отсюда к городу Архангельскому два пинка, из коих два корабля сюда прибыли, а из пинков один к городу прибыл. За тем же до остальных пинков и флейта, где находятся, Коллегии Адмиралтейской не известно. Потому Коллегия иностранных дел, дабы благоволила к обретающим при иностранном дворе ее императорского величества министрам отписать, и чтоб они наведывали, помянутые суда не зафрактовывались ли в иностранных портах.

5 января 1761 г. ²⁶⁸

Так начались поиски и расследование о пропавших осенью 1760 г. двух российских военных судах: исчезнувшего на пути в Архангельск пинка "Единорог" и флейта, также не прибывшего в Кронштадт. Только через год, когда летом 1761 г. оставшаяся в живых часть экипажа на русском судне была вывезена из Норвегии в Россию, стали известны обстоятельства морской трагедии, связанной с гибелью "Единорога".

В октябре 1760 г., во время следования из Кронштадта в Архангельский порт, русское военное судно типа пинка под именем "Единорог" попало в сильный шторм у норвежских берегов — приблизительно в 110 км к западу от города Тронхейма (у острова Гетерен) — и потерпело крушение: "...и зделался презлой шторм, для чего бросили два якоря... на осмидесяти сажень, которые и задержали, при том стали палить из пушек, чтоб лоцманы приехали". За лоцманами была

послана восьмивесельная шлюпка с мичманом и гардемаринном, которая и привезла трех лоцманов к кораблю. Но при подходе к "Единорогу" сильная волна бросила шлюпку на борт судна и переломила у шлюпки несколько шпангоутов. Командир судна приказал вернуться на берег и починить шлюпку. Обратный voyage спас жизнь тем, кто был в шлюпке, "потому что на утро пинки не стало на том месте, а куда она девалась, мы были неизвестны" (объясняли впоследствии спасшиеся члены экипажа). Местные жители дали российским матросам пищу и жилье, а потом привезли их к тамошнему купцу Николаю Люману, который их "пожалел". Шторм утих только через восемь суток, и когда матросы стали искать следы пинки и приехали к соседнему острову, то, "приехав, у того берега пинку отыскивали и усмотрели, что от ней верхняя палуба на берегу между камнями по ущелинам вся разбросана, а из такелажа и материалов ничего не нашлось, кроме того, что выброшена на берег одна пушка". В последующие дни море стало выбрасывать на берег утопших моряков, всего были похоронены 15 человек.

Такова краткая канва событий. Подробности кораблекрушения осени 1760 г. стали известны позднее:

Государственной Адмиралтейской коллегии из канторы главного командира Ревельского порта

Репорт.

Чрез сие Государственной Адмиралтейской коллегии кантора главного командира Ревельского порта с покорностию доносит, что по данным во оную кантору командующей новопостроенного флота секретарь Егор Голосов репортом объезил: В бытность де ево с порученным флейтом сего 761 году минувшаго июня 7 числа в дацком месте Селялее в силе присланнаго к нему от обретающегося в Копенгагине российского резидента его высокопревосходительства господина барон Корфа ордеру явились к нему, Голосову, с разбитой в Нордвези при острове Гентерне пинка Единорога, состоящей под командою карабельнаго секретаря Булгакова, служители, а именно матрозов девять, плотник один, конопатчик один, из которых матрозов один второй статьи Никита Голышев, будучи еще в Селялее, июня 19 дня волюю Божию умре. А кто имены и сколько привезено ими со оной разбитой пинки припасов и матриалов, при сем предлагается реэстр, которые служители канторою главного командира Ревельского порта определены флотские на карабели, а ластовые на ластовые суда. А показанные привезенные на оном флейте с разбитой пинки припасы и матриалы определено принять канторе Адмиралтейской. А вышеписанные служители объявили, что, кроме их, как командир, так и протчие служители все потонули. И об оном Государственной Адмиралтейской коллегии благоволит ответ известием.

Государственной Адмиралтейской коллегии покорный слуга Андрей ...

15 декабря 1761 году.

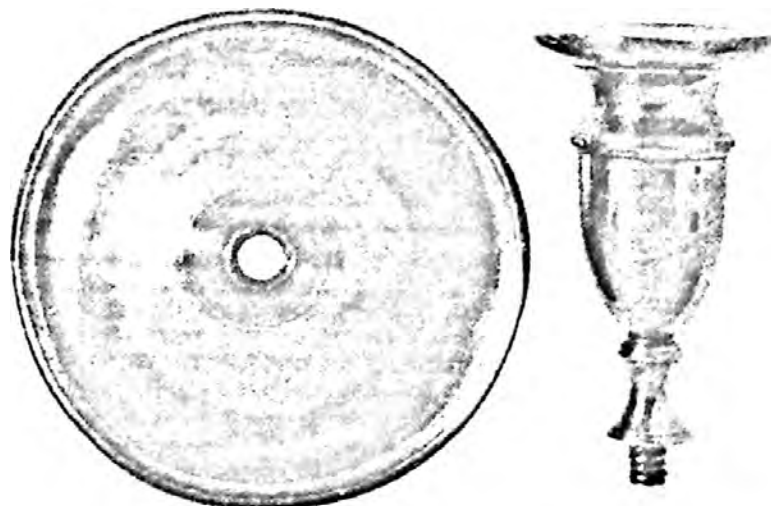

Рис. 29. Судовой бронзовый подсвечник с пинка "Единорог"

Рис. 30. Судовой бронзовый подсвечник с пинка "Единорог" *

1762 году генваря 29 дня в канторе Ревельского порта при обер аудиторских делах в силе присланнаго из Государственной Адмиралтейской коллегии указу разбитой пинки Единорога служители в нижеследующем допрашиваны, а имянно: пинки Лапоминки матрозы 1 статьи Михаила Шебалин, караблей с Климентя палы римскаго 1 статьи Илья Потуткин, Федор Брагин, Степан Перевозников, 2 статьи Никон Фоминых, плотник Никита Павков, конопатчик Иван Слозов, Варахила 1 статьи Никита Кузнецов, 2 статьи Иван Тюшев, Тимофей Попов.

Вопросы.

1.

В бытность нашу на пинке Единороге по отбыти от Кронштатскаго порта под чью командою, и куда следовали, и в том следствии котораго месяца и числа, и при каком месте объявленной пинк разбило, и каким образом бывшие же на оном пинке как командир, так и протчия служители где ныне обретаются, и тот пинк в том месте остался при вас в каком состоянии, (и) також артиллерийский такелаж и припасы с оного пинка свезены ль на берег или потонули, и не отданы ль кому под сохранение.

Ответы.

На 1.

В бытность нашу на пинке Единороге по отбыти из Кронштата под командою карабельнаго секретаря Василья Булгакова следовали к городу Архангельскому и в том следствии прошли 760 году в октябре месяце, а котораго числа, не упомянем, в Нордвезе при острове Гентерне вдруг изделался превеликой шторм, для чего бросили два якоря, плехт и дагликс, на осмидесят сажнях, которые и задержали. И при том стояли на якоре, палили ис пушек, чтоб лашманы приехали, для чего нарочно для привозу оных лоцманов послана была осмивесельная шлюпка, на которой был мичман Матякин да гардемарин Пранг и нас 10 человек, и из лоцманов взяли трех человек и привезли на пинку, и как мичман, так гардемарин и лоцманы на ту пинку вошли благополучно, тако ж и мы, и стали поднимать ту шлюпку на пинке. И в то бывшее время превеликое было волнение и шторм, и когда поравнялась та шлюпка против борту, то оную о тот борт ударило и шпонготов несколько переломило. И командующей секретарь Булгаков ту шлюпку приказал отпустить на воду по прежнему, и нас на ту шлюпку опять возвратно послал и дал нам плотника и конопатчика, и велел ехать на берег и ту шлюпку чинить, и бросил нам на шлюпку один ефимок, для того что мы вскоре не успели ис пищи взять ничего. И мы с превеликим страхом доехали на берег и, вытаща чрез сутки ту шлюпку, починили. А по утру на другой день, когда свет стал, то усмотрели,

* Принадлежит господину Факсвагу (Faxvåg), дед которого участвовал в конце XIX в. в поднятии пушек в месте крушения пинка и получил подсвечник в качестве презента.

что на пинке ни одной мачты нет, толка виден один бушпрот. А шторм превеликой, а от командующаго нам приказано было, ежели шторм не утихнет, то на ту пинку не ездить. И когда ночь переначевали, а шторм еще более учинился, и снег и град шел. И по утру посмотрели, то уже тое пинки не стало на том месте, а куда она девалась, мы были не известны. А тот ефимок, данной от командира, мы отдали за пищу тамошним жителям, також и за квартиру. А на третей день пришли к нам в вызбу пять человек тамошних обывателей и взяли нас, посадили на шлюпку, и повезли шкерами с мялю, и привезли к тамошнему купцу Николаю Люману, которой нас во все бывшее нами там время доволствовал пищею и одеждою. И по привозе к тому купцу восьмые сутки, как погода утишилась, поехали на той шлюпки чрез губу на другой остров, и, приехав, у того берега пинку отыскали и усмотрели, что оной верхняя палуба на берегу между каменьями по ушеллинам вся разбросана, також и протчее все разбросано ж. А ис такелажа и матриалов ничего не (на)шло, кроме что выброшена на берег одна пушка да балясина чугунная, да нашли в том разбросанном от пинку лесу, закладено тем лесом, связанных веревками двух человек, из которых по осмотру нашему явились штурманской ученик один да матроз один, избиты и все в крови. А на другой день поехала с нами, где та пинка разбита, хозяйка и два мужика. И как приехали на то место, где пинку разбило, мало видно той пинки днища и на том днище матриал видим, свинец и протчие мелкие вещи, которые, матриалы, тутошния жители вытаскивают и свозят на берег и в свои квартиры носят, на что мы им стали говорить, что оные матриалы казенные, не берите, но оные за то нас хотели убить из ружей и топорами до смерти, точию та наша хозяйка, где мы жителство имели, их до того не допустила. И более для той опасности, чтоб нас не убили, как хозяин, так и хозяйка квартиры не спускали. А когда из утопших морских служителей чрез неделю или более кого выкинет на берег, то тому нашему хозяину жители скажут, и он нас, дав своих людей для охранения, пошлет, и мы возмем и на берегу схороним. А хто тот утопшей, признать было невозможно, ибо от воды всего раздует, к тому ж иной без руки, без ноги, без головы. И оных вынесенных на берег нами похоронено 15 человек, а более в бытность нашу неково не вышло. Шлюпка же и с припасами оставлена у того хозяина Люмана, где мы жителство имели. А мы чрез восемь месяцев отправлены на малом судне на зимовавшей в местечке, называемом Селяи, ново-построенной флейте, на котором и привезены к здешнему порту.

К сему ответу вместо матроз Михайлы Шебалина, Ильи Потуткина, Федора Брагина по их прошению карабля Нептунуса кают юнга Александр Березин руку приложил.

К сему ответу вместо матроз Степана Перевозникова, Никона Фоминых, плотника Никиты Павкова по их прошению карабля Рафаила кают юнга Петр Магримов руку приложил.

К сему ответу вместо матроз Никиты Кузнецова, Ивана Тюшева, конопатчика Ивана Слюзова по их прошению карабля Рафаила кают юнга Никифор Козлов руку приложил.

К сему ответу вместо матроза Тимофея Попова по его прошению карабля Полтава матроз Осип Аншутов руку приложил²⁶⁹.

Оставшиеся в живых невольные участники гибели судна и всех последующих перипетий, которые послала

им матросская судьба, нарисовали полную и, несомненно, точную картину тех дней и ночей. То, что позднее удалось узнать археологам, полностью подтверждает это.

Архивный поиск

Архивные поиски позволяют восстановить почти всю короткую историю “жизни” этого русского военного судна.

На Соломбальском Адмиралтействе летом 1758 г. были заложены два пинка одинаковых размеров — “Единорог” и “Слон”: длина по гон-деку 130 футов, ширина “без досок” 31 фут, глубина интрюма 12 футов 6 дюймов. Строительство пинков велось по чертежу голландского корабеля Ламбе Ямеса (на чертеже его автограф). Любопытно, что на судовом чертеже есть несколько надписей, как бы демонстрирующих путь его прохождения. “Сей чертеж в канторе сарваерской с карабельными мастерами по силе Адмиралтейского регламента экзаменован и явился к строению пинка удобен. Июня ... дня 1758 года” — резолюция, одобрявшая чертеж пинка. Среди подписей под этой резолюцией есть и имя Дмитрия Щербачева, известного русского корабеля. В 1715 г. Дмитрий Щербачев поступил “корабельным учеником”, в 1723-м он был “пожалован” в подмастерья Соломбальской верфи и послан для строительства судов в Воронеж, в 1734 г. он уже корабельный мастер в Ревеле, а 1747 г. числился обер-сарваером, с 1757 г. имел чин генерал-майора²⁷⁰. Далее чертеж поступил в Адмиралтейскую коллегию: “Сей чертеж в Адмиралтейской коллегии опробован, по которому построить определено два пинка. Июля 3 дня 1758 г.”

Не только проектированием, но и закладкой, и всем строительством руководил известный голландский мастер Ямес Ламбе (в русской транскрипции — Иван Васильевич). В Архангельское Адмиралтейство Ямес Ламбе приехал из Санкт-Петербурга в 1737 г., на Соломбальской верфи проработал долго, а потом вернулся в столицу, где и был похоронен (1708—1787 гг.). Пинка “Единорог” была спущена на воду 25 мая 1759 г., длина судна составляла 40 м, ширина около 10 м, осадка 3 м. Артиллерийское вооружение судна насчитывало 22 орудия. Командовал кораблем “корабельный секретарь” Василий Булгаков.

В Архангельске спущенные суда оснащались всем необходимым:

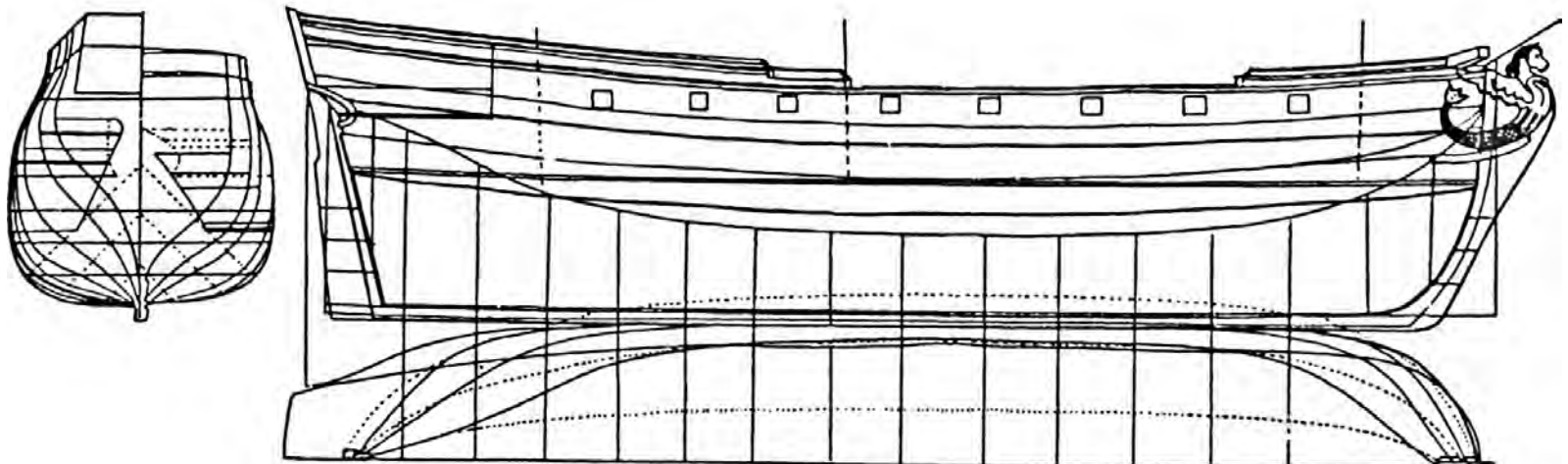

Рис. 31. Пинк “Единорог”. Строительный чертеж. 1758 г.

В Государственную Адмиралтейств-коллегию от Архангелогородской конторы над портом

Доношение.

По указу оной коллегии к будущей сего 1759 года весне построенные в 1758 году корабли: один 66-ти пушечный и один 54-пушечный, да два пинка и один флейт в Лапоминской гавани к походу к тамошним портам вооружаются, а строящиеся на стапелях два пинка к спуску приготавливаются, и по вскрытии реки спущены и потому вооружаться имеют с поспешанием. Морские провизии и прочие заготовления и по постройке подрядчиками грузиться имеют в ластовые суда. По переводе кораблей через Бар в присутствии в Конторе над портом (еще) с командующими кораблей и другими морскими офицерами, какие имеют надлежит для сохранения ее императорского величества высокого интереса, предосторожности, какие учинены сего апреля 6 числа, которого таковые командирам корабельным для исполнения приказа сообщены, точно и об отправлении от здешнего порту указ о следовании в пути командирам инструкции не имеется, без чего о вооружении и переводе через Бар учинить в Конторе над портом не возможно. Того ради от Государственной Адмиралтейств-коллегии соблаговолено было о вышеописанном определить указом.

Апреля 23 дня. 1759 году ²⁷¹.

В конце мая 1759 г. часть судов была спущена на воду, другие ждали своей очереди — “прибилой воды”:

А корабли к переводу через Бар вооружены, коим переводу без указа учинить не можно. И здесь же, в Лапоминке, один пинк и флейт для взятия груза прибыли к Соломбальской верфи, а пинк Верблюд берет груз в оной гавани. А на стапелях два пинка к спуску в готовности, токмо за повышением прибилой воды и за превеликим течением спуск учинить невозможно. И как скоро того вода убудет, то спущено, а и того ходу вооружаемы быть имеют.

23 мая 1759 году ²⁷².

Для строившихся на Архангельском Адмиралтействе военных российских судов из Ревеля и Кронштадта доставлялись вооружение и боеприпасы. Так было и в этот раз:

1759 мая 31 дня в протоколе Адмиралтейств-коллегии записано:

Слушали из конторы главного командира Кронштадского порта рапорт, при котором определено на отправляющийся к городу Архангельскому для отвозу на строящиеся там два 66-ти пушечных корабля и 2 пинки припасов: пинк Повракул, командир флота унтер-лейтенант князь Яков Мещерский; для принятия инструкции приказали ее императорскому величеству взнести всеподданнейший доклад в следующей силе.

От Архангелогородского к здешнему порту повсегодно отправляемы бывают строемые там корабли и ластовые суда, а для снабжения их артиллерией, такелажем и другими припасами посылаются отсюда на ластовых судах, учиня прежде с Коллегиею иностранных дел сношение, что в проходе никаких препятствий не состоит, вследствие чего и нынешним летом имеет быть от Архангелогородского порта отправлено два корабля, четыре пинки и флейт, ибо Коллегия иностранных дел сообщила, что в проходе и по нынешним обстоятельствам препятствия, хотя и нечаятельно, и могут оные к здешним портам свободно идти. Однако видится весьма надобно достаточно инструктировать командиров, чтоб они от плавающих на море английских и прусских кораблей и каперов в осторожности были, почему от коллегии Адмиралтейской подтверждено, чтоб помянутые корабли и суда артиллерией и с те принадлежностями снабжены были, как по военному времени надлежит, и шли бы неразлучно друг от друга; а как ныне в объявленном Архангелогородском порте строится два корабля, на которые артиллерию и припасы следовало отправить отсюда, кои погружены в один пинк, чему уже и время наступило. Но как оный пинк имеет следовать без всякого прикрытия, имея токмо 16 пушек, то коллегия Адмиралтейская собою не доложит ее императорскому величеству отправить не может. О сем всеподданнейше представляет просить ее императорское величество высочайшего указа.

3 июня 1759 году ²⁷³.

В конце марта 1759 г. Адмиралтейская коллегия обратилась с запросом в Коллегию иностранных дел о безопасности “отправляемым сего года весною от го-

рода Архангельского к здешним портам двум кораблям, 4 пинкам и одному флейту” и получила положительный ответ:

В ответ на промеморию Адмиралтейской коллегии от 29 минувшего марта от Коллегии иностранных дел чрез сие объявляется, что отправляемым сего года весною от города Архангельского к здешним портам двум кораблям, 4 пинкам и одному флейту в проходе их по нынешним обстоятельствам препятствия хотя и нечаятельно, и могут оные к здешним портам свободно идти, однако ж видится весьма надобно достаточно инструктировать находящихся на помянутых кораблях командиров, чтобы они от плавающих на море английских и прусских кораблей и каперов в осторожности были; а в прочем не оставлено от Коллегии иностранных дел, как обыкновенно писать в Копенгаген к тайному советнику барону Корфу, чтоб он от тамошняго Двора означенным кораблям и пинкам свободный и безприпятственный проход в Зунд испросил.

Апреля 2 дня 1759 году ²⁷⁴.

Практика подобных переходов из Белого моря на Балтику состояла в тщательной подготовке судов и экипажей к походам, условия которых приравнивались к театру военных действий. Большое внимание уделялось детальным инструкциям, например, в апреле 1759 г. на заседании Адмиралтейств-коллегии было записано:

Слушав из Коллегии иностранных дел промеморию, коею на промеморию Адмиралтейской коллегии объявляет, отправляемым сего года весною от города Архангельского к здешним портам двум кораблям, четырем пинкам и одному флейту в проходе по нынешним обстоятельствам хотя и нечаятельно, и могут оные к здешним портам свободно идти. Однако видится весьма надобно достаточно инструктировать находящихся на тех кораблях командиров, чтоб они от плавающих на море английских и прусских кораблей и каперов в осторожности были. Приказали оную промеморию сообщить к наряду. А по справке прежде отправляющимся от города Архангельского на кораблях и фрегатах командирам 66-ти пушечных инструкция между прочим повелевала: получа первый благополучный ветер идти и от того порта не ожидать друг друга, сколь скоро порученный кому корабль в готовности будет. А ныне Коллегия иностранных дел сообщает, что надобно инструктировать находящихся командиров, чтоб они от плавающих на море английских и прусских каперов в осторожности были, и того ради оное обстоятельство в инструкцию внести и велеть как кораблям, так и пинкам следовать вместе и сколько возможно допустить друг от друга не разлучаться. И учиня с сим пополнением и с прежними обстоятельствами инструкцию, предложить Коллегии на aprobацию немедленно. А понеже по посланному в Архангелогородскую контору над портом сего месяца 19 числа указу велено помянутые корабли и пинки артиллерией и принадлежностями удовлетворять полным комплектом, как по военному времени надлежит. Токмо на пинке за погрузкою в оные припасов и за низкостью нижнего дека долговременно из пушек пальбу проводить опасно и для того те пушки поставить на верхней палубе, на которой в порте сделать сколько возможно очей. О чем в ту контору послать указ.

Подписал ...

Апреля 23 дня 1759 году ²⁷⁵.

В протоколе Адмиралтейств-коллегии от 4 мая 1759 г. было записано о подготовке такой инструкции:

Адмиралтейств-коллегией приказом определено: на отправляющиеся от города Архангельского к здешним портам кораблях командирам дать инструкцию в следующей силе. Понеже от Архангелогородского порта к здешним портам нынешним летом имеют отправиться корабли: один 66-ти пушечный, один 54-ти пушечный и пинков 4 да флейт, и по посланному от Коллегии в Архангелогородскую контору над портом указу велено оной конторе те корабли, по должности своей, за Бар препроводить и все вооружить, также и пинки, и флейт вооружить же, и как оные, так и пинки и флейт артиллерией и ее принадлежностями укомплектовать, как по военному времени надлежит, и припасами укомплектовать. Чтоб во всякой были исправности, как регламент повелевает.

Из объявленных кораблей 66-ти пушечный собственно поручить в команду капитану Гулидову, 54-ти пушечный — капитану

Пушкину, чего ради они с определенными служителями для исправления во время приготовления того корабля и принадлежащим работам имеют быть притом. И как оный корабль совсем будет приготовлен, то и принять и поступать по нижеследующему:

1. Морских провизий на тот корабль положено на пять месяцев.
2. Получа при первом благополучном ветре с другими кораблями и всеми пинками и флейтом от города Архангельского идти вместе по морскому искусству к здешним портам, и, будучи в пути, иметь ординарный вымпел, и тот путь свой продолжать, не останавливаясь нигде, со всяким возможным поспешанием, и сколько возможно же допустить друг с другом не разлучаться. Если же пачи чаяния, будучи в пути, такие последуют обстоятельства, что вместе всем держаться будет не возможно и принуждено будет разлучиться, то в запасе пред походом от города Архангельского с общего командиров и других офицеров консилиума назначить подлежащее рандеву.

3. Будучи в пути, содержать себя во всякой осторожной готовности и исправности, как по морскому уставу в военное время положено. Если же английские, французские и прочие военные корабли, с которыми о салютации трактатов еще не учинено, увидят (кроме датских и шведских, с коими трактаты учинены), то от них и от салютации, как возможно, удалиться (также от островов гитланских и берегов шотландских). Особливо же в осторожности быть от английских и прусских кораблей и каперов. Буде же, усмотря, что военные корабли (кроме датских и шведских) станут приближаться, в таком случае, как возможно, удалиться, куда способнее буде, смотря по случаю и времени, и сколько же возможно и к таким местам, откуда будет возможно, путь свой продолжать. Если же удалиться будет не возможно и увидят нечаянно какое нападение, в таком случае поступать по регламенту, охраняя честь флага российского, употребляя всякие способы и предосторожности, дабы никакого на то предосуждения последовать не могло по регламентам и указам. Буде же случится прусские каперы или же другие прусские суда оные атаковать и брать с людьми, будущими на них, поступать яко с пленными, но оных обид и грабежа не чинить.

4. По прибытии в Зунт датским кораблям и крепостям по силе заключенного трактата надлежащую салютацию чинить не по удаленных от оных расстояний, дабы было слышно, и через то, как иногда прежде происходило, не могло последовать каких притензий. Как же придут к Копенгагену, то явиться к обретающемуся там от Двора ее императорского величества чрезвычайному посланнику и полномочному министру, тайному советнику и кавалеру барону Корфу. Нежели какая нужда позовет, требовать от него вспоможения и о походе наставления, а в коллегию немедленно рапортовать и, не мешкая ни малого времени, следуя сюда. Если же увидите Российский флот, то явится к аншефт командующему над оным, буде же не увидят, то идти в Ревель и с кораблями остаться зимовать тамо, а к другим портам, кроме самой необходимой нужды, не приставать.

Мимо которых берегов имеют, к тем дружественные оказательства наблюдать.

5. Во время того пути, ежели какие встретятся или же купно с ними следовать будут купеческие корабли, и тем им обид и налогу не чинить, но в потребном случае показывать возможной способ, кроме прусских, с которыми поступать, как в 3 пункте изображено.

6. Морским провиантом служителей по выходе на рейд довольствоваться по регламенту, а по сему вместо пива производить збитие, мешая с водой, и на то требовать наставления из Конторы над портом; а на покупки, в чем нужда позовет будучи в пути, и на прочие приключившиеся нужды, без чего обойтись невозможно, требовать от Архангелогородской Конторы над портом: ефимков на корабли по пятисот, на пинки и флейт по двести, и держать в расход с согласия всех офицеров, да на выдачу на майскую треть сего года им и служителям жалованье. Полагающуюся сумму денежной казны принять, и как оную, так и ефимки записывать в расход в данные вам от Конторы над портом шнурованные книги, а на другие никакие расходы не употреблять.

7. Понеже сия экспедиция в том состоит, чтобы определенные Российского флота служители обучались морской практике, как наилучше возможность допустить, перенимали, того ради иметь старание и обучать с прилежанием, как в ходу и в численности пути и в прочем, как искусному морскому офицеру подлежит, и служителей дачею им морского провианта и в прочем содержать по регламенту.

8. Когда случится им идти мимо какой крепости и одного или нескольких военных кораблей других патентов, с коими о салютации трактатов не учинено, тогда в таких случаях о салютации поступать им по силе морского устава, а с которыми госу-

дарствами учинены трактаты, с теми по тем трактатам, для чего приобщать копии.

9. Ежели, паче чаяния, будучи в пути, и с кораблей или лас-товых судов, с которыми за каким повреждением или препятствием уже крайне пройти будет к здешним портам невозможно, то им со общего со всеми штапс и обер-офицерами генерального консилиума ретироваться поблизости и способности, где гавани найти могут и исправят ту нужду без потеряния времени: следовать. Буде же в чем нужда потребует, то по способности писать к обретающемуся российскому министру с требованием надлежащего вспоможения.

10. Ежели из данных им провизий и денег имеет быть, что за употреблением в расход в остатке, о том им по прибытии обо всем с обстоятельствами в Коллегию рапортовать, и те остаточные деньги и провианты, также материалы, которые сюда надлежит отдать в магазины.

11. В прочем поступать, и исполнять им, и усматривать к лучшей ее императорского величества службе, и соблюдению интереса, и консилиума штап и обер-офицеров по указам и морскому уставу, как надлежит доброму и верному ее императорского величества морскому офицеру, во всем непременно.

12. При том же сообщить им копию 1-ю с указа 724 году о делах, тайности подлежащих, по которому чинить им непременно исполнение; 2-ю с приложенного при промемории и с Коллегии иностранных дел перевода с реляции обретающегося в Копенгагене тайного советника барона Корфа, и с приложением, каким образом ему со стороны тамошней королевской партикулярной каморы чрез промеморию знать дано, что (часть текста утрачена) ...холме, утрачена на котором прежде сего фонарь для безопасности мореходных судов сквозь навигат поставлено было, водою отмыло и вместо того на другом удобном месте башня построена, на которой огонь в феврале 752 году зажигать назначено было.

С таковой же инструкции послать копию при указе в Архангелогородскую контору над портом, и при том велеть, что по содержанию оной до той конторы касается исполнить. Так же отправляемым на пинках и флейте командирам инструкции дать, против того же како корабельном командирам, а к той присовокупить, чтоб те пинки и флейт следовали под флагами и вымпелами. А понеже на те пинки и флейт велено сюда приложить житкую смолу, того ради командирам велеть зайти в Ревель и явиться к главному командиру. И ежели с той смолы, сколько приказано будет, для ревельской эскадры оставить, то число и отпустить, а с доставкой следовать в Кронштадт.

Мая 7 дня 1759 году ²⁷⁶.

В конце первой половины июня 1759 г., согласно указам Адмиралтейств-коллегии, в присутствии офицеров Конторы над портом, морского штаба и обер-офицеров "при помощи Божей, при способном ветре и при тихой воде" 16 июня началась проводка судов через Бар. Перед дальним походом, когда эскадра стояла за Баром на якорях, на 66-пушечном корабле собрался консилиум, на котором присутствовали командиры судов и другие офицеры:

Консилиум

1759 году июля 8 дня во исполнение данных нам от Государственной Адмиралтейской коллегии инструкцией 2 пункте повелено пред походом от г. Архангельского кораблей и пинков к главным портам командующих и других офицеров назначить надлежащее рандеву. Того ради: командующие "66", "54" пушечных кораблей, пинков Льва, Верблюда, Холмогор, Единорога и новопостроенного флейта с прочими офицерами в бытность на якоре за Баром на корабле "66" пушечном имели рассуждение и положили нижеследующее:

1.

Иметь рандеву в Кильдюине и, первой пришед, дожидаться последнего. А когда увидят, что некоторые суда быть пошли в море, то, не мешкая нимало, следовать за ними.

2.

Против Норд оста в виду оног по линии N и S дожидаться трое суток.

3.

Пришед о ширину 69° до длины 16°, дожидаться трое суток и по прошествии трех суток идти в повеленный путь.

4.

Пришедши к острову Олле, дожидаться под парусами на O и W в виду оног острова 3 суток.

5.

А по прошествии вышеописанных терминов уйти на Копенгагенский рейд.

6.

Ежели случай допустит сойтись, то для познания друг друга, ежели кое случится быть на ветре, имеет быть понеже на гроте Стенг датский военный флаг с выстрелом под ветер из одной пушки, а по ветре на том месте шведский военный флаг с выстрелом из одной пушки против ветра.

7.

Если случится от неприятеля какое нападение и принуждены будут учинить линию для баталий, то поступать по нижеследующей фигуре:

А како построены флейт имеет быть задним ²⁷⁷.

Сам переход отряда военных кораблей протекал в спокойной обстановке, о чем свидетельствует Рапорт командующего этим отрядом, командира 66-пушечного корабля капитана Гулидова:

Рапорт капитана Гулидова Адмиралтейств-коллегии.
1759 год 18 сентября.

В силе данной мне от коллегии 2 пункта инструкции, во исполнение оной, будучи на якоре за Баром, с командующими 54-х пушечного корабля, пинками Льва, Единорога, Верблюда, Холмогор и новопостроенного флейта, обще учинен был консилиум, в котором назначено было во время разлучения в подлежащих местах рандеву; а того ж июля 9 дня обще с вышеописанными кораблем и судами с Бару отправился благополучно и по назначенному 1-му рандеву июля 15 дня в Кильдюин прибыл с кораблем "54" пушечным, пинками Верблюдом, Холмогорами, где имел для поджидания пинков Льва, Единорога и флейта; во уповании, что пинк Единорог за мрачностью прошел оный остров Кильдюин мимо, июля 18 дня с показанными судами и кораблем в повеленный путь отправился из Кильдюина в море; за противным крепким ОН ветром оной остров обойти было никак не возможно, принужден был возвратиться паки за остров Кильдюин с пинками Лев, Холмогоры, Единорог и флейтом; а по возвращении и при входе, идучи впереди порученного мне корабля, флейт за тихостью ветра и за великим ОН течением надрейфовало оной флейт на выдававшейся от лапландского берега каменный риф, которой несколько и повредило, и для того по учиненному с командующими пинков Льва, Единорог, Холмогоры и флейта и прочими офицерами консилиума оной флейт за повреждением отправить к Архангелогородскому порту, о чем от меня в оную коллегию рапортами прежде донесено было. А 21 числа, получа благополучный ветер, с показанными пинками в путь своей отправился, а 23 числа, пришел к острову Нордкапу, встретился пинк Верблюд, с которого командующий объявил, что он находился при Нордкапе трои сутки, а корабль "54" пушечный от него отстал уже двое суток где и я с порученным мне кораблем и пинком Левом по назначенному в консилиуме 2 рандеву стали лавировать для ожидания пинков Единорог и Холмогоры, с которыми пинками прибывал я у Нордкапа двое суток в уповании, что пинки Холмогор и Единорог за приключившимися тогда туманами оный остров Нордкап прошли мимо, а я принужден был с вышеописанными пинками следовать в повеленной путь и за приключившимися туманами и противными ветрами с показанными пинками разлучился, откуда следуя один к главным портам. Что касается до третьего рандеву, при острове Олде оной за случившимися великими мрачностью и крепкими ветрами ... (не прочитано) прошли, и лавирование к оной было невозможно, к тому и в пресной воде имели (недостаток). А минувшего августа 29 числа на Копенгагенский рейд прибыл благополучно, где находился пинк Единорог и того числа прибыл пинк Лев; уведомясь я, что корабль 54-х пушечный и пинк Верблюд прошли к главным портам. И сего сентября к Ревельскому порту прибыл благополучно ²⁷⁸.

29 августа 1759 г. пинк "Единорог" благополучно прибыл на Копенгагенский рейд:

В Государственную Адмиралтейств-коллегию от пинка Единорог

Рапорт.

В силу данной мне инструкции велелось с первым благополучным ветром следовать с кораблями, пинками и флейтом от города Архангельского к главным портам вместе и, сколько возможность допустит, друг от друга не разлучаться, и во исполнение оной инструкции по присланному ко мне от Архангелогородской конторы над портом указу на помянутом пинке с погруженной в оный смолюю к Кронштадскому порту минувшего июня 30 дня от города Архангельского отправился все благополучно, а сего 29 августа дня на Копенгагенский рейд прибыл благополучно. Будучи в пути, бедствия и опасностей никаких не имелось. Определенные в команду мою морские служители находятся все в добром здравии. А сколько коих чинов служителей при сем приобщается, перечневая табель и об оном Государственной Адмиралтейств-коллегии благоволят быть известно.

Август ... дня 1759 году Унтер-офицер... ²⁷⁹

С Копенгагенского рейда пинки повезли нагруженную на них в Архангельске смолю в Ревель, а потом пошли в Кронштадт (обычно военные суда, прибывшие в Кронштадт на зиму, разоружались и сдавали свое пушечное снаряжение на склады). Однако пинки вряд ли разоружились, потому что в конце лета и осенью они участвовали в составе других русских судов в военной операции по высадке десанта сухопутных войск в Гданьске.

Осенью 1759 г. на судне произошел инцидент, разбирать который пришлось учрежденной при Ревеле Первой морской следственной комиссии. Артиллерии подконстапель Иван Шустов подал по команде рапорт о причиняемых ему на пинке "Единорог" напаках ²⁸⁰. Командир пинка унтер-лейтенант Андрей Давыдов с пинка "по собственной своей нужды съехал на шведской берег, команду по себе поручив унтер-лейтенанту Ефиму Култашеву". Далее события развивались так: "...оной Култашев того году сентября 11 дня, ходив по пинке и осматривая огонь, и пошел на шканцы, и усмотрел на палубе, на левой стороне у фанрела, подконстапеля Ивана Шустова, у которого под ногами разсыпан был по палубе порох. И оной, увидев помянутого лейтенанта Култашева, стал порох затаптывать", за что до прибытия лейтенанта Давыдова был посажен в каюту под караул. В 5 утра матрос, стоявший на карауле у каюты, пришел к Култашеву и сообщил ему, что Шустов "имеет нужду до Тайной канцелярии", чтобы донести на Култашева. Когда на пинк возвратился с берега командир "Единорога" Давыдов, то артиллеристу пришлось извиняться за свои действия и слова, но "дело" уже стало раскручиваться, и в августе 1763 г., после гибели пинка и большинства его команды, следствие "по делу прибывшего в 1759-м году от города Архангельского на пинке "Единорог" артиллерии подконстапеля Ивана Шустова в причиняемых ему по команде напакам и протчем..." (так теперь называлось это дело) продолжалось. А когда "дело" только начиналось, пинк был в Ревеле и в начале октября принимал участие в военных действиях на Балтике:

Государственной Адмиралтейств-коллегии от вице-адмирала кавалера Полянского

Рапорт.

По присланному ее императорского величества высочайшему рескрипту велено посадить из порученной мне эскадры на корабли и прочие суда сухопутного войска тысячу двести человек и отправить в Гданск, по которому то сухопутное войско и помещено на корабли, а именно на Ревель, Варахаил, на 54-ти пушечный, прибывший из Архангельска на фрегатах и крейсере Рос-

сия, на пинках Лье и Единороге, на которых более тех сухопутных солдат помещено, нежели на двух линейных кораблях помещается оное все войско на вышеозначенные корабли. Фрегат и пинки вчерашнего числа отправились в повеленный им путь. А прочие оставшиеся при здешнем порте корабли порученной мне эскадры в гавань отведены. Да по нынешнему позднему осеннему времени вместо бота ... эскадре послан галиот Тоннель.

4 октября 1759 году.
Полянский²⁸¹.

Выполнив свою функцию транспортных судов, флотилия вернулась в российские порты:

1759 ноября 16 дня в протоколе Адмиралтейств-коллегии записано:

Слушали господина вице-адмирала и кавалера Полянского рапорт о прибытии и отправлении эскадры для отвозу сухопутного войска в Гданьск, на Ревельский рейд, кораблей Ревель, Варахаил и нового 54-ти пушечного сего ноября 9 числа благополучно и с которого одни уже введены в гавань, да и прочие велено вводить. И когда они введутся, то со всем поспешанием будут разоружаться... (не читается) на оные будут рассматривать и починками исправлены. А два пинка и галиот остались позади, которые по тому туда ежедневно ожидаются. И приказали оный рапорт отдать скорей, а в контору главного командира Ревельского порта послать указ. Когда пинки и галиот к тому порту придут, рапортовать.

Подписал ...
26 ноября 1759 году²⁸².

Итак, кампания 1759 г. для пинка "Единорог" окончилась, и судно разоружалось, готовилось на зиму для "надлежащих починок", чтобы быть к будущей кампании "в исправной благонадежности". Благодаря заслуге командира пинка и, несомненно, обстоятельствам, сложившимся для судна весьма благоприятно, только двух человек потерял экипаж "Единорога":

Перечневая таблица пинка "Единорог". 1759 г.²⁸³

Ранги	По списку
командующий унтер-лейтенант	1
исермонах	1
унтер-лейтенантов	2
подконстапель	1
гардемарин	6
подлекарь	1
штурман	1
за шкипера боцман	1
боцман матов	2
штурманских учеников	4
писарь	1
квартирмейстер	1
канонир 2-й статьи	4
матросов 1-й статьи	9
2-й статьи	22
рекрут	10
кают и деков юнгов	3
солдат	4
ундер боталер	1
плотник	1
ундер купарь	1
парусной ученик	1
конапатчик	1
Итого	79

Да сверх вышеописанного числа умре сего августа 21 матрос 1 статьи Сава Ржевитнов, 29 числа — рекрут Федор Рудных. Итого два человека.
Андрей Давыдов.

Адмиралтейскую коллегию очень беспокоило то, что в 1759 г. не удалось направить в Архангельский порт для строившихся там кораблей необходимое снаряжение и вооружение. Поэтому уже с самого начала 1760 г. в различных морских инстанциях обсуждался этот вопрос:

Всепресветлейшей державнейшей великой государыне императрице самодержице Всероссийской в Адмиралтейскую коллегию верноподданнейший доклад.

Ваше императорское величество данным оной коллегии августа 5 числа прошлого года высочайшим указом на учиненной доклад соизволили повелеть нагруженной здесь артиллерией и припасами для строящихся при Архангелогородском порте двух кораблей пинку тогда ж туда отправить, а что учредили до принятия оного, то в следовании его от аглинских и прусских каперов опасности не предвидится, по силе которого высочайшего Вашего императорского величества повеления оной пинк в разсуждении, что тогда наступило время позжое отправлять один, зимует в Ревельском порте, о чем и Вашему императорскому величеству донесено, а как там лед вскрывается гораздо раньше здешнего и иногда в марте месяце, то и отправление оного учинить надлежит с первым благополучным временем, посему до городу Архангельскому прибыть может раньше. Также и помянутые корабли по вскрытии тамо льда могут спущены и на воду, как оные, так и два ластовых судна, пинк и флейт, отправлены быть, да ис Кронштата для строения тамо кораблей с припасами надлежит отправить два пинка.

Того ради Вашему императорскому величеству коллегия Адмиралтейская везподданнейше доносит, и повелено будет ис Кронштата и из Ревеля к городу Архангельскому пинки, а от туда к здешним портам корабли и ластовые суда будущим водным путем отправить. Просим высочайшего Вашего императорского величества указу.

У подлинного подписано тако:

Захарей Мишуков
Иван Талызин
Василий Мятлев
Селин Мордвинов
Февраля 14 дня 1760 году.

Писан того ж числа с подканцеляристом Паршиным²⁸⁴.

Буквально через несколько дней Адмиралтейская коллегия снова возвращается к этой проблеме:

Слушав высочайшего ея императорского величества рескрипта, по которому по докладу оной Колеги(и) велено нагруженные к городу Архангельскому ис Кронштата и из Ревеля пинки и от туда к здешним портам корабли и ластовые суда будущим водным путем отправить, о чем знать дать Колеги(и) иностранных дел приказали: о получении оного рескрипта репортовать, а в Колегию иностранных дел сообщить, при промемори(и) копию в Кантору Ревельского порта послать указ велеть имеющийся там посланной ис Кронштата для отправления к городу Архангельскому пинк заблаговременно готовить, чтоб по наступлении первого благополучного времени отправлен быть мог. И для того командиру того пинка, также командирам ж, определенным на строящиеся в Архангелогородском порте корабли и ластовые суда, учинить по инструкции против прошлагодняго и предложить к рассмотрению Колеги(и). Подписали февраля 18 дня 1760 году.

Обер-секретарь Борис Никитин²⁸⁵.

В марте 1760 г. были четко определены те задачи, которые необходимо было решить, чтобы обеспечить построенные в Архангельске военные суда всем необходимым для похода на Балтику:

Слушали его сиятельство господина генерала адмирала президента и кавалера князя Михаила Михайловича Голицына предложение, что строящиеся у города Архангельского корабли к будущей весне к спуску в готовности будут, на которые и команда служителей отсюда отправлена. Токмо из ведомостей его сиятельством усмотрено, что в артиллерии и артиллерийских припасах к вооружению тех кораблей состоит недостаток, ибо отправленные на них прошедшей осенью артиллерийские припасы на пинке зимуют ныне в Ревеле, и хотя по вскрытии льда тот пинк и отправится, но к вооружению тех кораблей поспеть не может, а те корабли необходимо, как поспет к здешним портам, без упущения времени отправить надлежит. Только без довольствия артиллерией по нынешним военным обстоятельствам того отпра-

ления учинить не можно. Сначала же строения оных кораблей, приходящих от Коллегии ко мне с делами, неоднократно приказывано было Коллегии объявить, чтобы со всеми потребностями, принадлежащими до тех кораблей, удовлетворять и отправление учинить заблаговременное, дабы отправление тех кораблей к здешним портам ни в чем остановки не было. А как выше явствует, что и самые надобности тем кораблям не достает. И предлагает его сиятельство, дабы благоволено было каким образом необходимые надобные артиллерийские припасы с поспешанием отправить, дабы в отправлении тех кораблей к здешним портам остановки не было. Надлежащее не в продолжительное рассмотрение, а по справке в прошлом 1759 году в январе месяце по определению Коллегии для отвозу к городу Архангельскому на строящиеся там корабли припасов и материалов велено приготовить, и приготовлен пинк, в который и артиллерия и артиллерийски(е) припасы нагружены. 10 дня по определению коллегии ее императорскому величеству внесен всеподданнейший доклад, представлен 9, что для снабжения строящихся у города Архангельского кораблей и других судов артиллерия, такелаж и другие припасы посылаются отсюда на ластовых судах. А ныне в Архангелогородском порте строится два корабля, на которые артиллерию и припасы следственно отправить отсюда же, кои и погружены в пинк, чему уже и время наступило. И об отправлении одного требования высочайшего указа. И на оный доклад августа 5 дня по высочайшему ее императорского величества указу велено означенной нагруженной артиллерией и припасами пинке отправится тогда же, а что касается до прикрытия оного, то в следовании его от английских и прусских каперов опасности не предвидится. На оном высочайшем указе по определению Коллегии августа 9 дня ее императорскому величеству внесено всеподданнейший доклад, что по отправлению оного пинка к городу Архангельскому состоит время уже позднее и Коллегия для соблюдения интереса в тогдешнее время к городу Архангельску отправить не рассуждает и определила послать в Ревель и тамо зимовать, который ныне в Ревеле и имеется. А сего 1760 года февраля 27 дня на внесенном адмиралтейской Коллегией докладе по всевысочайшему ее императорского величества указу повелено назначенные к городу Архангельскому из Кронштадта и из Ревеля пинки и оттуда к здешним портам корабли и ластовые суда будущим водяным путем отправить, о чем знать дать Коллегии иностранных дел. И сообщено, а в контору Ревельского порта послать указ и велено имеющуюся там пинку заблаговременно приготовить, чтоб по наступлении первого благополучного времени к городу Архангельскому и отправлен быть мог. А сего марта 8 дня в поданной Артиллерийской конторе ведомости объявлено на имеющихся в Архангелогородском порте два 66-ти пушечных корабля потребно полного числа пушек "24", "12" и "6" — сто тридцать две. В то число там же и тех калибров налицо 67, а к тому доставные отправлены на пинке. Да кроме оных у города уже имеется "18" фунтовых — осьмнадцать, "4" фунтовых — тридцать, "3" фунтовых — две. Итого пятьдесят пушек. Приказали понеже на вышеозначенные строящиеся у г. Архангельского два корабля надлежащих артиллерии и припасов для отправления туда погружены в пинк еще в прошлом 759 году в начале июня месяца, но об отправлении того пинка высочайшее ее императорского величества повеление воспоследовало в августе месяце и за поздностию времени он отправлен только до Ревеля. А как скоро рейд очистится, то и к городу отправится имеет. Того ради Архангельской конторе над портом послать указ. Велеть на означенные корабли к наличным тамо калибрам — пушек. Если отправленные на пинке артиллерия к вооружению тех кораблей вскоре прибыть не может, то дабы в отправлении не было остановки, заменить вместо "24" — "18" фунтовыми, а вместо "6" — "4" фунтовыми пушками. Нежели под данные надлежащих станков нет, то немедленно сделать, дабы к постановлению было в готовности. Так же и для отправленных на пинке пушек оные станки приготовлены же. В Коллегию рапортовать, а в контору Ревельского порта послать указ: велеть зимующей там пинке, которая нагружена для отвозу к городу Архангельскому артиллерией и припасами немедленно вооружить, а припасы, которые сняты по-прежнему в оной пинке, и совсем приготовить, дабы по открытии рейда к г. Архангельскому отправиться мог с первым способным ветром. По приготовлении во всем в Коллегию рапортовать.

20 марта 1760 году.

(Подпись) ²⁸⁶.

Начинался морской переход с Балтики на Белое море:

В государственную Адмиралтейств-коллегию от Коллегии от депутатских дел

Сообщение.

Сего числа поданным от депутатских дел Конторы главного командира Кронштадского порта рапортом объявляет, что пинки Лев под командой секретаря Степанова, Единорог — Булгакова сей день с разными припасами и материалами из Кронштадского рейда к городу Архангельскому отправились. О чем в Адмиралтейств-коллегию (всеподданнейше) сообщается июля 10 дня 1760 году ²⁸⁷.

Экипаж "Единорога" был укомплектован, о чем свидетельствует список служителей:

Табель ²⁸⁸

пинки Единорога, сколько на оном имеется в определении каких чинов служителей, о том значит ниже сего

Ранги	Число служ.
Командующей карабельной секретарь	1
Иермонах	1
Мичманов	2
Подконстапель	1
Морского шляхетного кадетского корпуса	1
	5
Шхипер 3 ранга ластового комплекта	1
Штурман	1
Подлекарь	1
Боцман	1
Подштурманов	2
Учеников	2
Боцманмат	1
Шхиманмат	1
Писарь	1
За боцманмата квартирмейстер	1
Квартирмейстеров	2
Матрозы	45
	2
Кают юнгов	2
Салдат	6
Плотников	2
Ундер боталер	1
Ундер цепор	1
Парусной ученик	1
Конопатчик	1
Морской артиллерии канонир	2
	9
Итого	110

Да имеется для отправления к городу Архангельскому определенные по приказу от Кронштадтской Адмиралтейской канторы к тамошнему Адмиралтейству вместо (убывших?) матрозов 2 статьи 3 человека.

Василей Булгаков
Писарь Иван Фролов.

И вот первый рапорт командира "Единорога" Василия Булгакова с Копенгагенского рейда:

Государственной Адмиралтейской коллегии от отправляющейся к городу Архангельскому пинки Единорога

Рапорт

В силе данной мне от оной Государственной Адмиралтейской коллегии инструкции, по которой велено следовать с первым благополучным ветром от Кронштадского к Архангелогородскому порту, и во исполнение оной инструкции по приказу конторы главного командира Кронштадского порта на помянутой пинке с погруженными ... в оную артиллерийскими и адмиралтейскими

припасами ко Архангелогородскому порту сего июля 10 числа от Кронштадского порта отправилась благополучно, а сего июля 28 дня на Копенгагенской рейд прибыл благополучно ж; определенные в команду мою морские служители находятца все в добром здравии, а сколько каких чинов служителей имеетца во определении, при сем приобщаетца перечневая табель и об оном Государственной Адмиралтейской коллегии покорнейше доношу.

Июля 28 дня 1760 года.

Секретарь карабельный Василий Булгаков
Писарь Иван Фролов²⁸⁹.

Далее — только письменные документы, которые повествуют о трагедии у острова Гетерен в районе Хит-роа. Вот короткий список оставшихся в живых служителей пинка:

Именной список явившимся на флейте с разбитой пинки "Единорога" служителям, а именно:

Матрозы 1 статьи — Михайло Шебалин — ластового комплекта
Илья Потужин
Федор Брагин
Никита Кузнецов
Степан Перевозников

— флотские

2 статьи — Иван Тюшев
Тимофей Попов
Никон Фоминых, плотник ботовой команды
Никита Павков, конопатчик
Иван Слозов — флотской
Итого. 10 человек.

Таким образом, от экипажа "Единорога", отправившегося в Архангельск и насчитывавшего 113 человек, на Российскую землю вернулись всего 10 человек.

Короткая справка о погибшем капитане "Единорога":

Булгаков Василий Петрович

1784 г. — поступил в службу гардемаринном,

1755 г. — произведен в мичманы,

1757 г. — произведен в унтер-офицеры галерного флота,

1758 г. — командовал пинком "Холмогоры" при переходе из Кронштадта в Архангельск,

1759 г. — произведен в корабельные секретари и командовал пинком "Холмогоры" при возвращении из Архангельска в Кронштадт,

1760 г. — командовал пинком "Единорог" при переходе Кронштадт — Архангельск, при крушении пинка у берегов Норвегии утонул²⁹⁰.

В норвежских архивах также отложился пласт письменных документов, связанных с этими трагическими событиями: многие местные жители были непосредственными свидетелями гибели российского судна, и свои устные рассказы передавали из поколения в поколение. Позднее эти рассказы попали и в печать; местная администрация в официальных отчетах тоже не прошла мимо события. Наконец, выброшенный на мелководье пинк "потерял" значительное число груза, и это место еще долго было объектом поиска и находок различных вещей, которые вплоть до наших дней хранятся в норвежских домах округи. В 1877 г. на месте гибели "Единорога", которое оказалось четко зафиксированным в народной традиции, были проведены первые водолазные работы с коммерческой целью: поднятые со дна моря более ста железных пушек были проданы в Англию, где использовались в качестве судового балласта или для украшения пирсов. Тем не менее эти работы явились, по существу, первыми подводными археологическими изысканиями русского пинка²⁹¹. Первые научные исследования были проведены в начале 70-х годов: начиная с 1971 г. осуществлено несколько подводных исследований и в расщелинах скал на глубине приблизительно 30 м обнаружено 14 железных пушек (одна из них имела отлитую надпись "Воронеж").

С 1991 г. на месте крушения "Единорога" проводит археологические подводные исследования экспедиция Института археологии Норвежского Университета естественных наук и технологии в г. Тронхейме (NTNU — Norges teknik-naturvitens kapelige Universitet) под руководством доктора М. Э. Ясинского²⁹². Проведение систематических подводных работ стало возможным, потому что всего в 100 м от места крушения "Единорога" проходит подводный газопровод (сама платформа, с которой добывается газ, отстоит от берега на 40 км), и кампания "Статойл" (Statoil), в соответствии с норвежским законодательством об охране культурного наследия, финансирует эти работы и оказывает содействие в использовании современного технологического оборудования²⁹³.

В наши дни профессиональная морская подводная археология невозможна без использования специальных технических средств на всех стадиях работы на подводном памятнике (поиск объекта, фиксация и проведение самих археологических раскопок). Для таких

специфических работ нередко проектируются и изготавливаются абсолютно новые технологические системы, но часто используются и уже известные, которые были предназначены для других целевых работ под водой. Особый интерес для археологов, которые привыкли, в основном, работать руками, представляет применение дистанционного управления средствами передвижения в районе тех участков дна, где располагается археологический объект, лазерные измерительные системы, цифровые карты и т. д. Все это способствует повышению уровня безопасности археологической работы под водой, усиливает эффективность самих исследований и делает возможным проникновение в толщу океана к объектам, находящимся глубже 30 м.

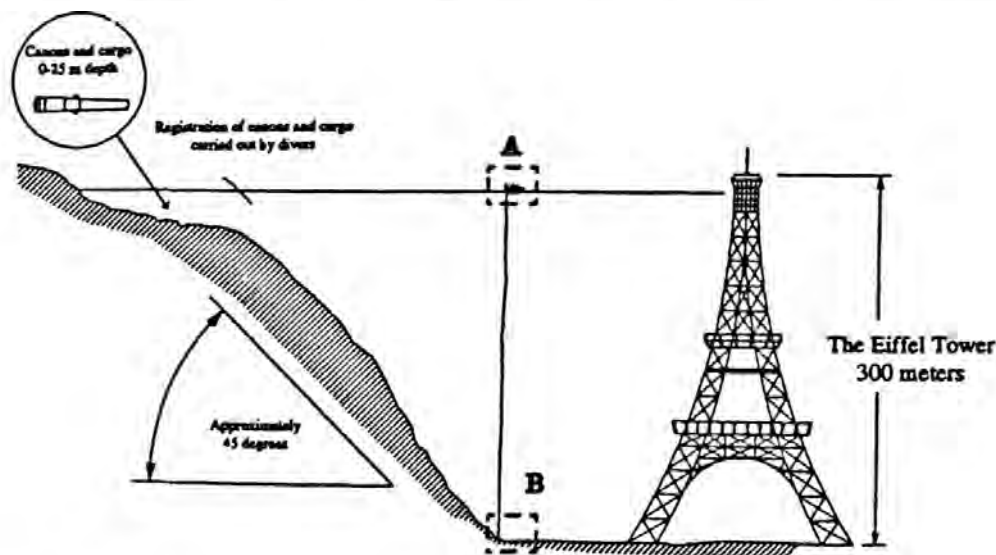

Рис. 32. Места расположения пушек и других находок с погибшего пинка "Единорог" (Эйфелева башня высотой 300 м приведена для сравнения)

Только применение подобных технологий позволило исследовать все участки морского дна, на которых находились остатки русского судна "Единорог", а глубина их залегания достигала более 280 м! Безусловно, использование водолазов-любителей в качестве археологов или применение для исследовательских целей "любительской" техники в данном случае было просто недопустимо.

Для поисков и исследования остатков "Единорога" было задействовано новое технологическое оборудование. Этому способствовало то обстоятельство, что с 1989 г. норвежская морская археология получила дополнительное финансирование (благодаря кампании "Статойл"). Все это было направлено на осуществление проекта по изучению места кораблекрушения. В условиях, когда остатки корабля начали со временем перемещаться с мелководья в места глубоких впадин, было успешно использовано дистанционное оборудование (ROV), подводные системы определения положения объекта, системы лазерного измерения и автоматизированные системы документирования, что было очень актуально. Технология — не новый аспект в морской археологии, но, как показало комплексное исследование "Единорога", совместные усилия археологов и технологов позволяют решать большой и сложный комплекс задач, стоящих перед ними, более эффективно и безопасно для тех, кто археологическими методами исследует историю кораблекрушений и мореплавания.

Таким образом, в результате археологических исследований уже в первые годы работ удалось установить, что остатки "Единорога" разбросаны на довольно значительной площади, причем часть находок зафиксирована на глубине около 30 м, а фрагменты корпуса и какая-то часть предметов с разломанного судна переместилась, а скорее всего — скатилась по склону морского дна на глубину 280—300 м! Медные пуговицы, бронзовые корабельные разновески в виде конусовидных, вставляющихся друг в друга цилиндров (обнаружены два комплекта разновесок)*, куски свинца, проржавевшие стволы пушек — все это поднято со дна морского и сейчас проходит тщательную реставрацию. Особый интерес представляют бронзовые полые цилиндры — разборная мера весов, употреблявшаяся на судах российского военного флота. На дне каждого цилиндра оттиснут герб Москвы — Георгий Победоносец и дата изготовления разновесков — "1750".

* Это обычная на российском флоте во второй половине XVIII в. разборная мера веса (см.: Каменцева Е. И., Устюгов Н. В. Русская метрология. М., 1975, рисунок на обложке; Шостын Н. А. Очерки истории русской метрологии, XI — начало XX в. М., 1990. С. 146).

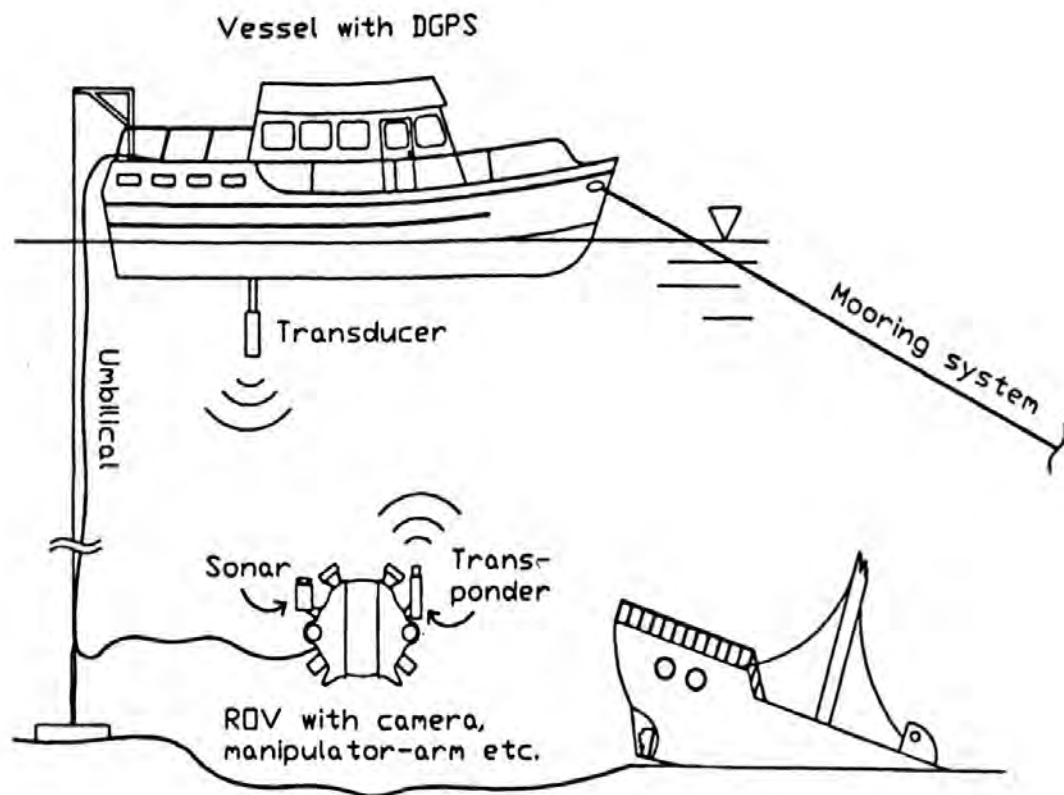

Рис. 33. Принципиальная схема поиска подводных объектов

К сожалению, обстоятельства гибели пинка, а потом и условия залегания остатков судна не способствовали их сохранению — мелкие предметы стали добычей моря, остались преимущественно тяжелые, например пушки. Сохранились и куски дерева из далеких южных стран — пукенхольт. Это прочное твердое дерево использовалось для изготовления шкивов, блоков, иногда нагелей (например, среди припасов, "выписанных из-за моря", в Архангельском Адмиралтействе числилось "дерев азенгоутовых или паленгоутовых на нагели" 1717 фунтов, деревьев паххаутовых "на шкивы" 3829 фунтов и "на нагили" 304 фунта).

Оставшимся в живых матросам удалось спасти с гибнущего пинка совсем немного: "А имянно припасов и материалов: Божия Милосердия образов на деревянных цках — семь, в том числе в серебряном окладе один, книг — Новый Завет, Ветхой — 1, Миния общая, ветхая — 1, Молитвенник киевской печати — 1, припасов — брезент шляпочный — 1..."²⁹⁴

К сожалению, во время подводных археологических работ не удалось обнаружить сколько-нибудь существенных фрагментов деревянного корпуса пинка. Безусловно, чертеж пинка "Единорог" дает полное представление о характере этого типа судна. Правда, в литературе характеристика самого судна типа "пинк" (pink) давно дискутируется, т. к. в различных регионах мирового океана под термином "пинк" подразумеваются суда различного типа и назначения (голландское рыболовное, североамериканское рыболовное, средиземноморское торговое судно)²⁹⁵. Исследователями признается, что в районах Балтийского и Северного морей термином "пинк" обозначали торговое или военно-транспортное (в этих случаях корпус пинка делался более устойчивым к артиллерийскому обстрелу) судно, последнее вооруженное достаточным количеством пушек. Считают, что "пинк" как тип судна может быть определен как гибрид флейта с фрегатом. Кроме того, стандартный корпус пинка мог быть оснащен как

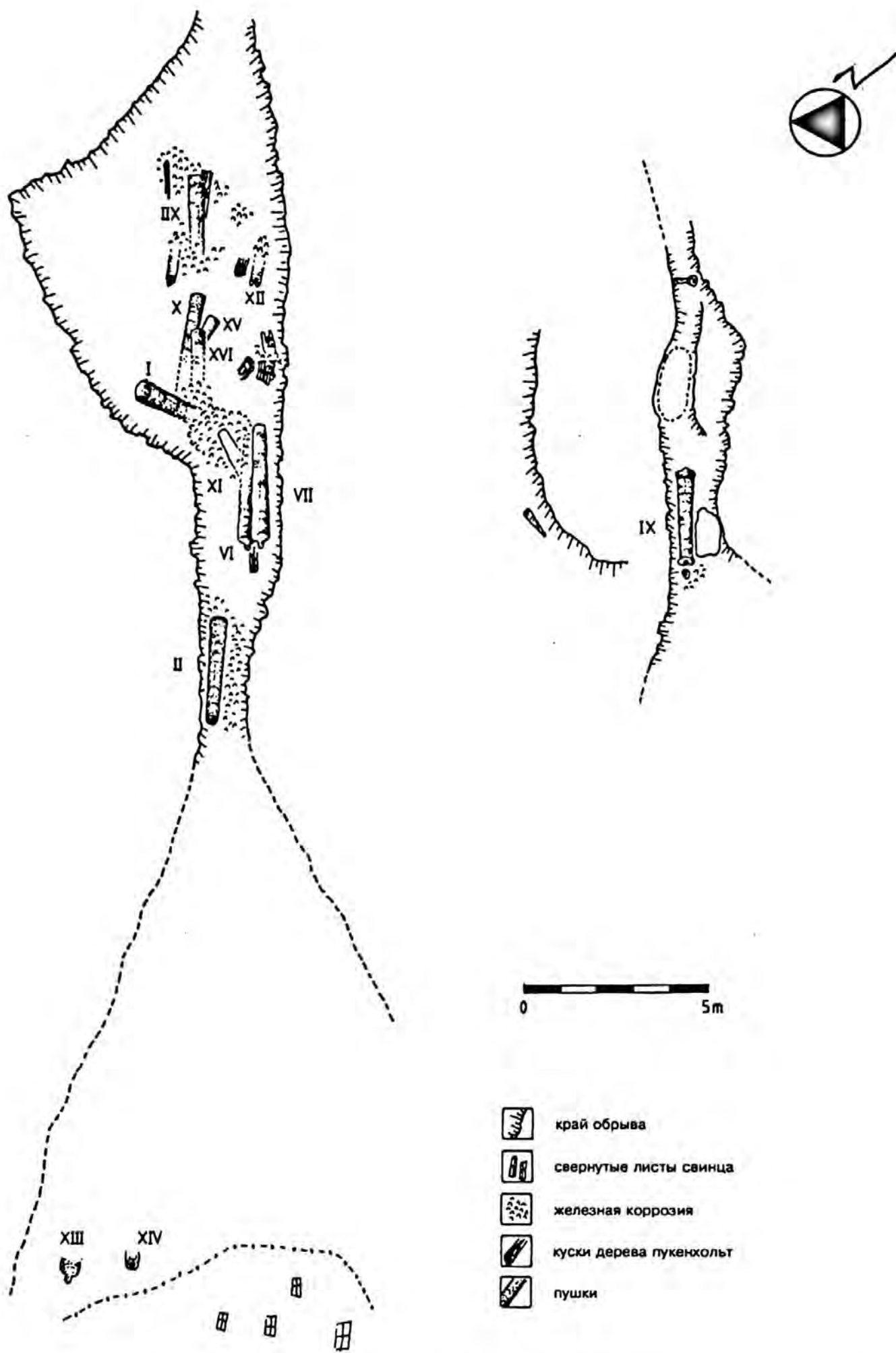

Рис. 34. Место находок на морском дне вещей с пинка "Единорог"

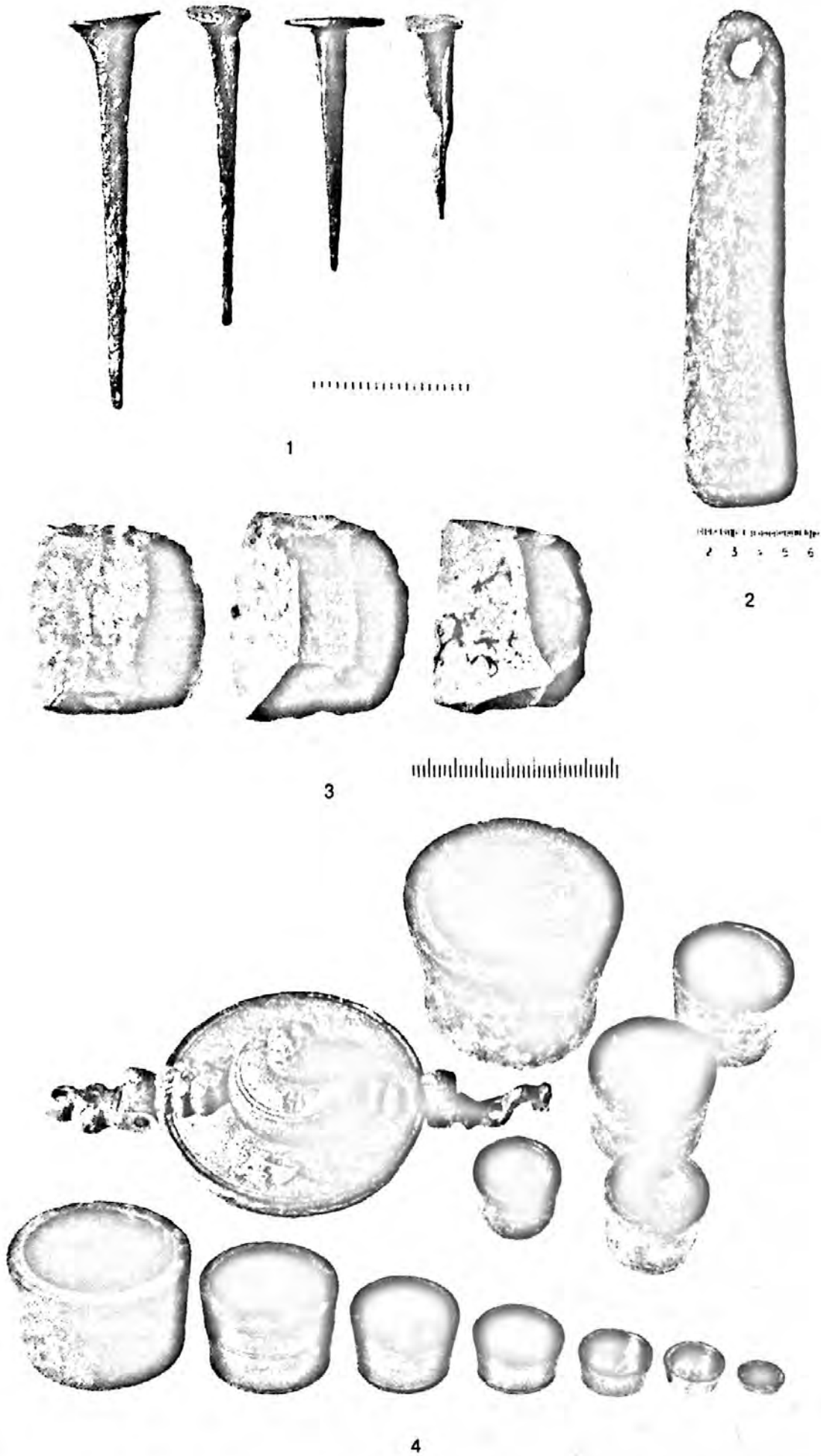

Рис. 35. 1 — железные гвозди; 2 — каменный лот; 3 — ружейные кремни; 4 — два комплекта корабельных разновесков

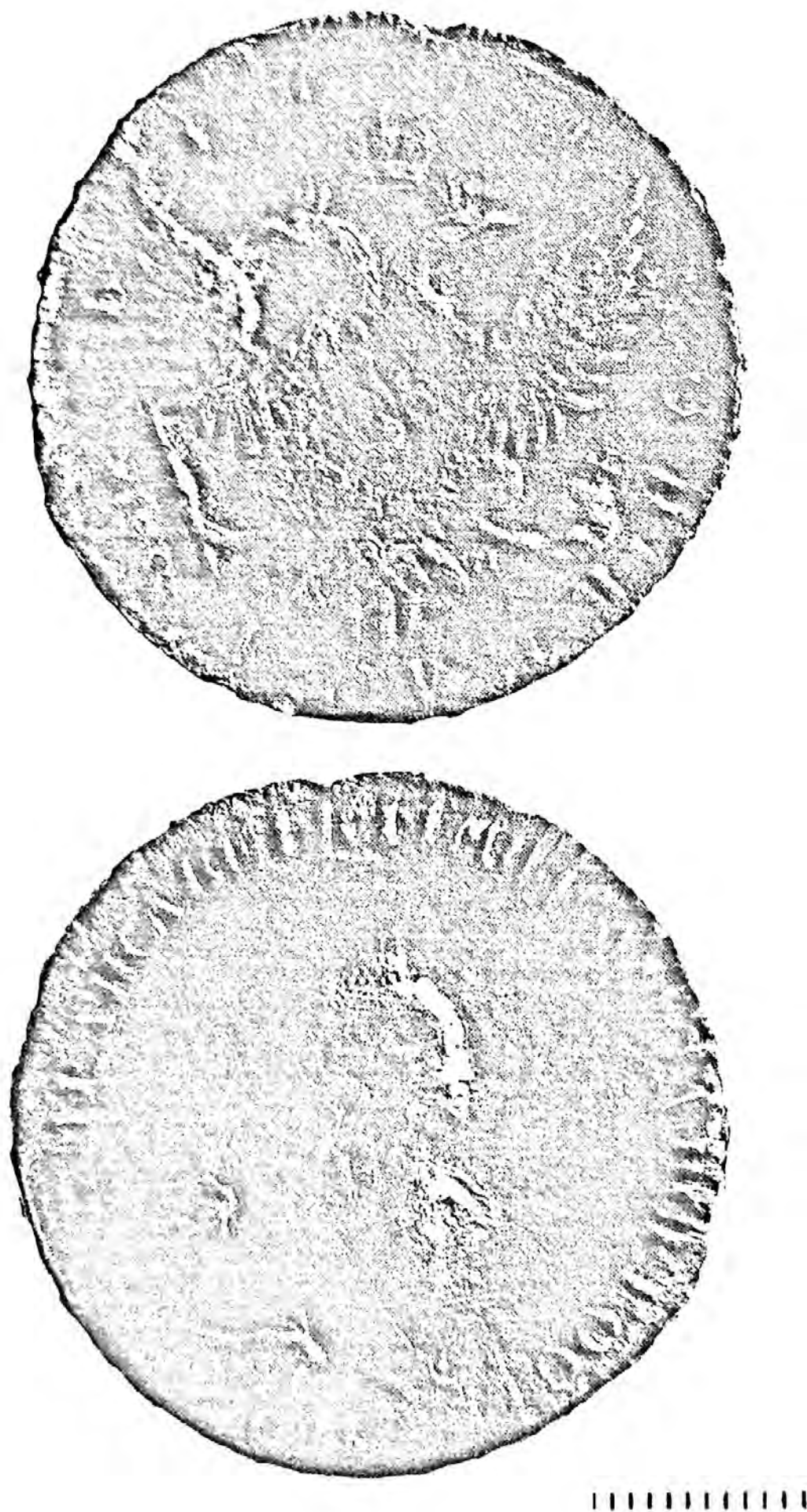

Рис. 36. Полуполтина Елизаветы Петровны

фрегат, как бриг, бригантина, яхта или гукор. Размеры пинков также были различными. Самым крупным из европейских пинков был пинк XVIII в.: длина 47,24 м, ширина 12,08 м, осадка 6,25 м в корме. Первый российский пинк "Принц Александр" был построен и спущен на воду на Санкт-Петербургской Адмиралтейской верфи в 1715—1716 гг. (длина 82 ф. 6 дм., ширина 22 ф. 3 дм., глубина интрюма 8 ф. 7 дм., 24 пушки), корабельным мастером был Броун. Некоторые западные исследователи, не обладая достаточными архивными сведениями и литературой, полагают, что после пинка "Принц Александр" следующий российский пинк был спущен на воду лишь в 1769 г.²⁹⁶ Это не совсем так, потому что пинков, которые входили в состав исключительно Балтийского флота, с 1716 по 1790 г. среди построенных военных судов насчитывалась 31 единица. В 1772 г. для французского морского министра был составлен любопытный документ — полный список военно-морских судов Балтийского, Беломорского (в то время суда этого флота входили в Балтийский флот) и Средиземноморского флотов — всего 252 судна, из которых 20 — это суда типа "пинк" (14 из них имели 14- или 32-пушечное вооружение)²⁹⁷.

Соломбальская Адмиралтейская верфь в Архангельске была основным "поставщиком" пинков для Балтийского флота²⁹⁸.

I. В 1741—1743 гг. здесь были построены:

1. "Новая Земля"	—	строитель И. Попов
2. "Кола"	—	—
3. "Повракул"	—	—
4. "Кильдин"	—	—
5. "Лапоминка"	—	—

(эта серия пинков имела приблизительно равные размеры и вооружение: длина 36,6 ф., ширина 8,2 ф., осадка 3,7 ф., 12 орудий).

II. В 1748—1750 гг. были построены:

1. "Новая Двина"	—	строитель И. Попов
2. "Вологда"	—	—
3. "Повракул"	—	—
4. "Устюг"	—	—
5. "Кильдин"	—	—
6. "Лапоминка"	—	—
7. "Каргополь"	—	—
8. "Холмогоры"	—	—

(эта серия пинков имела больший разброс в размерах: от 30,5 ф. до 36,6 ф. длины, 8,2—8,6 ф. ширины, 3,8—3,9 ф. в интрюме, вооружение — как правило, 22 пушки).

III. Эта серия была построена в 1757—1768 гг.:

1. "Верблюд"	—	Ламбе Ямес, корабельный мастер
2. "Слон"	—	—
3. "Лев"	—	—
4. "Единорог"	—	—
5. "Соломбала"	—	—
6. "Лапоминка"	—	—
7. "Готланд"	—	—
8. "Нарген"	—	мастер Иван Васильевич Селянинов
9. "Венера"	—	мастер Андрей Давыдов
10. "Сатурн"	—	—

(эта группа пинков имела более стандартные размеры: 36,6 ф. длины, 8,6 ф. ширины и 3,8 ф. глубины в интрюме, вооружение — 12 пушек).

IV. Пинки продолжали строить и позднее, но за 10 лет (с 1773 г. по 1782 г.) было построено всего 10 пинков:

1. "Евстафий"	—	корабельный подмастерье Андрей Мальцев
(<i>"Святой мученик Евстафий"</i>)		
2. "Кола"	—	верфь Маймакса, строитель Пругавин
3. "Кильдин"	—	строитель Портнов
4. "Нептун"	—	строитель Голубин
5. "Патриот"	—	—
6. "Мельгунов"	—	верфь на Быку, строитель Негодяев-Кочнев
7. "Соломбал"	—	Соломбальская верфь, строитель Портнов

В этой серии судов "Евстафий", "Кола", "Кильдин" были сделаны по одному стандарту и имели по 38 пушек, "Соломбал" — 24 пушки. Кроме того, большие трехмачтовые пинки для использования в качестве торговых судов строились на Вавчужской верфи (в 1758 г. корабельный мастер Денис Федорович Баженин построил пинк грузоподъемностью 270 ласт (540 тонн), в 1772 г. корабельный мастер Иван Никифорович Баженин построил здесь пинк грузоподъемностью 200 ласт (400 тонн)). На корабельной верфи Уильяма Гома корабельным мастером Вилимом Гунионом было построено 6 больших пинков грузоподъемностью 200 ласт (400 тонн) и 350 ласт (700 тонн). Таким образом, на северных купеческих верфях тоже велось строительство пинков, но уже для торгового флота.

История с промысловым судном

В августе 1759 г. российское промысловое судно было разбито штормом у норвежского острова Камень, в районе Гаммерфеста в Финмаркене²⁹⁹. Остров лежит в полумиле от берега, не населен, и только один раз в год норвежец Андреас Петерсен имел обыкновение там косить сено. Это и спасло 15 российских зверобоев, только четверо из которых к моменту их обнаружения еще имели силы передвигаться. Архангельские промышленники были перевезены морем в Гаммерфест, где заботу о них взяли на себя пастор гаммерфестского прихода Клаус Христиан Килштруп и Петербурх — купец, торговавший в Гаммерфесте, которые "услышали об обстоятельствах помянутых несчастливых людей (т. е. россиян), которые, будучи нам приятели и соседи здешнего государства, привели нас в жалость". Поморцы с разбитого судна, по архивным данным, были посланы на промыслы архангельским купцом Амосом Корниловым и мезенским купцом Иваном Мелеховым. После внимательного ухода и лечения уже через две недели зверобои выздоровели. Норвежцы снабдили россиян судном, на котором они возили обычно дрова, провиантом "на весь путь до самого их отечества на проживу, того что они обещали на другой год наше судно назад привести".

Однако обещание россиян "издержки назад с благодарностию доставить" не было ими выполнено. Более того, как стало известно норвежцам, на судне, которое они предоставили промышленникам для возвращения в Архангельск, артель российских зверобоев снова ходила на промыслы к Шпицбергену.

Можно предполагать, что российские промысловые суда могли часто попадать в подобные критические ситуации, ибо мимо именно северонорвежских берегов пролегал путь поморских зверобоев на Грумант: суда из Поморья шли вдоль Мурманского берега на запад

Рис. 37. Гавань Хаммерфеста в середине XIX в. (по: Arlov Thor B., 1996)

до Норд-капа и далее поворачивали к Шпицбергену, используя более благоприятную ледовую обстановку в условиях теплого течения Гольфстрим.

Как мы предполагаем, ситуация, подобная той, которая приключилась в августе 1759 г., не представляется редкостью. Уникальность этой ситуации в том, что норвежцы, обиженные неблагодарностью спасенных зверобоев и их хозяев, не оставили своих законных претензий и обратились к российскому посланнику в Копенгагене, тайному советнику барону Корфу:

Перевод с реляции тайного советника барона Корфа из Копенгагена от $\frac{5}{16}$ декабря 1761 года.

Присланного ко мне от тайного советника барона Бернсторфа и при сем в копии приложенною нотою требуется возвращения убытков одному священнику да гаммерфестскому купцу в Финмаркене, которые в августе месяце прошлого 1759 года на одном нежиле острове нашли в крайней неимогости и почти с голоду помиравших 15 человек российских подданных, куда они с разбитого корабля спаслись и не токмо от смерти избавлены, но и судном и всеми съестными припасами и прочим снабжены, дабы могли возвратиться в Архангельский город, где те россияне, по их сказкам, принадлежали двум купцам, а именно: 4 из них — Омаусу Кормилкову, живущему в Архангельском городе, а прочие 11 человек — Ивану Мелекову, находящемуся в Мезени неподалеку от помянутого города, и хотя сии российские подданные и обещали не токмо то судно обратно прислать, но и употребленные от помянутых священника и гаммерфестского купца на излечение их и прочее содержание издержки назад с благодарностию доставить, но как сего не воспоследовало, то они писали дважды к хозяевам помянутых людей с присовокуплением щета издержкам, токмо никакого ответу не получали, хотя и достоверно уведомяны, что означенные 15 человек не только благополучно в свое место прибыли, но и на означенном судне к Шпицбергену ездил.

При таких обстоятельствах адресовались они к амтману финмаркенскому, а сей к тайному советнику барону Бенсторфу с прошением об исходатайствовании у вашего императорского величества указу к архангелогородскому губернатору, чтоб упомянутой священник и купец удовлетворены были.

Все вышепоказанное обстоятельство усмотрено будет из приложенных при сем на датском и немецком языках копий с письма от священника и купца к Финмаркенскому амтману господину Гамеру и щета издержкам да с письма амтмана к тайному советнику Бернсторфу.

Я не могу преминуть о сем всеподданейше донести и сие само собою весьма справедливое дело для высочайшего вашего императорского величества рассмотрения всеподданейше представить³⁰⁰.

Можно предполагать, что барон Корф получил письмо от финмаркенского администратора-амтмана, в котором излагались факты, полученные последним от пострадавших:

Письмо священника гаммерфестского и купца к финмаркенскому амтману.

Высокошляхетный и благородный господин Виннер Гаммер, его королевского величества управитель над амтом Вардегудским, высоко повелевающий господин.

Сим приемлем мы смелость вашему благородию покорно представить, что 15 человек российских подданных в августе месяце 1759 года разбило при береге одного острова здесь, в Финмаркене, называемого Камень, который лежит пол-мили в море пред-зером и на котором никто не живет ни же туда ездит, кроме одного человека именем Андреаса Петерссена, который однажды в год приезжает туда сено косить, сей человек помянутых 15 россиян нашел удостоенны жалости состоянии, ибо они начинали уже живота своего лишаться, из которых, однако, он 4 человек, кои еще в силе были и могли помалу итти, перевез с собою шесть миль чрез море сюда в Гаммерфест, а как мы, ниже подписавшиеся, а именно я, Клаус Христиан Килштруп, пастор гаммерфестского прихода, Петер Бурх, купец, торгующий в Гаммерфесте, услышали об обстоятельстве помянутых несчастливых людей, которые будучи нам приятели и соседи здешнего государства, привели нас в жалость, то послали мы на нашем коште бот для привезения с вышереченного острова остальных 11 человек россиян, которые с голоду и стужи почти мертвы находились и которых по большей части как в бот, так и из него носить приуждены были мы, видя жалостное их состояние, да и то, что многие из оных никакой пищи более употреблять уже не могли, но оную обратно с кровью выхаркивали, приложили об них особливое попечение и лекарствами купно с другим за ними хорошим присмотром привели до того, что они по прошествии 14 дней паки по прежнему выздоровели, после чего по объявлению их, что 11 человек из них одному купцу именем Ивану Мелекову, живущему в Мезени, неподалеку от Архангельского города, а прочие 4 человека Омаусу Кормилкову, находящемуся в Архангельском городе, принадлежат, которые оба суть купцы знатные, дали мы в рассуждении того, что никакого иного случая не было сих злосчастных людей в отечество их отправить и что при том здешней бедной земле было бы в жалость столько много людей чрез всю зиму содержать, наше собственное судно, на котором мы для себя дрова возим, и снабдили их потребным провиантом на весь путь до самого их отечества на проживу того, что они обещали на другой год наше судно назад привезти и то, что за наем оного договоренность заплатить, так как и за другие вещи, коими мы их в нужде не снабдили, о чем в сем письме и счет к помянутому Ивану Мелекову тогда послано было, а как они данное им судно не возвращено, ниже платеж по обещанию прошлого года воспоследовал как за наем оного судна, так и за прочее, чему они ссужены не смотря на то, что они в дом свой благополучно приехали, то писали мы вторично к помянутому Ивану Мелекову. Однако ж поныне не получили на то никакого ответа, по сей причине принимаем мы прибежище к вашему благородию как к главному начальнику, нижайше просим дело так рекомендовать, чтобы нам издержки наши по приложенному при сем щету возвращены были, в прочем поручаем мы себя в склонное ваше благоволение и пребываем с униженностью.

Вашего благородия покорные слуги Клаус Христиан Килштруп и Петер Бурх.

В Гаммерфесте, в западном Финмаркене, 30-го июля 1761 году.

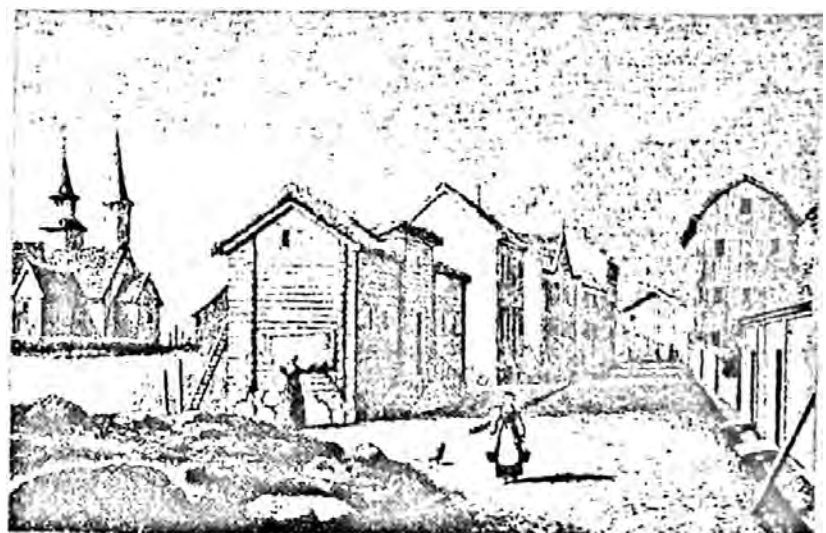

Рис. 38. Хаммерфест. 1838 г. (по: Sivertsen J., 1973)

Счет об издержанных деньгах для 15 занесенных бурю россиян в 1759 году:

За провоз 4-х россиян с острова Камена в Гаммерфест расстоянием 6 миль заплачено Андреасу Петерсену	4 рейхсталеров
За провоз от того же места 11 человек в Гаммерфест	7
За медикаменты и прочее	3
При отправлении их в отечество	
За хлеб, молоко и прочее заплачено	2
За 27 пуд 4 фунта ржаной муки	13—15
За 6 мешков на поклажу	4—8
За пуд просы	4
За 2 пуда овсяных круп	1
За 1 шефель гишпанской соли	2
За 100 двух и трех фунтовых гвоздей	4—4
За 48 березовых плах	2
За 4 бочки воды	2
За один железной котел	1
За 2 пуда сушеной рыбы	1
За 1 бочку соленого мяса	5
За одно судно из соснового дерева с мачтами с двумя парусами, 2-мя якорями, 1-м большим дрегом, 2-мя канатами, 1-им ботом заплачено	150 талеров
За двухлетнее удержание нашего судна, по причине чего мы принуждены были для возки дров судна покупать и нанимать. Также и за удержанные нами деньги, которых уже давно не платят, требуется по крайней мере	20 рейхсталеров
Всего 212 рейхсталеров 12 шиллингов	
Клаус Христиан Кильштруп	
Петер Бук	
В Гаммерфесте июля 30 дня 1761.	
Подлинные переводы и счет подписаны по листам тако.	
С переводами читал актуариус Николай ³⁰¹ .	

События, произошедшие в Западном Финмаркене, получили огласку и в российской столице, из которой в Архангельск было послано, по всей видимости, указание “разобраться” в том, что же произошло. Такое расследование в Архангельске было произведено:

1762 году марта 4 дня по силе учиненного Архангелогородской Губернской канцелярии определения мезенец Иван Мелехов допрашиван, а в допросе сказал:

В прошлом 1759-м году в июне месяце отпущено было мной от него, Мелехова, судно с работными людьми для сальных и звериных моржовых промыслов на Грумант, и в том году в июле месяце недоезд до оною Груманта оною судно обще с отпущенными от города Архангельского в том же году на оною сальной моржовый промысел его высокографского сиятельства господина генерала фельдцейтмейстера (на палях: генерал-фельдмаршал) и разных орденов кавалера графа Петра Ивановича Шувалова из Архангелогородской промысловой конторы да Данилова раскольнического скита от раскольника Амоса Корнилова двумя судами во льдах растерло, а бывших на тех судах, как его, Мелехова, тако ж и показанного раскольника Амоса Корнилова работных людей в малых карбасах занесло бурю в Датскую землю в Финмаркен на пустой остров, а потом оттоль в том же 1759 году в сентябре месяце, а которого подлинно числа, сказать он, Мелехов, не упомнит, оные занесенные бурю в Датскую землю в Финмаркен на пустой остров работные его люди 11 человек обще с показанными Данилова раскольнического скита раскольника Амоса Корнилова работниками же его четырьмя человеками на судне, данном им от тамошних жителей к ним, Мелехову и Амосу Корнилову, оттоль обратно в Мезень возвратились и данные от тамошних жителей оным работникам как съестные припасы, тако ж и судно получено и издержанные на оных работников, как он, Мелехов, за свою часть, тако ж и за показанного раскольника Амоса Корнилова деньги что надлежит заплатить должен, и ежели оные повелено будет датскими или за оные сколько причтется российскими деньгами заплатить в Санкт-Петербурге в Государственной коллегии иностранных дел, то за него, Мелехова, и за вышепоказанного раскольника Амоса Корнилова заплатит живущий здесь, у города Архангельского, ревальский купец Беренд Яган Родде, а за оною купца Ягана Родде заплатит же живущий в Санктпетербурге иностранный купец Чарлес Рейнгот, и в том он, Мелехов, на оною купца имя даст вексель и в сем допросе сказал он, Мелехов, самую сущую правду.

К сему допросу мезенец Иван Мелехов руку приложил³⁰².

Последний документ наглядно показывает характер экономического сотрудничества между российскими северными землями и норвежским (датским) Финмаркеном, а может быть, и не только Финмаркеном: мезенец Иван Мелехов предложил вариант расплаты за свои долги и долги Амоса Корнилова — “...датскими или за оные сколько причтется российскими деньгами заплатить в Санкт-Петербурге в Государственной коллегии иностранных дел, то за него, Мелехова, и за вышепоказанного раскольника Амоса Корнилова заплатит живущий здесь, у города Архангельского, ревальский купец Беренд Яган Родде, а за оною купца Ягана Родде заплатит же живущий в Санктпетербурге иностранный купец Чарлес Рейнгот, и в том он, Мелехов, на оною купца имя даст вексель...”

Имя одного из двух российских судовладельцев — Амоса Корнилова довольно часто встречается в письменных документах, связанных с морскими промыслами, т. к. он начал отпуск “от города Архангельского на море и на Грумант для звериных и сальных промыслов” новоманерных судов еще в 40-х годах XVIII в.³⁰³

Несомненно, история экономических или культурно-экономических контактов между Норвегией и Архангельским Поморьем в XVIII—начале XIX в. требует дальнейшего исследования, но мы приведем несколько фактов.

Очень любопытны данные письменных документов о попытках норвежцев в последней четверти XVIII в. организовать совместную промысловую деятельность в водах Арктики³⁰⁴. Дело в том, что во второй половине XVIII в. шел активный процесс формирования норвежских морских зверобойных промыслов в высоких широтах, и поэтому русский опыт в этих промыслах был полезен. Один из самых влиятельных и богатых коммерсантов Хаммерферста — Петер Христиан Бук, желая активизировать эти промыслы в Северной Норвегии, отправил в 1778 г. яхту “Фореллен” на Шпицберген, чтобы у зимовавших там русских промышленников-зверобоев норвежцы могли позаимствовать опыт. Однако ледовая обстановка в районе Шпицбергена была для норвежцев неблагоприятной и судно вернулось обратно. Но Бук был настойчив, и уже на следующее лето он договорился с кормщиком русского промыслового судна Филатом Сомоновым, который зимовал в Хаммерферсте зиму 1778—1779 гг., о проведении совместной промысловой экспедиции на Шпиц-

Рис. 39. Судно-китобой “Jonas im Walfisch” из Гамбурга на пути к Шпицбергену в 1671 г. (по: Arlov Thor B., 1996)

берген. 23 мая 1779 г. судно Филата Соменова с российско-норвежским экипажем, а в него входили, кроме русских, еще четыре норвежских промышленника, а также сын коммерсанта Бука — Эдвард Крафт Бук, взяло курс на Шпицберген. Казалось, злой рок преследовал Бука — уже у берегов Шпицбергена заболел его сын, судно вернулось в Вардье, где Эдвард Бук умер. Однако в 1794 г. кампания “Братья Бук” все же послала на Шпицберген судно “Кьелле-фиорд” с командой в 10 человек, из которых двое были русскими — штурман и гарпунер.

В последующее время, уже в первой половине XIX в., судьбы морских зверобоев двух стран пересекались не один раз. Например, в 1836 г. у берегов Шпицбергена потерпели крушение два норвежских промысловых судна, их команды нашли спасение на берегу. Норвежцы отыскивали русское становище и судно “Святой Федор Стратилат”, которое было послано из Архангельска в 1835 г. Норвежцы рассказали, что в становище — в домике и около жилища — они обнаружили тела русских зверобоев. Норвежские промышленники воспользовались русским судном для возвращения на родину. В том же 1836 г. около Шпицбергена потерпели крушение два русских промысловых судна, команды которых были спасены двумя норвежскими судами — “Трифон” и “Фортуну”.

Заканчивая небольшой сюжет о кораблекрушении у острова Камень, мы считаем необходимым отметить, что остров Камень может послужить объектом археологических подводных работ (до сих пор таких работ у острова не проводилось), являясь реальным и конкретным пунктом на географической карте Скандинавии, где произошла гибель поморского судна.

На пути к Шпицбергену

В 1763 г. М. В. Ломоносов завершил одно из своих интереснейших исследований — “Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможности прохода Сибирским океаном в восточную Индию”. В морских кругах того времени эта работа именовалась “Разсуждения о возможности проходу Сибирским океаном в Восточную Индию” или “Книга о возможности прохода из Северного океана в Тихое море”. Используя опыт поморского мореплавания и промыслового освоения арктических островов, и в первую очередь архипелага Шпицберген, Ломоносов писал: “По новым известиям грумантиков и новоземельских промышленников явствует, что поиск морского пути по северу на восток удобнее начать можно от Западного Грумантского берега, нежели с Новой Земли, для того что тамошний климат оказывается теплее”. В мае 1764 г. судьба этого экспедиционного проекта была решена положительно: граф Чернышев, вернувшись из Царского Села, где он имел аудиенцию у Екатерины II, объявил собранию членов Адмиралтейств-коллегии, что проект одобрен и с целью засекретить истинные цели экспедиции она будет объясняться нуждами “китового промысла”³⁰⁵.

Ломоносов писал: “Северный океан есть пространное поле, где усугубиться может российская слава, соединенная с беспримерной пользой чрез изображение восточно-северного мореплавания в Индию и Америку”. Для “Экспедиции северо-западного проходу”, как стала именоваться экспедиция, Ломоносов пишет ин-

струкции, изобретает новые навигационные приборы, разрабатывает планы создания на берегу Западного Шпицбергена экспедиционной опорной базы. На этой базе должна была зимовать морская команда для подстраховки экспедиционных судов. На май 1765 г. планировалось начало морской экспедиции под началом капитана В. Я. Чичагова, впоследствии адмирала, а в первой половине июня 1764 г. для выбора места зимовки и доставки жилья и оборудования из Архангельска отправился отряд кораблей во главе с лейтенантом М. С. Немтиновым. Командирский пинк “Слон” и пять нанятых поморских судов — “Св. Иоанн”, “Св. Дионисий”, “Св. Николай”, “Св. Наталия” и “Св. Архангел Михаил” — с экспедиционным снаряжением взяли курс на Шпицберген. Можно отметить, что для шпицбергенского похода поморские промысловые суда были несколько модернизированы: было велено “для предохранения от льдов обшить сосновыми досками все корпуса от бархоута по ватерлинию трехдюймовыми, а от ватерлинии до киля дюймовыми, форштевни обить железными полосами”³⁰⁶. Поход этот был не прост — при штормовой погоде в тяжелой ледовой обстановке командирский пинк “Слон” получил повреждения левого борта — “проломило все три обшивки, и отрешило от кокор нагели, и болты вытянуло”. Гукор “Св. Дионисий” под командой унтерлейтенанта Федора Ярыгина также получил повреждения и вынужден был повернуть на обратный курс: “...а с того 1-го по 14 сентября ж за противными ж ветрами и крепкими штормами войти в ту губу не мог... В тож время от крепких ветров и штормов делались на гукоре повреждени(я): сентября 2 числа на левой стороне переломились грот вант пютензы. В то ж время с крайнею нуждою прорубаны были у борта дыры для крепления вант и едва могли оныя укрепить. Того ж числа на оной же стороне перервалось грот ванта и в гукор вода стала умножаться”. На следующий день в борте, “где были креплены ванты, отделился борт и оного исправить никак было не можно, чего ради поворотился на другой галс, чтоб был помянутой борт под ветром”. Еще более двух недель боролась команда со штормом и исправляла повреждения. Только 27 сентября, потеряв надежду на возможность спасти судно и “опасаясь, чтоб в море с потопаемым гукором не унесло”, команда села в карбас. Карбас причалил к острову Суру, откуда команда была перевезена в Архангельск. Государственная Адмиралтейств-коллегия, “усмотрев из вышеписанного обстоятельства, что объявленного ундер лейтенанта Ярыгина в пути предосторожности для сохранения порученного ему судна интереса и служителей употреблены до самой крайности, что уже более возможности ево не оставалось, определила: оного Ярыгина и команды ево служителей не токмо по комисской сентенции учинить свободными, но за таковое ево добропорядочные и старательные, как от исправного морского офицера требуется, поступки похваляем, за что и написан минувшего октября 20 дня в лейтенанты”. В этом походе пострадало только судно и груз (3 избы из 10 предназначенных для матросов-зимовщиков), но описанные почти день за днем события на терпящем бедствие судне показывают, насколько опасны были плавания поморских промысловых и военных судов в водах Арктики.

О судьбе гукора “Св. Дионисий” и его команды известно было немного. Вот краткие сведения из

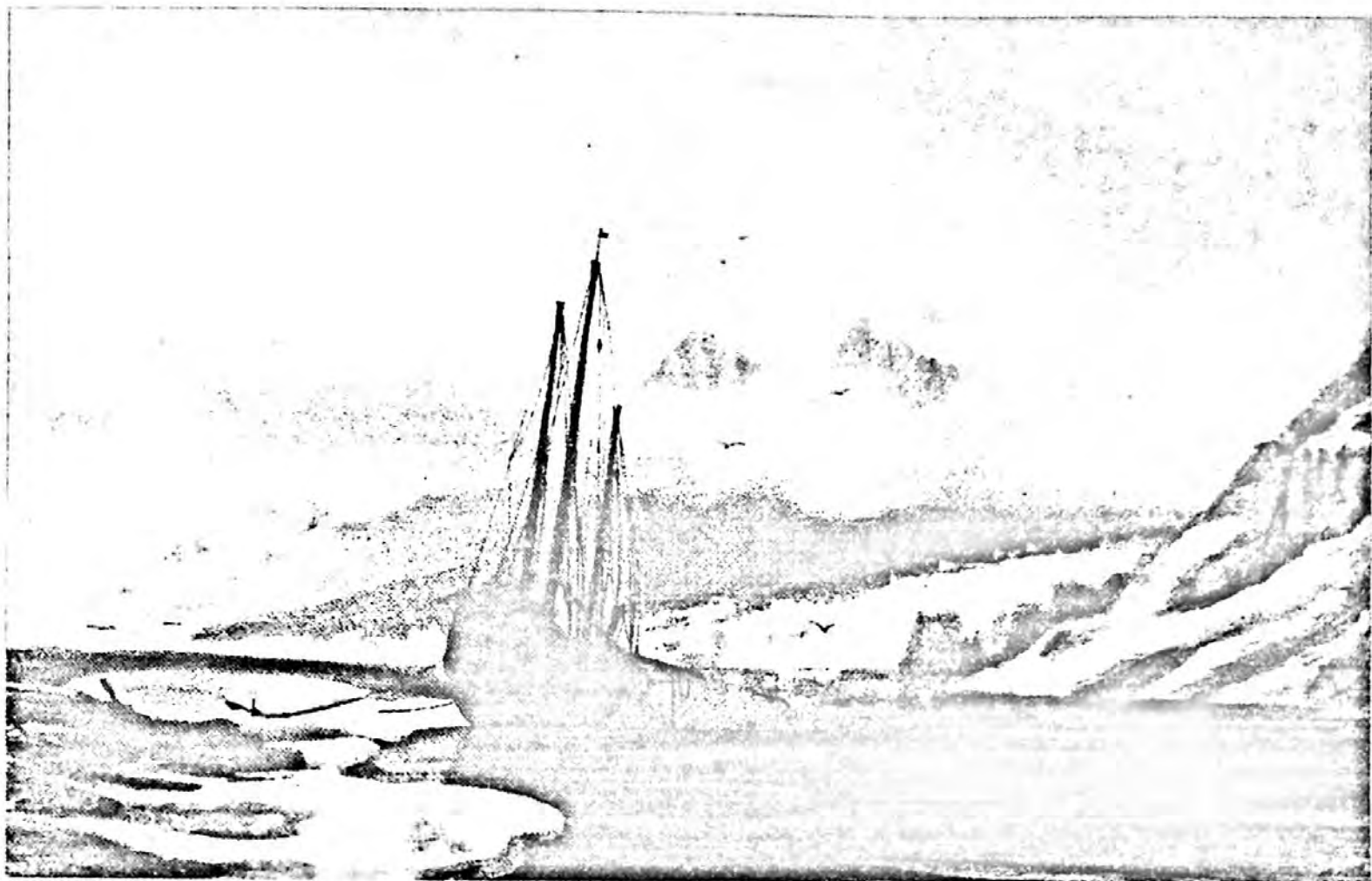

Рис. 40. Литографии из "Атласа Питтереску".
Вверху — русское судно в бухте Решерж; внизу — русские кресты на Шпицбергене

Рис. 41. Русские кресты на Шпицбергене
(по: Arlov Thor B., 1996)

“Общего морского списка” о капитане гукора Федоре Ярыгине:

ЯРЫГИН, Федор

- 1753 г. февраля 1. Поступил в кадеты морского корпуса.
 1756—1759 г. Ежегодно находился в кампаниях в Балтийском море и сделал переход из Кронштадта в Архангельск и обратно в Кронштадт.
 1757 г. февраля 20. Произведен в гардамарины.
 1758 г. апреля 24. Произведен в мичмана.
 1759 г. Командуя палубным ботом, плывал от Ревели до Копенгагена.
 1760—1761 г. Участвовал в кольбергской экспедиции.
 1762 г. мая 22. Произведен в унтер-лейтенанты. Находился в береговой команде при провиантских магазинах в Кронштадте.
 1764 г. Командуя гукором “Св. Дионисий”, плывал из Архангельска к острову Шпицберген, выдержал шторм при сильной стуже в широте 78 и на обратном пути, по причине открывшейся в гукоре течи, принужден был покинуть его в Белом море и спастись экипаж на шлюпках.
 1765 г. ноябрь 20. За распорядительность в спасении команды гукора “Св. Дионисий” произведен в лейтенанты.
 Выбыл до 1769 г.³⁰⁷

Пока нам известен только один документ, непосредственно связанный с историей гукора “Св. Дионисий” и его капитана Федора Ярыгина:

Сентября 2 дня сего году в присланном ко мне из Государственной Адмиралтейской коллегии ея императорского величества указе написано, что унтер лейтенант Федор Ярыгин в прошлом 764-м году отправлен был от Архангельска порта с прочими судами на гукоре Святой Дионисий на Шпиц Бергин, которой 25 августа и увидел по положению по карте и по счислению ево против Кламбайской губы, но во оную за противным ветром войти было никак невозможно. И с того 25-го августа всекрайнее старание и рачение употреблял ко входу во означенную губу. И сентября по 1-е число за противными ветрами и штилями, а с того 1-го по 14 сентября ж за противными ж ветрами и крепкими штормами войти в ту губу не мог, и доносило, как значит по счислению ево, в ширину 78 градусов и 30 минут. В то ж время от крепких ветров и штормов делались на гукоре повреждени(я): сентября 2 числа на левой стороне переломились грот вант пютензы. В тож время с крайнею нуждою прорубаны были у борта дыры для крепления вант и едва могли оныя укрепить. Того ж числа на оной же стороне перервалось грот ванта и в гукор вода стала умножаться. А 3 числа усмотрено от прорубления в борте дыры, где были креплены ванты, отделился борт и оною исправить никак было не можно, чего ради поворотился на другой галс, чтоб был помянутой борт под ветром. А 5 числа порвалась грот ванта на левой стороне. 3 числа штормом изодрало паруса грот, фок и бизань, ис которых едва с каждою мог исправить починкою фок и бизань, а грота за многим изобранием исправить было невозможно. А 9 числа осмотрено от великия качки перебило три грот ванты на правой стороне и для укрепления сделан помочь из старого канату, но по толстоте оною было малое вспо-

можение, потому что в тугость натянуть было невозможно, а других крепить было нечим. А 13 числа увидел к осту землю, которая по признанию у Кламбайской губы, точно того числа за противным ветром войти было никак невозможно.

А 14 дня ветр стал на берег и оной усиливается, а в помянутую гавань итти было никак невозможно за имевшимся туманом, частым хождением туч и снегу, которыми покрывало берег. Лавировать сим у того острова было опасно по ветхости того гукора, такелажа и парусов, чтоб усилившимся ветром не принесло на берег, да и время стало осеннее и по тамошнему климату немалая стужа, так что на палубе был лед, от чего команды ево служителей стали приходиться в слабое здоровье и в крайнее изнеможение, а напоследок зделалось много больных, чего ради зделал оной Ярыгин обще с командою кансилиум, по которому за вышеписанными резоны, оставя старание ко входу в Кламбайскую губу, поворотились от Шпиц Берхина в возвратной путь к Z. А 19 числа от крепкаго ветра усилилось в порученном ему гукоре течь и усмотрено в носу немало воды, которая во льяло не переходила, потому что льяло замыло песком и глиною, и за тежелостию носу руля слушать не стало. Чего ради рубили в носу погруженной лес и бросали за борт, а означенную воду выливали из носу ушатами и ведрами, а ис кормы помпами безпрестанно. А 25 сентября при норд-остовом шторме сломило грот мачту, вместо которой поставили грота реи и привязали зделанной из ызорванного грота малинкой парус. А гукор от крепкаго шторма весьма стал течь, чего ради держал к берегу, которой 26 сентября увидел к зюйду при тумане, и зделался штиль. А 27 числа земли имелось в виду ва антретовом расстоянии милях в 5, а вода усилилась в полгукора, и всеми мерами он старался с командою из судна выливать воду, но она в гукор весьма умножилась, так что напоследок и отлитца было невозможно. И от безпрестанного литья воды служители пришли во изнеможение, а из оных немало больных зделалось. А ветр стал делаться со штиля к земле противной, и так дошли до самой крайности, и, опасаясь, чтоб в море с потопляющим гукором не унесло, того ж 27 числа со общего кансилиума положили, чтоб как возможно жизнь свою спасти, и разсудили со всеми служителями сесть в карбурс и отдыться во власть Божию, ехать к берегу, которой от нас, как выше значит, не в далном разстоянии, а гукор оставить в море, и оставлен, почему на берег и со служителями съехал чрез 1 час. И пристали к острову Суру, откуда он и команда ево служители перевезены в Архангелогородской порт.

И по сему обстоятельству комиссия ему, Ярыгину, и команды ево служителям в силе Морского устава книги третьей главы первой о капитане артикулов вины никакой не приписала из Государственной Адмиралтейств коллегии, усмотрев из вышеписанного обстоятельства, что объявленного унтер лейтенанта Ярыгина в пути предосторожности для сохранения порученного ему судна интереса и служителей употреблены до самой крайности, что уже более возможности ево не оставалось, определила: оною Ярыгина и команды ево служителей не токмо по комисской сентенции учинить свободными, но за таковое ево добropорядочные и старательные, как от исправного морского офицера требуется, поступки похваляем, за что написав и написан минувшего октября 20 дня в лейтенанты. А как он, Ярыгин, по росписанию состоит во 2-й дивизии на карабле Святом Андрее Первозванном и ныне

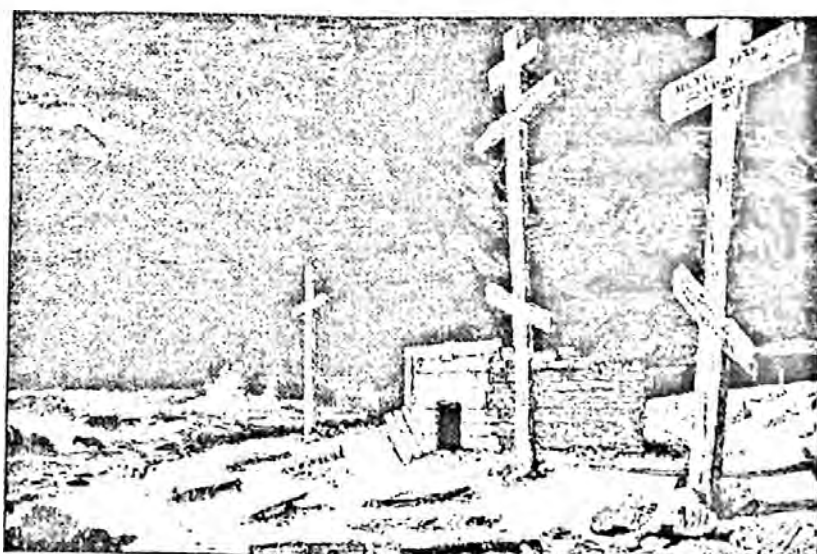

Рис. 42. Шпицберген. Русские кресты XVIII—XIX вв. в заливе Кельхау (по: Conway M., 1906)

находится у города Архангельского, а на оном корабле состоит лейтенантом четыре, чего для ныне написан мною в компетное число в ту же дивизию на фрегат Надежду. И посланным от меня к главнокомандующему в Архангелогородском порте господину карабельному мастеру Селянинову орденом велено его, Ярыгина, тем вновь пожалованным чином привести к присяге, жалованье производить ему по лейтенантском окладу в силе вновь опробованной коллежской должности с начала генварской трети будущего 766 году и за повышения чина и прибавку трактаменту вычет учинить по указу. Того ради, ваше превосходительство, изволте приказать оного Ярыгина с карабля Святого Андрея Первоузанного из числа ундер лейтенантов выключить, а написать в списки на фрегат Надежду тем вновь пожалованным чином и до присылки ж настоящей команде числить при Архангелогородском порте. А о вышеписанном в командах объявить, дабы, смотря на то, и прочие афицеры старались в своих должностях быть ему подобными³⁰⁸.

“Русская зима” 1779—1780 гг.

в норвежской гавани Эквог

Русская эскадра под командованием контр-адмирала Хметевского возвращалась из крейсерского похода из района мыс Норд-Кап — остров Кильдюин и 4 октября 1779 г. пришла на Копенгагенский рейд, стала на якорь. Многие корабли имели мелкие повреждения, более значительные повреждения имел флагманский корабль “Вечеслав”. На Копенгагенском рейде отсутствовали два русских судна — корабль “Храбрый” и транспортное судно “Кильдюин”. Уже 5 октября Хметевский доносил о событиях сентября:

Минувшего сентября 21 дня, идучи с эскадрою против Ланфонстата при благополучном крепком NO ветре и великом волнении, на корабле “Храбром” грот и бизань-мачты и фор-стенгу сломало, которому для помощи в случае его надобности определено от меня судно “Кильдюин”, и тем крепким ветром эскадру на несколько дней разлучило.

А 24 числа корабль “Храбрый” случайно у Дернеуса со мною соединился и командующий онаго корабля капитан Мусин-Пушкин рапортом донес, что в бывший крепкий ветер с ветренной стороны на юферсах трех оковка разорвалась, а у прочих всех талрепы порвалися, от чего наперво грот, а потом с ней бизань и фор-стенгу сломило, в то ж время закрепя грот-марсель, и не успели еще сойти, также и на крьюйс-марсе люди обыкновенные находились, боцмана 1, квартирмейстеров 2 и матросов 40 человек безчастно пропали, корпусу же корабля повреждения никакого не причинило³⁰⁹.

Шквал ветра и воды мгновенно сломил грот-мачту, потом бизань-мачт и фор-стенгу с реями, стеньгами, парусами и такелажем, и “потонули бывшие тогда на марсах для убирания и укрепления парусов во время сего крепкаго ветра...”⁴³ моряка. Контр-адмирал Хметевский, “видя, что оному кораблю далее следовать к своим портам никак не можно, командующему того корабля флота капитану Мусину-Пушкину приказал для спасения корабля и людей идти в ближайший порт, который 25 сентября в виду его, Хметевского, и вошел неподалеку от Дернеуса в местечко, называемое Оут-сило...” Документы сообщают, что “корабль Храбрый под изодранным флагом продолжал держаться в виду берегов и 26 сентября, сопровождаемый судном Кильдюин, вошел в лежащую близ Ланфонштадта гавань Эквог”. Так начиналась “русская зима” для небольшого норвежского приморского района.

В Архангелогородском Адмиралтействе в Соломбале 12 ноября 1773 г. был заложен линейный корабль “Храбрый”. Это было большое (длина 160 фут., ширина 44 фут. 6 д., глубина интрюма 19 фут.) военное судно, вооружение которого должно было состоять из 66 пушек. Два мастера-корабеля работали на постройке

корабля — строительство начиналось под руководством Гуниона, а затем завершал корабль Портнов³¹⁰. Из рапорта в Адмиралтейств-коллегию: “Слушали Архангелогородской конторы над портом рапорт, коим доносит, что 21 мая спущены на воду построенные при том порте два корабля под № 62 и 63”³¹¹. Дело в том, что все военные суда в Российском флоте по рангам (корабли, флейты, пинки) имели свои порядковые номера, которые и после присвоения судам собственных имен использовались в официальных документах.

1 мая 1777 г. императрица соизволила “состоящим у города Архангельского на воде кораблям..., кои числятся под №, дать имена: кораблям... № 62 Св. Николай, № 63 Храбрый...”³¹² Судьба корабля “Храбрый” оказалась связанной с теми событиями, которые разворачивались в то время в Северной Атлантике. 26 января 1779 г. в Адмиралтейств-коллегию был послан высочайший указ: “По причине последовавшего в прошлом году помешательства в навигации и торговле иностранных народов к нашим северным портам, Онежскому и Архангельскому, от одного американскаго капера, который около Кап-норда³¹³ чрез несколько недель держался, признали мы за нужно и полезно принять достаточныя меры к ограждению оных от подобных неудобностей”³¹⁴. В связи с этим велено было “как можно скорее снарядить, вооружить и снабдить всем потребным два военные корабля и два фрегата к выступлению в море, предписывая определяемому на них командиру, “чтоб он по открытии весною навигации вышел в Северное море и чрез все лето крейсировал там от Белого моря до Кап-норда и в окружности онаго, составляя из эскадры такую цепь, дабы без ведома его ни одно судно прокрасться не смогло...”³¹⁵

Эту задачу должна была выполнять соединенная эскадра; готовилась к походу первая часть эскадры с Балтики, т. к. “снаряжаемая у города Архангельскаго небольшая эскадра не может выйти из Белого моря по причине льда прежде июня месяца”. Поэтому в указе предписывалось: “...для выигрывания времени повелеваем мы равное число кораблей и фрегатов выслать весною по самому первому пути к Кап-норду из Ревельскаго порта, которым там равным образом крейсировать и соединиться потом с архангелогородскою эскадрою”³¹⁶. Балтийской эскадрой командовал контр-адмирал Хметевский, который после соединения у Норд-капа с архангельской эскадрой должен был командовать всеми объединенными судами.

В октябре 1779 г. Адмиралтейств-коллегия докладывала императрице о событиях года: “По всеподданнейшему вашего императорскаго величества повелению отправлены были эскадры из Ревеля и города Архангельскаго под главною командою контр-адмирала Хметевского для крейсирования в Северное море, в каждой по два линейных корабля, по два фрегата и по одному транспортному судну”. Балтийская эскадра отправилась из Ревельскаго порта 28 апреля, была на копенгагенском рейде 10 мая, а 12 июля — у Норд-капа. Любопытно, что, направляясь в район крейсирования, корабли и фрегаты должны были иметь лоцманов, “кои весь край от Норд-капа до Белого моря известны”, причем на ревельской эскадре должны быть ревельские лоцманы, а на архангельской эскадре предписывалось “для сего иметь людей, кои в сих местах промышляют”. На каждом судне должно было быть по два лоцмана.

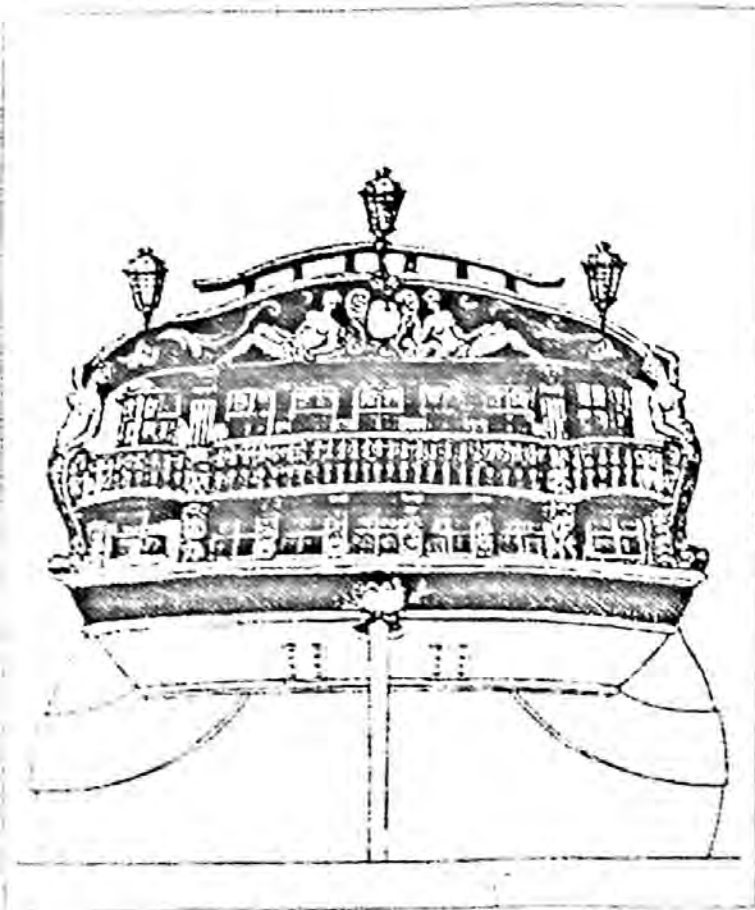

Рис. 43. Кормовое украшение 66-пушечного российского корабля (по: Адмиралтейские верфи, 1994)

И вот об архангельских промышленниках, “кои в сих местах промышляют”, сохранился любопытный документ — список кормщиков, взятых на архангельскую часть эскадры Хметевского:

Получен 6-го июля 1779 году.

Высокородному и превосходителному господину контр адмиралу и ковалеру Степану Петровичу Хметевскому флота капитана Мусина Пушкина Покорнейший рапорт.

Прошедшаго апреля 17 и мая 7-го числ при указах ис Канторы главного командира Архангелогородского порта присланы ко мне представленные во оную Кантору при предложении от главного в Архангелогородском порте командира господина генерал майора Лаврентья Савельевича Вакселя, а к нему прислан Головщина явившийся ис поморских волостей выбранныя тамошними сотскими с крестьяны к бытию на караблях и других военных судах при крейсеровании оных сего года в Северном море, знающия датскаго владения места и становища кормщики, всего 11 человек, с тем, чтоб оным кормщикам порученной мне эскадры на карабли, и фрегаты, и транспортное судно росписание учинить по моему рассмотрению, и как оне определятся на суда, то с выходу оных на рейс производить им морской провиант против рядового весь сполна; и в число обещанных им по общему помянутому главному в Архангелогородском порте командира з господином губернатором разсуждению каждому по пятидесяти рублей за рейс, ныне (?) напервое на платеж подушных и протчих податей по дватцети рублей каждому по посланной х казначейской должности асигнации и выдано. И оные выданные денги по дватцети рублей по прибытии к главным портам при выдаче им досталных денег вычесть и до своих селений их от тех портов доставить на казенном коште. И во исполнение Канторы главного командира Архангелогородского порта указа оные кормщики в порученной мне эскадре на карабли, фрегаты и транспортное судно мною и распределены, а кто оныя имяны не которое судно, при сем вашему превосходительству с покорностию предлагаю список.

Алексей Мусин Пушкин.

Июля 6 дня 1779 году.

Разослать приказано и на ревальския карабли, фрегат и транспортное судно ... на каждой по одному. Июля 8 числа.

Список
определенным на карабли, фрегаты и транспортное судно
кормщикам

	Кто имяны	На которые суда разпределены
Сумскаго острога Колмогорской мещанин	Экономического ведомства крестьяна Федор Круглых Иван Плотников Василей Кашин Василей Спиридонов	на Храбрый
Кемскаго городка деревни Афонинской Троицкой и Ухтоостровской волости	Иван Короткой	на Св. Николай
Лисестровской волости Деревни Пойгинской	Михаила Окулов Андрей Горбунов	на фрегат № 29
Лисестровской волости Оротской волости деревни Ендогубской	Василей Пычев Иван Исаков	на фрегат № 32
Устьнемской волости Кушерецкой волости	Иван Ильиных Максим Леонтьев	на транспортное судно

Итого 11 человек

Клерк Иван Тердянов³¹⁷.

В конце мая архангелогородская эскадра была окончательно готова к выходу в море:

30 мая. Корабли Храбрый и Св. Николай вытянулись из Лапоминской гавани и стали верповаться к Бару.

1 июня. Пройдя Бар, стали на якорь.

9 июня. Пришел из Лапоминки фрегат № 32 и присоединился к эскадре.

10 июня. Пришел из Лапоминки фрегат № 29 и присоединился к эскадре.

17 июня. Производился эскадре депутатский смотр генерал-майором Вакселем.

21 июня. Эскадра снялась и вышла в море.

7 июля. На высоте Норд-капа архангелогородская эскадра соединилась с ревальской и поступила под главное начальство контр-адмирала Хметевского³¹⁸.

Составляя план кампании 1779 г., Адмиралтейств-коллегия планировала так, чтоб “командиром над всею оною эскадрой быть контр-адмиралу Хметевскому, которому и отправиться из Ревеля, а как на архангельских кораблях и фрегатах надобно быть командиру, который бы всеми судами до соединения командовать мог, то туда направить напитуана 1 ранга Мусина-Пушкина”³¹⁹. Таким образом, в Архангельск с Балтики был направлен капитан 1 ранга Алексей Васильевич Мусин-Пушкин, который принял командование архангельской частью соединенной эскадры и командовал непосредственно кораблем “Храбрый”. Личность этого морского российского офицера вызывает симпатию, ибо его заслуги перед Отечеством в период всей морской службы известны и об этом мы скажем позднее.

К месту крейсерования ревальская часть соединенной эскадры пришла первой, как и планировалось, о чем доносил в Адмиралтейств-коллегию контр-адмирал Хметевский: “...к Норд-капу пришел 12 числа июня благополучно, и тот же день эскадру распределил с наставлением по постам, а именно: у Норд-капа, Вардегоуса и Кильдюина..., о городоархангельской эскадре и катерах за неимением проходящих судов не слышал”³²⁰. Соединение российских судов произошло только 6 июля, о чем Хметевский писал 7 июля 1779 г. в письме к графу Чернышеву: “Вчерашнего числа соединилась со мною городоархангельская эскадра, в двух кораблях и двух фрегатах, против реки Танобе”, и суда продолжили выполнение стоящей перед ними задачи. Задача эта была достаточно деликатная, ибо речь

шла об "очищении части Северного моря, к нашим портам прилегшей, с теми уважениями, которые к разным воюющим державам, по наблюдаемому нами строгому нейтралитету непременно сохранять надлежит, дабы той или другой из них не подать повода к справедливой жалобе и нареканию, ибо мы не имеем намерения мешаться в их взаимные неприятели, а только хотим обезопасить купеческое мореплавание в водах, к нашим областям прилегших". Так были обозначены цели российского военно-морского присутствия в районе Норд-капа.

Как известно, возобновление военного конфликта между Францией и Англией создало трудную ситуацию в Северной Атлантике: на морской торговой трассе в Архангельск встречались корабли держав, борющихся за североамериканское колониальное наследство. В навигацию 1778 г. восемь английских торговых судов, направляющихся в Архангельск, были захвачены американским капером, который был на "свободной охоте" в районе Норд-капа. В ответ английские военные суда стали перехватывать торговые суда, следовавшие в Архангельск из разных нейтральных стран, и конфисковывать товары. Это также наносило российской торговле значительный урон. Сложившаяся ситуация и побудила Россию объявить вооруженный нейтралитет и посылать военные суда для патрулирования на трассе морских торговых дорог от Норд-капа до Архангельска. Эта политика привела к подписанию в 1780 г. Россией, Данией, Австрией, Пруссией и другими странами так называемой Морской конвенции, обеспечивавшей торговое мореплавание.

Российские военные суда были расставлены на следующие позиции:

На румбах, перпендикулярных к берегу:

У Норд-капа — корабль Храбрый и фрегат № 29.

У Вардегоуса — корабль Преслава и фрегат № 32.

У Кильдюнна — корабль Вечеслав и фрегат Михаил.

У Святого Носа — фрегат Евстафий.

Плавание предписано им иметь, не удаляясь от берегов и в виду их, а от времени до времени, как только ветры позволят, приходить на вид друг друга к моему посту, посередине лежащему, и давать знать о всем случающемся³²¹.

8 июля 1779 г. на корабле "Вечеслав" контр-адмирал Хметевский провел консилиум, на котором было решено: с 15 августа эскадра начнет подготовку к обратному переходу, а к 1 сентября всем судам собраться, если позволит погода, у Норд-капа и начать переход "со всею эскадрою... к своим портам, ежели время позволит к Кронштадтскому, а буде будет поздно, то хотя в Ревельский порт"³²². Надлежало провести первое рандеву у Гельсинора — четыре дня ожидания, затем следовать на копенгагенский рейд и доложить о прибытии "находящемуся при Датском дворе поверенному в делах".

Эскадра начала приготовление к возвращению на Балтику. Переход от Норд-капа предстоял длительный, поэтому проходили мероприятия по комплектации продовольствия и команд:

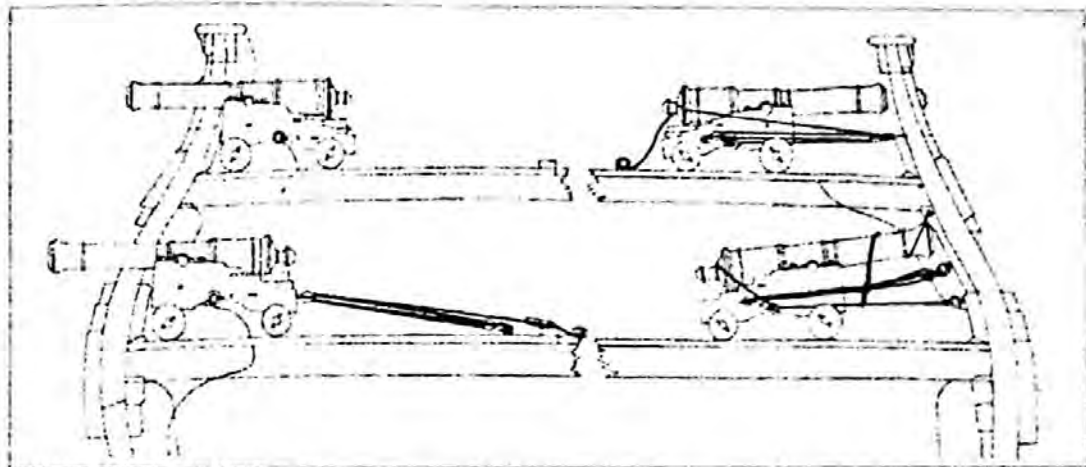

Рис. 44. Расположение артиллерии на российском корабле. XVIII в. (по: Адмиралтейские верфи, 1994)

Получен 8 августа 1779 года.

Высокородному превосходительному господину контр адмиралу и ковалеру Степану Петровичу Хметевскому командующаго карабля Храбраго

Покорнейший рапорт.

Во исполнение отданного от вашего превосходительства минушаго июля 8 дня при ситнале приказа по разверстанию вашего превосходительства с порученнаго мне карабля морской правянт на один месяц на 565 порцей на карабль Преслав, кроме збития и сахарной патоки, по приложенной при сем ведомости отпущен, да по требованию командующаго флота господина капитана и ковалера Берха по малоимению на порученном ему карабле отпущенных гвоздей в 4 дюйма фунтов 10, нитей парусных фунтов 10, да для зжения дров коротких сажен 10. Да того ж месяца 20-го дня со онаго карабля прислано на порученной мне карабль Морскаго шляхетнаго кадетскаго корпуса гардемарин 5 да штюрманских учеников 3 человека, а кто оныя имянно, вашему превосходительству с покорностию предлагаю список.

Алексей Мусин Пушкин

Августа 3 дня 1779 году.

Список

присланных с карабля Преславы гардемаринам и штюрманским ученикам.

Гардемарины

Петр Курганов

Петр Клиров

Семен Мякинин

Сергей Певцов

Николай Чупрасов

Штюрманские ученики

Петр Аникин

Дорофей Баюнов

Иван Печенкин

Итого 8 человек

Клерк ... 323

Итак, русская эскадра под командованием контр-адмирала Хметевского 4 октября 1779 г. стала на копенгагенском рейде.

Командир "Храброго" Мусин-Пушкин в гавани Эквог предпринимал отчаянные попытки найти дерево для мачт на норвежском берегу или дойти до Копенгагена на одном парусе, о чем доносил гр. Чернышеву:

Извольте, ваша светлости, повелевать, чтоб я прилагал старание к достижению своих портов, вам, высококомилостивому государю, о чем осмеливаюсь, всепокорнейший, донести, я об оном имел всевозможныя и усердныя попечения. И когда по крайней необходимости заведен был с кораблем в залив Эквог, то ни мало мешкав употребил все мои старания и осведомления, откуда б можно получить мачты в непродолжительном времени, с коними ласкал себя несумненною надеждою достигнуть своих портов, хотя б оныя мачты получены были и к ноябрю месяцу. Но как к оному времени лишен был надежды к получению не токмо грот, но и безань-мачты, то хотел без мачт, поставя вместо оных стеньги и получа благополучный ветер, предпрять плавание до Копенгагена. Токмо все оное предприятие к выступлению с кораблем в море без настоящих мачт и со многими числом больных

служителей, по доволном разсуждении, усматривалось к благополучному окончанию плавания не надежнейшим, а опаснейшим. А как я уже находился в безопасном пристанище, то и представлялось же, чтоб более каравль и на нем людей не подвергать такой же опасности, в какой прежде находились. И по таким совершенным ненадежностям принужден с превеликим прискорбием остатца во оном месте зимовать. Ныне же с нетерпеливостию о мачтах и других мачтмакерских вещах, откуда оныя мне повелено будет получить, имею честь со всепокорностию ожидать вашего сиятельства благоволения³²⁴.

Безусловно, выйти в море большому военному кораблю с малой площадью временных парусов было очень опасно и, как ни болела морская душа капитана I ранга Мусина-Пушкина от дум о незавершенности похода, он принял единственно правильное решение — произвести капитальный ремонт потерянных мачт и только после этого продолжать поход. Из журналов Адмиралтейств-коллегии:

Слушав рапорта командующего кораблем "Храбрый" флота капитана Мусина-Пушкина о полученных кораблем повреждениях и о выводе его лощманами в гавань Эквог, лежащую от Дернеуса по норвежскому берегу на NNW в 2 милях немецких, из находящихся в команде его служителей обстоит больных по большей части в горячках и цынгою 90, с начала кампании померло 42 да утонуло 43 человека, приказали:

1) флота капитану Мусину-Пушкину послать указ, в котором написать, что все его старания к отправлению в Россию доказывают его усердие, а что о том не успел, то приписать должно к обстоятельству, и как уже остается зимовать в гавани Эквог, то стараться служителей в добром порядке и расположении по квартирам довольствовать пищею, как им, капитаном, обще с офицерами положено будет;

2) что принадлежит до мачт и других вещей, то, ежели по получении сего не имеет надежного уверения, чтоб оныя от тамошних жителей доставлены были или бы и продолжали они обнадеживать его, что достанут, но цену просили же не резонабельно дорогую, как и за все прочее, в таком случае коллегия разсуждает, чтоб, ни мало не мешкая, снести с пребывающим в Копенгагене поверенным в делах и капитаном Спиридоновым, не можно ли те вещи доставить из Копенгагена³²⁵.

Перед капитаном Мусиным-Пушкиным стояли нелегкие задачи: организовать ремонт корабля и подготовить экипаж к зимовке в Эквоге. Уже в первом своем рапорте от 7 октября 1779 г. на имя вице-президента Адмиралтейств-коллегии графа Чернышева он пишет, что "фарсундские купцы на сих днях мне объявили, что посланной от них мачтмакер для отыскания на мачты и на другия требуемая на каравль мачтмакерския вещи лесов оныя сыскал, причем представили зделаниую оным мачтмакером грот мачте и модель, которую я обще с офицерами разсматривал, и показалось, что будет мачта составлена из девяти дерев, из коих некоторыя за короткостию, как подлежит, в самой верх мачты продолжены же будут, а в недостающее продолжение введутся дубовыя штуки, чем настоящую толстую верхнюю часть мачты и составят и утвердят подлежащим укреплением"³²⁶. За все мачты и "за стрелы, с коих должны мачты ставится в каравль, оныя купцы цену поставили 5 400 рейхс далеров"³²⁷. Адмиралтейств-коллегия какое-то время не могла принять решение: "...буде все те вещи покупкою в Копенгагене с доставлением в гавань Эквог дешевле просимой купцами люндами обойдутся, в таком случае... заготовить в Копенгаген, и при первом случае доставить в гавань Эквог, и о сем капитану Мусина-Пушкина уведомить. Буде же то не дешевле просимой купцами люндами цены или малым чем дешевле обойдется, то в Копенгагене не заготовлять, а как скоро можно дать ему, Мусину-Пушкину, чтоб он зделал на поставку оных вещей с

теми купцами обязательство, ежели при том может надеется, что оныя в надлежащее время поставлены будут".

Фарсундские купцы обещали поставить "Храброму" необходимое снаряжение в течение четырех месяцев, "потому что леса в разных местах и не в ближнем расстоянии отысканы, в доставлении коих многое время может продолжаться". Решено было делать мачты и другое снаряжение для "Храброго" на месте, в Фарсунде. Но возникал еще целый ряд проблем, связанных с оплатой этих работ, и в первую очередь нужно было найти систему оплаты — через каких посредников будет оплачивать Россия необходимый для корабля комплекс работ.

Вопрос, действительно, был непростым. Как писал в рапорте Мусин-Пушкин, фарсундские купцы и за провизию, и за все другое "требовали от меня заплаты по месячно наличными денгами или давать им ассигнации в Копенгагене, в Петербурге, чтоб заплачены были денги во оных местах их корреспондентам. На что я им и дал знать, что буду давать ассигнации на Адмиралтейств коллегию, которая изволит указать платить денги их находящемуся в Петербурге корреспонденту иностранному купцу Иохон Магнусу арх..." Однако такой путь оплаты почему-то не устроил ни фарсундских купцов, ни их корреспондента в Копенгагене, который заявил, что хочет получать деньги только в Копенгагене. В письме на имя графа Чернышева от 16 декабря 1779 г. Мусин-Пушкин доносил: "...по уведомлению господина Чекалевскаого посылал я в Христиансанд для осведомления, есть ли тамо повеление, чтоб мне ис королевской суммы получить денег три тысячи рейхс далеров. Но в ответ получил, что никакого об оном повеления не имеется. А как следовало уже давно по обязательству за прошедшей ноябрь месяц за довольствие служителей провиантом с купцами зделать расплату, но в ожидании получения мною же королевской суммы денег купцы и терпели, а ныне требуют оной заплаты наличными денгами или ассигнацию дать им для получения денег в Копенгагене. А как я еще не имею повеления и сведения, прислан ли от государственной Адмиралтейств коллегии в Копенгаген настоящий кредитив, то принужденным и нашелся за ноябрь месяц платить из наличных у меня ефимков, которых еще столко стать может"³²⁸.

Еще осенью, в сентябре, после трагедии на корабле, Мусин-Пушкин просил оказать помощь деньгами. Дело в том, что на корабли и суда, отправляющиеся в длительные морские походы, "на всякие случающиеся нужды", как правило, давались казенные деньги. Так, контр-адмиралу Хметевскому как командиру эскадры было отпущено 5000 ефимков, кроме того на каждый корабль выдали по 1000 и на фрегаты по 500 ефимков (итого вся соединенная эскадра имела сумму в 11 000 ефимков*). Поэтому вполне понятно, что, оставаясь на зимовке в Эквоге, Мусин-Пушкин просил о дополнительной выдаче ему денег: "...рапортом требовал на нужный случай денег, коих ему и прежде отпущено 1000, еще отпущено 2000 ефимков". Эти дополнительные деньги он получил из эскадренных денег Хметевского, что дало возможность капитану "Храброго" расплачиваться в первые месяцы зимовки имеющимися у него наличными деньгами. Безусловно, капитан

* Ефимок — русское название талера (в то время талер-ефимок равнялся приблизительно 0,9 рубля).

“Храброго” был в затруднительном положении: “...с начала ноября месяца настоят здесь немалые морозы, с которыми весьма холодной ветер и с снегами продолжается, и служителям на корабле уже без отягощения быть не можно, чего ради по необходимости нашелся требовать квартиры”, — писал он 18 октября графу Чернышеву. Эта же тема звучит в рапорте от декабря 1791 г.: “В здешнем месте продолжают немалые морозы с холодными ветрами и снегом, почему служителям на корабле без отягощения жить более было не можно. Чего ради принужденным и нашелся как для офицерам и всех служителей от камисионеров истребовать квартиры, которые и отведены в заливе Эквог, поблизости карабля, где расположена быть имеет большая часть команды. А за непомещением в оном месте достаточное число помещено будет в местечке Фарсунде. И всех оных служителей начали переводить на квартиры сего декабря 1-го числа”³²⁹.

Приходилось капитану отчитываться и о цене полученных квартир: “За квартиры же от хозяев назначена цена для офицеров за один покой, где никак более двух человек поместить невозможно, по три, а у некоторых по два и полтора рейхс далера в неделю. С унтер офицеров и нижних чинов служителей равномерно по 18 копеек с каждого человека же, сверх оной платы офицеров и служителей должно довольствоваться дровами карабельными. За оныя же квартиры хозяева требуют от меня денег по-месячно, а некоторые и по-неделно. А как за дрова и за протчия для карабля надобныя вещи должен я платить наличными денгами, потому что фарзунския купцы обязались токмо за провиант получать денги по данным от меня ассигнациям. Ныне же у меня налицо состоит 1600 ефимков, которых на квартиры, на покупку дров и на другия для карабля нужныя надобности, то оных не на долгое время стать может”.

Но корабль “Храбрый” стоял в гавани Эквог, и для российских моряков продолжалась их ежедневная морская служба — “для содержания же на карабле караула определено в каждую смену офицеров 3, рядовых 60 человек”.

Обращаясь к графу Чернышеву, капитан “Храброго” просил: “...вашего сиятельства, высокомилоостивого государя осмеливаюсь всепокорнейше просить, не соблагвоолите ли на показанныя и необходимыя мне надобности прислать денег, чтоб в случае недостатка же понести для законных употреблений нужды и остановки”. Корабельную команду нужно было кормить. Денег было мало, поэтому Мусин-Пушкин просил разрешения использовать имеющиеся на корабле запасы: “...да представлял же об оставшем от компании морском провианте, которой ныне на карабле хранитца для будущей компании, чтоб оной указано было произвести служителям в дачю, а для компании прислать свежаго, ибо оной по долговременному в карабле бытию упователно не может быть в качестве таков, какому быть надлежало. А сверх того по здешней дороговизне провиантов мог бы сохранить немало казенного интереса”. Неизвестно, насколько регулярно отправлялся провиант для команды “Храброго” из российских портов. Один такой случай отражен в документах. 20 марта 1780 г. капитан Спиридонов доносил из Копенгагена: “Сегодня принял провизию на два месяца на транспортное судно Кильдюин, для команды карабля Храбрый, сухарей и гороху на 2 месяца, и к походу состою в готовности. Судно Кильдюин сего дня

же отправилось в Норвегию для доставления вещей на корабль Храбрый”.

Большие трудности были у Мусина-Пушкина с выплатой жалованья экипажу карабля — он настоятельно просит Адмиралтейство помочь: “...чтоб команды моей штат и обер афицеров, в том числе и салдатских, во время пребывания нашего в иностранном месте награждать порционными денгами по здешним ценам, чрез что могли б содержать себя сколько-нибудь сходственно с честию афицерскою... Да и нижние чины служители не получали за прошедшую майскую треть денежнаго жалованья, да и за сию истекающую треть всем чинам подлежать будет жалованье же”³³⁰. И снова пишет в Адмиралтейств-коллегию, и снова просит прислать денег, и опять просит ускорить присылку этих денег. Нет никакого повода заподозрить капитана Мусина-Пушкина в каком-то лукавстве, когда он пишет графу Чернышеву такие слова: “Ваше сиятельство, высокомилоостивый государь, всенижайше прошу, когда я в оных дел сделаю противный поступок — высокомилоостиво извинить, ибо никогда в таких обращениях не бывал”. Положение его, действительно, было трудным. 9 декабря 1779 г. из Фарсунда в очередном послании Чернышеву командир “Храброго” с полной ответственностью мог рапортовать: “При сем вашему сиятельству имею честь со всепокорностию донести: порученной мне карабль и на нем команда, расположенная для зимняго времени на квартиры в Эквоге и местечке Фарсунде, обстоит благополучно”.

Уже в начале декабря на Мусина-Пушкина “свалились” новые заботы — 8 декабря к нему поступило распоряжение из Адмиралтейств-коллегии взять на себя заботу об экипаже фрегата “Наталия”, потерпевшего крушение у берегов Голландии. Из рапорта капитана фрегата “Наталия” Ханыкова: “...стоим на банке, лежащей по NW сторону острова Скелинга. Команду перевезли на ботах на остров Скелинг. Фрегат повалился на правую сторону, только осталось несколько сверх воды с левой стороны юта, на которой части командующий с бывшими при нем офицерами оставался, и по перевозке всей команды и сам съехал на бот, на котором и отправился к острову Скелингу. По съезде на берег сделали перекличку команде, нашли, что как обер и унтер-офицеры, так и рядовые служители находились все на берегу”³³¹.

Из рапорта капитана “Храброго”, в котором он пишет: “...чтоб господину капитану Ханыкову с своим экипажем с галанских берегов переехать до места, где я нахожусь с своим караблем, на коем ему, господину Ханыкову, и приехать в Россию... И при сем осмеливаюсь Вам, высокомилоостивому государю, всепокорнейший, доложить, оное ваше определение простирается к знаменитой и истинной ползе и не токмо к сохранению казеннаго интереса, но и к споспешествованию порученнаго мне карабля, на оном не имеется комплекта нижних чинов служителей 139-ти человек, о коих вашему сиятельству декабря от 2-го числа всепокорнейший доносил и просил, чтоб благоволено было оных служителей прислать. А когда изволите повелеть фрегатский экипаж доставить ко мне на карабль, то и составит весьма достаточное число служителей, но и с излишеством. С галанских же берегов до места, где я нахожусь, для путеплавания весьма способно и обстоит недалное расстояние. Я хотел прежде принять смелость вашему сиятельству, всепокорнейший, доложить о превозе фрегатскаго экипажа к себе на карабль, но не

имел об нещасти фрегата точнейшего известия, а слышал от приходящих в Эквог шхиперов, токмо все от них уведомлении были разныя, и по тем обстоятельным известиям доложить не осмелился”.

В залив Эквог 9 декабря, как доносил в рапорте Мусин-Пушкин, пришло “российское купеческое судно Херсон, на котором поверенной Гербер объявил, что оное судно обстоит господина Фалеева и следовало в Лиссабон, но за противными ветрами и оказавшеюся в судне течью принужден был зайти во оное место. А вчерашняго числа повереннаго я призывал и спрашивал, какое он намерение полагает в исправлении своего судна, и он объявил, что по свидетельству оказывается должен килевать, токмо утвердительно еще не положено. На что я ему приказал, когда какое ему от меня востребуется вспоможение, то б давал мне знать. Да еще одно судно ево ж, господина Фалеева, по объявлению лоцманов пришло на якорь от места, где я нахожусь, в двух милях”³³². Благодаря стечению разных обстоятельств в начале декабря 1779 г. в районе Фарсунда стояли на якорях три русских судна — корабль “Храбрый” и два торговых.

2 декабря 1779 г. капитан Мусин-Пушкин послал письмо с официальным рапортом графу Чернышеву: “Высокомилостивый государь, всепокорнейши прошу милостиво меня извинить, что я дерзнул приложить письмо к жене моей в вашем пакете и осмеливаюся всенижайше утруждать повелеть оное отправить в Ревель”. В середине декабря Мусину-Пушкину доставили официальный пакет, в котором находилось ответное письмо его жены: “Сиятельный граф, высокомилостивый государь, вашего сиятельства высокомилостивое письмо я со всепокорнейшим моим почитанием имел шастие удостоиться получить сего месеца 15-га числа, при котором изволили пожаловать прислать письмо от жены моей вашим покровительством”.

Только в конце января 1780 г. Мусин-Пушкин мог отписать графу Чернышеву о том, что вопрос с деньгами, наконец, решен, но, конечно, несколько месяцев уже было потеряно:

Сиятельный граф, высокомилостивый государь, со всенижайшею моею покорностию вашему сиятельству осмеливаюся доложить, как время скоро настать будет, чтоб порученной мне карабль приутоплять к выходу из здешнего места, то я от Государственной Адмиралтейств коллегии на все мои доносения, откуда получить мачты и прочия мачт макерския вещи для вооружения в недостающее число, такелаж, для компании запасныя припасы и провиант, еще не удостоился получить ни о чем благоволения. А как для приутопления карабля главною и первую обстоит надобностию, чтоб получить мачты, о коих вашему сиятельству ноября от 18-го числа я со всепокорностию моею доносил, что оныя мачты делать обязуется фарсунския купцы, токмо с тем договором, когда им приказано будет делать, то с того времени поспеть могут в четыре месеца, причем и просил об оном вашего высокомилостиваго благоволения, чего ныне с нетерпеливостию и ожидаю³³³.

Следует отметить, что в “безнадежных” должниках местному населению за квартиры, провиант российский капитан никогда не был: в октябре и ноябре он расплачивался имеющимися у него наличными деньгами, а в январе, по ходатайству господина Чекаловского, “по присланной ко мне ис Христиансунда асигнации получил из местечка Мандала денег ис королевской суммы 3000 рейхс далеров, повеление же ис Копенгагена дано касиру и юстицрату Юле, чтоб когда мне потребуются денги, то асигновать хотя каждой месеци по 3000 рейхс далеров. От онаго же господина Чекаловскаго сего генваря 12 дня я получил и асигна-

цию от находящагося в Копенгагене маклера Броуна, чтоб мне получить в Христиансунде от одного купца 50 000 рейхс далеров с подлежащими процентами.

Но как я имел уже в получении денги ис королевской суммы, то никакой нужды получать по Броунову кредиту и не имел. Ис полученных же мною денег 3000 рейхс далеров я должен буду фарсундским купцам за поставленные ими разныя правизии, за квартиры и другия от них полученные надобности за прошедшей декабрь месяц заплатить около 2000 рейхс далеров, а как настает в исходе и генварь месяц, то и за оной должно же будет сделать расплату. Да по необходимой надобности служителей, кои не получали денежнаго жалованья за две трети, то хотя за одну треть и за годовой мундир денгами же подлежит удоволствовать. И для оных законных надобностей я истребовал ис Христиансунда еще 3000 рейхс далеров”³³⁴.

10 апреля командир “Кильдюина” капитан Спиридонов доносил графу Чернышеву: “Мачты на корабль “Храбрый” поспеют не раньше как в будущем месяце”. Действительно, только 23 мая корабль “Храбрый” вышел из залива Эквог и 25 мая пришел на копенгагенский рейд, потому что бизань-мачта и принадлежащие к ней мачтмаркерские вещи и “в запас грот-стенги” делались в Копенгагенском Адмиралтействе и бизань-мачту Мусин-Пушкин получил только 7 июня. После этого, “по-получении поставя мачту в корабль и исправясь со всем, был к походу в готовности июня 9 числа, но за противными ветрами принуждая пробыть до 11, а онога числа, получа способный ветр, отправился с копенгагенскаго рейда и следовал к кронштадтскому порту, куда сего июня 21 числа с кораблем и на нем комадою и прибыл благополучно”³³⁵.

Так закончилась “русская зима” в районе норвежской гавани Эквог и местечка Форсунд: 8 месяцев русское военное судно — корабль “Храбрый” и несколько сот русских моряков жили в Норвегии. Несомненно, только с благожелательной помощью местного норвежского населения и местных властей спокойно и результативно возрождался русский корабль. Кто знает, может быть, до сих пор сохранились могилы тех русских моряков, которым не суждено было вернуться на родину. Несомненно, что со временем в российских или норвежских архивах оыщутся документы, раскрывающие повседневный характер контактов гостей и хозяев.

После ремонта корабль “Храбрый” участвовал во многих кампаниях Российского флота на Балтике. Новый корабль с таким же именем “Храбрый”, но уже со 120 пушками, был заложен 18 июля 1805 г. в Санкт-Петербурге, спущен на воду 1 июля 1808 г. и проплавал до 1828 г., после чего был разломан в Кронштадте³³⁶. Впоследствии в Российском флоте был построен еще один корабль “Храбрый”. Морская традиция передавать имена погибших или устарелых кораблей и других судов вновь построенным была одной из устойчивых традиций флота.

Нам остается сказать несколько добрых слов о капитане первого корабля “Храбрый” Алексее Васильевиче Мусине-Пушкине. Надеемся также, что его официальный послужной список прекрасно характеризует этого боевого офицера:

МУСИН-ПУШКИН, Алексей Васильевич
1746 г. марта 12. Поступил в Морскую академию учеником.
1748 г. ноября 22. Произведен в гардемарины.
1748—1766 г. Находился в кампаниях в Балтийском море, участвовал в кольбергской экспедиции и сделал два перехода из Кронштадта в Архангельск и обратно в Кронштадт.

- 1751 г. декабря 31. Произведен в мичмана.
 1755 г. марта 6. Произведен в прапорщики морского кадетского корпуса. Командуя палубным ботом, плавал из Ревеля в С.-Петербург.
 Июня 5. Произведен в унтер-лейтенанты. Командовал новопостроенным бомбардирским кораблем Юпитер при проводке его из С.-Петербурга в Кронштадт; затем, командуя пинком Вологда, отправился из Кронштадта в Ревель, где и зимовал.
 1757 г. На фрегате Св. Михаил был в крейсерстве в Балтийском море. Привел от о. Драко к С.-Петербургу прусский приз гальот Юнге-Тобиас, взятый фрегатом Св. Михаил при следовании к Копенгагену.
 1758 г. января 21. Произведен в корабельные секретари.
 1760 г. февраля 18. Произведен в лейтенанты.
 1763 г. Находился в Ревельском порте при денежной казне за казначея.
 1764 г. апреля 20. Произвелся в капитан-лейтенанты.
 1765 г. Находился при Ревельском порте за казначея.
 1766—1767 г. Командовал в Риге брантвахтенным фрегатом Вестовой.
 1768 г. На корабле Трех Святителей плавал в Балтийском море.
 1769 г. июня 5. Произведен в капитаны II ранга. Командуя фрегатом Св. Феодор, плавал от Кронштадта до Готланда. В декабре определен в присутствие Конторы Ревельского порта.
 1770 г. Командуя новопостроенным кораблем Память Евстафия, сделал переход из Архангельска в Кронштадт.
 1771 г. Командуя тем же кораблем, плавал от Кронштадта до Готланда.
 1772 г. Командуя тем же кораблем, плавал от Кронштадта до Готланда.
 Декабря 31. Произведен в капитаны I ранга.
 1773 г. Командуя тем же кораблем, плавал от Кронштадта до Готланда; затем, командуя кораблем Мирносиц, отправился из Кронштадта в Средиземное море в эскадре контр-адмирала Грейга.
 1774—1775 г. Командуя кораблем Мирносиц, имел плавание в Средиземное море и Архипелаге и обратно в Кронштадт.
 1776—1778 г. Командовал кораблем Вячеслав при Ревельском порте и в плавании по Финскому заливу.
 1779 г. На новопостроенном корабле Храбрый отправился из Архангельска, начальствуя отрядом из двух кораблей и двух фрегатов; у острова Кильдюина соединился с эскадрой контр-адмирала Хметевского, с которою и крейсировал в Северном океане. На возвратном пути в Балтику, за повреждением в рангоуте, принужден был зайти в Норвегию, где и зимовал.
 1780 г. Прибыл в Кронштадт.
 1782 г. июня 28. Произведен в капитаны генерал-майорского ранга.
 Июля 14. Произведен в контр-адмиралы. Командуя эскадрой новопостроенных судов, сделал переход из Архангельска в Кронштадт. Назначен главным командиром Архангельского порта.
 1787 г. сентября 22. Произведен в вице-адмиралы.
 1788 г. июля 14. Назначен в управление делами Кронштадтского порта до выздоровления адмирала Сенявина.
 1789 г. марта 23. Назначен в число флагманов Балтийского флота.
 1790 г. Имея "контр-адмиральский флаг" на корабле Саратов, участвовал в Ревельском сражении.
 Июня 12. Награжден золотою с бриллиантами шпагою.

Июля 6. Награжден орденом Св. Анны. Участвовал в Выборгском сражении, имея свой флаг на корабле Св. Николай.

- 1791 г. декабря 23. Назначен "снова" к генерал-кригс комиссарской должности.
 1792 г. января 7. Назначен флагманом в эскадру адмирала Чичагова.
 1797 г. июня 8. Произведен в адмиралы.
 1800 г. июля 11. Уволен со службы³³⁷.

Мусины-Пушкины — один из древнейших российских дворянских родов, давший государству Российскому немало выдающихся государственных деятелей, военачальников, флотоводцев. Но, как и любой древний род, он имел много боковых "побегов", которые порой так далеко "уходят" от своего основного ствола, что проследить их историю не представляется возможным. Оказалось, что именно к такому "боковому побегу" принадлежал и Алексей Васильевич Мусин-Пушкин.

Из послужных списков адмирала А. В. Мусина-Пушкина, хранящихся в бумагах Адмиралтейств-коллегии, известно совсем немного — что он родился в 1731 г., дворянин, греческого-православного вероисповедания, имел небольшое поместье, в котором насчитывалось 15 мужских душ³³⁸.

Один из известных исследователей и составителей дворянских родословных России — князь Петр Долгоруков после долгих поисков и изысканий рода Мусиных-Пушкиных нашел и подробно описал многие ветви этого могучего дерева, но был вынужден выделить и неизвестные "побеги": "Нам неизвестно, к каким имянно ветвям этой фамилии принадлежат следующие Мусины-Пушкины..." — и под № 1 сообщил лишь некоторые сведения об Алексее Васильевиче, часть из которых мы уже приводили, используя морские архивы.

Но вот что еще удалось узнать князю Петру Долгорукову³³⁹: адмирал А. В. Мусин-Пушкин скончался в 1803 г., жена его, Прасковья Ивановна, надолго пережила своего мужа и умерла в глубокой старости в 1846 г., а дочь Елизавета Алексеевна была замужем за одним из героев войны 1812 г., генерал-лейтенантом Неверовским и отошла в мир иной в 1853 г. Так что в истории государства Российского адмирал Алексей Васильевич Мусин-Пушкин известен не столько как представитель одного из известных дворянских родов, а как российский флотоводец, прошедший долгую и трудную школу морской жизни, которая началась для него с самой первой ступени — с ученика Морской академии.

Сиятельный граф, высокомиловитивый государь,

Прошедшаго октября от 7-го числа вашему сиятельству, высокомиловитивому государю, всепокорнейший доносил, что находящиеся в местечке Фарсунде купцы... обязались во все время пребывания моего с кораблем потребными провизиями служителей и другими для карабля надобностями доволствовать, за что и требовали от меня заплаты по месячно наличными денгами или давать им ассигнации в Копенгагене, в Петербурге, чтоб заплачены были денги во оных местах их корреспондентам. На что я и дал знать, что буду давать ассигнации на Государственную Адмиралтейств коллегию, которая изволит указать платить денги их находящемуся Петербурге корреспонденту иностранному купцу Иохан Магнус арх... А сего ноября 12-го числа получил я ис Копенгагена от повереннаго в делах господина Чекалевскаго письмо, которым уведомил, что фарсундских купцов, имеющихся в Копенгагене, корреспондент был у него и объявил, что он даваемая от меня на Государственную Адмиралтейств коллегию ассигнация принимать не будет, а требует, чтоб я адресовал оныя в Копенгаген на имя ево, господина Чекалевскаго, по которым он и платить будет в Копенгагене, и при том он, господин Чекалевской, уведомляет же, что к вашему сиятельству...ном писал и просил о присылке надлежащаго кредита, о чем и фарсундския купцы, быв у меня, объяснялись, // что хотя они де в обязательстве своем и показали, чтоб получать денги в Петербург их корреспонденту с тем упованием, что и корреспондент их Копенгаген будет в том согласен. А как оной от онога отказался, то без него они ассигнаций принимать уже не могут, а требуют же, чтоб получать денги в Копенгагене их корреспонденту. И по сему их отзыву принужденным буду, когда они ассигнацией от меня на Государственную Адмиралтейств коллегию принимать не будут, то адресовать на господина Чекалевскаго в Копенгаген, дабы через продолжительное время не могло присовокупится и требовать излишних процентов. Ваше сиятельство,

л. 1

л. 1 об.

высокомилостивый государь, всенжайший, прошу, когда я в оных делах сделаю противной поступок, высокомилостиво извинить, ибо я никогда в таких обращениях не бывал.

При сем вашему сиятельству, высокомилостивому государю, всепокорнейший, имею честь донести, вышеупоминаемая фарсундския купцы на сих днях мне объявили, что посланной от них мачтмакер для отыскания на мачты и на другия требуемая на карабль мачтмакерския вещи лесов оныя сыскал, причем представили сделанную оным мачтмакером прот мачте и модель, которую я обще с офицерами разсматривал, и показалась, что будет мачта составлена из девяти л. 2 дерев, // из коих некоторыя за короткостию как подлежит в самой верх мачты продолжены не будут, а в недостающее продолжение введутся дубовыя штуки, чем настоящую толстою верхнюю часть мачты и составят и утвердят подлежащим укреплением. И по усмотрению моему сумнения никакого (не) предвидится, и уповав быть оную мачту благонадежн... о безань мачте показано, что будет из двух дерев, ...чея весе па нестоящему употреблению делатся будут как мачты, так и другия мачтмакерския вещи, в т... и за стрелы, с коих должны мачты ставится в карабль, оныя купцы цену поставили 5400 рейхс далеров, в успех показали, что когда им приказано будет делатъ ...мяни, все поспеть может в четыре месяца. Осмеливаюся вашему сиятельству высокомилостивому..., всепокорнейший, представить на ваше благоволение соизволите опробовать и удостоить меня ... чтоб заблаговременно можно оным купцам и пр... начатъ оное дело. Причем и осмеливаюся же с покорно... жить, ставленная купцами цена, по мнению моему, не великая и упователно ни ис какаго места за оную цену поставитъ будет не можно. Что же касается до исполнения ...ми онаго дела, я донести не могу, а какия мачтмакер... вещи потребны на карабль, за которыя от купцов и цена ...влена, при сем приношу ведомость. //

л. 2 об. Вашего сиятельства, высокомилостиваго государя я прошедшаго октября от 7-го числа всенжайшею моею прозбою утруждал и просил, чтоб команды моей штат и обер офицеров, в том числе и салдатских, во время пребывания нашего в иностранном месте наградить порционными денгами по здешним ценам, чрез что могли б содержать себя сколько нибуть сходственно с честью офицерскою. И ныне осмеливаюся вашего сиятельства, высокомилостиваго государя всенжайше трудить и просить сделать об оном ваше высокомилостивое благоволение. Да и нижния чины служители не получали за прошедшую майскую треть денежнаго жалованья, да и за сию истекающую треть всем чинам подлежать будет жалованье же. Да с будущаго 780 года подлежит же ... нижней мундир служителей удовлетворять денгами, и на все оное произведение вашему сиятельству высокомилостиво государю (о)смеливаюся, всепокорнейший, доложить, не соизволите ль велеть ассигновать ко мне денег, а сколько потребно, об оном государственной Адмиралтейств коллегии от меня представлена ведомость. При сем же вашему сиятельству высокомилостивому государю имею честь, всепокорнейший, донести: с начала ноября месяца настоят здесь немалые морозы, которыми весьма холодной ветер и с снегами продолжается, и служителям на корабле уже без отягощения быть не можно, чего ради по необходимости для сохранения служителям здоровья принужденным нашелся требовать квартиры.

Осмеливаюся вашего сиятельства, высокомилостиваго государя всенжайшею моею прозбою утруждать и просить о высокомилостивом вашем обо мне благоволении и покровительстве, и пребывая с глубочайшим и искренним моим высокопочитанием,

сиятельнейший граф, высокомилостивый государь, вашего сиятельства ...

Октября 18 дня 1779 году. //

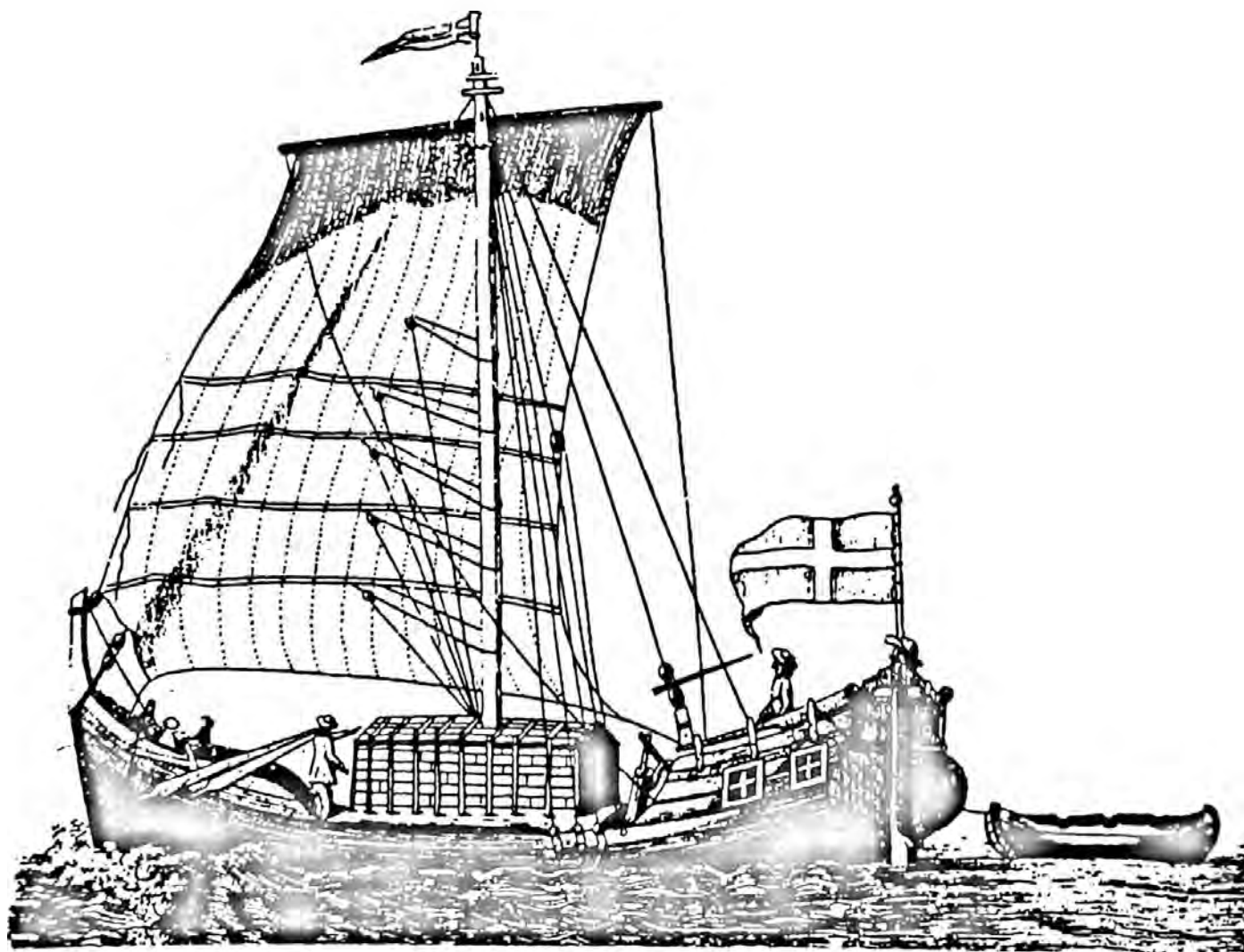

Рис. 45. Норвежское судно типа екта. Конец XVIII— начало XIX в. (по: Molang S., 1985)

Ведомость
коликое число и каких мачтмакерских вещей на корабль Храброй потребно, которые обязуются делать фасундския купцы по настоящей пропорции.

л. 3

Звание вещей	Ще(т)
Грот мачт	1
Грот стенг	1
Грот реи	1
Грот марса реи	1
Фор стенг	1
Бизань мачт	1
Бизань ру	1
Бегин реи	1
Крюс реи	1
Саленги на грот мачт	2
на бизань мачт	2
Красписы на грот мачт	2
на бизань мачт	(?)
Эзолгофты на грот мачт	1
на бизань мачт	1
на грот стенг	1
на фор стенг	1
на крюс стенг	1
Марсы грот	1
крюис	1

Алексей Мусин-Пушкин //

Сиятелнейший граф, высокомилолюбивый государь,

Вашего сиятельства высокомилолюбивое письмо я со всепокорнейшим моим почитанием имел щастие удостоитца получить прошедшаго месяца 26 числа, в котором изволите по природному вашему великодушию оказывать о приключившемся у меня на корабле несчастии высокомилолюбивое ваше сожаление и покровительство. Оныя ваши до меня великия милости так мне чувствительны, что я сил моих не имею принести вашему сиятельству, высокомилолюбивому государю достолюбезн(н)аго благодарения, а токмо осмеливаюся доложить, что я со всеижайшею и чувствительнейшею моею благодарностию оказывасмыя вами милости во всю мою жизнь к прославлению вашего имени сохранять буду. Изволите, ваше сиятельство, повелевать, чтоб я прилагал старание к достижению своих портов, о чем вам, высокомилолюбивому государю, осмеливаюся, всепокорнейший, донести, я об оном имел всевозможныя и усердныя попечения. // И когда по крайней необходимости заведен был с кораблем в залив Эквог, то ни мало мешкав употребил все мои старания и осведомления, откуда б можно получить мачты в непродолжительном времени, с коими ласкал себя несумненною надеждою достигнуть своих портов, хотя б оныя мачты получены были и к ноябрю месяцу. Но как к оному времени лишен был надежды к получению не токмо грот, но и бизань мачты, то хотел без мачт, поставя вместо оных стенги и получа благополучной ветр, предприть плавание до Копенгагена. Токмо все оное предприятие к выступлению с кораблем в море без настоящих мачт и со многим числом больных служителей по доволном разсуждении усматривалось к благополучному окончанию плавания не надежнейшим, а опаснейшим. А как уже находился в безопасном пристанище, то и представлялось же, чтоб более корабль и на нем людей не подвергнуть такой же опасности, в какой прежде находились, и по таким совершенным невозможностям и принужден с превеликим прискорбием остатца во оном // месте зимовать. Ныне же с нетерпеливостию о мачтах и других мачтмакерских вещах, откуда мне повелено будет получить, имею честь со всепокорностию ожидать вашего сиятельства благоволения. Государственной Адмиралтейств коллегии я покорнейшими рапортами доносил, чтоб благоволила указать прислать для вооружения корабля в недостающее число к имеющемуся при корабле такелажу в дополнение да в запас для компании самонужнейших же припасов да представлял же об оставшем от компании морском правянте, которой ныне при корабле хранитца для будущей компании, чтоб оной указано было произвесть служителям в дачю, а для компании прислать свежего, ибо оной по долговременному в корабле бытию упователно не может быть в качестве таков, какому быть надлежало. А сверх того по здешней дороговизне правянтов мог бы сохранить немало казеннаго интереса. О чем вашему сиятельству, всепокорнейший, осмеливаюся доложить, как для вооружения такелаж, запасныя припасы и правянт // не благоволите ли повелеть при начале открытия водяной коммуникации, а как для онаго Ревельской порт есть ускорителнее, то из онаго ко мне и доставить. Да не достает на корабле в комплект нижних чинов служителей всего 129 человек, которые по самой необходимости для будущей компании при корабле быть нужны. И об оном, высокомилолюбивый государь, осмеливаюся же, всепокорнейший, доложить, не повелите ли на том судне, на котором, ежели указано будет, ко мне послать припасы и правянт, то и требующихся в комплект служителей прислать же. В здешнем месте продолжаютца немалые морозы с холодными великими ветрами и снегом, почему служителям на корабле без отягощения жить более было не можно. Чего ради принужденным и нашелся как для афицеров и всех служителей от камиссионеров истребовать квартиры, которые и отведены в заливе Эквог, близости корабля, где расположена быть имеет большая часть команды. А за непомещением в оном месте досталное число помещено будет в местечке Фарсунде. И всех оных служителей // начали переводить на квартиры сего декабря 1-го числа. Для содержания же на корабле караула определено в каждую смену афицеров 3, рядовых 60 человек. За квартиры же от хозяев назначена цена для афицеров за один покой, где никак более двух человек поместить невозможно по три, а у некоторых по два и полтора рейхс далера на неделю. С ундер афицеров и нижних чинов служителей равномерно по 18 копеек с каждого человека на неделю же. Сверх оной платы афицеров и служителей должны довольствоваться дровами карабельными. За оныя же квартиры хозяева требуют от меня денег по-месячно, а некоторые и по-неделно. А как за дрова и за прочия для корабля надобныя вещи должен я платить наличными денгами, потому что фарзунския купцы обязались токмо за правя (?) получать денги по данным от меня ассигнациям. Ныне же у меня налично состоит 1600 ефимков, которых за квартиры, на поупку дров и на другия для корабля нужныя надобности, то оных не на долгое время стать может, и о сем вашего сиятельства, высокомилолюбиваго государя осмеливаюся, всепокорнейший, просить, не соблаговолите ли на показанныя и необходимыя // мне надобности прислать денег, чтоб в случае недостатка не понести для законных употребленной нужды и остановки. К обретающемуся в Копенгагене поверенному в делах х господину Чекалевскому я с начала прибытия в Эквог и ныне о всех своих обстоятелствах и нуждах уведомление посылаю, напротив и от него имею в получении соответствующия моим уведомления же.

Высокомилолюбивый государь, всепокорнейшии прошу милостиво меня извинить, что я дерзнул приложить письмо к жене моей в вашем пакете и осмеливаюся всеижайше утрудять повелеть оное отправить в Ревель. При сем осмели-

л. 4

л. 4 об.

л. 5

л. 5 об.

л. 6

л. 6 об.

ваюсь со всеиужайшею моею покорностию прибегнуть высокомилоствое вашего сиятельства покровительство и милости и, пребывая с глубочайшим и искренним моим высокопочитанием и преданностию, высокомилоствый государь, вашего сиятельства всеиужайший слуга Алексей Мусин-Пушкин.
Декабря 2 дня 1779 году. Эквог. //

л. 10 Сиятелнейший граф, высокомилоствый государь,

Вашего сиятельства высокомилоствое письмо я со всепокорнейшим моим почитанием имел щастие удостоиться получить сего месеца 15-га числа, при котором изволили пожаловать прислать письмо от жены моей вашим покровительством. И оныя ваши милости простираете до меня так велики, что никак не могу по достоинству их принести вашему сиятельству, высокомилоствому государю достодолжного благодарения, а токмо осмеливаюся, всепокорнейший,

л. 10 об. доложить, что во всю жизнь мою оказываемыя ваши милости // со всеиужайшею и чувствительнейшею моею благодарностию сохранять буду. При сем вашему сиятельству со всепокорностию моею имею честь донести: сего месеца 9-го числа пришло с моря в залив Эквог, где я с карабле нахожуся, российское купеческое судно Херсон, на котором поверенной Гербер объявил, что оно судно обстоит господина Фалеева и следовало в Лиссабон, но за противными ветрами и оказавшеюся в судне течью принужден был зайти во оно место. А вчерашняго числа повореннаго я призывал и спрашивал, какое он намерение полагает в исправлении своего судна, и он объявил, что по свидетелству оказывается должно килевать, токмо утвердительно еще не положено. На что я ему приказал, когда какое ему от меня востребуется вспоможение, то б давал мне знать. Да еще одно судна сво ж, господина Фалеева, по объявлению лоцманов пришло на якорь от места, где я нахожуся, в двух милях. //

л. 11 Пред сим вашему сиятельству я, всепокорнейший, имел честь доносить, что по уведомлению господина Чекалевскаго посылал я в Христиансанд для осведомления, есть ли тамо повеление, чтоб мне ис королевской суммы получить денег три тысячи рейхс далеров. Но в ответ получил, что никакого об оном повеления не имется. А как следовало уже давно по обязательству за прошедшей ноябрь месец за доволствие служителей правянтном 5 купцами сделать расплату, но в ожидании получения мною ис королевской суммы денег купцы и терпели, а ныне требуют оной заплаты наличными денгами или ассигнацию дать им для получения денег в Копенгагене. А как я еще не имею повеления и сведения, прислан ли от Государственной Адмиралтейств коллегии в Копенгаген настоящей кредитив, то принужденным и нашелся за ноябрь месец платить из наличных у меня ефимков, которых еще столко стать может. А о предбудущем платеже осмеливаюся // вашего сиятельства, всепокорнейший, просить благоволения, высокомилоствый государь, всепокорнейший, прошу милостиво меня извинить, что я дерзнул приложить письмо к жене моей в вашем пакете и осмеливаюся всеиужайше утруждать повелеть оно отправить в Ревель.

л. 11 об.

При сем осмеливаюся со всеиужайшею моею покорностию прибегнуть в высокомилоствое вашего сиятельства покровительство и милости, и пребывая с глубочайшим и искренним моим высокопочитанием и преданностию, высокомилоствый государь, вашего сиятельства всепокорнейший слуга Алексей Мусин-Пушкин.
Декабря 16 дня 1779 году. Фарсунд. //

л. 12 Копия с письма, писанного к господину Чекалевскому, от 18-го числа генваря 1780 года.

Адмиралтейская коллегия получила ныне от командующаго караблем Храбрым флота господина капитана Мусина-Пушкина репорты, писанные от 28-го октября и 18-го ноября, которыми между прочим доносит: 1-е, канатныя вещи, потребныя для вооружения карабля, также и блоки хотят поставить купцы люнды, каждой шиф пуд, в коем 320 фунтов, за 32 рейхс талера, а все стоить будут 2356 рейхс талеров, а блоки 165 рейхс талеров; 2-е, потребныя для мачт леса в разных местах тамо отысканы и за все мачты и прочия мачтмакерския вещи с железом, работою, в том числе и за стрелы для постановления мачт, просят 5400 рейхс талеров, а за какия имянно вещи, представил ведомость, и все те вещи поспеть могут по объявлению купцов, когда им приказано будет делать, с того времени в четыре месеца, потому что леса в разных местах и не в ближнем разстоянии отысканы, в доставлении коих многое время может продолжаться.

Коллегия Адмиралтейская заблагоразсудила присланныя от него, капитана Мусина-Пушкина, мачтам и мачтмакерским вещам, также блокам и такелаж ведомости отослать к вам, государь мой, с тем что буде все те вещи покупкою в

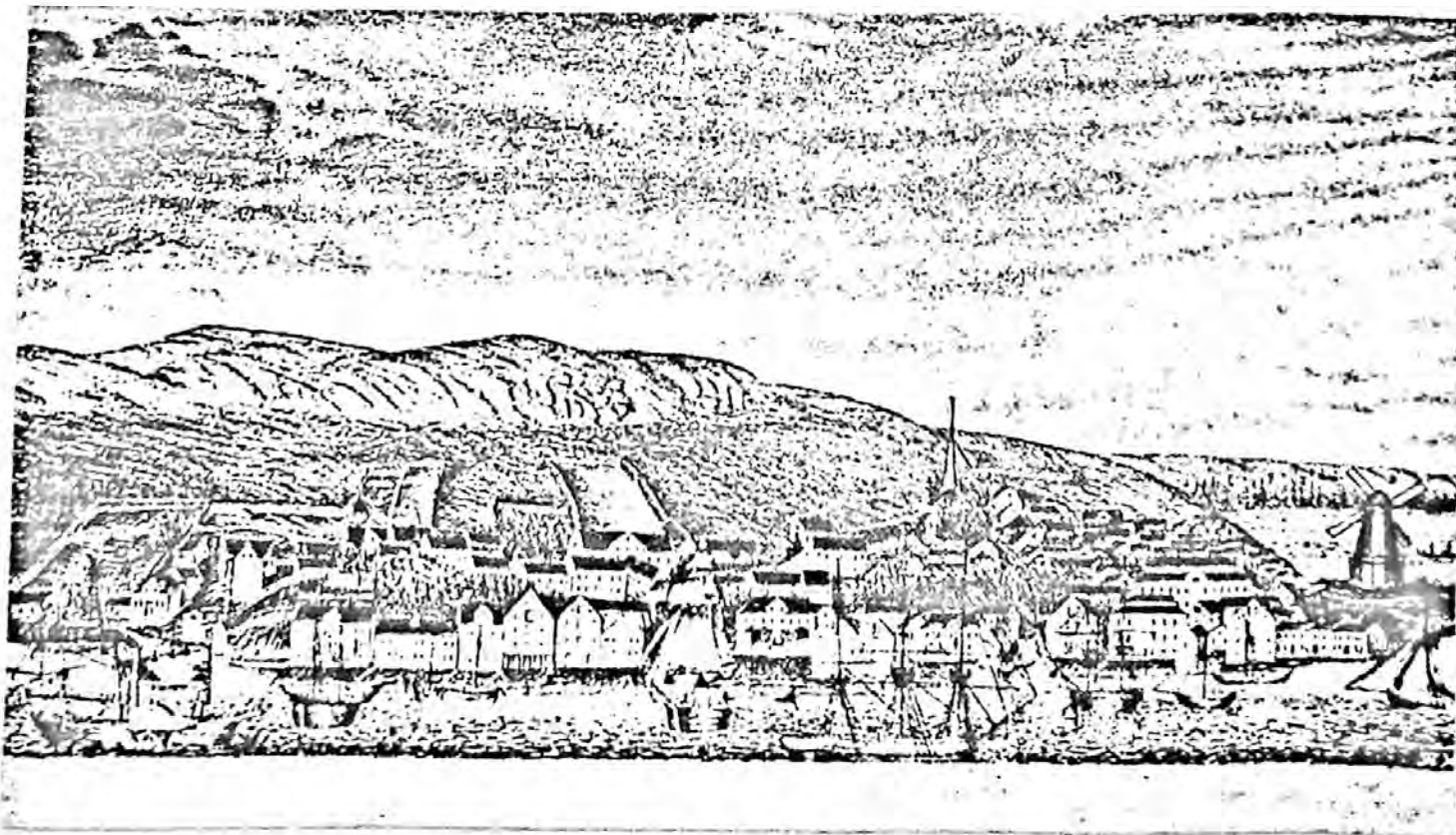

Рис. 46. Норвежский порт Фарсунд. Рисунок 1840 г. (по: Копен Д., 1914)

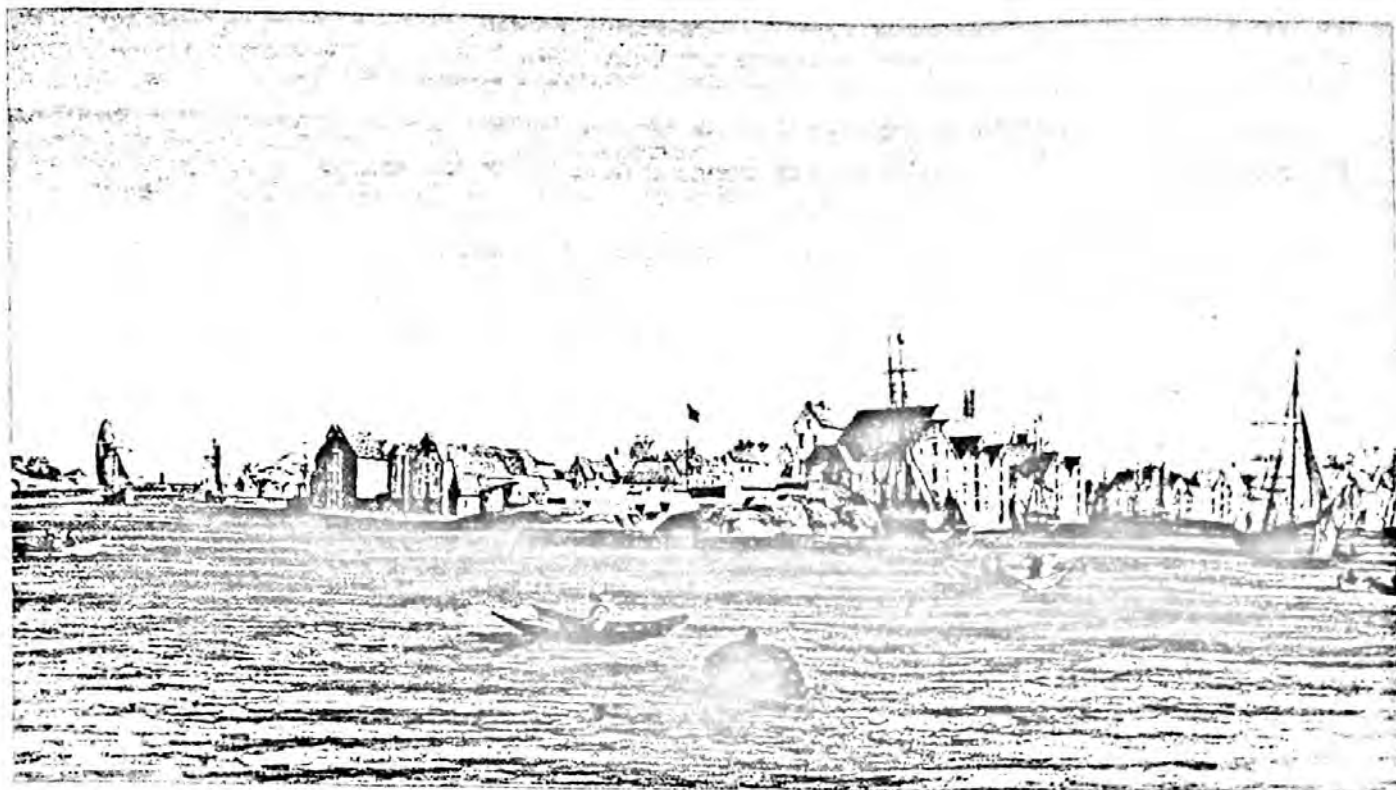

Рис. 47. Норвежский порт Ставангер (по: Molang S., 1985)

Копенгагене с доставлением в гавань Эквог дешевле просимой купцами люндами цены обойдутся, в таком случае, снесясь с капитаном Спиридовым, что может он от себя отправить, затем прочее постарается вам заготовить в Копенгагене и при первом случае доставить в гавань Эквог, и о сем капитана Мусина-Пушкина уведомить. // Буде же то не дешевле просимой купцами люндами цены или малым чем дешевле обойдется, то в Копенгагене не заготовлять, а как скоро можно дать знать ему, Мусину-Пушкину, чтоб он сделал на поставку оных вещей с теми купцами обязательство, ежели при том может надеется, что оныя в надлежащее время поставлены будут.

л. 12 об.

Ему ж, капитану Мусину-Пушкину, от Коллегии указом предписано, что как купцы люнды мачты обязываются поставить в четыре месяца от объявления, а представление ево о сем в Кольлегию получено почти через полтора месяца, в каковое время, а не прежде, и от Кольлегии указ к нему дойдет, что на представлении ево от Кольлегии резолюции получаемы будут не иначе как чрез три месяца, а потому впредь сносился б он с вами или с будущим в Копенгагене российским министром и по вашим уведомлениям и наставлениям поступал, а Кольлегию б уведомлял за известие.

В прочем не могу я преминуть, чтоб не изъявить вам моей благодарности за все старание, каковое вы прилагаете относительно до команд, пребывающих в Копенгагене и в гаване Эквог. //

Сиятельнейший граф, высокомиловитивый государь,

л. 20

Со всенижайшею моею покорностию вашему сиятельству осмеливаюся доложить, как время скоро настать будет, чтоб порученной мне каравль приутоплять к выходу из здешняго места, но я от Государственной Адмиралтейств кольлегии на все мои донесения и испрошения, откуда получить мачты и прочия мачт макерския вещи для вооружения в недостающее число, такелаж, для компании запасныя припасы и правивант, еще не удостоился получить ни о чем благоволения. А как для приутопления каравля главною и первою обстоит надобностию, чтоб получить мачты, о коих вашему сиятельству // ноября от 18-го числа я со всепокорностию моею доносил, что оныя мачты делать обязуются фарсунския купцы, токмо с тем договором, когда им приказано будет делать, то с того времени поспеть могут в четыре месяца, причем и просил об оном вашего высокомиловитиваго благоволения, чего ныне с нетерпеливостию и ожидаю. При сем вашему сиятельству имею честь со всепокорностию моею донести, по ходатайству господина Чекалевскаго я ныне по присланной ко мне ис Христиансанда ассигнации получил из местечка Мандаля денег ис королевской суммы 3000 рейхс далеров, повеление же ис Копенгагена дано касиру и юстицирату Юле, чтоб когда мне потребуются денги, // то асигновать хотя каждой месяц по 3000 рейхс далеров. От онаго же господина Чекалевскаго сего генваря 12 дня я получил ассигнацию от находящегося в Копенгагене маклера Броуна, чтоб мне получить в Христиансанде от одного купца 50 000 рейхс далеров с подлежащими процентами. Но как я имел уж в получении денги ис королевской суммы, то никакой нужды получать по Броунову кредиту и не имел. Ис полученных же мною денег 3000 рейхс далеров должен я буду фарсунским купцам за поставленные ими разная правизии, за квартиры и друтия от них полученные надобности за прошедшей декабрь месяц заплатить около 2000 рейхс далеров, а как настает в исходе и генварь месяц, // то и за оной должно же будет сделать расплату. Да по необходимой надобности служителей, кои не получали денежнаго жалованья за две трети, то хотя за одну треть и за годовой мундир денгами же подлежит удовлетворять. И для оных законных надобностей я истребовал ис Христиансанда еще 3000 рейхс далеров. Осмеливаюся со всенижайшею моею покорностию прибегнуть в высокомиловитивое вашего сиятельства покровительство и милости, и пребывая с глубочайшим и искренним моим высокопочитанием и преданностию,

л. 20 об.

л. 21

л. 21 об

высокомиловитивый государь, вашего сиятельств всенижайший слуга Алексей Мусин-Пушкин.
Генваря 27 дня 1780 года. Фарсунд³⁴⁰. //

Судьба еще раз свела Архангельский порт и Алексея Васильевича Мусина-Пушкина: в 1782 г., уже в чине контр-адмирала, он был назначен главным командиром Архангельского порта. В этой должности ему пришлось немало потрудиться, способствуя строительству военных судов для Российского флота. Возможно, что заботы по

ремонту "Храброго" в Фарсунде пригодились ему в Архангельске, где самым тесным образом переплетались заботы хозяйственные с заботами военными. Нам удалось разыскать документы, связанные с деятельностью контр-адмирала А. В. Мусина-Пушкина в Архангельске, часть из которых мы предлагаем читателю:

л. 407 Его сиятельству высокопревосходительному господину действительному тайному советнику, действительному камергеру, сенатору, Государственной Комерц-коллегии президенту и орденов святого Александра Невского и святого равноапостольного князя Владимира первой степени кавалеру, графу Александр Романовичу Воронцову

главного при Архангелском порте командира контр-адмирала Мусина-Пушкина покорнейши рапорт.

Караул Адмиралтейства обстоит благополучно, производится во оном Адмиралтействе строением два корабля 74-х и один 66-ти пушечный, да фрегат 32-х пушечной, которые и приготавливаются для компании сего 1786 года к будущему лету. При строении показанных кораблей и фрегата и при делании на оных по всем мастерствам разных вещей находится казенных служителей 1280 да волнонаемных 509, всего 1789 человек. А коликое число при здешнем Адмиралтействе имеется на лицо по сие число денежной казны, тоже разных припасов артиллерии и провиантов, да и лесов, карабельных и фрегатских, и еще сколько оных лесов заготавливается и где, и по каким ценам, а при том, сверх вышепоказанных строящихся // кораблей и фрегата, какие при порте суда находятся, о всем оном у сего вашему сиятельству с покорностию моим имею честь представить ведомости.

Алексей Мусин-Пушкин //

л. 413

Ведомость,

коликое число в архангелогородских артиллерных магазинах имеется налицо потребных ко укомплектованию готовящихся отсюда в компанию сего 1786 года кораблей — двух 74-х, одного 66-ти и одного фрегата 32-х пушечных, и транспортных судов, купленного у вологодского купца Лаптева и строящегося на Быковской верфи архангельским купцом Крыловым, артиллерии и ее снарядов, об оном значит под сим.

Пушек чугунных	Щет	
30 фунтовых	2	
24	82	
18	1	
16	56	
12	37	
8	36	
6	28	
4	20	
3	6	
фрегатских		Оныя артиллерия и снаряды все отпустятся на вышепоказанные три корабля, один фрегат и на два транспортные судна.
16	24	
6	8	
Игол парусных	260	
Копей з дrevки и с помочми	180	
Книпелей литых		
30 фунтовых	3	
24	1232	
18	57	
16	1291	
12	1353	
8	534	
6	1395	
4	276	
3	250	
Кремней галанских фузейных	814	//
пистолетных	1141	
руских	20	
Карказов заготовленных		
о 6 рогах	86	
о 4 рогах	102	
со стрелками	113	
Лядунок патронных с ремнями и з железными пряшки	558	
Мушкатонов	149	
Мартирок медных 6 фунтовых	2	
Чугунных 8 фунтовых	10	
Пистолет пар	145 1/2	
Пороху пушечного 3 пудовых бочек	179	
весом во оныя пудов	496	
Мушкетнаго 3-х пудовых бочек	134	
весом пудов	393	
Мелкаго 3-х пудовых бочек	8	
весом пудов	24	Оныя артиллерийские снаряды все отпустятся на вышепоказанные три корабля, один фрегат и на два транспортные судна.
Портупей о медными пряжки	179	
Корки морской пудов	14	
Тесаков з железными ефесы и ножнами	257	
Рогов пороховых	288	
Терпентину фунтов	4 фунта 24 зол.	
Фителю пудов	102	
фунтов	35	
золотников	24	//

л. 415 об. О потребных на готовящиеся ныне отсюда в компанию строющиеся при порте корабли два 74-х, один 66-ти пушечных, один фрегат, прибывшие ис Кронштата два транспортные судна, купленное у купца Лаптева транспортное судно и строящееся на Быковской верфи купцом Крыловым транспортное ж судно, в отпуск в компанию морских провизиях равно и на месечные служителем дачи сухопутном провианте предоставлено Государственной Адмиралтейств-коллегии по экспедици(и) камисариатской точию повеления в получении(и) еще не имеется, коего и ожидается. //

		Щет	
л. 423 об.	Для здешняго порта ластовых судов Брантвахтенной фрегат "Палярная Звезда" Яхта	1	Оной фрегат в летние времена обстоит далнею брантвахтою.
		1	На оной в летние времена главной коман- дир ездит за Бар для учинения на караблях депутатскаго смотру.
	Пинк	1	
	Лубянка	1	
	Онега	1	//
	Св. Павел	1	
	Савватий	1	
	Лебедь	1	
	№ 2	1	
	Торшхоут Бар	1	Оной в летние времена обстоит при порте ближнею брантвахтою.
Итого		14 судов	

Алексей Мусин-Пушкин //

л. 424

Ведомость,

в каких местах и по каким рекам к Архангелогородскому казенному Адмиралтейству леса разнаго звания заготовляются, лиственичные, карабельныя, званныя деревья и бревна

В Каргополском уезде около реки Онеги в разных местах и вывозятся оттуда в оную реку Онегу, которою и плыват верст со сто до урочища Волочка Касьянова, откуда зимним путем перевозят берегом 5-ть верст до реки Емцы, а оною по одному дереву плыват до устья реки Двины, где, сплотивши, и препровождают тою Двиною к Адмиралтейству. Но в выше показанных местах лесов в требующийся препорции ныне весьма мало находят, а большее заготовление оным карабельным лиственичным лесам производится в Яренском уезде около реки Вымы и речек Коине, Висленге, Чизве, Лузе и Чае, расстоянием от оных в 10-ти, 15-ти и до 20-ти верст, и по перевозе к речкам плыват оными по одному дереву верст с двести в реку Вымь. Да поблизости вершины реки Мезени, а по берегу реки Ирвы, которая течение свое имеет в Мезень, леса заготавлиют же и оною Ирвою плыват против течения верст с 80-т, откуда чрез болота зимним временем перевозят к речке Пичище, а сею оплавливают в вышепоказанную реку Вымь, где и изо всех речек приплавленные леса сплавивают и плыват тою Вымью в реку Вычегду, а из оной в Двину, которою до самого Адмиралтейства и препровождаются, всего расстоянием заготовления почитают тысячу верст. //

л. 424 об.

Сосновыя карабельныя и фрегатския деревья и бревна заготавлиются в Каргопольском и Двинском округах. В первом близ речек Нименти и Каженти, а в другом Шелексы, Емцы, Ваенги и Мехренги, и ото всех оных речек перевозятся в реку Емцу, которою плыват до Двины, а оною и до Адмиралтейства, расстоянием от места заготовления почитают * верст.

Сосновыя мачтовые леса заготавлиются в Устюжской области в разных местах, а по срубке вывозятся по зимнему пути к речке Кундаике, по которой и плыватся в Юг реку, а из оной в Двину, а сею рекою и до Адмиралтейства. Всего расстояния от места заготовления почитают тысячу верст.

Дубовыя леса заготавлиются в Кустромском **, Нижегородском, Казанском и в Хлыновском наместничествах и по заготовлении вывозятся по зимнему пути расстоянием от 250-ти и до 350-ти верст на обстоящую на реке Юг пристань Пермскую и от оной плыватся в барках по реке Югу в Двину, а сею и до Адмиралтейства. Всего расстояния от места заготовления почитают тысячу верст.

Березовыя и осиновыя деревья и короры сосновыя заготавлиются Архангелскаго наместничества по реке Пинеге и из оной выплавливают в Двину реку, а сею и до Адмиралтейства. Расстоянием от места заготовления почитают *** верст. //

л. 425

Ведомость,

коликое число, и каких, и по каким ценам к построению 74-х пушечнаго карабля лесов заготавлиется 1786 года

Для корпуса	Щет	
Лиственичных званных дерев	1840	Оным лесам подрядчики заготовление и доставление Адмиралтейству производят в три года, за кото- рый им платится 9000 рублей.
Книц еловых	190	
Бревен лиственичных на распиловку в доски для об- шивания карабля корпуса	975	Оным бревнам подрядчики заготовление и до- ставление к Адмиралтейству производят в один год, за которыя им платится 504 рубля 50 ¹ / ₄ коп.
Бревен сосновых, как на строение карабля на рыбинсы и прочия употребления, так и на подставы, копы- лы, на фундамент и на стрелы, и при том и на сто- лярную работу	2177	
Дубовых лесов х карабельной должности на битпинсы, красписы, кепстоны и прочее дерев	74	Оныя леса подрядчики заготавлиют и доставляют к Адмиралтейству в два года, за который им пла- тят 1264 рубли 71 копейку.
Итого к построению 74-х пушечнаго карабля для корпуса онаго вышепоказанных сортов лесов за- готавливается на	10 769 рублей 21 ¹ / ₄ копейки.	

Ко оному же караблю к разным мастерствам на разные дела употребляется

Бревен сосновых к мачтовому, блоковому и шлюпоч- ному мастерствам	196	Оныя бревна подрядчики заготавлиют и доставля- ют к Адмиралтейству в один год, за которыя им платится 42 рубли 55 ¹ / ₂ копеек. //

* Так в рукописи.

** Так в рукописи.

*** Так в рукописи.

Дубовых к мачтовой должности, на саленги, чиксы, красписы и на езельгофты	64	Оныя леса подрядчики заготавливают и доставляют к Адмиралтейству в два года, за которые им платится 4934 рубля 88 копеек.	л. 425 об.
Дубовых к блоковой должности на дело блоков и пушечных станков	453		
Сосновых мачтовых	37		
Кокор сосновых к шлюпочной должности на дело барказов и шлюпок	161	Оныя леса подрядчиками выставляются в два года, а иногда и в один год, за которые им платится 950 рублей.	
Дерев березовых на дело к артиллерийской должности клотц набойничных гранатных трубок и х конопатным молотам ручек	121	Оныя леса подрядчиками выставляются в один год, за которые им платится за кокоры сосновыя 28 рублей 98 копеек, за березовыя деревья 12 руб. 10 коп., за осиновыя деревья 5 руб. 60 коп.	
Дерев осиновых на дело артиллерийской должности картуз, кокор, клотц банничных и палников фитилных	56		
Итого к одному 74-х пушечному караблю к мастерствам на разныя употребления разных сортов лесов заготавливается на	5974	рублей 11 1/2 копеек	
Всего на строение одного 74-х пушечного карабля в корпус онаго и по мастерствам разных сортов лесов заготавливается на	16 743	рублей 32 3/4 копейки. //	

Ведомость,

коликое число, и каких, и по каким ценам к построению 66-ти пушечного карабля лесов заготавливается 1786 года

л. 426

Для корпуса	Щет		
Лиственичных званных	518		
Сосновых званных	1287		
Книц еловых	168		
Бревен лиственичных на распилование в доски для обшивания корпуса карабля	872		
То ж на нагили	350		
Бревен сосновых как в строение рынбисы и прочия употребления, так на подставы, копылье, фундамент и на стрелы, а при том и на столярную работу	1904	Оным бревнам подрядчики заготовление и доставление к Адмиралтейству производят в один год, за которые им платится 452 рубля 98 копеек.	
Дубовых лесов х карабелной должности на битпинсы, кратисы, кепстоны и прочее дерев	74	Оныя леса подрядчики заготавливают и доставляют к Адмиралтейству в два года, за которые им платится 1207 рублей 67 1/2 копеек.	
Итого к построению 66-ти пушечного карабля для корпуса онаго вышепоказанных сортов лесов заготавливается на	7060	рублей 65 1/2 копеек	
К оному же караблю к разным мастерствам на разныя дела употребляется:			
Бревен сосновых к мачтовому, блоковому, шлюпочному мастерствам	193	Оныя бревна подрядчики заготавливают и доставляют к Адмиралтейству в один год, за которые им платится 41 рубль 11 1/2 копеек. //	л. 426 об.
Дубовых к мачтовой должности на саленги, чиксы, кратисы и на езельгофты	61 1/2	Оныя леса подрядчики заготавливают и доставляют к Адмиралтейству в два года, за которые им платится 4291 рубль 89 копеек.	
Дубовых к блоковой должности на дело блоков, юферсов и пушечных станков	394		
Сосновых мачтовых	35	Оныя леса подрядчиками выставляются в два года, а иногда и в один год, за которые им платится 800 рублей.	
Кокор сосновых к шлюпочной должности на дело барказов и шлюпок	161	Оныя леса подрядчиками выставляются в один год, за которые платится за кокоры сосновыя 28 руб. 98 коп., за березовыя деревья 11 руб. 10 коп., за осиновыя деревья 5 руб. 60 коп.	
Дерев березовых на дело к артиллерийской должности клотц набойничных гранатных трубок и х конопатным молоткам ручек	111		
Дерев осиновых к артиллерийской должности, кокор, клотц банничных и палников фитилных	56		
Итого к одному 66-ти пушечному караблю к мастерствам на разныя употребления разных сортов лесов заготавливается на	5178	рублей 69 копеек	
Всего на постройку одного 66-ти пушечного карабля в корпус онаго и по мастерствам разных сортов лесов заготавливается на	12 239	рублей 34 1/2 копейки. //	

Ведомость,

коликое число, и каких, и по каким ценам к построению 32-х пушечного фрегата лесов заготавливается 1786-го года

л. 427

Для корпуса	Щет		
Сосновых званных дерев	1382	Оным лесам подрядчики заготовление и доставление к Адмиралтейству производят в два, а иногда и в один год, за которые им платится 1975 рублей.	
Книц еловых	132		
Бревен сосновых на распилование в доски для обшивания корпуса фрегата	900		

Для корпуса	Щет	
Бревен сосновых как в строение фрегата на рыбинсы и прочия употребления, так и на подставы, а при том и на столярную работу	842	Оным бревнам подрядчики заготовление и доставление к Адмиралтейству производят в один год, за которых им платится 169 рублей 33 1/2 копейки.
Дубовых лесов х карабельной должности на битпинсы и красписы и прочее дерев	55	Оныя леса подрядчики заготовляют и доставляют к Адмиралтейству в два, многия и в один год, за которых им платится 447 рублей 20 3/4 копеек.
Итого к построению 32-х пушечного фрегата для корпуса онаго вышепоказанных сортов леса заготовляется на	2591 рубль 54 1/4 копейки	
Ко оному же фрегату к разным мастерствам на разные дела употребляется:		
Бревен сосновых к мачтовому, блоковому и шлюпочному мастерствам	...	Оныя бревна подрядчики заготовляют и доставляют к Адмиралтейству в один год, за которых им платится 27 рублей 14 1/4 копеек. //
л. 427 об. Дубовых к мачтовой должности на саленги, чиксы и на езелгофты	56	Оныя леса подрядчики заготовляют и доставляют к Адмиралтейству в два, а иногда и в один год, за которых им платится 1752 рубли 49 1/... копейки.
Сосновых мачтовых дерев	24	Оныя леса подрядчиками выставляются в два, а иногда и в один год, за которых им платится 300 рублей.
Кокор сосновых к шлюпочной должности на дело барказов и шлюпок	77	Оныя леса подрядчиками выставляются в один год, за которых им платится за короры сосновыя 13 рублей 86 копеек,
Дерев березовых на дело к артиллерийской должности клотц набойничных гранатных трубок и х конопатным молотам ручек	72	за березовыя деревья 7 рублей 20 копеек, за осиновыя деревья 5 рублей 10 копеек.
Дерев осиновых на дело к артиллерийской должности картез, кокор, клотц банничных и палников фитилных	51	
Итого к одному 32-х пушечному фрегату и к мастерствам на разные употребления разных сортов лесов заговляется на	2105 рублей 79 1/2 копеек	
Всего на строение одного 32-х пушечного фрегата в корпус онаго и по мастерствам разных сортов лесов заготовляется на	4697 рублей 33 3/4 копейки	
Алексей Мусин-Пушкин ³⁴¹ . //		

Пленник Шетландских скал — пинк “Святой мученик Евстафий”

Пинк Российского флота “Святой мученик Евстафий” был заложен 1 августа 1772 г. на Архангельском Адмиралтействе и спущен на воду 20 сентября 1773 г. Строил судно российский судостроитель Андрей Мальцев ³⁴², который служил старшим корабельным подмастерьем у корабельного мастера Андрея Давыдова. Известно, что Андрей Мальцев родился около 1745 г. и умер после 1783 г., активный период его деятельности приходится на 1770—1783 гг., когда он проектировал и строил корабли и суда другого класса на Архангельской Адмиралтейской верфи, а также достраивал линейные корабли, недостроенные мастером Давыдовым ³⁴³. Пинк “Святой мученик Евстафий” по своим габаритам был “близнецом” пинку “Кола” и имел на вооружении 38 пушек.

Судьба пинка “Евстафий” закончилась трагически — он, по официальной версии, “разбился в 1780 году в Балтийском море”.

21 июня 1774 г. пинк под командованием капитан-лейтенанта Василия Машина вместе с пинком “Лучше назови” снялся с якорей на Баре Северной Двины и начал переход к российским балтийским портам. Пинк “Лучше назови” 28 августа прибыл на копенгагенский рейд и командир пинка капитан-лейтенант Берх “присланным рапортом объявил, что он июля 24, недошед до Ланфонштата, случившимся от зюйда штормом и туманом разлучился с дру-

гим пинком, о котором и до прибытия оного Берга с ревальскою эскадрою с копенгагенскаго рейда сентября до 22 ни откуда сведения в получении не имеется...” ³⁴⁴

Только 17 ноября прокурор Адмиралтейской коллегии Колокольников словесно объявил, что “отправленный в лето 774 года от Архангельска к здешним портам под командою капитана флота капитан-лейтенанта Машина пинк Евстафий ныне находится в Данциге” ³⁴⁵. Машину было приказано “быть в С.-Петербурге немедленно и взять с собою веденные им, будучи в пути, журнал и протокол, а на место его послать капитан-лейтенанта Берга, коему велеть по приезде туда пинк “Св. Евстафий” и находящуюся на нем команду, также и денежную казну принять по регламенту, предписав при том, чтоб он по приеме всего того будущю весною при первом благополучном ветре следовал к российскому порту”. Так все и случилось: капитан-лейтенант Амандус Берг был “отправлен берегом в Данциг для принятия команды над пинком “Св. Евстафий” и привел судно в Кронштадт. В действиях же капитан-лейтенанта Василия Машина Адмиралтейств-коллегия не усмотрела “неправильных командных действий” во время шторма и назначила его командиром фрегата “Евстафий”.

В 1777—1779 гг. пинк “Евстафий” в составе российских эскадр проводил крейсирование на трассе Норд-Кап — Белое море ввиду опасности “помешательства в навигации и торговле иностранных народов к нашим северным портам Онежскому и Архангельскому” ³⁴⁶.

Весною 1779 г. пинки “Евстафий” и “Кола” были выделены для перехода в Архангельск, чтобы доставить “потребныя в Архангельский порт на строящиеся тамо корабли и фрегаты артиллерию и снаряды”. На “Евстафий” был назначен капитан-лейтенант Александр Марков, а на пинк “Кола” капитан-лейтенант Алексей Тимашев³⁴⁷. Перед походом провели комплектацию команд: “...матросов дабы было на каждом пинке по 70 человек, ...с подлежащим числом унтер-офицеров, прочих же по тому штату служителей из ластового комплекта послать”.

После успешного перехода в Архангельск пинк “Евстафий” вместе с пинком “Кола” был отправлен в крейсерование в районе Норд-кап — Вардегоус — Кильдин, а оттуда 12 августа взял курс к балтийским российским портам вместе с кораблем № 65. В депеше от 17 июля командир эскадры Вилим Фондезин доносил:

Получено 13 августа 1780.

Сиятельнейший граф, премилостивый государь мой.

Как последним моим письмом вашему высокографскому сиятельству об отправлении моем от Бару доносил, а ныне имею вашему высокографскому сиятельству с покорностию донести, что 14 числа сего месяца пришел я с караблями № 64-м и 65-м к острову Кильдюину, где чаял наитить прежде отправленные порученной мне эскадры пинки Евстафия и Колу, коим велено, продолжая путь до Нордкапа, возвратится паки к Кильдюину и крейсировать у онаго. Но не нашел оных на море, уповаю наитить на якоре, тож и для получения пресной воды и поправки такелажа, которой, доволно вытнувши, ослаб, того ж числа, зашел за тот остров Кильдюин, остановился на якорях благополучно, а 16 числа и пинки, возвратясь, пришли ко оному ж, и по поданному от командующаго пинка Евстафия флота капитан лейтенанта Маркова рапорту показано, что оныя, идучи к Кильдюину, а от онаго до Нордкапа и обратно, никаких военных судов, таж арматоров и каперов нигде не видали, да и от повстречающихся судов по опросам ни от кого не слышали. Я же с кораблем № 64-м и пинкою Колою по налитии пресной воды, оставя для крейсирования у Кильдюина каравль № 65 пинк Евстафий, в скором времени отправлюсь для содержания поста к Нордкапу. В разсуждении ж экипажа имею вашему высокографскому сиятельству с покорностию донести, что в трудной болезни почти ни единого не имею.

О чем с моею покорностию донес.

С моим преданнейшим высокопочтением остаюсь вашего высокографского сиятельства всенижайши и покорнейши слуга

Вилим Фондезан.

“17” июля 1760 года³⁴⁸.

Это было несчастливое плавание для “Евстафия” — уже 20 августа “по полуночи при риф-марсельном ветре в пасмурности пинк Евстафий закрылся на румб OS/2”, а ранним утром 2 августа “вторично тот пинк закрылся” и “Кола” потеряла его из виду. Командующий эскадрой Вилим Фондезин 23 сентября благополучно прибыл на копенгагенский рейд, о чем и доложил, присовокупив сведения о потере пинка “Евстафий”:

Сиятельнейши граф, премногомилистой государь мой, граф Иван Григорьевич.

По отбыти моем от города Архангелскаго на предписанной пост, где будучи от крепкаго шторма принужденным нашелся зайти в Кильдюин, куда пришел 29 июля, где и соединился порученной мне эскадры с караблем и пинками, где будучи по исправлении себя такелажем, вышел августа 3-го числа ис Кильдюина со всеми судами, продолжая плавание на дальном виду друг от друга к Нордкапу. Будучи же в Кильдюине, по отзыву командующих пинков Евстафия о течи, а пинка Колы о приумножении больных, тако ж и по тяжелому их ходу, что они с караблями никоим образом держатца не могут, со общаго консилиума августа 12 число от Нордкапа при благополучном ветре отправил оныя к своим портам. Сам же, будучи с караблями, остался у Нордкапа в крейсертве до 18 числа августа, а онаго числа за приумножением больных при крепком восточном благополучном ветре оста-

вил пост и, продолжая плавание до Лафанстата обще с караблем № 65 и проидя на виду оной при противном крепком шторме от южной стороны и при густой пасмарности, разлучился и со оным. По проминовании ж трех суточного наисилнейшаго противнаго шторма, приближась паки к нордвским берегам, старался соединитца со оным, но нигде не мог с ним соединитца. И продолжая путь к Копенгагену, сего числа на копенгагенской рейд пришел благополучно, где, будучи по данному рандеу, имею дожидать оных, пока безопасность осеняго времени дозволит. Будучи же на посту, как на море, так и в гавенях, как арматоров, так и каперов, нигде не найдено. В разсуждении крейсирования и путешествия, имея жестокия противныя ветры, приумножение больных не превосходило числа сорока пяти, ис которых умерших пять человек. О чем с моею покорностию донеся вашему сиятельству, с моим глубочайшим высокопочтением остаюсь вашего высокографского сиятельства всенижайши и всепокорнейша слуга

Вилим Фондезан.

В день 23 сентября 1780 года³⁴⁹.

Капитан Вилим Фондезин, возможно, чувствовал за собой вину, поэтому пишет еще один рапорт:

Сиятельнейший граф, премногомилистой государь мой.

Последним от меня письмом вашему высокографскому сиятельству с покорностию донесено, что вверенной мне эскадры пинки Евстафий и Кола отправлены к своим портам от Нордкапа прошедшаго августа 12 числа. С кораблем же № 65 разлучился в шторм и при густой пасмарности, прошел Лан Фанстах 6-го сентября, а 23 сентября ж с порученным мне кораблем № 64 прибыл благополучно на копенгагенской рейд, где и положил пробыть во ожидании оных порученной мне эскадры каравля и пинков, пока безопасность осеняго времени дозволит. А 29 числа сентября, снабдя себя пресною водою, в разсуждении позднаго осеняго времени, дабы мог достигнуть до своих портов, на копенгагенском рейде пробыть долгое время не осмелился, то и представил его превосходительству Александр Ивановичу фон Крюзу, не соизволит ли повелеть с первого числа октября, ежели ко оному ис порученной мне эскадры судов никого в прибыти не будет, следовать мне к своим портам, на что присланным ордером 30 числа сентября от его превосходительства и велено с порученным мне кораблем со онаго первого октября следовать к своим портам при эскадре его превосходительства. Почему 2 числа октября, оставя у обретающагося в Копенгагене нашего министра его превосходительства господина фон Сакена для доставления по прибытии каравля и пинков командующим оных о следовани(и) ж к своим портам повелении, с копенгагенскаго рейда и отправился. А сего числа на кронштатской рейд прибыл благополучно.

О чем вашему высокографскому сиятельству с покорностию донеся, с моим глубочайшим высокопочтением остаюсь вашего высокографскаго сиятельства, премногомилистой государя моего всенижайши и всепокорнейши слуга

Вилим Фондезан.

В день 8 октября 1780 года³⁵⁰.

Может быть, Фондезин чувствовал, что “трем одново можно не дожидаться, но одному и командиру не дожидаться трех кажится не похвально”, — командир эскадры вернулся на Балтику только один, без эскадры. Капитану Вилиму Фондезину был послан циркуляр, в котором указывалось ему, что “Коллегия весьма недовольна таковым его, Фондезина, поступком, что он, разлучась с вверенными ему судами, столь долгое время не старался с ними соединиться, а тем больше что напоследок, оставя оных, совсем один возвратился в Кронштатт, ибо к возвращению его время отнюдь настояло не поздно”³⁵¹.

Только поздней осенью в России стало известно о гибели пинка “Святой мученик Евстафий” и экипажа судна. По свежим следам этого события один высокопоставленный чиновник Адмиралтейства направил Фондезину личное послание:

Государь мой Вилим Петрович!

Письмо ваше от вчерашнего числа получил, радуюсь о благополучном вашем прибытии, но сожалею при том крайне, что не привели с собою прочих судов эскадры вашей, чево уже несколько лет не бывало, чтоб не вся эскадра вместе пришла, когда

Рис. 48. Бронзовая иконка Николая Чудотворца

и не для чего друга была послана, как для одной эксерсии матроз. Ныне же предмет оной был совсем другой, как вам известно. Репорта вашего от 12 августа мы не имеем. А раставшись столь долгое время с пинками, сие бы наиболее понудить вас должно было поостановится несколько времени, дабы их самих или что-нибудь о них сведать могли. Сей же резон и наиболее кажется послужить бы должен был в разсуждении друга каравля, с которым буде не случилось какова нещастия, не замешкаясь на копенгагенский рейд притить должен.

Трем одново можно не дожидаться, но одному и командиру не дожидаться трех кажится не похвально. Вас самих делаю судьей.

Было у нас известие, что в Копенгагене пропал один военной каравль. Сперва говорили, что то был шведской, а потом что датской. Не знаете ли вы что про оное, уведомяте, ибо я боюсь, что то был не русской, от чего Боже нас избави.

С нетерпением вас видеть ожидаю, чтоб узнать обстоятельство, как со всеми вверенными вам судами вы разстались.

Ч. 9 октября 1780.

Г(осподи)ну Фондезину³⁵².

Русский резидент в Гамбурге Грос извещал графа Панина: "В прошлую субботу явился ко мне Синельщиков, служивший канониром на императорском пинке "Евстафий" под командованием капитан-лейтенанта Маркова, отправленного из Архангельска в Кронштадт 1 июня сего года. По рассказу означенного канонира и по письменному донесению, которое имею честь приложить при сем, судно, на котором он находился, потерпело крушение в сентябре месяце на пустынном острове из группы Шетландских островов, именуемом Графскерри "Griff Skerry", и из всего экипажа, состоявшего из 180 человек, 6 женщин и 3 детей, спаслись только: он, 3 матроса и 1 солдат, которые, по счастью удержавшись на обломках, были выброшены на берег острова Вальсэ "Whalsay", удаленного на 3—4 мили английских от острова, на котором случилось несчастье"³⁵³.

При этом письме, как и было обещано, находился рапорт канонира Ивана Синельщикова:

В Государственную Адмиралтейскую коллегию от находящегося в городе Гамбурге с разбитого пинка Евстафия констапеля Ивана Синельщикова покорнейший репорт.

При сем во оную Коллегию репортуя, сего 1780 году июня 1-го дня пинк Евстафий отправлен от города Архангельскаго к Кронштатскому порту, а прошедшаго сентября с 8-го на 9-е число, лавировав под парусами, и принесло к острову Шитланту к шхерам на камни, где помянутой пинк Евстафий и разбилось. А я с четырьмя человеками спаса на разбитых от пинка деревьях, порознь, и по выходе нашем из воды на остров взяты были в дом к живущему на оном острове Джон-Бруш Штюрт Шинбестеру, от котораго до отправления нашего в Гамбург довольствовались и пищею. А прошедшаго октября 29 числа оной Джон Буш Штюрт отправил нас на лотке (в) местечко Лервик на судно для отправления в Гамбург. А из помянутого Лервика в Гамбург отправились ноября 1-го числа. А прибыли в Гамбург того ж ноября 9 числа, в котором и поныне нахожусь и со служителями. А кто спаслись с пинка Евстафия, значит ниже реэстр. Да, видимо, было мною на помянутом острове Шитланде из вынесенных российских вещей, сколко чего, значит ниже, и об оном Государственной Адмиралтейской коллегии сим репортуя.

Подписано: констапель Иван Синельщиков.

Ноября 3/14 дня 1780.

Реэстр спасшимся с пинка Евстафия:

Констапель:
Иван Синельщиков.
Матрозы 1-й статьи:
Степан Молотцов. Ластоваго ком.
2-й статьи:
Андрей Евсевьев ... из рекрут.
Кананир 2-й статьи:
Арефей Алексеев.
Салдат:
Иван Кабелев.
Итого 5 человек.

Реэстр, что, видимо, было из вынесенных вещей на острове Шитланде.

Колокол медной	1
Котел медной брашкой	1
Мартирка медная кугольная 6-тифунтовая	1
Тросов смоленых	2
Парусов: фок	1
грот марселей	2
крюселей	2

На пинке Евстафии отправилось от города Архангельскаго:

Командир капитан лейтенант:
Александр Марков.
Лейтенанты:
Яков Харламов, Сила Бестужев, Николай Бердяев.
Мичман:
Степан Наумов.
Шхипер 2-го ранга:
Матвей Заусаев.
Клерк камисарскаго чина:
Егор Худяков.
Камисар:
Семен Харитонов.
Штюрман подпоручческаго ранга:
Василей Киприянов.
Морских баталионов поруччик:
Лев Елецкой.
Артилерии констапель:
Иван Синельщиков.

Морскаго шляхетнаго кадетскаго корпуса

Гардемарин	5
Иеромонах	1
Подштюрманов	2
Поллекаръ	1
Писарь	1
Штюрманской ученик	1
Лекарской	1
Боцман	1
Боцман матов	2
Квартерместеров	6
Матроз 1 и 2 статьи	99
Кают юнгов	2
Плотников	2
Конопатчиков	2
Ундер купор	1
Парусников	2
Ундер баталер	1
Повар	1
Кормщик	1

Салдатской команды	
Капрал	1
Мушкатыр	30
Барabanщик	1
Артиллерийских	
Сержант	1
Каптенармус	1
Капрал	1
Кананир	16
Слесарь	1
Итого офицеров	11
Гардемарины	5
Ундер афицеров и рядовых	179
Всего	195

Кадецкого корпуса:

Капрал Яков Левенец.
Гардемарины:
Ларион Тырков, Степан Ушаков, Степан Палибин, Евграф Бестужев³⁵⁴.

Летом 1972 г. команда профессиональных водолазов под руководством Роберта Стенюита (Robert Sténuit) искала остатки голландских торговых судов, потерпевших в 1711 г. крушение в районе Шетландских островов вместе с конвоем военных судов (всего около 100 парусников)³⁵⁵. Шетландские острова — это “идеальное” место для кораблекрушений — частая смена погоды, шторма, густые туманы, бурные приливно-отливные течения, необычайно холодная вода превратили небольшой регион в настоящее кладбище кораблей.

Во время поиска голландских погибших судов водолазы обнаружили остатки неизвестного судна у восточного берега рифа Грифф (Griff Skerry) — здесь были найдены два больших железных якоря, лежавших на глубине 20 м. У южного побережья рифа позднее был обнаружен основной археологический материал — около 300 изделий и их фрагментов. Обилие находок, связанных с вооружением, свидетельствовало о том, что погибшее судно было военным, а характер находок, в том числе и русские монеты, свидетельствовал о российской принадлежности судна. Один из местных помещиков — Роберт Стюарт Брук (Robert Stuart Bruce) с острова Вальсэ (Whalsay) за свою жизнь собрал немало сведений, легенд и рассказов местных жителей о кораблекрушениях в этом районе. Один из рассказов, записанных в 1929 г.: “Жители увидели приближающийся к берегу корабль, и его вид не понравился им — это было военное судно. Казалось, что судно решило атаковать поселение, но вид парусов на приближающемся паруснике был весьма плачевным, и скоро судно ударило о риф”.

Согласно другому преданию, на этом месте какое-то судно столкнулось с британским военным кораблем 17 или 20 сентября 1780 г. и причиной такого столкновения был очень сильный встречный ветер.

Водолазам не удалось отыскать даже остатков корпуса парусника, но характер расположения находок позволил предположить, что парусник попал в окружение подводных скальных выступов, о которые шквалистый ветер долгое время с силой бил корпус судна. Корпус разломился, и из кормовой части на дно “высыпалось” все, что находилось на месте разлома парусника. Было найдено около сорока пушек — целых и фрагментов, сильно проржавевших и корродированных. Длина пушек была от 1,3 до 2,5 м. Исследователь считает, что пушки “Евстафия” — наглядный пример низкого качества русского артиллерийского литья. В этом регионе им было обследовано 18 мест кораблекрушений, т. е. соленость воды одинаковая и

время катастрофы приблизительно одно и то же, а пушки испанского, португальского, английского, датского, французского и голландского производств сохранились несравненно лучше и после поднятия на берег использовались в местном порту в качестве швартовочных тумб. Российские пушки, как считает автор, были отлиты на Олонецких или Санкт-Петербургских заводах. Одновременно с этим автор приводит сведения секретного документа от 15 марта 1787 г., в котором маркиз de la Galissoniere, описывая свое пребывание в Кронштадте, составил доклад, в котором, в частности, пишет: “Я сделал все возможное, чтобы увидеть разновидность гаубиц, столь успешно применявшихся против турок в Чесменском бою, но так и не смог их увидеть. Но согласно добытой мною информации, я имею возможность категорически заявить, что они являются чугунными орудиями около 5 фунтов длиной с камерой и каналом ствола усеченного конуса. Они заряжают эти орудия полыми снарядами, заполненными зажигательным веществом. Это означало, что они подождли при Чесме часть турецких судов, что вызвало распространение пламени на другие корабли. Когда я упоминал об этом в Кронштадте, я всегда был уверен, что это было дьявольское изобретение, и надо надеяться, что оно будет навсегда забыто”³⁵⁶.

Из артиллерийских припасов на месте гибели “Евстафия” найдены чугунные пушечные ядра, брусковые заряды, разрывные гранаты русского производства. Из стрелкового оружия — детали мушкетов, дробь, пряжки от патронтажных ремней, сабля с клеймом на клинке.

Денежная монетная “казна” представлена почти 200 российскими и голландскими монетами: три золотые монеты достоинством по 10 рублей отчеканены в Санкт-Петербурге (Екатерина II, 1767 г. и 1768 г.), двадцать серебряных монет 1718—1776 гг. с изображениями Петра I, Екатерины II, Анны, Елизаветы.

Из бронзовых находок можно назвать икону-складень и натальную иконку с изображением Николая Чудотворца. На “Евстафии” был и почти такой же, как и на “Единороге”, набор вкладывающихся друг в друга полых бронзовых разновесков из желтой бронзы, с украшениями в виде цилиндрических кругов и фигурными ручками. Возможно, что на “Евстафии” было даже два комплекта таких разновесков. Кроме “Единорога” и “Евстафия”, такие же разновески были найдены еще на одном погибшем российском судне — фрегате “Святой Николай”, потерпевшем крушение в 1790 г. На месте гибели “Евстафия” обнаружены медные и оловянные пуговицы — детали морской военной формы. Интересны и мелкие аптекарские разновески (весом в 4 обола), изготовленные в Нюрнберге, о чем свидетельствует клеймо в виде герба Нюрнберга³⁵⁷.

Удалось определить характер груза, который находился в трюмах судна, — это смола, которую вез “Евстафий” из Архангельска на Балтийские верфи.

Лодья “Преподобный Варлаамий”

1 июля 1792 г. русское судно “Преподобный Варлаамий” потерпело крушение близ островов Квитсоу, расположенных в 20 км от юго-западного побережья Норвегии, в 20 км от г. Ставангера. Весь экипаж судна погиб, и тела погибших, которые выбросило море, были похоронены на местных кладбищах. Часть имуще-

ства на корабле была спасена, но сам корабль, выброшенный на берег, также погиб. Ценнейшая находка на погибшем судне — это несколько документов, написанных на русском языке. Найденные документы были переданы в местный архив Ставангера и только спустя почти 200 лет были исследованы и изданы группой норвежских ученых³⁵⁸.

Опубликованные документы, несмотря на скромный объем, необычайно информативны для истории экономических и гуманитарных российско-норвежских взаимоотношений, а также для русского мореплавания того времени. Несомненно, норвежские исследователи внесли ценный вклад в изучение контактов населения наших двух государств. Как показали исследователи, для севера Норвегии жизненно важной была торговля хлебом (зерном и мукой) с севером России, сначала нелегально. С 1783 г. прекратился ввоз зерновых из Дании и было разрешено закупать русскую муку (а русские покупали рыбу)³⁵⁹.

Поэтому во второй половине XVIII в. (особенно после заключения в 1767—1773 гг. договора между Датско-Норвежским королевством и Россией) торговля между Северной Норвегией и Архангельским Поморьем значительно оживилась: русские закупали соленую треску и икру, а продавали муку и зерновые, что было так необходимо для этих районов Норвегии. Характерно, что закупленную рыбу русские суда везли на рынок Санкт-Петербурга. Кроме покупки рыбы, русские сами промышляли рыбу у берегов Северной Норвегии: например, в 1743 г. у берегов Финмаркена было зафиксировано 61 русское промысловое судно. Как отмечают норвежские исследователи, русские обычно сочетали рыбную ловлю с торговлей.

Трагическая история судна “Преподобный Варлаамий” — яркий и в то же время типичный пример таких контактов.

Найденные русские документы, а это письма хозяина судна — своего рода инструкции, позволили установить состав экипажа судна “Преподобный Варлаамий”: капитан Дмитрий Кузьмич Балуков; Александр Белокуров — помощник капитана; Григорий Мартынов — переводчик; Гаврила Кузнецов и Яков Перов — работники на судне; нанятый в качестве лоцмана для перехода “Преподобного Варлаамия” от Бергена до Кронштадта Томас Якоб Мелдахл.

Хозяином судна был холмогорский купец Сергей Федорович Кулаков. Как справедливо заметили публикаторы, фамилия Кулакова упоминается в работах архангелогородского историка В. В. Крестинина (он называет Панфила Кондратова Кулакова). Упоминается Сергей Кулаков и в таможенных документах Тромсе (“капитан Кулаков”, “русский Кулаков”)³⁶⁰.

Нами были обнаружены новые письменные документы, которые позволяют более определенно говорить о двух холмогорских купеческих семьях — Кулаковых и Балуковых. Документы эти связаны с судном “Преподобный Варлаамий” и существенно дополняют сведения о северных мореходах.

Кулаковы — семья потомственных холмогорских мореходов. В 1740 г. холмогорец Тимофей Кулаков продал “новопостроенное” судно “буяр, именуемый Иоан” крестьянину Куростровской волости Двинского уезда Ивану Васильеву сыну Лопаткину. Буяр был построен в 1735 г., освидетельствован Архангелогородской ратушей и “новоутвержденною печатью гербом заклеямен”. Буяр Тимофея Кулакова имел грузоподъ-

емность “семь ластов, длиною по стивням сорок четыре фута пять дюймов, шириною по полубам четырнадцать футов, глубиною от килю до полуб шесть футов, об одной мачте, длина мачты сорок футов аглинских, знак на нем российской, людей имеет четыре человека”. Буяр был продан “с верховою снастью, сколько чево на нем имелось безвыветно, цены взял тридцать рублей”.

В мае 1746 г. холмогорский посадский человек Тимофей Романов сын Кулаков просил “отпускать от города Архангельского в Соловецкой монастырь новоманерное судно буяр “Святой Иоанн”, освидетельствованное в 1742 г., и использовать также это судно для догрузки иностранных судов³⁶¹. В “Имянной ведомости о торгах, рукоделиях и промыслах каждого и всех Холмогорского посада граждан 1785-го года” упомянут его сын — купец Федор Тимофеевич Кулаков (“имеет капитала по магистратской ведомости 500 рублей, в семействе имеет совершеннолетнего сына Сергея и малолетнего внука Михаила, ... грамотные, а внук за малолетством не обучается”³⁶²). Федор Кулаков жил на Холмогорах, имел собственный “наследственной” дом “в Глинском посаде под № 148”. Занимался тем, что отвозил из Холмогор в Санкт-Петербург и на местные ярмарки “для продажи рыбу соленую треску и палтасину”, кроме того “имел рыбный промысел на российском Мурманском берегу в становище Шубине”. Самое важное, пожалуй, что Федор Кулаков был солидным судовладельцем. Он имел три мореходных староманерных “судна званием лодьи”: “Преподобный Варлаамий” (в большинстве письменных документов судно названо “Преподобный Варлаамий”, хотя в письмах Сергей Кулаков именуется это судно как “Сант-Варлаамий”) — длиной 45 ф., шириной 16 ф., глубиной 9 ф., грузоподъемностью 20 ластов; “Святой Николай” — длиной 34 ф., шириной 10 ф., глубиной 7 ф., грузоподъемностью 10 ластов; “Святой Гавриил”³⁶³. Лодьи были построены: “Преподобный Варлаамий” в 1778 г., а “Святой Николай” в 1773 г. Кроме того, его сын — Сергей Тимофеевич имел третью часть в совместном с холмогорским купцом Василием Чернышевым и мезенским купцом Василием Шестаковым владении — “в корабле, которой отпускается для торговли в датские заливы”, “карабль именуемый “Дестит Холмогоры” для торговли от Архангелскаго порта в Датские заливы”. Сергей Кулаков имел еще и весновальный карбас, построенный в 1776 г., “грузу могущий братъ до 250-ти пудов”³⁶⁴.

Федор Тимофеевич Кулаков являлся холмогорским старожилом (“рожденный в здешнем городе”), в 1785 г. ему было 57 лет, женат он был на дочери бывшего куростровского крестьянина Анне. Семейство у Федора Кулакова было большим: сын Сергей (в 1785 г. ему было 27 лет), дочь Параскева 19 лет. Сын Сергей был женат на дочери купца Степана Балукова Парасковье и имел двух маленьких сыновей и дочь. В торговом ряду на Холмогорах Федор Кулаков держал две лавки и два анбара кладовые. Лодьи Федора Кулакова в летнее время отправлялись “на Мурманский берег для ловления рыбы”, которую он продавал в Архангельске и Холмогорах, где имел свои лавки, и отпускал для продажи в Санкт-Петербург и на местные ярмарки. Федор Кулаков имел капитала 1060 рублей, пользовался влиянием в своем городе — неоднократно избирался на выборные должности: в 1753 г. был целовальником у вина, в 1758 г. — в приставах, в 1780 г. — у торговли соли головой. Книга 1785 г. отмечает, что

“сын ево Сергей в служениях не бывал”. Надо полагать, что к 1792 г. Федор Тимофеевич Кулаков уже отошел от дел и передал свое дело сыну Сергею, по крайней мере, он умер между 1785—1793 гг.

По спискам судов 1806 г. Сергей Кулаков владел бриком, построенным в 1785 г. (длина 54 ф., ширина 18 ф., грузоподъемность 28 ластов), шлюпом, который к этому времени был перетимберован, и бригантин “Константин и Елена”, построенным в 1797 г., причем последний был в совместном владении с Михаилом и Иваном Чернышевыми³⁶⁵.

По переписи судов 1800 г., Сергей Кулаков имел три судна: под № 272 “Святой Григорий”, капитаном на котором был его сын Михайло, карбас под № 296 с капитаном, вторым сыном Аникием, и третье судно “Святой Петр” (капитан — крестьянин Зимнезолотичской волости Филипп Голубин)³⁶⁶.

Как мы уже отмечали, семья Кулаковых была связана брачными узами с семьей Балуховых — Сергей Федорович Кулаков был женат на дочери Степана Гавриловича Балухова Прасковье.

Семья Балуховых также была известной холмогорской купеческой династией — Гаврило Иванович Балухов в 1785 г. был уже довольно престарелым — ему был 81 год, он имел совершеннолетнего сына Степана (57 лет), внука Козьму (30 лет) и внучку Анну (23 года). Семья купцов Балуховых, как и Кулаковы, пользовалась уважением, и сам глава семьи, и его дети часто находились на выборных должностях. Как и Кулаковы, они отвозили в Санкт-Петербург “для продажи рыбу соленую семгу, треску и палтасину”, но собственных мореходных судов не имели. Поэтому понятно, что Кулаковы взяли в долю Дмитрия Балухова — племянника “по браку” — капитаном на одну из своих лодей.

В 1765 г. Дмитрию Кузьмичу Балухову — будущему капитану “Святого Варлаамия” было 8—10 лет. Получается, что капитаном он стал в возрасте 15—17 лет! Возможно даже, что в 1792 г. началось его первое самостоятельное плавание из Архангельска в Санкт-Петербург. Тогда понятно, почему хозяин судна — Сергей Федорович Кулаков составил для него очень подробную инструкцию: где и к каким торговым агентам-норвежцам он должен обратиться, где нанять лоцмана для перехода Берген—Кронштадт—Санкт-Петербург, как грузить пойманную и купленную рыбу, с кем встретиться в Санкт-Петербурге, чтобы уладить таможенные и торговые дела. Среди обнаруженных на судне документов — “инструкция”, наиболее значительный и информативный документ.

Наставление племяннику Дмитрию Балухову

1-е. 3 Божью помощь с первым благополучным ветром следовать вам на судне именуемом Сант Варлаамий на Вогань становище именуемое Гулвика. 2-е. По прибытии туда в Гулвику ехать тебе в боту на Вогань к агенту Брудкерву и требовать от него человека для покупки и нагруски рыбы, также испросить об соли чтобы не было после остановки, а по принятии в судно при посолки иметь старание и смотрение чтобы солили хорошо. 3-е. Едучи проездом на Вогань приворотить на Бретеснесь и требовать от мадам Клебу или ее сына Ансь Лорка 1-го бота сеток для промыслу рыбы, ежели оне пожелают чтобы наши люди промыслили в 2-х ботах половина ее людей и половина наших то оному не препятствовать и на такихх кондициях промысливать. 4-е. Иметь тебе верную записку котораго числа сколько тресок принято было и от кого сколько от Брукова и сколько от своих промышленников и скликаться ежедневно с прикащиком Брудкова. 5-е. Грузить вам рыбы в судно не более 4000 пудов здешнего весу или сколько может понести. По чему вы можете применитца 120 тресок свесить сколько потянуть то

полагая по оному и весь груз. 6-е. По нагруске судов и принятии провианта возметь порядошной генеральной счет сь господином агентом. Оставить у себя один тебе а другой отдать ему агенту, а третий послать при писме ко мне с почтою; которое писмо отдать агенту чтобы онь послать с почтой. 7-е. Истребовать от агента атестата что действительно рыба собственного своего промыслу а не покупная которой атестат по благополучномь прибытии в Ельсенорь российскому консулу для подлписания объявить и в Кронштат представить пре декларации такие рекомендацонного писма в Берген кому адресоватца. 8-е. По благополучномь прибытии в Берген сыскать по писму кроспондента и что потребно будеть провианту и протчаго истребовать и притомь денег для платежа зунских пошлин неболее как 50 рекс делеров. Тамъ же и объявить кроспонденту чтобы судно и товар отдать, въ страхъ суммою в 3000 рублей от Бергена до Питербурха и притомь нанять одного штирмана бывалаго и знающего въ Балтийском море до Кронштата на сходъ и по ушнении онаго написать писмо обо всемь обстоятельномь в отдать коровпонденту для послыски с почтою и ити з Божью помощию въ Ельсенорь. 9-е. По благополучномь прибытии въ Ельсеноре объявить к русскому консулу и что прежде предписано въ 7-м пункте учинить также и написать писмо и послать с почтою в Холмогоры и следовать въ Кронштате. 10-е. По благополучномь прибытии в Кронштат не мешкавъ того же числа ехать въ Петербурхъ и сыскать Василья Полушкина и объявить ему о благополучномь прибытии и чтобы онь ходатайствовал ис Петербургской таможи повеление о пропуске в Питербурхъ судна. Также и писать въ Холмогоры непременно. Истребовать от него наставления каким образом онь присуствует где продавать рыбу въ Питербурге или в Кронштате, и что онь учинить за ... смотря въ хозяйскую пользу без ошипки; в протчемъ желаю вамъ добраго пути и благихъ успехов.

15 января 1792 года.

Тромвикъ Сергей Кулаков.

(Приписка) Скажи господину агенту Брукову чтобы за мой счет в Бергене по 3-мь моимь роспискам заплатил денехъ 750 и росписки к себе получил а буди потребууть росписокъ для апсептации у него то бъ онь оные апсептовалъ что верно от меня даны.

Сергей Кулаковъ.

(Адрес на обороте инструкции):

Господину Дмитрею Балухову на карабле Сант-Варлаамие где повстречайтца.

Любопытно, что письмо было отправлено с попутным судном, а интенсивность плавания русских судов на этом маршруте была такова, что вероятность получения капитаном “Св. Варлаамия” инструкции от хозяина была очень велика — это и произошло: Дмитрий Балухов получил письмо от Сергея Федоровича Кулакова, как получил он и следующее письмо, отправленное С. Ф. Кулаковым тем же способом — с попутным судном, уже из Альтейда 30 января. Письмо было получено менее чем через две недели, об этом на письме есть помета:

Получено 11 февраля 1792 года.

Племянник Дмитрий Кузьмич сего числа слава Богу приехали на Алтдейдет, благополучно. По прибытии благополучно людей обратно на судно, старайтесь какь возможно итить на Вогань, то скоряе потому что время уже надходить чтобы всего не прогулять. С судна же станешь складывать на карабль то всему веде верную записку чево сколько имянно которую и оставь на карабле, чтобы нечто не было пропушено без записки, также Матфею Брешеву скажи когда станут ис карабля выгружать рыбу то бы онь велъ верную записку котораго числа сколько выгружено. Здесь при писме прилагаю регестрь кому сколько служителямь выдавано жалованья... Возмите с собой тотъ парусь карабельней брикъ сегиль да смерейте по своей бизани и сколько надобно з бизани возмите. Отпорите да и дай. Спири чтобы онь и ликомь обшилъ а возмите с собой запасной. Впротчемъ желаю вамъ добраго пути и благихъ успехов. Дядя вацъ Сергей Кулаковъ.

Алта Ейда 30 января 1792 года.

(Дополнения к инструкции) Вложенную записку господину агенту отдай да и скажи чтобы по сей записки из Бергена сего лета привести на Вогань 100 бочекъ соли шпанской которая бы оставлена на Вогане для будущего года. Гаврилу денех дано на дологу 500 копеек в оных от него потребуй счета³⁶⁷.

Норвежские исследователи обнаружили в архивах и переписку префекта Ставангера и Сергея Кулакова, связанную с урегулированием имущественных дел (судьбы спасенной части груза с судна). Эта переписка свидетельствует о широком спектре правовых контактов между северными регионами двух стран.

Гибель "Святого Варлаамия" в июле 1792 г. не помешала, как мы уже отметили, Сергею Кулакову успешно продолжать торговую и промысловую деятельность, о чем свидетельствуют документы начала XIX в. (он отправлял на Мурманский берег "для отвозки хлебных припасов") два своих судна — "Святой Петр" и "Святой Григорий" и зафрахтованное судно "Святой Зосима", капитанами на его собственных судах были дети Сергея Кулакова — Михаил и Василий.

Из хроники кораблекрушений XIX столетия

1.

В июне 1811 г. к Золотицкому селению был прибит волнами "дачкой одномачтовой шлюп, вооруженный 1-ю пушкой и 4-я фальконетами". Спасенные семь дат-

ских матросов были задержаны брандвахтенным командиром флота, когда матросы на поморском карбасе направлялись в Архангельск. Оказалось, что шлюп был послан "Дацким правлением из Христианзунта для отыскания и взятия в море великобританских и других сомнительных неприятельских судов. На шлюпе "находились капитан, два штурмана и 14 матроз, которые и останавливали из числа проходящих в здешний порт некоторые купеческие суда". Из документов, которые были у датских моряков, выяснилось, что 13 июня 1811 г. они захватили и русское судно "Патриот", груженое рожью, пенькой. Судно, принадлежавшее купцам Фонбринам, было отведено в датскую гавань. Капитан датского шлюпа погиб у Святого Носа, а служители "после своего капитана, не зная никакого счисления, искали себе спасения и в таковом положении 22-го сего месяца зашли в селение Золотицу и, разоружась, просили мужиков того селения их такелаж и орудие свести на берег, что оными учинено". Архангельское Губернское правление об этом случае "Государственной Адмиралтейств коллегии честь имеет довести":

л. 164 11-го июля 1811 года.

На левом поле. О семи датских матрозах с дацкого военного шлюпа, привезенных к Арх. порту в селения Золотицы. Июня 30 дня 1811 года.

№ 15.

Государственной Адмиралтейств коллегии Представление.

К. Г. К. Арх. порта доносит, что сего июня 26-го числа Архангельского земского суда канцелярист Телов и два крестьянина Золотицкаго селения, проезжая мимо Брантвахтеннаго фрегата на своем карбасе, имел на оном датских матроз 7-мь человек спасенных со прибитаго к тому селению дацкого вооруженнаго одномачтоваго шлюпа, были остановлены брант-вахтенным командиром флота капитан лейтенантом Биштетом, который разсмотря спасенных семи датчанами журнал и другия бумаги, также и опрося их, при рапорте своем представил их в сию контору и при том донес, что из тех бумаг усмотрел он, // что тот дачкой одномачтовой шлюп, вооруженный 1-ю пушкою и 4-я фальконетами, выслан был Дацким правлением из Христианзунта для отыскания и взятия в море великобританских и других сомнительных неприятельских судов, на котором находились капитан, два штурмана и 14 матроз, которые и останавливали из числа проходящих в здешний порт некоторые купеческие суда 13 сего июня, как по журналу значит, взято ими и российское судно, имянуемое Патриот. На нем шхипер был Александерсен, гружен рожью и пенькою от купцов Фонбриных, отправленное в Теннерифу, которое отведено в дацкую гавань, о чем их капитан объявил также американскому шхиперу Бордмену, у котораго разсматривал карабельния бумаги. // Но около 20-го числа близь Светонойсес, поехав на другой американской брик и взяв с него шхипера для отвозу на свой шлюп, в то ж время крепким ветром бот его опрокинут, где и потонули сей дачкой крейсер с тремя своими матрозами и американскаго брика шхипер Боудичь. Служители же, бывшие на том шлюпе, после своего капитана не зная никакого исчисления, искали себе спасения и в таковом положении 22-го сего месяца зашли в селение Золотицу и, разоружась, просили мужиков того селения их такелаж и орудие свести на берег, что оными учинено. А что действительно российское судно сим шлюпом взято было, о том явствует в прилагаемой у сего особенном рапорте за № 14-м о американском шхипере Франсисе Бордмене, // которому командир сего шлюпа действительно объявил, что 13 сего месяца российское судно им взято было и отведено в дацкую гавань, почему как вышеупомянутые мужики, так и дацкие матрозы Иоган Брансиг, Иохан Грином, Индрих Викар, Сивер Ильцас, Цвенс Ка... (?), Андрес Оре и Петер Странт с имевшими при них документами и с экипажем препровождены в Архангельское губернское правление для должнаго разбирательства. О сем оной государственной Адмиралтейств коллегии контора главнаго командира Архангельскаго порта честь имеет донести.

Контр адмирал Клокачов.

Приказали: Об оном уведомить управляющаго Морским министерством.

Июля 12 дня 1811 года.

Подпись.

Представлено 14-го июля. № 1060.

Переводчик Алексадр Винкид. //

РГА ВМФ, Канц., ф. 212, оп. 11, д. 141

2.

В сентябре 1859 г. государственные крестьяне Архангелогородской губернии, жители деревни Мудьюга, вернувшись из норвежского Финмаркена, явились в Архангельск к королевскому шведско-норвежскому консулу Флейшеру. Они объявили ему, что "во время пребывания в Кельвиге, в приходе Кистранда в Финмаркене, 6 августа 1859 г. спасли трех норвежцев от опасности утонуть в море". На запросы консула из Норвегии был получен ответ, что спасенные три человека "были нор-

вежские рыбопромышленники, находившиеся в боте, под парусами, которых в расстоянии от берега одной мили нашедшим шквалом опрокинуло, причем, однако ж, люди забрались на киль обернувшегося бота, шторма же и волнения в то время не было", но существовала опасность, что людей могло вынести в открытое море. "Норвежское правительство нашло, что означенной похвальной поступок русских достоин официальной признательности", а в награду поморцам выдали на четырех человек 50 рублей серебром:

Архангелогородский гражданский губернатор исправляющему должностную управляющего Архангельского Палатой государственных имуществ.

23 мая 1859 г.

Государственные крестьяне Архангельской губернии из деревни Мудьюги Павел Антуфьев, Николай Антуфьев и Василий Бурков по возвращении в сентябре месяце прошедшего года на своих судах из норвежского Финмаркена, явились к королевскому шведско-норвежскому консулу в Архангельске Флейшеру и объявили, что они и четвертый помор, товарищ их Федор Безбородов во время пребывания в Кельвите, в приходе Кистранда в Финмаркене, 6 августа 1859 г. спасли трех норвежцев от опасности утонуть в море. Г. Флейшер донес об этом норвежскому министру внутренних дел и просил его приказать исследовать справедливость происшествия на месте, и в таком случае удостоить поморцев приличною наградою. В ответ на это министр уведомил консула, что по собранным по этому предмету сведениям оказалось, что спасенные три человека были норвежские рыбопромышленники, находившиеся в боте, под парусами, которых в расстоянии от берега одной мили нашедшим шквалом опрокинуло, причем, однако ж, люди забралась на киль обернувшегося бота, шторма же и волнения в то время не было. Помянутые русские поморцы, увидя это, тотчас отправились на своем карбасе норвежцам на помощь, взяли людей на карбас, бот на буксир и доставили благополучно на берег. Хотя поморцы при этом случае не подвергали свою жизнь опасности, однако оказали мгновенную готовность помочь норвежцам, которые без этой помощи могли бы быть увлечены ветром в море. Норвежское правительство нашло, что означенный похвальный поступок русских достоин официальной признательности, а потому, вследствие представления норвежского правительства, высочайше разрешено выдать вышепоименованным русским поморцам в награду всего 50 руб. серебром и распределить им эти деньги поровней части.

Г. шведско-норвежский консул Флейшер, сообщив мне о вышеописанном на распоряжение, доставил и деньги пятьдесят руб. при отношении от 22 мая за № 5. Препровождая к вашему высокоородию деньги эти 50 руб., имею честь покорнейше просить приказать выдать их по равной части крестьянам деревни Мудьюги Павлу и Николаю Антуфьевым, Василию Буркову и Федору Безбородову, с объявлением им изложенного выше отношения ко мне норвежского консула Г. Флейшера, и о том не оставить меня уведомлением. Причем присовокупляю, что о сей награде означенных крестьян будет опубликовано в Губернских Ведомостях. Гражданский губернатор Арандаренко.

ГААО, ф. 115, оп. 1, д. 344, л. 1—5

3.

Навигация 1867 г. в районе Белого моря была поистине трагической. Трудно сказать, имел ли еще когда-нибудь июнь месяц такую ледовую обстановку, как в этот год.

Командир Архангельского порта Ренненкампф телеграфировал директору морского инспекторского департамента: "Прибывшие шкипера показывают большое число крушений Пулоши и Сосновца, полагают

200 человек на Сосновце, а 100 судов погибших, из них до 10 более норвежских, оставленных командами, приведены сюда англичанами, 3 за Баром погибли. Военная шхуна отправляется 19 числа прямо к Сосновцу и Пулоши спасать бедствующих. Поморская шхуна отправилась 16 числа туда. Есть надежда на содействие Соловецкого парохода, отправившегося 16 числа к монастырю. Ренненкампф". Необыкновенно позднее начало навигации в Белом море в 1867 г., по словам документов, "ознаменовалось большими несчастьями. Из 150 кораблей, вышедших в начале мая в Белое море, до сего числа прибыло к порту не более 50, из которых многие без рулей и другими более или менее значительными повреждениями. Насчитывают до 40 кораблей разных наций погибших во льдах или оставленных своими экипажами, из которых оставшиеся в живых бедственно скитаются по пустынным берегам Белого моря".

После 19 июня портовая винтовая шхуна "Полярная звезда" вышла из Архангельска на поиск и спасение людей и судов. Общее число погибших кораблей, по словам шкиперов, было около 100; в норвежском, датском и английском консульствах сведения о потерянных кораблях были неодинаковыми. Различные купеческие и судовладельческие компании сообщали также различные цифры. Английское консульство говорило о крушении 18 британских судов, в шведско-норвежском консульстве было известно о гибели 14 кораблей, в прусском о 2 своих судах. На 21 июня было известно достоверно о гибели 47: британских — 20, норвежских — 21, прусских — 4, датских — 1, русских — 1 судно. Оказалось, что крушения большинства судов произошло в районе о. Сосновец, между реками Поной и Пулонга, датские суда погибли у мыса Орлов. К чести командира Архангельского порта, капитана 1 ранга Ренненкампфа в Рапорте от 25 июля 1867 г. он напоминал: "При этом я долгом считаю присовокупить, что для предотвращения крушений судов во льдах Белого моря было телеграфировано шведско-норвежским консулом в Христианию, откуда дано знать в Ганбург, Бремен, Антверпен и другие порта, чтобы суда не входили в Белое море раньше месяца по выходе из Северной Двины льда, затем давал знать один выход льда, но, несмотря на это, суда отправились к Архангельску раньше, совершенно же погибших людей, как утверждают консулы, не было. Командир порта". Все перипетии лета 1867 г. можно проследить по документам:

Об отправлении из г. Архангельска в Белое море винтовой шхуны "Полярная звезда" для спасения экипажей английских коммерческих судов, затертых льдом. 15.06.1867—11.10.1867.

Архангельск. Командиру порта. (Депеша) № 271

Здесь получено известие о заторе во льдах до 100 английских купеческих судов и об оставлении их командами, находящихся в ужасном положении частью на лапландском берегу, частью на плавающих льдинах. Что вы о сем знаете, можете ли послать "Полярную звезду" для спасения людей. Князь Голицын. 15.06.1867. //

Телеграмма. 16.06.1867 г. № 3

Архангельск. Командиру порта.

Сообщите скорее подробности о затертых судах, о числе их, в каком месте могут находиться их команды — словом, все, что может быть полезно для соображения мер спасения из Англии и Норвегии. Князь Голицын. //

15.06.1867. Милостивый государь, Николай Карпович.

Честь имею препроводить вашему превосходительству копию с донесения депеши, полученной мною сего числа от английского посла при высочайшем дворе. Факт, в ней упомянутый, мне неизвестен. Я отвечал сэру А. Бунапану, что, без сомнения, местные власти оказали всевозможную готовность для спасения английских судов, если задержаны льдами в Архангельске, что я не премину сообщить вашему превосходительству в полном убеждении, что с вашей стороны будет оказано содействие, если потребуется. Горчаков. //

С.-Петербург. 14/26 июня 1867. (На англ. яз. и перевод)

Я только что узнал от агента здешнего Дайда, что 30 судов, из числа коих многие предполагаются британскими, покинута и погибают, затертые льдами в Архангельске, и я имею честь выразить надежду, что российское морское началь-

л. 1

л. 3

л. 4

л. 5

ство изследует справедливость сего известия и в случае действительности прикажет принять меры, кои признает возможными для подания помощи коммерческим судам. //

л. 8 С. Пб. 19 июня 1867 г. Телеграмма.

Директору морского Инспекторского департамента. На депешу № 271 телеграфировал управляющему морским министерством 16.06. 12 часов дня. Шхуна по усиленным работам беломорской компании отправится в море 19 числа. Ренненкампф. //

л. 9 Телеграмма. С. Пб. Управляющему морским министерством.

По извещению консулов Флейшера и Геллермана о гибели судов мною тотчас были сделаны распоряжения отсылки шхуны, но как по контракту с Беломорской компанией котлы только к первому июня должны быть готовы, то шхуна по усиленным работам день и ночь только 20 числа отправится. Ренненкампф. //

л. 10 Телеграмма. Архангельск. Командиру порта. 18 июня.

Управляющий приказал отправить "Звезду" скорее на поиски потерпевших крушение, взяв запас провизии и одежды, который разрешает купить на имеющиеся в наличии суммы, а равно кого-нибудь из прибывших в Архангельск с покинутых судов для указания мест, где искать. Управляющий ожидает, что "Звезда" отличится и, кроме спасения людей, поможет спасти и суда. Уведомляйте чаще по телеграфу. Голицын. //

л. 15 Телеграмма. СПб. Директору морского инспекторского департамента.

Прибывшие шкипера показывают большое число крушений Пулоши и Сосновца, полагают 200 человек на Сосновце, а 100 судов погибших, из них до 10 более норвежских, оставленных командами, приведены сюда англичанами, 3 за Баром погибли. Военная шхуна отправляется 19 числа прямо к Сосновцу и Пулоши спасать бедствующих, Поморская шхуна отправилась 16 числа туда. Есть надежда на содействие Соловецкого парохода, отправившегося 16 числа к монастырю. Ренненкампф. //

л. 16 Телеграмма. Директору ... 20.06

Депеша 281 получена. "Звезда" со всем необходимым ушла сегодня в 5 часов утра спасать бедствующих, туда отправляется коммерческий английский пароход, иностранных судов пришло до 120. Ренненкампф. //

л. 17 туда же

Соловецким пароходом привезено 23 человек, 300 с Сосновца на разных судах. Ренненкампф. //

л. 18 туда же

"Звезда" пришла, бедствующих нет, их 452 доставлено сюда пришедшими судами, которых пришло до 120, спасено 12 судов разных наций. "Звезда" оканчивает исправление механизма. Ренненкампф. //

л. 21 В Гидрографический Департамент морского министерства.

Имею честь донести Гидрографическому департаменту, что после вскрытия реки Северной Двины по осмотре ее фарватеров помощником моим найдено, что между разными повреждениями, причиненными осенними бурями и последним ледоплавом створным лоц знакам, один из них на Мурманском устье именно юго-восточный, высотой от основания 84 фута, находящийся на о. Гольце, неизвестно кем срублен, о чем я немедленно уведомил начальника губернии, прося разыскания виновных и взыскания с них по закону, и вместе с тем об опубликовании по Архангельской губернии об уничтожении знака для предупреждения беломорцев. О возобновлении срубленного знака и об исправлении поврежденных немедленно были приняты меры. В настоящее время фарватеры по Березовому и Пудожскому устьям, огражденные бакенами и вежами, имеют уже исправленные знаки, на Мурманском же устье вежи разставлены, а уничтоженный знак возобновляется. Необыкновенно позднее начало навигации нынешнего года в Белом море ознаменовалось большими несчастиями. Из 150 кораблей, вышедших в начале мая в Белое море, до сего числа прибыло к порту не более 50, из которых многие без рулей и другими более или менее значительными повреждениями. Насчитывают до 40 кораблей разных наций погибших во льдах или оставленных своими экипажами, из которых оставшиеся в живых бедственно скитаются по пустынным берегам Белого моря. О судьбе остальных кораблей сведений покуда не имеется. По заявлении иностранными консулами об этих несчастиях и с разрешения Инспекторского департамента я тороплю окончанием исправления механизма шхуны "Полярная звезда" для немедленного отправления ее в море для оказания помощи бедствующим // иностранцам. Есть надежда, что вместо 1 июля контрактного срока, по которому шхуна должна быть исправлена, 19 июня она уже в состоянии будет отправляться в море с вышеозначенной целью, с надлежащим запасом провизии и медикаментов.

Командир Архангельского порта, капитан 1 ранга Ренненкампф. //

л. 23 Телеграмма. 8 июля.

"Полярная звезда" отвезла 134 человека и 7000 пудов угля за Бар английским пароходам, приходившим за бедствующими и ушедшими 7 числа. Норвежский пароход ушел со спасенными. Ренненкампф. //

л. 24

Рапорт

Вследствии предписания Инспекторского департамента от 20 июня с. г. за № 6423, имею честь донести, что иностранные консулы Флейшер и Геллерман сообщили мне первое известие о гибели иностранных коммерческих судов во льдах Белого моря — первый 14 июня вечером, второй 15 июня днем, а 16 июня я донес телеграмму Г. управляющему морским министерством о возможности 19 июня отправить шхуну "Полярная звезда" на помощь бедствующим; предварительно распорядившись о немедленном изготовлении оной к этому походу, благодаря согласию на то корабельного мастера Беломорской верфи Смита и механика Витерса, так как по контракту, заключенному с Беломорской компанией на исправление механизма шхуны, она должна была быть готова только к 1 июля, однако при усиленных работах день и ночь и благоразумных распоряжениях означенных лиц шхуна вышла в море утром 20 июня; между тем экипажи с потерпевших крушение судов в числе 415 человек прибыли сюда на иностранных судах и 17 человек на российской под управлением крестьянина Кошнина, так что соловецкий пароход "Вера" по найму английского консула, отправившийся 16 июня за бедствующими, мог их найти только 20 человек, и все эти люди взяты были большей частью с острова Сосновца и со льда близ него, о бедствующих людях в других местах Белого моря сведений никаких нет, ровно как нет положительных сведений и о числе погибших судов; по отзыву г. Флейшера, норвежских судов погибло всех 17, привезено чужими экипажами 10 судов к порту, на которые уже поступили свои экипажи. С потерпевших крушение судов правительственный пароход "Линдеснес", прибывший сюда, перевезет в отечество 180 человек команды, которые находились уже в Архангельске; шхуна же "Полярная звезда", совершив плавание в Белое море до Сосновца, бедствующих ни там, ни в других местах не нашла и затем возвратилась в порт для окончания механических исправлений, которые л. 25 при спешном отплытии ее в рейс // не могли быть выполнены. Для поисков бедствующих одновременно почти со

шхуною ходили большой коммерческий английский пароход от здешнего порта и пароход "Подвиг", принадлежащий г. Кларку с сыновьями, но бедствующих уже не оказалось и приходившие сюда иностранные суда тоже никого не привезли. В настоящее время слухи о бедствиях в Белом море уже давно прекратились и навигация идет правильно. Для наглядного представления бедствий, случившихся в лето сего года в Белом море с коммерческими судами, при сем имею честь представить выписку из местных Губернских Ведомостей и присовокупить, что тотчас не было донесено мной, потому что сведения о таких происшествиях, как кораблекрушения, за упразднением морских брантвахт, получают осенью для географического очерка, в настоящем же случае мной немедленно при первом известии о бедствующих в Белом море было сделано распоряжение о посылке на помощь им портовой шхуны "Полярная звезда". Сейчас великобританский консул Рено сообщил мне о прибытии к Архангельскому порту нанятых английским правительством транспорт "Монтезума" и парохода "Бренда", которые возьмут отсюда 140 человек команды с погибших судов. Всего погибших в Белом море 18 судов под английским флагом, команды спаслись, а всех погибших разных наций насчитывается до 50 судов.

Командир Архангельского порта, капитан I ранга. //

Выписка из Архангельских Ведомостей
№ 37 за 1867 г.

л. 26

Еще и до настоящего времени не приведено в точную известность число погибших кораблей: этого еще не знают ни консула иностранных держав, резидирующие в Архангельске, ни здешние торговые дома, зафрахтовавшие суда за границей.

По сведениям, доходящим до 21 июня, положение дел представилось в следующем виде. Великобританскому консульству донесено было о крушении восемнадцати судов под великобританским флагом, из них экипажи с семнадцати кораблей прибыли благополучно к Архангельскому порту на разных судах; экипаж одного корабля вместе со шкипером остался на берегу за Сосновцом для хранения спасенной им части груза. В шведско-норвежском консульстве было известно о гибели четырнадцати норвежских кораблей, из них с 13 экипажи спаслись и прибыли в Архангельск на других судах, а что случилось с экипажем четырнадцатого корабля — не известно. По сведениям, полученным в прусском консульстве, кораблей, погибших под прусским флагом в Белом море, — 2, экипажи их спаслись. // В более значительных размерах представляется бедствие по сведениям, доставленным торговыми конторами. Так, из 19 кораблей, зафрахтованных в Англии и Голандии торговым домом г. Люрса, по 21 июня прибыло в Архангельск всего пять кораблей, что же случилось с остальными, неизвестно. Из 12 кораблей, зафрахтованных на имя Якова Прозорова, пришло 3. Из прочих 9, об одном английском судне "Трайдект" известно, что оно погибло в Белом море и экипаж его спасен на поморском судне. Об участии остальные восемь ничего не известно.

л. 26 об.

Из судов, зафрахтованных г. Грибановым, погиб один английский корабль "Кенъ", об экипаже его нет известий. Из числа кораблей, зафрахтованных конторою г. Эмануила Бранта, погибли 2 корабля под прусским флагом. Из числа кораблей, адресованных на имя г. Браванова, один "Френдерне" прибыл в Архангельск без своего экипажа, приведенный экипажем погибшего судна; другой корабль "Эммануил", по слухам, погиб в Белом море. Из числа кораблей, шедших на имя г. Ренни, погибло в Белом море 6, 4 под великобританским флагом, 1 — под русским, 1 — под датским. Что случилось с экипажами их неизвестно. Из 34 кораблей, шедших на имя торгового дома Грибанов, Фонтейнес и К^о, — 14 погибли совершенно, а 14 оставлены бывшими на них экипажами и приведены посторонними шкиперами. Наконец, торговому дому г. Кларка известно о крушении в Белом море 41 корабля, в том числе 19 английских, 21 норвежского и 1 русского. Сводя все эти сведения к общему итогу, видим, что по 21 июня получены были достоверные сведения о гибели 47 кораблей: великобританских — 20, норвежских — 21, прусских — 4, датского — 1, русского — 1. Кроме того, приведено было в Архангельск 8 кораблей, оставленных своими экипажами. По словам же прибывших сюда шкиперов, надобно полагать, что погибло всего более 100 кораблей. //

л. 27

В Инспекторский департамент Морского министерства
Рапорт.

л. 28

25.07.1867 г.

Вследствие предписания Инспекторского департамента от 20 июня с. г. за № 6493 и в дополнение рапорта моего от 4 июля за № 720 имею честь донести, что по точным сведениям, собранным мною от консулов при Архангельском порте, оказывается погибших иностранных коммерческих судов во льдах Белого моря в лето с. г. английских — 18, и один приведен к порту; норвежских — 17 и 10 приведено к порту экипажами других судов, датских погибло 2 и прусских — 2, а один корабль мекленбургский приведен к порту чужим экипажем. На все приведенные к порту суда чужими экипажами поступили свои экипажи. Крушения означенных судов произошли большей частью около о. Сосновца, между рекой Поной и Пулонгой, а датские суда потерпели крушение около Орлова. При этом я долгом считаю присовокупить, что для предотвращения крушений судов во льдах Белого моря было телеграфировано шведско-норвежским консулом в Христианию, откуда дано знать в Гамбург, Бремен, Антверпен и другие порты, чтобы суда не входили в Белое море раньше месяца по выходе из Северной Двины льда, затем давал знать один выход льда, но, несмотря на это, суда отправлялись к Архангельску раньше, совершенно же погибших людей, как утверждают консулы, не было.

Командир порта. //

РГА ВМФ, ф. 283, оп. 3, д. 2187

Примечания

¹ РГА ВМФ, ф. 233, оп. 1, д. 45.

² Там же, д. 246.

³ Там же, ф. 315, оп. 1, т. 1, д. 507.

⁴ Там же, ф. 283, оп. 3, д. 472, л. 1—16; ф. 410, оп. 2, д. 1679, л. 1—68.

⁵ ПВЛ. Ч. 1. М., 1950. С. 19.

⁶ Там же. С. 20.

⁷ Там же. С. 23—25.

⁸ Там же. С. 33.

⁹ Там же. С. 35—37.

¹⁰ Там же. С. 103.

¹¹ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. С. 59—60.

¹² Радзивиловская или Кенигсбергская летопись. Ч. 1: Фототипическое механическое воспроизведение рукописи // ОЛДП. Вып. СХVIII. 1902. Л. 14 об., 15.

¹³ Там же. Л. 16 об.

¹⁴ Там же. Л. 21 об.

¹⁵ Там же. Л. 22 об.

¹⁶ Там же. Л. 25.

¹⁷ ПВЛ. Ч. 1. С. 24.

¹⁸ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. С. 59—60.

¹⁹ Там же. С. 79.

²⁰ Калчин Б. А. Новгородские древности: Деревянные изделия: Свод археологических источников. М., 1968. С. 58.

²¹ Вильсоне М. Р. Археологические раскопки в городе Риге // КСИИМК. Вып. 42. 1952. С. 130, рис. 47. Публикацию детали корабля XII в. из Новгорода см.: Орлов С. Н. Новая находка детали корабля в Новгороде // СА. 1958. № 4. С. 207.

²² Калчин Б. А. Ук. соч. С. 58—59.

²³ Там же. С. 60—61.

- 24 Там же. С. 62, рис. 50. О находках остатков судов в Старой Ладоге (В. П. Петренко, Е. А. Рябинин) см.: *Сорокин П. Е.* Суды древнерусского Севера-Запада // Тезисы докладов Международной конференции к 100-летию В. И. Равдоникаса. СПб., 1994. С. 102—104; *Он же.* Некоторые итоги изучения средневекового судостроения в Северо-Западной Руси // Изучение памятников морской археологии. Вып. 2. СПб., 1995. С. 113—125; *Он же.* Водные пути и судостроение на Северо-Западе Руси в средневековье. СПб., 1997.
- 25 *Савельева Е. А.* Олаус Магнус и его "История северных народов". Л., 1983. С. 73—74.
- 26 ПСРЛ. Т. IV, ч. I, вып. 2. Л., 1925. С. 478.
- 27 Там же. С. 383.
- 28 Там же. С. 441.
- 29 Устюжский Летописный свод. М., 1950. С. 100.
- 30 *Белов М. И.* Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX в. // История открытия и освоения северного морского пути. Т. I. М., 1956. С. 193.
- 31 Архив СПб. ФИРИ РАН, колл. 11, кн. 107, л. 116 об. — 117.
- 32 Там же, ф. 47, оп. 2, д. 75, сост. 1—2.
- 33 *Белов М. И.* Ук. соч. С. 213.
- 34 Там же. С. 214.
- 35 Разыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. Т. 3. СПб., 1888. С. 5.
- 36 *Субботин Н. И.* Материалы для истории раскола за первое время его существования. Т. I. М., 1874. С. 439.
- 37 *Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф.* Мангазея: Мангазейский морской ход. Ч. I. Л., 1980. С. 121.
- 38 Архив СПб. ФИРИ РАН, колл. 11, кн. 107, л. 117 об. — 118.
- 39 Там же, кн. 108, л. 48 об. — 49.
- 40 Там же.
- 41 Там же, л. 94 об. — 102 об.
- 42 РИБ. Т. 28. М., 1912. С. 205—209.
- 43 ДАИ. Т. V. СПб., 1853. С. 172.
- 44 *Белов М. И.* Ук. соч. С. 50.
- 45 Архив СПб. ФИРИ РАН, ф. 149, оп. 2, д. 1956, 1964, 1970, 1972, 2006, 2015, 2045, 2046.
- 46 Там же, д. 2001, 2008.
- 47 Там же, д. 2027.
- 48 *Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф.* Ук. соч. С. 116.
- 49 Там же.
- 50 *Одинцов В. А., Старков В. Ф.* Некоторые проблемы арктического мореплавания и походы русских на архипелаг Шпицберген // Летопись Севера. Т. II. М., 1985. С. 159.
- 51 Словарь областного Архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885. С. 73. В русско-английском словаре Ричарда Джеймса, составленном им во время пребывания в Архангельске в 1618—1619 гг., так определяется коч: "кочи — небольшие морские суда, на которых они ходят из Архангельска в Мангазею через многие озера и реки, причем местами они волокут эти суда по суше" (*Ларин Б. А.* Русско-английский словарь Ричарда Джеймса (1618—1619 гг.). Л., 1959. С. 147). Любопытно, что и включена в этом словаре определяется как "кочища".
- 52 *Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф.* Ук. соч. С. 125.
- 53 *Одинцов В. А., Старков В. Ф.* Ук. соч. С. 159.
- 54 Словарь областного Архангельского наречия... С. 68.
- 55 *Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф.* Ук. соч. С. 122. Это мнение разделяют исследователи (см.: *Одинцов В. А., Старков В. Ф.* Ук. соч. С. 159).
- 56 Архив СПб. ФИРИ РАН, колл. 11, кн. 107, л. 9—9 об.
- 57 Там же, ф. 5, оп. 2, д. 77, л. 79 об.
- 58 Там же, д. 74, л. 44 об.
- 59 Там же, д. 82, л. 49 об.
- 60 Там же, д. 56, л. 63.
- 61 В 1695 г. в архиерейский дом у холмогорца Нижнего посада прядильщика Григория Варсина был куплен "завоз метный" весом 14 пудов 39 фунтов и "завоз тяглый" весом 8 пудов 30 фунтов (см.: Архив СПб. ФИРИ РАН, колл. 11, кн. 107, л. 137 об.).
- 62 Там же, кн. 103, л. 62.
- 63 Там же, л. 12.
- 64 Там же.
- 65 Там же, л. 66 об., 68 об.
- 66 Там же, кн. 107, л. 124 об. — 125.
- 67 Там же, л. 12 об. — 13 об.
- 68 Там же, кн. 103, л. 13.
- 69 Там же, л. 13 об.
- 70 Там же, л. 62 об.
- 71 Там же.
- 72 Там же, л. 14.
- 73 Там же, л. 63.
- 74 Там же, л. 70.
- 75 Там же, л. 6 об.
- 76 Там же, л. 55.
- 77 Там же, л. 63.
- 78 Там же, л. 6 об., 7.
- 79 Там же, кн. 107, л. 30 об.
- 80 Там же, л. 12 об.
- 81 Там же, л. 7—7 об.
- 82 Там же, л. 123 об. — 124.
- 83 Там же, л. 84.
- 84 Там же, кн. 106, л. 170 об.
- 85 *Кайданов Н.* Систематический каталог делам Государственной коммерц-коллегии. СПб., 1884. С. 297—299.
- 86 РГА ВМФ, ф. 212, отд. III, Указы, д. II, л. 71—71 об.
- 87 Там же, отд. II, Указы, д. XIX, л. 15.
- 88 ГАОО, ф. 831, оп. 1, д. 1483, 1558, л. 1—1 об.
- 89 Там же, ф. 1, оп. 1, д. 4160, л. 4 об.
- 90 Там же, л. 4.
- 91 Там же, д. 74, л. 48, 128—128 об.
- 92 Там же, л. 48 об.
- 93 Там же, л. 49.
- 94 РГА ВМФ, ф. 233, оп. 1, д. 32, л. 4 об.
- 95 Там же.
- 96 Там же, л. 5.
- 97 Там же.
- 98 Там же, ф. 233, оп. 1, д. 32, л. 5.
- 99 ГАОО, ф. 1, оп. 1, д. 74, л. 93.
- 100 Там же, л. 96 об.
- 101 РГА ВМФ, ф. 212, отд. I, Указы, д. 19. Документ содержит четыре полные копии свидетельствованных писем — л. 104, 115, 119, 143.
- 102 Там же, л. 15 об.
- 103 Там же.
- 104 Там же, отд. II, Указы, д. 19, 1749, л. 16—16 об.
- 105 Там же, л. 17.
- 106 ГАОО, ф. 1, оп. 1, д. 74, л. 92, 102 об.
- 107 Там же, л. 39 об. — 40, 58—59, 86—87 об., 91, 92, 96—97, 118, 126, 131, 156, 179—180 об.
- 108 РГА ВМФ, ф. 233, оп. 1, д. 112, л. 72.
- 109 Там же, л. 80—82.
- 110 Там же, л. 23 об., 46, 161, 112, 141, 5, 147 об.
- 111 Там же, л. 82, 100.
- 112 Там же, л. 82.
- 113 Там же, л. 139 об.
- 114 Там же.
- 115 Там же, л. 14 об.
- 116 Там же, л. 88 об., 89, 115.
- 117 Там же, л. 68.
- 118 Там же, л. 11, 12 об.
- 119 Там же, л. 55—56.
- 120 Там же, ф. 177, оп. 1, д. 41, л. 229.
- 121 ГАОО, ф. 1, оп. 1, д. 74, л. 50. Борис Плотников был позднее взят "на вечное житье" в плотники в Санкт-Петербург.
- 122 Там же, л. 8.
- 123 Там же, л. 129—129 об.
- 124 Там же, л. 30—31 об.
- 125 Там же, л. 35—35 об.
- 126 Там же, л. 1—2 об.
- 127 Там же, л. 42.
- 128 Там же, л. 133 об., 139 об.
- 129 Там же, л. 158.
- 130 Там же, л. 113—114.
- 131 Там же, л. 153—153 об.
- 132 Там же, л. 107—108.
- 133 Там же, ф. 191, оп. 1, д. 1835, л. 1—3.
- 134 Там же, л. 104—104 об.
- 135 Там же, л. 68.
- 136 Там же, л. 18.
- 137 Там же, л. 88—90.
- 138 Там же, л. 121.

- 139 Там же, л. 68.
 140 Там же, л. 25.
 141 Архив СПб. ФИРИ РАН, ф. 255, оп. 2, д. 1, л. 4—5 об.
 142 ГАО, ф. 4, оп. 3, д. 24, л. 1.
 143 Там же, л. 1 об.
 144 Там же, д. 25, л. 1.
 145 Там же, л. 1 об. Оба документа частично опубликованы: *Овсянников О. В.* Новые данные о промысловом освоении поморским крестьянством бассейна Арктики // *Земледельческое производство и сельскохозяйственный опыт на Европейском Севере (дооктябрьский период): Межвузовский сборник научных трудов.* Вологда, 1985. С. 71—72.
 146 ГАО, ф. 4, оп. 9, д. 89, л. 152 об.
 147 Там же, л. 158.
 148 Там же, д. 70, л. 5, 41.
 149 Там же, д. 89, л. 57 а.
 150 Там же, л. 196 об. — 197.
 151 Там же, ф. 1, оп. 1, д. 4160, л. 1—9 об.
 152 Там же, д. 5126, л. 1—3 об.
 153 *Овсянников О. В.* Поморская промысловая “энциклопедия” конца XVII в. // *Культура Русского Севера.* Л., 1988. С. 85.
 154 Там же. С. 80.
 155 *Старков В. Ф.* Очерки истории освоения Арктики. Т. I: Шпицберген. М., 1998.
 156 *Гемп К. С.* Выдающийся памятник истории поморского мореплавания XVIII в. Л., 1980. С. 19, 21.
 157 Архив СПб. ФИРИ РАН, ф. 255, оп. 2, д. 32, л. 12—18.
 158 Вряд ли можно согласиться с мнением Т. А. Бернштам, что карбас — это долбленое с нашивными бортами небольшое судно (см.: *Бернштам Т. А.* Поморы: Формирование группы и системы хозяйства. Л., 1987. С. 110).
 159 *Голубцов Н.* Всепопданнейшее ходатайство мещан гор. Колы в 1798 г. // *ИАОИРС. № 7.* Архангельск, 1910. С. 19—20.
 160 Там же. С. 20.
 161 ГАО, ф. 4, оп. 9, д. 1, л. 3.
 162 Там же, д. 87, л. 3.
 163 Там же, д. 89, л. 156—156 об.
 164 Там же, л. 158.
 165 Там же, л. 154 об.
 166 Там же, л. 152.
 167 Разыскания В. В. Брызгалова.
 168 ГАО, ф. 191, оп. 1, д. 1835, л. 1—7 об.
 169 *Брызгалов В. В., Попов Г. П.* Яхта “Святой Петр” // *Всероссийская научная конференция “Когда Россия молодая жужала с гением Петра”: Тезисы докладов.* Переславль-Залесский, 1992. С. 16—18.
 170 *Белов М. И.* Ук. соч. С. 205, 273.
 171 ГАО, ф. 4, оп. 9, д. 77, л. 10, 14—14 об.
 172 Там же, д. 70, л. 11.
 173 Там же, д. 91, л. 62.
 174 Там же, л. 2.
 175 *Старков В.* Коч — судно ледовое // *Полярный круг,* 1988. М., 1988. С. 215.
 176 Там же. С. 213.
 177 Там же.
 178 *Материалы для истории русского флота.* Ч. I. СПб., 1865. С. 347.
 179 Опубликованный В. Ф. Старковым и П. Ю. Черношвитовым фрагмент судна, обнаруженный на Шпицбергене, почти идентичен фрагменту английского судна “Royal George” (постройка 1756 г.), потерпевшего крушение в августе 1782 г. Ср.: *Старков В. Ф., Черношвитов П. Ю.* Остатки судна на острове Принца Карла // *Очерки истории освоения Шпицбергена.* М., 1990. Рис. 1—2 и *George F. Bass.* A History of Seafaring. New York, 1972. P. 250, fig. 30.
 180 Мы считаем, что исторические работы Фомина, как и других ученых, во многом обязаны исследованиям В. В. Крестинина.
 181 *Овсянников О. В.* Поморская промысловая “энциклопедия”... С. 76.
 182 Там же. С. 80.
 183 Там же.
 184 Там же.
 185 Там же.
 186 ГАО, ф. 4, оп. 9, д. 89, л. 150 и след.
 187 Там же, ф. 1, оп. 1, д. 4160, л. 37а.
 188 Там же, д. 5126, л. 5.
 189 Там же.
 190 *Андреев А.* Описание актов, хранящихся в Археографической комиссии АН СССР // *ЛЗАК за 1927—1928 гг.* Вып. XXXV. Л., 1929. С. 271.
 191 Все эти документы учтены в нашей работе, посвященной поморским промыслам и судостроению; в данном разделе мы выделяем только пинежан.
 192 *Быховский И. А.* Архангелогородские корабли. Архангельск, 1988. С. 58—59.
 193 За 1708—1710 гг. из Архангелогородской губернии, в том числе и из Пинежских волостей, в столицу “на вечное житье” было мобилизовано несколько тысяч кузнецов, столяров, плотников, каменщиков и людей других специальностей. См.: *Колесников П. А.* Северная деревня в XV—первой половине XIX века. Вологда, 1976. С. 249.
 194 ГАО, ф. 1, оп. 1, д. 5126, л. 1—1 об.
 195 Разыскания В. В. Брызгалова.
 196 ГАО, ф. 4, оп. 3, д. 25, л. 1.
 197 Публикацию об этих находках см.: *Брызгалов В. В., Емельянов А. Н., Овсянников О. В.* Дельта Северной Двины — корабельное пристанище и плотбище Российского государства // *Изучение памятников морской археологии.* Вып. 2. СПб., 1995. С. 43—47. По техническим причинам фотографии, иллюстрирующие указанную публикацию (фото выполнены А. А. Ивановым), не могли быть опубликованы. Между тем важность этих находок побудила нас, указав на авторство фотографий, использовать их в нашем научном издании.
 198 РГА ВМФ, ф. 233, д. 235.
 199 Там же, ф. 212, д. 3.
 200 Там же, ф. 172, оп. 1, д. 37.
 201 Там же, ф. 198, оп. 1, д. 16.
 202 Там же, ф. 212, оп. 11, д. 589, 861, 884.
 203 Там же, д. 1849/2907; ф. 402, оп. 1, д. 1239, 1452; ф. 296, оп. 1, д. 129, л. 8—10; ф. 402, оп. 2, д. 1076, 1314, 1079, 1306, 1273, 1086 и др.; ф. 330, оп. 2, д. 970, 1039, 1194; ф. 33, оп. 1, д. 1010; ф. 167, оп. 1, д. 27, 32—34, 36; ф. 404, оп. 6, д. 10, 19, 25, 28, 45.
 204 Там же, ф. 146, оп. 1, д. 34, л. 1—1002; ф. 330, оп. 1, д. 600, 601.
 205 Там же, ф. 330, оп. 1, д. 756, л. 1—159.
 206 Там же, ф. 212, оп. Канц. II отд., д. 36, 37.
 207 Там же, ф. 330, оп. 1, д. 1251—1311.
 208 Там же, д. 1420, 1431, 1459.
 209 Там же, ф. 227, д. 72; ф. 212, оп. Канц. II отд., д. 194.
 210 Там же, ф. 330, оп. 1, т. 7, д. 17687; оп. 3, д. 244/8388; ф. 212, оп. 11, д. 485; оп. 1, т. 7, д. 18206.
 211 Там же, ф. 330, оп. 1, т. 7, д. 1786, 17813.
 212 Там же, д. 17678.
 213 Там же, д. 18418.
 214 Там же, д. 18065, л. 1—14.
 215 Там же, д. 18286, л. 1—84.
 216 Там же, ф. 212, оп. 1, д. 626 (1824 г.); ф. 330, оп. 1, т. 7, д. 18627 (1841—1850 гг.).
 217 *Огородников С. Ф.* История Архангельского порта. СПб., 1875. С. 2.
 218 Там же. С. 219. С. Ф. Огородников отмечает, что первая земляная батарея в Лапоминской гавани была построена на левом, северном берегу у входа в гавань прапорщиком инженерного корпуса Пановым (Там же. С. 110—111).
 219 *Овсянников О. В.* Памятники военного зодчества XVII—XIX вв. на Соловецком острове // *Археология и археография Беломорья: Сб. ст. Соловки,* 1984. С. 103—115.
 220 РГА ВМФ, ф. 330, оп. 1, т. 7, д. 17564; ф. 326, д. 200, 112.
 221 Там же, ф. 330, оп. 1, д. 1455, 1458.
 222 Там же, ф. 172, оп. 1, д. 49, 50.
 223 Там же, ф. 330, оп. 1, т. 5, д. 2226; т. 7, д. 17973.
 224 Там же, т. 7, д. 18289.
 225 Там же, т. 3, д. 9336.
 226 Там же, д. 21725.
 227 Там же, оп. 4, д. 30.
 228 Там же, оп. 1, т. 7, д. 17703 (1822 г. — О постановке в Белом море 4 башен на мысах); ф. 212, оп. 11, д. 521 (1822 г. — Переписка о промере глубин Белого моря, установке сигнальной башни на о. Сосновец).
 229 Там же, ф. 330, оп. 1, т. 7, д. 17843 (1829 г. — О построении при береговом Баре на Мудьюгском острове каменного с де-

- ревянными строениями маяка и при нем колодца); ф. 326, оп. 1, д. 1053—1058 (1832—1852 гг. — Планы каменных маяков и строений при них); ф. 330, оп. 1, т. 7, д. 18033 (1838 г. — О предполагаемом освещении состоящих в Белом море 3-х башен и о построении 4-х маяков, о посылке туда в 1838, 1837 гг. шхуны № 1 под командованием капитан-лейтенанта Корсакова с инженер-поручиком Тарановым для осмотра и описи помянутых мест и о составлении чертежей и смет для тех маяков); д. 18128 (1856 г. — О построении в Белом море на мысе Орлов, и на острове Жижгинском, и на Моржовце 3-х каменных маяков); оп. 3, д. 8316 (1838—1842 гг. — Входящие бумаги по постройке маяков в Белом море); оп. 1, д. 19984 (1843 г. — О расходовании сумм Коммисариатского департамента на содержание маяков в Белом море); оп. 3, д. 8578 (1848 г. — О разных требованиях управляющего Беломорскими маяками); д. 8604 (1849 г. — О разных требованиях управляющего Беломорскими маяками); оп. 1, т. 3, д. 9345 (1845 г. — О ремонтных исправлениях по Беломорским маякам).
- 230 Там же, т. 7, д. 17755 (1830—1832 гг. — О постановлении на Мудьюжском острове створных знаков).
- 231 Там же, ф. 326, д. 1110 (1836 г. — Планы и фасады маяков, дома, казармы, кухни); д. 1060 (1836 г. — Фонарь на маяке); ф. 330, оп. 1, д. 18527 (1840—1847 гг. — О постройке на Мудьюжском острове деревянных флигелей и кузницы); ф. 326, д. 1109 (1851 г. — Генеральный план о. Мудьюжский); д. 1057 (1852 г. — План и фасады маячной бани); д. 1174 (1861 г. — Служебные постройки на о. Сосновец).
- 232 Там же, ф. 212, оп. 11, д. 283 (1817 г. — Об устройстве на Лапландском берегу Белого моря специальных знаков для обеспечения безопасного плавания судов).
- 233 Там же, ф. 1331, оп. 4, д. 29, 32, 33.
- 234 Там же, ф. 1333, оп. 4, д. 684.
- 235 Там же, ф. 1331, оп. 4, д. 685, 730.
- 236 Там же, ф. 227, оп. 1, д. 73.
- 237 Огородников С. Лоцманская артель в Архангельске // Материалы об артелях в России. Вып. I. СПб., 1888. С. 76—102.
- 238 РГАДА, ф. 1209, кн. 9, л. 14, 15 об. Эти сведения впервые опубликованы: Овсянников О. В. Холмогорский и Архангельский посады по писцовым и переписным книгам XVII в. // Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный Археографический сборник. Вып. I. Вологда, 1970. С. 202.
- 239 Архив СПб. ФИРИ РАН, колл. 11.
- 240 РГАДА, ф. 1209, кн. 15501, л. 18, 20.
- 241 Овсянников О. В. О двинских лоцманах XVII столетия // II^я Международная школа-семинар “Экологические проблемы Европейского Севера” (1—6 сентября 1992 г.): Тезисы докладов. Архангельск, 1992. С. 181—189.
- 242 Брызгалов В. В., Ильошенков А. М. Архангельские лоцманы в XVIII столетии // V Соловешский форум: Архангельск в современном мире: Тезисы докладов. Ч. I. Архангельск, 1993. С. 37—38.
- 243 РГАДА, ф. 137, Архангельск, д. 43, л. 120 об.
- 244 Там же, л. 124 об.
- 245 Крестинин В. В. Исторический опыт внешней торговли государя императора Петра Великого от 1693 года по 1719 // Месяцеслов исторический и географический на 1795 год. СПб., б. г. С. 39.
- 246 Там же. С. 40.
- 247 Там же. С. 42.
- 248 Огородников С. Ф. История Архангельского порта. С. 13—14.
- 249 Репин Н. Н. Коммерческое судостроение в России в конце XVII—первой половине XVIII в. // Вопросы истории. 1978. № 1. С. 45; Бозатырев И. В. Корабельная Соломбала // Судостроение. 1983. № 8. С. 51—52; Быховский И. А. Архангелогородские корабли. С. 27—28; Беснятых Ю. Н. История знаменитого сражения: Шведская экспедиция на Архангельск в 1701 году. Архангельск, 1990. С. 20; Брызгалов В. В. Флейты из Соломбалы // Соломбальская верфь. Архангельск, 1993. С. 25—26.
- 250 Огородников С. Ф. История Архангельского порта. С. 13, 14, 17.
- 251 РГА ВМФ, ф. 177, оп. 1, д. 15, л. 2—52.
- 252 Огородников С. Ф. История Архангельского порта. С. 13.
- 253 Кротов П. А. Соломбальская верфь в начале XVIII столетия // Архангельск в XVIII веке. СПб., 1997. С. 65—73.
- 254 Огородников С. Ф. История Архангельского порта. С. 14.
- 255 Там же.
- 256 Там же.
- 257 Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 1. СПб., 1887. С. 22, № 27.
- 258 Огородников С. Ф. История Архангельского порта. С. 17.
- 259 Там же.
- 260 ДАИ. Т. 5. С. 211—247, № 46; С. 247—284, № 47.
- 261 История русского флота: Период Азовский. СПб., 1864. Приложения. Ч. I. Прил. III, с. 214—218, № 21; с. 218—221, № 22; с. 293—306, № 53; с. 324—328, № 69; Прил. IV, с. 413—415, № 17.
- 262 Там же. Ч. II. Прил. IV, с. 23—30, № 122.
- 263 Веселаго Ф. Ф. Список судов русского военного флота с 1668 по 1868 гг. СПб., 1872. С. 32—35.
- 264 Огородников С. Ф. История Архангельского порта. С. 190.
- 265 Там же. С. 225.
- 266 ГАО, ф. 1, оп. 1, д. 8389.
- 267 В своей работе И. А. Быховский считает, что якорный завод братьев Денисовых работал с 1760 по 1767 г. (см.: Быховский И. А. Архангелогородские корабли. С. 137, 163).
- 268 РГА ВМФ, ф. 212, 1760 г., д. 10, л. 288.
- 269 Там же, 1761 г., д. 16.
- 270 Быховский И. А. Архангелогородские корабли. С. 145.
- 271 РГА ВМФ, ф. 212, 1759 г., д. 1, л. 150.
- 272 Там же, 1760 г., д. 1, л. 321 об.
- 273 Там же, 1759 г., д. 1, л. 297—298.
- 274 Там же, л. 147.
- 275 Там же, л. 148—148 об.
- 276 Там же, л. 220^а—224.
- 277 Там же, л. 546.
- 278 Там же, л. 607 об. — 608 об.
- 279 Там же, л. 676.
- 280 Там же, 1762 г., д. 15, л. 41—42.
- 281 Там же, 1759 г., д. 1, л. 736 (ст. 1261).
- 282 Там же.
- 283 Там же, л. 677 (ст. 1130).
- 284 Там же, оп. 11, д. 1318, л. 20—20 об.
- 285 Там же, д. 1316, л. 26—26 об.
- 286 Там же, 1760 г., д. 10, л. 54—56 об.
- 287 Там же, л. 93.
- 288 Там же, оп. 11, д. 1317, л. 78 об.
- 289 Там же, л. 78.
- 290 Общий морской список. Ч. II.: От кончины Петра Великого до вступления на престол Екатерины II. СПб., 1885. С. 60.
- 291 Bergingsforretningen fra Fogden i Fosen. — Stiftamtmannens Arkiv 3, 1760, 12; Bergingsforretningen fra Smøla. — Riksarkivet, rentekammerets journaler, for Nordensf. Kontor 1760, 295; Stiftamtmannens kopibok 1759—63, 1760 og 1761. — Statsarkiv i Trondheim; Edøy kirkebok, 1751—65. — Statsarkiv i Trondheim; ret i 1760. Aarbok for Fosen 1974; Fugelsøy, Maurits: Hitra I, Øya og folket. 1958, Trondheim.
- 292 Hansen Olaf. En havets tragedie. Skib o'hoi. 1935; Jasinski Marek E. Skipsleden og Fartøyet-Norsk-russiske sjøfartskontakter gjennom tidene // SPOR. 1992. № 1. Trondheim. H. 30—34; Idem. “Enhjomingen” — om et dramatisk forlis med maritimarkologisk etterspill // Ibid. 1994. № 2. H. 36—40; Овсянников О., Ясински М. Из истории кораблекрушений у берегов Скандинавии (Россия и Норвегия) // Изучение памятников морской археологии. СПб., 1993. С. 69—82.
- 293 Jasinski Marek E., Søreide F. Applications of remotely controlled equipment in Norwegian Marine Archaeology // Ocean'95. October 9—12, 1995, San-Diego, California, USA, p. 566—572; Idem. Information Processing in Marine Archaeology // Ocean'96. I: The Coastal Ocean Prospects for the 21st Century, Fort Lauderdale, Florida, p. 680—687; Ясински М. Э., Сортланд Б., Серейд Ф. Подводная археология в Норвегии: Использование контрольно-дистанционного оборудования // Изучение памятников морской археологии. Вып. 3 (в печати).
- 294 РГА ВМФ, ф. 212, 1761 г., д. 19, л. 1.
- 295 Sténuit Robert. The wreck of the pink Evstafii // The International Journal of Nautical Archaeology and Underwater Exploration. 1976. № 5. P. 317—324.
- 296 Ibid. P. 325.
- 297 Ibid.

- 298 Авторы выражают благодарность В. В. Брызгалову за помощь в подборе материалов о пинках, построенных на Архангельском Адмиралтействе. Также см.: *Быховский И. А.* Архангельские корабли. С. 149—154, и др.
- 299 *Овсянников О., Ясински М.* Из истории кораблекрушений у берегов Скандинавии. С. 69—76.
- 300 ГАО, ф. 1, оп. 1, д. 6002, л. 19.
- 301 Там же, л. 19—20.
- 302 Там же, л. 20.
- 303 Там же, д. 4160, л. 1.
- 304 *Lønø Odd.* Norske fangstmen overvintret på Svalbard, Jan Mayen og Frans Josef Land // Norsk Polar Institutt, Meddelelsen, nr. 102, 103, og. 105. Oslo, 1991. P. 10—11; *Jasinski M. E.* Marinarkologi i Hopsjøvagen // SPOR. 1992. № 2; *Idem.* Skipsleden og Fartøyet. Norsk-russiske sjøfartskontakter gjennom tidene. S. 30—34; *Idem.* Enhjørningen om et dramatisk forlis med maritimearkeologisk etterspill // SPOR. 1994. № 2. S. 36—40; *Idem.* Land og Hav-data-og kildespektrum for maritim arkeologi // Ibid. 1995. № 1. S. 26—28.
- 305 *Перевалов В. А.* Ломоносов и Арктика: Из истории географической науки и географических открытий. М.; Л., 1949. С. 469—470 и др.; *Старков В. Ф., Овсянников О. В.* Грумант — земля далекая и близкая // Патриот Севера: Историко-краеведческий сборник. Архангельск, 1985. С. 185—190.
- 306 *Овсянников О. В., Ясински М. Э.* Трагедия на море // С. Ф. Огородников. История российского флота. Ч. I. Архангельск, 1996. С. 33—48.
- 307 Общий морской список Ч. II. С. 502.
- 308 РГА ВМФ, ф. 173, оп. 1, д. 182.
- 309 Материалы для истории русского флота. Ч. XII. СПб., 1888. С. 500.
- 310 Список русских военных судов с 1668 по 1860 г. СПб., 1872. С. 38—39.
- 311 Материалы для истории русского флота. Ч. XII. С. 325.
- 312 Там же. С. 482.
- 313 В морских документах этого периода встречаются оба написания: Норд-кап и Кап-норд (даже в одном документе).
- 314 Материалы для истории русского флота. Ч. XII. С. 482.
- 315 Там же.
- 316 Там же. С. 483.
- 317 РГА ВМФ, ф. 191, оп. 1, д. 2, л. 138—151.
- 318 Там же. С. 506—507.
- 319 Материалы для истории русского флота. Ч. XII. С. 515.
- 320 Там же. С. 491. О проходящих судах упомянуто в связи с тем, что не было возможности опросить проходящие суда, видели ли они российскую эскадру из Архангельска.
- 321 Из доношения Хметевского в Адмиралтейств-коллегию.
- 322 Там же. С. 493.
- 323 РГА ВМФ, ф. 191, оп. 1, д. 2, л. 211—211 об.
- 324 Там же, ф. 172, оп. 1, д. 243, л. 4 об. — 5. Варианты этого рапорта Мусина-Пушкина и некоторых других документов, связанных с кораблем "Храбрый", опубликованы: Материалы для истории русского флота. Ч. II. С. 503 и др.
- 325 Там же. С. 530—531.
- 326 РГА ВМФ, ф. 172, оп. 1, д. 243, л. 1 об. — 2.
- 327 Там же, л. 2.
- 328 Там же, л. 11.
- 329 Там же, л. 5 об.
- 330 Там же, л. 2.
- 331 Материалы для истории русского флота. Ч. XII. С. 508—509.
- 332 РГА ВМФ, ф. 172, оп. 1, д. 243, л. 10 об.
- 333 Там же, л. 20 об.
- 334 Там же, л. 21—21 об.
- 335 Материалы для истории русского флота. Ч. XII. С. 544. Подробности кораблекрушения "Храброго" и его зимовки в Норвегии см.: РГА ВМФ, ф. 172, д. 411 (О крушении корабля "Храбрый", 1779—1780 гг., л. 457); д. 317 (О зимовке корабля "Храбрый" в Норвегии); д. 350 (По пересылке графа Чернышова ведомостей, табелей служителей и копии с письма русского посла в Копенгагене о спасении с корабля "Храбрый" матросов); д. 318 (1780 г. — О приведении в исправленное состояние корабля "Храбрый" и отправлении его в Россию, л. 13—22, 36—56); д. 350 (Письма графа Чернышова Мусину-Пушкину и др.).
- 336 Список русских военных судов... С. 50—51.
- 337 Общий морской список. Ч. II. С. 275—276.
- 338 РГА ВМФ, ф. 212, оп. 1, д. 173, л. 38 об.
- 339 Российская родословная книга, издаваемая князем Петром Долгоруковым. Ч. II. СПб., 1855. С. 201.
- 340 РГА ВМФ, ф. 172, оп. 1, д. 243, л. 1—21 об.
- 341 Архив СПб. ФИРИ РАН, ф. 36, Воронцовы, оп. 1, д. 477, л. 407—427 об.
- 342 Список русских военных судов... С. 228—229; РГА ВМФ, ф. 212, оп. Канц. II отд., д. 527, 528; ф. 173, д. 221.
- 343 *Быховский И. А.* Архангелогородские корабли. С. 152—153.
- 344 Материалы для истории русского флота. Ч. XII. С. 286.
- 345 Там же. С. 287—288.
- 346 Там же. С. 482—483, 504.
- 347 Там же. С. 518.
- 348 РГА ВМФ, ф. 172, оп. 1, д. 54, л. 11—11 об.
- 349 Там же, л. 12—14.
- 350 Там же, л. 14—14 об.
- 351 Материалы для истории русского флота. Ч. XII. С. 600.
- 352 РГА ВМФ, ф. 172, оп. 1, д. 54, л. 15—15 об.; д. 318, л. 26—30, 120—144.
- 353 Материалы для истории русского флота. Ч. XII. С. 567; РГА ВМФ, ф. 172, д. 170, л. 16.
- 354 РГА ВМФ, ф. 172, оп. 1, д. 55, л. 1—5.
- 355 *Sténuit Robert.* The wreck of the pink Evstafii: A transport of the Imperial Russian Navy, lost of the Shetland in 1780 // The International Journal of Nautical Archaeology and Underwater Exploration. 1976. S. 3. Part I. P. 221—243; S. 4. Part II. P. 317—331.
- 356 Ibid. Part II. P. 226.
- 357 *Sténuit Robert.* A note on a formerly "Unidentified artefact" from the wreck of the Pink Evstafii // The International Journal of Nautical Archaeology and Underwater Exploration. 1990. S. 19. P. 136—137.
- 358 *Grannes Al., Lillehammer Ar., Pettersen Eg.* Documents russes sur la pêche et le commerce russes en Norvège au XVIIIe siècle // Slavica Norvegica, II. Oslo, 1984.
- 359 *Бухаров Д. Н.* Русские в Финмаркене. Ч. I: Меновая торговля. Ч. II: Поморские промыслы в Киберге. СПб., 1883. С. 27—28; *Grannes Al., Lillehammer Ar., Pettersen Eg.* Op. cit. P. 15—17; *Siversten J.* Hammerfest, 1789—1914. Utgitt av Hammerfest kommune, 1973. P. 14—17.
- 360 Русские документы полностью опубликованы в работе: *Grannes Al., Lillehammer Ar., Pettersen Eg.* Op. cit. P. 55—63.
- 361 ГАО, ф. 1, оп. 1, д. 2638, л. 61 об. — 66 об.
- 362 Там же, ф. 396, д. 77, л. 5.
- 363 РГА ВМФ, ф. 330, оп. 1, д. 1711, л. 4.
- 364 Там же, л. 8.
- 365 Там же, л. 11 об., 13, 15, 28.
- 366 Там же, л. 28 об.
- 367 ГАО, ф. 396, д. 77, л. 1; ф. 4, оп. 9, д. 4, л. 1 об., 34.

SUMMARY

The study presented in this two volume monograph is dedicated to the most significant problems of the archaeology and history of Russian Pomorye. It has been difficult to write the closing words to Volume I as so many of the themes raised here have their logical conclusion in the following volume. It is clear that many, if not all, of the issues explored in the authors' work are inseparably linked with the increasing Russian presence in the sub-Arctic and Arctic regions which took place over nearly a millennium; from the initial period of colonisation through the development of industries and technology to the expansion into Siberian territories. The role of this vast, essentially multinational, region in the history of the Russian state organisation and in the cultural heritage of Russia is generally recognised. The authors thus felt it opportune to unite in this monograph, the varied archaeological and documentary material of the region published prior to this as separate articles, to allow a synopsis of research undertaken in Russian Pomorye to be achieved. Volume I begins with a precis of the written documentary sources as the authors believe that the collation of such material provides an essential basis for any further research in the northern territories. However it must be remembered that the written sources presented in this volume are to a certain extent "applied" in character — as they are, first and foremost, connected with specific architectural sites, the problems of urban topography and toponymy, the history of handicrafts in the northern towns and also the development of ship-building and navigation. The scope of the present monograph does not enable each of the documents to be considered in detail; nevertheless, it is hoped that the documents will be beneficial to colleagues in their future research.

The archaeological evidence presented here includes material from cemeteries of the 11th—13th centuries near the mouth of the Varzuga river, on river Tikhmanga, lake Lacha, and near the mouths of the Puya and Pinega rivers, in addition to newly available results of excavations of a burial ground near the Vaga river, not far from the village of Blagoveshchenskoe. The authors' consideration of this material in its entirety has enabled, in some cases, the reconstruction of whole groups of sites to be accomplished (e. g. in the region around Voskresensky Pogost and Blagoveshchenskoe). The archaeological evidence from Zavo-

lochye, such as the cemeteries and villages along waterways and portages, burial grounds on the Tersky Coast, Lacha, Vaga, and Pinega, reveals a highly intricate pattern of colonisation of these territories and the complex ethno-cultural structure of their population. The finds from such sites demonstrate that as early as the 11th and 12th centuries, a distinctly Russian influence appears evident in the culture of these areas, while 12th—13th century sites seem to reflect the beginnings of a more permanent "Russian" settlement. The word "Russian" here is emphasised to illustrate the fact that a historical and cultural community had been formed within this area, differing from the native peoples nearby — Saami and Karelians in the West, and the people of Komi in the East. The authors concur with the view of N. A. Markarov that the appearance of numerous sites with large quantities of indisputably Russian artefacts in Zavolochye, in addition to the changes in the burial rite that began in the 11th century, attest to the arrival of large groups of immigrants.

It must be taken into account that the favourable natural conditions of river system and their tributaries, which facilitated the functioning of portage routes in the directions south/north and west/east, also promoted the considerable mobility of the population. This allowed for its infiltration within the area, thus making indistinct the old ethnic substratum of the region, in contrast with the more ethnically "stable" neighbours of Zavolochye (Saami, Karelians, Komi). The evidence for such mobility is supplemented by information yielded from hoards found in the northern regions of Kem and Archangel. The hoards attest to the close links that existed between the northern territories from Scandinavia to the European Arctic coast as far as Urals. It should be noted that in the 11th century the large-scale appearance of Russian artefacts began in the more remote area of the lower Pechora. The situation here differed, however, as the expansion of Trans-Uralian Nenets in the 13th century interrupted the influx of Russians, the process of colonisation only being resumed in the late 15th century.

The known churches dating to the latter half of the 13th century in the Vaga region would appear to support the existence of an established system of Russian rural settlements. There is a dearth of information regarding settle-

ments of this type, the majority of them being represented by small fortresses. At present, they are the only excavated sites of the 14th–15th centuries in the vast area of the Northern Pomorye. The archaeological evidence at our disposition, including finds of agricultural tools, grain stores and constructions for drying grain, attests to the rural nature of these virtual castles. The fact that they were not ordinary rural settlements is suggested by such high prestige finds as a late 15th-century lead seal, an enkolpion, and a star-shaped spur of a warrior. The urban features which characterised feudal estate centres as such, distinguishing them from common rural settlements, include fortifications; large-scale metalworking, as indicated by iron bloom and slag, and their social structure. The following inferences may be made from the stratigraphic evidence obtained from the excavation of such sites and the 19th century information regarding finds of decorative bronze pieces:

1) A period of earlier activity on most, if not all, such settlement sites dating to the 11th–13th centuries;

2) The establishment of an unfortified rural settlement in the 14th–15th centuries;

3) The subsequent appearance of fortifications made of wood and earth and the transformation of settlements into fortified estates (caused by the aggravation of the political situation, especially in the late 15th century).

The investigation of the fortification system of such boyar's estates reveal the general principles regarding the construction of earthen ramparts; the wooden constructions adjoining the ramparts - "klets" (interior construction) and "tarasas" (outer wooden fortifications); and the fortress walls standing on the latter. It has been concluded that the northern building technique, involving the construction of both stone and wooden fortifications lies entirely within the framework of the military building traditions of the ancient Rus; moreover, evidence from these northern sites has provided additional information, and enriched the knowledge, of these traditions.

The principal factor facilitating the economic upsurge of the region in the late 1400s and early 1500s was related to unusually favourable conditions for internal colonisation: the colonisation of new lands for agriculture and the more intensive use of hunting grounds in the regions on the White Sea coast, in addition to expansion into new, more remote hunting territories. During this period of economic growth, several urban settlements of a new type, known as posads, were founded by the state. The number of inhabitants and the size of the estates were regulated, as was the entire layout and administrative structure of the settlements. The posads exhibited characteristics of urbanism even at this early stage in their history. Their dimensions, with densely spaced estates; a numerous population; complex social structure; widely specialised handicrafts and developed trade are all features which suggest urbanisation. Of course, all the aforementioned traits concern first and foremost, the Kholmogory posads where the new stage of development seems to have incorporated the former settlement pattern, modernising it to form several nuclear posads. This subject is considered in greater detail by the authors in Volume II.

The Kholmogory posad structure, having emerged as an urban agglomeration, also included a town-fortress which is mentioned in the written sources:

"...in 1425 the Ustyuzhians attempted to conquer the Dvina Land, but could not reach Vondokurya and in sign of their guilt they gave 50 000 squirrels and 52 forties of sa-

bles, and with that both parties separated" (The Ustyug Collection of Chronicles, p. 73).

An entry in the introduction of the Chronicle appears to suggest that the town mentioned in the 16th century "in the Spasskaya land belonging to the Church" was earlier than the date previously attributed to it — the second half of the 15th century. As the hegemony of Novgorod waned, the newly formed nuclear posads controlled their own administration, market areas (different for summer and winter) and wharves. The inevitable historical competition between the two different types of settlement, the "old" and the "new" arose (the "old" structure being represented by a group of settlements which had been established for a long period, possessing distinct administrative and ecclesiastical organisation). Kholmogory had retained its structure over two centuries and now competed severely with the newly formed Archangel posad. This rivalry was directed in the first instance to economic contacts with the adjoining agricultural surroundings, and secondly to the main regions of fishing and sea-hunting, especially the mouth of the Dvina river where in the 16th century many of the Kholmogory citizens possessed sea fishing stations. The same population conducted economic activities in the more remote hunting territories — the southern coast of the Kola and Kanin peninsulas, Novaya Zemlya — and also migrated to the Pechora tundras and later to Siberia for fur hunting. This structure functioned well and had been retained for a long period because it was convenient for the internal market of the Moscow state. Although Kholmogory was 80 kilometres away from the sea, the Dvina mouth was situated within the sphere of economic activities of the Dvina population, and the transferral of the centre of this settlement structure nearer to the sea, to the North Dvina mouth, was not found to be a necessity.

Archangel had been creating its new settlement pattern over two centuries, and in the process taking advantage of those successes in the colonisation of the delta that had been attained in the previous period. It seems that such a structure, with Archangel as its centre, was created at the turn of the 17th and 18th centuries. In the states of the Western and Central Europe, especially in those of the Baltic region, a similar change of settlement patterns specifically associated with the sea coast occurred several centuries earlier. In the Moscow state it took place at the turn of the 17th and 18th centuries: Kholmogory — Archangel and Old Ladoga — St.-Petersburg.

In the authors' consideration of the archaeology and history of the Archangel region two aspects are to be explored: 1) the "rural" surroundings of Archangel as a centre of the settlement structure (what aspects of the town had been inherited from the preceding period and what was its own contribution to the formation of its surroundings); 2) the formation of the settlement pattern of Archangel itself. At this stage of the study the authors have focused their attention on the second aspect believing that it would be of greater importance to introduce new information on Archangel into the sphere of scientific consideration and discussion in the context of the "centre and periphery" studies. The beginning of foreign trade via the White Sea routes transformed Archangel into the largest trade and staging post en route to Moscow (via Vologda and Yaroslavl), enhancing the prestige of the region. Archangel was the White Sea port from whence technical innovations, books, and maps were disseminated all over Russia, and where foreign engineers and craftsmen arrived. In a military context, the Archangel port became the third port of im-

portance in the Russian state. The new written sources and the results of archaeological investigation of Russian navy and commercial ships wrecked at Russian and Norwegian coasts, published in the monograph, illustrate stages of the maritime history of Archangel.

The authors discuss general trends in the development of north Russian shipbuilding and seafaring from the early medieval period up to the 19th century, the debate being based on archaeological, iconographical and documentary sources. The analysed material presented in this section of the publication has great potential for future studies of the nautical aspects of cultural development in addition to the consideration of maritime culture in northern Russia in general. The sources facilitate the tracing of the evolution-

ary change of the following spheres of north Russian shipbuilding:

the construction of traditional vessels used for fishing, sub-Arctic and high-Arctic seahunting and local trade, ships used in long distance sea trade, naval vessels used in military operations in the White Sea, northern Atlantic, and the Baltic Sea, illustrating different patterns of development based on local tradition, acceleration initiated by the state apparatus, and the role played by foreign influence*.

* The authors wish to express their gratitude to Jo Dullaghan (Institute of Archaeology, University College London) for her work correcting the sections of the monograph written in English.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ААЭ — Акты, собранные Археографической экспедицией АН в библиотеках и архивах Российской империи
 АЕ — Археографический ежегодник
 АИ — Акты исторические
 АО — Археологические открытия
 АС — Археологический сборник, Археологический съезд
 ВУА — Военно-ученый архив
 ГААО — Гос. Архив Архангельской области
 ГВМА — Гос. Военно-морской архив
 ГВНиП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова
 ГИМ — Гос. Исторический музей
 ДАИ — Дополнение к Актам историческим
 ЖМВД — Журнал Министерства внутренних дел
 ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
 ЗОРСА — Записки Отдела русско-славянской археологии
 ЗРАО — Записки Русского Археологического общества
 ИА РАН — Институт археологии РАН
 ИАК — Известия Имп. Археологической комиссии
 ИАОИРС — Известия Архангельского общества изучения Русского Севера
 ИГАИМК — Известия Гос. Академии истории материальной культуры
 ИИМК РАН — Институт истории материальной культуры РАН
 ИРИО — Известия Русского исторического общества
 КСИА — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР
 КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях ИИМК АН СССР
 ЛЗАК — Летопись занятий Археографической комиссии
 МАВГР — Материалы по археологии Восточных губерний России
 МАР — Материалы по археологии России
 МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
 НЛ — Новгородские летописи
 НПК — Новгородские писцовые книги
 ОАК — Отчеты Археологической комиссии
 ОИПК — Отдел истории первобытной культуры
 ОЛДП — Общество любителей древней письменности
 ПВЛ — Повесть временных лет
 ПКНО — Памятники культуры: Новые открытия
 ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
 РА — Российская археология
 РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
 РГА ВМФ — Российский гос. Архив Военно-Морского Флота
 РГАДА — Российский гос. Архив древних актов
 РГВИА — Российский гос. Военно-исторический архив
 РГИА — Российский гос. Исторический архив
 РИБ — Российская историческая библиотека
 РНБ — Российская национальная библиотека
 РО — рукописный отдел
 СА — Советская археология
 САИ — Свод археологических источников (Археология СССР)
 СКГЭ — Сборник грамот Коллегии экономии
 СПб. ГИА — Санкт-Петербургский гос. Исторический архив
 СПб. ФИРИ РАН — Санкт-Петербургский филиал Института российской истории РАН
 СЭ — Советская этнография
 ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей Российских при Московском университете

В ПЕРВОМ ТОМЕ МОНОГРАФИИ ИСПОЛЬЗОВАНЫ ИЛЛЮСТРАЦИИ ИЗ СЛЕДУЮЩИХ ИЗДАНИЙ:

Адмиралтейские верфи: Корабли и годы, 1904—1925. СПб., 1994.

Герберштейн С. Записки о Московитских делах. СПб., 1908.

Тышинский А. Г. О чудских древностях в Архангельской губернии // Труды I Археологического съезда. Т. II. М., 1871.

Arlov Thor B. Svalbards historie, 1596—1996. Oslo, 1996.

Conway M. No Man's Land: A History of Spitsbergen From its Discovery in 1596 to the Beginning of the Scientific Exploration of the Country. Oslo, 1995.

Kopen D. Omkring lindesnes. Kristiania, 1914.

Molang S. Vår Gamle kystkultur. Bind 1. Oslo, 1985.

Norsk sjøfart. Bind 1. Oslo, 1989.

Rasmussen St. E. København. København, 1974.

Sivertsen J. Hammerfest, 1789—1914. Bergen, 1973.

Trondheims historie, 997—1997. Bind 2. Trondheim, 1997.